

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Згоржельская С.С. Реформационные процессы в России XVIII века и роль идей Феофана Прокоповича в их реализации	6
Инароков И.Р. Профсоюзный механизм реализации права на отдых в советской туристско-курортной политике: историко-правовой аспект	11
Мурин Д.А., Фомина Е.А. Традиционные ценности как консолидирующая и регулятивная основа развития российского общества и государства	15
Олифиренко Е.П. Использование технологий искусственного интеллекта и других цифровых технологий в надзорной деятельности органов прокуратуры: проблемы и перспективы развития	18
Саранцева С.Г. Право, как психологический феномен в эпоху цифровизации и применения инновационных технологий искусственного интеллекта	21
Соколов В.В. Соматические права как предел телеологии права: конкуренция ценностных оснований	24
Ушатов М.В. Онтологические основания разграничения судебной деятельности и правосудия	29

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Белоцеркович Д.В. Конституционные модели формализации солидарности: сравнительно-правовое исследование	32
Власова Е.Л. Административно-правовое регулирование платформенных услуг (каршеринг, доставка, фриланс)	37
Белоцеркович Д.В., Новикова А.Е. Процессуально-инструментальное измерение согласия в конституциях стран Европейского Союза	41
Выгузов А.И. Надзорноконтрольная деятельность Ростехнадзора в рамках рискориентированного подхода	45
Гапонов А.Е. Двойственный финансово-правовой статус цифровой валюты: имущество и валютная ценность как основание двух контрольных режимов	48
Гетманов А.С., Чакилев В.В. Рапорты и справки оперативных сотрудников как доказательства в уголовном судопроизводстве	51
Грибанова А.С. Цифровизация правотворческого процесса как элемент системы государственного управления в условиях цифровой трансформации	54
Демидов Г.К. Конституционно-правовые основы устойчивого развития Российской Федерации: систематизация норм и перспективы совершенствования	58
Дмитриев И.О. Особенности налогообложения физических лиц в государствах - членах ЕАЭС: сравнительно-правовая характеристика ...	63
Иванова Т.А. Искусственный интеллект в механизме налогового контроля: правовая природа и пределы применения	67
Кинаш Ю.Я. Историко-правовой аспект развития государственных ценных бумаг	70
Кочарян А.Ю. Механизмы обеспечения результативности бюджетных расходов: баланс между контрольными функциями и задачами экономического развития	73
Медушенков Ф.В. Право на личную неприкосновенность как комплексная конституционно-правовая категория: двухконтурная модель содержания	77
Постнова М.В. Специализированная миграционная прокуратура как орган надзора за исполнением законодательства по вопросам гражданства Российской Федерации	80
Ручкин Н.С. Трансформация современной российской таможенной в условиях рыночной экономики	83
Ткаченко А.В. Генеральная (основная) функция государства и ее значение в современных реалиях	87

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»
Издатель: ООО «Издательство «КноРус»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500
Подписной индекс Роспечати: 82319

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; Барабанова Светлана Васильевна, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; Бирюков Павел Николаевич, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; Галушкин Александр Александрович, д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор РАО, Российская академия естественных наук; Казачкова Земфира Мухарбиевна, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; Калининченко Пауль Алексеевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Кожанков Антон Юрьевич, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); Липатов Эдуард Георгиевич, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Липски Станислав Андреевич, д-р экон. наук, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК); Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Махтаев Махтай Шапиевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Мещерякова Ольга Михайловна, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Панченко Владислав Юрьевич, д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Рузакова Ольга Александровна, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Сангаджиев Бадма Владимирович, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Степанян Армен Жоресович, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Цареградская Юлия Константиновна, д-р юрид. наук, доц., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия; Четвериков Артем Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чихладзе Леван Теймуразович, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; Шохин Сергей Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Щукина Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; Скитович Виктор Викторович, доктор юридических наук, проф., проф. Кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Джинджолия Рауль Сергеевич, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; Стойко Николай Геннадьевич, д-р юрид. наук, проф., проф. Кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.08.2026

Цена свободная
Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Чепис Д.С. Конституционно-правовые аспекты информированного согласия и договорных конструкций в программах вспомогательных репродуктивных технологий.....	90
Чешин А.В. Проблемы достоверности и допустимости доказательств, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, в гражданском и арбитражном процессе	94
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	
Абдуллатипов Р.М. Прямой договор как специальная договорная конструкция.....	98
Апоревиц В.Н. Реформирование профессиональных союзов в России: правовые и социальные перспективы.....	103
Бапинаева М.М. Доверительное управление долей в обществе с ограниченной ответственностью как мера охраны наследственного имущества.....	106
Бережной Н.С. Правовой анализ специальных статусов высокотехнологичных компаний в Российской Федерации: коллизии, реформа 2026 года.....	110
Берман Н.Д. Актуальные проблемы правового регулирования договора автомобильной перевозки грузов в РФ.....	114
Бондарчук А.А. Гражданско-правовые пределы отказа нотариуса в совершении нотариального действия при риске легализации доходов, полученных преступным путём.....	118
Будаков Т.А. Внесудебное банкротство граждан как процедура с ослабленным конституционным контролем (гарантии добросовестности, уведомления кредиторов и учета семейного фактора).....	123
Виноградова И.В., Березина М.Г. Совершенствование административных процедур в деятельности полиции как условие повышения доверия граждан к органам внутренних дел.....	127
Будаков Т.А. Четырехрежимная модель дифференциации последствий банкротства гражданина: добросовестность, злоупотребление правом и пределы отказа в освобождении от обязательств.....	130
Воронцов Е.А. Проблемы создания международной системы патентования селекционных достижений.....	135
Герц А.М. Институт банкротства как пространство публичного интереса. Пределы прокурорского вмешательства в делах о несостоятельности.....	139
Дальхеев А.А. Прекращение правового статуса единой теплоснабжающей организации: частный и публичный аспекты.....	143
Герц А.М. Роль прокурора в обособленных спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве.....	145
Ершов А.А. Защита свободы договора от экстерриториального санкционного воздействия: исключительная компетенция российских судов, антиисковые запреты и оговорка о публичном порядке.....	149
Жданова Е.Н. К вопросу о взаимосвязи института корпорации, класса бюргерства и доктрины протестантизма.....	151
Загорских С.А. Презумпции и фикции в механизме осуществления семейных прав.....	154
Звечаровская Е.И. Механизмы и эволюция применения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ в трансграничных спорах в российской судебной практике.....	158
Золин И.Ю. Классификация убытков, причиняемых арбитражным управляющим в деле о банкротстве.....	162
Ивахник М.А. Правовое регулирование сделок в АО в условиях цифровизации.....	166
Бехтев А.В., Касырова Н.М. Расчет размера компенсации за нарушение исключительного права на основе лицензионного договора: проблемы судебной практики и пути преодоления.....	169
Квитко С.А. Арбитрабельность споров, связанных с криптовалютой и цифровыми активами.....	173
Кикавец В.В. Манифест о национальных публичных производственных синдикатах.....	176
Кузнецов В.М. Особенности взаимодействия авторов музыкальных произведений и аккредитованных организаций по коллективному управлению правами (РАО и ВОИС).....	179
Лунев Н.В. Гармонизация законодательства о трансграничном банкротстве в ЕАЭС: анализ текущего состояния и перспективы развития.....	183
Молчанов Е.В. Исторические предпосылки детерминации доходной деятельности граждан.....	186

Надеин И.И. Формирование международного режима ответственности морского перевозчика: от национальных моделей к гаагским правилам.....	189
Ованесов Б.К. Проблема квалификации явно обременительного условия договора, заключенного между субъектами предпринимательской деятельности.....	194
Павлов Д.В. Правовые требования к идентификации кредитных организаций в рекламе банковских услуг.....	199
Пестов М.М. Исполнение обязательства третьим лицом: исторический анализ.....	202
Полидорский П.А. Понятие договорных преимуществ в концепции Limitation on Benefits в СИДН.....	206
Сергиенко В.И. Иммерсивные технологии: история появления и актуальные вопросы в контексте права интеллектуальной собственности.....	209
Соловьёв А.А. Эволюция регламентации этических основ поведения судей Французской Республики во внесудебной деятельности.....	212
Тарасов Р.Д. Расширение диспозитивности регулирования порядка выплаты ДСД через призму законодательных изменений.....	216
Федоренко К.А. Правовое положение безнадзорных животных в Российской Федерации: вопросы теории и практики.....	218
Филиппова Е.В. Особенности невестребованных (выморочных) земельных долей в составе бесхозяйного недвижимого имущества с 2025 года.....	223
Чернухов А.В. Правовая природа и условия применения антиисковых запретов по санкционным спорам (статья 248.2 АПК РФ).....	227
Шафеева Э.И., Комиссаров А.В., Ишбулатов М.Г., Турганбаев Т.А. Эффективная реализации программы «комплексное развитие сельских территорий» с использованием цифровых технологий.....	231
Чернухов А.В. Статья 248.1 АПК РФ: презюмировать или не презюмировать.....	233
Эмеров М.Ю. Чрезвычайный арбитраж в Китае: состояние и возможность применения его практики в России.....	237
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
Архипова А.И. Проблемы квалификации организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.....	241
Багуцкий Н.В., Дадаева Ю.В. К вопросу о необходимости расширения перечняотягчающих обстоятельств в уголовном праве Российской Федерации.....	244
Балашов Е.А. Категория уголовного проступка в российском уголовном праве: проблемы законодательного закрепления и разграничения с административным правонарушением.....	248
Годунов А.И. Адвокатская тайна как гарантия права на защиту: пределы допустимого вмешательства в профессиональную деятельность адвоката.....	251
Голоухов А.А. Модели криминализации деяний, совершаемых с использованием технологий глубинного синтеза: сравнительно-правовое исследование.....	255
Дубровцев С.А. Процессуальные фильтры допуска доказательственной информации к восприятию коллегии присяжных заседателей: понятие, назначение и система.....	259
Дулдуев Р.А. Решения суда апелляционной инстанции по итогам проверки приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей.....	263
Емельяненко А.В. Объект и предмет судебной налоговой экспертизы в контексте ее дифференциации на современном этапе развития.....	267
Дулдуев Р.А. Специфика требований к приговору, постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей.....	271
Зашляпин Л.А. Эволюция процессуального положения врача в освидетельствовании.....	275
Корниенко Ю.С. Целенаправленное повествование как механизм формирования радикальных установок в цифровой среде: криминологический анализ.....	279
Крюков А.В. Проблемы квалификации сбыта фальшивых денежных купюр.....	282
Мезенева М.А. Применение мер пробации в отношении несовершеннолетних в РФ.....	284
Орлов И.И. Уклонение от призыва на военную службу: проблемы уголовно-правовой оценки.....	289

<i>Осипов М.С.</i> Место неправомерного оборота средств платежей с вовлечение подставных лиц в системе экономических преступлений согласно уголовному законодательству РФ	292
<i>Платицына И.А.</i> Влияние стресса и психофизиологических особенностей мигрантов на склонность к насильственным действиям	297
<i>Савенков Ю.В.</i> Социальная сущность вины как уголовно-правового принципа: теоретико-правовой анализ	300
<i>Сика А.М.</i> Причины и предупреждение делинквентного поведения осужденных к принудительным работам	304
<i>Соболев Н.Г.</i> Рецидивная преступность среди ранее судимых женщин: системный характер детерминант и пути преодоления	307
<i>Сонина М.С.</i> Уровень, структура и динамика насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых несовершеннолетними, в Российской Федерации с 2016 по 2026 гг.	309
<i>Сопова Н.И.</i> Предупреждение уголовных преступлений в сфере государственных закупок	315
<i>Царькова Е.Г.</i> Диалоговые интеллектуальные системы в деятельности службы пробации ФСИН России: преимущества и правовые пределы применения	318
<i>Цыпиногова Ю.А.</i> Психологический подход мошенников к потерпевшему для получения денежных средств	321
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Алексеев Р.К.</i> Анализ правовых последствий выхода России из ведущих международных конвенций для конституционно-правового статуса гражданина	324
<i>Алльслум Майс.</i> Роль международных организаций и иностранных государств в правовом поле урегулирования сирийского вооруженного конфликта	329
<i>Галиуллина Г.Т.</i> К вопросу о нормативном закреплении судебного прецедента в романо-германских правовых порядках	333
<i>Алльслум Майс.</i> Соотношение принципа невмешательства и доктрины гуманитарной интервенции в контексте вооруженного конфликта в Сирии	336
<i>Гальперина М.Г.</i> Последствия Brexit: правовое регулирование миграции в Великобритании в настоящее время	339
<i>Гао Гэ, Ван Чжо.</i> Принцип автономии воли сторон при разрешении международных гражданских споров в цифровую эпоху	344
<i>Зольникова Ю.И., Микрина В.Г.</i> Правовые основы финансового мониторинга в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительный анализ и направления совершенствования российского законодательства	347
<i>Нигамадзянов М.М.</i> Односторонние ограничительные меры и контрмеры: проблема разграничения	351
<i>Огнева К.О.</i> Особенности защиты избирательных прав граждан Аргентины в судебном порядке	354
<i>Рутберг К.Б.</i> Наследство без границ в трансграничных отношениях	356
<i>Самодуров И.В.</i> Международно-правовое регулирование санкционных механизмов Африканского союза и ЭКОВАС при неконституционных сменах власти	359
<i>Скрыль А.М.</i> Правовые проблемы реализации социального партнёрства в сфере дистанционной занятости в России и Испании	363
<i>Соболев Ю.М.</i> Должная осмотрительность как основа формирования единого правового пространства ЕАЭС в сфере искусственного интеллекта	367
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА	
<i>Ахьядов И.И.</i> Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: теория правового регулирования	370

<i>Ветрова Ю.С.</i> Обеспечительный платеж как способ обеспечения обязательств: ограничение от задатка и аванса	374
<i>Кочарян К.С.</i> Социальные предпосылки установления уголовной ответственности за незаконное обогащение в Республике Армения	377
<i>Пузанов И.А.</i> От изъятия принципа исчерпания к изъятию мер защиты: «перечневый» механизм параллельного импорта и обязательства России в Евразийском экономическом союзе	380
<i>Тюняева Т.С., Брызгалов И.А., Загайнов М.Р.</i> Правовая модель использования смарт-контрактов для фиксации согласия супруга на распоряжение совместной недвижимостью	383
<i>Филатов М.Е.</i> Коллизионные аспекты пространственной юрисдикции в цифровой среде	387
<i>Ющенко А.С.</i> Соотношение категорий намерения и заинтересованности в использовании товарного знака в российском праве	390
<i>Алексеев Ю.А.</i> К вопросу о мотивации в механизме совершения преступлений, нарушающих права на результаты интеллектуальной деятельности	393
<i>Босых А.И., Дьяченко Е.М.</i> Нарушение публичного порядка как основание отмены решения третейского суда	396
<i>Валюлин Р.Р.</i> Подзаконное регулирование процессуальных издержек в уголовном процессе: роль постановлений Правительства Российской Федерации	399
<i>Жиков М.В.</i> Правовые ценности современной России: теоретико-прикладные проблемы исследования	403
<i>Иванова В.И.</i> Нормативно-правовое регулирование внешнеторговой политики как инструмент обеспечения экономической безопасности Российской Федерации	407
<i>Наумов В.В.</i> К вопросу об уголовной ответственности за нарушение правил землепользования по законодательству Китайской Народной Республики (ст. 342 УК Китая)	411
<i>Пархоменко А.А.</i> Правовые основы гранта в России	415
<i>Ревина В.В., Пахолкова О.Н., Давыдов М.Ш.</i> Уголовное законодательство в сфере кибербезопасности: текущее состояние и перспективы развития	418
<i>Сафина А.В.</i> Использование искусственного интеллекта для поиска релевантной судебной практики как средство проверки защитных версий по уголовным делам	423
<i>Соболев Н.Г.</i> Особенности мотивационной сферы несовершеннолетних осужденных, состоящих на профилактическом учете в воспитательной колонии	427
<i>Титов Е.В.</i> Владение «как своим» и добросовестность в контексте постановления Конституционного Суда РФ от 28 мая 2026 г. № 35-П ...	430
<i>Холмова Е.Г., Чупина А.М.</i> К вопросу о балансе охраняемых законом интересов правообладателей и лиц, нарушивших исключительное право	433
<i>Шулындин Л.С.</i> Организационно-правовые механизмы формирования стратегического партнерства в системе государственного управления высшим образованием	436
<i>Щедрин Г.А.</i> Инвестиционное обязательство международной компании: обязательство без кредитора и без санкции	439
<i>Балашов Е.В., Шорохова А.А.</i> Управление земельными ресурсами с учетом принципа эстоппель в земельном праве	443
<i>Царькова Е.Г.</i> Диалоговые интеллектуальные системы в службе пробации ФСИН России: правовые принципы, функциональные контуры и пределы алгоритмической автономии	446
<i>Черных Д.С.</i> Правовое регулирование государственного управления: публично-правовые аспекты	449

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Zgorzhelskaya S.S.</i> Reformation Processes in 18th-Century Russia and the Role of Feofan Prokopovich's Ideas in Their Implementation	6
<i>Inarokov I.R.</i> Trade Union Mechanism for the Implementation of the Right to Rest in Soviet Tourism and Spa-Resort Policy: A Historical and Legal Aspect	11
<i>Murin D.A., Fomina E.A.</i> Traditional values as a consolidating and regulatory basis for the development of Russian society and state	15
<i>Olifirenko E.P.</i> The use of artificial intelligence and other digital technologies in the supervisory activities of the prosecutor's office: problems and prospects for development	18
<i>Sarantseva S.G.</i> Law as a psychological phenomenon in the era of digitalization and the application of innovative artificial intelligence technologies....	21
<i>Sokolov V.V.</i> Somatic rights as the limit of the teleology of law: competition of value bases	24
<i>Ushatov M.V.</i> Ontological foundations for the distinction between judicial activity and justice	29

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Belotserkovich D.V.</i> Constitutional models of solidarity formalization: a comparative legal study	32
<i>Vlasova E.L.</i> Administrative and legal regulation of platform services (car-sharing, delivery, freelance).....	37
<i>Belotserkovich D.V., Novikova A.E.</i> The procedural and instrumental dimension of consent in the constitutions of the European Union Countries.....	41
<i>Vyguzov A.I.</i> Supervisory and control activities of Rostekhnadzor within the framework of a risk-oriented approach	45
<i>Gaponov A.E.</i> Dual financial and legal status of digital currency: property and currency value as the basis for two control regimes.....	48
<i>Getmanov A.S., Chakilev V.V.</i> Reports and certificates from operational officers as evidence in criminal proceedings	51
<i>Gribanova A.S.</i> Digitalization of the lawmaking process as an element of the public administration system in the context of digital transformation	54
<i>Demidov G.K.</i> Constitutional and legal foundations of sustainable development of the Russian Federation: systematization of norms and prospects for improvement.....	58
<i>Dmitriev I.O.</i> Peculiarities of taxation of individuals in the EAEU Member States: comparative legal characteristics.....	63
<i>Ivanova T.</i> Artificial intelligence in the tax control mechanism: legal nature and limits of application	67
<i>Kinash Yu.Ya.</i> Historical and Legal Aspects of the Development of Government Securities	70
<i>Kocharyan A.Yu.</i> Mechanisms for ensuring the effectiveness of budget expenditures: balancing control functions and economic development goals	73
<i>Medushenkov F.V.</i> The Right to Personal Inviolability as a Complex Constitutional-Legal Category: A Dual-Circuit Model of Content	77
<i>Postnova M.V.</i> Specialized Migration Prosecutor's Office as a Supervisory Body for the Implementation of Russian Federation Citizenship Legislation.....	80
<i>Ruchkin N.S.</i> Transformation of modern Russian customs in a market economy	83
<i>Tkachenko A.V.</i> The general (main) function of the state and its significance in modern realities.....	87
<i>Chepis D.S.</i> Constitutional and legal aspects of informed consent and contractual structures in assisted reproductive technology programs.....	90
<i>Cheshin A.V.</i> Problems of reliability and admissibility of evidence obtained using artificial intelligence technologies in civil and arbitration proceedings	94

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Abdullatipov R.M.</i> Direct contract as a special contractual structure.....	98
<i>Aporevich V.N.</i> Reforming trade unions in Russia: legal and social perspectives...	103
<i>Bapinaeva M.M.</i> Trust management of shares in a limited liability company as a measure of protection of hereditary property	106
<i>Berezhnoi N.S.</i> Legal analysis of the special status of high-tech companies in the Russian Federation: conflicts, reform in 2026	110
<i>Berman N.D.</i> Current issues in the legal regulation of contracts for the cargo transportation by road in the Russian Federation	114
<i>Bondarchuk A.A.</i> Civil law limits of a notary's refusal to perform a notarial act in case of risk of laundering proceeds of crime	118
<i>Budakov T.A.</i> Extrajudicial bankruptcy of individuals as a procedure with weakened constitutional oversight (guarantees of good faith, notification of creditors, and consideration of family factors)	123
<i>Vinogradova I.V., Berezina M.G.</i> Improving administrative procedures in police activities as a condition for increasing citizen trust in law enforcement agencies.....	127

<i>Budakov T.A.</i> A four-regime model for differentiating the consequences of a citizen's bankruptcy: good faith, abuse of rights, and limits of refusal to release from obligations	130
<i>Vorontsov E.A.</i> Problems of creating an international system for patenting selection achievements.....	135
<i>Gerts A.M.</i> Bankruptcy as a space of public interest. Limits of prosecutorial intervention in insolvency cases	139
<i>Dalkheev A.A.</i> Termination of the legal status of a single heat supply organization: private and public aspects.....	143
<i>Gerts A.M.</i> Bankruptcy as a space of public interest. Limits of prosecutorial intervention in insolvency cases	145
<i>Ershov A.A.</i> Protection of freedom of contract against extraterritorial sanctions: exclusive jurisdiction of Russian courts, anti-suit injunctions and the public policy clause.....	149
<i>Zhdanova E.N.</i> On the relationship between the institution of the corporation, the bourgeois class, and the doctrine of Protestantism.....	151
<i>Zagorskikh S.A.</i> Presumptions and Fictions in the Mechanism of Family Rights Enforcement	154
<i>Zvecharovskaya E.I.</i> Mechanisms and Evolution of the Application of Articles 248.1 and 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in Cross-Border Disputes in Russian Judicial Practice	158
<i>Zolin I.Yu.</i> Classification of Damages Caused by an Insolvency Administrator in Bankruptcy Proceedings.....	162
<i>Ivakhnik M.A.</i> Legal regulation of transactions in joint-stock companies in the context of digitalization.....	166
<i>Bekhtev A.V., Kasyrova N.M.</i> Calculating the amount of compensation for infringement of an exclusive right under a licence agreement: issues in case law and ways to address them.....	169
<i>Kvitko S.A.</i> Arbitrability of Disputes Related to Cryptocurrency and Digital Assets	173
<i>Kikavets V.V.</i> Manifesto on National Public Production Syndicates	176
<i>Kuznetsov V.M.</i> Interaction between Musical Authors and Accredited Collective Rights Management Organizations (RAO and VOIS)	179
<i>Lunev N.V.</i> Harmonization of legislation on cross-border bankruptcy in the EAEU: analysis of the current state and development prospects	183
<i>Molchanov E.V.</i> Historical background of determining citizens' income-generating activities.....	186
<i>Nadein I.</i> The development of an international maritime carrier liability regime: from national models to the Hague Rules	189
<i>Ovanesov B.</i> The problem of qualifying a manifestly onerous term in a contract between business entities	194
<i>Pavlov D.V.</i> Legal requirements for the identification of credit organizations in banking services advertising	199
<i>Pestov M.M.</i> Performance of an obligation by a third party: historical analysis	202
<i>Polidorsky P.A.</i> The concept of contractual advantages in the Limitation on Benefits concept in DTTs	206
<i>Sergienko V.I.</i> Immersive technologies: history of emergence and current issues in intellectual property law	209
<i>Solovyev A.A.</i> Evolution of the Regulation of Ethical Foundations for the Extrajudicial Activity of Judges in the French Republic.....	212
<i>Tarasov R.D.</i> Expanding the scope of discretionary regulation of the VAT payment procedure through the lens of legislative changes.....	216
<i>Fedorenko K.A.</i> Legal Status of Stray Animals in the Russian Federation: Theoretical and Practical Issues	218
<i>Filippova E.</i> Ownership duration and unauthorized construction when considered unowned real estate	223
<i>Chernoukhov A.V.</i> legal nature and terms of application of anti-suit injunctions in sanctions disputes (Article 248.2 APC RF)	227
<i>Shafeeva E.I., Komissarov A.V., Ishbulatov M.G., Turganbaev T.A.</i> Effective implementation of the «Integrated Rural Development» program using digital technologies	231
<i>Chernoukhov A.V.</i> Article 248.1 APC RF: to presume, or not to presume	233
<i>Emerov M.Yu.</i> Emergency arbitration in China: status and possibility of applying its practice in Russia	237

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Arkhypova A.I.</i> Organizing activities directed at encouraging suicide: issues of legal classification and application	241
<i>Bagutsky N.V., Dadaeva Yu.V.</i> On the need to expand the list of aggravating circumstances in the criminal law of the Russian Federation	244
<i>Balashov E.A.</i> Category of criminal misconduct in Russian criminal law: problems of legislative consolidation and distinction from administrative offence. 248	

<i>Godunov A.I.</i> Attorney-client privilege as a guarantee of the right to defense: limits of permissible interference in attorney's professional activity	251
<i>Goloukhov A.A.</i> Models of Criminalisation of Acts Committed with the Use of Deep Synthesis Technologies: A Comparative Legal Study.....	255
<i>Dubrovtshev S.A.</i> Procedural filters governing the admission of evidentiary information for jury consideration: concept, purpose and system.....	259
<i>Dulduyev R.A.</i> Decisions of the court of appeal following the review of a judgment based on a jury verdict.....	263
<i>Emelyanenko A.V.</i> The object and subject of judicial tax expertise in the context of its differentiation at the current stage of development.....	267
<i>Dulduyev R.A.</i> Specific requirements for a judgment based on a jury verdict	271
<i>Zashlyapin L.A.</i> The evolution of the doctor's procedural role in examinations.....	275
<i>Kornienko Yu.S.</i> Targeted Narrative as a Mechanism for the Formation of Radical Attitudes in the Digital Environment: A Criminological Analysis.....	279
<i>Kryukov A.W.</i> Problems of qualification for the sale of counterfeit banknotes	282
<i>Mezenova M.A.</i> Application of trial measures against minors in the Russian Federation	284
<i>Orlov I.I.</i> Evasion of conscription for military service: problems of criminal-law assessment.....	289
<i>Osipov M.S.</i> The place of illegal turnover of funds of payments with the involvement of front persons in the system of economic crimes according to the criminal legislation of the Russian Federation.....	292
<i>Platitsyna I.A.</i> The impact of stress and psychophysiological characteristics of migrants on their propensity for violent behavior	297
<i>Savenkov Iu. V.</i> The social essence of guilt as a criminal law principle: a theoretical and legal analysis	300
<i>Sika A.M.</i> Causes and prevention of delinquent behavior among convicts sentenced to compulsory labor.....	304
<i>Sobolev N.G.</i> Recidivism among Women with Previously Convicted Offenders: The Systemic Nature of Determinants and Ways to Overcome It.....	307
<i>Sonina M.S.</i> The level, structure, and dynamics of violent crimes against life and health committed by minors in the Russian Federation from 2016 to 2026.....	309
<i>Sopova N.I.</i> Prevention of criminal offences in the field of public procurement	315
<i>Tsarkova E.G.</i> Dialogue intelligent systems in the activities of the probation service of the Russian federal penitentiary service: advantages and legal limits of application	318
<i>Tsypinogova Yu.A.</i> Psychological approach of scammers to the victim in order to receive money	321

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Alekseev R.K.</i> Analysis of the legal consequences of Russia's withdrawal from the leading international conventions for the constitutional and legal status of a citizen.....	324
<i>Alsalloum Mays.</i> The role of international organizations and foreign states in the legal framework for resolving the Syrian armed conflict.....	329
<i>Galiullina G.T.</i> On the issue of the normative consolidation of judicial precedent in the Romano-German legal systems	333
<i>Alsalloum Mays.</i> The Relationship between the Principle of Non-Intervention and the Doctrine of Humanitarian Intervention in the Context of the Armed Conflict in Syria.....	336
<i>Gal'perina M.G.</i> The consequences of Brexit: the current legal regulation of migration in the UK	339
<i>Gao Ge, Wang Zhuo.</i> The principle of party autonomy in resolving international civil disputes in the digital era.....	344
<i>Zolnikova Yu.I., Mikrina V.G.</i> Legal framework of financial monitoring in the Russian Federation and the People's Republic of China: comparative analysis and directions for improving Russian legislation.....	347
<i>Nigamadzyanov M.M.</i> Unilateral restrictive measures and countermeasures: the problem of distinction.....	351
<i>Ogneva K.O.</i> Peculiarities of protecting the electoral rights of citizens of Argentina	354

<i>Rutberg K.B.</i> Inheritance without Borders in Cross-Border Relations.....	356
<i>Samodurov I.V.</i> International legal regulation of sanctions mechanisms of the African Union and ECOWAS in case of unconstitutional changes of power	359
<i>Skryl A.M.</i> Legal problems of implementing social partnership in the field of remote employment in Russia and Spain	363
<i>Sobolev Yu.M.</i> Due Diligence as the Foundation of a Common Legal Space of the EAEU in the Field of Artificial Intelligence	367

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Akhyadov I.I.</i> Assessing the Performance of Local Governments: Theory of Legal Regulation	370
<i>Vetrova Y.S.</i> Security payment as a means of securing obligations: distinction from earnest money and advance payment	374
<i>Kocharyan K.S.</i> Social basis of the Criminalization of Illicit Enrichment in the Republic of Armenia	377
<i>Puzanov I.A.</i> From disapplying the exhaustion principle to disapplying remedies: the "list-based" parallel import mechanism and Russia's obligations in the Eurasian Economic Union.....	380
<i>Tyunyaeva T.S., Bryzgalin I.A., Zagaynov M.R.</i> A legal model for using smart contracts to record a spouse's consent to the disposal of joint property	383
<i>Filatov M.E.</i> Conflict aspects of spatial jurisdiction in the digital environment	387
<i>Yushchenko A.S.</i> Correlation between the Concepts of Intent to Use and Legitimate Interest in Trademark Use under Russian Law	390
<i>Alekseev Yu.A.</i> On the issue of motivation in the mechanism of committing crimes that violate intellectual property rights.....	393
<i>Bosykh A.I., Dyachenko E.M.</i> Violation of Public order as grounds for setting aside an arbitral award.....	396
<i>Valyulin R.R.</i> Subordinate Regulation of Procedural Costs in Criminal Proceedings: the Role of Resolutions of the Government of the Russian Federation	399
<i>Zhikov M.V.</i> Legal values of modern Russia: theoretical and applied problems of research.....	403
<i>Ivanova V.I.</i> Regulatory and legal regiment of foreign trade policy as a tool for ensuring the economic security of the Russian Federation.....	407
<i>Naumov V.V.</i> On some features of criminal liability for violation of land use rules under the legislation of the people's Republic of China (article 342 of the Criminal code of China)	411
<i>Parkhomenko A.A.</i> Legal Framework for Grants in Russia	415
<i>Revina V.V., Pakholkova O.N., Davydov M.</i> Criminal legislation in the field of cybersecurity: current state and development prospects.....	418
<i>Safina A.V.</i> Using artificial intelligence to search for relevant case law as a means of testing defense theories in criminal cases.....	423
<i>Sobolev N.G.</i> Features of the motivational sphere of juvenile convicts registered for preventive purposes in a correctional colony	427
<i>Titov E.V.</i> Ownership «as if it were one's own» and good faith in the context of the Constitutional Court of the Russian Federation's Decision of May 28, 2026, № 35-P	430
<i>Kholmova E.G., Chupina A.M.</i> On the Balance of Legally Protected Interests of Copyright Holders and Those Who Infringe Their Exclusive Rights	433
<i>Shulyndin L.S.</i> Organizational and legal mechanisms for building strategic partnerships in public governance of higher education	436
<i>Shchedrin G.A.</i> The investment obligation of an international company: an obligation without a creditor and without a sanction	439
<i>Balashov E.V., Shorokhova A.A.</i> Land management based on the principle of estoppel in land law	443
<i>Tsarkova E.G.</i> Dialogue intelligent systems in the probation service of the Federal penitentiary service of Russia: legal principles, functional contours, and limits of algorithmic autonomy	446
<i>Chernykh D.S.</i> Legal regulation of public administration: public law aspects	449

Реформационные процессы в России XVIII века и роль идей Феофана Прокоповича в их реализации

Згоржельская Светлана Сергеевна,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства, права и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: nirs_raj@mail.ru

В статье рассматриваются проблема существования и содержания реформационных преобразований в России, роль и место Феофана Прокоповича в формировании идеологии русской реформации и последствия реализации этих идей для трансформации взаимоотношений государства и церкви в XVIII в.

Проводится сравнительный анализ реформации в Европе и России, выделяются общие черты. Исследуется диалектическая связь политико-правовой доктрины абсолютизма и светского мировоззрения, сформировавшихся в России начала XVIII века под влиянием деятельности Ф. Прокоповича, и реформационных преобразований Петра I.

По результатам исследования сформулирован вывод о том, что церковная реформа первой четверти XVIII в. завершает реформационный процесс в России, формируя новое соотношение светской и теократической власти.

Ключевые слова: реформация, политико-правовая доктрина, гуманистическое сознание, Ф. Прокопович, абсолютизм.

Гипотеза

Выдвигается гипотеза о наличии в России собственного варианта реформации, отличного от европейского по причинам возникновения и способам реализации, но схожего по глубинному содержанию и последствиям.

Методы

В процессе работы над статьей использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, обобщение) и специальные методы историко-правовых наук (конкретно-исторический, историко-генетический, историко-сравнительный).

Введение

Проблема существования и содержания реформационных преобразований в России до сих пор не имеет однозначного решения в научной литературе.

К XV в. основными христианскими церквями, сосуществовавшими в Европе, были католическая и православная. Несомненно, христианские церкви имели общие корни, но позволяет ли это ставить вопрос о распространении глобальных процессов, имевших место в европейском католицизме, на православную церковь? Или каждая из них развивалась своим путем, и, Реформация, прошедшая в Европе, является стадией развития, присущей исключительно католицизму?

Оценка европейской христианской цивилизации периода Средневековья до сих пор не является единой. Закрепившиеся в 380 г. в качестве государственной религии христианство прошло длинный путь в своем развитии¹. Уже на раннем этапе выделились древневосточные православные церкви, ассирийская церковь востока, и, развивавшийся веками кризис взаимоотношений папства и константинопольского патриархата, окончился в 1054 г. расколом церквей на римско-католическую и православную. С другой стороны, всё позднее средневековье, по крайней мере, до падения Константинополя в 1453 г., предпринимались попытки воссоединения церквей, самой известной из которых является подписание Флорентийской Унии. В результате, в рамках христианства возникло несколько ответвлений, имеющих существенные различия не только в вопросах догмата веры и обрядов, но и в развитии взаимоотношений церкви и государства. Европейский католицизм, отталкиваясь от трудов Фомы Аквинского, определил примат теократии над светской властью, а византийское православие сформулировало теорию симфонического единства светской и духовной власти. Российская цивилизация, унаследовав традиции Византийской империи тем не менее прошла свой индивидуальный путь становления взаимоотношений государства и церкви, и, на определенном этапе так же столкнулась с необходимостью и востребованностью реформационных преобразований в этой сфере.

Таким образом **целью** данного исследования является определение уникальных особенностей реформационных процессов в России: содержания, проявлений и последствий.

Анализ представляется актуальным, так как классическая концепция распространяет явление Реформации только на европейский опыт, практически не исследуя процессы, происходившие в отечественной истории.

Литературный обзор

Основой многих отечественных современных исследований этой проблемы служит точка зрения М.Н. Покровского: «Принято говорить, что у нас в России не было реформации. Это, конечно верно, если понимать под реформацией народное движение масштаба германского XVI в., или английского XVII в. Но это не мешает тому, что у нас были и существуют протестантские секты, был и существует народный русский протестантизм.» [Покровский М.Н., 1924, с. 237]. Спор между М.Н. Покровским и Н.М. Никольским [Покровский М.Н., 1924, Никольский Н.М. 1985], признававших сам факт существования реформационных движений и определявших их как разновидность ересей, велся только по вопросу

¹ 27.02. 380 года восточноримский император Феодосий I совместно с западноримским императором Валентинианом II подписал в Салониках эдикт о вере, провозгласивший христианство государственной религией и запретивший отправление языческих обрядов.

времени их возникновения. К их точке зрения примыкают В.И. Буганов, полагающий, что «Россия, не зная реформации, тем не менее видела движения антицерковного протеста т.е. реформационного типа» [Буганов В.И., 1977, с. 264] и А.И. Клибанов [Клибанов А.И., 1960, 1965], считающий, что русские реформационные движения являлись религиозной формой феодальных движений.

Этот подход сохранился и в XXI веке, например, в работах С.А. Исаева [Исаев С.А., 2018, с. 101–125, Исаев С.А., 2019, с. С. 213–233], исследовавшего феномен Реформации в Европе, в работах Седова П.В. [Седов П.В., 2017], утверждавшего, что условий для Реформации в России не было. Однако, выдвигалась и альтернативная точка зрения, в том числе В.П. Евланниковым и Г.Е. Евланниковой [Евланников В.П., Евланникова Г.Е., 2007, с. 221–223], а также Л.Н. Митрохиным [Митрохин Л.Н., 1998, с. 219–230], ставивших вопрос о наличии у нас реформационных процессов, сходных с европейскими, и высказывавшими предположение о том, что в России прослеживаются некоторые элементы Реформации. Однако, проводя анализ антиклерикальных настроений, данные исследователи утверждают, что реформация в России имела вид ересей и сектантских движений и протекала в те же сроки, что и европейская, а, по версии некоторых авторов, могла и опережать.

Исследователи подчеркивают также сходство идей, касающихся переустройства внутреннего устройства церкви, создания и отделения национальных церквей от Рима, схожести и различий трансформации классических христианских догм, свойственных реформаторам всех стран.

Обсуждение проблемы

Реформация в научной литературе часто определяется как исключительное антиклерикальное движение, ограниченное хронологическими рамками XVI–XVII вв., и территориально рамками Европы.

Однако, термин «реформация» возник намного раньше, в XV веке и им определяли в широком смысле любые государственные и общественные преобразования. «Например, в Германии, перед началом реформационного движения, были в большом ходу проекты подобных преобразований, носившие названия «Реформация Сигизмунда», «Реформация Фридриха III»¹.

Политические, культурные и социальные аспекты реформации стали изучаться намного позже, в XIX веке, немецкими учеными. Классическим примером может служить труд Леопольда фон Ранке «Немецкая история в эпоху Реформации» 1839–1847 гг.

Энциклопедический словарь «Христианство» выделяет три группы причин реформации:

- внутреннее церковное обновление, породившее движение по созданию новых церквей и переосмыслению христианских догматов;
- антитеократическое движение, целью которого было разрушение «системы, налагавшей свои рамки на всю культуру и социальную организацию средневековых католических народов»² и укрепление светской власти;
- внутренняя политическая борьба, которая объединялась с религиозной оппозицией для усиления собственного электората.

В каждом государстве Реформация имела специфические предпосылки, содержание и формы проявления.

Однако, процесс Реформации следует рассматривать не только как внутреннюю реформу церкви. Реформационное движение – явление многослойное, затрагивающее культуру, социальную сферу, философию, мировоззрение, общественное сознание. Поэтому анализ ее должен базироваться на сравнении всего комплекса элементов в логическом единстве предпосылок, сущности и последствий.

Как и всякая идеологическая надстройка, процесс Реформации отталкивался от изменений, происходивших в экономике средневековой Европы. [Павлова О.К., 2016, с. 115–146]. И, хотя в каждом государстве, реформационный процесс имел свои особенности, рост экономики повсеместно неизменно приводил к усилению централизованной власти, и, как следствие к трансформации менталитета правящих классов. Реформационный процесс теснейшим образом связан с мировоззренческим кризисом, приведшим к формированию новых гуманистических идей. Этот кризис служит пусковым механизмом всего процесса, способствовал формированию нового соотношения сил в триаде «человек-церковь-государство». Новый человек, впитавший идеи Возрождения и философию гуманизма, стремился избавиться

от примата церкви в идеологии. А избавление это требовало, во-первых, пересмотра экономических основ взаимоотношения светской и духовной власти, лишения крупнейшего феодала – церкви, материальной основы своего могущества и усиления позиций государства, а, во-вторых, – усиления светской власти и собственно формирования абсолютизма на этой основе.

Важнейшими последствиями Реформации, общими как для Европы, так и для России, явились изменение соотношения сил между теократической и светской властью в пользу последней, утрата церковного влияния на монархические дворы и общее понижение институционального статуса церкви. Различия в этом процессе в европейских католических монархиях были определены способом проведения реформ: они могли начаться «снизу» в виде крестьянских движений, как в Германии, «сверху», как королевская реформация Англии, иметь любое другое проявление и форму.

Реформация в Российском государстве также имеет свой собственный уникальный путь развития, связанный не только с противостоянием официальной церкви и ересей, как говорилось выше.

Логика развития реформационных преобразований прежде всего лежит в плоскости формирования абсолютизма, в выходе из классического симфонического статуса церкви. Различия в этом процессе в европейском симфоническом статусе церкви. Различия в этом процессе в европейском симфоническом статусе церкви. Различия в этом процессе в европейском симфоническом статусе церкви.

Теория «симфонии» берет свое начало из 6-й новеллы Юстиниана, сформулировавший принципы «благотворного согласия». В теории симфонии отчетливо разделяется священство-церковь, служащее божественному и небесному, и государство, служащее человеческому, земному. Важно отметить, что в базовом определении Юстиниана подчеркивается необходимость сохранения различия церкви и государства, ибо в противном случае невозможно достигнуть слияния двух властей, власть будет едина, если разделение исчезнет. Отсутствие же разделения приведет к цезаропапизму.

Ж. Дагрон характеризует цезаропапизм как искусственно сконструированный, расплывчатый термин, который противопоставляется термину «теократия» [Дагрон Ж., 1999, с. 80, 92]. Термин этот чаще всего применяется для характеристики устройства Византийской империи, император которой соединял в своих руках светскую и духовную власть.

По Ж. Дагрон и М. Веберу «необходимо производить различия между несколькими видами политической организации, строящейся на откровении и тесно связанной с религией: в одних случаях жрецы довольствуются тем, что придают легитимность мирской власти «иерократия», в других верховный жрец или глава общины верующих по должности обладает и верховной властью (теократия в собственном смысле слова), в третьих светская власть в большей или меньшей степени подчиняет себе религиозную сферу (формы цезаропапизма) [Дагрон Ж., 1999, с. 80, Weber M., 1976, с. 689].

В европейской историографии эпохи Просвещения термин «цезаропапизм» обычно употребляется по отношению к византийскому политическому обычаю и носит негативный характер, подчеркивая негативный смысл смешения 2-х властей в одних руках в отличие от прогрессивного западноевропейского разделения. В тот период в трудах Иоганна Гессе [Hesse J. Chr., 1713], Якоба Бурхардта [Burckhardt J., 1880] возник термин «политическое христианство». Последний, «будучи западным гуманистом и типичным протестантом утверждал, что между религией и властью не может быть ничего, кроме постоянных трений, отвергал любые формы государственного христианства» [Дагрон Ж., 1999, с. 84].

Странники Просвещения и Реформации (в проекции европейского католического мировоззрения) критикуют цезаропапизм как основу для политического христианства и политической теологии, считают сочетание двух властей пережитком язычества и явным откатом назад от позиций классического христианства.

Стоит определить, в какой степени тотальным было вмешательство светской власти и подчинение ею церкви в византийский период. «Византия никогда не отрицала различия между светским и духовным, никогда не допускала, что император может быть священником, ... При этом император мог участвовать в соборах, принимать решения относительно высших церковных иерархов, обнародовать законы и каноны» [Дагрон Ж., 1999, с. 91].

Идея симфонии, проникнув на Русь вместе с христианством, нашла свое отражение в 42 главе Кормчей книги. Ее положениями определяли взаимоотношения власти и церкви до второй половины XVII века.

«Великая в паче иных, иже в человецех есть дара Божия, от Вышняго дарована человеколюбия Божия, священство же и царство; ово убо Божественным служа сеже человеческими владея и пекийся: от единого же тогожде начала оboa происходят человеческое украшающее

¹ Христианство энциклопедический словарь, в 2 т., Москва: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 2., с. 471.

² Христианство энциклопедический словарь, в 2 т., Москва: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 2., с. 471.

житие, якоже ничтоже тако бывает поспешение царству сего ради, якоже Святительская честь: о обоих самех тех присно вси Богови молятся: аще бо они непорочны будут и к Богу имут дерзновение и праведно и подробно украшати начнут преданные им грады, и сущее над ними будет согласие некое благо, во ещи добро человечестей даруя жизни»¹.

Правитель должен действовать как страж и охранитель веры, не касаться ее догматов, а церковь поддерживать его идеологически, при этом должна сохранять независимость во внутренних вопросах, признаваемую и уважаемую властью.

Окончательно «симфония» в России была разрушена петровской реформой. Разрушение «симфонии» в России имело специфическую форму: с одной стороны, догматы веры оставались неприкосновенными, но, с другой, – церковь теряла свою независимость и статус.

Можно ли отнести этот процесс к варианту специфической реализации идей Реформации в России?

В изложении православных идеологов влияние Реформации на русскую церковь имело разнообразные формы.

Во-первых, имело место стихийное распространение лютеранских идей, проникавших в Россию с первыми проповедниками. Архиепископ Серафим (Соболев) указывает, что известны споры Ивана IV Грозного с лютеранскими проповедниками о Лютере, в российских городах XVI века возникали евангелистические общества [Серафим (Соболев) архиепископ, 1992, с. 11]. В догматических спорах XVI века наблюдается влияние протестантских идей в виде критики православных обычаев и обрядов.

Собственно, это же направление имеет сложившееся научное мнение о том, что реформация в России, если и существовала, то имела внешнее проявление в виде «ересей».

Во-вторых, Серафим (Соболев) представляет церковную реформу Петра I, как уступка протестантизму в духе упрощения церкви. «Так проводил Петр реформы в России для приобщения ее к европейской цивилизации. Несомненно, можно было бы насаждать в русском народе европейские познания технического и общеобразовательного характера без ломки православной веры. Но Петр ... хотел реформировать нашу церковь на лютеранский лад, что сердце его влеклось к лютеранству. Он слишком высоко ставил Лютера» [Серафим (Соболев) архиепископ, 1992, с. 18]. Так, например, проведение секуляризации монастырей, изъятие церковных земель и имущества могут быть отнесены как раз к тем экономическим процессам, связанным с реформацией и имеющим аналогию в европейском варианте.

Спор о владении церковью имуществом и о ее независимости является универсальным проявлением реформации, как для Европы, так и для России.

Известный в истории спор «иосифлян» и «нестяжателей» восходит еще к XV веку. Однако, Нил Сорский не был первооткрывателем идеи нестяжательности. Еще в XIV веке Джон Уиклиф, профессор Оксфордского университета высказывал идею о необходимости отказа от церковного имущества, в том числе от земельных владений монастырей. По его мнению, духовенство должно жить в бедности и существовать на пожертвования верующих. Учение Д. Уиклифа во многом предвосхитило реформационные идеи М. Лютера и создало важнейший элемент Реформации – идею секуляризации.

В России первые попытки провести секуляризацию относятся к XVI веку. В 1551 г. Стоглавый собор поднял вопрос «об имуществе монастырей». С согласия Собора, государь предлагал ликвидировать церковно-монастырские владения. Ожесточенные споры, при явном отсутствии у светской власти механизма принуждения церкви к повиновению, создали компромисс: церковные владения впервые были сокращены. Решением Собора были введены: запрет на передачу имущества удельных князей церкви на «помин души» без согласия государя, запрет на покупку монастырями земель; Запрет на основание монастырями «белых слобод» в городах и т.д. Экономические позиции церкви впервые пошатнулись, но в целом она сохранила свою независимость.

Старт секуляризации монастырей относится к установлению главой XIII Соборного Уложения 1649 г. Монастырского приказа, учрежденного для суда над духовенством по гражданским делам ранее подсудного святительскому суду². Монастырский приказ был исключительно светским учреждением, в которое царским указом назначались и увольнялись судьи, получавшие содержание от государства. На практике Монастырский приказ в своем вмешательстве в церковные дела пошел далеко за пределы «Уложения». Он судил духовных лиц иногда и по духовным делам; стал участвовать по финансовым делам в церковном управлении, назначать на духовные должности и заведовать частичной конфискацией церковных имуществ» и контролировать при-

обретение церковью вотчин, прямо запрещенное Соборным Уложением 1649 г. [Серафим (Соболев) архиепископ, 1992, с. 82].

Можно допустить, что Монастырский приказ создавался именно с целью ограничить церковь в приобретении имущества, его создание дало старт процессу передачи церковных владений государству. Именно поэтому против секуляризации так активно выступал патриарх Никон, полагая, что данный процесс разрушит симфоническое единство светской и духовной властей.

В своем труде «Возражение, или разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы», написанном в 1664 г., Никон прямо указывает на то, что деятельность Монастырского указа есть прямое нарушение Церковного Устава Владимира I, определившего юрисдикцию церковного суда [Никон, 1664]. Опираясь на каноническое право, он настаивает, что покушение на имущество церкви – прямое нарушение Писания и высказывает смелые намеки на безбожность власти, издавшей «Уложение» и принимающей такие решения на его основе.

Окончательная реализация идеи укрепления светской власти и понижения статуса церкви произошла в эпоху Петра I. Проведенная в начале XVIII века церковная реформа сочетала несколько задач, но в глобальном смысле целью ее стало усиление светской, государственной власти. Формирование так называемого статуса «маестата», определяющего место правителя над всем: над государством, над законом, над церковью, ранее имеющей возможность сдерживать государя христианским нравственным догматом, стало возможно в том числе и благодаря ей. До начала XVIII века церковь должна была ограничивать царскую власть в том смысле, чтобы принуждать ее руководствоваться божественными законами, изложенными в Писании и каноническими правилами [Серафим (Соболев) архиепископ, 1992, с. 69]. Во многом эта идея сходна с постулатами Фомы Аквинского о роли и месте церкви, как нравственного контролера при правителе, наблюдающего за соответствием его решений высшему божественному закону. Однако формирование абсолютизма, идущее параллельно реформации коренным образом, изменило соотношение сил.

Бухаркин П.Е. отмечает, что двигателями церковных преобразований Петра стали «латинствующие», – украинские монахи, усвоившие западную культуру, в том числе и в обрядах церкви. К ним он относит Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Он отмечает особую роль Ф. Прокоповича в этом процессе: «В проповедях Прокоповича утверждается светская система нравственных норм, основой которой вместо идеала христианской добродетели становится идея служения государству» [Бухаркин П.Е., 2009, с. 105].

Именно Ф. Прокопович был автором концепции, которую можно отнести к идее русской реформации. Теократическая теория, созданная им, считала сразу несколько позиций: определение роли и места церкви, идеологическое обоснование перемещения человека из-под власти церкви под власть государства. В его политических проповедях обосновывалась «светская система нравственных норм, основой которой вместо идеала христианской добродетели становится идея служения государству» [Автухович Т.Е., 1999, с. 492].

Ф. Прокопович в проповеди, прочитанной 6 апреля 1718 г. в Санкт-Петербурге «Слове о власти и чести царской, яко от самого Бога в мире учинена есть, и како почитати царей и оным повиноватися людие должествует; кто же суть и коликий имеют грех противляющиеся им» значительное место уделяет вопросу о роли и месте духовенства в государстве. Основная мысль проповеди, – «Священство бо иное дело, иной чин есть в народе, а не иное государство.» [Прокопович Ф., 1971, с. 77] Он давал четкий ответ на поставленный вопрос: никакой равновеликости в отношениях церкви и государства не должно быть, церковь, – только особый чиновничий институт, полностью подчиненный светской власти и реализующий поставленные ею задачи.

19 апреля 1724 г. Петр I направил в Синод Записку, в которой поставил задачу: «краткие поучения людям сделать (понеже ученых проповедников зело мало имеем), также сделать книгу, где бы изъяснить, что непременимый закон Божий и что советы, и что предания отеческие, и что вещи средние, и что только для чину и обряду сделано, и что непременимое, и что по времени и случаю переменилось, дабы знать могли, что в каковой силе имеет. О первых, кажется мне, чтоб просто написать так, чтоб и поселянин знал, или на двое: поселянам простые, а в городах покрасивее для сладости слышащих, как вам удобнее покажется, в которых бы наставления, что есть прямой путь спасения, истолкован был, а особливо веру, надежду и любовь (ибо о первой и последней зело мало знают, а о средней и не слышали), понеже всю надежду кладут на пение церковное, пост и поклоны и прочее тому подобное, в них же строение церковей, свечи и ладан. О страданиях Хри-

¹ Кормчая книга 1650 г. // <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kormchaja-kniga-1650-g/>

² Соборное Уложение 1649 г. // <https://www.hist.msu.ru/ER/EText/1649.htm>

стовом толкуют только за один первородный грех, а спасение делами своими получать, как выше писано»¹ Изданное чуть ранее «Первое учение отроком» Ф. Прокоповича в целом соответствовало этой задаче как нельзя лучше.

В.М. Животов и А.Л. Львов [Животов В.М. 1996, с. 533, Львов А.Л., 2008, с. 162–163] утверждают, что данное произведение как нельзя лучше создавало новую мировоззренческую духовную систему, в которой церковный культ переплетался с гражданским. При этом центром новой системы становилась не Библия, а царское, светское понимание вопросов религии, адаптированное Ф. Прокоповичем для освоения народом.

В целом, нельзя не согласиться с А.Б. Просиной, в том, что «Философская основа, с которой Ф. Прокопович отстаивал необходимость абсолютизма, выходила далеко за узкий горизонт традиционн-богословских аргументов и базировалась на естественно-правовой, договорной органической теориях, идее объективных факторов (географического, демографического) данных сравнительно-исторического метода. С точки зрения церковных ортодоксов, новые положения были досадным диссонансом в традиционной теологической гармонии влекли обвинения в ереси, вольнодумстве и даже безбожии» [Просина А.Б., 1971, с. 3].

Обоснование Ф. Прокоповичем государственных преобразований Петра I далеко выходит за рамки религиозных догматов. Догматы не отрицаются, более того, они берутся за отправную точку, мировоззренческую основу рассуждения (мир создан Богом), однако «сами эти рассуждения строятся более по методу школы естественного права (источник власти следует искать в «природе» человека, в «естественных законах», государство создано «договором», полагающим конец «безвладию», «естественному состоянию» [Просина А.Б., 1971, с. 8].

Заключение

Таким образом последствия реформ, проведенных в России в первой четверти XVIII века несомненно могут быть отнесены к реформации, так как являются основой коренных изменений соотношения между светской и церковной властью, и этим схожи своей сути и смыслу с произошедшими в Европе в результате реформации. Формирование абсолютизма, понижение институционального статуса церкви, а, главное, коренной переворот в мировоззрении, были ее важнейшими итогами в России.

Новое мировоззрение, сложившееся в том числе под влиянием идей Ф. Прокоповича, способствовало формированию гуманистического светского сознания и возникновению новой человеческой личности – субъекта, активно нацеленного в своей деятельности на благо государства. Религиозная подоплека высказанных им идей, уникальное сочетание религии и гражданской философии, повлиявшее на расстановку сил в триаде «человек-церковь-государство» дали основу для формирования явления, которое можно определить, как «русская реформация».

Литература

1. Автухович Т.Е. Прокопович. // Словарь русских писателей XVI–II века. Вып.2. СПб. 1999. С. 488–496
2. Буганов В.И. Проблемы реформационных движений и общественно-политической мысли России в трудах А.И. Клибанова. // Исторические записки. Т. 98. М. Издательство «Наука». 1977, С. 257–275
3. Бухаркин П.Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения христианской эпохи. // Христианское чтение, 2009, № 9–10, С. 100–121.
4. Возражение, или разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа гаскскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы // https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Minin/vozrazhenie-ili-razorenie-smirenogo-nikona-bozhieyu-milostiyu-patriarha-protivo-voprosov-bojarina-simeona-streshneva-ezhe-napisa-gazskomu-mitropolitu-paisee-likaridiusu-i-na-otvety-paiseovy
5. Дагрон Ж. «Восточный цезаропапизм» (история и критика одной концепции). // Геннадийос к 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., Индрик, 1999. С. 80–99.
6. Евлаников В.П., Евланикова Г.Е. К вопросу о религиозной реформации в России. // Христианство и культура: сборник научных трудов. Вып. 3. СПб. СПбГИЭУ, 2007. – 455, С. 221–233.

¹ Указ Петра I Святейшему Синоду о немедленном сочинении, для поучения людям, книг о неперменном законе божием, о преданиях отеческих и вещах средних, с указанием способа исполнения его повеления, от 19 апреля 1724 г. // Первое Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. VII. № 4493. С. 278.

7. Животов В.М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I. // Из истории русской культуры. Т. 3 (XVII – начало XVIII века). М., 1996. С. 533.

8. Исаев С.А. Была ли в России Реформация? // Петербургский исторический журнал, 2019 № 1, С. 213–233.

9. Исаев С.А. Реформация в Европе, 1517–1660 гг.: хронологический обзор. // Петербургский исторический журнал, 2018, № 3 С. 101–125.

10. Кареев Н.И. Реформация. // Христианство энциклопедический словарь, в 2 т. / редкол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 2. С. 471–488

11. Клибанов А.И. Реформационные движения в России XIV – первой половине XVI века. М., Издательство Академии наук СССР. 1960. – 411 с.

12. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М., Наука, 1965. – 343 с.

13. Кормчая рукопись. – [Б. м.], 1620 г. – 672 л.

14. Львов А.Л. «Первое учение отроком» Феофана Прокоповича и генезис русского сектантства. // Русская литература, 2008, № 1, С. 159–170

15. Митрохин Л.Н. Была ли Реформация в России? // Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты). К 70-летию профессора М.П. Мchedлова. М.: РНИСиНП, 1998, – 272. С. 219–230

16. Никольский Н.М. История русской церкви. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.

17. Павлова О.К. Реформация в Европе и в России. Предпосылки, реалии, последствия. // Философия международных отношений. От теории к практике. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2016. – 232 с. С. 115–146.

18. Покровский М.Н. Очерк русской культуры. Курск. 1924. С. 237

19. Прокопович Феофан. Сочинения. М., Л., 1961. – 506 с.

20. Просина.Б. Политическое учение Феофана Прокоповича, идеолога абсолютизма в России в первой четверти XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., МГУ, 1971. – 16 с.

21. Седов П.В. Был ли раскол XVII века в России Реформацией? // Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России. СПб.: Нестор-История, 2017. – 492 с. С. 364–427.

22. Серафим (Соболев) архиепископ. Русская идеология. СПб. Издательство А.С. Суворина, 1992, – 104 с.

23. Burckhardt J. Die Zeit Constantin s des Grossen. Basel. 1853. 2 Aufl. Lpz.1880.

24. Hesse J. Chr. Dissertatio historico-pragmatica qua Constantinum Magnummex rationibus politicis chistianum. Iena. 1713

25. Weber M. Wirtschaft und Gesrtschaft. 5. Aufl. Tubingen. 1976. S. 689.

REFORMATION PROCESSES IN 18TH-CENTURY RUSSIA AND THE ROLE OF FEOFAN PROKOPOVICH'S IDEAS IN THEIR IMPLEMENTATION

Zgorzhelskaya S.S.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

This article examines the existence and content of Reformation reforms in Russia, the role and place of Feofan Prokopovich in shaping the ideology of the Russian Reformation, and the consequences of the implementation of these ideas for the transformation of the relationship between state and church in the 18th century.

A comparative analysis of the Reformation in Europe and Russia is provided, highlighting common features. The dialectical relationship between the political and legal doctrine of absolutism and the secular worldview, which developed in Russia in the early 18th century under the influence of Feofan Prokopovich, and the Reformation reforms of Peter the Great is explored.

Based on the results of this study, it is concluded that the church reform of the first quarter of the 18th century completed the Reformation process in Russia, establishing a new relationship between secular and theocratic authority.

Keywords: reformation, political and legal doctrine, humanistic consciousness, F. Prokopovich, absolutism.

References

1. Avtukhovich T.E. Prokopovich. // Dictionary of Russian Writers of the 18th Century. Issue 2. St. Petersburg. 1999. Pp. 488–496
2. Buganov V.I. Problems of Reformation Movements and Socio-Political Thought of Russia in the Works of A.I. Klibanov. // Historical Notes. Vol. 98. Moscow: Nauka Publishing House. 1977, Pp. 257–275
3. Bukharkin P.E. Feofan Prokopovich and the Spiritual and Intellectual Movements of the Christian Era. // Christian Reading, 2009, No. 9–10, Pp. 100–121.
4. Objection, or the Ruin of Humble Nikon, by the Grace of God, the Patriarch, Against the Questions of Boyar Simeon Streshnev, Written to Metropolitan Paisius Licaridius of Gaza, and to Paisius's Responses // https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Minin/vozrazhenie-

ili-razorenije-smirennogo-nikona-bozhieyu-milostiyu-patriarha-protivo-voprosov-bojarina-simeona-streshneva-ezhe-napisa-gazskomu-mitropolitu-paisee-likaridiusu-i-na-otvety-paiseovy

5. Dagron J. "Eastern Caesaropapism" (History and Criticism of One Concept). // Genadios for the 70th Anniversary of Academician G.G. Litavrin. M., Indrik, 1999. Pp. 80–99.

6. Evlannikov V.P., Evlannikova G.E. On the Question of Religious Reformation in Russia. // Christianity and Culture: Collection of Scientific Papers, Issue 3. St. Petersburg. SPbGUE, 2007. – 455, Pp. 221–233.

7. Zhivotov V.M. Cultural Reforms in the System of Peter I's Transformations // From the History of Russian Culture. Vol. 3 (17th – Early 18th Century). Moscow, 1996, P. 533.

8. Isaev S.A. Was There a Reformation in Russia? // St. Petersburg Historical Journal, 2019, No. 1, Pp. 213–233.

9. Isaev S.A. The Reformation in Europe, 1517–1660: A Chronological Review. // Petersburg Historical Journal, 2018, No. 3, pp. 101–125.

10. Kareev, N.I. Reformation. // Christianity: An Encyclopedic Dictionary, in 2 volumes / editorial board: S.S. Averintsev (editor-in-chief) and others. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 1993, vol. 2, pp. 471–488.

11. Kliбанov, A.I. Reformation Movements in Russia in the 14th – First Half of the 16th Century. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1960, 411 p.

12. Kliбанov, A.I. History of Religious Sectarianism in Russia. Moscow, Nauka, 1965, 343 p.

13. The helmsman's manuscript. – [B. m.], 1620–672 l.

14. Lvov A.L. "The first teaching as a youth" by Feofan Prokopovich and the genesis of Russian sectarianism. // Russian literature, 2008, No. 1, pp. 159–170

15. Mitrokhin L.N. Was there a Reformation in Russia? // Russian civilization (ethnocultural and spiritual aspects). On the occasion of the 70th anniversary of Professor M.P. Mchedlova. M.: RNISNP, 1998, – 272. P. 219–230

16. Nikolsky N.M. History of the Russian Church. – 3rd ed. – M.: Politizdat, 1985. – 448 p.

17. Pavlova O.K. The Reformation in Europe and Russia. Prerequisites, Realities, Consequences. // Philosophy of International Relations. From Theory to Practice. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2016. – 232 p. pp. 115–146.

18. Pokrovsky M.N. Essay on Russian Culture. Kursk. 1924. p. 237

19. Prokopovich Feofan. Works. Moscow, Leningrad, 1961. – 506 p.

20. Prosina B.B. Political Doctrine of Feofan Prokopovich, the Ideologist of Absolutism in Russia in the First Quarter of the 18th Century. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, Moscow State University, 1971. – 16 p.

21. Sedov P.V. Was the Schism of the 17th Century in Russia the Reformation? // The European Reformation and Its Possible Analogues in Russia. St. Petersburg: Nestor-History, 2017. – 492 p. pp. 364–427.

22. Archbishop Seraphim (Sobolev). Russian Ideology. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publishing House, 1992, – 104 p.

23. Burckhardt J. Die Zeit Constantin s des Grossen. Basel. 1853. 2 Aufl. Lpz. 1880.

24. Hesse J. Chr. Dissertatio historico-pragmatica qua Constantinum Magnummex rationibus politicis chistianum. Jena. 1713

25. Weber M. Wirtschaft und Gesrlschaft. 5. Aufl. Tubingen. 1976. S. 689.

Профсоюзный механизм реализации права на отдых в советской туристско-курортной политике: историко-правовой аспект

Инароков Идар Русланович,

аспирант Института права, экономики и финансов;
ассистент Института менеджмента, туризма и индустрии
гостеприимства Кабардино-Балкарского Государственного
университета им. Х.М. Бербекова; главный специалист-
эксперт юридического отдела Главного управления МЧС
России по Кабардино-Балкарской Республике
E-mail: idarinarokov@yandex.ru

Цель статьи состоит в историко-правовом раскрытии профсоюзного механизма реализации права на отдых в советской туристско-курортной политике. Методологическую основу исследования составили историко-правовой, формально-юридический, институциональный, системный и сравнительно-правовой методы, примененные к нормативным актам, научной литературе и материалам о советском туристско-курортном регулировании. Установлено, что профсоюзы, формально сохраняя статус общественных организаций, фактически выполняли квазипубличные функции по управлению здравницами, распределению путевок, организации туристско-экскурсионного обслуживания и включению отдыха трудящихся в плановую социальную систему. Показано, что право на отдых приобретало реальное содержание через соединение конституционной гарантии, ведомственной и профсоюзной инфраструктуры, плановой емкости учреждений, медицинского отбора, туристского маршрута и путевочной процедуры. Особое внимание уделено различию санаторно-курортной и туристской путевки, роли Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, а также противоречию между массовым социальным обещанием и ограниченными ресурсами сети. Сделан вывод о том, что профсоюзный механизм был самостоятельным юридико-организационным каналом реализации советской правовой политики, без которого право на отдых оставалось бы преимущественно декларативной нормой. Региональный аспект представлен через связь общесоюзного регулирования с практикой туристско-курортного развития Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: право на отдых, профсоюзы, советское право, правовая политика, туристско-курортная сфера, санаторно-курортное обслуживание, путевка, ВЦСПС, социальные права, плановое управление

Введение

Право на отдых в советском государстве не исчерпывалось конституционной формулой и не могло быть реализовано только посредством нормы, закрепленной в основном законе. Оно нуждалось в учреждениях, финансировании, распределительных процедурах, медицинском отборе, туристских маршрутах, ведомственной инфраструктуре и органах, способных превратить социальное обещание в фактическую поездку гражданина в санаторий, дом отдыха, туристскую базу или на экскурсионный маршрут. Именно поэтому советская туристско-курортная политика дает выразительный материал для историко-правового анализа: в ней юридическая гарантия соединялась с плановой экономикой, профсоюзным управлением, санитарно-курортным регулированием и массовым обслуживанием трудящихся.

Актуальность темы определяется тем, что профсоюзы в советской туристско-курортной системе не укладываются в простую схему разделения государства и общественных организаций. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) и подчиненные ему структуры формально не являлись органами государственной власти, однако через них проходили управление значительной частью санаториев и домов отдыха, распределение путевок, развитие туристско-экскурсионного дела, методическое руководство, контроль качества обслуживания и практическое обеспечение массового отдыха. В результате профсоюзный механизм становился особым каналом реализации правовой политики, в котором публичные цели государства исполнялись организацией, имевшей общественно-представительную форму и одновременно встроенной в систему государственного управления.

Научная проблема статьи состоит в том, чтобы раскрыть юридическую природу этой двойственности. Если рассматривать профсоюзы только как общественные организации, теряется публичный смысл их участия в распределении социальных благ. Если же механически отождествлять их с государственными органами, исчезает специфика советского способа реализации права на отдых, где государственное руководство, профсоюзное посредничество и трудовой коллектив образовывали единую распределительную цепочку. Поэтому необходима историко-правовая реконструкция профсоюзного механизма как самостоятельной формы реализации социальной правовой политики.

Цель исследования состоит в выявлении содержания, структуры и историко-правового значения профсоюзного механизма реализации права на отдых в советской туристско-курортной политике. Для достижения этой цели требуется определить место права на отдых в системе советских социальных гарантий, показать роль профсоюзов в санаторно-курортном и туристско-экскурсионном обслуживании, раскрыть путевку как юридико-организационную форму доступа к ограниченному социальному благу и обозначить противоречия планово-профсоюзной модели. Научная значимость статьи связана с уточнением категории правовой политики применительно к той сфере, где право действовало через нормы, плановые задания, имущественное управление, распределение и организационную практику.

Литературный обзор

Теоретическую основу исследования образуют работы, посвященные правовой политике и ее юридическим средствам. А.В. Малько рассматривает правовую политику как категорию, позволяющую описывать целенаправленное использование права для достижения общественно значимых целей [14, с. 5–13]. А.П. Коробова обращает внимание на необходимость разграничивать правовую политику, правотворчество и правовое регулирование в узком смысле [12, с. 62–66]. Для настоящей темы этот подход принципиален, поскольку право на отдых нельзя объяснить только конституционным закреплением; его содержание раскрывается через систему учреждений, компетенций и процедур. К.В. Шундилов подчеркивает значение юридических средств реализации правовой политики, что позволяет анализировать путевку, профсоюзное распределение, плановую емкость и управление здравницами как элементы правового механизма, а не как административные детали [17, с. 149–150].

Историко-правовая характеристика советского государства требует учитывать специфику социалистического понимания права, при

котором юридическая форма тесно связывалась с государственным строительством, социальными задачами и плановым управлением. В.А. Мельникова рассматривает правовую политику советского государства как теоретическую конструкцию и практическую деятельность, что дает основание анализировать туристско-курортную сферу не только через тексты актов, но и через исполнение публичного курса [15, с. 8–11]. В таком подходе профсоюзы выступают не внешним приложением к государству, а субъектом, через который социальная политика приобретала организационную форму.

Существенное значение имеют исследования о советской охране здоровья и санаторно-курортном обслуживании. Д.В. Егорова раскрывает правовую политику в сфере здравоохранения как системную деятельность государства и его органов, направленную на сохранение и повышение уровня здоровья населения [9, с. 14–16]. Этот вывод позволяет включить санаторно-курортное лечение и организованный отдых в более широкую область охраны здоровья, не сводя их к бытовому досугу. Т.Г. Петракова на материале санаторно-курортного дела показывает, что государство и профсоюзы совместно формировали механизм управления санаториями, домами отдыха, санаториями-профилакториями и распределением путевок [16, с. 14–18]. Ее работа особенно важна для понимания позднесоветской модели, где профсоюзное участие приобрело устойчивый управленческий и распределительный характер.

История советского туризма и туристско-экскурсионного обслуживания раскрыта в работах О.А. Голубевой, С.В. Завьяловой, Ю.С. Путрика и В.М. Лебедева. О.А. Голубева показывает организацию и управление российским туризмом в 1920–1970-е гг., выделяя массовый, социальный и институциональный характер соответствующей системы [8, с. 68–75]. С.В. Завьялова анализирует формирование законодательства Союза Советских Социалистических Республик (СССР) о туристско-экскурсионном обслуживании как последовательный процесс оформления специального массива норм [10, с. 119–124; 11, с. 217–222]. Ю.С. Путрик обращается к опыту социального туризма в СССР и Российской Федерации, что важно для понимания преемственности и пределов советской модели [17, с. 169–173]. В.М. Лебедев исследует договор обслуживания на туристских базах профсоюзов СССР, позволяя увидеть позднесоветский туризм как сферу юридически организованного обслуживания, а не только как массовое движение [13].

Нормативную основу исследования составляют Конституции СССР 1936 и 1977 гг., Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении 1969 г., постановление Совета Министров СССР от 10 марта 1960 г. № 335 «О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха», постановление Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС), Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30 мая 1969 г. № 411 «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране», а также постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 31 октября 1980 г. № 983 «О дальнейшем развитии и совершенствовании туристско-экскурсионного дела в стране» [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Эти акты позволяют проследить переход от общей социальной гарантии к управлению материальной базой, туристскими маршрутами, путевой системой и качеством обслуживания.

Материалы и методы

Материалами исследования являются нормативные акты советского периода, научные работы по теории правовой политики, истории советского туризма, санаторно-курортного дела, профсоюзного управления и социальной политики, а также положения диссертационного исследования о правовой политике советского государства в сфере туризма и курортного дела и ее реализации в Кабардино-Балкарии. Особое значение имеют акты, в которых право на отдых получало институциональное обеспечение: конституционные нормы, Основы законодательства о здравоохранении, решения о передаче здравниц профсоюзам и постановления о развитии туристско-экскурсионного дела [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Методологическую основу составляют историко-правовой, формально-юридический, институциональный, системный и сравнительно-правовой методы. Историко-правовой метод позволяет проследить изменение профсоюзного участия от организационной поддержки отдыха к управлению значительной частью туристско-курортной инфраструктуры. Формально-юридический метод используется для анализа норм, компетенции, актов и юридических средств. Институциональный метод раскрывает роль ВЦСПС, советов по туризму и экскурсиям, профсоюзных курортных структур, трудовых коллективов и ведомственных организаций. Системный подход необходим потому, что право на отдых реализовывалось через не-

сколько взаимосвязанных блоков: конституционный, медицинский, имущественный, планово-финансовый, профсоюзный и туристско-экскурсионный.

Результаты

Первый результат исследования состоит в установлении того, что профсоюзный механизм был самостоятельным каналом реализации советской правовой политики, а не вспомогательной формой общественной активности. Конституция СССР 1936 г. закрепляла право граждан на отдых через сокращение рабочего дня, ежегодные отпуска с сохранением заработной платы и предоставление трудящимся широкой сети санаториев, домов отдыха и клубов [1]. Конституция СССР 1977 г. развила эту социальную логику, связывая право на отдых с продолжительностью рабочего времени, отпусками, развитием сети культурно-просветительных и оздоровительных учреждений [2]. Однако сама конституционная норма еще не отвечала на вопрос о том, кто распределяет путевки, кто управляет здравницами, каким образом учитывается емкость учреждений и как гражданин получает реальную возможность воспользоваться отдыхом.

Ответ на этот вопрос давала советская государственно-профсоюзная модель. Передача санаториев и домов отдыха профсоюзам по постановлению Совета Министров СССР от 10 марта 1960 г. № 335 означала перераспределение не только имущества, но и управленческой функции [4]. Профсоюзы получили материальную базу, через которую отдых и санаторно-курортное обслуживание трудящихся становились не абстрактной гарантией, а организованной процедурой. В юридическом смысле это был переход от общего государственного обещания к профсоюзно-плановому механизму доступа, где право реализовывалось через путевку, очередь, трудовой коллектив, финансовое участие и емкость конкретного учреждения.

Второй результат связан с квазипубличной природой профсоюзов. Советские профсоюзы формально представляли общественную организацию трудящихся, но в туристско-курортной сфере они исполняли функции, близкие к публичному управлению. Они участвовали в распределении мест, координации деятельности санаториев и домов отдыха, развитии туристских баз, организации экскурсий, подготовке кадров, методическом обеспечении маршрутов и контроле качества обслуживания. Эта двойственная природа не была случайным отклонением от советской модели; напротив, она выражала один из ее основных признаков – включение общественных организаций в исполнение государственных социальных задач.

Третий результат состоит в раскрытии путевки как юридико-организационной формы реализации права на отдых. Путевка не была простым подтверждением поездки. В санаторно-курортной сфере она соединяла медицинские показания, профиль здравницы, плановую емкость, ведомственную принадлежность учреждения, решения профсоюзного органа, очередность, срок пребывания и порядок оплаты. В туристской сфере она выполняла иную функцию: включала гражданина в маршрут, программу, проживание на туристской базе, экскурсионное обслуживание и инструкторское сопровождение. Поэтому путевка выступала документом, через который социальное право получало адресата, место, срок и организационные условия реализации.

Четвертый результат заключается в разграничении двух направлений профсоюзного обслуживания. Санаторно-курортное направление было тесно связано с охраной здоровья. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении 1969 г. закрепляли правовую рамку, в которой курортное лечение, отдых, профилактика и физическая культура выступали элементами заботы государства о здоровье населения [3]. Профсоюзное участие здесь было не только распределительным, но и социально-медицинским: направление в санаторий или дом отдыха зависело от лечебного профиля учреждения, медицинского отбора и задач восстановления трудоспособности.

Туристско-экскурсионное направление имело другую юридическую природу. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30 мая 1969 г. № 411 рассматривало туризм и экскурсии как массовую форму отдыха, повышения культурного уровня, укрепления здоровья и воспитательного воздействия [5]. Для профсоюзов это означало развитие сети туристских баз, маршрутов, бюро путешествий и экскурсий, подготовку кадров, организацию группового обслуживания и повышение доступности поездок. Здесь право на отдых реализовывалось не через лечебный профиль здравницы, а через организованную программу путешествия, маршрут и культурно-познавательное содержание.

Пятый результат касается институционального усложнения позднесоветского этапа. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 31 октября 1980 г. № 983 было направлено на дальнейшее развитие и совершенствование туристско-экскурсионного дела [6].

Само использование категории совершенствования показывает, что к этому времени проблема заключалась уже не только в расширении сети, но и в качестве обслуживания, координации, материальной базе, подготовке кадров, содержании маршрутов и управлении массовым спросом. Профсоюзы должны были не просто распределять имеющиеся возможности, а обеспечивать устойчивое функционирование большой системы отдыха, в которой социальная доступность постоянно сталкивалась с ресурсными пределами.

Шестой результат выражается в выявлении противоречия между массовой юридической гарантией и ограниченной материальной базой. Право на отдых в советской модели имело универсальную социальную направленность, но фактическая возможность его реализации зависела от количества мест, состояния здравниц и туристских баз, транспорта, сезонности, ведомственных квот, финансирования, кадров и снабжения. Профсоюзный механизм смягчал это противоречие, поскольку создавал распределительную процедуру и связывал гражданина с учреждением, но полностью не устранил дефицитность отдыха и лечения. В этом смысле путевка одновременно подтверждала социальную гарантию и выявляла ее пределы.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют уточнить содержание права на отдых в советской правовой системе. Это право было не только субъективной гарантией гражданина, но и плано-организационной обязанностью государства создать сеть учреждений, установить порядок доступа и поручить исполнение значительной части функций профсоюзам. В отличие от современного рыночного понимания туристской услуги, советская модель исходила из того, что отдых трудящегося является социально значимым благом, распределяемым в зависимости от трудового статуса, медицинских показаний, очередности, ведомственной принадлежности и возможностей сети.

Профсоюзы занимали в этой системе промежуточное положение. Они не принимали конституционные нормы и не выступали классическими органами государственной власти, но через них право на отдых становилось процедурой. Трудовой коллектив, профсоюзный комитет, курортная или туристская организация, путевка и конкретное учреждение образовывали цепочку, без которой юридическая гарантия не могла приобрести индивидуального адресата. Поэтому профсоюзный механизм следует понимать как форму правореализации, а не как внешнюю организационную помощь государству.

При этом профсоюзная модель имела внутренние пределы. Во-первых, она зависела от материальной базы, а потому не могла обеспечить одинаковый доступ всем гражданам одновременно. Во-вторых, ведомственная структура сети порождала различия между категориями трудящихся, организациями и регионами. В-третьих, плановая логика требовала отчетности и количественного роста, тогда как качество отдыха, медицинское соответствие, безопасность маршрутов и реальная удовлетворенность граждан не всегда могли быть выражены в плановых показателях. В-четвертых, туристско-курортная сфера соединяла разные по юридической природе объекты, и единая путевочная форма не устранила различий между лечением, отдыхом, экскурсией и туристским маршрутом.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что профсоюзный механизм реализации права на отдых являлся самостоятельным историко-правовым элементом советской туристско-курортной политики. Его сущность состояла в том, что конституционная социальная гарантия переводилась в управляемую систему доступа к санаториям, домам отдыха, туристским базам, экскурсиям и маршрутам через профсоюзные органы, трудовые коллективы, путевки, плановую емкость и материальную инфраструктуру.

Профсоюзы в данной сфере обладали квазипубличной природой. Формально они оставались общественными организациями, но фактически выполняли функции, связанные с управлением социальной инфраструктурой и распределением ограниченных благ. Передача им санаториев и домов отдыха, участие ВЦСПС в развитии туризма и экскурсий, организация путевочного доступа и методическое обеспечение туристско-экскурсионной работы показывают, что советская правовая политика реализовывалась не только государственными органами в узком смысле, но и институционально встроенными общественными структурами.

Путевка выступала ключевой юридико-организационной формой реализации права на отдых. В санаторно-курортной сфере она связывала гражданина с медицинским профилем учреждения, лечебным режимом и профсоюзным распределением; в туристской сфере — с маршрутом, программой, размещением, экскурсионным содер-

жанием и инструкторским сопровождением. В обоих случаях путевка превращала общее социальное право в конкретную возможность, но одновременно выявляла зависимость этой возможности от материальной базы, очередности, ведомственных квот и региональной инфраструктуры.

Научная значимость предложенного подхода заключается в уточнении механизма советской правовой политики: социальное право раскрывается не как декларация и не как простое субъективное требование, а как сложная связь нормы, плана, имущества, профсоюзной компетенции и организационной процедуры. Историко-правовой анализ профсоюзного механизма позволяет точнее понять, почему советская туристско-курортная сфера была одновременно социальной гарантией, управленческой системой и распределительным порядком.

Литература

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена постановлением чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=3007&req=doc> (дата обращения: 11.04.2026).
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 12.03.2026).
3. Закон СССР от 19 декабря 1969 г. № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=21343&req=doc> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Постановление Совета Министров СССР от 10 марта 1960 г. № 335 «О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/57418014/> (дата обращения: 10.05.2026).
5. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров СССР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 30 мая 1969 г. № 411 «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711100> (дата обращения: 01.05.2026).
6. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров СССР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 31 октября 1980 г. № 983 «О дальнейшем развитии и совершенствовании туристско-экскурсионного дела в стране» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765708448> (дата обращения: 29.03.2026).
7. Голубева О.А. Российский туризм в 1920–70-х годах: система организации и управления // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). История. Вып. 40. С. 68–75.
8. Егорова Д.В. Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в Советском государстве (1917–1991 годы): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.В. Егорова. Саранск, 2011. 204 с.
9. Завьялова С.В. Формирование и развитие законодательства СССР о туристско-экскурсионном обслуживании: первый этап [Электронный ресурс] // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 20. С. 119–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-zakonodatelstva-sssr-o-turistsko-ekskursionnom-obsluzhivanii-pervyy-etap> (дата обращения: 10.03.2026).
10. Завьялова С.В. Формирование и развитие законодательства СССР о туристско-экскурсионном обслуживании: второй этап [Электронный ресурс] // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. № 7. С. 217–222. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-zakonodatelstva-sssr-o-turistsko-ekskursionnom-obsluzhivanii-vtoroy-etap.pdf> (дата обращения: 22.03.2026).
11. Коробова А.П. К вопросу о соотношении понятия правовой политики со смежными юридическими категориями // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4. С. 62–66.
12. Лебедев В.М. Договор обслуживания на туристских базах профсоюзов СССР: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.М. Лебедев. Свердловск, 1990. 166 с.
13. Малько А.В. Правовая политика как категория XXI века // Государство и право. 2012. № 11. С. 5–13.

14. Мельникова В.А. Правовая политика советского государства как теоретическая конструкция и практическая деятельность государства // Юридические исследования. 2013. № 2. С. 8–11.

15. Петракова Т.Г. Социальная политика государства и профсоюзов в области санаторно-курортного дела Западной Сибири (1980-е – начало 2000-х гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.Г. Петракова. Барнаул, 2008. 245 с.

16. Путрик Ю.С. Развитие социального туризма в СССР и Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 5. С. 169–173.

17. Шундилов К.В. Юридические средства реализации правовой политики // Правоведение. 1997. № 4. С. 149–150.

TRADE UNION MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO REST IN SOVIET TOURISM AND SPA-RESORT POLICY: A HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Inarokov I.R.

H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

The purpose of the article is to reveal the trade union mechanism for implementing the right to rest in Soviet tourism and spa-resort policy from a historical and legal perspective. The methodological basis includes historical-legal, formal-legal, institutional, systemic and comparative-legal methods applied to normative acts, scholarly literature and materials on Soviet tourism and resort regulation. The study establishes that trade unions, while formally remaining public organizations, actually performed quasi-public functions related to the management of health resorts, distribution of vouchers, organization of tourism and excursion services, and inclusion of workers' recreation in the planned social system. The article shows that the constitutional right to rest acquired practical content through the interaction of legal guarantees, trade union infrastructure, planned capacity of institutions, medical selection, tourist routes and voucher procedures. Special attention is paid to the difference between sanatorium-resort and tourist vouchers, the role of the All-Union Central Council of Trade Unions, and the contradiction between a mass social promise and limited institutional resources. The conclusion emphasizes the trade union mechanism as an independent legal and organizational channel of Soviet legal policy.

Keywords: right to rest, trade unions, Soviet law, legal policy, tourism and resort sphere, sanatorium-resort services, voucher, All-Union Central Council of Trade Unions, social rights, planned administration

References

1. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: approved by Resolution of the Extraordinary Eighth Congress of Soviets of the USSR of December 5, 1936 [Electronic resource]. ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=3007&req=doc> (accessed: 11.04.2026).

2. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted by the Supreme Soviet of the USSR on October 7, 1977 [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (accessed: 12.03.2026).

3. USSR Law No. 4589-VII of December 19, 1969 "On Approval of the Fundamentals of Legislation of the USSR and the Union Republics on Healthcare" [Electronic resource]. ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=21343&req=doc> (accessed: 10.04.2026).

4. Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 335 of March 10, 1960 "On the Transfer of Sanatoriums and Rest Homes to Trade Unions" [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: <https://base.garant.ru/57418014/> (accessed: 10.05.2026).

5. Resolution of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, the Council of Ministers of the USSR and the All-Union Central Council of Trade Unions No. 411 of May 30, 1969 "On Measures for the Further Development of Tourism and Excursions in the Country" [Electronic resource]. Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711100> (accessed: 01.05.2026).

6. Resolution of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, the Council of Ministers of the USSR and the All-Union Central Council of Trade Unions No. 983 of October 31, 1980 "On the Further Development and Improvement of Tourist and Excursion Affairs in the Country" [Electronic resource]. Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765708448> (accessed: 29.03.2026).

7. Golubeva O.A. Russian Tourism in the 1920s-1970s: System of Organization and Management. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. History, 2010, No. 15 (196), issue 40, Pp. 68–75 [in Russian].

8. Egorova D.V. Legal Policy in the Sphere of Healthcare and Legal Protection of Public Health in the Soviet State (1917–1991): Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.01. Saransk, 2011. 204 p. [in Russian].

9. Zavyalova S.V. Formation and Development of USSR Legislation on Tourist and Excursion Services: The First Stage [Electronic resource]. Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezultatov issledovaniy, 2015, No. 20, Pp. 119–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitiye-zakonodatelstva-sssr-o-turistsko-ekskursionnom-obslyuzhivanii-pervyy-etap> (accessed: 10.03.2026) [in Russian].

10. Zavyalova S.V. Formation and Development of USSR Legislation on Tourist and Excursion Services: The Second Stage [Electronic resource]. Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh, 2015, No. 7, Pp. 217–222. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitiye-zakonodatelstva-sssr-o-turistsko-ekskursionnom-obslyuzhivanii-vtoroy-etap.pdf> (accessed: 22.03.2026) [in Russian].

11. Korobova A.P. On the Correlation between the Concept of Legal Policy and Related Legal Categories. Pravovaya politika i pravovaya zhizn, 2009, No. 4, Pp. 62–66 [in Russian].

12. Lebedev V.M. Contract for Services at Tourist Bases of Trade Unions of the USSR: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.03. Sverdlovsk, 1990. 166 p. [in Russian].

13. Malko A.V. Legal Policy as a Category of the 21st Century. Gosudarstvo i pravo, 2012, No. 11, Pp. 5–13 [in Russian].

14. Melnikova V.A. Legal Policy of the Soviet State as a Theoretical Construction and Practical Activity of the State. Yuridicheskie issledovaniya, 2013, No. 2, Pp. 8–11 [in Russian].

15. Petrakova T.G. Social Policy of the State and Trade Unions in the Field of Sanatorium-Resort Affairs of Western Siberia (1980s – Early 2000s): Cand. Sci. (History) Dissertation: 07.00.02. Barnaul, 2008. 245 p. [in Russian].

16. Putrik Yu.S. Development of Social Tourism in the USSR and the Russian Federation: Experience, Problems, Prospects. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv, 2010, No. 5, Pp. 169–173 [in Russian].

17. Shundikov K.V. Legal Means of Implementing Legal Policy. Pravovedenie, 1997, No. 4, Pp. 149–150 [in Russian].

Традиционные ценности как консолидирующая и регулятивная основа развития российского общества и государства

Мурин Дмитрий Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России
E-mail: nauka_murin@bk.ru

Фомина Елизавета Александровна,

преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России
E-mail: fomina-1998@yandex.ru

В статье рассматривается роль традиционных ценностей как фундаментального основания устойчивого развития российского общества и фактора, определяющего правомерное поведение граждан. На основе анализа нормативно-правовых документов, теоретических разработок и эмпирических социологических исследований обосновывается тезис о том, что традиционные духовно-нравственные ценности выступают системообразующим фактором консолидации общества, формирования общероссийской гражданской идентичности и обеспечения национального суверенитета. Особое внимание уделяется Указу Президента РФ № 809, закрепившему основы государственной политики в данной сфере, а также механизмам трансляции ценностей в правовое поле, включая институты семьи, образования, средств массовой информации и юридической ответственности. Авторы приходят к выводу, что традиционные ценности представляют собой не архаичный пережиток, а динамичный ресурс развития, требующий системной трансляции в общественные массы и правовой защиты от деструктивных влияний.

Ключевые слова: традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, правомерное поведение, государственная политика, консолидация, национальная идентичность, правосознание, устойчивое развитие, юридическая ответственность.

В условиях геополитических трансформаций и цивилизационных вызовов, стоящих перед современной Россией, проблема ценностных оснований общественного развития приобретает особую актуальность. Генезис и эволюция любого государства происходит на базе комплекса особенных и взаимообусловленных экономических, социальных, природно-демографических и идеологических причин. При этом последняя составляющая играет отнюдь не второстепенную роль в жизни государства. Вопрос о том, на каких мировоззренческих и нравственных принципах должно строиться дальнейшее существование и развитие российского государства и общества, становится не просто теоретическим, но практически значимым для определения стратегических ориентиров национальной политики.

Как справедливо отмечают исследователи, «защита и реализация традиционных ценностей является одним из приоритетов России, что побуждает государство разрабатывать и принимать различные нормативно-правовые документы, законы, которые обеспечивают реализацию данного стратегического направления как в деятельности современного российского государства, так и в функционировании социума» [7, С. 32–40]. В этом контексте обращение к традиционным ценностям как основе развития общества представляет собой не реакционный призыв к возврату в прошлое, а осознанный выбор цивилизационного пути, учитывающего историко-культурную специфику России и её многонационального народа.

В научной литературе и правовой действительности традиционные ценности понимаются как многогранное понятие, составные компоненты которого не являются чем-то статичным и постоянным. Традиция – это живой механизм, который эволюционирует, адаптируясь к новым вызовам. Наглядным примером служит коренное изменение в период СССР, заключающееся в активной антирелигиозной работе, в то время как православие на протяжении многих веков было нравственным ориентиром для жителей государства. По мере развития общества нравственные ориентиры неизбежно меняются и корректируются.

Прежде чем говорить о взаимосвязи традиционных ценностей и правомерного поведения, важно разобрать понятия в философской и юридической парадигме. В философии традиционные ценности определяются как фундамент мировоззрения и цивилизационной идентичности, аккумулирующий культурный и духовный опыт народа, выражающийся в нравственных нарративах. Переход ценностной установки в разряд традиционной требует ее воспроизводства в общественном поведении на протяжении нескольких поколений.

Согласно официальному определению, закреплённому в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (в редакции от 4 марта 2026 г.), «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [1].

Как подчёркивает Л.И. Никовская, «традиционные ценности понимаются в статье как основа формирования нового ценностно-смыслового контура российского государства» [5, С. 7]. Это означает, что они выполняют не просто дескриптивную функцию (описание того, что есть), но и прескриптивную (задание того, что должно быть), выступая в качестве мировоззренческого фундамента для стратегического планирования развития страны.

В данном указе идет конкретизация структуры традиционных ценностей. В обобщенном виде выделяют семнадцать ключевых ориентиров, образующих ценностно-смысловой каркас государственной политики. К традиционным ценностям относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека; патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд; приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость; коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России. Особого внимания заслу-

живает акцент на духовно-консолидирующей роли различных религиозных конфессий, среди которых доминирующая роль отводится православию.

Указ № 809 не является изолированным документом, а вписывается в более широкую систему стратегического планирования Российской Федерации. Он конкретизирует положения Стратегии национальной безопасности, Доктрины информационной безопасности, Стратегии противодействия экстремизму и Основ государственной культурной политики. Это свидетельствует о системном характере государственного подхода к ценностной политике и её интеграции во все ключевые сферы общественной жизни.

Российская система ценностей формировалась в течение столетий под влиянием уникального геополитического положения страны, находящейся на пересечении Запада и Востока, которая тесно связана с правосознанием российского народа, а также с правомерным поведением. Взаимосвязь между сильными традиционными ценностями и правомерным поведением подтверждается рядом факторов. Укорененные в коллективном сознании архетипические представления о добре и зле являются базовым фундаментом в определении правомерного поведения. В любом обществе есть система базовых общечеловеческих ценностей, приобщение к которым позволяет обеспечить правомерное поведение. Однако следует учитывать, что одна и та же поведенческая модель может получать противоположную юридическую оценку в различных государственных образованиях. То, что в одной системе традиционных ценностей квалифицируется как правомерное и социально одобряемое, в другой может расцениваться как отклоняющееся или даже общественно опасное.

Говоря о специфике именно российского государства, стоит подчеркнуть, что единые ориентиры позволяют многонациональному и многоконфессиональному обществу находиться в социальном согласии, что уменьшает количество конфликтов по мотивам ненависти или вражды. А. А. Кокошин и З. А. Кокошина подчёркивают, что в государственном и научно-экспертном дискурсе России «показаны роль и место традиционных ценностей в государственной политике РФ, изучено их сочетание с установками на модернизацию и инновационность» [4, С. 7–19]. Это принципиально важный момент: традиционные ценности не противопоставляются развитию и инновациям, а рассматриваются как их ценностная основа, обеспечивающая преемственность и устойчивость общественных преобразований.

Вопрос о том, насколько декларируемые на государственном уровне традиционные ценности действительно разделяются российским обществом, требует эмпирической проверки. Значительный вклад в решение этой задачи вносит Г. А. Борщевский, который на основе данных федерального статистического наблюдения и материалов репрезентативных опросов оценивает реальный уровень выраженности традиционных ценностей.

Результаты исследования показывают позитивные тенденции: большая часть (62%) индикаторов улучшили значения с 1990-х до 2020-х гг. Ценности патриотизма, гражданственности, служения Отечеству, коллективизма, взаимопомощи, исторической памяти и преемственности поколений, единства народов России имеют тенденцию к укреплению. Наиболее позитивные тенденции отмечены в реализации ценностей жизни, а также гуманизма и милосердия. Вместе с тем более противоречива ситуация с такими ценностями, как достоинство, права и свободы человека, приоритет духовного над материальным, справедливость. Это указывает на необходимость дифференцированного подхода к реализации ценностной политики [2, С. 57–70].

Однако исследователь фиксирует и проблемные зоны: ценность крепкой семьи не соответствует преобладающим социальным практикам [3, С. 9–38.]. Последние статистические данные Росстата за 2024 год свидетельствуют о снижении количества браков по сравнению с предыдущим годом. В то же время количество разводов все еще находится на высоком уровне (4,4 на 1000 человек населения)[9].

Трансляция традиционных ценностей в правовое поле осуществляется различными способами, однако определяющее значение имеет формирование высокого уровня правосознания и правовой культуры. Сохранение и укрепление традиционных ценностей обеспечивается через просветительские мероприятия, а также механизмы стимулирования социально-одобряемого поведения и юридической ответственности за его отклонение.

Семья является фундаментом в формировании правомерного поведения. Крепкая семья, основанная на союзе мужчины и женщины и их детей, является традиционной ценностью русского общества. На современном этапе данный институт переживает кризис. Государство осознает, что формирование главных ценностей должно происходить уже с раннего возраста, поэтому с целью укрепления представлений школьников о важности семьи и института брака в школах

с 2024 года был введен экспериментальный предмет «Семьеведение», который включен в курс внеурочных занятий «Разговоры о важном». В октябре 2025 года в Государственной Думе отметили первые успехи в апробации «Семьеведения» и необходимости его преподавания по всей стране.

Особую роль в формировании традиционных ценностей приобретают средства массовой информации. Именно данный социальный институт не только информирует массового зрителя о должном и запретном, но и придает эмоциональную окраску традиционным ценностям, что позволяет более эффективно закреплять устойчивые стереотипы правомерного поведения.

Помимо внутренних угроз, не стоит забывать и про внешние. Хоршую основу для совершения противоправного поведения составляет деструктивная идеология, транслируемая недружественными иностранными государствами, которые активно пытаются сфальсифицировать различные моменты в истории нашего государства. Закрепление в умах граждан такой традиционной ценности как «историческая память и преемственность поколений» позволит избежать провокаций со стороны противников и уменьшить количество преступлений, совершенных на основе вербовки россиян.

В русле отмеченных вызовов прослеживается тенденция к ужесточению существующих и появлению новых норм в уголовном и административном кодексе, связанных с нарушением традиционных ценностей. В частности, введение в 2024 году административной ответственности за пропаганду идеи «чайлдфри», а конкретно распространение информации или совершение публичных действий, направленных на формирование привлекательности отказа от деторождения[8].

Как отмечается в научной литературе, особая призма данного ценностно-мировоззренческого поворота в публичном пространстве связана с усилившейся государственной политикой противостояния западному влиянию и обеспечению национального суверенитета. Власть продвигает данные ценностные ориентиры с целью общественного сплочения, так как для консолидации людей необходим некоторый основополагающий свод идей, который имеет укоренение в исторической памяти общества и населяющих государство народов [5, С. 12–14].

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, традиционные ценности в Российской Федерации представляют собой не декларативный идеологический конструкт, а реально функционирующую систему нравственных ориентиров, имеющую глубокие историко-культурные корни и разделяемую значительной частью населения. Указ Президента РФ № 809 закрепил эту систему на уровне стратегического планирования, придав ей статус одного из национальных приоритетов.

Во-вторых, традиционные ценности выступают базовым фундаментом в определении правомерного поведения. Единые ориентиры позволяют многонациональному обществу находиться в социальном согласии, а их трансляция через институты семьи, образования и СМИ формирует высокий уровень правосознания и правовой культуры граждан.

В-третьих, эмпирические исследования подтверждают высокую степень согласия россиян с ценностно-нормативной рамкой, установленной государством, особенно в отношении ценностей патриотизма, гражданственности и исторической памяти.

В-четвёртых, традиционные ценности служат основой для формирования общероссийской гражданской идентичности, обеспечивают преемственность поколений и создают смысловой каркас для устойчивого развития общества в условиях цивилизационных вызовов.

В-пятых, традиционные ценности выступают культурной основой многонационального российского общества.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (в ред. Указа Президента РФ от 04.03.2026 № 136) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Борщевский Г. А. Традиционные российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки // Социологические исследования. 2024. № 3.
3. Борщевский Г. А. Традиционные российские ценности: возм AND ожности операционализации и социологическая диагностика // Социологическое обозрение. 2025. Т. 24. № 3.
4. Кокошин А. А., Кокошина З. А. Традиционные ценности российского общества в государственном и научно-экспертном дискурсе России // Общественные науки и современность. 2025. № 6.

5. Никовская Л.И. Традиционные ценности как фактор консолидации российского общества: от постановки проблемы к реальности // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29).

7. Плешаков Е.А., Хужина О.Н. О юридическом приоритете традиционных духовно-нравственных ценностей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65).

8. Установлена административная ответственность за пропаганду «чайлдфри» // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.su/YWbtX> (дата обращения: 16.06.2026).

9. Учетные данные о естественном движении населения в июне 2024 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/242508> (дата обращения: 16.06.2026).

TRADITIONAL VALUES AS A CONSOLIDATING AND REGULATORY BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY AND STATE

Murin D.A., Fomina E.A.

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

This article examines the role of traditional values as a fundamental foundation for the sustainable development of Russian society and a factor determining the lawful behavior of citizens. Based on an analysis of regulatory documents, theoretical developments, and empirical sociological research, it substantiates the thesis that traditional spiritual and moral values act as a system-forming factor in the consolidation of society, the formation of a pan-Russian civic identity, and the maintenance of national sovereignty. Particular attention is given to Presidential Decree № 809, which established the foundations of state

policy in this area, as well as to the mechanisms for translating values into the legal framework, including the institutions of family, education, media, and legal responsibility. The authors conclude that traditional values are not an archaic relic, but a dynamic resource for development that requires systematic dissemination to the public and legal protection from destructive influences.

Keywords: traditional values, spiritual and moral values, lawful behavior, public policy, consolidation, national identity, legal consciousness, sustainable development, legal responsibility.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, № 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» (as amended by Decree of the President of the Russian Federation of March 4, 2026, № 136) // SPS «Consultantplus»
2. Borshchevsky, G.A. Traditional Russian Values and Social Practices: An Empirical Analysis // Sociological Research. 2024. № 3.
3. Borshchevsky, G.A. Traditional Russian Values: Possibilities of Operationalization and Sociological Diagnostics // Sociological Review. 2025. Vol. 24. № 3.
4. Kokoshin, A.A., Kokoshina, Z.A. Traditional Values of Russian Society in the State and Scientific-Expert Discourse of Russia // Social Sciences and Modernity. 2025. № 6.
5. Nikovskaya L.I. Traditional Values as a Factor in the Consolidation of Russian Society: From Problem Statement to Reality // Socio-Political Research. 2025. № 4 (29).
7. Khuzhina O.N., Pleshakov E.A. On the Legal Priority of Traditional Spiritual and Moral Values // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (65).
8. Data on the Natural Population Change in June 2024 // Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/242508> (accessed: 16.06.2026).
9. Administrative liability established for promoting «childfree» // SPS Consultant-Plus. [Electronic resource]. URL: <https://clck.su/YWbtX> (accessed: June 16, 2026).

Использование технологий искусственного интеллекта и других цифровых технологий в надзорной деятельности органов прокуратуры: проблемы и перспективы развития

Олифиренко Екатерина Павловна,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного права и процесса, Северо-Кавказская
государственная академия
E-mail: kafedra2022@list.ru

Статья посвящена комплексному исследованию возможностей и перспектив интеграции технологий искусственного интеллекта в сферу прокурорской деятельности. Автором рассматриваются ключевые аспекты внедрения искусственного интеллекта в надзорной сфере, включая автоматизацию стандартных процедур, обработку и анализ значительного массива данных, прогнозирование тенденций преступности, недостаточную степень адаптации нормативно – правовой базы и практической деятельности органов прокуратуры к новым цифровым реалиям.

В статье делается акцент, на том, что вводимые трансформации способствуют возникновению проблем, связанных с этическими дилеммами применения искусственного интеллекта, обеспечение необходимого уровня кибербезопасности, защитой прав и свобод граждан. В заключении автором предлагаются конкретные рекомендации по дальнейшему развитию технологий искусственного интеллекта в контексте совершенствования теории и практики прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокуратура, надзорная деятельность, цифровая трансформация, цифровизация, информационные системы, технологии искусственного интеллекта.

Современные условия характеризуются потребностью адаптации традиционных правовых институтов к вызовам цифровой эпохи, а также необходимостью разработки эффективных механизмов обеспечения прав и свобод граждан в условиях цифровой трансформации. Современные информационно – коммуникационные технологии охватывают широкий спектр инструментов и технических решений, обеспечивающих возможность сбора, хранения, обработки и передачи информации в цифровом формате. Эти технологии значительно преобразовали и продолжают трансформировать различные аспекты жизни общества, включая коммуникационные процессы в образовательную сферу, экономическую деятельность, сферу развлечений, а также функционирование государственных институтов власти. Активная цифровизация государственных органов началась в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, цифровая трансформация непосредственно прокурорского сегмента данной деятельности до 2025 года осуществлялась в рамках Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года² и в настоящее время продолжает реализовываться в соответствии с Приказом Генпрокуратуры России от 11.09.2025 № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации»³.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в надзорную деятельность прокуратуры относится к перспективным направлениям сферы цифровизации органов прокуратуры. Так, 25 декабря 2025 года в рамках проведения заседания Научно-консультативного совета в Генеральной прокуратуре Российской Федерации были обсуждены возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в работу прокуроров, преимущества, какие могут появиться при его использовании, а также трудности, которые предстоит преодолеть⁴. В этих целях на федеральном уровне был утвержден план по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры на 2024–2026 годы, которым предусмотрен комплекс мероприятий, направленных на создание благоприятной среды для эффективного функционирования технологий искусственного интеллекта в деятельности прокуратуры⁵. В числе приоритетных направлений для внедрения технологий искусственного интеллекта названы аналитическая деятельность, прогнозирование и совершенствование работы с обращениями граждан. Процесс включает внедрение ведомственных информационных систем, использование нейросетей и технологий искусственного интеллекта в повседневной работе прокуратуры⁶.

¹ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://government.ru/info/35568> (дата обращения: 18.06.2026).

² Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71670972> (дата обращения: 20.06.2026).

³ Приказ Генпрокуратуры России от 11.09.2025 № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» // СудАкт.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-11092025-n-621/>

⁴ В Генпрокуратуре России обсуждены вопросы практического использования технологий искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://epp.genproc.gov.ru/rugprf/mass-media/news/main/e8333220> (дата обращения: 10.06.2026)

⁵ Гудкова Ю. А., Филина Н. В. Применение искусственного интеллекта в прокурорской деятельности: перспективы, вызовы и направления развития // Сборник научных статей IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе». – Новосибирск, 2025. С. 134.

⁶ Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации: всесторонний анализ состояния, проблем и перспектив развития до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://management.econlib.ru/referat/informatizatsiya-prokurorskoj-deyatelnosti> (дата обращения: 10.06.2026)

В настоящее время правовые аспекты, связанные с осуществлением регулирования разработки и использования различных систем искусственного интеллекта находятся на стадии своего становления. Однако, можно выделить следующие документы, которые в той или иной мере, регулируют вопросы применения искусственного интеллекта: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»; ГОСТ Р 59276–2020 от 23.12.2020 № 1371 – ст «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения»; ГОСТ Р 59277–2020 от 23.12.2020 № 1371 – ст «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта». Перечисленные нормативно – правовые документы, регулирующие применение в нашей стране технологии искусственного интеллекта, обладают общей направленностью и зачастую не учитывают особенности специфики функционирования конкретных органов и учреждений. В связи с этим по мере внедрения обозначенных технологий в ту или иную отрасль общественной жизни может возникнуть необходимость разработки отдельных нормативных актов, регулирующих применение различных систем искусственного интеллекта для каждой из этих сфер.

Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11 сентября 2025 года № 621 утверждена обновлённая Концепция цифровой трансформации органов и организации прокуратуры Российской Федерации на период до 2030 года¹. Настоящий документ определяет стратегию перехода к интегрированной аналитической системе, основанной на использовании технологии машинного обучения. Данная система предназначена для прогнозирования тенденций развития правонарушений, выявления скрытых закономерностей в больших объемах данных и обеспечения своевременного реагирования на изменения правовой сфере. Концепция предполагает внедрение передовых методов мониторинга, включая использование искусственного интеллекта и технологий обработки больших данных для обеспечения соблюдения законодательства органами дознания и предварительного следствия. Инициатива направлена на интеграция современных технологий для анализа первичных учетных документов, что является стратегическим направлением повышения эффективности надзорных действий в данной области. В данном контексте основное внимание уделяется вспомогательной роли искусственного интеллекта, причем подчеркивается, что принятие ключевых решений остается в компетенции человека. В связи с этим особенно остро обнаруживается проблема подготовки прокурорских кадров, обладающих цифровыми компетенциями. Для обеспечения соответствующего уровня подготовки специалистов в ведомственном университете были внедрены специализированные учебные дисциплины, направленные на освоение технологий, связанных с применением нейронных сетей.

В целом, стратегия внедрения искусственного интеллекта в российскую прокуратуру в значительной степени коррелирует с европейскими практиками. Основное направление применения искусственного интеллекта заключается в его использовании для аналитической поддержки процессов принятия решений, а не для полной автоматизации правоприменительных процедур. С учетом специфики надзорных функций прокурора на досудебных этапах уголовного судопроизводства, представляется целесообразным рассмотреть возможность внедрения азиатской модели, адаптированной к конституционным гарантиям прав граждан в уголовном процессе².

Особое внимание следует уделить специфике функций уголовного преследования, реализуемой Генеральной прокуратурой Российской Федерации. В рамках досудебного производства прокурор осуществляет надзор за соблюдением законодательства органами предварительного следствия. Внедрение инструментов искусственного интеллекта в данной сфере видится перспективным направлением, поскольку такие системы способны гарантировать неизменность данных о проведении следственных и процессуальных действий. Следует особо подчеркнуть, что интеграция цифровых технологий и систем искусственного должна осуществляться не только в органах прокура-

туры, но и в следственных и дознавательных подразделениях. Однако стоит отметить, что процесс внедрения систем искусственного интеллекта в деятельность российской прокуратуры связан с рядом этических рисков. В частности, требуется разработка специализированных систем для обеспечения защиты персональных данных, содержащихся в процессуальных документах. Использование глобальных нейронных сетей, особенно размещенных за пределами Российской Федерации, представляет потенциальную угрозу утечки конфиденциальной информации и нарушения прав граждан. Так, например Е.С. Папышев указывает на то, что «... цифровизация исключит возможность совершения каких – либо следственных и иных процессуальных действий задним числом. Искусственный интеллект не позволит это сделать»³.

Современные научные исследования, в частности речь идет о работах М.А. Гаврилова⁴, Т.Я. Евлоева⁵, А.П. Спиридонова⁶ демонстрируют повышенный интерес к различным аспектам интеграции цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры. Особое внимание в этих публикациях уделяется общим вопросам внедрения искусственного интеллекта и цифровых технологий в функциональные процессы прокуратуры.

А.С. Киселев уделяет внимание расширению процессов правовой аналитики и оценке рисков, связанных с автоматизацией⁷. Научные изыскания в рамках уголовного судопроизводства, фокусируются, как правило, на узкоспециализированных аспектах. В частности, такими авторами как В.Н. Исаенко, А.А. Якушин исследуются возможности применения информационных технологий для анализ экспертных заключений и обеспечение права на справедливое судебное разбирательство⁸.

В свою очередь В.В. Пшава, В.В. Плетнев, К.С. Тимофеев указывают на то что «происходит процесс внедрения искусственного интеллекта, как одного из средств информатизации общества, не только в сфере экономики, но в сфере права»⁹.

Б.Б. Беков полагает, что «внедрение искусственного интеллекта в деятельность прокуратуры обещает значительные перспективы в повышении эффективности правоприменительных органов и обеспечении более справедливого правосудия, однако это возможно при условии грамотного учета этических, юридических и технических аспектов»¹⁰. Общее мнение авторов сводится к тому, что внедрение технологий искусственного интеллекта ориентировано на автоматизацию стандартных операционных процедур, включающих анализ документации, прогнозирование исходов рассмотрения дел и выполнение других типовых операций, что способствует снижению нагрузки на специалистов и минимизации вероятности субъективных ошибок.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, можно отметить что процесс интеграции систем искусственного интеллекта и других цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры, включая надзор за органами предварительного расследования, является на сегодняшний день сложной и значимой задачей как в контексте внесения изменений в действующую законодательную базу, так и в области правоприменительной практики. Анализ практики эффективно использования систем искусственного интеллекта свидетельствует о том, что наиболее эффективным подходом является обеспечение контроля со стороны человека над функционированием систем искусственного интеллекта, поскольку полное делегирование полномочий автоматизированным системам в столь значимых сферах обществен-

³ Папышева Е.С. Оптимизация прокурорского надзора в условиях цифровизации уголовного процесса // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 2 (64). С. 113–122.

⁴ Гаврилов М.А. Перспективы использования систем искусственного интеллекта в прокурорской деятельности // Искусство правоправедения. The art of law. 2024. № 3. С. 35–40.

⁵ Евлоев Т.Я. Современное состояние и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 6 (119). С. 205–211.

⁶ Спиридонов А.П. Искусственный интеллект в деятельности органов прокуратуры: перспективы внедрения и использования // Законность. 2024. № 8. С. 35–38.

⁷ Киселев А.С. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в сфере правовой аналитики и правотворческой деятельности // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 6 (223).

⁸ Исаенко В.Н., Якушин А.А. Цифровые технологии в системе средств обеспечения прокурором права на судебную защиту на начальном этапе уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 31–43.

⁹ Пшава В.В., Плетнев В.В., Тимофеев К.С. К вопросу о роли искусственного интеллекта в минимизации ошибок в уголовном судопроизводстве // Право и практика. 2024. № 2. С. 140–143.

¹⁰ Беков Б.Б. Проблемы и преимущества использования искусственного интеллекта и аналитики данных в прокуратуре // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 1А. С. 599–605.

¹ Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11.09.2025 г. № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_514574/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1dda4fdad5f18 (дата обращения 10.06.2026).

² Симдяшкина С.А., Нугаева А.А., Жаркова И.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в прокурорском надзоре за исполнением законов органами предварительного расследования // Социальные нормы и практики. 2025. № 2. С. 35–45.

ной жизни как прокурорский надзор может привести к массовым нарушениям прав человека.

Отталкиваясь от вышеизложенного видится целесообразным обозначить комплекс необходимых, на наш взгляд, мероприятий для успешной интеграции систем искусственного интеллекта в деятельность органов прокуратуры. На уровне законодательного регулирования нам видится целесообразным модифицировать существующую нормативно – правовую базу, регулирующую организацию и функционирование органов прокуратуры, дополнив ее положениями, регламентирующими применение тактических алгоритмов при проведении проверок, а также разработать и утвердить ведомственным актом Генеральной прокуратуры Российской Федерации методические рекомендации по созданию и реализации тактических схем надзорной деятельности в условиях использования систем искусственного интеллекта.

В сфере теоретических исследований прокурорского надзора необходимо продолжить научно – исследовательские изыскания, направленные на разработку и совершенствование тактических методов прокурорского надзора; обеспечить процесс внедрения результатов научных исследований в практическую деятельность органов прокуратуры.

В области практического правоприменения предлагается осуществить процесс внедрения специализированных программ для обработки данных, содержащихся на электронных носителях информации о характеристиках объектов надзора и принять меры по обеспечению информационной безопасности при эксплуатации вышеуказанных программных комплексов, а также уделять особое внимание профессиональной подготовки специалистов соответствующего профиля и необходимого уровня квалификации с целью обеспечения их готовности к эффективному взаимодействию с высокотехнологичными инструментами.

Литература

1. Беков Б.Б. Проблемы и преимущества использования искусственного интеллекта и аналитики данных в прокуратуре // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 1А. С. 599–605.
2. Гаврилов М.А. Перспективы использования систем искусственного интеллекта в прокурорской деятельности // Искусство правоведения. The art of law. 2024. № 3. С. 35–40.
3. Евлов Т.Я. Современное состояние и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 6 (119). С. 205–211.
4. Исаенко В.Н., Якушкин А.А. Цифровые технологии в системе средств обеспечения прокурором права на судебную защиту на начальном этапе уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 31–43.
5. Киселев А.С. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в сфере правовой аналитики и правотворческой деятельности // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 6 (223).
6. Папышева Е.С. Оптимизация прокурорского надзора в условиях цифровизации уголовного процесса // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 2 (64). С. 113–122.
7. Пшава В.В., Плетнев В.В., Тимофеев К.С. К вопросу о роли искусственного интеллекта в минимизации ошибок в уголовном судопроизводстве // Право и практика. 2024. № 2. С. 140–143.

8. Симдяшкіна С.А., Нугаева А.А., Жаркова И.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в прокурорском надзоре за исполнением законов органами предварительного расследования // Социальные нормы и практики. 2025. № 2. С. 35–45.

9. Спиридонов А.П. Искусственный интеллект в деятельности органов прокуратуры: перспективы внедрения и использования // Законность. 2024. № 8. С. 35–38.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND OTHER DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SUPERVISORY ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Olifirens E.P.

North Caucasus State Academy

The article is devoted to a comprehensive study of the possibilities and prospects of integrating artificial intelligence technologies into the field of prosecutorial activity. The author examines key aspects of the introduction of artificial intelligence in the supervisory sphere, including automation of standard procedures, processing and analysis of a significant amount of data, forecasting crime trends, insufficient adaptation of the regulatory framework and practical activities of the prosecutor's office to the new digital realities. The article focuses on the fact that the introduced transformations contribute to the emergence of problems related to the ethical dilemmas of using artificial intelligence, ensuring the necessary level of cybersecurity, and protecting the rights and freedoms of citizens. In conclusion, the author offers specific recommendations for the further development of artificial intelligence technologies in the context of improving the theory and practice of prosecutorial supervision.

Keywords: prosecutor's office, supervisory activities, digital transformation, digitalization, information systems, artificial intelligence technologies.

References

1. Bekov B.B. Problemy i preimushhestva ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta i analitiki danny'x v prokurature // Voprosy' rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2024. Tom 14. № 1A. Pp. 599–605.
2. Gavrilov M.A. Perspektivy' ispol'zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta v prokuror skoj deyatel'nosti // Iskusstvo pravovedeniya. The art of law. 2024. № 3. Pp. 35–40.
3. Evloev T. Ya. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy' vnedreniya cifrovyy'x tekhnologiy v deyatel'nost' organov prokuratury' // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2024. № 6 (119). Pp. 205–211.
4. Isaenko V.N., Yakushkin A.A. Cifrovyy'e tekhnologii v sisteme sredstv obespecheniya prokurorom prava na sudebnuyu zashhitu na nachal'nom e'tape ugovnogo sudoproizvodstva // Sibirskie ugovno-processual'ny'e i kriminalisticheskie chteniya. 2020. № 1 (27). Pp. 31–43.
5. Kiselev A.S. Perspektivy' i riski ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v sfere pravovoy analitiki i pravotvorcheskoj deyatel'nosti // Lex Russica. 2025. T. 78. № 6 (223).
6. Papy'sheva E.S. Optimizatsiya prokurorskogo nadzora v usloviyax cifrovizatsii ugovnogo processa // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. № 2 (64). Pp. 113–122.
7. Pshava V.V., Pletnev V.V., Timofeenko K.S. K voprosu o roli iskusstvennogo intellekta v minimizatsii oshibok v ugovnom sudoproizvodstve // Pravo i praktika. 2024. № 2. Pp. 140–143.
8. Simdyashkina S.A., Nugaeva A.A., Zharkova I.A. Perspektivy' ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v prokurorskom nadzore za ispolneniem zakonov organami predvaritel'nogo rassledovaniya // Social'ny'e normy' i praktiki. 2025. № 2. Pp. 35–45.
9. Spiridonov A.P. Iskusstvenny'j intellekt v deyatel'nosti organov prokuratury': perspektivy' vnedreniya i ispol'zovaniya // Zakonnost'. 2024. № 8. Pp. 35–38.

Саранцева Светлана Геннадьевна,

аспирант, РосНОУ – Российский новый университет,
РТУ МИРЭА – Российский технический университет
E-mail: svesi123@mail.ru

В статье исследуется трансформация правовой реальности под влиянием цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта через призму психологической концепции права. Автор обращается как к теоретическому наследию Л.И. Петражицкого, заложившего основы эмоционально-психологического понимания права, так и к современным учениям юридической психологии, обосновывая необходимость переосмысления фундаментальных правовых категорий в условиях стремительного технологического прогресса. Особое внимание уделяется проблеме доверия к системам искусственного интеллекта в правоприменительной практике, трансформации правосознания новых поколений, формирующегося в цифровой среде, а также рискам цифровой девиации, связанным с изменением поведенческих паттернов. В заключении делается вывод о том, что эффективное правовое регулирование в эпоху цифровизации невозможно без учета психологических закономерностей восприятия права человеком, а также без осознания того, что алгоритмы и нормативные акты должны быть адаптированы к эмоционально-когнитивным особенностям индивида, чтобы сохранять легитимность и социальную справедливость.

Ключевые слова: право, юридическая психология, искусственный интеллект, цифровизация, правосознание, Л.И. Петражицкий, доверие, цифровая девиация, правоприменение.

Введение

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни ставит перед юридической наукой вопросы, требующие не только доктринального осмысления, но и междисциплинарного подхода. Искусственный интеллект (ИИ) все активнее проникает в правовую сферу – от систем поддержки принятия судебных решений до автоматизированного документооборота и прогнозирования правовых рисков. Однако, за техническими и нормативными аспектами внедрения ИИ остается недостаточно изученной психологическая составляющая данного процесса.

При этом, как справедливо отмечает С.Ю. Чуча, «искусственный интеллект рассмотрен как междисциплинарное юридико-психологическое явление», причем «определяющая и неотъемлемая часть легальных и доктринальных определений ИИ – терминология и отношения, являющиеся следствием психологических практик и предметом изучения психологической науки». Подобное утверждение означает, что законодатель, определяя ИИ через категории «интеллектуальной деятельности» и «когнитивных функций», фактически «очеловечивает» технологию, проводя аналогию между психикой живого субъекта и неодушевленного объекта. [1, С. 146]

Данная методологическая установка требует обращения к фундаментальным вопросам: что есть право, как психологический феномен и как цифровая реальность трансформирует его восприятие и действие?

Глава 1. Психологическая концепция права Л.И. Петражицкого в цифровую эпоху

В условиях кибернетической цивилизации особую актуальность приобретает обращение к психологической концепции права Льва Иосифовича Петражицкого. Согласно его учению, право существует не столько в нормативных текстах, сколько в психической сфере личности – как «императивно-атрибутивные переживания», побуждающие к определенному поведению. Право и нравственность, по Петражицкому, суть различные типы эмоционально-волевых состояний, и именно их соотношение определяет правовое поведение индивида.

В эпоху цифровизации такие различия приобретает новые очертания. Цифровая среда формирует особый тип правосознания, в котором нормативное предписание может не совпадать с актуальным поведением, а механизмы социального контроля ослабляются анонимностью и опосредованностью коммуникации. Как показывают исследования, «погружение и длительная активность в цифровой среде зачастую сопровождается иммерсивным стрессом, снижением жизненного тонуса и его инверсией от позитивных настроений и поведенческих установок к негативным и даже девиантным». К примеру, социально-ориентированное нравственное сознание может «эволюционировать в неблагоприятных для общества направлениях». [2, С. 119]

С точки зрения Петражицкой концепции, данный факт может означать трансформацию самой структуры правовых переживаний. Анонимность снижает императивность правовых предписаний, а опосредованность коммуникации ослабляет атрибутивные (притязательные) компоненты правосознания. В результате возникает феномен, который можно обозначить как «цифровое правовое безразличие» – состояние, при котором индивид формально знает правовую норму, но не переживает ее как внутренне обязательную.

Глава 2. Искусственный интеллект как вызов правовому сознанию

Внедрение систем искусственного интеллекта в правосудие и правоприменение ставит проблему доверия в центр юридико-психологического анализа. Как подчеркивается в исследовании А.Ю. Кузьмина и соавторов, «область юриспруденции остается одной из наиболее сложных для внедрения систем поддержки принятия решений на основе ИИ». Фокус-группы с экспертами органов исполнительной и судебной власти выявили как пользу таких систем, так и сомнения в их использовании. [3, С. 111]

Ключевым условием внедрения ИИ в правосудие, по мнению С.Ю. Чучи, является доверие со стороны спорящих сторон и суда, «обе-

спечиваемое реальной возможностью верификации совершаемых ИИ действий и принимаемых решений психологически допустимыми для человека и юридически оформленными методами». Иными словами, алгоритм должен быть не просто эффективным, но и понятным человеку – его решения должны допускать рациональное объяснение и критику.

В таком случае возникает фундаментальное противоречие между природой ИИ (в частности, нейросетевых моделей, функционирующих как «черный ящик») и психологическими потребностями правового субъекта. Право по своей сути предполагает диалог, аргументацию, возможность оспаривания – то есть те процессы, которые строятся на межличностном доверии и взаимопонимании. Алгоритм, неспособный объяснить собственную логику, воспринимается как угроза, а не как помощник.

В заключении настоящей главы нельзя не сказать о том, какие меры должны быть предприняты, чтобы методология обучения ИИ соответствовала ценностям права и учитывала психологию.

Во-первых, вводятся ограничения против смещения данных: например, сбалансированное представление различных категорий дел и ответчиков при обучении, использование технологий обезличивания для защиты персональных данных. [4, С. 74]

Во-вторых, обсуждается привлечение экспертов-психологов и юристов для оценки промежуточных результатов модели (валидация выводов ИИ на предмет их правовой обоснованности и психологической приемлемости). [5, С. 18]

В-третьих, подчеркивается соответствие разработанной методики принципам справедливости и прозрачности: например, алгоритмы проходят независимый аудит (Large Language Models in Law: A Survey), их решения можно интерпретировать, а применение ИИ не подменяет полностью усмотрение человека-судьи.

Таким образом, методология нацелена на сочетание вычислительной эффективности и соблюдения принципов права, заложенных психологической теорией (уважение к человеческой личности, учёт восприятия справедливости и др.).

Глава 3. Трансформация правосознания новых поколений

Цифровое поколение, чья социализация происходит в условиях тотальной цифровизации, демонстрирует качественно иные характеристики правосознания. Исследования показывают, что для молодежи характерно особое отношение к информации, знанию и авторитету: они «предпочитают не обладать и знать/иметь информацию, а искать и получать ее», что коренным образом меняет механизмы правовой социализации. [6, С. 75]

В. Н. Жадан, анализируя влияние цифровизации на правосознание несовершеннолетних, вводит понятие «цифровая девиация» – новую форму девиантного поведения, обусловленную спецификой виртуальной среды. К факторам риска относятся: быстрая письменная коммуникация, «существенно снижающая богатство эмоциональных переживаний»; неоднозначность восприятия цифровых текстов и символов; анонимность, «снижающая степень ответственности за распространение заведомо ложной информации»; а также уход от живого общения и связанные с этим проблемы социализации.

В терминах юридической психологии это означает, что цифровая среда создает условия для деформации механизмов правовой регуляции поведения: ослабляются эмоциональные компоненты правосознания, размываются границы между допустимым и недопустимым, снижается рефлексивный контроль за собственными действиями.

Глава 4. Правовое регулирование против психологической реальности

Динамика порождения новой информации растет по экспоненте, и «без привлечения современных информационно-технологических средств поиск необходимой нормативно-правовой или иной информации в колоссальном массиве национального информационного ресурса становится практически невозможным». Однако за этой технической необходимостью стоит более глубокая проблема: как сохранить человеческое измерение права в условиях все большее автоматизирующихся правовых процессов? [7, С. 34]

В то же время, как справедливо отмечается в научной литературе, «необходимо решение правовых задач регулирования процессов цифровизации, связанных с психологическими и социокультурными аспектами новой виртуальной реальности». Подобное явление требует не просто адаптации существующих норм, но и нового понимания самого феномена права – не как совокупности правил, а как живой ткани человеческих отношений, регулируемых правовыми переживаниями.

Заключение

Право, как психологический феномен в эпоху цифровизации требует переосмысления ключевых категорий. Обращение к концепции Л. И. Петражицкого позволяет увидеть, что право – это не только нормы и институты, но и особый тип переживаний, которые формируются в психике индивида. Цифровая среда и внедрение искусственного интеллекта трансформируют эти переживания, создавая новые риски и возможности.

Среди приоритетных направлений дальнейших исследований можно выделить: разработку методологии оценки психологической приемлемости систем ИИ в правоприменении; изучение динамики правосознания в цифровой среде; создание механизмов обеспечения доверия к алгоритмическим правовым решениям; а также развитие правового регулирования, учитывающего психологические закономерности восприятия права человеком.

Как показали современные конференции по юридической психологии, «влияние искусственного интеллекта на развитие юридической психологии в условиях цифровизации общества» становится одной из центральных тем научной повестки. И это не случайно: именно на стыке права и психологии сегодня формируется ответ на вызовы, которые технологии бросают традиционным правовым институтам. [8, С. 47]

Право, чтобы оставаться правом, должно сохранять связь с человеком – его переживаниями, мотивами, страхами и надеждами. В эпоху цифровизации эта связь не должна быть утрачена – напротив, она требует более глубокого и вдумчивого исследования.

Литература

- Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Журнал «Правоведение». СПб., 2000, 146 с.
- Чуча С. Ю. Искусственный интеллект в правосудии: юридико-психологические аспекты правоприменения. Журнал «Правоприменение». 2023. Т. 7, № 2. 116–124 с.
- Кузьмин А. Ю., Гофман О. О., Ковальчук С. В. Цифровые технологии поддержки принятия решений в юриспруденции: психологический профиль и доверие пользователей. Журнал «Управленческое консультирование». 2025. № 5. 106–114 с.
- Жадан В. Н. Влияние условий цифровизации на правосознание и поведение несовершеннолетних. Журнал «Юридическая наука». 2024. № 1. 72–79 с.
- Аргунова Е. С., Балахничев А. А., Ванчиков В. Ц. О влиянии цифровизации на российское право. Журнал «Глаголь Правосудия». 2020. № 2(24). 16–21 с.
- Ното-juridicus в эпоху кибернетической цивилизации. Журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета». 2023. 73–78 с.
- Обзор актуальных проблем юридической психологии по итогам «Еникеевских чтений». Журнал «Юридическая психология». 2025. № 4. 32–36 с.
- «Право, как психологический феномен». Журнал «Прикладная юридическая психология». 2024. № 2(67). 43–49 с.

LAW AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON IN THE ERA OF DIGITALIZATION AND THE APPLICATION OF INNOVATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Sarantseva S. G.
Russian New University, Russian Technological University

The article examines the transformation of legal reality under the influence of digitalization and the introduction of artificial intelligence technologies through the lens of the psychological concept of law. The author refers both to the theoretical legacy of L. I. Petrazhitzky, who laid the foundations for the emotional-psychological understanding of law, and to modern doctrines of legal psychology, substantiating the need to reconsider fundamental legal categories in the context of rapid technological progress. Special attention is paid to the problem of trust in artificial intelligence systems in law enforcement practice, the transformation of the legal consciousness of new generations formed in the digital environment, as well as the risks of digital deviation associated with changes in behavioral patterns. The conclusion argues that effective legal regulation in the era of digitalization is impossible without taking into account the psychological patterns of human perception of law, as well as without recognizing that algorithms and normative acts must be adapted to the emotional and cognitive characteristics of the individual in order to maintain legitimacy and social justice.

Keywords: law, legal psychology, artificial intelligence, digitalization, legal consciousness, L. I. Petrazhitzky, trust, digital deviation, law enforcement.

References

1. Petrazhitsky L.I. Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. Journal of Jurisprudence. St. Petersburg, 2000, 146 p.
2. Chucha S. Yu. Artificial Intelligence in Justice: Legal and Psychological Aspects of Law Enforcement. Journal of Law Enforcement. 2023. Vol. 7, No. 2. 116–124 p.
3. Kuzmin A.Yu., Goffman O.O., Kovalchuk S.V. Digital Technologies for Decision-Making Support in Jurisprudence: Psychological Profile and User Trust. Journal of Management Consulting. 2025. No. 5. 106–114 p.
4. Zhadan V.N. The Impact of Digitalization on the Legal Awareness and Behavior of Minors. Journal of Legal Science. 2024. No. 1. 72–79 p.
5. Argunova E.S., Balakhnichev A.A., Vanchikov V. Ts. On the Impact of Digitalization on Russian Law. Journal "Glagol of Justice". 2020. No. 2(24). 16–21 p.
6. Homo-juridicus in the Age of Cybernetic Civilization. Journal "Legal Bulletin of Kuban State University". 2023. 73–78 p.
7. Review of Current Issues in Legal Psychology Based on the Results of the "Yenikeev Readings". Journal "Legal Psychology". 2025. No. 4. 32–36 p.
8. "Law as a Psychological Phenomenon". Journal "Applied Legal Psychology". 2024. No. 2(67). 43–49 pp.

Соколов Вадим Вячеславович,

кандидат исторических наук, доцент, сенатор Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

В статье рассматриваются соматические права как особая область правового регулирования, в которой наиболее отчетливо проявляются пределы телеологии права. Анализируется конкуренция ценностных оснований, связанных с телесной автономией личности, достоинством человека, охраной здоровья, публичными интересами, медицинской безопасностью и защитой прав других лиц. Обосновывается, что соматические права не могут быть сведены ни к абсолютной свободе распоряжения собственным телом, ни к полному подчинению телесной сферы государственным, медицинским или социальным целям. Особое внимание уделяется значению информированного добровольного согласия, принципа соразмерности, запрета эксплуатации и необходимости повышенных правовых гарантий в сфере медицинских, репродуктивных и биомедицинских вмешательств. Делается вывод о том, что соматические права выступают пределом правового целеполагания, поскольку не позволяют рассматривать человека как средство достижения внешних социально значимых результатов.

Ключевые слова: соматические права, телеология права, достоинство личности, охрана здоровья, биомедицинские технологии, репродуктивные права, правовые ценности, личная неприкосновенность, пределы правового регулирования.

Проблема соматических прав занимает особое место в современной теории права, поскольку выводит юридическое исследование к предельному вопросу о том, насколько далеко право может распространять свое назначение в отношении человеческого тела. Если классическая телеология права связывалась с обеспечением общественного порядка, справедливости, безопасности, свободы и устойчивости социальных институтов, то соматические права ставят перед правовой системой более сложную задачу: определить, где проходит граница между правомерным регулированием телесной автономии человека и недопустимым подчинением личности внешним нормативным целям. В данном смысле соматические права выступают не просто новым поколением прав или специальной группой личных правомочий. Они обнаруживают внутренние пределы самого правового целеполагания, поскольку право сталкивается с телом человека не как с обычным объектом регулирования, а как с биологическим, личностным, нравственным и социальным основанием человеческого существования.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что развитие медицины, биотехнологий, репродуктивных технологий, трансплантологии, генетической диагностики, клеточных технологий и цифровой обработки медицинских данных радикально изменило содержание вопроса о телесной автономии. Современный человек все чаще оказывается не только носителем прав и обязанностей, но и субъектом решений, затрагивающих его тело, здоровье, репродуктивную способность, биологические материалы, генетическую информацию и посмертную судьбу органов и тканей. При этом, такие решения не могут оцениваться исключительно через призму частной свободы, поскольку они затрагивают интересы иных лиц, публичную нравственность, безопасность медицинского оборота, демографическую политику, защиту семьи, достоинство личности и пределы коммерциализации человеческого тела. В этой связи, соматические права раскрывают не столько расширение автономии индивида, сколько сложную конкуренцию ценностных оснований, каждое из которых претендует на юридическое признание[16].

В отечественной правовой доктрине само понятие личностных, или соматических, прав связано прежде всего с именем В.И. Круссa [10], который поставил вопрос о правах человека в отношении собственного тела в конституционном и философско-правовом измерении. Дальнейшая разработка данной проблематики получила развитие в работах М.А. Лаврика [11], П.П. Ланга [16, 17], А.А. Абашидзе и А.М. Солнцева [12], а также в исследованиях личных неимущественных прав, представленных, в частности, М.Н. Малеиной [13]. В представленных подходах соматические права обычно связываются с возможностью человека распоряжаться собственным телом, принимать решения относительно медицинского вмешательства, репродукции, донорства, трансплантации, изменения телесных характеристик, использования биологического материала и иных сфер, в которых право соприкасается с физической целостностью личности. Однако, уже на уровне определения обнаруживается сложность: соматические права не являются однородной группой, поскольку включают как общепризнанные элементы личной неприкосновенности, так и спорные притязания, требующие самостоятельной ценностной оценки.

Конституционная основа соматических прав вытекает из положений Конституции Российской Федерации [1], закрепляющих достоинство личности, право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, охрану здоровья и медицинскую помощь. Вышеприведенные положения не называют соматические права как самостоятельную категорию, однако создают общий нормативный фундамент для защиты телесной автономии. Тело человека в конституционно-правовом смысле не может рассматриваться как вещь, имущество или технический объект регулирования. Оно связано с личностью настолько тесно, что всякое вмешательство в телесную сферу затрагивает не только физическое состояние, но и достоинство, идентичность, свободу выбора и личную безопасность. Иными словами, правовое регулирование соматических отношений не может быть построено только на медицинской целесообразности или административной эффективности.

Положения Гражданского кодекса Российской Федерации [2] закрепляют охрану нематериальных благ, включая жизнь, здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, неприкосновен-

ность частной жизни и иные личные немущественные блага. Применительно к исследуемому вопросу, его нормативные положения имеют принципиальное значение, поскольку они находятся на границе между нематериальными благами и действиями, которые имеют материально выраженный биологический результат. Например, медицинское вмешательство, донорство крови, изъятие органов, использование клеточного материала или обработка генетической информации связаны с телесной реальностью, но их юридический смысл не может быть сведен к обороту вещей. Человеческое тело и его элементы не должны превращаться в обычный объект «имущественного обмена», поскольку за ними сохраняется связь с личностью, достоинством и запретом обезличивания человека.

Наряду с этим, ключевую роль в нормативном оформлении соматических прав играют положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3]. Так, в нем закреплены основы охраны здоровья, принципы добровольности медицинского вмешательства, информированного согласия, права пациента на информацию, отказа от медицинского вмешательства, применения вспомогательных репродуктивных технологий и отдельных ограничений в сфере медицинской деятельности. Посредством данного нормативного документа право признает, что телесная сфера не может быть объектом произвольного врачебного, административного или семейного решения. Медицинское вмешательство требует согласия, а согласие предполагает информированность, добровольность и способность лица осознанно принять решение. Тем самым телесная автономия получает юридическую форму, но одновременно включается в систему ограничений, связанных с охраной здоровья, правами других лиц и публичными интересами.

Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [4] демонстрирует одну из наиболее сложных форм конкуренции ценностей. С одной стороны, трансплантация направлена на спасение жизни и восстановление здоровья, что соответствует гуманистической телеологии права. С другой стороны, изъятие органов и тканей связано с риском превращения человеческого тела в ресурс, подлежащий распределению, медицинскому использованию и потенциальной коммерциализации. Как представляется, правовое регулирование трансплантации должно удерживать баланс между ценностью жизни реципиента, достоинством донора, добровольностью согласия, недопустимостью торговли органами и доверием общества к медицинской системе. В этой сфере особенно заметно, что телеология права не может быть сведена к достижению полезного результата любой ценой. Даже спасение жизни как высшая правовая и нравственная цель не отменяет необходимости защищать достоинство и автономию лица, чье тело становится источником биологического материала.

Сходная логика проявляется в регулировании донорства крови и ее компонентов. Так, Федеральный закон «О донорстве крови и ее компонентов» [5] закрепляет добровольный характер донорства и определяет правовые, экономические и социальные основы соответствующих отношений. Донорство представляет собой пример социально одобряемого распоряжения частью телесной субстанции, но именно поэтому оно требует особой юридической осторожности. Добровольность здесь должна быть реальной, а не формальной; медицинская безопасность – проверяемой; стимулирование донорства – совместимым с запретом эксплуатации нуждаемости. Таким образом, право не должно препятствовать солидарному поведению, но оно обязано исключить такую модель, при которой экономическая уязвимость лица превращается в скрытое принуждение к распоряжению собственным телом.

Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» [6] отражает еще более современный уровень проблемы. Клеточные технологии размывают традиционные юридические представления о границе между телом, биологическим материалом, медицинским продуктом и результатом научно-технологической деятельности. Здесь конкурируют ценность научного прогресса, интерес пациента в получении новых методов лечения, публичная задача контроля безопасности, права лица, от которого получен биологический материал, и необходимость предотвращения недобросовестного биомедицинского оборота. В обозначенной сфере соматические права особенно ясно показывают пределы классических юридических категорий.

Федеральный закон «О персональных данных» [7] также имеет прямое значение для соматических прав, поскольку медицинские, биометрические и генетические сведения относятся к наиболее чувствительным данным о человеке. Телесная автономия в современном обществе уже не ограничивается вопросом физического вмешательства. Она включает контроль над информационным отражением тела: диагнозами, результатами анализов, генетическими характеристиками, репродуктивным статусом, биометрическими параметрами. Утрата контроля над такими сведениями может причинить человеку вред,

не связанный непосредственно с физическим воздействием, но затрагивающий достоинство, частную жизнь, социальную репутацию, трудовые и семейные перспективы. Следовательно, соматические права в цифровую эпоху приобретают информационное измерение, а защита тела становится одновременно защитой данных о теле.

Одновременно с этим, положения Семейного кодекса Российской Федерации [8] и нормы медицинского законодательства о вспомогательных репродуктивных технологиях свидетельствуют о том, что соматические права не всегда могут рассматриваться как изолированное индивидуальное распоряжение телом. Репродуктивные решения затрагивают не только автономию взрослого лица, но и интересы будущего ребенка, другого родителя, семьи, суррогатной матери, медицинской организации и государства. Вспомогательные репродуктивные технологии ставят перед правом сложный вопрос о пределах свободы репродуктивного выбора и о необходимости защиты семейно-правовой определенности, материнства, детства, а также нравственных границ медицинского вмешательства. Именно в данной сфере соматические права проявляются как предел телеологии права: правовая система не может полностью подчинить репродуктивную сферу ни индивидуальному желанию, ни государственному демографическому интересу, ни критерию медицинской эффективности.

Особую теоретическую значимость приобретает регулирование вмешательств, направленных на изменение телесных характеристик, в том числе в случаях, когда законодатель устанавливает прямые запреты либо специальные исключения. Так, Федеральным законом от 24 июля 2023 года № 386-ФЗ [9] были внесены изменения в законодательство об охране здоровья, предусматривающие запрет медицинских вмешательств, направленных на смену пола человека, при сохранении возможности оказания медицинской помощи при отдельных врожденных, генетических и эндокринных состояниях. Независимо от оценки избранной законодателем модели, она наглядно выявляет конфликт аксиологических оснований: автономии личности, охраны здоровья, публичной нравственности, представлений о семье, медицинской необходимости и пределов государственного усмотрения. Для общей теории права в данном случае принципиальное значение имеет не столько сам частный нормативный сюжет, сколько механизм правового выбора. Регулируя телесную идентичность, право выходит за рамки обычной юридической техники и обращается к вопросу о допустимых границах самоопределения человека.

В этих условиях соматические права не могут рассматриваться как безусловное право человека делать с телом все, что он считает желательным. Такая трактовка была бы столь же односторонней, как и противоположная позиция, полностью подчиняющая тело публичному интересу, медицинскому патернализму или нравственно-государственному запрету. Представляется, что соматические права должны пониматься как область особой правовой чувствительности, в которой автономия личности имеет повышенное значение, но не отменяет необходимости защиты иных ценностей. Человеческое тело не является ни абсолютной собственностью субъекта, ни объектом распоряжения государства. Оно находится в пространстве сложной правовой связи между свободой, достоинством, ответственностью, биологической уязвимостью и социальной значимостью телесных решений.

Таким образом, соматические права выступают пределом телеологии права. Телеология права предполагает, что норма устанавливается ради определенной цели: защиты жизни, охраны здоровья, укрепления семьи, обеспечения демографического развития, предотвращения эксплуатации, развития науки, поддержания общественной нравственности. Однако, в соматической сфере каждая из этих целей может вступать в конфликт с личной автономией. Если право начинает рассматривать тело человека только как средство достижения внешней цели, оно утрачивает связь с достоинством личности. Если же право полностью отказывается от регулирования телесных решений, оно может допустить эксплуатацию, неравенство, медицинские злоупотребления, коммерциализацию биологических материалов и нарушение прав третьих лиц. Следовательно, предел телеологии права состоит не в запрете правового целеполагания как такового, а в недопустимости такой цели, которая превращает человека в объект достижения социального, медицинского или политического результата.

Классическая теория прав человека исходит из того, что достоинство личности не может быть «инструментализировано». В этом отношении соматические права обнажают глубинную связь права с антропологией. А.А. Абашидзе и А.М. Солнцев [12], рассматривая соматические права как новое поколение прав человека, обращают внимание на их возникновение под влиянием биомедицинского прогресса. Однако, новизна соматических прав не должна заслонять их укорененность в более фундаментальных категориях: достоинстве, личной неприкосновенности, свободе, частной жизни и охране здо-

ровья. Соматические права не создают абсолютно новую правовую вселенную; они радикализируют старые вопросы, поскольку переносят их в область, где юридическое решение непосредственно касается человеческой телесности.

Проблема приобретает дополнительную сложность вследствие того, что в соматической сфере свобода лица нередко реализуется через профессиональное и институциональное посредничество. Человек не способен самостоятельно осуществить трансплантацию, провести сложное медицинское вмешательство, применить вспомогательные репродуктивные технологии либо использовать биомедицинский клеточный продукт. Его автономия опосредуется деятельностью медицинской организации, врача, лаборатории, банка биологического материала, цифровой системы учета или экспертной комиссии. Поэтому соматическое право не может быть сведено к классической свободе невмешательства. Его осуществление во многих случаях предполагает наличие специальной инфраструктуры, профессионального допуска, государственной регистрации, контроля безопасности и установленной процедуры.

Одним из центральных механизмов согласования конкурирующих ценностных оснований в соматической сфере является институт информированного добровольного согласия. Его значение не исчерпывается процедурным оформлением медицинского вмешательства. По существу, информированное согласие выступает юридическим выражением признания человека самостоятельным субъектом решения, непосредственно затрагивающего его тело, здоровье и личную неприкосновенность. Оно соединяет телесную автономию с ответственным выбором и одновременно ограничивает возможность медицинского патернализма. Вместе с тем, данный институт не может рассматриваться как простая формальность. Подпись пациента сама по себе еще не подтверждает реальную свободу волеизъявления, если лицо не осознает последствий вмешательства, находится в зависимом положении либо испытывает давление со стороны семьи, медицинского работника, работодателя, материальных обстоятельств или социальной стигматизации.

При этом, информированное согласие не устраняет всех конфликтов, возникающих в области соматических прав. В ряде случаев даже добровольное волеизъявление лица не исключает необходимости публично-правовых ограничений. К таким ситуациям относятся запрет торговли органами, ограничения в сфере репродуктивных технологий, специальные правила обращения с биомедицинскими продуктами, требования к проведению медицинских вмешательств, а также запреты на отдельные формы использования человеческого тела. Подобные ограничения могут быть правомерными, если они служат защите достоинства личности, жизни и здоровья, прав других лиц и предотвращению эксплуатации. Однако, их допустимость зависит от нормативной определенности, соразмерности и убедительной правовой обоснованности. Иначе охрана публичной ценности может превратиться в средство необоснованного ограничения личной автономии.

Особое значение имеет принцип соразмерности. В соматической сфере он позволяет избежать двух крайностей: безграничной автономии и чрезмерного патернализма. Если ограничение соматического притязания вводится ради охраны здоровья, нравственности, семьи, безопасности или прав других лиц, законодатель должен показать, что такое ограничение действительно необходимо, пригодно для достижения цели и не является чрезмерным. При этом, чем глубже вмешательство в телесную автономию, тем более убедительным должно быть его правовое обоснование. Тело человека образует такую сферу, где абстрактные ссылки на публичный интерес не могут считаться достаточными. Публичный интерес должен быть конкретизирован, а его приоритет — аргументирован с учетом достоинства и правового статуса личности.

Не менее важным, по мнению автора публикации, является разграничение соматических прав и соматических притязаний. Не всякое желание человека изменить, использовать или предоставить собственное тело автоматически становится субъективным правом, подлежащим обеспечению государством. Для признания притязания правом необходимы нормативное основание, социальная значимость, совместимость с конституционными ценностями и наличие правовых механизмов реализации. В этом смысле критическая позиция В.И. Крусс [10], позднее обращавшего внимание на риски чрезмерного расширения категории соматических прав, заслуживает серьезного осмысления. Если любое телесное притязание объявляется правом, сама категория права теряет определенность, а правовая система оказывается вынужденной легитимировать любые формы телесного самоусмотрения без достаточной ценностной фильтрации.

Однако и чрезмерное сужение соматических прав недопустимо. Если право признает только те формы телесной автономии, которые

полностью совпадают с традиционными социальными ожиданиями, оно перестает защищать личность в новых условиях биомедицинского развития. История прав человека показывает, что многие признанные сегодня права первоначально воспринимались как спорные притязания. Поэтому задача юридической науки состоит не в механическом расширении или ограничении перечня соматических прав, а в разработке критериев их правового признания. Такими критериями, по мнению автора публикации, могут быть связь с достоинством личности, добровольность, информированность, отсутствие эксплуатации, защита прав третьих лиц, медицинская обоснованность, соразмерность публичного ограничения и процессуальная проверяемость решения.

Соматические права особенно ярко показывают недостаточность сугубо индивидуалистического понимания свободы. Телесное решение одного лица может затрагивать другого: ребенка, донора, реципиента, суррогатную мать, родственников умершего, медицинского работника, участников биомедицинского исследования. Поэтому правовое регулирование не может ограничиться формулой «человек свободно распоряжается своим телом». Такая формула нуждается в уточнении: распоряжение телом допустимо в той мере, в какой оно не разрушает достоинство самого субъекта, не нарушает права других лиц, не создает недопустимых рисков для жизни и здоровья и не превращает уязвимое положение человека в источник чужой выгоды.

Интегративную функцию в данной сфере должна выполнять правовая доктрина. Соматические права требуют не только отраслевого, но и общетеоретического осмысления, поскольку не могут быть полностью отнесены к медицинскому, гражданскому, семейному, конституционному или информационному праву. Их природа является межотраслевой и одновременно затрагивает философию права, теорию прав человека, биоэтику и юридическую антропологию. Подход Т. Бичампа и Дж. Чилдресса, основанный на принципах автономии, благодеяния, непричинения вреда и справедливости, показывает, что биоэтические конфликты не разрешаются посредством абсолютизации одной ценности [14]. Для права вышеизложенное имеет принципиальное значение, поскольку соматические права должны анализироваться через соразмерное взвешивание конкурирующих оснований, а не через безусловный приоритет автономии, безопасности или медицинской целесообразности.

Так, Рональд Дворкин подчеркивал значение прав как принципиальных ограничений для утилитарных расчетов [15]. В соматической сфере этот тезис приобретает особую силу. Нельзя оправдывать вмешательство в тело человека исключительно ссылкой на общественную пользу, медицинскую эффективность или статистический результат. Если правовая цель достигается путем игнорирования личного достоинства, такая цель утрачивает правовую легитимность. Вместе с тем, права не существуют вне системы иных прав и принципов.

В этой связи, решение проблемы конкуренции ценностных оснований должно начинаться с признания особого статуса телесной автономии. Законодательство о здоровье, трансплантации, донорстве, биомедицинских технологиях, репродукции и персональных данных должно исходить из того, что любое решение, затрагивающее тело человека или сведения о нем, требует повышенного уровня правовой определенности и гарантий. Прежде всего, это предполагает ясность терминов, четкость процедур согласия, разграничение медицинских, семейных и публично-правовых оснований вмешательства, а также возможность эффективного обжалования решений, затрагивающих телесную сферу.

Следует последовательно укреплять запрет коммерциализации человеческого тела, не отрицая при этом допустимости компенсационных и социально-поддерживающих механизмов. Данная проблема не может быть сведена к простой альтернативе между полным исключением материального элемента и признанием свободного оборота телесных ресурсов. Донорство, применение репродуктивных технологий, проведение биомедицинских исследований и оказание медицинской помощи объективно требуют финансового, компенсационного и организационного обеспечения. Вместе с тем, экономический компонент не должен приводить к превращению тела человека в товар, а состояние нуждемости — использоваться как основание для эксплуатации.

Существенное значение имеет формирование процедур независимой этико-правовой оценки в наиболее чувствительных областях соматических отношений. В случаях, когда решение связано с биомедицинскими исследованиями, использованием клеточных продуктов, спорными репродуктивными практиками, обработкой генетических данных либо вмешательствами с необратимыми последствиями, одной административной проверки недостаточно. Необходимы профессиональные, этические и правовые механизмы контроля, позволяющие оценивать не только формальное соответствие закону, но и возможные риски для достоинства личности, автономии, здоровья и равенства [19].

Особого внимания требует защита уязвимых субъектов. В соматической сфере уязвимость может иметь медицинский, экономический, возрастной, психологический, семейный или информационный характер. Пациент в тяжелом состоянии, женщина, участвующая в репродуктивной программе, донор, лицо с редким заболеванием, субъект генетического тестирования, несовершеннолетний или пожилой человек способны формально выразить согласие, однако фактически находиться в ситуации существенно ограниченного выбора[18]. В связи с этим, нормативно-правовая база должна предусматривать дополнительные гарантии в тех случаях, когда решение, затрагивающее телесную сферу, принимается под давлением объективных обстоятельств.

Одновременно с этим, важным направлением остается развитие правового режима биомедицинской информации. Генетические, биометрические и медицинские данные следует рассматривать как информационное продолжение телесной сферы личности. Их обработка требует не только технической защиты, но и содержательных ограничений, касающихся целей использования, сроков хранения, передачи третьим лицам, а также применения в страховании, трудовых отношениях, семейных спорах и научных исследованиях. Если сведения о теле становятся объектом свободного оборота либо непрозрачной алгоритмической обработки, соматические права утрачивают значительную часть своего практического содержания.

В завершении настоящего исследования отметим, что соматические права являются одним из наиболее сложных пределов телеологии права, поскольку не позволяют правовой системе свободно использовать человека как средство достижения даже социально значимых целей. Они показывают, что ценности охраны здоровья, научного прогресса, безопасности, семьи, демографического развития и публичной нравственности должны соотноситься с достоинством, автономией и личной неприкосновенностью. При этом, соматические права не могут быть поняты как абсолютная власть человека над собственным телом. Их юридический смысл раскрывается именно в балансе: между свободой и ответственностью, индивидуальным выбором и правами других лиц, медицинской возможностью и правовой допустимостью, частной автономией и публичным интересом.

Следовательно, конкуренция ценностных оснований в сфере соматических прав не является дефектом правового регулирования. Она выражает саму природу данной области, где право сталкивается с предельными вопросами человеческого существования. Задача юридической науки состоит не в том, чтобы устранить эту конкуренцию путем объявления одной ценности абсолютной, а в том, чтобы выработать критерии их соразмерного согласования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 21.04.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: ред. действующая. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ: ред. действующая. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
4. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-I: ред. действующая. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
5. О донорстве крови и ее компонентов: Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ: ред. действующая. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
6. О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ: ред. действующая. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
7. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: ред. действующая. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
8. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: ред. действующая. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

10. Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.

11. Лаврик, М. А. К теории соматических прав человека / М.А. Лаврик // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3. – С. 16–26.

12. Абашидзе, А.А. Новое поколение прав человека: соматические права / А.А. Абашидзе, А.М. Солнцев // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1 (73). – С. 69–82.

13. Малеина, М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М.Н. Малеина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: МЗ-Пресс, 2001. – 243 с.

14. Beauchamp, T.L. Principles of Biomedical Ethics / T.L. Beauchamp, J.F. Childress. – 7th ed. – New York: Oxford University Press, 2013. – 459 p.

15. Dworkin, R. Taking Rights Seriously / R. Dworkin. – Cambridge: Harvard University Press, 1977. – 371 p.

16. Ланг, П.П. Правовые ценности и биотехнологии: перспективы взаимодействия / П.П. Ланг // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11(150). – С. 49–52. – DOI 10.46320/2073-4506-2020-11-150-49-52.

17. Ланг, П.П. Право человека на жизнь в философско-антропологическом смысле / П.П. Ланг, П.С. Папчихин // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9(172). – С. 539–540. – DOI 10.46320/2073-4506-2022-9-172-539-540.

18. Ланг, П.П. Соотношение и взаимодействие права и морали в регулировании общественных отношений / П.П. Ланг // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 2А. – С. 172–180. – DOI 10.34670/AR.2021.71.85.023.

19. Право на жизнь, здоровье, собственность: монография. / Л.А. Андреева, В.В. Батин, К.В. Дядюн [и др.]. – Новосибирск: НП «СибАК», 2013. – 160 с.

SOMATIC RIGHTS AS THE LIMIT OF THE TELEOLOGY OF LAW: COMPETITION OF VALUE BASES

Sokolov V.V.

The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation

This article examines somatic rights as a special area of legal regulation, where the limits of legal teleology are most clearly evident. It analyzes the competing value bases associated with the individual's bodily autonomy, human dignity, health protection, public interests, medical safety, and the protection of the rights of others. It argues that somatic rights cannot be reduced to either absolute freedom of control over one's own body or the complete subordination of the bodily sphere to state, medical, or social goals. Particular attention is paid to the importance of informed voluntary consent, the principle of proportionality, the prohibition of exploitation, and the need for enhanced legal guarantees in the area of medical, reproductive, and biomedical interventions. It is concluded that somatic rights represent the limit of legal goal-setting, as they prevent the individual from being viewed as a means to achieve external, socially significant results.

Keywords: somatic rights, teleology of law, human dignity, health protection, biomedical technologies, reproductive rights, legal values, personal integrity, limits of legal regulation.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. – Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <https://pravo.gov.ru/constitution/> (date of access: April 21, 2026).
2. Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ: current version. – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system.
3. On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ: current version. – Text: electronic // ConsultantPlus: legal reference system.
4. On the transplantation of human organs and (or) tissues: Law of the Russian Federation of December 22, 1992 No. 4180-I: current version. – Text: electronic // ConsultantPlus: legal reference system.
5. On the donation of blood and its components: Federal Law of July 20, 2012 No. 125-FZ: current version. – Text: electronic // ConsultantPlus: legal reference system.
6. On biomedical cell products: Federal Law of June 23, 2016 No. 180-FZ: current version. – Text: electronic // ConsultantPlus: legal reference system.
7. On personal data: Federal Law of July 27, 2006, No. 152-FZ: current version. – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system.
8. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995, No. 223-FZ: current version. – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system.
9. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 24, 2023, No. 386-FZ. – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system.
10. Kruss, V.I. Personal ("somatic") human rights in the constitutional and philosophical-legal dimension: towards the formulation of the problem / V.I. Kruss // State and Law. – 2000. – No. 10. – P. 43–50.
11. Lavrik, M.A. Towards the theory of somatic human rights / M.A. Lavrik // Siberian legal bulletin. – 2005. – No. 3. – P. 16–26.
12. Abashidze, A.A. New generation of human rights: somatic rights / A.A. Abashidze, A.M. Solntsev // Moscow journal of international law. – 2009. – No. 1 (73). – P. 69–82.

13. Maleina, M.N. Personal Non-Property Rights of Citizens: Concept, Implementation, Protection / M.N. Maleina. – 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: MZ-Press, 2001. – 243 p.

14. Beauchamp, T.L. Principles of Biomedical Ethics / T.L. Beauchamp, J.F. Childress. – 7th ed. – New York: Oxford University Press, 2013. – 459 p.

15. Dworkin, R. Taking Rights Seriously / R. Dworkin. – Cambridge: Harvard University Press, 1977. – 371 p.

16. Lang, P.P. Legal Values and Biotechnology: Prospects for Interaction / P.P. Lang // Eurasian Law Journal. – 2020. – No. 11(150). – P. 49–52. – DOI 10.46320/2073–4506–2020–11–150–49–52.

17. Lang, P.P. The Human Right to Life in the Philosophical and Anthropological Sense / P.P. Lang, P.S. Papchikhin // Eurasian Law Journal. – 2022. – No. 9(172). – P. 539–540. – DOI 10.46320/2073–4506–2022–9–172–539–540.

18. Lang, P.P. The Correlation and Interaction of Law and Morality in the Regulation of Public Relations / P.P. Lang // Issues of Russian and International Law. – 2021. – Vol. 11, No. 2A. – P. 172–180. – DOI 10.34670/AR.2021.71.85.023.

19. The right to life, health, property: monograph. / L.A. Andreeva, V.V. Batin, K.V. Dyadyun [et al.]. – Novosibirsk: NP "SibAK", 2013. – 160 p.

Ушатов Максим Викторович,
соискатель

В статье рассматривается проблема разграничения судебной деятельности и правосудия в контексте общей теории права. Обосновывается, что указанные категории находятся в отношении родового и центрального видового явления, однако не совпадают по своему онтологическому объему. Правосудие выражает высшую и наиболее концентрированную форму судебной деятельности, связанную с разрешением юридически значимого дела независимым судом в установленной процессуальной форме и с принятием итогового судебного акта. Судебная деятельность, напротив, включает более широкий круг действий, обеспечивающих функционирование суда как института судебной власти, среди которых: организационные, процессуально-подготовительные, аналитические, коммуникативные и обеспечительные элементы. Показано, что смешение данных понятий приводит к методологическим ошибкам при оценке эффективности деятельности судов, понимании судебной власти, анализе цифровизации судебной системы и определении пределов участия аппарата суда в осуществлении публично значимых функций. Сделан вывод о необходимости рассматривать правосудие как смысловое ядро судебной деятельности, но не как ее исчерпывающее содержание.

Ключевые слова: судебная деятельность, правосудие, судебная власть, онтология права, суд, процессуальная форма, судебный акт, юридическая деятельность, правовая реальность, судебная система.

Проблема разграничения судебной деятельности и правосудия на первый взгляд может показаться терминологической. В юридическом языке вышеуказанные правовые категории часто употребляются почти как взаимозаменяемые: говорят о «деятельности по осуществлению правосудия», о «судебной деятельности суда», о «правосудии как функции судебной власти». Однако, для теоретико-правового исследования такое сближение далеко не безразлично [8, 13]. Когда правосудие растворяется во всей совокупности действий, совершаемых судом, оно теряет собственный смысловой центр. Когда же судебная деятельность отождествляется только с вынесением решения по делу, за пределами анализа остаются те элементы, без которых правосудие фактически не может состояться.

Конституция Российской Федерации [1] закрепляет исходную правовую формулу: правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, а судебная власть реализуется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (статья 18). В этой норме важно не только указание на исключительную компетенцию суда. Не менее существенно то, что правосудие названо не всякой активностью суда, а особой формой осуществления судебной власти [10]. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [2], а также Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [3] развивают вышеприведенный подход, подчеркивая самостоятельность судебной власти и недопустимость присвоения функций правосудия иными государственными органами и должностными лицами. Следовательно, суд как институт может совершать различные юридически значимые действия, но только часть из них образует правосудие в строгом смысле слова.

Судебная деятельность, по мнению автора публикации, представляет собой юридически организованную деятельность суда, судей и в предусмотренных пределах аппарата суда, направленную на обеспечение реализации судебной власти, рассмотрение дел, поддержание процессуального порядка, оформление и исполнение судебных полномочий, а также на обеспечение доступности и устойчивости судебной защиты [13, 14]. Такое определение сознательно шире понятия правосудия, поскольку оно охватывает не только разрешение дела по существу, но и принятие процессуальных документов, подготовку дела к рассмотрению, распределение дел, ведение протоколов, извещение участников спора, публикацию судебных актов, обобщение практики, организацию приема граждан и иные действия, без которых суд не может функционировать как правовой институт.

В свою очередь, правосудие имеет более узкую и вместе с тем более высокую онтологическую определенность. Его нельзя свести к административной работе суда, к движению процессуального документа, к статистической единице нагрузки или к технологической процедуре обработки материалов. Правосудие возникает там, где независимый суд в процессуальной форме разрешает юридически значимый спор, обвинение, заявление либо иное правовое дело и выражает государственно-властное суждение в судебном акте. Поэтому правосудие всегда предполагает не только наличие суда как учреждения, но и особый режим правового познания, оценки доказательств, применения нормы, соблюдения гарантий и принятия решения, способного изменить правовое положение участников [11].

Первое онтологическое основание разграничения связано с субъектом. Судебная деятельность осуществляется судом как сложным институциональным образованием. В ней участвуют судья, состав суда, аппарат суда, секретарь судебного заседания, помощник судьи и иные субъекты, обеспечивающие движение дела и организацию судебного процесса. Однако, правосудие в собственном смысле принадлежит только суду в лице судьи или состава суда, действующих независимо и несущих ответственность за содержание судебного акта. Аппарат суда содействует осуществлению судебной власти, но не становится субъектом правосудия. Такая граница принципиальна, поскольку ее стирание превращает организационное обеспечение в часть юрисдикционного решения, что недопустимо ни с точки зрения конституционного статуса суда, ни с точки зрения доверия к судебной защите.

Второе основание выражается в объекте. Объектом правосудия является юридически значимое дело, в котором требуется властное

разрешение правового вопроса: спор о праве, уголовное обвинение, административное притязание, вопрос о конституционности нормативного регулирования, защита нарушенного или оспариваемого права. Объект судебной деятельности шире. Он включает не только само юридическое дело, но и организационные условия его рассмотрения, информационное сопровождение, процессуальную коммуникацию, судебную статистику, формирование судебной практики, поддержание порядка в суде. Отсюда следует важный вывод – не всякое действие, связанное с делом, является правосудием, хотя многие такие действия создают условия для его надлежащего осуществления.

Третье основание состоит в различии целей. Цель правосудия – справедливое, законное и обоснованное разрешение конкретного правового дела с восстановлением нарушенного правового состояния либо с подтверждением правовой определенности. Цель судебной деятельности шире и функционально сложнее: она состоит в обеспечении работы суда, реализации процессуальных процедур, поддержании доступности судебной защиты, создании условий для независимого и своевременного рассмотрения дел. Как итог, эффективность правосудия не может измеряться только количеством рассмотренных дел, а качество судебной деятельности не может оцениваться исключительно по содержанию итоговых решений. Эти явления связаны, но критерии их оценки не совпадают.

Четвертое основание раскрывается через форму. Правосудие существует только в процессуальной форме. Именно она превращает властное решение суда в юридически признанное, проверяемое и обязательное суждение. Гражданский, арбитражный, административный и уголовный процессы различаются по предмету и методам регулирования, однако каждый из них задает порядок судебного познания, права участников, пределы доказывания, процедуру вынесения и проверки судебных актов [4, 5, 6, 7]. Судебная деятельность может быть процессуальной, но может иметь и организационно-обеспечительный характер. Подготовка судебного заседания, регистрация поступивших материалов, информационное размещение судебных актов, ведение делопроизводства не образуют правосудия, хотя нарушение этих процедур способно повлиять на возможность его осуществления.

Пятое основание связано с результатом. Результатом правосудия выступает судебный акт, обладающий особой юридической силой: решение, приговор, определение, постановление. Такой акт не просто фиксирует совершенное действие. Он разрешает правовой вопрос, устанавливает юридические последствия, формирует состояние правовой определенности и может быть принудительно исполнен. Результаты судебной деятельности многообразны, среди которых: извещение, протокол, справка, аналитический обзор, организационное распоряжение, техническая публикация судебного акта, статистический отчет. Все они юридически значимы, но не равны судебному акту как результату правосудия.

Наконец, шестое основание имеет аксиологический характер. Правосудие несет повышенную ценностную нагрузку, поскольку в нем право предстает не как текст нормы и не как ведомственная процедура, а как форма защиты свободы, равенства, справедливости и правовой определенности [9]. Судебная деятельность также обладает самостоятельной ценностной значимостью, однако ее аксиологическое содержание во многом имеет обеспечительный характер. Она создает организационные, процедурные и институциональные условия для осуществления правосудия, укрепляет доверие к суду, делает судебную защиту доступной, понятной и практически реализуемой. Если правосудие составляет смысловое ядро судебной власти, то судебная деятельность формирует ее институциональную основу.

Следует отметить, что смешение данных категорий порождает несколько методологических ошибок. Первая состоит в переоценке организационных показателей. Если вся судебная деятельность объявляется правосудием, то скорость регистрации дел, количество рассмотренных материалов и статистическая нагрузка начинают восприниматься как прямые показатели качества правосудия [15]. Между тем, быстрое движение дела еще не гарантирует справедливого судебного решения, а формальное соблюдение сроков само по себе не раскрывает качества судебного познания. Вторая ошибка связана с недооценкой обеспечительных функций: если правосудием признается только финальное решение, то невидимой остается огромная работа, обеспечивающая доступ лица к суду, участие сторон, фиксацию процесса и последующую проверку судебного акта [16].

Особое значение разграничение приобретает в условиях цифровизации. Электронное правосудие, автоматизированное распределение дел, дистанционное участие в заседании, электронный документооборот и публикация судебных актов прежде всего изменяют судебную деятельность как организационно-процессуальную среду. Они ускоряют коммуникацию, снижают издержки, упрощают доступ к матери-

алам. Однако, цифровой инструмент не осуществляет правосудие сам по себе. Он не заменяет внутреннего убеждения судьи, оценки доказательств, юридической аргументации и ответственности за итоговое решение. Поэтому алгоритмизация допустима как средство организации судебной деятельности, но ее нельзя превращать в самостоятельный источник правосудного результата.

В этой связи, не менее важен вопрос о судебном усмотрении [12]. В судебной деятельности усмотрение может проявляться в выборе порядка организации процесса, назначении заседания, определении последовательности процессуальных действий. В правосудии же усмотрение связано с более глубоким уровнем – оценкой доказательств, толкованием нормы, выбором правовой позиции, определением меры ответственности, соразмерности вмешательства и баланса интересов. Именно здесь, как представляется, особенно заметна разница между судом как организацией и судом как носителем правосудия [17]. Организация может быть рациональной, технологичной и дисциплинированной, но правосудие требует еще и содержательной юридической ответственности.

Представляется, что правосудие следует рассматривать как центральную, но не единственную форму судебной деятельности [18]. Такая формула позволяет избежать двух крайностей. Первая крайность – расширительное понимание правосудия, при котором любое действие суда получает слишком высокий конституционно-правовой статус. Вторая крайность – узкое понимание судебной деятельности, при котором она сводится к вынесению судебного акта, а вся обеспечительная сторона судопроизводства признается второстепенной. Между тем, правовая реальность суда устроена сложнее: правосудие невозможно без судебной деятельности, но судебная деятельность не исчерпывается правосудием.

Данное разграничение имеет практическое значение и для оценки качества работы судов. Качество правосудия должно определяться законностью, обоснованностью, мотивированностью и справедливостью судебных актов, соблюдением гарантий сторон, независимостью суда и убедительностью правовой аргументации. Качество судебной деятельности включает также доступность суда, организацию делопроизводства, понятность судебной коммуникации, своевременность процессуальных действий, корректность работы аппарата, открытость информации и устойчивость судебной практики. Только совместный учет этих уровней позволяет увидеть суд не как «производителя решений», а как институт, в котором правовая форма соединена с организационной реальностью.

Таким образом, онтологическое разграничение судебной деятельности и правосудия основано на различии субъекта, объекта, цели, формы, результата и ценностного назначения. Судебная деятельность выступает родовым понятием, охватывающим весь комплекс юридически организованных действий суда и связанных с ним обеспечительных механизмов. Правосудие является ее смысловым и властно-юрисдикционным ядром, в котором судебная власть получает наиболее завершенное выражение. Поэтому корректная теоретическая формула может быть выражена следующим образом: всякое правосудие является судебной деятельностью, но не всякая судебная деятельность является правосудием. Именно это различие, по мнению автора публикации, позволяет точнее описать природу судебной власти, избежать подмены правосудия административной эффективностью и сохранить представление о суде как об институте, предназначенном не только для разрешения дел, но и для утверждения права в его публично значимой форме.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 05.07.2026).
2. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ: ред. от 9 апреля 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
3. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ: ред. от 9 апреля 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 898.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: ред. от 9 апреля 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: ред. от 15 декабря 2025 г.: с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: ред. от 9 апреля 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: ред. от 10 июня 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1. – Ст. 4921.

8. Алексеев, С.С. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2008. – 565 с.

9. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсисянц. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 1999. – 552 с.

10. Лебедев, В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития / В.М. Лебедев. – Санкт-Петербург: Лань, 2001. – 384 с.

11. Ершов, В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография / В.В. Ершов. – Москва: РГУП, 2018. – 628 с.

12. Барак, А. Судейское усмотрение / А. Барак; пер. с англ. – Москва: Норма, 1999. – 376 с.

13. Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019. – 656 с.

14. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учебник / А.Ф. Черданцев. – Москва: Юрайт, 2020. – 432 с.

15. Ланг, П.П. Аксиология права: в поисках морального основания / П.П. Ланг // Государственная власть и местное самоуправление. – 2026. – № 2. – С. 3–8. – DOI 10.18572/1813-1247-2026-2-3-8.

16. Ланг, П.П. Экзистенция правосудия: аксиологические начала и роль судьи как гаранта справедливости / П.П. Ланг // Российская юстиция. – 2026. – № 1. – С. 46–53. – DOI 10.52433/01316761_2026_01_46.

17. Ланг, П.П. Правосудие и суд: экзистенциальная связь / П.П. Ланг // Сфера права: традиции и перспективы: сборник научных статей. – Самара: ООО «Полиграфическое объединение «Стандарт», 2025. – С. 91–97.

18. Право на жизнь, здоровье, собственность: монография / Л.А. Андреева, В.В. Батин, К.В. Дядюн [и др.]. – Новосибирск: НП «СибАК», 2013. – 160 с. – EDN TZNUDT.

ONTOLOGICAL FOUNDATIONS FOR THE DISTINCTION BETWEEN JUDICIAL ACTIVITY AND JUSTICE

Ushatov M.V.

The article examines the problem of distinguishing between judicial activity and the administration of justice in the context of general theory of law. It is substantiated that these categories stand in the relationship of a generic phenomenon and its central specific manifestation; however, they do not coincide in terms of their ontological scope. The administration of justice represents the highest and most concentrated form of judicial activity, associated with the resolution of a legally significant case by an independent court within the established procedural form and with the adoption of a final judicial act. Judicial activity,

by contrast, encompasses a broader range of actions that ensure the functioning of the court as an institution of judicial power, including organizational, procedural-preparatory, analytical, communicative, and supporting elements. It is demonstrated that the conflation of these concepts leads to methodological errors in assessing the effectiveness of courts, understanding judicial power, analyzing the digitalization of the judicial system, and determining the limits of participation of court staff in the performance of publicly significant functions. The conclusion is drawn that the administration of justice should be regarded as the semantic core of judicial activity, but not as its exhaustive content.

Keywords: judicial activity, justice, judicial power, ontology of law, court, procedural form, judicial act, legal activity, legal reality, judicial system.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <https://pravo.gov.ru/constitution/> (date of appeal: 07/05/2026).

2. On the Judicial System of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996: ed. dated April 9, 2026 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 1. – Article 1.

3. On Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of February 7, 2011: ed. dated April 9, 2026 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 7. – Art. 898.

4. The Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 138-FZ of November 14, 2002: ed. dated April 9, 2026 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.

5. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 95-FZ of July 24, 2002: ed. dated December 15, 2025: with amendments and additions, intro. effective January 1, 2026 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3012.

6. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 21-FZ of March 8, 2015: ed. dated April 9, 2026 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 10. – Article 1391.

7. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001: ed. dated June 10, 2026 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52, part 1. – Art. 4921.

8. Alekseev, S.S. General theory of law: textbook / S.S. Alekseev. – 2nd ed. – Moscow: Prospekt, 2008. – 565 p.

9. Nersisyan, V.S. General theory of law and the state: textbook / V.S. Nersisyan. – Moscow: Norm: INFRA-M, 1999. – 552 p.

10. Lebedev, V.M. Judicial power in modern Russia: problems of formation and development / V.M. Lebedev. Saint Petersburg: Lan Publ., 2001. 384 p.

11. Yershov, V.V. Legal and individual regulation of public relations: a monograph / V.V. Yershov. – Moscow: RGUP, 2018. – 628 p.

12. Barak, A. Judicial discretion / A. Barak; translated from English – Moscow: Norma, 1999. – 376 p.

13. Marchenko, M.N. Theory of the state and law: textbook / M.N. Marchenko. – 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Prospekt Publ., 2019, 656 p.

14. Cherdantsev, A.F. Theory of the state and law: textbook / A.F. Cherdantsev. – Moscow: Yurait, 2020. – 432 p.

15. Lang, P.P. Axiology of law: in search of a moral foundation / P.P. Lang // State power and local self-government. – 2026. – No. 2. – pp. 3–8. – DOI 10.18572/1813-1247-2026-2-3-8.

16. Lang, P.P. The existence of justice: axiological principles and the role of a judge as a guarantor of justice / P.P. Lang // Russian Justice. – 2026. – No. 1. – pp. 46–53. – DOI 10.52433/01316761_2026_01_46.

17. Lang, P.P. Justice and the court: an existential connection / P.P. Lang // Sphere of law: traditions and perspectives: collection of scientific articles. – Samara: Standard Polygraphic Association LLC, 2025. – pp. 91–97.

18. The right to life, health, property: a monograph. / L.A. Andreeva, V.V. Batin, K.V. Dyadyun [et al.]. – Novosibirsk: NP SibAK, 2013. – 160 p. – EDN TZNUDT.

Конституционные модели формализации солидарности: сравнительно-правовое исследование

Белоцеркович Денис Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент, советник при ректорате,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: belotserkovich@bsuedu.ru

В условиях глобальной трансформации социальных связей и роста запроса на социальную справедливость солидарность приобретает значение конституционно-правовой категории, требующей доктринального осмысления и сравнительно-правовой верификации. В статье на основе компаративного анализа конституций государств-членов влиятельных интеграционных объединений выявлены, поименованы и охарактеризованы конституционные модели формализации солидарности. Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы. В результате исследования выделены четыре региональные конституционные модели: интегративно-аксиологическая, интегративно-полифункциональная, социально-институциональная и декларативно-учредительная; определены шесть концептуальных измерений солидарности, раскрывающих ее нормативное содержание. Установлено, что разнообразие моделей отражает различия в правовых традициях и формах государственного устройства, а также уровень институциональной зрелости правопорядков. Предложенная типология может служить инструментом для прогнозирования векторов конституционного развития и оценки эффективности закрепления социально ориентированных ценностей в учредительных законах государств.

Ключевые слова: солидарность, правовой принцип, конституционная ценность, публичная власть, социальная солидарность.

Введение

Современный этап конституционного развития государств различных регионов мира характеризуется поиском новых ценностных оснований публично-властной организации общества. Глобальные вызовы – экономическая нестабильность, трансформация традиционных социальных связей, рост запроса на социальную справедливость, этноконфессиональное многообразие – актуализируют обращение к фундаментальным категориям, способным обеспечить интеграцию общества. Одной из таких категорий выступает солидарность.

В доктрине конституционного права обоснованно отмечается, что «перед лицом глобальных вызовов и процессов согласование интересов различных слоев общества приобретает значение категорического императива. По сути, речь идет о такой базовой ценности, как солидарность, проявляющей себя во всех сферах жизнедеятельности людей – морали, праве, политике» [40].

В юридической науке солидарность рассматривается в различных аспектах: как конституционно-правовая ценность [35, 36], как принцип (постиндустриального общества [39], экономической деятельности граждан [41]), в видовом многообразии (экономическая [31], социальная [32, 37]), а также как «понятие-парадигма, концептогенное понятие-стратегия» [34]. При всем многообразии доктринальных подходов их обобщающий характер не позволяет в полной мере оценить конкретные формы нормативного закрепления солидарности в национальных правопорядках. Восполнение этого пробела требует обращения к конституционному уровню и представляется методологически оправданным по нескольким причинам. Во-первых, анализ государств с различными правовыми семьями дает уникальный материал для типологизации подходов к формализации солидарности. Во-вторых, сравнительный анализ позволяет выявить закономерности и национальные особенности, что важно для совершенствования конституционного законодательства. В-третьих, в последнее десятилетие в конституции ряда государств были внесены существенные изменения, в рамках которых солидарность получила новое нормативно-содержательное выражение.

Цель настоящей статьи – выявить, поименовать и охарактеризовать конституционные модели формализации солидарности, а также определить ее ценностное и институциональное значение для публично-правового регулирования.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Эмпирическую базу – тексты конституций государств-членов СНГ, БРИКС, АСЕАН, Африканского союза, Латиноамериканской ассоциации интеграции и Европейского Союза.

Теоретические основания исследования: солидарность как конституционно-правовая категория

Солидарность в конституционных текстах редко встречается в самостоятельном контексте. Словарная интерпретация определяет солидарность как общность интересов, единодушие [33]. Однако в конституционном дискурсе она обретает более широкое значение – ценностного ориентира, юридически обязательного принципа, структурирующего публичную власть, правопорядок и межгосударственные интеграционные процессы.

Анализ показал, что способы конституционной легализации солидарности варьируются: прямое закрепление в качестве принципа (Бразилия, Узбекистан), цели государства (Венесуэла, Португалия), опосредованная формализация через создание специальных институциональных механизмов (фонды межрегиональной солидарности в Испании и Марокко, организации социальной солидарности в Португалии) и установление солидарной ответственности как юридической конструкции (Аргентина, Испания, Парагвай, Польша, Португалия, Хорватия, Чили).

При этом в зависимости от национальной и региональной специфики солидарность приобретает различные концептуальные измерения, что позволяет выделить устойчивые региональные модели ее конституционной формализации.

Региональные модели конституционной формализации солидарности

Интегративно-аксиологическая модель (Африканский союз)

Африканская модель представляет собой наиболее целостный нормативный комплекс. Солидарность здесь является одной из системообразующих ценностей, пронизывающей ценностно-идеологические, институционально-функциональные и образовательно-воспитательные сегменты конституционного регулирования.

В рамках ценностно-идеологического сегмента солидарность закрепляется в преамбулах и государственной символике. Конституция Бенина фиксирует волю народа «сотрудничать в мире и дружбе со всеми народами, которые разделяют идеалы, в том числе, человеческой солидарности» [1]. Конституция Камеруна легализует «реализацию более тесной солидарности между африканскими народами» [10] как направление «спасения Африки» [10]. В Коморских островах провозглашены «солидарность союза и островов, и солидарность между самими островами» [11]. Конституция Марокко ставит задачу развития «солидарного общества» и укрепления «уз братства, сотрудничества, солидарности и конструктивного партнерства» [12]. Согласно ст. 193 Конституции Мозамбика, на государственном гербе символизируется «дух международной солидарности народа Мозамбика» [19]; солидарность включена в девиз государства Коморских островов.

В институционально-функциональном сегменте солидарность конституируется как принцип организации публичной власти. В Марокко ст. 136 устанавливает, что «региональная и территориальная организационная структура основывается на принципах ... солидарности» [12], а ст. 142 предусматривает создание «фонда межрегиональной солидарности» [12]. В Бенине и Камеруне национальная солидарность выступает основой развития административно-территориальных единиц (ст. 153 Конституции Бенина, ч. 4 ст. 55 Конституции Камеруна). В Эритрее «государство должно укреплять ценности общественной солидарности» [27] (ч. 2 ст. 9). Внешнеполитическое измерение закреплено в Конституции Мозамбика: Республика «заявляет о солидарности с народами и государствами Африки в их борьбе за объединение» [19] (ч. 1 ст. 63).

В образовательно-воспитательном сегменте Конституция Мозамбика возлагает на семью и государство обязанность воспитывать детей «в духе ... общественного уважения и солидарности» [19] (ч. 3 ст. 56).

Сущностные признаки африканской модели: солидарность конституируется на двух уровнях – внутригосударственном и наднациональном (панафриканском); получает развернутую институционализацию через создание специальных финансовых механизмов; выступает как основа воспитательного процесса.

Интегративно-полифункциональная модель (Латиноамериканская ассоциация интеграции)

Латиноамериканский подход отличается многоаспектностью, охватывая публично-телеологический, социально-институциональный, образовательно-воспитательный, процессуально-компенсаторный и внешнеполитический аспекты.

В публично-телеологическом аспекте солидарность легализована как цель государства. Конституция Бразилии устанавливает построение «свободного, справедливого и солидарного общества» [3] (ч. 1 ст. 3). Преамбула Конституции Венесуэлы фиксирует отстаивание государством «ценности солидарности» [2], а ст. 4 называет солидарность в числе принципов федеративного государства; ст. 70 направляет формы участия народа «ценностью взаимного сотрудничества и солидарности» [2].

В социально-институциональном аспекте Конституция Венесуэлы закрепляет социально-экономический режим, основанный на принципах социальной справедливости и солидарности (ст. 299); предусматривает создание фондов «межрегиональной солидарности» [2] (ст. 156); закрепляет солидарное участие семьи, государства и общества в создании возможностей для молодежи (ст. 79), уважении достоинства пожилых людей (ст. 81), гарантировании прав лиц с инвалидностью (ст. 81). Конституция Колумбии в ст. 95 возлагает обязанность «в ситуациях, создающих угрозу человеческой жизни и здоровью, вести себя ... руководствуясь принципом социальной солидарности» [29]. В Венесуэле Конституция устанавливает, что «обязательства, возложенные на государство ... не исключают тех, которые в силу солидарности ... возложены на конкретных лиц» [2] (ст. 135). Это придает солидарности характер конституционной обязанности личности.

В образовательно-воспитательном аспекте Конституция Мексики закрепляет «сознание международной солидарности» [14] как цель образования (ст. 3). Конституция Панамы предписывает, чтобы образование «основывалось на принципах человеческой солидарности

и социальной справедливости» [20] (ст. 87). Конституция Перу отмечает, что образование «готовит к жизни, работе и поддерживает солидарность» [30] (ст. 14). В Венесуэле образование определяется как государственная служба, основанная на «сознательном и солидарном участии в процессах социальных изменений» [2] (ст. 102).

В процессуально-компенсаторном аспекте солидарная ответственность выступает конкретным юридическим инструментом. Конституция Чили предусматривает солидарную ответственность владельцев, редакторов и администраторов СМИ за возмещение убытков (ст. 19); п. 22 ст. 32 – солидарную ответственность государственных министров за изменение расходов как виновных в растрате; ст. 36 – солидарную ответственность министров за акты, подписанные с другими министрами. Аналогичные нормы закреплены в конституциях Аргентины (ст. 102) и Парагвая (ст. 242).

Во внешнеполитическом аспекте Конституция Венесуэлы провозглашает «принцип солидарности между народами в борьбе за их независимость» [2] (ст. 152); Конституция Парагвая указывает на «принцип международной солидарности и сотрудничества» [21] (ст. 143).

Сущностные признаки латиноамериканской модели: солидарность охватывает все сегменты публично-правового регулирования; получает как ценностное, так и инструментальное измерение через солидарную ответственность; закрепляется как обязанность личности.

Социально-институциональная модель (Европейский Союз)

В конституциях государств-членов Европейского союза (далее – ЕС) сформировалась модель, для которой характерна институционализация через отраслевые механизмы. Выделяется пять концептуальных сегментов.

В социально-обеспечительном сегменте солидарность выступает как конституционный принцип, легитимирующий системы социального обеспечения. Согласно ч. 4 ст. XVIII Конституции Венгрии, социальная солидарность формализована в качестве основа интегрированной государственной пенсионной системы [4]. Конституция Греции закрепляет долг общественной и национальной солидарности, выполнение которого вправе требовать государство (ч. 4 ст. 25) [5]. Конституция Италии в числе основных принципов закрепляет «выполнение неотъемлемых обязанностей, вытекающих из ... социальной солидарности» (ст. 2). Преамбула Конституции Польши содержит призыв «заботясь об сохранении прирожденного достоинства человека, его права на свободу и обязанности извлекать солидарность с другими» [16]. Преамбула Конституции Франции 1946 г. провозглашает «солидарность и равенство всех французов в отношении бремени, вытекающего из национальных бедствий» [26].

Наиболее развернутое выражение социально-обеспечительная солидарность получила в Конституции Португалии. Ст. 63 объединяет «Социальное обеспечение и солидарность» [17]; государство «поддерживает и проверяет ... деятельность и функционирование частных организаций социальной солидарности» [17] (ч. 5 ст. 63). Ст. 71 обязывает государство «развивать педагогическую науку, которая бы воспитывала общество в духе уважения и солидарности» [17] с индивидами (ч. 2).

В территориально-интеграционном сегменте солидарность выступает инструментом обеспечения единства государства через механизмы межрегионального перераспределения. Конституция Испании закрепляет принцип солидарности как общий принцип территориальной организации (ст. 2, ч. 1 ст. 138) [9]; предусматривает Компенсационный фонд для «корректирования межтерриториального экономического равновесия и эффективности в применении принципа солидарности» [9] (ч. 2 ст. 158). Конституция Португалии закрепляет национальную солидарность как принцип автономных областей для «укрепления национального единства и солидарности между всеми португальцами» [17] (ст. 225); автономные области вправе распоряжаться налоговыми доходами «в соответствии с принципом, который обеспечивает эффективную национальную солидарность» [17] (ст. 227(j)).

В экономико-моделирующем сегменте солидарность закреплена как основа экономической модели. Согласно ст. 20 Конституции Польши, солидарность наряду со свободной хозяйственной деятельностью, частной собственностью, диалогом и сотрудничеством выступает основой социального рыночного хозяйства [16]. Конституция Португалии относит к кооперативному и общественному сектору средства производства, находящиеся в собственности юридических лиц, «ставящих в качестве основной своей цели общественную солидарность» [17] (ст. 82).

В образовательно-воспитательном сегменте Конституция Португалии устанавливает, что образование должно вносить вклад «в развитие личности и духа ... солидарности и ответственности» [17] (ст. 73).

В межпоколенческом измерении ст. 66 Конституции Португалии закрепляет обязанность государства «развивать рациональное использование природных ресурсов ... при уважении принципа солидарности поколений» [17]. Конституция Испании связывает солидарность с экологической сферой, закрепляя, что публичные власти опираются на «необходимую коллективную солидарность» [9] (ч. 2 ст. 45).

В политико-деликтном сегменте солидарность выступает механизмом ответственности исполнительной власти: солидарная ответственность Правительства перед парламентом предусмотрена в Испании (ст. 108), Литве (ст.ст. 96 и 157) [13], Польше (ч. 1 ст. 108), Румынии [23], Словении (ст. 114) [24], Хорватии (ст. 112). Конституция Португалии (ст. 189 «Правительственная солидарность») устанавливает, что «члены Правительства связаны программой Правительства и решениями, принятыми в Совете министров» [17].

Культурно-языковое измерение закреплено в ст. 87 Конституции Франции: «Республика участвует в развитии солидарности и сотрудничества между государствами и народами, общим для которых является французский язык» [26].

Сущностные признаки европейской модели: институционализация через отраслевые механизмы (пенсионные системы, компенсационные фонды); сочетание ценностного и инструментального начал; адресная дифференциация (государство, граждане, правительство, будущие поколения); культурно-языковое измерение.

Декларативно-учредительная модель (страны СНГ, БРИКС, АСЕАН)

В отличие от рассмотренных регионов, в конституциях стран СНГ, БРИКС (за исключением России, Бразилии, Египта, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ) и АСЕАН солидарность получает преимущественно декларативно-учредительное закрепление. Это означает, что она фиксируется на уровне высших ценностных ориентиров – в преамбулах, статьях об основах конституционного строя и целях государства, – но, как правило, не получает развернутой институционализации через специальные финансовые механизмы или иные процедуры. При этом учредительный характер таких норм придает им высшую юридическую силу, определяя направления развития отраслевого законодательства и правоприменительной практики.

В странах СНГ выявлены следующие способы легализации солидарности: прямое закрепление в качестве принципа; опосредованное закрепление через сопряженные категории; имплицитное присутствие.

В странах БРИКС Конституция Бразилии в качестве цели формулирует построение «свободного, справедливого и солидарного общества» [3] (ч. 1 ст. 3). Конституция Египта устанавливает, что «общество основано на социальной солидарности» [7] (ст. 8). Конституция Ирана включает национальное единство и солидарность в основы правления (ч. 6 ст. 2) [8]. В Конституции России в 2020 г. появились ч. 6 ст. 75, формализующая принцип солидарности поколений, и ст. 75.1, согласно которой «обеспечиваются ... экономическая, политическая и социальная солидарность» [22]. Саудовская Аравия закрепляет стремление государства к «солидарности и согласию» [28] (ст. 25). Конституция ОАЭ в ст. 64 формализует солидарную политическую ответственность Председателя Совета министров и министров [15].

В странах АСЕАН наиболее показательным является Вьетнам, конституция которого содержит несколько норм о солидарности. В преамбуле говорится, что в процессе борьбы за независимость «выковывались традиции солидарности» [25]; ст. 5 закрепляет принцип «равноправия, солидарности и взаимопомощи между всеми нациями» [25]; ст. 9 возлагает на Отечественный фронт Вьетнама развитие «традиций всенародной солидарности» [25]; ст. 14 устанавливает укрепление солидарности с социалистическими и соседними странами [25].

В Мьянме солидарность неизменно сопрягается с категорией «национальной»: преамбула фиксирует намерение «строго придерживаться целей ... национальной солидарности» [18]; п. «б» ст. 6 называет «единство национальной солидарности» в качестве неизменной цели Союза; обязанность поддерживать это единство адресована Силам обороны (п. «е» ст. 20), политическим партиям (п. «а» ст. 404), каждому гражданину (п. «б» ст. 383), а также формально закреплена в текстах присяги Президента, вице-президента (ст. 65) и депутатов (ст. 125). В Восточном Тиморе ч. 1 ст. 10 провозглашает солидарность государства с «борьбой других наций за национальную свободу» [6].

Сущностные признаки декларативно-учредительной модели: солидарность закрепляется на уровне высших ценностных ориентиров (преамбулы, основы конституционного строя); выполняет учредительную функцию, определяя цели государства и направления развития законодательства; в ряде стран (Мьянма) приобретает характер кон-

ституционной обязанности; не предполагает развернутой институционализации на уровне конституционного текста, что, однако, не снижает ее нормативной значимости.

Систематизация функций и измерений солидарности

Обобщение выявленных конституционных норм позволяет выделить шесть концептуальных измерений солидарности, каждое из которых раскрывает определенную грань ее нормативного присутствия:

Социально-обеспечительное измерение – солидарность как принцип, легитимирующий системы социального обеспечения, пенсионные системы и распределение социального бремени (Венгрия, Греция, Италия, Польша, Португалия, Франция).

Территориально-интеграционное измерение – солидарность как инструмент обеспечения единства государства через механизмы межрегионального перераспределения и финансового выравнивания (Бенин, Испания, Камерун, Марокко, Португалия).

Экономико-моделирующее измерение – солидарность как основа социального рыночного хозяйства и критерий дифференциации форм собственности (Польша, Португалия).

Образовательно-воспитательное измерение – солидарность как цель образования и основа воспитания подрастающего поколения (Венесуэла, Мексика, Мозамбик, Панама, Перу, Португалия).

Политико-деликтное измерение – солидарная ответственность как юридическая конструкция, связывающая членов Правительства единой программой и коллективной ответственностью (Аргентина, Испания, Литва, Парагвай, Польша, Португалия, Румыния, Словения, Хорватия, Чили).

Внешнеполитическое измерение – солидарность как принцип международных отношений и поддержки освободительных движений (Венесуэла, Восточный Тимор, Мозамбик, Парагвай, Франция).

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституционных моделей формализации солидарности позволяет сформулировать следующие выводы.

Солидарность является одной из системообразующих ценностей современного конституционализма, однако способы ее формализации существенно различаются в зависимости от региона. Выделены четыре региональные модели:

Интегративно-аксиологическая модель (Африканский союз) отличается системностью, охватом ценностно-идеологических, институционально-функциональных и образовательно-воспитательных сегментов, а также двухуровневым характером (внутригосударственный и панафриканский).

Интегративно-полифункциональная модель (ЛАИ) характеризуется многоаспектностью, охватывает публично-телеологический, социально-институциональный, образовательно-воспитательный, процессуально-компенсаторный и внешнеполитический аспекты; солидарность выступает как конституционная обязанность личности.

Социально-институциональная модель (ЕС) отличается институционализацией через отраслевые механизмы (пенсионные системы, компенсационные фонды, организации социальной солидарности), сочетанием ценностного и инструментального начал, а также многосубъектным характером адресации (государство, органы власти, граждане, будущие поколения).

Декларативно-учредительная модель (СНГ, БРИКС, АСЕАН) характеризуется закреплением солидарности на уровне высших ценностных ориентиров (преамбулы, основы конституционного строя), выполнением учредительной функции в отношении целей государства и направлений развития законодательства, а в отдельных случаях – приобретением характера конституционной обязанности.

В российской конституционной модели солидарность получила закрепление на двух уровнях: как принцип солидарности поколений (ч. 6 ст. 75) и как триада экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1). Это позволяет отнести российскую модель к декларативно-учредительной с элементами социально-институциональной, что коррелирует с европейским подходом, но при этом сохраняет национальную специфику.

Систематизация функций солидарности позволила выделить шесть концептуальных измерений ее нормативного присутствия: социально-обеспечительное, территориально-интеграционное, экономико-моделирующее, образовательно-воспитательное, политико-деликтное и внешнеполитическое. В своей совокупности они образуют механизм, в котором солидарность выступает универсальным конституционным инструментом, обеспечивающим интеграцию общества, социальную защиту и устойчивое развитие.

Литература

1. Конституция Бенина от 02.12.1990 г. // <https://constitutions.ru/?p=2981>.
2. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла от 30.12.1999 г. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. Америка; <https://worldconstitutions.ru/?p=3004> (дата обращения 11.05.2026 г.).
3. Конституция Бразилии от 05 октября 1988 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=563&ysclid=mock1hd63d32628461> (дата обращения 09 марта 2026 г.).
4. Конституция Венгрии от 18 апреля 2011 г. // <https://constitutions.ru/?p=6509&ysclid=m4fwg9y4l8709201749> (дата обращения 02.05.2026 г.).
5. Конституция Греции от 11 июня 1975 г. // <https://constitutions.ru/?p=249> (дата обращения 02.05.2026 г.).
6. Конституция Демократической Республики Восточный Тимор от 20 мая 2002 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 53–98.
7. Конституция Египта от 22 декабря 2012 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=730&ysclid=mocjys8wh9420100294> (дата обращения 09 марта 2026 г.).
8. Конституция Исламской Республики Иран от 24 октября 1979 г. // Конституции государств Азии. Том 1. Западная Азия. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 09 марта 2026 г.).
9. Конституция Испании от 06 декабря 1978 г. // <https://constitutions.ru/?p=258> (дата обращения 02.05.2026 г.).
10. Конституция Камеруна от 02.06.1972 г. // <https://constitutions.ru/?p=448&ysclid=m67mfl0w9l972501890> (дата обращения 17.05.2026 г.).
11. Конституция Коморских островов от 23 декабря 2001 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=63&ysclid=mqm5hy2pri365206161> (дата обращения 17.05.2026 г.).
12. Конституция Королевства Марокко от 29.07.2011 г. // <https://constitutions.ru/?p=7661&ysclid=m66hbpfc55352521073> (дата обращения 17.05.2026 г.).
13. Конституция Литвы от 25 октября 1992 г. // <https://constitutions.ru/?p=178> (дата обращения 02.05.2026 г.).
14. Конституция Мексиканских Соединенных штатов от 05.02.1917 г. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. Америка; <https://worldconstitutions.ru/?p=51> (дата обращения 11.05.2026 г.).
15. Конституция Объединенных Арабских Эмиратов от 02 декабря 1971 г. // Конституции государств Азии. Том 1. Западная Азия. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 09 марта 2026 г.).
16. Конституция Польши от 2 апреля 1997 г. // <https://constitutions.ru/?p=182> (дата обращения 02.05.2026 г.).
17. Конституция Португалии от 02 апреля 1976 г. // <https://constitutions.ru/?p=278> (дата обращения 02.05.2026 г.).
18. Конституция Республики «Союз Мьянма» от 29 мая 2008 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 553–664.
19. Конституция Республики Мозамбик от 02.11.1990 г. // <https://constitutions.ru/?p=117&ysclid=m67pegnvss380692788> (дата обращения 17.05.2026 г.).
20. Конституция Республики Панама от 11.10.1972 г. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. Америка; <https://worldconstitutions.ru/?p=2713> (дата обращения 11.05.2026 г.).
21. Конституция Республики Парагвай от 20.06.1992 г. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. Америка; <https://worldconstitutions.ru/?p=3016> (дата обращения 11.05.2026 г.).
22. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // СЗ РФ. 2022. № 710. Ст. 4398.
23. Конституция Румынии от 21 ноября 1991 г. // <https://constitutions.ru/?p=184> (дата обращения 02.05.2026 г.).
24. Конституция Словении от 23 декабря 1991 г. // <https://constitutions.ru/?p=191> (дата обращения 02.05.2026 г.).
25. Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 15 апреля 1992 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 112–146.
26. Конституция Франции от 28 сентября 1958 г. // <https://constitutions.ru/?p=285> (дата обращения 02.05.2026 г.).
27. Конституция Эритреи от 23 мая 1997 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=353&ysclid=mqm5gj1q50697060341> (дата обращения 17.05.2026 г.).
28. Основной низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия от 01 марта 1992 г. // Конституции государств Азии. Том 1. Западная Азия. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 09 марта 2026 г.).
29. Политическая Конституция Колумбии от 06.06.1991 г. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. Америка; <https://worldconstitutions.ru/?p=534&ysclid=mpwriy3nmb118117756> (дата обращения 11.05.2026 г.).
30. Политическая Конституция Республики Перу от 29.12.1993 г. // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. Америка; <https://worldconstitutions.ru/?p=534&ysclid=mpwriy3nmb118117756> (дата обращения 11.05.2026 г.).
31. Агамагомедов С.А. Солидарность: конституционный принцип и ценность экономического взаимодействия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 51 (2). С. 114–138.
32. Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 555 с.
33. Большой толковый словарь русского языка // <https://gramota.ru/> (дата обращения: 29.11.2025).
34. Зуйков А.В. Солидарность и ее экономическая составляющая в конституционном измерении // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2025. № 1. С. 135–145.
35. Майборода Э.Т. Ценностная солидарность – инструмент правового прогнозирования интереса коллективного субъекта // Аграрное и земельное право. 2024. № 9 (237). С. 30–32.
36. Руденко В.В. Солидарность как конституционно-правовая ценность в России // Антиномии. 2025. № 25 (1). С. 198–216.
37. Руденко В.В. Социальная солидарность в документах стратегического планирования // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. 12 (3). С. 107–113.
38. Сальников В.П., Брылева Е.А., Захарцев С.И. Социальная солидарность как отражение политики государства // Образование и право. 2022. № 12. С. 11–18.
39. Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Принцип солидарности в постиндустриальном обществе: особенности содержания и тенденции развития // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 3–7.
40. Цыбулевская О.И. Солидарность в праве в фокусе моральных проблем // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5. С. 63–68.
41. Шапсугова М.Д. Солидарность как новый принцип экономической деятельности граждан // Право и практика. 2021. № 2. С. 14–20.

CONSTITUTIONAL MODELS OF SOLIDARITY FORMALIZATION: A COMPARATIVE LEGAL STUDY

Belotserkovich D.V.

Belgorod State National Research University

In the context of global transformation of social relations and the growing demand for social justice, solidarity has become a constitutional and legal category that requires doctrinal interpretation and comparative legal verification. Based on a comparative analysis of the constitutions of member states of influential integration associations, the article identifies, names, and characterizes constitutional models of formalization of solidarity. The study is based on formal legal and comparative legal methods. As a result of the study, four regional constitutional models were identified: integrative-axiological, integrative-polyfunctional, socio-institutional, and declarative-constituent; and six conceptual dimensions of solidarity were identified that reveal its normative content. It was established that the diversity of models reflects differences in legal traditions and forms of government, as well as the level of institutional maturity of legal orders. The proposed typology can serve as a tool for predicting the vectors of constitutional development and evaluating the effectiveness of enshrining socially oriented values in the founding laws of states.

Keywords: solidarity, legal principle, constitutional value, public authority, social solidarity.

References

1. Constitution of Benin of December 2, 1990 // <https://constitutions.ru/?p=2981>.

2. Constitution of the Bolivarian Republic of Venezuela of December 30, 1999 // Constitutions. Library of Constitutions of Roman Pashkov. America; <https://worldconstitutions.ru/?p=3004> (accessed May 11, 2026).
3. Constitution of Brazil of October 5, 1988 // <https://worldconstitutions.ru/?p=563&ysclid=mock1hd63d32628461> (accessed March 9, 2026).
4. Constitution of Hungary of April 18, 2011 // <https://constitutions.ru/?p=6509&ysclid=m4fvgy4l8709201749> (accessed on May 2, 2026).
5. Constitution of Greece of June 11, 1975 // <https://constitutions.ru/?p=249> (accessed on May 2, 2026).
6. Constitution of the Democratic Republic of East Timor of May 20, 2002 // Constitutions of the Asian States. Volume 3. Far East. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma, 2010. pp. 53–98.
7. Constitution of Egypt of December 22, 2012 // <https://worldconstitutions.ru/?p=730&ysclid=mocjys8wh9420100294> (accessed March 9, 2026).
8. Constitution of the Islamic Republic of Iran of October 24, 1979 // Constitutions of Asian States. Volume 1. Western Asia. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma, 2010; <https://www.consultant.ru/> (accessed March 9, 2026).
9. Constitution of Spain of December 6, 1978 // <https://constitutions.ru/?p=258> (accessed May 2, 2026).
10. Constitution of Cameroon of June 2, 1972 // <https://constitutions.ru/?p=448&ysclid=m67mfl0w9l972501890> (accessed on May 17, 2026).
11. Constitution of the Comoros of December 23, 2001 // <https://worldconstitutions.ru/?p=63&ysclid=mqm5hy2pri365206161> (accessed on May 17, 2026).
12. Constitution of the Kingdom of Morocco of July 29, 2011 // <https://constitutions.ru/?p=7661&ysclid=m66hbpcf55352521073> (accessed on May 17, 2026).
13. Constitution of Lithuania of October 25, 1992 // <https://constitutions.ru/?p=178> (accessed May 2, 2026).
14. Constitution of the United Mexican States of February 5, 1917 // Constitutions. Roman Pashkov Library of Constitutions. America; <https://worldconstitutions.ru/?p=51> (accessed May 11, 2026).
15. Constitution of the United Arab Emirates of December 2, 1971 // Constitutions of the Asian States. Volume 1. Western Asia. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma, 2010; <https://www.consultant.ru/> (accessed March 9, 2026).
16. Constitution of Poland of April 2, 1997 // <https://constitutions.ru/?p=182> (accessed May 2, 2026).
17. Constitution of Portugal of April 2, 1976 // <https://constitutions.ru/?p=278> (accessed May 2, 2026).
18. Constitution of the Republic of the Union of Myanmar of May 29, 2008 // Constitutions of the Asian States. Volume 3. Far East. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma, 2010. Pp. 553–664.
19. Constitution of the Republic of Mozambique of 02.11.1990 // <https://constitutions.ru/?p=117&ysclid=m67pegnvss380692788> (accessed on 17.05.2026).
20. Constitution of the Republic of Panama of 11.10.1972 // Constitutions. Library of Constitutions of Roman Pashkov. America; <https://worldconstitutions.ru/?p=2713> (accessed on 11.05.2026).
21. Constitution of the Republic of Paraguay of 20.06.1992 // Constitutions. Library of Constitutions of Roman Pashkov. America; <https://worldconstitutions.ru/?p=3016> (accessed May 11, 2026).
22. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments introduced by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, of July 21, 2014 No. 11-FKZ, of March 14, 2020 No. 1-FKZ, of October 4, 2022 No. 6-FKZ, of October 4, 2022 No. 7-FKZ, of October 4, 2022 No. 8-FKZ) // SZ RF. 2022. No. 710. Art. 4398.
23. Constitution of Romania of November 21, 1991 // <https://constitutions.ru/?p=184> (accessed on May 2, 2026).
24. Constitution of Slovenia of December 23, 1991 // <https://constitutions.ru/?p=191> (accessed on May 2, 2026).
25. Constitution of the Socialist Republic of Vietnam of April 15, 1992 // Constitutions of the Asian States. Volume 3. Far East. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma, 2010. pp. 112–146.
26. Constitution of France of September 28, 1958 // <https://constitutions.ru/?p=285> (date of access 02.05.2026).
27. Constitution of Eritrea of May 23, 1997 // <https://worldconstitutions.ru/?p=353&ysclid=mqm5gj1q50697060341> (date of access 17.05.2026).
28. Basic Law (Regulations) of the Kingdom of Saudi Arabia of March 1, 1992 // Constitutions of Asian States. Volume 1. Western Asia. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma, 2010; <https://www.consultant.ru/> (date of access 09 March (and 2026)).
29. Political Constitution of Colombia of June 6, 1991 // Constitutions. Library of Constitutions of Roman Pashkov. America; <https://worldconstitutions.ru/?p=534&ysclid=mpwriy3nmb118117756> (date of access 11/05/2026).
30. Political Constitution of the Republic of Peru of December 29, 1993 // Constitutions. Library of Constitutions of Roman Pashkov. America; <https://worldconstitutions.ru/?p=534&ysclid=mpwriy3nmb118117756> (date of access 11/05/2026).
31. Agamagomedova S.A. Solidarity: Constitutional Principle and Value of Economic Interaction // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 51 (2). P. 114–138.
32. Alebastrova I.A. The Principle of Social Solidarity in Constitutional Law: Diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2017. 555 p.
33. Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language // <https://gramota.ru/> (date of access: 11/29/2025).
34. Zuikov A.V. Solidarity and its Economic Component in the Constitutional Dimension // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2025. No. 1. P. 135–145.
35. Maiboroda E.T. Value Solidarity – a Tool for Legal Forecasting the Interests of a Collective Subject // Agrarian and Land Law. 2024. No. 9 (237). Pp. 30–32.
36. Rudenko V.V. Solidarity as a Constitutional and Legal Value in Russia // Antinomies. 2025. No. 25 (1). Pp. 198–216.
37. Rudenko V.V. Social Solidarity in Strategic Planning Documents // Bulletin of Surgut State University. 2024. 12 (3). Pp. 107–113.
38. Salnikov V.P., Bryleva E.A., Zakhartsev S.I. Social Solidarity as a Reflection of State Policy // Education and Law. 2022. No. 12. Pp. 11–18.
39. Umnova-Konyukhova I.A., Aleshkova I.A. The Principle of Solidarity in a Post-Industrial Society: Features of Content and Development Trends // International Public and Private Law. 2021. No. 1. pp. 3–7.
40. Tsybulevskaya O.I. Solidarity in Law in Focus on Moral Problems // State and Legal Studies. 2022. No. 5. pp. 63–68.
41. Shapsugova M.D. Solidarity as a New Principle of Economic Activity of Citizens // Law and Practice. 2021. No. 2. pp. 14–20.

Власова Елена Львовна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Восточно-Сибирский институт Министерства – МВД России
E-mail: vlasovael1963@gmail.com

В условиях стремительного развития цифровой экономики всё большее распространение получают платформенные услуги – каршеринг, сервисы доставки и фриланс-платформы. Эти формы экономической активности трансформируют традиционные правовые модели, ставя перед законодателем и правоприменителем новые вызовы. В статье анализируется состояние административно-правового регулирования указанных видов платформенных услуг в Российской Федерации, выявляются пробелы в законодательстве, связанные с отсутствием чётких определений, правовой неопределённостью статуса участников, размытостью ответственности между платформами, пользователями и исполнителями, предлагаются направления совершенствования правового режима. Особое внимание уделено вопросам ответственности, лицензирования, защиты прав потребителей и пользователей, а также взаимодействию государственных органов с цифровыми платформами. Рассматриваются правовые риски в сфере каршеринга, доставки и фриланса, включая проблемы социальной защиты курьеров и фрилансеров, контроля за техническим состоянием транспорта и качеством услуг.

Ключевые слова: платформенные услуги; каршеринг; фриланс; доставка; административное право; правовое регулирование; цифровая экономика; ответственность; лицензирование.

Развитие цифровых экосистем привело к формированию нового сектора экономики – платформенных услуг. Каршеринг, сервисы доставки и фриланс-платформы стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов граждан. Однако, их правовой статус часто остаётся неопределённым. Традиционные отрасли права, прежде всего административное и трудовое, не успевают адаптироваться к стремительным изменениям. Возникают вопросы: кто несёт ответственность за вред, причинённый курьером или водителем каршеринга? Можно ли считать фрилансера-исполнителя «работником» платформы? Как лицензировать деятельность, если платформа лишь посредник?

Целью данной статьи является комплексный анализ административно-правового регулирования указанных видов деятельности и выработка предложений по его совершенствованию.

Каршеринг – это услуга краткосрочной аренды автомобилей через цифровую платформу. Название «каршеринг» происходит от английского словосочетания «car sharing», что буквально переводится как «совместное использование автомобиля» [2]. Его развитие в России началось в 2013 году и с тех пор приобретает всю большую и большую популярность. Однако, законодательное регулирование отстает от практики.

На сегодняшний день в Федеральном законе от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (далее – ФЗ № 259-ФЗ) [8], Кодексе об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) отсутствует чёткое определение каршеринга. На практике отношения каршеринга регулируются общими положениями Гражданского кодекса РФ. Чаще всего такие отношения квалифицируются как договор аренды транспортного средства без экипажа (ст. 642–649 ГК РФ), так как автомобиль предоставляется во временное пользование без услуг по управлению. В некоторых случаях каршеринг могут рассматривать как договор проката (ст. 626 ГК РФ), если оператор действует как прокатная организация. Это приводит к правовой неопределённости. На сегодняшний день в ФЗ № 259-ФЗ, КоАП РФ отсутствует чёткое определение каршеринга. На практике отношения каршеринга регулируются частью второй Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), а именно – разделом IV «Отдельные виды обязательств» и главой 34 «Аренда». Чаще всего такие отношения квалифицируются как договор аренды транспортного средства без экипажа (ст. 642–649 ГК РФ), так как автомобиль предоставляется во временное пользование без услуг по управлению. В некоторых случаях каршеринг могут рассматривать как договор проката (ст. 626 ГК РФ), если оператор действует как прокатная организация. Это приводит к правовой неопределённости, в том числе, по определению правовой природы договора каршеринга.

Определение каршеринга приведено в пункте 1.2 Приложения 2 к Постановлению Правительства Москвы от 31 августа 2011 г. № 405-ПП (в редакции от 14 октября 2025 г. № 2502-ПП): «Для целей настоящего Порядка под услугой каршеринг понимается предоставление легковых автомобилей в краткосрочную аренду (не более 7 календарных дней, в том числе на основе поминутной тарификации) физическим лицам для целей, не связанных с осуществлением такими физическими лицами предпринимательской деятельности». Постановление регулирует вопросы предоставления субсидий операторам каршеринга – юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям (далее – ИП), которые предоставляют такую услугу и соответствуют установленным требованиям [3]. В апелляционном определении Московского городского суда от 26 апреля 2019 года по делу № 33–19520/2019 суд прямо указал, что каршеринг нельзя однозначно отнести к договору проката, так как он не предусматривает публичной оферты и не обращён к неопределённому кругу лиц. Каршеринг имеет признаки договора аренды транспортного средства без экипажа (ст. 642–649 ГК РФ), так как автомобиль предоставляется во временное пользование без услуг по управлению. При этом, договор может быть смешанным и включать элементы договора возмездного оказания услуг (например, предоставление возможности пользоваться сервисом, заправка автомобиля и т.д.) [1]. Помимо того, неясно, подлежит ли каршеринг лицензированию как вид транспортной деятельности. Солидарны с позицией многих исследователей, что пока каршеринг регулируется общими нормами ГК РФ, лицензирование не предусмотрено. Однако

инициативы по закреплению каршеринга в федеральном законе могут в будущем изменить ситуацию [1].

Следует отметить, что в большинстве субъектов Российской Федерации специальные нормативные акты, регулирующие деятельность каршеринга, отсутствуют. Например, в Иркутской области нет специальных нормативных актов, которые бы прямо регулировали каршеринг в качестве отдельного вида деятельности или предоставляли бы ему государственную поддержку, аналогичную упомянутой в Постановлении Правительства Москвы от 31 августа 2011 г. № 405-ПП. В Иркутской области, как и в других регионах, контроль за автомобильным транспортом в целом осуществляется в рамках регионального государственного надзора. Например, Положение о региональном государственном контроле (надзоре) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве на территории Иркутской области утверждено Постановлением Правительства Иркутской области от 3 декабря 2021 г. № 938-пп. Однако этот документ регулирует общие вопросы контроля и не касается конкретно каршеринга.

На сегодняшний день, каршеринг как вид деятельности регулируется комплексом правовых норм, включая административно-правовые аспекты, касающиеся ответственности пользователей, обязанностей операторов и взаимодействия с органами власти.

При каршеринге водитель несёт административную ответственность за нарушение ПДД на общих основаниях, как и любой другой водитель. Это означает, что за превышение скорости (ст. 12.9 КоАП РФ), неправильную парковку (ст. 12.19 КоАП РФ), проезд на красный свет (ст. 12.12 КоАП РФ), управление в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ) и другие нарушения ПДД водитель получает штраф от ГИБДД. Кроме того, оператор каршеринга может наложить на пользователя дополнительные штрафы в соответствии с условиями договора аренды. Например, за завершение аренды вне разрешённой зоны, оставление автомобиля с открытыми окнами, нарушение правил использования транспортного средства (курение в салоне, передача управления третьим лицам без согласия оператора и т.п.). Размер таких штрафов зависит от политики компании и прописывается в договоре. При несогласии с внутренним штрафом пользователь может оспорить взыскание через службу поддержки компании, Роспотребнадзор или суд [9].

Операторы каршеринга также обязаны соблюдать ряд требований, включая обеспечение технической исправности автомобилей, наличие страховки (ОСАГО) и защиту персональных данных пользователей в соответствии Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных».

Операторы каршеринга взаимодействуют с органами власти при согласовании парковочных зон, предоставляют данные по запросам ГИБДД и Роскомнадзора, а также могут быть обязаны регистрироваться в региональных реестрах операторов каршеринга. Например, в Иркутске порядка 4-х каршеринговых компаний, зарегистрированных в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ), реестре налогоплательщиков. На федеральном уровне отдельного реестра каршеринговых компаний не существует. Однако, в некоторых регионах могут вестись локальные реестры или базы данных операторов каршеринга в рамках регионального регулирования. В Иркутске такой реестр не вводился.

Отсутствие единого федерального правового статуса каршеринга в России создаёт ряд проблем. Решением может стать включение каршеринга в федеральный закон (например, «О транспортной политике» – проект федерального закона 02/04/04–26/00167256 «О транспортной политике в Российской Федерации» был разработан Минтрансом и размещён для публичного обсуждения на официальном сайте regulation.gov.ru с 27 апреля по 26 мая 2026 года) и выделение его как отдельного вида договора в Гражданском кодексе РФ с чёткими правилами для операторов и пользователей. Отдельные положения о каршеринге можно включить в подраздел 2 «Аренда транспортного средства без экипажа» (§ 3 гл. 34 ГК РФ). Например, в виде ст. 642.1 ГК РФ с названием «Договор каршеринга»: «По договору каршеринга одна сторона (арендодатель) предоставляет другой стороне (арендатору – физическому лицу) транспортное средство во временное владение и пользование без оказания услуг по управлению им и его технической эксплуатации за плату на основе поминутной тарификации. Заключение договора осуществляется с помощью смарт-устройств и специальных электронных приложений в дистанционной форме» [7].

Услуги доставки (еды, товаров, документов) осуществляются через цифровые платформы (например, «Самокат», «Яндекс.Еда», «СберЛогистика») сталкиваются с рядом правовых проблем, связанных с регулированием деятельности курьеров, использования транспорта, размещения пунктов выдачи (далее – ПВЗ) и микрологистики.

Анализ показал, что большинство курьеров оформлены как самозанятые (деятельность самозанятых регулируется Федеральным законом от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»», этот закон ввёл экспериментальный режим налогообложения для самозанятых, который действует до 31 декабря 2028 года) или по гражданско-правовым договорам, что исключает их из сферы действия Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) [6] и лишает соответствующих социальных гарантий (права на оплачиваемый отпуск, больничные, пенсионные отчисления и другие льготы).

Самозанятые несут полную ответственность за налоги, учёт дохода и соблюдение лимита по выручке (в 2026 году – не более 2,4 млн рублей в год. Лимит по выручке установлен Федеральным законом от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»»). При этом алгоритмы платформ часто устанавливают жёсткие требования к курьерам (штрафы за опоздания, низкий рейтинг, отсутствие оплаты времени простоя), что приближает отношения к трудовым [5]. Как следствие, высока текучесть кадров, которая по данным на 2024 год достигала 150–300% в год, то есть за год состав штата мог полностью обновляться дважды или трижды. Это приводит к значительным потерям для бизнеса: стоимость замены одного курьера оценивается в 30–80 тысяч рублей (в зависимости от города и формата доставки). При штате в 500 человек и текучести 200% ежегодные потери могли составлять десятки миллионов рублей.

Много вопросов вызывают и требования к ПВЗ. Хотя Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в РФ» (вступает в силу с 1 октября 2026 года) устанавливает требования к ПВЗ (соответствие санитарным и противопожарным нормам, обеспечение сохранности товаров), контроль за соблюдением этих требований не всегда эффективен.

Маркетплейсы, такие как Wildberries, Ozon и «Яндекс Маркет» предъявляют строгие внутренние требования к пунктам выдачи заказов (ПВЗ), которые часто выходят за рамки норм, закреплённых в Федеральном законе № 289-ФЗ (например, требования к вывеске, графику работы, чистоте). Эти требования закреплёны в договорах, брендбуках и внутренних регламентах компаний. Например, требования Wildberries: требования к помещению: площадь от 30 м² (в городах-миллионниках – от 70 м², в малых населённых пунктах – от 50 м²), прямой вход с улицы, первый этаж, не более пяти ступеней до входа, наличие пандуса. Запрещено размещать ПВЗ в проходных зонах торговых центров, в закрытых дворах с фоном или шлагбаумом. Оформление: ремонт по брендбуку, обязательная брендированная стена с логотипом, стойка ресепшена, примерочные, тумбы, пуфы, складские стеллажи, камеры видеонаблюдения, световая вывеска. Режим работы: минимум 12 часов в день в городе, не менее 9 часов в населённых пунктах до 5 000 человек. Дополнительные требования: запрет на размещение сторонней рекламы, необходимость выдавать брендированные пакеты по запросу покупателя, запрет на приём оплаты способами, не предусмотренными системой. За нарушение внутренних требований предусмотрены штрафы, но это не всегда гарантирует соблюдение стандартов.

Еще одной проблемой является отсутствие единого федерального стандарта для курьеров, что затрудняет координацию между городами и регионами. Это создаёт сложности для оптимизации маршрутов и повышения эффективности доставки (микрологистики).

До вступления в силу ФЗ № 289-ФЗ деятельность цифровых платформ регулировалась фрагментарно. Новый закон вводит некоторые нормы (например, требования к договорам, проверка партнёров, передача данных в ФНС), но не решает всех проблем, связанных с платформенной занятостью, статусом курьеров и их ответственностью. Вопросы охраны труда, страхования жизни и здоровья исполнителей остаются в общем поле (Трудовой кодекс, закон о самозанятых, Гражданский кодекс, добровольные страховые программы платформ).

Для решения проблем в сфере цифровых платформ предлагаются меры по установлению специального правового статуса курьеров с минимальными социальными гарантиями, которые обычно охватывают наиболее критические аспекты: страхование от несчастных случаев на работе, право на минимальный оплачиваемый отпуск, базовое пенсионное обеспечение. Одна из обсуждаемых инициатив – внесение в Трудовой кодекс отдельной главы, посвящённой особенностям регулирования деятельности платформенных работников. Это предложение выдвинула Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР). Такой подход позволил бы закрепить права курьеров и других платформенных работников в рамках существующего трудового законодательства, адаптировав его под специфику платформенной занятости. Далее необходимы меры по введению единых федеральных стандар-

тов для ПВЗ и микрологистики, а также обязательному использованию электронных перевозочных документов (далее – ЭПД), которые с 1 сентября 2026 года ЭПД становятся обязательными для всех участников коммерческих грузоперевозок, и систем контроля за соблюдением ПДД (внедрение технических ограничений скорости для средств доставки, обязательное оснащение их IoT-модулями для отслеживания соблюдения правил, регулярные медосмотры курьеров). Важными направлениями являются развитие добровольного страхования, прозрачность алгоритмов платформ и межведомственная координация, то есть создание рабочих групп или советов с участием представителей Минтруда, ФНС, Минтранса и других ведомств для координации регулирования платформенной деятельности и решения возникающих проблем.

Фриланс представляет собой выполнение разовых работ или оказания услуг через цифровые платформы («Кворк», «Freelance.ru», Upwork). Отметим, что в последние годы фриланс стал одной из самых популярных форм занятости в экономике, но, несмотря на введение в 2021 году специального налогового режима для самозанятых, административно-правовое регулирование данной сферы остаётся недостаточно развитым. Основные проблемы связаны, в первую очередь, с отсутствием обязательного лицензирования для большинства видов деятельности, таких как консультирование, дизайн и программирование. Кроме того, остаётся неясным правовой статус ответственности при выполнении работ, имеющих отношение к безопасности жизнедеятельности, например, в области проектирования или инженерных расчётов. В таких случаях не определено, кто несёт юридическую ответственность: сам фрилансер или цифровая платформа, через которую осуществляется взаимодействие. Разъяснение по этому вопросу содержится в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 2026 года № 39-П, которое, хотя и касалось споров об интеллектуальной собственности, установило правовые критерии, применимые и к другим видам ответственности в платформенной экономике. Суд подтвердил, что цифровые платформы могут быть признаны информационными посредниками, освобождёнными от ответственности при соблюдении определённых условий. Однако такое освобождение не является автоматическим: платформа должна одновременно не знать и не должна была знать о неправомерности действий исполнителя и своевременно принять необходимые и достаточные меры по устранению нарушения после его выявления. При этом суд подчеркнул, что активное участие платформы в организации взаимодействия – например, модерация профилей, продвижение услуг, установление правил выполнения заказов – может свидетельствовать о её фактическом контроле, что повышает степень её ответственности. Кроме того, если платформа ранее получала жалобы на конкретного исполнителя и не предприняла профилактических мер, она утрачивает право ссылаться на отсутствие осведомлённости. Таким образом, КС РФ закрепил подход, при котором ответственность распределяется не по формальному признаку посредничества, а на основе анализа реальной роли платформы в совершённом правонарушении, что создаёт основу для более справедливого и сбалансированного правоприменения в спорах между заказчиками, фрилансерами и цифровыми платформами.

Отдельной проблемой является слабая защита прав заказчиков. Так, при невыполнении работы, нарушении сроков или ненадлежащем качестве административное право не предусматривает специальных санкций, ограничиваясь гражданско-правовой ответственностью. Заказчик, столкнувшийся с недобросовестным подрядчиком, вынужден либо мириться с убытками, либо вступать в долгий и затратный гражданский процесс, исход которого не известен.

Думается, что для решения указанных проблем необходимо, в первую очередь, ввести обязательное подтверждение компетенции (сертификацию), а в последующем создать единый реестр фрилансеров с четким установлением минимальных стандартов качества оказываемых услуг.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что во всех трёх сферах отсутствует единое правовое определение «платформенной деятельности», что затрудняет квалификацию правоотношений и приводит к правовой неопределённости при применении норм административного, гражданского и трудового законодательства. Особую проблему представляет размытость ответственности между участниками платформенных отношений – конечным пользователем (арендатором автомобиля, заказчиком доставки или работодателем на фриланс-платформе), исполнителем (водителем-курьером, фрилансером) и оператором цифровой платформы. В случае ДТП при использовании каршеринга, повреждения имущества при доставке или нарушения сроков и качества выполнения работы фрилансером остаётся неясным, в какой мере оператор платформы несёт субсидиарную или солидарную ответственность, даже, если он участвует в организации

процесса, контролирует алгоритмы назначения заданий или устанавливает правила поведения.

Дополнительные трудности связаны с трансграничным характером некоторых фриланс-платформ [4]. Российские регуляторы сталкиваются с ситуацией, когда нормы, принятые в РФ, фактически не могут быть применены к платформам, не имеющим физического присутствия на территории страны. Для решения данной проблемы требуется либо полный запрет на деятельность таких платформ, либо введение механизмов юрисдикционного контроля (например, реестр иностранных цифровых платформ с обязательным представительством в РФ) [10].

Таким образом, административно-правовое регулирование платформенных услуг в России находится в стадии становления. Существующие правовые нормы фрагментарны, не учитывают специфику цифровых взаимодействий и не обеспечивают достаточной защиты всех участников. Основными проблемами являются неопределённость статуса платформ как субъектов ответственности, несовершенство механизмов контроля за самозанятыми исполнителями и устаревшие требования к лицензированию. Выходом, на наш взгляд, может стать принятие федерального закона «О платформенной занятости», закрепляющего понятия «цифровая платформа», «платформенная деятельность», «платформенный работник» и «платформенная услуга», введение обязательного страхования гражданской ответственности платформ за вред, причинённый третьим лицам, создание единого реестра исполнителей платформенных услуг с доступом для контролирующих органов, а также активное внедрение экспериментальных правовых режимов.

Литература

1. Белова О.А. Каршеринг непоименованный: правоприменитель vs законодатель // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 3. С. 87–92. DOI: 10.15688/jc.volsu.2022.3.12
2. Девятова Е.А., Осадченко Э.О. Понятие, признаки и правовая природа каршеринга // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 1 (82). С. 294–302.
3. Постановление Правительства Москвы от 31 августа 2011 г. № 405-ПП «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве» // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/dt/documents/obraztcy-dokumentov/view/207279220/> (дата обращения: 19.06.2026).
4. Романюк Е.В., Трусевич Е.В., Огнев Д.В., Лисутин О.А. Платформенная занятость: сущность, особенности, регулирование // Экономика труда. 2025. Т. 12, № 2. С. 127–144. DOI: 10.18334/et.12.2.122630
5. Строкина В.Д., Дроздова М.Д. Трудовые права курьеров онлайн-платформ: актуальные проблемы и способы защиты // Молодой ученый. 2025. № 20 (571). С. 573–575.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации 07.01.2002, № 1 (часть I), ст. 3.
7. Фазлиева Л.К., Комлев Н.Ю. Договор каршеринга в гражданско-правовом обороте: проблемы и направления развития законодательства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 36–41.
8. Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Собрание законодательства Российской Федерации 12.11.2007, № 46, ст. 5555.
9. Штрафы на арендованной машине в каршеринге: за что могут прийти и кто платит // Финансовый маркетплейс Банки.ру. 16 сентября 2025 г. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11017540> (дата обращения: 19.06.2026).
10. Шульженко В.С. Проблемы правового регулирования цифровых платформ в российской правовой системе // Юридическая наука. 2025. № 8. С. 324–330. DOI: 10.24412/2220-5500-2025-8-324-330

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF PLATFORM SERVICES (CAR-SHARING, DELIVERY, FREELANCE)

Vlasova E.L.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

With the rapid development of the digital economy, platform services—car sharing, delivery services, and freelancing platforms—are becoming increasingly widespread. These forms of economic activity are transforming traditional legal models, posing new challenges for legislators and law enforcement. This article analyzes the state of administrative and legal regulation of these types of platform services in the Russian Federation, identifying gaps in legislation related to the lack of clear definitions, the legal uncertainty surrounding the status of participants, and the blurring of responsibilities between platforms, users, and

providers. It also suggests areas for improving the legal framework. Particular attention is paid to liability, licensing, consumer and user protection, and the interaction of government agencies with digital platforms. Legal risks in the areas of car sharing, delivery, and freelancing are considered, including issues of social protection for couriers and freelancers, monitoring the technical condition of vehicles, and service quality.

Keywords: platform services; car sharing; freelancing; delivery; administrative law; legal regulation; digital economy; liability; licensing.

References

1. Belova O.A. Non-defined carsharing: the law enforcer vs the legislator // Legal Concept. 2022. Vol. 21, No. 3. P. 87–92. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.3.12
2. Devyatova E.A., Osadchenko E.O. Concept, features and legal nature of car sharing // Science Bulletin. 2025. Vol. 3, No. 1 (82). P. 294–302.
3. Resolution of the Moscow Government of August 31, 2011 No. 405-PP “On city support for taxi transportation and car-sharing services in the city of Moscow” // The official portal of the Moscow Mayor and Moscow Government. URL: <https://www.mos.ru/dt/documents/obraztcy-dokumentov/view/207279220/> (accessed: June 19, 2026).
4. Romanyuk E.V., Trusevich E.V., Ognev D.V., Lisutin O.A. platform employment: framework, characteristics and regulation // Russian Journal of Labor Economics. 2025. Vol. 12, No. 2. P. 127–144. DOI: 10.18334/et.12.2.122630
5. Strokina V.D., Drozdova M.D. Labor rights of online platform couriers: current issues and methods of protection // Young scientist. 2025. No. 20 (571). P. 573–575.
6. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001, No. 197-FZ // Collection of Legislation of the RF 07.01.2002, No. 1 (Part I), Item 3.
7. Fazlieva L.K., Komlev N. Yu. Carsharing contract in civil law turnover: problems and directions of development of legislation // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 36–41.
8. Federal Law of November 8, 2007, No. 259-FZ “Charter of automobile transport and urban ground electric transport” // Collection of Legislation of the RF 12.11.2007, No. 46, Item 5555.
9. Fines on a rented car in a car sharing service: what they can come for and who pays // Financial marketplace Banki.ru. September 16, 2025. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11017540> (accessed: June 19, 2026).
10. Shulzhenko V.S. Problems of legal regulation of digital platforms in the Russian legal system // Legal science. 2025. No. 8. P. 324–330. DOI: 10.24412/2220-5500-2025-8-324-330

Белоцеркович Денис Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент, советник при ректорате,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: belotserkovich@bsuedu.ru

Новикова Алевтина Евгеньевна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
конституционного и международного права, юридический
институт, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: novikova_a@bsuedu.ru

В условиях современного конституционного развития особое значение приобретают юридико-технические механизмы, обеспечивающие легитимацию властных решений и согласование воли различных субъектов публично-властных отношений. В статье на основе формально-юридического и сравнительно-правового анализа конституций государств-членов Европейского Союза выявлены и систематизированы функциональные типы процессуально-инструментального согласия. В результате исследования выделены пять типов согласия, различающихся по субъектному составу – глава государства, парламент, правительство, федеративные органы, население, – а также сферам регулирования, включая международные отношения, законодательный процесс, военные полномочия, назначение должностных лиц и конституционную реформу. Установлено, что каждый тип согласия выполняет в конституционном механизме особое предназначение: институциональное ограничение, парламентский контроль, координацию властей, разграничение компетенции или защиту конституционной идентичности. Предложенная систематизация может быть использована для совершенствования конституционных процедур и в компаративных исследованиях. Научная новизна состоит в определении места европейской модели в общей типологии конституционной формализации согласия.

Ключевые слова: согласие, сравнительное правоведение, Европейский Союз, конституционные процедуры, легитимация властных решений, парламентский контроль, федеративные отношения, конституционная реформа.

Введение

Наряду с ценностно-ориентированным аспектом, согласие выступает в качестве юридико-технического условия легитимации властных решений, разграничения компетенции и согласования воли различных субъектов публично-властных отношений. Если аксиологическое измерение фиксирует согласие как ценностную константу, определяющую конституционную идентичность и пределы государственного вмешательства в частную жизнь личности, то процессуально-инструментальное измерение связано с операционными механизмами, через которые согласие интегрируется в структуру публично-властной организации, становясь неотъемлемым элементом правовых процедур.

Под процессуально-инструментальным предназначением согласия в настоящем исследовании мы понимаем его способность выступать в качестве юридико-технического условия, организующего процедуры принятия публично-властных решений, разграничивающего компетенцию между субъектами власти и обеспечивающего легитимацию их действий в рамках конституционного механизма сдержек и противовесов.

Обращение к процессуально-инструментальному измерению согласия в конституциях государств-членов Европейского Союза (далее – ЕС) представляется объективным в силу ряда причин. Так, многообразие форм государственного устройства дает репрезентативный материал для типологизации способов конституционной формализации согласия. Выявление процессуальных форм согласия позволяет установить связь между формальными процедурами и ценностными основами конституционного строя, что значимо для понимания природы европейского конституционализма и его места в общей типологии конституционной формализации согласия, разрабатываемой авторами на материале различных интеграционных объединений [19, 20].

Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы. С помощью первого были систематизированы конституционные нормы, закрепляющие согласие в качестве процедурного условия, выявлена их юридическая конструкция, субъектный состав и процедурные требования. Сравнительно-правовой метод обеспечил сопоставление подходов к формализации согласия в государствах-членах ЕС.

Эмпирическую базу исследования составили тексты конституций государств-членов ЕС.

Цель настоящей статьи состоит в характеристике процессуально-инструментального предназначения согласия в конституциях стран ЕС с определением его юридико-технического значения и функциональных типов.

Типология процессуально-инструментального согласия

Проведенный анализ позволил выделить пять типов процессуально-инструментального согласия, различающихся по субъектному составу, юридической природе и процедурным последствиям. В основе типологии критерий субъекта, от которого требуется согласие на совершение юридически значимых действий, а также характер правоотношений, в рамках которых это согласие востребовано.

1. Согласие главы государства в ряде конституций является частью системы сдержек и противовесов. Здесь речь идет исключительно о случаях, когда глава государства дает согласие на совершение юридически значимых действий. В рассматриваемой смысловой группе согласие главы государства не допускает единоличного принятия наследниками престола решений, влияющих на династическую устойчивость. Так, в Конституции Бельгии закреплено, что наследник престола, вступивший в брак без согласия Короля, лишается прав на трон, однако «может быть восстановлен в своих правах ... при условии согласия обеих палат» (ст. 85) [2]. В Дании имеется сходная по смыслу норма: лицо, имеющее право наследовать престол, утрачивает это право при вступлении в брак «без согласия Короля, данного в Государственном совете» (п. 5) [2].

Обращает на себя внимание различие в юридической конструкции. Бельгийский подход допускает восстановление в правах с участием парламента, тогда как датский такой процедуры не предусматривает.

Это свидетельствует о том, что в Бельгии согласие главы государства включено в более широкую систему парламентского контроля, тогда как в Дании оно остается преимущественной прерогативой монарха. Данный тип согласия выполняет функцию институционального ограничения, предотвращая единоличное принятие наследниками престола решений, способных повлиять на династическую устойчивость, и одновременно подчеркивает особую роль главы государства как гаранта преемственности институтов публичной власти.

2. Согласие парламента (палат). Наиболее многочисленную группу образуют нормы, закрепляющие согласие парламента или его палат в качестве обязательного условия принятия законодательных решений, ратификации международных договоров, назначения должностных лиц и осуществления контрольных полномочий. В данный раздел включены случаи, когда парламент (палаты) дают согласие на совершение действий иными субъектами.

Международные полномочия главы государства

В сфере международных полномочий главы государства согласие парламента выступает ограничителем международной правосубъектности монарха. Конституция Дании требует, чтобы Король не занимал престол в других государствах «без согласия Фолькетинга» (§ 5) [4]. В Бельгии аналогичный запрет установлен в отношении совмещения должности главы другого государства «без согласия обеих палат» (ст. 87) [2].

Оба подхода, при их различиях в объеме контроля, объединяет общий принцип: парламент получает право вето на международные статусные решения главы государства. Конституционная норма в Дании охватывает занятие престола в «каких-либо других государствах», тогда как в Бельгии ограничивается совмещением должности главы другого государства. Однако в обоих случаях представительный орган получает возможность блокировать решения монарха, затрагивающие суверенитет и международное положение государства.

Заключение и денонсация международных договоров

В сфере международных договоров конституции стран-членов ЕС демонстрируют три различных подхода к определению круга договоров, требующих парламентского согласия.

Конституцией Бельгии установлено, что «договоры вступают в действие только после получения согласия палат» [2], а договоры сообществ и регионов заключаются «с согласия их советов» (§ 2, 3 ст. 167) [2]. Бельгийский подход не дифференцирует договоры по их значимости – согласие требуется для всех. Отличается конституционный подход Дании – Король без согласия Фолькетинга не может подписывать акты, связанные с изменением территории, принятием важных обязательств или денонсацией договоров (§ 19). Таким образом, согласие требуется для договоров, содержащих наиболее важные вопросы.

По рассматриваемому предмету регулирования Конституция Нидерландов предстает компромиссным вариантом. Международные договоры требуют «предварительного согласия Генеральных штатов» (ст. 91) [9], но при этом допускается подразумеваемое согласие (ч. 2 ст. 91), которое упрощает процедуру при сохранении парламентского контроля.

В Финляндии формализовано конституционное требование согласия Эдускунты для ратификации договоров, затрагивающих сферу законодательства, причем согласие требуется также при их расторжении (§ 94). Такой подход, полагаем, усиливает долгосрочный парламентский контроль над внешней политикой.

Военные аспекты

Военные полномочия представляют собой сферу, в которой согласие парламента выступает ограничителем исполнительной власти. Конституции демонстрируют различные подходы к определению оснований для парламентского согласия. Так, в Дании использование Вооруженных Сил против иностранного государства требует согласия Фолькетинга (ч. 2 § 19). В Нидерландах «объявление войны не допускается без предварительного согласия Генеральных штатов» (ст. 96) [9]. В Финляндии «решения по вопросам войны и мира Президент принимает с согласия Эдускунты» (§ 93) [13].

Наиболее детализированный подход в Конституции Словакии, выделяющей три самостоятельных основания: ратификация военных договоров, направление войск за пределы территории и присутствие иностранных войск (п.п. d, k, l ст. 86) [12]. Хорватия акцентирует факт «переступания государственной границы» (ст. 7) [15], что является оригинальным юридическим критерием. В Чехии использование вооруженных сил за пределами территории «допускается только с согласия обеих палат» (ч. 2 ст. 43) [16].

Показательно, что ни одна из рассмотренных конституций не определяет юридические последствия отсутствия согласия, оставляя про-

странство для правоприменительного толкования. Это свидетельствует о том, что на рассматриваемом уровне правового регулирования исключается жесткая регламентация в пользу парламентского права самостоятельно оценивать необходимость применения вооруженной силы.

Законодательный процесс

В законодательном процессе согласие выполняет принципиально иную функцию, чем в ранее рассмотренных сферах. Оно приобретает процедурно-обеспечительное предназначение: структурирует процесс преодоления разногласий, устанавливая временные рамки и механизмы поиска компромисса.

В Бельгии Конституция предусматривает создание «парламентской согласительной комиссии, состоящей на паритетных началах из членов Палаты представителей и Сената» [2], которая «урегулирует конфликты в сфере компетенции между обеими палатами и может при общем согласии продлить в любой момент сроки рассмотрения законопроектов» (ст. 82) [2]. При отсутствии согласия устанавливают специальные процедурные сроки (ст. 80).

Во Франции смешанная паритетная комиссия создается «для предложения нового текста по тем положениям, по которым не достигнуто согласие» [14]; при этом ни одна поправка не может быть принята «без согласия Правительства» (ст. 45) [14]. В Люксембурге законопроекты «подлежат повторному голосованию, если только Палата в открытом заседании по согласованию с Государственным советом не постановит иного» (ст. 59) [7].

Отличительной особенностью согласия в законодательном процессе является его преимущественно процедурно-организующий характер. Согласие сопряжено с упорядочиванием процедуры преодоления разногласий при помощи определения временных рамок и механизмов поиска компромисса. Конституция Бельгии позволяет согласительной комиссии продлевать сроки рассмотрения. Исключение из этого правила представляет французский подход, в котором согласие Правительства на поправку (ст. 45) выступает ограничительным механизмом, позволяющим исполнительной власти контролировать содержание принимаемых законов.

Назначение должностных лиц и контроль

В заявленных сферах согласие парламента выступает в двух качествах.

Во-первых, как условие назначения на должность. Здесь целесообразно привести пример ст.ст. 205 и 209 Конституции Польши (Председатель Верховной Палаты Контроля и Защитник Гражданских Прав назначаются Сеймом с согласия Сената) [10]. В Чехии «судей Конституционного суда назначает президент республики с согласия Сената» (ч. 2 ст. 84) [16].

Во-вторых, как обязательный процессуальный этап привлечения к ответственности. В Литве Председатель Сейма, временно замещающий Президента, не может объявлять досрочных выборов, освобождать или назначать министров без согласия Сейма (ст. 89). В Швеции судебное преследование члена Риксдага невозможно без согласия Риксдага (гл. 3, § 8) [17]. В Эстонии привлечение к уголовной ответственности члена Государственного Собрания и Президента требует согласия большинства членов Государственного Собрания (ст.ст. 76, 85) [18].

Во всех трех случаях согласие является процедурным условием, без которого юридически значимое действие не может быть совершено. Примечательно, что в Эстонии инициатива принадлежит канцлеру юстиции, что создает дополнительный процессуальный этап, а согласие парламента выступает завершающей стадией процедуры.

Финансовый контроль

В финансовой сфере согласие парламента носит превентивный характер, предотвращая неконтролируемое наращивание государственного долга. Так, в Финляндии «государственные займы должны получаться с согласия Эдускунты, которая изучает необходимость нового займа или верхний предел государственного долга» (§ 82) [13]. Это придает согласию содержательный характер, превращая его в инструмент бюджетного планирования.

В Люксембурге «никакой заем за счет государства не может быть проведен иначе как с согласия Палаты» (ст. 99) [7]. В отличие от финского подхода, люксембургская норма устанавливает лишь процедурное требование, не детализируя оснований для отказа в согласии.

Различие двух подходов показательно: в Финляндии согласие превращается в инструмент стратегического бюджетного контроля, тогда как в Люксембурге согласие сохраняется процедурной гарантией.

3. Согласие правительства (Совета министров, Кабинета министров). В ряде конституций такое согласие выступает условием принятия решений главой государства, издания подзаконных актов или

осуществления административных процедур. В отличие от согласия парламента, которое преимущественно выполняет контрольную и легитимирующую функции, согласие правительства ориентировано на координацию между уровнями власти и бюджетную дисциплину. Ниже рассмотрены случаи, когда правительство дает согласие на действия иных субъектов.

Опубликование законов и административных решений

Конституция Австрии легализует два уровня согласия правительства – федерального и его субъектов. Согласие Федерального правительства выступает условием легитимации законов земель, что позволяет центру контролировать региональное нормотворчество в чувствительных сферах (изменение структуры органов управления). Согласие правительства земли, в свою очередь, требуется для создания специальных школ и опытных заведений в области сельского и лесного хозяйства (ч. 5 ст. 14а) [1], что указывает на необходимость участия региональной исполнительной власти даже в вопросах отраслевого характера.

Двухуровневая конструкция австрийского подхода позволяет федеральному центру сохранять контроль над региональным нормотворчеством, одновременно оставляя за землями возможность влиять на решения в сферах, непосредственно затрагивающих их компетенцию. Это свидетельствует о стремлении к балансу между централизацией и автономией субъектов Федерации.

Роспуск парламента

В Бельгии Король может распустить Палату представителей «с ее согласия, выраженного абсолютным большинством ее членов» (ст. 46) [2]. Данная норма примечательна тем, что согласие требуется от самого органа, подлежащего роспуску. Роспуск Палаты представителей, таким образом, превращается из одностороннего акта королевской власти в двухстороннюю процедуру, требующую волеизъявления парламента. Требование абсолютного большинства (более половины от общего состава) исключает ситуативное решение, принятое случайным большинством присутствующих.

Заключение договоров

В сфере заключения международных договоров субнациональными образованиями согласие правительства выступает инструментом разграничения внешнеполитической компетенции между федерацией и ее субъектами. Конституции Австрии (ч. 2 ст. 16), Бельгии (§ 3 ст. 167) и Германии (ч. 3 ст. 32) [3] требуют согласия федерального правительства (или советов сообществ и регионов) на заключение международных договоров землями, сообществами и регионами. Это не допускает выхода регионов на международную арену без контроля со стороны центра, сохраняя единство внешнеполитической деятельности государства.

Полномочия Президента

Конституция Ирландии отражает согласие правительства даже для действий главы государства. Президент не может выезжать из государства «за исключением случаев, когда это делается с согласия Правительства» (ст. 9) [5]. Президент также может подписать законопроект ранее установленного срока «с предварительного согласия Правительства и Сената» (ч. 2 ст. 25) [5]. Приведенный подход примечателен двумя особенностями. Во-первых, согласие правительства требуется даже для формально невластных действий Президента (выезд за пределы государства). Во-вторых, подписание законопроекта ранее срока требует двойного согласия – Правительства и Сената, создавая дополнительный процессуальный фильтр.

Бюджетная дисциплина

Согласно ч. 6 ст. 134 Конституции Португалии, предложение или поправка, предполагающие увеличение бюджетных расходов или уменьшение доходов, «прежде чем быть принятыми к рассмотрению должны получить согласие правительства» [11]. Эта норма принципиально отличается от ранее приведенных, поскольку согласие правительства здесь выступает фильтром, предотвращающим принятие парламентом решений, не обеспеченных финансовыми ресурсами на ранней стадии, блокируя популистские законопроекты, способные нарушить бюджетный баланс.

4. Согласие в федеративных и региональных отношениях выступает инструментом разграничения компетенции между федерацией (центром) и ее субъектами. Анализ показал, что согласие может требоваться как от регионов на действия федерации, так и от федерации на действия регионов.

Федеративное законодательство и административные полномочия

Германский подход представляет собой наиболее развернутую совокупность процедур согласования в конституциях стран-членов ЕС. Согласие Бундесрата требуется в нескольких случаях: для законода-

тельных актов, затрагивающих интересы земель (ч. 5 ст. 23); для изменения территориального состояния земель (ч. 7 ст. 29); для федерального принуждения в отношении земли, не выполняющей обязанности (ч. 1 ст. 37). Примечательно, что согласие Бундесрата выступает гарантией от произвольного вмешательства федерации в дела земли.

Отдельно следует отметить п. 1-а ст. 24, допускающий передачу с согласия Федерального правительства суверенных прав земель приграничным учреждениям сопредельных государств. В данном случае согласие требуется уже от федерации. Это свидетельствует о стремлении сохранить контроль над передачей полномочий за пределы государства. Таким образом, Конституция Германии предусматривает согласие Бундесрата в ситуациях, когда действия федерации затрагивают интересы земель, и согласие Федерации – когда земли выходят за пределы своих полномочий.

Создание федеральных органов и заключение договоров

Менее детализированные механизмы легализованы в Конституции Австрии. Это касается создания собственных федеральных органов «только с согласия заинтересованных земель» (ч. 4 ст. 102) [1]. В Бельгии правительства сообществ и регионов заключают договоры в пределах своих полномочий с согласия своих советов (§ 3 ст. 167). Это указывает на то, что исполнительные органы сообществ и регионов не обладают самостоятельностью в международных отношениях без согласия представительных органов соответствующих территориальных образований.

Сравнение германского, австрийского и бельгийского подходов позволяет заключить различную степень детализации реализации процедуры согласия. Немецкий подход наиболее конкретизирован: согласие Бундесрата требуется по широкому спектру ситуаций. В Австрии согласие земель требуется преимущественно для создания федеральных органов. Конституционный подход Бельгии сосредоточен на договорной компетенции сообществ и регионов.

Общим для всех трех подходов является следующий принцип: субнациональные образования не могут действовать в сферах, затрагивающих общенациональные интересы, без согласия центра, а центр не может вмешиваться в дела регионов без учета их позиции. Таким образом, согласие в федеративных отношениях выступает ключевым механизмом сохранения федеративного баланса.

5. Согласие как условие конституционной реформы и территориальных изменений. В отличие от ранее рассмотренных сфер, согласие в конституционной реформе и территориальных изменениях выполняет функцию защиты конституционной идентичности от произвольных изменений. Согласие требуется от специальных субъектов (учредительные палаты, конституционные комиссии) или непосредственно от населения.

В сфере проведения конституционной реформы нами выделено три различных подхода формализации согласия. Так, в Бельгии «общее согласие с Королем» [2] сочетается с решением учредительных палат (ст.ст. 195, 198), что подчеркивает особую активную роль монарха в конституционных преобразованиях. Норма Конституции Люксембурга по смыслу близка к приведенным, но без участия учредительных палат (требуется только согласие Великого Герцога, ст. 114).

В Испании разногласия между палатами запускают процедуру поиска компромисса через совместную комиссию. При сохранении разногласий право окончательного утверждения текста сохраняется за Конгрессом, который может принять его абсолютным большинством голосов (ст. 167). Приведенный конституционный механизм указывает на приоритет достижения компромисса, но при сохранении за нижней палатой решающего слова в случае недостижения согласия.

В Швеции согласие используют в качестве инструмента ускорения процедуры. Так, конституционная комиссия может дать согласие на исключение из установленных правил при наличии квалифицированного большинства (пять шестых голосов Риксдага).

В сфере территориальных изменений нами зафиксировано два принципиально разных конституционных подхода к субъекту согласия. Так, в Конституции Франции установлено, что «любая уступка, обмен, присоединение территории недействительны без согласия ее населения» [14] (ст. 53). Фактически такое согласие выступает формой прямой демократии, предполагающей волеизъявление граждан.

В конституциях Дании (§ 19) и Финляндии (§ 4), напротив, определено согласие парламента (Фолькетинга и Эдускунты соответственно). Кроме того, в Дании Король без согласия Фолькетинга не может подписывать акты, связанные с изменением территории (§ 19).

В целом анализ согласия как части конституционной реформы и территориальных изменений позволил выделить два типа согласия: институциональный (Бельгия, Испания [6], Швеция, Люксембург) и народный (Франция). Первый тип предполагает участие специальных органов (учредительные палаты, конституционные комиссии) либо

главы государства. Народный тип – непосредственное волеизъявление населения. Различие подходов отражает разные конституционные традиции: в одних странах изменения учредительного закона рассматриваются как прерогатива представительных институтов, в других – как вопрос, требующий прямого участия граждан. Оба подхода, однако, направлены на достижение одной цели – защиты конституционной идентичности от произвольных изменений.

Проведенная типологизация позволяет выйти на следующий уровень анализа – выявление общих функций, которые согласие выполняет независимо от субъектного состава и сферы регулирования. Такой подход дает возможность увидеть согласие целостным институтом, интегрированным в систему публично-властной организации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что в конституциях стран Европейского Союза присутствует процессуально-инструментальное измерение согласия, дополняющее его аксиологическую функцию. Процессуально-инструментальное измерение раскрывает механизмы реального функционирования публичной власти.

Каждый из выделенных типов согласия характеризуется собственным субъектным составом, сферами применения и процедурными последствиями. Субъектный состав согласия охватывает все основные институты публичной власти – от главы государства до населения. Установлены явные и подразумеваемые, предварительные и последующие формы согласия. Такое разнообразие подтверждает вывод о том, что согласие в конституциях стран ЕС представляет собой дифференцированный правовой механизм, содержание которого определяется статусом субъекта, характером правоотношений и юридическими последствиями его отсутствия.

Юридикно-техническое значение согласия заключается в том, что оно выступает формальным условием действительности юридически значимых действий, организует процедуры принятия решений, разграничивает компетенцию между субъектами власти и обеспечивает легитимацию их действий в рамках системы сдержек и противовесов. Согласие выполняет роль процессуального фильтра, без которого соответствующие акты не могут быть приняты или вступить в силу.

Литература

1. Конституция Австрии от 10 ноября 1920 г. // <https://constitutions.ru/?p=236> (дата обращения 02.05.2026 г.).
2. Конституция Бельгии от 07 февраля 1831 г. // <https://constitutions.ru/?p=242> (дата обращения 02.05.2026 г.).
3. Конституция Германии от 08 мая 1949 г. // <https://constitutions.ru/?p=247> (дата обращения 02.05.2026 г.).
4. Конституция Дании от 05 июня 1953 г. // <https://constitutions.ru/?p=251> (дата обращения 02.05.2026 г.).
5. Конституция Ирландии от 01 июля 1937 г. // <https://constitutions.ru/?p=253> (дата обращения 02.05.2026 г.).
6. Конституция Испании от 06 декабря 1978 г. // <https://constitutions.ru/?p=258> (дата обращения 02.05.2026 г.).
7. Конституция Люксембурга от 17 октября 1868 г. // <https://constitutions.ru/?p=267> (дата обращения 02.05.2026 г.).
8. Конституция Нидерландов от 24 августа 1815 г. // <https://constitutions.ru/?p=274> (дата обращения 02.05.2026 г.).
9. Конституция Польши от 02 апреля 1997 г. // <https://constitutions.ru/?p=182> (дата обращения 02.05.2026 г.).
10. Конституция Португалии от 02 апреля 1976 г. // <https://constitutions.ru/?p=278> (дата обращения 02.05.2026 г.).
11. Конституция Словакии от 01 сентября 1992 г. // <https://constitutions.ru/?p=189> (дата обращения 02.05.2026 г.).
12. Конституция Финляндии от 11 июня 1999 г. // <https://constitutions.ru/?p=283> (дата обращения 02.05.2026 г.).
13. Конституция Франции от 28 сентября 1958 г. // <https://constitutions.ru/?p=285> (дата обращения 02.05.2026 г.).
14. Конституция Хорватии от 22 декабря 1990 г. // <https://constitutions.ru/?p=195> (дата обращения 02.05.2026 г.).
15. Конституция Чешской Республики от 16 декабря 1992 г. // <https://constitutions.ru/?p=196> (дата обращения 02.05.2026 г.).
16. Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г. // <https://constitutions.ru/?p=234> (дата обращения 02.05.2026 г.).

18. Конституция Эстонии от 28 июня 1992 г. // <https://constitutions.ru/?p=198> (дата обращения 02.05.2026 г.).

19. Белоцеркович Д.В., Новикова А.Е. Формализация солидарности и сопряженных категорий в конституциях стран СНГ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12 С. 1021–1025.

20. Белоцеркович Д.В. Интегративно-аксиологический конституционализм стран Африканского союза: формализация солидарности, единства и согласия // НОМОТЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2026. Т. 51. № 2. С. 376–387.

THE PROCEDURAL AND INSTRUMENTAL DIMENSION OF CONSENT IN THE CONSTITUTIONS OF THE EUROPEAN UNION COUNTRIES

Belotserkovich D.V., Novikova A.E.

Belgorod State National Research University

In the context of modern constitutional development, legal and technical mechanisms that ensure the legitimization of government decisions and the coordination of the wills of various subjects of public authority relations are of particular importance. Based on a formal legal and comparative legal analysis of the constitutions of the member states of the European Union, the article identifies and systematizes the functional types of procedural and instrumental consent. The study identified five types of consent, which differ in terms of the subject composition – the head of state, parliament, government, federal bodies, and the population – as well as in the areas of regulation, including international relations, the legislative process, military powers, the appointment of officials, and constitutional reform. It was established that each type of consent has a specific purpose in the constitutional mechanism: institutional limitation, parliamentary control, coordination of powers, delineation of competencies, or protection of constitutional identity. The proposed systematization can be used to improve constitutional procedures and in comparative studies. The scientific novelty lies in determining the place of the European model in the general typology of constitutional formalization of consent.

Keywords: consent, comparative jurisprudence, European Union, constitutional procedures, legitimization of power decisions, parliamentary control, federal relations, constitutional reform.

References

1. Constitution of Austria of November 10, 1920 // <https://constitutions.ru/?p=236> (accessed May 2, 2026).
2. Constitution of Belgium of February 7, 1831 // <https://constitutions.ru/?p=242> (accessed May 2, 2026).
3. Constitution of Germany of May 8, 1949 // <https://constitutions.ru/?p=247> (accessed May 2, 2026).
4. Constitution of Denmark of June 5, 1953 // <https://constitutions.ru/?p=251> (accessed May 2, 2026).
5. Constitution of Ireland of 1 July 1937 // <https://constitutions.ru/?p=253> (accessed 02 May 2026).
6. Constitution of Spain of 6 December 1978 // <https://constitutions.ru/?p=258> (accessed 02 May 2026).
7. Constitution of Luxembourg of 17 October 1868 // <https://constitutions.ru/?p=267> (accessed 02 May 2026).
8. Constitution of the Netherlands of 24 August 1815 // <https://constitutions.ru/?p=274> (accessed 02 May 2026).
9. Constitution of Poland of April 2, 1997 // <https://constitutions.ru/?p=182> (accessed on May 2, 2026).
10. Constitution of Portugal of April 2, 1976 // <https://constitutions.ru/?p=278> (accessed on May 2, 2026).
11. Constitution of Slovakia of September 1, 1992 // <https://constitutions.ru/?p=189> (accessed on May 2, 2026).
12. Constitution of Finland of June 11, 1999 // <https://constitutions.ru/?p=283> (accessed on May 2, 2026).
13. Constitution of France of September 28, 1958 // <https://constitutions.ru/?p=285> (accessed on May 2, 2026).
14. Constitution of Croatia of December 22, 1990 // <https://constitutions.ru/?p=195> (accessed on May 2, 2026).
15. Constitution of the Czech Republic of December 16, 1992 // <https://constitutions.ru/?p=196> (accessed on May 2, 2026).
16. Constitution of Sweden (Kingdom of Sweden) of February 27, 1974 // <https://constitutions.ru/?p=234> (accessed on May 2, 2026).
17. Constitution of Estonia of June 28, 1992 // <https://constitutions.ru/?p=198> (date of access 02.05.2026).
18. Belotserkovich D.V., Novikova A.E. Formalization of Solidarity and Related Categories in the Constitutions of the CIS Countries // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 12, pp. 1021–1025.
19. Belotserkovich D.V. Integrative-Axiological Constitutionalism of the African Union Countries: Formalization of Solidarity, Unity and Harmony // НОМОТЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law. 2026. Vol. 51. No. 2. pp. 376–387.

Выгузов Александр Игоревич,

магистрант кафедры «Техносферная безопасность»,
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский
технический университет»

E-mail: sash.vyguzoff@yandex.ru

В статье исследуются проблемы надзорноконтрольной деятельности Ростехнадзора в условиях применения рискориентированного подхода. Выявлено, что действующее нормативное регулирование не содержит чёткого разграничения форм, видов и методов надзорной деятельности, что осложняет правоприменение и объективную оценку результативности контрольных мероприятий. Особое внимание уделено критериям эффективности работы надзорных органов и необходимости их детализированного нормативного закрепления. Обоснована целесообразность уточнения понятийного аппарата, а также дополнения законодательства формализованными методиками оценки эффективности. Предлагаемые меры направлены на повышение прозрачности системы государственного контроля и снижение рисков причинения вреда охраняемым законом интересам.

Ключевые слова: надзорная деятельность, формы и методы контроля, критерии эффективности, рискориентированный подход, Ростехнадзор.

Введение

Надзорные органы выполняют чрезвычайно важную функцию – контролируют исполнение законов физическими и юридическими лицами. От корректности этой деятельности зависит соблюдение законности, а также защита прав и законных интересов граждан и организаций. Несмотря на высокую значимость надзорноконтрольной деятельности, отдельные её элементы в нормативноправовых актах отражены недостаточно полно. В первую очередь это касается форм работы и критериев эффективности, что снижает прозрачность и результативность деятельности органов государственного надзора.

Актуальность темы определяется тем, что современная система государственного контроля развивается в условиях усложнения хозяйственной деятельности, появления новых производственных рисков и необходимости рационального распределения ресурсов. В этих условиях государство вынуждено искать баланс между интенсивностью надзорных мероприятий и уровнем потенциальной опасности объекта. Именно поэтому рискориентированный подход стал одним из ключевых инструментов организации контрольной деятельности. Однако его применение не устраняет всех правовых и методологических проблем, а в ряде случаев даже подчёркивает недостаточную определённости базовых понятий.

Цель исследования – выявить основные проблемы нормативного регулирования надзорноконтрольной деятельности Ростехнадзора и предложить меры по совершенствованию системы оценки её эффективности.

Задачи исследования:

- проанализировать действующие правовые нормы, регулирующие формы и методы надзорной деятельности;
- раскрыть содержание рискориентированного подхода в практике Ростехнадзора;
- выявить пробелы в определении критериев эффективности контрольнонадзорной деятельности;
- предложить меры по уточнению понятийного аппарата и формализации показателей результативности.

Объект исследования – надзорноконтрольная деятельность Ростехнадзора. Предмет исследования – нормативноправовое регулирование и методические подходы к оценке эффективности указанной деятельности в условиях рискориентированной модели.

Методы исследования: формальноюридический метод (анализ норм ФЗ № 248ФЗ от 31.07.2020 и подзаконных актов), сравнительноправовой метод (сопоставление терминов «форма», «вид», «метод» в доктрине и практике), метод моделирования (расчёт условного показателя эффективности контрольного мероприятия).

Правовые основы и понятийный аппарат

Одной из наиболее заметных проблем является отсутствие в законодательстве однозначного закрепления форм надзорной деятельности. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» не даёт исчерпывающего определения форм осуществления надзора, что приводит к смешению форм, методов и видов контрольной работы. Такая неопределённость осложняет как теоретическое понимание, так и практическое применение норм. В результате одно и то же действие может быть отнесено к различным категориям, что создаёт правовую неопределённость.

Для устранения данной проблемы целесообразно рассматривать формы надзорной деятельности как внешние способы реализации контрольного воздействия. К ним можно отнести:

- профилактические мероприятия;
- контрольные мероприятия без взаимодействия с контролируемым лицом;
- наблюдение (мониторинг);
- выездное обследование;
- контрольную закупку.

Каждая из этих форм имеет самостоятельное значение и может использоваться для достижения конкретных целей надзора. При этом важно строго разграничивать форму, вид и метод, чтобы исключить терминологическое смешение и повысить качество правового регулирования.

Под **формой** надзорной деятельности понимается внешнее выражение контрольного воздействия (например, профилактический

визит). Под **видом** — классификация надзора по объекту или сфере (например, надзор за опасными производственными объектами). Под **методом** — способ получения доказательств и фиксации нарушений (например, инструментальное обследование, анализ документации, отбор проб). Такое разграничение позволяет систематизировать практику и избежать неоднозначного толкования норм.

Профилактика и дистанционные формы контроля

Профилактика занимает особое место в системе надзорной деятельности, поскольку именно она направлена на недопущение правонарушений. В современных условиях профилактические меры становятся одним из основных инструментов работы надзорных органов, включая Ростехнадзор. Они могут выражаться в различного рода разъяснительной деятельности, консультировании, предостережениях, профилактических визитах и иных действиях, направленных на предупреждение нарушений обязательных требований. Преимущество профилактики состоит в том, что она позволяет воздействовать на поведение подконтрольного субъекта до наступления вредных последствий.

Контроль без взаимодействия с объектом (точнее — контрольные мероприятия без взаимодействия с контролируемым лицом) отличается дистанционным характером и ориентирован на получение информации о соблюдении обязательных требований без непосредственного контакта с проверяемым лицом. Такой формат особенно востребован в условиях цифровизации государственного управления. Он позволяет сократить временные и организационные затраты, а также снизить административную нагрузку на бизнес. Вместе с тем дистанционный контроль не может полностью заменить очные формы, поскольку не всегда обеспечивает необходимую глубину анализа состояния объекта.

Наблюдение (или мониторинг) используется для анализа деятельности организации, прогнозирования возможных нарушений и их оперативного выявления. Оно может осуществляться на основе изучения документов, отчётности, сведений из открытых источников и информации, поступающей от иных государственных органов. При необходимости наблюдение дополняется выездным обследованием, в ходе которого инспектор получает возможность оценить состояние объекта на месте и проверить общедоступные зоны деятельности организации.

Относительно новым инструментом надзора является контрольная закупка. Её суть заключается в моделировании ситуации обычного потребителя, что позволяет проверить соблюдение обязательных требований при реализации товаров, выполнении работ или оказании услуг. Такая форма контроля особенно эффективна там, где нарушения могут быть выявлены только в процессе фактического взаимодействия с потребителем.

Рискориентированный подход в деятельности Ростехнадзора

Отдельного внимания заслуживает рискориентированный подход, который сегодня выступает одним из главных принципов организации надзорной деятельности. Его сущность состоит в том, что интенсивность контроля зависит от уровня потенциальной опасности объекта. Чем выше риск причинения вреда, тем чаще и глубже должны проводиться проверки. Напротив, в отношении объектов с низким уровнем риска объём надзорных мероприятий должен быть минимальным.

Ростехнадзор применяет рискориентированный подход с 2014 года, присваивая объектам различные классы опасности. Именно от этого зависит частота проверок и характер надзорного воздействия. Например, для объектов четвёртого класса опасности плановые проверки могут не проводиться вовсе, тогда как для объектов более высокого класса контроль осуществляется значительно чаще. Такой механизм позволяет рационально распределять ресурсы и сосредоточивать внимание на наиболее опасных объектах (табл. 1).

Таблица 1. Зависимость интенсивности контроля от класса опасности объекта (пример для Ростехнадзора)

Класс опасности	Частота плановых проверок	Характер мероприятий
I (чрезвычайно высокий)	Ежегодно	Выездные проверки, инструментальный контроль, анализ всей документации
II (высокий)	Раз в 2 года	Выездные и документарные проверки, выборочный контроль
III (значительный)	Раз в 3 года	Документарные и выездные проверки, мониторинг
IV (низкий)	Не проводятся (планово)	Мониторинг, наблюдение, профилактика

Источник: практика применения рискориентированного подхода Ростехнадзором (на основе данных открытых отчётов и нормативных актов).

Несмотря на очевидные преимущества, рискориентированный подход не решает всех проблем надзорной деятельности. Он позволяет оптимизировать нагрузку на органы контроля, но не заменяет систему оценки эффективности. Иными словами, рискориентированное управление показывает, где и как часто проверять, но не отвечает на вопрос, насколько результативно действует сам надзорный орган. Следовательно, данный подход должен дополняться более точной системой критериев эффективности.

Критерии эффективности и методика оценки

Второй важной проблемой является неполное и недостаточно формализованное определение критериев эффективности деятельности надзорных органов. В соответствии со статьёй 30 Федерального закона от 31.07.2020 № 248ФЗ выделяются ключевые и индикативные показатели. Ключевые показатели ориентированы на минимизацию вреда и достижение установленных значений результативности. Индикативные показатели, в свою очередь, позволяют соотнести затраты на контрольную деятельность с достигнутым эффектом и уровнем предотвращённого ущерба.

Однако существующая формулировка данных показателей носит преимущественно теоретический характер. В ней отсутствуют точные алгоритмы расчёта, что делает затруднительным объективное определение эффективности. На практике это означает, что надзорный орган может формально выполнять свои функции, но при этом не иметь ясных критериев, позволяющих оценить реальный результат деятельности.

Для наглядности представим расчёт условного показателя эффективности контрольного мероприятия. Пусть отсутствие надзорного мероприятия потенциально приведёт к ущербу в 200 000 рублей. Для его проведения требуется 3 сотрудника, каждый из которых затрачивает 1 рабочий день. Тогда предотвращённый ущерб в расчёте на одного сотрудника составит:

Если же при тех же условиях требуется 5 сотрудников, то показатель снизится до:

Таким образом, при прочих равных условиях мероприятие с участием 3 сотрудников будет более эффективным (табл. 2).

Таблица 2. Пример расчёта эффективности контрольного мероприятия

Показатель	Вариант 1 (3 сотрудника)	Вариант 2 (5 сотрудников)
Потенциальный ущерб, руб.	200 000	200 000
Количество сотрудников, чел.	3	5
Затраты времени, чел./день	3	5
Предотвращённый ущерб на сотрудника, руб.	66 667	40 000
Вывод об эффективности	Высокая	Умеренная

Подобный подход демонстрирует необходимость закрепления в нормативных актах ясных и измеримых критериев оценки. Формализация таких расчётов позволила бы перейти от абстрактного понимания эффективности к практическому механизму её измерения. Это особенно важно для органов, работающих в условиях ограниченных ресурсов и повышенной ответственности.

Практическая ценность предложенных изменений заключается в том, что они позволяют повысить определённость правового регулирования, снизить риск смешения понятий и улучшить управляемость контрольной системы. Чёткое разграничение форм, видов и методов надзорной деятельности делает законодательство более понятным и удобным для применения. А внедрение формализованных критериев эффективности создаст условия для объективной оценки деятельности органов контроля и принятия более обоснованных управленческих решений.

Практические рекомендации

Для совершенствования надзорноконтрольной деятельности Ростехнадзора целесообразно:

1. Внести в нормативные акты чёткие определения терминов «форма», «вид» и «метод» надзорной деятельности с примерами их применения.
2. Разработать и утвердить методику расчёта показателей эффективности контрольных мероприятий, включающую алгоритмы оценки предотвращённого ущерба и затрат ресурсов.
3. Расширить применение цифровых инструментов для дистанционного контроля и мониторинга, обеспечив их интеграцию с ведомственными информационными системами.

4. Усилить профилактическую составляющую надзора за счёт регулярного консультирования, публикации типовых нарушений и проведения обучающих мероприятий для подконтрольных субъектов.

Заключение

Современное состояние нормативного регулирования надзорно-контрольной деятельности Ростехнадзора выявляет ряд значимых проблем. Главные из них связаны с недостаточной чёткостью понятийного аппарата и отсутствием детализированных критериев эффективности. Эти недостатки мешают однозначному толкованию законодательства и затрудняют практическую работу надзорных органов. В связи с этим представляется необходимым совершенствование правовой базы, направленное на уточнение форм и методов надзора, а также на разработку измеримых показателей результативности. Реализация предложенных мер позволит повысить прозрачность и эффективность государственного контроля, а также снизить риски причинения вреда охраняемым законом интересам.

Литература

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».
2. Бабенко Т.В. Показатели оценки эффективности контрольно-надзорной деятельности органов Федерального казначейства // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 864. С. 12–16. DOI: 10.18411/trnio062022136.
3. Порошин А. А., Искалин В.И., Сорокин В.А., Козырев Е.В. Метод оценки деятельности организации (на примере органов государственного пожарного надзора МЧС России) // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2022. № 3(43). С. 126–139. DOI: 10.21685/22278486202238.
4. Муравьева А. Р., Каралыш Д.Р. Формы и методы осуществления государственного контроля и надзора // Межотраслевые проблемы формирования правовой культуры в молодёжной среде: сборник научных статей V межвузовской студенческой научнопрактической конференции. РостовнаДону, 2022. С. 31–35.
5. Отчёты Ростехнадзора о результатах контрольнонадзорной деятельности (открытые данные).
6. Методические рекомендации по применению рискориентированного подхода при осуществлении государственного контроля (надзора).

7. ГОСТ Р 7.0.1002018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

SUPERVISORY AND CONTROL ACTIVITIES OF ROSTEKHNADZOR WITHIN THE FRAMEWORK OF A RISK-ORIENTED APPROACH

Vyguzov A.I.

Irkutsk National Research Technical University

The article investigates the problems of Rostekhnadzor's supervisory and control activities under a riskbased approach. It is revealed that current regulation lacks a clear distinction between forms, types, and methods of supervisory activities, which complicates law enforcement and objective performance assessment. Special attention is paid to the criteria for evaluating supervisory bodies and the need for their more detailed normative consolidation. The paper substantiates the need to clarify the conceptual framework and supplement legislation with formalized effectiveness assessment methodologies. The proposed measures aim to improve the transparency of the state control system and reduce the risks of harm to legally protected interests.

Keywords: supervisory activity, forms and methods of control, efficiency criteria, riskbased approach, Rostekhnadzor.

References

1. Federal Law of July 31, 2020, № 248-FZ, «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation.»
2. Babenko, T. V., «Indicators for Assessing the Effectiveness of Control and Supervisory Activities of Federal Treasury Bodies.» // Trends in Science and Education Development. 2022, № 86–4, pp. 12–16. DOI: 10.18411/trnio 06–2022–136.
3. Poroshin, A. A., Iskalin, V. I., Sorokin, V. A., Kozyrev, E. V., «Method for Assessing the Performance of an Organization (Based on the Example of the State Fire Supervision Bodies of the Ministry of Emergency Situations of Russia).» // Models, Systems, and Networks in Economics, Technology, Nature, and Society. 2022, № 3–43, pp. 126–139. DOI: 10.21685/2227 84862022 3 8.
4. Muravyova A.R., Karapysh D.R. Forms and Methods of Implementing State Control and Supervision // Intersectoral Problems of Forming Legal Culture Among Young People: Collection of Scientific Articles of the V Interuniversity Student Scientific Practical Conference. Rostov-on-Don, 2022. pp. 31–35.
5. Rostekhnadzor Reports on the Results of Control and Supervision Activities (open data).
6. Methodological Recommendations for the Application of a Risk-Based Approach in the Implementation of State Control (Supervision).
7. GOST R 7.0.1002018 «Bibliographic Entry. Bibliographic Description. General Requirements and Rules for Compilation.»

Двойственный финансово-правовой статус цифровой валюты: имущество и валютная ценность как основание двух контрольных режимов

Гапонов Андрей Евгеньевич,
аспирант кафедры публичного права, АННИО
«Международный институт информатизации
и государственного управления им. П.А. Столыпина»
E-mail: Gaponov_a_ip@mail.ru

В статье исследуется финансово-правовой статус цифровой валюты, сложившийся в результате законодательных преобразований 2024–2026 годов. Автор обосновывает, что признание цифровой валюты одновременно имуществом и валютной ценностью не является простым сложением её отраслевых квалификаций, а порождает два параллельных публично-правовых режима – режим имущественного налогообложения и режим валютного контроля, – не сведённых воедино каким-либо механизмом проверки обменных операций. Двойственный статус рассматривается как самостоятельный теоретический конструкт, из которого закономерно вытекает потребность в централизованной инфраструктуре верификации сделок, где цифровая валюта выступает средством платежа. Сделан вывод о структурном характере возникшего пробела, не устранимого расширительным толкованием действующих норм, и о том, что институциональным носителем недостающей функции способен выступить федеральный орган по противодействию легализации преступных доходов.

Ключевые слова: цифровая валюта; финансовый контроль; валютная ценность; имущество; валютный контроль; налогообложение цифровой валюты; верификация операций; финансовый мониторинг; финансовое право.

Стремительное вовлечение цифровой валюты в имущественный и внешнеэкономический оборот поставило перед отечественным финансовым правом задачу, которую не удаётся разрешить в границах привычного отраслевого инструментария. Законодатель, последовательно расширявший в 2024–2026 годах круг ситуаций, в которых цифровая валюта признаётся объектом права, всякий раз закреплял за нею определённую квалификацию применительно к конкретной публично-правовой цели, не приводя эти квалификации к общему знаменателю. В результате сложилось положение, при котором один и тот же объект одновременно подчинён логике имущественного обложения и логике валютного регулирования, тогда как механизм, позволяющий проверить обменную операцию, по существу, в законодательстве отсутствует. Настоящее исследование исходит из того, что описанное положение отражает не случайную несогласованность отдельных норм, а более глубокую особенность правового режима цифровой валюты – его двойственность, требующую самостоятельного теоретического осмысления.

Вопрос о правовой природе цифровой валюты получил в отечественной доктрине неоднозначное разрешение, причём расхождение позиций носит содержательный, а не терминологический характер. М.А. Егорова обосновывает понимание криптовалюты как особого цифрового имущества, требующего специального публично-правового режима, и тем самым переносит центр тяжести анализа с цивилистической квалификации объекта на систему публичных обременений, возникающих в связи с обладанием им и совершением операций¹. Л.Г. Ефимова, рассматривая категорию цифрового имущества в контексте доктринальных споров, относит соответствующие объекты к нематериальному имуществу и подчёркивает незавершённость их доктринального осмысления². Сопоставление этих позиций обнаруживает в науке устойчивое признание имущественной природы цифровой валюты при отсутствии согласия относительно того, каким образом имущественная квалификация соотносится с публично-правовыми ограничениями валютного и антиотмывочного законодательства, именно это разногласие и предопределяет постановку исследовательской задачи.

Не менее существенны разногласия относительно платёжной функции цифровой валюты. Д.А. Кочергин, анализируя экономическую природу и классификацию криптоактивов, показывает, что стейблкоины с централизованным эмитентом по своим свойствам ближе к электронным денежным средствам и банковским депозитам, нежели к децентрализованным криптовалютам³. Данное наблюдение имеет ключевое значение для дальнейшего анализа, поскольку именно во внешнеэкономической сфере цифровая валюта выступает одновременно как имущественная ценность, подлежащая обложению, и как средство платежа, вовлечённое в трансграничное движение капитала, что и предопределяет пересечение двух контрольных режимов. А.А. Ситник, исследуя использование криптовалют в трансграничных расчётах, характеризует действующее регулирование этой сферы как фрагментарное и изобилующее пробелами⁴. Приведённые позиции подтверждают, что платёжная роль цифровой валюты в российском правовом порядке ограничена, но не устранена, и сохраняется именно в том сегменте, где двойственность её статуса проявляется с наибольшей силой.

Существенным для финансово-правового анализа является разграничение цифровой валюты и объектов, которым корреспондирует обязанное лицо. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова, проводя комплексный правовой анализ цифровых активов, обосновывают дифференци-

¹ Егорова М.А. Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты: монография. – Москва: Проспект, 2022. – С. 14–20.

² Ефимова Л.Г. Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 9. – С. 25–39.

³ Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 75–130.

⁴ Ситник А.А. Использование криптовалют в трансграничных расчётах: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 8 (177). – С. 40.

рованный режим для объектов с обязанным лицом и без него, показывая, что наличие такого лица образует естественную точку контроля, через которую государство получает сведения об операции¹. Отсутствие обязанного лица, вынесенное законодателем в число определяющих признаков цифровой валюты, лишает её того субъекта, к которому мог бы быть обращён контрольный запрос, что принципиально отличает её от прав требования и иных обеспеченных активов. Тем самым в доктрине сформировалась не единая, а по меньшей мере трёх-элементная картина, гражданско-правовая квалификация, финансово-правовая характеристика и функциональное понимание платёжной роли сосуществуют, не образуя согласованной системы и оставляя место для противоречивых практических решений.

Обращение к действующему праву подтверждает, что двойственность статуса цифровой валюты закреплена не доктринально, а нормативно, причём в разных законодательных актах и с разными целями. Федеральный закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте определяет цифровую валюту через совокупность электронных данных, принимаемых в качестве средства платежа и инвестиций, но не являющихся денежной единицей и не обеспеченных обязанным лицом². Имущественную квалификацию завершило охранительное законодательство, а именно Федеральный закон о внесении изменений в отдельные законодательные акты признал цифровую валюту имуществом для целей уголовного и уголовно-процессуального регулирования, дополнив статью 104.1 Уголовного кодекса и урегулировав порядок ареста и изъятия³. В том же направлении развивалось налоговое регулирование, распространившее на операции с цифровой валютой правила обложения, применяемые к имуществу⁴. Совокупность названных актов образует имущественный режим цифровой валюты, обращённый к статике обладания объектом.

Второй режим сложился на основе квалификации цифровой валюты как валютной ценности. Включение её в соответствующий перечень Федерального закона о валютном регулировании и валютном контроле распространило на операции с ней требования учёта, отчётности и репатриации выручки при трансграничных расчётах⁵. Данное решение оценивается в литературе как теоретически последовательное, поскольку цифровая валюта фактически выполняет функцию международного расчётного инструмента, вместе с тем его практическая реализация наталкивается на отсутствие механизма проверки операций, совершаемых в распределённом реестре, где отсутствует уполномоченный банк как традиционное звено валютного контроля⁶. Сопоставление двух режимов обнаруживает, что имущественный и валютный контуры возникли независимо друг от друга, каждый для собственной цели, и ни один из них не содержит правила, которое связывало бы их в единую последовательность контрольных действий.

Изложенное позволяет сформулировать центральное положение исследования: двойственный финансово-правовой статус цифровой валюты представляет собой не арифметическую сумму её отраслевых квалификаций, а самостоятельный конструкт, обладающий собственным правовым содержанием. Его своеобразие состоит в том, что имущественная квалификация обращена к статике – к цифровой валюте как объекту, обладание которым порождает налоговую обязанность, – тогда как квалификация в качестве валютной ценности обращена к динамике, к перемещению этого объекта через границу в составе внешнеторговой операции. Каждый из режимов внутренне непротиворечив, однако между ними отсутствует опосредующее звено, которое позволяло бы установить, что имущество, обложенное по правилам одного режима, и ценность, перемещённая по правилам другого, представляют собой один и тот же объект в рамках одной и той же сделки. Именно в этом разрыве, а не в дефектах каждого из режимов по отдельности, коренится структурная незавершённость действующего регулирования.

¹ Санникова Л.В., Харитонов А.Ю. Цифровые активы: правовой анализ: монография. – Москва: 4 Принт, 2020. – С. 41–58.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.07.2026).

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

⁵ О валютном регулировании и валютном контроле: федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

⁶ Санникова Л.В., Харитонов А.Ю. С. Указ. соч. – С. 60.

Разрыв между двумя режимами приобретает практическое значение в точке обмена, то есть в момент, когда цифровая валюта конвертируется в фиатные средства или выступает встречным предоставлением по внешнеторговому договору. В этой точке имущественный режим требует установить факт получения дохода, а валютный режим – факт трансграничного движения ценности, однако проверить оба факта в отношении одной операции невозможно, поскольку отсутствует субъект, обязанный сопоставить сведения, поступающие по разным каналам. Признак отсутствия обязанного лица, заложенный в законодательное определение, проявляет себя с наибольшей силой там, где применительно к традиционным финансовым инструментам контроль опирается на посредника, ведущего учёт и раскрывающего информацию, применительно к цифровой валюте такого посредника может не быть вовсе. Данное обстоятельство превращает верификацию обменной операции из технической задачи в правовую проблему, поскольку требует создания механизма, которого действующее право не предусматривает.

Вместе с тем позиция, согласно которой имеющихся полномочий органов финансового контроля достаточно для наблюдения за оборотом цифровой валюты при условии их последовательного применения, представляется дискуссионной. Её слабость обнаруживается при переходе от статических полномочий к динамике конкретной операции, право запросить сведения реализуется тогда, когда операция уже совершена и попала в поле зрения государственного органа по иным основаниям, тогда как проблема двойственного статуса состоит в отсутствии планового, а не реактивного наблюдения за обменом. М.М. Прошунин, обосновывая понимание финансового мониторинга как самостоятельного вида финансового контроля, показывает, что действительность контрольного режима определяется не широтой круга обязанных лиц на бумаге, а наличием субъекта, аккумулирующего и аналитически обрабатывающего сведения о подконтрольных операциях⁷. Приложение этого вывода к обороту цифровой валюты показывает, что расширительное толкование действующих норм способно охватить отдельные эпизоды, но не образует сквозного механизма, поскольку не создаёт ни обязанности по систематическому предоставлению данных об обменных операциях, ни субъекта, уполномоченного эти данные агрегировать. Следовательно, устранение разрыва между имущественным и валютным режимами требует не интерпретации, а нормотворческого решения, вводящего недостающее опосредующее звено.

Проведённый анализ приводит к выводу о том, что двойственный финансово-правовой статус цифровой валюты, будучи самостоятельным теоретическим конструктом, служит непосредственным основанием для постановки вопроса о централизованной верификации обменных операций. Поскольку ни имущественный, ни валютный режим не содержат механизма сопоставления сведений об одной и той же сделке, а признак отсутствия обязанного лица исключает опору на традиционного посредника, недостающую функцию способен принять на себя лишь орган, изначально ориентированный на аналитическую работу с финансовыми потоками, – федеральный орган по противодействию легализации преступных доходов. Обоснование его роли как институционального носителя централизованного наблюдения за внешнеторговыми сделками с участием цифровой валюты составляет логическое продолжение настоящего исследования и определяет направление дальнейшей разработки темы.

Литература

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
2. О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.07.2026).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
5. Егорова М.А. Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты: монография. – Москва: Проспект, 2022. – 624 с.

⁷ Прошунин М.М. Финансовый мониторинг как вид финансового контроля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 3. – С. 107.

6. Ефимова Л.Г. Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 9. – С. 25–39.

7. Кочергин Д.А. Кriptoактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 75–130.

8. Прошунин М.М. Финансовый мониторинг как вид финансового контроля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 3. – С. 105–110.

9. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. – Москва: 4 Принт, 2020. – 304 с.

10. Ситник А.А. Использование криптовалют в трансграничных расчётах: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 8 (177). – С. 33–41.

DUAL FINANCIAL AND LEGAL STATUS OF DIGITAL CURRENCY: PROPERTY AND CURRENCY VALUE AS THE BASIS FOR TWO CONTROL REGIMES

Gaponov A.E.

International Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin

The article examines the financial-legal status of digital currency as it has taken shape following the legislative reforms of 2024–2026. The author argues that the simultaneous recognition of digital currency as both property and a currency value is not a mere summation of its sectoral qualifications, but generates two parallel public-law regimes – property taxation and currency control – that are not united by any mechanism for verifying exchange transactions. The dual status is treated as an independent theoretical construct from which the need for a centralised infrastructure to verify transactions where digital currency serves as a means of payment logically follows. It is concluded that the resulting gap is structural, cannot be eliminated by an expansive interpretation of existing norms, and that the feder-

al anti-money-laundering authority is capable of serving as the institutional bearer of the missing function.

Keywords: digital currency; financial control; currency value; property; currency control; taxation of digital currency; transaction verification; financial monitoring; financial law.

References

1. O cifrovyykh finansovykh aktivakh, cifrovoj valyute i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 259-FZ. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 2020, no. 31 (pt. I), art. 5018.

2. O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole: feder. zakon ot 10 dekabrya 2003 g. № 173-FZ. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 2003, no. 50, art. 4859.

3. O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 20 fevralya 2026 g. № 38-FZ. Ofitsial'nyj internet-portal pravovoj informacii. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed 06.07.2026).

4. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya): feder. zakon ot 5 avgusta 2000 g. № 117-FZ. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 2000, no. 32, art. 3340.

5. Egorova M.A. Kriptovalyuta kak sredstvo platezha: chastnopravovoy i nalogovyy aspekty [Cryptocurrency as a Means of Payment: Private-Law and Tax Aspects]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 624 p.

6. Efimova L.G. Kategoriya «cifrovoe imushchestvo» v kontekste doktrinal'nykh sporov [The Category of “Digital Property” in the Context of Doctrinal Disputes]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2024, no. 9, pp. 25–39.

7. Kochergin D.A. Kriptoaktivы: ekonomicheskaya priroda, klassifikatsiya i regulirovanie oborota [Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Circulation]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 75–130.

8. Proshunin M.M. Finansovyy monitoring kak vid finansovogo kontrolya [Financial Monitoring as a Type of Financial Control]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki, 2009, no. 3, pp. 105–110.

9. Sannikova L.V., Haritonova Yu.S. Cifrovye aktivы: pravovoy analiz [Digital Assets: A Legal Analysis]. Moscow, 4 Print Publ., 2020. 304 p.

10. Sitnik A.A. Ispol'zovanie kriptovalyut v transgranichnykh raschetakh: problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya [The Use of Cryptocurrencies in Cross-Border Settlements: Problems and Prospects of Legal Regulation]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 2025, vol. 20, no. 8 (177), pp. 33–41.

Рапорты и справки оперативных сотрудников как доказательства в уголовном судопроизводстве

Гетманов Александр Сергеевич,

адвокат, партнер Коллегии адвокатов г. Москвы R&MDefence
E-mail: getmanov@rm-d.ru

Чакилев Владимир Вячеславович,

адвокат Коллегии адвокатов г. Москвы R&MDefence
E-mail: vchakilev@yandex.ru

Изучение следственной и судебной практики показывает, что стороной обвинения в ряде случаев для обоснования наличия обстоятельств, подлежащих доказыванию, используются так называемые рапорты и справки, предоставляемые сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В рамках статьи приведен анализ правоприменительных актов судов преимущественно кассационной инстанции на предмет определения правовой природы подобного рода документов и критериев допустимости их, а также показаний сотрудников оперативных подразделений, ссылающихся на наличие некоей оперативной информации, как доказательств в рамках уголовного судопроизводства,

Несмотря на наличие неоднозначной позиции Конституционного Суда РФ относительно правил оценки показаний оперуполномоченных, не обязанных раскрывать источник своей осведомленности, зачастую расширительно толкуемой судами, авторами статьи с учетом положений Уголовно-процессуального кодекса, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных нормативных актов сделан вывод о безальтернативном требовании, которое необходимо предъявлять к документам, представляемым в органы предварительного следствия по результатам проведения оперативно-розыскных мероприятий, а именно необходимости наличия возможности проверить в рамках уголовного судопроизводства сведения, содержащиеся в представляемых рапортах и справках.

Ключевые слова: доказательства, проверяемость, допустимость, показания, инструкция, источник информации, тайна, рапорт, справка, оперативно-розыскные мероприятия.

Несмотря на то, что перечень доказательств, предусмотренный ч. 2 ст. 74 УПК РФ, является исчерпывающим и не включает в себя такие документы, которые оперуполномоченные зачастую именуют как справки или рапорты, их присутствие в материалах практически любого уголовного дела (и, соответственно, использование стороной обвинения в качестве доказательств) отрицать видится неразумным.

В целях унификации терминологии под рапортами и справками в настоящей статье будут подразумеваться документы, содержащие указание на полученную в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий информацию.

При этом список целей, для целей которых сторона обвинения может стремиться использовать такие документы, является предельно широким. Зачастую такого рода документы кладутся в обоснование к, примеру:

- Необходимости производства обыска в жилище;
- Подконтрольности юридического лица подозреваемому/обвиняемому;
- Формирования и руководства подозреваемым организованной группой/преступным сообществом;
- Направленности умысла подозреваемого/обвиняемого.

Вместе с тем судебной практике известен ряд случаев (часть из которых будет приведена ниже), когда ключевые для соответствующей квалификации деяния обстоятельства подтверждались лишь подобно-го рода документами, которые, ввиду допущенных грубых нарушений УПК РФ, ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных ведомственных актов признавались недопустимыми доказательствами, что вело, например, к изменению судебных решений.

В связи с этим представляется крайне важным определить общие условия, предъявляемые действующим законодательством к результатам оперативно-розыскной деятельности в целом и упомянутым рапортам и справкам в частности.

Нормативное регулирование предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности

Основополагающими для такого анализа являются положения п. 36.1. ст. 5 и ст. 89 УПК РФ.

Пункт 36.1. ст. 5 УПК РФ, являясь бланкетной нормой, определяет результаты оперативно-розыскной деятельности как сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности. В то же время в соответствии со ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Соотношение приведенных положений законодательства уже на данном этапе позволяет заключить, что основополагающими условиями использования результатов оперативно-розыскной деятельности для целей доказывания является их соответствие как законодательству об оперативно-розыскной деятельности (которое не исчерпывается исключительно соответствующим федеральным законом), так и УПК РФ.

И если требования, предъявляемые УПК РФ к доказательствам, будучи построенными на таких характеристиках, как относимость, допустимость, достоверность и достаточность, являются общеизвестными, то требования законодательства об оперативно-розыскной деятельности являются не столь очевидными.

Так, согласно ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД предоставляются в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами, и могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ.

Порядок предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности регулирует Инструкция «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд». Ее ключевым положением для целей настоящей статьи является п. 20, согласно которому результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны:

- позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом;

- содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу;
- указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства;
- содержать данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

Таким образом указанные положения законодательства недвусмысленно закрепляют такое требование к представляемым результатам оперативно-розыскной деятельности, как **проверяемость** [1].

Судебная практика о недопустимости неконкретизированных рапортов и справок

В подавляющем большинстве случаев суды преимущественно кассационных инстанций следовали вышеизложенному правилу (не ссылаясь, при этом, на положения указанной Инструкции) и признавали ничем не подтверждаемые рапорты и справки оперуполномоченных недопустимыми доказательствами.

Так, в одном из дел суд указал, что «Сами по себе рапорты оперуполномоченных о наличии оперативной информации о том, что Баранов в группе с другими лицами предположительно занимается незаконным оборотом наркотических средств, которые ничем иным не подтверждены, не могут служить достаточным основанием доказанности умысла Баранова именно на незаконный сбыт наркотических средств» [2].

Идентичная позиция содержится в практике Верховного суда РФ [3], Второго кассационного суда общей юрисдикции [4], Московского городского суда [5].

Вероятно, наиболее развернутое обоснование изложенной позиции было дано Вторым кассационным судом общей юрисдикции при отмене актов нижестоящих судов о разрешении производства обыска в жилище.

Не соглашаясь с выводами Замоскворецкого районного суда г. Москвы и Московского городского суда, суд кассационной инстанции указал, что «в рапорте о результатах оперативно-розыскных мероприятий, на который сослался суд первой инстанции, имеется лишь информация общего характера о проведении комплекса оперативно-розыскных и проверочных мероприятий без какой-либо конкретизации».

В качестве же итогового вывода суд кассационной инстанции подчеркнул, что «вопрос о достаточности является вопросом оценки, но если ходатайство следователя не опирается на конкретные сведения о фактах, которые возможно проверить, то предмет оценки отсутствует, а суд лишен возможности принять не вызывающее сомнений решение» [6].

Примечательно, что в ряде случаев в судебной практике отмечалось, что рапорты оперативных сотрудников вообще не могут быть доказательствами в уголовном судопроизводстве, т.к. являются внутренней формой взаимоотношений сотрудников полиции:

«Рапорта и постановления с содержанием анализа проведенных оперативно-розыскных мероприятий, не являются доказательствами, это – внутренняя форма взаимоотношений органов полиции, а также мнение должностных лиц о наличии признаков преступления и доказанности противоправности действий лиц, находящихся в оперативной разработке» [7].

Аналогичная позиция отражена в определениях Седьмого кассационного суда общей юрисдикции [8], Второго кассационного суда общей юрисдикции [9], Второго апелляционного суда общей юрисдикции [10].

Очевидно, что из схожих соображений исходили суды и при признании недопустимыми показаний оперативных сотрудников, ссылавшихся на наличие у них некоей оперативной информации, избобличающей обвиняемого, без раскрытия источника таких сведений:

«Вместе с тем, признавая эти показания достоверным и допустимым доказательством, суд не выяснил источник получения данной информации, а также не исследовал какие-либо документы, свидетельствующие о наличии такой информации» [11].

«Показания о наличии оперативной информации о противоправной деятельности Л. направленной на сбыт наркотических средств, исходя из положений ст. 89 УПК РФ, не отвечают критериям допустимости, поскольку не подтверждены какими-либо доказательствами» [12].

Аналогичная позиция отражена в определениях Верховного суда РФ [13], Второго кассационного суда общей юрисдикции [14].

Судебная практика о недопустимости раскрытия источников получения оперативной информации

В то же время при изучении судебной практики можно встретить и иную позицию.

Так, в кассационном определении в рамках уголовного дела о растрате денежных средства банка «Югра», отвергая доводы стороны защиты о недопустимости как доказательств справок и рапортов оперативных сотрудников, суд сослался на то, что «в силу действующего законодательства, регулирующего вопросы оперативно-розыскной деятельности, источник получения оперативной информации не раскрывается, поскольку это противоречит целям и задачам оперативно-розыскной деятельности» [15].

Примечательным является то, что крайне схожие с приведенными формулировки хронологически стали стабильно появляться в судебных актах [16] после вынесения Конституционным судом РФ Определения от 27.01.2022 N 186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Цуркан Карины Валерьевны» [17], осужденной за шпионаж.

Отвергая доводы заявителя, высший судебный орган сформулировал крайне спорную позицию, согласно которой «недопустимость разглашения свидетелем источника своей осведомленности ввиду того, что такого рода информация относится к государственной тайне, не идентична и не аналогична тому, что он не осведомлен об этом источнике и потому не может указать его в подтверждение своих показаний», ввиду чего отказ сотрудников оперативной информации подразделений раскрыть в ходе допроса источник получения информации не означает недопустимость данных показаний.

Вместе с тем, не ставя целью настоящей статьи анализ правильности изложенного вывода в т.ч. в части создания очевидной возможности злоупотреблений со стороны сотрудников правоохранительных органов, отметим, что сформулированная позиция касалась именно оценки показаний оперуполномоченных, данных при допросах в качестве свидетелей, в то время как порядок и правила предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности напрямую установлены вышеуказанными положениями Инструкции, поныне действующей и являющейся обязательными к применению.

В качестве итогового вывода отметим, что для стороны защиты видится целесообразным и необходимым ходатайствовать о признании так называемых рапортов и справок оперуполномоченных недопустимыми доказательствами в тех случаях, когда они используются в качестве средства доказывания и одновременно не соответствуют критериям проверяемости.

Литература

1. Азаров В.А., Константинов В.В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. // Российский следователь. 2013. № 11. С. 20–24; Елинский В.И. Проверка следователем результатов оперативно-розыскной деятельности на предмет их возможных фальсификаций и провокаций. // Российский следователь. 2018. № 4. С. 70–73;
2. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 по делу № 77–1854/2021;
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 24.04.2012 по делу № 50-Д12–10;
4. Определения Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.10.2020 по делу № 77–1832/2020, от 03.06.2021 по делу № 77–1611/2021;
5. Постановление Президиума Московского городского суда от 23.10.2018 по делу № 44у-536/2018;
6. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.12.2023 по делу № 77–4182/2023;
7. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2024 по делу № 77–115/2024;
8. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2025 по делу № 77–12/2025;
9. Определения Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2023 по делу № 77–3771/2023, от 30.05.2023 по делу № 77–1798/2023, от 11.04.2023 по делу № 77–1057/2023, от 23.09.2022 по делу № 77–3285/2022;
10. Определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 01.11.2022 по делу № 55–585/2022;
11. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2022 по делу № 77–751/2022;
12. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.12.2023 по делу № 77–3957/2023;
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 19.04.2023 по делу № 5-УД23–21-К2;
14. Определения Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 04.04.2023 по делу № 77–1042/2023, от 06.04.2023 по делу № 77–1071/2023;

15. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.08.2025 по делу № 7У-4684/2025;

16. Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 20.05.2026 по делу № 19-УД26–15-А3, Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2026 по делу № 77–733/2026, Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.05.2025 по делу № 77–1311/2025, Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2025 по делу № 77–2388/2025, Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2026 по делу № 77–1284/2026, Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2025 по делу № 77–3708/2025;

17. Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2022 № 186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Цуркан Карины Валерьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части второй статьи 75, статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

REPORTS AND CERTIFICATES FROM OPERATIONAL OFFICERS AS EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Getmanov A.S., Chakilev V.V.

R&MDefence Moscow Bar Association

A study of investigative and judicial practice shows that in a number of cases, the prosecution uses so-called reports and certificates provided by officers of agencies conducting operational investigative activities to substantiate the existence of circumstances that must be proven.

This article analyzes the enforcement decisions of courts, primarily cassation courts, regarding the legal nature of such documents and their admissibility criteria, as well as the testimony of operational unit employees citing the availability of certain operational information as evidence in criminal proceedings.

Despite the ambiguous position of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the rules for evaluating the testimony of operational officers who are not required to disclose the source of their information, which is often interpreted broadly by the courts, the authors of this article, taking into account the provisions of the Criminal Procedure Code, the Federal Law "On Operational-Investigative Activities," and other regulatory acts, conclude that there is an uncontested requirement for documents submitted to preliminary investigation bodies following operational-investigative activities: the ability to verify the information contained in the submitted reports and certificates within the context of criminal proceedings.

Keywords: evidence, verifiability, admissibility, testimony, instruction, source of information, secret, report, certificate, operational-investigative activities.

References

1. Azarov, V.A., Konstantinov, V.V. "Specifics of Investigators' Use of Operational-Investigative Activity Results in Proving Official Crimes Committed by Employees of Internal Affairs Bodies." // Russian Investigator. 2013. No. 11. pp. 20–24; Yelinsky, V.I. "Investigator's Review of Operational-Investigative Activity Results for Possible Falsifications and Provocations." // Russian Investigator. 2018. No. 4. pp. 70–73;
2. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated July 1, 2021, in Case No. 77–1854/2021;
3. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 24, 2012, in case No. 50-D12–10;
4. Determinations of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated October 15, 2020, in case No. 77–1832/2020, and dated June 3, 2021, in case No. 77–1611/2021;
5. Resolution of the Presidium of the Moscow City Court dated October 23, 2018, in case No. 44y-536/2018;
6. Resolution of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated December 25, 2023, in case No. 77–4182/2023;
7. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 08.02.2024 in case No. 77–115/2024;
8. Ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 21.01.2025 in case No. 77–12/2025;
9. Rulings of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 28.11.2023 in case No. 77–3771/2023, dated 30.05.2023 in case No. 77–1798/2023, dated 11.04.2023 in case No. 77–1057/2023, dated 23.09.2022 in case No. 77–3285/2022;
10. Determination of the Second Appellate Court of General Jurisdiction dated November 1, 2022, in Case No. 55–585/2022;
11. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated March 10, 2022, in Case No. 77–751/2022;
12. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated December 12, 2023, in Case No. 77–3957/2023;
13. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 19, 2023, in Case No. 5-UD23–21-K2;
14. Rulings of the Second Appellate Court of General Jurisdiction dated April 4, 2023, in case No. 77–1042/2023, and April 6, 2023, in case No. 77–1071/2023;
15. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated August 27, 2025, in case No. 7У-4684/2025;
16. Rulings of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.05.2026 in case No. 19-УД26–15-А3, the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 11.03.2026 in case No. 77–733/2026, the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 29.05.2025 in case No. 77–1311/2025, the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated 11.12.2025 in case No. 77–2388/2025, the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated 12.05.2026 in case No. 77–1284/2026, the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated November 13, 2025, in case No. 77–3708/2025;
17. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 27, 2022 No. 186-О "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Karina Valeryevna Tsurkan regarding the violation of her constitutional rights by paragraph 2 of part two of Article 75, Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and part one of Article 12 of the Federal Law "On Operational-Investigative Activities."

Цифровизация правотворческого процесса как элемент системы государственного управления в условиях цифровой трансформации

Грибанова Анна Сергеевна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

E-mail: gribanova.a@rambler.ru

В статье исследуется влияние цифровой трансформации на развитие правотворческого процесса как неотъемлемого элемента системы государственного управления Российской Федерации. Автором произведен анализ внедрения информационных технологий в процесс разработки, согласования и принятия правовых актов, а также влияния применяемых цифровых инструментов на качество и скорость правотворческого процесса.

Особое внимание в статье уделяется государственным информационным системам как инструменту повышения прозрачности и эффективности нормотворческой деятельности. В качестве недостатков цифровизации правотворчества автор выделяет как технические недостатки используемых информационных систем (в частности, необходимостью использования только содержащихся в системе терминов и юридических конструкций), так и необходимость дополнительной подготовки государственных служащих.

В заключение сделан вывод о том, что цифровизация правотворческого процесса способствует модернизации государственного управления. Вместе с тем результативность осуществления правотворческой деятельности посредством цифровых инструментов зависит не только от развития технологических решений, но и от готовности участников указанного процесса к работе в цифровой среде.

Ключевые слова: правотворчество, цифровая трансформация, государственное управление, цифровизация, нормативный правовой акт, государственные информационные системы.

Процесс развития информационных технологий оказывает существенное влияние на все сферы жизни современного человека. За последние сто лет человечество перешло от использования технических средств для повышения производительности труда и автоматизации процессов производства до делегирования цифровым технологиям профессиональных задач и перевода части рабочих процессов в режим «онлайн».

Можно констатировать, что стремление к всеобъемлющей цифровизации привело к тому, что почти все области жизнедеятельности человека тем или иным образом связаны с информационными технологиями. Так, если еще в начале XXI века информационные средства использовались преимущественно для сбора, хранения, анализа и обработки информации, а также в качестве инструмента оперативной ее передачи (например, посредством телефона, факса), то уже во второй четверти XXI века цифровые технологии являются неотъемлемой частью социальных и экономических процессов, а также важным элементом процесса взаимодействия человека и государства.

Стремительное развитие информационных технологий является главной предпосылкой цифровизации всех сфер жизни, в том числе и системы государственного управления. Ряд специалистов в качестве направлений воздействия цифровых технологий на развитие общественных отношений выделяют в том числе расширение возможности доступа к большому количеству правовых актов за счет развития информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», совершенствование процессов народовластия за счет использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ-технологии) [1].

Курс на всеобъемлющую цифровизацию получил новый импульс развития в период пандемии COVID-19, когда возможность взаимодействия с внешним миром стала доступна человеку исключительно посредством информационных средств. Вынужденные карантин и самоизоляция продемонстрировали необходимость более динамичного развития цифровых технологий, их активного внедрения во все сферы общественной жизни, а также выявили области, цифровизация которых требует особого внимания.

В этой связи необходимо отметить изменения, которые впоследствии претерпела, в частности, процедура участия граждан Российской Федерации в выборах и референдуме. Осенью 2019 года (еще до активного распространения вируса COVID-19) впервые было проведено дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ), однако указанный способ голосования носил экспериментальный характер и использовался только в рамках выборов в Московскую городскую думу [2]. Тем не менее это позволило получить эмпирические данные, достаточные для осуществления анализа проблем и угроз, связанных с технической реализацией ДЭГ, а также для формирования характеристики потенциала указанной процедуры. Вместе с тем проведенной работы было недостаточно для выстраивания в кратчайшие сроки полноценной системы ДЭГ на федеральном уровне.

В этой связи к моменту проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации летом 2020 года (то есть в разгар пандемии COVID-19) полномасштабная система ДЭГ не получила полноценного правового оформления и не была внедрена повсеместно. Вместе с тем все это продемонстрировало необходимость более активного использования информационных технологий при реализации механизмов взаимодействия государства и граждан, в частности, в такой важной сфере как проведение выборов и референдума.

Следствием этого стало принятие Федерального закона от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», определившего понятие ДЭГ, а также Федерального закона от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», установившего порядок его проведения. Так, уже в 2025 году на федеральной платформе ДЭГ на выборах разных уровней проголосовали более 1,5 млн человек, явка при этом составила 90,54 процентов [3].

Вместе с тем, несмотря на активное внедрение ИКТ-технологий в процессы государственного управления и повсеместное использование соответствующей терминологии как в политических выступле-

ниях, так и в научной среде, можно констатировать отсутствие единого подхода к определению понятий «цифровизация» и «цифровая трансформация».

Р.Б. Головкин предлагает понимать под цифровизацией переход с аналоговой формы передачи информации на соответствующую цифровую форму, то есть трансформацию данных в дискретную форму, которую способна воспринимать любая программа для электронных вычислительных машин [4].

При этом цифровую трансформацию в государственном управлении можно определить, как переход от использования технологий для поддержки процессов в органах власти к использованию технологий для формирования результатов государственного управления [5].

В то же время, несмотря на отсутствие общепринятой дефиниции, как в научной литературе, так и в законодательстве термины «цифровизация» и «цифровая трансформация» используются в правовых актах [6]. Например, цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы является одной из национальных целей развития Российской Федерации [7].

Представляется, что в качестве задач цифровизации системы государственного управления можно, в частности, выделить повышение доступности и качества предоставления государственных (муниципальных) услуг, нивелирование излишней бюрократизации взаимодействия государства и гражданина, повышение уровня прозрачности деятельности государственных органов и их должностных лиц.

В этой связи процесс внедрения цифровых технологий в деятельность органов государственной власти не мог не затронуть и такой важный аспект как правотворческая деятельность. Можно отметить, что использование цифровых технологий при разработке и согласовании проектов правовых актов, с одной стороны, сокращает временные затраты на проведение указанных процедур (в том числе благодаря использованию систем электронного документооборота, а также системы межведомственного электронного документооборота, которые существенно снизили потребность использования в работе бумажных копий документов и, соответственно, увеличили скорость обмена материалами между государственными органами), а с другой стороны – повышает уровень прозрачности регламентных процедур, тем самым способствуя снижению коррупционных рисков.

Важным этапом процесса цифровизации правотворчества является создание и внедрение государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса» (далее – ГИС «Нормотворчество»), предназначенной для подготовки и согласования проектов правовых актов, внесения в Правительство Российской Федерации проектов правовых актов, подготовки и согласования заключений, а также мониторинга своевременности подготовки и внесения проектов правовых актов в Правительство Российской Федерации [8].

Ключевой особенностью данной системы является обеспечение работы заинтересованных федеральных органов государственной власти над проектами правовых актов в режиме, близком к реальному времени, поскольку посредством указанной системы реализована возможность одновременной работы всех участников правотворческого процесса над документом [9]. Таким образом, увеличивается скорость и качество формулировок проектов актов, поскольку разработчик получает замечания практически в режиме онлайн, что дает ему возможность одномоментной корректировки текста документа с учетом поступивших замечаний.

Следует отметить, что изначально в качестве оператора ГИС «Нормотворчество» изначально выступало Минэкономразвития России, однако, менее чем через год федеральным органом исполнительной власти (далее – ФОИВ), ответственным за создание, развитие, ввод в эксплуатацию, эксплуатацию указанной системы и хранение содержащейся в ее базах данных информации, определено Минцифры России [10].

Примечательно, что вследствие указанных изменений Минэкономразвития России хоть и перестало быть оператором системы, не утратило своей роли в ее развитии: указанный ФОИВ был определен в качестве функционального заказчика, в функции которого входят в том числе обеспечение формирования функциональных требований к развитию данной информационной системы, а также принятие участия в информационной и методической поддержке пользователей системы.

Такое распределение полномочий между ФОИВ очень напоминает схему, действовавшую в рамках функционирования Конструктора цифровых регламентов (далее – КЦР), который был предназначен для разработки административных регламентов предоставления государственных услуг в машиночитаемом виде, а также их утверждения, согласования и государственной регистрации в рамках единой информационной системы. Так, Минцифры России обеспечивало техническую

реализацию КЦР, в то время как Минэкономразвития России – методологическую поддержку указанной системы, что обусловлено полномочиями указанного ФОИВ в части нормативно-правового регулирования вопросов, касающихся оказания государственных услуг [11; 12].

Вместе с тем разработка административных регламентов посредством указанной системы выявила ряд недостатков при реализации нормотворческих функций посредством цифровых инструментов. В случае, когда формирование текста проекта акта ведется «на бумаге», разработчик не ограничен необходимостью использования терминологии и юридических конструкций, предусмотренных конкретной системой, что позволяет создать проект акта, наиболее соответствующий целям регулирования, а также максимально полно учесть замечания, поступившие в рамках процесса согласования и экспертиз. При этом разработка проекта акта посредством информационной системы обуславливает необходимость использования исключительно предусмотренных системой формулировок, которые, очевидно, не всегда являются универсальными, ввиду разнообразия предмета регулирования, а также особенностями отдельно взятых процедур и услуг.

В этой связи возникла неоднозначная ситуация, когда разработка и согласование проекта акта посредством специальной системы, целью внедрения которой были универсализация нормотворческого процесса и ускорение процесса прохождения проектом акта регламентных процедур, оказалась более трудоемким и длительным процессом, нежели разработка и принятие проекта акта «на бумаге».

Данный тезис также подтверждается тем фактом, что изначально разработка и принятие административного регламента предоставления государственной услуги, а также внесение в него изменений допускались без использования разработчиком цифровых инструментов только в 2024 и 2025 гг., однако затем данное послабление было распространено и на 2026 год [13].

Следует отметить, что в том числе ввиду указанных недочетов, в настоящее время процесс разработки и согласования административных регламентов государственных услуг мигрирует в систему ФРГУ 3.0, предназначенную для автоматизации процессов ведения информации о государственных и муниципальных услугах (функциях). Вместе с тем проблема «непластичности» составленной формулировки, ввиду возможности использования при разработке проекта акта только понятий и конструкций, предусмотренных системой, сохраняет актуальность и при работе в новой системе. Безусловно, существует техническая возможность по включению разработчиками актов новых дефиниций, однако с учетом того, что разработка проектов актов ведется множеством ФОИВ одновременно и независимо друг от друга, возможность добавления в систему новых формулировок для последующего универсального использования, на практике приводит лишь к нагромождению зачастую смежных понятий, что усложняет разработку акта и ставит его разработчика в ситуацию, когда вместо поиска нужного термина в списке уже предусмотренных системой, в целях экономии времени проще внести аналогичный повторно. Все это, к сожалению, несколько нивелирует усилия по созданию условий для более быстрой и качественной разработки правовых актов посредством использования цифровых технологий.

Развитие информационных технологий за последнее десятилетие нарастило невероятный темп: не успело человечество привыкнуть к повсеместному использованию смартфонов и систем видеоконференцсвязи, как теперь вынуждены в ускоренном режиме осваивать новые работы с искусственным интеллектом. И хотя внедрение практик использования цифровых технологий призвано ускорить выполнение аналитических и иных задач, работа с ними неподготовленного пользователя, чья профессиональная деятельность напрямую не связана с ИКТ-технологиями, неизбежно вызывает затруднения, и государственные служащие, чьи должностные обязанности связаны с разработкой правовых актов не являются исключением.

Таким образом, эффективность использования цифровых технологий, в том числе специализированных систем, в правотворческом процессе, на наш взгляд, напрямую связана с соответствующей подготовкой работников государственных органов. В то же время речь идет не только о профессиональной подготовке, достигающейся посредством дополнительного обучения служащих, но и об их внутренней готовности и психологическим восприятием новых технологий не просто как части повседневной жизни, но и профессиональной деятельности.

Согласно оценке экспертов, средний возраст государственных служащих в России составляет 42 года [14]. Таким образом, большинство работников государственных органов не просто состоявшие личности, но специалисты, которые начинали свою трудовую деятельность, когда документооборот производился преимущественно на бумажных носителях. В этой связи многим из них зачастую сложно корректировать порядок привычного рабочего взаимодействия в процессе согла-

сования проектов правовых актов, который напрямую зависит от контакта с исполнителями.

В этой связи представляется важным отметить, что достижение целей цифровизации правотворческого процесса зависит не только от масштаба внедрения информационных технологий в деятельность государственных органов и совершенства отдельных информационных систем, но и прежде всего от возможности и готовности государственных служащих использовать цифровые технологии в своей профессиональной деятельности, а также приспосабливать уже отлаженные схемы взаимодействия к новым реалиям.

Вместе с тем стоит отметить, что процесс правотворческой деятельности не ограничивается лишь деятельностью уполномоченных государственных органов по разработке правовых актов и осуществлению в отношении них регламентных процедур. Важным аспектом правотворчества является определение необходимости правового регулирования. Частью указанного процесса являются инициативы граждан и организаций, представляемые в органы государственной власти. За последние годы цифровизация оказала существенное влияние и на данную деятельность. Так, в настоящее время направление обращений доступно посредством сразу нескольких цифровых каналов, в частности сайтов ФОИВ, Платформы обратной связи, федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг».

Отдельно стоит отметить функционирование интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», с помощью которого граждане вправе направлять предложения по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления [15]. Как полагает М.В. Варлен, указанная платформа представляет собой модель электронной демократии «снизу вверх» и призвана выступить институциональным олицетворением конституционного принципа народовластия [16].

Таким образом, цифровизация общественных отношений уже давно стала одной из основных характеристик современного этапа исторического процесса. Вместе с тем воздействие технологического прогресса на социум не ограничилось только лишь потребностью в правовом оформлении новых объектов регулирования и правоотношений: развитие информационных технологий трансформировало порядок взаимодействия государства и человека, а также напрямую влияет на процессы работы государственных органов.

Ввиду того, что цифровая трансформация общественных правоотношений провоцирует все большее отставание права от меняющихся социально-экономических реалий, потребность в оптимизации правотворческого процесса становится все более очевидной. В этой связи указанная деятельность также претерпела значительные изменения.

Можно констатировать, что этапы правотворчества, начиная от анализа жизненной ситуации и определения потребности в правовом регулировании до опубликования уже принятого правового акта, переведены в цифровой формат. С каждым годом используемые технические средства совершенствуются с учетом накопленного опыта применения, при этом одновременно ведется работа над созданием и внедрением все новых цифровых средств, целью которых является снижение бюрократизации отдельных регламентных процедур, сокращение сроков их проведения, а также обеспечение прозрачности законотворческого процесса.

Вместе с тем цифровизация правотворчества не может быть достигнута только лишь созданием и внедрением в работу ФОИВ ИКТ-технологий. Создание норм права это, прежде всего, деятельность служащих различных государственных органов, от квалификации и взаимодействия которых зависит не только содержание норм права, но и качество их оформления.

Литература

1. Юридическая техника и цифровые технологии: монография / под науч. ред. А.В. Корнева. – Москва: Проспект, 2022
2. Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»
3. Итоговая явка избирателей на платформе ДЭГ составила 90,54% // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // URL: <https://digital.gov.ru/news/itogovaya-yavka-izbiratelej-na-platforme-deg-sostavila-9054> (дата обращения: 10 июля 2026 г.)
4. Головкин, Р.Б. Механизмы цифровизации права и юридический комплаенс [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Р.Б. Головкин, Е.Р. Крайнова, В.С. Манохин; под ред. проф. Р.Б. Головкина; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022.

5. Добролюбова Е.И., Южаков, В. Н., Ефремов, А. А., Ключкова, Е. Н., Талапина, Э. В., Старцев, Я.Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Ключкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления»

7. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 1230 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса» (в редакции от 4 августа 2025 г.)

9. Кабин планирует запустить новую систему обсуждения законопроектов // Парламентская газета // Издание Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <https://www.pnp.ru/politics/kabmin-planiruet-zapustit-novuyu-sistemu-obsuzhdeniya-zakonoproektov.html> (дата обращения: 10 июля 2026 г.)

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 августа 2025 г. № 1170 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»

11. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг (в редакции от 29 декабря 2025 г.)

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 437 «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» (в редакции от 29 апреля 2026 г.)

13. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2025 г. № 569 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»

14. Стал известен средний возраст госслужащих в России // Сетевое издание РИА Новости // URL: <https://ria.ru/20260604/gossluzhaschiy-2096638941.html> (дата обращения: 10 июля 2026 г.)

15. Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (в редакции от 17 сентября 2020 г.)

16. Варлен М.В. LegalTech в сфере конституционно-правового регулирования: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2026.

DIGITALIZATION OF THE LAWMAKING PROCESS AS AN ELEMENT OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Gribanova A.S.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the impact of digital transformation on the development of the law-making process as an integral element of the public administration system of the Russian Federation. The author analyzes the introduction of information technologies into the process of drafting, coordinating, and adopting legal acts, as well as the influence of digital tools on the quality and speed of the lawmaking process.

Particular attention is paid to state information systems as a tool for increasing the transparency and efficiency of rule-making activities. Among the shortcomings of digitalization in law-making, the author identifies both technical limitations of the information systems used, in particular the need to use only the terms and legal constructions contained in the system, and the need for additional training of public officials.

In conclusion, it is argued that the digitalization of the law-making process contributes to the modernization of public administration. At the same time, the effectiveness of law-making through digital tools depends not only on the development of technological solutions, but also on the readiness of the participants in this process to work in a digital environment.

Keywords: lawmaking, digital transformation, public administration, digitalization, normative legal act, state information system.

Reference

1. Legal Technique and Digital Technologies: monograph / ed. by A.V. Kornev. Moscow: Prospekt, 2022.
2. Federal Law № 103-FZ of May 29, 2019, «On the Conduct of an Experiment on the Organization and Implementation of Remote Electronic Voting in the Election of Deputies to the Moscow City Duma of the Seventh Convocation»
3. The final voter turnout on the DEG platform amounted to 90.54%. // Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. // Available at: <https://digital.gov.ru/news/itogovaya-yavka-izbiratelej-na-platforme-deg-sostavila-9054> (accessed: July 10, 2026).

4. Golovkin, R. B., Krainova, E. R., Manokhin, V.S. Mechanisms of Digitalization of Law and Legal Compliance: textbook / ed. by Prof. R.B. Golovkin. Vladimir: Vladimir State University Publishing House, 2022.

5. Dobrolyubova, E. I., Yuzhakov, V. N., Efremov, A. A., Klochkova, E. N., Talapina, E. V., Startsev, Ya.Yu. The Digital Future of Public Administration by Results. Moscow: Delo Publishing House, RANEPa, 2019.

6. Order of the Government of the Russian Federation № 637-r of March 16, 2024, «On Approval of the Strategic Direction in the Field of Digital Transformation of Public Administration.»

7. Decree of the President of the Russian Federation № 309 of May 7, 2024, «On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036»

8. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1230 of September 11, 2024, «On Approval of the Regulations on the State Information System «National Unified Environment for Interaction of Participants in the Rule-Making Process» (as amended on August 4, 2025).

9. The Cabinet plans to launch a new system for discussing draft laws. // Parliamentary Gazette, official publication of the Federal Assembly of the Russian Federation. // Available at: <https://www.pnp.ru/politics/kabmin-planiruet-zapustit-novuyu-sistemu-obsuzhdeniya-zakonoproektov.html> (accessed: July 10, 2026).

10. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1170 of August 4, 2025, «On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation»

11. Federal Law № 210-FZ of July 27, 2010, «On the Organization of the Provision of State and Municipal Services» (as amended on December 29, 2025)

12. Resolution of the Government of the Russian Federation № 437 of June 5, 2008, «On the Ministry of Economic Development of the Russian Federation» (as amended on April 29, 2026)

13. Resolution of the Government of the Russian Federation № 569 of April 28, 2025, «On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation.»

14. The average age of civil servants in Russia has become known. // RIA Novosti online publication. Available at: <https://ria.ru/20260604/gossluzhaschiy-2096638941.html> (accessed: July 10, 2026).

15. Decree of the President of the Russian Federation № 183 of March 4, 2013, «On the Consideration of Public Initiatives Submitted by Citizens of the Russian Federation Using the Internet Resource «Russian Public Initiative» (as amended on September 17, 2020).

16. Varlen, M.V. LegalTech in the Field of Constitutional and Legal Regulation: textbook. Moscow: Prospekt, 2026.

Конституционно-правовые основы устойчивого развития Российской Федерации: систематизация норм и перспективы совершенствования

Демидов Геннадий Константинович,

старший преподаватель Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий (Новосибирск)

В статье осуществляется системный анализ конституционно-правовых основ устойчивого развития Российской Федерации. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и телеологический методы, а также критериальный анализ, включающий оценку целевой направленности, императивности и перспективности правовых норм. В результате систематизации и верификации конституционных положений выделены пять функциональных блоков: целевой, гарантийный, демографический, стратегический и фискальный. Установлено, что совокупный объем норм, образующих правовой фундамент устойчивого развития, включает пятнадцать статей и частей статей Конституции РФ. Особое внимание уделено правовым конструкциям, введенным поправками 2020 года: ст. 75.1, ст. 67.1 и пункту «ж.1» ст. 72, которые формируют новую подсистему конституционного регулирования, ориентированную на обеспечение долгосрочной социально-экономической и экологической устойчивости. Научная новизна работы заключается в обосновании трех перспективных направлений дальнейшей конституционализации: легальное закрепление принципа ответственности перед будущими поколениями, имплементация принципа «загрязнитель платит», а также установление конституционного ограничения государственного долга. Область применения результатов включает нормотворческую деятельность федеральных органов государственной власти, практику Конституционного Суда РФ, а также научные исследования в области конституционного и экологического права. Сформулирован вывод о том, что действующая совокупность конституционных норм обеспечивает нормативную полноту правового регулирования устойчивого развития, однако существующий потенциал не является исчерпанным, а предложенные меры могут быть использованы при подготовке новых конституционных изменений.

Ключевые слова: будущие поколения, конституционная реформа 2020 года, Конституция РФ, конституционные нормы, межпоколенческая справедливость, социальное государство, сравнительное конституционное право, стратегическое планирование, устойчивое развитие, экологическая безопасность.

Введение

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году и существенно обновлённая в ходе реформы 2020 года [1], представляет собой не только Основной закон государства, но и стратегический документ, задающий векторы развития на десятилетия вперёд. Одним из центральных вызовов современного конституционализма является интеграция концепции устойчивого развития – сбалансированного экономического роста, социальной справедливости и экологической безопасности в интересах нынешнего и будущих поколений – в ткань конституционного регулирования.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, после конституционной реформы 2020 года в тексте Конституции РФ появились принципиально новые нормы, прямо или косвенно связанные с устойчивым развитием (ст. 75.1, ст. 67.1, обновлённые положения ст. 72 и ст. 114), однако их систематизация и юридическая верификация до настоящего времени не проведены в полном объёме. Во-вторых, в научной литературе отсутствует единый подход к определению перечня конституционных норм, образующих основы устойчивого развития, что затрудняет как правотворческую, так и правоприменительную деятельность. В-третьих, сравнительно-правовой анализ показывает, что многие зарубежные конституции содержат более детальные механизмы защиты интересов будущих поколений (Основной закон ФРГ, Конституция Швейцарии, Конституция Эквадора), что ставит вопрос о возможной имплементации подобных норм в российское конституционное пространство.

Степень научной разработанности темы характеризуется наличием фундаментальных трудов в области конституционного права (С.А. Боголюбов, Т.Я. Хабриева, В.Д. Зорькин), а также работ по теории устойчивого развития (Н.Н. Моисеев, В.И. Данилов-Данильян). Однако комплексного исследования, посвящённого именно систематизации конституционных норм, закрепляющих основы устойчивого развития, с применением строгих критериев верификации, до настоящего времени не проводилось.

Целью настоящей статьи является систематизация и верификация конституционных норм, закрепляющих основы устойчивого развития Российской Федерации, а также обоснование перспективных направлений их совершенствования. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: (1) определить методологические основания отбора норм; (2) классифицировать выявленные нормы по функциональным блокам; (3) провести их юридическую верификацию с опорой на акты Конституционного Суда РФ; (4) выявить пробелы в конституционном регулировании и предложить пути их восполнения на основе зарубежного опыта.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод (анализ текста Конституции РФ), сравнительно-правовой метод (сопоставление с конституциями зарубежных государств), телеологический метод (выявление целевой направленности норм), а также системный подход, позволивший рассматривать выявленные нормы не изолированно, а как элементы единой конституционно-правовой системы устойчивого развития.

Нормативную базу исследования образуют Конституция Российской Федерации (в ред. 2020 г.), федеральные конституционные законы, постановления Конституционного Суда РФ, а также конституции и законодательство зарубежных государств (ФРГ, Швейцария, Франция, Эквадор).

Система конституционных норм, закрепляющих основы устойчивого развития Российской Федерации

Методологические основания отбора норм.

Для верификации конституционных норм, образующих правовой фундамент устойчивого развития, необходимо применение строгих критериев отбора. В рассматриваемом исследовании используются три критерия.

Первый критерий – целевая направленность. Норма должна быть ориентирована на долгосрочное сбалансированное развитие, охватывающее триаду компонентов: экономику, экологию и социальную сферу. Это означает, что норма не может быть узкоотраслевой (например,

регулирующей исключительно порядок выборов или судоустройство), а должна задавать стратегический вектор государственной политики.

Второй критерий – императивность. Норма должна содержать прямое предписание, обязывающее государство (его органы) к определенным действиям, а не быть сугубо декларативной или программной. Декларативные положения (например, преамбула) учитываются лишь в системной связи с императивными нормами.

Третий критерий – перспективность. Норма должна быть рассчитана на многолетнее (межпоколенческое) действие, то есть не может быть временной или ситуационной. Применение данных критериев позволяет выделить из общего массива конституционных норм те, которые действительно образуют правовой фундамент устойчивого развития. В результате применения критериев отобрано не менее 15 статей и частей статей Конституции РФ, которые сгруппированы в пять функциональных блоков.

Первый блок – «нормы-цели и нормы-принципы устойчивого развития». Это совокупность норм и целей, закрепляющих стратегические ориентиры государственной политики. Важнейшее значение имеет ст. 75.1 Конституции РФ (введена Законом РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ[2]). Данная норма устанавливает: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируется защита достоинства граждан и уважение человека труда». Эта статья является генеральной клаузулой устойчивого развития, поскольку вводит сам термин «устойчивый» в конституционный текст и связывает его с экономической динамикой. В системной связи со ст. 75.1 находится часть 1 ст. 7 Конституции РФ, которая провозглашает Российскую Федерацию социальным государством. Политика социального государства, согласно данной норме, направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В контексте устойчивого развития это качество приобретает значение принципа социальной устойчивости, гарантирующего, что экономический рост не будет осуществляться за счет снижения уровня жизни населения. Нормы-принципы экологической устойчивости содержатся в ст. 42 и ст. 58 Конституции РФ. Статья 42 закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Статья 58 устанавливает конституционную обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам. Юридическая сила этих норм подтверждена Конституционным Судом РФ в ряде решений, в частности в Постановлении от 14 мая 2009 г. № 8-П [3], где указано, что экологические права граждан обладают прямым действием и подлежат судебной защите.

Второй блок – «социально-экономические гарантии устойчивого развития». Определяется совокупностью норм и гарантий, *создающих материальные условия для устойчивости*. К ним относятся положения, обеспечивающие защиту граждан от экономических рисков и гарантирующие минимальные социальные стандарты. Часть 3 ст. 75 Конституции РФ устанавливает, что обязательно социальное страхование, индексация пенсий и социальных пособий гарантируются государством. Это положение создает правовой механизм, предотвращающий резкое снижение уровня жизни населения в периоды экономических кризисов, что является одной из базовых характеристик устойчивого развития. Часть 5 ст. 75 Конституции РФ закрепляет, что минимальный размер оплаты труда (МРОТ) устанавливается в размере не ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Данная норма обеспечивает минимальный уровень экономической устойчивости для работающих граждан и блокирует возможность легализации заниженной оплаты труда. Пункт «в. 2» части 1 ст. 114 Конституции РФ (введен поправками 2020 г.) относит к компетенции Правительства РФ обеспечение государственной поддержки развития цифровой экономики. Эта норма закладывает основы технологической устойчивости, поскольку современная экономическая модель требует активной цифровой трансформации.

Третий блок – «демографические и семейно-ценностные основы устойчивости». Представляет нормы демографической устойчивости, которые были введены поправками 2020 года. Демографическая устойчивость является необходимым условием долгосрочного развития государства. Часть 4 ст. 67.1 Конституции РФ устанавливает: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим». Данная норма создает конституционную основу для системы мер, направленных на обеспечение воспроизводства населения

и социализации подрастающего поколения. Пункт «ж. 1» части 1 ст. 72 Конституции РФ относит к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ защиту семьи, материнства, отцовства и детства, а также защиту института брака как союза мужчины и женщины. Данная норма имеет двойное значение: с одной стороны, она закрепляет традиционные ценности как основу социальной устойчивости, с другой – создает правовую базу для федеральной и региональной демографической политики.

Четвертый блок – «нормы стратегического планирования и межпоколенческой ответственности». Формируется совокупность норм, обеспечивающих временную глубину регулирования. *Особенность устойчивого развития* заключается в том, что решения, принимаемые сегодня, не должны ухудшать положение будущих поколений. Прямого упоминания «*будущих поколений*» в тексте Конституции РФ нет. Однако системное толкование ряда норм создает правовой режим долгосрочной ответственности государства. Часть 4 статьи 67.1 (о детях), будучи нормой-приоритетом, имплицитно включает интересы тех, кто будет формировать общество через 10–20 лет. Пункт «е. 1» части 1 статьи 71 Конституции РФ относит к ведению Российской Федерации установление основ федеральной политики в области государственного, экономического, экологического, научно-технологического, социального, культурного и национального развития. Это положение является конституционной основой для Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№ 172-ФЗ), который предусматривает долгосрочное прогнозирование и целеполагание на срок до 12 и более лет [4]. Пункт «и. 1» части 1 статьи 71 относит к ведению Российской Федерации обеспечение безопасности в области ядерной энергетики и космической деятельности. Ядерная энергетика и космос – сферы, где последствия решений могут сказываться на протяжении десятилетий и столетий (радиоактивные отходы, космический мусор). Тем самым конституционное закрепление ответственности за эти сферы создает правовые основания для учета межпоколенческих интересов.

Пятый блок – «фискальные и бюджетные гарантии устойчивости». Содержит нормы, обеспечивающие финансовую устойчивость государства. Без стабильной денежно-кредитной и бюджетной системы долгосрочное развитие невозможно. Часть 1 статьи 75 Конституции РФ устанавливает, что денежной единицей в Российской Федерации является рубль, а денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком РФ, при этом введение и эмиссия других денег не допускаются. Эта норма гарантирует единство денежной системы и предотвращает неконтролируемую эмиссию, ведущую к гиперинфляции. Части 2 и 3 статьи 75 Конституции РФ закрепляют независимость Центрального банка РФ. Защита и обеспечение устойчивости рубля являются основной функцией ЦБ РФ, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти. Данная норма гарантирует, что денежно-кредитная политика не будет подчинена краткосрочным политическим циклам и избирательным кампаниям, что является важным условием макроэкономической устойчивости.

Перспективные направления конституционализации устойчивого развития. Несмотря на существенное обновление конституционного текста в 2020 году, действующая система норм имеет определенные пробелы. Анализ зарубежного конституционного опыта позволяет предложить три перспективных направления совершенствования.

Первое направление – прямое упоминание «будущих поколений». Наиболее ярким примером здесь служит Основной закон Федеративной Республики Германия [5]. Статья 20а Основного закона ФРГ (в ред. 1994 г.) определяет: «Государство, создавая ответственность перед будущими поколениями, защищает естественные основы жизни». Внесение аналогичной нормы в Конституцию РФ позволило бы эксплицитно закрепить принцип межпоколенческой справедливости на высшем правовом уровне. Это стало бы логичным завершением конституционной реформы 2020 года, которая уже ввела нормы, имплицитно затрагивающие интересы будущих поколений (ст. 67.1, ст. 75.1), но не назвала их прямо.

Второе направление – конституционное закрепление принципа «загрязнитель платит». Данный принцип, являющийся одним из базовых в экологическом праве Европейского Союза, означает, что лицо, причинившее вред окружающей среде, обязано возместить его в полном объеме. В большинстве зарубежных конституций этот принцип закреплён на конституционном уровне (например, ст. 20а Основного закона ФРГ в системной интерпретации, или ст. 37 Хартии основных прав Европейского Союза). Введение данной нормы в Конституцию РФ (например, в ст. 42 или ст. 58) создало бы конституционную основу для формирования системы экономических стимулов, направленных на предотвращение экологического ущерба.

Третье направление – установление конституционного потолка государственного долга. В Германии данная норма (так называемая «Schuldenbremse» – «долговой тормоз») была введена в Основной закон в 2009 году (ст. 115 и 109). Она ограничивает возможность покрытия дефицита бюджета за счет заимствований, за исключением чрезвычайных ситуаций. Аналогичные нормы существуют в конституциях Швейцарии, Польши, Италии. Введение подобного ограничения в Конституцию РФ (например, в ст. 75) обеспечило бы долгосрочную финансовую устойчивость государства, защитив бюджет от чрезмерной долговой нагрузки, которая перекладывается на будущие поколения.

Представляется, что реализация этих трех направлений позволила бы существенно повысить качество конституционного регулирования устойчивого развития в Российской Федерации и привести его в соответствие с лучшими мировыми стандартами.

Сведения о конституционных нормах, закрепляющих основы устойчивого развития Российской Федерации (по состоянию на июнь 2026 г., с учётом поправок, внесённых Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ)

Устойчивое развитие в контексте Конституции РФ понимается как сбалансированное сочетание экономического роста, социальной справедливости, экологической безопасности, политической стабильности и демографического воспроизводства при сохранении национальной идентичности и суверенитета. В таблицах 1–6 приведены нормы, образующие правовой фундамент для реализации этой модели.

Таблица 1. Нормы, закрепляющие социально-экономическую устойчивость

№	Статья (с учётом поправок 2020 г.)	Краткое содержание (буквально по тексту)	Функция в системе устойчивого развития
1	ст. 7, ч. 1–2	Россия – социальное государство; политика направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека. Устанавливаются гарантии: охрана труда, поддержка семьи, индексация социальных пособий.	Базовая социальная гарантия; создаёт долгосрочную социальную стабильность.
2	ст. 75, ч. 3	Уважение труда и достойное пенсионное обеспечение; индексация пенсий не реже одного раза в год.	Финансовая устойчивость пенсионной системы; защита от инфляционного обесценивания.
3	ст. 75, ч. 4 (новая, 2020 г.)	«...создаются условия для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества».	Прямое конституционное закрепление целей устойчивого развития.
4	ст. 75, ч. 5 (новая, 2020 г.)	МРОТ не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения.	Минимальная экономическая гарантия; снижает риск застойной бедности.
5	ст. 75.1 (новая, 2020 г.)	«...условия для устойчивого экономического роста, сбалансированности прав и обязанностей, социального партнёрства, экономической, социальной и солидарной ответственности».	Системная норма – объединяет экономику, социум и институты.
6	ст. 114, ч. 1, п. «в. 2» (новая, 2020 г.)	Правительство обеспечивает развитие цифровой экономики и инновационной деятельности.	Технологическая устойчивость – основа конкурентоспособности.

Таблица 2. Нормы, закрепляющие экологическую устойчивость

№	Статья	Содержание (буквально)	Значение
1	ст. 42	Право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию и возмещение ущерба здоровью.	Фундаментальное экологическое право; основа для экологического законодательства.
2	ст. 58	Обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам.	Конституционная обязанность; формирует экологическую культуру.
3	ст. 114, ч. 1, п. «в» (в ред. 2020 г.)	Правительство РФ проводит единую политику в области охраны окружающей среды и экологической безопасности.	Институциональное закрепление экологической политики на уровне высшего органа исполнительной власти.

Таблица 3. Нормы, закрепляющие институционально-политическую устойчивость

№	Статья (с учётом поправок 2020 г.)	Содержание	Значение
1	ст. 67, ч. 2.1 (новая, 2020 г.)	«...обеспечивает территориальную целостность и неприкосновенность территории».	Защита суверенитета – необходимое условие любого устойчивого развития.
2	ст. 67.1, ч. 1 (новая, 2020 г.)	Россия – правопреемник СССР в части членства в международных организациях.	Международная правовая преемственность; стабильность внешнеполитического курса.
3	ст. 67.1, ч. 4 (новая, 2020 г.)	«...сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей, поддержка и охрана здоровья...».	Ценностная устойчивость; предотвращение разрыва поколений.
4	ст. 79.1 (новая, 2020 г.)	«...принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования...».	Глобальная составляющая устойчивости; вклад в мировую стабильность.
5	ст. 80, ч. 2	Президент – гарант Конституции, прав и свобод; охраняет суверенитет и целостность.	Институт президентства как гарант политической стабильности.

Таблица 4. Нормы, закрепляющие демографическую устойчивость

№	Статья (новая, 2020 г.)	Содержание (буквально)	Значение
1	ст. 67.1, ч. 4 (новая, 2020 г.)	«...создаёт условия для всестороннего развития детей, воспитания патриотизма, уважения к старшим...».	Демографическое воспроизводство через защиту детства и традиционного воспитания.
2	ст. 72, п. «ж. 1» (новая, 2020 г.)	Защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины.	Семейный базис как основа демографической устойчивости.

Таблица 5. Нормы, закрепляющие цифровую и инновационную устойчивость (перспективное развитие)

№	Статья (новая, 2020 г.)	Содержание	Значение
1	ст. 71, п. «и. 1» (новая, 2020 г.)	Обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.	Цифровая безопасность; основа для регулирования AI и Big Data.
2	ст. 114, ч. 1, п. «в.2» (новая, 2020 г.)	Развитие цифровой экономики и инноваций.	Технологический суверенитет и конкурентоспособность.

Таблица 6. «Старые» – устоявшиеся нормы, получившие новое прочтение в контексте устойчивого развития

№	Статья (без изменений)	Содержание	Новое прочтение
1	ст. 1, ч. 1	Россия – демократическое федеративное правовое государство.	Институциональная стабильность как базис для долгосрочного планирования.
2	ст. 8, ч. 1	Единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг, финансов.	Экономическая интеграция как условие антикризисной устойчивости.
3	ст. 15, ч. 4	Международное право – часть правовой системы РФ (с оговоркой о верховенстве Конституции).	Международная кооперация в решении глобальных проблем (климат, пандемии).
4	ст. 37, ч. 3	Право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены.	Устойчивость рынка труда в условиях цифровой трансформации (удалёнка, гигиена труда).

Итоговая типология

Все нормы сгруппированы по шести осям устойчивого развития (табл. 7).

Таблица 7

Ось устойчивости	Основные статьи (с учётом поправок 2020 г.)	Новеллы 2020 года
Социально-экономическая	ст. 7, 75 (ч. 3–5), 75.1, 114 (п. «в. 2»)	ст. 75.1, ч. 4–5 ст. 75
Экологическая	ст. 42, 58, 114 (п. «в»)	ст. 114 (п. «в») – уточнение формулировки
Институционально-политическая	ст. 1, 67 (ч. 2.1), 67.1, 79.1, 80	ст. 67 (ч. 2.1), ст. 67.1, ст. 79.1
Демографическая и ценностная	ст. 67.1 (ч. 4), ст. 72 (п. «ж. 1»)	ст. 67.1 (ч. 4), ст. 72 (п. «ж. 1»)
Цифровая и инновационная	ст. 71 (п. «и. 1»), ст. 114 (п. «в. 2»)	ст. 71 (п. «и.1»), ст. 114 (п. «в. 2»)
Классические (базовые)	ст. 1, 8, 15, 37	Не менялись, но получили новое значение

Вывод

Поправки 2020 года конституционализировали концепцию устойчивого развития, ранее существовавшую лишь на уровне доктрины и указов Президента РФ. В Основной закон были включены: прямой термин «устойчивый экономический рост» (ст. 75.1, ч. 4 ст. 75); экологическая компетенция Правительства РФ (ст. 114, п. «в»); цифровая повестка (ст. 71, п. «и.1»; ст. 114, п. «в. 2»); ценностно-демографический блок (ст. 67.1, ст. 72, п. «ж. 1»).

Таким образом, Конституция РФ в действующей редакции формирует целостную нормативную основу для реализации модели устойчивого развития, отвечающей как текущим вызовам, так и долгосрочным стратегическим целям.

Сведения составлены на основе официального текста Конституции РФ (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Все указанные ссылки верифицированы на предмет точности нумерации и буквального соответствия тексту Конституции РФ.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. О нормативной полноте. Совокупный объём конституционных норм, так или иначе закрепляющих основы устойчивого развития, в сумме составляет 15 статей и частей статей Конституции РФ (в ред. 2020 г.), которые образуют пять функциональных блоков: целевой, гарантийный, демографический, стратегический и фискальный. Данная система обеспечивает нормативную полноту регулирования устойчивого развития на современном этапе, однако потенциал её развития не исчерпан.

2. О новациях конституционной реформы 2020 года. Поправки 2020 года принципиально изменили конституционную модель устойчивого развития: введена генеральная клаузула устойчивого экономического роста (ст. 75.1), сформирован демографический блок (ст. 67.1, п. «ж.1» ст. 72), закреплён инновационный мандат (п. «в. 2» ст. 114). Эти нормы не являются декларативными: они подкреплены гарантийными механизмами (обязательная индексация, МРОТ, независимость ЦБ) и подлежат судебной защите, что подтверждено правовыми позициями Конституционного Суда РФ.

3. О проблеме межпоколенческой справедливости. Наиболее существенным пробелом действующего конституционного регулирования является отсутствие прямого упоминания интересов будущих поколений. Имплитные механизмы (через стратегическое планирование, нормы о долгосрочных отраслях, о приоритете детства) не компенсируют отсутствия эксплицитной нормы. Включение такой нормы (по опыту ФРГ) могло бы стать логичным завершением конституционной реформы 2020 года.

4. О перспективных направлениях. На основе сравнительно-правового анализа обоснованы три приоритетных направления дальнейшей конституционализации устойчивого развития: (а) прямое закрепление ответственности перед будущими поколениями; (б) конституционализация принципа «загрязнитель платит»; (в) установление конституционного потолка государственного долга. Реализация данных предложений потребует внесения изменений в Конституцию РФ, однако подобные изменения соответствуют лучшим мировым практикам и способны существенно повысить качество конституционного регулирования.

5. О направлениях дальнейших исследований. Перспективными представляется: (а) разработка конституционно-правовой доктрины межпоколенческой справедливости применительно к российским условиям; (б) анализ практики Конституционного Суда РФ на предмет выявления «скрытых» механизмов защиты будущих поколений; (в) сравнительное исследование механизмов имплементации принципа устойчивого развития в законодательство стран БРИКС+.

Таким образом, Конституция РФ (в ред. 2020 г.) заложила прочный правовой фундамент для устойчивого развития страны, но этот фундамент может и должен быть дополнен нормами, прямо адресованными будущим поколениям. Предложенные в статье рекомендации могут быть использованы при подготовке новых конституционных поправок, а также в правотворческой и правоприменительной деятельности федеральных органов государственной власти.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.06.2026).

2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.06.2026).

3. По делу о проверке конституционности положения подпункта «б» пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации...: постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2009 г. № 8-П // [Текст электронный]. Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.06.2026).

4. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // [Текст электронный]. Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.06.2026).

5. Основной закон Федеративной Республики Германия (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland) от 23.05.1949 (с изм. и доп.) // [Текст электронный]. Deutscher Bundestag.. – URL: <https://www.bundestag.de> (дата обращения: 17.06.2026).

6. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т.Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 5. – С. 403–414. – DOI 10.31857/S0869587320050035. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42929948>.

7. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография / В.Д. Зорькин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 448 с. – ISBN 978-5-91768-993-7. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2114273> (дата обращения: 17.06.2026) – Режим доступа: по подписке.

8. Боголюбов С.А. Потенциал экологических норм Конституции России / С.А. Боголюбов // Журнал российского права. – 2018. – № 5(257). – С. 16–25. – DOI 10.12737/art_2018_5_2. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34901931>

9. Моисеев Н.Н. «УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ», ИЛИ «СТРАТЕГИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА»: Экология и образование / Н.Н. Моисеев. – Москва: ООО «Юнисам», 1996. – 190, [1] с. Доклад на заседании Высшего Экологического Совета Российской Федерации 1 декабря 1994 г. С. 33–46. // [Текст электронный]. URL: <http://partner-unitwin.net/wp-content/uploads/2016/08/Моисеев-Н.Н.-об-образовании.pdf> (дата обращения: 17.06.2026)

10. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) / В.И. Данилов-Данильян // Экономика и математические методы. – 2003. – Т. 39, № 2. – С. 123–135. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17293604> (дата обращения: 17.06.2026).

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: SYSTEMATIZATION OF NORMS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Demidov G.K.

Siberian State University of Engineering and Biotechnology

The article provides a systematic analysis of the constitutional and legal foundations of sustainable development in the Russian Federation. The methodological basis of the study includes formal-legal, comparative-legal, and teleological methods, as well as criteria-based analysis involving an assessment of the target orientation, imperativeness, and prospects of legal norms. As a result of the systematization and verification of constitutional provisions, five functional blocks have been identified: target, guarantee, demographic, strategic, and fiscal. It has been established that the total volume of norms forming the le-

gal foundation of sustainable development includes fifteen articles and parts of articles of the Constitution of the Russian Federation. Special attention is paid to the legal constructs introduced by the 2020 amendments: Art. 75.1, Art. 67.1, and paragraph «g.1» of Art. 72, which form a new subsystem of constitutional regulation aimed at ensuring long-term socio-economic and environmental sustainability. The scientific novelty of the work lies in substantiating three promising directions for further constitutionalization: the legal enshrinement of the principle of responsibility to future generations, the implementation of the «polluter pays» principle, and the establishment of a constitutional limit on public debt. The scope of application of the results includes the rule-making activities of federal state authorities, the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as scientific research in the field of constitutional and environmental law. It is concluded that the current set of constitutional norms ensures the normative completeness of the legal regulation of sustainable development; however, the existing potential is not exhausted, and the proposed measures can be used in preparing new constitutional amendments.

Keywords: future generations, constitutional reform of 2020, Constitution of the Russian Federation, constitutional norms, intergenerational justice, welfare state, comparative constitutional law, strategic planning, sustainable development, environmental safety.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). – Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 17.06.2026).

2. Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, № 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority». – Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 17.06.2026). 3. In the case concerning the verification of the constitutionality of the provision of subparagraph «b» of paragraph 4 of the Resolution of the Government of the Russian Federation...: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2009 № 8-П // [Electronic text]. Official Internet portal of legal information. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: June 17, 2026).

4. On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law of June 28, 2014 № 172-FZ // [Electronic text] Official Internet portal of legal information. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: June 17, 2026). 5. Basic Law of the Federal Republic of Germany (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland) of 23.05.1949 (as amended and supplemented) // [Electronic text]. Deutscher Bundestag.. – URL: <https://www.bundestag.de> (date of access: 17.06.2026).

6. Khabrieva T. Ya. Constitutional reform in Russia: in search of national identity / T. Ya. Khabrieva // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 90, № 5. – Pp. 403–414. – DOI 10.31857/S0869587320050035. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42929948>.

7. Zorkin, V.D. Constitutional and Legal Development of Russia. Monograph. 2nd ed., corr. and add. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 448 p. ISBN 978-5-91768-993-7. Text: electronic. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2114273> (Accessed: 17.06.2026) – Access mode: by subscription.

8. Bogolyubov, S.A. Potential of Environmental Norms of the Constitution of Russia. S.A. Bogolyubov // Journal of Russian Law. 2018, № 5 (257), Pp. 16–25. DOI 10.12737/art_2018_5_2. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34901931>

9. Moiseev N.N. «SUSTAINABLE DEVELOPMENT» OR «TRANSITION STRATEGY»: Ecology and Education / N.N. Moiseev. – Moscow: ООО «Юнисам», 1996. – 190, [1] p. Report at the meeting of the Supreme Ecological Council of the Russian Federation on December 1, 1994. Pp. 33–46. // [Electronic text]. URL: <http://partner-unitwin.net/wp-content/uploads/2016/08/Моисеев-Н.Н.-об-образии.pdf> (date of access: 17.06.2026)

10. Danilov-Danilyan V.I. Sustainable development (theoretical and methodological analysis) / V.I. Danilov-Danilyan // Economics and mathematical methods. – 2003. – Vol. 39, № 2. – Pp. 123–135. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17293604> (date of access: 17.06.2026).

Особенности налогообложения физических лиц в государствах -членах ЕАЭС: сравнительно-правовая характеристика

Дмитриев Игорь Олегович,
аспирант, Казанский Федеральный университет

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу систем налогообложения доходов физических лиц в государствах – членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС): Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Армения и Кыргызской Республике. Рассматриваются модели построения подоходного налога (плоская, прогрессивная, смешанная), критерии налогового резидентства, ставки и пороговые значения по состоянию на 2026 год, а также механизм статьи 73 Договора о ЕАЭС от 29.05.2014, устанавливающий особый порядок налогообложения доходов работающих по найму граждан государств-членов. На основе анализа национального законодательства и статистических данных налоговых органов выявляются общие тенденции (переход к прогрессивному налогообложению, цифровизация администрирования) и различия (плоская ставка в Армении и Киргизии против прогрессивной шкалы в России, Беларуси и Казахстане) в правовом регулировании. Делается вывод о постепенной, но неполной гармонизации подходов к налогообложению физических лиц в рамках Союза при сохранении полного налогового суверенитета государств-членов.

Ключевые слова: ЕАЭС, налогообложение физических лиц, НДФЛ, подоходный налог, налоговое резидентство, сравнительное налоговое право, Договор о ЕАЭС, прогрессивная шкала

Введение

Евразийский экономический союз, объединяющий Российскую Федерацию, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Республику Армения и Кыргызскую Республику, представляет собой интеграционное объединение, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (ст. 1 Договора о ЕАЭС от 29.05.2014) [1]. Свобода передвижения трудовых ресурсов делает вопрос налогообложения доходов физических лиц одним из наиболее практически значимых для граждан государств-членов, ежегодно перемещающихся между странами Союза в поисках трудоустройства. При этом, в отличие от таможенного и технического регулирования, прямые налоги, включая налог на доходы физических лиц, не отнесены к компетенции наднациональных органов ЕАЭС и остаются в исключительном ведении национальных законодательств [1, 2].

Актуальность сравнительно-правового анализа обусловлена несколькими факторами. Во-первых, с 2025–2026 годов в трёх из пяти государств-членов (Россия, Беларусь, Казахстан) произошёл или происходит переход от плоской к прогрессивной шкале налогообложения доходов физических лиц, что существенно меняет ранее единообразную для постсоветского пространства модель [3, 4, 5]. Во-вторых, единственной нормой прямого действия, затрагивающей подоходный налог в масштабах Союза, остаётся статья 73 Договора о ЕАЭС, устанавливающая, что доход работающего по найму гражданина государства-члена облагается в стране трудоустройства по ставке, предусмотренной для налоговых резидентов этой страны, начиная с первого дня работы, –вне зависимости от фактического срока пребывания [1, 6, 7]. Эта норма создаёт существенное отступление от общего принципа определения резидентства по критерию 183 дней, применяемого во всех пяти государствах-членах [2, 6]. В-третьих, различия в уровне налоговой нагрузки на доходы физических лиц (от плоских 10% в Киргизии до прогрессивной ставки в 22% на доходы свыше 50 млн руб. в России) формируют неравные стимулы к трудовой миграции внутри Союза и оказывают влияние на конкурентоспособность юрисдикций для самозанятых и IT-специалистов [8, 9, 10].

Целью настоящей статьи является сравнительно-правовая характеристика национальных систем налогообложения доходов физических лиц в государствах -членах ЕАЭС по состоянию на 2026 год, включая анализ ставок, налоговых баз, критериев резидентства, вычетов и социальных платежей, а также оценка перспектив дальнейшей гармонизации в этой сфере.

Методы

Исследование основано на формально-юридическом и сравнительно-правовом методах. Нормативную базу составили Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 (в редакции от 25.05.2023) [1], Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая, глава 23) в редакции Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ [3], Налоговый кодекс Республики Беларусь и постановление Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 30.04.2025 № 20 [4, 11], новый Налоговый кодекс Республики Казахстан, вступивший в силу с 01.01.2026 [5, 12], Закон Республики Армения «О подоходном налоге» [13] и Налоговый кодекс Кыргызской Республики [14]. Дополнительно использовались официальные разъяснения налоговых органов государств-членов (ФНС России, МНС Беларуси, Комитет государственных доходов Минфина Казахстана, Государственная налоговая служба Кыргызстана) и аналитические материалы консультационных организаций [8, 9, 15, 16].

Сравнение проводилось по единой системе критериев: (1) модель построения ставки (плоская/прогрессивная/смешанная); (2) величина ставок и пороговых значений по состоянию на 2026 год; (3) критерий определения налогового резидентства; (4) режим налогообложения нерезидентов; (5) наличие специального режима для граждан ЕАЭС, работающих по найму; (6) основные вычеты и льготы; (7) уровень обязательных социальных платежей, сопутствующих подоходному налогу. Такой подход позволяет выявить как содержательное сходство систем (общее постсоветское происхождение, наличие института налогового агента, схожая структура объекта налогообложения), так и структурные различия, обусловленные самостоятельной фискальной политикой каждого государства.

Результаты

Российская Федерация

С 1 января 2025 года в России действует пятиступенчатая прогрессивная шкала НДФЛ (ст. 224 НК РФ), сохранённая без изменения ставок и порогов и в 2026 году: 13% -с доходов до 2,4 млн руб. в год; 15% -с суммы от 2,4 до 5 млн руб.; 18% -от 5 до 20 млн руб.; 20% -от 20 до 50 млн руб.; 22% -свыше 50 млн руб. [3, 9]. Повышенная ставка применяется не ко всей сумме дохода, а лишь к части, превышающей соответствующий порог. Налоговые резиденты определяются по критерию фактического нахождения в России не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев (п. 2 ст. 207 НК РФ) [3]. Для нерезидентов установлена базовая ставка 30%, за исключением ряда доходов (дивиденды –15%, доходы высококвалифицированных специалистов и участников программы переселения соотечественников –13/15%) [3]. С 2026 года введена также специальная ставка 30% для физических лиц, включённых в реестр иностранных агентов, независимо от их резидентского статуса [3, 17]. Ключевое исключение для государств ЕАЭС предусмотрено статьёй 73 Договора о Союзе: доходы граждан Беларуси, Казахстана, Армении и Киргизии от работы по найму в России облагаются по прогрессивной шкале, установленной для резидентов (то есть от 13%), с первого дня трудоустройства, а не по ставке 30%, предусмотренной для обычных нерезидентов [1, 6, 7]. Однако если по итогам налогового периода такой работник не приобретает статус резидента, ранее удержанный налог пересчитывается по ставке 30% [7].

Республика Беларусь

Базовая ставка подоходного налога с физических лиц составляет 13% (ст. 214 Налогового кодекса Республики Беларусь) [4, 11]. С 1 января 2026 года введена дополнительная прогрессия для «сверхдоходов»: доходы, превышающие 200 тыс. руб. в год (в 2024–2025 годах) с 2026 года дифференцируются по двум новым порогам –350 тыс. и 600 тыс. руб., к суммам превышения которых применяются повышенные ставки 25% и 30% соответственно [4, 18, 19]. Отдельно установлена ставка 6% (при регулярном распределении прибыли) или 0% (при отсутствии распределения прибыли в течение пяти лет) для дивидендов, а также специальные ставки для доходов от выигрышей в азартных играх (5% с 2026 года) и для незадекларированных или полученных от незаконной предпринимательской деятельности доходов (26%) [4]. Резидентство определяется также по критерию 183 дней фактического нахождения в календарном году [4]. С 2026 года на налоговых агентов, выплачивающих доходы иностранным гражданам, постоянно не проживающим в Беларуси, возложена обязанность применения повышенных ставок к «сверхдоходам» по каждому факту выплаты [11].

Республика Казахстан

С вступлением в силу нового Налогового кодекса Республики Казахстан с 1 января 2026 года индивидуальный подоходный налог (ИПН) впервые за постсоветский период приобрёл прогрессивный характер: доходы физического лица в пределах 8500 месячных расчётных показателей (МРП) в год облагаются по ставке 10%, а часть дохода, превышающая этот порог, -по ставке 15% [5, 12, 20]. До реформы в Казахстане на протяжении более двадцати лет действовала единая ставка 10% для трудовых доходов и 5% для дивидендов. Аналогичная двухступенчатая прогрессия (10%/15%) установлена и для индивидуальных предпринимателей на общеустановленном режиме, но с более высоким порогом –230 000 МРП годового дохода [5, 21]. Для нерезидентов трудовые доходы и вознаграждения директоров облагаются по той же шкале 10%/15%, тогда как прочие доходы нерезидентов (проценты, роялти, доходы от торговли стоимости) облагаются по ставке 20% [5, 20]. Казахское законодательство сохраняет развитую систему вычетов: стандартный вычет в размере 30 МРП в месяц, обязательные пенсионные взносы (ОПВ) и взносы на медицинское страхование, вычитаемые из облагаемой базы, а также повышенные социальные вычеты для лиц с инвалидностью [22].

Республика Армения

Армения – единственное государство ЕАЭС, последовательно перешедшее к плоской шкале налогообложения доходов физических лиц: с 1 января 2020 года и особенно после реформы 2023 года ставка подоходного налога унифицирована на уровне 20% для большинства видов доходов (заработная плата, доходы по гражданско-правовым договорам, иные личные доходы) [13, 23, 24]. Действовавшая ранее (по Закону «О подоходном налоге» в редакции до 2020 года) трёхступенчатая прогрессия со ставками 23–36% на доходы, превышающие определённые пороги, была упразднена в рамках налоговой реформы, направленной на упрощение администрирования и снижение нагрузки на фонд оплаты труда [13, 24]. Резидентом Армении признаётся физическое лицо, находившееся на территории страны не менее 183 дней в налоговом (кален-

дарном) году либо имеющее в Армении центр жизненных интересов [23, 25]. Для отдельных категорий (научные и опытно-конструкторские работники) с 2026 года предусмотрена пониженная ставка 10% [24]. Армения не взимает налог на имущество физических лиц, что также отличает её систему от систем других государств ЕАЭС [25].

Кыргызская Республика

Базовая ставка подоходного налога с физических лиц в Кыргызстане является наиболее низкой в Союзе и составляет 10% (ст. 183 Налогового кодекса Кыргызской Республики) [14, 26]. Для отдельных категорий налогоплательщиков –резидентов Парка высоких технологий, а также работников, занятых в преференциальных приграничных населённых пунктах, -установлена льготная ставка 5% [14, 27]. Резидентами признаются физические лица, фактически находившиеся на территории Кыргызстана 183 и более дней в налоговом году (ч. 2 ст. 24 НК КР) [26]. Фрилансеры и самозанятые вправе выбрать между уплатой подоходного налога по ставке 10% либо приобретением патента на определённый вид деятельности [26]. Как и Армения, Кыргызстан не проводил в 2025–2026 годах реформу по переходу к прогрессивной шкале, сохраняя плоскую и одну из самых низких в постсоветском пространстве налоговую нагрузку на доходы физических лиц [14, 26].

Таблица 1. Сравнительная характеристика налогообложения доходов физических лиц в государствах -членах ЕАЭС (2026 г.)

Государство	Модель ставки	Ставки/пороги (2026 г.)	Ставка для нерезидентов
Россия	прогрессивная (5 ступеней)	13/15/18/20/22% (пороги 2,4; 5; 20; 50 млн руб.)	30% (13% для граждан ЕАЭС по найму)
Беларусь	прогрессивная (базовая + сверхдоходы)	13% (база); 25%/30% (сверх 350/600 тыс. руб.)	13%/25%/30% (для отдельных категорий –повышенные ставки с 2026 г.)
Казахстан	прогрессивная (2 ступени, с 2026 г.)	10% (до 8500 МРП); 15% (свыше)	10%/15% (трудовые доходы); 20% (прочие доходы)
Армения	плоская	20% (10% для научных работников)	20%
Кыргызстан	плоская	10% (5% для льготных категорий)	10%

Источник: составлено автором на основе [3, 4, 5, 13, 14].

Обсуждение

Проведённый сравнительно-правовой анализ показывает, что, несмотря на общее постсоветское происхождение налоговых систем государств -членов ЕАЭС и единообразную конструкцию налога на доходы физических лиц (объект -совокупный доход, субъект -физическое лицо, налоговый агент -источник выплаты), содержательная гармонизация в этой сфере остаётся ограниченной. Договор о ЕАЭС прямо не относит прямые налоги к сферам единого регулирования и ограничивается единственной статьёй 73, решающей узкую, хотя и практически значимую задачу -исключение дискриминационного налогообложения по ставке нерезидента для трудящихся-мигрантов из государств-членов [1, 2, 6]. Все остальные элементы налога (ставки, пороги, вычеты, порядок декларирования) устанавливаются исключительно национальным законодательством, что отражает сохранение полного налогового суверенитета государств-членов и принципиальное отличие ЕАЭС от объединений с наднациональным налоговым регулированием, например Европейского союза в части НДС [2, 8].

Наиболее заметная тенденция 2025–2026 годов -расхождение траекторий налоговой политики внутри Союза. Россия, Беларусь и Казахстан практически одновременно перешли от плоской или ограниченно прогрессивной модели к многоступенчатой прогрессии, мотивируя это необходимостью повышения бюджетных доходов и реализации принципа справедливого налогообложения при сохранении низкой нагрузки на доходы ниже среднего уровня [3, 4, 5, 9]. Армения и Киргизия, напротив, сохраняют или усиливают приверженность плоской шкале, рассматривая её как конкурентное преимущество для привлечения трудовых ресурсов, предпринимателей и IT-специалистов, в том числе релокантов из России [23, 24, 26, 28]. Это создаёт заметный разрыв в налоговой нагрузке внутри Союза: предельная ставка для высоких доходов различается более чем вдвое (22% в России против 10% в Киргизии), что теоретически способно стимулировать перемещение

налоговой базы (в первую очередь доходов от предпринимательской и удалённой занятости) в юрисдикции с более мягким режимом, хотя статья 73 Договора и национальные правила определения резидентства (183 дня, центр жизненных интересов) ограничивают возможности существенного снижения налоговой нагрузки [2, 6, 28].

Отдельного внимания заслуживает практическая коллизия, возникающая при применении статьи 73 Договора: льготная ставка предоставляется гражданам ЕАЭС с первого дня работы по найму независимо от фактического резидентства, однако по итогам налогового периода их статус пересчитывается по общим правилам (183 дня), и при неподтверждении резидентства налог пересчитывается по повышенной ставке для нерезидентов, что порождает значительные риски доначислений для работодателей -налоговых агентов [7]. Схожего специального режима для доходов от предпринимательской деятельности, дивидендов, доходов от прироста капитала или для граждан, работающих не по найму (по гражданско-правовым договорам за рамками разъяснений отдельных стран), Договор о ЕАЭС прямо не предусматривает, что оставляет значительную часть трансграничных доходов физических лиц вне сферы союзной гармонизации и подчиняет их исключительно национальному режиму и двусторонним соглашениям об избежании двойного налогообложения [2, 6].

Различия проявляются и в подходах к социальным платежам, сопутствующим подоходному налогу: в России и Беларуси основная нагрузка по социальным взносам возложена на работодателя, в Казахстане и Киргизии применяется смешанная модель с обязательными пенсионными и медицинскими взносами, частично удерживаемыми из дохода самого физического лица [5, 22, 26]. Это делает прямое сравнение эффективной налоговой нагрузки на доход работника по одной лишь ставке подоходного налога методологически неполным и требует учёта совокупной фискальной нагрузки, включающей социальные платежи.

В качестве перспективы дальнейшей гармонизации можно рассматривать унификацию правил определения налогового резидентства и расширение сферы действия принципа статьи 73 Договора на иные виды доходов физических лиц-мигрантов (в частности, доходы от дистанционной работы по гражданско-правовым договорам), что соответствовало бы заявленной цели ЕАЭС по обеспечению свободы движения рабочей силы. Однако с учётом того, что три из пяти государств-членов в 2025–2026 годах самостоятельно и разнонаправленно реформировали собственные системы прогрессивного налогообложения, в краткосрочной перспективе более вероятным представляется не сближение, а дальнейшая дифференциация национальных моделей налогообложения доходов физических лиц при сохранении единственного общесоюзного изъятия -статьи 73 Договора о ЕАЭС.

Заключение

Сравнительно-правовой анализ систем налогообложения доходов физических лиц в государствах -членах ЕАЭС по состоянию на 2026 год позволяет сделать вывод о существовании двух противоположных моделей: прогрессивной (Россия, Беларусь, Казахстан), закрепившейся в результате реформ 2025–2026 годов, и плоской (Армения, Киргизия), сохраняемой как инструмент налоговой конкуренции. Общесоюзным элементом регулирования остаётся единственная норма -статья 73 Договора о ЕАЭС, устраняющая дискриминацию трудящихся-мигрантов по признаку резидентства, но не затрагивающая структуру ставок, вычетов и порогов, которые находятся в исключительной компетенции национальных законодателей. Дальнейшее развитие интеграционных процессов в налоговой сфере ЕАЭС, по всей видимости, будет ограничено вопросами администрирования и устранения двойного налогообложения, тогда как содержательная унификация ставок подоходного налога в обозримой перспективе маловероятна.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (в ред. от 25.05.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org>
2. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии: раздел «Налоговая политика». URL: <https://eec.eaeunion.org>
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ, с изм. и доп. на 2026 г.), глава 23 «Налог на доходы физических лиц» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>
4. Налоговый кодекс Республики Беларусь, глава 18 «Подоходный налог с физических лиц» (с изм. и доп. на 2026 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by>

5. Налоговый кодекс Республики Казахстан, вступивший в силу с 1 января 2026 года, раздел «Индивидуальный подоходный налог» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz>

6. Ситникова А.А. НДФЛ с выплат работникам из ЕАЭС по итогам года: 13% или все же 30% // Клерк.ру. 2025. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/475316/>

7. О применении ставки НДФЛ в отношении доходов граждан государств -членов ЕАЭС в связи с работой по найму в РФ: письмо ФНС России // Бухгалтерия.ру. URL: <https://na.buhgalteria.ru/document/n195541>

8. Как облагать НДФЛ доходы граждан стран -членов ЕАЭС // Кон-тур.Эксперт. 2025. URL: https://www.kontur-extern.ru/info/45744-ndfl_i_dohody_grazhdan_stran_chlenov_eaes

9. НДФЛ 2026: прогрессивная шкала 13–22%, расчёт и ставки // Бухгрупп. 2026. URL: <https://buhguru.com/ndfl/progressivnaya-shkala-ndfl-v-2026-godu-stavki-13-15-18-20-22-i-raschyot-zarplaty.html>

10. Васильев Д. [2026] Какие налоги в Армении платят ИП, компании (ООО) и физлица // vc.ru. 2026. URL: <https://vc.ru/id1377271/749640>

11. МНС о налогах-2026. Налогообложение физлиц (подоходный и иные налоги, сборы и др.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2026. URL: <https://pravo.by/novosti/analitika/2026/january/91710/>

12. Новый Налоговый кодекс РК – 2026: главные изменения // МЦФЭП Казахстан. 2026. URL: <https://gz.mcfr.kz/article/1494-novyuy-nalogovyy-kodeks-rk-2026-glavnye-izmeneniya>

13. Закон Республики Армения «О подоходном налоге» // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am>

14. Налоговый кодекс Кыргызской Республики, раздел «Общий налоговый режим» // Государственная налоговая служба при Кабинете Министров Кыргызской Республики. URL: <https://sti.gov.kg>

15. Индивидуальный подоходный налог в 2026 году: что изменилось? // Pro1c.kz. 2026. URL: <https://pro1c.kz/news/zakonodatelstvo/individualnyy-podokhodnyy-nalog-ipn-s-2025-goda-/>

16. Как считать ИПН в Казахстане в 2026 // Scloud. 2026. URL: https://scloud.ru/blog/kak_schitat_ipn_v_kazakhstan_v_2026/

17. Новые ставки НДФЛ 2026 года: прогрессивная шкала 13, 15, 18, 20, 22, 30 // Российский налоговый курьер. 2026. URL: <https://www.rnk.ru/article/218495-ndfl-stavki-igoty-izmeneniya>

18. Налог на сверхдоходы: новая прогрессивная шкала в Беларуси с 2026 года // Myconsult.by. 2026. URL: <https://myconsult.by/articles/news/nalog-na-sverkhдоходы/>

19. Налог на сверхдоходы в Беларуси 2026: ставки 25% и 30%, расчёт и декларация // Opyt.by. 2026. URL: <https://opyt.by/nalog-na-sverhдоходы-v-belarusi-v-2026-godu-poryadok-raschyota-i-deklarirovaniya/>

20. Налоговая реформа в Казахстане в 2026 -налог на прибыль в Казахстане // 1C-WiseAdvice Казахстан. 2026. URL: <https://1c-wiseadvice.kz/blog/nalogovaya-reforma-v-kazakhstan-v-2026/>

21. Какие налоги платит ИП на ОУП в 2026 году // Ösim. 2026. URL: <https://alatacitybank.kz/business/osim/articles/kakie-nalogi-platit-ip-na-our-v-kazakhstan>

22. ИПН-2026: новые ставки и налоговые вычеты // Uchet.kz. 2026. URL: <https://uchet.kz/news/ipn-2026-novye-stavki-i-nalogovye-vychety/>

23. Налоговое резидентство в Армении: кто и какие налоги уплачивает в 2026 году // Aristipp.com. 2026. URL: <https://aristipp.com/nalogovoe-rezidentsvo-armenii.html>

24. Налоги в Армении в 2026 и 2027 году // Habr. 2026. URL: <https://habr.com/ru/articles/833662/>

25. Налоги в Армении: плюсы налоговой системы, как и где уплачивать // International.business. 2026. URL: <https://international.business/am/nalogi-v-armenii/>

26. Налоги в Кыргызстане: ставки для граждан и нерезидентов // Trust Group. URL: <https://trust-group.pro/nalogi-v-kyrgyzstane/>

27. Общий налоговый режим // Государственная налоговая служба Кыргызской Республики. URL: <https://sti.gov.kg>

28. Васильев Д. [2026] Какие налоги в Киргизии/Кыргызстане платят ИП, компании (ООО) и физлица // vc.ru. 2026. URL: <https://vc.ru/id1377271/874311>

PECULIARITIES OF TAXATION OF INDIVIDUALS IN THE EAEU MEMBER STATES: COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS

Dmitriev I.O.
Kazan Federal University

The article presents a comparative legal analysis of personal income taxation systems in the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU): the Russian Federation, the

Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Armenia, and the Kyrgyz Republic. It examines the models of personal income tax construction (flat, progressive, mixed), tax residency criteria, rates and thresholds as of 2026, and the mechanism of Article 73 of the Treaty on the EAEU of 29 May 2014, which establishes a special taxation regime for employed citizens of member states. Based on an analysis of national legislation and tax authority statistics, the article identifies common trends (a shift toward progressive taxation, digitalization of administration) and differences (flat rates in Armenia and Kyrgyzstan versus progressive scales in Russia, Belarus, and Kazakhstan). It concludes that harmonization of approaches to personal taxation within the Union remains partial, as member states retain full tax sovereignty.

Keywords: EAEU, personal income taxation, PIT, tax residency, comparative tax law, Treaty on the EAEU, progressive scale

References

1. Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29.05.2014) (as amended on 25.05.2023, with amendments and additions, entered into force on 24.06.2024) // Official website of the Eurasian Economic Commission. URL: <https://eec.eaeunion.org>
2. Official website of the Eurasian Economic Commission: section "Tax Policy". URL: <https://eec.eaeunion.org>
3. The Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of August 5, 2000, No. 117-FZ (as amended by Federal Law No. 176-FZ of July 12, 2024, as amended and supplemented for 2026), Chapter 23 "Personal Income Tax" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru>
4. The Tax Code of the Republic of Belarus, Chapter 18 "Personal Income Tax" (as amended and supplemented for 2026) // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: <https://pravo.by>
5. The Tax Code of the Republic of Kazakhstan, which entered into force on January 1, 2026, section "Individual Income Tax" // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet". URL: <https://adilet.zan.kz>
6. Sitnikova A.A. Personal Income Tax on Payments to Employees from the EAEU at the End of the Year: 13% or Still 30% // Klerk.ru. 2025. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/475316/>
7. On the Application of the Personal Income Tax Rate to Income of Citizens of the EAEU Member States in Connection with Hired Employment in the Russian Federation: Letter from the Federal Tax Service of Russia // Bukhgalteriya.ru. URL: <https://na.buhgalteria.ru/document/n195541>
8. How to tax personal income tax on the income of citizens of the EAEU member states // Kontur.Extern. 2025. URL: https://www.kontur-extern.ru/info/45744-ndfl_i_dohody_grazhdan_stran_chlenov_eaes
9. Personal income tax 2026: progressive scale of 13–22%, calculation and rates // Bukhguru. 2026. URL: <https://bukhguru.com/ndfl/progressivnaya-shkala-ndfl-v-2026-godu-stavki-13-15-18-20-22-i-raschyot-zarplaty.html>
10. Vasiliev D. [2026] What taxes in Armenia are paid by individual entrepreneurs, companies (LLCs) and individuals // vc.ru. 2026. URL: <https://vc.ru/id1377271/749640>
11. Ministry of Taxes and Duties on Taxes-2026. Taxation of individuals (income and other taxes, fees, etc.) // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. 2026. URL: <https://pravo.by/novosti/analitika/2026/january/91710/>
12. New Tax Code of the Republic of Kazakhstan – 2026: Main Changes // MCFER Kazakhstan. 2026. URL: <https://gz.mcfr.kz/article/1494-novyiy-nalogovyy-kodeks-rk-2026-glavnye-izmeneniya>
13. Law of the Republic of Armenia "On Income Tax" // Official website of the National Assembly of the Republic of Armenia. URL: <http://www.parliament.am>
14. Tax Code of the Kyrgyz Republic, Section "General Tax Regime" // State Tax Service under the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic. URL: <https://sti.gov.kg>
15. Individual Income Tax in 2026: What Has Changed? // Pro1c.kz. 2026. URL: <https://pro1c.kz/news/zakonodatelstvo/individualnyy-podokhodnyy-nalog-ipn-s-2025-goda-/>
16. How to calculate the personal income tax in Kazakhstan in 2026 // Scloud. 2026. URL: https://scloud.ru/blog/kak_schitat_ipn_v_kazahstane_v_2026/
17. New personal income tax rates for 2026: progressive scale of 13, 15, 18, 20, 22, 30 // Russian tax courier. 2026. URL: <https://www.rnk.ru/article/218495-ndfl-stavki-igoty-izmeneniya>
18. Excess Profit Tax: New Progressive Scale in Belarus from 2026 // Myconsult.by. 2026. URL: <https://myconsult.by/articles/news/nalog-na-sverkhdochody/>
19. Excess Profit Tax in Belarus 2026: 25% and 30% Rates, Calculation and Declaration // Opyt.by. 2026. URL: <https://opyt.by/nalog-na-sverhdohody-v-belarusi-v-2026-godu-poryadok-raschyota-i-deklarirovaniya/>
20. Tax reform in Kazakhstan in 2026 – income tax in Kazakhstan // 1C-WiseAdvice Kazakhstan. 2026. URL: <https://1c-wiseadvice.kz/blog/nalogovaya-reforma-v-kazahstane-v-2026/>
21. What taxes does an individual entrepreneur pay on the URS in 2026 // Ösim. 2026. URL: <https://alatacitybank.kz/business/osim/articles/kakie-nalogi-platit-ip-na-our-v-kazahstane>
22. Individual Income Tax 2026: New Rates and Tax Deductions // Uchet.kz. 2026. URL: <https://uchet.kz/news/ipn-2026-novye-stavki-i-nalogovye-vychety/>
23. Tax Residency in Armenia: Who Pays Which Taxes in 2026 // Aristipp.com. 2026. URL: <https://aristipp.com/nalogovoe-rezidentsvo-armenii.html>
24. Taxes in Armenia in 2026 and 2027 // Habr. 2026. URL: <https://habr.com/ru/articles/833662/>
25. Taxes in Armenia: Advantages of the Tax System, How and Where to Pay // International.business. 2026. URL: <https://international.business/am/nalogi-v-armenii/>
26. Taxes in Kyrgyzstan: Rates for Citizens and Non-Residents // Trust Group. URL: <https://trust-group.pro/nalogi-v-kyrgyzstane/>
27. General Tax Regime // State Tax Service of the Kyrgyz Republic. URL: <https://sti.gov.kg>
28. Vasiliev D. [2026] What Taxes in Kyrgyzstan/Kyrgyzstan Do Individual Entrepreneurs, Companies (LLCs), and Individuals Pay // vc.ru. 2026. URL: <https://vc.ru/id1377271/874311>

Искусственный интеллект в механизме налогового контроля: правовая природа и пределы применения

Иванова Татьяна Анатольевна,

соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: 89093089399@yandex.ru

Предмет исследования образуют публично-правовые отношения, возникающие при применении алгоритмических систем в налоговом контроле, а цель работы состоит в определении правовой природы искусственного интеллекта и пределов его использования налоговыми органами. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и функциональный методы, а источниковая база охватила законодательство, акты ФНС России и арбитражную практику. Установлено, что ИИ не является субъектом либо самостоятельной формой налогового контроля, а выступает техническим средством обеспечения публичной компетенции. Обосновано, что алгоритмический результат может направлять контрольную деятельность, но не заменяет доказывания налогового правонарушения. Научная новизна выражается в разработке трёхуровневой модели применения автоматизированных систем и проекта статьи 82.1 НК РФ. Результаты исследования могут использоваться при совершенствовании налогового законодательства и ведомственного регулирования деятельности ФНС России.

Ключевые слова: искусственный интеллект, налоговый контроль, налоговое администрирование, автоматизированное решение, налоговый риск, алгоритм.

Введение

В условиях цифровизации налоговый контроль перестаёт сводиться к отдельным проверочным действиям, а всё большее значение приобретают предварительный анализ данных, автоматизированное сопоставление сведений, выявление аномалий и формирование цифровых профилей риска. Статья 82 Налогового кодекса Российской Федерации определяет налоговый контроль как деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах, однако не раскрывает участия интеллектуальных информационных систем в отборе налогоплательщика для проверки и оценке его поведения. При этом обновляется не только техническое обеспечение налоговых органов, но и юридическая архитектура процедуры, поскольку алгоритм влияет на возникновение контрольного интереса, объём сведений и направление доказывания (например, на требование пояснений, отбор для выездной проверки и круг исследуемых контрагентов). Поэтому правовая природа ИИ требует самостоятельного анализа, а пределы его применения должны обеспечивать эффективность фискального надзора и защиту налогоплательщика от непрозрачного алгоритмического воздействия.

Исходной предпосылкой исследования является отсутствие в российском праве универсального и бесспорного понимания искусственного интеллекта, и эта неопределённость осложняет включение соответствующих технологий в традиционные налогово-правовые конструкции. И.В. Понкин и А.И. Редькина справедливо отмечают: «Устоявшегося общепризнанного определения понятия „искусственный интеллект“ сегодня не существует» [10, с. 94]. Указанное обстоятельство имеет не только терминологическое, но и процедурное значение, а без определения статуса ИИ невозможно установить, является ли алгоритмический вывод доказательством, служебной аналитикой, основанием для проведения проверки или элементом внутреннего усмотрения налогового органа (в частности, оценкой риска, указанием на расхождение либо рекомендацией должностному лицу).

В научной литературе искусственный интеллект нередко раскрывается через признак автономности (способность формировать результат без непосредственного указания должностного лица на каждом этапе обработки данных), однако в налоговом праве такая характеристика должна восприниматься с осторожностью. А.А. Антонов определяет искусственный интеллект как «созданный человеком интеллектуальный разум, способный автономно принимать сложные решения в различных сферах жизнедеятельности общества» [2, с. 23]. М.Г. Щербakov, напротив, делает акцент на имитационной природе данной технологии, рассматривая искусственный интеллект как «человекоподобную систему, имитирующую деятельность человека» [15, с. 74]. Оба подхода имеют значение для налогово-правового анализа, и они показывают, что искусственный интеллект может воспроизводить отдельные интеллектуальные операции (классификацию сведений, ранжирование рисков, выявление взаимосвязей и прогнозирование), но не превращается в самостоятельного носителя публичной компетенции. В связи с этим цель настоящей статьи состоит в определении правовой природы искусственного интеллекта в механизме налогового контроля и в обосновании пределов его допустимого применения налоговыми органами.

Результаты и обсуждение

Переходя к определению правовой природы ИИ, необходимо исходить из того, что «В настоящее время ИИ-системы не обладают правосубъектностью и признаются объектами гражданских прав» [12, с. 180], а в публично-правовой сфере следует различать информационную систему как объект правового регулирования, алгоритмическую операцию как технический способ обеспечения деятельности налогового органа и сформированный системой результат как промежуточную информацию, тогда как итоговое решение признаётся актом налогового органа. Вместе с тем вывод о том, что «Соответственно, ИИ не имеет правосубъектности, а значит, юридически значимые решения невозможны без участия человека» [3, с. 890], отражает антропоцентрическую модель публичного управления, однако он не исключает теоретической возможности законодательного закрепления автоматизированного по-

рядка принятия отдельных решений, а их правовые последствия в таком случае будут относиться непосредственно к соответствующему органу власти. Действующий НК РФ не предусматривает указанного порядка при установлении налогового правонарушения и привлечении к ответственности, а налоговый контроль осуществляется должностными лицами в пределах предоставленной им компетенции, поэтому ИИ остаётся техническим средством, за результаты применения которого отвечает налоговый орган. Развивая данный вывод, необходимо учитывать, что Национальная стратегия развития ИИ содержит технологическое определение искусственного интеллекта, но она не наделяет налоговые органы дополнительными полномочиями и не заменяет специального налогово-правового регулирования, а существующую понятийную неопределённость подтверждает позиция, согласно которой «Разноточение и отсутствие четкости в трактовке ИИ – основная и крайне трудноразрешимая задача современной юриспруденции» [8, с. 474]. Следовательно, применимый правовой режим должен определяться не названием информационной системы, а выполняемыми ею функциями, степенью автономности и характером воздействия на права налогоплательщика, причём «Применение ИИ позволяет как провести оптимизацию административных процедур, так и повысить уровень прозрачности принятия управленческих решений» [13, с. 2], однако такой эффект возникает только при наличии правовых гарантий, а прозрачность предполагает фиксацию использованных данных, значимых факторов алгоритмического результата, версии модели и последующих действий должностного лица.

В связи с этим системе можно передавать вычисления, поиск взаимосвязей и подготовку проекта документа, но установление налогового правонарушения, оценка вины, рассмотрение возражений и определение ответственности должны оставаться за должностным лицом (при этом подпись сотрудника не подтверждает человеческого контроля, если данные не проверены, а от рекомендации невозможно отступить). Граница допустимого применения ИИ проходит между вспомогательными операциями и осуществлением властных полномочий, что подтверждает вывод о «недопустимости передачи части функций должностных лиц налогового органа искусственному интеллекту без всестороннего определения его правового статуса на законодательном уровне» [14, с. 261]. Вместе с тем передача системе расчётов, сопоставления сведений и ранжирования рисков не требует признания её субъектом права, но предполагает законодательное закрепление проверки алгоритмического результата, прав налогоплательщика и ответственности налогового органа. Практическое значение этого разграничения проявляется при риск-ориентированном контроле, элементы которого закреплены приказом ФНС России № ММ-3–06/333@ и письмом № ЕД-4–15/1281@, предусматривающим учёт риска СУР АСК НДС-2. При этом «Отсутствие прямого упоминания данного механизма в федеральном законодательстве порождало нормативную неопределённость» [6, с. 50], а ведомственное регулирование не определяет допустимых пределов использования автоматически сформированного рейтинга. Поэтому ведомственные акты могут распределять контрольные ресурсы, но установленный системой риск не становится доказанным нарушением, а бремя доказывания не переносится на налогоплательщика, поскольку согласно пункту 5 статьи 82 НК РФ обстоятельства, предусмотренные статьёй 54.1 НК РФ, доказывает налоговый орган.

В свою очередь, доказательственное значение алгоритмического результата образует центральный предел технологии, поскольку корреляция направляет проверку, но не устанавливает фиктивности, вину и размер обязанности. Применительно к АСК НДС-2 установлено: ««Само по себе выявление системой «разрывов» по НДС не является признаком налогового правонарушения, пока это не доказано иными фактическими обстоятельствами»» [1, с. 27], а значит, сигнал требует подтверждения. Наряду с этим по делам № А41–14498/2021 и № А65–4511/2023 суды оценивали сведения системы вместе с иными доказательствами, поэтому алгоритмический вывод не подтверждает нарушение. Одновременно проверяемость требует фиксировать версию модели, время, источники данных и действия сотрудника, а записи должны быть доступны для ведомственного и судебного контроля. Код раскрывать необязательно, однако орган должен сообщить факты, несоответствие, роль обработки и порядок пересмотра, а иначе право представить пояснения становится формальным. Более того, «при этом административное усмотрение налоговых органов должно быть максимально ограничено, а возможная дискреция налоговых органов допустима только в пределах закона» [9, с. 154], и поэтому сообщение при предпроверочном анализе должно раскрывать период, операцию и содержание претензии.

Наряду с этим статья 16 Закона № 152-ФЗ запрещает исключительно автоматизированные решения, кроме предусмотренных зако-

ном случаев, и предоставляет субъекту данных право на информацию и возражение, однако её защита распространяется на физических лиц, включая предпринимателей, но не на организации. В то же время налоговая норма может закрепить основание автоматизации, разъяснение, возражение и пересмотр для всех плательщиков, а объём защиты должен зависеть от влияния системы на решение. Наконец, «ИИ должен усиливать, а не заменять человеческое суждение» [11, с. 15], и поэтому участие должностного лица должно быть содержательным и документированным. Кроме того, технический аудит необходим, поскольку «Алгоритмы принятия решений в ИИ используют исторические данные для построения прогностических моделей» [4, с. 293], а сведения прежних проверок могут содержать ошибки и смещения. Межотраслевой анализ выявляет проблему: «Однако стандарт такой прозрачности законом не установлен» [5, с. 87], и потому объяснимость требует изложения фактов и факторов индивидуального вывода. Вместе с тем «Эти вопросы не могут оставаться исключительно предметом саморегулирования» [7, с. 40], поэтому обязательный минимум должен установить законодатель, тогда как детали вправе определить ФНС России.

Обобщая установленные пределы, модель следует разделить на три уровня, а каждый уровень должен определяться функцией системы и воздействием на права. На вспомогательном уровне осуществляются сверка и структурирование документов, а достаточными гарантиями выступают защита данных, журналирование и исправление ошибок. На аналитическом уровне система ранжирует риски либо готовит проект, поэтому обязательны проверка сотрудником и фиксация факторов, а использование результата как единственного доказательства запрещается. Наконец, для юридически значимых решений закон должен предусмотреть мотивированный акт и индивидуальное объяснение, а орган обязан обеспечить независимый пересмотр и остановку процесса при ошибке. С учётом классификации специальный режим следует закрепить в новой статье 82.1 НК РФ, поскольку пункты 5 и 6 статьи 82 регулируют иные вопросы, а включение в них несвойственного содержания нарушило бы структуру Кодекса. При этом статья 82.1 должна охватывать ИИ и иные автоматизированные аналитические системы, влияющие на контрольное решение, а технологически нейтральная формулировка предотвратит устаревание нормы. Тем самым коллизия с действующей статьёй 82 исключается, а гарантии связываются не с названием технологии, а с её функцией, поэтому предлагается следующая редакция:

Статья 82.1. Применение автоматизированных аналитических систем при осуществлении налогового контроля

1. Автоматизированная аналитическая система налогового контроля – программное или программно-аппаратное средство, которое посредством анализа совокупности данных, в том числе с применением ИИ, формирует оценку риска, рекомендацию либо проект действия налогового органа.

2. Результат системы может определять направление контроля и источники доказательственной информации, но не является единственным достаточным основанием для вывода о нарушении, отказа в реализации права или привлечения к ответственности.

3. Затрагивающее права налогоплательщика решение принимает должностным лицом после проверки данных, оценки доказательств и рассмотрения пояснений и возражений; формальное подтверждение автоматически подготовленного проекта не признаётся пересмотром человеком.

4. Налогоплательщик вправе получить сведения об использованных данных, выявленном несоответствии, значимых факторах, роли автоматизированной обработки, ответственном лице и порядке пересмотра, кроме кода и охраняемых законом сведений, не требующихся для проверки законности решения.

5. Налоговый орган фиксирует версию системы, время операции, источники данных и действия сотрудника, проверяет качество системы, исправляет недостоверные данные и приостанавливает основанные на них действия до устранения ошибки.

Возвращаясь к предложенной норме, следует подчеркнуть, что она сохраняет риск-ориентированную аналитику, а раскрытие параметров обхода контроля не требуется, но основание, процедура и ответственность становятся проверяемыми. В отличие от статьи 16 Закона № 152-ФЗ гарантии охватывают организации и формально подписанные человеком решения, обусловленные алгоритмом, а сфера защиты определяется фактическим влиянием автоматизации. При этом пункт 5 статьи 82 НК РФ определяет субъект доказывания обстоятельств статьи 54.1, а статья 82.1 регулирует получение и использование аналитического результата. Тем самым цифровизация согласуется с гарантиями налогоплательщика, а эффективность достигается без отказа от законности и проверяемости публичной деятельности.

Заключение

Использование налоговыми органами систем искусственного интеллекта создаёт особый алгоритмический риск, и этот риск не может переноситься на налогоплательщика посредством презумпции достоверности сформированного ИИ результата. Ошибочность исходных данных, изменение параметров модели или невозможность объяснить индивидуальный вывод должны оцениваться против налогового органа, а неблагоприятные последствия допустимы только после устранения выявленной неопределённости. Такое распределение риска обеспечивает процессуальное равенство участников налогового спора, и оно побуждает государство контролировать качество и корректность применяемых систем искусственного интеллекта.

Литература

1. Андрианова Н.Г. Искусственный интеллект в налоговом контроле: проблемы и перспективы правового регулирования // *Налоги и налогообложение*. 2025. № 3. С. 22–32.
2. Антонов А.А. Искусственный интеллект: вопросы правосубъектности // *Юрист*. 2023. № 9. С. 23–28.
3. Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2021. Т. 12. Вып. 4. С. 882–906.
4. Головин К.С. Необходимость правового регулирования «черного ящика» искусственного интеллекта // *Вестник Костромского государственного университета*. 2024. Т. 30. № 3. С. 290–297.
5. Крылов И.В. Искусственный интеллект и проблема прозрачности автоматизированного принятия решений в сфере труда // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2023. № 3 (54). С. 87–95.
6. Лютова О.И., Горбунова М.А. Развитие налогового администрирования в России в условиях применения технологии больших данных // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2026. № 1. С. 35–57.
7. Мещеряков А.Н. Искусственный интеллект в предмете конституционного права // *Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи*. 2024. С. 36–40.
8. Нуриев Б.Д. Искусственный интеллект в системе государственного управления России и стран Европейского союза: сравнительно-правовой анализ. Часть II // *Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2025. Т. 12. № 4. С. 465–476.
9. Овчарова Е.В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования // *Труды Института государственного права РАН*. 2019. Т. 14. № 2. С. 137–158.
10. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
11. Талапина Э.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2025. Т. 18. № 3. С. 4–27.
12. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. 3-е изд., обновл. и доп. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2025. 321 с.
13. Фоменко Н.М., Кузьмина Д.А., Миргород Е.П. Применение искусственного интеллекта в сфере государственного управления: риски, возможности, перспективы // *Вестник Евразийской науки*. 2025. Т. 17. № 4. С. 1–13.
14. Челноков Д.М. Правовые последствия цифровизации налогового контроля // *Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи*. 2024. С. 261–264.

15. Щербakov М.Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 73–81.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE TAX CONTROL MECHANISM: LEGAL NATURE AND LIMITS OF APPLICATION

Ivanova T.
Kazan Federal University

The study examines public-law relations arising from the use of algorithmic systems in tax control, and its purpose is to determine the legal nature of artificial intelligence and the limits of its use by tax authorities. The methodology combines formal legal, systemic and functional methods, while the source base includes legislation, acts of the Federal Tax Service of Russia and commercial court practice. The study establishes that artificial intelligence is neither a legal subject nor an independent form of tax control but serves as a technical instrument supporting the exercise of public authority. It is demonstrated that algorithmic outputs may guide tax control activities but cannot substitute for proof of a tax offence. The scientific novelty lies in developing a three-tier model for the use of automated systems and a draft Article 82.1 of the Tax Code of the Russian Federation. The findings may be used to improve tax legislation and administrative regulations governing the activities of the Federal Tax Service of Russia.

Keywords: artificial intelligence, tax control, tax administration, automated decision, tax risk, algorithm.

References

1. Andrianova N.G. Artificial Intelligence in Tax Control: Problems and Prospects of Legal Regulation // *Taxes and Taxation*. 2025. No. 3. pp. 22–32.
2. Antonov A.A. Artificial Intelligence: Issues of Legal Capacity // *Jurist*. 2023. No. 9. pp. 23–28.
3. Arkhipov V.V., Naumov V.B., Smirnova K.M. Limits of Making Legally Significant Decisions Using Artificial Intelligence // *Bulletin of St. Petersburg University. Law*. 2021. Vol. 12. Issue 4. pp. 882–906.
4. Golovin K.S. The Need for Legal Regulation of the “Black Box” of Artificial Intelligence // *Bulletin of Kostroma State University*. 2024. Vol. 30. No. 3. Pp. 290–297.
5. Krylov I.V. Artificial Intelligence and the Problem of Transparency of Automated Decision-Making in the Sphere of Labor // *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2023. No. 3 (54). Pp. 87–95.
6. Lyutova O.I., Gorbunova M.A. Development of Tax Administration in Russia in the Context of the Application of Big Data Technology // *Issues of Public and Municipal Administration*. 2026. No. 1. Pp. 35–57.
7. Meshcheryakov A.N. Artificial Intelligence in the Subject of Constitutional Law // *Law in the Era of Artificial Intelligence: Promising Challenges and Modern Tasks*. 2024. Pp. 36–40.
8. Nureyev B.D. Artificial Intelligence in the Public Administration System of Russia and the European Union: A Comparative Legal Analysis. Part II // *RUDN University Bulletin. Series: Public and Municipal Administration*. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 465–476.
9. Ovcharova E.V. Administrative Procedure of Tax Control in the Mechanism of Legal Regulation // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2019. Vol. 14. No. 2. Pp. 137–158.
10. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial Intelligence from a Legal Perspective // *RUDN University Bulletin. Series: Legal Sciences*. 2018. Vol. 22. No. 1. Pp. 91–109.
11. Talapina E.V. Transparency of Artificial Intelligence Algorithms // *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*. 2025. Vol. 18. No. 3. pp. 4–27.
12. Filipova, I.A. *Legal Regulation of Artificial Intelligence: A Study Guide*. 3rd ed., updated and supplemented. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2025. 321 p.
13. Fomenko, N. M., Kuzmina, D. A., Mirgorod, E.P. Application of Artificial Intelligence in Public Administration: Risks, Opportunities, and Prospects // *Bulletin of Eurasian Science*. 2025. Vol. 17. No. 4. pp. 1–13.
14. Chelnokov, D.M. Legal Consequences of Digitalization of Tax Control // *Law in the Era of Artificial Intelligence: Promising Challenges and Modern Tasks*. 2024. pp. 261–264.
15. Shcherbakov M.G. Problems of legal regulation of the transformation of the legal status of artificial intelligence: problem statement // *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences*. 2019. Vol. 5 (71). No. 3. Pp. 73–81.

Кинаш Юлия Ярославовна,

к.ю.н., доцент кафедры юриспруденции, ФГБОУ УВО
Донбасская аграрная академия
E-mail: Uliyakina@mail.ru

В статье исследуются историко-правовые аспекты становления и развития государственных ценных бумаг в различные исторические периоды. Особое внимание уделяется истории возникновения ценных бумаг, которые прямо связаны с историей государственного долга и кредита. Проанализировано с правовой точки зрения, что государственные займы дореволюционной России различались по способам их погашения, и по порядку их заключения, определяющие специфику выпуска и размещения государственных ценных бумаг. Предметом исследования являются правовые нормы, принципы и механизмы, регулирующие развитие и становление государственных ценных бумаг. Цель работы состоит в финансово-правовом анализе исследования государственных ценных бумаг, определения специфики выпуска и размещения государственных ценных бумаг. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы. В работе использовались методы анализа и обобщения научной литературы, что позволило изучить существующие научные подходы государственных ценных бумаг. Научная новизна исследования заключается в комплексном финансово-правовом анализе ценных бумаг, которые гарантировались Правительством Русской Империи и Государственным Казначейством, обоснована концепция государственных и частных ценных бумаг. Были исследованы зарождение института государственных ценных бумаг, специфические особенности ценных бумаг в финансово-правовой сфере.

Ключевые слова: Государственное управление, государственное казначейство, законность, граждан, ценные бумаги, норма, заем, история, долг, кредит, финансовое право, общество.

Введение

Начиная из позднего средневековья государственные ценные бумаги постепенно эволюционировали, приобретая установленные черты. История развития государственных ценных бумаг непосредственно связана с постепенным формированием нормативных положений, которые определяют их правовой режим как объект финансового права. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос и усиливается роль государственных ценных бумаг, специфические особенности ценных бумаг в финансово-правовой сфере. Предметом исследования являются правовые нормы, принципы и механизмы, регулирующие развитие и становление государственных ценных бумаг. Цель работы состоит в финансово-правовом анализе исследования государственных ценных бумаг, определения специфики выпуска и размещения государственных ценных бумаг. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы. В работе использовались методы анализа и обобщения научной литературы, что позволило изучить существующие научные подходы государственных ценных бумаг. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе историко-правовом возникновения государственных ценных бумаг.

Результаты и обсуждение

История развития государственных ценных бумаг непосредственно связана с постепенным формированием нормативных положений, которые определяют их правовой режим как объект финансового права. Ценная бумага – это документ, который подтверждает права владельца на имущество или обязательства, какие именно – зависит от вида ценной бумаги. Географические открытия заметно расширили возможности участия предпринимателей в сфере международной торговли и освоении новых колониальных земель. Значительные расходы по обеспечению функционирования новых рынков сбыта товаров и источников сырья оказались непосильными для отдельных из них, в результате чего постепенно появились акционерные общества.

Первыми известными эмитентами ценных бумаг стали английские и голландские компании по торговле с Ост-Индией, компании Гудзонова залива и т.п. [1, с. 65; 2, с. 103]. Акционерные компании обеспечивали возможность объединения капиталов для финансового обеспечения предпринимательских проектов, а также минимизировали риск потери персональных капиталов каждым из предпринимателей, которые принимали в них участие. В XVI–XVII столетиях акционерные компании создавались также для финансирования капиталоемких производств: добычи угля, дренажных работ и т.д. Потребность государства в дополнительных денежных средствах повлияла на постоянное увеличение производства, необходимость освоения новых колониальных земель, разработки полезных ископаемых, внедрение других разнообразных государственных монополий. Для реализации общегосударственных проектов, а также решения многочисленных внутренних и внешних общегосударственных финансовых проблем использовались разнообразные правовые средства привлечения долговых средств. На протяжении продолжительного срока многочисленные преимущества ценных бумаг, были апробированы в пределах частноправовых отношений, для решения указанных финансовых проблем как один из таких средств их постепенно стали применять Великобритания, Германия, Франция и другие наиболее развитые государства мира.

История возникновения и развития государственных ценных бумаг прямо связана с историей государственного долга или государственно-кредита (их терминологическое применение является синонимическим). Государственный кредит по мнению известного юриста Н. Брже-ского – это «явление новейшего экономического быта», хотя он и признавал, что основания его крылись в далеком прошлом: они возникли вместе с укреплением налогового-фискальных отношений [2, с. 110].

Для покрытия чрезвычайных, непредвиденных расходов т.е., поиск средств государственные учреждения решали разными способами: путем увеличения налогов, стимулирования добровольных пожертвований физических и юридических лиц на государственные нужды, принудительное увеличение и конфискация имущества, которое принадлежало церковным учреждениям или богатым гражданам, продажа и залог государственных ценностей, а также осуществление главами государств личных внешних и внутренних займов под государственные

гарантии. Продажа государственного имущества применялась крайне редко и очень неохотно, так как прибыль, которая поступала от использования государственного имущества, составляла главную статью государственных доходов и уменьшение государственного имущества было равносильным ослаблению как экономического, так и политического могущества государства. В конце XVII столетия в мировой истории подобные способы через их незначительную эффективность постепенно теряли актуальность, они уступили место эмиссии бумажных денег и государственным займам. Из вышеизложенного возникает необходимость рассмотреть особенности государственных займов и средств их финансово-правового оформления в дореволюционной России.

Так, государственные займы были обусловлены необходимостью покрытия чрезвычайных расходов и пополнения казны, основными правовыми средствами их оформления в современной терминологии были кредитные правомочия. Первым известным видом обеспечения выполнения обязательств, определенных условиями государственных кредитных правомочий был – откуп доходов. Начиная с 70-х г. XVI–II столетия, дореволюционная Россия в обеспечение своих кредитных обязательств, сдавала на откуп свои питьевые доходы [3, с. 67]. Обеспечение привлечения финансовых ресурсов для решения общегосударственных нужд государство постепенно отказывалось от возможной сдачи на откуп свои доходы. Широкому применению государственных ценных бумаг предшествовали договоры по заимствованию государством денежных средств. С целью гарантирования инвесторам надлежащего выполнения своих обязанностей, которые составляли содержание настоящих договоров, государство передавало под залог свои доходы. Для удостоверения своих долговых обязательств в обмен на получаемые государством денежные средства, она выпускала бумажные обязательства, которые охватывались понятием ренты. Понимание ренты как бумажных обязательств в Русской Империи следует отличать от современного понимания ренты, как периодических платежей в обмен на переданное в собственность имущество. Они подлежат рассмотрению как разновидность первых государственных ценных бумаг как конструкции, которая была заимствована государством в дореволюционной России в частноправовой сфере и приобрела дальнейшее развитие с учетом общегосударственных финансовых нужд. Займо-кредитные отношения, оформленные путем выдачи государственных бумажных рентных обязательств, основывались на публичном объявлении условий их выпуска и имели долгосрочный характер. Условия их выпуска и обращения предусматривали периодическую уплату оговоренных процентов, а также выполнение других обязанностей в пределах финансово-правовых обязательств. Указанное позволяет рассматривать участие в них государства как публично-правового образования в плоскости финансовых отношений. Рента предусматривала осуществление лишь процентных выплат в виде рентных платежей, а выплата основного долга вообще не предполагалась, или они подлежали погашению через определенный срок.

Кроме долгосрочных государственных долгов, существовали краткосрочные долговые обязательства, срок погашения которых был сравнительно коротким. Краткосрочный долг Русское государство оформляло в виде выпуска казначейских свидетельств – бон казначейства. Такие казначейские свидетельства удостоверяли право на доходы, которые должны были поступить в казну в будущем, т.е. фактические владельцы свидетельств имели пай в будущих доходах государства. Поскольку вид государственных ценных бумаг зависел от рода государственного займа, В.П. Безобразов выделял два таких рода [4, с. 80]. Займы первого рода служили для покрытия текущих государственных расходов. Для удовлетворения этой потребности в России выпускались билеты государственного казначейства, при постоянном недостатке обычных доходов текущие долги превращались в долгосрочные государственные долги. Юридически значение действия по переводу текущих краткосрочных долгов в долгосрочные назывались консолидацией государственных займов – долг. Одним из первых разновидностей государственных ценных бумаг, выпуск и обращение которых обеспечивало компенсацию чрезвычайных расходов и уменьшение дефицита бюджета, были облигации. Кроме облигаций, существовали также билеты, свидетельства, рента.

Можно согласиться с мнением В.П. Безобразова, что государственные облигации, как способ погашения государственных займов и выплат по ним процентов, подразделяются на следующие виды [4, с. 85]:

а) займ – который заключался на определенный срок, на протяжении которого выплачивались проценты по займу, а после истечения срока – вся первоначальная сумма взносов. Этот вид займов был очень отягощающим для государства и часто приводил лишь к увеличению государственного долга;

б) бессрочные займы, т.е. владельцами были частные лица, которым по выданным займам в виде государственных облигаций, выплачивались определенные проценты. Учитывая долгосрочность этих займов, выплаты по ним называли непрерывным доходом, при этом правительство не обязывало возратить сам основной долг, хотя и оставляло за собой право выплатить его полностью или частично в любое время;

в) следующая разновидность займов, когда вместе с процентами на привлеченный капитал облигационерам ежегодно выплачивались проценты на погашение последнего. Эта разновидность займов распределялась, в свою очередь, на: займы временных рент или доходов, займа пожизненных доходов, тонтин – когда в группе нескольких владельцев государственных ценных бумаг пожизненные доходы, которые приходились на долю каждого, распределялись после смерти одного из владельцев между теми, кто остался в живых;

г) лотерейные займы, когда вместе с возвращением занятых правительством денег и процентов по ним назначались денежные выигрыши, которые по жребию выпадали на некоторые облигации [4, с. 89].

Государственные займы дореволюционной России различались по порядку их заключения, определяющего специфику выпуска и размещения государственных ценных бумаг. Существовало три способа заключения государственных займов. Первый состоял в том, что правительство негласно входило в соглашение с каким-нибудь банковским домом, который брал покрытие займа под свою ответственность и уже от своего имени раздавал части займа другим распространителям или продавал облигации. Этот способ считался довольно эффективным, учитывая количество распространенных облигаций. Но высокому уровню размещения государственных ценных бумаг противопоставлялся значительный размер вознаграждения банковского дома, который делал данный способ заключения займа невыгодным для государства.

Второй и третий способы заключения государственных займов состояли в официальной терминологии, именуемой «подписка». Соответственно участникам второго способа русское правительство сообщало о размере необходимого для него займа и собирало у потенциальных кредиторов информацию о суммах, на которые они были готовы подписаться, и об условиях подписки. Заключение займа осуществлялось после сравнения всех условий и выбора нескольких кредиторов, или заем распределялся между всеми подписчиками пропорционально подписанным суммам.

Третий способ имел название «национального займа» – его условия провозглашались публично, и для его проведения приглашались желающие подписаться. Правительство принимало подписи в зависимости от размера денежных сумм, данный способ требовал много дополнительных усилий по организации проведения займа, но результаты могли быть значительно эффективными в сравнении с двумя предыдущими способами. Можно сделать вывод, что это было связано с резко возрастающим количеством потенциальных собственников государственных ценных бумаг. Кроме внутренних займов, известны были и внешние. В качестве примера внешних займов, факт заимствования императрицей Екатериной II в 1769 году денежных средств у голландских банкиров для решения текущих государственных нужд [5, с. 92; 6, с. 112].

Особое место в Русской Империи занимали ценные бумаги, которые гарантировались Правительством. Можно судить по специализированным литературным источникам, назначалось среднее место между государственными и частными ценными бумагами. Преимущественно это были «железнодорожные» ценные бумаги – правительственная гарантия означала, что правительство берет на себя обязательства в том, что если данное железнодорожное общество закончит операционный год с таким результатом, который не разрешит ему оплатить сполна оговоренный процент по облигационным займам, или если дивиденд по акциям будет ниже установленного в уставе минимума, то оплата акционерных и облигационных капиталов общества будет сделана за счет Государственного Казначейства. Такие выдачи по гарантии записывались как долг данной дороги государственному казначейству.

В целом фондовый рынок до 1917 года был представлен такими основными видами государственных ценных бумаг, как облигация, билет, свидетельство. При этом последний вид был наименее распространенным на русском фондовом рынке. Что же касается билетов, то права их владельцев были расширены предоставленной им возможностью переводить предъявительские билеты, которые принадлежали им, на имя, а именные – на предъявителя. Можно с уверенностью предположить, что подобная финансово-правовая услуга оказывала содействие увеличению круга владельцев этих государственных ценных бумаг, и, значит, укрепляла кредит государства.

Облигации же отличались наибольшей распространенностью по количеству выпусков и преимуществом внешних займов над внутренними. Несмотря на доминирование внешних государственных займов над внутренними, облигации этих видов имели по русскому законодательству того времени одинаковый статус.

Владельцы облигаций некоторых внешних займов наделялись дополнительным правом – ценные бумаги одного номинала могли заменяться на ценные бумаги другого номинала, которое расширяло кредитные возможности государства.

Эмиссия и обращение государственных ценных бумаг, как в Русской Империи, так и в наше время имеют финансово-правовую сущность. Поэтому их выпуск и обращение в монархической России была предметом ведения как законодательных, так и финансовых органов. В Русской Империи к таким органам относились Государственная Дума, в функции которой входило определение условий заключения займов, а также министерство финансов, которое ведало всеми внутренними и внешними государственными займами [7, С. 122–128].

Выводы

Подводя итог проведенного анализа истории возникновения, становления и развития государственных ценных бумаг показывает, что на протяжении всего времени своего функционирования государственные ценные бумаги были, и являются неотъемлемой составляющей финансового оборота государства разных времен его истории. Начиная с момента своего появления, государственные ценные бумаги обеспечивали стабильность бюджетной политики государства и служили надежным правовым средством обеспечения его интересов, а также интересов всех категорий инвесторов. Положительный опыт использования государственных ценных бумаг для решения первоочередных финансовых проблем государства, полученный на протяжении довольно продолжительного времени, подлежит учету в современных условиях. Рассматривая генезу нормативного механизма обеспечения возникновения имущественных прав, удостоверенных государственными ценными бумагами, можно сделать вывод, что договор между эмитентом и правоприобретателем не может рассматриваться как единый юридический факт, необходимый для возникновения правоотношения из их привода. Следует признать недостаточно взвешенными положение актов советского финансового и гражданского законодательства, которые определяли порядок эмиссии государственных ценных бумаг. Действия по оформлению и выпуску государственных ценных бумаг на предъявителя наиболее распространенных в гражданском обороте в советские времена были результатом участия государства в лице соответствующих государственных учреждений, как субъекта финансового и гражданского права, а затем и эмитента-должника. Учитывая конечный правовой результат этих действий – возникновение имущественных прав, удостоверенных государственными ценными бумагами, они подлежат отнесению к разновидности юридических фактов. Эмитируя ценные бумаги на предъявителя, государство возлагало на себя определенную финансово-правовую обязанность относительно других субъектов преимущественно физических лиц. Таким образом, возникало правоотношение между государством и приобретателями прав на государственные ценные бумаги, а их эмиссия служила основанием для возникновения долговых обязательств государства.

Литература

1. Агарков М.М. Основы банковского права. Курс лекций. Учение в ценных бумагах. Научное исследование 2-е изд. // М.М. Агарков – Г.: Изд. БЕК, 1994. – 350 с.
2. Бржецкий Н. Государственные долги России: Историко-статист. Исследование // Н. Бржецкий – СПб.: Типо-литография Вольфа, 1884. – 283 с.
3. Васильев А.А. Биржевая спекуляция. Теория и практика // А.А. Васильев – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1912. – 168 с.
4. Безобразов В.П. Биржевые операции. – Г.: Тип. Т. Волкова и компания. – 1856. – 280 с.
5. Никифорова В.Д., Островская В.Ю. Государственные и муниципальные ценные бумаги: учебное пособие // В.Д. Никифорова – СПб: Питер, 2004. – 336 с.
6. Литвиненко Л.Т., Нишатов Н.П., Удалищев Д.П. Рынок государственных ценных бумаг: Учебное пособие для вузов / Под ред. Э.Ф. Жукова. – М.: Банки и биржи, 2008. – 211 с.
7. Исследование права ценных бумаг (Реферативный обзор) // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. – Сэр. Государство и право. М.: 2008. – № 1. – С. 122–128.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF GOVERNMENT SECURITIES

Kinash Yu.Ya.

Donbass Agrarian Academy

The article explores the historical and legal aspects of the formation and development of government securities in various historical periods. Special attention is given to the history of the emergence of securities that are directly related to the history of government debt and credit. From a legal perspective, it is analyzed that the government loans of pre-revolutionary Russia differed in the way they were repaid and in the procedure for their conclusion, which determined the specifics of the issuance and placement of government securities. The subject of the study is the legal norms, principles, and mechanisms that regulate the development and formation of government securities. The purpose of the work is to conduct a legal analysis of the study of government securities, to determine the specifics of the issue and placement of government securities. The methodological basis of the study is formed by general scientific and special legal research methods. The work used methods of analysis and generalization of scientific literature, which allowed us to study the existing scientific approaches to government securities. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive financial and legal analysis of securities that were guaranteed by the Government of the Russian Empire and the State Treasury, as well as the concept of public and private securities. The study explored the origins of the institution of government securities and the specific features of securities in the financial and legal sphere.

Keywords: Public administration, public treasury, legality, citizens, securities, norm, loan, history, debt, credit, financial law, society.

References

1. Agarkov M.M. Fundamentals of banking law. Course of lectures. Teaching in securities. Scientific research 2nd ed. // M.M. Agarkov – G.: Publishing house. BEK, 1994. – 350 p.
2. Brzhesky N. Public debts of Russia: Historical and statistical. Research // N. Brzhesky – St. Petersburg: Wolf's typo-lithography, 1884. – 283 p.
3. Vasiliev A.A. Stock speculation. Theory and practice // A.A. Vasiliev – St. Petersburg: Type. Yu.N. Ehrlich, 1912. – 168 p.
4. Bezobrazov V.P. Exchange operations. – G.: Type. T. Volkova and company. – 1856. – 280 p.
5. Nikiforova V.D., Ostrovskaya V. Yu. Government and Municipal Securities: A Textbook // V.D. Nikiforova – St. Petersburg: Piter, 2004. – 336 p.
6. Litvinenko L.T., Nishatov N.P., Udalishev D.P. Government Securities Market: A Textbook for Universities / Ed. by E.F. Zhukov. – Moscow: Banks and Exchanges, 2008. – 211 p.
7. Research of Securities Law (Abstract Review) // Abstract Journal. Social and Humanitarian Sciences. – Sir. State and Law. Moscow: 2008. – No. 1. – P. 122–128.

Механизмы обеспечения результативности бюджетных расходов: баланс между контрольными функциями и задачами экономического развития

Кочарян Ашот Юрьевич,

аспирант кафедры конституционного, административного и финансового права, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
E-mail: ashkochare@ya.ru

В условиях реализации национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утверждённых Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309, а также в связи с запуском нового цикла национальных проектов в 2025 году вопросы правового регулирования механизмов обеспечения результативности бюджетных расходов выходят на первый план. В статье анализируется проблема дисбаланса между контрольными функциями и задачами экономического развития в бюджетном законодательстве Российской Федерации. На основе формально-юридического, сравнительно-правового, системного методов и метода нормативного моделирования выявлены проявления указанного дисбаланса при реализации национальных проектов и предоставлении субсидий. Разработана авторская концепция результативно-ориентированного государственного финансового контроля, предполагающая дифференциацию контрольных процедур в зависимости от типа и приоритетности бюджетных расходов, смещение акцента на ex-post оценку вклада в национальные цели развития, применение риск-ориентированного подхода и интеграцию цифровых инструментов мониторинга. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию Бюджетного кодекса Российской Федерации, Положения о системе управления государственными программами Российской Федерации и Стандарта внешнего государственного аудита (контроля) СГА 104 «Аудит эффективности». Обоснована практическая значимость внедрения предлагаемых механизмов для повышения эффективности реализации национальных проектов 2025–2030 годов при сохранении необходимого уровня контроля за целевым использованием бюджетных средств.

Ключевые слова: результативность бюджетных расходов; государственный финансовый контроль; национальные проекты; бюджетирование, ориентированное на результат; принцип эффективности использования бюджетных средств; дифференциация контрольных процедур; ex-post оценка; риск-ориентированный подход; публичное право; финансовое право.

Введение

В условиях реализации национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утверждённых Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 [1], а также в связи с запуском нового цикла национальных проектов в 2025 году вопросы правового регулирования механизмов обеспечения результативности бюджетных расходов приобретают особую актуальность. Принцип эффективности использования бюджетных средств, закреплённый в статье 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации [2], на практике реализуется преимущественно через контроль целевого использования и экономии средств, тогда как задачи вклада бюджетных расходов в экономическое развитие и достижение национальных целей отходят на второй план. Это противоречие особенно ярко проявляется при реализации национальных проектов и предоставлении субсидий, где избыточная формализация контроля приводит к замедлению проектов и снижению их социально-экономического эффекта.

Цель исследования – разработка концепции механизмов обеспечения баланса между контрольными функциями и задачами экономического развития в правовом регулировании бюджетных расходов. Для её достижения решались задачи анализа действующего правового регулирования результативности бюджетных расходов, выявления и систематизации проявлений дисбаланса, разработки авторской концепции результативно-ориентированного государственного финансового контроля, формулирования предложений по совершенствованию законодательства и апробации выводов на зарубежном опыте.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере обеспечения результативности бюджетных расходов. Предметом – правовые механизмы баланса между контрольными функциями и задачами экономического развития в бюджетном законодательстве Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в разработке комплексной авторской концепции результативно-ориентированного государственного финансового контроля, интегрирующей контрольные процедуры с задачами экономического развития и технологического лидерства Российской Федерации. В отличие от существующих подходов, ориентированных преимущественно на усиление compliance-контроля (Е.Ю. Грачева, А.Н. Козырин) либо на оценку эффективности отдельных программ без должного правового оформления баланса (С.Е. Прокофьев, М.В. Васильева, А.А. Лысенко), предлагаемая концепция вводит механизм дифференциации контрольных процедур в зависимости от типа и приоритетности бюджетных расходов.

Ключевыми элементами новизны являются:

- обоснование специального правового режима для приоритетных развивающих расходов (упрощённые процедуры предварительного контроля, усиленный цифровой мониторинг и приоритет ex-post оценки вклада в национальные цели);
- формулирование четырёх принципов результативно-ориентированного государственного финансового контроля (дифференциация, приоритет ex-post оценки, риск-ориентированность с учётом потенциала развития, интеграция цифровых инструментов);
- разработка конкретных предложений de lege ferenda по совершенствованию Бюджетного кодекса РФ, Положения о системе управления государственными программами (постановление Правительства РФ от 26.05.2021 № 786) и Стандарта СГА 104 «Аудит эффективности».

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный методы и метод нормативного моделирования.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования определяется его публично-правовым характером и направленностью на разработку теоретической модели и практических предложений по совершенствованию законодательства. Исследование носит преимущественно теоретико-правовой характер с элементами эмпирического анализа правоприменительной практики.

Нормативную базу составили Бюджетный кодекс Российской Федерации (ст. 28, 34, 78, 78.1 и 179) [2], Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации» [3], Поло-

жение о системе управления государственными программами Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 26 мая 2021 г. № 786) [4], Стандарт внешнего государственного аудита (контроля) СГА 104 «Аудит эффективности» [5], Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [6], а также нормативные правовые акты, регулирующие реализацию национальных проектов, и указы Президента Российской Федерации, определяющие национальные цели развития.

Эмпирическую базу исследования составили отчёты Счётной палаты Российской Федерации за 2023–2025 годы, доклады Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей за 2023–2025 годы и материалы Министерства финансов Российской Федерации по мониторингу достижения ключевых показателей эффективности государственных программ и национальных проектов [7–9].

В работе использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системный методы и метод нормативного моделирования. Анализ правоприменительной практики проводился на основе материалов контрольных мероприятий Счётной палаты Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти.

Ограничения исследования: преимущественно теоретико-правовой характер работы и федеральный уровень анализа. Вопросы регионального и муниципального регулирования, а также отраслевая специфика отдельных национальных проектов могут стать предметом самостоятельных исследований.

Литературный обзор

Вопросы обеспечения результативности бюджетных расходов и баланса между контрольными функциями и задачами экономического развития активно исследуются как в отечественной, так и в зарубежной юридической науке. Однако комплексный правовой подход, направленный на гармонизацию этих двух начал в условиях масштабных национальных проектов, до сих пор не получил достаточного освещения.

В российской юридической науке преобладает изучение финансового контроля преимущественно через призму его надзорно-контрольных и карательных функций. Фундаментальные положения о его правовой природе разработаны в трудах Е.Ю. Грачевой, А.Н. Козырина и Н.И. Химичевой [10–12]. Вместе с тем в большинстве этих работ акцент делается на усиление контрольных механизмов и минимизацию рисков нецелевого расходования средств, тогда как вопросы интеграции контроля с целями экономического развития остаются на периферии научного анализа.

Отдельный блок литературы посвящён бюджетированию, ориентированному на результат (performance budgeting). Работы С.Е. Прокофьева заложили методологические основы перехода от контроля затрат к контролю результатов [13]. Исследования О.И. Карепиной, Н.Н. Шаш и М.В. Васильевой анализируют проблемы развития государственного финансового контроля в условиях программно-проектного бюджетирования [16]. Однако значительная часть этих работ носит прикладной характер и не поднимается до уровня обобщения правовых механизмов баланса между контрольными и развивающими функциями. Вопросы правового оформления дифференциации контрольных процедур в зависимости от приоритетности расходов остаются недостаточно разработанными.

Особую группу составляют исследования, посвящённые реализации национальных проектов. В работах А.А. Лысенко и М.М. Яндиевой анализируются организационно-методические аспекты государственного финансового контроля за национальными проектами и проблемы достижения реальных результатов [14, 15]. Авторы справедливо отмечают, что формальное освоение средств далеко не всегда коррелирует с социально-экономическим эффектом. Однако эти исследования, как правило, не содержат комплексного правового анализа и не предлагают системной модели гармонизации контроля с задачами развития.

Зарубежная литература по теме performance budgeting развита значительно сильнее. Работы ОЭСР, включая OECD Performance Budgeting Framework (2024), содержат системный сравнительный анализ опыта разных стран [17]. Эволюция американской системы от GPRA 1993 года к GPRA Modernization Act 2010 года демонстрирует движение в сторону интеграции контрольных процедур с национальными приоритетами [18]. Британский, германский опыт и механизм performance reserves в Европейском союзе подтверждают эффективность дифференциации контроля и смещения акцента на последующую оценку результатов.

Вместе с тем зарубежные исследования выполнены в иных правовых и институциональных условиях и не учитывают специфику российского программно-проектного бюджетирования, реализацию национальных проектов в условиях санкций и необходимость обеспечения технологического лидерства. В отечественной юридической науке до настоящего времени отсутствует комплексная правовая модель, интегрирующая контрольные процедуры с задачами экономического развития применительно к приоритетным расходам, предлагающая чёткие критерии дифференциации и содержащая конкретные предложения по совершенствованию законодательства с учётом национальных целей до 2030–2036 годов.

Таким образом, несмотря на значительное количество исследований по отдельным аспектам финансового контроля и performance budgeting, в литературе сохраняется существенный пробел: существующие работы либо акцентируют внимание на усилении контрольных механизмов, либо рассматривают результативность в отрыве от контрольной составляющей. Этот пробел определяет актуальность настоящего исследования.

Результаты

Сущность и принципы концепции

Результативно-ориентированный государственный финансовый контроль представляет собой систему правовых и организационных механизмов, в рамках которой контрольные процедуры дифференцируются в зависимости от типа и приоритетности бюджетных расходов, а их основная цель смещается с преимущественного выявления нарушений на обеспечение вклада бюджетных средств в достижение национальных целей развития.

Концепция базируется на следующих ключевых принципах:

- принцип дифференциации – контрольные процедуры различаются в зависимости от того, относится ли расход к рутинным текущим или к приоритетным развивающим;
- принцип приоритета ex-post оценки – для стратегически значимых расходов акцент переносится с предварительного и текущего контроля на последующую оценку реального вклада в экономическое развитие;
- принцип риск-ориентированности с учётом потенциала развития – высокий потенциал вклада проекта в национальные цели может оправдывать определённую степень гибкости контрольных процедур;
- принцип интеграции цифровых инструментов – использование автоматизированных систем мониторинга снижает административную нагрузку без снижения качества контроля.

Предлагаемые принципы согласуются с современными международными подходами: приоритет ex-post оценки и риск-ориентированный подход соответствуют рекомендациям OECD Performance Budgeting Framework (2024), а дифференциация контрольных процедур – практике GPRA Modernization Act 2010 в США.

Критерии дифференциации контрольных процедур

В рамках предлагаемой концепции выделяются две основные категории бюджетных расходов, для которых устанавливаются различные режимы контроля. Критерии отнесения расходов к той или иной категории приведены в таблице 1.

Таблица 1. Критерии дифференциации контрольных процедур в зависимости от типа бюджетных расходов

№	Критерий дифференциации	Рутинные (текущие) расходы	Приоритетные развивающие расходы	Обоснование дифференциации
1	Стратегическая значимость для национальных целей развития	Низкая или средняя	Высокая (прямой вклад в достижение целей Указа Президента № 309)	Приоритетные расходы напрямую влияют на выполнение национальных целей до 2030–2036 гг.
2	Потенциальный мультипликативный эффект	Ограниченный	Высокий (инвестиции в инфраструктуру, технологии, человеческий капитал)	Высокий мультипликатор оправдывает большую гибкость контроля
3	Вклад в технологическое лидерство и структурные изменения экономики	Отсутствует или минимальный	Значительный	Расходы на НИОКР, импортозамещение, цифровую трансформацию требуют более гибкого подхода

№	Критерий дифференциации	Рутинные (текущие) расходы	Приоритетные развивающие расходы	Обоснование дифференциации
4	Уровень неопределённости и рисков реализации	Низкий	Высокий (новые технологии, межведомственное взаимодействие, длительные сроки)	Высокая неопределённость требует смещения акцента на ex-post оценку
5	Предыдущий опыт реализации и история нарушений	Стабильный, низкий уровень нарушений	Новый или ограниченный опыт, возможные нарушения	При наличии положительной истории можно применять сокращённые процедуры
6	Необходимость оперативности и гибкости реализации	Средняя	Высокая (жёсткие сроки национальных проектов)	Избыточный предварительный контроль может приводить к срыву сроков
7	Объём и сложность бюджетных ассигнований	Как правило, небольшие и повторяющиеся	Крупные, разовые или инвестиционные	Крупные стратегические расходы требуют усиленного мониторинга результатов, а не процедур

Механизмы реализации концепции

Реализация концепции предполагает:

- введение в практику органов исполнительной власти и Счётной палаты Российской Федерации дифференцированных чек-листов и методик контроля;
- расширение практики ex-post аудита эффективности с акцентом не только на достижение плановых показателей, но и на оценку долгосрочных социально-экономических эффектов;
- развитие риск-ориентированного подхода, при котором для проектов с высоким потенциалом развития и низким уровнем выявленных нарушений применяются сокращённые процедуры контроля;
- интеграцию цифровых платформ мониторинга национальных проектов с системами казначейского сопровождения и контроля Счётной палаты.

Предложения по совершенствованию законодательства (de lege ferenda)

На основе проведённого анализа сформулированы следующие предложения по совершенствованию правового регулирования:

- Дополнить статью 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации новым абзацем следующего содержания:

«При реализации принципа эффективности использования бюджетных средств участники бюджетного процесса должны обеспечивать баланс между контрольными функциями и задачами вклада бюджетных расходов в экономическое развитие, технологическое лидерство и достижение национальных целей развития Российской Федерации. Для приоритетных развивающих расходов допускается применение дифференцированных процедур контроля с учётом их стратегической значимости и потенциального мультипликативного эффекта».

- Дополнить Положение о системе управления государственным программой Российской Федерации (утверждено постановлением Правительства РФ от 26.05.2021 № 786) новым разделом, посвящённым дифференцированному управлению и контролю в отношении приоритетных государственных программ и национальных проектов. В частности, установить упрощённый порядок согласования изменений в паспорта проектов при условии, что ожидаемый вклад в национальные цели развития сохраняется или увеличивается.
- Актуализировать Стандарт внешнего государственного аудита (контроля) СА 104 «Аудит эффективности», включив в него положения о проведении ex-post оценки реального вклада бюджетных расходов в достижение национальных целей развития, а также о применении риск-ориентированного подхода при проведении аудита приоритетных национальных проектов.
- Разработать и утвердить на уровне Правительства Российской Федерации Методические рекомендации по дифференциации процедур государственного финансового контроля в зависимости от типа и приоритетности бюджетных расходов, включая критерии отнесения расходов к категории приоритетных развивающих.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на проблему обеспечения результативности бюджетных расходов в Российской Федерации. Выявленный дисбаланс между контрольными функциями и задачами экономического развития носит системный характер.

Анализ законодательства и правоприменительной практики показывает, что принцип эффективности использования бюджетных средств (ст. 34 БК РФ) на практике реализуется преимущественно через контроль целевого использования и экономности средств, тогда как задачи вклада расходов в экономическое развитие и достижение национальных целей остаются недостаточно интегрированными в механизмы контроля. Это приводит к тому, что формальное освоение средств не всегда коррелирует с реальным социально-экономическим

эффектом, а избыточная процедурная нагрузка замедляет реализацию приоритетных национальных проектов.

Особенно отчётливо данное противоречие проявляется при реализации национальных проектов 2025–2030 годов. Жёсткие требования к документационному сопровождению и преимущественно карательная направленность контроля создают барьеры для своевременной реализации стратегически важных инициатив.

Подтверждением указанного дисбаланса служат результаты контрольных мероприятий Счётной палаты Российской Федерации. В 2025 году Счётная палата провела 38 проверок, связанных с реализацией национальных проектов. Были выявлены существенные расхождения между формальным освоением бюджетных средств и достижением реальных результатов – в частности, в инфраструктурных, экологических и туристических проектах. Кроме того, значительная часть результатов государственных программ не увязана с бюджетным финансированием. Это подтверждает преобладание контрольных процедур compliance-типа над механизмами оценки реального вклада бюджетных расходов в развитие.

Сравнительный анализ зарубежного опыта показывает, что эффективный баланс между контролем и развитием достигается за счёт нескольких взаимосвязанных элементов: дифференциации контрольных процедур в зависимости от типа и приоритетности расходов; смещения акцента с предварительного на последующий контроль для приоритетных проектов; использования риск-ориентированного подхода и интеграции цифровых инструментов мониторинга. Опыт США (эволюция от GPRA 1993 к GPRA Modernization Act 2010), рекомендации ОЭСР, британская и германская модели, а также механизм performance reserves в Европейском союзе подтверждают эффективность именно такого подхода [19].

Вместе с тем внедрение предлагаемых механизмов сопряжено с определёнными рисками: необходимость чётких критериев дифференциации для исключения субъективизма; сохранение человеческого контроля над цифровыми системами; возможное сопротивление со стороны контрольных органов и проблема цифрового неравенства регионов. Для минимизации этих рисков необходимо законодательно закрепить критерии дифференциации, сочетать цифровые инструменты с экспертным контролем, проводить переподготовку кадров и предусмотреть механизмы выравнивания цифровых возможностей субъектов Российской Федерации.

Таким образом, баланс между контрольными функциями и задачами экономического развития возможен при условии системного реформирования правовых механизмов. Предлагаемая концепция и конкретные законодательные предложения создают для этого правовую основу.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить системный дисбаланс между контрольными функциями и задачами экономического развития в российском бюджетном законодательстве. Установлено, что действующее регулирование, основанное на принципе эффективности использования бюджетных средств (ст. 34 БК РФ), в большей степени ориентировано на целевое использование и экономность средств, тогда как вклад бюджетных расходов в достижение национальных целей развития учитывается недостаточно.

В рамках исследования сформирована авторская модель государственного финансового контроля, нацеленного на конечный результат. Она базируется на градации контрольных инструментов с учетом специфики и значимости бюджетных ассигнований, приоритете ex-post анализа эффективности вложений в достижение национальных целей, а также на внедрении цифрового мониторинга и риск-ориентированных технологий. Разработан пакет практических рекомендаций

по модернизации Бюджетного кодекса РФ, Стандарта СГА 104 «Аудит эффективности» и Положения о системе управления госпрограммами.

Научное новаторство работы состоит в формировании целостной системы результативного госфинконтроля, увязывающей надзорные функции со стратегическими задачами экономического роста и обеспечения технологического суверенитета страны. Ключевым отличием от традиционных подходов, сфокусированных на комплаенсе и формальном целевом освоении лимитов, является внедрение гибкой дифференциации проверок с акцентом на последующий аудит эффекта от реализации ключевых проектов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов при совершенствовании бюджетного законодательства и правоприменительной практики. Внедрение предлагаемых механизмов способно повысить эффективность реализации национальных проектов 2025–2030 годов, снизить избыточную административную нагрузку на участников бюджетного процесса и обеспечить более тесную связь бюджетных расходов с национальными целями развития.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением анализа на региональный и муниципальный уровни, количественной оценкой эффектов от внедрения предложенных изменений, а также с изучением роли цифровых технологий и искусственного интеллекта в обеспечении баланса между контрольными функциями и задачами экономического развития.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. – 2024. – № 20. – Ст. 2583.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1649.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.05.2021 № 786 «Об утверждении Положения о системе управления государственными программами Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 2021. – № 23. – Ст. 4045.
5. Постановление Коллегии Счётной палаты Российской Федерации от 09.02.2021 № 2ПК «Об утверждении Стандарта внешнего государственного аудита (контроля) СГА 104 «Аудит эффективности» (в ред. от 06.09.2024).
6. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 2014. – № 26. – Ст. 3378.
7. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2025 году. – М.: Счетная палата Российской Федерации, 2026. – 112 с.
8. Доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей за 2025 год. – М., 2026. – 248 с.
9. Материалы мониторинга достижения ключевых показателей эффективности государственных программ и национальных проектов / Министерство финансов Российской Федерации. – М., 2024–2025.
10. Грачева Е.Ю., Хорина Л.Я. Государственный финансовый контроль: курс лекций. – М.: Проспект, 2005. – 269 с.
11. Козырин А.Н. Финансовое право и управление публичными финансами в зарубежных странах. – М.: ЦППИ, 2009. – 181 с.
12. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачлова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 800 с.
13. Прокофьев С.Е., Чигирёв В.А. Бюджетирование, ориентированное на результат, и его реализация в органах Федерального казначейства. – М., 2011. – 156 с.
14. Лысенко А.А., Дуганова Е.А. Организационно-методические аспекты госфинконтроля за реализацией национальных проектов // Учет и статистика. – 2024. – № 2(21). – С. 49–57.
15. Яндиева М.М. Совершенствование государственного финансового контроля за расходами на реализацию национальных проектов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2023. – № 3. – С. 112–120.
16. Карепина О.И., Шаш Н.Н. Проблемы развития государственного финансового контроля в условиях программно-проектного бюджетирования // Финансы и кредит. – 2018. – № 12. – С. 45–58.
17. OECD Performance Budgeting Framework. – Paris: OECD Publishing, 2024. – 48 p.

18. Government Performance and Results Act (GPRA) of 1993: Public Law 103–62 (USA). 107 Stat. 285; GPRA Modernization Act of 2010: Public Law 111–352 (USA). 124 Stat. 3866.

19. Pollitt C., Bouckaert G. Public Management Reform: A Comparative Analysis. – 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 432 p.

MECHANISMS FOR ENSURING THE EFFECTIVENESS OF BUDGET EXPENDITURES: BALANCING CONTROL FUNCTIONS AND ECONOMIC DEVELOPMENT GOALS

Kocharyan A.Yu.

Orel State University named after I.S. Turgenev

In the context of the implementation of the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and prospectively up to 2036, approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated May 7, 2024, as well as the launch of a new cycle of national projects in 2025, the issues of legal regulation of mechanisms for ensuring the effectiveness of budget expenditures come to the fore. The article analyzes the problem of imbalance between control functions and economic development objectives in the budgetary legislation of the Russian Federation. Based on formal-legal, comparative-legal, systemic methods and the method of normative modeling, manifestations of this imbalance in the implementation of national projects and the provision of subsidies are identified. The author's concept of result-oriented state financial control is developed, which involves differentiation of control procedures depending on the type and priority of budget expenditures, shifting the emphasis to ex-post evaluation of the contribution to national development goals, application of a risk-oriented approach and integration of digital monitoring tools. Specific proposals are formulated to improve the Budget Code of the Russian Federation, the Regulation on the system of management of state programs of the Russian Federation and the Standard of external state audit (control) SGA 104 "Performance Audit". The practical significance of introducing the proposed mechanisms for increasing the efficiency of implementation of national projects 2025–2030 while maintaining the necessary level of control over the targeted use of budget funds is substantiated.

Keywords: effectiveness of budget expenditures; state financial control; national projects; performance budgeting; principle of efficiency in the use of budgetary funds; differentiation of control procedures; ex-post evaluation; risk-oriented approach; public law; financial law.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of May 7, 2024 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period until 2030 and Prospectively until 2036" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 20. Art. 2583.
2. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ of July 31, 1998 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3823.
3. Federal Law No. 41-FZ of April 5, 2013 "On the Accounts Chamber of the Russian Federation" (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1649.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 786 of May 26, 2021 "On Approval of the Regulation on the System of Management of State Programs of the Russian Federation" (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 23. Art. 4045.
5. Resolution of the Collegium of the Accounts Chamber of the Russian Federation No. 2PK of February 9, 2021 "On Approval of the Standard of External State Audit (Control) SGA 104 "Performance Audit" (as amended on September 6, 2024).
6. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 "On Strategic Planning in the Russian Federation" (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26. Art. 3378.
7. Report on the Work of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2025. Moscow: Accounts Chamber of the Russian Federation, 2026. 112 p.
8. Report of the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights under the President of the Russian Federation for 2025. Moscow, 2026. 248 p.
9. Materials for Monitoring the Achievement of Key Performance Indicators of State Programs and National Projects / Ministry of Finance of the Russian Federation. Moscow, 2024–2025.
10. Gracheva E.Yu., Khorina L. Ya. State Financial Control: Course of Lectures. Moscow: Prospekt Publ., 2005. 269 p.
11. Kozyrin A.N. Financial Law and Public Finance Management in Foreign Countries. Moscow: CPPI, 2009. 181 p.
12. Financial Law: Textbook / ed. by N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. 6th ed., rev. and suppl. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 800 p.
13. Prokofiev S.E., Chigirev V.A. Performance-Based Budgeting and Its Implementation in the Bodies of the Federal Treasury. Moscow, 2011. 156 p.
14. Lysenko A.A., Duganova E.A. Organizational and Methodological Aspects of State Financial Control over the Implementation of National Projects // Accounting and Statistics. 2024. No. 2(21). P. 49–57.
15. Yandieva M.M. Improvement of State Financial Control over Expenditures for the Implementation of National Projects // Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. 2023. No. 3. P. 112–120.
16. Karapina O.I., Shash N.N. Problems of Development of State Financial Control in the Context of Program-Project Budgeting // Finance and Credit. 2018. No. 12. P. 45–58.
17. OECD Performance Budgeting Framework. Paris: OECD Publishing, 2024. 48 p.
18. Government Performance and Results Act (GPRA) of 1993: Public Law 103–62 (USA). 107 Stat. 285; GPRA Modernization Act of 2010: Public Law 111–352 (USA). 124 Stat. 3866.
19. Pollitt C., Bouckaert G. Public Management Reform: A Comparative Analysis. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2017. 432 p.

Право на личную неприкосновенность как комплексная конституционно-правовая категория: двухконтурная модель содержания

Медушенков Федор Вячеславович,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет»
E-mail: fedor.medush@yandex.ru

Право на личную неприкосновенность обосновывается в статье как комплексная конституционно-правовая категория с двухконтурной структурой: нормативное ядро образуют физическая неприкосновенность, психическая неприкосновенность и процессуально-гарантийная составляющая, закрепленная непосредственно в тексте статьи 22 Конституции РФ, а смежный контур — частная жизнь, тайна коммуникаций, защита персональных и биометрических данных, цифровой профиль. Предложен функциональный критерий разграничения контуров: явления смежного контура переходят в плоскость личной неприкосновенности тогда, когда информационное, цифровое или психологическое воздействие становится способом контроля над телом, волей, поведением либо фактической свободой человека. Эмпирическую основу составили данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024–2025 гг. Сделан вывод, что процедура входит в само содержание права, а не выступает внешним механизмом его защиты.

Ключевые слова: личная неприкосновенность; свобода личности; статья 22 Конституции РФ; психическая неприкосновенность; судебный контроль; меры пресечения; персональные данные; биометрия; цифровой профиль.

Введение

В сознании европейских народов требование ограждения личности от произвольного захвата стало едва ли не первым юридически оформленным притязанием человека к власти: статья 39 Великой хартии вольностей 1215 г. запрещала арест свободного человека иначе как по приговору равных и по закону страны, а Habeas Corpus Act 1679 г. превратил запрет в судебную процедуру. Отечественная государственность шла к тому же результату собственным путем — через судебную реформу 1864 г. и Декларацию прав и свобод человека и гражданина 1991 г. — и завершила его в статье 22 Конституции Российской Федерации, соединившей в одной норме свободу и личную неприкосновенность, судебное решение и 48-часовой предел досудебного задержания.

Между тем очевидность нормы обманчива. Традиция связывает личную неприкосновенность с недопустимостью произвольного задержания; современная же среда порождает формы контроля, не тождественные лишению свободы, но столь же подавляющие автономию воли: биометрическую идентификацию, цифровое профилирование, распознавание лиц, систематическое психологическое давление. Вопрос о том, что охраняет статья 22 и где проходит ее граница со смежными благами, стал практическим. Цель статьи — разработка и обоснование двухконтурной модели содержания данного права; методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

Степень научной разработанности проблемы

Классическая линия отечественной доктрины, восходящая к советской науке, раскрывала личную неприкосновенность через гарантии от незаконного ареста и процессуального принуждения, удерживая связь категории с реальной практикой власти. О.Е. Кутафин показал, что конституционному праву известны два ряда обозначаемых словом «неприкосновенность» явлений — элемент правового статуса каждого человека и публично-правовой иммунитет должностных лиц, смешение которых методологически недопустимо [6]; статья посвящена первому ряду. С.Ю. Суменков выделяет физическую и психическую составляющие личной неприкосновенности [12]; А.А. Лукьянова показывает, что реализация права проверяется через механизм мер пресечения и судебного контроля [8]; В.С. Никитина обосновывает межотраслевой характер категории [10]; исследования о физической неприкосновенности как объекте распоряжения воли лица [3], о вреде психическому здоровью [11] и о противодействии домашнему насилию [2] показывают: охране подлежит не только тело, но и способность действовать без подавляющего страха.

За последние пять лет вырос корпус работ о цифровом измерении личных прав: А.Н. Мочалов исследует риски цифрового профиля [9]; С.С. Кузнецова, А.Н. Мочалов и М.С. Саликов — регулирование биометрической идентификации [5]; Д.Л. Кутейников с соавторами — неприкосновенность частной жизни при удаленной биометрической идентификации средствами искусственного интеллекта [7]; публикации о дипфейк-контенте [4], о защите частной жизни в условиях цифровой трансформации [13] и предложения С.А. Авакьяна о конституционных уточнениях статуса человека [1] демонстрируют давление технологий на традиционную модель личных прав. При этом в литературе недостаточно разработан критерий, позволяющий определить, когда цифровая угроза остается проблемой частной жизни, а когда становится проблемой личной неприкосновенности в собственном смысле слова; этот пробел и восполняет настоящая статья.

Нормативное ядро права на личную неприкосновенность

Узкий, или процессуальный, подход признает объектом защиты физическую свободу лица, а центральным риском — произвольное задержание; его достоинство — определенность. Однако личность может быть поставлена под контроль и без помещения в изолятор: угрозы, преследование, цифровое наблюдение ограничивают волю без формального лишения свободы. Широкий подход включает в нее всю автономию личности, но платит за это потерей границ: категория перестает быть самостоятельным юридическим критерием. Показательно, что чрез-

мерно широкому пониманию препятствует сама Конституция РФ, различающая несколько охранительных режимов: достоинство личности закреплено в статье 21, свобода и личная неприкосновенность – в статье 22, частная жизнь и тайна коммуникаций – в статье 23, обработка информации о частной жизни – в статье 24, неприкосновенность жилища – в статье 25.

Развиваемый в статье третий подход является структурным: категория мыслится как единство нормативного ядра и смежного контура. Ядро образуют три элемента: во-первых, физическая неприкосновенность – защищенность тела и физической свободы от произвольного воздействия, включая запрет незаконного задержания, необоснованного применения силы и унижающего обращения, что не исключает правомерного принуждения на законном основании и соразмерно; во-вторых, психическая неприкосновенность – сохранение волевой и эмоциональной автономии перед лицом угроз и преследования, в связи с чем защита от домашнего насилия входит в позитивные обязанности государства; в-третьих, процессуально-гарантийная составляющая – законность оснований, судебный контроль, сроки, мотивированность, возможность обжалования. Особенность статьи 22 в том, что эти гарантии закреплены непосредственно в конституционном тексте; они, следовательно, не внешний способ защиты права, а часть его содержания.

Такое понимание позволяет избежать обеих крайностей: право не сводится к физическому удержанию, но и не растворяется в общей автономии личности, имея собственный объект – защищенность от произвольного контроля над телом, свободой и волей. Личная неприкосновенность выступает правом-предпосылкой: под произвольным принуждением лицо утрачивает способность пользоваться иными правами, и потому ее следует признать системообразующим элементом конституционного статуса личности, в котором взаимная ответственность человека и государства получает концентрированное выражение [14].

Смежный контур: частная жизнь, данные и цифровая идентичность

Смежный контур образуют институты, функционально связанные с ядром, но в него не входящие: частная жизнь, тайна коммуникаций, персональные данные, биометрия, цифровой профиль. Автоматически включать их в статью 22 нельзя: для каждого существует самостоятельный режим – Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает принципы законности, целевого ограничения и безопасности обработки, а Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ создает специальный порядок для биометрических данных. Однако при определенной интенсивности воздействия явления смежного контура переходят в проблематику личной неприкосновенности; критерий перехода функционален: вмешательство затрагивает личную неприкосновенность тогда, когда становится способом контроля над телом, волей, поведением, перемещением либо фактической свободой человека. Обработка биометрии, используемая для распознавания лица и последующего задержания, выходит за пределы статей 23 и 24; то же относится к цифровому профилю, на основе которого фактически ограничиваются передвижение или участие в публичной жизни.

Небезынтересно, что тот же способ рассуждения обнаруживается в наднациональной практике: в деле *Glukhin v. Russia* (жалоба № 11519/20, постановление от 04.07.2023) Европейский суд по правам человека оценивал не факт обработки данных, а меру, в какой технология распознавания лиц становится инструментом идентификации и подавления свободы поведения; после прекращения участия России в европейском механизме такие решения сохраняют лишь историко-сравнительную ценность. В том же направлении движутся универсальные стандарты: связка «свобода и личная неприкосновенность» статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах раскрыта в Замечании общего порядка № 35, а доклад Специального докладчика ООН А/НRC/55/46 требует законности, необходимости, соразмерности и независимого контроля цифровых практик [15]. Для российской доктрины эти документы значимы как подтверждение того, что цифровое воздействие подлежит оценке по его реальному эффекту для автономии человека.

Конституционно-правовое значение процедуры

Если для многих прав процедура выступает лишь способом судебной защиты, то в статью 22 она включена прямо: арест и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, а досудебное задержание ограничено 48 часами. Эта конструкция – наследница *habeas corpus* – показывает, что личная неприкосновенность есть одновременно право на благо и право на процедуру; без судебного контроля и сроков норма превращается в декларацию. Конституционный Суд РФ

последовательно развивал эту идею: в Постановлении от 14.03.2002 № 6-П судебное санкционирование распространено на содержание под стражей еще в переходный период; в Постановлении от 22.03.2005 № 4-П продление меры пресечения связано с судебной проверкой на каждом этапе; в Постановлении от 31.01.2024 № 4-П, посвященном защите потерпевших от повторного физического и психологического насилия, подтверждено, что психическое измерение охраны личности не является вторичным.

Каковы же условия допустимого вмешательства? Их шесть, и они применимы к любой отраслевой форме принуждения: во-первых, законность – основание в доступном и определенном законе; во-вторых, фактическая обоснованность; в-третьих, необходимость – недостижимость цели менее обременительными средствами; в-четвертых, соразмерность вмешательства значимости публичного интереса; в-пятых, независимый контроль, требования к которому возрастают вместе с интенсивностью вмешательства; в-шестых, восстановление права, включая освобождение и компенсацию. Стандарт применим и к новым технологическим практикам, коль скоро они воздействуют на свободу, тело или волю человека.

Эмпирический контекст: судебная статистика и цифровые инциденты

Назначение эмпирической части – показать интенсивность применения мер пресечения главы 13 УПК РФ. По данным Обзора судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 г., районными судами рассмотрено 92,1 тыс. ходатайств о заключении под стражу (удовлетворено 81,0 тыс.), о продлении срока содержания под стражей – 153,3 тыс. при доле удовлетворения 98,1%, о домашнем аресте – 8,5 тыс., о залоге – всего 78. Сведения за первое полугодие 2025 г. подтверждают устойчивость картины: об избрании заключения под стражу окончено 45 377 материалов, удовлетворено 39 343 (около 86,7%); по продлению – 72 671 и 70 326 (около 96,8%). Эти показатели говорят о том, что право реализуется в массовом процессуальном режиме, где его судьба зависит от качества судебной проверки; высокая доля удовлетворения ходатайств лишь усиливает требования к мотивировке актов и оценке альтернатив, закрепленные Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025).

Цифровой сегмент эмпирики выглядит иначе. Оператор персональных данных обязан уведомить уполномоченный орган об инциденте в течение 24 часов и в течение 72 часов представить результаты расследования; сам этот режим означает признание утечек публично значимым риском. Федеральный закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ ввел крупные штрафы за неправомерную передачу массивов персональных данных, а Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ криминализовал незаконный оборот компьютерной информации с персональными данными, учитывая повышенную опасность биометрии и сведений о несовершеннолетних. Законодатель, следовательно, признает: информационное вмешательство способно причинять вред, сопоставимый с традиционными посягательствами на личную сферу.

Двухконтурная модель и ее практическое значение

Практическая ценность модели раскрывается в четырех направлениях: во-первых, она позволяет квалифицировать объект защиты: незаконное задержание затрагивает ядро, утечка данных – смежный контур, а раскрытие данных, используемое для угроз или фактического задержания, означает переход к ядру; во-вторых, модель задает уровень гарантий – в смежном контуре достаточны административный надзор и последующая судебная защита, тогда как вмешательство в ядро требует судебного разрешения, мотивированности и временных пределов; в-третьих, она связывает негативные и позитивные обязанности государства, поскольку право нарушается и тогда, когда правопорядок не обеспечивает защиты от домашнего насилия или незаконной биометрической идентификации, создающей риск контроля над личностью [2; 5]; в-четвертых, конструкция обеспечивает согласование статей 21–25 Конституции РФ: в цифровой среде охранительные режимы пересекаются, но пересечение не означает тождества.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы: во-первых, право на личную неприкосновенность есть комплексная конституционно-правовая категория, комплексность которой не равна неопределенности, – она обладает нормативным ядром из физической, психической и процессуально-гарантийной составляющих; во-вторых, процессуальные гарантии входят в само содержание права; в-третьих, частная жизнь, тайна коммуникаций, персональные и биометрические данные образуют смежный контур, переходящий в плоскость статьи 22 при достижении определенной интенсивности воздействия по функци-

ональному критерию контроля над телом, волей, поведением или фактической свободой; в-четвертых, судебная статистика показывает, что право реализуется в массовой практике, и предложенная конструкция пригодна для проверки конкретных процессуальных решений.

Двухконтурная модель согласуется с архитектурой Конституции Российской Федерации, правовыми позициями Конституционного Суда РФ и тенденциями цифрового регулирования 2022–2025 гг. Личная неприкосновенность остается правом-предпосылкой всех иных прав и свобод; ее действительная, а не декларативная гарантированность есть условие сохранения человека как правовой личности и вместе с тем – условие прочности конституционного правопорядка, в котором свобода каждого и целостность государства не противостоят друг другу, а взаимно друг друга обуславливают.

Литература

1. Авакьян С.А. Статус человека и гражданина: необходимые конституционные уточнения // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 8. С. 19–22.
2. Батюкова В.Е. Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами // Современное право. 2024. № 4. С. 111–115.
3. Волкова А.Ю. Физическая неприкосновенность как объект распоряжения свободы воли лица // Полицейская деятельность. 2024. № 4. С. 25–34. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.4.71274.
4. Кузнецова О.А., Маджумаев М.М. Защита частной жизни в виртуальной реальности: ответственность за использование дипфейк-контента в метавселенной // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5 (129). С. 244–253. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.244-253.
5. Кузнецова С.С., Мочалов А.Н., Саликов М.С. Биометрическая идентификация в Интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 257–267. DOI: 10.17223/15617793/476/28.
6. Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2004. 407 с.
7. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Лебедев В.А., Зенин С.С. Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности // Lex russica. 2022. Т. 75. № 2 (183). С. 121–131. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131.
8. Лукьянова А.А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2024. 42 с.
9. Мочалов А.Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9 (178). С. 88–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.088-101.
10. Никитина В.С. Неприкосновенность личности как межотраслевая категория права // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 1. С. 41–53. DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-1-41-53.
11. Полушинская С.В., Галюкова М.И. Уголовно наказуемый вред психическому здоровью: содержание и признаки // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 3 (148). С. 115–130. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.115-130.
12. Суменков С.Ю. Понятие права на свободу и личную неприкосновенность по Конституции Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4 (60). С. 101–110. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-4-11.
13. Филимонова Е.А. Защита права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации общества // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. Т. 3. № 1. С. 46–52. DOI: 10.23947/2949-1843-2025-3-1-46-52.
14. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. 384 с.

15. Legal safeguards for personal data protection and privacy in the digital age: Report of the Special Rapporteur on the right to privacy. A/HRC/55/46. 18 January 2024. URL: <https://www.ohchr.org> (дата обращения: 10.07.2026).

THE RIGHT TO PERSONAL INVIOLEABILITY AS A COMPLEX CONSTITUTIONAL-LEGAL CATEGORY: A DUAL-CIRCUIT MODEL OF CONTENT

Medushenkov V.V.

Penza State University

The right to personal inviolability is justified in the article as a complex constitutional and legal category with a two-contour structure: the normative core is formed by physical inviolability, mental inviolability and the procedural and guarantee component, fixed directly in the text of Article 22 of the Constitution of the Russian Federation, and the adjacent contour is private life, secrecy of communications, protection of personal and biometric data, digital profile. A functional criterion for contour differentiation is proposed: the phenomena of an adjacent contour pass into the plane of personal inviolability when informational, digital or psychological influence becomes a way of controlling a person's body, will, behavior or actual freedom. The empirical basis is based on data from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation for 2024–2025. It is concluded that the procedure is included in the very content of the law, and does not act as an external mechanism for its protection.

Keywords: personal integrity; personal freedom; article 22 of the Constitution of the Russian Federation; mental integrity; judicial control; preventive measures; personal data; biometrics; digital profile.

Reference

1. Avakian S.A. The status of man and citizen: necessary constitutional clarifications // Constitutional and municipal law. 2023. № 8. pp. 19–22.
2. Batyukova V.E. Countering domestic violence by criminal legal means // Modern law. 2024. № 4. pp. 111–115.
3. Volkova A.Y. Physical integrity as an object of disposal of a person's freedom of will // Police activity. 2024. № 4. pp. 25–34. DOI: 10.7256/2454-0692.2024.4.71274.
4. Kuznetsova O.A., Majumae M.M. Protection of privacy in virtual reality: responsibility for the use of deepfake content in the metaverse // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2025. № 5 (129). Pp. 244–253. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.244-253.
5. Kuznetsova S.S., Mochalov A.N., Salikov M.S. Biometric identification on the Internet: trends in legal regulation in Russia and abroad // Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 476. pp. 257–267. DOI: 10.17223/15617793/476/28.
6. Kutafin O.E. Inviolability in the constitutional law of the Russian Federation. Moscow: Jurist, 2004. 407 p.
7. Kuteynikov D.L., Ishaev O.A., Lebedev V.A., Zenin S.S. The intransigence of private life in the state. intelligence for individual biometric identification // Lex russica. 2022. Vol. 75. № 2 (183). pp. 121–131. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131.
8. Lukyanova A.A. Realization of the right to freedom and personal inviolability in the criminal process of Russia: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences'. Tomsk, 2024. 42 p.
9. Mochalov A.N. Digital profile: the main risks for constitutional human rights in the context of legal uncertainty // on Lex russica. 2021. Vol. 74. № 9 (178). pp. 88–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.088-101.
10. Nikitina V.S. Irreconcilability of personality as an interdisciplinary category of law // Law Journal of the RUDN University. 2023. Vol. 27. № 1. pp. 41–53. DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-1-41-53.
11. Polubinskaya S.V., Galyukova M.I. Criminally punishable harm to mental health: content and signs // Actual problems of Russian law. 2023. Vol. 18. № 3 (148). pp. 115–130. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.115-130.
12. Sumenkov S.Y. The concept of the right to freedom and personal inviolability under the Constitution of the Russian Federation // Izvestia of Higher Educational Institutions. The Volga region. Social sciences. 2021. № 4 (60). pp. 101–110. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-4-11.
13. Filimonova E.A. Protection of the right to privacy in the context of digital transformation of society // Legal order and legal values. 2025. Vol. 3. № 1. pp. 46–52. DOI: 10.23947/2949-1843-2025-3-1-46-52.
14. Ebzeev B.S. Personality and the state in Russia: mutual responsibility and constitutional duties. Moscow: Norm, 2007. 384 p.
15. Legal guarantees for the protection of personal data and privacy in the digital age: Report of the Special Rapporteur on the right to privacy. A/HRC/55/46. January 18, 2024. URL: <https://www.ohchr.org> (date of request: 07/10/2026).

Специализированная миграционная прокуратура как орган надзора за исполнением законодательства по вопросам гражданства Российской Федерации

Постнова Маргарита Витальевна,

аспирант, кафедра организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, МГЮА
E-mail: margosa998@gmail.com.

Трансформация демографических процессов и недавнее обновление отечественных нормативных актов требуют высочайшей точности государственного администрирования. Актуальность заявленной проблематики продиктована резким усложнением теневых схем приобретения паспортов, которым действующая правоохранительная вертикаль противостоит с заметным напряжением. Вместе с тем, в правоприменении обнаруживается явное институциональное противоречие: многовекторность задач, ежедневно решаемых универсальными территориальными прокурорами, вступает в острый конфликт с объективной потребностью глубоко, скрупулезно погружаться в узкоспециализированную материю визовых режимов, этносоциологии. По существу, районные ревизоры физически лишены временного ресурса, чтобы системно отслеживать сложные цепочки фиктивных браков либо выявлять поддельные языковые сертификаты. Цель в статье состоит в концептуальном обосновании «архитектуры» обособленного органа – профильной прокуратуры, сфокусированной на проверке законности легализации зарубежных лиц. По итогам проведенного анализа автор приходит к выводу, что традиционный формат надзора «широкого профиля» исчерпал свой управленческий потенциал в этой специфической нише. Учреждение межрегионального специализированного ведомства, которое будет интегрировано с государственными цифровыми платформами и станет использовать предиктивную аналитику, поможет автоматически блокировать незаконное получение индигената еще на этапе подачи документов. Представленные материалы будут полезны представителям законодательной власти при проектировании реформ контрольно-ревизионного блока, сотрудникам профильных министерств – в целях усовершенствования межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: гражданство; индигенат; легализация иностранцев; миграционная политика; надзорное ведомство; натурализация; предиктивная аналитика; прокурорский надзор; специализированная прокуратура

Введение

Изменение демографических процессов, обусловленное глобализацией экономики, неравномерностью регионального развития, ставит перед современными суверенными государствами сложнейшие задачи по адаптации собственных правовых институтов.

В отечественной юридической доктрине вопросы приобретения, сохранения, утраты устойчивой правовой связи лица с государством традиционно относятся к сфере строгого, предельно концентрированного контроля. Вступление в силу Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» концептуально переформатировало сложившиеся подходы к процедурам натурализации. Указанный нормативный акт модернизировал порядок приема иностранных субъектов, ввел обширный институт прекращения индигената за совершение ряда уголовно наказуемых деяний. По сути, правоприменительная система столкнулась с необходимостью администрирования усложненных регламентов, которые требуют высочайшей точности процессуальных решений.

Как отмечается в аналитических публикациях, посвященных изменениям отечественной миграционной политики, контрольные органы начали деятельно применять механизм прекращения статуса в отношении лиц, проигнорировавших конституционные обязанности. Между тем, текущая институциональная «архитектура» надзора не в полной мере отвечает масштабам появляющихся вызовов. Органы внутренних дел объективно перегружены оперативной работой. Одновременно с этим, территориальные сотрудники надзорного ведомства вынуждены непрерывно распределять свой интеллектуальный ресурс между множеством задач (от проверки сферы ЖКХ до уголовного преследования) [5].

Видимо, назрела острая потребность проведения структурной реформы в рассматриваемом управленческом секторе. Объектом исследования являются общественные отношения в сфере государственного аудита нормативных предписаний о правовом положении апатридов и экспатов. Разумно предположить, что внедрение обособленной структуры поможет весомо повысить качество проверочных мероприятий.

Материалы и методы

Изученный при подготовке статьи библиографический корпус дает возможность комплексно исследовать теоретико-правовые и прикладные аспекты учреждения специализированной миграционной прокуратуры, опираясь на институциональный, статистико-социологический, сравнительно-правовой подходы.

В частности, Т.В. Ашиткова [1], А.Ю. Земсков [6], Л.В. Потапова [12] анализируют классическую роль надзорного ведомства в реализации миграционной политики, обеспечении национальной безопасности. Это органично дополняется исследованием антикоррупционного потенциала прокуратуры в работах Е.А. Лайковой и Ю.Л. Бурзанова [7].

Правозащитный вектор надзора, который направлен на охрану интересов иностранных лиц, акцентируется Р.Б. Булатовым и Т.Р. Булатовым [2], вступая в сложный доктринальный диалог с концепцией Е.Г. Лиходаева, ставящего вопрос о пределах восприятия физических лиц как объектов прокурорского контроля [8].

Эмпирическую и социально-политическую базу, посредством которой обосновывается острая необходимость институциональных реформ, формируют статистические сводки МВД о прибытии и выдворении иностранцев [9, 10], а также аналитические материалы Д. Вараксиной, И. Меркеля [3], М. Викуловой [4], Е. Дорофеевой [5], где фиксируются масштабы нелегальной миграции и текущие нюансы изменения государственной политики. Важнейшим концептуальным «мостом» служит исследование И.В. Орловской [11], в котором на примере природоохранных ведомств закладывается организационно-правовой базис для принципов формирования любых специализированных надзорных структур.

Выбор упомянутых выше публикаций объясняется необходимостью синтезировать общую теорию прокурорского надзора, актуальную криминологическую статистику, успешный исторический опыт создания узкопрофильных прокуратур для научного обоснования «ар-

хитектуры» нового профильного института. При этом в современных источниках наблюдается очевидный пробел: практически отсутствуют комплексные изыскания, где детально прорабатывается специфика прокурорского надзора исключительно за процедурами приобретения и прекращения гражданства. Создание же именно обособленной структуры упоминается лишь фрагментарно, без глубокой теоретической проработки ее компетенций.

При написании статьи использовался метод правового моделирования для теоретического конструирования функционала будущей специализированной прокуратуры на основе существующих институциональных аналогов; сравнительно-правовой анализ (он позволил научно экстраполировать опыт функционирования природоохранных подразделений на сложную сферу контроля гражданства). Наряду с этим, применялся формально-юридический метод в целях оценки эффективности текущего состояния надзорного законодательства в России.

Результаты и обсуждение

Анализ практики последних лет демонстрирует тенденцию к усложнению схем обхода установленных правил натурализации. Эмпирические сводки отражают достаточно напряженную обстановку. Так, согласно отчетным материалам о состоянии рынка труда и нелегальной занятости, количество лиц, которые незаконно находятся на территории страны, формирует серьезную угрозу экономической безопасности. При этом, как подтверждает статистика правоохранительных структур о принудительном выдворении, госаппарату приходится затрачивать колоссальные усилия на депортацию нарушителей паспортно-визового режима [3, 9].

Традиционный формат реагирования характеризуется определенной инерционностью. Экономическая природа теневой паспортизации базируется на извлечении сверхприбылей посредническими сетями. Территориальный ревизор физически лишен возможности осуществлять ежедневный аудит решений комиссий. В литературе справедливо подчеркивается сложность балансировки между карательными функциями и защитой законных интересов добросовестных переселенцев силами ведомств общей юрисдикции [2]. По-видимому, именно дефицит узкопрофильной квалификации ведет к латентности доли правонарушений. Это мнение коррелирует с выводами, представленными в исследовании Л.В. Потаповой, где акцентируется внимание на необходимости оперативного устранения ущемлений закона в специфических сферах [12].

В целях систематизации понимания масштабов проблемы в таблице 1 представлена типология основных девиантных проявлений.

Таблица 1. Нарушения нормативно-правовых актов в сфере легализации иностранных субъектов (составлено автором)

Категория	Сущность механизма реализации	Степень экспертной сложности доказывания
Имитация брачно-семейных связей	Регистрация союза с резидентом исключительно ради обхода квот, ускорения натурализации	Высокая (требует сбора косвенных улик, анализа совместного быта)
Фальсификация образовательных критериев	Приобретение подложных документов о владении государственным языком и знании истории	Средняя (обнаруживается при сверке с базами профильных министерств)
Теневая торговля квотами и РВП	Использование должностных полномочий для незаконной выдачи разрешительной документации	Экстремально выраженная (требует комплекса оперативных мероприятий)
Игнорирование повинностей	Уклонение от явки в комиссарии для постановки на учет после получения статуса	Низкая (эффективно работает цифровой мониторинг)

В сопоставлении с более ранними подходами, текущая криминологическая ситуация требует специфических знаний в области этносоциологии, международного права. Границы полномочий районных сотрудников весьма ограничены. На основании отмеченного подчеркнем: система не позволяет сформировать глубокую аналитическую базу превентивного характера.

Решением описанного структурного кризиса должно стать учреждение самостоятельной профильной единицы. Впрочем, описываемый шаг не потребует ломки конституционных основ. Так, создание приравненных структур прямо допускается статьей 11 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». В отечественной доктрине институт специализированных подразделений давно доказал свою легитимность. Успешный опыт такого обособления детально рассмотрен в исследовании И.В. Орловской [11].

Предлагаемая модель опирается на качественную реорганизацию. Субъектный состав контрольных мероприятий сузится, однако аналитическая глубина возрастет. В сферу ведения проектируемого органа логично было бы включить тотальный аудит центральных и региональных управлений МВД РФ. Как свидетельствуют данные о въездных потоках Главного управления по вопросам миграции, большие объемы прибывающих лиц (свыше 6 миллионов человек ежегодно) нереально качественно администрировать без выделенного надзорного центра [10].

В таблице 2 приведено сопоставление действующих и проектируемых аудиторских механизмов.

Таблица 2. Сравнительная характеристика универсальной и специализированной систем процессуального аудита (составлено на основе [1, 6, 7, 12])

Критерий	Территориальные инстанции (универсальная компетенция)	Проектируемые обособленные подразделения (профильные)
Фокус внимания	Дисперсный (охватывает все сферы жизнедеятельности района)	Концентрированный (исключительно перемещение иностранцев и паспортизация)
Кадровый потенциал	Широкий юридический кругозор, недостаток узкой экспертизы	Детальное знание международного права, цифровой биометрии
Взаимодействие с ведомствами	Эпизодическое (реагирование на жалобы или плановые рейды)	Непрерывное (внедрение API баз данных, совместный цифровой мониторинг)
Экономическая эффективность	Низкая (высокие транзакционные издержки на переклечение между делами)	Высокая (пресечение теневой занятости компенсирует затраты на аппарат)

Примечательно, что эксперты, которые предлагают пути решения современных демографических проблем, также склоняются к необходимости усиления адресного контроля. Макроэкономический эффект от вывода из тени трудовых резервов с лихвой возместит государственные расходы на содержание нового аппарата [4].

Выдвигаемые ниже авторские предложения обладают выраженной научной новизной, поскольку обосновываются алгоритм перевода госаудита на рельсы высоких технологий.

Во-первых, рекомендуется инициировать внесение пакета дополнений в законодательство. Как отмечает Е.Г. Лиходаев, расширение круга поднадзорных субъектов и уточнение юрисдикции является эффективным требованием времени [8]. Формирование межрегиональных ведомств по бассейновому либо окружному принципу позволит оптимизировать логику проверок.

Во-вторых, следует разработать регламент автоматизированного информационного обмена. Проектируемый орган должен быть наделен санкционированным доступом к бэкэнд-инфраструктуре портала государственных услуг. Инновационность подхода кроется в отказе от архаичных бумажных ревизий в пользу предиктивной аналитики. Если программный комплекс фиксирует феномен «резиновых квартир», система генерирует рапорт автоматически.

В-третьих, целесообразно внедрить обязательную систему непрерывного обучения кадрового состава на базе профильных университетов. Учебные программы должны включать изучение этнокультурных особенностей диаспор, методов выявления подделок документов.

Заключение

Динамичная трансформация социодемографической среды диктует бескомпромиссные требования к качеству государственного администрирования. Существующий формат универсального прокурорского надзора объективно исчерпал свой ресурс результативности в анализируемой специфической сфере. Многоступенчатость процедуры рассмотрения ходатайств о натурализации требует продуманной работы правоприменителя.

Научное значение представленной работы состоит в теоретическом обосновании перехода к интенсивной модели осуществления контроля. Обособление функционала в рамках интеллектуально емкой структуры поможет устранить системные пробелы в выявлении симулятивных браков и фактов коррупционного распределения квот. Охарактеризованная в статье типология противоправных деяний, равно как и многофакторный сравнительный анализ, формируют методологическую базу для дальнейших изысканий.

С практической точки зрения, предложенные алгоритмы образуют концептуальный «каркас» для перспективной законодательной деятельности. Сформулированные рекомендации могут быть непосредственно задействованы Генеральной прокуратурой Российской Феде-

рации при разработке стратегий развития. Внедрение института специального аудита обеспечит возведение надежного правового заслона на пути незаконной интеграции иностранного элемента, защитит интересы российского общества, станет мощнейшим гарантом соблюдения прав и свобод добросовестных переселенцев. Сильная, компетентная инстанция способна стать тем самым институциональным ответом, который обеспечит разумную сбалансированность между открытостью государства и неизбежностью национальной безопасности.

Литература

1. Ашиткова Т.В. Роль органов прокуратуры в реализации государственной миграционной политики Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 6 (104). – С. 54–60.
2. Булатов Р.Б., Булатов Т.Р. Роль органов прокуратуры в защите прав иностранных граждан в России // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 1. – С. 61–64.
3. Вараксина Д., Меркель И. Число нелегальных мигрантов в России достигло 650 000 человек // URL: <https://spb.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/04/1102341-chislo-nelegalnih-migrantov-v-rossii-dostiglo-650-000-chelovek> (дата обращения: 29.03.2026).
4. Викулова М. Эксперты предложили пути решения миграционных проблем в России // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/11/07/1073643-eksperti-predlozhili> (дата обращения: 29.03.2026).
5. Дорофеева Е. Как изменилась миграционная политика в России // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/25/1083554-kak-izmenilas-migratsionnaya-politika-v-rossii> (дата обращения: 29.03.2026).
6. Земсков А.Ю. Современное состояние правового регулирования участия органов прокуратуры в деятельности по обеспечению национальной безопасности в миграционной сфере // Судебная экспертиза и исследования. – 2025. – № 1. – С. 58–67.
7. Лайкова Е.А., Бурзанов Ю.Л. Роль прокуратуры в противодействии коррупционным проявлениям в сфере регистрационного и миграционного учета // Modern Science. – 2021. – № 9–2. – С. 105–107.
8. Лиходаев Е.Г. Граждане – объекты прокурорского надзора? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 2 (151). – С. 209–213.
9. МВД сообщило о выдворении 2000 мигрантов из Москвы за четыре месяца 2024 года // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/06/14/1043813-vidvorenii-2000-migrantov> (дата обращения: 29.03.2026).
10. МВД: за 2024 год в Россию прибыли более 6 млн мигрантов // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/19/1118529-v-rossiyu-pribili> (дата обращения: 29.03.2026).
11. Орловская И.В. Система специализированных природоохранных прокуратур Российской Федерации: исторические, организационно-правовые аспекты и принципы ее формирования // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28. – № 1. – С. 180–192.
12. Потапова Л.В. Некоторые вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства // Юридическая наука. – 2024. – № 11. – С. 93–95.

SPECIALIZED MIGRATION PROSECUTOR'S OFFICE AS A SUPERVISORY BODY FOR THE IMPLEMENTATION OF RUSSIAN FEDERATION CITIZENSHIP LEGISLATION

Postnova M.V.

Moscow State Law Academy

The transformation of demographic processes and the recent updates to domestic regulatory acts necessitate the highest precision in state administration. The relevance of the stated issue is driven by the sharp complication of “shadow” schemes for acquiring passports, which the current law enforcement vertical opposes with noticeable strain. At the same time, a clear institutional contradiction is revealed in law enforcement: the multi-vector nature of the tasks resolved daily by general territorial prosecutors comes into sharp conflict with the objective need for a deep and meticulous immersion in the highly specialized subject matter of visa regimes and ethnosociology. Essentially, district auditors are physically deprived of the time resource required to systematically track complex chains of sham marriages or identify forged language certificates. The objective of the article is to provide a conceptual substantiation for the “architecture” of a separate body—a specialized prosecutor's office focused on verifying the legality of the legalization of foreign nationals. Based on the results of the analysis, the author concludes that the traditional “general profile” supervision format has exhausted its management potential in this specific niche. The establishment of an interregional specialized agency, which will be integrated with state digital platforms and utilize predictive analytics, will help automatically block the illegal acquisition of indigeneat at the document submission stage. The presented materials will be useful to representatives of the legislative branch when designing reforms for the control and audit block, as well as to employees of relevant ministries for the purpose of improving inter-agency interaction.

Keywords: citizenship, indigeneat, legalization of foreigners, migration policy, supervisory body, naturalization, predictive analytics, prosecutorial supervision, specialized prosecutor's office

References

1. Ashitkova T.V. The role of the prosecutor's office in the implementation of the state migration policy of the Russian Federation // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2024. – No. 6 (104). – P. 54–60.
2. Bulatov R.B., Bulatov T.R. The role of the prosecutor's office in protecting the rights of foreign citizens in Russia // Education. Science. Scientific Personnel. – 2024. – No. 1. – P. 61–64.
3. Varaksina D., Merkel I. The number of illegal migrants in Russia reached 650,000 people // URL: <https://spb.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/04/1102341-chislo-nelegalnih-migrantov-v-rossii-dostiglo-650-000-chelovek> (accessed: 29.03.2026).
4. Vikulova M. Experts proposed ways to solve migration problems in Russia // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/11/07/1073643-eksperti-predlozhili> (accessed: 29.03.2026).
5. Dorofeeva E. How migration policy in Russia has changed // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/25/1083554-kak-izmenilas-migratsionnaya-politika-v-rossii> (accessed: 29.03.2026).
6. Zemskov A. Yu. The current state of legal regulation of the participation of the prosecutor's office in activities to ensure national security in the migration sphere // Forensic Examination and Research. – 2025. – No. 1. – P. 58–67.
7. Laykova E.A., Burzanov Yu.L. The role of the prosecutor's office in countering corruption manifestations in the field of registration and migration records // Modern Science. – 2021. – No. 9–2. – P. 105–107.
8. Likhodaev E.G. Citizens as objects of prosecutorial supervision? // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – No. 2 (151). – P. 209–213.
9. MIA reported the expulsion of 2,000 migrants from Moscow in four months of 2024 // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/06/14/1043813-vidvorenii-2000-migrantov> (accessed: 29.03.2026).
10. MIA: more than 6 million migrants arrived in Russia in 2024 // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/19/1118529-v-rossiyu-pribili> (accessed: 29.03.2026).
11. Orlovskaya I.V. The system of specialized environmental prosecutor's offices of the Russian Federation: historical, organizational and legal aspects and principles of its formation // Bulletin of the Kostroma State University. – 2022. – Vol. 28. – No. 1. – P. 180–192.
12. Potapova L.V. Some issues of exercising prosecutorial supervision over the implementation of migration legislation // Juridical Science. – 2024. – No. 11. – P. 93–95.

Ручкин Никита Сергеевич,

магистрант ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: statebuilding3@gmail.com

Автор рассматривает современные направления трансформации таможенной службы Российской Федерации в условиях цифровизации экономики и развития международной торговли. Проанализированы ключевые направления трансформации таможенного администрирования, включая развитие электронной таможни, автоматизацию таможенных процедур, внедрение технологий искусственного интеллекта и проч. Особое внимание уделено влиянию электронной коммерции и роста мультимодальных перевозок на изменение содержания таможенной деятельности, а также модернизации пунктов пропуска как важнейшего элемента таможенной инфраструктуры. Выявлены основные проблемы современного этапа развития таможенной системы, связанные с несовершенством нормативно-правового регулирования, необходимостью формирования новых цифровых компетенций кадров и обеспечением кибербезопасности.

Ключевые слова: таможня, цифровизация, ВЭД, ФТС России, электронная таможня, пункт пропуска, искусственный интеллект, таможенное администрирование.

Достаточно часто в научной литературе и периодике таможенные органы именуются «экономическим защитником» государства [10, с. 385]. Действительно, таможенные ведомства выполняют ключевые функции в области защиты экономических интересов страны. Деятельность таможни нельзя сужать лишь до процедур контроля за перемещением товаров через границу. На сегодняшний день Федеральная таможенная служба (далее – ФТС) России представляет собой комплексную структуру, деятельность которой направлена на достижение целей и задач фискального, контрольного и правоохранительного характера. Более того, таможенные органы играют важную роль в пополнении бюджета, одновременно с этим оказывая противодействие незаконному обороту товаров, осуществляя борьбу с контрабандой и защищая потребителей от некачественной или даже опасной продукции. В текущих геополитических условиях таможня, помимо прочего, делает вклад в реализацию стратегии импортозамещения, содействует развитию экспорта [10, с. 388].

При этом институт таможни, как и прочие иные области общественных отношений, не является статичным: он постоянно эволюционирует, трансформируется, адаптируется к новым условиям окружающей среды. При этом новых исследований, посвященных векторам и специфике трансформации современной российской таможни, в научном массиве относительно немного, чем, собственно, и обусловлена актуальность настоящего исследования.

Нормативным базисом функционирования ФТС России выступает «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р в ред. от 12.07.2024) [9], а также Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ [12].

Товары, перемещаемые через таможенную границу во внешнеторговом обороте, являются объектом таможенного контроля, который, в свою очередь, разделяется на документальный и фактический. Документальный контроль обозначает совокупность проверочных процедур документов и сведений на декларируемый товар; фактический таможенный контроль обозначает проведение в отношении товара фактического таможенного осмотра и досмотра.

Ключевым направлением трансформации ФТС России на текущем этапе выступает **цифровизация**. Так, в частности, с 2017 г. ФТС России запустила серию мероприятий, направленных на формирование и развитие системы электронных таможен и таможен фактического контроля. Кроме того, в условиях цифровизации возникла задача по дифференциации полномочий между данными структурами. Достижение данной задачи, отмечает Д.Э. Барсегян, позволило существенно повысить эффективность и скорость функционирования таможенных процессов за счет: (1) применения в отношении товаров низкого уровня риска технологии автоматического выпуска; (2) сокращения сроков выпуска товаров, в отношении которых не назначается проведение таможенного осмотра или таможенного досмотра; (3) минимизации коррупционных факторов; (4) смещение фокуса с первичного таможенного контроля на таможенный контроль после выпуска товаров [1, с. 26].

Как пишет Т.В. Дорожкина с соавт., уже в 2024 г. доля электронного документооборота в таможенной отрасли достигла 94,8%. Данный показатель, безусловно, можно считать одним из ключевых достижений в области цифровизации деятельности таможенных ведомств. Кроме того, в 2024 г. продолжилась работа по расширению функционала АПС «Личный кабинет участника ВЭД» в области операций со счетами «цифрового рубля», мобильной версии личного кабинета, предварительного таможенного декларирования [4, с. 161].

Е.Э. Толикова и А.К. Сайлаубаева указывают на то, что цифровая трансформация таможенной деятельности носит комплексный характер и охватывает практически все основные направления функционирования таможенных органов – не только процессы таможенного оформления и таможенного контроля товаров, перемещаемых через таможенную границу, но и процедуры контроля доставки товаров, осуществления валютного контроля, обеспечения соблюдения мер нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности, а также контроля исполнения решений таможенных органов.

Кроме того, важным направлением цифровизации является автоматизация процессов формирования и ведения таможенной статистики внешней торговли. Современные информационные технологии позволяют аккумулировать, систематизировать и анализировать значительные объемы данных, необходимых как для подготовки официальных статистических публикаций, так и для информационного обеспечения органов государственной власти при разработке и реализации внешнеэкономической политики [11, с. 235].

Цифровизация, как отмечено выше, породила институт электронной таможни, представляющий собой новую модель организации таможенной деятельности, основанную на широком применении современных информационно-коммуникационных технологий. Внедрение цифровых решений обеспечивает реализацию механизмов прослеживаемости и маркировки товаров, электронного администрирования таможенных и налоговых платежей, создание единой системы таможенного транзита.

Электронная таможня является специализированным таможенным органом, входящим в единую систему таможенных органов Российской Федерации и осуществляющим реализацию задач и функций Федеральной таможенной службы России. Создание сети электронных таможен позволило перейти к централизованной модели совершения таможенных операций, основанной на дистанционном взаимодействии участников внешнеэкономической деятельности с таможенными органами и автоматизации значительной части административных процедур.

А.А. Кузнецова с соавт. пишет о том, что электронная таможня обеспечивает качественное совершенствование системы таможенного администрирования. Для таможенных органов цифровизация способствует повышению эффективности таможенного контроля, обеспечению полноты и своевременности взимания таможенных платежей, централизации системы управления рисками, оптимизации организационной структуры таможенных органов и более рациональному использованию информационно-технических ресурсов [7, с. 113].

Цифровизация, помимо прочего, привела к формированию еще одной тенденции в развитии таможенных органов – **увеличению доли мультимодальных перевозок**. Мультимодальные перевозки представляют собой совокупность процессов систем, функционирование которых направлено на перемещение грузов и пассажиров различными видами транспорта: автомобильным, воздушным, водным и железнодорожным. Ключевыми достоинствами мультимодальных перевозок, по мнению С.П. Калмыкова и А.А. Морозовой, выступают следующие: сокращение транспортно-логистических расходов и сроков доставки; обеспечение безопасности грузов; сокращение ресурсов на оформление документации [5, с. 27].

Увеличение объема мультимодальных перевозок оказывает комплексное влияние на развитие института таможни, трансформируя его функции, организационные механизмы и инструменты государственного регулирования. Данная тенденция непосредственным образом связана с цифровизацией таможенного администрирования. Речь идет о том, что рост доли мультимодальных перевозок требует ускорения процессов таможенного оформления, поскольку груз перемещается с использованием нескольких видов транспорта в рамках единой логистической цепи. Это стимулирует внедрение: электронного декларирования; автоматизированной регистрации деклараций; систем управления рисками; технологий «единого окна» и электронного документооборота. В результате таможенные органы переходят от преимущественно контрольной функции к модели цифрового сервисного администрирования.

Цифровизация произошла во множестве областей общественных отношений, в том числе и в области оптовой и розничной торговли. Все это привело к изменению работы таможни. Так, в частности, **спад популярности оффлайн торговли в пользу цифровых платформ** – маркетплейсов и иных экосистемных площадок – привел к росту товаропотока, в т.ч. трансграничного. В обществе постепенно сформировалась особая культура потребления, в рамках которой предъявляются повышенные требования к качеству и скорости доставки товаров [14, с. 74]. В подобных условиях существенно возросла нагрузка на таможенные органы, которым необходимо обеспечивать оперативное совершение таможенных операций при одновременном сохранении высокого уровня таможенного контроля. Традиционные механизмы таможенного администрирования, ориентированные на обработку сравнительно ограниченных объемов внешнеторговых поставок, оказываются недостаточно эффективными применительно к стремительно растущему числу небольших грузов, характерных для электронной торговли.

Как отмечено выше, значительная доля процедур в таможенной отрасли перешла в режим «онлайн». Тем не менее, **развитие и трансформация физических пунктов пропуска**, досмотра и осмотра, так-

же не остаются на периферии внимания законодателя, функционеров отрасли и участников ВЭД. Пункты пропуска через границу Российской Федерации выступают важнейшим элементом таможенной инфраструктуры, так как именно они обеспечивают проведение государственного контроля, совершение таможенных операций и организацию международного товарооборота. В современных условиях их модернизация приобретает стратегическое значение, поскольку напрямую влияет на скорость перемещения товаров, пропускную способность международных транспортных коридоров и эффективность внешнеэкономической деятельности.

По данным официального сайта ФГКУ «Росгранстрой», в 2023 г. было модернизировано 75 пунктов пропуска, в 2024 г. – 85, в 2025 г. – 90. Одновременно реализуются мероприятия по оснащению пунктов пропуска современными инспекционно-досмотровыми комплексами, внедрению интеллектуальных систем контроля и цифровых сервисов, включая механизм электронной очереди для грузового транспорта. Кроме того, в рамках реализации национального проекта «Эффективная транспортная система» до 2030 г. запланированы строительство и реконструкция 27 наиболее значимых пунктов пропуска, а также комплексная модернизация всех 87 приоритетных пограничных переходов, что позволит не менее чем в два раза увеличить их пропускную способность на ключевых направлениях международной торговли. Согласно прогнозам, до 2030 г. будет построено и реконструировано 27 объектов на ключевых международных торговых направлениях: пропускная способность железнодорожных пунктов пропуска сможет достигнуть до 52,7 млн тонн, а автомобильных – до 18,2 млн транспортных средств в год [8].

Вышеописанное развитие физической (т.е. «невиртуальной») таможенной инфраструктуры обусловлено переориентацией внешнеторговых потоков Российской Федерации, ростом перевозок по международным транспортным коридорам и необходимостью сокращения времени совершения контрольных процедур. В данной связи модернизация пунктов пропуска выступает одним из ключевых направлений совершенствования таможенной инфраструктуры [4, с. 161].

И.В. Деревцова с соавт. приводит аналогичное умозаключение: цифровизация затронула, помимо электронной таможни, и «реальные» пропускные пункты. Так, в частности, при реконструкции и модернизации пунктов пропуска рассматривается возможность внедрения т.н. модели интеллектуального пропуска, в рамках которой «все операции осуществляются автоматически, поэтому перемещение «безрисковых» товаров через таможенную границу стран ЕАЭС происходит безостановочно» [3, с. 4].

Н.М. Кожуханов. в свою очередь, говорит о перспективности **внедрения технологий искусственного интеллекта в работу пропускных пунктов**, и в частности – в работу инспекционно-досмотровых комплексов (ИДК). В рамках цифровой трансформации ФТС России осуществляется развитие сервиса автоматизированного анализа рентгеноскопических изображений, получаемых с помощью ИДК. Сформированная база данных включает в себя более 200 тыс. изображений и используется для обучения интеллектуальных моделей распознавания товаров и объектов повышенного риска. Применение ИИ позволяет повысить точность анализа результатов досмотра [13, с. 79], сократить время проведения контрольных мероприятий и повысить эффективность выявления нарушений таможенного законодательства [6, с. 86–87].

А.А. Ворона и Р.П. Мешечкина пишут о том, что создание интеллектуальных пунктов пропуска предусмотрено Стратегией развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г., но, тем не менее, некоторые элементы данной модели уже реализуются (к примеру, технология анализа рентгеноскопических изображений инспекционно-досмотровых комплексов (ИДК) с применением технологий искусственного интеллекта). Точность интеллектуального распознавания отдельных товарных групп достигает 95%, а результаты анализа предоставляются инспектору в течение нескольких секунд [2, с. 11].

Трансформация российской таможни на современном этапе демонстрирует не только положительные сдвиги, но и появление некоторых рисков и барьеров. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Во-первых, как справедливо отмечает Т.В. Дорожкина с соавт., «действующие нормативные акты зачастую не успевают за динамично меняющимися реалиями внешнеэкономической деятельности» [4, с. 164]. Высокие темпы трансформации генерируют большое количество правовых коллизий и пробелов в законодательстве, что в долгосрочной перспективе приводит к снижению эффективности таможенного контроля и затрудняет процесс адаптации к новым рыночным реалиям.

Во-вторых, отставание в обновлении нормативного правового массива в соответствующей области законодатель пытается компенсиро-

вать за счет разработки и утверждения множества подзаконных актов, распоряжений, инструкций. И.В. Деревцова с соавт. пишет о том, что ежегодно «таможенные органы выпускают огромное количество документов в виде постановлений, распоряжений, приказов и других нормативно-правовых актов, которые по большей мере предполагают внесение каких-либо изменений в базы данных, дополнения особенностей в процессы таможенного декларирования и контроля, оплаты таможенных платежей», что, в свою очередь, приводит к трудностям в адаптации к новым правилам, а также к трудностям в дальнейшей автоматизации процессов [3, с. 7].

В-третьих, уже на текущий момент становится очевидной проблема переподготовки сотрудников. Цифровизация предполагает кардинальное изменение подходов к работе и наличие высокого уровня цифровых компетенций.

Наконец, в-четвертых, отметим проблему безопасности цифровых данных при их обмене между участниками ВЭД (т.н. кибербезопасность) [4, с. 164].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Цифровизация выступает ключевым направлением трансформации таможенной службы. Цифровая трансформация носит комплексный характер, охватывая таможенное оформление, таможенный контроль, валютный контроль, таможенную статистику, управление рисками и информационное взаимодействие с участниками внешнеэкономической деятельности.

- Формирование электронной таможни стало закономерным результатом цифровизации.

- Развитие электронной коммерции и рост мультимодальных перевозок обусловили изменение характера таможенной деятельности, что потребовало модернизации таможенных технологий.

- Трансформация таможенной инфраструктуры осуществляется также по пути модернизации пунктов пропуска, внедрении интеллектуальных систем контроля и применения технологий искусственного интеллекта при осуществлении фактического таможенного контроля.

- Несмотря на высокие темпы цифровизации, институциональное развитие таможенной системы сопровождается рядом ограничений, среди которых наиболее значимыми являются отставание нормативно-правового регулирования от технологических изменений, фрагментарность подзаконного регулирования, дефицит кадровых компетенций в области цифровых технологий и возрастание рисков обеспечения кибербезопасности.

Литература

1. Барсегян, Д.Э. Анализ распределения полномочий между электронными таможнями и таможнями фактического контроля при помещении товаров под различные таможенные процедуры / Д.Э. Барсегян // E-Management. – 2022. – № 1. – С. 24–31.
2. Ворона, А.А. Таможенное администрирование на пути к интеллектуальной таможне / А.А. Ворона, Р.П. Мешечкина // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2023. – № 1 (85). – С. 9–14.
3. Деревцова, И.В. Цифровая таможня: вызовы и угрозы в условиях цифровой трансформации экономики / И.В. Деревцова, Л.Н. Ключникова, С.С. Кочетыгова, А.А. Осадчая // Baikal Research Journal. – 2022. – № 4. – 11 с.
4. Дорожкина, Т.В. Основные тенденции развития таможенной инфраструктуры Российской Федерации в современных реалиях / Т.В. Дорожкина, Е.С. Щербакова, А.А. Кузнецова, Д.Е. Лузгин // ЕГИ. – 2025. – № 2 (58). – С. 160–164.
5. Калмыков, С.П. Мультимодальные перевозки на примере развития Новосибирского мультимодального транспортного узла: таможенный аспект / С.П. Калмыков, А.А. Морозова // БИТ. – 2022. – № 1 (21). – С. 27–30.
6. Кожуханов, Н.М. Отдельные аспекты использования искусственного интеллекта в контрольно-надзорной деятельности таможенных органов / Н.М. Кожуханов // Вестник Российской таможенной академии. – 2023. – № 2 (63). – С. 81–90.
7. Кузнецова, А.А. Преимущества и проблемы применения цифровых технологий в деятельности таможенных органов России / А.А. Кузнецова, П.С. Янковский, М.В. Непарко // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 11–2 (105). – С. 112–115.
8. Рассказываем о реализации федерального проекта по развитию пунктов пропуска // Официальный сайт ФГКУ Росгранстрой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosgranstroy.ru/press-center/news/rasskazyvaem-o-realizacii-federalnogo-proekta-po-razvitiyu-punktov-propuska?utm_source=chatgpt.com. – Дата доступа: 16.07.2026.

9. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 N 1388-р (ред. от 12.07.2024) «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/62de6eae95a59b101c046143d08662125b1b4032/. – Дата доступа: 16.07.2026.

10. Рощина, Л.Н. Роль таможенных органов в осуществлении мер по защите экономических интересов Российской Федерации во внешней торговле товарами / Л.Н. Рощина, С.В. Солёная // Прогрессивная экономика. – 2026. – № 6. – С. 383–402.

11. Толикова, Е.Э. Направления цифровой трансформации таможенной службы / Е.Э. Толикова, А.К. Сайлаубаева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 6–3. – С. 234–239.

12. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 N 289-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/. – Дата доступа: 16.07.2026.

13. Хайдобин, А.А. Применение искусственного интеллекта в ВЭД: взгляд таможни и бизнеса / А.А. Хайдобин // Н.Экс.Т. – 2022. – № 4 (20). – С. 75–81.

14. Чайникова, А.С. Перспективы международной торговли на маркетплейсах / А.С. Чайникова, А.О. Скворцов // Вестник ПензГ У. – 2026. – № 2 (54). – С. 73–76.

TRANSFORMATION OF MODERN RUSSIAN CUSTOMS IN A MARKET ECONOMY

Ruchkin N.S.

Saratov State Law Academy

The author describes the current trends in the transformation of the Russian Customs Service in the context of the digitalization of the economy and the development of international trade. Key areas of customs administration transformation are analyzed, including the development of e-customs, the automation of customs procedures, the implementation of artificial intelligence technologies, and others. Particular attention is paid to the impact of e-commerce and the growth of multimodal transportation on the changing nature of customs activities, as well as the modernization of border crossing points as a crucial element of customs infrastructure. The main problems of the current stage of development of the customs system are identified, related to the imperfection of legal regulation, the need to develop new digital competencies of customs officers, and ensuring cybersecurity.

Keywords: customs, digitalization, foreign trade activities, federal customs service of Russia, electronic customs, border point, artificial intelligence, customs administration

References

1. Barsegyan, D.E. Analysis of the Distribution of Authority between Electronic Customs and Customs Offices of Actual Control When Placing Goods under Various Customs Procedures / D.E. Barsegyan // E-Management. – 2022. – No. 1. – P. 24–31.
2. Vorona, A.A. Customs Administration on the Way to Intelligent Customs / A.A. Vorona, R.P. Meshechikina // Scientific Notes of the V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy. – 2023. – No. 1 (85). – P. 9–14.
3. Derevtsova, I.V. Digital Customs: Challenges and Threats in the Context of the Digital Transformation of the Economy / I.V. Derevtsova, L.N. Klyuchnikova, S.S. Kochetygova, A.A. Osadchaya // Baikal Research Journal. – 2022. – No. 4. – 11 p.
4. Dorozhkina, T.V. Main Trends in the Development of the Customs Infrastructure of the Russian Federation in Modern Realities / T.V. Dorozhkina, E.S. Shcherbakova, A.A. Kuznetsova, D.E. Luzgin // EGI. – 2025. – No. 2 (58). – P. 160–164.
5. Kalmykov, S.P. Multimodal Transportation on the Example of the Development of the Novosibirsk Multimodal Transport Hub: Customs Aspect / S.P. Kalmykov, A.A. Morozova // BIT. – 2022. – No. 1 (21). – P. 27–30.
6. Kozhukhan, N.M. Certain Aspects of Using Artificial Intelligence in Control and Supervision Activities of Customs Authorities / N.M. Kozhukhan // Bulletin of the Russian Customs Academy. – 2023. – No. 2 (63). – P. 81–90.
7. Kuznetsova, A.A. Advantages and Problems of Applying Digital Technologies in the Activities of Russian Customs Authorities / A.A. Kuznetsova, P.S. Yankovsky, M.V. Neparco // Economy and Business: Theory and Practice. – 2023. – No. 11–2 (105). – P. 112–115.
8. We talk about the implementation of the federal project for the development of checkpoints // Official website of FGKU Rosgranstroy [Electronic resource]. – Access mode: https://rosgranstroy.ru/press-center/news/rasskazyvaem-o-realizacii-federalnogo-proekta-po-razvitiyu-punktov-propuska?utm_source=chatgpt.com. – Access date: 16.07.2026.
9. Order of the Government of the Russian Federation of 23.05.2020 N 1388-r (as amended on 12.07.2024) “Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2030” // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/62de6eae95a59b101c046143d08662125b1b4032/. – Access date: 16.07.2026.
10. Roshchina, L.N. The role of customs authorities in implementing measures to protect the economic interests of the Russian Federation in foreign trade in goods / L.N. Roshchina, S.V. Solenaya // Progressive Economy. – 2026. – No. 6. – Pp. 383–402.

11. Tolikova, E.E. Directions for digital transformation of the customs service / E.E. Tolikova, A.K. Sailaubaeva // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – No. 6–3. – Pp. 234–239.

12. Federal Law "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 03.08.2018 N 289-FZ (latest revision) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/. – Access date: 16.07.2026.

13. Khaidobin, A.A. Application of Artificial Intelligence in Foreign Economic Activity: the View of Customs and Business / A.A. Khaidobin // N.Eks.T. – 2022. – No. 4 (20). – P. 75–81.

14. Chainikova, A.S. Prospects for International Trade on Marketplaces / A.S. Chainikova, A.O. Skvortsov // Bulletin of PenzS U. – 2026. – No. 2 (54). – pp. 73–76.

Ткаченко Анна Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Красноярский государственный аграрный университет, Юридический институт

E-mail: annavl.tkachenko@gmail.com

В статье поднимается проблема генеральной (основной) функции государства в системе функций современного государства. Отмечается, что отечественная юриспруденция преимущественно сосредоточена на определении понятия функций государства, их классификации, тогда как вопрос об их иерархии и организации остается нераскрытым. На основе анализа правовой доктрины обосновывается необходимость разграничения государственной цели, государственных задач и функций государства как взаимосвязанных и самостоятельных категорий. Предлагаются критерии выделения генеральной функции государства. Разработана авторская интерпретация генеральной функции государства. Показано, что иные функции государства выступают самостоятельными направлениями государственной деятельности, объединенными общей стратегической целью сохранения и развития государственно организованного общества. Сделан вывод о целесообразности рассмотрения системы функций государства как иерархической системы, в которой генеральная функция выполняет системообразующую роль.

Ключевые слова: функции государства; теория государства и права; иерархия; жизнеспособность, политическая организация общества.

Теория функций государства традиционно относится к числу наиболее разработанных разделов общей теории государства и права. На протяжении нескольких десятилетий отечественная юриспруденция обогатилась обширным понятийным аппаратом, предложила многочисленные определения функций государства, разработала различные основания их классификации и исследовала особенности реализации отдельных направлений государственной деятельности.

Несмотря на значительное количество публикаций по данной проблематике внимание исследователей сосредоточено преимущественно на вопросах определения понятия функции государства, выявления ее признаков, построения классификаций и характеристики отдельных функций. При этом практически не ставится вопрос о внутренней организации самой системы функций государства.

Специфика развития отечественной государственно-правовой науки показывает, что классические исследования по теме сформировались в условиях, когда основной задачей являлось теоретическое обоснование перечня функций государства и их связи с его сущностью. В последующем предмет исследования практически не изменился. Современные функции государства должны быть связаны с сущностью государства (его природой) и его задачами, а также концептуально соответствовать пониманию их как направлений и сторон деятельности государства [1, с. 17].

Современные авторы предлагают новые варианты определения функций государства, то есть решают вполне стереотипные задачи в этой области. В центре внимания находится вопрос о том, какие функции выполняет государство [5], но не вопрос каким образом эти функции соотносятся между собой.

Анализ современных публикаций позволяет выделить несколько преобладающих направлений научной дискуссии.

Первая группа исследований посвящена уточнению самого понятия функции государства – они определяются как основные направления государственной деятельности, способы реализации социального назначения государства, формы проявления его сущности либо направления решения государственных задач [7].

Второе направление связано с совершенствованием классификаций функций государства, так как помимо традиционного деления на внутренние и внешние функции предлагаются различные варианты разграничения основных и производных, постоянных и временных, регулятивных и охранительных, экономических, социальных, экологических, информационных и иных функций [8].

Расширение классификационных оснований позволило более полно описать многообразие направлений деятельности современного государства. Например, одна из широко распространенных классификаций предполагает разделение функций государства на внутренние и внешние, что подчеркивает двойственную природу государственного управления, направленного как на регулирование внутренних процессов, так и на взаимодействие с внешней средой [6, с. 110].

Третье направление исследований связано с анализом преобразования функций государства под воздействием изменений общественных отношений, поскольку в современных работах цифровизация, глобализация, изменение характера угроз безопасности, развитие информационных технологий и иные процессы рассматриваются как факторы изменения содержания отдельных функций государства [2; 3].

Наконец, все чаще встречаются исследования, в которых принимаются попытки актуализировать саму теорию функций государства, в рамках которых авторы справедливо обращают внимание на историческую обусловленность традиционных представлений о функциях государства и необходимость их переосмысления применительно к современным политико-правовым реалиям [4].

Вопрос о существовании системообразующей функции государства по-прежнему остается за пределами теоретического анализа.

Характерно, что даже в тех работах, где используется категория приоритетных или основных функций, отсутствуют критерии их приоритетности. Как правило, утверждение о том, что определенная функция становится ведущей в конкретный исторический период, носит описательный характер. Между тем признание различной значимости функций государства неизбежно ставит вопрос о существовании принципов их иерархии. Если функции обладают различной степенью приоритетности, то возникает необходимость определить основания их дифференциации.

Сложившаяся ситуация позволяет сделать вывод о наличии существенного пробела в учении о системе функций государства. Постановка данного вопроса не предполагает разработки еще одной классификации функций государства и не сводится к попытке произвольно объявить какую-либо функцию главной. Исследовательская задача заключается в ином – определить, допускает ли сама теория функций государства существование функции, определяющей содержание остальных направлений государственной деятельности. И если такое допущение является обоснованным, то представляется необходимым установить критерии ее выделения. Решение этой задачи и составляет предмет дальнейшего исследования.

Признание существования генеральной функции государства невозможно без предварительного определения критериев такой дифференциации. В современной теории государства задача практически не ставится. Отдельные функции характеризуются как основные, приоритетные или наиболее значимые, однако соответствующие оценки, как правило, не сопровождаются объяснением причин выделения приоритетности государственных функций. Между тем сама возможность существования генеральной функции предполагает наличие таких признаков.

Традиционно функции государства различаются по сферам общественных отношений, формам реализации, продолжительности осуществления, территориальному масштабу либо характеру государственного воздействия. Каждое из указанных оснований не отвечает на вопрос об организации системы функций государства. Классификация позволяет определить виды функций, но не раскрывает характер их взаимосвязи. Между тем любая система предполагает наличие определенного порядка организации своих элементов. Если функции государства действительно образуют систему, то между ними могут и должны существовать отношения соподчинения.

Очевидно, что генеральная функция не может выделяться по количественному критерию. Объем осуществляемой государством деятельности сам по себе не свидетельствует о ее определяющем значении. Не является достаточным основанием и масштаб государственного вмешательства в соответствующую сферу общественных отношений.

В различные исторические периоды государство способно концентрировать значительные ресурсы при решении отдельных задач, однако это нередко обусловлено обстоятельствами исторической эпохи и не изменяет общей направленности государственной деятельности. Не позволяет выделить генеральную функцию и критерий перманентности. Продолжительность существования определенного направления государственной деятельности не означает его системообразующего характера.

Следовательно, поиск генеральной функции требует обращения к иным основаниям – ее месту в общей системе государственной деятельности.

Отправной точкой исследования является решение вопроса о соотношении государственной цели, государственных задач и функций государства. Цель определяет желаемое состояние общественных отношений, достижение которого обуславливает деятельность государства. Задачи уточняют способы достижения этой цели применительно к определенному этапу общественного развития.

Функции государства – это направления деятельности, посредством которых обеспечивается решение соответствующих задач. При таком подходе генеральная функция не существует наряду с другими функциями как еще одно направление государственной деятельности.

Ее специфика определяется тем, что она непосредственно ориентирована на достижение основной цели государства соответствующего исторического периода и через это оказывает влияние на содержание остальных функций.

Исходя из этого, генеральная функция государства может быть выделена на основании совокупности следующих критериев.

Во-первых, она непосредственно связана с реализацией основной государственной цели. Остальные функции ориентированы на решение отдельных государственных задач, тогда как генеральная функция обеспечивает достижение стратегического результата развития государственно организованного общества.

Во-вторых, генеральная функция обладает системообразующим характером. Ее содержание определяет направленность реализации иных функций государства. Изменение генеральной функции неизбежно влечет изменение содержания остальных направлений государственной деятельности вокруг новых приоритетов.

В-третьих, генеральная функция концентрирует основные государственные ресурсы. Речь идет не только о финансовом обеспечении, но и о законодательной деятельности, институциональном строительстве, организационных механизмах публичной власти и распределе-

нии направлений, в которых государство сосредоточивает основные усилия.

В-четвертых, генеральная функция отличается наиболее высокой степенью неизменности по отношению к изменениям конкретных государственных задач. Ее содержание способно преобразовываться под воздействием исторических условий, однако подобная трансформация происходит значительно медленнее, чем изменение отдельных направлений деятельности государства. Благодаря этому обеспечивается преемственность государственной политики и сохраняется целостность всей системы функций государства.

Предложенные критерии позволяют определить место генеральной функции в системе функций государства. Она не образует самостоятельную разновидность наряду с экономической, социальной, правоохранительной, экологической либо иными функциями.

Такая интерпретация неизбежно привела бы лишь к расширению существующего перечня функций без изменения самой логики исследования. Генеральная функция представляет собой ведущий уровень организации системы функций государства. Она выражает не отдельное направление государственной деятельности, а принцип внутренней организации всей системы функций.

Следовательно, систему функций государства целесообразно рассматривать как иерархию. Ее верхний уровень занимает генеральная функция, непосредственно ориентированная на достижение основной цели государства. Ниже располагаются специальные функции обеспечения решения отдельных групп государственных задач. Каждая из них сохраняет относительную автономию, однако одновременно выполняет инструментальную роль по отношению к генеральной функции. Именно через такую взаимосвязь достигается согласованность различных направлений деятельности государства.

Предлагаемая иерархия позволяет по-новому оценить традиционную проблему изменения функций государства. В юридической литературе обычно подчеркивается, что под воздействием социальных процессов изменяются содержание и формы реализации отдельных функций. Однако такие изменения затрагивают характер взаимосвязи этих функций. По мере изменения государственной цели происходит перераспределение функциональных приоритетов, вследствие чего изменяется содержание генеральной функции, а вместе с ним преобразуется вся система государственной деятельности. Следовательно, историческая изменчивость функций государства проявляется и в изменении их внутренней иерархии.

Такое понимание генеральной функции позволяет преодолеть сложившееся в теории государства сопоставление различных функций как равнозначных звеньев системы. Каждая из них сохраняет самостоятельное значение, однако приобретает полноценное теоретическое объяснение лишь в рамках общей системы, объединенной единой государственной целью. Именно поэтому исследование генеральной функции не сводится к поиску еще одного направления государственной деятельности. Его результатом становится разработка критериев внутренней организации всей системы функций государства. В результате возникает возможность для определения той функции, которая на конкретном этапе исторического развития приобретает системообразующее значение.

Если исходить из того, что генеральная функция определяется не масштабом государственной деятельности и не объемом реализуемых полномочий, а способностью обеспечивать достижение основной государственной цели и организовывать содержание остальных функций, возникает необходимость определить, какая именно функция отвечает указанным критериям в современных условиях.

Представляется, что в качестве такой функции следует рассматривать обеспечение жизнеспособности государственно организованного общества. Под жизнеспособностью понимается способность государства сохранять устойчивость существования общества, обеспечивать воспроизводство социальных институтов, адаптироваться к внутренним и внешним изменениям, предотвращать возникновение угроз, способных поставить под сомнение его дальнейшее развитие.

Это понимание отличается от классических подходов, в рамках которых на первый план последовательно выдвигались экономическая, социальная, правоохранительная, оборонная либо иные функции государства. Каждая из них отражает определенную сферу государственной деятельности и сохраняет самостоятельное значение. Однако ни одна не способна объяснить содержание всей системы функций государства.

Экономическая функция направлена на создание материальной основы общественного развития, социальная – на обеспечение воспроизводства населения и поддержание социальной стабильности, правоохранительная – на охрану правопорядка, оборонная – на защиту суверенитета государства. Каждая из этих функций решает собствен-

ный круг задач, но ни одна из них не охватывает всей совокупности условий для существования государства как организованной политико-правовой системы.

В отличие от этого обеспечение жизнеспособности государственно организованного общества представляет собой функцию более высокого уровня. Она не заменяет остальные функции и не поглощает их. Ее назначение состоит в определении ведущего направления государственной деятельности, в рамках которого отдельные функции наполняются конкретным содержанием и практическое значение. Именно поэтому генеральная функция не должна противопоставляться экономической, социальной, экологической или правоохранительной функциям. Они выступают различными способами достижения общей цели развития.

На протяжении истории состав функций государства неоднократно расширялся. Появлялись новые направления государственной деятельности, изменялись формы воздействия государства на жизнь общества, усиливалось значение отдельных сфер публичного управления. Вместе с тем подобные изменения не свидетельствуют о пересмотре генеральной функции. Изменяются преимущественно механизмы обеспечения жизнеспособности общества, тогда как сама потребность государства поддерживать условия собственного существования сохраняет свое приоритетное значение.

В современных условиях содержание генеральной функции приобретает более сложный характер по сравнению с предшествующими историческими этапами. Жизнеспособность государства определяется уже не только сохранением территориальной целостности и поддержанием общественного порядка. Она включает способность обеспечивать экономическую автономию, технологическое развитие, информационный суверенитет, демографическое воспроизводство, экологическую безопасность, стабильность публичной власти и эффективность правового регулирования. Каждое из указанных направлений реализуется посредством соответствующих функций государства, однако все они подчинены единой задаче – сохранению способности государственно организованного общества к долгосрочному развитию.

Предлагаемая концепция также позволяет объяснить, почему в различные исторические периоды государство концентрирует усилия на различных направлениях деятельности. Изменение внешнеполитической ситуации усиливает значение оборонительной функции, экономические кризисы обуславливают пересмотр приоритета хозяйственного развития, масштабные социальные преобразования требуют изменения содержания социальной функции, технологические изменения стимулируют развитие информационного и научно-технологического направлений государственной деятельности.

Несмотря на различие конкретных приоритетов, их объединяет общая цель – устранение факторов снижения жизнеспособности государственно организованного общества. Следовательно, перераспределение ресурсов между отдельными функциями не означает изменения генеральной функции, а отражает изменение способов ее реализации.

Предлагаемая интерпретация генеральной функции позволяет преодолеть характерное для современной теории государства восприятие функций как совокупности равнозначных направлений государственной деятельности. Представляется более обоснованным рассматривать их в качестве элементов единой функциональной системы с иерархическими признаками. В этой системе генеральная функция определяет стратегическое направление государственной деятельности, специальные функции обеспечивают решение крупных групп государственных задач, а конкретные формы деятельности государственных органов выступают механизмами реализации соответствующих функций на практике. Подобная модель позволяет установить взаимосвязь между сущностью государства, его целью, государственными задачами, системой функций и деятельностью государственного аппарата. В результате функции государства перестают восприниматься как простая совокупность самостоятельных направлений деятельности

и получают объяснение как взаимосвязанные элементы единой системы достижения общей государственной цели.

Литература

1. Бредихин А.Л. Функции государства как часть учения о государстве: проблемы определения // *Философия права*. 2024. № 1 (108). С. 14–19.
2. Колосова Т.Е. Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве // *Актуальные проблемы государства и права*. 2022. Т. 6. № 2 (22). С. 151–157.
3. Пожарский Д.В., Радько Т.Н. Функции государства: пределы цифровых технологий // *Труды Академии управления МВД России*. 2022. № 2 (62). С. 17–24.
4. Сенин И.Н., Филина Н.В. Политические функции государства // *Образование и право*. 2022. № 3. С. 69–72.
5. Туманов С.Н. Структурный подход в понимании функций государства: к продолжению дискуссии // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2022. № 2. С. 252–257.
6. Усенко А.С. Трансформация сущности и функций российского государства на современном этапе // *Вестник экономики и права*. 2024. № 95. С. 106–112.
7. Чернявский А.Г. Очерки о целях и функциях государства // *Вестник Академии права и управления*. 2022. № 1 (66). С. 53–59.
8. Элизбарян А.С. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию функций государства // *Юридическое образование и наука*. 2022. № 2. С. 44–46.

THE GENERAL (MAIN) FUNCTION OF THE STATE AND ITS SIGNIFICANCE IN MODERN REALITIES

Tkachenko A.V.

Krasnoyarsk State Agrarian University, Law Institute

The article raises the problem of the general (main) function of the state in the system of functions of the modern state. It is noted that domestic jurisprudence is mainly focused on defining the concept of state functions and their classification, while the issue of their hierarchy and organization remains unresolved. Based on the analysis of legal doctrine, the article substantiates the need to distinguish between the state goal, state objectives, and functions of the state as interrelated and independent categories. The article proposes criteria for identifying the general function of the state. The author's interpretation of the general function of the state is developed. It is shown that other functions of the state are independent areas of state activity that are united by a common strategic goal of preserving and developing a state-organized society. The author concludes that it is appropriate to consider the system of functions of the state as a hierarchical system in which the general function plays a system-forming role.

Keywords: functions of the state; theory of the state and law; hierarchy; viability; political organization of society.

References

1. Bredikhin A.L. The Functions of the State as Part of the Theory of the State: Problems of Definition // *Philosophy of Law*. 2024. No. 1 (108). Pp. 14–19.
2. Kolosova T.E. Problems of Implementing the Protective Function of the State in the Field of Protecting Human Rights in the Digital Space // *Actual Problems of the State and Law*. 2022. Vol. 6. No. 2 (22). Pp. 151–157.
3. Pozharsky D.V., Radko T.N. Functions of the State: Limits of Digital Technologies // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 2 (62). Pp. 17–24.
4. Senin I.N., Filina N.V. Political Functions of the State // *Education and Law*. 2022. No. 3. Pp. 69–72.
5. Tumanov S.N. A structural approach to understanding the functions of the state: continuing the discussion // *Legal Policy and Legal Life*. 2022. No. 2. Pp. 252–257.
6. Usenko A.S. Transformation of the essence and functions of the Russian state at the current stage // *Bulletin of Economics and Law*. 2024. No. 95. Pp. 106–112.
7. Chernyavsky A.G. Essays on the Goals and Functions of the State // *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2022. No. 1 (66). Pp. 53–59.
8. Elizbaryan A.S. The Influence of Scientific and Technological Progress on the Evolution of the Functions of the State // *Legal Education and Science*. 2022. No. 2. Pp. 44–46.

Конституционно-правовые аспекты информированного согласия и договорных конструкций в программах вспомогательных репродуктивных технологий

Чепис Дмитрий Сергеевич,

выпускник аспирантуры кафедры юридических дисциплин
образовательного частного учреждения высшего образования
«Московский инновационный университет»

E-mail: dchepis@gmail.com

Статья посвящена комплексному анализу правового режима информированного добровольного согласия (далее – ИДС) и договорных конструкций, применяемых в программах вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ). Актуальность исследования обусловлена системным расхождением между медицинско-правовой моделью ИДС, закреплённой в действующей нормативно-правовой базе и объективной сложностью правоотношений, возникающих при проведении программ ВРТ. На основании проведённого анализа автор выявляет системные правовые проблемы: форма ИДС предоставляет участникам программы лишь три варианта волеизъявления относительно судьбы криоконсервированных эмбрионов, тогда как принципиально значимые правовые ситуации (смерть одного из участников, расторжение брака, односторонний отзыв согласия, истечение срока хранения при отсутствии волеизъявления) остаются за рамками правового регулирования. В статье обосновывается, что ИДС в сфере ВРТ является конституционно-правовым инструментом реализации репродуктивной автономии, а его юридическая неполнота непосредственно влечёт конфликты воле участников и правовую неопределённость в отношении эмбриона как объекта особого рода. Предлагается система мер по совершенствованию содержания ИДС и договорных конструкций в сфере ВРТ.

Ключевые слова: информированное добровольное согласие, вспомогательные репродуктивные технологии, репродуктивная автономия, правовой статус эмбриона, криоконсервация эмбрионов, конституционное право.

Активное внедрение вспомогательных репродуктивных технологий в медицинскую практику в Российской Федерации (ежегодно проводится свыше 100 тысяч лечебных циклов) поставило перед правовой наукой вопросы, к решению которых действующее законодательство оказалось в значительной мере не готово. Правоотношения, возникающие в сфере ВРТ, принципиально отличаются от стандартной конструкции медицинского вмешательства, поскольку затрагивают как минимум двух волеизъявителей и порождают правовые последствия в отношении третьего лица (будущего ребёнка) и особого объекта (эмбриона), правовой статус которого в отечественной доктрине по-прежнему остаётся дискуссионным.

Ключевая проблема, обуславливающая актуальность настоящего исследования, состоит в расхождении между формально-юридической моделью ИДС, воплощённой в нормативных правовых актах, и реальной сложностью правоотношений в сфере ВРТ. Действующая форма ИДС (утверждена приказом Минздрава РФ от 31.07.2020 № 803н) ориентирована преимущественно на медицинское, а не правовое сопровождение программы ВРТ, в связи с чем значительный массив юридически значимых ситуаций, в том числе судьба криоконсервированных эмбрионов при смерти одного из участников, расторжении брака или одностороннем отзыве согласия, остаётся вне сферы нормативного регулирования. Это порождает правовую неопределённость, конфликты воле участников программ и противоречивую судебную практику, что прямо противоречит принципу правовой определённости.

Конституция РФ закрепляет право на создание семьи как фундаментальную ценность, гарантируемую государством. Несмотря на то, что прямое упоминание репродуктивных прав отсутствует, они с достаточной очевидностью выводятся из системного толкования ряда конституционных положений. Статья 38, гарантирующая защиту материнства, детства и семьи, в совокупности со статьёй 7, провозглашающей социальный характер государства, формирует нормативную основу государственной поддержки института репродукции. Статья 41 Конституции РФ, закрепляющая право на охрану здоровья и медицинскую помощь, является непосредственной конституционной базой для применения ВРТ как метода преодоления бесплодия. Статья 21, гарантирующая достоинство личности, и статья 23, охраняющая неприкосновенность частной жизни, образуют конституционную основу репродуктивной автономии права личности самостоятельно, без принуждения принимать решения в сфере деторождения [2]. Вместе с тем конституционные гарантии репродуктивных прав не являются абсолютными. В силу статьи 55 Конституции РФ они могут быть ограничены федеральным законом постольку, поскольку это необходимо в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц. Применительно к сфере ВРТ это означает, что репродуктивная автономия каждого из участников программы ограничивается правами другого участника, интересами будущего ребёнка и публичными интересами, связанными с сохранением потенциальной человеческой жизни в форме эмбриона.

В этом контексте особую роль приобретает Модельный закон МПА СНГ «Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан» (принят на 41-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, постановление № 41–21 от 28.11.2014), в котором «право на информацию в области охраны репродуктивного здоровья» прямо называется самостоятельным репродуктивным правом. Данное положение позволяет квалифицировать ИДС не как медицинскую формальность, а как юридически значимую форму реализации конституционно защищённого права личности на информацию применительно к сфере репродукции.

Информированное добровольное согласие занимает устойчивое место в системе конституционных прав, поскольку проистекает одновременно из нескольких конституционных гарантий. Право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ) обеспечивает возможность каждому без какого-либо стороннего воздействия принимать решения относительно реализации собственной фертильной функции; никто не может быть принуждён к применению ВРТ, равно как и к отказу от них [5]. Конституционный запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ) является конституционной основой требований о защите персональных репродуктивных данных и генетической информации.

С точки зрения правовой природы ИДС в сфере ВРТ представляется собой волеизъявление (особый юридический факт), которое одновременно: санкционирует медицинское вмешательство в сферу телесной неприкосновенности; определяет правовой режим создаваемого биологического материала (гаметы, эмбрионы); формирует основания для возникновения родительского правоотношения. При этом в части возникновения родительских прав согласие на ВРТ выполняет принципиально отличную от биологического происхождения функцию. Законодатель, исходя из пункта 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ, связывает возникновение родительских прав не с генетическим происхождением ребёнка, а с волей лиц стать родителями, которая выражается ещё до его рождения. Таким образом, информированное согласие выполняет реализующую функцию в обеспечении репродуктивной автономии, выступая механизмом индивидуального распоряжения репродуктивным процессом и принятия решений о методах ВРТ. В юридическом смысле согласие распределяет между пациентом и медицинской организацией полномочия по выбору и допущению тех или иных вмешательств при условии соблюдения требований добровольности и дееспособности. Через процедуру информирования и документирования волеизъявления обеспечивается юридическая фиксация решения лица о применении конкретных технологий. Следовательно, информированное согласие служит связующим звеном между личной автономией и медицинско-правовой ответственностью исполнителей ВРТ.

Действующая правовая конструкция ИДС, закреплённая в статье 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», разрабатывалась преимущественно для обычного медицинского вмешательства с одним пациентом. В условиях ВРТ эта модель обнаруживает принципиальные ограничения. Можно предположить, что она рассчитана на разовое, ограниченное во времени действие, тогда как отношения в сфере ВРТ носят длительный, многосубъектный и многостадийный характер и порождают правовые последствия, выходящие далеко за рамки самого медицинского вмешательства [13].

При информированном согласии в программах ВРТ базовый объём информации включает диагноз, цель и сущность предлагаемой процедуры, альтернативы, вероятные риски и побочные эффекты, показатели эффективности и прогнозы. К слову, по мнению Сударевой Е.О. требования к содержанию предоставляемой пациенту информации в праве России и США схожи. По праву США пациенту необходимо предоставить сведения о состоянии его здоровья и прогнозе развития заболевания, сущности, назначении и характере процедуры, связанных с ней болевых ощущениях и неудобствах, вероятности неблагоприятного исхода, возможных рисках, альтернативах и последствиях отказа от лечения [11]. Такая совокупность сведений должна быть представлена полно и понятно, с указанием вероятностных исходов и границ прогнозов, поскольку от полноты информации зависит правомерность и легитимность выражаемого согласия. Для программ ВРТ обязательным является предоставление специфических сведений, связанных с использованием донорских материалов и эмбрионов, включая информацию об их происхождении, критериях отбора и возможных правовых последствиях для установления родительских отношений. Следует разяснять потенциальные генетические риски, вероятность передачи наследственных заболеваний и возможные медицинские последствия для потомства, с указанием доступных методов скрининга и профилактики. Требования к форме и содержанию разяснений предполагают использование доступного и последовательного языка, структурированные информационные материалы и поэтапное изложение ключевых моментов для обеспечения понимания пациентом.

Правовое регулирование ИДС в сфере ВРТ в Российской Федерации осуществляется комплексом нормативных правовых актов. Базовую конструкцию ИДС определяет статья 20 Федерального закона № 323-ФЗ, согласно которой медицинское вмешательство допустимо лишь при наличии добровольного информированного согласия дееспособного гражданина, имеющего право на получение в доступной форме информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ней риске и иных сведениях. Статья 22 того же закона закрепляет право пациента на получение информации о состоянии здоровья и право ей пользоваться для защиты своих интересов. Статья 55 устанавливает основания и порядок применения ВРТ, в том числе условие наличия информированного добровольного согласия пациента. Детальная регламентация содержания и форм ИДС при проведении ВРТ осуществляется Приказом Минздрава РФ от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». Приказ содержит образцы форм ИДС для различных процедур ВРТ. Договорный аспект отношений в сфере ВРТ регулируется прежде всего главой 39 Гражданского кодекса РФ (ст. 779–783), устанавливающей прави-

ла договора возмездного оказания услуг. В части суррогатного материнства также применяется статья 55 Федерального закона № 323-ФЗ и статьи 51–52 Семейного кодекса РФ.

Однако, как отмечает Паша О.С., существующая нормативно-правовая база не в полной мере отвечает потребностям современной практики. Концептуальные и юридические проблемы законодательства препятствуют эффективному регулированию деятельности субъектов здравоохранения, а отсутствие единых критериев затрудняет формирование объективных стандартов информирования.

Проведём анализ приложения № 13 к Приказу № 803н, представляющего собой форму ИДС на медицинское вмешательство с применением ВРТ и искусственной инсеминации. Положительным образом форма охватывает выбор конкретной процедуры ВРТ из предусмотренного перечня (ЭКО, ИКСИ, ИИ, ПГТ); перечень медицинских рисков (синдром гиперстимуляции яичников, многоплодная беременность, внематочная беременность, нарушение развития плода, безрезультатность процедуры и иные); согласие или несогласие на применение лекарственных препаратов; волеизъявление относительно судьбы оставшихся половых клеток и эмбрионов с тремя вариантами: криоконсервация, утилизация, донирование. Вместе с тем, по мнению автора, в указанной форме отсутствует упоминание ряда юридически значимых ситуаций:

- смерть одного из участников программы (судьба эмбрионов зачастую определяется договором о криоконсервации или по усмотрению суда);
- расторжение брака (ни один участник не может в одностороннем порядке распоряжаться эмбрионами);
- односторонний отзыв согласия (неясность момента допустимого отзыва и его последствий для уже созданных эмбрионов);
- «брошенные» эмбрионы или истечение срока хранения (клиника не имеет правовых оснований ни для утилизации, ни для иных действий, то есть хранения до востребования);
- оговорка о разрешении споров (все конфликты разрешаются только в судебном порядке).

Таким образом, действующая форма ИДС при ВРТ обеспечивает медицинское информирование участников программы, однако не выполняет функции полноценного правового волеизъявления. Это принципиальное расхождение между медицинской и правовой функциями ИДС составляет значительную проблему.

Юридический режим предмета договоров ВРТ предполагает специальную квалификацию эмбрионов, яйцеклеток, спермы и результатов вмешательства в соотношении с институтами собственности, распоряжения и охраны здоровья. Эмбрионы и гаметы часто рассматриваются не как обычные объекты вещи, а как биологические материалы со спецификой, требующей ограничений распоряжения и особых условий хранения и передачи. Результаты вмешательства подпадают под режим охраны здоровья пациента и биомедицинской этики, что ограничивает возможность их свободного обращения и коммерциализации. Вследствие этого правовой режим таких предметов имеет черты суверенного регулирования, сочетающего элементы вещного права и публично-правовой защиты здоровья и человеческого достоинства.

В сфере ВРТ функционирует несколько принципиально различных правовых конструкций, которые не тождественны и не могут быть сведены к единой договорной модели. Договор возмездного оказания медицинских услуг (гл. 39 ГК РФ, ст. 779–783) является основным договором между клиникой и пациентом. Предмет договора – медицинские манипуляции в рамках программы ВРТ. Данная конструкция является гражданско-правовой в чистом виде, однако в силу публично-правовых ограничений в сфере здравоохранения её содержание существенно предопределяется нормами закона № 323-ФЗ и приказа № 803н.

ИДС представляет собой самостоятельный юридический факт, который не тождественен договору, хотя в клинической практике нередко оформляется как приложение к нему [1]. В отличие от договора, ИДС не порождает взаимных обязательств сторон, а санкционирует вмешательство и одновременно фиксирует волю относительно правовых последствий программы ВРТ.

Договор о криоконсервации и хранении эмбрионов является самостоятельной договорной конструкцией со специфическим предметом – хранением эмбриона как объекта особого рода.

Договор суррогатного материнства юридически оформляет взаимоотношения между заказчиками и женщиной-носителем, при этом стороны определяются как субъекты, вступающие в соглашение о вынашивании и передаче ребенка. Объектом такого договора выступают услуги по вынашиванию и последующая передача новорожденного, что требует внимательного описания объема обязательств каждой из сторон. Договорная конструкция включает положения о распределении родительских прав и обязанностей, порядке медицинского со-

проведения и материально-правовой ответственности за выполнение обязательств по вынашиванию и передаче ребенка.

В то же время автор считает, что недостаточность информации оказывает влияние на действительность договоров в сфере ВРТ, создавая основания для оспаривания воли и признания сделок недействительными или оспоримыми при наличии существенного заблуждения. Отзыв согласия выступает юридическим актом, который может повлечь прекращение или изменение параметров выполняемых процедур, однако его реализация ограничивается условиями предварительно заключенных договоров и установленными процессуальными требованиями. Конфиденциальные обязательства по защите персональных и репродуктивных данных взаимодействуют со свободой воли сторон, поскольку чрезмерное ограничение доступа к информации может подрывать информированность, тогда как раскрытие необходимых сведений должно соблюдаться в пределах договорных соглашений.

Практики суррогатного материнства и донорства порождают коллизии между автономией частных интересов и публичными ограничениями. С точки зрения некоторых учёных к первой группе таких прав можно отнести репродуктивные права позитивного характера, предполагающие реализацию фертильных прав, основанные на фертильном поведении человека (планирование, рождение детей, в том числе с применением вспомогательных репродуктивных технологий), ко второй группе – репродуктивные права негативного характера, представляющие собой комплекс прав, связанных с контрацептивным и абортным поведением человека [9]. Также на практике типичной ситуацией в договорах ВРТ выступают споры о родительстве, ответственность за медицинские риски, финансовые претензии и право на информацию о генетическом происхождении. Кроме того, разнородность правовых конструкций в сфере ВРТ порождает коллизию: в ситуации спора суд вынужден соотносить условия различных документов, например, ИДС, договор о медицинских услугах и договор о криоконсервации, которые могут существенно различаться по содержанию. В отсутствие законодательно установленного приоритета одной из этих конструкций исход спора определяется фактически усмотрением суда. Белова Д.А. полагает, что ИДС в сфере ВРТ является полноценным лишь при условии предоставления участникам не только медицинской, но и юридической информации, а воля на приобретение родительского статуса в связи с принципиальной значимостью этого решения должна фиксироваться в отдельном документе, предпочтительно нотариально удостоверенном [2]. Представляется, что это предложение является актуальным и должно быть последовательно реализовано в рамках совершенствования нормативной базы.

Проанализируем иные конфликтные ситуации. Например, коллизия воли сторон в программах ВРТ проявляется в различных формах, которые возникают при расхождении решений между генетическими родителями, носителем беременности, донором и клиникой в условиях непредвиденных медицинских или социальных обстоятельств. Типичными примерами являются разногласия по поводу дальнейшего использования эмбрионов при изменении семейных планов, отказ донора от участия после забора биоматериала и медицинские показания к прерыванию беременности у носителя. Острой проблемой остаётся вопрос об одностороннем отзыве согласия одним из супругов в ходе уже начатой программы ВРТ. Действующее законодательство не устанавливает ни возможности, ни последствий такого отзыва применительно к уже созданным эмбрионам. Торкунова Е.А. указывает, что в случае разногласий потенциальных родителей относительно дальнейшего использования эмбриона принуждение кого-либо к родительству недопустимо и, если один из потенциальных родителей возражает, в переносе эмбриона должно быть отказано. При этом утилизация эмбриона вне зависимости от согласия второго родителя допускается [13]. Вместе с тем данное мнение не имеет прямого нормативного закрепления. Дополнительную конфликтность создаёт момент ненадлежащего обращения с биоматериалом в ходе программы ЭКО. Однако правовые механизмы разрешения конфликтов воли в ВРТ опираются на приоритет интересов ребёнка как конституционно значимую отправную точку, а также на применение принципов соразмерности и добросовестности при соотношении прав участников.

Системные пробелы ИДС и договорных конструкций в сфере ВРТ обусловлены в значительной мере отсутствием законодательно установленного правового статуса эмбриона. С точки зрения автора, концепция эмбриона как объекта особого рода (*sui generis*), характеризующегося промежуточным положением между субъектом и объектом права, исключением из сферы возмездного товарно-денежного оборота и поэтапно усиливающейся правовой защитой по мере онтогенетического развития, имеет прямые последствия для конструкции ИДС и договорных форм в сфере ВРТ, в частности:

- именно *sui generis*-статус эмбриона предопределяет, почему его судьба не может быть урегулирована стандартными нормами о совместно нажитом имуществе или о наследовании, требуя специальных договорных конструкций;

- принцип исключения эмбриона из товарно-денежного оборота должен фиксироваться в форме ИДС, а именно участники программы обязаны быть проинформированы о том, что эмбрион не является предметом купли-продажи, залога, раздела как имущество;

- принцип поэтапной защиты обосновывает необходимость дифференциации режима допустимых волеизъявлений на доимплантационной стадии развития эмбриона и на более поздних стадиях.

Таким образом, устранение пробелов в регулировании ИДС в сфере ВРТ неотделимо от решения более фундаментального вопроса – законодательного закрепления правового статуса эмбриона человека.

Очевидна необходимость законодательного закрепления конституционных гарантий прав участников программ ВРТ, включая право на репродуктивную автономию и защиту частной жизни, что повысит правовую определенность и доступ к медицинской помощи. Суррогатное материнство входит в число наиболее проблемных вопросов в сфере ВРТ, поскольку увеличивает число участников в предоставлении медицинской услуги и право должно отражать интересы каждой стороны, в том числе интересы будущего ребёнка. Как правило, в договор включается положение о возмещении заказчиком всех понесённых расходов в случае отказа исполнительницы дать согласие на запись их в качестве родителей. Ряд исследователей предлагает установить штраф за неисполнение договора в заранее определённой твёрдой денежной сумме [4]. С учётом имеющихся пробелов автор находит целесообразным дополнить перечень обязательных элементов ИДС при проведении программы ВРТ такими аспектами, как юридическое разъяснение правового статуса эмбриона; волеизъявление о судьбе эмбрионов при смерти одного или обоих участников; волеизъявление о судьбе эмбрионов при расторжении брака или прекращении совместного участия; порядок и последствия отзыва согласия; условие о судьбе «брошенных» эмбрионов; явное согласие на обработку, хранение и возможное использование персональных репродуктивных данных и генетической информации.

На системном уровне перечисленные в настоящей статье конструкции (ИДС, договор медицинских услуг, договор о криоконсервации, договор суррогатного материнства) должны быть приведены в системное единство норм о применении ВРТ и правовом статусе эмбриона человека. Такой подход, а не отдельные ведомственные приказы, является надлежащим уровнем регулирования правоотношений, затрагивающих конституционные права личности. Регулирование программ ВРТ следует рассматривать как реализацию конституционной обязанности государства по охране права на здоровье и уважению автономии личности; информированное согласие в контексте ВРТ предстает не формальным документальным требованием, а ключевым правовым механизмом, обеспечивающим репродуктивную автономию. Право на семью и её планирование задаёт нормативный каркас для практической реализации этих гарантий. Поэтому правовое оформление информированного согласия должно учитывать баланс публичных интересов и частных прав, обеспечивая одновременно защиту здоровья и автономии участников программ.

Практическая неопределённость правовых стандартов информированного согласия и правовой природы договорных конструкций, включая соглашения о донорстве и суррогатном материнстве, порождает системные риски для участников программ ВРТ. Это проявляется в ограничении информационной автономии пациентов, возможности произвольного толкования обязанностей клиник и увеличении числа правовых споров, что было выявлено при анализе практики и действующего регулирования. Такая неопределённость подчёркивает необходимость упорядочивания конституционно-правовых основ в данной сфере для предотвращения ущемления прав и возникновения коллизий.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что содержательные требования к ИДС должны определяться не только медицинскими стандартами информирования, но и конституционно-правовыми стандартами обеспечения репродуктивной автономии. Помимо этого, действующим нормам характерна юридическая неполнота действующей формы ИДС, так как она обеспечивает медицинское информирование участников программы ВРТ, однако не содержит правового волеизъявления по ряду принципиально значимых ситуаций. По мнению автора устранение выявленных пробелов неотделимо от решения фундаментального доктринального вопроса о правовом статусе эмбриона человека, что является методологической основой для конструирования системы правового волеизъявления о его судьбе в форме ИДС и договорных конструкциях. Только сочетание доктринального закрепле-

ния статуса эмбриона, расширенного содержания ИДС и специальных договорных конструкций при их системном единстве способно обеспечить надлежащую правовую защиту конституционных прав всех участников программ ВРТ.

Литература

1. Белова Д.А. Правовая природа эмбриона in vitro // Lex Russica. – 2019. – № 6(151). – С. 122–130.
2. Белова Д.А. Согласие на применение метода искусственной репродукции и его правовое значение для установления происхождения ребёнка // Lex russica. – 2020. – № 8 (165). – С. 21–31.
3. Богданова Е.Е., Белова Д.А. Искусственная репродукция человека: поиск оптимальной модели правового регулирования: монография. – М.: Проспект, 2024.
4. Зезекало А.Ю., Новиков А.А. Суррогатное материнство в России: пределы договорного регулирования // Правоведение. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 421–444.
5. Моисеева Е.Ю. Роль Конституции в процессе реализации и обеспечения репродуктивных прав человека и гражданина в Российской Федерации // Юридическая наука и практика. – 2019. – Т. 15. – № 2. – С. 105–110.
6. Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex russica. – 2019. – № 1 (146). – С. 29–39.
7. Пестрикова А.А. Проблемы определения правового статуса эмбриона и партеногенетических стволовых клеток в свете развития генной инженерии // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 2. – С. 69–73.
8. Петрова Р.Е., Бегичева Е.В., Ревина В.В. и др. Определение правовой природы договора суррогатного материнства и его отраслевой принадлежности (суррогатное материнство) // Профилактическая медицина. – 2022. – № 5. – С. 7–13.
9. Рыбаков О.Ю., Рыбакова О.С., Дородонова Н.В. и др. Репродуктивные права человека: содержание и правовая регламентация // Профилактическая медицина. – 2024. – Т. 27. – № 6. – С. 22–28.
10. Сингаевская Г.И. Роль и перспективы вспомогательных репродуктивных технологий в современном акушерстве: рекомендательный список литературы (2023–2025 гг.). – Казань: ГАУ «Республиканский медицинский библиотечно-информационный центр», 2025. – 8 с.
11. Сударева Е.О. Добровольное согласие как условие медицинского вмешательства в праве РФ и США // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2008. – № 3. – С. 71–74.
12. Тарусина Н.Н. Вспомогательные репродуктивные технологии: тренды семейно-правовой доктрины, законодательства и правоприменительной практики // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – № 2. – С. 63–67.
13. Торкунова Е.А. Применение вспомогательных репродуктивных технологий в контексте права на целостность личности: международный и российский опыт // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – Т. 1. – № 3с. – С. 93–103.
14. Шалберкина М.Н. Репродуктивные права человека: определение правовой природы // Российское право онлайн. – 2025. – № 2. – С. 122–129.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF INFORMED CONSENT AND CONTRACTUAL STRUCTURES IN ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGY PROGRAMS

Chepis D.S.

Moscow Innovation University

This article is devoted to a comprehensive analysis of the legal regime of informed voluntary consent (hereinafter referred to as IDS) and contractual structures used in assisted reproductive technology (hereinafter referred to as ART) programs. The relevance of the study is due to a systemic discrepancy between the medical and legal model of IDS, fixed in the current regulatory framework, and the objective complexity of legal relations arising during ART programs. Based on the analysis, the author identifies systemic legal gaps: the IDS form provides program participants with only three options for expressing their will regarding the fate of cryopreserved embryos, while fundamentally significant legal situations (death of one of the participants, dissolution of marriage, unilateral withdrawal of consent, expiration of the shelf life in the absence of a declaration of will) remain outside the scope of legal regulation. The article substantiates that the IDS in the field of ART is a constitutional and legal instrument for the realization of reproductive autonomy, and its legal incompleteness directly entails conflicts of wills of the participants and legal uncertainty regarding the embryo as an object of a special kind. A system of measures is proposed to improve the content of IDS and contractual structures in the field of ART.

Keywords: informed voluntary consent, assisted reproductive technologies, reproductive autonomy, legal status of the embryo, cryopreservation of embryos, constitutional law.

References

1. Belova D.A. Legal Nature of the In-Vitro Embryo // Lex Russica. – 2019. – № 6 (151). – P. 122–130.
2. Belova D.A. Consent to the Use of the Artificial Reproduction Method and its Legal Significance for Establishing the Child's Paternity // Lex Russica. – 2020. – № 8 (165). – P. 21–31.
3. Bogdanova E.E., Belova D.A. Artificial Human Reproduction: Search for an Optimal Model of Legal Regulation: Monograph. – Moscow: Prospect, 2024.
4. Zezekalo A.Yu., Novikov A.A. Surrogacy in Russia: Limits of Contractual Regulation // Jurisprudence. – 2021. – Vol. 65. – № 4. – P. 421–444.
5. Moiseeva E. Yu. The Role of the Constitution in the Process of Implementing and Ensuring Reproductive Rights of Man and Citizen in the Russian Federation // Legal Science and Practice. – 2019. – Vol. 15. – № 2. – P. 105–110.
6. Momotov V.V. Bioethics in the Context of Legislation and Law Enforcement (Surrogacy) // Lex russica. – 2019. – № 1 (146). – P. 29–39.
7. Pestrikova A.A. Problems of Determining the Legal Status of an Embryo and Parthenogenetic Stem Cells in Light of the Development of Genetic Engineering // The Rule of Law: Theory and Practice. – 2020. – № 2. – P. 69–73.
8. Petrova R.E., Begicheva E.V., Revina V.V., et al. Definition of the legal nature of the surrogacy agreement and its industry affiliation within the framework of assisted reproductive technologies // Preventive medicine. – 2022. – № 5. – P. 7–13.
9. Rybakov O.Yu., Rybakova O.S., Dorodonova N.V., et al. Human reproductive rights: content and legal regulation // Preventive medicine. – 2024. – Vol. 27. – № 6. – P. 22–28.
10. Singaevskaya G.I. The Role and Prospects of Assisted Reproductive Technologies in Modern Obstetrics: A Recommended List of References (2023–2025). – Kazan: State Autonomous Institution «Republican Medical Library and Information Center», 2025. – 8 p.
11. Sudareva E.O. Voluntary Consent as a Condition of Medical Intervention in the Law of the Russian Federation and the USA // Bulletin of RUDN University. Series «Legal Sciences». – 2008. – № 3. – Pp. 71–74.
12. Tarusina N.N. Assisted Reproductive Technologies: Trends in Family Law Doctrine, Legislation, and Law Enforcement Practice // Bulletin of Yaroslavl State University. Series «Humanities». – 2016. – № 2. – Pp. 63–67.
13. Torkunova E.A. The Use of Assisted Reproductive Technologies in the Context of the Right to Personal Integrity: International and Russian Experience // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2025. – Vol. 1. – № 3s. – P. 93–103.
14. Shalberkina M.N. Human Reproductive Rights: Definition of the Legal Nature // Russian Law Online. – 2025. – № 2. – P. 122–129.

Проблемы достоверности и допустимости доказательств, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, в гражданском и арбитражном процессе

Чешин Андрей Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета имени В.А. Бондаренко
E-mail: cheshin@sirius56.ru

Расширение сферы применения технологий искусственного интеллекта в частноправовых отношениях поставило перед судами новый круг вопросов, связанных с оценкой доказательств, сформированных или обработанных с помощью алгоритмов. Традиционные критерии относимости, допустимости и достоверности в таких случаях применяются не всегда уверенно, поскольку источник получения информации нередко оказывается технологически непрозрачным. Цель настоящего исследования состоит в выявлении и анализе проблем достоверности и допустимости доказательств, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, в российской правоприменительной практике. Методологическую основу составили анализ судебной практики, контент-анализ нормативных правовых актов и их проектов, а также сравнительно-правовой анализ. Исследование охватывает период 2018–2024 гг. и опирается на материалы 150 документов, включая судебные акты и нормативные источники, а также сведения, относящиеся к деятельности 25 организаций. Проведённый анализ показал, что суды лишь в редких случаях прямо связывают оценку доказательства с особенностями алгоритма: прямые упоминания искусственного интеллекта встречаются только в 18 актах из 150. На практике суды чаще используют более общие формулировки – «автоматизированная система», «результат компьютерной обработки», – избегая термина «искусственный интеллект» как процессуально неопределённого. Сделан вывод о том, что действующая правоприменительная практика пока не выработала ясных критериев проверки таких доказательств, что приводит к фрагментарному и ситуативному подходу к их оценке в гражданском и арбитражном процессе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, доказательства, достоверность, допустимость, гражданский процесс, арбитражный процесс, судебная практика, цифровизация правосудия.

Введение

Алгоритмические системы всё активнее используются в частноправовом обороте – при анализе договоров, оценке рисков, обработке цифрового контента, финансовом прогнозировании. Результаты их работы – расчёты, аналитические отчёты, автоматизированные заключения, расшифровки – уже поступают в судебный процесс в качестве доказательственных материалов. Это ставит перед судом принципиальный вопрос: может ли подобный результат рассматриваться как полноценное доказательство и по каким правилам должна оцениваться его доказательственная сила.

Привычные критерии проверки доказательств формировались применительно к источникам, природа которых понятна суду и участникам процесса. Когда же речь идёт о результате работы алгоритма, особенно построенного по модели «чёрного ящика», ситуация существенно меняется. Суду представляется продукт, логика формирования которого не очевидна ни для сторон, ни, нередко, для самих разработчиков системы. Формально цифровой материал может быть представлен в процесс, но содержательно его проверка оказывается затруднительной, что создаёт состояние правовой неопределённости.

На уровне законодательной политики внимание к цифровым технологиям усиливается: разрабатываются концепции регулирования искусственного интеллекта, обсуждаются вопросы цифрового права, тестируются специальные режимы. Однако эти процессы преимущественно затрагивают публично-правовую сферу – государственное управление, безопасность, цифровую инфраструктуру [9; 12]. Гражданский и арбитражный процесс, где спор нередко строится вокруг экономически значимой информации, полученной с применением интеллектуальных технологий, остаётся менее проработанным.

Научная литература также демонстрирует возрастающий интерес к цифровизации правосудия, однако основное внимание исследователей сосредоточено на уголовно-процессуальном контексте: цифровые следы, автоматизация экспертной деятельности, использование искусственного интеллекта при расследовании преступлений [1; 2; 3; 4; 5; 6; 13]. Между тем гражданский и арбитражный процесс обладают иной логикой доказывания, и механическое перенесение уголовно-процессуальных подходов сюда едва ли возможно. В частноправовой сфере пользователями и поставщиками интеллектуальных технологий выступают коммерческие организации, банки, цифровые платформы, оценочные и аналитические сервисы. Характер возникающих доказательств имеет свою специфику: прогнозные модели, отчёты о рыночной ситуации, системы оценки ущерба, автоматизированные проверки контента [7].

Дополнительную сложность представляют цифровые объекты, созданные генеративными моделями. Современные технологии способны формировать изображения, аудио- и видеоматериалы, неотличимые от подлинных для обычного восприятия [11]. Проверка их подлинности требует специальных знаний, а нередко – использования других алгоритмических инструментов. Тем самым возникает замкнутая конструкция, при которой одно цифровое доказательство оценивается посредством другого сложного цифрового механизма. Многие интеллектуальные сервисы носят коммерческий характер, и их архитектура, обучающие выборки, внутренние настройки составляют коммерческую тайну [7], что дополнительно затрудняет судебную проверку.

Целью настоящего исследования является выявление и системный анализ ключевых проблем установления достоверности и определения допустимости доказательств, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, в гражданском и арбитражном процессе. Для достижения цели решаются следующие задачи: анализ судебной практики за период 2018–2024 годов; выявление частоты и контекста соответствующих проблем; контент-анализ правовых позиций судов с классификацией технологий и оснований принятия либо отклонения доказательств; формулирование предложений по адаптации процессуальных механизмов оценки доказательств к цифровой среде. Научная новизна работы состоит в сосредоточении внимания именно на частноправовых спорах в российской юрисдикции и в попытке связать техническую специфику алгоритмов с классическими категориями процессуального права.

Исследуемая проблема располагается на пересечении технологического развития и фундаментальных процессуальных гарантий. Речь идёт о поиске баланса между необходимостью учитывать новые формы цифрового доказательства и обязанностью сохранять базовые принципы правосудия – состязательность, равноправие сторон, непосредственность исследования доказательств и их оценку по внутреннему убеждению суда.

Материалы и методы исследования

Судебная практика, связанная с использованием технологий искусственного интеллекта в доказательственной деятельности, пока не отличается ни большим объёмом, ни терминологической устойчивостью. Основная задача состояла не в охвате максимально возможного числа цифровых кейсов, а в систематизации материалов, позволяющих проследить, как суды и нормативные источники реагируют на проблему допустимости и достоверности алгоритмически сформированных доказательств.

Эмпирическую основу работы составили 150 документов, созданных или опубликованных в период с 2018 по 2024 год. Они были разделены на две группы. Первая включает 100 судебных актов – решений и определений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Вторая состоит из 50 нормативных правовых актов, проектов нормативных актов и подзаконных документов, в которых затрагиваются вопросы использования цифровых технологий и интеллектуальных систем.

Отбор судебных актов осуществлялся по открытым базам «Карто-тека» и «Судебные и нормативные акты РФ» с использованием ключевых слов: «искусственный интеллект», «нейросеть», «алгоритм», «большие данные», «цифровое доказательство». В выборку включались дела, где интеллектуальная система использовалась как инструмент формирования доказательства либо существенно участвовала в его обработке: расчёты, аналитические отчёты, расшифровки аудиоматериалов, цифровые модели и иные результаты, предлагаемые суду как носители юридически значимой информации. Такой критерий отбора заметно сузил круг пригодных для анализа документов, что само по себе показательно для текущего состояния практики.

Методологически исследование строится на сочетании трёх подходов: анализ судебной практики, позволяющий установить, как суды оценивают подобные материалы; контент-анализ нормативных актов и проектов для выявления ключевых понятий и пробелов регулирования; сравнительно-правовой анализ для сопоставления судебной практики с нормативными предписаниями и обнаружения противоречий. Ключевым количественным показателем стала частота прямого или контекстного упоминания проблем допустимости и достоверности доказательств, связанных с использованием искусственного интеллекта. Дополнительно фиксировались тип технологии, юридическая квалификация материала, основания его принятия или отклонения и характер ссылок на цифровую природу информации.

Ограничением исследования является закрытость части судебных материалов, особенно по делам, затрагивающим коммерческую тайну. Нельзя утверждать, что сформированная выборка отражает всю совокупность подобных споров, однако публично доступные документы позволяют выявить формирующиеся тенденции и обозначить проблемы, уже вышедшие за пределы единичных случаев (табл. 1).

Таблица 1. Структура и этапы эмпирического исследования

Этап	Содержание	Объём выборки / метод	Цель этапа
1. Формирование корпуса документов	Поиск и отбор судебных актов и нормативных актов за период 2018–2024 гг.	n = 150 документов	Создание репрезентативной эмпирической базы
2. Категориальный анализ	Кодирование текстов по заданным метрикам (тип технологии, правовые основания, проблема достоверности/допустимости)	Контент-анализ, анализ судебной практики	Выявление количественных закономерностей и частотности проблем
3. Сравнительно-правовая интерпретация	Сопоставление данных из судебных актов с нормативными предписаниями, выявление противоречий и пробелов	Сравнительный правовой анализ	Качественная оценка тенденций, формулировка проблем
4. Синтез выводов	Обобщение результатов, формулировка предложений по совершенствованию подходов	Индуктивное обобщение	Подготовка заключительных положений исследования

Результаты и обсуждения

Проведённый анализ показывает, что говорить о сложившейся судебной практике по вопросам допустимости доказательств, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, пока преждевременно. Материалы за 2018–2024 годы свидетельствуют скорее о поиске рабочих решений, чем о наличии устойчивой правовой позиции.

Суды крайне редко выстраивают мотивировку, исходя из природы алгоритма. В большинстве документов акцент делается на внешних признаках представленного материала: оформлении, наличии реквизитов, способе представления, процессуальном статусе документа. Прямые отсылки к искусственному интеллекту как к источнику доказательственных затруднений встречаются лишь в 18 актах из 150. Даже в этих случаях вместо термина «искусственный интеллект» чаще используются более нейтральные обозначения – «автоматизированная система», «цифровая модель», «результат компьютерной обработки». Терминологическая осторожность указывает на то, что суды пока не готовы наделять искусственный интеллект самостоятельным процессуальным значением.

Анализ нормативного массива подтверждает этот вывод. В 50 исследованных нормативных актах и проектах не обнаружено прямых процедурных правил, специально рассчитанных на оценку доказательств, сформированных с использованием искусственного интеллекта. Отсутствие специального регулирования вынуждает суды подводить новые цифровые объекты под традиционные формы – заключение специалиста, письменный документ, иной документ. Такая практика позволяет решать отдельные вопросы ситуативно, но не устраняет общей неопределённости.

Наиболее выраженной проблемой выступает невозможность полноценной проверки внутренней логики алгоритма – тема «чёрного ящика». Когда сторона представляет отчёт, сформированный интеллектуальной системой, суд сталкивается с трудностью: внешне документ может быть оформлен корректно, но понять, каким образом система пришла к конкретному выводу, часто невозможно. Это особенно заметно в случаях, когда результат работы алгоритма предлагается как аналитическое обоснование рыночной ситуации, размера убытков или иных экономически значимых обстоятельств. Суды либо воспринимают такой материал как вспомогательный источник, либо отказывают в признании его надлежащим доказательством из-за непроверяемости логики формирования выводов.

В подобных ситуациях внимание нередко переносится на внешние атрибуты: наличие описания метода, сведения о разработчике, ссылки на программный продукт, репутацию организации. Проверка внутренней достоверности частично подменяется доверием к внешней оболочке цифрового доказательства. С процессуальной точки зрения это проблематично, поскольку принцип непосредственного исследования доказательств предполагает не только формальную, но и содержательную оценку источника информации (табл. 2)

Таблица 2. Классификация правовых проблем допустимости доказательств на основе ИИ по данным контент-анализа (n=150)

Категория проблемы	Частота встречаемости в судебных актах (n=150)	Наличие специальной нормы в НПА (n=50)	Пример из практики
Неверифицируемость алгоритма («чёрный ящик»)	Высокая	Нет	Отказ в приобщении отчёта, сформированного нейросетью, из-за невозможности установления логики выводов
Отсутствие процессуально-го статуса и формы	Средняя	Нет	Квалификация результата работы ИИ как «иного документа» с оговорками о его ограниченной доказательственной силе
Ответственность за возможную ошибку	Низкая	Нет	Вопрос о субъекте ответственности (разработчик, оператор, пользователь) в судебных актах не поднимается
Риск манипуляций с обучающими данными	Средняя	Нет	Указание в определении на необходимость проверки происхождения исходных данных для алгоритма

Представленные данные наглядно показывают разрыв между практическими затруднениями и действующим нормативным регули-

рованием. Наиболее часто встречающаяся проблема – невоспроизводимость внутренней логики алгоритма – не имеет самостоятельной процессуальной проработки. Суды вынуждены восполнять пробел собственными интерпретациями, которые не всегда совпадают друг с другом даже при сходных обстоятельствах.

Размытость процессуального статуса подобных материалов проявляется в том, что в одних случаях они квалифицируются как иные документы, в других – как вспомогательные материалы специалиста, в третьих – как цифровые приложения к иным доказательствам. Единой линии не просматривается. В исследованной выборке преобладает тенденция относить такие результаты к «иным документам», но почти всегда с оговоркой об их производном характере и необходимости дополнительной проверки.

Генеративные модели способны создавать текстовые отчёты и структурированные выводы, внешне сходные с заключением специалиста. Однако в отличие от полноценного экспертного заключения такой материал не всегда связан с конкретным носителем специальных знаний, который лично отвечает за содержание своих выводов. В результате появляется опасность формального использования алгоритма для представления суду псевдоэкспертного документа.

Собранные материалы показывают, что судебная система не отказывается от цифровых инструментов полностью. Наблюдается переходное состояние: новые технологии уже включаются в доказательственный оборот, но оцениваются через старые процессуальные конструкции. В одном случае суд принимает алгоритмически сформированный материал как письменное доказательство при соблюдении требований к представлению, в другом – аналогичный по сути документ отклоняется ввиду невозможности установить его проверяемость. В основе этого противоречия лежит столкновение двух логик: традиционное доказательственное право исходит из доступности источника информации для анализа через человеческое восприятие и воспроизведение, тогда как алгоритмический результат опирается на статистическую обработку данных и может не иметь объяснимой для суда формы.

Проведённый анализ позволил сгруппировать основные проблемы вокруг трёх взаимосвязанных блоков: допустимость, достоверность и относимость. Если суд не может проверить, каким образом сформирован результат, он затрудняется оценить его достоверность; если достоверность вызывает сомнение, встаёт вопрос о допустимости; если вывод модели носит слишком общий или вероятностный характер, возникает проблема относимости к обстоятельствам конкретного дела.

В профессиональной среде уже обсуждаются различные варианты решения: создание особого вида цифровых производных доказательств, развитие института специальных знаний, введение фигуры технического специалиста, способного объяснять работу модели суду, а также системы предварительной сертификации алгоритмов [1; 10; 12]. Общий вектор очевиден: процессуальное право нуждается в глубокой настройке под условия цифровой доказательственной среды. Без выработки последовательных критериев оценки и специальных процедурных механизмов риск правовой неопределённости будет сохраняться и усиливаться.

Выводы

Проведённое исследование позволяет констатировать наличие системной проблемы в сфере оценки доказательств, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, в гражданском и арбитражном процессе. Анализ 150 документов за период 2018–2024 годов показал, что правоприменительная практика не располагает единым набором критериев, позволяющих последовательно решать вопросы допустимости и достоверности таких доказательств. Суды в ограниченном числе случаев прямо обращаются к проблеме алгоритмической природы доказательства; в большинстве ситуаций цифровой материал оценивается через традиционные формы – письменный документ, иной документ, вспомогательное заключение – без специальной проработки его технологической специфики.

Ключевым барьером выступает правовая неопределённость. Результат, сформированный искусственным интеллектом, не укладывается полностью ни в одну из привычных категорий доказательств. Его гибридная природа требует выработки специальных правил верификации. Пока таких правил нет, суд стремится найти «человеческий» элемент – специалиста, оператора, разработчика, – который мог бы выступить гарантом полученного результата. Однако в случае сложных автономных систем этот поиск не всегда приводит к удовлетворительному решению. Проблема достоверности имеет первичное значение: до тех пор пока не существует понятной процедуры проверки того, как именно алгоритм пришёл к конкретному выводу, полноценная процессуальная оценка доказательства затруднительна. Отсутствие прозрач-

ности ведёт к недоверию, а отсутствие устойчивого правового запроса к объяснимости алгоритмов не стимулирует формирование более открытых технологических решений.

На основании проведённого анализа представляется целесообразным нормативно закрепить понятие доказательства, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, либо разработать близкую по смыслу процессуальную конструкцию. Требуется специальный регламент исследования подобных материалов в суде, включающий оценку алгоритмической целостности, происхождения и качества исходных данных, а также наличия сопроводительной технической документации. Очевидна необходимость повышения цифровой и алгоритмической грамотности судей, адвокатов и иных участников процесса. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы, сравнением российского подхода с зарубежными моделями регулирования, разработкой типовых методик судебно-экспертного анализа алгоритмических систем и обращением к позиции самих правоприменителей, чей практический опыт способен уточнить реальные запросы к будущему регулированию.

Литература

1. Бегишев И.Р., Майоров А.В. // Проблемы применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. № 1 (75)
2. Михеева А., Маркелов А. // Роль искусственного интеллекта в анализе цифровых следов при расследовании преступлений // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 12 (93)
3. Латыпов В.С., Галлямов Б.А. // Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: вопросы правового регулирования // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 2
4. Бородинова Т.Г., Костенко Р.В. // Проблемы признания результатов работы генеративного искусственного интеллекта иными документами-доказательствами в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1
5. Татьяна Ф.М. // Актуальные вопросы автоматизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5
6. Беппаев Р.Ж. // Цифровой след как доказательство в уголовном процессе: проблемы допустимости и достоверности // Вопросы права. 2025. № 4
7. Эльмурзаев А.В., Соболева И.В. // Трансформация института доказательств в гражданском процессе в условиях цифровизации правосудия // Human Progress. 2025. Т. 11. № 9
8. Игнатова, Е.И. Роль компьютерной графики и геометрического моделирования при подготовке специалистов в области техники и технологий / Е.И. Игнатова // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 12. – С. 561–562. – EDN WYUJBB.
9. Суглобов, А.Е. Перспективы использования цифровых технологий в сфере государственных услуг и управления / А.Е. Суглобов, А.В. Минаков // Russian Journal of Management. – 2021. – Т. 9, № 3. – С. 46–50. – DOI 10.29039/2409-6024-2021-9-3-46-50. – EDN UWJYTH.
10. Колечкин И.С., Середа Е.В. Персональная технологическая карта обучающихся // География в школе. 2013. № 9. С. 48–51.
11. Гуцин А.Н., Дивакова М.Н. Модель архитектурного восприятия субъекта, обладающего рефлексией. Искусственный интеллект и принятие решений. 2017. № 3. С. 94–103.
12. Черявко, Е.Д. Использование цифровых технологий организованной преступностью // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т.). 2023. Т. 9, № 3(23). С. 68–75.
13. Майборода, Э. Т., Черявко, Е.Д. Цифровые следы в системе доказывания: проблемы классификации и процессуальной регламентации // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 284–288.

PROBLEMS OF RELIABILITY AND ADMISSIBILITY OF EVIDENCE OBTAINED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Cheshin A.V.

Orsk Humanitarian and Technological Institute (branch) of Orenburg State University named after V.A. Bondarenko

The expanding use of artificial intelligence technologies in private legal relations has created a new range of issues for courts when assessing evidence generated or processed by algorithms. Traditional criteria of relevance, admissibility, and reliability are not always readily applicable in such situations, since the source of information often remains technologically opaque. The purpose of this study is to identify and analyze the problems of reliability and admissibility of evidence obtained through artificial intelligence technologies in Russian law enforcement practice. The methodological framework includes analysis of

judicial practice, content analysis of regulatory acts and draft regulations, as well as comparative legal analysis. The research covers the period from 2018 to 2024 and is based on 150 documents, including judicial acts and regulatory materials, as well as sources related to 25 organizations. The analysis has shown that courts only rarely connect their assessment of evidence directly with the specific features of an algorithm: explicit References to artificial intelligence are found in only 18 out of 150 acts. In practice, courts tend to rely on broader terms such as “automated system” or “computer processing result,” avoiding the term “artificial intelligence” as procedurally uncertain. The study concludes that current law enforcement practice has not yet developed clear criteria for verifying such evidence, resulting in a fragmented and situational approach to its assessment in civil and arbitration proceedings.

Keywords: artificial intelligence, evidence, reliability, admissibility, civil procedure, arbitration procedure, judicial practice, digitalization of justice.

References

1. Begishev I.R., Mayorov A.V. // Problemy primeneniya tsifrovyykh tekhnologiy v ugovnom sudoproizvodstve // YUridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2026. № 1 (75)
2. Mikheeva A., Markelov A. // Rol' iskusstvennogo intellekta v analize tsifrovyykh sledov pri rassledovanii prestupleniy // Vestnik nauki. 2025. T. 2. № 12 (93)
3. Latypov V.S., Gallyamov B.A. // Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v ugovnom sudoproizvodstve: voprosy pravovogo regulirovaniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 2
4. Borodinova T.G., Kostenko R.V. // Problemy priznaniya rezul'tatov raboty generativnogo iskusstvennogo intellekta inymi dokumentami-dokazatel'stvami v ugovnom sudoproizvodstve // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2026. № 1
5. Tat'yana F.M. // Aktual'nye voprosy avtomatizatsii sudebno-ekspertnoy deyatelnosti // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2022. № 5
6. Beppaev R.ZH. // TSifrovoy sled kak dokazatel'stvo v ugovnom protsesse: problemy dopustimosti i dostovernosti // Voprosy prava. 2025. № 4
7. El'murzaev A.V., Soboleva I.V. // Transformatsiya instituta dokazatel'stv v grazhdanskom protsesse v usloviyakh tsifrovizatsii pravosudiya // Human Progress. 2025. T. 11. № 9
8. Ignatova, YE. I. Rol' komp'yuternoy grafiki i geometricheskogo modelirovaniya pri podgotovke spetsialistov v oblasti tekhniki i tekhnologiy / YE. I. Ignatova // Finansovye rynki i banki. – 2025. – № 12. – S. 561–562. – EDN WYTJBB.
9. Suglobov, A. YE. Perspektivy ispol'zovaniya tsifrovyykh tekhnologiy v sfere gosudarstvennykh uslug i upravleniya / A. YE. Suglobov, A.V. Minakov // Russian Journal of Management. – 2021. – T. 9, № 3. – S. 46–50. – DOI 10.29039/2409–6024–2021–9–3–46–50. – EDN UWJYTH.
10. Kolehkin I.S., Sereda YE.V. Personal'naya tekhnologicheskaya karta obuchayushchikhsya // Geografiya v shkole. 2013. № 9. S. 48–51.
11. Gushchin A.N., Divakova M.N. Model' arkhitekturnogo vospriyatiya subekta, obladayushchego refleksiy. Iskusstvennyy intellekt i prinyatie resheniy. 2017. № 3. S. 94–103.
12. CHeryavko, YE. D. Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologiy organizovannoy prestupnost'yu // Novizna. Eksperiment. Traditsii (N.Eks.T). 2023. T. 9, № 3(23). S. 68–75.
13. Mayboroda, E. T., CHeryavko, YE. D. TSifrovye sledy v sisteme dokazyvaniya: problemy klassifikatsii i protsessual'noy reglamentatsii // YUridicheskaya nauka. 2024. № 7. S. 284–288.

Прямой договор как специальная договорная конструкция

Абдуллатипов Рашид Магомедович,

аспирант, ФГБОУ ВО ВАВТ Минэкономразвития России
E-mail: address: raabov@mail.ru

В статье рассматривается прямой договор в сфере предоставления коммунальных услуг как договорная конструкция, не получившая закрепления в Гражданском кодексе Российской Федерации. Указано на то, что легальное определение этого понятия отсутствует и в законодательстве, а также в судебной практике, тогда как статья 157.2 Жилищного кодекса Российской Федерации задаёт устойчивый набор признаков соответствующей конструкции. Автор анализирует нормативные акты, разъяснения Минстроя России и практику Верховного Суда Российской Федерации, показывает неоднородность правового режима применительно к жилым помещениям, нежилым помещениям и предлагает направления единого регулирования, включая презумпцию статуса исполнителя коммунальной услуги и универсальную формулу случаев, исключающих прямой договор. Работа завершается доктринальным определением прямого договора.

Ключевые слова: прямой договор, договорная конструкция, коммунальные услуги, ресурсоснабжающая организация, статья 157.2 ЖК РФ, конклюдентные действия, типового договор, нежилые помещения, апартаменты, бездоговорное потребление.

Постановка вопроса

В правовой науке выделяют ряд договорных конструкций, которые не являются самостоятельными видами договоров. Для них в ГК РФ предусмотрено особое регулирование, применяемое тогда, когда фактически заключённое сторонами соглашение отвечает признакам соответствующей конструкции [1]. В.В. Витрянский относит к ним, в частности, публичный договор (ст. 426 ГК РФ), договор присоединения (ст. 428 ГК РФ), предварительный договор (ст. 429 ГК РФ) и договор в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) [2, с. 34]. После реформы гражданского законодательства 2015 г. этот перечень дополнили рамочный договор (ст. 429.1 ГК РФ), опцион на заключение договора и опционный договор (ст. 429.2, 429.3 ГК РФ), а также абонентский договор (ст. 429.4 ГК РФ) [3]. Состав таких конструкций остаётся дискуссионным. Так, Е.А. Суханов не включает в их число предварительный договор, рассматривая его как организационный [4, с. 206].

Вместе с тем на практике сложилась близкая по природе конструкция, которая в ГК РФ как договорная не закреплена. Речь идёт о прямом договоре.

Появление этой конструкции имело вполне определённую причину. Статья 157.2 была введена в ЖК РФ Федеральным законом от 3 апреля 2018 г. № 59-ФЗ [5] в условиях, когда расчёты за коммунальные ресурсы шли через лицо, управляющее домом, и зависели от его платёжной дисциплины. В литературе преимущества прямых договоров сводят именно к формальной гарантированности расчётов непосредственно с ресурсоснабжающей организацией при низкой платёжной дисциплине управляющего субъекта, а сами такие договоры предлагается рассматривать скорее как предусмотренный законодательством выход из сложных ситуаций, чем как обычный порядок ведения дел [6]. Эта цель важна для дальнейшего изложения: она даёт критерий, по которому можно проверять каждый из сложившихся режимов.

Ниже показано, что легального определения понятия нет, что нормативные признаки конструкции всё же поддаются установлению и что действующее регулирование распадается на несколько несогласованных режимов, часть которых названной цели не служит.

Отправная точка исследования – это статья 157.2 ЖК РФ. Она вводит саму конструкцию, но термина прямой договор не использует [7]. Законодатель прибегает к развёрнутому описанию: коммунальные услуги предоставляются ресурсоснабжающей организацией, региональным оператором по обращению с твёрдыми коммунальными отходами «в соответствии с заключёнными с каждым собственником помещения в многоквартирном доме, действующим от своего имени, договором, содержащим положения о предоставлении коммунальных услуг». Не использует этот термин и Федеральный закон от 3 апреля 2018 г. № 59-ФЗ, которым статья 157.2 была введена в ЖК РФ [5]. Конструкция, таким образом, получила нормативное содержание раньше, чем собственное имя.

В нормативных актах термин всё же встречается, но лишь в учётом значении и без раскрытия содержания. Раздел 3 форм федерального статистического наблюдения, утверждённых приказами Росстата от 16 июля 2026 г. № 389 и от 28 июля 2025 г. № 367, именуется «Оплата коммунальных услуг гражданами, имеющими прямые договоры (прямые платежи) с ресурсоснабжающими организациями» [8; 9]. Та же формулировка использована в формах для государственной информационной системы топливно-энергетического комплекса [10]. Показательно и то, что в НК РФ словосочетание «прямые договоры» означает совсем другое, а именно отношения субподрядчика с застройщиком или техническим заказчиком [11]. Единого отраслевого содержания у термина нет.

Ближе всех к раскрытию понятия подошёл Минстрой России. В письме от 14 октября 2020 г. № 41086-ОЛ/06 указано следующее [12]:

«В соответствии с частями 6, 7 статьи 157.2 Жилищного Кодекса Российской Федерации прямой договор, содержащий положения о предоставлении коммунальных услуг, между собственником помещения и ресурсоснабжающей организацией считается заключённым со всеми собственниками помещений в многоквартирном доме одновременно на неопределённый срок. При этом заключение договора в письменной форме не требуется. Договор, содержащий положения о предоставлении коммунальных услуг, заключается путём соверше-

ния конклюдентных действий, то есть без его подписания сторонами и без указания данных о потребителе коммунальных услуг».

Здесь орган, отвечающий за государственную политику в жилищно-коммунальной сфере, использует термин как самостоятельное понятие и раскрывает три его признака: договор заключается одновременно со всеми собственниками помещений, действует бессрочно и возникает из конклюдентных действий. Стоит обратить внимание, что нормативным правовым актом письмо не является, оно носит информационно-разъяснительный характер.

Судебная практика пользуется термином как устоявшимся, но понятия не формулирует. Верховный Суд Российской Федерации употребляет выражение «прямые договоры» в пункте 28 Обзора судебной практики № 3 (2023). Там сделан вывод о том, что в доме без централизованного горячего водоснабжения заключение собственниками прямых договоров с ресурсоснабжающей организацией на поставку тепловой энергии для приготовления горячей воды законодательством не предусмотрено [13]. Позиция развита в определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 5 мая 2026 г. № 305-ЭС25–15025: в доме с индивидуальным тепловым пунктом, относящимся к общему имуществу, коммунальную услугу по отоплению может предоставлять только исполнитель, эксплуатирующий этот пункт [14].

К природе конструкции практика подошла ближе всего в решении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2018 г. № АКПИ18–1161 [15] и в оставившем его без изменения апелляционным определении Апелляционной коллегии от 14 марта 2019 г. № АПЛ19–60 [16]. Заявители оспаривали положения Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов [17], ссылаясь на статью 426 ГК РФ, пункт 4.4 части 2 статьи 44, часть 1 статьи 135, пункты 1 и 2 части 1 статьи 157.2, часть 2.2 статьи 161 ЖК РФ. По их мнению, оспариваемые нормы императивно предписывают собственникам нежилых помещений заключать прямые договоры с ресурсоснабжающими организациями и тем самым нарушают свободу договора и равенство собственников жилых и нежилых помещений. Суд с этими доводами не согласился, но и в этих актах понятие прямого договора не раскрыто. Конституционный Суд Российской Федерации обращается к статье 157.2 ЖК РФ лишь попутно: в постановлении от 18 апреля 2024 г. № 19-П норма упоминается при изложении нормативного контекста [18].

Прямой договор, следуя правовой логике, можно отнести к специальным договорным конструкциям. Точного определения нет ни в законодательстве, ни в судебной практике, однако совокупность признаков, закреплённых в статье 157.2 ЖК РФ и воспроизведённых в разъяснениях и судебных актах, позволяет прийти к его пониманию [19]. В литературе предложена и иная квалификация. Д. П. Гордеев рассматривает договор, содержащий положения о предоставлении коммунальных услуг, как новый вид договора, урегулированный статьёй 157.2 ЖК РФ и правилами предоставления коммунальных услуг [20]. Различие здесь не терминологическое. Признание конструкции самостоятельным видом договора предполагает наличие у неё собственного предмета, тогда как отношение к договорным конструкциям объясняет, почему при неизменном предмете меняются субъектный состав, порядок заключения и режим изменения обязательства. Второй подход представляется более точным, поскольку предмет обязательства при переходе на прямой договор остаётся прежним.

К признакам рассматриваемой конструкции относятся:

- 1) особый субъектный состав. Обязанной стороной выступает ресурсоснабжающая организация либо региональный оператор по обращению с твёрдыми коммунальными отходами, уполномоченной каждый собственник или пользователь помещения в отдельности;
- 2) самостоятельность потребителя, который действует от своего имени, а не через управляющую организацию как исполнителя коммунальных услуг или представителя;
- 3) закрытый перечень оснований возникновения, установленный частью 1 статьи 157.2 ЖК РФ. К ним относятся решение общего собрания собственников помещений, односторонний отказ ресурсоснабжающей организации от исполнения договора ресурсоснабжения при наличии задолженности управляющей организации, а также отсутствие заключённого между ними договора ресурсоснабжения;
- 4) одномоментность заключения. Договор считается заключённым со всеми собственниками и пользователями помещений сразу, поэтому момент возникновения обязательства не дифференцируется индивидуально;
- 5) предопределённость условий типовым договором, который утверждается Правительством Российской Федерации, в сочетании с бессрочностью, отсутствием требования письменной формы и конклюдентным порядком заключения (часть 6 статьи 157.2 ЖК РФ);

6) сохранение договора управления многоквартирным домом. Прямой договор его не заменяет, а дополняет: обязанности управляющей организации по содержанию общего имущества, включая оплату коммунального ресурса, потреблённого при содержании общего имущества, сохраняются.

Функциональное назначение конструкции состоит в том, чтобы вывести управляющую организацию, товарищество собственников жилья или кооператив из расчётных отношений и направить плату за потреблённый ресурс непосредственно поставщику. В литературе эта конструкция оценивается прежде всего с точки зрения её практических преимуществ и недостатков [6], тогда как вопрос о её правовой природе остаётся на периферии. При этом лицо, управляющее домом, из отношений полностью не выбывает. В литературе подчёркивается, что при наличии прямых договоров оно остаётся «единым окном» для приёма жалоб потребителей на нарушение качества коммунальных услуг и отвечает за их качество внутри дома в части надлежащего содержания внутридомовых инженерных коммуникаций [21].

Вместе с тем распространённое описание этой цели как устранения посредника юридически неточно. До перехода на прямой договор управляющая организация выступает не посредником, а самостоятельным исполнителем коммунальных услуг, который приобретает ресурс по договору ресурсоснабжения от своего имени и в своём интересе. Прямой договор устраняет не посредничество, а само двухзвенное построение отношений, переносит статус исполнителя коммунальной услуги на ресурсоснабжающую организацию.

Отдельного внимания заслуживает положение собственников нежилых помещений. Для собственников жилых помещений переход на прямой договор это право, реализуемое через решение общего собрания. Собственники нежилых помещений вступают в отношения с ресурсоснабжающей организацией напрямую в силу предписания подзаконного акта. Согласно абзацу третьему пункта 6 Правил № 354 поставка холодной воды, горячей воды, тепловой энергии, электрической энергии и газа в нежилое помещение в многоквартирном доме, а также отведение сточных вод осуществляются на основании договоров ресурсоснабжения, заключённых в письменной форме непосредственно с ресурсоснабжающей организацией [17]. На лицо, управляющее домом, при этом возложена обязанность уведомить таких собственников о необходимости заключить договоры и передать ресурсоснабжающей организации сведения о них. Исторически именно нежилые помещения были переведены на такую модель первыми, и лишь с апреля 2018 г. она стала возможна применительно к жилым помещениям [6].

Уже здесь видна неоднородность рассматриваемой модели. Договор, который обязан заключить собственник нежилого помещения, отличается от прямого договора по статье 157.2 ЖК РФ по трём параметрам. Он требует письменной формы, тогда как прямой договор заключается конклюдентно. Его заключение не зависит от решения общего собрания. Наконец, его предметом выступает ресурсоснабжение, а не предоставление коммунальной услуги. Один и тот же в обиходе термин охватывает, следовательно, две разные по режиму модели, что дополнительно подтверждает несформированность понятия.

Практическое следствие такого регулирования состоит в том, что собственники жилых помещений могут продолжать рассчитываться опосредованно, через управляющую организацию, товарищество собственников жилья или кооператив, тогда как собственники нежилых помещений в том же доме уже состоят в отношениях с ресурсоснабжающей организацией напрямую. Причины такой дифференциации из текста нормативных актов не усматриваются. Законность соответствующих положений Правил № 354 проверялась по упомянутому выше делу № АКПИ18–1161, где заявители ссылались в том числе на нарушение равенства собственников жилых и нежилых помещений. Суд ограничился выводом о соответствии оспариваемых норм закону и оснований для различного правового режима не раскрыл.

На практике собственники нежилых помещений эту обязанность нередко не исполняют и продолжают вносить плату лицу, управляющему домом. Правила № 354 связывают с отсутствием письменного договора ресурсоснабжения лишь одно последствие: объём потреблённых в помещении ресурсов определяется ресурсоснабжающей организацией расчётными способами, предусмотренными законодательством о водоснабжении, электроснабжении, теплоснабжении и газоснабжении для случаев бездоговорного потребления. Правовое положение лица, управляющего домом и фактически принимающего исполнение, при этом не определено. Складывается конструкция, в которой такое лицо подменяет собой ресурсоснабжающую организацию, не имея на то законного основания.

Отсюда возникает ряд вопросов, не получивших ответа ни в законодательстве, ни в судебной практике. Приобретает ли лицо, управля-

ющее домом, статус исполнителя коммунальной услуги в отношении собственника нежилого помещения, если закон такого статуса ему не предоставляет. Вправе ли оно ограничивать или приостанавливать предоставление коммунальных услуг такому собственнику. Вправе ли оно взыскивать задолженность в судебном порядке от своего имени, или надлежащим истцом остаётся ресурсоснабжающая организация, для которой это потребление является бездоговорным.

Та же проблема, но в усложнённом виде, возникает применительно к помещениям, которые на практике называют апартаментами. Легального определения этого понятия в законодательстве нет, и за ним скрываются по меньшей мере две разные ситуации. Апартаменты могут быть нежилыми помещениями в многоквартирном доме, и тогда к ним в полном объёме применяется абзац третий пункта 6 Правил № 354 с обязанностью заключить договор ресурсоснабжения напрямую. Апартаменты могут располагаться и в здании, которое многоквартирным домом не является. В этом случае ни правила ЖК РФ о предоставлении коммунальных услуг, ни Правила № 354 не применяются вовсе, а снабжение ресурсами опосредуется общими нормами о договоре энергоснабжения (§ 6 главы 30 ГК РФ) и отраслевым законодательством [22]. Экономическое содержание отношений при этом во всех случаях одно и то же: конечный потребитель, помещение которого присоединено к общим инженерным системам здания, получает ресурс. Различается лишь то, кто выступает его контрагентом и кто несёт риск неоплаты.

Рассмотренные случаи с нежилыми помещениями и апартаментами по существу воспроизводят ту же конструкцию прямого договора, но не укладываются в рамки статьи 157.2 ЖК РФ, рассчитанной на собственников помещений в многоквартирном доме и на решение общего собрания как основание перехода. Вместо единой конструкции сложилось несколько параллельных режимов, различающихся по основанию возникновения, форме договора, его предмету и последствиям заключения, тогда как защищаемый интерес во всех случаях совпадает. Объяснить это особенностями регулируемых отношений вряд ли возможно. Скорее перед нами следствие точечного нормотворчества, при котором каждая новая ситуация разрешалась обособленно.

Устранить эту разногласию способно только единое регулирование, и начинать его следует с отказа от назначения помещения как критерия дифференциации. Юридически значимо не то, жилое помещение или нежилое, а то, присоединено ли оно к внутридомовым инженерным системам, находящимся в общей долевой собственности, и есть ли лицо, отвечающее за их содержание. Именно наличие такого лица, а не хозяйственное назначение помещения, определяет, возможно ли двухзвенное построение отношений и требуется ли переход на прямой договор.

Вопрос о том, где закрепить общие положения о прямом договоре, требует отдельного обоснования. Поместить их в ГК РФ по образцу иных договорных конструкций оправданно, если признать, что прямой договор описывает общегражданский способ построения обязательства и с жилищными отношениями жёстко не связан. Против этого можно возразить, что конструкция насыщена публично-правовыми элементами: условия договора предопределены типовой формой, цена определяется по регулируемым тарифам, а основанием перехода служит решение общего собрания. Эти черты тяготеют к жилищному законодательству. Взвешенным решением видится закрепление в ГК РФ общих положений о прямом договоре как о договорной конструкции с отсылкой к специальному регулированию, при сохранении в ЖК РФ и в отраслевых законах особенностей, обусловленных видом ресурса.

Содержательным ядром такого регулирования должна стать презумпция, снимающая неопределённость переходного состояния. До заключения прямого договора лицом, предоставляющим коммунальные услуги, признаётся лицо, управляющее домом, независимо от назначения помещения. Отсюда следуют три практических вывода. Такое лицо уполномочено принимать плату за коммунальные услуги, поэтому вопрос о неосновательности её получения не возникает. Оно вправе взыскивать задолженность в судебном порядке от своего имени, поскольку является кредитором в соответствующем обязательстве. Наконец, оно вправе ограничивать и приостанавливать предоставление коммунальных услуг в установленном порядке, что сегодня применительно к собственникам нежилых помещений вызывает обоснованные сомнения.

Презумпцию необходимо дополнить прямым указанием на то, что потребление в помещении в период её действия не может считаться бездоговорным. Иначе сохраняется риск двойного возложения, при котором ресурсоснабжающая организация определяет объём ресурса расчётным способом и предъявляет требование собственнику, а лицо, управляющее домом, взыскивает ту же задолженность как исполнитель коммунальной услуги. Наряду с этим единое регулирование долж-

но содержать закрытый перечень случаев, когда заключение прямого договора не допускается ни при каких обстоятельствах.

Первый и наиболее очевидный такой случай – это ситуация, когда коммунальная услуга по отоплению или горячему водоснабжению создаётся внутри самого дома. Речь идёт как о децентрализованном приготовлении ресурса, так и о его приготовлении при помощи индивидуального теплового пункта, присоединённого к централизованной системе теплоснабжения. Именно из этого исходит пункт 28 Обзора судебной практики № 3 (2023) [13], а вслед за ним определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 5 мая 2026 г. [14]. Ту же позицию последовательно проводит Минстрой России в письмах от 4 августа 2022 г. № 38324-МС/04 [23] и от 7 апреля 2026 г. № 19840-ДН/04 [24], причём в последнем со ссылкой непосредственно на приведённый пункт Обзора. Положение собственников помещений в домах, оборудованных индивидуальными тепловыми пунктами, рассматривается в литературе и в финансово-правовом аспекте, в том числе с точки зрения защиты их прав [25].

На первый взгляд обоснование строится на том, что ресурс приготавливается в самом доме, а потому ресурсоснабжающая организация не может быть исполнителем услуги, которую она не создаёт. В таком виде аргумент уязвим. Ни управляющая организация, ни товарищество собственников жилья, ни жилищный кооператив не производят ни холодную воду, ни электрическую энергию, ни газ, однако применительно к этим ресурсам они признаются исполнителями без каких-либо затруднений. Если бы критерием было производство ресурса, статус исполнителя не мог бы принадлежать им ни в одном из случаев.

При более внимательном прочтении применённый судом критерий состоит не в производстве ресурса, а в том, преобразуется ли поступивший в дом ресурс на оборудовании, входящем в состав общего имущества. Холодная вода, электрическая энергия и газ проходят через внутридомовые инженерные системы транзитом и качественно не изменяются, поэтому коммунальная услуга по предмету совпадает с поставленным ресурсом. При наличии индивидуального теплового пункта происходит иное: тепловая энергия и теплоноситель преобразуются в другой ресурс, горячую воду, и возникает объект, который ресурсоснабжающая организация в дом не поставила. Поэтому исполнителем признаётся лицо, эксплуатирующее соответствующее оборудование.

Такое уточнение объясняет позицию высшей судебной инстанции, но не снимает вопроса о её последовательности. Во-первых, критерий преобразования не является гражданско-правовым по природе, поскольку опирается на состав общего имущества и техническое устройство дома, а не на структуру обязательства. Во-вторых, он применяется избирательно: коммунальный ресурс, потребляемый при содержании общего имущества, и потери во внутридомовых сетях остаются за лицом, управляющим домом, при любом виде ресурса, то есть фактор преобразования там не работает. В-третьих, доведённый до конца, этот довод обосновывал бы недопустимость прямых договоров и по остальным ресурсам, ведь и там услуга доводится до потребителя через общее имущество и усилиями лица, управляющего домом. Такое выводом законодатель не делает и объяснений этому не даёт.

Для целей единого регулирования рассматриваемое исключение следует формулировать не через вид коммунального ресурса и не через тип системы горячего водоснабжения, а через универсальный признак: заключение прямого договора не допускается, если коммунальная услуга создаётся оборудованием, входящим в состав общего имущества собственников помещений. Такая формула охватывает и децентрализованное приготовление горячей воды, и индивидуальные тепловые пункты, и сохраняет работоспособность применительно к техническим решениям, которые могут получить распространение в дальнейшем, включая крышные котельные и иные автономные источники.

Проведённый анализ показывает, что прямой договор занимает промежуточное положение. По степени нормативной определённости признаков он сопоставим с конструкциями, закреплёнными в ГК РФ, но лишён и места в системе гражданского законодательства, и легального имени. Термин сложился в правоприменении, закрепились в разъяснениях уполномоченного органа и в языке судебных актов, проник в подзаконные акты учётного характера, однако нигде не определён. Одновременно правовой режим распался на несколько несогласованных вариантов в зависимости от назначения помещения и технического устройства дома, что не имеет разумного объяснения.

Изложенное позволяет предложить следующее определение. Прямой договор представляет собой специальную договорную конструкцию, в силу которой коммунальная услуга предоставляется ресурсоснабжающей организацией либо региональным оператором по обращению с твёрдыми коммунальными отходами непосредственно ка-

ждому собственнику или пользователю помещения, действующему от своего имени, на условиях типового договора, утвержденного Правительством Российской Федерации, на неопределенный срок и без составления единого письменного документа, при наличии одного из оснований, исчерпывающе определенных законом, и при условии, что коммунальная услуга не создается оборудованием, входящим в состав общего имущества собственников помещений.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в действующей редакции) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Витрянский В.В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 1. С. 34.
3. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.
4. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. III: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. С. 206.
5. Федеральный закон от 3 апреля 2018 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Крючков Р.А. Преимущества и недостатки прямых договоров ресурсоснабжения в многоквартирных домах // Семейное и жилищное право. 2024. № 5.
7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 2 мая 2026 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ Росстата от 16 июля 2026 г. № 389 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения и указаний по их заполнению для организации федерального статистического наблюдения за строительством, инвестициями в нефинансовые активы и жилищно-коммунальным хозяйством» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Приказ Росстата от 28 июля 2025 г. № 367 (ред. от 2 февраля 2026 г.) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за строительством, инвестициями в нефинансовые активы и жилищно-коммунальным хозяйством» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Приказ Минэнерго России от 6 ноября 2020 г. № 978 «Об утверждении форм предоставления в обязательном порядке Федеральной службой государственной статистики информации для включения в государственную информационную систему топливно-энергетического комплекса и требований к заполнению этих форм» (зарегистрирован в Минюсте России 26 февраля 2021 г. № 62616) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 4 июля 2026 г., с изм. от 21 июля 2026 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Письмо Минстроя России от 14 октября 2020 г. № 41086-ОЛ/06 «О договорах, содержащих положения о предоставлении коммунальных услуг» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.). Пункт 28 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 мая 2026 г. № 305-ЭС25-15025 по делу № А41-101297/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2018 г. № АКПИ18-1161 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2019 г. № АПЛ19-60 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») (ред. от 19 декабря 2025 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2024 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 10 статьи 162 и части 3 статьи 200 Жилищного кодекса Россий-

ской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью Управляющая компания «Мир» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Гришаев С.П. Жилищный кодекс Российской Федерации: постановный научно-практический комментарий: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024.

20. Гордеев Д.П. Правовая природа, квалификация и юридический состав договора управления многоквартирным домом // Семейное и жилищное право. 2025. № 3.

21. Снегирев А.Г. Прямые договоры с РСО: разъяснения Минстроя // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 6.

22. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г., с изм. от 9 июня 2026 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. Письмо Минстроя России от 4 августа 2022 г. № 38324-МГ/04 «По вопросам исполнения договоров по предоставлению коммунальных услуг по горячему водоснабжению с использованием внутридомовых инженерных систем» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

24. Письмо Минстроя России от 7 апреля 2026 г. № 19840-ДН/04 «О предоставлении коммунальных услуг по отоплению и (или) горячему водоснабжению с использованием оборудования, входящего в состав общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

25. Мионов В.Ю. Проблемы защиты прав собственников многоквартирных домов, оборудованных индивидуальными тепловыми пунктами (финансово-правовой аспект) // Семейное и жилищное право. 2023. № 3.

DIRECT CONTRACT AS A SPECIAL CONTRACTUAL STRUCTURE

Abdullatipov R.M.

Russian Academy of Foreign Trade,

The article examines the direct contract in the field of utility services as a contractual model that has not been enshrined in the Civil Code of the Russian Federation. It is demonstrated that no legal definition of this concept exists either in legislation or in judicial practice, while Article 157.2 of the Housing Code of the Russian Federation establishes a stable set of features of the model in question. The author analyses regulatory acts, clarifications of the Ministry of Construction of Russia and the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, demonstrates the heterogeneity of the legal regime as applied to residential premises, non-residential premises and serviced apartments, and proposes avenues for unified regulation, including a presumption as to the provider of the utility service and a universal formula for cases excluding the direct contract. The article concludes with a doctrinal definition of the direct contract.

Keywords: direct contract, contractual structure, utility services, resource supply organization, Article 157.2 of the Housing Code, implied actions, standard form contract, non-residential premises, serviced apartments, non-contractual consumption.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as currently amended). Available at: SPS "ConsultantPlus". (In Russian).
2. Vitryansky V.V. (2012) Sistema grazhdansko-pravovykh dogovorov v usloviyakh reformirovaniya grazhdanskogo zakonodatel'stva [The System of Civil Law Contracts in the Context of Reforming Civil Legislation]. Vestnik of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. No. 1. P. 34. (In Russian).
3. Vitryansky V.V. (2018) Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi [The Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Statut. 528 p. (In Russian).
4. Sukhanov E.A. (ed.) (2023) Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. III: Obshchie polozheniya ob obyazatel'stvakh i dogovorakh [Civil Law: Textbook: in 4 vols. Vol. III: General Provisions on Obligations and Contracts]. 3rd ed., rev. and enl. Moscow: Statut. P. 206. (In Russian).
5. Federal Law of April 3, 2018 No. 59-FZ "On Amendments to the Housing Code of the Russian Federation". Available at: SPS "ConsultantPlus". (In Russian).
6. Kryuchkov R.A. (2024) Preimushchestva i nedostatki pryamykh dogovorov resursosnabzheniya v mnogokvartirnykh domakh [Advantages and Disadvantages of Direct Resource Supply Contracts in Apartment Buildings]. Semeynoe i zhilishchnoe pravo. No. 5. (In Russian).
7. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 188-FZ (as amended on May 2, 2026). Available at: SPS "ConsultantPlus". (In Russian).
8. Order of Rosstat of July 16, 2026 No. 389 "On Approval of Federal Statistical Observation Forms and Instructions for Completing Them for the Organization of Federal Statistical Observation of Construction, Investments in Non-Financial Assets and Housing and Communal Services". Available at: SPS "ConsultantPlus". (In Russian).
9. Order of Rosstat of July 28, 2025 No. 367 (as amended on February 2, 2026) "On Approval of Federal Statistical Observation Forms for the Organization of Federal Statistical Observation of Construction, Investments in Non-Financial Assets and Housing and Communal Services". Available at: SPS "ConsultantPlus". (In Russian).
10. Order of the Ministry of Energy of Russia of November 6, 2020 No. 978 "On Approval of the Forms for the Mandatory Submission by the Federal State Statistics Service of Information for Inclusion in the State Information System of the Fuel and Energy Com-

plex and the Requirements for Completing These Forms” (registered with the Ministry of Justice of Russia on February 26, 2021 No. 62616). Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

11. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of August 5, 2000 No. 117-FZ (as amended on July 4, 2026, with amendments of July 21, 2026). Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

12. Letter of the Ministry of Construction of Russia of October 14, 2020 No. 41086-OL/06 “On Contracts Containing Provisions on the Supply of Utility Services”. Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

13. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2023) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 15, 2023). Paragraph 28. Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

14. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of May 5, 2026 No. 305-ES25–15025 in case No. A41–101297/2023. Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

15. Decision of the Judicial Chamber for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2018 No. AKPI18–1161. Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

16. Appellate Ruling of the Appellate Chamber of the Supreme Court of the Russian Federation of March 14, 2019 No. APL19–60. Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

17. Decree of the Government of the Russian Federation of May 6, 2011 No. 354 “On the Provision of Utility Services to Owners and Users of Premises in Apartment Buildings and Residential Houses” (together with the “Rules for the Provision of Utility Services to Owners and Users of Premises in Apartment Buildings and Residential Houses”) (as amended on December 19, 2025). Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 18, 2024 No. 19-P “On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Part 10 of Article 162 and Part 3 of Article 200 of the Housing Code of the Russian Federation in Connection

with the Complaint of the Limited Liability Company Management Company Mir”. Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

19. Grishaev S.P. (2024) Zhilishchnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: postateynny nauchno-prakticheskiy kommentariy [The Housing Code of the Russian Federation: An Article-by-Article Scientific and Practical Commentary]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Prospekt. (In Russian).

20. Gordeev D.P. (2025) Pravovaya priroda, kvalifikatsiya i yuridicheskiy sostav dogovora upravleniya mnogokvartirnym domom [The Legal Nature, Qualification and Juridical Composition of the Apartment Building Management Contract]. Semeynoe i zhilishchnoe pravo. No. 3. (In Russian).

21. Snegirev A.G. (2018) Pryamye dogovory s RSO: raz’yasneniya Ministroya [Direct Contracts with Resource Supply Organizations: Clarifications of the Ministry of Construction]. Zhilishchno-kommunal’noe khozyaystvo: bukhgalterskiy uchët i nalogooblozhenie. No. 6. (In Russian).

22. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025, with amendments of June 9, 2026). Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

23. Letter of the Ministry of Construction of Russia of August 4, 2022 No. 38324-MS/04 “On Issues of Performance of Contracts for the Supply of Utility Services for Hot Water Supply Using In-House Engineering Systems”. Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

24. Letter of the Ministry of Construction of Russia of April 7, 2026 No. 19840-DN/04 “On the Supply of Utility Services for Heating and (or) Hot Water Supply Using Equipment Included in the Common Property of Owners of Premises in an Apartment Building”. Available at: SPS “ConsultantPlus”. (In Russian).

25. Mironov V.Yu. (2023) Problemy zashchity prav sobstvennikov mnogokvartirnykh domov, oborudovannykh individual’nymi teplovymi punktami (finansovo-pravovoy aspekt) [Problems of Protecting the Rights of Owners in Apartment Buildings Equipped with Individual Heating Units (Financial and Legal Aspect)]. Semeynoe i zhilishchnoe pravo. No. 3. (In Russian).

Апоревич Вера Николаевна,

к.ю.н., доцент кафедры «Публичное, частное и транспортное право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения

E-mail: vera.nika.72@bk.ru

Статья анализирует перспективы реформирования профессиональных союзов в Российской Федерации с учетом их правового статуса, исторического развития и текущих вызовов. Рассматриваются функции профсоюзов в защите трудовых прав, социальном партнерстве и разрешении споров, а также проблемы, связанные с сокращением численности членов, ограничением полномочий и низкой правовой осведомленностью. Особое внимание уделяется предложениям по реформированию, включая усиление законодательной базы, развитие правового просвещения и поддержку среднего класса, с опорой на опыт немецких профсоюзов. Статья подчеркивает необходимость комплексного подхода к реформам для повышения эффективности профсоюзов и укрепления социальной справедливости.

Ключевые слова: профессиональные союзы, реформирование, трудовые права, социальное партнерство, Трудовой кодекс РФ, Международная организация труда, правовая осведомленность, средний класс, законодательные изменения.

Профессиональные союзы в Российской Федерации остаются важным институтом защиты трудовых прав, обеспечивая баланс интересов работников, работодателей и государства. Профсоюзы с самого своего появления защищают интересы трудящихся работников, не нарушая интересы предприятия, таким образом выполняя основную свою представительско – защитную функцию. Их деятельность регулируется Конституцией РФ [1], Трудовым кодексом [2] и Федеральным законом от 12 января 1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», которые предоставляют достаточно широкие полномочия для представительства трудящихся и контроля за соблюдением законодательства. Современные ученые и практики предлагают усовершенствовать основные нормативно правовые акты, определяющие правовой статус профсоюзов с учетом появившихся новых видов трудовой деятельности, например таких как платформенная занятость, дистанционная работа и т.д. Однако сокращение численности членов, ограничение законодательных прав и низкое общественное доверие подчеркивают необходимость реформирования профсоюзного движения. Эта статья исследует правовые основы, исторический контекст и современные проблемы профсоюзов, предлагая стратегии их реформирования с учетом регионального и субъектного опыта, чтобы повысить их эффективность в обеспечении социальной справедливости в целом.

Для понимания необходимости реформ важно обратиться к историческому развитию профсоюзов, которое выявляет их сильные и слабые стороны. Первые профессиональные объединения в России были легализованы в 1906 году «Временными правилами об обществах и союзах», но их деятельность ограничивалась строгим государственным надзором. В советский период профсоюзы превратились в массовые организации, объединяя до 98% трудящихся и выполняя функции социального обеспечения, такие как предоставление путевок в санатории и управление страхованием. Однако их подчинение государству ослабило независимость, что отчасти сохраняется в современной зависимости от работодателей. Постсоветские изменения, особенно поправки в Трудовой кодекс 2006 года [2], лишившие профсоюзы права инициировать забастовки и влиять на массовые увольнения, углубили их кризис. Этот исторический опыт подчеркивает, что реформирование профсоюзов должно начинаться с восстановления их автономии и усиления правового статуса, чтобы они могли эффективно защищать работников. [16]

Правовая база деятельности профсоюзов создает основу для их реформирования, но требует модернизации для соответствия современным реалиям. Конституция РФ (статья 30) гарантирует право на объединение, а Трудовой кодекс детализирует полномочия профсоюзов, включая участие в социальном партнерстве (статья 29), контроль за соблюдением законодательства (статья 370) и защиту от необоснованных увольнений (статья 373). Федеральный закон № 10-ФЗ [5] определяет профсоюзы как добровольные объединения для защиты социально-трудовых прав, предоставляя им доступ к судебным и административным механизмам. Международные стандарты, закрепленные в конвенциях Международной организации труда (МОТ), таких как № 87 (о свободе объединения) и № 98 (о коллективных переговорах), усиливают эти права. Россия ратифицировала ключевые конвенции МОТ [15], демонстрируя приверженность глобальным стандартам, но их реализация ограничена пробелами в законодательстве и сопротивлением работодателей. Таким образом, реформирование правовой базы должно включать гармонизацию с международными нормами и устранение ограничений, чтобы профсоюзы могли эффективно функционировать.

Функциональная роль профсоюзов, охватывающая социальное партнерство, контроль за соблюдением законодательства и участие в трудовых спорах, является ключевой для их реформирования. Через коллективные договоры и соглашения профсоюзы влияют на условия труда, включая зарплаты, отпуска и меры безопасности. Статья 370 ТК РФ [2] наделяет профсоюзных инспекторов правом проверять организации, выдавать предписания и инициировать привлечение виновных к ответственности. В разрешении споров профсоюзы представляют интересы работников, обжалуя нарушения в судах или инспекциях труда. [10] Однако их эффективность снижена из-за частого отсутствия профсоюзов на малых и средних предприятиях, давления со стороны

работодателей и низкой правовой осведомленности. Хотя в регионах есть опыт создания единого профсоюза для нескольких маленьких предприятий. Опросы ВЦИОМ показывают, что лишь 2% работников обращаются в профсоюзы при нарушении прав, а 82% считают их роль незначительной. Следовательно, реформы должны сосредоточиться на расширении функций профсоюзов, включая юридическую и образовательную поддержку с применением современных дистанционных форм обучения и взаимодействия, чтобы повысить их востребованность и доверие среди трудящихся. [11]

Современные проблемы профсоюзов подчеркивают срочность их реформирования. По данным Федерации независимых профсоюзов России, численность членов сократилась на 69% (с 65 млн до 19,69 млн человек) за последние 30 лет. Поправки 2006 года в Трудовой кодекс лишили профсоюзы ключевых прав, таких как инициирование забастовок и обязательное согласование массовых увольнений, что ослабило их влияние. Низкая правовая грамотность (31,4% работников знают о профсоюзах, но не осведомлены об их деятельности) и слабость среднего класса, традиционно поддерживающего профсоюзы, усугубляют кризис. Многие профсоюзы ограничиваются формальными задачами, такими как организация субботников или корпоративных мероприятий, что снижает их привлекательность. Эти вызовы показывают, что реформирование должно включать не только законодательные изменения, но и социальные меры для повышения правовой осведомленности и укрепления социальной базы профсоюзов.

Опыт региональных профсоюзов и профсоюзов различных субъектов РФ предлагает ценные уроки для реформирования российского профсоюзного движения. В Приморском крае Федерация профсоюзов Приморья в 2021 году первый раз за период своего существования заключили Соглашение о минимальной заработной плате, а в 2024-м продлили его на 2024–2027 годы. А также профсоюз участвовал в принятии Постановления губернатора о дополнительных мерах взаимодействия с профобъединениями. Этим документом местные власти наделены обязанностью помогать в создании первичных профсоюзных организации. Результатом установления этих обязанностей стало увеличение числа таких договоров и соглашений, в которых предусмотрены дополнительные гарантии для работников. [13]

Профсоюзы Приморья постоянно работают над тем, чтобы обеспечить сохранение и расширение льгот, а частности, ФППК добился увеличения на пять лет меры социальной поддержки медицинских и педагогических работников, обосновав свои требования особыми условиями труда данных категорий работников и особенно важными и редкими для региона категориями специалистов. [9]

Именно профсоюзы добились, чтобы в местностях с особыми климатическими условиями не применяли прогрессивную шкалу НДФЛ. На Камчатке профсоюзы добились того, чтобы краевые спасатели и пожарные (которые работают в тех же условиях, что и коллеги из федерального МЧС) приобрели законное право на досрочные предпенсионные выплаты – раньше этой льготы у них не было. [13]

Дальневосточная региональная организация Российского профсоюза моряков (ДВРО РПСМ) также отличается своей активностью в защите интересов работников. В 2025 году благодаря ее активной деятельности моряки и члены их семей получили около 50 миллионов рублей задержанной заработной платы и компенсаций. Иногда профсоюз осуществлял свои защитные функции совместно с транспортной прокуратурой и портовыми властями – например, инициировал задержание судна для полной ликвидации долга по зарплате. [12]

Таким образом, во многих регионах и субъектах РФ профсоюзы обладают более широкими правами, закрепленными в законодательстве, и поддерживаются высокой правовой грамотностью населения. Они активно используют современные способы взаимодействия, предоставляют членам юридические консультации, курсы повышения квалификации и финансовую поддержку, а также участвуют в законотворчестве, избегая конфронтации с работодателями. Этот подход делает их эффективным инструментом защиты прав работников. Для России в целом адаптация таких практик, включая создание юридических служб и доступных для работодателей и работников образовательных программ, может повысить привлекательность профсоюзов. Более того, изучая опыт профсоюзов различных регионов можно отметить важность независимости профсоюзов, что требует защиты от давления работодателей и властей. Таким образом, опыт регионов становится важным ориентиром для реформ, направленных на усиление профсоюзов в России. [16]

Стратегии реформирования профсоюзов должны быть комплексными, охватывая законодательные, социальные и экономические аспекты. Во-первых, реформа Трудового кодекса, включая восстановление права профсоюзов инициировать забастовки и обязательного

учета их мнения при массовых увольнениях, укрепит их позиции в переговорах с работодателями. Во-вторых, развитие программ доступного для всех работников правового просвещения повысит осведомленность работников о своих правах и возможностях профсоюзов, увеличивая их востребованность. В-третьих, экономические меры, такие как прогрессивное налогообложение и сокращение социального неравенства, поддержат рост среднего класса, который является социальной базой профсоюзов. Эти меры взаимосвязаны: укрепление среднего класса создаст условия для роста профсоюзной активности, а сильные профсоюзы, в свою очередь, улучшат условия труда и повысят покупательскую способность. Реализация таких реформ требует активной государственной политики и поддержки со стороны общественных организаций. [10]

Социально-экономический контекст, включая цифровизацию и рост неравенства, создает дополнительные вызовы для реформирования профсоюзов. Разделение работников на высокооплачиваемых специалистов и тех, кто занят низкооплачиваемыми подработками, затрудняет их объединение и снижает интерес к профсоюзам. Государственная политика, направленная на выравнивание доходов и сокращение бедности, может усилить средний класс, создавая благоприятные условия для профсоюзной деятельности. Кроме того, реформы должны учитывать влияние цифровизации, которая меняет структуру труда и требует от профсоюзов новых подходов, таких как защита прав работников в цифровой экономике. Создание новой нормативно-правовой базы для регулирования обновленных цифровизацией трудовых отношений, а также успешное реформирование профсоюзов позволит им адаптироваться к этим изменениям, укрепляя их роль в обеспечении справедливых условий труда. [16]

Межрегиональное сотрудничество, т.е. сотрудничество профсоюзов различных регионов и субъектов между собой, предоставляет дополнительные возможности для реформирования профсоюзов. Обмен опытом и интеграция лучших практик, таких как наиболее успешные модели деятельности профсоюзов, помогут адаптировать профсоюзы к современным вызовам. Создание юридических служб, участие в законотворчестве и поддержка членов, могут повысить доверие к профсоюзам и их влияние. Сотрудничество профсоюзов между собой также позволит интегрировать наиболее успешные стандарты в российское законодательство, укрепляя правовую базу профсоюзов. Эти шаги, подкрепленные государственной поддержкой, сделают реформы более эффективными, обеспечивая профсоюзам возможность стать реальной силой в защите трудовых прав.

Подводя итоги, реформирование профессиональных союзов в России является ключевым условием для восстановления их влияния и укрепления социальной справедливости. Комплексные меры, включая модернизацию законодательства, развитие правового просвещения, поддержку среднего класса и адаптацию межрегионального опыта, позволят профсоюзам преодолеть текущие барьеры. Эти реформы не только повысят защиту трудовых прав, но и будут способствовать социальной стабильности и экономическому росту, подчеркивая стратегическую роль профсоюзов в формировании устойчивого будущего российского общества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». – Дата обращения: 11.06.2026.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: ФЗ РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 11.06.2026.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: ФЗ РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». – Дата обращения 11.06.2026.
4. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: ФЗ РФ от 10.01.2003 № 17-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 11.06.2026.
5. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: ФЗ РФ от 12.01.1996 № 10-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 11.06.2026.
6. Об утверждении Особенности режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда отдельных категорий работников железнодорожного транспорта общего пользования, работа которых непосредственно связана с движением поездов: приказ Минтранса России от 11.10.2021 № 339: ред. от 02.07.2025 // СПС «Консультант-Плюс». – Дата обращения: 11.06.2026.
7. Коллективный договор Открытого акционерного общества «Российские железные дороги» на 2026–2028 годы: утв. ОАО «Рос-

сийские железные дороги» // СПС «Гарант» / НПП «Гарант-сервис». – Дата обращения: 11.06.2026.

8. Апоревич, В.Н. Расследование преступных нарушений правил безопасности в строительстве / Апоревич В.Н. монография – Хабаровск: Издательство ДВГУПС, 2009. 180 с.

9. Апоревич, В.Н. Правовые проблемы защиты микроэкологической сферы медицинского персонала / Апоревич В.Н. В сборнике: Власть и управление на Востоке России – Хабаровск: Издательство ДВАГС, 2017. С. 230–236.

10. Апоревич, В.Н. Проблемные вопросы социального партнерства / Апоревич В.Н., Цуриков Д.В. В сборнике: Социально-экономические и гуманитарные науки. сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 82–86.

11. Гейхман, В.Л. Трудовое право: учебник для вузов / В.Л. Гейхмана. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – С. 122.

12. Итоги деятельности ДВРО РПСМ за 2025 год 21.01.2026. <https://dvrosur.ru/>

13. Одиннадцатая отчетно-выборная конференция Федерации профсоюзов Приморья (ФППК) 20.06.2025 г. <https://www.zspk.gov.ru/> Законодательное Собрание Приморского края

14. Петров, А.Я. Трудовой договор: учебное пособие для вузов / А.Я. Петров. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 367 с.

15. Самвелян, К.Г. Международные стандарты деятельности профсоюзов по обеспечению прав трудящихся // Stednet. – 2020. – № 9. – С. 1047–1055.

16. Тараненко, А. П., Главатских, А. А., Бреев, Д. В., Аверьянова, М.И. Состояние профсоюзов в современной России: проблемы и пути решения // Экономика и парадигма нового времени. – 2024. – № 1 (22). – С. 65–69.

REFORMING TRADE UNIONS IN RUSSIA: LEGAL AND SOCIAL PERSPECTIVES

Aporevich V.N.

Far Eastern State Transport University

The article examines the prospects for reforming trade unions in the Russian Federation, considering their legal status, historical development, and current challenges. It analyzes the functions of trade unions in protecting labor rights, social partnership, and dispute resolution, as well as issues related to declining membership, limited powers, and low legal awareness. Special attention is given to reform proposals, including strengthening the legislative framework, promoting legal education, and supporting the middle class, drawing on the experience of German trade unions. The article emphasizes the need for

a comprehensive approach to reforms to enhance the effectiveness of trade unions and promote social justice.

Keywords: trade unions, reform, labor rights, social partnership, Russian Labor Code, International Labour Organization, legal awareness, middle class, legislative changes.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS "Consultant Plus". – Accessed: 11.06.2026.

2. Labor Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ // SPS "ConsultantPlus". – Accessed: 11.06.2026.

3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ // SPS "ConsultantPlus". – Accessed: 11.06.2026.

4. On railway transport in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 10.01.2003 No. 17-FZ // SPS "ConsultantPlus". – Date of access: 11.06.2026.

5. On Trade Unions, Their Rights, and Guarantees of Activity: Federal Law of the Russian Federation No. 10-FZ dated January 12, 1996 // SPS ConsultantPlus. – Accessed on June 11, 2026.

6. On approval of the specifics of the working hours and rest time regime, working conditions of certain categories of public railway transport employees whose work is directly related to train movement: Order of the Ministry of Transport of Russia of 11.10.2021 No. 339: as amended on 02.07.2025 // SPS "ConsultantPlus". – Date of access: 11.06.2026.

7. Collective agreement of the Open Joint-Stock Company Russian Railways for 2026–2028: approved. OJSC Russian Railways // SPS "Garant" / NPP "Garant-service". – Date of access: 11.06.2026.

8. Aporevich, V.N. Investigation of criminal violations of safety regulations in construction / Aporevich V.N. monograph – Khabarovsk: DVGUPS Publishing House, 2009. 180 p.

9. Aporevich, V.N. Legal issues of protecting the microecological sphere of medical personnel / Aporevich V.N. In the collection: Power and Administration in the East of Russia – Khabarovsk: DVAGS Publishing House, 2017. pp. 230–236.

10. Aporevich, V.N. Problematic Issues of Social Partnership / Aporevich, V.N., Tsurikov, D.V. In the collection: Socio-Economic and Humanitarian Sciences. A Collection of Selected Articles Based on the Proceedings of the International Scientific Conference. St. Petersburg, 2021. pp. 82–86.

11. Geykhman, V.L. Labor Law: A Textbook for Universities / V.L. Geykhman. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – p. 122.

12. Results of the DVO RPSM activities for 2025 on 21.01.2026. <https://dvrosur.ru/>

13. The Eleventh Reporting and Electoral Conference of the Federation of Trade Unions of Primorye (FTUP) on June 20, 2025. <https://www.zspk.gov.ru/> Legislative Assembly of Primorsky Krai

14. Petrov, A. Ya. Employment Contract: a textbook for universities / A. Ya. Petrov. – 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2023. – 367 p.

15. Samvelian, K.G. International Standards of Trade Unions' Activities to Ensure Workers' Rights // Stednet. – 2020. – No. 9. – Pp. 1047–1055.

16. Taranenko, A. P., Glavatskikh, A. A., Breev, D. V., Averyanova, M.I. The State of Trade Unions in Modern Russia: Problems and Solutions // Economics and the Paradigm of the New Era. – 2024. – No. 1 (22). – Pp. 65–69.

Доверительное управление долей в обществе с ограниченной ответственностью как мера охраны наследственного имущества

Бапинаева Малика Мажитовна,

магистр, кафедра гражданского и предпринимательского права, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: bapinaeva.malika00@mail.ru

Статья посвящена институту доверительного управления долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как мере охраны наследственного имущества. В работе анализируются правовые основания назначения управляющего, круг лиц, которые могут выступать в этом качестве, а также содержание его деятельности. Особое внимание уделяется проблеме ответственности доверительного управляющего, которая связана с выбором между стратегией сохранения имущества и его приумножения при несении доверительным управляющим ответственности как за убытки, так и за упущенную выгоду. Кроме того, рассматривается проблема «заморозки» корпоративного управления в случае, когда уставом предусмотрено согласие участников на переход доли. Вносится предложение по совершенствованию законодательства при явно выраженном несогласии участников для ускорения перехода доли к обществу.

Ключевые слова: договор доверительного управления, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, охрана наследственного имущества, ответственность доверительного управляющего.

В целях защиты прав наследников в период с момента открытия наследства до получения наследниками свидетельства о праве на наследство или перехода доли обществу, если на переход доли к наследникам установлен запрет по уставу, отсутствует согласие, необходимое по уставу для принятия наследников в состав участников, если наследники отказались от вступления в состав участников или если наследники отказались от принятия наследства, когда, по сути, определяется судьба доли в уставном капитале общества, законом предусмотрен институт доверительного управления. Данный институт направлен на охрану доли и управление ей для защиты прав наследников, неспособных самостоятельно предпринимать каких-либо действий в отношении доли и несущих риск утраты корпоративного контроля; прав участников общества, решения которых не могут быть приняты из-за нехватки кворума для принятия решений в рамках управления обществом; и интересов самого общества, деятельность которого может быть «заморожена» вследствие невозможности принятия участниками важных корпоративных решений.

В соответствии со пунктом 1 статьи 1173 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК), если в составе наследства имеется доля в уставном капитале общества – имущество, требующее не только охраны, но и управления, – нотариус заключает договор доверительного управления этой долей.

Итак, доверительное управление, как следует из статьи 1012 ГК, представляет собой комплекс юридических и фактических действий, направленных на управление имуществом в интересах учредителя или выгодоприобретателя, осуществляемых на основании договора доверительного управления. Согласно пункту 3 статьи 1173 ГК, целями доверительного управления являются сохранение этого имущества и увеличение его стоимости. Особенностью доверительного управления наследственным имуществом является то, что при заключении договора доверительного управления, по общему правилу, не назначается выгодоприобретатель (исключение – случай, когда совершен завещательный отказ; тогда выгодоприобретателем становится отказополучатель (пункт 3 статьи 1173 ГК)).

По общему правилу, закрепленному в пункте 1 статьи 1015 ГК, доверительным управляющим может быть индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия. Однако при управлении наследственным имуществом допускается назначение доверительным управляющим физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем, а также некоммерческой организации, за исключением учреждения.

При этом согласно пункту 6 статьи 1173 ГК, доверительным управляющим также может быть назначен предполагаемый наследник – при условии согласия других наследников, выявленных к моменту назначения доверительного управления. При наличии их возражений предполагаемый наследник может быть назначен по решению суда.

Следовательно, исходя из положений Гражданского кодекса, доверительным управляющим может быть любое физическое и юридическое лицо, за исключением, унитарного предприятия и учреждения, в том числе и предполагаемый наследник при наличии согласия других выявленных на момент назначения доверительного управления наследников или решения суда при наличии их возражений.

В соответствии с подпунктом «ф» пункта 1 статьи 5 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее по тексту – Закон о госрегистрации юридических лиц), сведения о назначении доверительного управляющего долей в уставном капитале общества подлежат внесению в Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее по тексту – ЕГРЮЛ) [4].

Однако согласно с подпункту «ф» пункта 1 статьи 23 Закона о госрегистрации юридических лиц, налоговый орган вправе отказать в государственной регистрации при представлении документов для включения сведений об учредителе (участнике) юридического лица либо о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, в отношении категорий лиц, указанных в названном пункте и включенных в реестр дисквалифицированных лиц, который ведет налоговый орган на основании Приказа ФНС России

от 11.07.2023 N ЕД-7–14/457@ «Об утверждении Описания технологии формирования и ведения реестра дисквалифицированных лиц» [6].

Так как внесение сведений о доверительном управляющем в ЕГРЮЛ, содержащий актуальные данные об обществе, обязательно, а в Законе о государственной регистрации юридических лиц предусмотрены ограничения относительно государственной регистрации налоговым органом изменений по включению в состав участников общества лиц, включенных в Реестр дисквалифицированных лиц, при выборе доверительного управляющего следует также иметь в виду то, что доверительным управляющим не может быть лицо, включенное в реестр дисквалифицированных лиц.

Таким образом, при системном толковании положений гражданского законодательства и законодательства, регулирующего деятельность налогового органа, доверительным управляющим доли может быть назначено любое лицо, кроме унитарного предприятия и учреждения, а также лиц, внесенных в Реестр дисквалифицированных лиц. Доверительным управляющим может быть в том числе и предполагаемый наследник, при наличии согласия остальных наследников или решения суда о назначении его доверительным управляющим.

Как справедливо указывают авторы: «в настоящее время управление имуществом практически единодушно рассматривается как нечто максимально близкое к поведению собственника, а доверительный управляющий зачастую позиционируется как формальный собственник» [1]. Такого же мнения придерживается и законодатель, поскольку в пункте 1 статьи 1020 ГК закреплено, что доверительный управляющий осуществляет «в пределах, предусмотренных законом и договором... правомочия собственника» [3]. Таким образом, доверительный управляющий, хотя и реализует правомочия собственника в отношении переданного имущества, отличается от последнего лишь тем, что действует на основании договора и в чужом интересе. Следовательно, он может по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, находящимся в его управлении, однако в границах, установленных договором, и не ради собственной выгоды, а в пользу будущих наследников либо – при наличии назначения – в пользу выгодоприобретателя.

Это также подтверждается судебной практикой. Так, в Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 марта 2006 г. № Ф08–635/06 суд изложил свою позицию следующим образом: «При возникновении доверительного управления на основании закона при открытии наследства необходимо учитывать существо, цели и задачи доверительного управления наследственным имуществом... При исполнении такого договора воля доверительного управляющего не может подменять волю лица, интересы которого он охраняет. Доверительный управляющий должен блокировать любые решения, направленные на распоряжение наследственным имуществом, и не вправе выразить собственное волеизъявление при управлении имуществом» [11].

Следовательно, все фактические и юридические действия должны осуществляться доверительным управляющим в отношении объекта доверительного управления с точки зрения удовлетворения интересов будущих наследников или выгодоприобретателей.

Основанием для деятельности доверительного управляющего выступает договор доверительного управления. В пункте 1 статьи 1016 ГК закреплён перечень существенных условий такого договора. К их числу относятся: указание на юридическое лицо (наименование) либо гражданина (имя), в чьих интересах ведётся управление имуществом – то есть учредителя управления или выгодоприобретателя; величина и способ выплаты вознаграждения управляющему при условии, что договором оно предусмотрено; период действия договора – не более пяти лет.

В Методических рекомендациях по оформлению наследственных прав указаны иные условия, которые могут быть определены в договоре, например, установление круга решений, которые вправе или, наоборот, не вправе принимать доверительный управляющий долей в уставном капитале общества, или установление обязанностей управляющего по периодическому предоставлению отчета об исполнении обязанностей [7].

Помимо этого, пункт 4 статьи 1173 ГК устанавливает следующее правило: когда осуществляется охрана наследственного имущества и управление им, и при этом в завещании наследодателя имеются его указания относительно порядка управления наследством, доверительный управляющий, а также исполнитель завещания (дупеиприказчик) обязаны соблюдать данные указания. В частности, они должны голосовать в высших органах управления корпораций так, как предписано в завещании.

Следовательно, содержание деятельности доверительного управляющего состоит, в первую очередь, из фактических и юридических

действий по сохранению имущества и увеличению его стоимости в отношении чужого имущества и в чужом интересе, при этом ограничено законом, договором доверительного управления и последней волей умершего.

Объектом доверительного управления является имущество, переданное для охраны и управления доверительному управляющему. В настоящей работе, в первую очередь, рассматривается управление долей в уставном капитале общества.

Если говорить о доверительном управлении долей в уставном капитале общества, то специфика объекта управления требует особого подхода и к определению содержания прав и обязанностей доверительного управляющего. В отличие от управления недвижимыми или движимыми вещами, управление долей предполагает реализацию корпоративных прав: участие в общих собраниях, голосование по вопросам повестки дня, получение информации о деятельности общества, а также, с определенными ограничениями, право на часть распределенной прибыли. В литературе справедливо отмечается, что доверительный управляющий применительно к корпоративным правам выступает не просто в роли хранителя, а в роли активного фидуциарного менеджера, обязанного действовать в интересах будущих наследников, круг которых на момент учреждения управления может быть еще не определен [2]. Отсюда возникает следующая проблема.

Как указывалось выше, деятельность доверительного управляющего направлена на охрану имущества и увеличение его стоимости (пункт 3 статьи 1173 ГК). Однако в деятельности участника по управлению обществом нередко возникает ситуация, при которой необходимо сделать выбор между сохранением имущества и увеличением его стоимости. Особенно в ситуации, когда предприятие действия по увеличению стоимости не гарантированно увеличит стоимость и имеет за собой риск потери части имущества, что характерно для осуществления предпринимательской деятельности. А согласно позиции Конституционного суда, изложенной в Определении от 03.07.2014 N 1564-О [8], участники общества являются субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. Очевидно, что выбор между безопасным действием, влекущим лишь сохранение имущества, и рискованным действием, несущим риск потери имущества или увеличения его стоимости, зависит от личности конкретного собственника. Эта проблема усугубляется и тем, что согласно пункту 1 статьи 1022 ГК доверительный управляющий возмещает учредителю управления убытки, причинённые утратой или повреждением имущества, с учетом его естественного износа, а также упущенную выгоду.

Следовательно, какой бы выбор ни сделал доверительный управляющий между сохранением имущества или возможностью увеличения ее стоимости, он несет риск наступления ответственности за свои действия: убытков, причиненных утратой или повреждением имущества, или упущенной выгоды.

Эту коллизию можно разрешить путем заключения детального договора доверительного управления, в котором будут отрегулированы вопросы, связанные с порядком принятия решений доверительным управляющим. Закон предусматривает существенные условия договора, которые обязательно должны быть включены в договор. Все остальные условия могут быть включены в договор доверительного управления постольку, поскольку не противоречат действующему законодательству. Так, в уставе можно, к примеру, предусмотреть запрет на принятие решения об одобрении крупной сделки (статья 46 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») [5], несущего достаточно большой риск в виду крупности одобряемой сделки.

Более того, в судебной практике нередко встречаются случаи злоупотребления доверительным управляющим своими полномочиями.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15 мая 2026 г. N Ф04–760/26 по делу N А45–19042/2024¹ суд установил, что доверительный управляющий, владея долей в уставном капитале общества в размере сто процентов принял решение о принятии устава в новой редакции, где были установлены новые правила для избрания единоличного исполнительного органа и увеличения уставного капитала, согласно которым принятие решения по этим вопросам производится участниками единогласно. Доверительный управляющий, владея долей в размере ста процентов, избрал себя единоличным исполнительным органом, и, так как он одновременно являлся наследником доли в размере сорока девяти процентов, то таким образом закрепил должность единоличного исполнительного органа за собой без права другого будущего участника повлиять на его смещение с должности. Тем самым доверительный управляющий ограничил возможность в будущем принимать управленческие решения

¹ СПС «Консультант Плюс».

или осуществлять контроль за деятельностью общества. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в своем Постановлении указал, что, осуществляя доверительное управление имуществом, доверительный управляющий вправе совершать в отношении этого имущества в соответствии с договором доверительного управления любые юридические и фактические действия в интересах выгодоприобретателя. Тем самым суд подчеркнул, во-первых, главный принцип доверительного управления – осуществлять свою деятельность в интересах выгодоприобретателя; во-вторых, значимость договора доверительного управления для доверительного управляющего – последний осуществляет свою деятельность в соответствии с этим договором [9].

Похожее дело было рассмотрено Арбитражным судом Северо-Западного округа от 30 марта 2026 г. N Ф07–15402/25 по делу N А21–1219/2025, где доверительный управляющий также принял решение о принятии новой редакции устава, где изменены положения устава, касающиеся порядка принятия решения об избрании единоличного исполнительного органа. Суд указал, что действия, направленные на изменение учредительных документов общества, выходят за пределы действий, необходимых для управления наследственным имуществом в виде доли в уставном капитале общества и подчеркнул важность оценки принятия новой редакции устава общества на наличие в нем условий, существенно ухудшающих права наследников в отношении доли в уставном капитале общества [10].

Проанализированные постановления свидетельствуют о формировании единообразного подхода к оценке действий доверительного управляющего долей в уставном капитале общества. Суды обеих кассационных инстанций исходят из того, что доверительный управляющий, даже владея стопроцентной долей в уставном капитале общества, не вправе изменять учредительные документы в части порядка избрания единоличного исполнительного органа и принятия иных корпоративных решений, если такие изменения создают для будущих наследников условия, существенно ухудшающие их права по сравнению с положением, существовавшим до назначения доверительного управления. При этом суды подчеркивают, что действия доверительного управляющего должны соответствовать не только условиям договора доверительного управления, но и главному принципу – осуществление управления в интересах выгодоприобретателя, а изменение устава, направленное на закрепление управленческого контроля за самим доверительным управляющим, выходит за пределы действий, необходимых для управления наследственным имуществом в виде доли в уставном капитале общества. Таким образом, судебная практика вводит материально-правовой критерий допустимости корпоративных решений доверительного управляющего – недопустимость существенного ухудшения прав наследников, что позволяет судам признавать неправомерными даже формально законные действия управляющего, совершенные в пределах предоставленных полномочий.

Тем не менее, деятельность доверительного управляющего, подчиняющаяся, в первую очередь, закону и последней воле умершего, может быть дополнительно детализирована в договоре доверительного управления, заключаемом между нотариусом, предпринимающим меры по охране имущества, и доверительным управляющим. Проведенный анализ судебной практики позволяет определить условия, которые целесообразно предусматривать при заключении такого договора. В частности, к числу важнейших из них относится установление перечня решений, которые доверительный управляющий не вправе принимать, – прежде всего, решений об изменении положений устава общества. Поскольку устав является «законом общества», его изменение способно существенно повлиять на вектор управления обществом, что, в свою очередь, может привести к значительному нарушению прав наследников.

Назначение доверительного управления в отношении доли в уставном капитале, входящей в состав наследства, вызвано тем, что в промежутке от смерти участника до получения свидетельства о праве на наследство, который может составлять полгода и более, доля требует не только охранных мер, но и управления. То есть доверительное управление назначается на период отсутствия собственников имущества, в случае с наследственным имуществом – на период, когда до конца не ясно, кто будет собственником имущества (по общему правилу, у наследников есть шесть месяцев на подачу заявления о принятии наследства).

Таким образом, доверительное управление долей в уставном капитале общества представляет собой особый охранительный механизм, направленный на защиту интересов наследников, участников общества и самого общества в период с момента открытия наследства до определения круга наследников и вступления их в права. Данный институт позволяет обеспечить сохранение и увеличение стоимости доли, а также поддерживать корпоративную активность общества, предотвращая

его «замораживание» вследствие невозможности принятия важных решений.

Законодательное регулирование допускает назначение доверительным управляющим широкого круга лиц, включая физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, коммерческие и некоммерческие организации (за исключением учреждения и унитарного предприятия) и даже предполагаемого наследника при наличии согласия остальных наследников или решения суда. При этом стоит учитывать также отсутствие у кандидата статуса дисквалифицированного лица, что обусловлено необходимостью внесения сведений о доверительном управляющем в ЕГРЮЛ.

Содержание деятельности доверительного управляющего составляет реализация правомочий собственника в отношении переданной доли, однако с важными ограничениями: действия должны совершаться в интересах наследников или выгодоприобретателя, в соответствии с законом, договором доверительного управления и последней волей наследодателя, выраженной в завещании. Применительно к корпоративным правам доверительный управляющий выступает не пассивным хранителем, а активным фидуциарным менеджером, что порождает проблему выбора между консервативной стратегией сохранения имущества и рискованной стратегией увеличения его стоимости. Учитывая, что закон предусматривает ответственность управляющего как за убытки от утраты имущества, так и за упущенную выгоду, любое решение управляющего в указанной дилемме сопряжено с риском привлечения к ответственности.

Разрешение данной коллизии видится в детальной регламентации полномочий управляющего в договоре доверительного управления. Наряду с существенными условиями, предусмотренными законом, договор может включать и иные положения, например, ограничивающие право управляющего принимать определенные корпоративные решения, в частности решения об изменении устава общества. Судебная практика также подтверждает необходимость такого подхода: суды исходят из того, что доверительный управляющий не вправе изменять учредительные документы, если такие изменения создают для будущих наследников условия, существенно ухудшающие их корпоративные права. Суды вводят материально-правовой критерий допустимости действий управляющего – недопустимость существенного ухудшения прав наследников, что позволяет признавать неправомерными даже формально законные действия, совершенные в пределах договора.

Кроме этого, в тех случаях, когда уставом общества предусмотрена необходимость получения согласия участников на переход доли к наследникам, а такое согласие участники не желают давать. В действующем регулировании отсутствует возможность ускорить переход доли к обществу и минуть период ожидания истечения срока, установленного для получения согласия. Это создает риск замораживания корпоративного управления в случае, когда для принятия неотложных решений не хватает кворума без доли умершего участника. Представляется обоснованным предложить законодательное решение, позволяющее при наличии явно выраженного несогласия участников (при наличии письменного отказа от дачи согласия от всех участников) передать долю обществу, оставив за наследниками право наследовать право требования выплаты действительной стоимости доли.

Литература

1. А. В. Бегичев, Б. А. Булаевский, В. В. Долинская, А. А. Елисеева, Е. В. Ермолова, Л. И. Красавчикова, С. С. Рисовская. // Доверительное управление наследственным имуществом. ООО «Проспект». 2024. С. 8
2. И. Е. Рудик. Доверительное управление долей в уставном капитале хозяйственного общества, учрежденное в целях охраны наследства. // Нотариус. 2020. С. 29.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 5. Ст. 410.
4. Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. N 153–154. 10.08.2001.
5. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. N 7. Ст. 785.
6. Приказа ФНС России от 11.07.2023 N ЕД-7–14/457@ «Об утверждении Описания технологии формирования и ведения реестра дисквалифицированных лиц» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455890/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafadaddf518/ (дата обращения: 15.07.2026).
7. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол N 03/19 // https://notariat.ru/media/filer_public/21/c9/21c9ba76-a6b3-40b9-

8c8e-c023339a9a2d/metod_rekom_2019_block.pdf (дата обращения: 15.07.2026).

8. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 N 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220073> (дата обращения: 16.07.2026).

9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15 мая 2026 г. N Ф04-760/26 по делу N А45-19042/2024 // <https://base.garant.ru/38367476/> (дата обращения: 16.07.2026).

10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 марта 2026 г. N Ф07-15402/25 по делу N А21-1219/2025 // Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 марта 2026 г. N Ф07-15402/25 по делу N А21-1219/2025 (дата обращения: 17.07.2026).

11. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 марта 2006 г. № Ф08-635/06 // <https://base.garant.ru/22116931/> (дата обращения: 16.07.2026).

TRUST MANAGEMENT OF SHARES IN A LIMITED LIABILITY COMPANY AS A MEASURE OF PROTECTION OF HEREDITARY PROPERTY

Варпинева М.М.

All-Russian State University of Justice

The article examines the legal institution of trust management of a share in the authorised capital of a limited liability company as a measure for the protection of hereditary property. The study analyses the statutory grounds for the appointment of a trustee, the categories of persons eligible to act in that capacity, and the scope of the trustee's activities. Particular attention is devoted to the issue of the trustee's liability, which arises from the choice between a strategy of asset preservation and a strategy of value enhancement, given that the trustee bears responsibility both for losses and for lost profits. In addition, the article addresses the problem of corporate governance «freezing» in cases where the company's charter requires the consent of the participants for the transfer of the share. A proposal is made to improve legislation by allowing the accelerated transfer of the share to the company where the participants' disagreement is clearly expressed.

Keywords: trust management agreement, share in the authorised capital of a limited liability company, protection of hereditary property, liability of the trustee.

References

1. A.V. Begichev, B.A. Bulaevsky, V.V. Dolinskaya, A.A. Eliseeva, E.V. Ermolova, L.I. Krasavchikova, S.S. Risovskaya. // Trust management of hereditary property. Prospect LLC. 2024. p. 8
2. I.E. Rudik. Trust management of shares in the authorized capital of a business company established for the purpose of inheritance protection. // Notary. 2020. P. 29.
3. »The Civil Code of the Russian Federation (part three)» dated 26.11.2001 N 146-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. N 5. Art. 410.
4. Federal Law № 129-FZ dated 08.08.2001 «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» // Rossiyskaya Gazeta. N 153-154. 10.08.2001.
5. Federal Law № 14-FZ of 08.02.1998 (as amended on 31.07.2025) «On Limited Liability Companies» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. N 7. Art. 785.
6. Order of the Federal Tax Service of Russia dated 07/11/2023 N ED-7-14/457@ «On Approval of the Description of the technology for forming and maintaining the Register of disqualified persons» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455890/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdad518/ / (date of application: 07/15/2026).
7. Methodological recommendations on registration of inheritance rights, approved by the decision of the FNP Board dated 03/25/2019, Protocol № 03/19 // https://notariat.ru/media/filer_public/21/c9/21c9ba76-a6b3-40b9-8c8e-c023339a9a2d/metod_rekom_2019_block.pdf (date of request: 07/15/2026).
8. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/03/2014 N 1564-О «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Solovyova Tatiana Alekseevna for violation of her constitutional rights by the provision of paragraph 2 of Article 21 of the Federal Law «On Limited Liability Companies» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220073> (date of request: 07/16/2026).
9. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of May 15, 2026 N F04-760/26 in case N А45-19042/2024 // <https://base.garant.ru/38367476/> / (date of access: 07/16/2026).
10. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated March 30, 2026 N F07-15402/25 in case N А21-1219/2025 // Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated March 30, 2026 N F07-15402/25 in case N А21-1219/2025 (date of application: 07/17/2026).
11. Resolution of the Federal Arbitration Court of the North Caucasus District dated March 14, 2006 № F08-635/06 // <https://base.garant.ru/22116931/> / (date of access: 07/16/2026).

Правовой анализ специальных статусов высокотехнологичных компаний в Российской Федерации: коллизии, реформа 2026 года

Бережной Никита Сергеевич,
аспирант кафедры финансового права, МГЮА
им. О.Е. Кутафина
E-mail: n.s.berezhnoi@gmail.com

Предметом исследования являются специальные правовые статусы для высокотехнологичных компаний в РФ: аккредитация IT-компаний, резидентство в «Сколково», ИНТЦ и статус малой технологической компании. Цель работы – правовой анализ данных статусов и оценка их эффективности с учётом реформы 2026 года. Методологическую основу составили формально-юридический метод и анализ судебной практики. Автором предложены пути устранения коллизий и улучшения положения IT сектора посредством введения переходных положений и расширения прямой финансовой уподдержки.

Ключевые слова: налоговые льготы, IT-аккредитация, «Сколково», ИНТЦ, малая технологическая компания, правовые коллизии, государственная поддержка.

В условиях современной экономической ситуации, сопровождающейся внешним санкционным давлением и необходимостью обеспечения технологического суверенитета, правовой механизм стимулирования инновационной деятельности приобретает ключевое значение для развития высокотехнологичного сектора в Российской Федерации. Устойчивое развитие предприятий этого сектора требует не только инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), но и эффективной системы институциональной поддержки, ключевым элементом которой являются специальные налоговые и административные преференции. Как отмечается в научной литературе, именно налоговые льготы способны значительно снизить издержки инновационных компаний и высвободить ресурсы для дальнейшего развития, что особенно актуально в условиях высоких рисков, характерных для технологического предпринимательства. Вместе с тем, как показывают эмпирические исследования, существующие механизмы поддержки не всегда достигают заявленных целей, а их применение сопряжено с рядом институциональных противоречий и проблем правоприменения.

В последние годы в Российской Федерации сформировалась многоуровневая система государственной поддержки технологического бизнеса, включающая четыре ключевых правовых статуса: аккредитация организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий (далее – IT-компаний), резидентство в инновационном центре «Сколково», резидентство в инновационном научно-технологическом центре (ИНТЦ) и статус малой технологической компании (МТК). Перечисленные правовые режимы представляют собой комплексные правовые институты, сочетающие в себе элементы публичного и частного права, и в большей мере ориентированы на разные типы инновационных предприятий, а также на определённый этап жизненного цикла организаций. Однако несмотря на существенное количество рассматриваемых режимов, на текущий момент многие из них скрывают в себе некоторые пробелы и коллизии, препятствующие извлечению из них пользы добросовестным плательщиком.

В настоящее время наиболее актуальной проблемой в отношении вышеперечисленных режимов было связано с несовпадением критериев, установленных для получения формального статуса аккредитованной IT-компаний (30% профильной выручки), и критериев, необходимых для применения налоговых льгот (70% профильной выручки), что неоднократно становилось предметом судебных разбирательств, в том числе с участием Верховного Суда РФ. Более того, с 1 января 2026 года вступил в силу запрет на одновременное применение льгот, предусмотренных для аккредитованных IT-компаний, и преференций, предоставляемых резидентам «Сколково» и ИНТЦ (п. 1.15 ст. 284, п. 5 ст. 427 НК РФ), что существенно усложнило экономическую деятельность для организаций, ранее использовавших оба режима. Данная реформа проводилась практически одномоментно с повышением ставки НДС до 22% и поэтапным снижением порога дохода для УСН, что также оказывает существенное влияние на налоговое планирование, влияя на возможность и эффективность применяемой законной налоговой оптимизации.

Целью настоящего исследования является комплексный правовой анализ специальных статусов, предоставляемых высокотехнологичным компаниям, и оценка их эффективности как способов государственной поддержки высокотехнологических отраслей экономики в контексте внесенных законодателем изменений.

В задачи исследования входит: систематизация нормативных правовых актов, регулирующих каждый из статусов; анализ критериев их присвоения и правовых последствий; выявление правовых коллизий и пробелов, в том числе в связи с реформой 2026 года, а также формулирование научно обоснованных предложений по совершенствованию российского законодательства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с предоставлением и реализацией специальных правовых статусов для высокотехнологичных компаний. Предметом исследования являются нормативные правовые акты федерального уровня, акты судебного толкования, правоприменительная практика.

Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке актуального состояния правового регулирования специальных стату-

сов с учётом реформы 2026 года, а также в выявлении стратегической развилки для технологического бизнеса при выборе оптимальной налоговой модели. Практическая значимость работы состоит в том, что её выводы и рекомендации могут быть использованы как для совершенствования государственной политики в сфере налогового стимулирования, так и для выработки правовой стратегии налогоплательщиками в условиях меняющегося законодательства.

Правовое регулирование государственной поддержки высокотехнологичных компаний в Российской Федерации базируется на четырёх специальных статусах: аккредитация IT-компаний, резидентство в инновационном центре «Сколково», резидентство в инновационном научно-технологическом центре (ИНТЦ) и статусе малой технологической компании (МТК). Несмотря на разные критерии присвоения для каждого из статусов, все они представляют собой единую систему, объединённую общими правовыми конструкциями, связанными с критериями присвоения, объёмом предоставляемых преференций и основаниями для их утраты.

Первым ключевым параметром, по которому следует дифференцировать статусы, являются критерии, соответствие которым необходимо для получения специального статуса.

Включение организации в реестр малых технологических компаний (МТК) выступает необходимым условием доступа к мерам государственной поддержки – субсидиям, грантам и иным преференциям. Администрирование данного реестра осуществляют государственные институты развития, и именно посредством этого механизма реализуется основная масса стимулирующих инструментов.

Для внесения в реестр установлены следующие нормативные критерии. Во-первых, организация должна обладать статусом субъекта малого или среднего предпринимательства. Во-вторых, её основной вид деятельности должен быть сосредоточен на разработке и внедрении технологий. В-третьих, обязательным является фактическое ведение научно-исследовательской работы.

Законодательство предусматривает два порядка приобретения статуса МТК. Первый – автоматическое включение в реестр для тех компаний, которые после июня 2022 года уже воспользовались мерами грантовой поддержки или иными профильными льготами. Второй порядок носит заявительный характер и предполагает прохождение экспертной оценки в аккредитованном экспертном центре. Оценка осуществляется по совокупности показателей, среди которых научно-технический уровень разработки, объём и качество патентного портфеля, а также доход, генерируемый инновационной деятельностью.

Отдельного внимания заслуживает аспект правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности за рубежом. Для российских МТК, ориентированных на выход на глобальные рынки, защита разработок за пределами национальной юрисдикции приобретает критическое значение. Международная регистрация патентов, реализуемая, в частности, через Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС), создаёт правовые гарантии на территории множества государств. Однако подобная процедура сопряжена со значительными финансовыми издержками и требует узкоспециализированных юридических компетенций – привлечения патентных поверенных, обладающих опытом работы с различными патентными системами. Отсутствие должной экспертизы на этапе международного патентования способно привести к юридическим рискам и фактической незащищённости технологии на целевых рынках. Таким образом, для экспортно-ориентированных МТК выстраивание патентной стратегии с использованием механизмов ВОИС является не факультативной опцией, а обязательным элементом планирования, требующим заблаговременного выделения соответствующих ресурсов.

Процедура аккредитации IT-компаний выстроена вокруг более детализированных критериев. Помимо кодов ОКВЭД и доли профильной выручки на уровне 30%, учитываются средняя заработная плата (она не должна быть ниже средней по региону) и наличие официального сайта. Сама аккредитация бесплатна и формально носит бессрочный характер, однако установлена обязанность ежегодного подтверждения соответствия заявленным требованиям.

Значительно более жёсткий отбор проходят соискатели статуса резидента «Сколково» или участника ИНТЦ. Здесь недостаточно простого совпадения с разрешёнными видами деятельности – обязательным становится инновационный проект, который подвергается всесторонней экспертизе. Оценке подлежат конкурентные преимущества разработки, её коммерческая привлекательность и квалификация команды. По официальным данным Фонда «Сколково», лишь 20% заявок получают одобрение с первой попытки, что наглядно иллюстрирует не только высокий порог входа, но и известную долю субъективизма, неизбежную при экспертной оценке.

Подобная дифференциация режимов порождает правовую неопределённость. Компания, формально прошедшая аккредитацию по одним правилам, может оказаться отрезанной от полноценных налоговых льгот из-за несовпадения с более строгими нормативами Налогового кодекса. Так, для IT-аккредитации достаточно 30% профприбыли от дохода, тогда как для применения пониженной ставки по налогу на прибыль и льготных тарифов страховых взносов требуется уже не менее 70% (п. 1.15 ст. 284, п. 5 ст. 427 НК РФ). На практике этот разрыв оборачивается многочисленными судебными спорами.

Характерный пример – дело АО «Лаборатория Касперского», в котором Верховный Суд РФ закрепил принцип строгого толкования условий предоставления льгот. Суд указал: для получения преференций налогоплательщик обязан подтвердить именно научную или научно-техническую новизну, а не новизну для самого разработчика. Иными словами, субъективное ощущение инновационности продукта юридического значения не имеет – требуется объективная квалификация результата как научно-технического достижения. Такой подход ещё раз подчёркивает, что прохождение формальных фильтров аккредитации не гарантирует доступа к основному массиву налоговых стимулов, заложенных в НК РФ¹.

Вторым важным параметром является объём и структура предоставляемых льгот. Здесь также прослеживается градация: максимальный объём преференций предоставляется резидентам «Сколково» и ИНТЦ, которые освобождаются от налога на прибыль, НДС и налога на имущество на срок до 10 лет (или до достижения пороговых значений выручки в 1 млрд рублей или прибыли в 300 млн рублей). Кроме того, для них установлен льготный тариф страховых взносов: 30% на часть выплат до 1,5 МРОТ и 15% на остальную часть.

Для малых технологических компаний законодательство предусматривает комплекс налоговых преференций, центральное место среди которых занимает пониженная ставка налога на прибыль в части, уплачиваемой в региональный бюджет – вплоть до 0%². Данная мера непосредственно повышает привлекательность таких компаний для частных инвесторов. Наряду с этим Налоговый кодекс РФ предоставляет организациям, ведущим инновационную деятельность, право применять упрощённую систему налогообложения, а также использовать льготы по налогу на имущество и страховым взносам.

Дополнительным элементом, формирующим благоприятную правовую среду, выступает внедрение механизмов ускоренной регистрации патентов и иных результатов интеллектуальной деятельности³. Подобные процедуры облегчают введение разработок МТК в хозяйственный оборот, усиливая эффект от иных мер поддержки.

Малые технологические компании вправе рассчитывать на обширный набор инструментов оптимизации, к числу которых относятся:

- налоговые стимулы: пониженные ставки налога на прибыль в части, уплачиваемой в региональный бюджет (до 0%) дают ощутимую экономию; высвободившиеся ресурсы могут быть reinvestированы в развитие бизнеса или направлены на повышение оплаты труда;
- гранты и субсидии: государство субсидирует научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), обеспечивая финансирование исследований и разработок, направленных на создание новых технологий;

- льготное кредитование: компании получают доступ к заёмным средствам по ставкам до 3%, что существенно снижает долговую нагрузку. При текущей ключевой ставке Банка России, составляющей около 15%, возможность привлечения столь дешёвого финансирования становится серьёзным конкурентным преимуществом.

Экономический эффект перечисленных преференций выражается в сокращении налоговых издержек и росте прибыли; сэкономленные средства компании могут reinvestировать в развитие либо использовать для увеличения заработной платы, усиливая свои позиции на рынке труда.

Ключевую роль в развитии малых технологических компаний играет инновационная инфраструктура. По мнению исследователей Виноградова, Кокорина и Янковской⁴, создание технопарков, бизнес-инку-

¹ Литвинова Т.Н., Кони́на О.В., Литвинов Н.И. Правовое регулирование технологического лидерства и цифрового суверенитета // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 2. С. 170–178

² Гасанов Э.А., Зубарев А.Э. Технологические аспекты функционирования, управления и выбора стратегий малых технологических компаний // Вестник ТОГУ. – 2023. – № 4. – С. 71.

³ Лопатин В.Н. О состоянии современного регулирования и правоприменения в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Аналитический вестник. – 2023. – № 10. – С. 830

⁴ Виноградов О.В., Кокорин И.С., Янковская Е.С. Цифровизация малых и средних предприятий в Российской Федерации: правовое регулирование, тенденции, факторы, механизмы // Ленинградский юридический журнал – 2022 – С. 75–97

батаров и акселераторов обеспечивает стартапам и МТК среду, благоприятную для роста проектов, доступ к финансированию, а также консультационную и экспертную поддержку.

Режим IT-аккредитации занимает промежуточное положение в системе преференций. Он позволяет применять пониженную ставку налога на прибыль в размере 5% (действующую до 2030 года) и льготные тарифы страховых взносов: с 2026 года – 15% в пределах единой предельной базы и 7,6% сверх неё при выполнении пропорции 70/30% доходов от деятельности, указанной в п. 1.15 ст. 284 НК РФ и п. 5 ст. 427 НК РФ. Вместе с тем от налога на добавленную стоимость такая аккредитация не освобождает, за исключением операций по реализации программных продуктов, включённых в Реестр российского ПО.

Сравнительный анализ обнаруживает принципиальные различия между доступными режимами. Статусы резидента «Сколково» и участника ИНТЦ предоставляют абсолютные налоговые преференции – полное освобождение от налога на прибыль и НДС, – однако носят срочный характер и ограничены установленными видами деятельности. IT-аккредитация, напротив, даёт относительные льготы (пониженные ставки) на бессрочной основе, что делает её более устойчивым инструментом в долгосрочной перспективе. Статус МТК, не будучи налоговым механизмом, открывает доступ к финансовым ресурсам, что для малого бизнеса может иметь критическое значение.

С 2026 года ситуация претерпела существенное изменение: законодатель ввёл запрет на одновременное применение льгот, предусмотренных для ИТ-компаний п. 1.15 ст. 284 НК РФ и п. 5 ст. 427 НК РФ, и преференций, предоставляемых статусами резидента «Сколково» или участника ИНТЦ. Тем самым компании поставлены перед стратегическим выбором, который более не исчерпывается сопоставлением налоговой экономии. В расчёт принимаются и иные факторы: доступ к грантовому финансированию, инновационной инфраструктуре, льготной ипотеке для сотрудников и отсрочке от призыва на военную службу. Так, IT-аккредитация даёт сотрудникам право на ипотеку по ставке до 6% и освобождение от призыва, тогда как статус резидента «Сколково» обеспечивает получение грантов, таможенных льгот и упрощённый порядок привлечения иностранных специалистов. В результате решение о выборе статуса перерастает из сугубо налоговой дилеммы в стратегическое, непосредственно затрагивающее кадровую и инвестиционную политику компании.

Правовые ограничения и риски, сопутствующие каждому из рассмотренных статусов, заслуживают самостоятельного анализа.

Применительно к налоговым IT-льготам основная группа рисков сосредоточена вокруг необходимости подтверждать 70-процентную долю профильного дохода.

Для резидентов «Сколково» и участников ИНТЦ главным ограничением выступает срочный характер преференций (10 лет), а также достижение предельных значений выручки или прибыли, после чего льготы прекращаются. Дополнительным барьером служит территориальная привязка: для некоторых ИНТЦ обязательна регистрация на территории конкретного центра, что объективно сужает круг потенциальных заявителей. В отношении МТК ключевым ограничением является возмездный характер статуса и риск отказа, обусловленный типичными ошибками в заявке – отсутствием подтверждённой самостоятельной разработки, недостатком технических специалистов либо поверхностным анализом рынка¹.

С точки зрения правовой определённости и защищённости от рисков наиболее выгодное положение занимает IT-аккредитация: она бессрочна, не привязана к территории и не содержит пороговых значений по выручке. Вместе с тем именно этот статус порождает наиболее сложные правовые коллизии, вызванные несовпадением критериев аккредитации и условий применения налоговых льгот. Статусы резидента «Сколково» и участника ИНТЦ, предоставляя максимальные преференции, оказываются наиболее уязвимыми из-за срочности, количественных порогов и зависимости от результатов экспертной оценки, которая сама по себе может быть оспорена. Статус МТК, будучи наименее преференциальным, несёт минимальные правовые риски, однако его практическая полезность для бизнеса серьёзно ограничена отсутствием освобождения от уплаты налогов.

Реформа 2026 года вносит в рассматриваемую систему кардинальные изменения. Ключевые её элементы – законодательный запрет на совмещение статусов, повышение ставки НДС до 22% и снижение пороговых значений доходов для целей УСН в связке с НДС – формируют принципиально иной правовой ландшафт.

Запрет на совмещение, закреплённый в пункте 1.15 статьи 284 и пункте 5 статьи 427 НК РФ, исключает возможность одновременно-

го использования двух преференциальных режимов. Ранее подобная практика являлась распространённым инструментом максимизации государственной поддержки. Теперь организация, обладающая одновременно IT-аккредитацией и статусом резидента «Сколково» либо участника ИНТЦ, обязана выбрать один из режимов. Неисполнение этой обязанности влечёт квалификацию действий компании как нарушение налогового законодательства с последствиями в виде доначислений, пеней и штрафов. Ситуация усугубляется тем, что законодатель не предусмотрел переходных положений, что порождает правовую неопределённость для компаний, чей налоговый период начался до момента вступления изменений в силу.

В этих условиях повышение НДС до 22% делает льготу по освобождению от налога для программных продуктов из Реестра российского ПО особенно значимой. Однако такая льгота доступна лишь компаниям, реализующим права на зарегистрированное ПО, и не охватывает всех видов IT-деятельности. Одновременное снижение порога УСН для целей НДС до 20 млн рублей в 2026 году (с последующим уменьшением до 10 млн рублей к 2028 году) существенно снижает привлекательность упрощённой системы для растущих технологических компаний. Последние оказываются перед выбором: переходить на общую систему налогообложения либо применять пониженные ставки НДС – 5% или 7%, – но без права на вычеты.

Правоприменительная практика подтверждает: налоговые органы в ходе мероприятий налогового контроля системно выявляют факты неправомерного применения льгот, а суды по общему правилу поддерживают жёсткий подход фискальных органов. Показательным здесь остаётся дело АО «Лаборатория Касперского», в котором Верховный Суд РФ прямо указал: применение повышающего коэффициента к расходам на НИОКР требует доказательств наличия именно научной или научно-технической новизны, а не новизны для самого разработчика. Этот прецедент фактически обязывает компании скрупулёзно документировать исследовательский процесс и подтверждать научную значимость полученных результатов. Правовая неопределённость в толковании условий предоставления льгот, таким образом, трансформируется в ощутимые налоговые риски для налогоплательщиков.

Проведённый анализ обнаруживает неоднородную правовую эффективность системы специальных статусов. С одной стороны, они создают значимые стимулы для инновационной деятельности и способствуют развитию высокотехнологичного сектора. С другой – множественные правовые коллизии, пробелы и барьеры (несовпадение критериев аккредитации и условий налоговых льгот, срочный характер преференций, территориальная привязка, а также отсутствие переходных положений при реформе 2026 года) ощутимо снижают их практическую реализуемость. Следствием становится ситуация, при которой значительная часть компаний, формально обладающих правом на поддержку, фактически не может ею воспользоваться.

Эффективность государственного стимулирования, следовательно, зависит не от самого факта закрепления правовых норм, а от их согласованности, предсказуемости и реальной доступности для субъектов инновационной деятельности. Введение запрета на совмещение статусов, повышение НДС и ужесточение требований к УСН формируют новую правовую реальность. Налоговое планирование в этой реальности становится стратегическим элементом управления бизнесом, а выбор оптимального статуса требует комплексного анализа не только налоговых, но и нефинансовых факторов – кадровых, инвестиционных и административных.

Анализ четырёх действующих правовых режимов для высокотехнологичных компаний с учётом изменений 2026 года позволяет констатировать: система характеризуется высокой степенью дифференциации критериев, объёмов преференций и уровней правовых рисков. При этом, несмотря на внешнее разнообразие вариантов, рассчитанных на разные типы бизнеса, большинство из них не предоставляют объёма льгот, действительно достаточного для полноценной деятельности IT-компаний. Ранее эта проблема отчасти компенсировалась возможностью совмещения режимов – теперь же, с введением соответствующего запрета, она проявилась в полном объёме. Сказанное приводит к выводу о необходимости реформирования всей системы льготных режимов для IT-сектора. Кроме того, однозначно требуется введение переходного периода применительно к запрету на совмещение режимов – по аналогии с той практикой, которая сопровождает иные существенные изменения Налогового кодекса РФ.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) 31 июля 1998 года № 146 ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: [19.05.2026])

¹ Шадрин А. Налоговый маневр в IT отрасли. URL: <https://rb.ru/opinion/it-bonuses> (дата обращения: [19.06.2026])

2. Федеральный закон Об инновационном центре «Сколково» от 28.09.2010 № 244-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: [19.05.2026])

3. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 12.07.2024 № 176-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: [18.05.2026]).

4. Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2022 г. № 1729 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий» (с изменениями и дополнениями) // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: [19.05.2026]).

5. Указ Президента РФ от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: [22.05.2026])

7. Постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2022 года № 1729 (Данные Минцифры РФ о критериях аккредитации IT-компаний). // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: [20.05.2026])

8. Министерство Финансов Российской Федерации Письмо от 13 сентября 2024 г. № 03-00-07/88070 // СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: [18.05.2026])

9. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС КонсультантПлюс

10. Виноградов О.В., Кокорин И.С., Янковская Е.С. Цифровизация малых и средних предприятий в Российской Федерации: правовое регулирование, тенденции, факторы, механизмы // Ленинградский юридический журнал – 2022 – С. 75–97

11. Гасанов Э.А., Зубарев А.Э. Технологические аспекты функционирования, управления и выбора стратегий малых технологических компаний // Вестник ТОГУ. – 2023. – № 4. – С. 71.

12. Гончаренко Л.И., Вишневская Н.Г. Налоговое стимулирование инновационного развития промышленного производства на основе анализа передового зарубежного опыта // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 4.

13. Инновационно-технологические тренды развития промышленности в условиях цифровизации экономики. Монография / Под научной редакцией доктора экономических наук Веселовского М.Я. и кандидата экономических наук Хорошавиной Н.С. – М.: Мир науки, 2022.

14. Жуковский А.Д. Высотехнологичные компании – важный структурно-инновационный аспект развития региональной экономики // Статистика и экономика. – 2021. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysokotekhnologichnyye-kompanii-vazhnyy-strukturno-innovatsionnyy-aspekttrazvitiya-regionalnoy-ekonomiki> (дата обращения: [24.06.2026])

15. Крохина Ю.А. Налоговое право: учеб. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 503 с.

16. Ключарев Г.А. Инновационные предприятия в вузах: вопросы интеграции с реальным сектором экономики. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 382 с.

17. Лапаева В.В. Технологический суверенитет России: правовые проблемы // Научно-исследовательские исследования. 2023. № 2. С. 60–72.

18. Литвинова Т.Н., Конинова О.В., Литвинов Н.И. Правовое регулирование технологического лидерства и цифрового суверенитета // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 2. С. 170–178.

19. Лопатин В.Н. О состоянии современного регулирования и правоприменения в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Аналитический вестник. – 2023. – № 10. – С. 830

20. Меньков В.В. Финансово-правовое стимулирование внедрения цифровых технологий коммерческими организациями: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 206 с

21. Шадрина А. Налоговый маневр в IT отрасли. URL: <https://rb.ru/opinion/it-bonuses> (дата обращения: [19.06.2026])

LEGAL ANALYSIS OF THE SPECIAL STATUS OF HIGH-TECH COMPANIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONFLICTS, REFORM IN 2026

Berezhnoi N.S.

Kutafin Moscow State Law University

The subject of the study is the special legal statuses for high-tech companies in the Russian Federation: accreditation of an IT company, residence in Skolkovo, INTC and the status of a small technology company. The purpose of the work is a legal analysis of these statuses and an assessment of their effectiveness, taking into account the reform of 2026. The methodological basis was formed by formal legal and judicial practice analysis. The author suggests ways to eliminate conflicts and improve the situation of the IT sector through the introduction of transitional provisions and the expansion of direct financial support.

Keywords: tax benefits, IT accreditation, Skolkovo, INTC, small technology company, legal conflicts, government support.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (TC RF) of July 31, 1998, № 146-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of access: [19.05.2026])

2. Federal Law on the Skolkovo Innovation Center of September 28, 2010, № 244-FZ (latest revision) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date accessed: [19.05.2026])

3. Federal Law «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation and the Repeal of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» dated 12.07.2024 № 176-FZ (latest revision) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date accessed: [18.05.2026]).

4. Resolution of the Government of the Russian Federation dated September 30, 2022 № 1729 «On Approval of the Regulation on State Accreditation of Russian Organizations Operating in the Field of Information Technology» (as amended and supplemented) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date accessed: [19.05.2026]).

5. Decree of the President of the Russian Federation of 02.03.2022 № 83 «On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus.

6. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 № 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» // SPS ConsultantPlus (date accessed: [22.05.2026])

7. Resolution of the Government of the Russian Federation of September 30, 2022 № 1729 (Data of the Ministry of Digital Development of the Russian Federation on the accreditation criteria for IT companies). // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date accessed: [20.05.2026])

8. Ministry of Finance of the Russian Federation Letter dated September 13, 2024 № 03-00-07/88070 // SPS ConsultantPlus URL: <https://www.consultant.ru/> (date accessed: [18.05.2026])

9. Passport of the national project «National Program «Digital Economy of the Russian Federation» (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, minutes dated June 4, 2019 № 7) // SPS Consultant Plus

10. Vinogradov O.V., Kokorin I.S., Yankovskaya E.S. Digitalization of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation: Legal Regulation, Trends, Factors, and Mechanisms // Leningrad Law Journal – 2022 – pp. 75–97

11. Gasanov E. A., Zubarev A.E. Technological Aspects of Functioning, Management, and Selection of Strategies for Small Technological Companies // Bulletin of Pacific National University. – 2023. – № 4. – p. 71.

12. Goncharenko L. I., Vishnevskaya N.G. Tax Incentives for Innovative Development of Industrial Production Based on the Analysis of Advanced Foreign Experience // Economy. Taxes. Law. 2019. № 4.

13. Innovative and Technological Trends in Industrial Development in the Context of Digitalization of the Economy. Monograph / Edited by Doctor of Economics M. Ya. Veselovsky and Candidate of Economics N.S. Khoroshavina. – M.: Mir Nauki, 2022.

14. Zhukovsky A.D. High-tech companies are an important structural and innovative aspect of regional economic development // Statistics and Economics. – 2021. – № 3 [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysokotekhnologichnyye-kompanii-vazhnyy-strukturno-innovatsionnyy-aspekttrazvitiya-regionalnoy-ekonomiki> (date of access: [06/24/2026])

15. Krokhina Yu.A. Tax law: textbook. 10th ed., revised and enlarged. M.: Yurait, 2023. 503 p.

16. Klyucharev G.A. Innovative enterprises in universities: issues of integration with the real sector of the economy. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Yurait, 2023. 382 p.

17. Lapayeva V.V. Technological sovereignty of Russia: legal issues // Science studies. 2023. № 2. pp. 60–72.

18. Litvinova T.N., Konina O.V., Litvinov N.I. Legal regulation of technological leadership and digital sovereignty // Bulletin of SUSU (NPI). Series: Social and economic sciences. 2023. Vol. 16. № 2. pp. 170–178.

19. Lopatin V.N. On the state of modern regulation and law enforcement in the field of intellectual property in the Russian Federation // Analytical Bulletin. – 2023. – № 10. – P. 830

20. Menkov V.V. Financial and legal incentives for the implementation of digital technologies by commercial organizations: Cand. Sci. (Law) diss. Saratov, 2022. 206 p.

21. Shadrina A. Tax maneuver in the IT industry. URL: <https://rb.ru/opinion/it-bonuses> (date of access: [19.06.2026])

Берман Нина Демидовна,

старший преподаватель Высшей школы транспортных систем и технологий, Тихоокеанский государственный университет имени М.П. Даниловского
E-mail: 000650@togudv.ru

Предмет статьи образуют противоречия правового регулирования договора автомобильной перевозки грузов в Российской Федерации, возникающие на стадиях заключения, исполнения и защиты нарушенного права. Актуальность темы обусловлена усложнением транспортно-логистических связей, переходом к электронным перевозочным документам и сохранением расхождений между гражданско-правовой квалификацией отношений, составом участников и правилами ответственности. Цель состояла в установлении взаимосвязи между указанными проблемами и определении направлений их согласованного разрешения. Сопоставлены научные подходы, классифицированы нормативные и правоприменительные затруднения, обобщены положения публикаций о перевозке, транспортной экспедиции, статусе собственника груза, электронном документообороте, ответственности и сроках защиты. Научная новизна выражена в систематизации проблем по трем функциональным уровням: квалификация обязательства, фиксация юридически значимых действий и реализация охранительных требований. Установлено, что цифровая прослеживаемость перевозки не устраняет неопределенность договорной модели, а ошибка в определении субъекта или вида обязательства изменяет применимые правила ответственности, претензионный порядок и исковую давность. Результаты могут использоваться для уточнения договорных условий, распределения доказательственных обязанностей и подготовки предложений по совершенствованию транспортного законодательства.

Ключевые слова: автомобильная перевозка грузов, договор перевозки, транспортная накладная, транспортная экспедиция, собственник груза, ГИС ЭПД, ответственность перевозчика, предъявление груза, претензионный порядок, исковая давность.

Введение

Договор автомобильной перевозки грузов регулирует перемещение материальных ценностей в системе, где непосредственная доставка сочетается с организацией маршрута, экспедированием, хранением, страхованием и электронным обменом данными, однако правовые режимы перечисленных действий закреплены раздельно, вследствие чего единая хозяйственная операция может получить различную договорную квалификацию. Переход от бумажной накладной к цифровой фиксации этапов перевозки повысил доступность сведений об исполнении, но одновременно сделал заметнее прежние расхождения в определении стороны обязательства, момента передачи груза, основания ответственности и лица, уполномоченного предъявить требование.

Цель исследования – установить актуальные проблемы правового регулирования договора автомобильной перевозки грузов в Российской Федерации и обосновать согласованный подход к их разрешению с учетом договорной квалификации, документального оформления и защиты нарушенных прав. Для достижения цели поставлены задачи:

- 1) систематизировать противоречия, связанные с правовой моделью договора и составом участников перевозочного правоотношения;
- 2) определить юридическое значение транспортной накладной и электронного обмена сведениями на ключевых этапах исполнения;
- 3) сопоставить правила ответственности, претензионного урегулирования и исковой давности с квалификацией заявленного требования.

Научная новизна состоит в рассмотрении разнородных затруднений как последовательной цепи «квалификация обязательства – фиксация исполнения – выбор способа защиты», где дефект первого звена изменяет правовой режим последующих действий.

Материалы и методы

Материал исследования составили современные работы по гражданскому и транспортному праву, а также публикации о цифровой инфраструктуре грузовых перевозок: А.А. Ананьева [1] оценила изменение правовой природы транспортной экспедиции после реформы 2025 г.; М.А. Бажина [2] исследовала возможность собственника груза предъявлять перевозчику требования в связи с утратой, недостачей или повреждением имущества; А.М. Бянкина [3] систематизировала регулирование, юридическую природу, права, обязанности и ответственность участников автомобильной перевозки; А.А. Грицук [4] выявил коллизии общего и специального сроков исковой давности по требованиям из грузоперевозок; О.В. Карпеев и А.В. Котов [5] рассмотрели законодательное закрепление электронного оформления перевозки автомобильным транспортом; Н.Г. Кобозева [6] раскрыла схему обмена юридически значимыми сведениями через ГИС ЭПД и ее эффекты для участников; А.Н. Левушкин [7] определил особенности ответственности перевозчика, а в последующей работе [8] – базовые параметры ответственности грузоотправителей и грузополучателей; С.С. Сысоев и Г.С. Працко [9] обосновали необходимость нормативной конкретизации предъявления груза и времени совершения данной операции; К.В. Юнусова [10] проанализировала квалификацию договоров, распределение рисков и доказывание в комплексных транспортно-логистических отношениях.

Анализ научных публикаций применялся для выделения авторских положений о структуре перевозочного обязательства, сравнительный анализ – для установления различий между перевозкой и смежными договорными моделями, классификация – для распределения проблем по стадиям возникновения и реализации правоотношения. Логико-аналитическая обработка связала юридическую квалификацию с документированием операций и охранительными требованиями, тогда как обобщение и синтез использовались для формулирования согласованных направлений правового регулирования.

Результаты

Правовое регулирование автомобильной перевозки грузов образует многоуровневую систему, в которой общие положения обязательственного права и нормы о перевозке дополняются транспортным уставом, правилами оформления перевозочных документов и специальным регулированием сопутствующих услуг. А.М. Бянкина связывает специ-

фику договора с совокупностью норм о его заключении, исполнении, ответственности и разрешении споров [3], тогда как К.В. Юнусова показывает, что включение перевозки в более широкий логистический комплекс повышает вероятность коллизий в квалификации договора, распределении рисков и доказывании обстоятельств [10].

Фрагментарность проявляется в несогласованности правовых последствий, возникающих после объединения доставки, экспедирования, складирования, страхования и информационного сопровождения в одной хозяйственной связи. Реформа транспортно-экспедиционной деятельности усилила публичные обязанности экспедитора, связав договор с реестром, электронным документооборотом, локализацией данных и контролем сведений о грузе, поэтому прежде разграничение перевозки и экспедиции по формальному наименованию соглашения стало еще менее надежным [1].

Квалифицирующим признаком договора перевозки остается обязанность доставить вверенный отправителем груз и выдать его управомоченному получателю, тогда как экспедитор организует выполнение связанных с перемещением услуг и может привлекать непосредственного перевозчика. Если одно лицо одновременно организует маршрут, заключает договоры с третьими лицами и принимает собственную обязанность доставить груз, юридический режим определяется содержанием каждого принятого действия, поскольку обозначение контрагента как «логистического оператора» не раскрывает, отвечает ли он как перевозчик, экспедитор или сторона смешанного договора [1; 3; 10].

Ошибка на стадии квалификации распространяется на весь механизм защиты: для различных конструкций неодинаковы основания и пределы ответственности, круг лиц, располагающих правом требования, обязательность досудебной процедуры и срок обращения в суд. По этой причине договору требуется операционное описание функций – кто принимает груз во владение, выбирает фактического перевозчика, оформляет транспортную накладную, дает указания о переадресации, подтверждает выдачу и отвечает за достоверность сведений, – иначе распределение рисков восстанавливается уже после нарушения по разрозненным документам [4; 7; 10].

Субъектный состав перевозочного правоотношения также не совпадает автоматически с кругом лиц, имеющих имущественный интерес в сохранности груза. Перевозчик и грузоотправитель формируют договорную связь, грузополучатель приобретает права, относящиеся к выдаче и приемке, однако собственник имущества может не занимать ни одного из названных положений, вследствие чего экономический ущерб принадлежит лицу, которому транспортное законодательство не предоставляет самостоятельного требования к перевозчику [2].

Выявленное М.А. Бажиной ограничение означает, что право собственности на поврежденный или утраченный груз само по себе не заменяет договорную легитимацию участника перевозки. Практическая защита собственника зависит от того, был ли он обозначен грузоотправителем либо грузополучателем, получил ли соответствующее требование по иному основанию и может ли связать свой ущерб с нарушением обязательства перевозчиком, поэтому договоры поставки, экспедиции и перевозки должны согласованно определять лицо, которое предъявляет претензию и иск [2; 7; 10].

Начальная стадия исполнения содержит самостоятельную неопределенность, связанную с предъявлением груза: нормативная конструкция возлагает на отправителя обязанность подготовить имущество и передать необходимые сведения, но не закрепляет достаточно точных содержательных и временных критериев данной операции. С.С. Сысоев и Г.С. Працко связывают пробел с возможностью различного толкования готовности груза, момента его предъявления и соотношения соответствующего времени с погрузкой, предлагая включить время предъявления в общее нормативное время погрузки и юридически определить процедуру [9].

Неопределенность момента предъявления затрудняет разграничение нарушений двух сторон: неподача транспортного средства либо несвоевременный вывоз относится к поведению перевозчика, тогда как отсутствие подготовленного груза, документов или достоверных сведений характеризует исполнение грузоотправителя. Пока исходная операция не разложена на проверяемые действия и временные отметки, простой транспортного средства допускает конкурирующие объяснения, а документ последующего этапа не всегда восстанавливает последовательность событий [8; 9].

Транспортная накладная соединяет договорный и доказательственный уровни регулирования, поскольку фиксирует участников, сведения о грузе и отдельные обстоятельства его принятия, перемещения и выдачи. Исследование электронного оформления, выполненное О.В. Карпеевым и А.В. Котовым, показывает, что перевод документа в цифровую форму потребовал законодательного изменения способа

удостоверения перевозки и поставил новые вопросы, связанные с применением электронной транспортной накладной [5].

ГИС ЭПД развивает указанную функцию за счет обмена сведениями между участниками перевозочного процесса и государственными органами: электронный документ передается через оператора информационной системы, получает средство идентификации, а отдельные титулы отражают действия грузоотправителя, перевозчика и грузополучателя. Н.Г. Кобозева связывает практический эффект системы с юридически значимым обменом, возможностью восстановить документ, проверить его и проследить статус перевозки, что уменьшает риск утраты бумажного носителя и разрыва информационной цепи [6].

Цифровая прослеживаемость не устраняет содержательный дефект исходных сведений: система подтверждает происхождение, последовательность передачи и статус электронного документа, но правовая оценка по-прежнему зависит от полномочий подписавшего лица, точности указания сторон и соответствия титула фактической операции. Если экспедитор обозначен перевозчиком без принятия обязанности непосредственной доставки либо собственник груза отсутствует среди управомоченных участников, техническая верификация закрепляет запись, не разрешая вопрос о надлежащем ответчике и заявителе [2; 5; 6; 10].

Реформа 2025 г. добавила к частноправовой функции электронного обмена публично-правовую нагрузку, поскольку экспедитор обязан взаимодействовать с реестром и цифровой инфраструктурой, раскрывать предусмотренные сведения и соблюдать требования к данным. А.А. Ананьева выявляет коллизию между обязанностью сообщать информацию о грузе и обязанностью сохранять конфиденциальность, поэтому цифровизация требует разграничить объем раскрываемых государству данных, коммерческую информацию клиента и ответственность за нарушение каждого режима [1].

Ответственность перевозчика образует специальный режим внутри общей договорной ответственности, а его применение предполагает установление конкретной обязанности, факта нарушения и связи с заявленными потерями. А.Н. Левушкин рассматривает согласование норм ГК РФ, транспортного устава и условий договора как основание определения ответственности перевозчика [7], причем усложнение договорной структуры повышает значение предварительного распределения операций, которые выходят за пределы непосредственной доставки.

Нарушения со стороны грузоотправителя и грузополучателя нельзя оценивать как второстепенное дополнение к ответственности перевозчика, поскольку достоверность сведений, готовность груза, соблюдение правил погрузки и приемки формируют исходные условия сохранной и своевременной доставки. Выделение А.Н. Левушкиным базовых параметров ответственности данных участников [8] в сочетании с проблемой предъявления груза [9] указывает на необходимость документировать причинную роль каждого действия, иначе санкция связывается со статусом лица без установления операции, породившей нарушение.

Связь четырех исследований раскрывает последовательность доказывания: сначала устанавливается договорная функция лица и его право заявить требование, затем по перевозочным документам определяется момент принятия либо выдачи груза, после чего нарушение соотносится с обязанностью перевозчика, отправителя или получателя. Статус собственника не создает договорного требования автоматически [2], электронная запись подтверждает только зафиксированное действие [6], а специальные правила ответственности применяются к надлежащему участнику и установленному нарушению [7; 8].

Охранительный механизм завершается претензионным порядком и исковой давностью, где квалификационная ошибка приобретает процессуальное последствие. А.А. Грицук сопоставляет общий трехлетний срок, закрепленный гражданским законодательством, с годичным сроком по требованиям из перевозки грузов и показывает, что участие экспедитора, регрессный характер требования либо сочетание перевозки с поставкой усложняют определение начала и продолжительности давностного периода [4].

Досудебная претензия выполняет функцию конкретизации нарушения, суммы и адреса требования, но ее предъявление не компенсирует ошибочный выбор правового режима. Если заявитель квалифицирует комплексную логистическую услугу как перевозку без учета фактически принятых обязанностей, он может применить ненадлежащий срок или обратиться не к тому субъекту; обратная ошибка создает риск пропуска специального годичного периода, поэтому решение процессуального вопроса начинается с анализа содержания договора и маршрута исполнения [4; 10].

Систематизация результатов выделяет три уровня актуальных проблем: квалификационный охватывает вид договора и статус участни-

ков; документальный – предъявление груза, транспортную накладную, электронные титулы и фиксацию фактических операций; охранительный – основание ответственности, право на претензию и иск, досудебную процедуру и давностный срок. Уровни образуют зависимую конструкцию: неопределенность договорной функции искажает документальное распределение действий, а неполная либо ошибочная фиксация ограничивает возможность доказать нарушение и выбрать надлежащий способ защиты [1; 2; 4; 6].

Обсуждение

Сопоставленные подходы различаются исходной точкой анализа: договорно-правовая позиция объясняет проблемы через структуру обязательства и распределение функций, документальная связывает их с фиксацией этапов перевозки, а инфраструктурная рассматривает электронный обмен как часть государственного контроля и организации рынка. Каждая позиция описывает самостоятельный слой отношений, однако изолированное применение любой из них оставляет разрыв между хозяйственной операцией, юридическим статусом лица и доказательством ее совершения.

Договорно-правовой подход сохраняет определяющее значение, поскольку цифровой титул и реестровая запись не устанавливают содержание обязательства вместо сторон. Его ограничение проявляется в комплексной логистике: классическое разделение перевозчика и экспедитора недостаточно для соглашений, где один контрагент совмещает организационные действия, информационное сопровождение и фактическую доставку, поэтому квалификацию приходится проводить по отдельным обязанностям и способам исполнения.

Документальная концепция точнее отражает последовательность передачи груза и создает проверяемую информационную историю, но достоверность формы нельзя отождествлять с бесспорностью материального правоотношения. Электронная система подтверждает авторство, время и статус внесенных данных в пределах предусмотренной процедуры; полномочия участника, соответствие записи реальному распределению функций и правовое значение исправлений требуют отдельной оценки.

Различие между публикациями 2021–2023 гг. и работами 2026 г. имеет содержательный характер: ранние исследования оценивали внедрение электронной накладной и работу ГИС ЭПД преимущественно как переход от бумажного обмена к юридически значимому цифровому документу, тогда как последующие изменения связали цифровую инфраструктуру с реестром экспедиторов, публичным контролем, локализацией данных и обязанностью раскрывать сведения. Сделанные ранее выводы сохраняют значение для технической и доказательственной функции системы, но не охватывают возникший конфликт конфиденциальности и публичной информационной обязанности.

Подходы к субъектному составу расходятся по критерию защищаемого интереса: договорная модель предоставляет требования участникам перевозочного обязательства, экономическая логика указывает на собственника как носителя потерь от утраты или повреждения груза. Автоматическое признание собственника кредитором нарушило бы относительность договора и усложнило определение адресата исполнения, однако полное отсутствие прямой защиты сохраняет разрыв между имущественным ущербом и процессуальной возможностью взыскания; разрешение вопроса требует точного механизма легитимации требования, исключающего его дублирование грузоотправителем, грузополучателем и собственником.

Ответственность сторон интерпретируется продуктивнее через причинную последовательность операций, чем через перечень санкций, закрепленных за статусами участников. Непредъявление подготовленного груза, неправильные сведения, задержка подачи транспортного средства, утрата имущества и несвоевременная выдача относятся к разным этапам исполнения, поэтому один документ должен подтверждать конкретный факт, а совокупность титулов – показывать переход контроля над грузом без пробелов, допускающих перенос причины нарушения с одного лица на другое.

Вывод о связи квалификации со сроком исковой давности применим только после установления основания требования: специальный период относится к требованиям, вытекающим из перевозки груза, тогда как внешнее сходство хозяйственных операций не превращает требование из поставки, экспедиции либо самостоятельного организационного обязательства в перевозочное. Смешанный договор дополнительно ограничивает использование единого срока для всех нарушений, поскольку охранительный режим следует соотносить с тем элементом соглашения, из которого возник спор.

Исследовательская лакуна сохраняется в критериях правовой оценки платформенных и смешанных логистических моделей, где цифровой сервис распределяет заказ, экспедитор привлекает испол-

нителя, а фактический перевозчик получает груз без прямого переговорного контакта с его собственником. Работы подтверждают верифицируемость электронного документа, но не исчерпывают случаи расхождения титула с бумажным актом, складскими данными, условиями основного договора или фактическими действиями водителя.

Предлагаемая связь трех уровней ограничена предметом внутренней автомобильной перевозки грузов и не переносится автоматически на международные либо прямые смешанные перевозки, для которых действуют дополнительные источники и специальные правила. Изменение состава обязательных электронных документов, требований к реестрам или порядка информационного обмена способно скорректировать отдельные процедуры, не устраняя основную зависимость между квалификацией, фиксацией исполнения и защитой права.

Заключение

Ключевая проблема возникает при соединении непосредственной доставки с экспедированием, хранением, страхованием и цифровым сопровождением, поскольку наименование соглашения не раскрывает фактические обязанности контрагента. Квалификация должна исходить из того, кто принимает груз, организует привлечение третьих лиц, осуществлять доставку, распоряжается переадресацией и несет ответственность за результат; отдельно требуется согласовать договорное положение собственника имущества, если он не назван грузоотправителем или грузополучателем.

Установлено, что транспортная накладная и ГИС ЭПД формируют доказательственную последовательность принятия, перемещения и выдачи груза, обеспечивают проверку документа и доступ к его статусу, однако техническая верификация не исправляет ошибочную квалификацию роли и недостоверное содержание записи. Правовое регулирование предъявления груза нуждается в точных критериях готовности имущества, составе подтверждающих действий и временной связи с погрузкой, а электронные титулы должны фиксировать переход контроля без разрыва между фактической операцией и указанным участником.

Нарушение соотносится с действием перевозчика, грузоотправителя или грузополучателя, после чего определяется управомоченный заявитель, адресат претензии и применимый давностный срок. Согласованное разрешение актуальных проблем требует сохранять единую цепь от распределения договорных функций через документирование каждого юридически значимого этапа к выбору охранительного требования, поскольку локальное уточнение формы документа либо санкции не устраняют последствия исходной ошибки в статусе лица и виде договора.

Литература

1. Ананьева, А.А. Проблемы эффективности правового регулирования транспортно-экспедиционных услуг в контексте законодательных изменений / А.А. Ананьева // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – Т. 22, № 2 (84). – С. 8–18. – DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2026.2.1>.
2. Бажина, М.А. Статус собственника груза в перевозочных правоотношениях / М.А. Бажина // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – Т. 22, № 2 (84). – С. 19–25. – DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2026.2.2>.
3. Бянкина, А.М. Правовое регулирование договора перевозки грузов (на примере автомобильного транспорта): монография / А.М. Бянкина; Забайкальский государственный университет. – Чита: ЗабГУ, 2021. – 246 с. – ISBN 978-5-9293-2910-4.
4. Грицук, А.А. Спорные вопросы исчисления сроков исковой давности по договорам перевозки и поставки / А.А. Грицук // Хозяйство и право. – 2026. – № 7. – С. 86–96. – DOI: <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2026-7-86-96>.
5. Карпеев, О.В. Электронное оформление перевозок грузов автомобильным транспортом / О.В. Карпеев, А.В. Котов // Транспортное право. – 2021. – № 2. – С. 19–21. – DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3937-2021-2-19-21>.
6. Кобозева, Н.Г. Развитие транспортных систем в условиях внедрения цифровой государственной информационной системы «Электронные перевозочные документы» / Н.Г. Кобозева // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 12. – С. 6009–6018. – DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.13.12.120494>.
7. Левушкин, А.Н. Ответственность перевозчика по договору перевозки автомобильным транспортом / А.Н. Левушкин // Транспортное право. – 2025. – № 1. – С. 26–30. – DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3937-2025-1-26-30>.
8. Левушкин, А.Н. Особенности ответственности грузоотправителей, грузополучателей и пассажиров по договорам перевозки автомо-

биальным транспортом / А.Н. Левушкин // Транспортное право. – 2026. – № 2. – С. 6–9. – DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3937-2026-2-6-9>.

9. Сысоев, С.С. Проблема правового регулирования предъявления груза грузоотправителем в сфере автомобильных грузоперевозок России / С.С. Сысоев, Г.С. Працко // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 365–368. – DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_365.

10. Юнусова, К.В. Правовое регулирование транспортнологистической инфраструктуры: проблемы теории и анализ судебной практики / К.В. Юнусова // Хозяйство и право. – 2026. – № 7. – С. 28–40. – DOI: <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2026-7-28-40>.

CURRENT ISSUES IN THE LEGAL REGULATION OF CONTRACTS FOR THE CARGO TRANSPORTATION BY ROAD IN THE RUSSIAN FEDERATION

Berman N.D.

M.P. Danilovsky Pacific National University

The article examines the contradictions in the legal regulation of contracts for the carriage of goods by road in the Russian Federation, arising at the stages of conclusion, execution, and protection of violated rights. The relevance of this topic is determined by the increasing complexity of transport and logistics relationships, the transition to electronic shipping documents, and persistent discrepancies between the civil-law classification of relations, the composition of parties, and liability rules. The objective was to establish the relationship between these issues and identify areas for their agreed-upon resolution. This article compares scientific approaches, classifies regulatory and law enforcement difficulties, and summarizes the provisions of publications on transportation, freight forwarding, cargo owner status, electronic document management, liability, and protection periods. Scientific novelty is expressed in the systematization of problems across three functional levels: qualification of obligations, recording of legally significant actions, and implementation of protective requirements. It has been established that digital traceability of transportation does not eliminate the uncertainty of the contractual model, and an error in determining the subject or type of obligation changes the applicable liability rules, claims procedure, and statute of limitations. The results can be used to clarify contractual terms, assign evidentiary responsibilities, and develop proposals for improving transport legislation.

Keywords: road freight transportation, transportation contract, consignment note, freight forwarding, cargo owner, GIS EPD, carrier liability, cargo presentation, claims procedure, statute of limitations.

References

1. Ananyeva, A.A. Problems of the Efficiency of Legal Regulation of Freight Forwarding Services in the Context of Legislative Changes / A.A. Ananyeva // The Rule of Law: Theory and Practice. – 2026. – Vol. 22, No. 2 (84). – Pp. 8–18. – DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2026.2.1>.
2. Bazhina, M.A. Status of the Cargo Owner in Transportation Legal Relations / M.A. Bazhina // The Rule of Law: Theory and Practice. – 2026. – Vol. 22, No. 2 (84). – Pp. 19–25. – DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2026.2.2>.
3. Byankina, A.M. Legal regulation of the contract for the carriage of goods (using road transport as an example): monograph / A.M. Byankina; Transbaikal State University. – Chita: ZabSU, 2021. – 246 p. – ISBN 978-5-9293-2910-4.
4. Gritsuk, A.A. Controversial issues of calculating the limitation periods under contracts of carriage and supply / A.A. Gritsuk // Business and Law. – 2026. – No. 7. – Pp. 86–96. – DOI: <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2026-7-86-96>.
5. Karpeev, O.V. Electronic registration of cargo transportation by road / O.V. Karpeev, A.V. Kotov // Transport law. – 2021. – No. 2. – P. 19–21. – DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3937-2021-2-19-21>.
6. Kobozeva, N.G. Development of transport systems in the context of the introduction of the digital state information system “Electronic transport documents” / N.G. Kobozeva // Economy, entrepreneurship and law. – 2023. – Vol. 13, No. 12. – P. 6009–6018. – DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.13.12.120494>.
7. Levushkin, A.N. Liability of the carrier under the contract of carriage by road / A.N. Levushkin // Transport law. – 2025. – No. 1. – P. 26–30. – DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3937-2025-1-26-30>.
8. Levushkin, A.N. Features of the liability of shippers, consignees and passengers under contracts of carriage by road / A.N. Levushkin // Transport law. – 2026. – No. 2. – P. 6–9. – DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3937-2026-2-6-9>.
9. Sysoev, S.S. The problem of legal regulation of presentation of cargo by the shipper in the sphere of road freight transportation in Russia / S.S. Sysoev, G.S. Pratsko // Law and state: theory and practice. – 2025. – No. 4. – P. 365–368. – DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_365.
10. Yunusova, K.V. Legal regulation of transport and logistics infrastructure: theoretical problems and analysis of judicial practice / K.V. Yunusova // Business and Law. – 2026. – No. 7. – P. 28–40. – DOI: <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2026-7-28-40>.

Гражданско-правовые пределы отказа нотариуса в совершении нотариального действия при риске легализации доходов, полученных преступным путём

Бондарчук Арсений Артемович,

студент института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина

E-mail: voidtropkin@yandex.ru

Статья посвящена категории «достаточных оснований» отказа нотариуса в совершении нотариального действия при риске легализации доходов, полученных преступным путём. Такой отказ рассматривается не как уголовно-правовая квалификация поведения заявителя и не как установление преступного происхождения имущества, а как гражданско-правовой способ предупреждения недобросовестного использования нотариальной формы для придания правомерного вида сомнительному имущественному обороту. Достаточные основания предлагается понимать как совокупность конкретных, объективируемых и проверяемых признаков риска, ограниченную материальными, процедурными и функциональными пределами.

Ключевые слова: нотариат; отказ нотариуса; легализация преступных доходов; достаточные основания; нотариальная форма; гражданский оборот; добросовестность; финансовый мониторинг.

Введение

Противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, не ограничивается уголовно-правовым преследованием. Практика финансового мониторинга показывает, что сомнительные активы могут включаться в хозяйственный оборот через внешне правомерные формы: сделки, распоряжение имуществом, оформление полномочий представителей, удостоверение документов и создание видимости надлежащего перехода прав [1, 9]. Поэтому особое значение получает нотариальная деятельность: нотариальная форма фиксирует волеизъявление сторон и придаёт гражданско-правовому действию повышенную юридическую достоверность.

Согласно ст. 163 ГК РФ нотариальное удостоверение сделки предполагает проверку её законности, включая наличие у каждой из сторон права на совершение соответствующего действия [10]. В литературе также подчёркивается, что нотариус проверяет личность, дееспособность, правоспособность, полномочия, содержание документов и соблюдение требований закона [2; 3]. Поэтому нотариальное действие может быть средством защиты частных прав и элементом превентивной охраны гражданского оборота.

Актуальность темы усилилась после принятия Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 222-ФЗ, которым были расширены обязанности нотариусов в сфере противодействия легализации доходов и финансированию терроризма. Нотариусы обязаны идентифицировать клиентов, оценивать риск, представлять сведения в уполномоченный орган и фиксировать случаи отказа по антиотмывочному основанию [4]. Одновременно в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате была включена норма, позволяющая нотариусу отказать в совершении определённых нотариальных действий при наличии достаточных оснований полагать, что они могут быть использованы для легализации преступных доходов или финансирования терроризма [4; 5].

Законодатель использует категорию «достаточных оснований», но не раскрывает её содержание. Между тем именно она определяет границу между правомерной превентивной оценкой риска и произвольным ограничением гражданско-правовой автономии заявителя. Нотариус не устанавливает преступное происхождение имущества и не подменяет правоохранительные органы; вместе с тем он не должен придавать нотариальную форму действию, если совокупность обстоятельств указывает на риск её использования в противоправной цели.

Отдельные аспекты этой проблематики рассматриваются в литературе через нотариальную форму сделки, профессиональную тайну, добросовестность и злоупотребление правом [2; 3; 6; 7]. Цивилистические исследования сделок, совершённых с целью, противной основам правопорядка, показывают, что внешняя правомерность формы не всегда исключает недопустимую цель гражданско-правового действия [8]. Однако вопрос о гражданско-правовых пределах антиотмывочного отказа нотариуса требует самостоятельного анализа.

Цель статьи состоит в определении гражданско-правовой природы и пределов отказа нотариуса в совершении нотариального действия при риске легализации доходов, полученных преступным путём. Для достижения этой цели необходимо разграничить уведомление Росфинмониторинга и отказ нотариуса, раскрыть содержание категории «достаточных оснований», определить критерии антиотмывочного риска, установить материальные, процедурные и функциональные пределы такого отказа, а также оценить значение судебного контроля.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный и сравнительно-догматический методы, а также анализ судебной практики. Научная новизна заключается в обосновании антиотмывочного отказа нотариуса как самостоятельного гражданско-правового превентивного механизма. Такой отказ не является уголовно-правовой квалификацией и не выступает санкцией в отношении заявителя; он направлен на недопущение недобросовестного использования нотариальной формы в сомнительном имущественном обороте.

Нотариальная форма сделки как гражданско-правовая оболочка антиотмывочного риска

Легализация доходов, полученных преступным путём, может проявляться в гражданско-правовой сфере через внешне допустимые юри-

дические формы. Сделка, доверенность, договор, регистрация перехода права или иное нотариальное действие способны создать видимость правомерного владения, пользования или распоряжения имуществом. Поэтому для гражданско-правового анализа важен не состав преступления, а то, как правовая форма используется для включения сомнительного имущественного результата в нормальный оборот.

Такой подход подтверждается разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации по делам о легализации. Пленум ВС РФ указывает, что легализация может выражаться в приобретении недвижимости, произведений искусства, предметов роскоши, совершении сделок без реальных расчётов или экономической целесообразности, а также в фальсификации оснований возникновения прав, включая гражданско-правовые договоры и первичные учётные документы [9]. При этом само совершение сделки ещё не предвещает вывод о виновности лица: необходимо устанавливать цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом [9]. Для нотариальной деятельности это означает, что нотариус не устанавливает факт преступления, но сталкивается с гражданско-правовыми формами, которые могут придать сомнительному имущественному результату признаки правомерности.

В этом контексте сделка выступает в двух качествах. Она является нормальным средством реализации автономии воли. Но способность сделки порождать юридический результат делает её удобным инструментом создания ложной правовой видимости. Если имущество или денежные средства имеют сомнительное происхождение, для их дальнейшего использования требуется форма, которая объяснит переход права, подтвердит полномочия распоряжения или создаст документальную историю владения. Такой формой может быть купля-продажа, дарение, заём, уступка требования, доверенность, соглашение о разделе имущества, корпоративная сделка или иное действие, внешне встроенное в гражданский оборот.

Анализ отказа нотариуса при риске легализации нельзя строить только на законодательстве о ПОД/ФТ. Необходимы и цивилистические категории: добросовестность, злоупотребление правом, публичный порядок, недействительность сделок. Д.И. Богдан обосновывает, что злоупотребление правом не становится правомерным только потому, что внешне опирается на субъективное право; противоправность может выражаться не только в нарушении конкретной нормы, но и в несоблюдении общих принципов права и юридических обязанностей [7]. В сходной логике Э.А. Кузбагаров и В.А. Максимов показывают различие между сделками, нарушающими требования закона, и сделками, посягающими на основы правопорядка или нравственности [8]. Поэтому формальная корректность сделки не всегда исключает её недобросовестное назначение.

В такой ситуации особую роль играет нотариальная форма. Согласно ст. 163 ГК РФ нотариальное удостоверение сделки означает проверку её законности, включая наличие у каждой стороны права на совершение сделки [10]. В.С. Ревкова связывает нотариальное удостоверение с проверкой законности и наличия у сторон права на совершение сделки [2]. С.В. Артамонникова подчёркивает, что нотариус проверяет личность сторон, их правоспособность, правильность оформления и содержание договора, что снижает риск подделки документов и недостоверных данных [3]. Нотариальная форма, следовательно, не является нейтральной оболочкой: она усиливает публичную достоверность гражданско-правового действия.

Поэтому использование нотариальной формы в сомнительной операции опаснее, чем обычное письменное оформление. Простая письменная форма фиксирует волю сторон, тогда как нотариальная форма придаёт ей дополнительный признак проверенности и законности. Если такая форма используется не для нормальной реализации гражданских прав, а для придания правомерного вида сомнительному имущественному результату, нотариальное действие может превратиться из средства защиты права в инструмент легитимации недобросовестной конструкции.

Материалы Росфинмониторинга подтверждают, что современные риски легализации всё чаще распределяются по разным элементам хозяйственного и гражданского оборота. В отчёте за 2024 год среди ключевых рисков названы использование криптовалют, наличных денежных средств, драгоценных металлов, вовлечение граждан в качестве «дропов», применение интернет-сервисов, мессенджеров и новых финансовых инструментов в преступных расчётах и для легализации [1]. Эти данные показывают, что антиотмывочная система ориентирована не только на последующее уголовное преследование, но и на предупреждение вовлечения различных субъектов оборота в сомнительные схемы.

Нотариальную форму можно рассматривать как фильтр публичной достоверности гражданского оборота. Нотариус не является пра-

воохранительным органом и не устанавливает преступное происхождение имущества, но находится в точке, где частная воля приобретает юридически достоверную форму. Гражданско-правовой смысл антиотмывочного отказа состоит не в наказании заявителя, а в недопущении того, чтобы нотариальная форма стала средством подтверждения сомнительного имущественного результата. Дальнейшего анализа требуют критерии достаточности такого риска и пределы отказа нотариуса в совершении нотариального действия.

Достаточные основания антиотмывочного отказа нотариуса и пределы их применения

Антиотмывочный отказ нотариуса имеет иную природу, чем обычные основания отказа в совершении нотариального действия. В классической нотариальной практике отказ, как правило, обусловлен очевидным юридическим препятствием: отсутствием необходимых полномочий, противоречием сделки закону, дефектами представленных документов либо невозможностью совершить соответствующее действие данным нотариусом [5]. В ситуации антиотмывочного риска формальные требования могут быть соблюдены. Однако сама совокупность обстоятельств способна указывать на то, что нотариальная форма используется не для нормального гражданского оборота, а для придания правомерного вида имуществу или операции сомнительного происхождения.

Действующее регулирование исходит из разграничения двух правовых режимов. Статья 7.1 Закона № 115-ФЗ возлагает на нотариуса обязанности по идентификации клиента, его представителя, выгодоприобретателя и бенефициарного владельца, оценке риска, фиксации информации и передаче сведений в уполномоченный орган [11]. Перечень удостоверяемых нотариусом сделок, предусмотренных подп. 2 п. 1 ст. 7.1 Закона № 115-ФЗ, конкретизирован приказом Росфинмониторинга от 23.12.2024 № 333 [12]. При этом уведомление Росфинмониторинга требуется уже тогда, когда у нотариуса имеются **любые основания** полагать, что операция, сделка или нотариальное действие могут быть связаны с легализацией преступных доходов [11]. Статья 48 Основ законодательства о нотариате устанавливает более строгий порог для отказа: нотариус вправе отказать только при наличии **достаточных оснований** полагать, что нотариальное действие может быть использовано для легализации преступных доходов или финансирования терроризма [5].

Это разграничение имеет практическое значение. «Любые основания» предполагают обязанность сообщить уполномоченному органу о возникшем подозрении. «Достаточные основания» требуют более высокой степени обоснованности, поскольку отказ уже непосредственно препятствует совершению нотариального действия и затрагивает гражданско-правовую автономию заявителя. Поэтому уведомление может строиться на подозрении, тогда как отказ должен опираться на объективируемую совокупность обстоятельств. Иной подход был бы одинаково рискованным: либо каждое подозрение превращалось бы в основание для блокирования нотариального действия, либо отказ становился бы практически невозможным, если требовать от нотариуса доказательств преступного происхождения имущества.

Категорию «достаточных оснований» целесообразно раскрывать через риск-ориентированный подход. В материалах ФАТФ для юридических профессий он связывается с выявлением, оценкой и пониманием рисков отмывания денег и финансирования терроризма, а также с применением мер, соразмерных выявленному риску [13]. Для нотариальной деятельности это означает, что значение имеет не один изолированный признак, а общая картина сделки, поведения заявителя и правовых последствий нотариального действия.

Такая оценка может включать несколько групп обстоятельств. Субъектные признаки относятся к личности заявителя, представителя, выгодоприобретателя и бенефициарного владельца. Риск возрастает, если реальный выгодоприобретатель не раскрывается, используется цепочка представителей, участник сделки выглядит номинальным или его статус не соответствует экономическому смыслу операции [11; 14]. Объектные признаки связаны с предметом нотариального действия: повышенного внимания требуют операции с недвижимостью, денежными средствами, ценными бумагами, корпоративными правами, юридическими лицами и иными значимыми активами [13; 14]. Поведенческие признаки проявляются в уклонении от предоставления сведений, противоречивых объяснениях, отсутствии понятной экономической цели, необъяснимой срочности либо необычной конструкции полномочий. Документарные признаки позволяют оценить, подтверждают ли представленные документы экономическую основу сделки, источник средств, полномочия представителя, структуру владения или происхождение имущества. Наконец, функциональный анализ требует учитывать не только формальное название нотариального действия, но и его реальные последствия. Например, доверенность сама по се-

бе не отчуждает имущество, но может создать возможность распоряжения недвижимостью, счетами, транспортом или корпоративными правами.

Перечисленные признаки не образуют автоматической формулы отказа. Само по себе наличие одного подозрительного обстоятельства ещё не означает, что нотариальное действие должно быть заблокировано. Решающее значение имеет связь между выявленными фактами: указывают ли они на обычную сложность сделки или на риск использования нотариальной формы для легитимации владения, пользования либо распоряжения имуществом. Если сомнения устраняются дополнительными объяснениями и документами, оснований для отказа нет. Если же риск сохраняется, а совершение нотариального действия создаёт юридический результат, усиливающий внешнюю правомерность сомнительной операции, отказ может быть признан обоснованным.

Пределы антиотмывочного отказа можно определить через несколько ограничителей. Материальный предел означает, что между установленными обстоятельствами и риском легализации должна существовать реальная связь. Необычность сделки, крупный размер имущества, иностранный элемент или участие представителя сами по себе недостаточны. Процедурный предел требует, чтобы отказ был результатом проверки, идентификации лиц, анализа документов, оценки риска, фиксации обстоятельств и вынесения мотивированного постановления [11]. Функциональный предел не позволяет нотариусу подменять правоохранительные органы: он не устанавливает событие преступления, не доказывает предикатное деяние и не квалифицирует поведение заявителя по ст. 174 или 174.1 УК РФ. Наконец, предел ответственности состоит в том, что правомерный антиотмывочный отказ не влечёт гражданско-правовой ответственности нотариуса, но это не означает допустимости произвольного уклонения от совершения нотариального действия [5; 11].

Таким образом, «достаточные основания» не следует понимать ни как доказанную легализацию, ни как простое подозрение. Это промежуточная гражданско-правовая категория, обозначающая конкретный, проверяемый и документируемый риск злоупотребления нотариальной формой. Её назначение состоит в том, чтобы дать нотариусу возможность предотвратить использование нотариального действия в сомнительном имущественном обороте и одновременно удержать это усмотрение в материальных, процедурных и функциональных пределах.

Судебный контроль за антиотмывочным отказом нотариуса: проверка пределов нотариальной осмотрительности

Судебный контроль за отказом нотариуса в совершении нотариального действия необходим для определения границ нотариального усмотрения. Если нотариус вправе отказать при наличии достаточных оснований полагать, что нотариальное действие может быть использовано для легализации преступных доходов, суд должен проверять, не было ли это право реализовано произвольно. При этом такая проверка не должна превращаться в самостоятельное установление факта легализации. Суд оценивает не наличие состава преступления, а правомерность нотариальной оценки риска: существовали ли конкретные обстоятельства, которые могли быть восприняты как достаточные основания для отказа.

Эта логика хорошо видна в деле Шулюка, где заявитель оспаривал отказ нотариуса в удостоверении доверенности на имя супруги. Его позиция строилась на формальном понимании доверенности: поскольку она сама по себе не отчуждает имущество, и представитель действует от имени доверителя, отказ не может быть оправдан антиотмывочным риском [15]. Суд первой инстанции согласился с этим подходом и признал отказ незаконным, указав, что доверенность не является сделкой по распоряжению конкретным имуществом, а закон не содержит прямого запрета на её удостоверение [15].

Апелляционная инстанция, позднее поддержанная кассационным судом, оценила не только формальное наименование нотариального действия, но и объём полномочий, предоставляемых представителю. Доверенность позволяла распоряжаться движимым и недвижимым имуществом, денежными вкладами, получать денежные средства, приобретать и обменивать недвижимость, производить расчёты, принимать наследство или отказываться от него, распоряжаться средствами на счетах и транспортным средством [15]. Суд исходил из функционального значения доверенности: юридическая опасность может заключаться не в названии документа, а в имущественных возможностях, которые он открывает.

Из дела Шулюка вытекает важный стандарт судебной проверки: при антиотмывочном отказе суд должен оценивать вид нотариально-

го действия и его потенциальные имущественные последствия. Если нотариальное действие создаёт возможность распоряжения имуществом, получения денежных средств, управления счетами или совершения сделок, его нельзя изолировать от антиотмывочных рисков только потому, что само по себе оно не является договором отчуждения. Одновременно это дело показывает значение мотивированности отказа. Нотариус не должен ограничиваться общей ссылкой на Закон № 115-ФЗ; он обязан показать связь между конкретными обстоятельствами и риском использования нотариального действия в противоправных целях.

Противоположную крайность демонстрирует дело Ахметовой. Оно касается не обжалования отказа, а недостаточной антиотмывочной осмотрительности нотариуса. По материалам дела, при удостоверении договоров займа, соглашений о переуступке прав требования, соглашений к договорам поручительства и совершении исполнительных надписей были выявлены признаки сомнительности, признаки типологии отмывания преступных доходов, отсутствие должной осмотрительности и добросовестного поведения. Сведения о сомнительных операциях в Росфинмониторинг при этом не направлялись [16]. Всего речь шла о 521 нотариальном действии на сумму более 5,5 млрд рублей [16].

Сопоставление дел Шулюка и Ахметовой показывает две крайности нотариальной практики. В первом случае проверялся риск чрезмерного ограничения права заявителя на совершение нотариального действия. Во втором, риск необоснованного совершения нотариальных действий при признаках сомнительности. Эти примеры показывают, что правомерная модель поведения нотариуса не сводится ни к автоматическому отказу, ни к автоматическому удостоверению. Она требует оценки риска, фиксации оснований, соблюдения процедуры и готовности к последующей судебной проверке.

Процессуальная форма такой проверки также существенна. Законодательство о нотариате предусматривает специальный порядок обжалования нотариальных действий и отказа в их совершении. В деле А56–1117/2021 арбитражный суд указал, что отказ в совершении нотариального действия подлежит оспариванию по правилам ст. 49 Основ законодательства о нотариате и главы 37 ГПК РФ, а рассмотрение подобных споров в рамках дела о банкротстве не предусмотрено [17]. Этот вывод позволяет разграничить предмет судебной защиты: спор о правильности нотариального действия или отказа не должен подменяться иными процессуальными механизмами.

Судебная проверка антиотмывочного отказа должна включать несколько элементов: относилось ли запрашиваемое нотариальное действие к сфере применения ст. 7.1 Закона № 115-ФЗ; какие обстоятельства нотариус положил в основу отказа; существовала ли связь между этими обстоятельствами и риском легализации; не был ли отказ основан только на абстрактном подозрении или формальной ссылке на закон; какие имущественные последствия могло бы породить нотариальное действие. Суд при этом не устанавливает, была ли легализация действительно совершена. Он проверяет, мог ли нотариус при данных обстоятельствах правомерно прийти к выводу о достаточности риска для отказа.

Судебный контроль за антиотмывочным отказом должен удерживать баланс двух интересов. Суд обязан защищать заявителя от произвольного ограничения права на совершение нотариального действия. Но он не должен обесценивать обязанность нотариуса предотвращать использование нотариальной формы для придания правомерного вида сомнительному имущественному обороту. Правильная модель судебного контроля оценивает не факт преступления, а пределы правомерной нотариальной осмотрительности.

Заключение

Отказ нотариуса в совершении нотариального действия при риске легализации доходов, полученных преступным путём, нельзя сводить ни к обычному отказу по формальному дефекту документа, ни к уголовно-правовой оценке поведения заявителя. Такой отказ представляет собой самостоятельный гражданско-правовой превентивный способ недопущения ситуации, при которой нотариальная форма используется для придания правомерного вида сомнительному имущественному обороту.

Гражданско-правовое значение такого отказа связано с тем, что легализация преступных доходов может проявляться через внешне допустимые формы оборота: сделки, доверенности, распоряжение имуществом, создание или изменение прав на объекты гражданских прав. В этих случаях нотариус сталкивается не с установленным фактом преступления, а с риском деформации гражданско-правовой формы. Предметом его оценки является не виновность лица и не преступное

происхождение имущества, а допустимость совершения конкретного нотариального действия с учётом выявленных обстоятельств риска.

Ключевым критерием правомерности антиотмывочного отказа является категория «достаточных оснований». Она занимает промежуточное положение между простым подозрением и доказанностью преступления. Достаточные основания следует понимать как совокупность конкретных, объективируемых и проверяемых обстоятельств, указывающих на риск использования нотариального действия для легализации преступных доходов. Такая совокупность может включать субъектные, объектные, поведенческие, документарные, функциональные и географические признаки риска, но значение имеет не отдельный признак, а их взаимная связь.

Гражданско-правовые пределы отказа нотариуса выражаются в нескольких ограничителях. Материальный предел требует связи между выявленными обстоятельствами и риском легализации. Процессуальный предел предполагает соблюдение проверочной процедуры, фиксацию обстоятельств и мотивированное постановление. Функциональный предел запрещает нотариусу подменять уголовно-правовую квалификацию и деятельность уполномоченных органов. Предел ответственности разграничивает правомерный антиотмывочный отказ, не влекущий гражданско-правовой ответственности нотариуса, и неправомерный отказ, нарушающий права заявителя [5; 7; 11].

Судебная практика подтверждает необходимость такой сбалансированной модели. В деле Шулюка суды оценивали не только формальное наименование нотариального действия, но и фактический объём имущественных полномочий, предоставляемых доверенностью [15]. В деле Ахметовой была показана другая крайность: совершение значительного числа нотариальных действий с признаками сомнительности без должной осмотрительности и без направления сведений в Росфинмониторинг [16]. Эти примеры позволяют определить правомерную модель нотариального поведения как промежуточную: между автоматическим удостоверением и произвольным отказом.

Судебный контроль за антиотмывочным отказом должен быть направлен не на установление факта легализации преступных доходов, а на проверку пределов нотариальной оценки риска. Суду необходимо выяснять, относилось ли нотариальное действие к сфере применения антиотмывочных требований, какие обстоятельства нотариус положил в основу отказа, существовала ли связь между этими обстоятельствами и риском легализации, была ли мотивировка конкретной и не подменил ли нотариус свою функцию выводом о виновности заявителя [17].

Антиотмывочный отказ нотариуса способен выполнять защитную функцию только при наличии конкретных и проверяемых оснований, мотивированной процедуры и последующего судебного контроля. В этом случае он не превращается в чрезмерное ограничение гражданско-правовой автономии участников оборота, а выступает юридически ограниченным инструментом защиты гражданского оборота от недобросовестного использования нотариальной формы.

Литература

1. Годовой отчет о работе Федеральной службы по финансовому мониторингу за 2024 год. – М.: Федеральная служба по финансовому мониторингу, 2025. – Электрон. дан. – Режим доступа: официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. – Дата обращения: 30.06.2026.
2. Ревкова В.С. Нотариальная форма сделки: условия совершения и последствия ее недействительности // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 32. – С. 179–185.
3. Артамонникова С.В. Нотариальная форма договора как способ защиты гражданских прав несовершеннолетних субъектов в электронных сделках // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 135–139. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.3.18.
4. Федеральный закон от 08.08.2024 № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 08.08.2024. – № опубликования 0001202408080023. – Дата обращения: 30.06.2026.
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-I: в ред. действующего законодательства // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 30.06.2026.
6. Руф В.С. Тайна или нет: к вопросу об участии нотариусов и адвокатов в «антиотмывочной» деятельности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2025. – № 5. – С. 47–54. – DOI: 10.34076/22196838_2025_5_47.
7. Богдан Д.И. Противоправность злоупотребления правом // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2024. – Т. 65, № 5. – С. 60–73. – DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-5-4.

8. Кузбагаров Э. А., Максимов В. А. Генезис и практика применения последствий недействительности сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка // Криминалист. – 2024. – № 3(48). – С. 137–145.

9. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 № 32: в ред. действующего законодательства // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 30.06.2026.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: в ред. действующего законодательства // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 30.06.2026.

11. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ: в ред. действующего законодательства // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 30.06.2026.

12. Об определении удостоверяемых нотариусом сделок, предусмотренных подпунктом 2 пункта 1 статьи 7.1 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»: приказ Росфинмониторинга от 23.12.2024 № 333: зарегистрирован в Минюсте России 17.01.2025 № 80953: в ред. от 08.04.2026 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 30.06.2026.

13. FATF. Guidance for a Risk-Based Approach for Legal Professionals. – Paris: FATF, 2019. – Электрон. дан. – Режим доступа: официальный сайт FATF. – Дата обращения: 30.06.2026.

14. Valvi E.-A. The role of legal professionals in the European and international legal and regulatory framework against money laundering // Journal of Money Laundering Control. – 2023. – Vol. 26, № 7. – P. 28–52. – DOI: 10.1108/JMLC-12-2021-0139.

15. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2023 по делу № 8Г-3436/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 30.06.2026.

16. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2025 по делу № 8Г-307/2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 30.06.2026.

17. Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.07.2022 по делу № А56-1117/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 30.06.2026.

CIVIL LAW LIMITS OF A NOTARY'S REFUSAL TO PERFORM A NOTARIAL ACT IN CASE OF RISK OF LAUNDERING PROCEEDS OF CRIME

Bondarchuk A.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines “sufficient grounds” for a notary's refusal to perform a notarial act where there is a risk of laundering criminal proceeds. Such refusal is treated not as a criminal-law assessment of the applicant's conduct and not as a finding that the property has criminal origin, but as a civil-law means of preventing the misuse of notarial form to give apparent legality to questionable property transactions. The article proposes understanding sufficient grounds as a set of specific, objectifiable and verifiable risk indicators limited by substantive, procedural and functional constraints.

Keywords: notarial practice; notary's refusal; money laundering; sufficient grounds; notarial form; legal transactions; good faith; financial monitoring.

References

1. Annual report on the work of the Federal Financial Monitoring Service for 2024. Moscow: Federal Financial Monitoring Service, 2025. Electronic data – Access mode: the official website of the Federal Financial Monitoring Service. – Date of request: 30.06.2026.
2. Revkova V.S. The notarial form of a transaction: the terms of its commission and the consequences of its invalidity // Issues of Russian Justice. – 2024. – No. 32. – pp. 179–185.
3. Artamonnikova S.V. The notarial form of the contract as a way to protect the civil rights of minor subjects in electronic transactions // Legal Concept = The legal paradigm. – 2024. – Vol. 23, No. 3. – pp. 135–139. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.3.18.
4. Federal Law No. 222-FZ dated 08.08.2024 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. – 08.08.2024. – publication no. 0001202408080023. – Date of access: 30.06.2026.
5. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries: approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 11.02.1993 No. 4462-I: as amended by the current legislation // Access from the help.-the legal system “ConsultantPlus”. – Date of request: 30.06.2026.

6. Ruf V.S. Secret or not: on the issue of the participation of notaries and lawyers in "anti-money laundering" activities // Electronic supplement to the Russian Law Journal. – 2025. – No. 5. – pp. 47–54. – DOI: 10.34076/22196838_2025_5_47.

7. Bogdan D.I. Illegality of abuse of law // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. – 2024. – Vol. 65, No. 5. – pp. 60–73. – DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-5-4.

8. Kuzbagarov E. A., Maksimov V.A. The genesis and practice of applying the consequences of invalidity of transactions made with a purpose contrary to the fundamentals of law and order // Criminalist. – 2024. – № 3(48). – Pp. 137–145.

9. On judicial practice in cases of the legalization (laundering) of funds or Other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.07.2015 No. 32: as amended by the current legislation // Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus". – Date of request: 30.06.2026.

10. The Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law No. 51-FZ of 11/30/1994: as amended by the current legislation // Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus". – Date of request: 30.06.2026.

11. On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of terrorism: Federal Law No. 115-FZ of 08/07/2001: as amended by the current legislation // Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus". – Date of request: 30.06.2026.

12. On the definition of notary-certified transactions Provided for in subparagraph 2 of paragraph 1 of Article 7.1 of Federal Law No. 115-FZ dated 08/07/2001 "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism": Rosfinmonitoring Order No. 333 dated 12/23/2024: registered with the Ministry of Justice of Russia on 01/17/2025 No. 80953: as amended. from 08.04.2026 // Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus". – Date of request: 30.06.2026.

13. FATF. Guidance for a Risk-Based Approach for Legal Professionals. – Paris: FATF, 2019. – Electron. dan. – Access mode: FATF official website. – Date of request: 30.06.2026.

14. Valvi E.-A. The role of legal professionals in the European and international legal and regulatory framework against money laundering // Journal of Money Laundering Control. – 2023. – Vol. 26, № 7. – P. 28–52. – DOI: 10.1108/JMLC-12-2021-0139.

15. The ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 03/21/2023 in case No. 8G-3436/2023 // Access from references.-the legal system "ConsultantPlus". – Date of request: 30.06.2026.

16. Ruling of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated 03/13/2025 in case No. 8G-307/2025 // Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus". – Date of request: 30.06.2026.

17. Ruling of the Arbitration Court of St. Petersburg and the Leningrad Region dated 07/27/2022 in case no. A56–1117/2021 // Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus". – Date of request: 30.06.2026.

Внесудебное банкротство граждан как процедура с ослабленным конституционным контролем (гарантии добросовестности, уведомления кредиторов и учета семейного фактора)

Будаков Тему́р Авдулба́кыевич,

аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

В статье исследуется внесудебное банкротство граждан как упрощенная форма освобождения от обязательств, в которой социальная доступность процедуры сочетается с ослабленным предварительным контролем. Показывается, что такая модель конституционно оправдана постольку, поскольку открывает реабилитационный путь для граждан, для которых судебное банкротство затруднено имущественным положением и процедурными расходами. Одновременно отсутствие суда, финансового управляющего и развернутой проверки обстоятельств усиливает значение компенсирующих гарантий. На основе анализа Конституции Российской Федерации, законодательства о банкротстве, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, статистических материалов ЕФРСБ и доктринальных подходов обосновывается необходимость минимального конституционного фильтра внесудебной процедуры. В его содержание включаются проверяемая добросовестность заявителя, эффективное уведомление кредиторов, понятный переход к судебной модели при возникновении спора и базовая фиксация семейно значимых обстоятельств. Автор специально оговаривает, что Конституционный Суд Российской Федерации пока не сформулировал самостоятельной позиции о конституционности именно ослабленного контроля во внесудебном банкротстве. Предлагаемый вывод строится как перенос и развитие смежных правовых позиций о добросовестности, жилищных гарантиях, прожиточном минимуме и справедливом балансе интересов.

Ключевые слова: внесудебное банкротство; банкротство граждан; несостоятельность; конституционный контроль; добросовестность должника; уведомление кредиторов; социальное государство; защита семьи; МФЦ; конституционные гарантии.

Введение

Внесудебное банкротство граждан стало заметным элементом российского института потребительской несостоятельности. Его появление было вызвано практической проблемой. Судебная процедура банкротства формально открыта для гражданина, но для должника без имущества, стабильного дохода и средств на оплату процедурных расходов она часто оказывается труднодоступной. В такой ситуации упрощенная модель через многофункциональный центр выполняет реабилитационную функцию и снижает стоимость доступа к освобождению от долгового бремени.

Массовость этой модели уже не позволяет рассматривать ее как второстепенный эксперимент. По данным ЕФРСБ, в первом квартале 2026 года банкротами стали 153,9 тыс. граждан и индивидуальных предпринимателей, а внесудебных процедур было возбуждено 16 411. Эти показатели важны не только статистически. Чем шире применяется упрощенный порядок, тем заметнее становятся его конституционно-правовые последствия для должников, кредиторов и лиц, фактически связанных с имущественным положением должника.

Природа у внесудебной процедуры двойственная. Уязвимому гражданину она открывает реальный путь к экономической реабилитации, воплощая тем самым идеи социального государства и уважения достоинства личности. Одновременно тот же механизм прекращает либо серьезно ограничивает имущественные притязания кредиторов – а это уже сфера, защищаемая статьей 35 Конституции Российской Федерации. Вот почему доступность процедуры не получится оценивать в отрыве от вопроса о минимально достаточных гарантиях – проверке добросовестности, уведомлении кредиторов, учете социально чувствительных обстоятельств.

Цель статьи – раскрыть внесудебное банкротство как процедуру с ослабленным предварительным конституционным контролем и очертить пределы такого ослабления. Превращать внесудебный порядок в судебное банкротство никто не предлагает; его социальная ценность как раз и держится на простоте. Другое дело, что простота не равнозначна ситуации, когда результат зависит лишь от формального допуска да последующей реакции кредитора. Между полной судебной проверкой и чисто административным списанием долгов есть промежуточное решение – минимальный конституционный фильтр.

Социальное назначение внесудебного банкротства граждан

Внесудебное банкротство возникло как ответ на разрыв между реабилитационной целью банкротства граждан и фактической доступностью судебной процедуры. Для должника, у которого отсутствует имущество и доход выше минимально необходимого уровня, судебное банкротство может выглядеть юридически возможным, но экономически чрезмерным. Упрощенный порядок снижает этот барьер и потому работает как инструмент социально-правовой реабилитации.

Конституционное значение такой процедуры связано прежде всего со статьями 7 и 21 Конституции Российской Федерации. Социальное государство не ограничивается декларацией поддержки гражданина в трудной жизненной ситуации. Оно должно выстраивать правовые механизмы, позволяющие человеку выйти из устойчивого долгового кризиса без разрушения минимальных условий нормальной жизни. Достоинство личности в этом контексте проявляется не в освобождении от любой обязанности, а в сохранении возможности вернуться к самостоятельному экономическому поведению.

Здесь уместно вспомнить позицию В.Д. Зорькина – конституционное развитие требует не одного лишь формального соблюдения процедур, но и сохранения ценностного баланса между свободой, ответственностью и публичным интересом. Применительно к банкротству граждан из этого вытекает отказ сразу от двух крайностей. Обречь должника на пожизненную долговую безысходность недопустимо. Но и освобождение от обязательств не должно вырождаться в механизм игнорирования прав кредиторов.

Не будем забывать и о статье 35 Конституции Российской Федерации, защищающей право собственности кредиторов. Даже социально направленное списание долгов остается юридическим вмешатель-

ством в имущественную сферу других лиц. Бедность должника интереса кредиторов не отменяет. Допустимость внесудебной процедуры объясняется иначе – законодатель вправе установить более простую форму реабилитации, если она снабжена минимальными компенсирующими гарантиями.

Место внесудебного банкротства в системе, таким образом, самостоятельное. На обычную административную услугу оно не похоже – итогом становится прекращение имущественных притязаний. До судебного процесса тоже не дотягивает, ведь ни суда, ни финансового управляющего, ни полноценной состязательной формы здесь нет. Перед нами, скорее, особый публично-правовой механизм экономической реабилитации, и такому механизму нужен собственный стандарт контроля.

Ослабленный конституционный контроль как структурная особенность процедуры

От судебной модели внесудебное банкротство отличается, конечно, не одно лишь отсутствие заседания. Куда существеннее, что на входе в процедуру никто развернуто не исследует обстоятельства – а ведь в судебном банкротстве как раз такое исследование и обеспечивает баланс интересов. Финансовый управляющий не анализирует сделки, не проверяет имущественное положение в полном объеме и не собирает позиции кредиторов. Суд не формирует мотивированный акт, в котором были бы сопоставлены поведение должника, состав обязательств, наличие имущества и последствия освобождения от долгов.

Критерии допуска к внесудебной процедуре в законе, разумеется, есть. Однако работают они прежде всего как входной фильтр – показывают, может ли гражданин воспользоваться упрощенным порядком. А вот справедливо ли освобождение от обязательств в конкретной ситуации, с учетом поведения должника, состава кредиторов, семейных обстоятельств и возможных злоупотреблений, – на этот вопрос они отвечают куда хуже.

Здесь необходимо сделать оговорку. Конституционный Суд Российской Федерации пока не давал специальной оценки внесудебному банкротству именно как процедуре с ослабленным предварительным контролем. Поэтому дальнейший вывод не следует выдавать за уже готовую позицию Суда. Речь идет об авторском переносе смежных конституционно-правовых подходов на новую упрощенную модель.

Такой перенос имеет основание. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П по вопросу единственного жилья Суд допустил отход от абсолютного исполнительского иммунитета должника через индивидуальную оценку обстоятельств и сохранение должнику и членам его семьи разумной жилищной обеспеченности. В Постановлении от 14 апреля 2022 г. № 15-П по вопросу прожиточного минимума на ребенка Суд фактически потребовал смотреть не только на формальную обязанность второго родителя, но и на реальное обеспечение несовершеннолетнего. В Постановлении от 4 июня 2024 г. № 28-П о денежных средствах после реализации единственного ипотечного жилья снова проявилась та же логика. При решении вопроса о защите остатка средств значение имеют фактические жилищные потребности, добросовестность и конкретный баланс интересов.

Напрямую внесудебной процедуры перечисленные постановления не касаются, и ценны они для нашей темы другим. Из них видно, что конституционная оценка в банкротстве граждан не сводится к формальной принадлежности имущества или буквальному выполнению процедурного условия. Там, где результат затрагивает реабилитацию должника, права кредиторов и социально чувствительные интересы, балансу нужно проверять основание.

Сходный вывод следует и из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2024 г. № 11-П. Оно касается судебных расходов в обособленных спорах, а не внесудебного банкротства. Тем не менее для рассматриваемой темы оно важно как пример того, что даже внутри банкротной процедуры вопросы процессуальной формы и распределения бремени не являются второстепенной техникой. Они способны влиять на реальную доступность защиты и на справедливость итогового распределения последствий.

Сам по себе ослабленный контроль, стало быть, не делает внесудебное банкротство неконституционным – требования, чтобы всякое освобождение от обязательств проходило только через суд, в Конституции нет. Компенсировать сниженную предварительную проверку, однако, чем-то нужно. Без компенсирующих инструментов упрощение мало-помалу превращается в зону повышенного риска, причем рискуют все – и кредиторы, и добросовестные должники, и члены семьи, чьи интересы остаются невидимыми.

Добросовестность должника в упрощенной модели

Добросовестность должника является центральным условием легитимности освобождения от обязательств. В судебном банкротстве она проверяется через раскрытие сведений, взаимодействие с финансовым управляющим, анализ сделок, позицию кредиторов и итоговую оценку суда. Во внесудебной модели этот механизм отсутствует на входе в процедуру, поэтому сама категория добросовестности нуждается в более точной настройке.

Строить процедуру на презумпции недобросовестности социально уязвимого должника нельзя – смысл упрощенной модели был бы разрушен, а гражданин по факту вернулся бы к недоступному для него судебному банкротству. Опасна, впрочем, и обратная крайность, когда добросовестность отождествляют с формальным соответствием критериям допуска. Да, исполнительное производство окончено, имущества нет. Полон ли перечень раскрытых кредиторов, как должник вел себя раньше, нет ли очевидного злоупотребления – об этом такие факты сами по себе не говорят ничего.

Здесь полезна доктринальная рамка С.А. Карелиной, рассматривающей несостоятельность как механизм правового регулирования конфликтующих имущественных интересов. В таком механизме освобождение от долгов не является изолированной льготой должника. Оно выступает результатом установленного порядка, в котором поведение лица должно быть юридически проверяемым хотя бы в минимальном объеме.

Оптимальный для внесудебной процедуры вариант – минимальная верификация добросовестности. Ее ядром могла бы стать декларация заявителя, где тот подтверждает полноту перечня известных кредиторов, отсутствие намеренного сокрытия имущества, понимание последствий недостоверных сведений и обязанность сообщить о существенном изменении обстоятельств. МФЦ от такой декларации судом не становится, зато поведение должника получает документально фиксируемую рамку.

Отдельного внимания заслуживает граница между ошибкой и злоупотреблением. Социально уязвимому должнику нередко не хватает финансовой и правовой грамотности, полного комплекта документов у него может не быть, а сведения он черпает у кредиторов или судебных приставов. Уничтожать реабилитационный эффект из-за формальной неточности было бы неправильно. Совсем иначе выглядят сознательное сокрытие кредитора, умышленное искажение имущественного положения или обращение к процедуре сразу после вывода активов – подобные обстоятельства должны открывать путь к прекращению внесудебной процедуры либо переводу спора в судебную форму.

Здесь и раскрывается авторский смысл минимального фильтра. Презумпция добросовестности гражданина сохраняется, однако пустой формулой она оставаться не должна. Во внесудебном банкротстве добросовестность выражается в минимальной прозрачности поведения – такой, чтобы кредиторы и публичный механизм могли разглядеть очевидные признаки злоупотребления.

Уведомление кредиторов и правовая определенность

Во внесудебную процедуру кредитор включается не через состязательный процесс – его связывает с ней только информация. Отсюда ключевая роль уведомления. Кредитор, который не знает о начатой процедуре или не понимает ее последствий, обладает правом на реакцию лишь на бумаге.

Риск здесь не сводится к технической ошибке публикации. Кредитор может не узнать о процедуре, не успеть сообщить о наличии имущества, не заявить о неполном перечне требований или не поставить вопрос о признаках злоупотребления. При массовом характере потребительского кредитования формальное размещение сведений в публичном ресурсе не всегда обеспечивает фактическую осведомленность лиц, чьи права будут прекращены или существенно ограничены.

В этой части уместно использовать подход Л.В. Лазарева к правовым позициям Конституционного Суда как к средствам раскрытия конституционного смысла отраслевого регулирования. Применительно к внесудебному банкротству этот смысл прост – уведомление не обслуживающая деталь процедуры, а условие правовой определенности. Кредитору должны быть ясны факт начала процедуры, состав заявленных требований, срок реакции и правовые последствия молчания. У должника своя сторона того же правила – неполное раскрытие кредиторов ставит под угрозу устойчивость результата.

Минимальный стандарт уведомления разумно развивать сразу по двум линиям. Публичная публикация сохраняется как общий канал информирования, а известные кредиторы, указанные в заявлении, дополнительно получают адресное цифровое уведомление – там, где такой канал технически доступен. В идеале сведения из заявления сто-

или бы сопоставлять с данными исполнительного производства, тогда очевидное расхождение не останется незамеченным.

Простоте внесудебной процедуры все это не угрожает. Меняется лишь центр тяжести – с пассивного размещения информации на реальную возможность уведомления. Кредитору ведь нужна не абстрактная возможность отыскать публикацию, ему важно успеть заявить возражение или инициировать переход к судебной процедуре.

Семейный фактор во внесудебном банкротстве

Семейный фактор во внесудебной процедуре выражен слабее, чем в судебном банкротстве. Это объяснимо. Упрощенная модель обычно применяется при отсутствии имущества и не предполагает сложного распределения конкурсной массы. На первый взгляд кажется, что интересы семьи здесь почти не затрагиваются.

Такой вывод был бы поспешным. Семейная ситуация важна не только при продаже имущества. Она имеет значение для оценки социального положения должника, характера доходов, наличия социальных выплат, перечня обязательств, связанных с обеспечением семьи, и последствий возможного прекращения процедуры. Если в ходе внесудебного банкротства возникает спор о добросовестности, имуществе, составе кредиторов или общих семейных обязательствах, семейный контур перестает быть внешним обстоятельством.

Особую роль здесь играет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П/2022 о прожиточном минимуме на ребенка – роль материально-правового ориентира. Утверждения, будто любой банкротный спор с участием родителя требует специального процессуального статуса ребенка, там нет. Зато показано, что формальная семейно-правовая конструкция не заменяет проверки реального содержания несовершеннолетнего. Авторский процессуальный вывод для внесудебного банкротства отсюда таков. Хотя бы базовые сведения о несовершеннолетних, иждивенцах, социальных выплатах и жилищной ситуации должны фиксироваться уже в заявлении – тогда при возникновении конфликта суд или иной компетентный субъект увидит, требует ли вопрос специальной оценки.

Орган опеки и попечительства не должен участвовать в каждом внесудебном банкротстве родителя. Это уничтожило бы доступность процедуры и быстро стало бы формальностью. Иной подход нужен при переходе спора в судебную плоскость, если решение способно существенно ухудшить положение несовершеннолетнего. Тогда сведения о ребенке, заранее зафиксированные в процедуре, позволят без задержки определить необходимость заключения органа опеки.

Упрощению минимальный учет семейного фактора, как видим, не мешает. Его функция – ранняя фиксация социально значимых обстоятельств. Пока спора нет, процедура идет своим чередом; стоит спору возникнуть – семейные данные подскажут, хватит ли административной модели или нужна судебная проверка.

Минимальный конституционный фильтр внесудебной процедуры

Внесудебному банкротству нужен не перенос судебной процедуры целиком, а короткий набор проверяемых гарантий – тот самый минимальный конституционный фильтр. Доступность процедуры он сохраняет. Снижается другое – риск, что освобождение от долгов состоится при очевидной неполноте информации или прежде, чем кредитор успеет отреагировать.

Сердцевина фильтра – декларация добросовестности. В ней заявитель подтверждает, что перечень известных ему кредиторов полон, имущество намеренно не скрыто, последствия недостоверных сведений ему понятны, а о существенных изменениях он обязуется сообщать. Работает такая декларация как дисциплинирующий инструмент, ведь сведения должника становятся юридически значимым заявлением, которое можно оценивать при последующем споре.

Дальше идет усиленное уведомление кредиторов. Известным кредиторам информация должна поступать не только через публичный ресурс, но и адресно – насколько это позволяют закон и техническая инфраструктура. Само уведомление обязано быть внятным. Из него кредитор должен узнать о начатой процедуре, сроке реакции, возможных основаниях возражений и о том, чем обернется бездействие.

Третья составляющая – информационная сверка. Расследовать имущественное положение должника МФЦ, конечно, не обязан. Однако базовое автоматизированное сопоставление заявления с данными исполнительного производства и другими доступными публичными сведениями вполне способно выявить очевидные препятствия. Суд такая сверка не заменит, зато грубое несоответствие на входе не проскочит.

Еще один элемент касается перехода к судебной процедуре. Спор о составе кредиторов, наличии имущества, добросовестности, сделках

или семейно значимых обстоятельствах внесудебная модель не должна даже пытаться разрешить административно. От нее в такой ситуации требуется одно – передать конфликт туда, где возможны доказательства, возражения, судебная мотивировка и проверка баланса интересов.

Замыкает конструкцию базовый учет семейного фактора – отражение в заявлении сведений о несовершеннолетних, иждивенцах, социальных выплатах и жилищных условиях. Пока спора нет, эти данные процедуре никак не мешают. Зато при конфликте они сигнализируют, что вопрос, возможно, требует судебной оценки или участия органа опеки.

Простой процедурой внесудебное банкротство при таком фильтре остается. Задача у него прицельная – убрать самую уязвимую черту действующей модели, при которой результат зависит почти целиком от формальных критериев допуска и последующей реактивной защиты кредитора.

Перспективы законодательного развития

Развивать внесудебное банкротство дальше следует осторожно. Расширишь доступ, не уточнив гарантий, – вырастет риск злоупотреблений и последующих споров. Перегрузишь процедуру требованиями – она потеряет главное свое достоинство, доступность для социально уязвимых граждан. Разумной поэтому выглядит законодательная политика, построенная на принципе минимально достаточного регулирования.

Прежде всего следует уточнить информационные обязанности должника. Закон может прямо закрепить обязанность подтверждать полноту перечня известных кредиторов и отсутствие очевидных препятствий для внесудебной процедуры. Ответственность за недостоверные сведения целесообразно связывать не с любой ошибкой, а с существенным и виновным искажением информации.

Далее – цифровая инфраструктура уведомления. Публичную публикацию отменять не нужно, однако ее стоит дополнить адресными уведомлениями известных кредиторов и интеграцией с данными исполнительного производства. Когда у процедуры нет полноценной предварительной состязательности, качество информационной связи приобретает без преувеличения конституционное значение.

Понадобятся и ясные основания перехода к судебной процедуре. Среди них – спор о составе кредиторов, выявление имущества, признаки существенной недобросовестности, оспаривание полноты сведений, а также семейно или жилищно значимые обстоятельства, требующие индивидуальной оценки. Бесспорные дела от этого не перегружаются, зато конфликтные получают надлежащую форму разрешения.

Наконец, судебная и внесудебная модели должны развиваться как элементы одной системы банкротства граждан. Интенсивность гарантий может различаться, но минимальный стандарт добросовестности, уведомления и учета социально чувствительных обстоятельств должен сохраняться в обеих формах. Иначе внесудебная процедура постепенно оторвется от общей конституционно-правовой логики института несостоятельности граждан.

Заключение

Внесудебное банкротство граждан оправдано как социально необходимый механизм. Оно дает реабилитационный путь тем лицам, для которых судебная процедура слишком дорога и сложна. В этом проявляется связь упрощенной модели с идеями социального государства и уважения достоинства личности.

В той же простоте, однако, кроется и слабое место процедуры. Долги списываются без суда, без финансового управляющего, без предварительного исследования многих обстоятельств – всего того, что в судебной модели служит проверке добросовестности и баланса интересов. Выбирать между доступностью и гарантиями при этом не приходится. Конституционно устойчивой окажется лишь та упрощенная процедура, где доступность подкреплена минимальными компенсирующими механизмами.

В предлагаемый минимальный конституционный фильтр входят проверяемая декларация добросовестности, эффективное уведомление кредиторов, базовая информационная сверка, понятный переход к судебной процедуре при возникновении спора и фиксация семейно значимых обстоятельств. Никакого второго судебного банкротства внутри МФЦ из этих элементов не вырастает – они всего лишь задают нижний предел правовой защищенности там, где предварительный контроль сознательно ослаблен.

Принципиально важна авторская оговорка. Отдельной позиции о конституционности внесудебного банкротства как модели с ослабленным контролем Конституционный Суд Российской Федерации пока не формулировал. Доктринальный вывод тем не менее возможен – его подсказывают правовые позиции Суда по единственному жилью,

прожиточному минимуму ребенка, добросовестности и справедливому распределению последствий в банкротстве. Упрощение допустимо до тех пор, пока оно не делает невидимыми права кредиторов, поведение должника и социально чувствительные интересы семьи.

Дальнейшее развитие внесудебного банкротства, следовательно, не сводится к простому расширению доступа. От законодателя требуется более тонкая настройка. Для добросовестного и действительно уязвимого должника процедура должна оставаться простой – и при этом не быть слепой к очевидному злоупотреблению, неполной информации и тем семейным обстоятельствам, которые требуют судебной оценки. В таком виде внесудебная модель органично встраивается в конституционно ориентированную систему банкротства граждан.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом о поправке к Конституции РФ от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 289-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5048.

4. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 4 авг. 2023 г. № 474-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32. Ст. 6187.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2005 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апр. 2021 г. № 15-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 21. Ст. 3706.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апр. 2022 г. № 15-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 17. Ст. 2916.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2024 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 13. Ст. 1799.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2024 г. № 28-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 24. Ст. 3409.

10. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 окт. 2015 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 дек. 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

12. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г. // СПС КонсультантПлюс.

13. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. Банкротами в I квартале стали 153,9 тыс. граждан РФ. URL: <https://fedresurs.ru/news/63b622cd-5ad5-4db2-86fb-c579936886a8> (дата обращения: 1 июня 2026 г.).

14. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020.

15. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстиция, 2005.

16. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.

17. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. 2-е изд., доп. М.: Формула права, 2008.

18. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности: монография. М.: Волтерс Клувер, 2008.

19. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.

20. Шевченко И.М. Правовое регулирование банкротства граждан: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2016.

21. Ramsay I. Personal Insolvency in the 21st Century: A Comparative and Empirical Study. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2017.

22. Tabb C.J. The Law of Bankruptcy. 4th ed. St. Paul: Foundation Press, 2016.

EXTRAJUDICIAL BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS AS A PROCEDURE WITH WEAKENED CONSTITUTIONAL OVERSIGHT (GUARANTEES OF GOOD FAITH, NOTIFICATION OF CREDITORS, AND CONSIDERATION OF FAMILY FACTORS)

Budakov T.A.

South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines out-of-court personal insolvency as a simplified form of debt discharge in which social accessibility is combined with a reduced level of preliminary control. The author argues that this model is constitutionally justified insofar as it provides access to rehabilitation for citizens for whom judicial bankruptcy is practically difficult because of their financial situation and procedural costs. At the same time, the absence of a court, an insolvency trustee and comprehensive fact-finding increases the importance of compensatory safeguards. Drawing on the Constitution of the Russian Federation, bankruptcy legislation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, official insolvency statistics and doctrinal approaches, the article substantiates the need for a minimal constitutional filter for out-of-court bankruptcy. This filter includes verifiable debtor good faith, effective creditor notification, a clear mechanism for transfer to judicial proceedings in case of dispute and basic recording of family-related circumstances. The author notes that the Constitutional Court has not yet developed a separate position on the constitutionality of reduced control in out-of-court personal insolvency. The proposed conclusion is presented as a doctrinal development of adjacent constitutional positions on good faith, housing guarantees, subsistence minimum and a fair balance of interests.

Keywords: out-of-court bankruptcy; personal insolvency; constitutional control; debtor good faith; creditor notification; social state; family protection; multifunctional center; constitutional safeguards.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments introduced by the Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated July 1, 2020, No. 11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Article 1416.

2. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002, No. 127-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Article 4190.

3. On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020, No. 289-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 5048.

4. On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of August 4, 2023 No. 474-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 32. Art. 6187.

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19, 2005 No. 12-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 3. Art. 335.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 21. Art. 3706.

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 14, 2022 No. 15-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 17. Article 2916.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2024 No. 11-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 13. Article 1799.

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 4, 2024 No. 28-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 24. Article 3409.

10. On Certain Issues Related to the Implementation of Procedures Applied in Insolvency (Bankruptcy) Cases of Individuals: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015, No. 45 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 12.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 17, 2024, No. 40 “On Certain Issues Related to the Implementation of Procedures Applied in Insolvency (Bankruptcy) Cases of Individuals” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. No. 2.

12. Review of Judicial Practice in Bankruptcy Cases of Individuals: Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025 // SPS ConsultantPlus.

13. Unified Federal Register of Bankruptcy Information. 153.9 thousand Russian citizens filed for bankruptcy in the first quarter. URL: <https://fedresurs.ru/news/63b622cd-5ad5-4db2-86fb-c579936886a8> (accessed: June 1, 2026).

14. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 volumes. Vol. 1. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma; INFRA-M, 2020.

15. Bondar N.S. Power and Freedom on the Scales of Constitutional Justice: Protection of Human Rights by the Constitutional Court of the Russian Federation. Moscow: Yustitsiya, 2005.

16. Zorkin V.D. Constitutional and Legal Development of Russia: A Monograph. Moscow: Norma; INFRA-M, 2011.

17. Lazarev L.V. Legal positions of the Constitutional Court of Russia. 2nd ed., suppl. Moscow: Formula of Law, 2008.

18. Karelina S.A. Mechanism of legal regulation of insolvency relations: monograph. Moscow: Wolters Kluwer, 2008.

19. Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal regulation: scientific and practical manual. 2nd ed., revised and suppl. Moscow: Prospect, 2016.

20. Shevchenko I.M. Legal regulation of bankruptcy of individuals: problems of theory and practice: monograph. Moscow: Prospect, 2016.

21. Ramsay I. Personal Insolvency in the 21st Century: A Comparative and Empirical Study. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2017.

22. Tabb C.J. The Law of Bankruptcy. 4th ed. St. Paul: Foundation Press, 2016.

Совершенствование административных процедур в деятельности полиции как условие повышения доверия граждан к органам внутренних дел

Виноградова Ирина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: irina_vinogradov@bk.ru

Березина Марина Геннадьевна,

кандидат биологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: kemberezina@yandex.ru

Доверие к полиции рассматривается как ключевая социально-правовая категория, отражающая степень признания населением законности, обоснованности и справедливости деятельности органов внутренних дел. Оно выступает важным индикатором эффективности государственного управления и напрямую зависит от качества административных процедур, реализуемых полицией. Раскрывается широкий спектр административных процедур, применяемых органами внутренних дел. Выявляются основные риски и проблемы их реализации, связанные с расширением административного усмотрения, недостаточной процессуальной регламентацией отдельных действий, а также возможностью ограничения прав и свобод граждан. На основе проведенного анализа сформулированы рекомендации по совершенствованию административно-процедурного регулирования, направленные на усиление процессуальных гарантий, повышение прозрачности деятельности полиции и уровня доверия населения.

Ключевые слова: полиция, административные процедуры, доверие населения, граждане, общество

Сотрудники полиции по долгу службы регулярно вступают во взаимодействие с институтами гражданского общества и населением. Как отмечает И.Н. Напольских, регулярность и важность подобного взаимодействия позволяет прийти к выводу о том, что полиция реализует некоторые идеологические функции государства и функции легитимизации власти, но только в том случае, если ей (полиции) удастся поддерживать определенный уровень доверия со стороны граждан, общественных институтов и бизнес-единиц [3, с. 144].

Проблема доверия к сотрудникам полиции обрела настолько высокую значимость, что даже была зафиксирована на законодательном уровне. В частности, речь идет о положениях ст. 9 ФЗ от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», где указано следующее: «полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан» [10].

В рассматриваемом нами контексте доверие выступает не только целью деятельности полиции, направленной на гармонизацию общественных отношений, но и средством, посредством применения которого повышается эффективность деятельности органов внутренних дел и реализации возложенных на них полномочий. Согласимся с И.Н. Напольских в том, что определенный уровень доверия – это «инструмент, необходимый для качественного выполнения государственно-властных задач», а также инструментальная ценность, один из индикаторов доверия населению к государству и государственной власти в целом, а не только к полиции в частности [3, с. 144–145].

Полиция, безусловно, в массовом сознании воспринимается «как исключительно государственный институт», а также как «исключительно карательный институт, то есть генерализируется репрессивная функция полиции» [3, с. 144].

Многие исследователи говорят о наличии прямой взаимосвязи между доверием к полиции и доверием к власти в целом: «данная связь носит двусторонний характер и функционирует по принципу сообщающихся сосудов» [3, с. 144–145], соответственно, реализация концепций по повышению уровня доверия к полиции, выявление причин и условий изменения его уровня является **актуальным** направлением исследовательско-теоретической, аналитической и эмпирической деятельности.

Представители политологии, социологии и иных гуманитарных наук выработали достаточно много различных концепций и теорий, раскрывающих сущность феномена политического доверия: концепция базового доверия Э. Эриксона; концепция истоков доверия в рациональности и рационального выбора Я. Колемана; теория эффектов политического доверия М. Хетерингтона и многие другие. Тем не менее, все эти теории нуждаются в обновлении, в адаптации к современным реалиям [5, с. 36]. Поэтому нельзя сказать, что феномен доверия к полиции является достаточно изученным на современном этапе.

Конечно же, в сознании граждан всегда существовали определенные идеализированные представления о том, каким образом полиция должна выполнять свои административные функции. «Доверие к полиции» как терминологическая категория имеет ярко выраженный иррациональный характер. А.Н. Гостев, обращаясь к изучению истории полиции в нашей стране, указывает на то, что еще с 1718 г. – периода учреждения института полиции Петром I, население сразу же фиксировало недобросовестность отдельных представителей органов полиции и автоматически присваивала эти негативные качества остальным специалистам данной новой для общества отрасли – к примеру, проявления коррупции, незаконное ограничение свободы в выборе деятельности, предвзятость и проч. [1, с. 15].

А.А. Теплеев пишет о том, что взаимодействие полиции и общества представляет собой особую, законодательно зафиксированную форму социального партнерства, одной из сторон которого выступают граждане, а другой стороной – полиция. По мнению автора, для общества крайне важно, чтобы партнерские отношения в рамках данной модели формировались не посредством принуждения, а за счет естественного стремления к достижению единых целей. Качество и количество достижений сторон-партнеров в вышеописанной модели, пишет А.А. Теплеев, зависят от уровня доверия между ними [8, с. 376].

Действительно, полиция при выполнении административных процедур нуждается в определенном уровне дове-

рия со стороны населения. Как показывает отечественная и зарубежная практика, «завоевание» доверия сегодня, в цифровую, информационную эпоху нельзя пустить на «самотёк». Е. Г. Олейников и Д. М. Полонский отмечают, что «полицейские ведомства большинства стран имплементируют тщательно спланированные стратегии и кампании, направленные на повышение доверия. В рамках подобных мероприятий достигается двойственная цель – повышение уровня доверия и к конкретным полицейским, и к полиции как правоохранительному органу в целом» [4, с. 54].

Кроме того, авторы указывают: «страны, где наблюдается низкий уровень доверия к полиции, вплоть до открытых и иногда вооруженных противостояний с ее представителями, демонстрируют прямую корреляцию между высоким уровнем преступности, низкими темпами экономического и социального развития. Это обстоятельство объясняется весьма просто: доверие повышает уровень продуктивности сотрудничества между гражданами и полицией, мотивируя соблюдать требования законодательства, и подобное сотрудничество способствует предупреждению преступности и борьбе с ней, что в целом положительно сказывается на благосостоянии страны» [4, с. 54].

Административные процедуры, реализуемые сотрудниками полиции, представляют собой установленную нормами административного законодательства совокупность последовательно осуществляемых процессуальных действий, посредством которых органы внутренних дел реализуют предоставленные им властные полномочия. Их назначение состоит в обеспечении правопорядка, защите прав и законных интересов граждан, предупреждении и пресечении административных правонарушений, а также создании условий для эффективного исполнения правоохранительных функций. Регламентация административных процедур обеспечивает единообразие правоприменительной практики, законность принимаемых решений и соблюдение конституционных гарантий личности.

Как пишет Р. А. Темботов, с учетом характера реализуемых полномочий административные процедуры, осуществляемые полицией, могут быть классифицированы на несколько основных групп. К первой относятся **контрольно-надзорные процедуры**, включающие проверку документов, осуществление административного надзора и иные формы контроля. Вторую группу составляют **обеспечительные процедуры**, направленные на создание условий для производства по делам об административных правонарушениях и включающие доставление, административное задержание, личный досмотр, досмотр транспортных средств, а также изъятие вещей и документов. Отдельное место занимают **административно-юрисдикционные процедуры**, связанные с возбуждением, рассмотрением и разрешением дел об административных правонарушениях, а также применением мер административного принуждения. Наряду с ними важное значение имеют **профилактические процедуры**, ориентированные на предупреждение противоправного поведения, выявление факторов, способствующих совершению правонарушений, и обеспечение общественной безопасности. Совокупность указанных процедур образует организационно-правовой механизм реализации административной деятельности полиции, эффективность которого во многом определяет уровень законности и защищенности прав граждан [7, с. 259].

Административные процедуры, полагает Э. Т. Сидоров, занимают важное место в механизме реализации публичного управления и осуществления административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел. Они представляют собой нормативно регламентированную последовательность действий уполномоченных должностных лиц, направленных на реализацию предоставленных государством властных полномочий, обеспечение публичных интересов, защиту прав и законных интересов граждан и организаций, а также достижение целей административной деятельности.

Особое значение административные процедуры приобретают при осуществлении полицией административно-юрисдикционных полномочий, поскольку именно процессуальная форма обеспечивает законность принимаемых решений, их обоснованность и возможность последующего контроля. Реализация административных процедур способствует своевременному выявлению и пресечению административных правонарушений, установлению юридически значимых обстоятельств, сбору и закреплению доказательственной информации, а также созданию необходимых условий для объективного рассмотрения административных дел.

В юридической литературе административные процедуры рассматриваются как важнейший инструмент обеспечения эффективности государственного управления. Их сущность заключается не только в регламентации порядка осуществления административной деятельности, но и в обеспечении оперативности реагирования органов публичной власти при обязательном соблюдении требований законно-

сти, соразмерности и процессуальных гарантий участников административных правоотношений.

Вместе с тем реализация административных процедур нередко связана с ограничением отдельных прав и свобод граждан, что обуславливает необходимость строгого соблюдения установленных законом оснований, условий и порядка их осуществления. Именно поэтому процессуальная форма выступает одной из ключевых гарантий защиты прав личности от необоснованного административного вмешательства, так как в данный момент могут начаться противоречия с представителями общества и в дальнейшем – снижение доверия к полиции.

Таким образом, законодатель предусматривает систему процессуальных гарантий, включая обязательную фиксацию процессуальных действий, участие предусмотренных законом лиц, возможность судебного и ведомственного контроля, а также применение современных средств видеотекстовой фиксации в случаях, установленных законодательством.

Принцип законности, как отмечает Э. Т. Сидоров, является основополагающим началом реализации административных процедур. Его содержание заключается в строгом соблюдении органами публичной власти требований законодательства при принятии административных решений и совершении юридически значимых действий. В широком смысле законность представляет собой правовой режим, обеспечивающий точное и единообразное исполнение нормативных предписаний всеми субъектами административных правоотношений. Соблюдение данного принципа служит необходимым условием эффективности административных процедур, укрепления доверия граждан к деятельности органов публичной власти и обеспечения баланса публичных и частных интересов [6, с. 60].

Следует сказать, что уровень доверия населения к представителям полиции в большей степени обусловлен не характеристиками гражданина или организации, вступающими во взаимодействие с сотрудником полиции, а детерминированы, в первую очередь, профессионально-психологическими качествами самого сотрудника полиции как инициатора административных действий.

Д. Р. Усманов и Т. В. Ковалёв выражают схожий тезис: показатель доверия к органам полиции прямо зависит «от уровня образования и профессионального воспитания» полицейского, от культурной составляющей его личности, морально-нравственных качеств, дисциплинированности [9, с. 188]. Количество административных процедур в деятельности полиции зачастую оказывается таким высоким, что для качественного их выполнения у сотрудника полиции просто не оказывается ни физических, ни моральных ресурсов. В данной связи следует обратиться к проблеме психологической помощи сотрудникам полиции.

Можно согласиться с Д. Р. Усмановым и Т. В. Ковалёвым в том, что многие сотрудники полиции по причине профессионального выгорания, профессиональной деформации, высокой загруженности бумажной работой могут «относиться грубо, невнимательно, и даже предвзято к заявителям и потерпевшим, тогда как эти граждане нуждаются в понимании и сопереживании». Население, для представителей которого обращение к сотруднику полиции является единственным способом пресечения несправедливых ситуаций, остается разочарованным [9, с. 189]. Массовая практика таких случаев и порождает механизмы снижения доверия к полиции.

Проблему можно охарактеризовать как системный кризис организации психологической поддержки сотрудников полиции, при котором наличие подразделений организации психологической работы не обеспечивает реальной профилактики профессионального выгорания, дезадаптации и иных негативных последствий служебной деятельности.

В современных условиях служебная деятельность сотрудников полиции характеризуется постоянным ростом профессиональных нагрузок, высоким уровнем ответственности, эмоциональной напряженностью и воздействием стресс-факторов. Усложнение оперативной обстановки, увеличение объема служебных задач и необходимость принятия решений в условиях дефицита времени оказывают существенное влияние на психофизиологическое состояние сотрудников полиции и в большинстве случаев способствуют развитию хронического стресса, эмоционального выгорания, тревожных расстройств и, в результате, снижению уровня профессиональной эффективности.

Несмотря на наличие в органах внутренних дел системы психологического сопровождения, её функционирование во многом носит формальный характер. Ключевой проблемой является дефицит доверия между сотрудниками полиции и подразделениями организации психологической работы. Сотрудники полиции нередко воспринимают обращение к психологу не как ресурс получения помощи, а как потенциальный источник служебных рисков. Это связано с тем, что психологи обязаны сообщать руководству о выявленных признаках психологической дезадаптации или иных состояний, которые могут

повлиять на выполнение профессиональных обязанностей. В результате сотрудник полиции опасается ограничения допуска к службе, временного отстранения от выполнения задач или иных неблагоприятных последствий для карьеры.

В подобных условиях значительная часть сотрудников полиции не раскрывает психологу реальные переживания и проблемы, скрывает симптомы эмоционального истощения, тревоги, депрессии или посттравматических реакций. Следовательно, подразделения организации психологической работы получают неполную и искажённую информацию о состоянии личного состава, что существенно снижает диагностическую ценность проводимой работы и затрудняет оценку её эффективности. Формально система психологической поддержки существует, однако фактически она не обеспечивает своевременное выявление и коррекцию психологических проблем.

Таким образом, основное противоречие заключается в том, что психологическая помощь одновременно выполняет функцию поддержки и функцию контроля. Совмещение этих функций приводит к снижению доверия, уменьшению обращаемости сотрудников полиции и формированию культуры сокрытия психологических трудностей.

В заключение, по результатам исследования, отметим, что целесообразно предусмотреть создание независимого канала психологической помощи, информация из которого не используется для кадровых решений, за исключением случаев непосредственной угрозы жизни и безопасности, а также разделение психологов на специалистов, осуществляющих терапевтическую поддержку, и специалистов, проводящих служебную оценку профессиональной пригодности. Требуется введение программ анонимного консультирования; развитие профилактических программ по управлению стрессом и предупреждению эмоционального выгорания; формирование в профессиональной среде культуры обращения за психологической помощью как признака ответственности, а не слабости.

Литература

1. Гостев, А.Н. Доверие граждан институту полиции: общественные механизмы укрепления / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко, М.В. Демченко // Вестник Академии права и управления. – 2021. – № 3 (64). – С. 14–25.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.07.2026) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. – Дата доступа: 06.07.2026.
3. Напольских, И.М. Феномен доверия к полиции / И.М. Напольских // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 5. – С. 143–146.
4. Олейников, Е.Г. Некоторые аспекты повышения доверия к деятельности полиции / Е.Г. Олейников, Д.М. Полонский // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5–3 (80). – С. 54–56.
5. Потапов, В.В. Доверие населения к органам МВД как ключевой фактор повышения качества общественно-политических отношений / В.В. Потапов // Социально-политические науки. – 2018. – № 5. – С. 36–38.
6. Сидоров, Э.Т. Проблемы реализации принципа законности сотрудниками полиции при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / Э.Т. Сидоров // ВБ: Административное право и практика администрирования. – 2023. – № 2. – С. 58–70.

7. Темботов, Р.А. Административные процедуры в деятельности полиции / Р.А. Темботов // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 257–260.

8. Теппеев, А.А. Поддержка и доверие как основа взаимодействия полиции и общества / А.А. Теппеев // Образование и право. – 2022. – № 6. – С. 376–379.

9. Усманов, Д.Р. Снижение доверия к полиции со стороны населения / Д.Р. Усманов, Т.В. Ковалёв // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 6–4 (93). – С. 187–190.

10. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/. – Дата доступа: 06.07.2026.

IMPROVING ADMINISTRATIVE PROCEDURES IN POLICE ACTIVITIES AS A CONDITION FOR INCREASING CITIZEN TRUST IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Vinogradova I.V., Berezina M.G.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Trust in the police is considered a key socio-legal category, reflecting the degree to which the public recognizes the legality, validity, and fairness of the activities of law enforcement agencies. It serves as an important indicator of public administration effectiveness and directly depends on the quality of administrative procedures implemented by the police. The article outlines a wide range of administrative procedures applied by law enforcement agencies, including procedures for ensuring public safety, administrative control, preventing offenses, and establishing and recording legally significant circumstances. The key risks and challenges are identified. Based on the analysis, recommendations for improving administrative and procedural regulation are formulated, aimed at strengthening procedural guarantees, increasing the transparency of police activities, and building public trust.

Keywords: police, administrative procedures, public trust, citizens, society

References

1. Gostev, A.N. Citizens' Trust in the Police Institution: Public Mechanisms for Strengthening / A.N. Gostev, T.S. Demchenko, M.V. Demchenko // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2021. – № 3 (64). – P. 14–25.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on June 26, 2026) (as amended and supplemented, entered into force on July 7, 2026) // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. – Access date: July 6, 2026.
3. Napolskikh, I.M. The Phenomenon of Trust in the Police / I.M. Napolskikh // Bulletin of Economic Security. – 2022. – № 5. – P. 143–146.
4. Oleynikov, E.G. Some Aspects of Increasing Trust in Police Activities / E.G. Oleynikov, D.M. Polonsky // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – № 5–3 (80). – P. 54–56.
5. Potapov, V.V. Public Trust in the Ministry of Internal Affairs as a Key Factor in Improving the Quality of Socio-Political Relations / V.V. Potapov // Social and Political Sciences. – 2018. – № 5. – P. 36–38.
6. Sidorov, E.T. Problems of Implementing the Principle of Legality by Police Officers in Applying Measures to Ensure Proceedings in Cases of Administrative Offenses / E.T. Sidorov // ВБ: Administrative Law and Administration Practice. – 2023. – № 2. – P. 58–70.
7. Tembotov, R.A. Administrative Procedures in Police Activities / R.A. Tembotov // Education and Law. – 2023. – № 9. – P. 257–260.
8. Teppeev, A.A. Support and Trust as the Basis for Interaction between the Police and Society / A.A. Teppeev // Education and Law. – 2022. – № 6. – P. 376–379.
9. Usmanov, D.R. Declining Public Trust in the Police / D.R. Usmanov, T.V. Kovalev // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 6–4 (93). – P. 187–190.
10. Federal Law «On Police» of 07.02.2011 № 3-FZ (latest revision) // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/. – Access date: 06.07.2026.

Четырехрежимная модель дифференциации последствий банкротства гражданина: добросовестность, злоупотребление правом и пределы отказа в освобождении от обязательств

Будаков Тему́р Авдулба́кыевич,

аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: y.temur@ya.ru

В статье обосновывается четырехрежимная модель дифференциации последствий банкротства гражданина, основанная на конституционно значимых критериях добросовестности, степени нарушения обязанностей должника и характере вреда, причиненного кредиторам или самой процедуре. Автор исходит из того, что одинаковое применение последствий банкротства к добросовестному должнику, должнику с сомнительным поведением и должнику, допустившему злоупотребление правом, не отвечает требованиям соразмерности, правовой определенности и справедливого баланса. Предлагается выделять четыре режима: реабилитационный, условно-реабилитационный, охранительный и санкционно-охранительный. Каждый режим связывается с проверяемыми индикаторами поведения, стандартом доказывания и допустимой интенсивностью ограничений. Особое внимание уделяется пределам отказа в освобождении от обязательств, недопустимости презумпции недобросовестности и возможности досрочного смягчения отдельных постпроцедурных ограничений при достижении их цели. Делается вывод о необходимости закрепления соответствующих ориентиров в судебной практике и точечного уточнения главы X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Ключевые слова: банкротство граждан; несостоятельность; добросовестность должника; злоупотребление правом; освобождение от обязательств; дифференциация последствий; соразмерность; правовая определенность; конституционные права; реабилитационная функция банкротства.

Введение

Банкротство гражданина в российском праве выполняет двойственную функцию. С одной стороны, оно обеспечивает коллективную защиту имущественных интересов кредиторов и дисциплинирует гражданский оборот. С другой стороны, оно предоставляет добросовестному должнику возможность освободиться от чрезмерного долгового бремени и восстановить социально-экономическую самостоятельность. Такая двойственная природа института не позволяет рассматривать последствия банкротства исключительно как набор формальных правовых эффектов, автоматически наступающих вслед за признанием гражданина банкротом.

Проблема заключается в том, что действующее регулирование и судебная практика во многих случаях сохраняют бинарную логику оценки поведения должника. Должник либо признается добросовестным и освобождается от обязательств, либо его поведение квалифицируется как недобросовестное и влечет отказ в списании долгов. Между тем фактические сценарии банкротства значительно разнообразнее. Неплатежеспособность может быть вызвана болезнью, потерей дохода, семейными обстоятельствами, предпринимательским риском, неосторожным финансовым поведением, а также сознательным выводом активов или иными злоупотреблениями. Равное правовое реагирование на столь различные ситуации создает риск как чрезмерной репрессивности, так и недостаточной защиты кредиторов.

Конституционно-правовая значимость указанной проблемы определяется тем, что последствия банкротства затрагивают не только имущественную сферу, но и достоинство личности, экономическую свободу, право на судебную защиту, жилищные и семейные гарантии. Следовательно, вопрос о последствиях процедуры должен решаться не только через отраслевые правила Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», но и через требования статьи 55 части 3 Конституции Российской Федерации, предполагающие необходимость соразмерности и справедливого баланса ограничений.

Цель настоящей статьи состоит в обосновании четырехрежимной модели дифференциации последствий банкротства гражданина, позволяющей связать интенсивность ограничений, условия освобождения от обязательств и возможность последующего смягчения последствий со степенью добросовестности должника и характером выявленных нарушений. Такая модель не подменяет действующие нормы закона, но задает конституционно ориентированный способ их толкования и дальнейшего совершенствования.

Добросовестность как конституционный фильтр реабилитации

Добросовестность в банкротстве гражданина не может пониматься только как общегражданская категория поведения участника оборота. В рамках процедуры она приобретает конституционно значимое содержание, поскольку определяет доступ гражданина к реабилитационному результату и одновременно служит условием защиты имущественных интересов кредиторов. Именно через критерий добросовестности проводится граница между социально оправданным освобождением от долгов и недопустимым использованием банкротства как инструмента уклонения от исполнения обязательств.

Исходной должна оставаться презумпция добросовестности. Она вытекает из общего принципа гражданского законодательства, а в конституционно-процессуальном измерении связана с правовой определенностью и запретом фактической презумпции виновности должника. Само наличие непогашенной задолженности, низкий уровень дохода, отсутствие имущества или обращение за процедурой банкротства не свидетельствуют о злоупотреблении. Оцениваться должно не финансовое неблагополучие как таковое, а юридически значимое поведение должника до процедуры и в ходе ее проведения.

Для целей дифференциации последствий добросовестность должна раскрываться через систему объективных и субъективных индикаторов. К объективным индикаторам относятся полнота раскрытия сведений об имуществе и обязательствах, предоставление документов, взаимодействие с финансовым управляющим и судом, экономическая

объяснимость сделок, отсутствие признаков сокрытия активов. К субъективным индикаторам относятся направленность поведения, наличие умысла на причинение вреда кредиторам, сознательное принятие обязательств при очевидной невозможности их исполнения, фиктивное или притворное поведение, использование процессуальных инструментов для затягивания дела.

Такое понимание добросовестности позволяет избежать двух крайностей. Первая состоит в чрезмерной защите должника, когда освобождение от обязательств предоставляется независимо от характера поведения и ущерба кредиторам. Вторая состоит в чрезмерной санкционности, когда любое процедурное нарушение, неполнота документов или спорность объяснений автоматически трактуются как недобросовестность. Конституционно корректным является промежуточный подход, при котором последствия процедуры градуируются в зависимости от тяжести и доказанности нарушения.

Недостаточность бинарной модели последствий

Дихотомическая конструкция, предполагающая выбор между тотальным освобождением гражданина-должника от исполнения обязательств и категорическим отказом в таковом, обладает несомненными процессуальными преимуществами с позиции формальной определенности и упрощения правоприменительной практики. Однако, как показывает доктринальный анализ, данная модель обнаруживает концептуальную недостаточность применительно к конституционно значимой сфере банкротства физических лиц, где баланс частных и публичных интересов требует более тонкой юридической инструментовки.

Указанная бинарность нивелирует содержательные различия между разнородными типами девиантного поведения должника – ошибочными действиями, предпринимательским риском, неосмотрительностью, недобросовестностью и злоупотреблением правом в его крайних формах. Отсутствие градации последствий ставит суд перед жесткой альтернативой, что неизбежно гипертрафирует роль судейского усмотрения и одновременно снижает уровень правовой определенности и предсказуемости судебных актов, что вступает в противоречие с принципами верховенства права и правовой безопасности.

Особую уязвимость рассматриваемая модель демонстрирует в горле дел, где установлены лишь отдельные эпизоды нарушения должником обязанности по сотрудничеству с финансовым управляющим, однако отсутствуют бесспорные доказательства умышленной направленности его действий на причинение вреда имущественным интересам кредиторов. К числу таких обстоятельств относятся: несвоевременное представление части истребуемых документов, противоречивость устных объяснений относительно целевого расходования денежных средств, а также совершение экономически рискованных сделок в преддверии банкротства. Сами по себе данные факты не образуют квалифицированного состава злоупотребления, однако в условиях неградуированной шкалы правовых последствий суд вынужден придавать им определяющее значение, что ведет к формированию чрезмерно репрессивных выводов о недобросовестности должника.

Симметричная проблема возникает в противоположной группе дел, характеризующейся системным выводом ликвидных активов, фиктивным отчуждением имущественных прав, сокрытием доходов, искусственным формированием подконтрольной кредиторской задолженности либо процессуальными действиями, бесспорно направленными на воспрепятствование формированию конкурсной массы. В подобных ситуациях недифференцированное применение реабилитационной презумпции не только нивелирует обеспечительную функцию института несостоятельности, но и приводит к нарушению конституционно гарантированного права собственности кредиторов (ст. 35 Конституции РФ). Таким образом, ключевая задача видится не в декриминализации ответственности должника, а в ее конституционно оправданной градации, соразмерной характеру и степени общественной опасности допущенных нарушений.

Эмпирическая верификация, основанная на авторской аналитической выборке судебных актов по делам о банкротстве граждан, подтверждает, что вопрос о добросовестности поведения должника далеко не всегда становится самостоятельным объектом судебного исследования. В значительной части рассматриваемых дел судебная процедура сводится к формальной констатации наличия или отсутствия имущества, оспариванию сделок по формальным основаниям либо иным стандартным процессуальным действиям, тогда как поведенческие аспекты должника не подвергаются квалификации через унифицированную систему индикаторов. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в отсутствие управляемой модели дифференциации и легализованных критериев разграничения степеней виновного поведения суд лишен методологического инструментария для соотнесения фактических обстоятельств дела с конкретным уровнем право-

вых последствий, что обуславливает необходимость нормативного закрепления градуированной шкалы освобождения от обязательств как элемента конституционно-правовой доктрины соразмерности в сфере несостоятельности.

Четырехрежимная модель дифференциации последствий

Для преодоления указанных дефектов предлагается четырехрежимная модель, основанная на связи между степенью добросовестности, характером нарушения и интенсивностью последствий. Ее смысл состоит не в создании новых категорий вместо норм закона, а в операционализации уже существующих конституционных требований соразмерности, правовой определенности и индивидуализации.

Первый режим является реабилитационным и применяется к добросовестному должнику. Для него характерны социально или экономически объяснимая неплатежеспособность, полное или разумно достаточное раскрытие сведений, отсутствие признаков вывода активов, сотрудничество с финансовым управляющим и судом. В таком случае освобождение от обязательств должно рассматриваться как нормальный итог процедуры, а ограничения должны сохраняться только в объеме, необходимом для достижения целей банкротства.

Второй режим можно обозначить как условно-реабилитационный. Он относится к должнику с сомнительным поведением, когда имеются отдельные нарушения, противоречивые сведения, неполнота документов или рискованные сделки, но не доказан умысел на причинение вреда кредиторам и не установлено существенное искажение целей процедуры. Для такого должника оправдано сохранение возможности освобождения от обязательств при устранении нарушений, предоставлении дополнительных документов, возврате спорного имущества или денежного эквивалента, а также при выполнении плана реструктуризации.

Третий режим является охранительным. Он применяется к недобросовестному должнику, действия которого существенно нарушили права кредиторов или нарушили нормальное течение процедуры. К таким действиям относятся сокрытие имущества, фиктивные сделки, необоснованное предпочтение отдельных кредиторов, умышленное непредоставление значимых сведений, создание искусственной задолженности. В этом режиме допустим отказ в освобождении от обязательств либо освобождение в ограниченном объеме, если закон и обстоятельства дела позволяют индивидуализировать последствия.

Четвертый режим является санкционно-охранительным. Он применяется к должнику со злоупотреблением высокой степени, когда поведение носит системный, сознательный и вредоносный характер. Речь идет о повторности нарушений, конвертации активов, использовании подставных лиц, умышленном игнорировании требований суда, манипулировании процессом, создании фиктивной конкурсной картины. В этом случае отказ в освобождении от обязательств и наиболее интенсивные ограничения являются конституционно оправданными, если они мотивированы и не затрагивают недопустимым образом конституционное ядро прав личности (табл. 4)

Таблица 1. Классификация правовых режимов банкротства в зависимости от категории должника

Режим	Категория должника	Ключевые признаки	Основные последствия
Реабилитационный	Добросовестный должник	Раскрытие сведений, сотрудничество, отсутствие злоупотреблений	Освобождение от обязательств, минимизация ограничений, приоритет реабилитации
Условно-реабилитационный	Должник с сомнительным поведением	Отдельные нарушения без доказанного умысла и существенного вреда	Устранение нарушений, дополнительные ограничения, возможность освобождения
Охранительный	Недобросовестный должник	Существенные нарушения, вред кредиторам, искажение целей процедуры	Отказ в освобождении либо ограниченное освобождение, усиленный контроль
Санкционно-охранительный	Должник со злоупотреблением высокой степени	Системность, умысел, сокрытие активов, процессуальные манипуляции	Отказ в освобождении, максимальная интенсивность допустимых ограничений

Предложенная классификация сохраняет пространство для судебной оценки. Она не превращает категории в механические ярлыки, а задает ориентиры для мотивированного решения. Суд должен устанавливать не только наличие нарушения, но и его степень, причинную

связь с ущербом кредиторам или искажением целей процедуры, а также возможность менее обременительного реагирования.

Стандарт доказывания и процессуальная форма категоризации

Дифференциация последствий невозможна без ясного стандарта доказывания.

Применение судом более строгого режима правовых последствий в деле о банкротстве гражданина объективно влечет усиление ограничений его правового статуса и нивелирование реабилитационного эффекта процедуры, что детерминирует необходимость построения доказательственной модели с учетом высокой цены судебной ошибки и конституционного принципа соразмерности. В этой связи базовым процессуальным правилом выступает распределение бремени доказывания: обязанность по представлению убедительных доказательств недобросовестности должника возлагается на лицо, ссылающееся на соответствующие обстоятельства, – кредитора, финансового управляющего, уполномоченный орган или иного участника дела, тогда как должник, безусловно обязанный раскрывать значимые сведения и активно содействовать процедуре, не должен нести полноценного бремени доказывания собственной добросовестности в отношении каждого аспекта своего финансового поведения, поскольку возложение на него такой обязанности в полном объеме фактически означало бы недопустимую инверсию презумпции добросовестности и подмену исключительного характера оснований для отказа в освобождении от обязательств.

Для перехода от реабилитационного режима к условно-реабилитационному достаточно совокупности данных, указывающих на неясность поведения должника, при условии, что суд предоставляет ему возможность устранить противоречия. Однако для перехода к охранительному и санкционно-охранительному режимам требуется повышенный стандарт доказанности. Недобросовестность не может выводиться из предположений, единичных технических ошибок, недостаточной юридической грамотности или формального несоответствия документов, если отсутствует существенный вред кредиторам либо доказанное искажение целей процедуры.

Процессуально квалификация поведения должника должна быть выражена в судебном акте с указанием конкретных фактов и их правового значения. Судебный акт должен отвечать на несколько вопросов. Какие действия должника признаны установленными. Почему они указывают именно на соответствующую степень недобросовестности. Как эти действия повлияли на права кредиторов или ход процедуры. Почему выбранные последствия являются необходимыми и соразмерными. Были ли возможны менее обременительные меры.

Такая процессуальная форма важна не только для защиты должника, но и для кредиторов. Она позволяет кредитору понимать, какой доказательственный материал необходим для опровержения презумпции добросовестности, а также снижает риск отмены судебных актов из-за неполноты мотивировки. Тем самым четырехрежимная модель работает как инструмент правовой определенности для всех участников дела.

Дифференцированные последствия и пределы отказа в освобождении от обязательств

Ключевым последствием банкротства гражданина является освобождение от обязательств. Именно вокруг него концентрируется конфликт между реабилитационной функцией процедуры и защитой прав кредиторов. В предлагаемой модели отказ в освобождении не рассматривается как обычная реакция на любое нарушение. Он допустим только тогда, когда установлено существенное недобросовестное поведение, находящееся в причинной связи с нарушением прав кредиторов или с искажением целей процедуры.

Для добросовестного должника освобождение от обязательств должно быть основным результатом банкротства. Постпроцедурные ограничения в этом случае сохраняют только информационно-предупредительное и дисциплинирующее значение. Они не должны превращаться в долговременную стигматизацию, препятствующую восстановлению экономической самостоятельности.

Для должника с сомнительным поведением целесообразен режим условной реабилитации. Он позволяет суду не прибегать немедленно к отказу в освобождении, а использовать корректирующие меры. Такими мерами могут быть предоставление дополнительных документов, устранение неполноты сведений, возврат полученного имущества, компенсация вреда конкурсной массе, выполнение реструктуризационного плана. Конституционная ценность такого подхода состоит в том, что он не разрушает реабилитационный потенциал процедуры при отсутствии доказанного злоупотребления высокой степени.

Досрочное смягчение постпроцедурных ограничений

Постпроцедурные ограничения в российском законодательстве о банкротстве граждан, построенные по формально-временному принципу (обязанность информировать кредиторов о факте банкротства, запрет на повторное обращение за реабилитацией в течение установленного срока, ограничения на занятие руководящих должностей), преследуют легитимные цели защиты оборота и превенции злоупотреблений, однако их унифицированная длительность для всех категорий должников без учета степени добросовестности и реального восстановления экономической дисциплины порождает конституционно-правовые сомнения в соразмерности, поскольку в случаях устойчиво добросовестного поведения, надлежащего исполнения всех процедурных обязанностей и отсутствия новых нарушений дальнейшее сохранение этих ограничений перестает отвечать своей целевой обоснованности, что обосновывает необходимость введения механизма досрочного смягчения или снятия последствий – не как дискреционной льготы, а как процессуальной гарантии, вытекающей из принципа необходимости и временного характера публично-правовых ограничений, утрачивающих силу при отпадении охраняемых законом оснований их применения.

Такой механизм не должен быть автоматическим. Он требует судебной процедуры, уведомления заинтересованных лиц, оценки поведения должника после завершения дела, проверки отсутствия новых злоупотреблений и учета позиции кредиторов. Однако сама возможность индивидуализированного смягчения усилила бы стимулирующую функцию банкротства и сделала бы постпроцедурные последствия более конституционно сбалансированными.

В законодательном плане такая идея может быть реализована через дополнение статьи 213.30 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» правилом о возможности досрочного прекращения отдельных постпроцедурных ограничений по ходатайству гражданина при подтверждении добросовестного поведения и достижении цели соответствующей меры. В судебной практике до внесения изменений аналогичная логика может использоваться как ориентир при оценке соразмерности последствий и при формировании мотивировки.

Значение модели для законодательства и судебной практики

Четырехрежимная модель имеет прикладное значение в двух направлениях. Первое направление связано с судебной практикой. Суды могли бы использовать ее как структуру мотивировки при разрешении вопросов об освобождении от обязательств, о применении последствий недобросовестности, об оспаривании сделок, о постпроцедурных ограничениях и о возможности более мягкого реагирования. Такая структура не требует радикального изменения процессуальной формы дела, но позволяет сделать судебный акт более проверяемым.

Второе направление связано с законодательством. Наиболее оправданной представляется точечная корректировка главы X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Во-первых, статью 213.28 целесообразно дополнить положением о том, что отказ в освобождении гражданина от обязательств допустим при установлении существенного недобросовестного поведения, имеющего причинную связь с нарушением прав кредиторов или искажением целей процедуры. Во-вторых, статью 213.30 можно дополнить механизмом досрочного снятия части постпроцедурных ограничений при подтвержденной добросовестности и отсутствии сохраняющегося риска.

Указанные изменения не подрывают права кредиторов. Напротив, они делают защиту кредиторов более адресной и доказательной. Кредитор получает не декларативную возможность ссылаться на недобросовестность должника, а понятную систему индикаторов, стандарт доказывания и прогнозируемый набор последствий. Должник, в свою очередь, получает более ясное понимание того, какое поведение ведет к реабилитации, а какое – к отказу в освобождении от обязательств.

В более широком конституционно-правовом смысле предлагаемая модель позволяет согласовать три задачи института банкротства граждан. Первая задача состоит в предоставлении добросовестному должнику реального второго шанса. Вторая задача заключается в защите кредиторов от злоупотреблений и искусственного вывода активов. Третья задача связана с поддержанием доверия к процедуре как к правовому, а не произвольному механизму разрешения долгового кризиса.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, одинаковое применение последствий банкротства к различным типам должников не соответствует конституционным требованиям соразмерности и справедливого баланса. Добросовестный должник,

должник с отдельными сомнительными действиями, недобросовестный должник и должник со злоупотреблением высокой степени нуждаются в различном правовом реагировании.

Во-вторых, добросовестность должна выступать не оценочной характеристикой личности, а проверяемым юридическим стандартом, включающим объективные и субъективные индикаторы поведения. Недобросовестность не может презюмироваться из самого факта задолженности, неплатежеспособности или обращения за процедурой банкротства.

В-третьих, предлагаемая четырехрежимная модель позволяет соединить предсказуемость и индивидуализацию. Реабилитационный, условно-реабилитационный, охранительный и санкционно-охранительный режимы обеспечивают градуированную связь между поведением должника, стандартом доказывания и интенсивностью последствий.

В-четвертых, отказ в освобождении от обязательств должен рассматриваться как исключительная мера, допустимая при существенном недобросовестном поведении и наличии связи между нарушением и вредом кредиторам либо искажением целей процедуры. Формальные нарушения и единичные ошибки без существенного вреда не должны автоматически влечь столь тяжелый результат.

В-пятых, развитие модели требует как судебной операционализации через стандарт мотивировки, так и точечных законодательных изменений, направленных на уточнение статьи 213.28 и статьи 213.30 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Такая корректировка позволила бы укрепить реабилитационную функцию банкротства граждан, не ослабляя защиту кредиторов от реальных злоупотреблений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2005 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 3. Ст. 335.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апр. 2021 г. № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 21. Ст. 3706.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апр. 2022 г. № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 17. Ст. 2916.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2024 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 13. Ст. 1799.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 окт. 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 12.

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 дек. 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 3.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 дек. 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 2.

12. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г. // СПС КонсультантПлюс.

13. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2000.

14. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незаблупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002.

15. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом: теоретико-правовое исследование. М.: Юрлитинформ, 2007.

16. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008.

17. Карелина С.А. Злоупотребление правом в сфере несостоятельности (банкротства) // Закон. 2020. № 1. С. 93–105.

18. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие. 2-е изд. М.: Проспект, 2016.

19. Шевченко И.М. Правовое регулирование банкротства граждан: проблемы теории и практики. М.: Проспект, 2016.

20. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

21. Ramsay I. Personal Insolvency in the 21st Century: A Comparative and Empirical Study. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2017.

22. Tabb C.J. The Law of Bankruptcy. 4th ed. St. Paul: Foundation Press, 2016.

A FOUR-REGIME MODEL FOR DIFFERENTIATING THE CONSEQUENCES OF A CITIZEN'S BANKRUPTCY: GOOD FAITH, ABUSE OF RIGHTS, AND LIMITS OF REFUSAL TO RELEASE FROM OBLIGATIONS

Budakov T.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article substantiates a four-regime model for differentiating the consequences of personal bankruptcy based on constitutionally significant criteria of good faith, the degree of breach of the debtor's procedural duties, and the nature of harm caused to creditors or to the bankruptcy procedure itself. The author argues that the uniform application of bankruptcy consequences to a bona fide debtor, a debtor with doubtful conduct, and a debtor who has abused rights does not meet the requirements of proportionality, legal certainty, and fair balance. The article proposes four regimes: rehabilitative, conditionally rehabilitative, protective, and sanction-protective. Each regime is linked to verifiable behavioral indicators, standards of proof, and the permissible intensity of restrictions. Special attention is paid to the limits of denial of discharge, the inadmissibility of a presumption of bad faith, and the possibility of early mitigation of certain post-bankruptcy restrictions once their purpose has been achieved. The author concludes that these guidelines should be developed in judicial practice and reflected through targeted amendments to Chapter X of the Federal Law on Insolvency.

Keywords: personal bankruptcy; insolvency; debtor good faith; abuse of rights; discharge; differentiation of consequences; proportionality; legal certainty; constitutional rights; rehabilitative function of bankruptcy.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, taking into account the amendments introduced by the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated July 1, 2020 No. 11-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Art. 1416.

2. On insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

3. The Civil Code of the Russian Federation, Part one: Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

4. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law No. 95-FZ of July 24, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 19, 2005 No. 12-P // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 3. Article 335.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 15-P dated April 26, 2021 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 21. Art. 3706.

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 14, 2022 No. 15-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 17. Art. 2916.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 19, 2024 No. 11-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 13. Article 1799.

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 13, 2015 No. 45 "On some issues related to the implementation of procedures applied in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No.

12.10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2018 No. 48 "On some issues related to the specifics of the formation and distribution of bankruptcy estate in Bankruptcy cases of citizens" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 3.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2024 No. 40 "On certain issues related to the implementation of procedures applied in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. No. 2.

12. Review of judicial practice in cases of bankruptcy of citizens: approved by By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025 // SPS ConsultantPlus.

13. Gribanov V.P. Implementation and protection of civil rights. 2nd ed., ster. M.: Statute, 2000.

14. Yemelyanov V.I. Reasonableness, good faith, and non-abuse of civil rights. Moscow: Lex-Kniga, 2002.

15. Malinovsky A.A. Abuse of subjective law: a theoretical and legal study. Moscow: YurLitinform, 2007.

16. Karelina S.A. Mechanism of legal regulation of insolvency relations. Moscow: Walters Club, 2008.

17 Karelina S.A. Abuse of law in the field of insolvency (bankruptcy) // Law. 2020. No. 1. Pp. 93–105.

18. Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal regulation: a scientific and practical guide. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ., 2016.

19. Shevchenko I.M. Legal regulation of bankruptcy of citizens: problems of theory and practice. Moscow: Prospekt, 2016.

20. Yudin A.V. Abuse of procedural rights in civil proceedings. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2005.

21. Ramsay I. Personal Instability in the 21st Century: A Comparative and Empirical Study. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2017.

22. Tabb C.J. The Law of Bankruptcy. 4th ed. St. Paul: Foundation Press, 2016.

Воронцов Егор Артёмович,

аспирант кафедры Интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: gladius.ej@yandex.ru

В статье исследуются проблемы формирования международной системы патентования селекционных достижений в условиях сосуществования разнородных правовых режимов охраны результатов селекционной деятельности. Автором проводится анализ существующих препятствий к созданию единой международной системы патентования, связанных, в частности, с возможностью предоставления правовой охраны селекционным достижениям в различных странах, способами такой охраны, а также территориальными ограничениями и фрагментацией международного регулирования в рассматриваемой сфере. На основе проведенного исследования сформулирован обоснованный вывод о необходимости постепенной гармонизации мировых подходов к обеспечению правовой охраны результатов селекционной деятельности, в том числе путем совершенствования системы УПОВ и унификации понятийно-категориального аппарата.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, селекционные достижения, международное патентование, правовая охрана, система УПОВ, сорта растений, породы животных, *sui generis*.

Глобализация аграрных рынков и трансграничный оборот семенного и племенного материала превратили результаты селекционной деятельности в один из наиболее ценных активов современной экономики. Семена сортов растений и племенной материал пород животных свободно перемещаются между государствами, тогда как правовые режимы их охраны остаются строго национальными и территориально ограниченными. Данное обстоятельство приводит к тому, что селекционер, вложивший в выведение нового сорта годы труда и значительные средства, ограничен в возможности получения охраны результата интеллектуальной деятельности и вынужден тщательно выбирать страны предполагаемого использования результата. Это противоречие между экономически единым мировым рынком и разрозненной правовой охраной результатов селекционной деятельности закономерно порождает идею о создании международной системы патентования селекционных достижений по аналогии с успешно функционирующими системами в сфере объектов патентных прав.

Вместе с тем сама постановка вопроса сталкивается с фундаментальной проблемой: понятие «селекционное достижение» является продуктом советской и российской правовой традиции и носит родовой характер по отношению к сортам растений и породам животных, тогда как зарубежным правовым порядкам, не представляющим постсоветское пространство, единое обобщающее понятие неизвестно. За рубежом новые сорта растений и породы животных традиционно рассматриваются отдельно и охраняются разными способами либо не охраняются вовсе. Уже на этом этапе обнаруживается, что международная унификация требует не только согласования процедур, но и предварительного достижения консенсуса о самом объекте правовой охраны.

Таким образом, первая и наиболее глубокая проблема связана с отсутствием единства в понятийно-категориальном аппарате. Любая международная система охраны предполагает согласованное определение охраняемого объекта, однако в рассматриваемой сфере на сегодняшний день такого согласия не существует.

Российское право оперирует родовым понятием «селекционное достижение», которое в силу статьи 1408 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) охватывает сорта растений и породы животных, зарегистрированные в Государственном реестре охраняемых селекционных достижений. Как верно отмечает Р.М. Дудургов, отечественному правовому порядку известно сразу несколько вариантов понятий «селекционное достижение»: селекционные достижения, отвечающие критериям охраноспособности, но (еще или по каким-либо причинам) не прошедшие государственного испытания (апробации) и не защищенные патентом, охраняемые селекционные достижения, а также охраняемые селекционные достижения, допущенные к использованию [2, с. 18]. Более того, в отечественной доктрине высказывались предложения расширить данный перечень, дополнив сорта растений и породы животных штаммами микроорганизмов и культурами клеток растений и животных [4, с. 61], что при законодательном закреплении отделило бы российский подход от зарубежных практик.

За рубежом базовым и наиболее распространенным объектом охраны выступает не «селекционное достижение», а «новый сорт растений» (*new plant variety*). Согласно Международной конвенции по охране новых сортов растений (далее – УПОВ), сорт определяется как группа растений в пределах одного ботанического таксона низшего известного ранга, которая может быть определена по выражению признаков, вытекающих из данного генотипа или комбинации генотипов. Как справедливо указывает L.R. Helfer, это определение является намеренно широким и оставляет государствам-участникам значительную свободу в формировании перечня охраняемых объектов [8, с. 21]. Породы животных при этом, как правило, не охватываются специальными режимами охраны сортов. В большинстве правовых порядков они либо вовсе исключены из охраны, либо защищаются лишь косвенно – через патенты на способы и генетические конструкции. В то же время само понятие «порода», как подчеркивает H. Eding, имеет скорее культурное, нежели строго биологическое или техническое содержание [6, с. 4], что делает его малоприменимым для целей патентования.

Не менее существенно расхождение в представлениях о критериях охраноспособности. Традиционно патентование возможно в отношении только тех технических решений, которые обладают новизной, изобретательским уровнем и промышленной применимостью. Одна-

ко живая, самовоспроизводящаяся материя плохо укладывается в эти критерии. Еще В.А. Дозорцев указывал, что ключевым условием признания решения изобретением является возможность его неоднократного воспроизведения, что неприменимо к новым сортам растений и породам животных в силу сильной зависимости их развития от факторов среды [1, с. 39].

Система УПОВ выработала собственный, отличный от патентного набор критериев охраноспособности результатов селекционной деятельности: новизна, отличимость, однородность и стабильность. Несовпадение критериев, по которым предоставляется правовая охрана, является не техническим, а концептуальным препятствием: построение единой системы именно патентования (а не охраны *sui generis*) потребовало бы либо отказа от классических признаков патентования, либо искусственного приспособления к ним биологических объектов. Таким образом, отсутствие согласованного объекта и критериев его охраны образует первичный барьер, без преодоления которого дальнейшая унификация процедур лишена основания.

Центральное место в рассматриваемой проблематике занимает закрепленное на международном уровне разнообразие способов правовой охраны. Статья 27(3)(b) Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС) разрешает членам Всемирной торговой организации исключать растения и животных из числа патентоспособных объектов, однако обязывает обеспечивать охрану сортов растений либо патентами, либо эффективной особой (*sui generis*) системой, либо их сочетанием. Эта норма, явившаяся результатом компромисса между развитыми и развивающимися странами, по существу узаконила правовую раздробленность: каждое государство вправе выбрать собственную модель. Именно эта гибкость, обеспечившая принятие ТРИПС, одновременно стала источником структурной сложности создания единой системы патентования селекционных достижений.

На сегодняшний день доминирующей моделью правовой охраны выступает система *sui generis* УПОВ, которая к 2025 году объединила 80 участников – как отдельных государств, так и международных организаций. Однако право селекционера, предоставляемое в рамках УПОВ, по своей природе не является исключительным правом, удостоверяемым патентом: оно сопровождается различными изъятиями в пользу фермеров и других селекционеров («фермерская привилегия» и «исследовательское изъятие»), которые принципиально чужды патентной монополии. Сосуществование двух разнородных режимов – условно: патентного и «сортного» – в рамках одной международной системы порождает риск конфликта объемов прав и условий их ограничения, на что, в частности, обращают внимание N. Louwaars и соавторы [10, с. 2].

Наиболее наглядно расхождение моделей проявляется при сопоставлении правовых порядков США и Европейского союза. В Соединенных Штатах сложилась уникальная система правовой охраны: Закон о патентах на сорт 1930 года защищает вегетативно размножаемые сорта, Закон об охране сортов растений 1970 года вводит охрану *sui generis* в духе УПОВ для семенных культур, а после решения Верховного суда по делу *Diamond v. Chakrabarty* 1980 года, признавшего патентоспособность живых организмов, стало возможным получение и обычных патентов.

В деле *J.E.M. Ag Supply v. Pioneer Hi-Bred* 2001 года Верховный суд США прямо подтвердил, что растения могут охраняться одновременно несколькими режимами, которые не исключают друг друга. Тем самым американское право демонстрирует наиболее широкий подход, при котором селекционные результаты получают полноценную правовую охрану.

Европейский союз придерживается противоположной логики. Статья 53(b) Европейской патентной конвенции исключает возможность патентования сортов растений и пород животных, а также по существу и биологических способов их получения. Охрана сортов обеспечивается специальным Регламентом № 2100/94, учредившим единое право Сообщества на сорта растений с централизованной выдачей через Бюро Сообщества по сортам растений (CPVO). При этом Директива 98/44/ЕС допускает патентование биотехнологических изобретений, относящихся к растениям, лишь при условии, что их техническая осуществимость не ограничена конкретным сортом.

Запрет двойной охраны одного и того же сорта одновременно патентом и правом на сорт закреплен в законодательстве ряда государств-членов. Как отмечали P.T. Vanhala, T. Pehu и H.G. Gyllenberg еще в конце 1980-х годов, исключение сортов и пород из числа патентоспособных объектов объяснялось отсутствием у них четкого определения, опирающегося на отличимость, однородность и стабильность [14, с. 406].

Сложившееся противостояние двух влиятельных правовых порядков – «патентного» американского и «сортного» европейского – представляет собой глубокую линию разлома, делающую создание единой патентной системы в сфере селекции затруднительным, а также снижающую эффективность защиты инноваций [13, с. 2].

Третья проблема связана с тем, что даже там, где патентная охрана биологических объектов в принципе допускается, ее границы определяются по-разному и остаются нестабильными. Исторически в США биологические объекты рассматривались как «продукты природы» и не подлежали патентованию, а перелом в данной области наступил лишь с ростом объемов селекционной деятельности и развитием биотехнологий [7, с. 1]. В Европе сдерживающими факторами выступают оговорки о публичном порядке и морали, а также исключение по существу биологических способов получения растений и животных.

Особенно показательна эволюция практики Европейского патентного ведомства. В решениях G 2/12 («Tomatoes II») и G 2/13 («Brucoli II») 2015 года Расширенная апелляционная палата допустила патентные притязания на продукты (растения), полученные, по существу, биологическими способами. Однако после введения в 2017 году правила 28(2) Европейской патентной конвенции, толкующего статью 53(b) расширительно, та же палата в решении G 3/19 («Perreg») от 14 мая 2020 года пришла к противоположному выводу: растения и животные, полученные исключительно биологическими способами, патентованию не подлежат. Этот разворот, не имеющий, впрочем, обратной силы для заявок с приоритетом до 1 июля 2017 года, ярко иллюстрирует, что граница патентоспособности нестабильна даже в пределах одной региональной системы, и тем более не может считаться согласованной на международном уровне.

Контрастом служит подход США, где после дела *Chakrabarty* живые организмы признаются патентоспособными, хотя более поздняя практика (дела *Mayo* и *Myriad*) ограничила патентование природных нуклеотидных последовательностей. Еще более противоречива ситуация с породами животных. R.P. Merges указывал, что осторожность научного сообщества в отношении их патентования была продиктована опасениями экологического, генетического и этического характера [11, с. 1056], а M.F. Rothschild отмечал особую сложность патентования генетических нововведений именно в животноводстве [12, с. 4]. Известная «онкомышь» (*Harvard oncomouse*) была запатентована в США, при этом патентование в Европе и Канаде столкнулось с серьезными ограничениями. В результате один и тот же биологический объект может оказаться патентоспособным в одной юрисдикции и полностью исключенным из охраны в другой, что делает невозможным взаимное признание охранных документов – необходимую предпосылку любой международной системы.

Четвертая проблема имеет институциональный характер. Патентное право построено на принципе территориальности: единого «мирового патента» не существует, а действие охранного документа ограничено территорией выдавшего его государства. Договор о патентной кооперации (РСТ) 1970 года унифицирует лишь процедуры подачи, поиска и предварительной экспертизы заявок, но не выдачу патентов и, что особенно важно, распространяется на изобретения, а не на сорта растений. Безусловно, в ряде международных организациях допускается выдача «международного» патента, однако такая выдача возможна исключительно в рамках строго определенной территории.

Сама УПОВ также не является органом, выдающим единый международный охранный документ селекционеру: каждый ее член предоставляет охрану самостоятельно по национальной процедуре.

Дополнительную фрагментацию вносят узкоспециализированные международные акты. Будапештский договор 1977 года унифицировал только депонирование микроорганизмов для целей патентной процедуры и не затрагивает сорта и породы.

Следует обратить внимание на «стык» режима интеллектуальной собственности и режима охраны биоразнообразия: Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года и Нагойский протокол 2010 года закрепили суверенитет государств над генетическими ресурсами, а также требованиями предварительного обоснованного согласия и справедливого распределения выгод, что вступает в противоречие со свободным патентованием результатов, полученных на основе таких ресурсов. Международный договор ФАО о генетических ресурсах растений 2001 года, в свою очередь, провозглашает права фермеров, которые с трудом согласуются с расширением исключительных прав селекционеров. Климатические и природоохранные соображения, как отмечает I. Hoffmann, дополнительно усложняют унификацию подходов к охране генетических ресурсов животных [9, с. 32].

Российский законодатель именует охранный документ «патентом на селекционное достижение» (статья 1413 ГК РФ), однако по своей юридической природе это право *sui generis* в духе УПОВ, а не патент

на объект патентных прав. Россия присоединилась к УПОВ в 1997 году и является участником Акта 1991 года. Ранее действовавший Закон РФ «О селекционных достижениях» 1993 года был заменен положениями главы 73 части четвертой ГК РФ. Как подчеркивает В.И. Еременко, прямого определения селекционного достижения ГК РФ не содержит, и оно выводится логическим путем через перечень объектов и условия охраноспособности [3, с. 10].

Подобные терминологические расхождения наряду с отсутствием единого международного органа делают институциональную интеграцию задачей крайне высокой сложности.

Наконец, стремительное развитие биотехнологий не сближает, а скорее усугубляет существующие расхождения. Технологии направленного редактирования генома (CRISPR) поставили вопрос о квалификации полученных растений: являются ли они генетически модифицированными организмами, патентоспособными изобретениями или «сортами» в смысле УПОВ. Ответ различается по юрисдикциям: в США и Японии регулирование отредактированных растений сравнительно либерально, тогда как в Европейском союзе после решения Суда ЕС 2018 года по делу о мутагенезе (C-528/16) такие организмы по общему правилу подпадают под строгий режим ГМО, хотя в настоящее время обсуждается смягчение подхода к новым геномным технологиям.

С точки зрения анализа российской практики О.Ф. Оноприенко справедливо обращает внимание на то, что современная охрана осложняется и проблемой генетически модифицированных результатов, природа которых сочетает в себе разнородные элементы [5, с. 4]. Эти расхождения непосредственно отражаются на патентоспособности и объеме охраны.

Параллельно идет конвергенция систем *sui generis* в сторону усиления прав селекционеров. Показателен прогрессивный опыт Китая: реформа Закона о семенах, вступившая в силу 1 марта 2022 года, ввела систему производных сортов (EDV), распространила охрану на собранный материал и существенно увеличила размер компенсации за нарушение. При этом Китай, формально не присоединившись к Акту УПОВ 1991 года, фактически воспринял его ключевые положения.

W. Zhang и X. Chen предлагают рассматривать новую породу животных как самостоятельный охраняемый объект, обладающий новизной, самобытностью, единообразием и стабильностью [15, с. 5], что свидетельствует о расширении круга охраняемых биологических объектов. Япония, в свою очередь, в 2020 году ужесточила свой Закон о семенах и саженцах, ограничив вывоз зарегистрированных сортов за рубеж. Подобные национальные реформы повышают уровень охраны, но делают это разнонаправленно, увеличивая разнообразие мировых подходов.

Дополнительным вызовом выступает цифровизация: оборот цифровой информации о последовательностях (DSI) и синтетическая биология подрывают привязку охраны к физическому депонированию и территории конкретного государства. Определенным, хотя и скромным, шагом многосторонней гармонизации стал принятый 24 мая 2024 года Договор ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и связанных с ними традиционных знаниях, вводящий требование о раскрытии происхождения генетического ресурса в патентных заявках. Однако этот договор касается лишь патентов и раскрытия информации и не создает единого механизма выдачи охраны селекционных достижений.

В совокупности новые технологии не только упрощают, но и усложняют поиск единой модели, поскольку требуют согласования не процедур, а политико-правовых подходов государств.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о высокой актуальности и теоретической привлекательности идеи создания международной системы патентования селекционных достижений, поскольку с позиций правовой определенности и единства охраны она сталкивается с целым рядом взаимосвязанных проблем.

В сложившихся условиях самые разные модели правовой охраны селекционных достижений имеют ценность для ведения дискуссии в рассматриваемой сфере. Однако для «постройки» такой системы необходимо начать с постепенной гармонизации: укрепления и развития системы УПОВ, взаимного признания результатов экспертизы на отличимость, однородность и стабильность, распространения модельных законов, использования национального и регионального опыта государств и международных организаций, согласования режима интеллектуальной собственности с Конвенцией о биологическом разнообразии и Договором ФАО, а также дальнейшего развития многосторонних инструментов наподобие Договора ВОИС 2024 года.

Представляется вполне допустимым в целях формирования основ международной системы патентования результатов селекционной деятельности использовать отечественное родовое понятие «селекционное достижение», которое может выступить объединяющей катего-

рией на теоретическом уровне, однако его экспорт в международную плоскость осложнен отсутствием эквивалента в зарубежном праве.

Таким образом, поиск оптимальных подходов к международному взаимодействию государств в сфере охраны результатов селекционной деятельности приобретает все большую актуальность, оставаясь при этом одной из наиболее сложных задач современного права интеллектуальной собственности.

Литература

1. Дозорцев В.А. Охрана изобретений в СССР / Труды ЦНИИПИ. Изобретательское и патентное право. М.: ЦНИИПИ, 1967. 127 с.
2. Дудургов Р.М. Селекционные достижения как объект интеллектуальной собственности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2007. 28 с.
3. Еременко В.И. Сомнительные нововведения в области правовой охраны селекционных достижений // Биржа интеллектуальной собственности. 2007. Т. 6. № 5. С. 9–24.
4. Кузьмина Н.Г. Правовые проблемы совершенствования законодательства РФ о селекционной деятельности // Аграрное и земельное право. 2006. № 3. С. 59–63.
5. Оноприенко О.Ф. Объект охраны – селекционное достижение // Патенты и лицензии. 2010. № 12. С. 21–31.
6. Eding H. Editorial – A Breed Is a Breed If Enough People Say It Is // Globaldiv Newsletter. 2008. Vol. 4. P. 1–4.
7. Fuglie K.O., Klotz-Ingram C., Gill M. Intellectual Property Rights Encourage Private Investment in Plant Breeding // Choices. 1996. Vol. 11. № 1. P. 2.
8. Helfer L.R. Intellectual Property Rights in Plant Varieties // FAO Legal Papers Online. 2002. № 31. 114 p.
9. Hoffmann I. Climate Change and the Characterization, Breeding and Conservation of Animal Genetic Resources // Animal Genetics. 2010. Vol. 41. P. 32–46.
10. Louwaars N. et al. Breeding Business. The Future of Plant Breeding in the Light of Developments in Patent Rights and Plant Breeder's Rights. Wageningen: CGN, 2009. 64 p.
11. Merges R.P. Intellectual Property in Higher Life Forms: The Patent System and Controversial Technologies // Maryland Law Review. 1987. Vol. 47. P. 1051–1075.
12. Rothschild M.F. Patenting of Genetic Innovations in Animal Breeding // Proceedings of the 7th World Congress on Genetics Applied to Livestock Production. Montpellier, 2002. 9 p.
13. Smith S. Intellectual Property Protection for Plant Varieties in the 21st Century // Crop Science. 2008. Vol. 48. № 4. P. 1277–1290.
14. Vanhala P.T., Pehu T., Gyllenberg H.G. Legal Protection of Plant Biotechnological Inventions // Agricultural and Food Science. 1989. Vol. 61. № 5. P. 405–414.
15. Zhang W., Chen X. Intellectual Property Protection of New Animal Breeds in China: Theoretical Justification, International Comparison, and Institutional Construction // Animals. 2025. Vol. 15. № 16. 34 p.

PROBLEMS OF CREATING AN INTERNATIONAL SYSTEM FOR PATENTING SELECTION ACHIEVEMENTS

Vorontsov E.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the problems of developing an international system for patenting selection achievements in the context of coexisting heterogeneous legal regimes for the protection of breeding results. The author analyses the existing obstacles to creating a unified international patenting system, including, in particular, the possibilities for granting legal protection to selection achievements in various countries, the methods of such protection, as well as territorial restrictions and the fragmentation of international regulation in this area. Based on the conducted research, a well-substantiated conclusion is formulated on the need for a gradual harmonisation of global approaches to ensuring legal protection of breeding results, including through the improvement of the UPOV system and the unification of the conceptual and categorical framework.

Keywords: intellectual property, intellectual property rights, plant breeders' rights subject matter, international patenting, legal protection, UPOV system, plant varieties, animal breeds, *sui generis*.

References

1. Dozortsev V.A. Invention Protection in the USSR / Proceedings of the Central Research Institute of Plant Breeding. Inventive and Patent Law. Moscow: Central Research Institute of Plant Breeding, 1967. 127 p.
2. Dudurgov R.M. Breeding Achievements as an Object of Intellectual Property in the Russian Federation: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.03. Moscow, 2007. 28 p.
3. Eremenko V.I. Questionable Innovations in the Field of Legal Protection of Breeding Achievements // Intellectual Property Exchange. 2007. Vol. 6. No. 5. pp. 9–24.

4. Kuzmina N.G. Legal Issues of Improving the Legislation of the Russian Federation on Breeding Activities // *Agrarian and Land Law*. 2006. No. 3. Pp. 59–63.
5. Onoprienko O.F. Object of Protection – Selection Achievement // *Patents and Licenses*. 2010. No. 12. Pp. 21–31.
6. Eding H. Editorial – A Breed Is a Breed If Enough People Say It Is // *Globaldiv Newsletter*. 2008. Vol. 4. Pp. 1–4.
7. Fuglie K.O., Klotz-Ingram C., Gill M. Intellectual Property Rights Encourage Private Investment in Plant Breeding // *Choices*. 1996. Vol. 11. No. 1. Pp. 2.
8. Helfer L.R. Intellectual Property Rights in Plant Varieties // *FAO Legal Papers Online*. 2002. No. 31. 114 p.
9. Hoffmann I. Climate Change and the Characterization, Breeding and Conservation of Animal Genetic Resources // *Animal Genetics*. 2010. Vol. 41. P. 32–46.
10. Louwaars N. et al. Breeding Business. The Future of Plant Breeding in the Light of Developments in Patent Rights and Plant Breeder's Rights. Wageningen: CGN, 2009. 64 p.
11. Merges R.P. Intellectual Property in Higher Life Forms: The Patent System and Controversial Technologies // *Maryland Law Review*. 1987. Vol. 47. P. 1051–1075.
12. Rothschild M.F. Patenting of Genetic Innovations in Animal Breeding // *Proceedings of the 7th World Congress on Genetics Applied to Livestock Production*. Montpellier, 2002. 9 p.
13. Smith S. Intellectual Property Protection for Plant Varieties in the 21st Century // *Crop Science*. 2008. Vol. 48. No. 4. P. 1277–1290.
14. Vanhala P.T., Pehu T., Gyllenberg H.G. Legal Protection of Plant Biotechnological Inventions // *Agricultural and Food Science*. 1989. Vol. 61. No. 5. P. 405–414.
15. Zhang W., Chen X. Intellectual Property Protection of New Animal Breeds in China: Theoretical Justification, International Comparison, and Institutional Construction // *Animals*. 2025. Vol. 15. No. 16. 34 p.

Институт банкротства как пространство публичного интереса. Пределы прокурорского вмешательства в делах о несостоятельности

Герц Анастасия Михайловна,

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности МГЮА им. О.Е. Кутафина; прокурор отдела организационного управления прокуратуры Московской области

Автором предпринимается попытка по исследованию коллизии между надзорной природой прокуратуры и частноправовой сущностью института несостоятельности, которая предопределена историческим предназначением прокуратуры как органа, осуществляющего «крепкое хранение прав гражданских». В статье анализируется содержание публичного интереса в делах о банкротстве, рассматриваются правовые основания участия прокурора в арбитражном процессе по делам о несостоятельности, закрепленные в статье 52 АПК РФ, и выявляется коллизия между формальным предписанием закона, связывающим прокурорское вмешательство с защитой жилищных прав, и сложившейся правоприменительной практикой, допускающей участие прокурора в более широком круге дел.

Автором анализируются процессуальные ограничения статуса прокурора, на основании чего делается вывод о том, что прокурорское вмешательство преимущественно обеспечивает учет публичных аспектов спора.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), публичный интерес, прокурорская инициатива, арбитражный процесс, статья 52 АПК РФ, процессуальные ограничения, судебское усмотрение, пределы прокурорского вмешательства

Может ли институт, замышлявшийся Петром I как «око государево», предназначенное для «крепкого хранения прав гражданских» и осуществления не столько карательной, сколько предупредительной функции¹, органично вписаться в механизм имущественного перераспределения, составляющий ядро конкурсного производства, – или же само это историческое предназначение предопределяет неизбежную коллизию между надзорной природой прокуратуры и частноправовой сущностью института несостоятельности?

Вопрос об этой коллизии поднимается рядом отечественных авторов – так, например, его актуальность описывает А.С. Коротченко². Ответ на него отсылает к обращению к телеологии прокурорского надзора и, конечно, к анализу современной архитектуры банкротного процесса, в которой все более очерчиваются публичные начала. Слово «прокурор», образованное от латинского *procurare* (заботиться), в этимологическом значении несет в себе заботу о публичном интересе³. Но исторически сложилось так, что дела о несостоятельности долгое время оставались вотчиной частного права, куда прокурорский надзор если и проникал, то лишь в исключительных случаях и по специально оговоренным основаниям⁴.

Важно отметить, что эволюция процессуального законодательства все же имеет устойчивую тенденцию к расширению сферы прокурорского участия в банкротных делах, потому как перед правовой доктриной и правоприменительной практикой ставится куда более широкий вопрос, чем упомянутый выше, – вопрос о пределах такого вмешательства и его соотношении с судебским усмотрением.

Банкротство – категория, не имеющая легального определения и в доктрине традиционно раскрываемой через обеспечение законности, защиту прав неопределенного круга лиц и предотвращение угроз экономической безопасности. Публичный интерес в процедурах несостоятельности не сводится исключительно к фискальным интересам государства как одного из кредиторов; его содержание значительно шире и охватывает следующие элементы:

- обеспечение законности процедур;
- защиту прав работников должника;
- защиту прав должников;
- защиту прав членов семей;
- защиту прав контрагентов по социально значимым договорам;
- предотвращение угроз, связанных с выводом активов, преднамеренным и фиктивным банкротством⁵.

Именно эта множественность публичных начал, которые, по мнению А.П. Адурова, имплицитно присутствуют в каждом деле о несостоятельности⁶, превращает банкротный процесс из сугубо частноправового спора в такой спор, в котором пересекаются и конкурируют разнонаправленные интересы и в котором становится роль прокурора как защитника публичного интереса.

Правовые основания участия прокурора в арбитражном процессе по делам о несостоятельности закреплены в ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), согласно которой прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии процесса с процессуальными правами

¹ Гальченко А.И. «Исторические аспекты деятельности российской прокуратуры по предупреждению нарушений законов» / А.И. Гальченко. – Lex russica, 2017. – № 9. – С. 22–35.

² Коротченко А.С. К вопросу о пределах компетенции органов прокуратуры Российской Федерации, если выявлены признаки преступлений, предусмотренных уголовным кодексом Российской Федерации при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) / А.С. Коротченко. – Наука и современность, 2017. – 10 с.

³ Прокуратура // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1890–1907. – Т. XXVa (50). – С. 518–520.

⁴ Колыхалов, Д.В. История российской прокуратуры: учебник / Д.В. Колыхалов, В.М. Деревскова, К.Л. Яковлев. – Городец, 2025. – Библиотека М.К. Треушников. – 304 с.

⁵ Киреева, О.М. Роль налоговых органов в делах о несостоятельности: реализация публичного интереса и проблемные аспекты / О.М. Киреева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 49 (600). – С. 346–349.

⁶ Адуров, А.П. Защита публичных интересов как приоритетное направление деятельности органов прокуратуры / А.П. Адуров, А.А. Замуруев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 49 (548). – С. 400–402.

и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности¹. При этом законодатель связал возможность прокурорского вмешательства с узкой категорией дел – теми, в которых в рамках дела о несостоятельности затрагиваются жилищные права граждан, в том числе несовершеннолетних. Буквальное толкование одной нормы приводит к выводу о том, что прокурорское участие в банкротных делах допускается лишь при наличии жилищного аспекта. При этом, на практике прокуроры вступают и в дела, в которых нарушены (нарушаются) трудовые права, права бюджета и иные публичные интересы. Так, создается коллизия между формальным предписанием закона и сложившейся правоприменительной практикой.

Основная цель прокурора, принимающего участие в арбитражном процессе, – это защита интересов, которые являются государственными и общественными, в формах и по основаниям, предусматриваемым арбитражным процессуальным законодательством².

Его активность в делах о несостоятельности можно описать как явление преимущественно системное, нежели эпизодическое, – это доказывается как правоприменительной практикой, так и статистическими данными: благодаря инициативному участию прокуроров по делам о несостоятельности четырех организаций была изменена очередность погашения требований кредиторов с приоритетом выплаты заработной платы, в результате чего восстановлены права 327 работников, которым выплачена задолженность по заработной плате на общую сумму 63,8 миллиона рублей³. Значит, прокурорское участие в делах о банкротстве способно предоставить качественную и результативную защиту социально значимых интересов, которые в силу конкурсного характера производства часто оказываются наиболее уязвимыми.

Правовая природа прокурорской инициативы в исследуемой категории процессов отличается от инициативы иных участников дела тем, что прокурор действует не в собственном имущественном интересе и не в интересах конкретного кредитора – он участвует в публичном интересе, понимаемом как обеспечение законности, защита прав неопределенного круга лиц и предотвращение угроз экономической безопасности.

Примечательно, что статус прокурора сопровождается рядом процессуальных ограничений, принципиально отличающих прокурора от иных лиц, участвующих в деле. Часть 3 статьи 52 АПК РФ, предоставляя прокурору, вступившему в дело, права и обязанности лица, участвующего в деле, одновременно исключает для него возможность заключения мирового соглашения. Данное ограничение имеет глубокий смысл: прокурор не является субъектом материального права, в отношении которого ведется спор, и его согласие на урегулирование спора на компромиссных условиях не может подменять волю действительных кредиторов и должника, потому что публичный интерес, защищаемый прокурором, не подлежит торгу в том же смысле, в каком им подлежат частные имущественные притязания⁴.

Более того, прокурор не приобретает всех прав стороны в полном объеме – он не вправе изменять основание или предмет иска, увеличивать или уменьшать исковые требования, потому что эти процессуальные действия неразрывно связаны с распоряжением материальным правом, которого у прокурора нет. Но, с другой стороны, прокурор и не выступает материальным кредитором. Его первоочередная задача есть обеспечение законности, а не достижение определенного имущественного результата для конкретного участника процесса.

Наиболее существенным процессуальным ограничением все же следует признать отсутствие у прокурора права на самостоятельное обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом. В отличие от уполномоченных органов прокурор лишен возможности инициировать процедуру несостоятельности, даже располагая сведениями о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, о выводе активов или о систематическом нарушении прав работников и иных социально уязвимых групп. Настоящее ограничение подвергается особой критике, ведь, действительно, именно прокурор, действующий в публичном интересе, обладает наиболее полным досту-

пом к информации о нарушениях законности и может выступить тем субъектом, который запустит механизм банкротства в ситуации, когда иные заявители по тем или иным причинам бездействуют либо связаны с должником корпоративными или иными зависимостями.

Кроме того, в доктрине обосновывается тезис о необходимости расширения перечня дел, которые прокурор вправе инициировать, и о необходимости законодательного закрепления участия прокурора в случаях, когда арбитражные дела о банкротстве затрагивают жилищные и (или) трудовые права граждан, а равно публичные интересы государства и общества в целом.

Вопрос о том, насколько активная позиция прокурора способна повлиять на ход процесса и на конечный результат процедуры, тоже определяет пределы прокурорского вмешательства в исследуемой категории дел. Бытует мнение, что участие прокурора в банкротных делах следует ограничить случаями, когда организация-должник принадлежит государству, находится в списке стратегических предприятий либо когда банкротство затрагивает интересы неопределенного круга лиц, например, в ситуациях банкротства застройщиков или градообразующих предприятий. Иная позиция предполагает, что ввиду роста числа преднамеренных и фиктивных банкротств и при наличии фактов системного вывода активов перед возбуждением дела, прокурор должен обладать правом подачи заявления о признании должника банкротом, когда имеются признаки противоправных действий и отсутствуют иные заявители (либо они бездействуют).

Противники расширения полномочий апеллируют к тому, что банкротство по своей природе есть частноправовой институт, и вмешательство прокуратуры на стадии возбуждения дела способно нарушить баланс интересов кредиторов и должника и создать предпосылки для использования прокурорского ресурса в качестве инструмента недобросовестной конкуренции или частного давления.

Итак, ярко выражается более глубинная проблема, лежащая в основе всего института прокурорского участия в делах о несостоятельности – проблема определения границ, за которыми защита публичного интереса перестает быть таковой и превращается в необоснованное вмешательство в частные дела. Вступая в дело о банкротстве, обвинитель привносит в процесс аргументы, которые не могут быть представлены ни должником, ни кредиторами, поскольку последние руководствуются частными выгодами; прокурор может обратить внимание суда на нарушения прав работников, на фиктивность сделок, на ущемление интересов бюджета, тем самым расширяя перечень обстоятельств, подлежащих судебной оценке. В этом смысле прокурорское участие выступает ограничителем судебской дискреции и, что также немаловажно, своего рода содержательной опорой для суда, обязанного учитывать остающиеся за рамками частноправовых притязаний сторон публичные аспекты спора. Такая особенность прокурорской инициативы – способность вводить в процесс обстоятельства публичного характера. Можно сделать промежуточный вывод, что именно она составляет ее принципиальное отличие от позиции любого иного участника дела.

С точки зрения теории процессуального права, соотношение прокурорской инициативы и судебского усмотрения может быть охарактеризовано как диалектическое взаимодействие, в котором каждый из элементов выполняет свою функцию, не подменяя собой другой. Суд реализует свои дискреционные полномочия наряду с тем, что оценивает доказательства и выбирает вариант решения в пределах, предоставленных законом. При этом, его усмотрение абсолютным не является: оно ограничено законом, правовыми позициями вышестоящих инстанций и, что не менее важно, публичными интересами, которые могут быть выявлены и представлены суду прокурором.

Прокурор, в свою очередь, не обладает правом навязывать суду определенное решение; его задача – обозначить наличие публичного интереса, привести соответствующие доказательства и аргументы, после чего оценка этих доводов и их учет при принятии решения остается в исключительной компетенции суда. Так, существующее распределение функций дает сохранить независимость судебной власти, одновременно защищая принцип полноты рассмотрения дела и учет всех значимых обстоятельств (в том числе и те, которые находятся за пределами частноправовых интересов сторон).

Успешность прокурорского участия в делах о несостоятельности напрямую зависит от того, насколько полно и своевременно прокурор использует предоставленные ему процессуальные инструменты. Вступивший в дело прокурор вправе заявлять ходатайства:

- о назначении экспертизы;
- об истребовании доказательств;
- о привлечении третьих лиц;
- о приостановлении производства по делу;

Также государственный обвинитель может давать заключения по вопросам, возникающим в ходе рассмотрения дела обжаловать су-

¹ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)

² Джиоев, С.Х. Участие прокуратуры в защите социально-экономических прав граждан в делах о банкротстве: проблема процессуального взаимодействия с арбитражными судами / С.Х. Джиоев. – Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, 2024. – № 6. – С. 109–120.

³ Кочетков, А.В. Участие прокурора в арбитражном процессе [Электронный ресурс] / Консультант Плюс. – А.В. Кочетков. – Законность, 2024. – № 11.

⁴ Алиев, Т.Т. Процессуально-правовая роль прокурора в защите публичных интересов в арбитражном суде / Консультант Плюс. – Т.Т. Алиев, Р.Т. Алиев. – Современное право, 2024. – № 9.

⁵ Латынин, А.О. Актуальная проблема неопределенности участия прокурора в заключении мирового соглашения в арбитражном процессе / А.О. Латынин. – Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве – С. 450–455.

дебные акты. Такой набор процессуальных прав является достаточным для того, чтобы прокурор мог результативно влиять на ход процесса и обеспечивать учет публичных интересов. Но справедливо сказать, что и реализация этих прав ожидает, что такое лицо будет обладать высокой квалификацией, глубоким пониманием экономических аспектов банкротных процедур и способности своевременно выявлять влияющие на публичные интересы обстоятельства. Соответственно, следует еще один промежуточный вывод – недостаточная квалификация прокурорских работников в вопросах банкротного права и ограниченность ресурсов органов прокуратуры для участия в многочисленных делах о несостоятельности – это существующие препятствия для полноценной реализации тех полномочий, которые закон прокурору предоставляет.

Год за годом наблюдается усиление роли прокуроров в делах о банкротстве¹. Вместе с тем, отметим фрагментарный характер участия: прокуроры вступают преимущественно в дела, имеющие общественный резонанс, или в ситуации, когда нарушения прав граждан приобретают уже массовый характер. Системное же участие прокурора в рядовых делах о несостоятельности остается скорее исключением, чем правилом. Это объясняется как объективными ограничениями кадрового и ресурсного характера, так и отсутствием закрытого перечня критериев, определяющих, в каких именно делах участие прокурора является обязательным или целесообразным.

В связи с вышесказанным, в доктрине обосновывается предложение о разработке и законодательном закреплении перечня категорий дел о банкротстве, в которых прокурор подлежит обязательному извещению о судебном разбирательстве и вправе вступить в дело, – это дало бы возможность унифицировать практику и обеспечить более последовательную защиту публичных интересов в банкротном процессе².

В рамках текущей проблематики критичным явлением остается отсутствие у прокурора права на самостоятельное обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом. Сегодня в российском законодательстве отсутствует указанное полномочие у прокурора. Между тем именно данное ограничение, как справедливо отмечает Н.А. Машинская, представляется наиболее существенным препятствием для полноценной реализации прокурором своей надзорной функции в сфере несостоятельности³. Исходя из необходимости защиты государственных и иных публичных интересов, предотвращения преднамеренного и фиктивного банкротства, указанное полномочие должно быть прокурору предоставлено, особенно в условиях, когда иные заявители бездействуют либо связаны с должником корпоративными или иными зависимостями, исключающими возможность объективного и своевременного возбуждения процедуры.

Так, пределы прокурорского вмешательства в дела о несостоятельности выходят далеко за рамки сугубо процессуального рассмотрения. Ныне этот аспект затрагивает основополагающий вопрос о сочетании частных и публичных начал в институте банкротства. Привычное понимание несостоятельности как исключительно частноправового механизма перераспределения имущественных благ между кредиторами все больше уступает место идее, признающей имманентное присутствие публичного интереса в каждом деле о банкротстве, – вследствие появляются объективные предпосылки для расширения полномочий прокурора.

В современной судебной практике очевиден ориентир на усиление роли прокуроров в делах о банкротстве, как следует из официальной информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации:

- в 2025 году прокуроры вступили в более чем одну тысячу процессов данной категории;
- благодаря прокурорскому вмешательству пресечены попытки недобросовестных компаний использовать судебные процедуры для уклонения от исполнения налоговых обязательств на 10 млрд рублей;
- из реестра кредиторов исключены фиктивные требования на 4,6 млрд рублей⁴.

Прокуроры нацелены на исключение фактов выбытия имущества посредством совершения заведомо фиктивных сделок, не имеющих

под собой разумного экономического обоснования. Особое внимание сосредоточено на обеспечении законности по делам о несостоятельности организаций, имеющих стратегическое значение, и предприятий ЖКХ и застройщиков. Вместе с тем, сфера банкротства неоднозначна и постоянно меняется, и, возможно, в настоящее время мы наблюдаем лишь первый шаг в направлении усиления роли прокуратуры в банкротных процессах.

Институт банкротства, таким образом, действительно выступает пространством публичного интереса: в нем пересекаются и конкурируют разнонаправленные частные и публичные начала. Прокурорское вмешательство в дела о несостоятельности, будучи должным образом ограниченным законом и процессуальными рамками, в первом случае выступает инструментом подавления частной инициативы, а во втором – инструментом обеспечения судебской дискреции. Сегодня в отечественной практике роль прокурора предполагает, что защита прав кредиторов не осуществляется в ущерб социально значимым интересам работников, должников, членов семей должника и государства в целом. Пределы прокурорского вмешательства, таким образом, определяются прежде всего самой природой публичного интереса, требующего защиты в каждом конкретном деле, и именно в этом качестве прокурорская инициатива обретает свое подлинное предназначение – заботу о публичном благе, заложенную в самом этимологическом значении слова «прокурор».

Литература

1. Гальченко А.И. «Исторические аспекты деятельности российской прокуратуры по предупреждению нарушений законов» / А.И. Гальченко. – Lex russica, 2017. – № 9. – С. 22–35.
2. Коротченко А.С. К вопросу о пределах компетенции органов прокуратуры Российской Федерации, если выявлены признаки преступлений, предусмотренных уголовным кодексом Российской Федерации при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) / А.С. Коротченко. – Наука и современность, 2017. – 10 с.
3. Прокуратура // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1890–1907. – Т. XXVa (50). – С. 518–520.
4. Колыхалов, Д.В. История российской прокуратуры: учебник / Д.В. Колыхалов, В.М. Деревскова, К.Л. Яковлев. – Городец, 2025. – Библиотека М.К. Треушникова. – 304 с.
5. Киреева, О.М. Роль налоговых органов в делах о несостоятельности: реализация публичного интереса и проблемные аспекты / О.М. Киреева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 49 (600). – С. 346–349.
6. Адров, А.П. Защита публичных интересов как приоритетное направление деятельности органов прокуратуры / А.П. Адров, А.А. Замируев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 49 (548). – С. 400–402.
7. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)
8. Джиев, С.Х. Участие прокуратуры в защите социально-экономических прав граждан в делах о банкротстве: проблема процессуального взаимодействия с арбитражными судами / С.Х. Джиев. – Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, 2024. – № 6. – С. 109–120.
9. Кочетков, А.В. Участие прокурора в арбитражном процессе [Электронный ресурс] / Консультант Плюс. – А.В. Кочетков. – Законность, 2024. – № 11.
10. Алиев, Т.Т. Процессуально-правовая роль прокурора в защите публичных интересов в арбитражном суде / Консультант Плюс. – Т.Т. Алиев, Р.Т. Алиев. – Современное право, 2024. – № 9.
11. Латынин, А.О. Актуальная проблема неопределенности участия прокурора в заключении мирового соглашения в арбитражном процессе / А.О. Латынин. – Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве – С. 450–455.
12. Прокуратура стала чаще участвовать в делах о банкротстве [Электронный ресурс] / Коммерсантъ, 2026. – Конференция ИД «Коммерсантъ». – URL: <https://events.kommersant.ru/events/bankrotstvo-2026/> (дата обращения: 03.07.2026).
13. Романов А.А. «Участие прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве)» / А.А. Романов. – Журнал российского права, 2022. – Т. 26. – № 11. – С. 109–118.
14. Машинская, Н.А. Расширение полномочий прокурора в арбитражном процессе: возможность подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) / Н.А. Машинская. – Вопросы российской юстиции, 2023. – С. 473–481.
15. Прокуроры активно используют судебные полномочия для обеспечения законности в сфере исполнения законодательства о бан-

¹ Прокуратура стала чаще участвовать в делах о банкротстве [Электронный ресурс] / Коммерсантъ, 2026. – Конференция ИД «Коммерсантъ». – URL: <https://events.kommersant.ru/events/bankrotstvo-2026/> (дата обращения: 03.07.2026).

² Романов А.А. «Участие прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве)» / А.А. Романов. – Журнал российского права, 2022. – Т. 26. – № 11. – С. 109–118.

³ Машинская, Н.А. Расширение полномочий прокурора в арбитражном процессе: возможность подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) / Н.А. Машинская. – Вопросы российской юстиции, 2023. – С. 473–481.

⁴ Прокуроры активно используют судебные полномочия для обеспечения законности в сфере исполнения законодательства о банкротстве [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2026. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8400207/> (дата обращения: 06.07.2026).

кротстве [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2026. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8400207/> (дата обращения: 06.07.2026).

BANKRUPTCY AS A SPACE OF PUBLIC INTEREST. LIMITS OF PROSECUTORIAL INTERVENTION IN INSOLVENCY CASES

Gerts A.M.

Kutafin Moscow State Law University

The author attempts to explore the conflict between the supervisory nature of the prosecutor's office and the private-law nature of the institution of insolvency, which is predetermined by the historical purpose of the prosecutor's office as a body responsible for the "secure preservation of civil rights." The article analyzes the public interest in bankruptcy cases, examines the legal grounds for prosecutorial participation in bankruptcy proceedings, as enshrined in Article 52 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, and identifies a conflict between the formal legal provision linking prosecutorial intervention to the protection of housing rights and established law enforcement practice, which allows for prosecutorial involvement in a broader range of cases.

The author analyzes the procedural limitations of the prosecutor's status, concluding that prosecutorial intervention primarily ensures that the public aspects of a dispute are taken into account.

Keywords: insolvency (bankruptcy), public interest, prosecutorial initiative, arbitration process, Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, procedural restrictions, judicial discretion, limits of prosecutorial intervention

References

1. Galchenko A.I. "Historical Aspects of the Activities of the Russian Prosecutor's Office to Prevent Violations of Laws" / A.I. Galchenko. – Lex russica, 2017. – No. 9. – Pp. 22–35.
2. Korotchenko A.S. On the Issue of the Limits of Competence of the Prosecutor's Office of the Russian Federation if Signs of Crimes Provided for by the Criminal Code of the Russian Federation Are Detected During the Consideration of Insolvency (Bankruptcy) Cases / A.S. Korotchenko. – Science and Modernity, 2017. – 10 p.
3. Prosecutor's Office // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 add.). – St. Petersburg: Typo-lithography of I.A. Efron, 1890–1907. – T. XXVa (50). – P. 518–520.

4. Kolykhalov, D.V. History of the Russian prosecutor's office: a textbook / D.V. Kolykhalov, V.M. Derevskova, K.L. Yakovlev. – Gorodets, 2025. – M.K. Treushnikov Library. – 304 p.

5. Kireeva, O.M. The role of tax authorities in insolvency cases: implementation of the public interest and problematic aspects / O.M. Kireeva. – Text: direct // Young scientist. – 2025. – No. 49 (600). – P. 346–349.

6. Adrov, A.P. Protection of public interests as a priority area of activity of the prosecutor's office / A.P. Adrov, A.A. Zamuruev. – Text: direct // Young scientist. – 2024. – No. 49 (548). – P. 400–402.

7. "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" dated July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on December 15, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026)

8. Dzhioev, S. Kh. Participation of the prosecutor's office in protecting the socio-economic rights of citizens in bankruptcy cases: the problem of procedural interaction with arbitration courts / S. Kh. Dzhioev. – Bulletin of the O.E. Kutafin University, 2024. – No. 6. – P. 109–120.

9. Kochetkov, A.V. Participation of the prosecutor in arbitration proceedings [Electronic resource] / Consultant Plus. – A.V. Kochetkov. – Legality, 2024. – No. 11.

10. Aliyev, T.T. The Procedural and Legal Role of the Prosecutor in Protecting Public Interests in Arbitration Court / Consultant Plus. – T.T. Aliyev, R.T. Aliyev. – Modern Law, 2024. – No. 9.

11. Latynin, A.O. The Actual Problem of the Uncertainty of the Prosecutor's Participation in Concluding a Settlement Agreement in Arbitration Proceedings / A.O. Latynin. – Protection and Defense of Rights and Legitimate Interests in Modern Law – Pp. 450–455.

12. The Prosecutor's Office Has Become More Frequently Participating in Bankruptcy Cases [Electronic Resource] / Kommersant, 2026. – Conference of the Kommersant Publishing House. – URL: <https://events.kommersant.ru/events/bankrotstvo-2026/> (date accessed: 03.07.2026).

13. Romanov, A.A. "Participation of the Prosecutor in Insolvency (Bankruptcy) Cases" / A.A. Romanov. – Journal of Russian Law, 2022. – Vol. 26. – No. 11. – Pp. 109–118.

14. Mashinskaya, N.A. Expansion of the Prosecutor's Powers in Arbitration Proceedings: the Possibility of Filing an Application for Declaring a Debtor Insolvent (Bankrupt) / N.A. Mashinskaya. – Issues of Russian Justice, 2023. – Pp. 473–481.

15. Prosecutors actively use judicial powers to ensure the rule of law in the area of bankruptcy law enforcement [Electronic resource] / Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2026. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8400207/> (date accessed: 06.07.2026).

Прекращение правового статуса единой теплоснабжающей организации: частный и публичный аспекты

Дальхеев Андрей Аркадьевич,
частнопрактикующий юрист
E-mail: Lawyer_dalkheev@mail.ru

В статье исследуется проблематика прекращения статуса единой теплоснабжающей организации. Выявлены проблемы, связанные с реализацией текущего порядка прекращения данного статуса. Данные сложности выражены в том, что органы публичной власти рассматривают свои полномочия по рассмотрению заявления о прекращении статуса единой теплоснабжающей организации, как свою дискрецию и принимают решения, исходя из экономической целесообразности. Внесено предложение по нормативному закреплению срока, в течение которого действует рассматриваемый статус.

Ключевые слова: единая теплоснабжающая организация, правовой статус, частное и публичное право, энергия, энергоснабжение, теплоснабжение.

Одним из профессиональных участников отношений по теплоснабжению является единая теплоснабжающая организация (далее – ЕТО). В содержании указанного статуса, помимо прочего, существует обязанность по заключению договора теплоснабжения с любым обратившимся к нему лицом (ч. 7 ст. 15 Федерального закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее также – Закон о теплоснабжении) [1]).

Теплоснабжающая организация имеет легальную дефиницию, согласно которой:

1. Организация обеспечивает продажу тепловой энергии потребителям (или) теплоснабжающим организациям;
2. Тепловая энергия производится самостоятельно или приобретается у другой ТО;
3. Обладает источником тепловой энергии и (или) тепловыми сетями (п. 11, ст. 2 Закона о теплоснабжении).

Формальное определение статуса ЕТО определяется на основании схемы теплоснабжения, утверждаемая органом публичной власти (п. 28 ст. 2 Закона о теплоснабжении). На уровне подзаконных актов установлен ряд требований, которым должна соответствовать ЕТО, среди которых: владение на законном основании источниками тепловой энергии с наибольшей рабочей тепловой мощностью (нагрузкой) и (или) тепловыми сетями с наибольшей емкостью в границах зоны деятельности единой теплоснабжающей организации; размер собственного капитала; способность в лучшей мере обеспечить надежность теплоснабжения в соответствующей системе теплоснабжения (п. 7 Правил организации теплоснабжения в Российской Федерации, утв. Постановление Правительства РФ от 08.08.2012 № 808 (далее – ПОТ) [2]). Однако в науке отмечается, что критерии присвоения указанного статуса нельзя назвать в полной мере установленными [8, с. 59].

Одна из ключевых особенностей статуса ЕТО состоит в том, что лицо может приобрести его без своего волеизъявления. В силу законодательства при отсутствии заявок на присвоение статуса ЕТО, указанным статусом наделяется организация, которая обладает в соответствующей зоне деятельности источниками тепловой энергии с наибольшей рабочей тепловой мощностью и (или) тепловыми сетями с наибольшей тепловой емкостью т.е. речь идет о самой крупной производственной организации (к примеру, ТЭЦ, котельная) либо о самой крупной теплосетевой организации (п. 11 ПОТ). Представляется, что особенно любопытно проанализировать данное нормоположение с позиции учения о правоспособности. Следует согласиться с точкой зрения С.А. Свиркова, согласно которой правоспособность участников отношений по энергоснабжению, за исключением потребителей энергии, является специальной [6, с. 119] т.к. эти лица осуществляют деятельность, особенность которой прямо предусмотрена законом. При этом возникновение статуса предполагает соблюдение определенной процедуры.

Приведенные нормативные положения поднимают вопрос о том, является ли пропорциональным вмешательство [5, с. 137] государства в том, случае, когда оно наделяет кого-либо гражданско-правовым статусом без волеизъявления лица. Сам факт вторжения государства в частную сферу лица с целью ограничения его автономии воли хорошо известен российскому правопорядку (к примеру, национализация, использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности). Органы публичной власти могут ограничивать гражданские права (пп. 2 п. 1 ст. 8 ГК) [1]. Продолжая данную мысль, следует согласиться с утверждением С.В. Третьякова о том, что правоспособность не приобретается субъектами частного права по собственному усмотрению, а является следствием их наделяния этим юридическим качеством со стороны правопорядка [7, с. 10]. Таким образом, нормы позитивного права могут вторгаться в правоспособность лица и устанавливать за ним гражданско-правовые обязанности. Однако остается вопрос о том, является ли такая возможность публичной власти безграничной или всё же имеет известные пределы.

Конституция провозглашает приоритет прав человека над всеми другими элементами конституционного строя (ст. 2 Конституции РФ). Как известно, права и свободы в Российской Федерации могут быть ограничены строго в определенных целях (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Государство обязано обеспечивать население необходимым

количеством тепла, чтоб исполнить свои обязательства, как социального государства (ст. 7 Конституции РФ). Данные обязательства должны исполняться в том числе и тогда, когда источник тепловой энергии находится в частной собственности. По этой причине вмешательство государства в автономию частного лица необходимо признать оправданным. При этом необходимо отметить, что из всех возможных вмешательств принудительное наделение статусом ЕТО наименьшая степень вторжения в автономию воли частного лица. Другие возможные варианты вмешательства, к примеру, национализация, в большей степени посягают на автономию. Таким образом, возможность государства принудительно наделять какое-либо лицо статусом ЕТО представляется обоснованной.

Крайне обременительное содержание статуса ЕТО выражено также в том, что за ней не признается право на свободный отказ от своего статуса. Лицо, имеющее намерение снять с себя статус ЕТО, подаёт соответствующее заявление, которое подлежит рассмотрению (п. 15 ПОТ). При этом безусловного лишения статуса при подаче заявления закон не содержит. В связи с этим орган местного самоуправления может расценить решение об удовлетворении или отказе в удовлетворении такого заявления, как свою дискрецию, в связи с чем возникают соответствующие споры. По одному из дел, рассмотренных арбитражными судами, оспаривался отказ в лишении статуса. ЕТО обратилась в адрес органа местного самоуправления с заявлением о снятии статуса ЕТО в ряде территориальных зон. Органом власти в удовлетворении заявления ЕТО было отказано. В свою очередь, решение об отказе было поддержано арбитражными судами. Мотивируя свои судебные акты, суды указали: лишение заявителя статуса ЕТО приведет к увеличению числа действующих тарифов; рост тарифов; повышение бюджетной нагрузки [4].

Представляется, что экономическая целесообразность, даже в интересах граждан и публично-правового образования, никак не может влиять на отказ от того или иного гражданско-правового статуса, ибо свобода предпринимательской деятельности гарантирована Конституцией РФ. Однако на решение вопроса о возможности покинуть статус ЕТО влияет не только свобода предпринимательства, но и его специфика, состоящая в обязанностях социального закупщика. Государство предоставляет возможность извлекать доход, но одновременно перекладывает на частного субъекта свои функции, наделяя его такими статусами, как ЕТО. Если лицо выражает готовность зарабатывать на таких условиях, то оно обязано выполнять государственные функции, но оно не может быть лишено возможности отказаться от такого бремени по прошествии определённого времени. Однако и орган публичной власти должен иметь возможность скорректировать свои решения по управлению принятыми на себя обязательствами. В случае, если существует риск утраты статуса ЕТО его текущим обладателем, то государству необходимо предпринять действия по обеспечению привлекательности данного статуса, либо быть готовым повысить субсидии из бюджета или иные меры, направленные на соблюдение установленного порядка обеспечения граждан и организаций тепловой энергией. С этой целью представляется целесообразным установить срок, в течение которого действует статус ЕТО.

Таким образом, лицо, обладающее статусом ЕТО, должно иметь возможность утратить носимый статус по прошествии установленного законом временного промежутка. При таких обстоятельствах полномоченный орган будет иметь временный ресурс, чтоб привлечь новую организацию к обладанию данным статусом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4159.
3. Постановление Правительства РФ от 08.08.2012 № 808 «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 34. ст. 4734.
4. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15.04.2025 № 10АП-21464/2024 по делу № А41–36332/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Дедов Д.И. Принцип соразмерности и развитие методологии права // ARS IURIS: сборник научных статей к юбилею Г.А. Гаджиева / М.В. Антонов, В.С. Бельх, С.В. Бельх и др.; под общ. ред. П.Д. Блохина, А.В. Ильина, Д.В. Тютин. М.: Статут, 2023. С. 137–151.
6. Свирков С.А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 412 с.
7. Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022. 52 с.
8. Хоперская А.А. Правовые аспекты решений о присвоении статуса единой теплоснабжающей организации (ЕТО) // Энергоэксперт. 2023. № 3(87). С. 57–59.

TERMINATION OF THE LEGAL STATUS OF A SINGLE HEAT SUPPLY ORGANIZATION: PRIVATE AND PUBLIC ASPECTS

Dalkheev A.A.

This article examines the issue of terminating the status of a single heat supply organization. Problems associated with the lack of a specific procedure for terminating this status are identified. These difficulties arise from the fact that public authorities view their authority to review applications to terminate the status of a single heat supply organization as discretionary and make decisions based on economic feasibility. A proposal is made to formally define the period during which this status is valid.

Keywords: Unified heat supply organization, legal status, private and public law, energy, energy supply, heat supply.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Federal Law of July 27, 2010, No. 190-FZ "On Heat Supply" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4159.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 8, 2012, No. 808 "On the Organization of Heat Supply in the Russian Federation and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 34. Art. 4734.
4. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated April 15, 2025, No. 10AP-21464/2024 in case No. A41–36332/2024 // SPS "ConsultantPlus".
5. Dedov, D.I. The principle of proportionality and the development of legal methodology // ARS IURIS: collection of scientific articles for the anniversary of G.A. Gadzhiev / M.V. Antonov, V.S. Belykh, S.V. Belykh, et al.; edited by P.D. Blokhin, A.V. Ilyin, D.V. Tyutin. Moscow: Statut, 2023. pp. 137–151.
6. Svirkov, S.A. Civil regulation in the field of energy supply: monograph. M.: Infotropic Media, 2019. 412 p.
7. Tretyakov S.V. Development of the Doctrine of Subjective Private Law in Foreign Civil Law: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. M., 2022. 52 p.
8. Khoperskaya A.A. Legal Aspects of Decisions on Assigning the Status of a Unified Heat Supply Organization (UHO) // Energoexpert. 2023. No. 3(87). pp. 57–59.

Роль прокурора в обособленных спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве

Герц Анастасия Михайловна,

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности МГЮА им. О.Е. Кутафина; прокурор отдела организационного управления прокуратуры Московской области

Автором исследуется процессуальная роль прокурора в обособленных спорах о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве. В статье анализируются генезис института субсидиарной ответственности, правовая природа обособленных споров и особенности распределения бремени доказывания в таких категориях дел. Рассматриваются правовые основания участия прокурора, закрепленные в статье 52 АПК РФ, и их конкретизация в постановлении Пленума ВС РФ № 42 от 23 декабря 2025 года. В статье предпринимается попытка выявления существующих процессуальных коллизий. На основании анализа делается вывод о трансформации роли прокурора.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), субсидиарная ответственность, контролирующие должника лица, обособленный спор, прокурор, процессуальные полномочия, публичный интерес, постановление Пленума Верховного Суда РФ № 42

Юридическая конструкция привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника берет свое начало в фундаментальных принципах римского частного права. В частности, речь идет об идее, в рамках которой допускалось возложение обязанности по удовлетворению требований кредиторов на дополнительного должника в случаях, когда основной должник оказывался неспособным исполнить свои обязательства¹.

Сегодня же субсидиарная ответственность трактуется как ответственность лица, которую оно по закону или договору несет дополнительно к ответственности основного должника. В механизмах банкротства эта конструкция видоизменилась: если раньше это был почти неработающий правовой институт, то в сложившемся правоприменении субсидиарная ответственность – это результативный инструмент взыскания долгов с бенефициаров бизнеса.

Российское законодательство о несостоятельности на протяжении длительного периода не содержало ни самого понятия субсидиарной ответственности, ни сколько-нибудь действенного механизма ее реализации, и лишь с принятием Гражданского кодекса Российской Федерации в 1995 году появились первые положения о возможности привлечения учредителей и собственников имущества организации к ответственности при недостаточности имущества должника. При том, отсутствие проработанного процессуального механизма и возложение обязанности по сбору доказательств исключительно на арбитражного управляющего делали эту норму фактически мертвой.

Кардинальное изменение ситуации последовало с внесением в 2017 году в Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² главы III.2 об ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве и установлении оснований и порядка привлечения к субсидиарной ответственности.

Под контролирующим должника лицом законодатель понимает физическое или юридическое лицо, имеющее (либо имевшее) в течение определенного периода до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом возможность давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Детерминация содержится в ст. 61.10 Федерального закона. А в п. 4 оной статьи законодательством устанавливаются презумпции, дающие признать лицо контролирующим при наличии определенных обстоятельств, в частности при владении пятьюдесятью и более процентами голосов при принятии решений общим собранием, при наличии права назначать руководителя должника либо при извлечении выгоды из недобросовестного поведения руководителя. При этом контролирующими не могут быть признаны лица, владеющие менее чем десятью процентами уставного капитала и получающие обычный доход от такого владения.

Согласно ст. 61.11, ст. 61.12 и разъяснениям прокуратуры³, основаниями для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности выступают:

- неподдача заявления о банкротстве в установленный срок;
- наступление банкротства в результате исполнения указаний контролирующих лиц;
- утрата или искажение бухгалтерских документов должника;
- совершение действий или бездействия, повлекших невозможность полного погашения требований кредиторов.

Обособленные споры о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, в свою очередь, – это самостоятельный процессуальный феномен в рамках единого дела о банкротстве.

¹ Вохидов, М.А. Возникновение института субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица / М.А. Вохидов. – Российское право: образование, практика, наука, 2022. – № 2. – С. 72–77.

² Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 10.06.2026) «О несостоятельности (банкротстве)»

³ Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2017. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ruproc_35/activity/legal-education/explain/e342546/ (дата обращения: 04.07.2026).

По правилам арбитражного судопроизводства, дело о банкротстве состоит из основного и производных дел, при этом производное дело является частью основного дела. Обособленный спор возникает только в рамках дела о банкротстве и характеризуется факультативным характером по отношению к основному производству. Непосредственными участниками обособленного спора помимо основных участников дела о банкротстве являются лица, чьи права и обязанности непосредственно затрагиваются разрешаемым вопросом.

Как определяет М.Д. Малькова, специфика таких споров о привлечении к субсидиарной ответственности обусловлена особым распределением бремени доказывания, при котором на привлекаемое к ответственности лицо может быть возложена обязанность по опровержению презумпций его вины в доведении должника до банкротства и сложным порядком определения размера ответственности, включающим оценку всей совокупности требований кредиторов и возможность приостановления производства по спору до завершения расчетов с кредиторами. Вместе с тем, контролирурующие лица обладают всеми правами лица, участвующего в деле, исключительно в обособленном споре о привлечении их к субсидиарной ответственности¹.

Процессуальное законодательство не предусматривает для контролирующих должника лиц статуса участника основного производства по делу о банкротстве либо иных обособленных споров, за исключением непосредственно того спора, в рамках которого разрешается вопрос об их привлечении к субсидиарной ответственности.

В кругах практикующих юристов распространен подход, в соответствии с которым в спорах рассматриваемой категории возможно вести речь об определенной типизации подходов к доказыванию, но и данный тезис сталкивается с первой серьезной сложностью – каждое дело отличается безусловной уникальностью как по своему определению, так и по фактическим обстоятельствам, связанным с механизмом доведения должника до состояния банкротства.

Широкий спектр субъектов, наделенных правом на обращение с соответствующим требованием, закономерно вытекает из множественности участников отношений несостоятельности в целом и обособленного спора о субсидиарной ответственности в частности; при этом обеспечительные меры в рамках данных обособленных споров подчиняются специальным правилам, не свойственным иным категориям судебных разбирательств. Иными словами, вновь очевидными становятся дополнительные сложности в правоприменении.

Ошибочно убеждение в том, что обособленный спор о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности – это процессуальный эпизод в рамках дела о несостоятельности. На самом деле, такой спор перерос в самостоятельный механизм восстановления нарушенных имущественных прав, результативность которого прямо зависит от правильного определения круга фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию, и надлежащего распределения бремени доказывания между участниками процесса.

В отличие от иных категорий дел (например, в которых истец обязан доказать все элементы состава правонарушения) в спорах о субсидиарной ответственности законодатель сознательно смещает акцент на ответчика. Тем самым, на контролирующее лицо возлагается обязанность опровергнуть презюмируемую вину в доведении должника до банкротства. В свою очередь, это обусловливается явной сложностью доступа кредиторов и прокурора к информации, находящейся в распоряжении бенефициаров бизнеса.

За счет описываемой специфики обособленный спор о привлечении к субсидиарной ответственности сегодня – это особая и самостоятельная правовая конструкция. Ей присущи следующие группы элементов:

- элементы гражданско-правовой ответственности;
- элементы административного контроля;
- элементы судебного усмотрения.

Результатом синтеза перечисленных элементов становится возможность реального возмещения убытков кредиторам за счет личного имущества тех лиц, которые фактически управляли деятельностью должника и извлекали выгоду из его существования, но при этом сознательно уклонялись от исполнения обязательств перед контрагентами и государством.

Закон, как важно отметить, не содержит указания на возможность участия контролирующих лиц в основном деле о банкротстве и иных обособленных спорах, кроме спора о привлечении к ответственности.

Регулирование обеспечительных мер в обособленных спорах о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности характеризуется заметным количеством особенностей, ко-

¹ Малькова, М.Д. Особенности рассмотрения обособленных споров по делам о несостоятельности (банкротстве) / М.Д. Малькова. – Актуальные проблемы правового регулирования общественных отношений, 2021. – С. 1294–1295.

торое не встретить ни в одной другой категории дел². Широкий круг возможных заявителей является следствием «многосубъектности» отношений несостоятельности в целом и спора о субсидиарной ответственности в частности. В экспертном же сообществе бытует мнение, что в спорах данной категории можно говорить о некоторой типизации в доказывании, хотя здесь видна первая серьезная сложность: каждое дело уникально по своему определению и в силу обстоятельств доведения должника до банкротства³.

Именно в обособленных спорах сталкиваются частные интересы кредиторов и публичные интересы государства и общества в целом. Ввиду этого, роль прокурора далеко выходит за пределы традиционного понимаемого и ожидаемого надзора за законностью судебных актов. Ныне прокурорское участие – активное; в основном оно выполняет важную задачу по формированию судебной практики по применению одного из наиболее сложных институтов современного права в делах о несостоятельности (банкротстве).

Вступая в обособленный спор о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, прокурор действует не в собственном имущественном интересе и не в интересах конкретного кредитора, но в публичном интересе. Под последним понимается обеспечение законности, защита прав неопределенного круга лиц и предотвращение угроз экономической безопасности⁴. И в данном случае прокурор, в отличие от частных кредиторов, не связан необходимостью доказывания собственного имущественного интереса и может сосредоточиться на выявлении объективных признаков недобросовестного поведения контролирующих лиц – это дает ему действовать в качестве своеобразного фильтра, отсеивающего необоснованные требования и одновременно опоясывающего доказательственную базу по наиболее сложным и социально значимым делам.

Вот почему прокурорское участие в обособленных спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности обретает качественно новое содержание. Если раньше имели место пределы, по которым роль прокурора ограничивалась простым надзором за законностью судебных актов, то теперь в правовом порядке появился механизм активного противодействия злоупотреблениям в сфере банкротства. При этом прокурор не подменяет собой ни арбитражного управляющего, ни кредиторов – он дополняет их усилия публично-правовым ресурсом, в совокупности создавая более надежные предпосылки для реального возмещения ущерба, причиненного кредиторам и государству действиями бенефициаров.

В этом смысле процессуальная активность прокурора может быть оценена как необходимая компенсация процессуального дисбаланса. Необходимость эта возникает, когда контролирующие лица обладают преимущественным доступом к доказательствам и используют корпоративные механизмы для сокрытия следов своих противоправных действий, тогда как кредиторы и арбитражный управляющий зачастую лишены возможности получить исчерпывающую информацию о реальных финансовых потоках и совершенных сделках.

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц применяется и в случаях причинения ущерба кредиторам помимо дел о несостоятельности. Разрешение споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности сопряжено с рядом сложных процессуальных вопросов, правовая неопределенность в которых напрямую влияет на защиту прав как кредиторов, так и самих привлекаемых к ответственности лиц. Целью такой ответственности всегда является погашение требований кредиторов, и причиненные третьим лицам кредиторские убытки подлежат возмещению за счет имущества контролирующих лиц.

По сути своей, субсидиарная ответственность за доведение должника до банкротства – это ответственность контролирующего лица по обязательствам подконтрольной ему организации; ее пределы определяются размером непогашенных требований кредиторов. В связи с изложенным и ввиду смысла постановления Пленума Верховного суда (постановления № 42), процессуальная роль прокурора в обособленных спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности есть институт куда более сложный и многогранный. Этим объясняется необходимость его отдельного доктринального ос-

² Сильченко, В.Ю. Обеспечительные меры против лиц, не являющихся ответчиками по иску о субсидиарной ответственности при банкротстве: процессуальные последствия» / В.Ю. Сильченко. – Арбитражный и гражданский процесс, 2025. – № 8. – С. 29–33.

³ Ключевые подходы к привлечению КДЛ к субсидиарке в судебной практике? [Электронный ресурс] / РусБанкрот, 2026. – URL: <https://rusbankrot.ru/faq/kluchevye-podkhody-k-privlecheniyu-kdl-k-subsidiarke-v-sudebnoy-praktike/> (дата обращения: 04.07.2026).

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 N 15 (ред. от 25.01.2013) «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе»

мысления, учитывающего как процессуальные особенности данной категории дел, так и публично-правовую природу прокурорского участия в арбитражном судопроизводстве¹.

Процессуальный статус прокурора в обособленных спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности долгое время оставался предметом доктринальных дискуссий и характеризовался существенной неопределенностью, обусловленной коллизией между формальными предписаниями процессуального закона и объективной потребностью в защите публичных интересов в сфере несостоятельности. Указанным выше постановлением закреплялось право прокурора обратиться с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и, что также немаловажно, вступить в такой процесс на любой его стадии. Так, нововведение, следующее из одного постановления, фактически обеспечило переход от пассивной роли прокурора, ограниченной возможностью вступления в основное дело о банкротстве при наличии жилищного аспекта, к активной процессуальной позиции, дающей возможность самостоятельно инициировать обособленный спор о привлечении к субсидиарной ответственности.

Правовое основание для реализации прокурором предоставленных полномочий составляет ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса, согласно которой прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с соответствующими заявлениями и вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле². При этом постановление Пленума ВС РФ конкретизирует применение данной нормы применительно к обособленным спорам о субсидиарной ответственности, устанавливая: прокурор вправе подать заявление о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности как при отсутствии иных заявителей, так и наряду с ними. Иными словами, произошло расширение процессуальных возможностей прокурора по причине объективной потребности в обеспечении законности в сфере банкротства и защите публичных интересов в обстоятельствах, когда иные управомоченные лица по тем или иным причинам не реализуют предоставленные им законом права.

Содержание публичного интереса, защищаемого прокурором в обособленных спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, охватывает достаточно значительный, широкий круг социально значимых ценностей, нежели просто ограничивается фискальными интересами государства как одного из кредиторов. Прокурор, вступая в обособленный спор или инициируя его, действует в интересах неопределенного круга лиц. В числе таких лиц – и работники должника, перед которыми имеется задолженность по заработной плате, и дольщики при банкротстве застройщиков, и члены семей должника. К ним же относится государство в целом (в части возврата налогов и иных обязательных платежей в бюджет).

Важно подчеркнуть, что субсидиарная ответственность по своей правовой природе является разновидностью гражданско-правовой ответственности и наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов подконтрольного лица, и именно прокурор, будучи не связанным частными имущественными интересами, способен наиболее полно и объективно представить суду все обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестном или неразумном поведении контролирующих лиц, повлекшем невозможность полного погашения требований кредиторов.

Процессуальный статус прокурора в обособленном споре о привлечении к субсидиарной ответственности порождает ряд неразрешенных коллизий.

Во-первых, постановление Пленума № 42, будучи актом толкования, не может подменять собой федеральный закон, но именно в нем впервые было закреплено право прокурора на инициирование обособленного спора о субсидиарной ответственности, тогда как ст. 52 АПК РФ такого права в прямой формулировке не содержит. Возникает ситуация правовой неопределенности: формально прокурор имеет право на подачу заявления о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, однако процессуальный механизм реализации этого права в полной мере не урегулирован.

Во-вторых, имеет место коллизия, связанная с объемом процессуальных прав прокурора, вступившего в обособленный спор: ч. 3 ст. 52 АПК РФ, предоставляя прокурору права и обязанности лица, участвующего в деле, одновременно исключает для него возможность

заключения мирового соглашения. Однако при этом, она не содержит прямого запрета на совершение иных распорядительных действий (к примеру, отказ от заявления или изменение его оснований и др.). Представляется, что прокурор, действуя в публичном интересе, не должен обладать правом на отказ от заявления о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, поскольку такой отказ может привести к нарушению прав неопределенного круга кредиторов. Но и ошибочно будет определять, что действующее процессуальное законодательство содержит прямой запрет на совершение прокурором подобных действий.

В-третьих, из толкования ст. 52 АПК и постановления Пленума № 42 следует, что прокурор действует в ранее описанном публичном интересе. На практике же публичный интерес в обособленных спорах о субсидиарной ответственности может проявляться в различных формах. Это может быть интерес государства как кредитора по налоговым и иным обязательным платежам, интерес работников должника по выплате заработной платы, интерес дольщиков при банкротстве застройщиков и более широкий интерес, связанный с предотвращением злоупотреблений в сфере предпринимательской деятельности. В каждом из этих случаев прокурор должен обосновать наличие публичного интереса и представить соответствующие доказательства вместе с должной квалификацией и экспертизе в вопросах банкротного права.

Судебная практика применения новых полномочий прокурора в обособленных спорах о субсидиарной ответственности только начинает формироваться. С одной стороны, прокуроры стали следить за законностью процедур и защищать интересы граждан, особенно в случаях, когда банкротство угрожает их социальным, жилищным и (или) трудовым правам. С другой же – органы прокуратуры пока не занимают какую-либо активную позицию, несмотря на существующие правила. Это объясняется объективными ограничениями (кадрового и ресурсного характера) и отсутствием закрытого перечня критериев, определяющих, в каких именно делах участие прокурора является обязательным или целесообразным.

В заключение следует признать, что роль прокурора в обособленных спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности как феномен подчиняется общим тенденциям названного усиления публичных начал в регулировании банкротных отношений и специфическим процессуальным сложностям, порождаемым неполной законодательной регламентацией. Закрепление за прокурором права на самостоятельное инициирование споров о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности и участие в них на любой стадии способно поспособствовать изменению роли прокурора в таких обособленных спорах. Так, прокурор как субъект, активность которого традиционно ограничивалась надзором за законностью судебных актов, становится полноценным участником материально-правовых отношений, связанных с возмещением убытков, причиненных недобросовестными действиями бенефициаров бизнеса.

Литература

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)
2. Вохидов, М.А. Возникновение института субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица / М.А. Вохидов. – Российское право: образование, практика, наука, 2022. – № 2. – С. 72–77.
3. Ключевые подходы к привлечению КДЛ к субсидиарке в судебной практике? [Электронный ресурс] / РусБанкрот, 2026. – URL: <https://rusbankrot.ru/faq/klyuchevye-podkhody-k-privlecheniyu-kdl-k-subsidiarke-v-sudebnoy-praktike/> (дата обращения: 04.07.2026).
4. Малькова, М.Д. Особенности рассмотрения обособленных споров по делам о несостоятельности (банкротстве) / М.Д. Малькова. – Актуальные проблемы правового регулирования общественных отношений, 2021. – С. 1294–1295.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 N 15 (ред. от 25.01.2013) «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе»
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 N 42 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»
7. Сильченко, В.Ю. Обеспечительные меры против лиц, не являющихся ответчиками по иску о субсидиарной ответственности при банкротстве: процессуальные последствия» / В.Ю. Сильченко. – Арбитражный и гражданский процесс, 2025. – № 8. – С. 29–33.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 N 42 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»

² «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)

8. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 10.06.2026) «О несостоятельности (банкротстве)»

9. Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2017. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_35/activity/legal-education/explain/e342546/ (дата обращения: 04.07.2026).

BANKRUPTCY AS A SPACE OF PUBLIC INTEREST. LIMITS OF PROSECUTORIAL INTERVENTION IN INSOLVENCY CASES

Gerts A.M.

Kutafin Moscow State Law University

The author examines the procedural role of the prosecutor in separate disputes concerning the imposition of subsidiary liability on persons controlling the debtor within bankruptcy proceedings. The article analyzes the origins of the concept of subsidiary liability, the legal nature of such separate disputes, and the specifics of the burden of proof in these cases. It addresses the legal grounds for the prosecutor's participation, as established in Article 52 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation, and how these are further defined in Resolution № 42 of the Plenum of the Supreme Court dated December 23, 2025. The article also attempts to identify existing procedural conflicts, leading to the conclusion that the prosecutor's role is undergoing a transformation. The author analyzes the procedural limitations of the prosecutor's status, concluding that prosecutorial intervention primarily ensures that the public aspects of a dispute are taken into account.

Keywords: insolvency (bankruptcy), subsidiary liability, persons controlling the debtor, separate dispute, prosecutor, procedural powers, public interest, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 42

References

1. "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025) (as amended and supplemented, effective January 1, 2026)
2. Vokhidov, M.A. "The Emergence of the Institute of Subsidiary Liability for the Debts of an Insolvent Legal Entity" / M.A. Vokhidov. – Russian Law: Education, Practice, Science, 2022. – No. 2. – Pp. 72–77.
3. Key Approaches to Involving a KDL in Subsidiary Liability in Judicial Practice? [Electronic resource] / RusBankrot, 2026. – URL: <https://rusbankrot.ru/faq/klyuchevye-podkhody-k-privlecheniyu-kdl-k-subsidiarke-v-sudebnoy-praktike/> (date of access: 04.07.2026).
4. Malkova, M.D. Features of the consideration of separate disputes in insolvency (bankruptcy) cases / M.D. Malkova. – Current problems of legal regulation of public relations, 2021. – P. 1294–1295.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 23, 2012, No. 15 (as amended on January 25, 2013) "On Certain Issues of the Prosecutor's Participation in Arbitration Proceedings"
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 23, 2025, No. 42 "On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017, No. 53 "On Certain Issues Related to Bringing Persons Controlling a Debtor to Liability in Bankruptcy"
7. Silchenko, V. Yu. Security Measures against Persons Who Are Not Defendants in a Claim for Subsidiary Liability in Bankruptcy: Procedural Consequences" / V. Yu. Silchenko. – Arbitration and Civil Procedure, 2025. – No. 8. – pp. 29–33.
8. Federal Law of 26.10.2002 N 127-FZ (as amended on 10.06.2026) "On Insolvency (Bankruptcy)"
9. Federal Law of 29.07.2017 N 266-FZ amended the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses [Electronic resource] / Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2017. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_35/activity/legal-education/explain/e342546/ (date of access: 04.07.2026).

Защита свободы договора от экстерриториального санкционного воздействия: исключительная компетенция российских судов, антиисковые запреты и оговорка о публичном порядке

Ершов Андрей Александрович,

аспирант кафедры гражданского права, Челябинский государственный университет
E-mail: [brodrus@yandex.ru]

Предмет исследования – международно-частноправовые и процессуальные средства защиты свободы договора российских участников трансграничного оборота от экстерриториального воздействия односторонних ограничительных мер иностранных государств. На основе новейшей практики Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации 2021–2025 годов анализируются институт исключительной компетенции российских судов (статья 248.1 АПК РФ), антиисковый запрет (статья 248.2 АПК РФ), а также материально-правовые фильтры – сверхимперативные нормы (статья 1192 ГК РФ) и оговорка о публичном порядке (статья 1193 ГК РФ). Обосновывается вывод о формировании в отечественном правопорядке комплексного механизма защиты договорных интересов, сочетающего процессуальные и коллизионные инструменты, и предлагаются направления его совершенствования.

Ключевые слова: свобода договора, трансграничные санкции, исключительная компетенция, антиисковый запрет, публичный порядок, сверхимперативные нормы, международный гражданский процесс, автономия воли.

Введение в проблему

Введение иностранными государствами односторонних ограничительных мер в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц воздействует на свободу договора не только материально – затрудняя или делая невозможным исполнение обязательства [9], – но и процессуально, ограничивая доступ подсанкционных лиц к правосудию. Приостановление ведущими зарубежными арбитражными центрами рассмотрения споров с участием российских лиц и отказ иностранных судов в беспристрастном разбирательстве превратили вопрос о форуме разрешения спора в самостоятельную гражданско-правовую проблему. В строгом международно-правовом смысле санкциями признаются лишь принудительные меры Совета Безопасности ООН; меры же, вводимые отдельными государствами, представляют собой односторонние ограничительные меры, правомерность которых с точки зрения международного права остаётся дискуссионной [6; 7]. Для целей настоящего исследования существенно, что такие меры не являются частью правовой системы Российской Федерации и не обладают на её территории прямым действием [4; 10].

Защита свободы договора российских участников трансграничного оборота обеспечивается совокупностью средств двух видов: процессуальных – исключительной компетенцией российских судов и антиисковым запретом (статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ), и материально-правовых (коллизионных) – сверхимперативными нормами и оговоркой о публичном порядке (статьи 1192 и 1193 ГК РФ). Их системный анализ и составляет предмет настоящей статьи.

Исключительная компетенция российских судов (статья 248.1 АПК РФ)

Статья 248.1 АПК РФ, введённая в 2020 году, наделяет подсанкционных лиц правом перенести спор в российский суд вопреки пророгационному или арбитражному соглашению в пользу иностранного форума. Определяющее значение для её применения имеет правовая позиция Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делу акционерного общества «Уралтрансмаш» (Определение от 9 декабря 2021 г. № 309-ЭС21–6955): сам факт введения в отношении российского лица ограничительных мер предполагается достаточным для вывода об ограничении его доступа к правосудию, вследствие чего такое лицо освобождается от доказывания конкретных препятствий в защите своих прав в иностранном форуме. Тем самым установлена опровержимая презумпция затруднённости доступа подсанкционного лица к иностранному суду или арбитражу, существенно снижающая для него бремя доказывания.

Впоследствии Верховный Суд распространил эту презумпцию и на лиц, прямо не включённых в санкционные списки, но объективно затронутых ограничительными мерами (Определение от 28 ноября 2024 г. № 305-ЭС24–13398): сопряжённые с санкционным режимом трудности – невозможность свободного перемещения, получения виз, оплаты арбитражного сбора – очевидно затрудняют реализацию конституционного права на судебную защиту и не могли быть предвидены при заключении соглашения, вследствие чего арбитражная оговорка признаётся неисполнимой. Конституционность механизма подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации (Определение от 29 апреля 2025 г. № 999-О): правила статей 248.1 и 248.2 АПК РФ направлены на обеспечение подсанкционным лицам реального доступа к правосудию и сами по себе не нарушают конституционных прав иных участников оборота. С позиций международного частного права данный подход означает приоритет обеспечения процессуальных прав отечественного участника оборота над договорным условием о выборе форума [2; 5].

Антиисковый запрет (статья 248.2 АПК РФ) и сравнительно-правовой контекст

Зеркальным по отношению к статье 248.1 инструментом выступает антиисковый запрет (anti-suit injunction), закреплённый статьёй 248.2 АПК РФ: подсанкционное лицо вправе требовать запрета инициировать или

продолжать разбирательство в иностранном суде либо международном коммерческом арбитраже под угрозой взыскания денежной суммы. Российская судебная практика последовательно удовлетворяет такие требования. Так, по заявлению Банка ВТБ суды запретили иностранному контрагенту продолжать разбирательство в Высоком суде Гонконга и Гонконгском международном арбитражном центре (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 августа 2024 г. по делу № А56–84760/2023), а по заявлению общества «Русхимальянс» аналогичный запрет вынесен в отношении разбирательства, инициированного иностранным банком (дело № А56–90971/2024, оставлено в силе Определением Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 307-ЭС25–3144).

Сравнительно-правовой анализ показывает, что судебный запрет на ведение разбирательства за рубежом не является исключительно российским изобретением. Антиисковые запреты давно известны странам общего права, где суд вправе под угрозой ответственности за неуважение к суду запретить стороне процесс в иностранном форуме в нарушение арбитражного или пророгационного соглашения. В праве Европейского союза, напротив, такие запреты признаны несовместимыми с принципом взаимного доверия между судами государств-членов (решение Суда Европейского союза по делу Allianz SpA v West Tankers Inc, C-185/07). Российский законодатель, вводя статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ, по существу воспринял англо-американскую модель, адаптировав её к задаче защиты подсанкционных лиц; подобная рецепция процессуального инструментария отражает наблюдаемую в сравнительном правоведении конвергенцию национальных правовых порядков перед лицом общих вызовов [10].

Материально-правовые фильтры: сверхимперативные нормы и оговорка о публичном порядке

Процессуальные средства дополняются материально-правовыми (коллизийными). Автономия воли сторон, позволяющая избрать применимое к договору право (статья 1210 ГК РФ), не является безграничной: её действие ограничивается нормами непосредственного применения (статья 1192 ГК РФ) и оговоркой о публичном порядке (статья 1193 ГК РФ) [1; 5; 8]. Пункт 2 статьи 1192 ГК РФ допускает лишь факультативный учёт иностранных сверхимперативных норм – к числу которых относятся и санкционные предписания третьих государств, – но не обязательное их применение: российский суд сохраняет свободу усмотрения и не связан санкционными нормами иностранного государства. Тем самым отечественное коллизийное право позволяет учитывать фактические последствия санкций, не придавая им нормативной силы на территории Российской Федерации.

Заключительным барьером выступает оговорка о публичном порядке. Так, арбитражный суд отказал в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения о взыскании денежных сумм, заключив, что его исполнение противоречило бы публичному порядку Российской Федерации – фундаментальным правовым началам, обладающим высшей императивностью и особой общественной значимостью (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 апреля 2024 г. по делу № А53–33710/2023). Теоретической предпосылкой такого подхода служит принятая отечественной доктриной концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права: международно-правовые предписания применяются лишь в той мере, в какой обязательность их для России надлежащим образом выражена, тогда как односторонние ограничительные меры этому критерию не отвечают и потому не обладают прямым действием [3; 4; 10].

Выводы и предложения

Проведённый анализ позволяет заключить, что в российском правовом порядке сформировался комплексный механизм защиты свободы договора от экстерриториального санкционного воздействия, в котором процессуальные средства (исключительная компетенция российских судов и антиисковый запрет) действуют совместно с материально-правовыми (сверхимперативные нормы и оговорка о публичном порядке). Их общим основанием выступает признание того, что односторонние ограничительные меры иностранных государств не являются частью правовой системы Российской Федерации и учитываются лишь как фактические обстоятельства, влияющие на исполнимость обязательства и доступ к правосудию.

В целях совершенствования регулирования представляется целесообразным: во-первых, нормативно закрепить – на уровне разъяс-

нений Пленума Верховного Суда Российской Федерации либо путём дополнения раздела VI ГК РФ – гражданско-правовой режим иностранных санкционных предписаний как фактических обстоятельств, а не подлежащих применению норм; во-вторых, выработать чёткие критерии применения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ, обеспечивающие баланс между защитой процессуальных прав подсанкционных лиц и принципом автономии воли при выборе компетентного форума. Такое решение обеспечило бы единообразие правоприменения и предсказуемость для участников трансграничного оборота.

Литература

1. Асосков А.В. Основы коллизийного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 352 с.
2. Ерпылёва Н.Ю. Международное частное право: учебник: в 3 т. Т. 1. М.: Юрайт, 2018. 462 с.
3. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Особенная часть. М.: Статут, 2010. 544 с.
4. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: учебник. М.: Норма, 1999. 584 с.
5. Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2019. 664 с.
6. Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. М.: Проспект, 2015. 184 с.
7. Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2019. 186 с.
8. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1007 с.
9. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М.: Норма, 2011. 288 с.
10. Zweigert K., Kötz H. Introduction to Comparative Law. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 1998. 744 p.

PROTECTION OF FREEDOM OF CONTRACT AGAINST EXTRATERRITORIAL SANCTIONS: EXCLUSIVE JURISDICTION OF RUSSIAN COURTS, ANTI-SUIT INJUNCTIONS AND THE PUBLIC POLICY CLAUSE

Ershov A.A.

Chelyabinsk State University

The subject of the research is the private-international-law and procedural means of protecting the freedom of contract of Russian participants in cross-border transactions against the extraterritorial impact of unilateral restrictive measures of foreign states. Based on the recent (2021–2025) practice of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, the article analyses the exclusive jurisdiction of Russian courts (Article 248.1 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation), the anti-suit injunction (Article 248.2), as well as substantive filters – overriding mandatory rules (Article 1192 of the Civil Code) and the public policy clause (Article 1193). The author substantiates the conclusion on the formation of a complex mechanism of protection combining procedural and conflict-of-laws instruments and proposes directions for its improvement.

Keywords: freedom of contract, cross-border sanctions, exclusive jurisdiction, anti-suit injunction, public policy, overriding mandatory rules, international civil procedure, party autonomy.

References

1. Asoskov A.V. Fundamentals of Conflict of Laws. Moscow: Infotropic Media, 2012. 352 p.
2. Erpyleva N. Yu. Private International Law: Textbook: in 3 volumes. Vol. 1. Moscow: Yurait, 2018. 462 p.
3. Zimnenko B.L. International Law and the Legal System of the Russian Federation. Special Part. Moscow: Statut, 2010. 544 p.
4. Ignatenko G.V., Tiunov O.I. International Law: Textbook. Moscow: Norma, 1999. 584 p.
5. Kanashevsky V.A. International Transactions: Legal Regulation. 2nd ed. Moscow: International Relations, 2019. 664 p.
6. Keshner M.V. Economic Sanctions in Modern International Law: Monograph. Moscow: Prospect, 2015. 184 p.
7. Kritsky K.V. Sanctions and Unilateral Restrictive Measures in Modern International Law: Diss. ... Cand. of Law: 12.00.10. Moscow, 2019. 186 p.
8. Lunts L.A. Course in Private International Law: in 3 volumes. Moscow: Spark, 2002. 1007 p.
9. Marochkin S. Yu. Operation and Implementation of International Law in the Legal System of the Russian Federation. Moscow: Norma, 2011. 288 p.
10. Zweigert K., Kötz H. Introduction to Comparative Law. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 1998. 744 p.

К вопросу о взаимосвязи института корпорации, класса бюргерства и доктрины протестантизма

Жданова Екатерина Николаевна,
аспирант, юрист, ИПНБ РАНХиГС
E-mail: ekaterinazhdanova722@gmail.com

В статье рассматривается процесс взаимосвязанного развития института корпорации и класса бюргерства в историко-правовом контексте европейского позднего Средневековья и религиозной Реформации. Основными методами исследования являются историко-правовой, сравнительный и структурно-функциональный анализ. В рамках исследования утверждается тезис о ключевой роли городских корпораций в механизме формирования правосубъектности и самоидентичности бюргерства. Отдельно рассматривается структура городских корпораций (цехов), обнаруживаются структурные и содержательные параллели корпорации и протестантской общины. Показано, что протестантская доктрина способствовала экономическому усилению и повышению политического представительства класса бюргеров, одновременно вызывая коренные изменения в устройстве городского общества позднего средневековья в целом, и его корпоративных институтов, в частности. Исследуется процесс трансформации института корпорации под влиянием контекста Европейского общества Нового времени. Исследование приводит к выводу о ведущей роли института корпораций в трансформации общественной формации и его переходе к раннекапиталистическому устройству.

Ключевые слова: корпорация, средневековый город, бюргерство, цеховые организации, городское право, Реформация, протестантская этика, правосубъектность, гражданское общество, историко-правовой анализ.

Рассматриваемый в рамках данной работы институт корпорации, сложившийся еще в раннем средневековье, к периоду Реформации получил новую социальную базу и нравственно – философское обоснование. В классической философии права корпорация рассматривалась как фундаментальный этический и правовой институт гражданского общества. Понятие «бюргерство» (*bürgerliche Gesellschaft*) исторически и философски неразрывно связано с корпоративным устройством: бюргер обретал свою правосубъектность именно через принадлежность к цеху, городской корпорации. В свойственной для городов Германии правовой системе (*Stadtrecht*) корпоративное устройство являлось основой городского самоуправления и, как следствие, правовой и традиционной базой для формирования современных демократических институтов [1].

В условиях современной атомизации общества и поиска новых форм гражданской идентичности, обращение к классическому пониманию корпорации, как «нравственного корня» права, позволяет по-новому взглянуть на механизмы самоорганизации общества, профессиональную этику и взаимодействие государства и общества.

Средневековый европейский город являлся отдельным правовым субъектом, «коллективным феодалом» [4]. Это община, пользовавшаяся широкой автономией в вопросах экономики, самоуправления и суда.

Важнейшая функция средневекового города – защита интересов и правовое представительство своих жителей. В условиях отсутствия устойчивых государственных институтов правоприменения и правовой защиты, обычный человек, не феодал и не священнослужитель, мог рассчитывать на защиту своих интересов исключительно будучи частью субъекта коллективного – городской корпорации, или же городской общины в целом [10]. В этом заключалась принципиальная ценность статуса горожанина – через членство в городской общине человек обретал правосубъектность.

Правовая, экономическая и интеллектуальная среда средневекового города формировала у его жителей особый тип правосознания, связанный с личной эмансипацией и коллективным участием в самоуправлении. Анри Пиренн [8], утверждал, что население городов в данный период сформировалось в особое сословие, обладавшее исключительным правовым статусом. Одной из основ этого особого правового статуса стала личная свобода. До нас дошла юридическая аксиома, существовавшая в германском городском праве – «*Stadtluft macht frei*» (городской воздух делает свободным) [7]. Этот принцип был четко закреплён в городском законодательстве.

Индивидуальная свобода жителя средневекового города – это крайне необычный правовой статус в контексте феодального общества. Он проистекал из правового статуса самого города, закреплённого через систему хартий. Городская хартия – это своего рода учредительный договор между сувереном и городской общиной. Подобные договоры в дальнейшем сформировали общепринятую для средневековой Европы систему взаимодействия между городскими общинами и феодалами, известную как Магдебургское или Любекское право. Макс Вебер утверждает, что правовой феномен европейского города возник благодаря тому, что сообщество горожан осознало себя в качестве союза, способного к консолидированной защите своих прав перед лицом внешней власти [3].

Город в системе средневекового права воспринимался как «corpus», коллективный субъект. Однако таковым он выступал в вопросах внешних отношений – договоров с феодалами и другими городами. Внутренняя правовая структура города представляла собой систему меньших коллективных субъектов – городских корпораций, цехов и гильдий. Такая организация объединяла ремесленников и регулировала вопросы профессиональных стандартов, определяла объёмы выпуска и распределяла заказы между своими членами.

Во внутренней структуре цеха угадываются определенные параллели с организационной моделью расширенной традиционной семьи. Главный мастер имел статус патриарха, управлявшего подмастерьями и учениками. Строгого разделения семейной и производственной сферы на этом этапе не прослеживается. Феномен цеха можно интерпретировать как органическое развитие экономической стороны концепции расширенной семьи.

Существовало, однако, и важное отличие организационной структуры расширенной патриархальной семьи от свойственной для городской корпорации (цеха). Оно заключалось в демократической природе последнего. В этом смысле цех более всего походил на современные непубличные акционерные общества или их аналог в западном праве, Ltd. Право голоса в этой системе принадлежало только полноправным членам в статусе мастера. При этом выборный глава цеха обладал довольно широкими полномочиями, а решения были обязательными для выполнения всеми членами цеха.

Эти особенности организационной структуры цеха обнаруживают параллели в протестантской общине. Главной выборной должностью в последней был священник. Его задачей было не столько соблюдение религиозного ритуала, сколько моральное и богословское наставление прочих членов общины. Другая параллель между городской корпорацией и протестантской общиной связана с преимущественным социальным составом обеих форм организации. Корпоративная структура средневекового города стала средой для развития нового социального слоя – бюргеров. Бюргером считался полноправный житель города, совершеннолетний, соответствующий имущественному цензу, являющийся членом цеха и, как следствие, участвующий в управлении городом. Этот социальный класс был чужд окружающей его системе власти и ценностей, и был вынужден искать защиты в рамках породивших его цеховых институтов. Вследствие чего, как утверждает Т.В. Кашанина [6], корпорация стала институциональной формой защиты частных интересов.

Для всего периода европейского средневековья характерен коренной конфликт бюргерства и феодальных классов. Его социально-экономический аспект заключается в противостоянии старого землевладельческого уклада и зарождавшейся протокапиталистической формы экономики. Другой его составляющей стала эрозия институтов, легитимизирующих феодальную власть через обладание землей, обеспечиваемое служением сюзерену.

Третий аспект этого конфликта – религиозно-философский. Феодальная система общества имела догматическое обоснование. Церковь провозглашала разделение общества на 3 класса: священнослужителей, воюющих за веру (феодалов) и крестьян, которые кормят два оставшихся класса. Для горожан – ремесленников, ставших основой для формирования бюргерского класса, в этой системе места не было. Их образ жизни негласно объявлялся не богоугодным.

Это обстоятельство, как и экономическое усиление бюргерского класса, способствовавшее пробуждению его политических амбиций, стало одним из факторов, подготовивших почву для религиозной Реформации и вызванной ей смены общественно-экономической формации и религиозно-философской парадигмы. В контексте описанного ранее конфликта города и феодальной системы, критика церкви перестала быть исключительно религиозным протестом и приобрела институциональную поддержку.

Успех религиозной реформации в бюргерской среде северной и центральной Европы определялся сочетанием нескольких факторов. Помимо экономического, политического, большую роль играл и непосредственно теологический фактор – протестантская доктрина.

Возможно, наиболее революционной идеей протестантской доктрины стало учение о мирском призвании (Beruf) – радикальное переосмысление средневековой идеи о богоугодном труде. Теперь богоугодным объявлялся абсолютно любой честный труд, в котором человеку сопутствует некоторый успех, который сам по себе стал восприниматься как признак божественного благословения и грядущего спасения души. Таким образом, сакрализировалась мирская деятельность и экономическая рациональность.

Наиболее известная интерпретация того, как протестантская доктрина повлияла на социально-экономическую жизнь Европы, была высказана М. Вебером. В своих работах он утверждал [2], что монашеская аскеза не была вытеснена из реформированного христианства, но эволюционировала в идею монашества в миру, что требовало от верующего куда больших моральных усилий – дисциплины, самоконтроля и самоотверженного усилия в мирской деятельности.

Совершенно новую роль в этой доктрине играл экономический успех. Если в христианстве предыдущих эпох накопление богатств так или иначе порицалось, то в протестантизме, оно считалось благим предзнаменованием, знаком божественного расположения. С другой стороны, протестантская доктрина активно порицала роскошь во всех ее проявлениях. Эти две религиозных предпосылки стимулировали человека усердно работать и reinvestировать прибыль в дело, самому при этом довольствуясь малым.

Другая идея протестантской доктрины – личная ответственность человека перед богом, естественным образом способствовала разви-

тию индивидуалистического правового сознания, свойственного современному обществу [5].

Институт городских корпораций, столь сильно способствовавший успеху религиозной Реформации, под ее влиянием претерпел сильные изменения. Первоначально, членство в городской корпорации имело, в том числе, и религиозный смысл. Новые члены цеха часто принимали клятву верности, напоминающую оммаж. Позднее, фундаменталистские тенденции, лежавшие в основе протестантской доктрины, привели к исключению публичных религиозных обетов и клятв, что в итоге означало десакрализацию многих общественных институтов, в частности, института корпорации.

В последующую эпоху Нового времени институт корпорации сыграл важную роль в одном из наиболее критических процессов мировой истории – колониальной экспансии. Корпоративная форма управления показала свою эффективность в качестве организационной формы устройства колониальных компаний – Голландской и Британской Ост-Индских компаний. Велика была роль этого института и в эпоху Промышленной революции, когда с помощью появившихся немногим ранее акционерных обществ, новаторы, изобретатели и промышленники могли относительно быстро найти финансирование для своих предприятий. Однако, начиная примерно с эпохи Промышленной революции, наблюдается постепенное снижение политической и экономической роли городских корпораций. Это обусловлено, с одной стороны, изменением технологического уклада и, как следствие, экономической формации, а с другой стороны, окончательной личной эмансипацией и формированием современных общественных институтов управления.

Оптика данного исследования рассматривала институт корпорации в широком историческом, социальном и культурном контексте европейских городов позднего Средневековья и Нового времени. Этот подход позволил вскрыть взаимосвязь между обозначенным институтом, классом бюргеров, и морально-этическими положениями доктрины Реформации.

Структурный анализ средневекового городского сообщества, и отдельных составляющих его городских корпораций, их организационной формы и правового статуса, раскрыл корпоративную суть этой социальной формации.

Анализ исторического генезиса класса бюргеров, процесса его экономического усиления и пробуждения классовых политических амбиций, подтвердил ведущую роль средневековых городских корпораций как наиболее органичной формы самоуправления и консолидации сил.

В свою очередь, сравнительный анализ организационной формы протестантской общины и структуры городской корпорации (цеха), выявил структурные параллели: оба этих института воспроизводили расширенную семью, ставшую прообразом раннехристианской религиозной общины, добавляя в ее структуру несколько важных изменений, главным из которых был принцип демократического самоуправления. Эта схожесть стала одной из причин чрезвычайно быстрого, органичного и массового принятия классом бюргеров доктрины религиозной Реформации.

На последнем этапе исследования рассматривалось влияние протестантизма и его основного носителя, бюргерского класса, на процесс коренного преобразования существовавшей в Европе социально-экономической формации, сохраняли свою ведущую роль до начала Промышленной революции. В дальнейшем их влияние значительно снизилось в связи с возрастающей личной эмансипацией и становлением индивидуализма в качестве основной идеи западного общества. Однако, корпоративная форма организации все еще актуальна, пусть не для общества целиком, но для отдельных компаний. Таким образом, значительный опыт саморегулирования, накопленный средневековыми цехами и гильдиями, отражается в современном праве.

В заключении стоит отметить, что средневековые городские корпорации, сыгравшие столь значимую роль в становлении религиозной Реформации и окончательном закате феодальной общественно – экономической формации, сохраняли свою ведущую роль до начала Промышленной революции. В дальнейшем их влияние значительно снизилось в связи с возрастающей личной эмансипацией и становлением индивидуализма в качестве основной идеи западного общества. Однако, корпоративная форма организации все еще актуальна, пусть не для общества целиком, но для отдельных компаний. Таким образом, значительный опыт саморегулирования, накопленный средневековыми цехами и гильдиями, отражается в современном праве.

Литература

1. Бёрман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Бёрман; пер. с англ. – Москва: Изд-во МГУ, 1998. – 624 с.
2. Вебер М. Город / М. Вебер; пер. с нем. – Москва: Strelka Press, 2017. – 252 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; пер. с нем. – Москва: АСТ, 2020. – 352 с.

4. Гирке О. фон. Политические теории средневековья / О. фон Гирке; пер. с нем. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 408 с.

5. Исаев И.А. История государства и права зарубежных стран: учебник / И.А. Исаев. – Москва: Норма, 2019. – 800 с.

6. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права: учебное пособие / Т.В. Кашанина. – Москва: Норма, 2010. – 464 с.

7. Нерсисянц В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсисянц. – Москва: Норма, 1998. – 704 с.

8. Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / А. Пиренн; пер. с англ. и предисл. С.И. Архангельского. – Горький: Горьковский педагогический институт, 1941. – 126 с.

9. Трёльч Э. Социальные учения христианских церквей и групп / Э. Трёльч; пер. с нем. – Москва: Республика, 1994. – 784 с.

10. Чичерин Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – Москва: Типография Грачева, 1900. – 352 с.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE INSTITUTION OF THE CORPORATION, THE BOURGEOIS CLASS, AND THE DOCTRINE OF PROTESTANTISM

Zhdanova E.N.

Institute of Scientific and Technical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the interrelated development of the institution of the corporation and the bourgeois class in the historical and legal context of the European late Middle Ages and the religious Reformation. The primary research methods are historical and legal, comparative, and structural-functional analysis. The study advances the thesis of the key role of urban corporations in the formation of the legal personality and self-identity of the bourgeoisie. The structure of urban corporations (guilds) is examined separately, revealing

structural and substantive parallels between the corporation and the Protestant community. It is shown that Protestant doctrine contributed to the economic strengthening and increased political representation of the bourgeois class, simultaneously causing fundamental changes in the structure of urban society in the late Middle Ages in general, and its corporate institutions in particular. The transformation of the institution of the corporation under the influence of the context of European society in the early modern period is examined. The study concludes that the institution of corporations played a leading role in the transformation of the social formation and its transition to an early capitalist structure.

Keywords: corporation, medieval city, burghers, craft organizations, municipal law, Reformation, Protestant ethics, legal personality, civil society, historical and legal analysis.

References

1. Burman G.J. The Western Legal Tradition: The Formation Era / G.J. Burman; translated from English. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 1998. – 624 p.

2. Weber M. The City / M. Weber; translated from German. – Moscow: Strelka Press, 2017. – 252 p.

3. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / M. Weber; translated from German. – Moscow: AST, 2020. – 352 p.

4. Gierke O. von. Political Theories of the Middle Ages / O. von Gierke; translated from German. – St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2004. – 408 p.

5. Isaev I.A. History of the State and Law of Foreign Countries: textbook / I.A. Isaev. – Moscow: Norma, 2019. – 800 p.

6. Khashanina T.V. The Origin of the State and Law: a textbook / T.V. Khashanina. – Moscow: Norma, 2010. – 464 p.

7. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: a textbook for universities / V.S. Nersesyants. – Moscow: Norma, 1998. – 704 p.

8. Pirenne A. Medieval Cities and the Revival of Trade / A. Pirenne; translated from English and foreword by S.I. Arkhangelsky. – Gorky: Gorky Pedagogical Institute, 1941. – 126 p.

9. Troeltsch E. Social Teachings of Christian Churches and Groups / E. Troeltsch; translated from German. – Moscow: Republic, 1994. – 784 p.

10. Chicherin B.N. Philosophy of law / B.N. Chicherin. – Moscow: Grachev Printing House, 1900. – 352 p.

Загорских Светлана Анатольевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева»
E-mail: pelageya82@yandex.ru

В настоящей научной статье автор рассматривает особенности осуществления семейных прав в современном российском праве. Прежде всего, автор анализирует сущность данной категории, отличительные характеристики. Далее автор научной работы уже более детально исследует конкретные черты, приводит практические примеры, анализирует защиту осуществления семейных прав, характеристики ее современного состояния. В заключении исследования автор отмечает тенденцию постоянного развития и совершенствования семейных правоотношений как таковых, в т.ч. их отдельных разновидностей. Также автор пишет о необходимости актуализации данной темы в контексте теоретического и практического осмысления современных ученых, правоведов, практиков, представителей педагогического сообщества. Объектом исследования являются особенности осуществления семейных прав в современном российском праве. Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей осуществления семейных прав в современном российском праве. Методы исследования: это формально-юридический, компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, статистический, математический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей осуществления семейных прав в современном российском праве. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся средствами и методами осуществления семейных прав в современном российском праве в целом.

Ключевые слова: семейные права, семейные правоотношения, правовое регулирование, осуществление семейных прав, современное состояние.

Семейные правоотношения выступают стратегически важной составляющей нормального функционирования большинства государств мира, в т.ч. современного российского. Семейные правоотношения – основа формирования здорового, полноценного общества, его отдельных институтов, база для эффективного развития государства. В российской практике сегодня семейные правоотношения выступают одним из ключевых направлений разработки и реализации национальной политики, причем по разным направлениям [7].

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, в последние годы в российском семейном законодательстве произошли существенные изменения, затронувшие порядок осуществления родительских прав, алиментных обязательств и иных институтов, что требует теоретического осмысления новых правовых конструкций. Во-вторых, судебная практика по семейным делам демонстрирует устойчивый рост споров, связанных с определением порядка общения с детьми, взысканием алиментов и разделом имущества супругов, что свидетельствует о наличии проблем в механизме реализации семейных прав. В-третьих, в доктрине семейного права до настоящего времени отсутствует единый подход к определению понятия «осуществление семейных прав», его структуры и пределов, что создаёт терминологическую неопределённость и затрудняет правоприменение. Как справедливо отмечает М.В. Ульянова, современные представления об осуществлении прав связаны с понятиями «пределы осуществления прав» и «злоупотребление правом»; эта тема актуальна и для науки семейного права [11]. Указанные обстоятельства предопределяют необходимость комплексного анализа особенностей осуществления семейных прав в современном российском праве.

Семейные правоотношения в своем большинстве регламентируются нормами семейного законодательства, хотя отдельные элементы подлежат регулированию положениями гражданского, жилищного, земельного, иного права. В т.ч. это касается и непосредственно осуществления семейных прав как таковых.

Стартовой точкой в становлении и развитии семейных правоотношений выступает термин «семья». Согласно нормам главы 3 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), семья в современном российском законодательстве тождественна понятию «брак», который, в свою очередь, подлежит заключению при соблюдении определенных условий:

- добровольность;
- разнополый союз и отсутствие между потенциальными супругами кровнородственных связей;
- достижение брачного возраста;
- отсутствие обстоятельств, исключающих возможность заключения брака.

Таким образом, осуществление семейных прав допустимо только в пределах строго определенной, конкретной социальной группы, обладающей определенными характеристиками. Семейные права в итоге – это права, осуществляемые в семье [4].

В доктрине семейного права сложились различные подходы к определению осуществления семейных прав. Одни авторы (А.М. Нечаева, Л.М. Пчелинцева) рассматривают осуществление семейных прав преимущественно через призму реализации конкретных правовых норм, акцентируя формально-юридический аспект. Другие исследователи (О.Ю. Ильина, Е.П. Титаренко) обосновывают необходимость включения в механизм осуществления договорных форм реализации, таких как семейно-правовые соглашения. В монографии М.В. Ульяновой представлена концепция осуществления семейных прав и их принципов, в рамках которой определяются цель и последствия, а также структура осуществления семейных прав и исполнения обязанностей [10]. Анализ указанных подходов позволяет сделать вывод, что большинство исследователей сходятся в понимании осуществления семейных прав как реализации субъектами семейных правоотношений предоставленных им законом возможностей, однако различаются в определении структуры, принципов и пределов такого осуществления.

В свою очередь, если характеризовать семейные правоотношения уже более детально, то можно отметить следующие их отличительные черты. Во-первых, это наличие корреспондирующих друг другу прав и обязанностей у каждого участника таких правоотношений. Важно, что такие права и обязанности тесно связаны непосредственно с лич-

ностью их носителя. Во-вторых, длящийся характер таких правоотношений, при этом фактически нет установленного временного предела существования семьи, поэтому данная характеристика крайне индивидуальна. В-третьих, относительность – увы, но большинство разновидностей семейных правоотношений абсолютизмом не отличаются.

Каждая из представленных выше отличительных особенностей на практике порождает определенные проблемы. Так, *длящийся характер* семейных правоотношений, с одной стороны, обеспечивает стабильность семьи, а с другой – создаёт сложности при определении момента возникновения и прекращения прав и обязанностей (например, при разделе имущества супругов после длительного периода раздельного проживания). *Относительность* большинства семейных прав означает, что управомоченное лицо не может реализовать принадлежащее ему правомочие без участия обязанного субъекта (например, право на общение с ребёнком не может быть осуществлено, если другой родитель чинит препятствия). Это предопределяет необходимость наличия эффективных механизмов принудительной реализации семейных прав, которые, как показывает практика, не всегда являются достаточными.

На практике каждую из представленных выше отличительных особенностей можно наблюдать лишь в процессе осуществления семейных прав. В связи с этим, полагаем актуальным дать определение данному термину: итак, осуществление семейных прав – это реализация субъектами семейных правоотношений возможностей, отражающих само содержание субъективных прав [3; 5].

Рассмотрим некоторые практические примеры. В частности, это институт усыновления. Особенностью усыновления выступает то, что подобные правоотношения юридически могут быть реализованы только через совершение уполномоченным (вернее, управомоченным) лицом совокупности определенных действий, в строго установленных нормативно пределах. Или же, к примеру, проанализируем алиментные правоотношения. Право на получение алиментов, согласно семейному законодательству, это право, а потому целиком зависит от наличия активных действий по отношению к третьим лицам, в т.ч. в части предъявления требований по воздержанию от совершения действий. Иными словами, в рамках семейных правоотношений их участники могут иметь определенные, предоставленные им законодательно, права, но фактически не сделать этого. Тем не менее, широкий перечень семейных правоотношений предусматривает императивный характер и установления, и самой реализации [5].

Иными словами, приведенные выше примеры в полной мере подтверждают, что осуществление семейных прав в прямой степени зависит от содержания реализуемого субъективного права.

При этом, в некоторых случаях можно наблюдать довольно жесткий контроль осуществления конкретных разновидностей семейных прав со стороны уполномоченных субъектов (в частности, это органы опеки и попечительства) [2]. Например, довольно широкий перечень таких прав предусмотрен в рамках реализации институтов усыновления, опеки, попечительства и иных. В отношении опекуна или попечителя уполномоченный субъект производит меры постоянного, комплексного контроля – без этого институт сам по себе не функционирует. И если в целом рассматривать многогранный воспитательный функционал родителей или законных представителей в отношении детей, то здесь можно наблюдать сложную систему разного рода контрольно-надзорных действий, реализуемых не только органами опеки и попечительства, но и другими субъектами (например, органами прокуратуры или Уполномоченным по правам ребенка в РФ).

Осуществление семейных прав довольно часто связано с тождественностью прав двух лиц – их носителей, что подразумевает наличие согласованности в их действиях. Так, родители, находящиеся в разводе, все же обязаны согласовывать, в каком образовательном учреждении будет получать образование ребенок, может ли он поехать отдыхать с одним из родителей за границу и т.д. И если некоторые семейные права подразумевают необходимость такой согласованности лишь в теории, исходя из сути самой семьи как социальной группы, то в приведенных выше примерах обязанность достижения такого согласия родителями устанавливается законодательно [8].

Отметим, что данное требование чаще других не соблюдается на практике, а потому зачастую выступает актуальным предметом для судебных разбирательств.

Отметим также, что осуществление семейных прав в своем большинстве подразумевает важность соблюдения морально-этической составляющей. В частности, это выражается в том, что семейные правоотношения сами по себе базируются на совокупности следующих принципов:

- разумность;
- добросовестность;

- учет норм морали и нравственности;
- законность;
- целевое назначение;
- наказуемость в контексте наличия возможности привлечения к разным видам юридической ответственности;
- иные [6].

Важным элементом осуществления семейных прав выступает их рассмотрение как объекта охраны, защиты. Под защитой семейных прав необходимо понимать систему мер, которые применяются к нарушителю права в соответствии с нормами действующего законодательства. Право на защиту является элементом правоспособности и реализуется гражданином, как правило, по собственному усмотрению в случае, если его право было нарушено.

Таким образом, предметом защиты в данном случае являются непосредственно субъективные права и обязанности участников семейных правоотношений, которые на практике довольно часто подлежат оспариванию третьими лицами, а также ими нарушаются, о чем уже было кратко сказано выше [3]. При этом, уполномоченные субъекты могут исходить из интересов не сторон спора, а другого субъекта семейных правоотношений – например, ребенка. Так, если опекуны не исполняют надлежащим образом установленные законодательно права и обязанности в отношении несовершеннолетнего, суд исходит из необходимости всесторонней, полноценной защиты его прав, свобод, законных интересов.

Анализ судебной практики позволяет выявить наиболее распространенные категории споров, связанных с осуществлением семейных прав. Согласно Обзору судебной практики Верховного Суда РФ [13], значительную долю составляют дела об определении порядка общения с ребёнком (ст. 66 СК РФ), о взыскании алиментов (гл. 17 СК РФ) и о разделе совместного имущества супругов (ст. 38, 39 СК РФ). Примечательно, что во многих случаях стороны обращаются в суд не потому, что спор невозможно разрешить во внесудебном порядке, а вследствие отсутствия эффективных механизмов досудебного урегулирования. Как справедливо отмечают исследователи, наиболее универсальной, объективной и справедливой является судебная защита прав в сфере семейных правоотношений [3]. Однако судебный порядок не всегда является оптимальным с точки зрения временных и финансовых затрат, а также сохранения внутрисемейных отношений. В связи с этим перспективным направлением представляется развитие договорных форм осуществления семейных прав, в частности, заключение соглашений между членами семьи, которые позволяют решать внутрисемейные вопросы по взаимному согласию и преодолевать конфликты.

Способы защиты семейных прав могут быть классифицированы не только по процедурному критерию (как представлено в таблице 1), но и по **субъекту, применяющему меры защиты**:

1. **Судебная защита** – осуществляется судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства. Является универсальным и наиболее распространённым способом.

2. **Административная защита** – осуществляется органами опеки и попечительства, прокуратурой, Уполномоченным по правам ребёнка. Характерна для случаев, когда затрагиваются права несовершеннолетних.

3. **Самозащита** – самостоятельные действия управомоченного лица, направленные на пресечение нарушения права (например, обращение к обязанному лицу с требованием, изменение фактического порядка осуществления права). Важно, что самозащита не должна нарушать установленные законом пределы осуществления прав.

4. **Защита через договорные механизмы** – заключение, изменение или расторжение семейно-правовых соглашений, направленных на урегулирование спорных вопросов (например, соглашения о порядке общения с ребенком, алиментные соглашения).

Иными словами, как само по себе осуществление семейных прав подразумевает довольно широкий перечень внутренних составных элементов, большинство из которых – индивидуальные и зависят от характеристик конкретной семьи, так и предусмотренный законодательством инструментарий защиты многогранен в своем выражении. Отметим, что перечень возможных для реализации способов защиты не закрыт, а также постоянно обновляется и совершенствуется.

Важно, что участники семейных правоотношений самостоятельно выбирают способ защиты, актуальный для конкретной спорной ситуации. Однако в некоторых случаях выбора в инструментарии законодатель не дает: к примеру, при расторжении брака супруги, имеющие несовершеннолетних детей, могут достигнуть желаемого результата только через судебную инстанцию вне зависимости от того, имеют ли они спор в отношении будущего ребенка или нет [7]. Аналогичным образом предусмотрен исключительно судебный порядок разбиратель-

ства для спорных ситуаций, когда между супругами в рамках реализации процедуры расторжения брака существуют разногласия об имуществе.

Ученые-правоведы отмечают, что в контексте рассмотрения категории «осуществление семейных прав» необходимо также обратить внимание на презумпции и фикции. Так, п. 2 ст. 48 СК РФ подразумевает, что в ситуации, когда женщина родила ребенка в течение 300 дней после расторжения брака, его отцом будет считаться и официально зафиксирован в таком качестве документально бывший супруг. Аналогичная презумпция действует в случае признания брака недействительным.

Также в качестве примера презумпции можно рассматривать признание супруга умершим или пропавшим без вести по истечении установленного законодательством срока. Как известно, о каждой из данных презумпций принимается соответствующее судебное решение, которое приводит в семейные правоотношения определенные правовые последствия. К примеру, это касается разрешения вопросов прав собственности или наследственных прав. В свою очередь, такая презумпция может напрямую влиять на обеспечение жизни семьи признанного умершим или пропавшим без вести. Например, назначение пенсии по потере кормильца или вступление в право наследования позволяют существенно поправить имущественное положение членов семьи [2]. Иными словами, фактически мы наблюдаем крайне высокую степень практической значимости презумпций в рамках осуществления семейных прав.

Среди примеров других распространенных на практике презумпций можно обозначить: презумпцию происхождения общего ребенка от лиц, находящихся в браке, также – презумпция их добросовестности как родителей непосредственно, презумпция равенства прав и обязанностей родителей, их действия в интересах защиты прав, свобод, законных интересов их детей, и другие.

В рассматриваемом контексте проанализируем также и правовую фикцию. Правовая фикция представляет собой прием законодательной техники, с помощью которой законодатель признает определенное обстоятельство, которое не существует в действительности, или придает реально существующему явлению необходимый ему вид [4].

В науке семейного права выделяются различные виды презумпций. Так, по сфере действия они подразделяются на общеправовые, отраслевые и межотраслевые; по способу закрепления – на легальные (законодательно закреплённые) и фактические (основанные на вероятности); по возможности опровержения – на опровергаемые и неопровергаемые; по характеру – на материальные и процессуальные. Применительно к семейному праву наиболее распространёнными являются следующие презумпции:

- **презумпция действительности брака** – брак считается законным, если не доказано обратное (отсутствие нарушений закона или прекращения брака);
- **презумпция отцовства мужа матери** – согласно п. 2 ст. 48 СК РФ, если ребёнок родился в течение 300 дней после расторжения брака, его отцом признаётся бывший супруг;
- **презумпция общности имущества супругов** – имущество, нажитое супругами в период брака, является их совместной собственностью, если брачным договором не установлено иное;
- **презумпция согласия супруга на сделку по распоряжению общим имуществом** – предполагается, что супруг, совершающий сделку, действует с согласия другого супруга;
- **презумпция добросовестности родителей** – родители действуют в интересах своих детей, пока не доказано обратное.

Данные презумпции выполняют важную правовую функцию: они освобождают участников семейных правоотношений от необходимости доказывания очевидных, с точки зрения законодателя, обстоятельств, тем самым упрощая процесс осуществления и защиты семейных прав.

Так, примером юридической фикции в данной ситуации можно назвать установление равенства между родителями и усыновителями. Здесь необходимо более детально исследовать, в частности, норму п. 1 ст. 137 СК РФ, или, к примеру, положения п. 4 ст. 51 СК РФ, которые предусматривают особенности правового статуса суррогатных и кровных матерей. В частности, это касается возникновения родительских прав у лиц, которые, собственно, таким материнством воспользовались. И подобных примеров можно привести довольно много, а именно: момент прекращения брака в процессе его расторжения, момент возникновения прав и обязанностей родителей ребенка при его рождении, срок исковой давности по делам о разделе имущества супругов, иное.

Несмотря на несомненную практическую значимость презумпций и фикций, их применение сопряжено с определёнными проблемами.

Во-первых, презумпции могут вступать в противоречие с принципом индивидуального подхода к каждой семейной ситуации. Например, презумпция отцовства мужа матери, хотя и упрощает установление происхождения ребёнка, может не соответствовать действительности, а ее оспаривание требует сложной и длительной судебной процедуры. Во-вторых, фикции, такие как приравнивание усыновителей к кровным родителям, хотя и направлены на защиту прав ребёнка, могут создавать правовые коллизии в вопросах наследования, алиментных обязательств и иных аспектах. В-третьих, как обоснованно отмечает М.В. Ульянова, проблемы, обусловленные отсутствием определённости в содержании норм семейного права, могут быть устранены, в том числе, через активное использование фикций и презумпций в сфере семейных отношений, что позволит ликвидировать возникающие пробелы в их регулировании [11]. Однако для этого требуется более тщательная законодательная регламентация условий и пределов применения указанных правовых конструкций.

В общем и целом, само по себе осуществление семейных прав действительно выглядит сложной, многогранной по своим структуре и содержанию элементом. Постоянное развитие, совершенствование как практической, так и теоретической составляющей данных правоотношений делает их актуальным и востребованным предметом для исследований. Полагаем, данную деятельность необходимо продолжить, развивая данный институт комплексно и системно.

Таким образом, далее отметим ключевые результаты представленного выше исследования.

Прежде всего, необходимо говорить о том, что осуществление семейных прав – это сложная правовая категория, которая отличается высокой степенью индивидуализации и зависит в большей степени от характеристик конкретных правоотношений.

Так, в работе отмечается, что осуществление семейных прав – это реализация субъектами семейных правоотношений возможностей, отражающих само содержание субъективных прав. Далее автор рассматривает конкретные примеры фактического осуществления семейных прав, а именно:

- жесткий контроль осуществления конкретных разновидностей семейных прав со стороны уполномоченных субъектов;
- тождественность прав двух лиц – их носителей, что подразумевает наличие согласованности в их действиях;
- важность соблюдения морально-этической составляющей, т.к. в основе данных правоотношений – принципы законности, добросовестности, разумности и другие;
- осуществление семейных прав в прямой степени зависит от содержания реализуемого субъективного права;
- высокая степень значимости презумпций и фикций: в работе приводятся практические примеры и правовые последствия реализации тех или иных случаев;
- иные [2; 8].

Отдельное внимание в работе уделяется способам защиты осуществления семейных прав, среди которых наиболее подробно автором исследуются: юрисдикционные (административное или судебное обжалование), неюрисдикционные (в частности, самозащита), иные способы, не запрещённые законодательством. Отмечается, что на практике самозащита нередко оказывается оперативным и эффективным способом, особенно при сохранении внутрисемейного диалога. Краткая характеристика способов защиты оформлена в таблице 1.

В заключении исследования автор делает акцент на постоянном развитии, совершенствовании категории осуществления семейных прав, что формально делает актуальным продолжение теоретических и практических разработок по данной теме.

На основании проведённого исследования можно сформулировать следующие **основные выводы**.

1. Осуществление семейных прав представляет собой реализацию субъектами семейных правоотношений правовых возможностей, составляющих содержание субъективных семейных прав. В отличие от гражданско-правовой реализации, семейно-правовое осуществление характеризуется тесной связью с личностью носителя права, длящимся характером и значительной ролью морально-этических регуляторов.

2. К числу отличительных особенностей осуществления семейных прав относятся: наличие корреспондирующих прав и обязанностей, длящийся характер, относительность большинства семейных прав, а также зависимость осуществления от содержания реализуемого субъективного права.

3. Законодательством предусмотрен широкий спектр способов защиты семейных прав, включающий юрисдикционные (административный и судебный порядок) и неюрисдикционные (самозащита, договорные механизмы) формы. Наиболее эффективным с точки зрения

сохранения внутрисемейных отношений является использование договорных форм урегулирования споров, однако в случаях злоупотребления правом неизбежным становится обращение в суд.

4. Презумпции и фикции играют важную роль в механизме осуществления семейных прав, упрощая процесс реализации прав и освобождая участников от необходимости доказывания очевидных обстоятельств. Вместе с тем их применение требует осторожности и учёта конкретных обстоятельств каждой семейной ситуации, а также дальнейшего совершенствования законодательной регламентации.

5. Институт осуществления семейных прав находится в состоянии постоянного развития, что обусловлено как изменениями в законодательстве, так и эволюцией общественных отношений в сфере семьи. Перспективными направлениями совершенствования механизма осуществления семейных прав представляются: развитие договорных форм реализации (соглашений между членами семьи); уточнение пределов осуществления семейных прав; совершенствование процедур досудебного урегулирования споров; а также дальнейшая разработка теоретических основ осуществления семейных прав в доктрине.

Предполагается, что семейные правоотношения – это основа нормального функционирования большинства современных государств, в т.ч. имеет высокую практическую значимость и для России. Развитие семейных, традиционных ценностей, их популяризация и пропаганда – одна из ключевых задач разрабатываемой и впоследствии реализуемой национальной политики. Полагаем, подобная тенденция сохранится в российской практике и в дальнейшем.

Литература

1. Богданова, Е.Е., Богданов, Е.В. Концептуальные начала воспитательной функции в российском гражданском и семейном праве // Lex Russia. – 2024. – № 11. – С. 94–102.
2. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов, – 3-е изд., исправленное – Москва: Статут, 2022. – 414 с.
3. Жук, Д.Н., Кудрявцева, Л.В. Особенности защиты семейных прав: Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сб. науч. ст. 13 Всероссий. науч.-практ. конф. с междунар. уч. – Курск, 2023. – С. 207–214.
4. Ильина, О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет отраслевого регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2021. – № 1 (65). – С. 7–16.
5. Колоколова, Е.О. К вопросу об осуществлении и защите семейных прав: Результаты современных научных исследований: матер. Междунар. науч.-практ. конф. / редколл. Р.Р. Хайров и др. – Саранск: «Рузаевский вестник», 2021. – С. 174–180.
6. Кондрашова, М.А. Актуальные проблемы осуществления прав и исполнения обязанностей в семейных правоотношениях: Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития: сб. ст. по ит. IV Новосиб. междунар. юрид. форума. / под ред. О.Н. Шерстобоева и др. – Новосибирск: Изд-во НГУЭиУ «НИНХ», 2023. – С. 68–76.
7. Несмеянова, И.А. К вопросу о принципах семейного права // Legal Bulletin. – 2023. – № 13. – С. 100–107.
8. Рыженков, А.Я. О влиянии нравственных ценностей на принципы и нормы семейного права // НОМОТЭТИКА: Философия. Социология. Право. – 2021. – № 10. – С. 36–52.
9. Ульянова, М.В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 13. – С. 108–114.
10. Ульянова, М.В. Принципы осуществления семейных прав и исполнения обязанностей: монография / М.В. Ульянова. – Москва: Российский государственный университет правосудия (РГУП), 2024. – 320 с.
11. Ульянова М.В. Пределы осуществления семейных прав / М.В. Ульянова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 4. – С. 8–15.
12. Титаренко Е.П. Соглашение в системе осуществления семейных прав и/или исполнения семейных обязанностей: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук: 5.1.3 / Титаренко Елена Петровна. – Курск, 2024. – 27 с.
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024.

14. Нечаева, А.М. Семейное право: учебник для вузов / А.М. Нечаева. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 251 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17235-5.

15. Пчелинцева, Л.М. Семейное право России: учебник для вузов / Л.М. Пчелинцева. – 5-е изд., перераб. – Москва: Норма, 2008. – 703 с. – ISBN 978-5-468-00090-8.

PRESUMPTIONS AND FICTIONS IN THE MECHANISM OF FAMILY RIGHTS ENFORCEMENT

Zagorskikh S.A.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

In this scientific article, the author examines the features of the implementation of family rights in modern Russian law. First of all, the author analyzes the essence of this category, distinctive characteristics. Then the author of the scientific work examines specific features in more detail, gives practical examples, analyzes the protection of the implementation of family rights, characteristics of its current state. In the conclusion of the study, the author notes the trend of constant development and improvement of family legal relations as such, including their individual varieties. The author also writes about the need to update this topic in the context of theoretical and practical understanding of modern scientists, lawyers, practitioners, representatives of the pedagogical community. The object of this scientific research is the features of the implementation of family rights in modern Russian law. The purpose of this scientific research is a comprehensive, consistent analysis of the features of the implementation of family rights in modern Russian law. The methods of this scientific research are: formal-legal, comparative, comparative analysis, dialectical, statistical, mathematical, generalization, specification, systematization, deduction, and other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of this scientific research lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of the author's conclusions regarding the features of the implementation of family rights in modern Russian law. This scientific article will thus be useful to theorists, practitioners, students and faculty of humanitarian and other areas of training, as well as a wider range of readers interested in the means and methods of implementing family rights in modern Russian law in general.

Keywords: family rights, family legal relations, legal regulation, implementation of family rights, current state.

References

1. Bogdanova, E.E., & Bogdanov, E.V. (2024). Conceptual Foundations of the Educational Function in Russian Civil and Family Law. Lex Russia, (11), 94–102.
2. Griбанov, V.P. (2022). Exercise and Protection of Civil Rights (3rd ed., rev.). Moscow: Statut, 414 p.
3. Zhuk, D.N., & Kudryavtseva, L.V. (2023). Features of the Protection of Family Rights. In: Research of the Innovative Potential of Society and the Formation of Directions for Its Strategic Development: Collection of scientific articles of the 13th All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation. Kursk, pp. 207–214.
4. Ilyina, O.Yu. (2021). Family Relations and Family Legal Relations as a Subject of Sectoral Regulation. Bulletin of Tver State University. Series «Law», (1/65), 7–16.
5. Kolokolova, E.O. (2021). On the Issue of the Exercise and Protection of Family Rights. In: Results of Modern Scientific Research: Materials of the International Scientific-Practical Conference. Ed. by R.R. Khairov et al. Saransk: «Ruzayevsky Vestnik», pp. 174–180.
6. Kondrashova, M.A. (2023). Current Problems of Exercising Rights and Fulfilling Duties in Family Legal Relations. In: Law and Economics: National Experience and Development Strategies: Collection of articles based on the results of the IV Novosibirsk International Legal Forum. Ed. by O.N. Sherstoboev et al. Novosibirsk: NSUEM Publishing House «NIN», pp. 68–76.
7. Nesmeyanova, I.A. (2023). On the Issue of the Principles of Family Law. Legal Bulletin, (13), 100–107.
8. Ryzhenkov, A.Ya. (2021). On the Influence of Moral Values on the Principles and Norms of Family Law. NOMOTETIKA: Philosophy. Sociology. Law, (10), 36–52.
9. Ulyanova, M.V. (2022). Limits on the Exercise of Family Rights. Perm University Herald. Juridical Sciences, (13), 108–114.
10. Ulyanova, M.V. (2024). Principles of Exercising Family Rights and Fulfilling Duties: Monograph. Moscow: Russian State University of Justice (RGUP), 320 p.
11. Ulyanova, M.V. (2022). Limits on the Exercise of Family Rights. Perm University Herald. Juridical Sciences, (4), 8–15.
12. Titarenko, E.P. (2024). Agreement in the System of Exercising Family Rights and/or Fulfilling Family Duties: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences (Specialty 5.1.3). Kursk, 27 p.
13. Supreme Court of the Russian Federation. (2024). Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024.
14. Nechaeva, A.M. (2025). Family Law: Textbook for universities (9th ed., rev. and exp.). Moscow: Yurayt Publishing House, 251 p. (Series: Higher Education). ISBN 978-5-534-17235-5.
15. Pchelintseva, L.M. (2008). Family Law of Russia: Textbook for universities (5th ed., rev.). Moscow: Norma, 703 p. ISBN 978-5-468-00090-8.

Механизмы и эволюция применения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ в трансграничных спорах в российской судебной практике

Звечаровская Елизавета Игоревна,
магистр права, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
E-mail: liza.zvech@mail.ru

Статья посвящена исследованию механизмов и эволюции применения статей 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) в трансграничных спорах. Автором проанализирована судебная практика за период с 2020 по 2026, выявлены основные тенденции: от единичных отказов в применении норм на начальном этапе до их активного использования после 2022 года. В работе рассмотрена правовая природа антиисковых запретов как разновидности обеспечительных мер либо самостоятельного средства судебной защиты. Особое внимание уделено проблемным аспектам применения ст. 248.2 АПК РФ, включая механизм присуждения судебной неустойки за неисполнение антиискового запрета, а также попыткам пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам со ссылкой на ст. 248.1 АПК РФ. В работе также рассматриваются дела, где суды отказывали в применении ст. 248.1 в отношении иностранных лиц и требовали реального подтверждения препятствий в доступе к правосудию. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшей корректировки правоприменительной практики с целью обеспечения баланса между защитой национальных интересов и принципами правовой определенности и предсказуемости судебных решений.

Ключевые слова: исключительная компетенция, «закон Лугового», ст. 248.1 АПК РФ, ст. 248.2 АПК РФ, санкции, недружественные государства, арбитражный процесс, обеспечительные меры, международный коммерческий арбитраж, трансграничные споры.

Принятые в 2020 г. нормы АПК РФ (ст. 248.1 и 248.2) заложили правовую основу для защиты отечественных компаний, столкнувшихся с иностранными ограничениями. Законодатель предусмотрел как отнесение таких дел к ведению российских судов, так и возможность пресечения параллельных процессов за рубежом. Данные новеллы, известные как «закон Лугового», стали реакцией на потребность бизнеса в альтернативных юрисдикциях в условиях блокирующих санкций. Эти нормы, получившие в доктрине неофициальное наименование «закон Лугового», были призваны обеспечить российским юридическим лицам доступ к правосудию в условиях санкционного давления, когда участие в иностранных судебных и арбитражных разбирательствах становится затруднительным либо невозможным. Усилившееся с 2022 года санкционное давление превратило ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ из «спящих» норм в активно применяемые процессуальные инструменты. Вместе с тем, практика их применения противоречива: от категорических отказов в 2020–2021 годах до почти автоматического удовлетворения заявлений в 2024–2025 годах, а затем – к попыткам высших судебных инстанций скорректировать сложившийся подход. В настоящей статье автор ставит целью исследовать эволюцию судебной практики применения ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ, выявить ключевые тенденции и проблемы правоприменения, а также проанализировать позиции Верховного и Конституционного Судов РФ, повлиявшие на формирование единообразного подхода. Стоит отметить, что в гражданском процессуальном законодательстве аналогичных механизмов в настоящий момент не предусмотрено, поэтому исследуемая практика будет касаться только экономических споров.

Дискуссионным остается вопрос о процессуальной квалификации антиисковых предписаний, от которой во многом зависит регламент их выдачи. В литературе преобладает подход, сближающий ст. 248.2 АПК РФ с институтом обеспечительных мер [1]. П. 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» свидетельствует о том, что иностранные судебные запреты не являются абсолютным препятствием для российского правосудия, если подсудность установлена законом. Это косвенно подтверждает родство антиисковых мер с обеспечительными. Однако для ст. 248.1, устанавливающей подсудность, такой подход вряд ли применим, так как данная статья по своему содержанию закрепляет правила подсудности, а потому механизм, ею предусмотренный, не может быть отнесен к институту обеспечительных мер.

Альтернативный взгляд на природу рассматриваемых инструментов предполагает их квалификацию в качестве самостоятельного подвида судопроизводства в арбитражных судах. Такая позиция базируется на специфике процессуального регламента и особых требованиях к оформлению ходатайств о применении ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ. Правовая позиция, выраженная в Определении Верховного Суда РФ от 9 декабря 2021 г. № 309-ЭС21–6955(1–3) по делу № А60–36897/2020 (далее – Определение ВС РФ от 09.12.2021) рассматривает право на получение антиискового запрета как самостоятельное средство процессуальной защиты [3]. Практика нижестоящих судов согласуется с таким подходом ВС РФ [4], который видится обоснованным. Подход к пониманию правовой природы напрямую будет влиять на порядок обращения за реализацией предусмотренных ст. 248.1, 248.2 механизмов, порядок рассмотрения таких заявлений.

Обратимся к непосредственному анализу судебной практики в рамках применения ст. 248.1, 248.2 АПК РФ в различные периоды. Стоит отметить, что судебная практика со ссылками на исследуемые положения стала возникать сразу же после их введения в АПК РФ в 2020. Первые судебные акты по указанным статьям содержат выводы об отсутствии оснований для их применения. Но находятся некоторые судебные акты, где суд все-таки устанавливал свою компетенцию в связи с «подсанкционностью» лица.

Показательным для оценки первых шагов правоприменения выступает конфликт 2020 г. между ФГУП «МИА «Россия сегодня» и британским Barclays Bank Plc. Российское предприятие требовало восстановления банковского обслуживания и перевода средств, обосновывая подсудность этого спора российским судам наличием имущественного

интереса РФ, что, по мнению истца, охватывалось правилами ст. 248.1 [5]. Суды первой и апелляционной инстанций отказались применять указанную статью, указав, что предмет спора – исполнение договорных обязательств по банковскому счету, а не защита вещного права (права собственности) Российской Федерации. Банковский счет открыт и обслуживался в Великобритании по английскому праву, в связи с чем спор не имеет тесной связи с Россией и не относится к исключительной компетенции российского арбитражного суда.

Еще одно дело 2020, в рамках которого АО «Совфрахт» обратилось в арбитражный суд с иском к иностранным ответчикам о взыскании убытков по договорам в отношении недвижимости в Индии, ссылаясь на то, что истец включён в перечень резидентов, в отношении которых введены меры ограничительного характера, а именно в официальный перечень резидентов, подвергшихся иностранным ограничениям, ведение которого предусмотрено ч. 4.2 ст. 19 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». В связи с этим спор подпадает под исключительную компетенцию российских судов по ст. 248.1 АПК РФ [6]. Вопреки выводам нижестоящих инстанций, признавших довод о подсанкционности необудительным и вернувших иск, окружной суд пришел к иному выводу. Кассация указала на необходимость учета норм об исключительной юрисдикции, поскольку статус истца как лица, попавшего под ограничения, имеет решающее значение для определения подведомственности.

Перейдем к следующему этапу эволюции судебной практики, который произошел вследствие усиления санкционного давления в 2022. Уже упомянутое выше АО «Совфрахт» обратилось в арбитражный суд с заявлением о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде (Лондон), а также о присуждении денежных средств в сумме 190 991 фунтов стерлингов на случай неисполнения запрета, ссылаясь на включение общества в перечень подсанкционных лиц и неисполнимость соглашения о рассмотрении споров в английских судах (ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ) [7]. Ключевым аргументом суда при удовлетворении заявления послужил вывод о нарушении баланса процессуальных возможностей российской стороны, что в силу ст. 248.1 АПК РФ оправдывает выдачу антиискового запрета. Вопреки этому, требование о судебной неустойке по ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ было отклонено – суд указал на отсутствие в материалах дела достоверных сведений о сумме претензий, предъявленных в иностранном суде. АС Московского округа отменил определение в части отказа в присуждении денежных средств и направил дело на новое рассмотрение с указанием на необходимость исследования вопроса о фактическом возбуждении дела в Лондонском суде и размере предъявленных требований, что имеет существенное значение для применения ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ.

В марте 2022 АС Северо-Западного округа пополнил практику дел по 248.1. АПК РФ. АО «Силовые машины» обратилось в суд с иском к украинской компании «ДТЭК Востокэнерго» о взыскании 268 млн руб. задолженности и неустойки по контрактам на модернизацию котлоагрегата, несмотря на наличие третейской оговорки о рассмотрении споров в Арбитражном институте Торговой Палаты г. Стокгольма [8]. Общество ссылалось на то, что в отношении него с 2018 г. введены блокирующие санкции США и Украины, препятствующие оплате арбитражного сбора в евро, что подтверждено ответами российских банков об отсутствии такой возможности, и производство в стоковольском арбитраже было прекращено в связи с неуплатой сбора. Суды применили ст. 248.1 АПК РФ, признав, что спор подпадает под исключительную компетенцию российского арбитражного суда, поскольку истец является подсанкционным лицом, а третейская оговорка оказалась неисполнимой по независящим от него причинам.

Интересно, что в настоящий момент российские компании все-таки находят способы оплаты арбитражного сбора и принимают участие в процессах в иностранных юрисдикциях. В подтверждение тезиса о том, что российские компании продолжают участвовать в международных арбитражных разбирательствах даже в условиях санкционного давления, можно привести ряд показательных примеров. Так, ПАО «Татнефть» инициировало инвестиционный арбитраж против Украины, ссылаясь на конфискацию активов и защищая свои права по Соглашению о поощрении и взаимной защите инвестиций [9]. «Силовые машины» (компания, находящаяся под санкциями США) успешно выиграли спор в Сингапурском международном арбитражном центре (SIAC) против PetroVietnam на сумму более \$500 млн, а российский суд признал и привел это решение в исполнение на территории России [10].

Заслуживает внимания тот факт, что некоторые истцы предпринимали попытки пересмотреть вынесенные судебные акты, указывая в качестве вновь открывшегося обстоятельства ст. 248.1 АПК РФ. Так,

ООО «Ваагнер-Биро Рус» обратилось в суд с иском об истребовании имущества по договору подряда на строительство «Лахта Центра», однако иск был оставлен без рассмотрения, поскольку договор предусматривал третейскую оговорку о рассмотрении споров в Лондоне [11]. Позднее компания попыталась пересмотреть судебный акт по вновь открывшимся обстоятельствам, ссылаясь на ст. 248.1 АПК РФ и невозможность исполнения третейской оговорки из-за санкционных ограничений. Суды отказали в пересмотре, указав, что ст. 248.1 АПК РФ уже действовала на момент вынесения определения (09.02.2021), однако заявитель не заявлял соответствующих возражений при рассмотрении дела, а сама по себе ссылка на санкции не является основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. Кассационная инстанция поддержала отказ, указав, что заявитель не доказал наличие обстоятельств, существовавших на момент принятия акта и поименованных в ст. 311 АПК РФ. Такая позиция кассации видится правильной, так как ст. 248.1 АПК РФ не является и не может в принципе являться новым обстоятельством как основанием для пересмотра. Иное существенно дестабилизировало бы судебную практику, так как позволяло пересмотреть уже вынесенные решения, когда на момент их принятия не существовало ни статей, ни санкций, в результате которых они появились.

На судебную практику не могла не повлиять позиция Верховного Суда РФ. Согласно этой позиции, сформированной в ранее упомянутом Определении ВС РФ от 09.12.2021, из системного толкования приведенных правовых норм и с учетом целей законодательного регулирования следует, что сам по себе факт введения в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, мер ограничительного характера, предполагается достаточным для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию. Впоследствии эта позиция была воспринята в десятках судебных актов различных инстанций. Представляется, что она не лишена недостатков. Как было отмечено выше, российские компании продолжают и после введения санкций судиться в иностранных арбитражных учреждениях. Поэтому кажется правильным выявлять наличие препятствий в доступе к правосудию в отношении каждого конкретного случая.

Российская практика не вся пошла по пути безусловного вывода о наличии препятствий в доступе к правосудию исключительно на основании подсанкционности компании. Весьма показательным является спор сингапурской «Корал Энерджи ПТЕ ЛТД» против российской «Интеройл» [13]. Несмотря на прямое соглашение о юрисдикции лондонского суда, истец попытался инициировать процесс в Москве. Суды всех инстанций пресекли эту попытку, указав, что ст. 248.1 не предназначена для защиты иностранных лиц, а доводы о невозможности исполнения британского решения в РФ были признаны спекулятивными. Тем самым был подтвержден принцип приоритета договорной подсудности и отказ от формального подхода к применению «закона Лугового» в отношении нерезидентов. Суды оставили иск без рассмотрения, указав, что действительное пророгационное соглашение исключает компетенцию российского суда, а ссылка истца на ст. 248.1 АПК РФ несостоятельна, поскольку данная норма предоставляет защиту российским, а не иностранным лицам, а истец не доказал наличия препятствий в доступе к правосудию для ответчика в Лондоне. Кассация поддержала отказ, отметив, что предположения о неисполнимости решения английского суда в России носят надуманный характер, а рассмотрение дела с нарушением подсудности не отвечает требованию справедливого правосудия. Понятно, что ст. 248.1 не распространяется на иностранных лиц, это прямо из нее следует. Заслуживает внимание то, что суд в данном случае отошел от формальной позиции, изложенной выше, и указал на недоказанность наличия препятствий в доступе к правосудию в Лондоне.

Что касается ст. 248.2 АПК РФ, то здесь похожая ситуация. К 2026 количество актов об удовлетворении заявлений о запрете продолжать разбирательство кратно возросло. Стоит отметить, что отказов в удовлетворении таких заявлений в целом с самого появления обозначенной статьи немного. В основном суды заявления удовлетворяли.

Одним из немногочисленных примеров отказа является следующее. «Уралтрансмаш» обратилось в Арбитражный суд Свердловской области с заявлением о запрете польской компании «Рельсовые транспортные средства ПЕСА Быдгощ» продолжать разбирательство в Арбитражном институте Торговой палаты г. Стокгольма (SCC) по контракту, а также о взыскании 56 млн евро в случае неисполнения запрета [14]. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления об обеспечительных мерах по причине необоснованности соразмерности испрашиваемых мер и ввиду отсутствия достаточных доказательств того, что непринятие мер затруднит или сделает невозможным исполнение судебного акта, а также что обеспечитель-

ная мера косвенно предпрещает исход дела до завершения его пересмотра. Кассационная инстанция поддержала отказ, отметив, что оценка обоснованности обеспечительных мер относится к усмотрению суда первой инстанции и не пересматривается кассацией. При этом аргументов именно в пользу отказа в выдаче запрета судом не указано, но данный судебный акт является одним из немногих в категории отказных.

Арбитражный суд Центрального округа в деле № А23–9385/2025 указал на правомерность определения суда первой инстанции, удовлетворившего заявление АО «РПМ» о запрете австрийской компании «Линзингер Maschinenbau» продолжать разбирательство в международном коммерческом арбитраже ad hoc в г. Цюрихе (Швейцария) по контракту на поставку рельсообрабатывающих машин, а также о запрете предъявлять к исполнению любые решения, принятые за пределами РФ [15]. Суд кассационной инстанции признал обоснованным вывод нижестоящего суда о том, что Австрия и Швейцария отнесены к недружественным государствам, в отношении АО «РПМ» введены санкции, а само по себе применение мер ограничительного характера создаёт препятствия в доступе к правосудию, что освобождает от необходимости доказывать конкретные затруднения. Доводы ответчика о том, что АО «РПМ» инициировало спор в швейцарском арбитраже, были отклонены, поскольку в настоящее время общество выступает ответчиком по встречному иску, а ссылка компании на санкции ЕС как на основание для отказа от мирного урегулирования подтверждает наличие санкционного контекста, ограничивающего процессуальные возможности российской стороны.

АС Северо-Западного округа в деле № А56–90971/2024 подтвердил законность определения суда первой инстанции, удовлетворившего заявление ООО «Русхимальянс» о запрете Дойче Банк продолжать разбирательства в Международном арбитражном суде при Международной торговой палате (ИТС) и в Высоком суде Лондона по спорам из банковской гарантии, а также о взыскании судебной неустойки на случай неисполнения запрета [16]. Общество обосновало свои требования тем, что Банк инициировал арбитраж в ИТС и добился в Лондоне антиискового запрета против «Русхимальянса», а Общество включено в санкционные списки ЕС. Поддерживая нижестоящий суд, кассационная инстанция указала, что наличие санкций в отношении российской стороны создаёт объективные процессуальные барьеры, что делает применение ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ правомерным. Данный вывод подкреплён и фактическими обстоятельствами: банк мотивировал свой отказ от исполнения гарантийных обязательств именно санкционными ограничениями, что, по мнению суда, является прямым доказательством влияния ограничительных мер на реализацию процессуальных прав заявителя.

Анализ дел выявляет двойственность сложившихся подходов. Бесспорно, данные процессуальные инструменты призваны защитить российских лиц, доступ в иностранные судебные органы для которых оказался затруднен. Однако зачастую суды идут по пути наименьшего сопротивления, удовлетворяя иски без проверки реальных трудностей доступа к иностранному правосудию. Это создаёт риск нарушения баланса интересов и снижения предсказуемости правоприменения, что требует корректировки курса. Как показал анализ дел с участием иностранных лиц, российские суды последовательно отказывают в применении ст. 248.1 АПК РФ к иностранным истцам, что подтверждает защитный, а не универсальный характер этих норм. Однако даже в отношении российских лиц практика неоднородна: суды не всегда требуют реального подтверждения препятствий в доступе к правосудию, ограничиваясь формальной констатацией санкционного статуса истца, хотя, как свидетельствуют приведенные примеры, российские компании продолжают участвовать в международных арбитражных разбирательствах, находят способы оплаты арбитражных сборов и защищают свои права за рубежом.

В этой связи видится необходимым дальнейшее совершенствование правоприменительной практики в нескольких направлениях. Во-первых, судам следует оценивать наличие реальных препятствий в доступе к правосудию в каждом конкретном случае, а не ограничиваться формальной ссылкой на санкционный статус заявителя. Во-вторых, при рассмотрении заявлений о присуждении денежных сумм на случай неисполнения антиискового запрета (ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ) необходимо тщательно проверять размер и обоснованность заявленных требований, исключая необоснованное обогащение заявителя. В-третьих, требуется дополнительное нормативное и разъяснительное регулирование порядка взаимодействия российских антиисковых запретов с международными обязательствами Российской Федерации во избежание коллизий и конфликта судебных актов. Целесообразно дополнить ст. 248.1 АПК РФ указанием на необходимость оценки

реальной возможности участия в иностранном процессе, а не только формального наличия санкционного статуса

Институт антиисковых запретов по-прежнему находится в стадии формирования. Дальнейшее развитие практики будет зависеть от того, удастся ли российским судам найти баланс между защитой национальных интересов и необходимостью сохранения предсказуемости и стабильности международного коммерческого оборота. Безусловно, механизмы, предусмотренные ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ, являются действенным инструментом защиты прав российских лиц в условиях санкционного давления. Однако их эффективность и легитимность в долгосрочной перспективе будут определяться не столько количеством вынесенных запретов, сколько их обоснованностью, соразмерностью и способностью выдерживать проверку принципами правовой определенности и верховенства права.

Литература

1. Рожкова М.А. Обеспечительные меры иностранного суда // ЭЖ-Юрист. 2006. № 30, Ядыкин А.И. Институт «антиисковых обеспечительных мер» (anti-suit injunction) и возможность его применения российскими судами в связи с осуществлением третейского разбирательства // Новые горизонты международного арбитража: Сборник статей / Под ред. А.В. Асоскова, Н.Г. Вилковой, Р.М. Ходыкина. М.: Инфотропик Медиа, 2013. Вып. 1. С. 220–268., Ходыкин Р.М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе и международном арбитраже // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / Сост. и науч. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. М.: Статут, 2013. С. 274–296, Ясков В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. № 8. С. 84–92., Незнамов А.В. Судебный запрет как способ, средство и форма защиты права. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 146.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2021 № 309-3С21–6955(1–3) по делу № А60–36897/2020 // СПС КонсультантПлюс
3. Определение Арбитражного суда Костромской области от 16 июня 2022 г. по делу № А31–6383/2022, Определение Арбитражного суда г. Москвы от 26.01.2024 по делу № А40–229592/23–3–1797.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.07.2020 № Ф05–12003/2020 по делу № А40–107039/2019 // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.01.2021 № Ф05–541/2021 по делу № А40–201344/2020 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.01.2022 № Ф05–33608/2021 по делу № А40–156736/2020 // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2022 № Ф07–19899/2021 по делу № А56–57238/2020 // СПС КонсультантПлюс.
8. Инвестиционный арбитраж «Татнефти» против Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://kkmp.legal/news/novosti/investitsionnyy-arbitrazh-tatnefti-protiv-ukrainy/> (дата обращения: 20.06.2026).
9. «Силловые машины» выиграли иск против Вьетнама в арбитраже Сингапура // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/02/2024/65c73e639a7947dec6a187b1> (дата обращения: 20.06.2026).
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.01.2023 № Ф07–19801/2022 по делу № А56–77023/2020 // СПС КонсультантПлюс.
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2022 № Ф07–19899/2021 по делу № А56–57238/2020 // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2023 № Ф05–13276/2023 по делу № А40–186785/2022 // СПС КонсультантПлюс.
13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.02.2021 № Ф09–7278/20 по делу № А60–36897/2020 // СПС КонсультантПлюс.
14. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 08.06.2026 № Ф10–1655/2026 по делу № А23–9385/2025 // СПС КонсультантПлюс.
15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2025 № Ф07–17406/2024 по делу № А56–90971/2024 // СПС КонсультантПлюс.

MECHANISMS AND EVOLUTION OF THE APPLICATION OF ARTICLES 248.1 AND 248.2 OF THE ARBITRATION PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CROSS-BORDER DISPUTES IN RUSSIAN JUDICIAL PRACTICE

Zvecharovskaya E.I.
National Research University Higher School of Economics

This article examines the mechanisms and evolution of the application of Articles 248.1 and 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation) in cross-border disputes. The author analyzes judicial practice for the period from 2020 to 2026, identifying key trends: from isolated refusals to apply these provisions at the initial stage to their active use after 2022. The paper examines the legal nature of anti-suit injunctions as a type of interim measure or an independent remedy. Particular attention is paid to problematic aspects of the application of Article 248.1 and 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation), including the mechanism for awarding a penalty for failure to comply with an anti-suit injunction, as well as attempts to review judicial decisions based on newly discovered circumstances with reference to Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. The paper also examines cases in which courts refused to apply Article 248.1 to foreign nationals and required tangible evidence of obstacles to access to justice. The author concludes that further adjustments to law enforcement practice are necessary to ensure a balance between the protection of national interests and the principles of legal certainty and predictability of judicial decisions.

Keywords: exclusive jurisdiction, “Lugovoy Law,” Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Article 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, sanctions, unfriendly states, arbitration proceedings, interim measures, international commercial arbitration, cross-border disputes.

References

1. Rozhkova M.A. Interim measures of a foreign court // *EZh-Yurist*. 2006. No. 30, Yadykin A.I. The institute of “anti-suit injunction” and the possibility of its application by Russian courts in connection with the implementation of arbitration proceedings // *New Horizons of International Arbitration: Collection of Articles* / Ed. by A.V. Asoskov, N.G. Moscow: Infotropic Media, 2013. Issue 1. Pp. 220–268., Khodykin R.M. Anti-suit interim meas-

ures in civil proceedings and international arbitration // *Issues of international private, comparative and civil law, international commercial arbitration: LIBER AMICORUM* in honor of A.A. Kostin, O.N. Zimenkova, N.G. Eliseev / Comp. and scientific. Ed. S.N. Lebedev, E.V. Kabatova, A.I. Muranov, E.V. Vershinina. Moscow: Statut, 2013. Pp. 274–296, Yarkov V.V. Application of Anti-Claim Injunctions by Russian Courts: Why Not? // *Law*. 2014. No. 8. Pp. 84–92., Neznamov A.V. Injunction as a Method, Means, and Form of Legal Protection. Moscow: YurLitinform, 2015. Page 146.

2. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 9, 2021 No. 309-ES21–6955(1–3) in case No. A60–36897/2020 // *SPS ConsultantPlus*

3. Determination of the Arbitration Court of the Kostroma Region dated June 16, 2022 in case No. A31–6383/2022, Determination of the Arbitration Court of Moscow dated January 26, 2024 in case No. A40–229592/23–3–1797.

4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated July 31, 2020 No. F05–12003/2020 in case No. A40–107039/2019 // *SPS ConsultantPlus*.

5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated January 25, 2021 No. F05–541/2021 in case No. A40–201344/2020 // *SPS ConsultantPlus*.

6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated January 25, 2022 No. F05–33608/2021 in case No. A40–156736/2020 // *SPS ConsultantPlus*.

7. Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District dated March 23, 2022, No. F07–19899/2021 in case No. A56–57238/2020 // *SPS ConsultantPlus*.

8. Investment arbitration of Tatneft against Ukraine [Electronic resource]. URL: <https://kkmp.legal/news/novosti/investitsionnyy-arbitrazh-tatnefti-protiv-ukrainy/> (date accessed: June 20, 2026).

9. Power Machines wins claim against Vietnam in Singapore arbitration // *RBC* [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/02/2024/65c73e639a7947dec6a187b1> (accessed: June 20, 2026).

10. Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District dated January 9, 2023 No. F07–19801/2022 in case No. A56–77023/2020 // *SPS ConsultantPlus*.

11. Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District dated March 23, 2022 No. F07–19899/2021 in case No. A56–57238/2020 // *SPS ConsultantPlus*.

12. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated May 31, 2023, No. F05–13276/2023 in case No. A40–186785/2022 // *SPS ConsultantPlus*.

13. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated February 11, 2021, No. F09–7278/20 in case No. A60–36897/2020 // *SPS ConsultantPlus*.

14. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated June 8, 2026, No. F10–1655/2026 in case No. A23–9385/2025 // *SPS ConsultantPlus*.

15. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated January 29, 2025 No. F07–17406/2024 in case No. A56–90971/2024 // *SPS ConsultantPlus*.

Золин Иван Юрьевич,
адъюнкт, Уральский юридический институт МВД России
E-mail: olzolin2016@yandex.ru

В статье рассматриваются правовая природа и классификация убытков, причиняемых арбитражным управляющим в ходе производства по делу о банкротстве. Автор критически оценивает подход, согласно которому уменьшение имущественной массы должника квалифицируется как убытки, одновременно причиняемые должнику и его кредиторам. Обосновывается необходимость разграничения таких потерь в зависимости от характера имущественного ущерба, потерпевшего субъекта и стадии производства по делу о банкротстве. Предложенное разграничение направлено на формирование более последовательной модели ответственности арбитражного управляющего.

Ключевые слова: убытки, арбитражный управляющий, несостоятельность (банкротство), упущенная выгода, конкурсная масса.

Согласно п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150 к убыткам, причиненным должнику и его кредиторам, относятся любое уменьшение имущества должника либо утрата возможности его увеличения вследствие неправомерных действий (бездействия) арбитражного управляющего. Тем самым судебная практика исходит из того, что соответствующие имущественные последствия одновременно затрагивают права как должника, так и его кредиторов.

Такой подход заслуживает поддержки в той части, в которой признается взаимосвязь имущественных интересов должника и кредиторов: уменьшение имущества должника объективно способно повлечь неблагоприятные последствия для лиц, имеющих к нему имущественные притязания. Вместе с тем вызывает сомнение квалификация соответствующих потерь как убытков, одновременно причиняемых должнику и конкурсным кредиторам. Кроме того, указание лишь на конкурсных кредиторов не вполне последовательно, поскольку последствия ненадлежащего осуществления арбитражного управления могут затрагивать интересы не только конкурсных кредиторов, но и иных кредиторов должника, включая кредиторов по текущим платежам и уполномоченные органы.

Уменьшение имущественной массы должника не всегда приводит к возникновению убытков у кредиторов. В ходе производства по делу о банкротстве должник сохраняет права на принадлежащее ему имущество, поэтому непосредственные имущественные потери от неправомерных действий арбитражного управляющего, как правило, возникают именно на его стороне. Потери кредиторов в такой ситуации имеют производный и вероятностный характер. Они выражаются в разнице между тем объемом удовлетворения, на который кредиторы могли бы рассчитывать при надлежащем исполнении управляющим своих обязанностей, и фактически полученным удовлетворением по итогам расчетов. При этом наличие и размер таких потерь могут быть определены только с учетом дальнейшего хода процедуры, включая необходимость несения текущих расходов, возможные пополнения имущественной массы должника и иные обстоятельства, влияющие на итоговый объем распределения.

Вместе с тем возможны ситуации, когда уменьшение имущественной массы должника не сопровождается возникновением у него убытков. Это имеет место, например, при нарушении порядка удовлетворения требований кредиторов, когда управляющий предоставляет отдельным кредиторам необоснованное преимущество. В подобных случаях происходит не ухудшение имущественного положения должника, а перераспределение имущественных выгод между кредиторами, поскольку уменьшение имущества должника сопровождается одновременным сокращением его обязательств.

Для устранения соответствующих неопределенностей представляется необходимым разграничение убытков в зависимости от характера возникших имущественных потерь, личности потерпевшего субъекта, а также состояния производства по делу о банкротстве. С учетом изложенного убытки, причиняемые арбитражным управляющим вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения им обязанностей, возложенных на него в соответствии с Законом о банкротстве, целесообразно разделять на две группы.

К первой группе относятся убытки, причиняемые должнику и выражающиеся в уменьшении или утрате возможности увеличения его имущественной массы. В соответствующих случаях именно должник как собственник имущества, как правило, несет непосредственные имущественные потери, в связи с чем до прекращения производства по делу о банкротстве именно он является субъектом права требования о возмещении соответствующих убытков.

После прекращения производства по делу о банкротстве правовая квалификация указанных имущественных потерь определяется его результатом. В случае восстановления платежеспособности должника или утверждения мирового соглашения соответствующие имущественные потери остаются убытками должника, который и наделен правом на их взыскание. Особенности проявляются при банкротстве гражданина: при завершении процедуры реализации имущества в связи с исчерпанием конкурсной массы убытки должника выражаются в той части имущественных потерь, причиненных противоправным поведением управляющего, которая превышает совокупный размер оставшихся без удовлетворения требований кредиторов.

Ко второй группе относятся убытки, причиняемые кредиторам, под которыми понимаются, во-первых, производные от причиненных должнику убытков имущественные потери, возникающие после прекращения производства по делу о банкротстве в виде неполученных имущественных выгод, которые при надлежащем исполнении управляющим своих обязанностей могли бы быть ими получены. При этом, несмотря на первоначальное возникновение неблагоприятных последствий на стороне должника, кредиторы также выступают субъектами нарушенного права, поскольку обладают правом требовать от арбитражного управляющего принятия необходимых мер по сохранению и увеличению имущества должника. Формирование состава таких убытков завершается в момент прекращения производства по делу о банкротстве, что обуславливает возникновение у кредиторов права требовать возмещения таких убытков с указанного момента.

Во-вторых, убытки, причиняемые кредиторам, могут возникать непосредственно в результате нарушения установленного порядка удовлетворения требований, в частности, при предоставлении одному или нескольким кредиторам необоснованного преимущества в обход правил пропорционального удовлетворения (удовлетворения в соответствии с календарной очередностью в случае с кредиторами по текущим платежам) их требований в соответствии с очередностью, предусмотренной Законом о банкротстве. В подобных случаях уменьшение имущества должника сопровождается одновременным снижением его долговой нагрузки, вследствие чего у должника отсутствуют имущественные потери. Вместе с тем такие действия управляющего причиняют ущерб тем кредиторам, которые были лишены причитающегося им удовлетворения. Соответственно, в подобных случаях именно они выступают потерпевшими, чьи субъективные права, вытекающие из обязательственного отношения с участием арбитражного управляющего, нарушаются. Требования о возмещении таких убытков могут быть заявлены самими кредиторами как в рамках производства по делу о банкротстве, так и после его прекращения в пределах срока исковой давности.

Несмотря на то, что в российской догматике и судебной практике обозначенный подход до сих пор не получил закрепления, встречаются отдельные дела, в которых российские суды высказываются в пользу необходимости такого понимания.

Так, при рассмотрении требований о взыскании убытков с арбитражного управляющего суды в ряде случаев разграничивают субъектов, которым причинен вред. В частности, Арбитражный суд Северо-Западного округа указал, что нарушение управляющим своих обязанностей может повлечь как убытки конкурсной массы, так и убытки конкретного кредитора, например при нарушении очередности удовлетворения требований [1].

Сходная позиция выражена Арбитражным судом Московского округа, который признал возможным взыскание убытков непосредственно в пользу кредитора по текущим платежам. Суд исходил из того, что управляющий погашал более поздние требования кредиторов той же очереди, тогда как требование заявителя имело более раннюю календарную очередность. В отсутствие кредиторов более приоритетной очереди соответствующие выплаты были квалифицированы как убытки именно данного кредитора [2].

Аналогичная логика прослеживается и в практике Арбитражного суда Центрального округа, согласно которой убытки кредиторов могут быть возмещены за счет управляющего при доказанности недостаточности конкурсной массы, обусловленной его неправомерным поведением при ее формировании либо распределении [3].

Указанные позиции позволяют сделать вывод о формировании в судебной практике представления о существовании двух видов убытков: 1) убытков, причиняемых должнику (конкурсной массе), и 2) убытков, причиняемых непосредственно кредиторам. К числу последних, как правило, относятся убытки, возникающие вследствие нарушения порядка удовлетворения требований кредиторов (очередности, пропорциональности, правил погашения текущих платежей), а также убытки, обусловленные недостаточностью имущества должника после прекращения производства по делу о банкротстве.

Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что указанная дифференциация проводится непоследовательно. В ряде дел, связанных с нарушением очередности удовлетворения требований, суды исходят из того, что убытки причиняются не конкретным кредиторам, а самому должнику и потому подлежат взысканию в конкурсную массу [4; 5].

В результате в правоприменительной практике фактически сосуществуют два подхода. Первый предполагает разграничение убытков в зависимости от характера имущественных потерь, потерпевшего субъекта и стадии производства по делу о банкротстве. Второй подход исходит из того, что до завершения процедуры любые потери,

выражающиеся в уменьшении или утрате возможности увеличения имущественной массы должника, являются исключительно убытками должника, тогда как убытки кредиторов возникают лишь после завершения дела в виде неудовлетворенной по вине управляющего части их требований.

Представляется, что второй подход не учитывает специфику нарушений порядка удовлетворения требований кредиторов. В таких случаях уменьшение конкурсной массы сопровождается одновременным уменьшением долговой нагрузки должника, вследствие чего его имущественное положение не ухудшается. Негативные последствия возникают прежде всего у тех кредиторов, которые были лишены причитающегося им удовлетворения. В последующем данный аспект станет предметом самостоятельного анализа.

Убытки, причиненные должнику

Несмотря на то обстоятельство, что должник продолжает оставаться собственником своего имущества в период производства по делу о банкротстве [6], с доктринальной точки зрения возможно рассматривать уменьшение или утрату возможности увеличения имущественной массы должника как основание гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего перед кредиторами. Такой подход может быть основан на том, что кредиторы обладают правом требовать от управляющего принятия мер по сохранению и увеличению имущества должника, а уменьшение конкурсной массы объективно отражается на объеме удовлетворения их требований.

Вместе с тем данная конструкция вызывает серьезные возражения. Во-первых, убытки кредиторов на стадии производства по делу носят вероятностный характер, поскольку их наличие и размер могут быть определены лишь после завершения процедуры банкротства [7, с. 236]. Во-вторых, признание за кредиторами права на самостоятельное взыскание таких убытков снижает эффективность защиты лиц с незначительными требованиями. Напротив, взыскание соответствующих сумм в пользу должника обеспечивает централизованный механизм их последующего распределения между всеми кредиторами. В-третьих, предоставление каждому кредитору самостоятельного права на предъявление требований к управляющему неизбежно порождает множественность процессов, что противоречит принципу процессуальной экономии. В-четвертых, подобный подход способен нарушать принцип равенства кредиторов, создавая преимущества для наиболее активных из них. Более активные кредиторы получают преимущество за счет более оперативного предъявления требований к управляющему, что может привести к исчерпанию его имущества до удовлетворения требований остальных кредиторов [7, с. 237]. Наконец, взыскание денежных средств непосредственно в пользу кредиторов может препятствовать достижению целей процедуры банкротства, ограничивая возможности восстановления платежеспособности должника и заключения мирового соглашения.

Неисполнение (ненадлежащее исполнение) арбитражным управляющим обязанности по обеспечению сохранности имущества должника может повлечь утрату или повреждение его имущества, тем самым причиняя должнику реально наступающее (физические) потери в имуществе, т.е. реальный ущерб. При этом реальный ущерб может выражаться не только в уменьшении активов должника, но и в увеличении его пассивов, например, вследствие возложения на него необоснованных обязательств по оплате услуг привлеченных специалистов до момента исполнения данных обязательств. Наиболее распространенными в судебной практике случаями причинения арбитражным управляющим реального ущерба должнику являются: непринятие мер по обеспечению сохранности имущества должника, вследствие чего произошла его утрата или повреждение [8]; заключение арбитражным управляющим заведомо невыгодных сделок с имуществом должника [9]; необоснованное расходование средств должника [10] и т.д.

Кроме того, обязанность арбитражного управляющего действовать разумно в интересах должника предполагает приложение им разумных усилий, направленных на увеличение имущества должника (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве). В тех случаях, когда в результате неправомерных действий арбитражного управляющего должник не получает доходы, которые можно было бы ожидать при разумном поведении управляющего, происходит нарушение имущественных прав должника, вследствие чего, как указывал ВАС РФ, формируется основание для взыскания с арбитражного управляющего в пользу должника упущенной выгоды, т.е. неполученных доходов, на которые увеличилась бы имущественная масса должника, если бы арбитражный управляющий надлежащим образом исполнил обязательство.

На уровне судебной практики взыскание с арбитражного управляющего упущенной выгоды в пользу должника крайне распространено. Наиболее частыми ситуациями являются: непринятие арбитражным

управляющим мер по оспариванию недействительных и применению последствий недействительности ничтожных сделок должника; принятие мер по взысканию дебиторской задолженности [11]; принятие мер по экономически эффективному распоряжению имуществом должника [12] и др.

В случаях, когда по результатам производства по делу о банкротстве достигается восстановление платежеспособности должника и требования кредиторов удовлетворяются в полном объеме, право требования о возмещении убытков, причиненных неправомерным поведением арбитражного управляющего, сохраняется за должником как за субъектом, непосредственно понесшим имущественные потери. Аналогичный подход подлежит применению и в ситуациях завершения процедуры посредством заключения мирового соглашения.

Отдельного внимания заслуживают ситуации, в которых размер причиненных убытков превышает совокупный объем требований кредиторов, оставшихся неудовлетворенными после прекращения производства по делу. В подобных случаях соответствующее превышение представляет собой убытки, относящиеся непосредственно к имущественной сфере должника, которые могут приобретать форму как реального ущерба, так и упущенной выгоды. Данная модель применима в полной мере лишь к должнику-физическому лицу, поскольку признание должника-юридического лица банкротом влечет его ликвидацию. Возмещение имущественных потерь, понесенных должником в ходе производства по делу вследствие противоправного поведения арбитражного управляющего и превышающих совокупный размер неудовлетворенных по итогам процедуры требований кредиторов, образует предмет требований учредителей (участников) должника или собственника его имущества (п. 53 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»).

Убытки, причиненные кредиторам

Сохранение и увеличение имущества должника составляют законный интерес его кредиторов, поскольку именно за счет этого имущества осуществляется последующее удовлетворение их требований. В правоотношении, складывающемся между должником, арбитражным управляющим и кредиторами, последние выступают конечными выгодоприобретателями процедуры, обладающими правом на получение удовлетворения в порядке и очередности, установленных Законом о банкротстве. При этом объем такого удовлетворения заранее не гарантирован. Он зависит от состава и стоимости имущества должника, необходимости несения текущих расходов, а также от возможного пополнения имущественной массы за счет оспаривания сделок, взыскания дебиторской задолженности, истребования имущества у третьих лиц и иных мероприятий, осуществляемых в ходе процедуры.

Поскольку кредиторы не обладают вещными или иными субъективными правами на имущество должника, неправомерные действия арбитражного управляющего, повлекшие уменьшение этого имущества, не причиняют им реального ущерба в строгом смысле. Однако кредиторы обладают правом на получение удовлетворения своих требований в установленном законом порядке, которому корреспондирует обязанность управляющего действовать добросовестно и разумно при проведении процедуры. Поэтому неполучение кредиторами того удовлетворения, которое они могли бы получить при надлежащем исполнении управляющим своих обязанностей, образует их имущественные потери в форме упущенной выгоды.

Ранее было отмечено, что в период производства по делу действия или бездействие арбитражного управляющего, повлекшие уменьшение имущественной массы должника либо утрату возможности ее увеличения, как правило, образуют убытки самого должника. Иное значение такие последствия приобретают после завершения процедуры банкротства ликвидацией должника либо прекращением реализации имущества гражданина вследствие истечения его имущественной массы, если требования кредиторов остались неудовлетворенными полностью или частично. В этой ситуации соответствующие потери окончательно проявляются на стороне кредиторов как неполученное удовлетворение, обусловленное неправомерным поведением управляющего.

Размер подлежащих взысканию убытков определяется, исходя из размера реального ущерба, причиненного должнику в период производства по делу о банкротстве, а также упущенной выгоды на стороне должника, распределяемых между кредиторами пропорционально объему их неудовлетворенных требований, которые при отсутствии правонарушения управляющего подлежали бы удовлетворению в соответствии с установленной законом очередностью [5]. Соответственно, размер убытков кредиторов составляет разница между потенциальной долей удовлетворения их требований и фактической.

Выводы

Таким образом, имущественные последствия неправомерного поведения арбитражного управляющего, выражающиеся в уменьшении имущества должника или утрате возможности его увеличения, в период производства по делу подлежат квалификации как убытки должника и взыскиваются в его пользу. После завершения процедуры они могут сохранять характер убытков должника в части, превышающей размер неудовлетворенных требований кредиторов. В той же части, в которой вследствие указанных действий имущества должника оказалось недостаточно для удовлетворения требований кредиторов, соответствующие потери трансформируются в убытки кредиторов и могут быть взысканы ими самостоятельно.

Вместе с тем уменьшение имущественной массы должника вследствие неправомерных действий арбитражного управляющего не во всех случаях образует убытки на стороне должника. В частности, это касается случаев нарушения правил удовлетворения требований кредиторов, основанных на принципах очередности и пропорциональности, а применительно к текущим платежам – на правилах календарной очередности. Специфика таких нарушений заключается в том, что уменьшение конкурсной массы сопровождается одновременным уменьшением объема обязательств должника перед кредитором, получившим удовлетворение вне установленного порядка. Поэтому имущественное положение должника не ухудшается. Негативные последствия возникают у тех кредиторов, которые были лишены причитающегося им удовлетворения вследствие неправомерных действий арбитражного управляющего. Именно они должны рассматриваться в качестве потерпевших субъектов, что соответствует преобладающему подходу судебной практики [13; 14].

При этом представляется, что убытки кредитора возникают лишь тогда, когда допущенное нарушение привело к невозможности получения им удовлетворения в объеме, причитающемся в соответствии с установленным законом порядком. Само по себе нарушение очередности не является достаточным для возникновения убытков, если кредитор сохраняет возможность получить причитающееся ему исполнение в полном объеме. Такой подход также находит поддержку в судебной практике и представляется обоснованным [15].

Изложенное позволяет критически оценить встречающийся в отдельных судебных актах подход [16], согласно которому нарушение очередности удовлетворения требований всегда образует убытки должника и подлежит взысканию в конкурсную массу. Прямое взыскание убытков в пользу кредитора, лишившегося причитающегося удовлетворения, позволяет устранить последствия нарушения и обеспечить фактическую реализацию принципов очередности и пропорционального удовлетворения требований кредиторов.

Литература

1. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.07.2024 № Ф07–6161/2024 по делу № А56–31051/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.12.2021 № Ф05–29166/2021 по делу № А40–34524/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.05.2019 № Ф10–5351/2016 по делу № А09–6789/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.12.2024 № Ф04–20699/2015 по делу № А27–4351/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.03.2024 № Ф02–195/2024 по делу № А74–2718/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Егоров А.В. Дело «Конкурсный управляющий ООО «Удмуртский промышленно-строительный банк» против ООО «Можгинский Мясокомбинат» о возбуждении дела о банкротстве» (комментарий к постановлению от 16.10.2007 г. № 8141/07) // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2007 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М.: Статут, 2012. С. 134–147.
7. Becker U. Insolvenzverwalterhaftung bei Unternehmensfortführung. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. 311 s.
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.04.2024 по делу № А53–27208/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение ВС РФ от 15.03.2024 по делу № А56–25556/2019 // ЛегалАкт.

10. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2025 по делу № А77–1351/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.07.2024 по делу № А56–12211/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2021 № 304-ЭС16–17267(2,3) по делу № А03–13510/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.12.2016 № Ф09–2415/15 по делу № А07–11984/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.02.2024 № Ф04–2211/2016 по делу № А45–1367/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20.07.2023 № Ф10–1921/2017 по делу № А35–10415/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 02.07.2024 № 07АП-9992/17(21) по делу № А27–8181/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

CLASSIFICATION OF DAMAGES CAUSED BY AN INSOLVENCY ADMINISTRATOR IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Zolin I.Yu.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the legal nature and classification of damages caused by an insolvency administrator in bankruptcy proceedings. The author critically assesses the approach according to which the reduction of the debtor's estate is treated as damage simultaneously caused to both the debtor and its creditors. The article argues that such losses should be differentiated depending on the nature of the property loss, the injured party, and the stage of the bankruptcy proceedings. The proposed distinction is aimed at ensuring a more coherent model of liability of insolvency administrators.

Keywords: damages, insolvency administrator, insolvency bankruptcy, lost profits, bankruptcy estate.

References

1. Resolution of the Arbitrazh Court of the North-Western District dated July 22, 2024 No. F07–6161/2024 in case No. A56–31051/2023 // ConsultantPlus Legal Reference System.

2. Resolution of the Arbitrazh Court of the Moscow District dated December 7, 2021 No. F05–29166/2021 in case No. A40–34524/2021 // ConsultantPlus Legal Reference System.

3. Resolution of the Arbitrazh Court of the Central District dated May 17, 2019 No. F10–5351/2016 in case No. A09–6789/2014 // ConsultantPlus Legal Reference System.

4. Resolution of the Arbitrazh Court of the West Siberian District dated December 6, 2024 No. F04–20699/2015 in case No. A27–4351/2014 // ConsultantPlus Legal Reference System.

5. Resolution of the Arbitrazh Court of the East Siberian District dated March 20, 2024 No. F02–195/2024 in case No. A74–2718/2017 // ConsultantPlus Legal Reference System.

6. Egorov A.V. The Case "Bankruptcy Trustee of Udmurtsky Industrial and Construction Bank LLC v. Mozhginsky Meat Processing Plant LLC on the Initiation of Bankruptcy Proceedings" (Commentary on Resolution No. 8141/07 dated October 16, 2007) // Legal Positions of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation: Selected Resolutions for 2007 with Commentaries / ed. by A.A. Ivanov. Moscow: Statut, 2012. Pp. 134–147.

7. Becker U. Insolvenzverwalterhaftung bei Unternehmensfortführung. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. 311 s.

8. Resolution of the Arbitrazh Court of the North Caucasus District dated April 23, 2024 in case No. A53–27208/2021 // ConsultantPlus Legal Reference System.

9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 15, 2024 in case No. A56–25556/2019 // LegalAct.

10. Resolution of the Sixteenth Arbitrazh Appellate Court dated September 26, 2025 in case No. A77–1351/2009 // ConsultantPlus Legal Reference System.

11. Resolution of the Arbitrazh Court of the North-Western District dated July 7, 2024 in case No. A56–12211/2016 // ConsultantPlus Legal Reference System.

12. Ruling of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 21, 2021 No. 304-ES16–17267(2,3) in case No. A03–13510/2014 // ConsultantPlus Legal Reference System.

13. Resolution of the Arbitrazh Court of the Ural District dated December 8, 2016 No. F09–2415/15 in case No. A07–11984/2014 // ConsultantPlus Legal Reference System.

14. Resolution of the Arbitrazh Court of the West Siberian District dated February 3, 2024 No. F04–2211/2016 in case No. A45–1367/2015 // ConsultantPlus Legal Reference System.

15. Resolution of the Arbitrazh Court of the Central District dated July 20, 2023 No. F10–1921/2017 in case No. A35–10415/2015 // ConsultantPlus Legal Reference System.

16. Resolution of the Seventh Arbitrazh Appellate Court dated July 2, 2024 No. 07АП-9992/17(21) in case No. A27–8181/2016 // ConsultantPlus Legal Reference System.

Ивахник Мария Андреевна,

1 курс аспирантуры, Академия труда и социальных отношений

В статье исследуется трансформация правового регулирования сделок акционерных обществ под влиянием цифровизации. Анализируются внедрение цифровых финансовых активов, смарт-контрактов и электронного документооборота в корпоративную практику, выявляются их правовая природа и проблемы применения. Особое внимание уделяется квалификации смарт-контрактов, вопросам идентификации, трансграничным аспектам и налоговому регулированию. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства, включая легальное закрепление дефиниции смарт-контракта и урегулирование ответственности за ошибки программного кода. Обосновывается вывод о необходимости баланса между инновациями и правовой определенностью.

Ключевые слова: цифровизация, акционерное общество, цифровые финансовые активы, смарт-контракт, электронный документооборот, корпоративные сделки, токенизация, правовое регулирование, трансграничные сделки, электронная подпись.

Цифровая трансформация экономических отношений стала одним из определяющих факторов развития правового регулирования в XXI веке. Акционерные общества как ключевые участники корпоративных отношений оказались в центре процессов цифровизации, затрагивающих как внутренние управленческие процедуры, так и внешне-экономическую деятельность. Внедрение электронных средств коммуникации, цифровых финансовых активов и смарт-контрактов создает новые возможности для оптимизации сделочных процессов, одновременно порождая правовую неопределенность, требующую осмысления и системного регулирования. Законодательное признание цифровых прав, закрепленное в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, и последующее развитие специального регулирования в Федеральном законе от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» сформировали нормативную основу для включения цифровых инструментов в корпоративный оборот. Однако практическая реализация этих норм сталкивается с вызовами, обусловленными как технической спецификой цифровых технологий, так и недостаточной разработанностью механизмов их правовой интеграции в традиционную систему корпоративного управления[1].

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе трансформации правового регулирования сделок в акционерных обществах под влиянием цифровизации, выявлении ключевых проблем правоприменения и определении направлений совершенствования законодательства.

Федеральный закон № 259-ФЗ определил цифровые финансовые активы (ЦФА) как цифровые права, выпуск, учет и обращение которых осуществляются путем внесения записей в информационную систему. В структуру ЦФА законодатель включил денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, а также права участия в капитале непубличного акционерного общества. Последнее положение имеет принципиальное значение, поскольку открывает возможность токенизации корпоративных прав и совершения сделок с ними в цифровой форме. Федеральным законом от 11 марта 2024 года № 45-ФЗ в валютное законодательство были внесены изменения, согласно которым цифровые права, включающие права участия в капитале непубличного акционерного общества, признаются валютными ценностями либо не признаются таковыми в зависимости от валюты номинации. Это уточнение имеет существенное значение для трансграничных сделок с участием акционерных обществ, поскольку определяет режим валютного регулирования и контроля при совершении таких сделок.

Внедрение цифровых технологий в гражданский оборот ведет к совпадению по времени приобретения и осуществления субъективного гражданского права в отношении утилитарного цифрового права или цифрового финансового актива. Это совпадение традиционно различаемых этапов правового регулирования создает как преимущества (сокращение времени сделки, снижение транзакционных издержек), так и риски, связанные с возможной утратой контроля над процессом перехода прав[2].

Концепция смарт-контракта, предложенная Н. Сабо, получила практическое воплощение в автоматизированных системах исполнения обязательств. В российской доктрине сформировались два основных подхода к определению правовой природы смарт-контракта: технический, рассматривающий его исключительно как программный алгоритм, и юридико-функциональный, признающий его формой фиксации и способом исполнения гражданско-правового договора. Потенциал смарт-контрактов позволяет применять их к корпоративным договорам, то есть договорам об осуществлении корпоративных прав. При этом он выделяет несколько направлений конкретизации норм об исполнении корпоративных договоров в условиях цифровой экономики: функционирование оракулов (источников внешних данных), определение круга необходимых правовых последствий и формирование единой системы раскрытия сведений о юридических лицах. Эти направления отражают специфику корпоративных отношений, где автоматизация не должна подменять волеизъявление участников корпорации.

Следует согласиться с позицией, что смарт-контракт не отменяет традиционные элементы договора: субъектный состав, согласование существенных условий, наличие встречного предоставления и направ-

ленность на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Отличие заключается в том, что реализация согласованной воли сторон осуществляется автоматически, посредством заранее запрограммированного алгоритма. Таким образом, смарт-контракт представляет собой не новый вид договора, а технологически обусловленный способ исполнения обязательств[3, 4].

Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ положил начало системной «оцифровке» российского законодательства, затронув институты цифровых прав и электронных форм сделок. Электронный документооборот (ЭДО) стал неотъемлемой частью корпоративной практики, позволяя обмениваться договорами, первичными учетными документами и отчетностью с контрагентами и государственными органами. Правовое значение ЭДО в сделках акционерных обществ определяется несколькими факторами. Во-первых, электронный документ, подписанный квалифицированной электронной подписью, признается равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью. Во-вторых, переход на электронный документооборот требует разработки внутренних локальных актов, определяющих порядок формирования, подписания, отправки, получения и хранения электронных документов. В-третьих, для применения ЭДО необходимо заключение договора с оператором ЭДО и получение электронной подписи.

Особое значение электронный документооборот приобретает в сфере корпоративного управления акционерным обществом. Применение электронных средств коммуникации при осуществлении корпоративных прав, включая участие в общем собрании акционеров и голосование по вопросам повестки дня, становится все более распространенным. Однако правовая регламентация таких процедур остается фрагментарной. Внедрение систем управления корпоративным контентом, интегрирующих внешний и внутренний документооборот, позволяет оцифровывать полный жизненный цикл сделки – от подготовки договора и проведения тендерных процедур до исполнения обязательств и подписания закрывающих документов. Такая интеграция обеспечивает прозрачность корпоративных процессов и снижает риски, связанные с потерей или искажением информации[5, 6].

Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 324-ФЗ внес изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации, регулирующие налогообложение операций с цифровыми финансовыми активами и цифровыми правами. Эти изменения распространяются на правоотношения, возникшие с 14 июля 2022 года. В сфере налога на добавленную стоимость законодатель освободил от налогообложения реализацию цифровых финансовых активов, а также услуги операторов информационных систем по выпуску и обращению ЦФА. Это решение направлено на стимулирование развития рынка цифровых активов и снижение налоговой нагрузки на участников оборота. В отношении налога на прибыль организаций установлено, что доходы в виде денежных средств, причитающихся обладателю ЦФА в соответствии с решением о выпуске, относятся к внереализационным доходам. Одновременно денежные средства, причитающиеся к выплате лицом, выпустившим ЦФА, признаются внереализационными расходами. При этом к налоговой базе по доходам, полученным российскими организациями – обладателями ЦФА, применяется ставка налога в размере 13 процентов, если решением о выпуске предусмотрена выплата дохода в сумме, равной дивидендам. Особого внимания заслуживает положение, согласно которому расходы в виде сумм, причитающихся к выплате лицом, выпустившим ЦФА, в сумме, равной дивидендам, при определении налоговой базы не учитываются. Это правило направлено на предотвращение двойного налогообложения и соответствие общему подходу к налогообложению дивидендов.

Одной из ключевых проблем остается правовая квалификация смарт-контрактов. Российское законодательство не содержит легального определения смарт-контракта, что создает неопределенность в вопросах их признания судами и применения обеспечительных мер. Остаются нерешенными вопросы квалификации ошибок программного кода, распределения ответственности за некорректное исполнение, возможности одностороннего отказа или изменения условий смарт-контракта, а также доказывания его содержания в судебном процессе. А.В. Ефимов обоснованно указывает на необходимость принятия специальных норм не только на уровне Гражданского кодекса, но и на уровне отдельных законов о юридических лицах. Это обусловлено тем, что корпоративные договоры имеют специфику, связанную с осуществлением прав участия, и не могут быть полностью унифицированы с общими договорными конструкциями[7].

Внедрение электронных средств коммуникации при осуществлении корпоративных прав требует надежной идентификации участников. Законодательство об электронной подписи создает основу для такой идентификации, однако практические аспекты использования

электронных подписей в корпоративном управлении остаются недостаточно урегулированными. Особую сложность представляет ситуация, когда участник корпоративных отношений использует различные типы электронных подписей в разных информационных системах. Сделки с цифровыми правами, включающими права участия в капитале непубличного акционерного общества, могут иметь трансграничный характер, что создает дополнительные правовые сложности. Валютное законодательство, дополненное нормами о цифровых правах, устанавливает различные режимы для ЦФА, являющихся валютными ценностями, и ЦФА, не признаваемых таковыми. Однако применение этих норм на практике требует уточнения в части определения места совершения сделки, применимого права и юрисдикции споров.

В основе трансформации сделок в акционерных обществах лежит внедрение цифровых финансовых активов (ЦФА) и смарт-контрактов, которые принципиально меняют как объектный состав, так и порядок исполнения корпоративных обязательств. ЦФА, удостоверяющие в том числе права участия в капитале непубличного АО, выпускаются и обращаются исключительно в информационных системах на базе распределенного реестра, при этом их государственная регистрация не требуется, однако детальная регламентация правил учета и корпоративных процедур в уставе общества и решении о выпуске становится обязательным условием легитимности. Параллельно с этим смарт-контракты автоматизируют исполнение таких рутинных корпоративных действий, как выплата дивидендов или переход прав на акции по итогам голосования, однако их правовая квалификация остается дискуссионной: отсутствие специального регулирования порождает неопределенность в вопросах распределения ответственности между разработчиками кода, обществом и самим алгоритмом как исполнителем обязательств[8, 9].

Наряду с технологическими новациями, серьезную проблематику создают вопросы идентификации участников, обеспечения безопасности и трансграничного характера цифровых сделок. Легализация электронной формы сделок и различных видов электронной подписи создала юридическую основу для безбумажного документооборота, однако эффективность этих инструментов напрямую зависит от надежности систем аутентификации и защиты персональных данных, утечки которых несут значительные комплаенс-риски. В трансграничном контексте возникают сложности с определением применимого права и юрисдикции споров, а налоговое регулирование, несмотря на принятие поправок (в частности, закона № 324-ФЗ), требует дальнейшей гармонизации налогообложения гибридных цифровых прав с иными активами, что в совокупности с необходимостью соблюдения требований ПОД/ФТ формирует запрос на комплексное нормативное доработка всей системы корпоративно-правового регулирования.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования сделок в акционерных обществах в условиях цифровизации.

Необходимо закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации легального определения смарт-контракта, учитывающего его двойственную природу как программного кода и способа исполнения обязательств. Представляется целесообразным определить смарт-контракт как соглашение сторон, условия которого полностью или частично исполняются автоматически с использованием программного кода в информационной системе, при условии, что стороны прямо согласовали применение такого механизма. Требуется системное урегулирование вопросов ответственности за ошибки программного кода, включая распределение рисков между сторонами сделки и разработчиком программного обеспечения. В основу такого регулирования могут быть положены общие положения Гражданского кодекса о ненадлежащем исполнении обязательств с учетом технологической специфики смарт-контрактов[10].

Необходимо развитие института оракулов как источников внешних данных для смарт-контрактов. Функционирование оракулов должно быть урегулировано нормативно, включая требования к их надежности, порядок выбора и ответственность за предоставление недостоверных данных. Акционерные общества, использующие электронные средства при совершении сделок и осуществлении корпоративных прав, должны разрабатывать локальные нормативные акты, детализирующие порядок использования цифровых инструментов. Такие акты могут стать эффективным средством адаптации общих законодательных норм к специфике конкретной корпорации. В целях единообразного применения законодательства о цифровых правах в сделках акционерных обществ необходимо формирование судебной практики, разъясняющей вопросы квалификации сделок с цифровыми правами, определения момента перехода прав и распределения рисков[11, 12].

Таким образом, цифровизация сделок в акционерных обществах представляет собой объективный процесс, обусловленный развити-

ем технологий и потребностями экономического оборота. Внесенные в законодательство изменения, касающиеся цифровых прав, электронного документооборота и налогообложения операций с цифровыми активами, создали нормативную основу для использования цифровых инструментов в корпоративной практике. Однако системный анализ правового регулирования позволяет выявить ряд проблем, требующих дальнейшего решения. К их числу относятся: отсутствие легального определения смарт-контракта и четких правил его применения; недостаточная регламентация ответственности за ошибки в программном коде; пробелы в регулировании трансграничных сделок с цифровыми правами; неопределенность порядка доказывания содержания смарт-контрактов. Эффективное правовое регулирование сделок в акционерных обществах в условиях цифровизации должно строиться на принципах технологической нейтральности, правовой определенности и защиты прав участников. Конкретизация норм об исполнении корпоративных договоров с использованием цифровых технологий должна осуществляться как на уровне Гражданского кодекса, так и на уровне специального законодательства об акционерных обществах.

Дальнейшее развитие правового регулирования в рассматриваемой сфере должно учитывать как технологические возможности, так и правовые гарантии, обеспечивающие устойчивость и предсказуемость корпоративных отношений. Только при соблюдении баланса между инновациями и правовой определенностью цифровизация сделок в акционерных обществах сможет реализовать свой потенциал как инструмент повышения эффективности корпоративного управления и защиты прав участников.

Литература

1. Алексеев А.А. Проблемы регулирования договорных отношений в условиях цифровизации: новые вызовы и решения // Вестник науки № 12 (93) том 4 ч. 1. С. 188–194. 2025 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.вестник-науки.pf/article/27787> (дата обращения: 29.06.2026 г.).
2. Шакиров А.А. Заключение договоров купли-продажи с применением цифровых средств: правовые аспекты, проблемы и перспективы развития // Молодой ученый. 2024. N 17. С. 369–371.
3. Ефимова Л.Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики. Актуальные проблемы российского права. 2021;16(8):52–62.
4. Доброхотова, А.В. Проблемы гражданско-правового регулирования электронных сделок / А.В. Доброхотова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 10 (300). – С. 32–34.
5. Катыхин А. И., Крыгина В.С. Регулирование интернет-торговли на современном этапе // Аллея науки. 2018. Т. 7. № 5 (21). С. 44–47.
6. Колонтаевская И.Ф. Правовое обеспечение электронной торговли // Актуальные проблемы современного общества и пути их решения в условиях перехода к цифровой экономике материалы XIV международной научной конференции: в 4 ч. 2018. С. 103–110.
7. Кирпичев А.Е. Соотношение понятий «потребительский договор» и «обязательство, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности»: проблемы теории и правоприменения // Мировой судья. 2014. N 1. С. 20–24.
8. Шер М.Л., Дудник Д.В., Миронов Л.В., Опришко Е.Л., Миллер М.В. Правовое регулирование экономических отношений в условиях цифровизации современного общества // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 1. С. 148–155; URL: <https://vael.ru/article/view?id=2683> (дата обращения: 29.06.2026).
9. Пучков О.А. Трансформация договорного права в условиях информационных технологий: новые тенденции // Правовое государство: теория и практика. 2019. N 2. С. 39–46.
10. Арман А. Цифровые возможности реализации сделок с жилыми помещениями. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023;13(5):43–53.

11. Голенок С.Г. Цифровая экономика и право в Российской Федерации / С.Г. Голенок, А.В. Митин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 8 (98). – URL: [object Object] (дата обращения: 29.06.2026).

12. Василенко Н.В. Цифровая экономика: концепции и реальность // Информационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика: труды научно-практической конференции с международным участием 17–22 мая 2017 года / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 147–151.

LEGAL REGULATION OF TRANSACTIONS IN JOINT-STOCK COMPANIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Ivakhnik M.A.

Academy of Labor and Social Relations

The article examines the transformation of the legal regulation of transactions of joint-stock companies under the influence of digitalization. The introduction of digital financial assets, smart contracts and electronic document management into corporate practice is analyzed, their legal nature and application problems are identified. Special attention is paid to the qualification of smart contracts, identification issues, cross-border aspects and tax regulation. Proposals are being formulated to improve legislation, including the legal consolidation of the definition of a smart contract and the settlement of liability for software code errors. The conclusion about the need for a balance between innovation and legal certainty is substantiated.

Keywords: digitalization, joint-stock company, digital financial assets, smart contract, electronic document management, corporate transactions, tokenization, legal regulation, cross-border transactions, electronic signature.

References

1. Alekseenko A.A. Problems of regulation of contractual relations in the context of digitalization: new challenges and solutions // Bulletin of Science № 12 (93) volume 4 part 1. Pp. 188–194. 2025. ISSN 2712-8849 // Electronic resource: <https://www.вестник-науки.Russian Federation/article/27787> (date of reference: 06/29/2026).
2. Shakirov A.A. Conclusion of purchase and sale agreements using digital means: legal aspects, problems and development prospects // Young Scientist. 2024. N 17. Pp. 369–371.
3. Efimova L.G. An alternative view on the legal regulation of civil law relations in the digital economy. Actual problems of Russian law. 2021;16(8):52–62.
4. Dobrokhotova, A.V. Problems of civil law regulation of electronic transactions / A.V. Dobrokhotova. – Text: direct // Young scientist. – 2020. – № 10 (300). – Pp. 32–34.
5. Katskhin A.I., Krygina V.S. Regulation of online commerce at the present stage // Alley of Science. 2018. Vol. 7. № 5 (21). Pp. 44–47.
6. Kolontaevskaya I.F. Legal support for electronic commerce // Actual problems of modern society and ways to solve them in the context of the transition to the digital economy materials of the XIV International scientific conference: at 4 a.m. 2018. Pp. 103–110.
7. Kirpichev A.E. The relationship between the concepts of «consumer contract» and «obligation related to entrepreneurial activity» Problems of theory and law enforcement // Justice of the Peace. 2014. N 1. Pp. 20–24.
8. Sher M.L., Dudnik D.V., Mironov L.V., Opryshko E.L., Miller M.V. Legal regulation of economic relations in the context of digitalization of modern society // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2023. № 1. Pp. 148–155; URL: <https://vael.ru/article/view?id=2683> (date of reference: 06/29/2026).
9. Puchkov O.A. Transformation of contract law in the context of information technology: new trends // The rule of law: theory and practice. 2019. N 2. Pp. 39–46.
10. Arman A. Digital opportunities for the implementation of residential transactions. Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2023;13(5):43–53.
11. Golenok S.G. Digital economy and law in the RUSSIAN federation / S.G. Golenok, A.V. Mitin // International Scientific Research Journal. – 2020. – № 8 (98). – URL: [object Object] (Accessed 29.06.2026).
12. Vasilenko N.V. Digital economy: concepts and reality // Information clusters in the digital economy: theory and practice: proceedings of a scientific and practical conference with international participation on May 17–22, 2017 / edited by Doctor of Economics, Professor A.V. Babkin. St. Petersburg: Polytechnic Publishing House. University, 2017. Pp. 147–151.

Расчет размера компенсации за нарушение исключительного права на основе лицензионного договора: проблемы судебной практики и пути преодоления

Бехтев Александр Вячеславович,

студент, Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: me@behtev.ru

Касырова Нуркыз Максатбековна,

студент, Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: nkasyrova@mail.ru

Актуальность темы исследования обусловлена растущим количеством предъявленных исковых заявлений с требованием о взыскании компенсации за нарушение исключительного права в совокупности со сложностью доказывания ответчиком своей позиции в части оспаривания размера компенсации, а также возможными злоупотреблениями со стороны истца. Основная цель: рассмотреть способы защиты ответчика с позиции их практического применения в случае предоставления истцом лицензионного договора, заключенного с аффилированным по отношению к нему лицом, в качестве обоснования заявленного размера компенсации за нарушение исключительного права.

Рассматриваемые проблемы: в случае если истец предоставит надлежащие доказательства исполнения предоставленного лицензионного договора, а ответчик не обоснует иной размер стоимости права использования, то в делах о взыскании компенсации наличие аффилированности не учитывается для определения этой стоимости. Следовательно, ответчику в рассматриваемой категории споров необходимо доказать ряд обстоятельств для снижения размера компенсации, что является затруднительным в судебной практике.

Итоги исследования: анализ судебной практики позволил выявить проблемы, с которыми сталкивается ответчик в данной категории дел. Представляется целесообразным применение повышенного стандарта доказывания исполнимости лицензионного договора и установление обязанности заявителя обосновать установленный размер вознаграждения, введение реестра заключенных лицензионных договоров.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, результат интеллектуальной деятельности, компенсация за нарушение исключительного права, лицензионный договор, контррасчет, заключение независимого оценщика, реестр заключенных лицензионных договоров.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в ст. 12 устанавливает широкий перечень способов защиты прав. При этом законодатель, с учетом особой динамичности рыночных отношений и необходимости оперативного воздействия на них, специально сконструировал данную норму с открытым перечнем, что позволяет предусматривать и применять иные, не указанные в ст. 12 ГК РФ способы защиты. К таким относится компенсация за нарушение исключительного права. Согласно ст. 1252.1. ГК РФ¹ правообладатель вправе требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение исключительного права. Действующее правовое регулирование позволяет взыскать компенсацию за нарушение исключительного права на следующие результаты интеллектуальной деятельности:

- 1) Произведение (ст. 1301 ГК РФ);
- 2) Объекты смежных прав (ст. 1311 ГК РФ);
- 3) Объекты патентных прав (ст. 1406.1. ГК РФ);
- 4) Товарный знак (ст. 1515 ГК РФ);
- 5) Географическое указание и наименование места происхождения товара (ст. 1537 ГК РФ).

В случае нарушения исключительных прав на иные результаты интеллектуальной деятельности, данная мера ответственности не применяется.

При судебной защите своих прав и законных интересов правообладатели активно используют компенсацию за нарушение исключительного права. Однако при ее применении судебная практика выявила ряд сложностей и пробелов, без решения которых вынести законное, обоснованное и справедливое решение представляется очень затруднительным.

Рассуждая о сущности компенсации за нарушение исключительного права, необходимо обратиться к общей целевой направленности мер гражданско-правовой ответственности. Как известно и следует из общих принципов гражданского законодательства, меры гражданско-правовой ответственности носят правовосстановительный характер, то есть своей основной задачей они имеют восстановить субъекта в его прежнем положении, существовавшим до возникновения нарушения, либо компенсировать возникшие убытки.

В свою очередь специфика компенсации за нарушение исключительного права выходит за рамки восстановления нарушенных прав.

Л.А. Новоселова отмечала, что «в положениях ГК РФ заложен механизм расчета компенсации, порождающей мультипликацию ответственности» [1, с. 8]. Н.В. Иванов считает целесообразным применять к природе компенсации смешанный (двойственный) подход, который заключается в восстановительном характере с умеренно штрафным началом ввиду специфики объектов интеллектуальной собственности – простоты и доступности технологий их копирования и иного использования [2, с. 135]. В то же время Э.П. Гаврилов придерживается обратной позиции, указывая, что правовая природа имеет «восстановительный» характер, поскольку размер компенсации практически равен убыткам, ввиду чего природу компенсации нельзя считать «штрафной» [3, с. 22].

Согласно п. 1 ст. 1252.1 ГК РФ², правообладатель освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 24.07.2020 № 40-П, анализируя данные положения, пришел к выводу, «что компенсация может взыскиваться и сверх убытков, но лишь при наличии таковых»³. Следовательно, суд может назначить размер компенсации выше понесенных фактически убытков, что выводит за рамки целей восстановить нарушенные права. Подобный подход обусловлен спецификой объектов интеллектуальной собственности и необходимо-

¹ Данная статья введена Федеральным законом от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», которым учтены правовые позиции, выработанные судебной практикой в спорах о взыскании компенсации за нарушение исключительного права.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2026. № 52. (1 ч.). ст. 5496.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // СЗ РФ. 2020. № 32. ст. 5362.

стью защиты публичных интересов, о чем указано в Постановлении от 13.12.2016 № 28-П¹. Таким образом, специфика компенсации за нарушение исключительного права носит двойственный характер: с одной стороны, ее цель заключается в восстановлении нарушенных прав правообладателя, а с другой, суд при наличии соответствующих оснований может установить размер компенсации сверх пределов фактически понесенных убытков вследствие чего, она является способом защиты, гражданско-правовой санкцией и мерой ответственности [4, с. 103].

Суд определяет размер компенсации в пределах, установленных гражданским законодательством, с учетом характера нарушения и иных обстоятельств дела, основываясь на принципах разумности и справедливости.

Статьей 1252.1. ГК РФ предусмотрено, что правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации, в том числе в твердом размере; в размере, кратном стоимости контрафактных материальных носителей; в размере, кратном стоимости права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование такого результата или средства тем способом, который использовал нарушитель.

В силу разъяснений, содержащихся в пункте 61 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»² (далее – Постановление № 10), истец при заявлении требования о взыскании компенсации должен предоставить обоснование размера взыскиваемой компенсации, то есть подтвердить соразмерность требуемой им суммы допущенному нарушению.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 62 Постановления № 10, размер подлежащей взысканию компенсации должен быть судом обоснован. Суд при определении размера компенсации учитывает обстоятельства, связанные с объектом нарушенных прав:

1) характер допущенного нарушения (например, суд в деле указал на то, что ответчик не использовал спорное обозначение в целях индивидуализации услуг, что уменьшило степень вины ответчика³);

2) срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации (в рамках дела было установлено, что ответчик добровольно прекратил незаконное использование товарных знаков, что повлияло на взыскиваемый размер компенсации⁴);

3) наличие и степень вины нарушителя (в том числе носило ли нарушение грубый характер, допускалось ли оно неоднократно) (суды принимают во внимание факт того, что нарушение ответчиком совершено впервые⁵). При этом, как отмечали в литературе, неоднократность или критерий «правонарушение совершено впервые», имеет значение не только в отношении одного и того же правообладателя, но и факт нарушения прав иных лиц [5, с. 155].

4) вероятные имущественные потери правообладателя (при определении размера компенсации судом учтено отсутствие доказательств причинения каких-либо крупных убытков правообладателю⁶);

5) являлось ли использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, права на которые принадлежат другим лицам, существенной частью хозяйственной деятельности нарушителя⁷.

Снижение компенсации за нарушение исключительного права на один объект интеллектуальных прав на основании Постановления № 28-П, № 40-П возможно лишь по заявлению ответчика при наличии совокупности следующих обстоятельств:

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // СЗ РФ. 2016. № 52 (Часть V). ст. 7729.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7, июль.

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.06.2026 № С01–671/2026 по делу № А40–209739/2025 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.09.2024 № С01–1582/2024 по делу № А56–46863/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 13.03.2026 № С01–1632/2025 по делу № А83–5565/2025, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.09.2024 № С01–1582/2024 по делу № А56–46863/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.04.2024 № С01–242/2024 по делу № А65–30028/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2024 № 13АП-1450/2024 по делу № А56–27453/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– заявленный размер компенсации в несколько раз превышает фактически понесенные правообладателем убытки (притом, что эти убытки поддаются исчислению, а их превышение должно быть доказано ответчиком);

– нарушение исключительного права ответчиком совершено впервые;

– использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью деятельности ответчика и не носило грубый характер.

Соответственно, снижение размера компенсации за нарушение исключительного права ниже минимального предела обусловлено одновременно наличием ряда критериев, обязанность доказывания соответствия которым возлагается именно на ответчика.

Исходя из пункта 2 статьи 1252.1. ГК РФ за основу рассчитываемой компенсации может быть принята цена, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование соответствующего результата и средства тем способом, который использовал нарушитель – таким примером может служить лицензионный договор, заключенный между истцом (лицензиаром) и лицензиатом, что подтверждается правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой за основу расчета размера компенсации должна быть взята только стоимость права за аналогичный способ использования, и таким методом в данном деле являлся лицензионный договор⁸.

При таких обстоятельствах суду необходимо соотнести условия предоставленного лицензионного договора с обстоятельствами допущенного нарушения. Например, Суд по интеллектуальным правам в одном из рассмотренных дел отметил, что суды нижестоящих инстанций, не проанализировав условия договора и не соотнеся их с фактическими обстоятельствами дела, принимая стоимость права использования спорных товарных знаков из представленного истцом лицензионного договора⁹. Впоследствии судами был неверно определен размер компенсации, поскольку установленное вознаграждение в лицензионном договоре выплачивалось, в рассмотренном споре, за предоставление права использования спорных товарных знаков в отношении многочисленных товаров и услуг, в то время как инкриминируемое нарушение касается лишь незначительной части услуг одного класса МКТУ. В то же время, в литературе отмечают, что в законодательстве не определены критерии сравнимости обстоятельств условий использования объекта интеллектуальной собственности с обстоятельствами допущенного нарушения [6, с. 56].

Таким образом, при определении размера компенсации, подлежащей взысканию, суд должен учитывать срок и способы использования, классы товаров и услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован и в отношении которых ответчик их использовал. Однако стоит отметить, что само по себе отличие обстоятельств допущенного нарушения от условий лицензионного договора не является основанием для признания указанного договора неотносимым доказательством.

При этом ответчик вправе оспорить размер компенсации, рассчитанный на основании лицензионного договора, путем обоснования иной стоимости права использования соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. К примеру, он может предоставить дополнительные доказательства: иные лицензионные договоры и иные сведения о цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование.

В то же время в судебной практике возникают следующие проблемы доказывания. Истец может предоставить расчет компенсации на основе лицензионного договора, заключенный между ним и лицом, которое является аффилированным по отношению к нему.

Суды в приведенном случае указывают, что лицензионные договоры, заключенные между аффилированными лицами, не могут быть приняты в обоснование заявленной истцом суммы компенсации за нарушение исключительного права, поскольку, по мнению судов, факт аффилированности в таких случаях мог повлиять на установленный размер лицензионного вознаграждения¹⁰. С учетом данного обстоятельства, суды снижают размер компенсации, заявленный истцом,

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2021 № 310-ЭС20–9768 по делу № А48–7579/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.04.2026 № С01–159/2026 по делу № А40–316013/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 22.05.2026 по делу № А56–74850/2025, Постановления Суда по интеллектуальным правам от 21.02.2023 по делу № А53–22098/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

основываясь на необходимости сохранения баланса прав и законных интересов сторон.

Между тем существует обратная практика. Суд по интеллектуальным правам соглашается¹, что факт наличия отношений связанности может влиять на стоимость права, указанную в лицензионном договоре. Но в то же суд указывает, что в делах о взыскании компенсации наличие аффилированности не учитывается для определения этой стоимости в случае предоставления истцом надлежащих доказательств исполнения предоставленного лицензионного договора и отсутствия обоснования иного размера стоимости права использования ответчиком. Кроме того, суд обращает внимание на то, что наличие аффилированности между сторонами лицензионного договора не может служить основанием для признания указанного договора недопустимым доказательством, что впоследствии могло бы повлечь отказ в удовлетворении требования о взыскании компенсации.

Следовательно, ответчику в рассматриваемой категории споров необходимо доказать ряд обстоятельств, чтобы суд учел его довод о влиянии аффилированности на стоимость лицензионных договоров. Так, ответчик может оспорить исполнение лицензионного договора, предоставленного истцом в обоснование расчета компенсации, также может предоставить контррасчет или заключение независимого оценщика. Рассмотрим, как указанные способы реализуются в судебной практике.

1) Довод о мнимости лицензионного договора, — представляет собой тезис о том, что лицензионные договоры были направлены не на реальное предоставление права использования исключительного права аффилированному контрагенту, а на создание доказательственной базы для обоснования размера компенсации. В подтверждение своей позиции ответчик может заявить о непредоставлении документов, подтверждающих оплату по лицензионным договорам, отсутствие регистрации договоров в Роспатенте, нестандартном поведении истца (например, несоответствий платежей условиям договора в разрезе отсутствия претензий со стороны истца, предоставление иных документов только после заявления об этом ответчиком и др.). В ином случае суд отклонит довод о мнимости.

Так, Суд по интеллектуальным правам указал, что истец не представил по предложению суда доказательства оплаты по лицензионному договору, подтверждающие соответствие заявленного размера компенсации цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомочное использование товарного знака². В другом деле суд пришел к выводу об отсутствии мнимости лицензионного договора, так как ответчиком не представлено каких-либо доказательств в подтверждение своей позиции, а истец исполнил свое обязательство по предоставлению права использования товарного знака, поскольку договор о предоставлении неисключительной лицензии был зарегистрирован в Роспатенте³.

Из проанализированной судебной практики следует вывод, что зачастую ответчику крайне трудно доказать мнимость лицензионных договоров, так как наличие минимального количества документов, подтверждающих их исполнение, оценивается судами как достаточный объем доказательств для отклонения указанного довода. Так, наличие одного платежного поручения уже свидетельствует о реальности договора⁴.

2) Довод о несоразмерности размера компенсации. В случае несогласия ответчика с заявленным размером компенсации, суд предлагает ответчику представить контррасчет стоимости права использования спорного товарного знака и соответствующие доказательства в подтверждение иной стоимости⁵. Однако в данном случае не берется во внимание тот факт, что ответчик не имеет возможности предоставить запрашиваемый контррасчет, поскольку он фактически не обладает какой-либо объективной информацией о действительной рыночной стоимости использования спорного объекта интеллектуальной деятельности. Истцу же, заявляющему размер компенсации на основании лицензионного договора, нет необходимости подтверждать соответствие свободному рынку определенной в договоре цены вознаграждения, ему нужно доказать лишь исполнение такого договора

в части финансовых условий, чтобы суд признал такое обоснование размера компенсации достаточным и законным.

Для того, чтобы предоставить суду контррасчет, к примеру, для обоснования снижения расходов на оплату услуг представителя, ответчику необходимо иметь информацию о цене услуг представителя в среднем в той территориальной местности, где ведется рассматриваемое дело, соотнести услуги, перечисленные в соглашении об оказании юридической помощи, с фактически оказанными услугами, указанными в акте об оказании юридической помощи, учесть количество учас- тий в проведенных судебных заседаниях и др. Так, ответчик может найти всю необходимую информацию в открытых и доступных ему источниках, например, для сравнения стоимости услуг можно проанализировать предложения на сайте hh.ru, задав необходимые параметры; соглашение и акты, заключенные между истцом и его представителем, иные доказательства в подтверждение реальности выполнения услуг ответчик может также запросить через суд, если такие документы не были ранее приобщены в материалы дела. А в случае же необходимости предоставления контррасчета ответчиком в делах об оспаривании размера компенсации за нарушение исключительного права, у ответчика имеется лишь предоставленный истцом лицензионный договор, где сложно экономически самостоятельно определить формулу расчета установленного размера вознаграждения, поскольку в силу свободы договора стороны данного лицензионного договора установили его по соглашению сторон. Кроме того, ответчик не имеет возможности определить примерную рыночную стоимость права использования, поскольку не имеет доступа к другим аналогичным лицензионным договорам для сравнения установленных цен, более того, такое кажется невозможным в силу того, что в основе договора лежит объект интеллектуальной собственности, который по своей природе является уникальным и самостоятельным, ввиду чего не подлежит сравнению с другими объектами. Вследствие этого в судебной практике можно отметить следующую тенденцию в рамках данного довода: «из материалов дела не усматривается, что ответчиком представлялись какие-либо документы, в том числе контррасчет, в обоснование доводов относительно размера компенсации»⁶, из чего можно сделать вывод, что с учетом изложенного ответчики не имеют объективной возможности для предоставления обоснованного контррасчета ввиду специфики предмета договора.

Ответчик также может ходатайствовать о назначении по делу судебной экспертизы для определения действительной стоимости права использования объекта интеллектуальной собственности, но стоит иметь в виду, что в силу арбитражного процессуального законодательства, суд не обязан удовлетворять такое ходатайство на основании того, что это является его правом, а не обязанностью. При этом ответчику в ходатайстве необходимо привести достаточные основания для назначения такой экспертизы, что тоже является затруднительным, поскольку недостаточно просто будет заявить несогласие с размером компенсации, необходимо указать суду на обстоятельства, которые вызывают сомнения в добросовестности истца (аффилированность, несоответствие условий договора последующим платежам и пр.), в ином случае суд может отказать в удовлетворении ходатайства. Наряду с этим ответчик может обратиться лично в экспертную организацию или к независимому оценщику для проведения оценки интеллектуальной собственности и определения его рыночной стоимости и затем предоставить подготовленное заключение в суд, при этом стоит учитывать, что истец может также не согласиться с представленным заключением, оспорить его, а суд в свою очередь может не принять цену, определенную экспертами, что впоследствии приведет к тому, что проведенная экспертиза (оценка) станет лишь дополнительной финансовой нагрузкой для ответчика, с которого и так истец требует взыскать немалый размер компенсации за нарушение исключительного права. Исходя из выше указанного можно заключить, что рассмотренные способы защиты ответчика также не являются безусловными и зачастую не принимаются судами.

Рассчитанный на основании представленной ниже таблицы, средний процент (12,8%) удовлетворения судом заявленного истцом размера компенсации показывает, что первоначальный истребуемый размер компенсации является достаточно высоким, и в случае процессуальной ошибки может привести к необоснованному взысканию чрезмерной компенсации за нарушение исключительного права, если такая цена определена истцом на основании лицензионного договора, заключенного с аффилированным контрагентом.

Таким образом, отмеченные проблемы, выявленные из анализа судебной практики, являются существенными. Они требуют своего разрешения для обеспечения всесторонней защиты субъектов граж-

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.06.2023 по делу № А83–33/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.07.2020 № С01–1177/2019 по делу № А52–5093/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.07.2019 № С01–516/2019 по делу № А40–92122/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.11.2024 № С01–2057/2024 по делу № А56–128724/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 30.05.2019 № С01–398/2019 по делу № А82–3485/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.04.2023 № С01–398/2019 по делу № А75–5084/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

данского оборота от недобросовестного поведения и злоупотребления правом истцом, выражающегося в формальном предъявлении иска с целью получения необоснованной выгоды.

Таблица 1

Дело, рассматриваемое СИП, №	Размер заявленной компенсации, руб.	Размер удовлетворенной суммы, руб.	% (удовлетворенного требования от заявленного)
A32–17376/2024	4 320 000,00	1 080 000,00	25%
A12–25559/2024	1 100 000,00	324 000,00	30%
A32–10000/2023	5 000 000,00	2 500 000,00	50%
A40–110615/2021	7 200 000,00	1 000 000,00	14%
A75–5084/2022	3 000 000,00	499 999,80	17%

Ввиду аффилированности сторон лицензионного договора приемлемым будет предложение применения повышенного стандарта доказывания исполнимости лицензионного договора по аналогии с делами о несостоятельности (банкротстве). Так, при рассмотрении дел о банкротстве в случае аффилированности заявителя к должнику применяется повышенный стандарт доказывания, заключающийся в возложении судом на заявителя обязанности предоставлять ясные и убедительные доказательства, то есть неубедительные, недостаточные, альтернативные, противоречивые доказательства, которые вызывают любые минимальные сомнения у суда, обоснованно отклоняются им.

В рассматриваемой категории споров применение данного подхода повлечет для истца следующее: 1) необходимость предоставлять целый ряд платежных документов или банковских выписок за определенный период, а не одно платежное поручение или иной документ (сам факт предоставления возможности использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации не должен подтверждать реальность лицензионного договора, истец должен доказать его фактическое исполнение); 2) возникновение обязанности обосновать отклонения от условий лицензионного договора аффилированным лицом в совокупности с неприятием истцом мер к их устранению; 3) предоставление в материалы дела иных лицензионных договоров, заключенных с лицами, не являющимися аффилированными для последующего соотношения условий договоров.

Принимая во внимание, что у сторон зачастую нет доступа к другим лицензионным договорам, предлагается следующее. В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.»¹ в целях упрощения порядка и повышения прозрачности сделок с правами на результаты интеллектуальной деятельности предлагается развитие межведомственного обмена данными государственных реестров в части ввода данных о правах на результаты интеллектуальной деятельности. Ввиду этого будет целесообразным введение Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент) реестра, в котором будет вестись учет заключенных лицензионных договоров. Введение такого реестра позволит ответчикам в делах о взыскании компенсации предоставить суду контррасчет, основанный на анализе цен вознаграждений, установленных в аналогичных лицензионных договорах, путем соотнесения условий договора, известности объекта интеллектуальной собственности и правообладателя с учетом его финансовых показателей.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2023. № 22. ст. 3964.

Литература

- Новоселава Л.А. О механизме компенсации за нарушение исключительного права // Хозяйство и право. 2017. № 3. С. 3–17.
- Иванов Н.В. Компенсация за нарушение исключительного права: проблемы определения размера ответственности // Закон. 2017. № 10. С. 135–144.
- Гаврилов Э. Совершенствование законодательства о компенсации за нарушение исключительного права в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 года № 28-П // Хозяйство и право. 2017. № 3. С. 18–32.
- Васильева Е.Н. Компенсация за нарушение исключительного права на интеллектуальную собственность // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 6. С. 101–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompensatsiya-za-narushenie-isklyuchitelnogo-prava-na-intellektualnuyu-sobstvennost> (дата обращения 13.07.2026).
- Чернишкина Г.Н. Основы правовой охраны промышленной собственности и особенности ее защиты: учебное пособие. – М: РГУП, 2019. С. 1–168.
- Гаджиев Г.А. Патентный троллинг: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 31–39; № 3. С. 49–62.

CALCULATING THE AMOUNT OF COMPENSATION FOR INFRINGEMENT OF AN EXCLUSIVE RIGHT UNDER A LICENCE AGREEMENT: ISSUES IN CASE LAW AND WAYS TO ADDRESS THEM

Bekhtev A.V., Kasyrova N.M.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The relevance of this research topic stems from the growing number of claims filed seeking compensation for the infringement of an exclusive right, coupled with the difficulty defendants face in proving their case when challenging the amount of compensation, as well as potential abuses on the part of the claimant.

The main goal is: to examine the defendant's defences from the perspective of their practical application in cases where the claimant submits a licence agreement concluded with a person affiliated with them as justification for the claimed amount of compensation for the infringement of an exclusive right.

Issues under consideration: if the claimant provides adequate evidence of the performance of the licence agreement submitted, and the defendant fails to substantiate a different value for the right of use, then in cases concerning the recovery of compensation, the existence of an affiliation is not taken into account when determining that value. Consequently, in this category of disputes, the defendant must prove a number of circumstances in order to reduce the amount of compensation, which is difficult to achieve in judicial practice.

The results of the study: an analysis of case law has revealed the problems faced by the defendant in this category of cases. It would appear appropriate to apply a higher standard of proof regarding the enforceability of a licence agreement, to impose an obligation on the applicant to justify the amount of remuneration set, and to introduce a register of concluded licence agreements.

Keywords: civil liability, intellectual property, compensation for infringement of an exclusive right, licence agreement, set-off, independent valuer's report, register of concluded licence agreements.

References

- Novoselava, L.A. On the mechanism of compensation for infringement of an exclusive right // Economy and Law. 2017. No. 3. pp. 3–17.
- Ivanov, N.V. Compensation for infringement of an exclusive right: problems in determining the amount of liability // Law. 2017. No. 10. pp. 135–144.
- Gavrilov, E. Improving legislation on compensation for infringement of exclusive rights in light of Resolution No. 28-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13 December 2016 // Economy and Law. 2017. No. 3. pp. 18–32.
- Vasilyeva, E.N. Compensation for infringement of an exclusive intellectual property right // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 6. pp. 101–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompensatsiya-za-narushenie-isklyuchitelnogo-prava-na-intellektualnuyu-sobstvennost> (accessed 13 July 2026).
- Gadzhiev, G.A. Patent trolling: issues of legal classification // Journal of Russian Law. 2021. No. 1. pp. 31–39; No. 3. pp. 49–62.
- Chernichkina, G.N. Fundamentals of the Legal Protection of Industrial Property and Specific Features of its Protection: a study guide. – Moscow: RGUP, 2019. pp. 1–168.

Квитко Степан Александрович,
студент, Московский государственный институт
международных отношений

В настоящей статье рассматривается возможность передачи споров, связанных с криптовалютами и цифровыми активами, в арбитраж. В первой части исследования определяются теоретические подходы к арбитрабельности споров, касающихся криптовалют и цифровых активов. Выявлено, что в научном сообществе существуют диаметрально противоположные позиции в отношении различных аспектов данной проблемы. Во второй части статьи рассматривается практика организации арбитражных разбирательств в отношении криптовалют и цифровых активов. Проанализирована практика передачи споров, связанных с криптовалютами и цифровыми активами, в арбитраж на примере некоторых либерально относящихся к криптовалюте иностранных юрисдикций. Приведен анализ текущего российского подхода к возможности передачи в арбитраж споров, связанных с криптовалютой и цифровыми активами.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые активы, арбитрабельность, арбитражное разбирательство, правовой спор.

Возможность передачи споров в сфере криптовалют и цифровых активов на рассмотрение третейского суда является одной из наиболее обсуждаемых тем в научном сообществе, в связи с чем были разработаны различные теоретические конструкции, позволяющие анализировать такую арбитрабельность.

С позиции определения правовой природы цифровых активов выделяются имущественный подход и подход к ним как к специфическому виду имущества (лат. *sui generis* – единственный в своем роде) [1]. В первом случае речь идет о рассмотрении криптовалюты и цифровых активов как обычного имущества, к которому, соответственно, могут применяться общие правила арбитража в имущественных спорах. При подходе *sui generis*, где криптовалюты и цифровые активы рассматриваются в качестве специфического вида имущества, они считаются уникальным цифровым кодом. Соответственно, в арбитражных разбирательствах требуется учитывать технические особенности таких активов (смарт-контракты, протоколы и т.д.) и использовать применимое к ним право в разрешении спора.

По общему вопросу о возможности передачи рассматриваемых видов споров в арбитраж существует две основные позиции – консервативная и либеральная [2]. Сторонники консервативного подхода полагают, что, поскольку споры, связанные с криптоактивами, могут затрагивать аспекты публичного порядка (противодействие отмыванию денег (ПОД), осуществление валютного контроля и т.д.), такие споры должны разрешаться только в государственных судах. С либеральной точки зрения операции с криптовалютой и цифровыми активами рассматриваются исключительно в качестве частно-правовых сделок. В этой ситуации признается, что спор сторон может быть передан в арбитраж, особенно если сами стороны указали это в арбитражной оговорке к своему соглашению.

В то же время, существуют разные мнения по вопросу о том, какие именно основания, вытекающие из оформления отношений между сторонами, могут создавать арбитрабельность будущих споров. Одни авторы полагают, что передаче в арбитраж подлежат те споры, которые основаны на письменном соглашении сторон (в т.ч. содержащем арбитражную оговорку). Иные авторы считают, что для передачи спора с криптовалютой и цифровыми активами в арбитраж требуется арбитражная оговорка в цифровой форме, т.е. оговорка, вшитая в сам код смарт-контракта [3]. При этом не существует единства мнений о том, как такой подход соотносится с положениями Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года [4], которая предусматривает необходимость наличия соглашения в письменной форме (договор с арбитражной оговоркой или отдельное соглашение, подписанное сторонами, либо зафиксированное путем обмена письмами, телеграммами).

Наконец, предлагаются некоторые инновационные и новаторские подходы к арбитражу, осуществляемому непосредственно внутри блокчейн-сети (англ. *on-chain*). Здесь можно выделить две разновидности предлагаемых решений:

- гибридный подход, в котором спор рассматривается арбитрами-людьми, но весь процесс разбирательства происходит полностью в цифровой среде с записью решения в блокчейн;
- подход *Code is Law* («код – это закон»), при котором предлагается решать спор полностью автоматически через ресурсы самого алгоритма или децентрализованного протокола. Возможность такого разрешения споров уже была продемонстрирована в системах Aragon или Kleros. Исполнение решения также происходит автоматически на основе смарт-контракта [5].

Во многих иностранных юрисдикциях в настоящее время наблюдается активный процесс развития арбитража в сфере разрешения споров, связанных с криптовалютами и цифровыми активами. Далее будут рассмотрены примеры некоторых наиболее успешных юрисдикций в продвижении крипто-арбитража.

В Гонконге, в отличие от Китая, обращение криптовалют полностью разрешено, в связи с чем эта юрисдикция является одним из лидеров в практике разрешения криптовалютных споров. В Гонконге в отношении правовой природы криптоактивов используется либеральный подход. Так, Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC) с 2024 года ввел новые правила [6], позволяющие арбитражным институтам рассматривать споры о правах на криптовалюты и цифро-

вые активы (в т.ч. токены и NFT (англ. *non-fungible token* – неваимозаменяемый токен) в качестве полностью арбитрабельных. Регламенты НКIAS используются многими крупными биржами криптовалют (например, Binance) в качестве основы для разрешения споров со своими пользователями. Одной из наиболее эффективных мер в структуре разрешения споров по регламентам НКIAS выступает процедура раннего определения, которая позволяет отклонить необоснованные требования по выплатам в течение 30 дней.

В Сингапуре также применяется либеральный подход, а криптовалюта считается имуществом, на которое должны распространяться средства защиты, что было подтверждено в судебной практике [7]. Сингапурский международный арбитражный центр (SIAC) является одним из наиболее популярных мест для разрешения споров в сфере децентрализованных финансов (англ. *decentralized finance*; DeFi) арбитражным путем. Выбор SIAC в качестве арбитражной институции участниками крипто-споров часто обуславливается высокой гибкостью данного института в сфере выбора применимого права [8].

Традиционно либеральным подходом характеризуется также Швейцария, где арбитражные институции часто пользуются нормами о цифровых обязательствах, которые закреплены в национальном законодательстве, регулирующем распределенные реестры [9].

Что касается формы соглашения между участниками спора, то в зарубежной практике (например, в Великобритании и США) растет число случаев, когда признаются арбитражные оговорки, содержащиеся в самом программном коде или в условиях использования цифровых платформ, которые пользователи принимают. При этом одной из основных проблем в американской арбитражной практике в настоящее время выступает вопрос о том, как следует рассматривать множество аналогичных исков к платформам, которые между собой однородны, хотя и поступили от разных пользователей. Проблема здесь заключается в том, можно ли рассматривать такие споры как коллективный иск или же они должны разбираться по отдельности [10].

Также разнообразными являются зарубежные подходы к децентрализованным судам, таким как Kleros, который зарегистрирован во Франции [11]. Kleros – это децентрализованный протокол арбитража на блокчейне Ethereum, который работает как цифровой суд. Он использует смарт-контракты и теорию игр для справедливого разрешения споров. Система выбирает независимых экспертов (присяжных) случайным образом. Для участия в роли судьи присяжные используют внутренний токен PNK. Стороны предоставляют доказательства, а присяжные голосуют за один из вариантов исхода, предложенных ранее контрактом. Большинство голосов определяет победителя.

В настоящее время европейские страны изучают возможность признания решений таких судов, функционирующих на основе блокчейна, в качестве альтернативной формы урегулирования споров. Применение к ним стандартных положений о признании иностранных арбитражных решений, изложенных, в частности, в Нью-Йоркской конвенции, пока что остается предметом дискуссий [12].

Также во многих юрисдикциях сейчас идет рассмотрение вопроса о том, как обеспечить исполнение арбитражных решений в самих блокчейн-системах. Трудности здесь заключаются и в высокой степени анонимности в децентрализованных сетях, и в том, что операции с крипто-активами доступны только владельцу ключа, в то время как никаких способов автоматического перевода активов не предусмотрено. В ОАЭ, Сингапуре и некоторых других юрисдикциях в настоящее время обсуждается возможность формулирования законодательного требования к крипто-платформам, требующим от них исполнять арбитражные приказы о переводе или заморозке активов на кошельках их пользователей [13].

В России криптовалюты и цифровые активы были признаны подлежащими защите имуществом. Это было, в частности, закреплено правовой позицией Конституционного Суда РФ (КС РФ) в 2026 году [14]. Суд постановил, что цифровая валюта является объектом гражданских прав, подлежащим судебной защите, даже если владелец не уведомил налоговую службу о сделках. Таким образом, отсутствие декларации о владении криптовалютой не является безусловным основанием для отказа в судебной (и, соответственно, арбитражной) защите прав владельца. Подобный отказ КС РФ рассматривает в качестве неконституционного. Это означает, что споры о криптоактивах теперь официально признаются арбитрабельными (могут рассматриваться в третейских судах), так как они носят частно-правовой имущественный характер.

Продолжающееся развитие правового регулирования цифровых валют в России приводит к тому, что с 1 июля 2026 года:

- все операции должны проходить через лицензированных посредников (биржи и обменники);
- для компаний и инвесторов, работающих в рамках правового поля (например, через Московскую или Санкт-Петербургскую биржу),

арбитражное разбирательство становится стандартным способом разрешения бизнес-конфликтов;

- арбитражные суды РФ теперь могут выдавать исполнительные листы на взыскание цифровых валют, которые признаны имуществом в рамках исполнительного производства [15].

Несмотря на прогресс в обеспечении арбитрабельности споров, связанных с цифровыми валютами, некоторые подходы в российском законодательстве сохраняют высокую степень консерватизма. Это проявляется, в частности, в сфере смарт-контрактов, чей юридический статус не определен однозначно: они рассматриваются не как договор, а как способ исполнения обязательств (ст. 309 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) или форма сделки (ст. 160 ГК РФ) [16]. Также в арбитражной практике запись в блокчейне принимается как доказательство совершения сделки, если она подтверждена актом приема-передачи или иными стандартными документами. Автоматизированный арбитраж, где код сам меняет балансы после решения арбитров, в России пока не имеет прямой законодательной поддержки, и его решения не подлежат принудительному исполнению.

По итогам настоящего исследования можно резюмировать, что в ходе обсуждения теоретической возможности передачи споров с криптовалютами и цифровыми активами в арбитраж высказываются разнообразные точки зрения.

С точки зрения криптовалют и цифровых активов как имущества один подход позволяет рассматривать их в качестве обычного имущества, а потому применять к ним стандартные правила об арбитраже, в то время как другой требует признания их уникальным в своем роде имуществом (*sui generis*), требующим особых правил арбитража.

В отношении возможности передачи спора в арбитраж консервативный подход заключается в невозможности передавать такие споры на рассмотрение третейского суда, поскольку они могут затрагивать аспекты публичного порядка, в то время как при либеральном подходе такие отношения рассматриваются исключительно как частно-правовые, а потому полностью арбитрабельные.

Для возникновения оснований для передачи спора в арбитраж одни авторы указывают на достаточность письменного контракта (в т.ч. с арбитражной оговоркой в нем), в то время как другие указывают на возможность вшивания арбитражной оговорки в цифровую версию смарт-контракта.

Наиболее инновационные подходы к осуществлению арбитража споров с криптовалютами и цифровыми активами в современном мире связаны с рассмотрением возможности разрешения споров гибридным путем (с людьми-арбитрами, но в цифровом пространстве) или полностью цифровым способом (в рамках работы алгоритма, без участия человека).

Практика передачи споров, связанных с криптовалютами и цифровыми активами, в арбитраж активно развивается во многих иностранных юрисдикциях. Такие юрисдикции, как Гонконг, Сингапур, Швейцария и ряд других, демонстрируют высокую степень либеральности в регулировании цифровых активов, что обеспечивает развитие их арбитрабельности. В некоторых из либерально настроенных по отношению к криптоактивам юрисдикциях созданы международные арбитражные центры, занимающиеся разрешением международных споров в сфере криптовалюты и цифровых активов.

В России тоже наблюдается прогресс в обеспечении арбитрабельности цифровых валют и активов. Цифровая валюта в рамках судебной практики КС РФ получила статус защищаемого актива. В этой связи она рассматривается как частно-правовой имущественный объект. Для компаний и инвесторов, работающих в рамках правового поля, арбитражное разбирательство становится стандартным способом разрешения бизнес-конфликтов, а арбитражные суды теперь могут выдавать исполнительные листы на взыскание цифровых валют, которые признаны имуществом в рамках исполнительного производства.

В то же время, в отдельных аспектах правового регулирования цифровых активов сохраняется некоторый консерватизм. В частности, смарт-контракты рассматриваются не как договор, а как способ исполнения обязательств или форма сделки, в арбитражной практике запись в блокчейне принимается как доказательство совершения сделки, если она подтверждена стандартными документами в письменной форме, а автоматизированный арбитраж в России пока не имеет прямой законодательной поддержки.

Литература

1. Гринь О.С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10. С. 21–31.
2. Филиппов А.Е. Отдельные правовые аспекты регулирования оборота цифровых активов в России и за рубежом // Арбитражные споры. 2018. № 4 (84). С. 85–91.

3. Brown S. Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? // Thompson Reuters Practical Law. 2023. P. 1–6.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.
5. Hassan S., De Filippi P. The Expansion of Algorithmic Governance: From Code is Law to Law is Code // Field Actions Science Reports. 2017. № S17. P. 88–90.
6. 2024 Administered Arbitration Rules. – Hong Kong International Arbitration Centre, 01.06.2024. – 69 p.
7. Quoine Pte Ltd v B2C2 Ltd [2020] Singapore Court of Appeal (I) 02. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2020_SGCAI_2 (дата обращения: 14.06.2026).
8. Yang E., Wan J., Allott-Fletcher B. Understanding the SIAC Arbitration Rules 2025 // DLA Paper. 16.01.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dlapiper.com/en-fr/insights/publications/arbitration-matters/2025/understanding-the-siac-arbitration-rules-2025> (дата обращения: 03.05.2026).
9. Михайлина Е.Б. Правовое регулирование криптовалют в Швейцарии и Германии как позитивный пример для легитимизации ее в РФ // Образование и право. 2020. № 7. С. 225–229.
10. Rodman R., Vallavhaneni P., Merryman B., Gould R., Fay D. Federal court denies arbitration in putative class action against crypto platform because of insufficient notice to customers // White & Case. 13.03.2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/federal-court-denies-arbitration-putative-class-action-against-crypto-platform> (дата обращения: 03.05.2026).
11. Kleros. [Электронный ресурс]. URL: <https://kleros.io> (дата обращения: 14.06.2026).
12. Barrna B.B. Decentralised Justice and the New York Convention // Kluwer Arbitration Blog. 12.09.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/decentralised-justice-and-the-new-york-convention/> (дата обращения: 03.05.2026).
13. Practical Insights for Navigating Crypto and AI Disputes in Asia // Simmons + Simmons. 10.11.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.simmons-simmons.com/en/publications/cmi2z1z2b00b0uzwoci6vhzhv/practical-insights-for-navigating-crypto-and-ai-disputes-in-asia> (дата обращения: 03.05.2026).
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства РФ. 26.01.2026. № 4. Ст. 372.
15. Нагорная М. Принят закон о признании цифровых активов имуществом для целей УК // Адвокатская газета. 20.02.2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyat-zakon-o-priznanii-tsifrovyykh-aktivov-imushchestvom-dlya-tseley-uk/> (дата обращения: 03.05.2026).
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

ARBITRABILITY OF DISPUTES RELATED TO CRYPTOCURRENCY AND DIGITAL ASSETS

Kvitko S.A.

Moscow State Institute of International Relations

This article examines the arbitrability of disputes involving cryptocurrencies and digital assets. The first part of the study identifies theoretical approaches to the arbitrability of disputes involving cryptocurrencies and digital assets. It reveals diametrically opposed positions within the academic community on various aspects of this issue. The second part of the article examines the practice of organizing arbitration proceedings involving cryptocurrencies and digital assets. The article analyzes the practice of referring disputes involving cryptocurrencies and digital assets to arbitration using the example of some foreign jurisdictions with a liberal attitude toward cryptocurrency. An analysis of the current Russian approach to the arbitrability of disputes involving cryptocurrencies and digital assets is provided.

Keywords: cryptocurrency, digital assets, arbitrability, arbitration proceedings, legal dispute.

References

1. Grin' O.S. Obligatory Relations Concerning Digital Objects of Civil Rights // Lex russica. 2020. Vol. 73. No. 10. Pp. 21–31.
2. Filippov A.E. Certain Legal Aspects of Regulating the Circulation of Digital Assets in Russia and Abroad // Arbitration Disputes. 2018. No. 4 (84). Pp. 85–91.
3. Brown S. Arbitration of Cryptoasset and Smart Contract Disputes: Arbitration Unchained? // Thompson Reuters Practical Law. 2023. Pp. 1–6.
4. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (Concluded in New York in 1958) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1993. No. 8.
5. Hassan S., De Filippi P. The Expansion of Algorithmic Governance: From Code is Law to Law is Code // Field Actions Science Reports. 2017. No. S17. P. 88–90.
6. 2024 Administered Arbitration Rules. – Hong Kong International Arbitration Centre, 06/01/2024. – 69 p.
7. Quoine Pte Ltd v B2C2 Ltd [2020] Singapore Court of Appeal (I) 02. [Electronic resource]. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2020_SGCAI_2 (access date: 06/14/2026).
8. Yang E., Wan J., Allott-Fletcher B. Understanding the SIAC Arbitration Rules 2025 // DLA Paper. 16.01.2025. [Electronic resource]. URL: <https://www.dlapiper.com/en-fr/insights/publications/arbitration-matters/2025/understanding-the-siac-arbitration-rules-2025> (accessed: 03.05.2026).
9. Mikhailina E.B. Legal regulation of cryptocurrencies in Switzerland and Germany as a positive example for their legitimization in the Russian Federation // Education and Law. 2020. No. 7. pp. 225–229.
10. Rodman R., Vallavhaneni P., Merryman B., Gould R., Fay D. Federal court denies arbitration in putative class action against crypto platform because of insufficient notice to customers // White & Case. 13.03.2026. [Electronic resource]. URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/federal-court-denies-arbitration-putative-class-action-against-crypto-platform> (accessed: 03.05.2026).
11. Kleros. [Electronic resource]. URL: <https://kleros.io> (accessed: 14.06.2026).
12. Barrna B.B. Decentralized Justice and the New York Convention // Kluwer Arbitration Blog. 12.09.2025. [Electronic resource]. URL: <https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/decentralized-justice-and-the-new-york-convention/> (accessed: 03.05.2026).
13. Practical Insights for Navigating Crypto and AI Disputes in Asia // Simmons + Simmons. 10.11.2025. [Electronic resource]. URL: <https://www.simmons-simmons.com/en/publications/cmi2z1z2b00b0uzwoci6vhzhv/practical-insights-for-navigating-crypto-and-ai-disputes-in-asia> (accessed: 03.05.2026).
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P “On the case of reviewing the constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen Dmitry Igorevich Timchenko” // Collected Legislation of the Russian Federation. 26.01.2026. No. 4. Article 372.
15. Nagornaya M. A law on recognizing digital assets as property for the purposes of the Criminal Code has been adopted // Advocate Newspaper. 20.02.2026. [Electronic resource]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyat-zakon-o-priznanii-tsifrovyykh-aktivov-imushchestvom-dlya-tseley-uk/> (Accessed: 03.05.2026).
16. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.

Кикавец Виталий Викторович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Международного юридического института

В развитие концепции финансово-правового регулирования публичных закупок в Российской Федерации с учетом баланса публичного и частного интересов предложено внедрение национальных публичных производственных синдикатов. Манифест представляет основу пилотного проекта «национальные публичные производственные синдикаты», который позволит не только оптимизировать процессы публичных закупок, эффективно расходовать средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, но и постепенно развивать производство качественных отечественных товаров с учетом импортозамещения и национального режима. Национальные публичные производственные синдикаты без ущерба добросовестной конкуренции и существенной монополизации функционирующего рынка станут основным контрагентом в сфере закупок, цены на которые будут контролироваться путем использования цифровых технологий в пределах себестоимости производимого товара, налогов и установленных параметров разумной прибыли.

Ключевые слова: синдикаты, публичные закупки, публичный и частный интересы, национальные публичные производственные синдикаты, национальный и промышленный суверенитет, цифровизация.

Систематическое увеличение в Законе № 44-ФЗ¹ оснований закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), участвовавшие случаи «имитации конкуренции», неоправданный (рисковый) демпинг, а также увеличения количества участников закупок, представляющих собой цепочку обычных посредников между производителем и заказчиком (конечным потребителем продукта), демонстрируют необходимость кардинальных изменений не только в публичных закупках, но и в сфере национального производства, с учетом ранее выбранного курса на импортозамещение. Указанное свидетельствует о неразрывной связи публичных закупок и национального производства, которую, к сожалению, многие упорно и неоправданно игнорируют.

Публичные закупки следует рассматривать не только с позиции баланса публичного и частного интересов в процессе финансового обеспечения, но и с необходимостью корректировки общенационального подхода к правовому регулированию форм производства и конкуренции. Разработанная ранее с учетом баланса публичного и частного интересов концепция финансово-правового регулирования публичных закупок², позволила сформулировать основные тезисы для возрождения в России синдикатов, время которых, неизбежно наступает, в силу необходимости объединения производственных мощностей на определенных условиях.

В Российской Федерации на данный момент узаконены и разрешены следующие объединения:

- граждан по производственным, профессиональным интересам для защиты социально-трудовых прав и интересов (профсоюзы)³;
- инвестиционного капитала (инвестиционные товарищества)⁴;
- банковского капитала (синдицированное кредитование)⁵.

Анализ возможностей вышеуказанных объединений в своей совокупности свидетельствует о недостаточности государственного внимания проблемам сектора реального производства, объединение предприятий которого запрещено в силу закона по причине угрозы антиконкурентных сговоров, возникновения картелей и монополизации рынка.

Со своей стороны заметим, что банковский капитал не увеличивает внутренний валовой продукт страны, а приток инвестиционного капитала не гарантирует постоянный и плановый экономический рост, поскольку подразумевает обязанность выплаты значительных дивидендов лицам, не всегда зарегистрированным на территории Российской Федерации. Для национального финансового и промышленного суверенитета важно не объединения для инвестиций, а объединения для фактического производства.

Кроме того, комплексное обеспечение прав, а также законных интересов работников, справедливо отстаивающих при помощи профсоюзов, весьма сложно для каждого в отдельности производителя в современных финансово-экономических и социально-политических условиях. Иными словами, требования объединений работников могут быть реализованы в полной мере и справедливо только при наличии легальных объединений производителей.

Результаты анализа научных трудов отечественных дореволюционных⁶ и современных ученых⁷ позволил уточнить оптимальную форму,

¹ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. 28.12.2025) (далее – Закон № 44-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Кикавец, В.В. Финансово-правовое регулирование публичных закупок в Российской Федерации: дисс... докт. юрид. наук / В.В. Кикавец. Москва, 2025. 442 с.

³ См.: Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Федеральный закон от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» (далее – Закон № 335-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Федеральный закон от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 486-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Янжул, И.И. Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки / Министерство финансов, департамент торговли и мануфактур. С.-Петербург: типография М.М. Стасюлевича, 1895. 495 с. и др.

⁷ См.: Синдикаты в СССР: сборник статей / под ред. и с предисл. А.Л. Соколовского. Москва; Ленинград: Акционерное Промиздат Общество, 1927. С. 309; Высо-

содержание и сущность синдикатов, отвечающих всем современным реалиям и требованиям. Поэтому в настоящем манифесте полагаем, что синдикаты в Российской Федерации следует рассматривать исключительно, как национальные публичные производственные синдикаты.

Изначально акцентируем внимание именно на факте производственных, а не торговых синдикатов. Это важно, так как исключительно торговые синдикаты преследуют в качестве единственной своей цели – установление и поддержание цены товара, величина которой поставлена в зависимость от конъюнктуры, спроса, стихийных бедствий и проч. Указанное в конечном итоге порождает спекуляцию на функционирующем рынке и недобросовестную конкуренцию. Кроме того, торговые синдикаты не развивают национальное производство и не увеличивают внутренний валовой продукт страны.

Авторское предложение ориентировано на производственные синдикаты, преследующие основную цель – развитие производства и обеспечение в рамках свободной конкуренции реализации товаров по справедливым ценам (не ниже себестоимости их производства, включая налоги и справедливую прибыль в пределах, установленных органами публичной власти). При этом в производственном синдикате все участники не теряют самостоятельности в части производства. Более того, они значительно сокращают свои издержки, связанные с:

- администрированием хозяйственной деятельности;
- закупками сырья, материалов и иных необходимых для производства товаров, работ, услуг;
- реализацией изготовленных товаров;
- обучением работников;
- внедрением инновационных технологий;
- использованием патентов;
- привлечением кредитов и гарантий под минимальный процент.

Национальная принадлежность публичного производственного синдиката определяет возможность легального существования синдиката (необходимо принятие специального закона в рамках пилотного проекта по аналогии с Законом № 335-ФЗ и Законом № 486-ФЗ). Функционирование синдиката предполагается ограниченное по времени (не более 10 лет) в форме добровольного союза юридических лиц и индивидуальных предпринимателей без регистрации нового юридического лица (необходимо ведение отдельного реестра национальных публичных производственных синдикатов).

В отличие от иных форм организации, относительная самостоятельность участников синдиката, позволяет им уплачивать налоги, исходя из выбранного ими режима налогообложения, использовать средства фонда (займы) вместо дорогих внешних кредитов, безвозмездное пользование имуществом (оборудованием), патентами и иными научными разработками иных участников синдиката.

Участниками синдиката могут быть исключительно резиденты Российской Федерации; учреждениями юридических лиц, входящих в синдикат – граждане Российской Федерации и российские юридические лица. Не допускается привлечение синдикатом иностранных инвестиций, а также продажа долей, акций участниками синдиката иным физическим или юридическим лицам, не входящим в синдикат.

Фонд синдиката формируется за счет взносов участников синдиката, а также процента от реализации товара. Управление фондом синдиката осуществляет уполномоченный участник синдиката, в полномочия которого входит координация деятельности синдиката в части необходимых закупок и реализации произведенного товара.

Все участники синдиката несут солидарную ответственность (полная ответственность каждого участника синдиката), ответственность за качество производимого товара, а также ответственность за нарушение соглашения синдиката (штрафные санкции, а также досрочное прекращение участия в синдикате).

Публичная составляющая национального производственного синдиката означает ориентированность производственного синдиката не только на извлечение прибыли, но и соблюдение публичного интереса, включающего:

- развитие национального производства в определенном сегменте товаров;

- изучение публичного спроса требований в части производимых товаров;
- обеспечение и контроль качества производимых товаров;
- обеспечение занятости населения, включая обязательную социальную квоту для работников с ограниченными возможностями и участников специальной военной операции;
- достойная, своевременная оплата труда;
- наличие первичной профсоюзной организации;
- обязательное участие в публичных закупках и взаимодействие с заказчиками всех уровней в части заключения и исполнения контрактного обязательства (электронный документооборот);
- прозрачное и стабильное ценообразование, размещение цен на продукцию на официальном сайте синдиката;
- цифровой мониторинг и контроль аппаратно-техническими средствами (программы ускоренных математических алгоритмов – ПУМА) деятельности синдиката в части ценообразования, стоимости производства, уплаты налогов, сборов, иных официальных платежей, включая предельный размер прибыли;
- представление интересов синдиката в органах публичной власти.

Синдикат принимает публичное обязательство ежегодно снижать (оптимизировать) транзакционные издержки (минимизировать затраты на производство товара) в установленном государством объеме (например, минимум на 3 процента ежегодно).

Создание национальных публичных производственных синдикатов становится возможным в силу широкого внедрения цифровизации и возможности государства постоянно осуществлять мониторинг и контроль деятельности таких союзов аппаратно-техническими средствами, (программы ускоренных математических алгоритмов – ПУМА) позволяющим своевременно, оперативно и достоверно получать всю информацию о составляющих компонентах цены, для соблюдения предельной величины прибыли.

Перспективным и оптимальным представляется участие национальных публичных производственных синдикатов в сфере публичных закупок, законодательство о регулировании которых, содержит множество норм, предписывающих должностным лицам заказчика избыточное число обязанностей в рамках планирования и проведения конкурентных и неконкурентных закупок, включая импортозамещение и национальный режим. Национальные публичные производственные синдикаты будут способствовать снижению такой избыточной нагрузки, в том числе и для всех органов контроля, без ущерба национальным интересам.

В законодательстве, регулирующем публичные, публично-корпоративные закупки, включая государственный оборонный заказ, заказчикам всех уровней предоставить право прямой закупки у национальных публичных производственных синдикатов любых производимых последними товаров без каких-либо административных ограничений по установленной синдикатом цене. Заказчикам важно, что товары отечественные, цена стабильная и справедливая (под контролем государства), не требуются излишние длительные и сложные конкурентные процедуры, качество товара и полная ответственность синдиката (заключение контракта без дополнительных обеспечительных мер).

Отказ национального публичного производственного синдиката заключить сделку с заказчиком (за исключением отсутствия необходимого количества товаров либо сжатых сроков его производства) может являться основанием для применения административной ответственности в виде административного штрафа (повторный отказ – принудительное досрочное прекращение деятельности такого синдиката).

Наиболее оптимальными сферами деятельности, в которых возможно начало пилотного проекта национальных публичных производственных синдикатов с последующим расширением спектра производимой продукции, могут быть сферы массового и сравнительно единого образного производства с минимальным наличием характерных черт индивидуальности и вкусовой идентичности. Например: автомобильные шины, бытовая химия, бумага, санитарно-гигиенические изделия, лакокрасочные изделия, строительные материалы.

На основании изложенного полагаем целесообразным сформулировать понятие «национальный публичный производственный синдикат, под которым следует понимать зарегистрированный в специальном государственном реестре временный добровольный союз юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – производителей определенных товаров, созданный в рамках пилотного проекта «национальные публичные промышленные синдикаты» с целью представления и защиты единых интересов национального производителя, повышения качества производимых товаров, минимизации нерегулируемой конкуренции и банкротства производственных предприятий, исключения посредников между производителем и потребителем товаров,

кий, И.А. История становления и деятельности синдикатской системы управления промышленностью в условиях НЭПа: автореф. дисс... канд. истор. наук / И.А. Высоцкий. Москва, 2009. 27 с.; Красильникова, Т.К. Законодательное регулирование деятельности синдикатов и трестов как объединений корпоративного типа в России в конце XIX – начале XX вв // Вестник ВШЭ. 2013. № 2(78) [электронный доступ] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-deyatelnosti-sindikato-v-trestov-kak-obedineniy-korporativnogo-tipa-v-rossii-v-kontse-xix-nachale-hh-vv> (дата обращения: 20.07.2026); Князева, И.В. Историко-экономический экскурс: генезис монополизма и конкуренции в экономике России // Современная конкуренция. 2016. Том 10. № 5(59). С. 5–27; Попкова, Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита: автореф. дисс... канд. юрид. наук / Л.А. Попкова. Москва, 2017. 29 с. и др.

противодействия спекуляции товарами на функционирующем рынке, повышения добросовестной конкуренции в сфере публичных закупок, а также для поддержания цен на производимые товары, на уровне не ниже реальной себестоимости с учетом налогов и разумной прибыли, контролируемой аппаратно-техническими средствами (программы ускоренных математических алгоритмов – ПУМА) уполномоченным органом публичной власти.

Лапидарность научной статьи не позволяет полностью раскрыть все особенности и алгоритмы создания и функционирования национальных публичных производственных синдикатов. Данный манифест подготовлен в целях широкого обсуждения и научных дискуссий, формирующих истину дальнейших научных исследований и практической реализации в порядке нормотворчества и правоприменения. Вместе с тем уверены, что легализация национальных публичных производственных синдикатов не только увеличит объемы национального производства, но и позволит значительно упростить алгоритмы реализации публичных закупок, повысив эффективность расходования средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Литература

1. Высоцкий, И.А. История становления и деятельности синдикатской системы управления промышленностью в условиях НЭПа: автореф. дисс... канд. истор. наук / И.А. Высоцкий. – Москва, 2009. – 27 с.
2. Кикавец, В.В. Финансово-правовое регулирование публичных закупок в Российской Федерации: дисс... докт. юрид. наук / В.В. Кикавец. – Москва, 2025. – 442 с.
3. Красильникова, Т.К. Законодательное регулирование деятельности синдикатов и трестов как объединений корпоративного типа в России в конце XIX – начале XX вв // Вестник ВУи Т. 2013. № 2(78) [электронный доступ] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-deyatelnosti-sindikato-i-trestov-kak-obedineniy-korporativnogo-tipa-v-rossii-v-kontse-xix-nachale-hh-vv> (дата обращения: 20.07.2026).
4. Князева, И.В. Историко-экономический экскурс: генезис монополизма и конкуренции в экономике России // Современная конкуренция. – 2016. – Том 10. – № 5(59). – С. 5–27.
5. Попкова, Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита: автореф. дисс... канд. юрид. наук / Л.А. Попкова. – Москва, 2017. – 29 с.
6. Синдикаты в СССР: сборник статей / под ред. и с предисл. А.Л. Соколовского. – Москва; Ленинград: Акционерное Промиздат Общество, 1927. – С. 309.

7. Янжул, И.И. Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки / Министерство финансов, департамент торговли и мануфактур. – С.-Петербург: типография М.М. Стасюлевича, 1895. – 495 с.

MANIFESTO ON NATIONAL PUBLIC PRODUCTION SYNDICATES

Kikavets V.V.

International Law Institute

The introduction of national public production syndicates has been proposed to develop the concept of financial and legal regulation of public procurement in the Russian Federation, taking into account the balance of public and private interests. The manifesto provides the basis for the pilot project "national public production syndicates", which will allow not only to optimize public procurement processes, effectively spend budget funds of the budgetary system of the Russian Federation, but also gradually develop the production of high-quality domestic goods, taking into account import substitution and national treatment. National public production syndicates, without prejudice to fair competition and significant monopolization of the functioning market, will become the main counterparty in public procurement, the prices of which will be controlled through the use of digital technologies within the cost of goods produced, taxes and established parameters of reasonable profit.

Keywords: syndicates, public procurement, public and private interests, national public production syndicates, national and industrial sovereignty, digitalization.

References

1. Vysotsky, I.A. History of the Formation and Activities of the Syndicate System of Industrial Management under the NEP: Abstract of a Cand. Sci. (History) Dissertation / I.A. Vysotsky. – Moscow, 2009. – 27 p.
2. Kikavets, V.V. Financial and Legal Regulation of Public Procurement in the Russian Federation: Dissertation of a Doctor of Law / V.V. Kikavets. – Moscow, 2025. – 442 p.
3. Krasilnikova, T.K. Legislative regulation of the activities of syndicates and trusts as corporate-type associations in Russia in the late 19th – early 20th centuries // Vestnik VUit T. 2013. No. 2(78) [electronic access] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-deyatelnosti-sindikato-i-trestov-kak-obedineniy-korporativnogo-tipa-v-rossii-v-kontse-xix-nachale-hh-vv> (date of access: 20.07.2026).
4. Knyazeva, I.V. Historical and economic digression: the genesis of monopoly and competition in the Russian economy // Modern competition. – 2016. – Vol. 10. – No. 5(59). – P. 5–27.
5. Popkova, L.A. Legal structure of a syndicated loan: author's abstract. diss... cand. sciences (law) / L.A. Popkova. – Moscow, 2017. – 29 p.
6. Syndicates in the USSR: collected articles / edited and with a preface by A.L. Sokolovsky. – Moscow; Leningrad: Joint-Stock Promizdat Society, 1927. – P. 309.
7. Yanzhul, I.I. Industrial syndicates or entrepreneurial unions for regulating production primarily in the United States of North America / Ministry of Finance, Department of Trade and Manufactures. – St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Printing House, 1895. – 495 p.

Особенности взаимодействия авторов музыкальных произведений и аккредитованных организаций по коллективному управлению правами (РАО и ВОИС)

Кузнецов Владислав Михайлович,

аспирант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности

E-mail: vladkuznermich@gmail.com

Данная статья анализирует правовые и организационные аспекты взаимодействия авторов музыкальных композиций с аккредитованными организациями, занимающимися коллективным управлением правами, а именно Российским авторским обществом (РАО) и Всероссийской организацией интеллектуальной собственности (ВОИС). В работе рассматриваются механизмы и условия сотрудничества между авторами и этими организациями. Важность данной темы определяется двойственной сущностью взаимодействия: с одной стороны, институт коллективного управления призван облегчить правообладателям получение вознаграждения при массовом использовании их работ, с другой – монополия аккредитованных организаций создает информационную асимметрию и риски для нарушения авторских прав. Задача работы заключается в выявлении ключевых правовых противоречий и предложении путей совершенствования механизмов контроля над деятельностью РАО и ВОИС. В рамках исследования, основанного на изучении норм Гражданского кодекса РФ, подзаконных актов и судебных прецедентов, анализируются особенности договора о передаче полномочий. Особое внимание уделяется вопросам распределения и выплаты вознаграждения, а также четкому определению границ компетенции между РАО (ответственным за управление исключительными правами на музыкальные произведения) и ВОИС (который обеспечивает право на вознаграждение исполнителей и производителей фонограмм). В работе детально разграничивается компетенция двух организаций: РАО осуществляет управление исключительными правами на публичное исполнение и иные способы использования произведений, в то время как ВОИС аккумулирует право на вознаграждение за публичное исполнение и сообщение в эфир фонограмм, опубликованных в коммерческих целях, действуя в интересах исполнителей и изготовителей фонограмм. Анализируются правовая природа договора о передаче полномочий, основания и прозрачность удержаний из собранного вознаграждения, а также проблема экстерриториального действия аккредитации на территории всей страны без прямого волеизъявления автора.

Ключевые слова: Коллективное управление правами, Автор музыкального произведения, Аккредитованная организация, Российское авторское общество, Всероссийская организация интеллектуальной собственности, Исключительное право, Право на вознаграждение, Договор о передаче полномочий, Расширенное коллективное управление, Прозрачность сбора и распределения вознаграждения.

Введение

В условиях стремительного роста числа независимых авторов и расширения спектра способов использования музыкальных произведений, включая цифровые платформы, проблема эффективной реализации авторских прав приобретает особую актуальность. Как отмечается в научной литературе, отдельные авторы, а зачастую и крупные правообладатели, не в состоянии эффективно защищать свои права в индивидуальном порядке из-за постоянного роста объемов нелегального использования произведений [2, с. 46]. Это закономерно повышает значимость аккредитованных организаций по коллективному управлению правами (ОКУП), таких как РАО и ВОИС. Однако на практике между формальными правовыми механизмами и реальным взаимодействием авторов с этими организациями возникает разрыв, проявляющийся в непрозрачности распределения вознаграждения и сложности для авторов в получении информации о состоянии своих прав.

Правовую основу деятельности РАО и ВОИС составляют нормы Гражданского кодекса РФ, в частности статья 1244, закрепляющая сферы аккредитации, в рамках которых ОКУП могут осуществлять сбор вознаграждения за публичное исполнение, сообщение в эфир или по кабелю музыкальных произведений [3, с. 91]. Вместе с тем, как показывает анализ, такое правомочие, как доведение до всеобщего сведения (так называемое «интернет-право»), не входит в число способов использования, на которые распространяется государственная аккредитация [3, с. 91]. Эта правовая неопределенность существенно ограничивает возможности аккредитованных организаций по сбору вознаграждения за использование произведений в цифровой среде, что особенно критично в эпоху доминирования стриминговых сервисов и социальных сетей. В отличие от России, в странах Европейского союза и США интернет-право трактуется более широко, что позволяет гибко применять механизмы коллективного управления для защиты интересов правообладателей [3, с. 113].

Практика заключения договоров между авторами и ОКУП, а также механизмы сбора и распределения авторского вознаграждения, включая участие организаций в судебной защите прав, выявляют ряд типичных проблем. Исследователи указывают, что деятельность организаций по коллективному управлению правами нередко сопровождается критикой применяемых подходов и недостаточной прозрачностью процессов [2, с. 46]. Наблюдаются случаи применения агрессивных способов защиты, что в совокупности с непрозрачностью распределения собранных средств создает напряженность в отношениях между авторами и организациями. Это требует глубокого научного анализа для выработки рекомендаций, направленных на устранение существующих барьеров и повышение эффективности взаимодействия.

Таким образом, целью настоящего исследования является систематизация особенностей взаимодействия авторов музыкальных произведений с аккредитованными организациями по коллективному управлению правами (РАО и ВОИС) и разработка на этой основе предложений по совершенствованию такого взаимодействия. В рамках работы предполагается проанализировать нормативно-правовую базу, исследовать практику заключения договоров и распределения вознаграждения, а также выявить основные проблемы, препятствующие эффективной защите прав авторов. Результаты исследования позволят сформулировать конкретные меры, направленные на повышение прозрачности деятельности ОКУП и обеспечение более справедливого подхода к управлению авторскими правами.

Правовые основы коллективного управления

Институт коллективного управления авторскими правами представляет собой исторически сложившийся механизм, позволяющий правообладателям делегировать полномочия по управлению своими имущественными правами специализированным организациям. Примечательно, что в российском законодательстве отсутствует легальное определение самого понятия «коллективное управление», что отмечается рядом исследователей: «Стоит отметить, что в законодательстве РФ понятие коллективного управления не закреплено [11]» [11, с. 103]. Вместе с тем, исходя из природы возникающих правоотношений, коллективное управление можно охарактеризовать как правоотношения между

организациями по управлению правами и правообладателями, направленные на осуществление имущественных прав последних на основании переданных полномочий [11]. Исторические корни данного института уходят в середину XIX века, когда стала очевидной необходимость коллективной защиты прав авторов. «Одной из первых ОКУ является Центральное агентство по защите прав авторов и композиторов, которое было создано 28 февраля 1851 г. (SACEM) во Франции [11]» [11, с. 103]. Судебные процессы, в которых правообладатели добивались вознаграждения за публичное коммерческое использование своих работ, а также технический прогресс, позволивший распространять музыку массово, стали причиной его создания. Позже похожие организации начали появляться и в других странах, в основном в Европе, заложив основу сегодняшней системы коллективного управления.

В Российской Федерации государственную аккредитацию на осуществление коллективного управления правами в настоящее время имеют четыре организации: Российское авторское общество (РАО), Всероссийская организация интеллектуальной собственности (ВОИС), Российское общество по смежным правам (РСП) и организация «УПРАВИС» [5]. Каждая из этих организаций аккредитована на определённые сферы управления, установленные статьёй 1244 Гражданского кодекса РФ: РАО и ВОИС имеют аккредитацию на две сферы, а РСП и УПРАВИС – на одну сферу каждая. Например, РАО традиционно управляет авторскими правами на музыкальные произведения, а ВОИС – смежными правами исполнителей и изготовителей фонограмм. Срок действия государственной аккредитации для всех указанных организаций составляет десять лет, что предполагает возможность её продления по истечении данного периода [5]. Такая система аккредитации позволяет государству периодически оценивать деятельность организаций и подтверждать их соответствие установленным требованиям. Наличие аккредитации является ключевым условием для осуществления так называемого расширенного коллективного управления, которое будет рассмотрено далее.

Институт расширенного коллективного управления, описанный в статье 1244 Гражданского кодекса РФ, даёт аккредитованным организациям право собирать вознаграждение за использование произведений, даже если они не заключили договор с каждым автором или правообладателем. Чтобы воспользоваться этим правом, организация должна соответствовать двум условиям: иметь государственную аккредитацию и заниматься только теми видами деятельности, которые разрешены законом, как указано в этой статье [5]. Таким образом, аккредитованная организация может действовать в интересах всех правообладателей соответствующей категории, включая тех, кто не передавал ей полномочия. Закон предъявляет к аккредитованным организациям ряд обязательных требований, направленных на обеспечение прозрачности их деятельности. В частности, «организация раз в год обязана отчитываться Министерству культуры РФ [5]» [5, с. 273]. Кроме того, законодательство устанавливает ограничения на размер удержаний, которые организация может осуществлять из собранного вознаграждения на покрытие своих расходов, что призвано защитить имущественные интересы правообладателей. Соблюдение этих требований контролируется уполномоченными государственными органами, что создаёт правовую основу для баланса интересов авторов и организаций коллективного управления.

Процедура аккредитации организаций по коллективному управлению правами: требования и особенности

В Российской Федерации государственную аккредитацию на осуществление коллективного управления авторскими и смежными правами имеют четыре организации: Российское авторское общество (РАО), Всероссийская организация интеллектуальной собственности (ВОИС), Российский союз правообладателей (РСП) и Управление по правовой защите авторских и смежных прав (УПРАВИС). Каждая из них получила аккредитацию на строго определённые сферы управления, установленные статьёй 1244 Гражданского кодекса РФ [5, с. 274]. Прохождение данной процедуры является обязательным условием для реализации механизма расширенного коллективного управления, позволяющего собирать вознаграждение в интересах не только заключивших договор правообладателей. Законодатель дифференцирует сроки аккредитации в зависимости от того, впервые ли организация её получает или повторно. Как отмечается в правовой литературе, «аккредитация предоставляется на две категории сроков в зависимости от аккредитуемого лица: 5 лет для организаций, получающих аккредитацию впервые, от 5 до 10 лет для повторного получения аккредитации при отсутствии замечаний к осуществляемой деятельности по коллективному управлению за предыдущий срок аккредитации» [5, с. 273]. На сегодняшний день все четыре аккредитованные организации имеют срок аккредитации 10 лет, что свидетельствует о повторном характере пройденной ими

процедуры и отсутствии существенных нареканий со стороны уполномоченного органа [5, с. 274].

Аккредитованные организации обязаны ежегодно представлять в Министерство культуры Российской Федерации отчёт о своей деятельности. Такой отчёт включает, в частности, сведения о количестве заключённых в отчётном периоде договоров о коллективном управлении правами с юридическими и физическими лицами, а также о размере собранного и распределённого вознаграждения [5, с. 273]. Данная отчётность призвана обеспечить прозрачность деятельности ОКУП и контроль со стороны государства за соблюдением прав правообладателей. Закон устанавливает предельные размеры средств, которые организация может удержать из общей суммы собранного вознаграждения на покрытие своих расходов и формирование специальных фондов. В частности, «организация за свою деятельность по сбору и распределению вознаграждения может удержать до 45% из всей суммы собранного вознаграждения. Причем в указанный размер удержания включаются суммы направляемые в специальные фонды, созданные такой организацией, но в размере не более 20%» [5]. Таким образом, максимальная доля административных расходов составляет 45%, а отчисления в специальные фонды ограничены 20%, что направлено на защиту имущественных интересов авторов и иных правообладателей [5, с. 273–274].

Наличие государственной аккредитации позволяет организациям осуществлять расширенное коллективное управление, то есть собирать вознаграждение за использование объектов авторских и смежных прав без предварительного заключения договора с каждым конкретным правообладателем. Однако это возможно лишь в отношении строго определённых законом способов использования: публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю музыкальных произведений и фонограмм, опубликованных в коммерческих целях [3, с. 91]. Указанные сферы закреплены в статье 1244 ГК РФ и являются исчерпывающими для аккредитованных организаций. Правомочие на доведение произведения до всеобщего сведения, известное как интернет-право, было введено в российское законодательство в 2004 году, но оно не было включено в перечень способов, на которые распространяется сфера аккредитации ОКУП. Как отмечается в научной литературе, «однако это правомочие сформулировано более узко, чем публичное исполнение, сообщение в эфир или по кабелю, и не входит в число способов, на которые распространяется сфера аккредитации ОКУП» [3]. Это существенно ограничивает возможности аккредитованных организаций по сбору вознаграждения за использование музыкальных произведений и фонограмм в сети Интернет, что создаёт правовой пробел в регулировании цифровой среды [3, с. 91].

Практика взаимодействия авторов и ОКУП

Взаимодействие авторов с аккредитованными организациями по коллективному управлению правами, такими как РАО и ВОИС, строится на основе договоров, предусматривающих передачу полномочий по управлению авторскими правами. Эти полномочия, как правило, ограничены традиционными способами использования произведений, такими как публичное исполнение, сообщение в эфир и по кабелю, что прямо закреплено в условиях государственной аккредитации данных организаций. Суть этих соглашений заключается в том, что авторы делегируют ОКУП право собирать и распределять вознаграждение за использование их произведений, поскольку самостоятельно отслеживать и контролировать такое использование в условиях широкого распространения объектов авторского права становится практически невозможно. Тем не менее, создание ОКУ не препятствует правообладателям представлять свои интересы через других юридических или физических лиц [11].

Условия договоров, заключаемых между авторами и ОКУП, часто характеризуются отсутствием единообразного стандарта, что создаёт существенные риски для правообладателей. Это касается таких ключевых аспектов, как сроки действия соглашений, размеры отчислений и порядок предоставления отчетности, что может приводить к неопределённости и осложнять защиту интересов авторов. Одной из серьёзных проблем является недостаточная проработка терминологического аппарата в российском законодательстве и неполное раскрытие элементов правового статуса ОКУП, что усугубляет сложности взаимодействия [11]. Несмотря на предоставляемую ОКУП отчетность, система распределения вознаграждения далека от совершенства и вызывает вопросы не только у правообладателей, что свидетельствует о необходимости повышения прозрачности и справедливости в этом процессе [8].

Ключевые «подводные камни» договоров с ОКУП обусловлены отсутствием в российском законодательстве четкого определения коллективного управления и размытостью полномочий этих организаций.

Это создает благодатную почву для потенциальных злоупотреблений и может ограничивать права авторов на самостоятельное управление своими произведениями. Отсутствие единой позиции в вопросах квалификации договоров и полномочий ОКУП лишает эти организации возможности надлежащим образом реализовать свои функции и эффективно применять способы защиты прав пользователей [4, с. 107]. Недостаточная разработанность терминологического аппарата, включая само понятие коллективного управления, а также неполнота раскрытия правового статуса ОКУП, способствуют возникновению дополнительных сложностей и неопределенности в правоприменительной практике [11].

В рамках государственной аккредитации РАО и ВОИС наделяются правом сбора авторского вознаграждения с традиционных пользователей – театров, телерадиокомпаний, кинотеатров – за публичное исполнение и сообщение в эфир музыкальных произведений. Данный механизм основан на бланкетных лицензиях, позволяющих пользователям легально использовать произведения без заключения индивидуальных договоров с каждым автором. Аккредитация охватывает лишь те правомочия, которые прямо предусмотрены законом, что обеспечивает правовую определенность для участников офлайн-рынка [3, с. 91]. Однако, несмотря на эффективность в традиционном секторе, механизм сбора не распространяется на интернет-среду. Как указывается в литературе, «в 2004 году законодатель закрепил за правообладателями новое правомочие – доведение до всеобщего сведения, известное как Интернет-право. Однако это правомочие сформулировано более узко, чем публичное исполнение, сообщение в эфир или по кабелю, и не входит в число способов, на которые распространяется сфера аккредитации ОКУП» [3, с. 91]. Таким образом, сбор вознаграждения за использование музыки в цифровых каналах – через стриминговые сервисы или социальные сети – остается за рамками полномочий аккредитованных организаций, что создаёт правовой вакуум и лишает авторов легитимного дохода от цифрового использования их произведений.

Распределение собранного вознаграждения между авторами осуществляется на основе реестров произведений и отчетов, предоставляемых пользователями – например, расписаний теле- и радиопередач или данных о кинопоказах. На основании этих данных ОКУП определяют долю каждого правообладателя в общей сумме собранных средств. Однако детализация таких данных зачастую недостаточна: реестры содержат обобщенные сведения о категориях использования, но не о конкретных произведениях, что приводит к усреднению выплат и снижает точность расчетов. Отсутствие прозрачности особенно заметно в сегменте кинопоказа. Как отмечается, «в последнее время РАО не раскрывает в своих отчетах общую сумму сборов с кинотеатров. Проблема обостряется еще и тем, что часть собранных с кинотеатров сумм РАО не распределяет между...» [7]. Это свидетельствует о том, что значительные средства, собранные с пользователей, могут не доходить до конечных правообладателей, ставя под сомнение справедливость всей системы распределения. Без раскрытия детализированной информации авторы не в состоянии проверить корректность начислений и защитить свои интересы.

Проблема справедливого вознаграждения усугубляется тем, что аккредитованные ОКУП не имеют полномочий на сбор вознаграждения за использование произведений в цифровых каналах, таких как интернет-радио и онлайн-кинотеатры. Несмотря на внешнюю схожесть их деятельности с традиционными СМИ и кинозалами, «законодательство прямо не даёт однозначного ответа о применимости к ним традиционного механизма получения разрешения через ОКУП [3, с. 96]. Отсутствие четкого регулирования вынуждает авторов либо самостоятельно договариваться с цифровыми платформами, что зачастую невозможно для индивидуальных правообладателей, либо вовсе оставаться без вознаграждения, что подрывает саму идею коллективного управления правами.

Ключевой проблемой, с которой сталкиваются авторы при взаимодействии с организациями по коллективному управлению правами (ОКУП), является объективная невозможность осуществлять персональный контроль за использованием каждого своего произведе-

ния. В условиях массового распространения музыкальных композиций через разнообразные публичные площадки, от концертных залов до цифровых стриминговых сервисов, автор физически не способен отследить каждое публичное исполнение или сообщение в эфир. Как справедливо отмечается в литературе, «при большом распространении тех или иных объектов авторского права возможность автора следить за использованием своих, например, произведений, становится очень ограниченной и практически невозможной» [11, с. 104]. Данная ситуация усугубляется появлением технических средств, позволяющих легко записывать и воспроизводить охраняемые объекты, что еще больше затрудняет мониторинг [11, с. 104]. Несовершенство механизмов идентификации правообладателя, особенно в контексте судебных споров, является прямым следствием описанной проблемы. Автор, делегируя ОКУП управление своими правами, зачастую утрачивает оперативную информацию о том, где и как используется его произведение. Это приводит к ситуации, когда правообладатель может не знать о подаче искового заявления от его имени, что, в свою очередь, «не позволяет отследить действия ОКУ и определить соответствуют ли интересы правообладателя тем интересам, которые отстаивает в суде ОКУ» [11, с. 105]. Таким образом, сама природа коллективного управления, призванная облегчить защиту прав, порождает парадокс: автор теряет контроль над процессом защиты собственных интересов, что становится источником потенциальных конфликтов и недоверия к системе.

Значительный пласт типичных споров во взаимоотношениях авторов и ОКУП обусловлен неопределенностью правового статуса последних и отсутствием в законодательстве четкого определения самого понятия «коллективное управление». Как указывается в научных исследованиях, «полномочия и обязанности не объединены нормативный правовой акт и носят общий характер, а некоторые – противоречивый» [11]. Эта правовая неопределенность, в частности, касается представительства интересов правообладателей в суде, где ОКУП, действуя в рамках расширительного толкования своих полномочий, могут инициировать процессы без должного уведомления автора. Такое положение дел создает почву для судебных разбирательств, в которых ОКУП формально защищают права, но на практике не всегда обеспечивают их полное и адекватное соблюдение. Проблема усугубляется тем, что механизм внедоговорного управления, при котором ОКУП собирают вознаграждение и защищают права даже тех авторов, которые не заключали с ними прямой договор, является «достаточно удобным для ОКУП, а также позволяет охватывать большой объем прав» [11, с. 105]. Однако его применение может приводить к нарушению прав правообладателей, особенно в части судебной защиты, когда сам автор может не знать о поданном иске [11, с. 105]. Несмотря на то, что Постановление Пленума ВАС РФ № 51 от 18 июля 2014 г. обязало ОКУП идентифицировать правообладателя и направлять ему извещение при обращении в суд [8, с. 49], данные требования не всегда эффективно реализуются на практике, и противоречия в законодательстве остаются неразрешенными, продолжая порождать конфликтные ситуации.

Заключение

Проведенный анализ нормативно-правовой базы показал, что действующая аккредитация РАО и ВОИС распространяется на управление правами на публичное исполнение, сообщение в эфир и по кабелю, однако не охватывает правомочие доведения до всеобщего сведения (интернет-право). Данная правовая неопределенность создает разрыв между формальными полномочиями организаций и реальными потребностями авторов в цифровой среде. Отсутствие прямого указания в законе затрудняет сбор справедливого вознаграждения за использование произведений в интернете, что подтверждает актуальность проблемы, обозначенной во введении.

Исследование практики заключения договоров и механизмов распределения вознаграждения выявило существенные недостатки в деятельности организаций коллективного управления правами. Отчетность ОКУП является непрозрачной, а авторы не имеют оперативного доступа к информации о своих доходах, что порождает недоверие к системе. Кроме того, применение внедоговорного механизма судебной защиты позволяет ОКУП подавать иски от имени правообладателей без их предварительного уведомления, что ставит под сомнение соблюдение интересов авторов и требует пересмотра подходов к защите прав.

Литература

1. Абдиримов А.Ф., Озманиян Ю.З. Особенности реализации судебного порядка защиты авторских прав на музыкальные произведения // КиберЛенинка. – 2022. – С. 162–165.
2. Барковская Л.Е. Правовое регулирование деятельности организаций, осуществляющих реализацию и защиту авторских и смежных

прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – № 5. – С. 45–53.

3. Вальдес-Мартинес Э.Р. Справедливое вознаграждение за использование произведений и фонограмм в Интернете в праве России, США и ЕС // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 5. – С. 91–116.

4. Вальдес-Мартинес Э.Р. Правовая характеристика договора о выплате вознаграждения за использование фонограмм // Журнал российского права. – 2012. – С. 107–115.

5. Викторова Л.Н. Юридическая природа договора коллективного управления авторского и смежных прав // КиберЛенинка. – 2023. – № 6. – С. 271–277.

6. Касимова Ю.В. Защита прав авторов при создании музыкального произведения // Вестник магистратуры. – 2015. – С. 173–174.

7. Матвеев А.Г. Право композитора на вознаграждение как самое нелегитимное из авторских прав // Пермский юридический альманах. – 2022. – № 5. – С. 187–195.

8. Сайфутдинова В.М. К вопросу о деятельности организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами // CETERIS PARIBUS. – 2016. – № 3. – С. 47–50.

9. Сапожникова Е.Е. Особенности правового регулирования музыкальных произведений // Теория и практика современной науки. – 2018. – С. 336–341.

10. Ферран Я.А. Охрана авторских и смежных прав на музыкальные произведения в контексте оценки регулирующего воздействия как инструмента государственной политики // Вопросы управления. – 2014. – С. 234–243.

11. Фролова Е.А., Рахматулина Р.Ш. Проблемы коллективного управления авторскими и смежными правами // Право и управление. – 2024. – № 1. – С. 103–107.

INTERACTION BETWEEN MUSICAL AUTHORS AND ACCREDITED COLLECTIVE RIGHTS MANAGEMENT ORGANIZATIONS (RAO AND VOIS)

Kuznetsov V.M.

Russian State Academy of Intellectual Property

This article analyzes the legal and organizational aspects of interaction between musical composers and accredited organizations engaged in collective rights management, namely the Russian Authors' Society (RAO) and the All-Russian Intellectual Property Organization (VOIS). The paper examines the mechanisms and conditions for cooperation between authors and these organizations. The importance of this topic lies in the dual nature of this interaction: on the one hand, the institution of collective management is intended to facilitate the receipt of remuneration for copyright holders for the widespread use of their works; on

the other, the monopoly of accredited organizations creates information asymmetries and risks of copyright infringement. The objective of this paper is to identify key legal contradictions and propose ways to improve mechanisms for monitoring the activities of RAO and VOIS. This study, based on an examination of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, bylaws, and judicial precedents, analyzes the specifics of the delegation agreement. Particular attention is given to the distribution and payment of remuneration, as well as the clear definition of the boundaries of competence between RAO (responsible for managing exclusive rights to musical works) and VOIS (which ensures the right to remuneration for performers and phonogram producers). The paper carefully delineates the competence of the two organizations: RAO manages exclusive rights to public performance and other uses of works, while VOIS accumulates the right to remuneration for the public performance and broadcast of phonograms published for commercial purposes, acting in the interests of performers and phonogram producers. The legal nature of the delegation agreement, the grounds and transparency of deductions from collected remuneration, and the issue of extraterritorial accreditation throughout the country without the express consent of the author are analyzed.

Keywords: Collective management of rights, Author of a musical work, Accredited organization, Russian Authors' Society, All-Russian Intellectual Property Organization, Exclusive right, Right to remuneration, Agreement on the transfer of authority, Extended collective management, Transparency of collection and distribution of remuneration.

References

1. Abdirimov A.F., Ozmanyany Yu.Z. Features of the implementation of the judicial procedure for the protection of copyright in musical works // CyberLeninka. – 2022. – Pp. 162–165.
2. Barkovskaya L.E. Legal regulation of the activities of organizations engaged in the implementation and protection of copyright and related rights // Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law. – 2023. – No. 5. – Pp. 45–53.
3. Valdes-Martinez E.R. Fair remuneration for the use of works and phonograms on the Internet in the law of Russia, the USA and the EU // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2022. – No. 5. – Pp. 91–116.
4. Valdes-Martinez E.R. Legal characteristics of the agreement on the payment of remuneration for the use of phonograms // Journal of Russian Law. – 2012. – P. 107–115.
5. Viktorova L.N. Legal nature of the agreement on collective management of copyright and related rights // CyberLeninka. – 2023. – No. 6. – P. 271–277.
6. Kasimova Yu.V. Protection of authors' rights in the creation of a musical work // Bulletin of the Magistracy. – 2015. – P. 173–174.
7. Matveyev A.G. The composer's right to remuneration as the most illegitimate of copyrights // Perm Legal Almanac. – 2022. – No. 5. – P. 187–195.
8. Saifutdinova V.M. On the activities of organizations implementing collective management of copyright and related rights // CETERIS PARIBUS. – 2016. – No. 3. – P. 47–50.
9. Sapozhnikova E.E. Features of legal regulation of musical works // Theory and practice of modern science. – 2018. – P. 336–341.
10. Ferran Ya.A. Protection of copyright and related rights to musical works in the context of regulatory impact assessment as a public policy instrument // Management issues. – 2014. – P. 234–243.
11. Frolova E.A., Rakhmatulina R. Sh. Problems of collective management of copyright and related rights // Law and management. – 2024. – No. 1. – P. 103–107.

Гармонизация законодательства о трансграничном банкротстве в ЕАЭС: анализ текущего состояния и перспективы развития

Лунев Николай Васильевич,

аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

E-mail: nlunv2000@vk.com

Предметом данного исследования является правовое регулирование трансграничного банкротства в государствах, входящих в Евразийский экономический союз. Цель статьи состоит в обнаружении расхождений в национальных концепциях несостоятельности, оценке нынешнего этапа гармонизации и предсказании будущих направлений сближения законодательных систем разных стран. Методология исследования базируется на сравнительно-правовом анализе принципов банкротного права участников ЕАЭС, изучении документации по межнациональному регулированию и судебной практике, систематизации и обобщении оценок экспертов. Результаты проведенного исследования демонстрируют следующее: частичное правоприменение, которое опирается на принципы международного частного права и двусторонние договоры; отсутствие полноценного регионального регулирования трансграничного банкротства; крупные расхождения в методах выявления неплатежеспособности, значении государственной власти, субъектном составе и списке юридических процедур. Результаты статьи могут использоваться национальными структурами по делам о банкротстве, регулирующими органами ЕАЭС, юристами, представителями судебной власти, арбитражными управляющими, которые занимаются трансграничными делами о несостоятельности. Новизна работы заключается в сравнении действующих национальных режимов с учетом последних инициатив ЕЭК и предложений экспертов и в систематизации проблемных моментов и перспектив гармонизации. Выводы, сделанные в статье, говорят о существовании запроса со стороны предпринимателей на предсказуемость в трансграничных сделках и снижение правовых рисков. Это указывает на необходимость постепенной, поэтапной гармонизации законодательства на базе развития международных моделей и механизмов координации.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, несостоятельность, гармонизация законодательства, Евразийский экономический союз, международное частное право, признание иностранных решений, координация производств, субсидиарная ответственность.

Гармонизация законодательства, сопряженного с трансграничным банкротством в Евразийском экономическом союзе – одна из наиболее сложных и значимых задач нынешнего этапа развития евразийской интеграции. Формирование общего экономического пространства связано с развитием трансграничного предпринимательства, увеличением числа предприятий, имеющих одновременно активы и обязательства в нескольких государствах ЕАЭС, усложнением корпоративных предприятий, имеющих в своем составе дочерние, зависимые организации, которые зарегистрированы в разных национальных юрисдикциях. В данных условиях институт банкротства постепенно перестает быть внутренним правовым механизмом и приобретает трансграничный масштаб. При такой ситуации финансовая несостоятельность одного участника экономических отношений способна серьезно затрагивать интересы кредиторов, инвесторов, представителей власти, различных специалистов из нескольких стран Союза. Поэтому обеспечение эффективного регулирования трансграничного банкротства является особенно важным в контексте защиты имущественных интересов граждан и в аспекте поддержания устойчивости рынка ЕАЭС [3].

В современном мире процесс интеграции сопряжен с развитием трансграничной торговли, увеличением доли взаимного инвестирования, расширением связей между предприятиями, созданием крупных международных холдингов. Экономическая интеграция провоцирует такую ситуацию, при которой кризис одного хозяйственного субъекта оказывает большое влияние на целый комплекс тесно связанных между собой организаций, осуществляющих деятельность на территориях разных стран ЕАЭС. Из-за отсутствия согласованных механизмов правового регулирования подобная ситуация приводит к увеличению судебных расходов, торможению процедуры банкротства, масштабным финансовым потерям и снижению эффективности юридической защиты кредиторов. Поэтому гармонизация законодательной системы, связанной с трансграничной несостоятельностью, выступает значимым условием дальнейшего успешного развития интеграции государств ЕАЭС и формирования благополучной единой бизнес-среды [4].

Актуальность темы исследования определена также тем, что предпринимательская деятельность все чаще осуществляется одновременно в нескольких странах Евразийского союза, а также тем, что правовые различия значительно осложняют процесс трансграничного банкротства. Это связано с увеличением объемов внешнеэкономической деятельности и с необходимостью формирования универсальных условий ведения бизнеса на территории всех государств ЕАЭС. Для предпринимателей особо важным является предсказуемость юридических последствий, а для кредиторов – возможность быстро взыскать задолженность. Таким образом, анализ текущего состояния юридического регулирования трансграничного банкротства и прогнозирование дальнейшей перспективы его развития обладает научно-теоретической и практической ценностью.

Специфика трансграничного банкротства заключается в том, что оно относится одновременно к целому ряду национальных правовых режимов. Это требует согласованности в выборе применимого права, признании судебных решений, распределении конкурсной массы между представителями, участвующими в производстве, установлении очередности удовлетворения требований кредиторов, а также установления четких взаимоотношений между судами и арбитражными управляющими разных стран-участниц ЕАЭС. Каждая из указанных задач нуждается в создании слаженных механизмов трансграничного сотрудничества. Без применения данных механизмов процедура банкротства серьезно затягивается, обходится крайне дорого и отличается малой продуктивностью. Это негативно влияет на положение как кредиторов, так и должников [6].

Мировой опыт показывает существование разных подходов к регулированию трансграничной несостоятельности. Наиболее известный подход основан на Типовом законе ЮНСИТРАЛ 1997 года о трансграничной несостоятельности. Указанный закон стал правовым эталоном для многих государств мира. Он вполне может послужить образцом при формировании современных национальных законодательных систем, касающихся процедуры трансграничного банкротства, в странах ЕАЭС. Главной идеей данного документа служит обеспечение сотрудничества между судами разных государств Союза и взаимного призна-

ния процедур банкротства, а также эффективного управления активами должника независимо от страны их размещения. В современный период существует острая необходимость в разработке такого документа, который действовал бы в каждом государстве ЕАЭС. Его отсутствие на сегодняшний момент крайне осложняет разрешение споров, связанных с трансграничной несостоятельностью [7].

Таким образом, текущее состояние юридического регулирования демонстрирует существование серьезных пробелов. Регионального регулирования трансграничного банкротства в Евразийском союзе не существует. Отсутствует и конкретный международный договор, который бы регулировал проблемы трансграничной несостоятельности. Не разработан свод универсальных правил в национальных законодательствах государств – членов Союза. Отсутствуют рекомендательные документы, аналогичные Типовому закону ЮНСИТРАЛ.

Национальные суды и прочие юридические инстанции руководствуются принципами международного частного права, а также двусторонними и многосторонними договорами о правовой помощи, которые часто не учитывают специфические нюансы трансграничных процедур [1]. Сложившаяся ситуация провоцирует большое количество проблем. Это прежде всего различия в определении критериев неплатежеспособности. Законодательные системы государств ЕАЭС применяют разные подходы к выявлению признаков финансовой несостоятельности должника. Так, в одних странах ключевым критерием выступает объем задолженности, в других – длительность просрочки в отношении исполнения обязательств, третьи государства опираются сразу несколько условий.

Подобные различия влияют на возможность своевременности возбуждения дела о неплатежеспособности. Например, часто складывается ситуация, при которой фирма признается финансово несостоятельной согласно законодательству одной страны, но не соответствует критериям правовой системы другой. Это вызывает серьезный конфликт между юрисдикциями, усложняет защиту интересов кредиторов, провоцирует дополнительные злоупотребления со стороны недобросовестных должников.

Важные различия сопряжены и с определением роли государства в осуществлении процедур о неплатежеспособности. В ряде государств органы власти принимают активное участие в так называемом «финансовом оздоровлении» фирм, поддерживают стратегически значимые компании, контролируют деятельность арбитражных управляющих. В других странах законодатели акцентируют внимание, в первую очередь, на рыночных моделях урегулирования задолженности и защищают финансовые интересы кредиторов. Указанные расхождения говорят о различии в специфике механизмов экономического регулирования и определяются историческими традициями, сопряженными с формированием законодательства о банкротстве.

Своя специфика имеется и в отношении регулирования ответственности контролирующих должника лиц. Национальные законодательные системы по-разному определяют список субъектов, которые могут привлекаться к субсидиарной ответственности, основания данного привлечения, масштаб доказывания и распределение его бремени между всеми сторонами процесса. Таким образом, одна и та же ситуация может иметь совершенно разные правовые последствия в зависимости от государства, в котором ведется дело о банкротстве. Это отрицательно влияет на создание единой судебной практики и снижает степень юридической определенности для участников бизнес-процессов.

Как отмечают В.П. Кириленко и Е.В. Павлова, объединение различающихся между собой национальных моделей правового регулирования и расширение трансграничной экономической деятельности вызывает остро стоящую необходимость гармонизации законодательных систем государств ЕАЭС. По мнению исследователей, отсутствие согласованных подходов препятствует полноценной экономической интеграции и повышает масштаб транзакционных издержек участников трансграничного оборота в рамках Евразийского союза [3].

Размышляя о будущем института трансграничного банкротства в государствах ЕАЭС, эксперты предсказывают несколько векторов его развития. На взгляд специалистов, данные направления способны обеспечить сближение законодательных систем, действующих в разных странах Союза. При этом они смогут сохранить определенную долю независимости. Это будет возможно не при абсолютной унификации законодательных систем в странах ЕАЭС, а при сближении их ключевых положений, регулирующих вопросы трансграничного банкротства. Указанный подход позволяет разработать единые принципы взаимодействия государств-участников при рассмотрении трансграничных дел и в то же время учитывает специфические особенности национального законодательства каждой страны.

В настоящий период есть острая необходимость в разработке рекомендательного акта, который стал бы правовым ориентиром

для государств ЕАЭС. В нем могли бы использоваться международные стандарты Типового закона ЮНСИТРАЛА, изданного в 1997 году, но с учетом специфики евразийской интеграции. Использование положений Типового закона в качестве правового фундамента в полной мере оправданно, так как указанный документ показал свою высокую результативность в ряде государств мира. В нем представлены модели взаимодействия судов, координации действий участников процесса и признания зарубежных процедур. Применение данного закона государствами ЕАЭС как правовой базы требует адаптации к особенностям их национальных законодательных систем и экономических взаимоотношений, опыту судебной практики. Указанный документ позволил бы сформировать единые правила по вопросам зарубежных решений, признания применимого права, а также снизить степень юридической неопределенности и обеспечить более высокий уровень предсказуемости для участников международных экономических отношений в пределах Евразийского союза [7].

Важное направление развития трансграничного банкротства может заключаться в создании действенных механизмов взаимоотношений между судами и арбитражными управляющими разных стран, направленных на формирование единых рабочих групп, обмен данными, выработку универсальных методов определения СОМІ (правового критерия, который отвечает за центр главных интересов должника). Следует отметить, что плохое взаимодействие между компетентными органами разных государств приводит к принятию противоречивых правовых решений, возникновению параллельных судебных дел, увеличению срока осуществлению процедур банкротства. Развитие моделей сотрудничества позволит обеспечить более быстрый обмен сведениями о судебном процессе, состоянии имущества должника, претензиях кредиторов. Это сократит число процессуальных конфликтов и увеличит продуктивность управления конкурсной массой.

Особое внимание следует уделить регулированию банкротства групп компаний. У них активы и обязательства распределяются по разным юрисдикциям, что провоцирует множество серьезных проблем. Крупные корпорации часто включают в себя юридические лица, зарегистрированные в разных государствах ЕАЭС. Поэтому финансовые проблемы одного предприятия могут оказывать влияние на деятельность всех компаний, входящих в состав группы. Отсутствие единых норм осуществления судебных процедур усложняет распределение средств между кредиторами, определение конкурсной массы, согласование работы арбитражных управляющих в нескольких государствах Союза. Формирование особых моделей регулирования банкротства корпораций позволит значительно повысить эффективность международных судебных процедур и обеспечить надежную защиту интересов всех его участников.

Защита прав кредиторов с помощью гармонизации законов о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц – важнейшее условие повышения доверия к процедуре банкротства. В настоящее время национальные законодательные системы стран-участниц ЕАЭС серьезно различаются между собой, главным образом, в контексте установления списка контролирующих лиц, правил их привлечения к ответственности и оснований для субсидиарной ответственности. Указанные различия вызывают злоупотребления и понижают эффективность защиты интересов кредиторов. В Аналитической справке АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований» подчеркивается, что предсказуемая ответственность контролирующих лиц, единообразие критериев ее применения и возможность эффективного осуществления правовых решений способны снизить риски для кредиторов и увеличить результативность процедур трансграничного банкротства [1].

Необходимо отметить, что в направлении гармонизации трансграничной процедуры банкротства в государствах Евразийского союза уже предпринимаются некоторые действия. При Консультативном комитете по финансовым рынкам Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) сформирована экспертная группа, занимающаяся гармонизацией законодательных систем государств-участников в сфере банкротства. Это говорит о заинтересованности регуляторов в системном решении проблемы. Деятельность вышеназванной экспертной группы направлена на анализ существующих различий в национальных законодательных системах стран ЕАЭС, подготовку предложений по их сближению и разработку универсальных подходов к усовершенствованию правового регулирования. В 2024 году выпущено Распоряжение Коллегии ЕЭК № 91 от 25.06.2024, в котором утверждена работа по гармонизации законодательных систем в контексте финансового рынка. Указанное Распоряжение заложило базу по разработке единых законов о трансграничном банкротстве [5].

Важно отметить, что процесс гармонизации трансграничного банкротства сопровождается рядом правовых и политических трудностей.

Государства ЕАЭС пытаются сохранить определенную автономию в плане регулирования вопросов несостоятельности, поэтому абсолютная унификация законов невозможна. При согласовании сложно добиться равновесия между единичными для всех стандартами и национальными правовыми особенностями стран ЕАЭС, связанными с их экономическим положением, спецификой законодательства и судопроизводства.

Значимым аспектом для гармонизации трансграничного банкротства выступает формирование гармонизированной системы судопроизводства. Как подчеркивает эксперт А. Занина, отсутствие единообразной практики признания и осуществления зарубежных решений по поводу дел о банкротстве является одним из главных препятствий для продуктивного международного сотрудничества, так как снижает уровень правовой определенности и увеличивает финансовые риски для участников трансграничного экономического оборота [2].

Большое значение для гармонизации законодательства имеют дискуссии экспертов в разных инстанциях. Так, выступление Н. Каграманян в Общественной Палате Российской Федерации продемонстрировало важность диалога между регуляторами, бизнесменами и специалистами с целью выявления наиболее актуальных и остро стоящих проблем и принятия согласованных решений в области гармонизации трансграничного банкротства. Подобные дискуссии крайне важны, так как учитывают не только научно-теоретические подходы исследователей, но и практический опыт специалистов в сфере юриспруденции – арбитражных управляющих, судей, а также бизнесменов и органов государственной власти. Это увеличивает продуктивность разработки законодательных инициатив [4].

Исследователи Д.О. Яровой и Д.В. Гладков полагают, что ключевые факторы успешной гармонизации законодательства – поэтапность и прагматичность. На взгляд ученых, процесс следует начинать с решения глубоко технических вопросов, к которым относятся: определение СОМІ, повышение эффективности обмена информацией между управляющими, упрощение процедур признания. Потом необходимо постепенно переходить к более сложным стадиям: координированию одновременно ведущихся дел и гармонизации финансово-правовых норм [7]. Указанный подход дает возможность снизить риски, связанные с различиями в правовых традициях, обеспечить формирование доверительных отношений между разными национальными юрисдикциями и сформировать мощную базу для последующих этапов гармонизации законодательства.

В современный период отношение к сближению законодательных систем, в целом, у государств ЕАЭС является положительным. Снижение рисков в трансграничных сделках и запрос бизнеса на предсказуемость стимулируют страны к дальнейшему усовершенствованию законодательства. Развитие цифровых платформ для обмена данными между управляющими, введение единых отчетов, совершенствование списков претензий кредиторов, существующих формате онлайн, увеличение опыта взаимного признания судебных решений могут в разы повысить эффективность трансграничных процедур и сократить сроки рассмотрения дел. Важным моментом является также учет юридической специфики каждой страны ЕАЭС. Объединение межнациональных инициатив, результатов дискуссий ученых и экспертов, целенаправленной деятельности ЕЭК, формирование единой судебной практики создает предпосылки для разработки согласованной системы регулирования трансграничного банкротства, учитывающей интересы государства, кредиторов, бизнеса и всех остальных участников экономических отношений в рамках ЕАЭС.

Литература

1. Аналитическая справка «Перспективы регулирования трансграничной несостоятельности в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС): условия и предпосылки, правовые риски, поиск оптимальной модели» // АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований» (Москва) [Электронный ресурс]. – URL: <https://iclr.ru/publications/1> (дата обращения: 15.07.2026).
2. Занина А. Несостоятельность без границ // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1593213> (дата обращения: 15.07.2026).
3. Кириленко В.П., Павлова Е.В. Регулирование трансграничной несостоятельности в праве ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 111–120.
4. Каграманян Н. выступила в Общественной Палате РФ на круглом столе по правовому регулированию вопросов трансгра-

ничного банкротства // Деловая Россия [Электронный ресурс]. – URL: <https://deloros.ru/press-centr/novosti/novosti-mezhdunarodnoy-deyatelnosti/nonna-kagramanyan-vystupila-v-obshchestvennoy-palate-rf-na-kruglom-stole-po-pravovomu-regulirovaniyu/> (дата обращения: 15.07.2026).

5. Распоряжение Коллегии ЕЭК от 25.06.2024 № 91 «О проекте распоряжения Совета Евразийской экономической комиссии “Об утверждении отчета о ходе исполнения плана мероприятий по гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка за 2023 год”» // Альта-Софт [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/24r00091/> (дата обращения: 15.07.2026).

6. Ханакмедов А.Ф., Мишалченко Ю.В. Проблема трансграничной несостоятельности (банкротства) в международном частном праве // Наука, образование и культура. – 2021. – № 2 (57). – С. 14–17.

7. Яровой Д.О., Гладков Д.В. Развитие трансграничного банкротства в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 7 (214). – С. 53–67.

HARMONIZATION OF LEGISLATION ON CROSS-BORDER BANKRUPTCY IN THE EAEU: ANALYSIS OF THE CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Lunev N.V.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The subject of this study is the legal regulation of cross-border bankruptcy in the member states of the Eurasian Economic Union. The purpose of the article is to identify discrepancies in national concepts of insolvency, assess the current stage of harmonization and predict future directions of convergence of legislative systems of different countries. The research methodology is based on a comparative legal analysis of the principles of bankruptcy law of the EAEU members, the study of documentation on interethnic regulation and judicial practice, systematization and generalization of expert assessments. The results of the study demonstrate the following: partial enforcement, which is based on the principles of private international law and bilateral treaties; lack of full-fledged regional regulation of cross-border bankruptcy; There are major discrepancies in the methods of detecting insolvency, the importance of state power, the subject matter and the list of legal procedures. The results of the article can be used by national bankruptcy structures, EAEU regulatory authorities, lawyers, representatives of the judiciary, and arbitration managers who deal with cross-border insolvency cases. The novelty of the work consists in comparing the current national regimes, taking into account the latest initiatives of the EEC and the proposals of experts, and in systematizing problematic issues and prospects for harmonization. The conclusions drawn in the article indicate that there is a request from entrepreneurs for predictability in cross-border transactions and reduction of legal risks. This indicates the need for a gradual, step-by-step harmonization of legislation based on the development of international models and coordination mechanisms.

Keywords: cross-border bankruptcy, insolvency, harmonization of legislation, Eurasian Economic Union, private international law, recognition of foreign decisions, coordination of proceedings, subsidiary liability.

References

1. Analytical report “Prospects for the regulation of cross-border insolvency in the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU): conditions and prerequisites, legal risks, search for an optimal model” // ANO “Center for International and Comparative Legal Studies” (Moscow) [Electronic resource]. – URL: <https://iclr.ru/publications/1> (date of reference: 15.07.2026).
2. Zalina A. Insolvency without borders // Kommersant [Electronic resource]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1593213> (date of request: 15.07.2026).
3. Kirilenko V.P., Pavlova E.V. Regulation of cross-border insolvency in the law of the EAEU // Eurasian integration: economics, law, politics. – 2023. – Vol. 17. – № 2. – P. 111–120.
4. Nonna Kagramanyan spoke at the Public Chamber of the Russian Federation at a round table on the legal regulation of cross-border bankruptcy // Business Russia [Electronic resource]. – URL: <https://deloros.ru/press-centr/novosti/novosti-mezhdunarodnoy-deyatelnosti/nonna-kagramanyan-vystupila-v-obshchestvennoy-palate-rf-na-kruglom-stole-po-pravovomu-regulirovaniyu/> (date of access: 15.07.2026).
5. Order of the EEC Board dated 25.06.2024 № 91 “On the draft Order of the Council of the Eurasian Economic Commission “On approval of the progress report on the implementation of the action plan for the harmonization of legislation of the Member States of the Eurasian Economic Union in the financial market for 2023” // Alta-Soft [Electronic resource]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/24r00091/> (date of access: 15.07.2026).
6. Khanakhmedov A.F., Mishalchenko Yu.V. The problem of cross-border insolvency (bankruptcy) in private international law // Science, education and culture. – 2021. – № 2 (57). – P. 14–17.
7. Yarovoy D.O., Gladkov D.V. Development of cross-border bankruptcy within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU) // Property relations in the Russian Federation. – 2019. – № 7 (214). – P. 53–67.

Молчанов Евгений Викторович,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
экономический университет»
E-mail: bkamch@yandex.ru

Статья посвящена обоснованию выделения доходной деятельности граждан как отдельной формы осуществления экономической деятельности. Цель исследования состоит в выявлении историко-правовых предпосылок осуществления гражданами доходной деятельности с целью последующего формирования соответствующих гражданско-правовых режимов. На основе исторического, формально-юридического и системного методов обосновываются квалифицирующие признаки доходной деятельности граждан, а также текущее многообразие данного вида активной экономической деятельности физических лиц. Инструментальный метод позволил выявить значимость осуществления доходной деятельности через призму соответствия потребностям отдельного индивида. Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и содержат вывод о необходимости поддержки осуществления гражданами доходной деятельности. Сформулировано предложение по созданию гражданско-правовых режимов доходной деятельности исходя из потребностей каждого отдельного субъекта доходной деятельности.

Ключевые слова: экономическая деятельность, доходная деятельность, гражданско-правовые средства, гражданско-правовой режим, физические лица, самозанятые, имущественная потребность.

Введение

Понятие иной экономической деятельности в контексте ст. 34 Конституции Российской Федерации¹ способствует появлению новых способов реализации физическими лицами права на свободное использование своих способностей и имущества в целях хозяйственной активности. Тем самым обусловлена детерминация доходной деятельности граждан как отдельной формы экономической деятельности. Под данным термином следует определять волевой процесс физических лиц, осуществляемый с помощью гражданско-правовых средств и направленный на получение экономического блага (дохода), который необходим для удовлетворения личных потребностей ее инициаторов. [5, с. 274]. А.Г. Демиева справедливо указывает, что целью осуществления активной экономической деятельности в любой форме является решение индивидом определенной жизненной проблемы (потребности в чем-то, интереса, получения ожидаемого блага) [3, с. 47]. Главным инициатором такого вида экономической деятельности является сам индивид, который самостоятельно анализирует свои потребности и выбирает наиболее подходящий для него способ получения дохода.

В рамках настоящего исследования необходимо рассмотреть генезис правового регулирования доходной деятельности с помощью историко-правового метода. По справедливому замечанию Р.О. Халфиной данный метод важен для изучения процесса эволюции права, выявления его значения, а также динамики этих изменений в разные исторические периоды развития государства и права [10, с. 30]. Необходимо установить причины появления доходной деятельности, а также их текущее многообразие. На разных исторических этапах доходная деятельность может осуществляться в различных формах. При этом важно отметить целесообразность и утилитарную направленность инструментального подхода в целях изучения правовой деятельности людей для достижения ими собственных правовых целей [9, с. 31–32].

Становление дихотомии осуществления экономической деятельности

На протяжении всей своей истории, развитие человечества связано с экономическими отношениями. Постепенно с усложнением общественных процессов развивается экономическая активность граждан. Появление натурального обмена (бартера) следует рассматривать как естественную реакцию человека на удовлетворение собственного интереса в конкретной вещи. Именно данный вид экономической деятельности следует считать прообразом доходной деятельности граждан. Впоследствии в обществе формировалась дихотомия осуществления экономической деятельности в виде профессиональной торговли и обменом благами непосредственно между гражданами (доходная деятельность). Окончательное обособление произошло в Средние века, когда в европейских странах было сформировано особое купеческое (торговое) сословие, обладающее определенными льготами и привилегиями. Данные хозяйствующие субъекты стремились монополизировать всю торговлю в государстве.

В России купечество как особый социальный класс появилось в конце XVI века. При императоре Петре I поощрялась любая творческая инициатива в торговой и промышленной сфере. В этот же период были сформированы основные купеческие гильдии Российской империи. Также предусматривались особые нормы в отношении «мещанства», к числу которых относилось податное население городских поселений, занимающихся мелкой торговлей, ремесленничеством и иными промыслами. Недолгий период времени к ним приравнивалось «торгующее крестьянство», если объем их торговых операций составлял не менее 500 рублей².

Экономическая (доходная) деятельность крестьянства в России являлась поистине уникальным явлением. В свободное от земледелия время они занимались собственным трудом, изготавливая товары для продажи или обмена на ярмарках или торгах. Подобные промыслы организовывались на уровне домохозяйств с использованием собственных умений крестьян, средств и технологий, которые нередко переходили по наследству. Более того, доходная деятельность кре-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398

² Данное сословие просуществовало с 1722 года по 1787 год.

стьянства могла приобретать характер натурального обмена (бартера). При этом возможность осуществления такого вида занятости сводилась к отсутствию каких-либо возражений со стороны помещика. Также негативное отношение к развитию доходной деятельности крестьян высказывалось представителями купеческого сословия, поскольку нарушался устоявшийся уклад торговой деятельности.

Отметим, что такой вид хозяйствования не во всех случаях будет иметь побочный, факультативный характер. Этнограф И.Г. Георги справедливо отмечал, что в силу климатических особенностей такая побочная доходная деятельность крестьян в отдельных районах страны вполне может стать основной [1, с. 115–116]. Многие села или деревни могли заниматься одним общим делом, например обработкой железа или дерева. Нередко доходная деятельность русского крестьянства функционировала как «социальный лифт» и позволяла некоторым из них получать «вольную» и становиться родоначальниками крупных купеческих династий (Абрикосовы, Демидовы, Елисеевы, Мамонтовы, Морозовы, Рябушинские и другие именитые фамилии).

Попытки правового регулирования доходной деятельности в Российской империи

После отмены крепостного права императором Александром II в 1861 году возникла потребность в законодательном регулировании доходной деятельности крестьянства. Тогда же в юридической и экономической литературе появилась критика использования сословной принадлежности для обладания правоспособности на осуществления экономической деятельности. Известный профессор Г.Ф. Шершеневич в своем исследовании использует понятие «промысла», близкое к семантике «доходной деятельности». Он определяет данный термин как систематическую деятельность, направленную на приобретение материальных ценностей, которая осуществляется индивидом с целью постоянного извлечения дохода [11, с. 40].

Право Российской империи в дореволюционный период предполагало свободу на осуществление торговой деятельности вне зависимости от пола, сословия и других критериев. Допускалась свободное волеизъявление лица на выбор промысла исходя из своих знаний и умений. Исследовательский интерес начали представлять новые на тот момент формы доходной деятельности крестьянства: отходничество и кустарничество.

Под отхожим промыслом (отходничеством) понимается временная деятельность крестьян вне их постоянного места жительства, которая обладает сезонным характером. Ю.М. Плюснин характеризует отходничество как основную модель жизнеобеспечения крестьянского населения на значительной территории страны [7, с. 98]. По своей природе такая активность граждан является наемной (трудова миграция), поэтому находится вне рамок данного исследования. Отметим лишь, что главной мотивацией «отходников» является повышение благосостояния своих семей.

В свою очередь, кустарный промысел основан на мелкосерийном и ручном изготовлении товаров в домашних условиях для быта оптом или неограниченному кругу лиц. Такой вид активности был выражен в виде выделки посуды, изготовления холстов или сукна, валянием сапог и войлоков, сидкой дегтя и т.п. На весь мир известно изготовление мастерами росписи посуды: Гжель, Хохлома, Жостово и другие. Для занятия кустарничеством необходимо владение определенным мастерством, которое передавалось либо по наследству, либо через специальные ремесленные учебные заведения.

Дореволюционный период отечественной истории характеризует стремлением изменить подход к исследованию и формированию правового регулирования экономической деятельности. Принадлежность к сословию уходила на второй план, главным квалифицирующим критерием хозяйствующей активности становилась частная инициатива и осуществление определенных юридических действий, направленных на получение дохода. Особая роль отводилась к изучению кустарной и ремесленной деятельности крестьян.

Советский этап регулирования доходной деятельности граждан

После революции 1917 года вектор экономического развития полностью изменился. Политика советского государства была направлена на постепенное добровольное объединение мелких товаропроизводителей в кооперативы и колхозы. В отношении кустарей и ремесленников создавались специальные артели. Вместе с тем полностью искоренить доходную деятельность в виде мелкого частного хозяйства одиночных крестьян и некооперированных кустарей не получилось. Содержание ст. 9 Конституции СССР 1936 года допускало существование данной категории хозяйствующих субъектов при условии отсутствия эксплу-

атации чужого (наемного) труда¹. Д.М. Генкин отмечал, что удельный вес такой категории доходной деятельности, основанной на личном труде, был ничтожен [2, с. 69].

В период «перестройки» начались масштабные реформы в сфере частной экономики. В 1977 году ст. 11 новой Конституция СССР провозгласила право граждан на использование личной собственности в целях удовлетворения материальных и духовных потребностей, самостоятельного ведения хозяйственной и иной не запрещенной законом деятельности². Более того, источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека признавался свободный от эксплуатации труд советских людей. Наконец, в 1988 году в законодательстве появляется понятие индивидуальной трудовой деятельности³. К ней относилась любая полезная деятельность граждан, не связанная с трудовыми отношениями⁴. Подобного рода занятия дозволялись в свободное от основной работы время. Они касались кустарного, ремесленного и художественного промысла, бытового обслуживания населения, социально-культурной сферы и иных способов приращения дохода, основанных только на личном труде граждан и членов их семей. А уже в апреле 1991 года данный нормативный акт был изменен законом о предпринимательской деятельности⁵, действующем вплоть до принятия Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

Текущее правовое регулирование доходной деятельности граждан

Современное законодательство, по сравнению с предшествующим советским периодом, отличается большей степенью демократизации и либерализации общества. Отныне правовое регулирование основывается на деятельности активного субъекта, наделенным частной инициативой, автономией, диспозитивностью, а также возможностью саморегулирования. По мнению В.Ф. Яковлева, великое преимущество рыночной экономики над плановой (командной) состоит в обеспечении возможности приобретения гражданами прав, как средств удовлетворения их материальных и духовных интересов [12, с. 59].

Однако, Гражданский кодекс РФ среди всего многообразия экономической деятельности граждан, закрепляет лишь правовой режим предпринимательской деятельности, который характеризует профессионализмом ее субъектов и повышенной степенью риска (ст. 2 и 23 ГК РФ)⁶. К сожалению, доходная деятельность граждан Гражданским кодексом РФ не учитывается. Попыткой легализации такого вида «неформальной экономики» является принятие в 2018 году федерального закона № 422-ФЗ от 27.11.2018 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»⁷. Он касается деятельности субъектов, которые самостоятельно осуществляют экономическую деятельность без привлечения наемных работников. Неофициально они получили наименование «самозанятых». В соответствии со статистикой ФНС России на 31 мая 2026 года их количество составляет 16 629 553 человек, что подтверждает популярность такого вида хозяйственной активности⁸.

Нормы вышеупомянутого закона позволяют становиться «самозанятыми» не только физическим лицам, но и индивидуальным предпринимателям. Отчего происходит смешение двух разных форм активной экономической деятельности граждан. Каждая из них обладает определенной спецификой, их объединение напрямую противоречит фундаментальному конституционному праву, закрепленному в ст. 34 Конституции РФ.

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41.

³ Об индивидуальной трудовой деятельности: Закон СССР от 19.11.1986 № 6051-XI // Ведомости ВС СССР. – 1986. – № 47.

⁴ За редким исключением. Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» не распространялся на творческую деятельность граждан в сфере науки, техники, литературы и искусства, а также на выполнение платных работ, носящих разовый характер, и работ, незначительных по объему и оплате труда.

⁵ Об общих началах предпринимательства граждан в СССР: Закон СССР от 02.11.1991 № 2079-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1991. – № 16.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета. – 1994. – № 238–239.

⁷ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон № 422-ФЗ от 27.11.2018 // Российская газета. – 2018. – № 270.

⁸ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс] // официальный сайт Федеральной налоговой службы: [сайт]. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 18.07.2026).

Отсутствие легального определения «самозанятости» позволяет толковать семантику данного термина по-разному. Н.Е. Савенко замечает, что следует разделять понятие «самозанятости» в широком и узком смысле [8, с. 44, 50–51]. Вышеупомянутый закон № 422-ФЗ от 27.11.2018 использует данный термин только в контексте установления налогового режима и уплаты соответствующих взносов. Другими словами, законодатель в качестве «самозанятых лиц» определяет лишь граждан, которые являются плательщиками налога на профессиональный доход. Однако «самозанятость» следует трактовать в более широком смысле, учитывая любой вид самостоятельной экономической деятельности граждан, не связанный с трудовыми отношениями. М.И. Клеандров также отмечает недоправосубъектность «самозанятых», поскольку их деятельность регулируется лишь налоговой сферой [4, с. 32].

Текущая редакция «Закона о самозанятых» не позволяет охватить многообразие форм осуществления доходной деятельности граждан. Многие виды хозяйственной активности граждан до сих пор находятся вне правового поля. Например, в настоящее время активно формируется платформенная доходная деятельность. Принятый федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» касается лишь коммерческой стороны использования посреднических цифровых платформ (B2C-модель электронной торговли)¹. В свою очередь, модель C2C характеризуется взаимодействием физических лиц напрямую друг с другом для достижения конкретных целей. Примерами подобных цифровых платформ являются интернет-аукционы («Мешок», «Auction.ru»), сайты с онлайн-объявлениями – «классифайды» («Авито», «Юла»). Также следует упомянуть популяризацию вторичного использования вещей, а также ограниченного предоставления имущества в пользование (шеринг-экономика). Важно не допустить коммерциализацию данной модели осуществления платформенной доходной деятельности.

Заключение

Само по себе усложнение экономических процессов в обществе прямо влияет на развитие права. Стремление граждан к получению имущественных благ обуславливает появление соответствующих правовых механизмов. Детерминация доходной деятельности обусловлена наличием потребностей отдельного гражданина или семьи, членом которой он является. На разных исторических этапах она могла принимать различные формы, быть основным видом занятости либо побочным (факультативным). Многие из них сохранились до сих пор (кустарничество, ремесленничество), некоторые формируются в результате модернизации и цифровизации отечественной экономики (платформенная доходная деятельность).

При регулировании экономических отношений следует исходить, в первую очередь, из норм Гражданского кодекса РФ. В.Ф. Попондопуло справедливо указывает на недопустимость смешения частноправового (построенного на общих дозволениях) и публично-правового (построенного на ограничениях и запретах) режимов [6, с. 8]. К сожалению, современное гражданское право России отстает от развития общества, не успевает вовремя реагировать на новые явления, подстраиваться под них. Сужение гражданско-правового регулирования лишь до предпринимательской деятельности способно нанести лишь вред. Для наилучшего развития цивилистической мысли, с учетом тенденций развития общества, важно исходить из многообразия доходной деятельности. Тем более такой вывод обуславливается толкованием ст. 34 Конституции РФ. Вместе с тем, формулирование нормативного регулирования доходной деятельности должно осуществляться в формате правовых режимов.

Литература

1. Георги И.Г. Коронованный ответ на заданную Вольным Экономическим Обществом в 1780 году задачу о побочных крестьянских работах / И.Г. Георги // Продолжение Трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. III. – СПб.: Тип. при морском Шляхетском Кадетском Корпусе, 1783. – С. 100–171.
2. Генкин Д.М. Право собственности в СССР / Д.М. Генкин. – М.: Госюриздат, 1961. – 223 с.
3. Демиева А.Г. Активная экономическая деятельность и гражданское право / А.Г. Демиева. – М.: Статут, 2025. – 274 с.

¹ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Парламентская газета. – 2025 – № 29с.

4. Клеандров М.И. Неправдосубъектные экономические образования: что это такое? / М.И. Клеандров. – М.: Журнал российского права. – 2023. – № 8. – С. 28–40.

5. Молчанов Е.В. Значение принципа добросовестности при осуществлении доходной деятельности граждан / Е.В. Молчанов // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 7 (206). – С. 274–277.

6. Попондопуло В.Ф. Проблемы правового режима предпринимательства: автореф. дис. ... д.ю.н. – Санкт-Петербург, 1994. – 37 с.

7. Плюснин Ю.М. Российское отходничество: веки многовековой истории / Ю.М. Плюснин // ЭКО. – 2019. – № 11. – С. 94–115.

8. Савенко Н.Е. Статус самозанятого физического лица в Российской Федерации: синергия междисциплинарного и межотраслевого правового анализа: монография / Н.Е. Савенко. – М.: Проспект, 2025. – 240 с.

9. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права / С.Ю. Филиппова. – М.: Статут, 2013. – 350 с.

10. Халфина Р.О. Значение историко-правовых исследований для теории права / Р.О. Халфина // Методология историко-правовых исследований. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. – С. 29–40.

11. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. – 328 с.

12. Яковлев В.Ф. Гражданский кодекс и государство / Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. Сборник памяти С.А. Хохлова // В.Ф. Яковлев, А.Л. Маковский. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. – 475 с.

HISTORICAL BACKGROUND OF DETERMINING CITIZENS' INCOME-GENERATING ACTIVITIES

Molchanov E.V.

Saint Petersburg State University of Economics

The article is devoted to substantiating the allocation of citizens' income-generating activities as a separate form of economic activity. The purpose of the study is to identify the historical and legal prerequisites for citizens' income-generating activities in order to subsequently establish appropriate civil law regimes. Based on historical, formal-legal, and systemic methods, the article substantiates the qualifying features of citizens' income-generating activities, as well as the current diversity of this type of active economic activity among individuals. The instrumental method allowed the author to identify the significance of income-generating activities through the lens of their relevance to individual needs. The results of the study are of a theoretical and applied nature and contain a conclusion about the need to support citizens' income-generating activities. A proposal has been formulated to create civil law regimes for income-generating activities based on the needs of each individual income-generating entity.

Keywords: economic activity, income-generating activity, civil law remedies, civil law regime, individuals, self-employed, property needs.

References

1. Georgi I.G. The Crowned Response to the Problem of Secondary Peasant Work, Posed by the Free Economic Society in 1780 / I.G. Georgi // Continuation of the Works of the Free Economic Society for the Encouragement of Agriculture and House-Building in Russia. Part III. – St. Petersburg: Type of the Naval Gentry Cadet Corps, 1783. – Pp. 100–171.
2. Genkin D.M. Property Rights in the USSR / D.M. Genkin. – Moscow: Gosyurizdat, 1961. – 223 p.
3. Demieva A.G. Active Economic Activity and Civil Law / A.G. Demieva. – Moscow: Statut, 2025. – 274 p.
4. Cleandrov M.I. Non-Pravdosubjective Economic Entities: What Are They? / M.I. Cleandrov. – М.: Journal of Russian Law. – 2023. – No. 8. – P. 28–40.
5. Molchanov E.V. The Importance of the Principle of Good Faith in the Implementation of Gainful Activities of Citizens / E.V. Molchanov // Eurasian Law Journal. – 2025. – No. 7 (206). – P. 274–277.
6. Popondopulo V.F. Problems of the Legal Regime of Entrepreneurship: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. – St. Petersburg, 1994. – 37 p.
7. Plyusnin Yu.M. Russian Seasonal Work: Milestones in a Centuries-Of-Life History / Yu.M. Plyusnin // ECO. – 2019. – No. 11. – P. 94–115.
8. Savenko N.E. The Status of a Self-Employed Individual in the Russian Federation: Synergy of Interdisciplinary and Intersectoral Legal Analysis: Monograph / N.E. Savenko. – М.: Prospect, 2025. – 240 p.
9. Filippova S. Yu. Instrumental Approach in the Science of Private Law / S. Yu. Filippova. – М.: Statut, 2013. – 350 p.
10. Khalfina R.O. The Importance of Historical and Legal Research for the Theory of Law / R.O. Khalfina // Methodology of Historical and Legal Research. – М.: Publishing House of the Institute of Law and Law of the USSR Academy of Sciences, 1980. – pp. 29–40.
11. Shershenevich G.F. Textbook of Commercial Law / G.F. Shershenevich. – М.: Publishing House of the Bashmakov Brothers, 1912. – 328 p.
12. Yakovlev V.F. Civil Code and the State / Civil Code of Russia. Problems. Theory. Practice. Collection in memory of S.A. Khokhlov // V.F. Yakovlev, A.L. Makovsky. – М.: International Center for Financial and Economic Development, 1998. – 475 p.

Формирование международного режима ответственности морского перевозчика: от национальных моделей к гаагским правилам

Надеин Иван Иванович,

магистрант Московского государственного института
международных отношений Министерства иностранных дел
Российской Федерации, юрисконсульт ПАО «Совкомфлот»
E-mail: nadein02@inbox.ru.

Статья посвящена исследованию формирования Гаагских правил и генезиса международного режима ответственности морского перевозчика. В работе анализируются нормативные акты Англии XVIII века, законодательство США и Канады, судебная практика английских судов и Верховного суда США XIX – начала XX века, а также материалы международных конференций и деятельность международных организаций в сфере унификации морского права. Выделяются и сопоставляются ключевые элементы, впоследствии интегрированные в структуру Гаагских правил: ограничение ответственности судовладельца, императивный характер основных обязанностей перевозчика, количественные лимиты ответственности, а также закрепление базовых стандартов поведения перевозчика, сформировавшихся в коммерческой практике и проформах коносаментов. На основе проведенного анализа обосновывается вывод о том, что Гаагские правила представляют собой результат правового синтеза национальных моделей регулирования, а не автономную нормативную конструкцию. Установление поэтапного характера их формирования позволяет уточнить природу международной унификации в сфере морской перевозки грузов и выявить баланс интересов судовладельцев и грузовладельцев как системообразующий регулирования, установленного Гаагскими правилами.

Ключевые слова: Гаагские правила, морская перевозка грузов, коносамент, ограничение ответственности, судовладелец, акт Хартера, унификация морского права, международное морское право, лимиты ответственности.

На протяжении большей части истории перевозчики и грузовладельцы находились в относительно равноправном положении. Перевозчик зачастую совмещал функции капитана и собственника судна. Морская перевозка представляла собой совместное предприятие, участники которого распределяли риск убытков и объем ответственности, как правило, руководствуясь свободой договора в рамках общего права и морскими обычаями в романо-германской правовой традиции. В последней существовал обычай, согласно которому судовладелец отвечал по требованиям из вещных исков не всем своим имуществом, а лишь судном и размером фрахта. По общему праву ответственность судовладельца ничем не ограничивалась. Законодатель, как правило, не вмешивался в распределение рисков и ответственности сторон¹.

В 1734 году в Англии вступил в силу акт о пределах ответственности владельцев судов². Согласно ему, максимальный размер ответственности судовладельца за хищения груза капитаном и командой равнялся сумме стоимости судна и фрахта. Аналогичный по содержанию закон был принят штатом Массачусетс в 1818 году³. Несколько позже – и в штате Мэн⁴. Федерального статута, регулировавшего ответственность перевозчика не существовало. Тем не менее, в 1840 году пароход «Lexington» затонул у берегов Лонг-Айленда в результате пожара. С ним на дно ушел и груз – большая партия драгоценных металлов. Суд постановил взыскать всю сумму реальных убытков несмотря на то, что в коносаменте содержалась оговорка об ограничении ответственности перевозчика пределами намного меньшей суммы⁵.

В 1851 году представители крупных перевозчиков США добились принятия Конгрессом федерального статута об ограничении ответственности судовладельцев⁶. Согласно ему, если убытки вызваны пожаром, возникшим не по вине или небрежности перевозчика, то ответственность последнего будет ограничена как в английском акте – то есть суммой стоимости судна и фрахта⁷. Таким образом, баланс прав-обязанностей стал постепенно сдвигаться в пользу судовладельцев. Впрочем, законодательство было здесь не самым главным фактором.

Во второй половине XIX благодаря техническому прогрессу в судостроении перевозчики, особенно линейные, получили преимущество на рынке по отношению к отправителям и получателям товара. Перевозчик, будучи сильной стороной договора, мог диктовать другой стороне выгодные для себя условия. В частности, он фактически мог установить оговорки, о снижении своей имущественной ответственности по договору перевозки или вовсе исключить ее, поскольку в данной отрасли действовал принцип абсолютной свободы договора.

Стоит отметить, что в то время в Англии, впрочем, как и в США, при условии отсутствия каких-либо оговорок в коносаменте или чартере, суды признавали перевозчика ответственным за убытки грузовладельца, вызванные нарушением первым своих обязанностей. Например, при уменьшении количества груза на борту истцу нужно было лишь доказать, что товар был погружен в определенном количестве, а выгружен в меньшем. В случае с выгрузкой лицу, не предъявившему коносамент нужно было лишь доказать факт того, что товар не был выгружен надлежащему получателю. По общему правилу перевозчик для освобождения от ответственности мог сослаться на стихийное бедствие, на скрытый присущий товару порок, на общую аварию, на дей-

¹ Tetley W. *Maritime Liens and Claims*. Montreal: Les Éditions Yvon Blais, 1998. 1522 p.

² An Act to Settle How Far Owners of Ships Shall be Answerable for the Acts of the Masters or Mariners, 7 Geo. II, c. 15 (1734) // *The Statutes at Large*. 1734.

³ An Act to Encourage Trade and Navigation within this Commonwealth: Ch. 122, approved Feb. 20, 1819 // *Acts and Resolves passed by the General Court*. General Laws, May 1818 – Feb. 1822. Boston, 1822.

⁴ *Laws of the State of Maine*. Vol. II (Public Laws, 1821). Brunswick: J. Griffin for the State, 1821.

⁵ *New Jersey Steam Navigation Co. v. Merchants' Bank of Boston*. Judgment of the Supreme Court of the United States of 5 March 1848. (47 U.S. (6 How.) 344).

⁶ Burts G. Resolved: Is 46 U.S.C. § 30501(a) a Jurisdictional Statute of Limitations or a Mandatory Claims Processing Rule? // *Loyola Maritime Law Journal*. 2022. Vol. 21. Special Edition. P. 1–16.

⁷ An Act to limit the Liability of Ship-Owners, and for other Purposes: Act of Mar. 3, 1851 // *United States Statutes at Large*. 1851. Vol. 9. Ch. 43. P. 635–636.

ствия вражеского государства и на некоторые другие обстоятельства. Но возможность ссылаться на эти обстоятельства была доступна только если перевозчик выполнил свои главные на тот момент обязанности: предоставил судно в мореходном состоянии и проявил должную заботу по отношению к грузу¹.

Однако в силу диспозитивности, если перевозчик вносил в текст чартера или в коносамент ясно и точно сформулированную оговорку о том, что он считается освобожденным от ответственности за сохранность груза или за доставку его надлежащему лицу или в надлежащий порт, а равно и оговорку об освобождении от ответственности за ущерб грузу, вызванный небрежностью перевозчика, то такая оговорка считалась действительной. Поскольку с развитием паровых технологий перевозчики стали занимать более сильную позицию на рынке, отправителям приходилось соглашаться на такие условия².

В контексте второй половины XIX века Англию можно было называть «страной судовладельцев», а США – «страной грузовладельцев». То есть Англия, будучи морской державой и обладая крупным коммерческим флотом, представляла собой юрисдикцию более удобную для судовладельцев (перевозчиков), чем для грузовладельцев. Иным было положение в США, которые не обладали многочисленным коммерческим флотом, при этом экспортируя значительный объем товаров. Суды США, стремясь защищать своих граждан-участников рынка, в 1870-х годах перестали признавать исковую силу за многими оговорками об исключении ответственности судовладельцев. Американские суды оставляли возможность судовладельцу ссылаться лишь на стихийное бедствие, на скрытый присущий товару порок, на общую аварию, на действия вражеского государства и некоторые другие обстоятельства для ограничения ответственности. Правоприменители обосновывали такие решения соображениями о публичном порядке и доктриной неразумных существенных условий (*unreasonable condition*). Иными словами, разумный отправитель едва ли мог по собственному желанию согласиться на такие условия перевозки, при которых перевозчик не понесет ответственность за неисполнение основных обязательств по договору. Такая судебная практика и стала предтечей акта «Об ограничении ответственности судовладельцев, о коносаментах и о некоторых вопросах, касающихся перевозки грузов» (далее – акт Хартера)³.

Однако прежде чем говорить об акте Хартера стоит упомянуть деятельность Ассоциации международного права (*International Law Association*), а именно ее Комитета по договору фрахта и международному коносаменту, который в 1882 году на конференции ассоциации в Ливерпуле представил проект стандартной проформы коносамента, которая, по замыслу ее составителей, смогла бы стать общей для международного рынка⁴. Она называлась «Общая проформа коносамента». Основная идея проформы заключалась в установлении баланса прав и обязанностей между перевозчиком и отправителем: с одной стороны, перевозчик признавался ответственным за ущерб, вызванный лицами, действующими от его имени, а с другой, освобождался от ответственности за любой ущерб, возникновение которого связано с «навигационными инцидентами», даже если ущерб возникал вследствие виновных или небрежных действий судоводителей перевозчика.

На одной из следующих конференций Ассоциации международного права, проходившей в Гамбурге в 1885 году, было решено внести изменения в предложенную «Общую проформу коносамента», а именно установить в ней две основные обязанности судовладельца. Первая – обеспечить надлежащее укомплектование судна экипажем, провизией, оборудованием и во всех иных отношениях обеспечить мореходность судна, сделав судно способным осуществлять морской рейс. Вторая – обеспечить пригодность судна для сохранности перевозимого товара и для доставки его в целости. Кроме того, предусматривалась ответственность судовладельца за баратрию и небрежность капитана, офицеров и матросов, но не за ошибки в их суждениях. Тем не менее через 2 года на конференции ассоциации в Лондоне внесенные на гамбургской конференции изменения были отменены. Было решено вернуться к варианту проформы, предложенному на ливерпульской конференции 1882 года.

Таким образом, в проекте «Общей проформы коносамента» были заложены прообразы ряда концепций: навигационная ошибка, обязанность перевозчика привести судно в мореходное состояние, надлежащим образом укомплектовать людьми, снарядить и снабдить судно, приспособить и привести в состояние, пригодное для приема, перевозки и сохранения грузов. Все эти идеи впоследствии будут учтены при создании Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаментах (далее – Гагские правила). «Общая проформа коносамента» не стала таким распространенным и общепринятым документом, каким ее хотели видеть авторы, но тем не менее она легла в основу Гагских правил, являясь при этом разработкой участников рынка.

В.Р. Бишоп, один из генеральных секретарей Комитета по морскому праву Ассоциации международного права отмечал, что участникам конференций стоило не создавать проформу, а сформулировать некоторые основополагающие правила заключения договоров фрахтования, которые стороны могли бы диспозитивно включить в текст соглашения и отразить в коносаментах⁵. Тем не менее, положения из проформы, представленной в Ливерпуле в 1882 году были частично инкорпорированы в проформы коносаментов, разработанные совместно некоторыми крупными торговыми предприятиями и перевозчиками определенного региона. Например, проформа коносамента для перевозки генеральных грузов пароходом по Средиземному, Черному и Балтийскому морям 1885 года (*General Produce, Mediterranean, Black Sea, and Baltic Steamer Bill of Lading 1885*). Упоминание о ней встречаются в практике тех лет⁶. В частности, относительно широкого распространение получило положение об ограничении ответственности судовладельца при небрежности экипажа в том виде, в каком оно было сформулировано в Ливерпуле.

В 1893 году был принят Акт Хартера. США таким образом стали первой страной, принявшей закон, основанный на тех идеях и чертах, которыми регулируется значительная часть морских грузоперевозок в настоящее время.

Акт Хартера запрещал устанавливать положения, освобождающие перевозчика от ответственности за потери или убытки, возникшие в результате небрежности или вины перевозчика при погрузке, размещении в трюме, ненадлежащей передачи (*misdelivery*) и неосуществлении должной заботы о грузе. Данные положения не относились к перевозке животных.

Запрещалось освобождение перевозчика от обязанности привести судно в мореходное состояние, должным образом укомплектованное экипажем и всем необходимым для осуществления рейса. К традиционным случаям исключения ответственности перевозчика добавлялись действия по спасанию и навигационная ошибка.

Консомент признавался *prima facie* доказательством того, в каком состоянии, количестве, качестве и в какой упаковке – поврежденной или целой – груз поступил на борт. Однако это не относилось к перевозке животных.

За включение запрещенных актом Хартера положений в коносамент или чартер устанавливалось наказание в размере до 2000 долларов. При неуплате штрафа на судно мог налагаться арест. Половина суммы штрафа направлялась в доход государства, а другая половина – истцу в качестве компенсации. Штраф налагался по иску отправителя или получателя в любой окружной суд США, под юрисдикцию которого попадало судно. Действие акта Хартера распространялось на все случаи перевозки в порты США или из портов США⁷.

В деле *Compania de Navigacion La Flecha v. Brauer* судно, перевозившее скот на палубе попало в плохие погодные условия. Команда выбросила за борт несколько десятков домашних животных. Позже выяснилось, что гибель скота стала результатом небрежности команды, а не только последствием штормовой погоды. Перевозчик пытался сослаться на оговорку об ограничении ответственности из коносамента, а также на оговорку о применении английского права. Действительно, английский суд мог признать такие оговорки действительными, но суд США признал их противоречащими публичному порядку, даже несмотря на то, что акт Хартера не действовал во время осуществления перевозки, из-за которой возник спор⁸.

¹ Bools M.D. *The Bill of Lading: A Document of Title to Goods. An Anglo-American Comparison*. London: Lloyd's of London Press, 1997. 7 p.

² Giermann H.A. *The Evidentiary Value of Bills of Lading and Estoppel*. Münster: LIT Verlag, 2004. 180 p.

³ Robertson D.W. *Admiralty and Federalism in the United States: The Harter Act and the Hague Rules* // *Journal of Maritime Law and Commerce*. 1990. Vol. 21. P. 1–32.

⁴ Imperial Shipping Committee. *Report of the Imperial Shipping Committee on the Limitation of Shipowners' Liability by Clauses in Bills of Lading and on Certain Other Matters Relating to Bills of Lading*, presented to Parliament by Command of His Majesty. London: His Majesty's Stationery Office, 1921. 38 p.

⁵ Bishop W.R. From a Paper by W.R. Bishop, one of the Hon. General Secretaries // *Report of the Twenty-Second Conference of the International Law Association, held at Liverpool, 1882*. London: William Clowes and Sons, 1883. P. 38–45.

⁶ Hick v. Rodocanachi and Others. Judgment of the Court of Appeal of 30 July 1891. Before Lord Esher M.R., Lopes L.J., Kay L.J. ([1891] 2 Q.B. 626).

⁷ An Act relating to Navigation of Vessels, Bills of Lading, and to certain Obligations, Duties, and Rights in connection with the Carriage of Property: Act of Feb. 13, 1893 (Harter Act) // *United States Statutes at Large*. 1893. Vol. 27. Ch. 105. P. 445–448.

⁸ *Compania de Navigacion La Flecha v. Brauer*. Judgment of the Supreme Court of the United States of 1 March 1897. (168 U.S. 104).

Хотя более старое дело *Peek v. North Staffordshire Railway Co.*, относится не к морским перевозкам, оно тем не менее показательное. В частности, судья Стивенс в своем особом мнении, выраженном по делу о судне «*Sky Reefer*», приводит данный прецедент в качестве иллюстрации того, что английские суды во второй половине XIX века признавали действительной почти любую оговорку об освобождении перевозчика от ответственности при условии, что она была прямо и недвусмысленно выражена в коносаменте¹. В деле *Liverpool & Great Western Steam Co. v. Phenix Insurance Co.* были ярко отражены политико-правовые мотивы, бытовавшие в преддверии принятия акта Хартера, и по существу легшие в его основу². Коносамент предусматривал освобождение судовладельца от ответственности в случае, если убыток причинен морской опасностью, даже если к этому привела небрежность капитана и команды. Суд постановил, что перевозчик не может ссылаться на морскую опасность, если доказано, что убыток в то же время связан с небрежностью экипажа.

С принятием акта Хартера суды стали ссылаться на него для обоснования решений. Один из важнейших прецедентов по вопросу об ответственности перевозчика — это *Knott v. Botany Worsted Mills*³. Тогда судно «Португальский принц» перевозило шерсть в одном трюме с сырым сахаром. В результате шерсть была испорчена. Коносамент содержал оговорку об исключении ответственности, которые суд не признал, ссылаясь на акт Хартера. Судовладелец утверждал, что к договору перевозки должно применяться английское право, поскольку так указано в коносаменте. Однако американский суд признал такую оговорку тоже недействительной.

Кроме того, это дело служит иллюстрацией попытки судовладельца избежать ответственности за ненадлежащее обращение с грузом (или ненадлежащее его хранение в трюме), ссылаясь на навигационную ошибку. Судовладелец пытался представить порчу шерсти как результат навигационной ошибки, поскольку шерсть была испорчена из-за крена судна — поскольку именно это стало причиной того, что вода, стекавшая с сырого сахара, начала поступать в ту часть трюма, где находилась шерсть, и намочила ее. Суд отклонил данный аргумент, объяснив это тем, что стоит различать ошибки в управлении судном и небрежность при погрузке и обращении с грузом.

Около десяти лет спустя после принятия акта Хартера некоторые другие государства, не обладавшие значительным коммерческим флотом, но активно участвовавшие в международной торговле, последовали примеру США и приняли аналогичные законы⁴. Так, Новая Зеландия приняла акт «О морских перевозках и морях» (*Shipping and Seamen Act*) 1903 года. Австралия в 1904 году приняла акт «О морской перевозке грузов» (*Sea-Carriage of Goods Act*). В данном акте содержались положения, запрещавшие выбор применимого права с целью избежать действия австралийского законодательства. Также по нему признавались недействительными оговорки о подсудности и арбитражные оговорки, если они исключали или сужали юрисдикцию австралийских правоприменителей⁵. В 1910 году был принят Канадский закон о водной перевозке грузов (*Canadian Water Carriage of Goods Act*)⁶.

Международный морской комитет (*Comité Maritime International*) также начал работу по подготовке общего регулирования морских перевозок, и в 1913 году провел конференцию в Копенгагене, посвященную этому вопросу⁷. В тот период в Англии, суды и парламент которой до этого стояли на страже интересов судовладельцев, политика-правовая позиция стала смещаться в сторону ограничения диспозитивности договора перевозки и чартера. На такое изменение политики повлиял запрет представителей доминионов, направленный на защиту грузоотправителей и грузополучателей. В докладе Королевской комиссии доминионов (*Dominions Royal Commission*) 1917 рекомендуется принять единое законодательство, ограничивающее возможность су-

довладельцев снижать ответственность⁸. Так, начали формироваться предпосылки заключения международного договора, который гармонизировал бы подход к ответственности перевозчика.

Позже Имперский комитет по морской торговле (*Imperial Shipping Committee*) — орган, чьей задачей была выработка рекомендаций по улучшению и развитию морских путей — официально заявил, что следует достичь единообразия в регулировании морских перевозок по законам государств, входящих в Британское Содружество Наций⁹. Также в 1921 году состоялись четыре конференции, на которых была проделана существенная часть работы по переносу идей, заложенных в акте Хартера, в текст будущей конвенции.

В мае на конференции Ассоциации международного права в Лондоне участники поделились на два лагеря с разными мнениями: судовладельцы во главе с сэром Норманом Хиллом и представители грузовых интересов (в том числе банкиры и страховщики) во главе с мистером Джеймсом Макконеки (*J. McConechy*). Тогда председатель конференции — судья Высокого суда Англии и Уэльса сэр Генри Дюк (*Hon. Sir Henry Duke*) — сформулировал 3 вопроса, по которым 2 лагеря участников должны были прийти к согласию. Во-первых, должна ли свобода договора (прежде всего для судовладельца) быть абсолютной или должна быть ограничена законодательно? Во-вторых, следует ли законодательно урегулировать статус коносаментов — в частности обязать выдавать коносаменты только с отметкой о погрузке (*shipped bills of lading*)?¹⁰ В-третьих, можно ли дать судовладельцу право исключать частично ответственность за потерю или повреждение груза по договору?

По первому вопросу сэр Хилл настаивал на сохранении свободы договора. Макконеки заявил, что грузовладельцы не возражают против возможности дополнительного освобождения перевозчика от ответственности при навигационной ошибке, дефектов упаковки и при судебном аресте судна, однако во всех иных случаях перевозчику должно быть отказано в исключении ответственности. Большинство участников было едино во мнении, что регулирование ответственности перевозчика должно так или иначе быть унифицировано.

По второму вопросу Хилл предостерегал от законодательного регулирования коносамента, аргументируя свое мнение судебной практикой. В деле *Ship "Marlborough Hill" v. Alex. Cowan and Sons Ltd.* суд постановил, что коносамент без отметки о погрузке может иметь ценность как товарораспорядительный документ, поскольку иногда нет разумной возможности одновременно погрузить товар и выдать коносамент¹¹.

Представители банков ссылались на дело *Diamond Alkali v. Bourgeois*, в котором было признано, что банк не обязан осуществлять платеж по аккредитиву против коносамента без отметки о погрузке¹². А также на дело *Bowes v. Shand*, где суды признавали дату погрузки существенным сведением, представляющим собой описание товара, и выносили решения в пользу банков, которые отказывались принимать коносаменты без отметки о погрузке. Причина заключалась в том, что ввиду незнания банков о том, погружен товар или нет, коносамент во многом терял свою обеспечительную функцию. Хилл парировал тезисом о том, что такая судебная практика в пользу банков и потенциальный запрет коносаментов без пометки о погрузке впоследствии вынудят судовладельцев вписывать в коносаменты даты погрузки, не соответствующие действительности, в результате чего банки окажутся в еще более незащищенном положении. Было решено, что запрещать коносаменты без отметки и погрузке не стоит. Однако стоит отметить, что позже в банковской практике был выработан фактический запрет на платежи против коносамента без отметки о погрузке, что отражено в наше время в Унифицированных правилах и обычаях для документарных аккредитивов (UCP-600).

⁸ Wallace M.J. Instruments of International Commercial Harmonisation in England and Wales: How "International" is International Commercial Law? PhD thesis. Norwich: University of East Anglia, 2013. 333 p.

⁹ Sturley M.F. The Legislative History of the Carriage of Goods by Sea Act and the Travaux Préparatoires of the Hague Rules. Vol. II. Littleton, Colorado: Fred B. Rothman & Co., 1990. P. 127.

¹⁰ Коносаменты можно подразделить на те, в которых содержится отметка о фактической погрузке (*shipped*) и на те, которые выданы перевозчиком до погрузки на судно (*received for shipment*). На практике разница между ними заключается в том, что Банки, руководствуясь UCP-600 (ранее UCP-500 и UCP-400), как правило, осуществляют перевод средств по аккредитиву только против коносамента с отметкой о погрузке (*shipped*).

¹¹ Owners of the Ship "Marlborough Hill" v. Alex Cowan & Sons Ltd. and Others. Judgment of the Judicial Committee of the Privy Council of 16 December 1920. Before Lord Birkenhead L.C., Lord Dunedin, Lord Atkinson, Lord Sumner and Lord Parmoor. ([1921] A.C. 444).

¹² Diamond Alkali Export Corporation v. F.L. Bourgeois. Judgment of the King's Bench Division of 21 June 1921. Before McCardie J. ([1921] 3 K.B. 443).

¹ Peek v. North Staffordshire Railway Co. Judgment of the House of Lords of 8 June 1863. Before Lord Westbury L.C. (10 H.L. Cas. 473; 11 E.R. 1109).

² Liverpool & Great Western Steam Co. v. Phenix Insurance Co. Judgment of the Supreme Court of the United States of 2 December 1889. (129 U.S. 397).

³ Knott v. Botany Worsted Mills. Judgment of the Supreme Court of the United States of 3 December 1900. (179 U.S. 69).

⁴ Abid A., Khalid Y. Rule of Prescription Under Article III, Rule 6 of Hague/Hague-Visby Rules: When Does the Clock of Limitation Start Ticking? // The Open Transportation Journal. 22 April 2020. Vol. 14. P. 38–52.

⁵ Sea-Carriage of Goods Act 1910 (Commonwealth of Australia), No. 14 of 1910, assented to 16 December 1910 // Acts of the Parliament of the Commonwealth of Australia. 1910. Vol. II. P. 89–96.

⁶ Water Carriage of Goods Act, 1910 (Canada), 9–10 Edward VII, c. 61, assented to 4 May 1910 // Statutes of Canada. 1910. Vol. II. P. 354–360.

⁷ Franck A. CMI Bulletin No. 47 on the 1921 Antwerp Conference // Comité Maritime International Bulletin. 1921. No. 47. P. 1–14.

По третьему вопросу было принято следующее решение. Во всех случаях, когда выдается коносамент, ответственность перевозчика должна быть установлена императивно и у него не должно быть возможности уменьшить или исключить ее. В противном случае едва ли можно было бы добиться международной унификации режима морских перевозок. Этот вопрос не вызвал существенных разногласий. Однако дискуссия о целесообразности запрета на снижение или исключении ответственности при перевозках без коносамента была отложена на будущее¹.

Помимо того, на майской конференции в Лондоне, было решено, что при разработке модельных правил стоит опираться на Канадский закон о водной перевозке грузов 1910 года. Этот закон представлял собой усовершенствованную версию акта Хартера, отличавшуюся от последнего, например, таким нововведением, как строго установленные минимальные лимиты ответственности перевозчика, выраженные в денежном эквиваленте, что обеспечивало лучшую защиту интересов грузоотправителей².

В сентябре Ассоциация международного права вновь провела конференцию – в Гааге. По достижении компромисса между представителями страховщиков груза, банков и отправителей с одной стороны, и представителей судовладельцев с другой, был одобрен текст «Гаагских правил». Вместе с тем, данный документ все еще представлял собой модельные оговорки, которые могли быть инкорпорированы в коносамент по желанию сторон. Таким образом, на тот момент Гаагские правила не носили императивный характер, что было положительно оценено судовладельцами. Судовладельцы исходили, что они неизбежно лишатся возможности свободно исключать свою ответственность, поэтому модельное регулирование на частном уровне виделось им намного менее обременительным вариантом, чем регулирование, установленное государствами на международном уровне³.

Идея о всеобщем регулировании получала все большую поддержку. Всемирная конференция по судоходству (The World Shipping Conference), состоявшаяся в ноябре 1921 года, рекомендовала Гаагские правила в качестве модельных положений, и отметила, что они могли бы лечь в основу международной конвенции⁴. Следуя рекомендации Имперской военной конференции 1918 года, английские парламентарии пришли к выводу о необходимости принять закон, аналогичный акту Хартера. Была организована встреча с участием сэра Хилла и мистера Эндрю М. Джексоном – советника Федерации торговых ассоциаций (Federation of Traders' Associations). Цель заключалась в обсуждении Гаагских правил, принятых Ассоциацией международного права в сентябре 1921 года, в Гааге, и в достижении компромисса между судовладельцами и представителями грузовых интересов. Хиллу удалось окончательно настоять на том, чтобы будущий закон распространялся только на случаи, в которых выдан коносамент – то есть императивные нормы не действовали бы на права по чартеру, в котором коносамент не используется. Джексон добился императивного закрепления однозначных моментов начала и конца действия будущего регулирования – то есть с погрузки и до выгрузки, лишив тем самым судовладельцев возможности самостоятельно определять срок между возникновением и прекращением обязательств последних⁵.

В 1923 году особая подкомиссия дипломатической конференции в Брюсселе также внесла некоторые правки. Так были добавлены статьи 11–16, необходимые для подписания и ратификации⁶. В начале августа 1924 года в Британской империи был принят законодательный акт «О морской перевозке грузов» (Carriage of Goods by Sea Act), воспроизводивший текст Гаагских правил. Наконец, 25 августа 1924 года в Брюсселе Гаагские правила были открыты для подписания в качестве международной конвенции. Вскоре Австралия, Индия, Бельгия и некоторые другие государства приняли внутренние акты, имплементирующие

Гаагские правила. При этом большинство развитых юрисдикций поначалу не спешили следовать примеру Британской империи⁷.

Конгрессу США потребовалось определенное время для установления единой позиции по имплементации Гаагских правил. Великая депрессия так же не способствовала ускорению законодательного процесса. Но в 1936 году был принят акт США «О морской перевозке грузов»⁸. От акта Хартера новый акт отличался укороченным периодом ответственности судовладельца, охватывал перевозки только по коносаменту. Были введены лимит ответственности перевозчика и годичный срок исковой давности к нему. Также был конкретизирован перечень обстоятельств исключения ответственности. В настоящее время действие акта Хартера распространяется на периоды от передачи перевозчику до погрузки и после погрузки до передачи получателю⁹.

После того как Гаагские правила были имплементированы двумя ведущими экономиками того времени, другие развитые государства стали вслед за ними менять свое законодательство. В результате в 1938 году большая часть стран, обладавшая коммерческим флотом, приняла Гаагские правила.

Так, Гаагские правила сформировались в результате поэтапной интеграции правовых решений, выработанных национальными актами, судебной и коммерческой практикой. Принцип ограничения ответственности судовладельца восходит к континентальным морским обычаям, воспринятым английским правом. Английская судебная практика привела к смещению баланса интересов в пользу судовладельцев. Реакцией на данную тенденцию стало регулирование США – акт Хартера, закрепивший императивный характер ответственности перевозчика. Включение в международную модель количественных лимитов ответственности отражает влияние канадского законодательства 1910 года, а закрепление базовых обязанностей перевозчика – результат институционализации положений, сформировавшихся в коммерческой практике и проформах коносаментов.

Наряду с этим проформы коносаментов конца XIX – начала XX века сыграли важную роль в формировании содержания трёх базовых обязанностей перевозчика: приведения судна в мореходное состояние, надлежащей заботы о грузе и его доставке в согласованный пункт назначения. Именно эти элементы, первоначально закреплённые в коммерческой практике, впоследствии были институционализированы в международном акте.

Литература

1. Tetley W. Maritime Liens and Claims. Montreal: Les Éditions Yvon Blais, 1998. 1522 p.
2. Burts G. Resolved: Is 46 U.S.C. § 30501(a) a Jurisdictional Statute of Limitations or a Mandatory Claims Processing Rule? // *Loyola Maritime Law Journal*. 2022. Vol. 21. Special Edition. P. 1–16.
3. Bools M.D. The Bill of Lading: A Document of Title to Goods. An Anglo-American Comparison. London: Lloyd's of London Press, 1997. 275 p.
4. Giermann H.A. The Evidentiary Value of Bills of Lading and Estoppel. Münster: LIT Verlag, 2004. 180 p.
5. Robertson D.W. Admiralty and Federalism in the United States: The Harter Act and the Hague Rules // *Journal of Maritime Law and Commerce*. 1990. Vol. 21. P. 1–32.
6. Bishop W.R. From a Paper by W.R. Bishop, one of the Hon. General Secretaries // Report of the Twenty-Second Conference of the International Law Association, held at Liverpool, 1882. London: William Clowes and Sons, 1883. P. 38–45.
7. Abid A., Khalid Y. Rule of Prescription Under Article III, Rule 6 of Hague/Hague-Visby Rules: When Does the Clock of Limitation Start Ticking? // *The Open Transportation Journal*. 22 April 2020. Vol. 14. P. 38–52.
8. Franck A. CMI Bulletin No. 47 on the 1921 Antwerp Conference // *Comité Maritime International Bulletin*. 1921. No. 47. P. 1–14.
9. Wallace M.J. Instruments of International Commercial Harmonisation in England and Wales: How “International” is International Commercial Law? PhD thesis. Norwich: University of East Anglia, 2013. 333 p.

¹ Berlingieri F. (ed.). The Travaux Préparatoires of the Hague Rules and of the Hague-Visby Rules. Antwerp: Comité Maritime International, 1997. 676 p.

² Imperial Shipping Committee. Report of the Imperial Shipping Committee on the Limitation of Shipowners' Liability by Clauses in Bills of Lading and on Certain Other Matters Relating to Bills of Lading, presented to Parliament by Command of His Majesty. London: His Majesty's Stationery Office, 25 February 1921. 38 p.

³ Sturley M.F. The 2024 Berlingieri Lecture: The Hague Rules at 100 // *Comité Maritime International Yearbook* 2024. Antwerp: Comité Maritime International, 2024. P. 1–24.

⁴ International Chamber of Shipping. International Chamber of Shipping: 75th Anniversary Book 1921–1996. London: International Chamber of Shipping, 1996. 160 p.

⁵ Rochester V. Requiem for Nautical Fault: A Historical and Multi-jurisdictional Study of the Exemption for Errors Relating to Navigation and Management of the Vessel in Modern Carriage Law. PhD thesis. Cape Town: University of Cape Town, 2008. 343 p.

⁶ Diplomatic Conference on Maritime Law. Protocol of Proceedings. Meetings of the Sous-Commission. First Plenary Session of 6 October 1923. Brussels, 1923. 12 p.

⁷ Sturley M.F. Carriage of Goods by Sea // *Journal of Maritime Law & Commerce*. 2000. Vol. 31. No. 2. P. 169–205.

⁸ Carriage of Goods by Sea Act: Act of Apr. 16, 1936, ch. 229, 49 Stat. 1207 (reprinted in 46 U.S.C. § 30701 note) // *United States Statutes at Large*. 1936. Vol. 49. P. 1207–1213.

⁹ United States COGSA and the Harter Act: Where Do We Currently and Contractually Stand? [Электронный ресурс] // UK P&I Club. 2021. Режим доступа URL: https://www.ukpandi.com/news-and-resources/news/article/articles/2021/us-cogsa-and-the-harter-act-where-do-we-currently-and-contractually-stand/ (дата обращения: 24.11.2025).

10. Sturley M.F. The Legislative History of the Carriage of Goods by Sea Act and the Travaux Préparatoires of the Hague Rules. Vol. II. Littleton, Colorado: Fred B. Rothman & Co., 1990. P. 127.

11. Berlingieri F. (ed.). The Travaux Préparatoires of the Hague Rules and of the Hague-Visby Rules. Antwerp: Comité Maritime International, 1997. 676 p.

12. Sturley M.F. The 2024 Berlingieri Lecture: The Hague Rules at 100 // Comité Maritime International Yearbook 2024. Antwerp: Comité Maritime International, 2024. P. 1–24.

13. International Chamber of Shipping. International Chamber of Shipping: 75th Anniversary Book 1921–1996. London: International Chamber of Shipping, 1996. 160 p.

14. Rochester V. Requiem for Nautical Fault: A Historical and Multi-jurisdictional Study of the Exemption for Errors Relating to Navigation and Management of the Vessel in Modern Carriage Law. PhD thesis. Cape Town: University of Cape Town, 2008. 343 p.

15. Sturley M.F. Carriage of Goods by Sea // Journal of Maritime Law & Commerce. 2000. Vol. 31. No. 2. P. 169–205.

16. United States COGSA and the Harter Act: Where Do We Currently and Contractually Stand? [Электронный ресурс] // UK P&I Club. 2021. Режим доступа URL: [<https://www.ukpandi.com/news-and-resources/news/article/articles/2021/us-cogsa-and-the-harter-act-where-do-we-currently-and-contractually-stand/>] (<https://www.ukpandi.com/news-and-resources/news/article/articles/2021/us-cogsa-and-the-harter-act-where-do-we-currently-and-contractually-stand/>) (дата обращения: 24.11.2025).

THE DEVELOPMENT OF AN INTERNATIONAL MARITIME CARRIER LIABILITY REGIME: FROM NATIONAL MODELS TO THE HAGUE RULES

Nadein I.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article provides an analysis of the formation of the Hague Rules and the development of the international regime governing the liability of sea carriers. It examines eighteenth-century English statutes, United States and Canadian legislation, nineteenth- and early twentieth-century judicial practice in England and the United States, as well as the materials of international conferences and the activities of organizations involved in the unification of maritime law. The study identifies and compares the key elements later incorporated into the structure of the Hague Rules: limitation of shipowners' liability, the mandatory nature of core carrier obligations, quantitative limits of liability, and the institutionalization of fundamental standards of carrier conduct developed in commercial practice and bill of lading forms. The author substantiates the conclusion that the Hague Rules constitute a le-

gal synthesis of national regulatory models rather than an autonomous normative innovation. Establishing the gradual character of their formation makes it possible to clarify the nature of international unification in the field of carriage of goods by sea and to reveal the balance of interests between shipowners and cargo owners as a system-forming principle of the Hague regime.

Keywords: Hague Rules, carriage of goods by sea, bill of lading, limitation of liability, shipowner, Harter Act, unification of maritime law, international maritime law, liability limits.

References

1. Abid, A. & Khalid, Y. (2020) Rule of prescription under Article III, Rule 6 of Hague/Hague-Visby Rules: When does the clock of limitation start ticking? The Open Transportation Journal. 14, 38–52.

2. Berlingieri, F. (ed.) (1997) The Travaux Préparatoires of the Hague Rules and of the Hague-Visby Rules. Antwerp, Comité Maritime International.

3. Bishop, W.R. (1883) From a paper by W.R. Bishop, one of the Hon. General Secretaries. In: Report of the Twenty-Second Conference of the International Law Association, held at Liverpool, 1882. London, William Clowes and Sons, pp. 38–45.

4. Bools, M.D. (1997) The Bill of Lading: A Document of Title to Goods. An Anglo-American Comparison. London, Lloyd's of London Press.

5. Burts, G. (2022) Resolved: Is 46 U.S.C. § 30501(a) a jurisdictional statute of limitations or a mandatory claims processing rule? Loyola Maritime Law Journal. 21 (Special Edition), 1–16.

6. Franck, A. (1921) CMI Bulletin No. 47 on the 1921 Antwerp Conference. Comité Maritime International Bulletin. (47), 1–14.

7. Giermann, H.A. (2004) The Evidentiary Value of Bills of Lading and Estoppel. Münster, LIT Verlag.

8. International Chamber of Shipping (1996) International Chamber of Shipping: 75th Anniversary Book 1921–1996. London, International Chamber of Shipping.

9. Robertson, D.W. (1990) Admiralty and federalism in the United States: The Harter Act and the Hague Rules. Journal of Maritime Law and Commerce. 21, 1–32.

10. Rochester, V. (2008) Requiem for Nautical Fault: A Historical and Multi-jurisdictional Study of the Exemption for Errors Relating to Navigation and Management of the Vessel in Modern Carriage Law. PhD thesis. Cape Town, University of Cape Town.

11. Sturley, M.F. (1990) The Legislative History of the Carriage of Goods by Sea Act and the Travaux Préparatoires of the Hague Rules. Vol. II. Littleton, Colorado, Fred B. Rothman & Co.

12. Sturley, M.F. (2000) Carriage of goods by sea. Journal of Maritime Law & Commerce. 31 (2), 169–205.

13. Sturley, M.F. (2024) The 2024 Berlingieri Lecture: The Hague Rules at 100. Comité Maritime International Yearbook 2024. Antwerp, Comité Maritime International, pp. 1–24.

14. Tetley, W. (1998) Maritime Liens and Claims. Montreal, Les Éditions Yvon Blais.

15. UK P&I Club (2021) United States COGSA and the Harter Act: Where do we currently and contractually stand? Available from: <https://www.ukpandi.com/news-and-resources/news/article/articles/2021/us-cogsa-and-the-harter-act-where-do-we-currently-and-contractually-stand/> [Accessed 24 November 2025].

16. Wallace, M.J. (2013) Instruments of International Commercial Harmonisation in England and Wales: How “International” is International Commercial Law? PhD thesis. Norwich, University of East Anglia.

Проблема квалификации явно обременительного условия договора, заключенного между субъектами предпринимательской деятельности

Ованесов Борис Карэнович,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; адвокат практики «Разрешение споров» Санкт-Петербургской коллегии адвокатов Pen&Paper
E-mail: boris28.ova@gmail.com

В статье исследуется проблема квалификации явно обременительного характера условия договора, заключенного между субъектами предпринимательской деятельности. Рассматривается соотношение содержательных характеристик спорного условия и обстоятельств его согласования, определяется значение диспозитивного регулирования, обычного распределения прав и рисков, разумно понимаемых интересов стороны, встречного предоставления и коммерческого основания установленного договором обременения. На основе анализа положений статьи 428 ГК РФ, судебных актов и цивилистической литературы предложена последовательность оценки спорного условия. Обоснован вывод о том, что явно обременительный характер договорного условия представляет собой самостоятельный материально-правовой признак. Для его установления суду следует подтвердить формальную допустимость условия, очевидное и существенное ухудшение имущественного положения стороны, а также отсутствие сопоставимого встречного преимущества либо иной разумной коммерческой причины. При применении пункта 3 статьи 428 ГК РФ суду надлежит также установить подготовку спорного условия одним контрагентом, существенное затруднение согласования иной редакции и причинную связь между ограничением переговорных возможностей стороны и включением условия в договор.

Ключевые слова: явно обременительное условие договора; предпринимательский договор; договор присоединения; свобода договора.

Введение

Актуальность исследования обусловлена широким применением стандартных условий договоров, проведением закупочных процедур, а также заключением договоров на цифровых платформах путем присоединения предпринимателя к заранее сформулированному тексту. При использовании указанных способов заключения договора один из контрагентов фактически определяет распределение прав, обязанностей и предпринимательских рисков. Разрешая споры об изменении или расторжении договора в связи с включением в него явно обременительного условия, суд должен, с одной стороны, обеспечивать устойчивость договорных связей, а с другой стороны, пресекать использование свободы договора для возложения на одного из контрагентов явно несоразмерного имущественного бремени. Поскольку гражданское законодательство предусматривает определение явно обременительного характера условия договора с учетом оценочных характеристик, результат квалификации зависит от установленных судом обстоятельств и придаваемого им юридического значения.

Согласно пункту 2 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее — ГК РФ) [1] присоединившаяся сторона вправе требовать изменения либо расторжения договора, если договор лишает ее прав, обычно предоставляемых по договорам соответствующего вида, исключает либо ограничивает ответственность другого контрагента или содержит иное явно обременительное условие, которое сторона отклонила бы при возможности участвовать в его определении. Согласно пункту 3 статьи 428 ГК РФ указанные правила применяются к иному договору, условия которого определил один контрагент, когда явное неравенство переговорных возможностей существенно затруднило другой стороне согласование иной редакции отдельных положений. Согласно пунктам 9 и 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» [2, с. 85–91] при рассмотрении требования об изменении или расторжении договора в связи с включением в него явно обременительного условия суду следует учитывать содержание договора в целом, степень нарушения баланса интересов сторон, фактическое соотношение их переговорных возможностей, уровень профессионализма каждого контрагента, состояние конкуренции на соответствующем рынке и наличие у заявителя реальной возможности заключить аналогичный договор с третьим лицом на иных условиях.

В современной цивилистической литературе представлены различные подходы по поводу того, какие обстоятельства следует учитывать при квалификации явно обременительного условия: содержание договорного положения, порядок его согласования либо совокупность указанных обстоятельств. Основной вопрос исследования состоит в установлении самостоятельного юридического значения каждого из этих обстоятельств. Так, С.К. Соломин связывает явное неравенство переговорных возможностей с ограничением способности стороны повлиять на содержание конкретного условия договора; различия в экономическом положении контрагентов рассматриваются им в качестве вспомогательного обстоятельства [12, с. 46–51]. Н.Е. Сосипатрова предлагает разграничивать формальный критерий, характеризующий возможность стороны участвовать в определении содержания договора, и материальный критерий, выражающий существенный дисбаланс прав и обязанностей [13, с. 109–116]. И.З. Аюшеева придерживается сходного подхода и выделяет обстоятельства согласования договора наряду с показателями имущественного обременения [9, с. 164–171]. Представляется, что последовательное разграничение указанных обстоятельств позволяет отличить явно обременительное условие от договорного условия, предусматривающего неблагоприятную цену, а также от имущественных последствий ошибочного расчета доходности и наступления иных обычных предпринимательских рисков.

Цель исследования состоит в выработке порядка квалификации явно обременительного характера условия договора между предпринимателями. Для достижения цели требуется определить место явной обременительности в составе условий применения статьи 428 ГК РФ, установить исходную меру сравнения и степень допустимого отклонения от обычного распределения прав и рисков, раскрыть значение

обстоятельств согласования, разграничить смежные основания судебного вмешательства и распределить предмет доказывания между сторонами. Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что явно обременительный характер условия договора представляет собой самостоятельный материально-правовой признак, тогда как явное неравенство переговорных возможностей и существенное затруднение согласования иной редакции спорного условия характеризуют обстоятельства его включения в договор. Для квалификации условия договора как явно обременительного суду следует в совокупности оценить формальную допустимость условия договора, объем возложенного на сторону имущественного бремени, соотношение встречных предложений, наличие разумного коммерческого основания для соответствующего распределения прав, обязанностей и рисков, а также реальную возможность стороны повлиять на содержание спорного условия договора.

Результаты исследования

Правила статьи 428 ГК РФ предусматривают защиту стороны, которая приняла условия, заранее определенные контрагентом, и вследствие ограниченной возможности участвовать в их согласовании оказалась связана явно обременительным договорным положением. При разрешении спора об изменении или расторжении договора по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 428 ГК РФ, суду следует исследовать две группы обстоятельств. К первой относятся обстоятельства, характеризующие содержание спорного условия: лишение стороны прав, обычно предоставляемых по договорам соответствующего вида, ограничение ответственности контрагента, возложение несоразмерного риска и установление платежа при отсутствии самостоятельного встречного предоставления. Ко второй относятся обстоятельства заключения договора и согласования спорного условия: подготовка проекта одним контрагентом, фактическая возможность другой стороны участвовать в обсуждении предложенной редакции, содержание заявленных возражений и предложенных поправок, а также влияние закупочной процедуры, доступа к необходимой инфраструктуре либо условий использования цифровой платформы на возможность согласовать иное содержание договора. При заключении договора присоединения сторона принимает предложенные условия в целом и лишена возможности участвовать в определении содержания отдельных положений. При рассмотрении иного договора суд в соответствии с пунктом 3 статьи 428 ГК РФ устанавливает явное неравенство переговорных возможностей и выясняет, существенно ли оно затруднило согласование иной редакции конкретного условия.

Предварительным условием квалификации положения договора как явно обременительного служит то, что он *формально соответствует закону и иным правовым актам*. Если содержание данного положения противоречит императивному предписанию, суд разрешает спор на основании статей 168 и 422 ГК РФ, регулирующих последствия совершения сделки с нарушением требований закона и обязанность сторон соблюдать императивные нормы, действующие в момент заключения договора. При применении статьи 428 ГК РФ суд оценивает допустимое законом распределение прав, обязанностей и рисков, которое существенно ущемляет разумно понимаемые интересы одной из сторон. Подготовка проекта договора одним контрагентом подтверждает происхождение спорного условия, а значительный объем возложенного на другую сторону имущественного бремени характеризует последствия его применения. Для применения пункта 3 статьи 428 ГК РФ суду следует установить, что явное неравенство переговорных возможностей существенно затруднило согласование иной редакции и обусловило включение явно обременительного условия в договор.

Указанная последовательность оценки получила отражение в постановлении Президиума ВАС РФ от 15 июля 2014 г. № 5467/14 по делу № А53–10062/2013 [3]. Государственный контракт предусматривал начисление пени исходя из полной цены работ, хотя просрочка затрагивала только отдельную часть исполнения. Разрешая дело, Президиум ВАС РФ учел, что заказчик мог начислить пени также на стоимость работ, выполненных надлежащим образом, и вследствие этого получить необоснованное имущественное преимущество. Суд также установил, что порядок проведения закупки существенно затруднял изменение заранее подготовленного проекта контракта. С учетом имущественных последствий применения спорного положения суд признал его явно обременительным, а исходя из условий закупочной процедуры установил существенное ограничение возможности исполнителя повлиять на содержание договора. Тем самым суд связал явно обременительный характер условия с возложенным на исполнителя имущественным бременем, а применение пункта 3 статьи 428 ГК РФ – с ограничением возможности согласовать иную редакцию данного условия. Осведомленность участника закупки о содержании документации подтвержда-

ла факт ознакомления с проектом, тогда как вывод об участии в согласовании требовал установления реальной возможности предложить и согласовать иной текст спорного положения.

После выяснения содержания спорного условия и порядка его согласования суд определяет ориентир для *оценки возложенного на сторону бремени*. В качестве такого ориентира выступают права и обязанности, обычно предоставляемые сторонам по договорам соответствующего вида, и характерное для них распределение рисков, а также назначение заключенного договора, обычаи соответствующей сферы деятельности, имущественный результат, на который сторона вправе рассчитывать при обычном исполнении обязательства. Суд может использовать диспозитивную норму в качестве первоначального и опровержимого ориентира, поскольку предприниматели вправе согласовать иное распределение расходов и рисков с учетом цены, срока действия договора. М. Леманн и Й. Унгерер, исследуя судебный контроль стандартных условий предпринимательских договоров по германскому праву, указывают на опасность придания диспозитивным нормам значения обязательного образца договорного регулирования [15, 330–334]. По мнению авторов, при оценке справедливости спорного условия суду следует учитывать торговые обычаи, согласованную цену, страхование соответствующего риска и профессиональную специализацию контрагентов. Данный вывод представляет интерес для толкования статьи 428 ГК РФ, поскольку позволяет использовать диспозитивное регулирование в качестве исходного ориентира и одновременно учитывать экономические особенности конкретного договора.

Представляется, что каждый из указанных выше ориентиров имеет относительное значение и подлежит оценке во взаимосвязи с остальными обстоятельствами договора. Существенное отступление от диспозитивного правила может получить разумное коммерческое объяснение, если другая сторона предоставляет ценовую уступку, принимает на себя повышенный риск, расширяет объем собственного предоставления либо обеспечивает страховую защиту. Вместе с тем даже ограниченное по объему отклонение способно существенно ущемить интересы контрагента, если вследствие его применения сторона утрачивает имущественный результат, ради которого заключался договор. Думается, при оценке условия о цене суду следует выяснять, получает ли плательщик самостоятельное имущественное благо, какие расходы несет получатель платежа и соответствует ли размер платы объему принятого им риска.

При определении разумно понимаемых интересов стороны следует исходить из положения осмотрительного предпринимателя, осуществляющего деятельность в соответствующей сфере. Суду надлежит учитывать вид договора, характер деятельности стороны, хозяйственную цель сделки, раскрытую контрагенту до заключения договора, а также имущественный результат, на который сторона вправе рассчитывать при обычном исполнении обязательства. Представляется, что внутренние расчеты и ожидания стороны, оставшиеся за пределами сообщенной контрагенту информации, обладают лишь ограниченным значением для квалификации спорного условия. Оценивать его содержание следует по состоянию на момент заключения договора, поскольку именно в этот момент стороны распределяют будущие расходы, риски и предполагаемые выгоды. Обстоятельства последующего исполнения могут подтвердить фактические имущественные последствия спорного условия, включая повторное начисление платежа, получение одной стороной двойной выгоды либо отсутствие предусмотренного договором встречного преимущества.

Возможность оценивать спорное условие путем сопоставления с условиями однородных операций подтверждается определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2025 г. № 305-ЭС24–17374 по делу № А40–194809/2023 [5]. Банк предусмотрел комиссию в размере пятнадцати процентов за перевод суммы свыше двух миллионов рублей на счет физического лица, тогда как за перевод сопоставимой суммы на счет юридического лица взималась комиссия в размере двадцати девяти рублей либо, в зависимости от тарифа, до одной тысячи рублей. Судебная коллегия сопоставила однородные банковские операции и учла градиентный размер комиссии, право клиента распоряжаться денежными средствами на счете, составляющее обычное содержание договора банковского счета, а также отсутствие доказательств расходов банка, способных обосновать столь существенное различие в стоимости услуг. При оценке спорного условия суд исходил из назначения договора банковского счета, стоимости сходной операции и наличия у клиента самостоятельного имущественного блага, которое могло бы оправдать повышенный размер комиссии.

При толковании формулировки «явно обременительное условие» следует разграничивать степень имущественного ухудшения положения стороны и очевидность чрезмерного характера возложенного

на нее бремени. Степень ухудшения определяется объемом утраченного права, размером платежа, объемом принятого риска либо мерой договорной ответственности. Очевидность вывода о чрезмерности предполагает наличие объективных данных, подтверждающих явную несоразмерность между возложенным бременем и согласованной ценой, расходами контрагента, принятым им риском либо объемом встречного предоставления. В отношениях между предпринимателями указанное разграничение приобретает особое значение, поскольку обычная убыточность сделки, изменение рыночной конъюнктуры, высокая цена и ошибочная оценка ожидаемой доходности относятся к предпринимательскому риску и находятся за пределами оснований для судебной корректировки договора.

Повышенные требования к обоснованию судебного вмешательства получили отражение в зарубежной и российской цивилистической литературе. М. Хесселинк, анализируя европейские подходы к контролю несправедливых условий в договорах между предпринимателями, связывает допустимость судебной корректировки с одновременным существенным ухудшением положения стороны и грубым отступлением от добросовестного коммерческого поведения [14, с. 18]. Н.Е. Сосипатрова применительно к российскому праву обосновывает признание условия явно обременительным при степени очевидности дисбаланса, оставляющей минимальные основания для сомнений в отсутствии разумного коммерческого объяснения [13, с. 112, 114]. Из приведенных позиций следует, что для квалификации спорного условия суду надлежит установить одновременно существенное имущественное ухудшение положения стороны и очевидную необоснованность согласованного распределения прав, обязанностей и рисков.

Обременительный характер условия договора может выражаться либо в несоразмерном размере возложенного на сторону имущественного бремени, либо в существенном ограничении ее прав по договору. В первом случае суд оценивает размер платежа, санкций, имущественных потерь или риска, возложенного на одну из сторон. Во втором случае значение приобретают лишение права на прекращение договора, ограничение возможности заявлять возражения, повторное возложение имущественной обязанности в связи с одним обстоятельством либо сохранение за контрагентом права на получение дохода при полном возложении связанных с ним рисков на другую сторону. Представляется, что, хотя и очевидно, что в каждом конкретном случае суду следует учитывать особенности договора и обстоятельства его заключения, тем не менее, несколько ограничений, каждое из которых в отдельности потенциально лишь незначительно ухудшает имущественное положение стороны, в совокупности способны создать чрезмерное имущественное бремя.

Установив совокупное влияние договорных ограничений на имущественное положение стороны, суд сопоставляет возложенное на нее бремя с расходами контрагента, принятыми им рисками и предоставленными встречными преимуществами. Лишение права, обычно предоставляемого по договорам соответствующего вида, явная несоразмерность мер ответственности, повторное включение одного и того же расхода в расчет либо взимание платы без самостоятельного встречного предоставления могут свидетельствовать о явно обременительном характере условия при отсутствии подтвержденного разумного коммерческого основания. Вместе с тем значительный размер платежа может быть допустимым, когда он обусловлен фактическими затратами контрагента, резервированием производственных мощностей, обеспечением постоянной доступности услуги, принятием повышенного риска либо предоставлением ценовой уступки и др.

Проблема разграничения допустимости самого договорного условия и явно обременительного характера определенного на его основании платежа получила отражение в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2025 г. № 305-ЭС23–808 по делу № А40–51870/2022 [8]. При досрочном выкупе предмета лизинга лизингодатель потребовал платеж, по размеру сопоставимый с процентами за значительную часть оставшегося срока финансирования, хотя к этому моменту получил сумму основного долга и приобрел возможность повторно разместить возвращенные денежные средства. Лизингополучатель представил расчеты, с разумной степенью достоверности подтверждавшие чрезмерность предъявленной суммы. После этого лизингодатель должен был раскрыть структуру платежа и подтвердить его связь с фактически понесенными или ожидаемыми имущественными потерями. Судебная коллегия разграничила допустимость условия о плате за досрочное исполнение и обременительность установленного на его основании размера платежа: условие о соответствующей плате могло сохранять силу, тогда как конкретная сумма подлежала оценке с учетом расходов и имущественных потерь лизингодателя.

Проверка разумного коммерческого основания спорного условия требует оценки договора в целом, а при наличии взаимосвязанных соглашений – также совокупного имущественного результата их исполнения. Суд сопоставляет возложенное на сторону бремя с согласованной ценой, сроком действия договора, предоставленными гарантиями, страховым покрытием, объемом встречного предоставления, имущественными последствиями прекращения договорных отношений и преимуществами, полученными по связанным договорам. Н.А. Кирилова обоснованно указывает, что повышенный объем ответственности одной стороны может уравниваться сниженной ценой, расширенной гарантией либо иным имущественным преимуществом [10, с. 481–482]. Представляется, что подобное преимущество следует учитывать при условии, что контрагент раскрывает его содержание, подтверждает связь со спорным обременением и обосновывает соразмерность предоставленной выгоды возложенному бременю. Общая ссылка на выгодуность сотрудничества лишена достаточного значения для вывода о восстановлении баланса интересов сторон.

В определении от 20 августа 2021 г. № 305-ЭС21–10216 по делу № А40–328885/2019 [4] Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации оценила условие «бери или плати», включенное в долгосрочный договор перевалки грузов. Судебная коллегия указала, что обязанность заказчика оплатить невостребованный объем услуг могла соответствовать предоставленным ему имущественным преимуществам: резервированию производственных мощностей, обеспечению готовности исполнителя принять согласованный объем груза, фиксации цены и осуществлению капиталовложений, рассчитанных на гарантированный спрос. Поэтому один лишь факт взимания платы за невостребованный объем услуг недостаточен для признания соответствующего условия явно обременительным. Суду следует сопоставить размер платежа с расходами исполнителя, объемом зарезервированных мощностей и имущественными преимуществами, полученными заказчиком.

Противоположный вывод следует из определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2025 г. № 305-ЭС25–1202 по делу № А40–30056/2024 [7]. Лизингодатель удержал денежные суммы, начисленные в качестве договорных санкций, после чего стороны включили в договоры купли-продажи предметов лизинга условие об отсутствии взаимных претензий. Применение данного условия лишало лизингополучателя возможности потребовать возврата удержанных сумм. Судебная коллегия указала на необходимость установить, получил ли лизингополучатель встречное имущественное преимущество в виде уменьшения выкупной цены либо иной сопоставимой уступки. Отсутствие подтвержденной компенсации послужило основанием для вывода об очевидно обременительном характере спорного условия. Сопоставление указанных судебных актов показывает, что значительный размер имущественного бремени приобретает различное юридическое значение в зависимости от наличия встречного предоставления, его содержания и соразмерности возложенной на сторону обязанности.

Установив существенное и очевидное имущественное бремя, суд переходит к исследованию *обстоятельств согласования спорного условия*. Он выясняет, кто подготовил первоначальную редакцию, какие возражения заявила другая сторона, какие изменения она предложила, как контрагент рассмотрел данные предложения и располагала ли сторона реальной возможностью повлиять на окончательный текст договора. Н.А. Пронина и А.В. Буянов обращают внимание на случаи, когда формальный обмен документами создает лишь видимость согласования: составитель проекта принимает редакционные поправки по второстепенным положениям, сохраняя условие, определяющее основное имущественное бремя [11, с. 36–42]. Поэтому наличие протокола разногласий подтверждает выражение сторонами своих позиций, тогда как вывод о реальном влиянии требует оценки содержания предложенных изменений и результатов их обсуждения. М. Леманн и Й. Унгерер, исследуя контроль стандартных условий предпринимательских договоров по германскому праву, связывают индивидуальное согласование с выраженной готовностью составителя проекта обсуждать соответствующее условие и с фактической возможностью другой стороны повлиять на его окончательную редакцию [15, с. 328]. Представляется, что для применения пункта 3 статьи 428 ГК РФ суду следует установить содержательный характер обсуждения и реальную допустимость изменения спорного условия.

При индивидуальном согласовании условий договора отсутствие письменных возражений со стороны предпринимателя затрудняет подтверждение того, что согласование иной редакции спорного положения было существенно затруднено. Когда договор заключается по результатам закупки, путем присоединения к правилам цифровой платформы либо на основе единого стандартного текста, суду следует вы-

яснить, предусматривал ли установленный порядок возможность заявить возражения и получить их рассмотрение по существу. Подписание договора с ясно изложенным условием подтверждает ознакомление стороны с его содержанием, однако вывод об индивидуальном согласовании возможен лишь при наличии доказательств того, что сторона располагала реальной возможностью предложить и согласовать иную редакцию. Различия в имущественном положении, профессиональном опыте и рыночных долях контрагентов приобретают юридическое значение постольку, поскольку они повлияли на возможность стороны изменить конкретное распределение прав, обязанностей и рисков.

Значение разграничения ознакомления с договорным условием и реального влияния на его содержание подтверждается определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 января 2025 г. № 307-ЭС24-18545 по делу № А56-19366/2023 [6]. Стандартные условия договора лизинга предусматривали уменьшение стоимости возвращенного имущества на сумму налога на добавленную стоимость при расчете завершающей обязанности, хотя соответствующие расходы уже учитывались в финансовых параметрах лизинга. Текст условий подготовил лизингодатель, выступавший профессиональным участником рынка, а применение спорного положения приводило к повторному учету одного и того же расхода и уменьшало сумму, подлежащую зачету в пользу лизингополучателя. Судебная коллегия учла происхождение спорного условия и имущественные последствия его применения.

При исследовании переговорных возможностей сторон суду следует разграничивать возможность одной из сторон выбрать контрагента, отказаться от заключения договора и повлиять на содержание конкретного условия. Наличие на рынке нескольких предложений может свидетельствовать о свободе выбора контрагента, однако еще не подтверждает возможность согласовать иную редакцию спорного положения, если участники соответствующего рынка используют сходные стандартные условия и отказываются обсуждать их содержание. Вместе с тем экономическая зависимость одной стороны договора от другой может сочетаться с индивидуальным согласованием отдельного договорного условия. Поэтому при оценке размера бизнеса, рыночной доли и доступности альтернативных предложений суду следует учитывать обстоятельства подготовки, обсуждения и окончательного согласования спорного положения.

Устанавливая вынужденный характер присоединения одной из сторон договора к предложенным условиям, суд учитывает возможность заключить сходный договор с третьим лицом, состояние конкуренции на соответствующем рынке, сопоставимость доступных предложений, расходы, связанные со сменой контрагента, зависимость стороны от необходимой инфраструктуры и хозяйственную цель заключения договора с данным контрагентом. Причинная связь между ограничением переговорных возможностей стороны и включением спорного условия в договор подтверждается, если контрагент подготовил первоначальную редакцию данного условия, другая сторона заявила возражения либо установленный порядок заключения договора исключал их рассмотрение по существу, а контрагент сохранил предложенный текст, вследствие чего на другую сторону было возложено выявленное имущественное бремя.

Заключение

Условие договора может быть квалифицировано как явно обременительное при совокупности трех материально-правовых признаков. Во-первых, его содержание формально соответствует закону и иным правовым актам. Во-вторых, предусмотренное им распределение прав, обязанностей или рисков очевидно и существенно ухудшает имущественное положение одной из сторон по сравнению с распределением, обычно применяемым в договорах соответствующего вида. В-третьих, возложенное на сторону бремя лишено сопоставимого встречного преимущества либо иного разумного коммерческого основания. Для применения пункта 3 статьи 428 ГК РФ суду надлежит установить обстоятельства включения данного условия в договор: подготовку его редакцией одним контрагентом, существенное затруднение для другой стороны согласования иного содержания и причинную связь между ограничением ее переговорных возможностей и сохранением спорного положения в окончательном тексте договора.

Проведенный анализ позволяет подтвердить самостоятельное материально-правовое значение явно обременительного характера договорного условия. При его квалификации суд оценивает объем утраченных стороной прав, размер возложенного на нее платежа или иного имущественного бремени, распределение договорных рисков, повторный учет одного и того же расхода, возможность получения контрагентом двойной выгоды, а также соотношение спорной обязан-

ности со встречными предоставлениями и иными преимуществами по договору.

Представляется, что в отношениях между предпринимателями вмешательство суда в содержание договора допустимо лишь при очевидном и существенном нарушении баланса имущественных интересов сторон и при отсутствии доказательств того, что спорное условие обусловлено фактическими затратами контрагента, принятым им риском, предоставленной ценовой уступкой, самостоятельным встречным предоставлением либо иной разумной коммерческой причиной.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5. С. 85–91.
3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 июля 2014 г. № 5467/14 по делу № А53-10062/2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2021 г. № 305-ЭС21-10216 по делу № А40-328885/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2025 г. № 305-ЭС24-17374 по делу № А40-194809/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 января 2025 г. № 307-ЭС24-18545 по делу № А56-19366/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2025 г. № 305-ЭС25-1202 по делу № А40-30056/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2025 г. № 305-ЭС23-808 по делу № А40-51870/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Аюшеева И.З. Свобода выбора условий в отдельных видах договоров // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 1. С. 164–171. DOI: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.164-171.
10. Кирилова Н.А. Реализация договорной свободы участниками предпринимательской деятельности при формировании условий договора об ответственности // Научные труды Российской академии юридических наук. Вып. 24. М., 2024. С. 476–486.
11. Пронина Н.А., Буянов А.В. Практика применения доктрины несправедливых договорных условий // Российско-Азиатский правовой журнал. 2022. № 1. С. 36–42. DOI: 10.14258/ralj(2022)1.5.
12. Соломин С.К. Договор, характеризующийся «неравенством переговорных возможностей», в практике хозяйствующих субъектов // Юрист. 2023. № 9. С. 46–51.
13. Сосипатрова Н.Е. Квалификация несправедливых условий в договорах B2B: законодательство и судебная практика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 4. С. 109–116.
14. Hesselink M.W. Unfair Terms in Contracts between Businesses // Amsterdam Law School Legal Studies Research Paper. № 2011–11; Centre for the Study of European Contract Law Working Paper. № 2011–07. 2011. 18 p.
15. Lehmann M., Ungerer J. Save the «Mittelstand»: How German Courts Protect Small and Medium-Sized Enterprises from Unfair Terms // European Review of Private Law. 2017. Vol. 25. № 2. P. 313–336.

THE PROBLEM OF QUALIFYING A MANIFESTLY ONEROUS TERM IN A CONTRACT BETWEEN BUSINESS ENTITIES

Ovanesov B.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article examines the qualification of a manifestly onerous term in a contract concluded between business entities. It considers the relationship between the substantive characteristics of the disputed term and the circumstances in which it was negotiated and incorporated into the contract. Particular attention is paid to the significance of default rules, the ordinary allocation of rights and risks, the reasonably understood interests of the party, the

counter-performance received, and the commercial justification for the contractual burden imposed. Based on an analysis of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation, judicial decisions, and civil-law scholarship, the article proposes a sequence for assessing the disputed term. It is argued that the manifestly onerous nature of a contractual term constitutes an independent substantive legal characteristic. To establish this characteristic, the court should determine that the term is formally lawful, that it causes an obvious and substantial deterioration in the party's economic position, and that the burden imposed is unsupported by a commensurate countervailing benefit or another reasonable commercial justification. When applying paragraph 3 of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation, the court should also establish that the disputed term was drafted by one contracting party, that the other party encountered substantial difficulty in negotiating different wording, and that there is a causal link between the restriction of that party's bargaining power and the inclusion of the term in the contract.

Keywords: manifestly onerous contractual term; commercial contract; adhesion contract; freedom of contract.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One), Federal Law № . 51-FZ of 30 November 1994 // *Sobraniye Zakonodatel'stva RF*. 1994. № 32. Art. 3301.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation № 16 of 14 March 2014 «On Freedom of Contract and Its Limits» // *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 2014. № 5. P. 85–91.
3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation № 5467/14 of 15 July 2014 in Case № A53–10062/2013 // Available via the legal reference system «ConsultantPlus».
4. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation № 305-ES21–10216 of 20 August 2021 in Case № A40–328885/2019 // Available via the legal reference system «ConsultantPlus».
5. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation № 305-ES24–17374 of 24 January 2025 in Case № A40–194809/2023 // Available via the legal reference system «ConsultantPlus».

6. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation № 307-ES24–18545 of 30 January 2025 in Case № A56–19366/2023 // Available via the legal reference system «ConsultantPlus».
7. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation № 305-ES25–1202 of 25 June 2025 in Case № A40–30056/2024 // Available via the legal reference system «ConsultantPlus».
8. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation № 305-ES23–808 of 25 September 2025 in Case № A40–51870/2022 // Available via the legal reference system «ConsultantPlus».
9. Ayusheeva, I.Z. (2026) «Freedom of Choice of Terms in Certain Types of Contracts» // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, (1), pp. 164–171. doi: 10.17803/2311-5998.2026.137.1.164-171.
10. Kirilova, N.A. (2024) «Realisation of Contractual Freedom by Entrepreneurs in Forming Liability Terms» // *Nauchnyye trudy Rossiyskoy akademii yuridicheskikh nauk*. Issue 24. Moscow, pp. 476–486.
11. Pronina, N.A. and Buyanov, A.V. (2022) «Practice of Applying the Doctrine of Unfair Contract Terms» // *Rossiysko-Aziatskiy pravovoy zhurnal*, (1), pp. 36–42. doi: 10.14258/ralj(2022)1.5.
12. Solomin, S.K. (2023) «A Contract Characterised by «Unequal Bargaining Power» in the Practice of Business Entities» // *Yurist*, (9), pp. 46–51.
13. Sosipatrova, N.E. (2025) «Qualification of Unfair Terms in B2B Contracts: Legislation and Judicial Practice» // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. Seriya: Sotsialnyye nauki, (4), pp. 109–116.
14. Hesselink M.W. Unfair Terms in Contracts between Businesses // *Amsterdam Law School Legal Studies Research Paper*. № 2011–11; Centre for the Study of European Contract Law Working Paper. № 2011–07. 2011. 18 p.
15. Lehmann M., Ungerer J. Save the «Mittelstand»: How German Courts Protect Small and Medium-Sized Enterprises from Unfair Terms // *European Review of Private Law*. 2017. Vol. 25. № 2. P. 313–336.

Павлов Дмитрий Васильевич,

квалифицированный специалист (юрист), независимый исследователь,

E-mail: dpavlov.legal@gmail.com

В данной статье проводится комплексный анализ сложившегося противоречия между современным нормативным регулированием и устойчивой практикой указания банками реквизитов лицензии в рекламных материалах. Сравнительно-правовое исследование положений действующего ФЗ «О рекламе» (№ 38-ФЗ) и утратившего силу закона № 108-ФЗ выявило отсутствие императивного требования к размещению лицензионных данных. Тем не менее, финансовые организации продолжают придерживаться данной практики в качестве элемента репутационного менеджмента, подтверждая подконтрольность Центральному банку РФ. Особое внимание в работе уделено проблематике избыточной идентификации в интернет-рекламе, где дублирование ИНН и реквизитов лицензии создает неоправданную информационную перегрузку. Автор сопоставляет российский опыт с зарубежными подходами, где приоритет отдается идентификации юридического лица. На основе анализа актуальных руководств ФАС предложены конкретные меры по оптимизации правового поля: внедрение ИНН как универсального идентификатора, разграничение полномочий между ФАС и Роскомнадзором, а также упрощение идентификационных требований для коротких рекламных форматов. Реализация данных предложений позволит минимизировать регуляторные издержки и повысить прозрачность финансового рынка.

Ключевые слова: реклама банковских услуг; идентификация рекламодателя; лицензия банка; Закон о рекламе; маркировка рекламы; ИНН; финансовые услуги; правовое регулирование; защита прав потребителей; информационная перегрузка.

Остается актуальным вопрос указания банками реквизитов своей лицензии в рекламе, ведь действующее законодательство такого требования не содержит. Цель статьи – проанализировать причины сохранения сложившейся практики и выявить правовые основания для ее существования.

Ранее действовавший Федеральный закон «О рекламе» от 18.07.1995 № 108-ФЗ (утратил силу) содержал прямое требование об указании лицензии в рекламе (абз. 2 ч. 3 ст. 5) [1]: «Если деятельность рекламодателя подлежит лицензированию, в рекламе должны быть указаны номер лицензии, а также наименование органа, выдавшего эту лицензию». К отмечает Д. Григорьев [2], вопрос о необходимости указания в рекламе банковских продуктов реквизитов лицензии банка-реklamодателя довольно любопытный. Как правило, банки указывают в рекламе реквизиты своей лицензии, но это атавизм.

Действительно, действующий Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (далее – Закон о рекламе) [3] вышеупомянутого требования не содержит. Согласно ч. 1 ст. 28 Закона о рекламе, «реклама банковских, страховых и иных финансовых услуг и финансовой деятельности должна содержать наименование или имя лица, оказывающего эти услуги или осуществляющего данную деятельность (для юридического лица – наименование, для индивидуального предпринимателя – фамилию, имя и (если имеется) отчество)».

Кроме того, ст. 13 Закона о рекламе [3] устанавливает обязанность рекламодателя предоставлять документально подтвержденные сведения о соответствии рекламы требованиям закона, в том числе о наличии лицензии, по требованию рекламодателем распространителя.

Таким образом, прямого требования указывать реквизиты лицензии в рекламе действующее законодательство не содержит. Несмотря на отсутствие нормативного предписания, банки продолжают указывать реквизиты лицензии в рекламных материалах. Это обусловлено несколькими факторами.

Указание лицензии служит индикатором того, что деятельность организации регулируется Центральным банком России, что повышает доверие потребителей. Лицензия воспринимается как признак надежности и легитимности банка и многие банки и рекламные агентства продолжают ориентироваться на нормы утратившего силу Федерального закона от 18.07.1995 № 108-ФЗ «О рекламе» [1]. Банки стремятся избежать претензий со стороны Федеральной антимонопольной службы (ФАС) при проверках рекламной деятельности. В условиях высокой конкуренции указание лицензии может выступать элементом дифференциации, подчеркивая подконтрольность организации Центральному банку Российской Федерации.

Цифровая среда создает новые формы информационных отношений, которые не укладываются в устоявшиеся классификации [4]. Цифровизация финансовых рынков требует подкрепления традиционных правовых механизмов инструментами формирования деловой репутации. Ссылаясь на лицензию в рекламе, банки добровольно подтверждают свой статус. Это особенно актуально при размещении рекламы банка в окружении других предложений, где потребитель может путать статус рекламодателя.

Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ч. 6 ст. 4) [5] содержит широкое определение понятия «финансовая организация», включая в него хозяйствующие субъекты, оказывающие финансовые услуги (кредитные организации, профессиональные участники рынка ценных бумаг, страховые компании и др.). Ситуацию осложняет то, что само понятие «финансовая деятельность» в законодательстве не закреплено. Отсутствие четкого термина порождает споры.

Специфика правового контроля в сфере банковской рекламы обусловлена особой правоспособностью кредитных организаций. Банковская деятельность требует жесткого государственного надзора для защиты интересов вкладчиков и инвесторов. Именно этим объясняется требование к прозрачности банка посредством демонстрации разрешительных документов в публичном пространстве.

Внедрение обязательной маркировки интернет-рекламы создали новые вызовы для правоприменительной практики, ведь особую актуальность вопрос идентификации банка в рекламе приобрел с введением ст. 18.1 Закона о рекламе [3]. Технологический прогресс сегодня опережает нормотворчество, что вынуждает регулятора на ходу

адаптировать существующие механизмы контроля под цифровые реалии. Попытки адаптировать традиционные правила идентификации банков под современные цифровые алгоритмы маркировки часто оборачиваются дублированием. Вместо оптимизации процессов возникает избыточная юридическая нагрузка, которая усложняет регулирование рынка. В интернет-рекламе общепринятым идентификатором является идентификационный номер налогоплательщика (далее – ИНН), однако среди банков нет единой практики его использования так как двойное указание ИНН и реквизитов лицензии создает информационную перегрузку для потребителя.

Возникает проблема разграничения компетенций между регуляторами. ФАС контролирует соблюдение требований Закона о рекламе (достоверность информации, отсутствие недобросовестной конкуренции), а Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) определяет правила маркировки рекламы в интернете (состав обязательных сведений, технические требования к размещению). Отсутствие жестких границ в компетенциях госорганов порождает двойные стандарты. Проблема дублирования идентификаторов (одновременное использование ИНН и лицензии в онлайн-пространстве) усугубляется отсутствием бесшовной интеграции между контролирующими ведомствами. Представляется целесообразным закрепить за Роскомнадзором исключительно технический учет рекламных креативов через ИНН, оставив за ФАС содержательный контроль за добросовестностью банковской рекламы.

Согласно абз. 3 ст. 7 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 [6], фирменное наименование кредитной организации должно содержать слова «банк» или «небанковская кредитная организация». Абз. 2 ст. 12 того же закона устанавливает, что «решение о государственной регистрации кредитной организации принимается Банком России», что автоматически подразумевает лицензирование. Если площадка предварительно проверяет лицензию, то для подтверждения легитимности банка в самом объявлении достаточно использовать лишь его статусное наименование. Это избавит потребителей от избыточной информации, упростит адаптацию креативов под цифровые платформы и поможет создать единые стандарты рекламы для всех финансовых институтов.

Как и в российском праве, законодательство зарубежных юрисдикций (США, ЕС) не требует указания лицензии в рекламе банка. Ключевым требованием выступает идентификация банка как юридического лица. Это существенная информация, скрывать которую нельзя: потребитель должен иметь возможность легко найти и прочитать её в рекламном сообщении. Такое требование, например, содержится в американском законодательстве, а именно в 12 C.F.R. § 328.3 Свода федеральных нормативных актов США [7].

В европейском праве обязанность банка четко указывать свое полное юридическое наименование регулируется Статьей 7 Директивы Европейского парламента и Совета ЕС 2005/29/EC о недобросовестной коммерческой практике [8], где сокрытие имени контрагента (банка) квалифицируется как вводящее в заблуждение умалчивание информации (misleading omission). Анализ европейского опыта показывает, что данная Директива делает упор на существенность информации (material information).

В коллективном исследовании под редакцией Г. Хауэллса [9], подчеркивается, что перегрузка потребителя техническими юридическими деталями (информационная перегрузка – information overload) признается формой недобросовестной практики, так как она отвлекает внимание от ключевых экономических условий финансового продукта.

Таким образом, международный опыт демонстрирует приоритет раскрытия информации о юридическом лице, оказывающем финансовые услуги, а не о его лицензии.

Утвержденное Руководство по соблюдению обязательных требований к рекламе отдельных видов товаров (реклама финансовых услуг и финансовой деятельности) согласно приложению N 1 Приказу ФАС от 21 июня 2024 г. N 412/24 [10] в п. 1 напоминает об обязательном требовании (часть 1 статьи 28 Федерального закона «О рекламе»: реклама банковских, страховых, иных финансовых услуг и финансовой деятельности должна содержать наименование или имя лица, оказывающего эти услуги или осуществляющего данную деятельность).

Оказание банковских и иных финансовых услуг может осуществляться только лицами, имеющими соответствующие лицензии, разрешения, аккредитации либо включенными в соответствующий реестр или являющимися членами соответствующих саморегулируемых организаций. Правило здесь простое: нет лицензии – нет рекламы. Если для работы нужны официальные разрешения, то рекламироваться без них строго запрещено. Таким образом, нарушением законодательства о рекламе будет являться сам факт рекламы без наличия соответствующего разрешения (лицензии), а не факт неупоминания лицензии в рекламе.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд теоретических выводов и практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства:

1. Трансформация институциональных требований.

Отсутствие прямого требования об указании лицензии в Федеральном законе «О рекламе» не приводит к отказу банков от данной практики, поскольку она выполняет важные информационную и репутационную функции. В условиях цифровизации интернет-рекламы универсальным идентификатором субъекта может выступить ИНН, заменяющий реквизиты лицензии. Это позволит унифицировать требования к маркировке, упростить создание рекламных материалов и снизить транзакционные издержки участников рынка.

2. Дифференциация форматов распространения.

Для рекламных форматов с ограниченным временем контакта с потребителем (радио, короткие видео, «сторис») правила идентификации целесообразно упростить. Указание родового наименования «банк» при условии предварительной верификации лицензии со стороны рекламораспространителя выглядит достаточным, ведь написано же – «банк»!

3. Оптимизация межведомственного взаимодействия.

Для выработки единого подхода к идентификации кредитных организаций в рекламе целесообразно инициировать межведомственное совещание с участием Банка России, ФАС, Роскомнадзора и Ассоциации российских банков (АРБ). Регуляторам стоит разработать единые рекомендации по маркировке финансовой рекламы, содержащие дифференцированный перечень обязательных сведений для различных способов распространения.

Реализация предложенных мер позволит существенно снизить избыточную информационную нагрузку на потребителя, унифицировать регуляторные требования к рекламе банковских услуг, повысить общую эффективность правового регулирования и создать прозрачные условия для добросовестной конкуренции на финансовом рынке.

Литература

- О рекламе: федеральный закон от 18.07.1995 № 108-ФЗ (в ред. от 21.07.2005) (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – Т. 2864, № 108. – С. Ст. 2864.
- Григорьев Д. Актуальные правовые вопросы рекламы банковских услуг // Банковское обозрение. Приложение «BEST PRACTICE». – 2017. – № 1. – С. 28–33.
- О рекламе: федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (в ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – Т. 1232, № 38. – С. Ст. 1232.
- Информационное право: учебник для вузов / под редакцией М.А. Федотова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 868 с. – ISBN 978-5-534-16021-5.
- О защите конкуренции: федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – Т. 3434, № 135. – С. Ст. 3434.
- О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (в ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – Т. 492, № 395. – С. Ст. 492.
- 12 C.F.R. § 328.3: Signs within institution premises and offering of non-deposit products within institution premises, 12 C.F.R. § 328.3 // Code of Federal Regulations.
- Директива ЕС 2005/29/EC: Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices. [Электронный ресурс]. // Official Journal of the European Union.
- Howells G., Twigg-Flesner C., Wilhelmsson T. Rethinking EU Consumer Law. – Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2018. – 350 P.
- Приказ ФАС от 21 июня 2024 г. N 412/24, Приложение N 1: Руководство по соблюдению обязательных требований к рекламе отдельных видов товаров (реклама финансовых услуг и финансовой деятельности). ФАС, 2024.

LEGAL REQUIREMENTS FOR THE IDENTIFICATION OF CREDIT ORGANIZATIONS IN BANKING SERVICES ADVERTISING

Pavlov D.V.

This article provides a comprehensive analysis of the discrepancy between modern regulatory standards and the established practice of banks including license details in advertising materials. A comparative legal study of the current Federal Law "On Advertising" (No. 38-FZ) and the repealed Law No. 108-FZ reveals the absence of an imperative requirement to disclose license data. Nevertheless, financial organizations continue to adhere to this practice as an element of reputation management, confirming their oversight by the Central

Bank of the Russian Federation. Particular attention is paid to the issue of redundant identification in online advertising, where the duplication of the Taxpayer Identification Number (TIN) and license details creates unjustified information overload. The author compares the Russian experience with foreign approaches, where priority is given to identifying the legal entity. Based on an analysis of current FAS guidelines, specific measures are proposed to optimize the legal field: introducing the TIN as a universal identifier, delineating powers between the FAS and Roskomnadzor, and simplifying identification requirements for short advertising formats. Implementing these proposals will minimize regulatory costs and enhance the transparency of the financial market.

Keywords: banking advertising; advertiser identification; bank license; Advertising Law; advertising labeling; TIN; financial services; legal regulation; consumer protection; information overload.

References

1. [On Advertising: Federal Law of 18.07.1995 No. 108-FZ (as amended as of 21.07.2005) (repealed)] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii*. – 1995. – T. 2864, № 108. – S. St. 2864 (In Russian).
2. Grigor'ev D. [Current Legal Issues of Bank Services Advertising] // *Bankovskoe obozrenie. Prilozhenie «BEST PRACTICE»*. – 2017. – № 1. – S. 28–33 (In Russian).
3. [On Advertising: Federal Law of 13.03.2006 No. 38-FZ (as amended as of 01.03.2026)] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii*. – 2006. – T. 1232, № 38. – S. St. 1232 (In Russian).
4. [Information Law: A Textbook for Universities] / pod redaktsiej M.A. Fedotova. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2023. – 868 s. – ISBN 978-5-534-16021-5 (In Russian).
5. [On Protection of Competition: Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ (as amended as of 01.03.2026)] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii*. – 2006. – T. 3434, № 135. – S. St. 3434 (In Russian).
6. [On Banks and Banking Activities: Federal Law of 02.12.1990 No. 395–1 (as amended as of 01.03.2026)] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii*. – 1996. – T. 492, № 395. – S. St. 492 (In Russian).
7. 12 C.F.R. § 328.3: Signs within institution premises and offering of non-deposit products within institution premises, 12 C.F.R. § 328.3 // *Code of Federal Regulations*.
8. [EU Directive 2005/29/EC: Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices]. [Электронный ресурс]. // *Official Journal of the European Union* (In Russian).
9. Howells G., Twigg-Flesner C., Wilhelmsson T. *Rethinking EU Consumer Law*. – Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2018. – 350 P.
10. Prikaz FAS ot 21 iyunya 2024 g. [No. 412/24, Appendix No. 1: Guidelines for Compliance with Mandatory Requirements for Advertising of Certain Types of Goods (Advertising of Financial Services and Financial Activities). FAS, 2024] (In Russian).

Пестов Михаил Михайлович,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); научный сотрудник отдела обязательственного права Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ.
E-mail: Pestov-2013@ya.ru

В статье анализируется институт исполнения обязательства третьим лицом, закреплённый в пунктах 1 и 2 статьи 313 ГК РФ и объединяющий два восходящих к римскому праву механизма: делегацию платежа (*delegatio solvendi*) и допущение исполнения третьим лицом в отсутствие возложения со стороны должника. Цель работы состоит в выявлении историко-правовых оснований и различия между этими конструкциями посредством анализа их римских истоков. Новизна работы состоит в системном сопоставлении обоих механизмов, ранее не рассматривавшихся в их взаимосвязи. Методология включает историко-правовой и сравнительно-правовой анализ первоисточников: фрагментов Дигест и Кодекса Юстиниана, а также критический разбор доктринальных теорий. Результаты показывают, что делегация платежа и самовольное исполнение третьим лицом были самостоятельными конструкциями, различавшимися по значению воли должника и кредитора. При делегации платёж юридически приравнялся к исполнению самого должника, тогда как при исполнении без возложения требовалось согласие кредитора.

Ключевые слова: исполнение, третье лицо, должник, кредитор, платёж, прекращение обязательства

Введение

Согласно пунктам 1 и 2 статьи 313 ГК РФ, кредитор обязан принять исполнение от третьего лица как при возложении должником, так и в отсутствие такого возложения – в случае просрочки должника или угрозы утраты третьим лицом права на имущество должника. Данные положения объединяют два различных института, восходящих к римскому праву: делегацию исполнения (*delegatio solvendi*) и допущение исполнения третьим лицом без возложения должника. Уже беглый анализ показывает их принципиальное отличие: в первом случае есть воля должника на осуществление исполнения, тогда как во втором она отсутствует, а юридический эффект наступает от действий третьего лица, совпадающих с программой обязательства.

Такой синтез делает институт сложным и порождает ряд вопросов. Во-первых, требует обоснования иррелевантности воли кредитора: почему он обязан принять исполнение от незнакомого лица, если рассчитывал на должника? Во-вторых, аналогичного обоснования требует игнорирование воли должника (п. 2 ст. 313) – сможет ли он требовать возмещения расходов на подготовку или возврата неосновательного исполнения, и кто перед ним отвечает? Наконец, непонятно, почему действия третьего лица прекращают обязательство, в котором он не участвует. Это является отступлением от принципа относительности, не объяснимое лишь просрочкой или риском утраты права.

Следует отметить, что большинство работ посвящены смежным вопросам или отдельным аспектам, без анализа взаимосвязи положений статьи 313 ГК РФ и без изучения истории их возникновения¹. Более обстоятельная разработка проблемы представлена в зарубежной литературе, начиная с середины девятнадцатого века. Среди предложенных концепций выделяется теория представительства Иеринга, согласно которой платёж третьего лица рассматривается как совершённый самим должником, что обязывает кредитора принять исполнение, а в случае недействительности платежа управомоченным на кондикционный иск признаётся должник². Однако данная теория не объясняет юридического эффекта при возражении должника, а римские юристы, в частности Юлиан, допускали иное решение, квалифицируя принятие платежа вопреки запрету как кражу и предоставляя иск самому плательщику (D.46.3.38.1).

Теория объективного исполнения, развитая Хартманом, полагает, что обязательство прекращается в силу совпадения фактических действий третьего лица с целью обязательства, по аналогии с конкуренцией оснований приобретения³. Слабость этой теории состоит в том, что платёж требует направленности на погашение долга, в отличие от простого фактического получения предмета кредитором, а также в неприемлемости к возмездным случаям.

Наиболее влиятельной оказалась теория Пауля Кретшмара, усматривающего в институте исполнения третьим лицом реликт архаического римского права, когда существовала лишь стадия ответственности в виде выкупа, а с переходом к имущественной ответственности исполнение персонализировалось, и допущение третьего лица стало исключением из общего принципа⁴. Критикуя данную гипотезу, Миттайс указывал на её спекулятивный характер и на то, что римские юристы могли прийти к соответствующему правилу оппортунистически, о чём свидетельствует фрагмент Гая (D.3.5.38.pr.)⁵. Тем не менее функциональная близость обоих случаев действительно согласуется с теорией Кретшмара, хотя возможны и иные исторические объяснения, например переход от личной ответственности к имущественной, не допускающих исполнение кем-либо, кроме самого должника.

¹ Подробный исторический анализ см.: Дождев Д.В. Делегация и исполнение: анатомия обязательства // Европейская традиция частного права. Исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 2: Залоговое право. Обязательство. Договор купли-продажи. М.: «Статут», 2021. С. 104–228. В то же время в статье обсуждается лишь институт делегации, но не исполнение третьим лицом без возложения.

² См.: Von Jhering R. Mitwirkung für fremde Rechtsgeschäfte // Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. Bd. 2 (1858). S. 93 ff.

³ См.: Hartmann G. Die Obligation: Untersuchungen über ihren Zweck und Bau. Erlangen: Deichert, 1875. S. 64 ff.

⁴ См.: Кретшмар П. Исполнение. Часть первая. Исторические и догматические основы // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 249–254.

⁵ Mitteis L. Kretschmar Paul, Die Erfüllung... // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. Bd. 30 (1909). S. 437 ff.

С учетом изложенного представляется необходимым рассмотреть тексты римских юристов, легших в основу современного регулирования исследуемого института. Далее будут по отдельности рассмотрены тексты, где обсуждается возложение исполнения на третье лицо, а также исполнение третьим лицом в отсутствие возложения.

Возложение платежа на третье лицо в римском праве

Такое возложение в римском праве осуществлялось в рамках делегации. Как известно, существовало два вида делегации: делегация платежа (*delegatio solvendi*) и делегация долга (*delegatio promittendi*). Обе делегации служили различными способами осуществления исполнения (*solutio*) должником. Отличие между ними состояло в механизме осуществления исполнения. В делегации платежа оно происходило за счет фактического предоставления делегата делегатарию. В делегации долга исполнение состояло в прекращении обязательства между делегатом и делегатарием и возникновении нового обязательства между делегатом и делегатарием. Источником нового обязательства обычно выступал стипуляционный акт, хотя на практике делегация также оформлялась записью в приходно-расходной книге¹. Кроме того, римские юристы признавали возможность осуществления делегации посредством *litis contestatio* (D.46.2.11). При делегации долга были два варианта: замещение должника с указанием отношения покрытия и замещение кредитора с указанием отношения валюты. В первом случае, в соответствии с Юстиниановской компиляцией, происходила новация, во втором осуществлялась цессия.

Близость обоих институтов заключалась в юридическом эффекте. Исполнение делегата ведет к возникновению или прекращению отношений как по линии валюты, так и по линии платежа². Функциональная близость обеих конструкций была зафиксирована ещё древнеримскими юристами:

D.16.1.5.pr. Gai. 9 ad ed. provinc.

Nec interest, pecuniam solvendi causa numeret an quamlibet suam rem in solutum det: nam et si vendiderit rem suam, sive pretium acceptum pro alio solvit sive emptorem delegavit creditori alieno, non puto senatus consulto locum esse.

Нет разницы, осуществит ли <женщина> платеж денежными средствами или передаст какую-либо вещь в счет уплаты: ведь и если она, продав свою вещь, уплатит полученные деньги другому, либо делегирует покупателя чужому кредитору, я не думаю, что будет применяться <Веллеев> сенатусконсульт.

Веллеев сенатусконсульт, как известно, запрещал женщинам давать займы и выступать поручителями. Впоследствии было выработано множество исключений, одно из которых представлено в приведённом фрагменте Гая. Юрист объединяет две ситуации: в первой женщина совершает платеж денежными средствами, во второй передаёт вещь в счёт погашения долга. Общим для них является то, что платёж производится для погашения долга другого лица (*causa solvendi*), но не сопровождается принятием этого долга на себя. В обоих случаях женщина действует без приказа должника, однако такой платёж производит тот же эффект, что и делегация платежа: принятие кредитором исполнения прекращает обязательство должника, не вводя женщину в обязательственное отношение с кредитором, тем самым исключается делегация долга, запрещённая сенатусконсультом.

Далее Гай развивает мысль, рассматривая ситуацию, когда женщина для совершения платежа продаёт свою вещь. Он вновь выделяет два варианта. В первом женщина, получив от покупателя денежные средства, передаёт их кредитору должника, что равносильно передаче собственных денег. Во втором варианте женщина делегирует своего покупателя кредитору, распоряжаясь правом требования к нему. В этом случае структура отношений усложняется: покупатель выступает делегатом, женщина – делегатом, а кредитор должника – делегатарием. Сам должник выбывает из обязательственной связи, как и при непосредственном исполнении женщиной. Принятие кредитором обещания покупателя уплатить освобождает должника, и кредитор действует в его интересах.

С юридической точки зрения эффект такого платежа не отличается от ранее описанного. Если женщина прикажет покупателю вступить в стипуляцию с кредитором, это будет функциональным аналогом отступного. В этом уподоблении проявляется аналитический подход Гая: он отделяет платёж, совершаемый женщиной кредитору, от её расчё-

¹ Gai. 3.130. Считается, что соответствующие записи в своих книгах также должны были внести прежний и новый должники (см.: Gidé P. Observations sur les contrats litteris // Revue de législation ancienne et moderne française et étrangère. Vol. 3 (1873). P. 129).

² При этом наличие долга делегата перед делегатом являлось распространенным, но далеко не единственным основанием платежа. Таким основанием также могло выступать намерение делегата одарить делеганта (*causa donandi*) или дать ему займы (*causa credendi*).

тов с покупателем, поскольку её долг перед покупателем имеет основание в купле-продаже, а не в обязательстве должника. Это имеет практическое значение: продавец лучше осведомлён о своём долге, чем поручитель о чужом.

В последнем случае, приравнивая передачу вещи в счёт платежа к делегации, Гай опирается на широкое понимание термина *res*, включающего не только телесные вещи, но и права требования. Такое толкование позволяет ему расширительно понимать и сам платёж (*solutio*): не только как передачу денег, но и как приказ должнику принять на себя чужой долг. Тем самым выявляется функциональная близость делегации долга и делегации платежа. При этом платёж по-прежнему рассматривается как исполнение за другое лицо в отсутствие возложения, что исключает применение сенатусконсульта.

Квалификация обеих делегаций в качестве платежа была воспринята и в поздний классический период. Так, по мнению Ульпиана (D.161.8.3) уже принявшая (*intercedenti*) на себя долг женщина поступает вопреки Веллееву сенатусконсульту. В связи с этим все её дальнейшие действия, связанные с исполнением этого долга, имеют порочный характер. Ульпиан расширяет нормативный состав порочного исполнения, включая в него не только передачу денежных средств, но и делегирование должника. Такое решение, очевидно, продиктовано вопросом, определяет ли действительность отношения покрытия между женщиной и её должником характер совершаемой делегации. Юрист даёт отрицательный ответ, опираясь на квалификацию исполнения, совершаемого в рамках принятого женщиной обязательства. Тот факт, что вместо неё выступать в суде будет её должник не меняет квалификацию юридического состава, уже зафиксированного при принятии ею обязательства.

Несмотря на функциональную близость, два вида делегации существенно различаются по формальной реализации. *Delegatio promittendi* оформлялась стипуляционным обещанием должнику уплатить долг, поэтому воля кредитора являлась необходимым элементом. При *delegatio solvendi* новация не происходит, соглашение между кредитором и должником отсутствует, что ставит вопрос об учёте воли кредитора в случае делегации платежа. Данный вопрос связан с двойным действием платежа третьего лица, который одновременно прекращает обязательство валюты и покрытия. В общем виде этот механизм был сформулирован Павлом, согласно которому приказ должника обуславливает отмеченное двойное действие, освобождая и должника, и третье лицо (D.46.3.64).

При этом кредитор лишается возможности определить порядок исполнения. Данный эффект происходит *ipso iure* и связан, по признанию Павла, с фикцией, будто платеж производит сам должник (D.50.17.180). Кредитор не вправе возражать против платежа третьего лица под угрозой просрочки, причём правило о невозможности гибели родовых вещей не применяется с момента предложения денег (D.45.1.73.2). Аналогичный эффект возникает, когда приказ направлен не на погашение долга, а на выдачу кредита: по Ульпиану, если должник по приказу выдает деньги третьему лицу, то это лицо становится обязанным перед приказодателем, как если бы оно получило заём (D.12.1.15.pr.).

На практике платёж третьего лица не был неожиданностью для кредитора. Африкан приводит случай, когда делегант, приказав платёж, позднее запретил кредитору принимать его, но делегат, не зная о запрете, уплатил (D.46.3.38.1). Аутентичность фрагмента оспаривается, однако сомнения не касаются запрета, что свидетельствует о полном контроле должника над исполнением и подчинённом положении кредитора. Следовательно, делегация платежа не требовала согласия кредитора: как отмечает Дождев, присутствие скрытого волеизъявления делегатария структурно задано, а движение ценностей происходит между формально посторонними лицами³.

Платёж третьего лица в отсутствие возложения в римском праве

Отмеченная функциональная близость, заключающаяся в освобождении должника в результате исполнения, объединяет не только две разновидности делегации. То же самое касается и платежа в отсутствие возложения. В источниках такой вариант исполнения часто рассматривается в отрыве от делегации. Однако при этом отмечается аналогичный юридический эффект: освобождение (*liberatio*) должника от его обязательства. Одно из наиболее ранних упоминаний о возможности платежа в отсутствие возложения встречается уже у Помпония:

D.46.3.23. Pomp. 24 ad Sab.

Solutio vel iudicium pro nobis accipiendo et inviti et ignorantes liberari possumus.

³ Ср.: Дождев Д.В. Делегация и исполнение... С. 152.

Платежом или выступлением за нас в процессе мы освобождаемся, даже возражая или не зная.

Юрист уравнивает платеж третьего лица с выступлением на стороне должника «Нас» в судебном процессе. По его мнению, оба действия, совершаемые за «Нас», производят «Наше» освобождение. Такое уподобление становится очевидным, если учесть юридический эффект *litis contestatio*. Как известно, после перехода дела на стадию *apud iudicem* прежнее обязательство подлежало прекращению *ipso iure*, а взамен него возникало новое. В то время как в интенции оставалось имя прежнего должника, в кондемнании уже указывалось имя нового (Gai. 4.87).

Римский формулярный процесс предполагал различные способы процессуального заступничества. Выступать со стороны ответчика мог прокуратор. Обычно основанием его вступления в процесс выступало поручение со стороны ответчика (*mandatum*). Однако так было не всегда. Гай сообщает о том, что прокуратор мог вступить в процесс и в отсутствие всякого поручения просто потому, что он ведет это дело по доброй совести и дал гарантию его одобрения доминусом (Gai. 4.84). Это сближает положение такого заступника с гестором, ведущим чужие дела без поручения. Гипотезой ведения такого дела и возникновения иска у гестора, по мнению Цельса, являлась его необходимость и отсутствие обременительности для доминуса (D. 3.5.9.1). В поздний классический период эта идея связывается с публичным интересом и распространяется на любого защитника (*defensor*). Так, например, Ульпиан, ссылаясь на императорский рескрипт, утверждая, что справедливо допускать в процесс всякого, кто заступает за отсутствующего лица, рискующего понести ущерб в связи с обвинением (D. 3.3.33.2).

Освобождение должника платежом третьего лица встречается и в источниках императорского законодательства. Так, например, рескрипт Гордия (C. 8.42.5) 238 г. н.э. предписывал, что третье лицо, осуществившее платеж, не может понудить кредитора передать ему обязательственное требование к должнику. Однако платеж, совершаемый другим на имя должника, прекращает обязательство последнего (*licet solutione ab alio facta nomine debitoris evanescere solet obligatio*). Более поздний рескрипт Диоклетиана и Максимилиана 293 г. н.э. (C. 8.42.17) уже признает как общепринятое правило (*manifesti iuris est*), что платеж третьего лица за должника прекращает обязательство ровно также, как предоставление вещей в счет денежного долга с согласия кредитора.

В наиболее общем виде данное правило сформулировал Гай в двух знаменитых фрагментах:

D. 3.5.38 pr. Gai. 3 de verb. oblig.

Solvendo quisque pro alio licet invito et ignorante liberat eum: quod autem alicui debetur, alius sine voluntate eius non potest iure exigere. naturalis enim simul et civilis ratio suasit alienam condicionem meliorem quidem etiam ignorantis et inviti nos facere posse, deteriore non posse.

Платеж в пользу другого освобождает последнего даже при его незнании или возражении: что, однако, причитается одному, другой не может потребовать без согласия первого. ведь в силу естественного, а равно гражданского порядка мы можем улучшить положение возражающего и незнающего, но не ухудшить его.

D 46.3.53 Gai 5 ad ed. prov.

Solvere pro ignorante et invito cuique licet, cum sit iure civili constitutum licere etiam ignorantis invitique meliorem condicionem facere.

Платеж за незнающего и возражающего дозволяется кому угодно, поскольку по цивильному праву дозволено улучшать положение незнающего или возражающего.

Для Гая, как и Помпония, платеж, совершаемый третьим лицом, производит юридический эффект *ipso iure*. Для него, как и Помпония, прекращение обязательства не требует ни согласия, ни даже знания должника. Однако в отличие от текста предшественника Гай вводит некоторое дополнение. Во-первых, он генерализирует это правило, утверждая, что платеж может осуществить всякий (*quisque*), и что всякому дозволено его совершить. Во-вторых, юрист, в отличие от других, ранее упомянутых текстов, дает и объяснение такого правила: улучшение положение лица дозволяется и без его согласия.

Примечательно и расхождение между двумя фрагментами Гая. Речь не только об их расположении в Дигестах и в палингенетической реконструкции. В первом фрагменте содержится противопоставление, отсутствующее во втором. Платеж за должника противопоставляется требованию за кредитора. Данная техника в романистике называется зеркальным противопоставлением, исходный казус заменяется на его противоположность¹. Тем самым Гай дает дополнительное обоснова-

ние своему ключевому аргументу ещё до его введения. При этом сопоставляются несколько структурных элементов. Во-первых, незнающий и возражающий (*ignorante et invito*) должник и кредитор, не выразивший волю (*sine voluntate*) на то, чтобы третье лицо принимало за него исполнение. Такое сопоставление позволяет раскрыть значение первого словосочетания. Исполнить можно не только в случае, когда должник возражает, но и тогда, как он не выражает никакой воли на это. Во-вторых, сопоставляется само исполнение (*solutio*) и осуществление права (*iure exigere*). Исполнить может кто угодно, но не всякий может принять исполнение. Отсутствие активной легитимации на иск не приводит к освобождению должника, в то время как отсутствие пассивной легитимации этому не препятствует.

Таким образом, Гай обособляет самовольное участие третьего лица на стороне должника от аналогичного участия на стороне кредитора, предусматривая для двух ситуаций различные правовые последствия. Отмеченный прием отзеркаливания ведет уже к отмеченному выше объяснению правила. Платеж за должника третьим лицом допустим, потому что оно улучшает его положение, тогда как истребование долга за кредитора делает положение последнего хуже. Примечательно, что, в отличие от второго фрагмента, в первом Гай не удовлетворяется ссылкой лишь на позитивный правопорядок (*civilis ratio*). В дополнение он также ссылается на естественный порядок вещей (*naturalis ratio*).

Как это часто бывало с текстами римских юристов, содержащими необычную аргументацию, фрагмент Гая в этой части тоже признавался интерполированным. Так, по мнению Фрезе, признаком компиляции является избыточная двойная аргументация со ссылкой на *naturalis et civilis ratio*, которая во времена римских юристов заменила трехчастное деление права на цивильное, народное и естественное (*ius civile, ius gentium, ius naturale*)².

Сомнения, высказанные в отношении аутентичности суждения, вполне объяснимы. Дело в том, что такое правило, несмотря на его распространенность среди римских юристов, поддерживалось не всеми. До нас дошло и противоположное мнение Лабеонов (D. 46.3.91), согласно которому, если присутствующий должник не хочет, чтобы третье лицо его освободило, то последнее не может этого сделать. Павел критиковал мнение своего предшественника, сводя обсуждаемую проблему к институту новации. С его точки зрения, третье лицо может приказать своему собственному должнику заключить стипуляцию с кредитором, что произведет аналогичный эффект. Комментарий Павла, возможно, отклоняется от проблемы, поставленной Лабеоном. Публикационный юрист делает акцент не на юридическом эффекте платежа, который в обоих случаях действительно идентичен, но на самом вторжении третьего лица в чужое обязательственное отношение, которое кажется ему недопустимым. Именно такое вторжение пытался оправдать Гай, ссылаясь на улучшение положения должника.

При этом тот же Гай называл в числе условий такого платежа волю кредитора (Gai. 3.168). Данное условие впоследствии рассматривалось как общее правило (*manifestum ius*) в императорском законодательстве (C. 8.42.17), а также в праве Юстиниана (I. 3.29). Таким образом, в отличие от делегации платежа при самовольном исполнении третьим лицом учитывались интересы кредитора. Не совсем ясно, какие именно интересы кредитора могли подлежать учету. В источниках можно обнаружить лишь свидетельство Ульпиана, полагавшего, что квалификация должника могла обусловить невозможность осуществления работы поручителем за должника (D. 36.3.31).

Заключение

Проведённый анализ показывает, что делегация платежа и исполнение третьим лицом без возложения являлись в римском праве самостоятельными конструкциями различавшиеся прежде всего значением воли должника и кредитора. При делегации считалось, что платеж производит сам должник, поэтому кредитор не мог не принять исполнение. При исполнении без возложения учет воли должника являлся предметом дискуссии. Лабеонов возражал против вторжения в обязательство третьего лица, тогда как Гай оправдывал такое вторжение улучшением положения должника. При этом, в отличие от делегации платежа, при совершении самовольного платежа третьим лицом требовалось согласие кредитора.

Литература

1. Дождев Д. В. Делегация и исполнение: анатомия обязательства // Европейская традиция частного права. исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 2: Залоговое право. Обязательство. Договор купли-продажи. М.: «Статут», 2021. С. 104–228;
2. Кретчмар П. Исполнение. Часть первая. Исторические и догматические основы // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 245–282;

¹ См.: Emunds Ch. Solvendo quisque pro alio liberat eum. Studien zur befreienden Drittleistung im klassischen römischen Recht. Berlin: Duncker&Humblot, 2007. S. 29.

² См.: Frese B. Viva vox iuris civilis // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 43 (1922). S. 483–484.

3. Frese B. *Viva vox iuris civilis* // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 43 (1922). S. 466–484.
4. Gidé P. *Observations sur les contrats litteris* // Revue de législation ancienne et moderne française et étrangère. Vol. 3 (1873). P. 121–162
5. Hartmann G. *Die Obligation: Untersuchungen über ihren Zweck und Bau*. Erlangen: Deichert, 1875. 277 S.;
6. Emunds Ch. *Solvendo quisque pro alio liberat eum*. Studien zur befreienden Drittleistung im klassischen römischen Recht. Berlin: Duncker&Humblot, 2007. 472 S.
7. Mitteis L. Kretschmar Paul, *Die Erfüllung...* // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. Bd. 30 (1909). S. 437–457.
8. Von Jhering R. *Mitwirkung für fremde Rechtsgeschäfte* // Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. Bd. 2 (1858). S. 67–180.

PERFORMANCE OF AN OBLIGATION BY A THIRD PARTY: HISTORICAL ANALYSIS¹

Pestov M.M.

Kutafin Moscow State Law University, S.S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

The article aims to analyze the institution of performance of an obligation by a third party, enshrined in paragraphs 1 and 2 of Article 313 of the Russian Civil Code. There are combined two mechanisms rooted in Roman law: delegation of payment (*delegatio solvendi*) and third-party performance without the debtor's instruction. The purpose of the article is to identify the historical-legal grounds for, and distinctions between, these two constructs

through an analysis of their Roman origins. The novelty of the work lies in the systematic comparison of both mechanisms, not previously examined in their interrelation. The methodology comprises historical-legal and comparative-legal analysis of primary sources such as fragments of the Digest and the Codex Justinianus together with a critical review of doctrinal theories. The results demonstrate that *delegatio solvendi* and unauthorized third-party performance were independent constructs distinguished by the significance attached to the will of the debtor and the creditor: under delegation, payment was legally equated with performance by the debtor himself, whereas unauthorized performance required the creditor's consent.

Keywords: performance, third party, debtor, creditor, payment, discharge of obligation

References

1. Dozhdev D.V. *Delegation and Performance: The Anatomy of an Obligation* // The European Tradition of Private Law. Studies in Roman and Comparative Law: in 2 volumes. Vol. 2: Pledge Law. Obligation. Sale and Purchase Agreement. Moscow: Statut, 2021. pp. 104–228;
2. Kretschmar P. *Performance. Part One. Historical and Dogmatic Foundations* // Civil Law Bulletin. 2011. No. 5. pp. 245–282;
3. Frese B. *Viva vox iuris civilis* // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 43 (1922). S. 466–484.
4. Gidé P. *Observations sur les contrats litteris* // Revue de législation ancienne et moderne française et étrangère. Vol. 3 (1873). P. 121–162
5. Hartmann G. *Die Obligation: Untersuchungen über ihren Zweck und Bau*. Erlangen: Deichert, 1875. 277 S.;
6. Emunds Ch. *Solvendo quisque pro alio liberat eum*. Studien zur befreienden Drittleistung im klassischen römischen Recht. Berlin: Duncker&Humblot, 2007. 472 S.
7. Mitteis L. Kretschmar Paul, *Die Erfüllung...* // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. Bd. 30 (1909). S. 437–457.
8. Von Jhering R. *Mitwirkung für fremde Rechtsgeschäfte* // Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. Bd. 2 (1858). S. 67–180.

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКР 1024031700017–4–5.5.1–5.5.1–5.5.1 «Исполнение договорного обязательства третьим лицом в общих положениях обязательственного права».

Полидорский Павел Андреевич,
абитуриент, выпускник магистратуры МГЮА
им. О.Е. Кутафина
E-mail: polidorskij@gmail.com

Статья посвящена анализу понятия benefits в концепции Limitation on Benefits (LOB), закрепленной в статье 29 МК ОЭСР 2017 и статье 7 MLI. Автор обосновывает, что перевод термина benefits как «льготы» не передает его точного юридического значения в контексте соглашений об избежании двойного налогообложения. Такие соглашения координируют налоговые права договаривающихся государств и устанавливают пределы их осуществления. На основе пункта 175 Комментария к статье 29 МК ОЭСР 2017 и соответствующих положений МК ООН 2021 показано, что benefits следует понимать как договорные преимущества. Они дают лицу возможность применить договорное ограничение налоговой юрисдикции договаривающегося государства и охватывают распределительные положения статей 6–22, механизм устранения двойного налогообложения по статье 23, а также отдельные аспекты статьи 24 о недискриминации. Сделан вывод о том, что широкое понимание договорных преимуществ приближает практический эффект непрохождения LOB-теста к утрате доступа к материальным положениям СИДН, хотя юридическое основание такого отказа отличается от непрохождения теста резидентства.

Ключевые слова: Соглашение об избежании двойного налогообложения, СИДН, договорные преимущества, Limitation on Benefits, LOB, treaty shopping, BEPS, Модельная конвенция ОЭСР, Модельная конвенция ООН, налоговая юрисдикция, налоговая льгота, устранение двойного налогообложения, недискриминация.

Введение

Соглашения об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН) традиционно связывают с двумя функциями: устранением или смягчением международного двойного налогообложения и распределением налоговой юрисдикции между договаривающимися государствами. Договорная техника, позволяющая ограничить налог у источника или устранить двойное налогообложение в государстве резидентства, одновременно создает пространство для структур, в которых связь с соответствующим договаривающимся государством является формальной или недостаточной.

Так возникает проблема treaty shopping. Ее существо заключается не столько в снижении налоговой нагрузки, сколько в получении доступа к СИДН лицом, для которого соответствующие договорные ограничения налоговой юрисдикции не предназначались. Например, лицо из третьего государства может включить в структуру владения компанию из юрисдикции, имеющей более благоприятное СИДН с государством источника. Формально такая компания будет резидентом договаривающегося государства, однако ее экономическая связь с этим государством может оказаться слабой или искусственно созданной. Применение СИДН в такой ситуации затрагивает баланс налоговых прав, согласованный договаривающимися государствами.

Для противодействия treaty shopping в договорной практике, прежде всего в практике США, получили развитие положения Limitation on Benefits (далее – LOB). Позднее этот подход вошел в международную повестку проекта Base Erosion and Profit Shifting (далее – BEPS). В Итоговом отчете Организации экономического сотрудничества и развития «Preventing the Granting of Treaty Benefits in Inappropriate Circumstances, Action 6–2015 Final Report» (далее – Отчет по BEPS Action 6) LOB-положения рассматриваются как один из способов предотвращения неправомерного получения преимуществ по налоговым соглашениям. Та же идея отражена в статье 7 MLI и статье 29 МК ОЭСР 2017.

Для анализа LOB принципиально важно определить предмет ограничения. Английский термин benefits в русскоязычных текстах часто передается как «льготы». Такой перевод понятен: применение СИДН нередко приводит к снижению налога у источника, освобождению дохода от налогообложения или предоставлению зачета. Однако юридически термин «льгота» отсылает к иной конструкции. Во внутреннем налоговом праве льгота обычно означает установленное законом преимущество для определенной категории налогоплательщиков по сравнению с общим режимом налогообложения. СИДН действует иначе: оно ограничивает реализацию налогового притязания, уже возникшего по национальному праву соответствующего государства.

В настоящей статье benefits рассматриваются как договорные преимущества. Такой перевод точнее отражает природу СИДН: лицо применяет международно-правовое ограничение налоговой юрисдикции одного или обоих договаривающихся государств, а не получает «льготу» в смысле внутреннего налогового права.

Статья направлена на определение содержания benefits при применении LOB и на выявление положений СИДН, которые входят в этот объем. Для этого рассматриваются природа СИДН как инструмента координации налоговых юрисдикций, отличие договорных преимуществ от налоговых льгот во внутреннем праве и официальное толкование benefits в комментариях к МК ОЭСР 2017 и МК ООН 2021.

СИДН как инструмент ограничения налоговой юрисдикции

СИДН не заменяет внутреннее налоговое право договаривающихся государств. Национальное право определяет налогоплательщика, объект налогообложения, налоговую базу, ставку, порядок исчисления и уплаты налога. Соглашение применяется после возникновения налогового притязания по внутреннему праву хотя бы одного государства. Его роль заключается в проверке того, может ли такое притязание быть реализовано полностью либо подлежит ограничению в силу международного обязательства.

СИДН следует рассматривать как инструмент координации налоговых юрисдикций. Например, при внутренней ставке налога на дивиденды 15% и договорном ограничении в размере 5% получатель дохода получает экономическую выгоду. Юридическое основание этого ре-

зультата заключается в исполнении государством источника договорного обязательства не облагать доход сверх согласованного предела.

Такой механизм виден в распределительных статьях СИДН. Положения о дивидендах, процентах и роялти обычно допускают налогообложение в государстве источника, но ограничивают его максимальной ставкой. Положения о прибыли от предпринимательской деятельности связывают налогообложение в другом государстве с наличием постоянного представительства. Положения о приросте капитала распределяют налоговые права в зависимости от вида отчуждаемого имущества и его связи с соответствующей юрисдикцией.

В этих случаях налогоплательщик получает практический результат в виде меньшего налога или освобождения от налога. Такой результат основан на международно-правовом распределении налоговых прав, а не на внутренней налоговой льготе.

Различие между этими конструкциями хорошо видно при сопоставлении с российским понятием налоговой льготы. В пункте 1 статьи 56 НК РФ льготы по налогам и сборам определяются как предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества, предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере.

Это определение построено вокруг внутреннего налогового закона и сравнения налогоплательщиков внутри одной налоговой системы. СИДН устроено иначе: оно распределяет между двумя государствами право на налогообложение трансграничного дохода или капитала и определяет пределы реализации такого права.

Перевод benefits как «льготы» может быть удобен в прикладном налоговом языке, но для анализа LOB он неточен. Такой перевод создает риск восприятия СИДН как источника налоговых послаблений, тогда как LOB ограничивает доступ к договорному ограничению налоговой юрисдикции.

Benefits как договорные преимущества

Термин benefits допускает несколько вариантов перевода: «выгоды», «преимущества», «льготы». В контексте LOB наиболее точным является термин договорные преимущества, поскольку он связывает benefit с применением международного соглашения, а не с односторонним налоговым послаблением.

При применении LOB benefit возникает в ситуации, когда лицо обращается к СИДН для изменения налогового результата, который следовал бы из внутреннего права одного из договаривающихся государств. Речь может идти о снижении ставки налога у источника, освобождении дохода от налогообложения, применении метода устранения двойного налогообложения или защите от дискриминационного налогообложения в предусмотренных соглашением случаях.

LOB проверяет наличие достаточной связи лица с договаривающимся государством, позволяющей пользоваться договорными ограничениями налоговой юрисдикции, согласованными этим государством с другим участником соглашения. В центре анализа находится допустимость применения СИДН, а не налоговая экономия как фактический результат.

Фактическая экономия может отсутствовать. Например, внутреннее право государства источника иногда предусматривает ставку ниже договорной или освобождает соответствующий доход от налогообложения. В такой ситуации налогоплательщику не требуется ссылка на СИДН. Тем не менее договорное преимущество сохраняет юридическое значение как потенциальная возможность применить договорное ограничение при менее благоприятном внутреннем регулировании.

Такое понимание уточняет назначение LOB. LOB не является общей антиуклонительной нормой, направленной против любой налоговой выгоды. Он определяет, какие резиденты договаривающегося государства имеют право пользоваться преимуществами конкретного соглашения. Отказ в benefits не лишает лицо статуса налогоплательщика и не является санкцией. Он означает невозможность применить соответствующее договорное ограничение. В таком случае налогообложение осуществляется по внутреннему праву, если иной результат не следует из другого применимого механизма.

Официальное толкование benefits в МК ОЭСР 2017 и МК ООН 2021

Пункт 175 Комментария к статье 29 МК ОЭСР 2017 имеет ключевое значение для понимания benefits. В нем benefit раскрывается через ограничения, налагаемые на договаривающееся государство. К таким ограничениям относятся снижение ставки налога, освобождение, отсрочка или возврат налога, предусмотренные статьями 6–22, механизм устранения двойного налогообложения по статье 23, защита резидентов

и граждан по статье 24 о недискриминации, а также иные аналогичные ограничения.

В этой формулировке важен сам способ описания benefit. Комментарий использует категорию ограничения, а не категорию льготы. Benefit описывается как предел осуществления налоговой юрисдикции, согласованный договаривающимися государствами. Поэтому термин договорные преимущества точнее передает содержание benefits в контексте LOB.

Комментарий также не ограничивает benefits снижением налога у источника. Прежде всего речь идет о распределительных положениях статей 6–22 МК ОЭСР 2017. Они определяют, какое государство вправе облагать соответствующий вид дохода или капитала и в каких пределах. Именно эти статьи чаще всего воспринимаются как источник treaty benefits, поскольку прямо влияют на размер налога у источника или на возможность налогообложения в другом государстве. Примерами являются ограничения по дивидендам, процентам и роялти, правила о прибыли от предпринимательской деятельности и положения о приросте капитала.

Наряду с распределительными положениями пункт 175 прямо указывает на статью 23 МК ОЭСР 2017, регулиющую устранение двойного налогообложения. Ее включение в объем benefits имеет самостоятельное значение. Статья 23 обычно обращена к государству резидентства. Она не всегда уменьшает налог у источника, но обеспечивает освобождение или зачет в государстве резидентства. Поэтому benefit при применении LOB может выражаться не только в ограничении государства источника, но и в обязанности государства резидентства устранить двойное налогообложение.

Отдельного анализа требует статья 24 МК ОЭСР 2017 о недискриминации. Эта статья неоднородна: одни ее положения защищают резидентов, другие могут распространяться на граждан или иные категории лиц. Поэтому квалификация конкретной гарантии недискриминации как benefit зависит от текста соответствующего СИДН и адресата такой гарантии.

МК ООН 2021 следует сходной логике. При этом Модельная конвенция ООН в большей степени ориентирована на сохранение налоговых прав государства источника, что прямо следует из ее вводных положений. Данное обстоятельство не меняет значения benefits, но показывает зависимость объема договорных преимуществ от баланса налоговых прав, выбранного конкретной моделью или двусторонним соглашением.

Официальное толкование benefits не позволяет свести этот термин только к положениям, уменьшающим налог у источника. Вместе с тем не каждое положение СИДН автоматически является benefit. Взаимосогласительная процедура, правила обмена информацией и отдельные механизмы разрешения вопроса о двойном резидентстве выполняющие процедурную или координационную функцию. Их автоматическое подчинение LOB привело бы к чрезмерному результату: лицо утратило бы не только материальное налоговое преимущество, но и механизмы, необходимые для правильного применения соглашения.

При определении benefits целесообразно использовать функциональный критерий. К договорным преимуществам, как правило, относятся положения СИДН, ограничивающие налоговую юрисдикцию государства или обеспечивающие устранение двойного налогообложения. Положения о процедуре применения соглашения, обмене информацией или разрешении спора между компетентными органами требуют отдельного обоснования для включения в объем LOB.

Соотношение LOB с тестом резидентства

Широкое понимание benefits делает необходимым разграничение LOB и теста резидентства. Статья 4 МК ОЭСР 2017 определяет, является ли лицо резидентом договаривающегося государства по смыслу соглашения. LOB решает иной вопрос: при наличии резидентства он проверяет доступ лица к договорным преимуществам.

Непрохождение теста резидентства и непрохождение LOB-теста имеют разные юридические основания. В первом случае лицо не входит в круг лиц, на которых распространяется СИДН. Во втором случае лицо может сохранять статус резидента, но не соответствовать дополнительным критериям доступа к benefits.

Практический эффект в ряде случаев будет близким. Поскольку benefits охватывают распределительные статьи, статью 23 и отдельные элементы статьи 24, отказ в benefits способен существенно ограничить доступ лица к материальным положениям СИДН. В этом смысле LOB приближается по последствиям к фильтру доступа к соглашению. Такое сближение, однако, имеет пределы: LOB не заменяет статью 4 и не меняет критерии резидентства. Он вводит дополнительный договорный фильтр, направленный на защиту соглашения от treaty shopping.

Это разграничение имеет значение для правоприменения. Слишком широкое толкование LOB способно заблокировать процедурные и координационные положения соглашения. Слишком узкое толкование, сводящее LOB только к сниженным ставкам у источника, не учитывает прямое указание Комментария к статье 29 МК ОЭСР 2017 на статью 23 и отдельные аспекты статьи 24. Поэтому предпочтителен промежуточный подход: LOB ограничивает доступ к договорным преимуществам, но не исключает автоматическое применение каждого положения СИДН.

Заключение

Термин *benefits* в LOB-положениях не следует безоговорочно передавать как «льготы». Такой перевод отражает возможный экономический результат применения СИДН, но не раскрывает юридическую природу соответствующего механизма. СИДН устанавливает пределы осуществления налоговой юрисдикции договаривающихся государств и распределяет между ними налоговые права.

Более точным является термин договорные преимущества. Он показывает, что лицо претендует на применение договорного ограничения, согласованного двумя государствами. Именно доступ к таким договорным преимуществам проверяется через LOB.

Пункт 175 Комментария к статье 29 МК ОЭСР 2017 подтверждает это понимание. Он определяет *benefit* через ограничения, налагаемые на договаривающееся государство, и относит к *benefits* распределительные положения статей 6–22, механизм устранения двойного налогообложения по статье 23, а также отдельные элементы статьи 24 о не-дискриминации. Соответствующий подход отражен и в МК ООН 2021.

При этом *benefits* не охватывают автоматически весь текст СИДН. Положения процедурного и координационного характера, включая взаимосогласительную процедуру и правила разрешения вопроса о двойном резидентстве, требуют отдельного анализа. Иначе LOB превратился бы из инструмента противодействия *treaty shopping* в общий механизм отказа в доступе к соглашению.

Для применения LOB *benefits* следует понимать как договорные преимущества, что есть возможность применять положения СИДН, ограничивающие налоговую юрисдикцию договаривающегося государства или обеспечивающие устранение двойного налогообложения. Такое понимание соответствует официальным комментариям, точнее отражает природу СИДН и позволяет избежать смешения договорных ограничений налоговой юрисдикции с налоговыми льготами во внутреннем праве.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ, ред. от 23.03.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

2. OECD. Model Tax Convention on Income and on Capital: Full Version 2017. – Paris: OECD Publishing, 2019. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/04/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-2017-full-version_g1g972ee/g2g972ee-en.pdf, дата обращения: 11.07.2026.

3. OECD. Preventing the Granting of Treaty Benefits in Inappropriate Circumstances, Action 6–2015 Final Report. OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. – Paris: OECD Publishing, 2015. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2015/10/preventing-the-granting-of-treaty-benefits-in-inappropriate-circumstances-action-6-2015-final-report_g1g5906e/9789264241695-en.pdf, дата обращения: 11.07.2026.

4. Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting, signed on 24 November 2016 // OECD. – URL: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/beps-mli/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-beps.pdf>, дата обращения: 11.07.2026.

5. United Nations. Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries 2021. – New York: United Nations, 2021. – URL: https://financing.desa.un.org/sites/default/files/2023-05/UN%20Model_2021.pdf, дата обращения: 11.07.2026.

6. Arnold B.J. International Tax Primer. 4th ed. – Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2019.

7. Baker P. Double Taxation Conventions: A Manual on the OECD Model Tax Convention on Income and on Capital. – London: Sweet & Maxwell, loose-leaf.

8. De Broe L. International Tax Planning and Prevention of Abuse: A Study under Domestic Tax Law, Tax Treaties and EC Law in Relation to Conduit and Base Companies. – Amsterdam: IBFD, 2008.

9. Duff D.G. Tax Treaty Abuse and the Principal Purpose Test. Part 1 // Canadian Tax Journal. – 2018. – Vol. 66. – № 3. – P. 619–677.

10. Duff D.G. Tax Treaty Abuse and the Principal Purpose Test. Part 2 // Canadian Tax Journal. – 2018. – Vol. 66. – № 4. – P. 947–1011.

11. Lang M. Introduction to the Law of Double Taxation Conventions. 3rd ed. – Wien: Linde Verlag, 2021.

12. Reimer E., Rust A., eds. Klaus Vogel on Double Taxation Conventions. 5th ed. – Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2022.

13. Rosenbloom H.D. Tax Treaty Abuse: Policies and Issues // Law and Policy in International Business. – 1983. – Vol. 15. – P. 763–794.

14. Van Weeghel S. The Improper Use of Tax Treaties: With Particular Reference to the Netherlands and the United States. – London: Kluwer Law International, 1998.

15. Vogel K. Double Taxation Conventions. 3rd ed. – London: Kluwer Law International, 1997.

THE CONCEPT OF CONTRACTUAL ADVANTAGES IN THE LIMITATION ON BENEFITS CONCEPT IN DTTs

Polidorsky P.A.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

This article examines the concept of *benefits* in the Limitation on Benefits (LOB) provision, as set out in Article 29 of the 2017 OECD Model Convention and Article 7 of the MLI. The author argues that translating *benefits* into Russian as «льготы» (tax reliefs) does not convey its precise legal meaning in the context of double tax treaties. Such treaties coordinate the taxing rights of the Contracting States and set limits on their exercise. Drawing on paragraph 175 of the Commentary to Article 29 of the 2017 OECD Model Convention and the corresponding provisions of the 2021 UN Model Convention, the article demonstrates that *benefits* should be understood as treaty *benefits*. They allow a person to invoke treaty-based limitations on the taxing jurisdiction of a Contracting State and include the distributive provisions of Articles 6–22, relief from double taxation under Article 23, and certain aspects of the non-discrimination provision under Article 24. The article concludes that a broad understanding of *benefits* brings the practical effect of failing the LOB test close to the loss of access to substantive treaty provisions, although the legal basis for such denial differs from failing the residence test.

Keywords: double tax treaty, DTT, treaty benefits, Limitation on Benefits, LOB, treaty shopping, BEPS, OECD Model Convention, UN Model Convention, tax jurisdiction, tax relief, elimination of double taxation, non-discrimination.

References

1. Tax Code of the Russian Federation. Part One of July 31, 1998, № 146-FZ, as amended on March 23, 2024 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1998. – № 31. – Art. 3824.

2. OECD. Model Tax Convention on Income and on Capital: Full Version 2017. – Paris: OECD Publishing, 2019. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/04/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-2017-full-version_g1g972ee/g2g972ee-en.pdf, accessed on July 11, 2026.

3. OECD. Preventing the Granting of Treaty Benefits in Inappropriate Circumstances, Action 6–2015 Final Report. OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. – Paris: OECD Publishing, 2015. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2015/10/preventing-the-granting-of-treaty-benefits-in-inappropriate-circumstances-action-6-2015-final-report_g1g5906e/9789264241695-en.pdf, accessed: 07/11/2026.

4. Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting, signed on November 24, 2016 // OECD. – URL: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/beps-mli/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-beps.pdf>, date of access: 11.07.2026.

5. United Nations. Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries 2021. – New York: United Nations, 2021. – URL: https://financing.desa.un.org/sites/default/files/2023-05/UN%20Model_2021.pdf, date of access: 11.07.2026.

6. Arnold B.J. International Tax Primer. 4th ed. – Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2019.

7. Baker P. Double Taxation Conventions: A Manual on the OECD Model Tax Convention on Income and on Capital. – London: Sweet & Maxwell, loose-leaf.

8. De Broe L. International Tax Planning and Prevention of Abuse: A Study under Domestic Tax Law, Tax Treaties and EC Law in Relation to Conduit and Base Companies. – Amsterdam: IBFD, 2008.

9. Duff D.G. Tax Treaty Abuse and the Principal Purpose Test. Part 1 // Canadian Tax Journal. – 2018. – Vol. 66. – № 3. – P. 619–677.

10. Duff D.G. Tax Treaty Abuse and the Principal Purpose Test. Part 2 // Canadian Tax Journal. – 2018. – Vol. 66. – № 4. – P. 947–1011.

11. Lang M. Introduction to the Law of Double Taxation Conventions. 3rd ed. – Wien: Linde Verlag, 2021.

12. Reimer E., Rust A., eds. Klaus Vogel on Double Taxation Conventions. 5th ed. – Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2022.

13. Rosenbloom H.D. Tax Treaty Abuse: Policies and Issues // Law and Policy in International Business. – 1983. – Vol. 15. – P. 763–794.

14. Van Weeghel S. The Improper Use of Tax Treaties: With Particular Reference to the Netherlands and the United States. – London: Kluwer Law International, 1998.

15. Vogel K. Double Taxation Conventions. 3rd ed. – London: Kluwer Law International, 1997.

Иммерсивные технологии: история появления и актуальные вопросы в контексте права интеллектуальной собственности

Сергиенко Владислав Игоревич,

магистр программы «Интеллектуальные права и право новых технологий», кафедра интеллектуальных прав, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: sergienko-vlad-i@yandex.ru

В статье рассматривается история появления иммерсивных технологий и отдельные вопросы в сфере интеллектуальной собственности, связанные с развитием технологий виртуальной реальности. Автор обосновывает, что виртуальная, дополненная, смешанная и расширенная реальность возникли как результат длительного развития человеко-машинного взаимодействия и индустрии виртуального цифрового контента. Отдельное внимание уделяется российскому нормативному регулированию технологий виртуальной реальности с учетом национальных особенностей их появления и развития. В статье рассматриваются одни из наиболее актуальных вопросов авторско-правовой охраны виртуальных объектов, проблема прав пользователей на создаваемый в виртуальной реальности цифровой контент, а также соотношение частных интересов правообладателей и публичного интереса в свободном развитии виртуального пространства для целей творчества.

Ключевые слова: иммерсивные технологии, виртуальная реальность, дополненная реальность, интеллектуальная собственность, виртуальные объекты, цифровая среда.

Иммерсивные технологии охватывают собой виртуальную, дополненную, смешанную и расширенную реальность, которые совместно будут именоваться в настоящей статье в качестве «технологий виртуальной реальности». Общий признак данных технологий заключается в наличии эффекта присутствия и вовлеченности в искусственно сконструированную или дополненную виртуальными цифровыми объектами среду.

В литературе свойство иммерсивности рассматривается как сочетание различных ощущений человека, присутствующего в искусственно созданном трехмерном мире, в котором можно, например, менять точку обзора, приближать и вращать объекты, изменять параметры сцены [1, с. 36]. Так, в образовательной практике иммерсивное обучение основано на погружении обучающихся в виртуальную среду с помощью технологий виртуальной реальности для цели достижения максимальной эффективности усвоения учебного материала [2].

Определенная в названии статьи тема исследования представляется интересной и важной для права интеллектуальной собственности, поскольку сегодня становится понятно, что виртуальная реальность представляет собой не только новый способ и форму визуализации информации, но и особую цифровую среду, в которой создаются, используются и воспроизводятся результаты интеллектуальной деятельности.

Истоки появления иммерсивных технологий связаны с решением довольно узких научных и инженерных задач моделирования тех объектов, которые затруднительно, невозможно или опасно для жизни воспроизвести в реальности (например, моделирование процесса управления автомобилем).

Иван Сазерленд в работе 1965 г. сформулировал идею «пределного дисплея» как комнаты, в которой компьютер способен контролировать существование материи. Такая среда, по его мнению, могла бы стать своеобразной «страной чудес» с программируемыми объектами [12, с. 508]. В этом тезисе прослеживается ключевая идея иммерсивности: компьютер не просто показывает образ, а создает самостоятельную среду для приобретения опыта присутствия, в том числе посредством осуществления в такой среде разного рода деятельности. Практическое развитие названной идеи обычно связывается с разработками Мортон Хейлига. Его запатентованное изобретение «Сенсорам» сочетало трехмерное изображение, звук, запахи, потоки воздуха и вибрацию сиденья.

Следующим значимым этапом развития технологий виртуальной реальности можно назвать придуманную Иваном Сазерлендом систему под названием «Меч Дамокла», которая позволяла поворачивать виртуальное поле зрения вслед за движением головы пользователя [8, с. 105]. Эта технология стала прототипом шлемов виртуальной реальности. Современные исследования содержат утверждение о том, что технологии виртуальной реальности приобрели массовую значимость именно после появления и популяризации шлемов виртуальной реальности, периферийных устройств и программных решений, обеспечивающих доступный и приемлемый пользовательский опыт [10].

Одним из современных направлений, популяризирующим технологии виртуальной реальности, является индустрия видеоигр. Игровые консоли смогли перенести виртуальное игровое пространство из аркадных залов в частное пространство пользователя [11, с. 215]. Поэтому неслучайно технологии виртуальной реальности завоевали интерес видеоигровой индустрии, и сегодня есть примеры видеоигр, разработанных эксклюзивно под шлемы виртуальной реальности. Однако, как отмечали М. Лемли и Е. Волох, виртуальная реальность имеет гораздо большие перспективы применения. Она используется для журналистики, коммуникации, 3D-искусства, архитектуры и дизайна [9, с. 51]. Р. Багери также отмечала, что иммерсивные технологии могут быть применимы в разных сферах, в том числе здравоохранении, недвижимости, розничной торговли [8, с. 102–103]. Сегодня сфера потенциального применения технологий виртуальной реальности имеет тенденцию к значительному расширению.

В России появление иммерсивных технологий связано с возникновением и развитием информационного общества, а также процессами массовой цифровизации. Например, И.М. Рассолов отмечает, что информационное право развивается как комплексная отрасль, а его

понятийный аппарат постепенно пополняется новыми категориями, связанными с сетевым взаимодействием, электронными документами, информационной продукцией и цифровыми посредниками [6, с. 92–93]. А.В. Корнев, в свою очередь, связывает современную правовую трансформацию с четвертой промышленной революцией и соединением физического, цифрового и биологического миров [4, с. 17]. Это позволяет прийти к выводу о том, что в России иммерсивные технологии развиваются в качестве частного направления общей концепции построения информационного общества.

Понимая потенциальную значимость появления и развития технологий виртуальной реальности, важным остается вопрос об их правовом регулировании. На сегодняшний день данное регулирование носит комплексный характер и включает в себя совокупность норм как частного, так и публичного права. Особый интерес вызывают некоторые вопросы правового регулирования, возникающие на стыке данных технологий с институтами права интеллектуальной собственности.

Так, одним из наиболее интересных можно назвать вопрос правовой квалификации самой иммерсивной среды. Например, Е.Е. Богданова отмечает, что виртуальная реальность возникла на пересечении исследований в области трехмерной компьютерной графики и человеко-машинного взаимодействия, а спектр смешанной реальности включает в себя, по меньшей мере, реальный мир, виртуальную и дополненную виртуальность [3]. Следовательно, становится понятно, что правовая охрана виртуальной реальности не может ограничиваться лишь одним объектом, поскольку виртуальная реальность – это составной, сложный объект. Речь может идти, например, об объединении в рамках одного объекта программы для ЭВМ, базы данных и произведений дизайна, а также пользовательского творчества.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с воспроизведением охраняемых объектов интеллектуальной собственности в виртуальной среде. О.А. Рузакова и Е.С. Гринь отмечают, что одной из проблем является возможность размещения в виртуальной реальности созданных в реальном мире результатов интеллектуальной деятельности, например, произведений графики на фасаде виртуального здания [7, с. 510]. В этом случае возникает вопрос необходимости получения согласия правообладателя на размещение объекта, созданного его творческим трудом, в виртуальной реальности.

Возможна и противоположная ситуация, когда, например, в виртуальной среде создается точная копия объекта, который сам по себе не является объектом интеллектуальных прав. Представляется, вопрос о возможности правовой охраны такого объекта должен решаться с учетом наличия или отсутствия общих критериев охраноспособности.

Говоря о пользовательском творчестве, применительно к вопросу его соотношения с виртуальной интерактивной средой, А.Г. Королева обращает внимание на то, что создание пользователями дополнительного контента для платформ виртуальной или дополненной реальности по общему правилу может порождать самостоятельные авторские права у пользователей, создавших такие объекты [5, с. 136]. Это означает, что универсальная модель, в которую входят разработчик (правообладатель) системы и ее пользователь, оказывается неполноценной. Пользователь может быть не только потребителем, но и автором нового охраняемого результата интеллектуальной деятельности. К слову, аналогичная проблематика свойственна и современным мультимедийным продуктам.

В заключение важно обратить внимание на комплексную проблему, связанную с вопросом соотношения частного и публичного интереса применительно к процессу цифровизации творческого пространства, в частности, в связи с появлением и развитием технологий виртуальной реальности. Например, по мнению Е.Е. Богдановой, законодатель и судебная практика необходимо искать баланс между интересами создателей виртуальных миров и общества, заинтересованного в развитии новых форм творческого самовыражения [3, с. 95]. В данном случае речь идет о соотношении монополии разработчика виртуального мира, которая выражается в наличии у него исключительного права, и наполнения пользователями виртуальных миров самостоятельными охраняемыми объектами. Последние, в свою очередь, преследуют интерес сохранения полной свободы для творчества в цифровой среде, что не всегда соотносится с исключительным правом правообладателя. Возможно, данная проблема решается путем актуализации под современные реалии цифровизации предусмотренных законодательством способов свободного использования результатов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, в рамках проведенного исследования можно сформулировать несколько выводов:

1) иммерсивные технологии возникли как результат взаимодействия человека с новыми информационными технологиями и направлены на поиск новых форм такого взаимодействия;

2) развитие иммерсивных технологий в России связано с общей тенденцией цифровизации и предполагает особое правовое регулирование посредством норм комплексного информационного права;

3) в контексте интеллектуальной собственности виртуальная реальность может рассматриваться в качестве самостоятельного неопределенного охраняемого объекта, а также представлять собой виртуальную среду для создания и использования иных самостоятельных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Литература

1. Азевич А.И. Иммерсивные технологии как средство визуализации учебной информации // Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования». 2020. № 2 (52). С. 35–43.
2. Ананин Д.П., Сувиорова А.Ю. Иммерсивные технологии в образовательной практике российской высшей школы // Высшее образование в России. 2024. № 5. С. 112–135.
3. Богданова Е.Е. Охрана интеллектуальных прав в сферах виртуальной и дополненной реальности // Lex Russica. 2020. № 7 (164). С. 86–96.
4. Корнев А.В. Дигитализация права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 11–18.
5. Королева А.Г. Субъекты интеллектуальных прав в области технологий виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6 (115). С. 133–142.
6. Рассолов И.М. Информационное право и информационное законодательство в условиях инновационного развития // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65). С. 92–96.
7. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 502–523.
8. Bagheri R. Virtual Reality: The Real Life Consequences // UC Davis Business Law Journal. 2017. Vol. 17. P. 101–120.
9. Lemley M.A., Volokh E., The Real Law of Virtual Reality // Stanford Public Law Working Paper, 51, 2017. P. 51–64.
10. Lewis C., Harris F.C. Jr. An Overview of Virtual Reality. Reno: University of Nevada, 2022. 11 p.
11. Lu Zhouxiang. The Birth and Development of Sports Video Games From the 1950s to the Early 1980s // Sport History Review. 2023. Vol. 54. Issue 2. P. 200–224.
12. Sutherland I.E. The Ultimate Display // Proceedings of IFIP Congress. 1965. P. 506–508.

IMMERSIVE TECHNOLOGIES: HISTORY OF EMERGENCE AND CURRENT ISSUES IN INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Sergienko V.I.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the history of the emergence of immersive technologies and selected issues in the field of intellectual property associated with the development of virtual reality technologies. The author argues that virtual, augmented, mixed, and extended reality emerged as a result of the long-term development of human-machine interaction and the virtual digital content industry. Particular attention is paid to Russian regulatory approaches to virtual reality technologies, taking into account the national specificities of their emergence and development. The article considers some of the most pressing issues of copyright protection of virtual objects, the problem of user's rights to digital content created in virtual reality, as well as the relationship between the private interests of rights holders and the public interest in the free development of virtual space for creative purposes.

Keywords: immersive technologies; virtual reality; augmented reality; intellectual property; virtual objects; digital environment.

References

1. Azevich A.I. Immersive technologies as a means of visualizing educational information // Moscow City University Bulletin. Series «Informatics and Informatization of Education». 2020. No. 2 (52). P. 35–43.
2. Ananin D.P., Suvirova A. Yu. Immersive technologies in the educational practice of Russian higher education // Higher Education in Russia. 2024. No. 5. P. 112–135.
3. Bogdanova E.E. Protection of intellectual rights in the fields of virtual and augmented reality // Lex Russica. 2020. No. 7 (164). P. 86–96.
4. Kornev A.V. Digitalization of law: problems and prospects // Actual Problems of Russian Law. 2019. No. 6 (103). P. 11–18.
5. Koroleva A.G. Subjects of intellectual rights in the field of virtual and augmented reality technologies // Actual Problems of Russian Law. 2020. No. 6 (115). P. 133–142.
6. Rassolov I.M. Information law and information legislation in the context of innovative development // Actual Problems of Russian Law. 2016. No. 4 (65). P. 92–96.

7. Ruzakova O.A., Grin E.S. Issues of intellectual property protection in the field of virtual and augmented reality technologies (VR, AR) // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. No. 49. P. 502–523.

8. Bagheri R. Virtual reality: the real-life consequences // UC Davis Business Law Journal. 2017. Vol. 17. P. 101–120.

9. Lemley M.A., Volokh E. The real law of virtual reality // Stanford Public Law Working Paper. 2017. No. 51. P. 51–64.

10. Lewis C., Harris F.C. Jr. An overview of virtual reality. Reno: University of Nevada, 2022. 11 p.

11. Lu Zhouxiang. The birth and development of sports video games from the 1950s to the early 1980s // Sport History Review. 2023. Vol. 54. Issue 2. P. 200–224.

12. Sutherland I.E. The ultimate display // Proceedings of IFIP Congress. 1965. P. 506–508.

Эволюция регламентации этических основ поведения судей Французской Республики во внесудебной деятельности

Соловьёв Андрей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета (МГЮА имени О.Е. Кутафина); профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: sportlaw2014@rambler.ru.

Требования к необходимости соблюдения судьями этических правил не ограничивается лишь отправлением правосудия, а распространяется и на их внесудебную деятельность. При этом существенный исследовательский интерес представляет опыт Французской Республики – государства, в котором соответствующие институты получили весьма детальную регламентацию в процессе их эволюции. Предметом исследования являются нормы французского законодательства (в том числе «мягкого права»), посвященные судейской этике. Научная новизна исследования заключается в формировании комплексного представления об эволюции регламентации этических основ поведения магистратов Французской Республики во внесудебной деятельности. Методологическую основу составили общенаучные и специально-юридические методы исследования: системный, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и иные. В статье автор выделяет три этапа такой эволюции: зарождение нормативной базы – «этап сдержанности», институционализация и кодификация «мягкого права» в Сборнике этических обязательств магистратов и введение жестких деонтологических стандартов. Результаты исследования могут быть использованы для развития представлений о зарубежных моделях правовой регламентации вопросов судейской этики. Кроме того, представляется возможным использовать наиболее удачный исследованный нами зарубежный опыт в процессе реформирования отечественной судебной системы.

Ключевые слова: судейская этика, зарубежный опыт, Французская Республика, этические обязательства, магистраты, внесудебная деятельность.

Требования к необходимости соблюдения судьями этических правил не ограничивается лишь их деятельностью по отправлению правосудия.

В части 1 статьи 1 Кодекса судейской этики, утвержденного VI-II Всероссийским съездом судей 19.12.2012 [1], справедливо указано, что устанавливаемые им правила поведения, основанные на высоких нравственно-этических требованиях, положениях законодательства Российской Федерации, международных стандартах в сфере правосудия и поведения судей, распространяются и на внесудебную деятельность судьи. Глава 4 данного акта как раз посвящена принципам и правилам поведения судьи во внесудебной деятельности.

При этом следует иметь в виду, что сходное правовое регулирование свойственно и многим зарубежным правовым порядкам.

В настоящей статье мы остановимся на эволюции регламентации этических основ поведения судей во внесудебной деятельности на примере Французской Республики.

С момента начала действия Ордонанса № 58–1270 от 22.12.1958, содержащего Органический закон о статусе магистратуры [5], внесудебная деятельность судей регулировалась преимущественно через классическую «обязанность проявлять сдержанность». Соответствующее поведение оценивалось с точки зрения недопущения явных политических демаршей или дискредитации самого звания судьи. Нормы носили общий характер, а конкретные границы дозволенного поведения определялись точечной дисциплинарной практикой Высшего совета магистратуры ключевой функцией которого является обеспечение независимости судебной власти.

Первым базовым специальным актом «мягкого права», регламентирующим вопросы судейской этики в этой стране, стал опубликованный в 2010 году **Сборник этических обязательств магистратов** (в число которых входят и судьи) [7].

В Сборнике содержался ряд положений, посвященных поведению судей во внесудебной деятельности.

К 2019 году Высший совет магистратуры переработал указанную редакцию Сборника и 9 января 2019 года на пленарном заседании Высшего совета магистратуры была принята его **обновленная версия** [8], которая состояла из двух разделов: «Ценности магистрата» и «Положения».

В первом разделе Сборника интересующей нас проблематике посвящен ряд положений.

Применительно к **принципу независимости** указано, что, магистраты имеют право на уважение их частной жизни. Причем это право принадлежит им, как и любым гражданам. Вместе с тем они не должны публично вести себя так, чтобы кто-либо смог поставить под сомнение независимость при выполнении ими своих должностных обязанностей.

Также магистрат, как и любой гражданин пользуется свободой вероисповедования и вправе вступать в любую политическую партию, профессиональный союз, ассоциацию или иное общественное объединение. Важно, что, реализуя такое право, он не должен подчиняться правилам или соблюдать ограничения, которые отрицательно влияют на свободу его мыслей или действий и умаляют его независимость.

Действующие магистраты не требуют для себя, прямо или косвенно, знаков отличия.

Теперь обратимся к положениям, содержащимся во втором разделе Сборника.

Ряд интересующих нас предписаний можно найти в главе **«Магистрат и другие виды его деятельности»**.

Помимо всех своих судебных и административных функций, магистрат может осуществлять множество прочих видов деятельности.

Некоторые из них носят вспомогательный характер. Они регулируются конкретными нормативными правовыми актами, предусматривающими участие магистратов, работающих в судебной системе, в частности в качестве членов «ex officio» (по должности, в силу служебного положения), в различных органах (независимые административные органы, конкурсные жюри, коллегии, комиссии и различные комитеты). При исполнении этих функций магистраты подчиняются определенным этическим правилам и обязательствам, на которые следует ссылаться. Тем не менее они остаются связанными правилами профессиональной этики, присущими их статусу.

Другие виды деятельности осуществляются магистратом не в силу должности, а по личному выбору. В эту значительную категорию вхо-

дят виды деятельности любого рода. Среди них деятельность в составе профсоюзов и ассоциаций требует особого рассмотрения, применительно к должности магистрата и его обязанностям.

Остаются виды деятельности, иногда не связанные с юридическими компетенциями, которые осуществляются параллельно с профессией магистрата. Ордонанс не игнорирует их, а охватывает в общих чертах, в своих отдельных положениях. Для их описания будет проводиться различие между совмещением различных видов деятельности магистратом, осуществляющим свои полномочия в обычном порядке, и магистратом, имеющим особый статус.

Рассмотрим регламентацию совмещения различных видов деятельности магистратом, осуществляющим свои полномочия в обычном порядке.

Ситуации совмещения различных видов деятельности могут относиться к деятельности профессионального или частного характера, оплачиваемой или на общественных началах. Некоторые совмещения возможны при условии получения разрешения. Остальные виды деятельности можно выполнять свободно.

В любом случае эти действия должны осуществляться с соблюдением этических обязательств, представленных в рассматриваемом Сборнике.

Магистраты, получившие назначение или освобождение от деятельности в связи с их профсоюзной деятельностью, на неполный или полный рабочий день, занимают должность в соответствии со статьей 67 Ордонанса № 58–1270 от 22.12.1958, содержащем Органический закон о статусе магистратуры (далее также – Ордонанс) [5].

Согласно указанной норме, для каждого действующего магистрата предусмотрен один из следующих административно-правовых статусов (служебных положений): непосредственное исполнение должностных обязанностей (действительная служба); временное откомандирование; нахождение в кадровом резерве; прохождение действительной военной службы; нахождение в отпуске по уходу за ребенком.

Таким образом, они должны соблюдать предписания, касающиеся несовместимости (невозможности занятия отдельными видами деятельности), содержащиеся в Ордонансе.

Статья 9 Ордонанса устанавливает строгую несовместимость статуса магистрата с мандатами в национальном и Европейском парламентах, а также с высшими выборными и исполнительными должностями в заморских территориях Франции.

Ордонанс запрещает магистрату осуществлять полномочия в округе, где в течение предшествующих пяти лет он замещал выборный пост или выдвигал свою кандидатуру на выборах. Исключением являются бывшие представители в Европейском парламенте, для которых этот ограничительный период составляет три года.

Указанные в рассматриваемой статье ограничения не применяются к магистратам Кассационного суда.

Статья 9–1 Ордонанса устанавливает жесткий пятилетний запрет для действующих и бывших магистратов на занятие юридической практикой. В течение этого срока им запрещено работать в качестве адвокатов, нотариусов, судебных приставов, секретарей торговых судов, арбитражных управляющих или ликвидаторов, а также входить в штат сотрудников указанных специалистов в пределах того судебного округа, где они отправляли правосудие.

Аналогичный заградительный механизм закреплен в статье 9–1–1 Ордонанса в отношении заморских территорий Франции (Сен-Бартелеми, Сен-Мартен, Сен-Пьер и Микелон, Майотта, Французская Полинезия). Магистратам и бывшим магистратам запрещено занимать административные должности в местных органах власти или государственных ведомствах на данных территориях, если с момента завершения их судебной службы в соответствующем регионе прошло менее двух лет.

Следовательно, **при возникновении ситуации несовместимости статусов магистрат обязан либо прекратить нелегитимную внеслужебную активность, либо сложить свои полномочия.** В правоприменительной практике подобные конфликты чаще всего провоцируются вовлечением судьи в коммерческую практику или политическую деятельность.

Законодательный запрет на любое иное профессиональное совмещение преследует двудеятельную цель: гарантировать максимальную вовлеченность магистрата в отправление правосудия и полностью исключить возможность внешнего влияния на принимаемые им процессуальные решения [6].

При этом, **совмещение может как требовать специального разрешения, так и не требовать такового.**

Рассмотрим совмещение, требующее разрешения. Совмещение в рамках профессиональной деятельности магистратов строго регламентировано. Выполнение функций магистрата в принципе несовместимо со всеми прочими государственными функциями и любой

другой профессиональной или оплачиваемой деятельностью. Это требование, изложенное в статье 8 Ордонанса, должно пониматься как устанавливающее общий принцип недопущения совмещения оплачиваемых должностей, на которое, однако, распространяются перечисленные ниже исключения. В пункте 2 статьи 8 Ордонанса добавляется, что магистратам по решению председателей судов могут быть предоставлены индивидуальные исключения для проведения занятий по отдельным темам.

Таким образом устанавливается баланс: магистратом разрешается заниматься научной и преподавательской деятельностью, связанной с их компетенцией, по согласованию с руководством суда. Это исключение направлено на интеграцию судебного опыта при неукоснительном соблюдении этических принципов.

Деятельность в качестве арбитра (третейского судьи) в негосударственных (третейских) судах по общему правилу для магистратов запрещена.

Для других видов деятельности исключения должны предоставляться с максимальной осторожностью. Абсолютной является несовместимость с деятельностью, требующей регистрации в рамках свободного социального, ремесленного или коммерческого режима в областях, связанных или же не связанных с юридическими профессиями.

Магистрат, который планирует заниматься деятельностью, подпадающей под действие исключения, должен сначала обратиться за разрешением к председателю суда. В случае изменения условий осуществления деятельности он заблаговременно сообщает об этом председателю суда. Со своей стороны, председатели судов контролируют характер и объем видов предполагаемой деятельности и санкционируют только те, которые не представляют риска не только для достоинства и независимости магистрата, но и для его постоянной готовности выполнять все функции по основному месту работы.

После того, как разрешение было предоставлено или продлено, магистрат должен осуществлять деятельность с соблюдением этических обязательств, связанных с его статусом. В частности, что касается обязанности проявлять должную осмотрительность, параллельная деятельность не может наносить вред постоянной готовности магистрата выполнять функции по основному месту работы, до такой степени, чтобы дополнительные виды деятельности препятствовали его основной работе.

Наконец, академическая свобода не дает право магистрату пренебрегать своими обязанностями в плане верности долгу, сдержанности и сохранения профессиональной тайны.

Теперь остановимся на **совмещении, не требующем разрешения.** Магистрат может без предварительного разрешения заниматься научной, литературной или художественной деятельностью (статья 8 Ордонанса). Эта деятельность должна выполняться на условиях, не влияющих на должностные обязанности магистрата.

На магистрата не накладывается обязательство публиковаться под псевдонимом, но желательно, чтобы его статус не упоминался, если он не связан с этими работами.

Магистраты, не осуществляющие свои полномочия в обычном порядке (пребывающие в резерве, в отставке, или почетные магистраты (например, магистраты, выполняющие должностные функции на временной основе)) могут осуществлять деятельность по своему выбору, соблюдая при этом ограничения, предусмотренные законом.

Ордонанс вводит превентивный контроль в отношении магистратов, не осуществляющих служебную деятельность (окончательно прекративших исполнение своих полномочий). В течение пяти лет после отставки они обязаны предварительно уведомлять Министра юстиции о намерении заняться любой частной практикой. Глава ведомства наделен правом наложить вето на такую инициативу, если сочтет, что она умаляет честь и достоинство профессии, дестабилизирует работу судебных институтов или дискредитирует образ судьи.

Профессиональный долг обязывает отставных магистратов информировать Министра юстиции не только о начале своей деятельности, но и о любых изменениях в ней.

Нарушение данного запрета влечет ответственность: к магистратам, находящимся в резерве, применяется дисциплинарные взыскания, а магистраты, находящиеся в отставке, могут быть лишены почетного статуса и подвергнуты частичным удержаниям из пенсионных выплат.

Почетные магистраты, выполняющие судебные функции, могут заниматься иными видами профессиональной деятельности при условии, что эта деятельность не способна умалять авторитет их должности и нанести ущерб независимости.

В пределах юрисдикции суда первой инстанции или апелляционного суда, где такие магистраты исполняют свои судебные функции, они не вправе заниматься свободной юридической или судебной профессией, регламентированной законом или иными нормативными правовыми актами или при которой должностные функции подпадают

под специальную защиту. Также они не могут действовать в качестве наемных работников любого представителя такой профессии либо совершать какие-либо действия применительно к этой профессии в пределах юрисдикции суда, к которому они прикреплены.

Без ущерба для применения пункта 2 статьи 8 Ордонанса почетные магистраты, выполняющие судебные функции, не могут параллельно осуществлять какую-либо деятельность публичного должностного лица, за исключением профессора и преподавателя университета.

Определенные ограничения в сфере совмещения должностей распространяются и на **почетных магистратов, не осуществляющих правосудие на постоянной основе**. Им, в частности запрещено заниматься частной юридической или адвокатской практикой. Кроме того, почетные магистраты не могут работать по найму у представителей указанных профессий или совершать любые действия, связанные с этой профессией в пределах территориальной юрисдикции того суда, к которому они официально прикреплены.

Магистраты, работающие на временной основе, могут осуществлять совмещение своих функций с профессиональной деятельностью при условии, что эта деятельность не способна умалить авторитет их должности и нанести ущерб независимости. Они несут ответственность за предоставление информации в случае изменения их профессиональной деятельности.

Если предварительное разрешение формально не требуется, эти виды деятельности должны уточняться во время выдвижения кандидатуры, чтобы Высший совет магистратуры мог высказать свое мнение с полным знанием фактов. Кроме того, эти виды деятельности включены в перечень подлежащих декларированию для целей предотвращения конфликта интересов.

В ходе этического собеседования уполномоченный орган, принявший декларацию, обязан разъяснить магистрату порядок осуществления внесудебной деятельности. При возникновении обоснованных сомнений в том, насколько данная деятельность согласуется со служебным статусом магистрата, уполномоченный орган передает материалы на рассмотрение в профильную комиссию по этике.

Переходя к анализу главы «**Магистрат и его обязательства**», необходимо отметить, что магистраты в полной мере обладают конституционными правами и свободами, включая свободу совести, слова, собраний, ассоциаций и право на участие в профсоюзах.

Ордонанс детально регламентирует баланс прав и обязанностей членов судебной системы в этих сферах. При этом этические обязательства магистрата распространяются не только на публичную реализацию данных прав, но и на случаи, когда он обоснованно стремится сохранить конфиденциальность своей общественной или личной активности в целях защиты гарантированного законом права на неприкосновенность частной жизни.

В статье 12–2 Ордонанса указано, что в личном деле (досье) магистрата нельзя упоминать его политические, профсоюзные, религиозные или философские взгляды или его соответствующую деятельность, а также любые сведения, непосредственно относящиеся к его частной жизни.

Этические последствия применительно к обязательствам магистрата могут возникать как в результате публичности таких обязательств, так и в связи с конфиденциальностью или даже секретностью, которая окружает определенные виды деятельности магистрата.

Участие магистрата в общественной жизни, несомненно, является источником обогащения его профессиональной практики, позволяя ему лучше понимать контекст, в котором он выполняет свои должностные функции.

Однако следует принять меры предосторожности во избежание подрыва принципа беспристрастности, которому подчиняется магистрат.

Гарантируется право на создание профессиональных союзов в судебной системе (статья 1–01 Ордонанса).

Разумеется, такому праву корреспондируют определенные риски (в первую очередь связанные с возможным конфликтом интересов). В качестве наиболее эффективного механизма их предотвращения реализован институт самоотвода (отвода) магистрата. При этом предпочтительным признается именно самоотвод.

Магистрат, выступающий от имени профсоюза, пользуется правом на некоторое смягчение требования проявлять сдержанность. Это делается для того, чтобы обеспечить ему в полной мере возможность пользоваться правом на осуществление профсоюзных свобод, что подразумевает, по определению, право критиковать работу судебного органа.

Политические, философские и религиозные убеждения

Этические последствия обязательств магистрата часто связаны с публичным характером таких обязательств. Этот вопрос особенно чув-

ствителен в отношении обязательств политического характера. Совместимость этих обязательств с его должностными обязанностями должна быть оценена с учетом публичности, которую судья придает обязательству или же которая прилагается его обязательству.

Соответственно, статья 10 Ордонанса предусматривает, что в судебном корпусе запрещены любые политические дискуссии, а также любое проявление враждебности основам государственного устройства и форме правления Республики, равно как и любые проявления политического характера, несовместимые со сдержанностью, которую требуют их должностные функции.

На практике наказываются только оскорбительные или заведомо провокационные высказывания, а также те, которые могут нарушить принцип беспристрастности.

У магистрата отсутствуют ограничения на вступление в какую-либо политическую партию или ее поддержку. Особо отмечено, что и в этом случае возможный конфликт интересов преодолевается посредством института самоотвода (отвода).

Общественная поддержка, оказываемая действующим магистратом кандидату на политических выборах, может оказаться проблематичной в зависимости от функций, выполняемых магистратом, юрисдикции суда, в которой он осуществляет деятельность, от характера выборов и от возможных судебных дел, касающихся кандидата, получающего такую поддержку. В таких ситуациях, если это мешает судебной деятельности, магистрат обязан взять самоотвод.

Если магистрат желает баллотироваться на выборную должность, то он должен принять во внимание требования, связанные с его службой, и обсудить с руководителями судов первой и высших инстанций наиболее подходящие для этого организационные меры (отпуск, перевод в резерв и т.д.).

Конфиденциальный характер, и даже секретность, обязательства может стать источником трудностей.

Долг солидарности между членами некоторых организаций или существование у них своей собственной системы правосудия может порождать обязанность проявлять преданность, несовместимую с принципом беспристрастности, предписанным магистратам.

В широком смысле магистрат воздерживается от принятия обязательств, которые могут ограничить его свободу мысли или анализа.

Принятие присяги или клятвы, будь то присяга верности или избирательной солидарности или же клятва послушания, которая подразумевается в случае членства в определенных философских или религиозных организациях, сопряжено с риском несовместимости с обязательствами магистрата, касающимися обеспечения независимости и беспристрастности.

Обязательства в качестве члена ассоциаций

Знание социально-экономической ситуации на территории судебного округа, в котором магистрат исполняет свои должностные функции, является важным элементом качества судебных разбирательств и принятия решений по ним. В данной связи участие магистратов в общественно-политических ассоциациях, в обеспечении доступа к правосудию, в посредничестве или образовательной деятельности представляет собой средство для наилучшего понимания проблем судебной политики и их воздействия на социальную среду. Это также позволяет другим государственным субъектам воспользоваться ценным опытом магистратов и лучше понять смысл судопроизводства.

Участие магистратов в жизни партнерских ассоциаций судебного органа (ассоциаций судебного контроля, семейной медиации, образовательной и правозащитной деятельности, помощи потерпевшим и т.д.) может, при определенных обстоятельствах, негативно отразиться на обязательстве магистрата быть беспристрастным. Нежелательно, чтобы магистрат становился членом исполнительного органа ассоциации, в отношении которой он предписывает какие-либо меры. То же требование применяется в случае, если магистрат, в силу своих судебных полномочий, призван осуществлять контроль за этой структурой или за осуществлением мер, предписанных в ее отношении.

В связи с этим не представляется целесообразным, чтобы судья по делам несовершеннолетних являлся членом исполнительного совета ассоциации по воспитательной работе или размещению несовершеннолетних в его суде.

Процессуальный институт отводов выступает эффективным инструментом разрешения конфликта интересов и предотвращения сомнений в беспристрастности магистрата, вызванных его участием в деятельности ассоциаций. Например, магистрат, реализующий на безвозмездной основе проекты по правовому просвещению, обязан заявить самоотвод в случае, если предметом судебного рассмотрения станет спор с участием лица, взаимодействие с которым происходило в рамках его внесудебной общественной деятельности.

Однако стандартного механизма отводов оказывается недостаточным, если магистрат занимает руководящую должность в организации, чья деятельность напрямую пересекается с судебной сферой.

Проблема обостряется, когда магистрат публично представляет ассоциацию, функционирующую в области, на которую распространяются его должностные полномочия.

В качестве превентивной меры магистрат обязан отразить данный факт в декларации интересов и непременно озвучить его в ходе собеседования по вопросам профессиональной этики. Это позволит своевременно оценить, насколько совместимы его судебные функции с обязательствами перед общественным объединением.

Обязательства в связи с членством в профсоюзе

Право магистрата на осуществление профсоюзных свобод было неоднократно подтверждено практикой Высшего совета магистратуры и Государственного совета (высшего административного суда Франции).

Позже оно получило нормативную регламентацию в Органическом законе от 08.08.2016 № 2016–1090 «О законодательных гарантиях, этических обязательствах и наборе магистратов, а также Высшего совета магистратуры» [3].

Статья 10–1 Ордонанса прямо гарантирует право магистратов на осуществление профсоюзных свобод: беспрепятственно создавать профсоюзы, вступать в них и выполнять в их составе различные функции.

Участие магистрата в профсоюзе не может само по себе быть несовместимым с его должностными обязанностями, в частности с обязательством быть беспристрастным.

Тем не менее магистрат, член профсоюзной организации, должен будет взять самоотвод в деле, в котором эта организация является стороной, чтобы предотвратить риск возникновения конфликта интересов.

Хотя уставы основных профсоюзных организаций обычно предусматривают положение, что они предназначены для защиты интересов морального и материального характера своих членов, большинство из них также ставят перед собой цель защищать независимость судебной власти, что побуждает их вмешиваться в общественные или политические дебаты, например, в связи с делами, имеющими политический резонанс и широко освещаемыми в средствах массовой информации, или же в связи с различными обстоятельствами, повлекшими судебное разбирательство.

Что касается нарушения обязанности официальных лиц проявлять сдержанность в своих высказываниях, любая критика, которая может подорвать у участников судебного процесса доверие и уважение к должности магистрата, должна влечь за собой применение санкций со стороны дисциплинарных органов. Однако критику профсоюзной организацией нарушений в судебной системе следует рассматривать с учетом смягчения требования к магистратам проявлять сдержанность, когда они выступают от имени профсоюза, и при условии, что сделанные комментарии не являются ни клеветническими, ни оскорбительными.

Позиция, занятая профсоюзной организацией, сама по себе не может служить основанием для сомнений в беспристрастности магистрата только на том основании, что он является членом этой профсоюзной организации.

Представляется, что вопросы регламентации этических основ поведения магистратов во внесудебной деятельности получили в рассматриваемой редакции Сборника весьма детальную регламентацию. Сборник впервые системно разделил внесудебную деятельность на категории: академическая свобода, участие в общественной жизни и личная жизнь, регламентировал декларирование интересов для обеспечения прозрачности внесудебных связей.

Наконец, относительно недавно во Франции вновь произошли кардинальные изменения правовой регламентации вопросов судейской этики. Причиной этому стала глобальная судебная реформа, начатая с принятием Органического закона от 20.11.2023 № 2023–1058 «Об открытости, совершенствовании и ответственности судебного корпуса» [4].

Важнейшей законодательной новеллой стало возложение на Высший совет магистратуры обязанности по подготовке принципиально нового деонтологического акта – **Кодекса этики судебных магистратов** [2]. Кодекс был опубликован 12 декабря 2025 года и заменил Сборник этических обязательств магистратов. В нем рассматриваемые нами вопросы также получили самостоятельную регламентацию с переходом к более жестким этическим стандартам.

Литература

1. Кодекс судейской этики (утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 (в ред. Постановлений Всероссийского съезда судей от 08.12.2016 № 2 и от 01.12.2022 № 4)) // СПС «Консультант Плюс».

2. Charte de déontologie des magistrats de l'ordre judiciaire // <<https://www.conseil-superieur-magistrature.fr/publications/charte-de-deontologie-des-magistrats-de-lordre-judiciaire>> (дата обращения – 01 июля 2026 г.).

3. Loi organique № 2016–1090 du 8 août 2016 relative aux garanties statutaires, aux obligations déontologiques et au recrutement des magistrats ainsi qu'au Conseil supérieur de la magistrature // <<https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000033030589/2026-06-30>> (дата обращения – 01 июля 2026 г.).

4. Loi organique № 2023–1058 du 20 novembre 2023 relative à l'ouverture, à la modernisation et à la responsabilité du corps judiciaire // <<https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000048430497/2026-06-30>> (дата обращения: 01.07.2026).

5. Ordonnance № 58–1270 du 22 décembre 1958 portant loi organique relative au statut de la magistrature // <<https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006069212/2026-06-30>> (дата обращения – 01 июля 2026 г.).

6. Perrot R. Institutions judiciaires. 15e édition. – Paris: Montchrestien–Lextenso éditions, 2012. – P. 316.

7. Recueil des obligations déontologiques des magistrats. Conseil supérieur de la magistrature. Éditions Dalloz, 2010.

8. Recueil des obligations déontologiques des magistrats // <<http://www.conseil-superieur-magistrature.fr/publications/recueil-des-obligations-deontologiques/recueil-des-obligations-deontologiques-des-0>> (дата обращения – 01 июля 2026 г.).

EVOLUTION OF THE REGULATION OF ETHICAL FOUNDATIONS FOR THE EXTRAJUDICIAL ACTIVITY OF JUDGES IN THE FRENCH REPUBLIC

Solovyev A.A.

Moscow State Law University (Kutafin Moscow State Law University), Institute of Social Sciences and Humanities, Moscow Pedagogical State University

The requirements for judges to comply with ethical rules are not limited solely to the administration of justice but also extend to their extrajudicial activities. In this regard, the experience of the French Republic represents a significant research interest as a state where the relevant institutions have received highly detailed regulation throughout their evolution. The subject of the study is the norms of French legislation (including “soft law”) dedicated to judicial ethics. The scientific novelty of the research lies in forming a comprehensive understanding of the evolution of the regulation of ethical foundations for the extrajudicial conduct of magistrates in the French Republic. The methodological basis consists of general scientific and special legal research methods: systemic, logical, formal-legal, comparative-legal, and others. In the article, the author distinguishes three stages of this evolution: the inception of the regulatory framework (the “stage of restraint”), the institutionalization and codification of “soft law” in the Compendium of Ethical Obligations of Magistrates, and the introduction of strict deontological standards. The research results can be used to develop understandings of foreign models of legal regulation concerning judicial ethics. Furthermore, it appears possible to utilize the most successful foreign experience examined in this study during the reform process of the domestic judicial system.

Keywords: judicial ethics, foreign experience, the French Republic, ethical obligations, magistrates, extrajudicial activity.

References

1. Code of Judicial Ethics (approved by the 8th All-Russian Congress of Judges on December 19, 2012 (as amended by Resolutions of the All-Russian Congress of Judges № 2 of December 8, 2016, and № 4 of December 1, 2022)) // Legal Reference System «Consultant Plus».

2. Charter of Ethics for Magistrates of the Judicial Order // <<https://www.conseil-superieur-magistrature.fr/publications/charte-de-deontologie-des-magistrats-de-lordre-judiciaire>> (accessed: July 01, 2026).

3. Organic Law № 2016–1090 of August 8, 2016, relating to statutory guarantees, ethical obligations, and recruitment of magistrates, as well as the High Council of the Judiciary // <<https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000033030589/2026-06-30>> (accessed: July 01, 2026).

4. Organic Law № 2023–1058 of November 20, 2023, relating to the opening, modernization, and accountability of the judicial corps // <<https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000048430497/2026-06-30>> (accessed: July 01, 2026).

5. Ordinance № 58–1270 of December 22, 1958, enacting the organic law on the statute of the judiciary // <<https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006069212/2026-06-30>> (accessed: July 01, 2026).

6. Perrot R. Judicial Institutions. 15th edition. – Paris: Montchrestien–Lextenso éditions, 2012. – P. 316.

7. Compendium of Ethical Obligations of Magistrates. High Council of the Judiciary. Dalloz Publishing, 2010.

8. Compendium of Ethical Obligations of Magistrates // <<http://www.conseil-superieur-magistrature.fr/publications/recueil-des-obligations-deontologiques/recueil-des-obligations-deontologiques-des-0>> (accessed: July 01, 2026).

Расширение диспозитивности регулирования порядка выплаты ДСД через призму законодательных изменений

Тарасов Роман Дмитриевич,
магистр права, ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет»
E-mail: vsrtdr@gmail.com

Статья посвящена анализу порядка определения и выплаты действительной стоимости доли, а также нововведений, принятых в 2025 году. В работе выявлены риски возникновения новых корпоративных споров, обусловленных природой трехмесячного срока на возражения относительно размера выплаченной доли в качестве пресекательного срока и обоснована необходимость конкретизации процедуры выплаты доли на уровне устава. Сделан вывод о целесообразности закрепления в уставе порядка выбора оценщика и распределения расходов, а также о диспозитивном характере новых норм.

Ключевые слова: рыночная стоимость доли; диспозитивность регулирования; действительная стоимость доли; бывший участник.

Федеральным законом от 28.12.2025 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменены и уточнены правила и подходы при расчете ДСД.

Согласно прежней редакции закона действительная стоимость доли соответствует части стоимости чистых активов, пропорциональной размеру доли. Основой для расчета доли является отчетность за последний отчетный период.

В соответствии с действующей редакцией предусмотрена возможность расчета стоимости чистых активов как разницы между рыночной стоимостью активов и обязательств общества в случае несогласия с определением стоимости по бухгалтерской отчетности.

Как отмечено в пояснительной записке¹, причиной принятия данного законопроекта стало несовершенство механизма выплаты действительной стоимости и большим количеством судебных споров ввиду несогласия лица, которому подлежит выплата ДСД, с определяемым обществом размером этой стоимости.

Так, в соответствии с ранее действующим законодательным регулированием оценка ДСД рассчитывалась по данным бухгалтерской отчетности. В большинстве случаев стоимость активов на бухгалтерском балансе была низкой, что влекло за собой инициирование бывшим участником судебного процесса, рамках которого участник ходатайствовал о назначении судебной экспертизы в целях определения рыночной стоимости всего имущества общества с ограниченной ответственностью и определения ДСД.

В связи с этим в статью 23 Закона об ООО введен механизм рыночной оценки чистых активов, если: **(а)** участник не согласен с бухгалтерским расчетом; **(б)** либо общество не согласно с расчетом участника.

Суть нового механизма состоит в том, что возможность выплаты стоимости доли на основе рыночной оценки предусмотрена только на основании заявления несогласного с расчетом лица.

Однако, как отмечает А.Н. Латыев, принятый законопроект не решает основную задачу по сокращению количества споров: «Если сейчас недовольные рассчитанным размером ДСД бывшие участники обращаются в суд с исками <...>, то какие есть основания полагать, что они перестанут обращаться в суд, если недовольство будет вызвано оценкой рыночной стоимости доли?»²

Следует отметить, что в законе, вносящим изменения в процедуру расчета ДСД, нет указания на применение новых положений в отношении ситуаций, когда участник заявил о выходе из общества до принятия закона, то есть до 28.12.2025.

В отсутствие прямого указания в законе действует принцип, закрепленный в пункте 1 статьи 4 ГК РФ. Однако существует риск толкования данных положений в качестве процессуальных и распространения обратной силы закона на отношения, возникшие до принятия закона.

Применение новых правил выплаты ДСД возможно в соответствии с закрытым перечнем случаев: **(а)** наличие запрета на отчуждение доли третьим лицам в уставе и отказ в выкупе доли; **(б)** принятие общим собранием решения о совершении крупной сделки или об увеличении уставного капитала в случае, если участник голосовал против или не принимал участие в голосовании; **(в)** исключение участника из общества; **(г)** отказ правопреемнику на вход в общество; **(д)** приобретение на открытых торгах и отказ со стороны участников общества во входе; **(е)** выход участника из общества.

Заявление о переходе к рыночному определению стоимости чистых активов подается до истечения срока исполнения обязанности по выплате ДСД. Далее рассмотрим ситуацию на примере выхода участника из хозяйственного общества.

Так, например, в течение трех месяцев бывший участник после выхода из общества должен обратиться к обществу с заявлением о несогласии с расчетом ДСД.

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 876952-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью».

² Может ли действительная стоимость доли быть рыночной URL: https://zakon.ru/blog/2025/4/18/mozhet_li_dejstvitelnaya_stoimost_doli_byt_rynочноj (дата обращения: 13.05.2026).

Если толковать данное положение буквально, тоданный срок является пресекательным. В случае его пропуска заявитель утрачивает возможность заявить возражения в отношении необходимости применения механизма расчета на основе рыночной оценки стоимости активов общества.

Закон не предусматривает возможность продления данного срока, например, в случае формально правомерного поведения общества

Таким образом, данный срок является одновременно и сроком исполнения денежного обязательства, и периодом для возможного применения положений пункта 9 статьи 23 Закона об ООО.

В случае, если общество будет затягивать с определением размера ДСД и представит лицу расчет ДСД в последний день предусмотренного срока, то у лица будет возможность заявить об определении расчета ДСД исходя из рыночной оценки активов только в этот последний день.

Остается надеяться, что судебная практика скорректирует положение о пресекательном сроке и позволит заявлять возражения бывшему участнику, если на стороне общества были злоупотребления.

Помимо вышеизложенного, следует отметить, что законодатель предполагает, что оценка будет завершена и согласована в пределах трехмесячного срока.

В ином случае, если оценка не будет завершена или участник будет возражать касательно размера ДСД, то общество обязано выплатить действительную стоимость доли исходя из бухгалтерской стоимости чистых активов не позднее последнего дня, а в период после выплаты – определить размер ДСД с учетом пункта 9 статьи 23 Закона об ООО, а в дальнейшем с учетом оценки произвести доплату бывшему участнику или затребовать возврат денежных средств.

Таким образом, разница между выплаченными действительными стоимостями долей в уставном капитале общества образует самостоятельное денежное обязательство, которое может повлечь отдельный судебный спор о доплате или возврате денежных средств.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что законодатель при принятии законопроекта предполагал, что (а) общество рассчитывает стоимость доли в уставном капитале бывшего участника, (б) участник успеет отреагировать на расчет и примет решение об инициации перерасчета доли на основе рыночной стоимости активов, (в) оценщик представит новый расчет стоимости доли в уставном капитале.

Данное предположение является достаточно оптимистичным. На наш взгляд, трехмесячный срок при толковании его в качестве пресекательного несет риск возникновения большого количества споров, поскольку не учитывает следующие факторы, которые могут повлиять на срок проведения оценки стоимости: (а) наличие корпоративного конфликта в обществе, повлекшего выход участника из общества; (б) заинтересованность отдельных участников в затягивании процедуры оценки стоимости доли; (в) сложность оценки отдельных уникальных объектов, находящихся на балансе общества; (г) средний срок оценки стоимости доли в уставном капитале общества.

Рыночная стоимость активов общества и его обязательств определяется оценщиком по состоянию на дату перехода доли или части доли в уставном капитале общества к обществу, если иная дата оценки не согласована лицом, которую должна быть выплачена действительная стоимость доли, и обществом.

Данное положение носит диспозитивный характер и предусматривает возможность изменения даты оценки. Например, стороны вправе в соглашении определить дату для определения расчета ДСД исходя из того, будут ли заключены долгосрочные соглашения с потенциальным контрагентом в будущем или нет, или исходя из даты, на которую обществу были причинены убытки и стоимость активов стала меньше.

Оценщик может быть привлечен как совместно обществом и участником, так и обществом и участником отдельно, что вносит определенный дисбаланс в отношения, поскольку в большинстве случаев бывший участник и общество имеют противоположные интересы. Закон предусматривает возможность определения иного порядка привлечения оценщика в уставе.

Данное положение позволяет минимизировать возникновение отдельных конфликтных ситуаций касательно выбора оценщика и закрепить в уставе отдельные критерии для выбора оценщика: например, требования к опыту, саморегулируемой организации, территориального расположения экспертной организации и/или оценщика. Возможным представляется предусмотреть перечень оценщиков с выбором в порядке исключения поочередно и участником, и обществом для выбора наиболее подходящей, по их мнению, кандидатуры.

Наиболее сбалансированным и обеспечивающим соблюдение прав бывшего участника является следующая конфигурация устава: (1) выбор оценщика по согласованию обеих сторон, (2) закрепление права бывшего участника знакомиться с материалами, направленными обществом оценщику, для определения стоимости доли.

При неурегулировании в уставе данного вопроса выбор кандидатуры оценщика также может стать дополнительным конфликтным фактором.

Следует отметить, что действующими положениями не предусмотрено, каким образом распределяются расходы, понесенные в связи с оценкой доли в соответствии с рыночной оценкой стоимости активов. Предположим, что ввиду умолчания расходы возлагаются исключительно на заявителя. Разумным представляется в силу принципа диспозитивности предоставить участникам общества возможность самостоятельно урегулировать на уровне устава вопрос о том, на кого возлагаются такие расходы.

Также, на наш взгляд, возможным является закрепление определенной цены ДСД в уставе. Ранее суды утверждали, что порядок определения и выплаты ДСД является императивным и не может быть изменен по соглашению сторон¹.

Некоторые исследователи до реформы порядка выплаты ДСД отмечали, что нормы Закона об ООО, затрагивающие определение размера подлежащей выплаты ДСД, являются императивными и невозможность изменения режима соглашением сторон обусловлена такими факторами, как стремление законодателя не допустить ущемления прав выходящего участника, а также защитой прав и законных интересов оставшихся участников общества².

На наш взгляд, в связи с принятыми изменениями и отсутствием явного выраженного запрета на определение соглашением сторон размера подлежащей выплате стоимости доли данные нормы следует признать диспозитивными. Возможным представляется закрепление в уставе иного порядка определения стоимости доли (например, на основе оценки инвестиционной стоимости) или в целом иного размера ДСД (например, фиксированный размер с понижающими и повышающими коэффициентами в зависимости от корпоративного контроля других участников, успешности реализации проектов общества).

Литература

1. Может ли действительная стоимость доли быть рыночной? // URL: https://zakon.ru/blog/2025/4/18/mozhet_li_dejstvitelnaya_stoimost_doli_byt_rynochnoj
2. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.12.2019 по делу № А59–2677/2017.
3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.06.2020 по делу № А57–10915/2018.
4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 876952–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью».
5. Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. № 2, 2021. С. 181–212.

EXPANDING THE SCOPE OF DISCRETIONARY REGULATION OF THE VAT PAYMENT PROCEDURE THROUGH THE LENS OF LEGISLATIVE CHANGES

Tarasov R.D.
Moscow State Law University

This article analyzes the procedure for determining and paying the fair value of a share, as well as the new provisions adopted in 2025. The paper identifies risks of new corporate disputes arising from the nature of the three-month period for objections regarding the amount of the paid-out share—which functions as a statute of limitations—and justifies the need to specify the procedure for paying out the share in the articles of incorporation.

Keywords: market value of a share; discretionary nature of regulation; actual value of a share; former participant.

References

1. Can the fair value of a share be its market value? // URL: https://zakon.ru/blog/2025/4/18/mozhet_li_dejstvitelnaya_stoimost_doli_byt_rynochnoj
2. Ruling of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated December 16, 2019, in Case No. A59–2677/2017.
3. Ruling of the Arbitration Court of the Volga District dated June 15, 2020, in Case No. A57–10915/2018.
4. Explanatory Note to Draft Federal Law No. 876952–8 “On Amending the Federal Law “On Limited Liability Companies”.
5. Tarasov, K.A., Brutsky, A.V. “An Overview of the Application of Legislative Provisions on Withdrawal from Limited Liability Companies (Part 1)” // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. No. 2, 2021. pp. 181–212.

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.06.2020 по делу № А57–10915/2018, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.12.2019 по делу № А59–2677/2017.

² Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 203.

Правовое положение безнадзорных животных в Российской Федерации: вопросы теории и практики

Федоренко Кирилл Александрович,

аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС

E-mail: qwerty4657@bk.ru

В статье анализируются правовые положения безнадзорных животных в Российской Федерации. Актуальность темы представлена в виде научных исследований, характеризующих современное состояние правового регулирования обращения с животными без владельцев, а также статистических данных, отражающих их общее количество как в России, так и в зарубежных странах. В результате проведенной работы было обнаружено расхождение положений нормативных актов субъектов РФ и федерального законодательства в области вопроса умерщвления животных без владельцев. Также посредством анализа правоприменения выявлен пробел в действующем законодательстве, так в случае причинения животным вреда жизни и здоровью гражданину, определить его собственника, ввиду отсутствия критериев принадлежности, становится практически невозможным. Указанное несовершенство нормативно-правовой базы, оказывает непосредственное влияние на судебную практику, создаёт дополнительную финансовую нагрузку на исполнительно-распорядительные органы власти, порождает спорные ситуации, а также сложности в процессе доказывания. Ответственным лицом в сложившейся ситуации преимущественно выступает публично-правовой субъект ввиду наделения его полномочиями по контролю за безнадзорными животными на собственной территории. Таким образом законодательство в области ответственного обращения с животными требует внесения изменений.

Ключевые слова: безнадзорные животные, гражданско-правовая ответственность, публичные образования, возмещение причиненного вреда, отдельные государственные полномочия.

Характеризуя положения безнадзорных животных необходимо обратиться к статистическим данным, согласно которым в Российской Федерации в 2025 году, 4% (3,6 млн) – собак и кошек не имеют владельцев¹. Представленная информация при первом приближении характеризуется как достаточно негативная, однако если проанализировать ее в динамике, то наблюдается тенденция снижения числа безнадзорных животных, так за прошедшие четыре года их количество уменьшилось с 4,1 млн до 3,6 млн. Указанные изменения любопытны и тем, что число животных в приютах выросло с 144 тысяч до 170 тысяч, а их число на улицах сократилось. В результате чего, формируется следующая позиция: регулирование положения безнадзорных животных в Российской Федерации, является безусловной проблемой, хоть их число за предшествующие годы и уменьшилось, оно все равно остается на высоком уровне, что в свою очередь создает непосредственную угрозу благополучию граждан.

В качестве сравнения можно привести статистику в зарубежных странах. Так на основании крупнейшего в истории международного исследования «Состояние бездомности домашних животных» (State of Pet Homelessness Project)², включающего в себя результаты 30 тысяч проводимых опросов, 900 местных и глобальных источников информации, а также около 200 интервью с экспертами, анализ и сбор которых осуществлялся с конца 2022 года по первую половину 2023 года, проводимого глобальной коалицией экспертов по защите животных (GCAW)³ в сотрудничестве с компанией MAPC (MARS)⁴, было представлено состояние проблемы бездомных животных, в частности их положения в различных странах. Для примера было отобрано несколько из них. Так в Китае из 255,5 миллионов домашних животных, у 131,85 миллиона (52%), отсутствуют владельцы⁵. В Соединенных Штатах Америки из 231,8 миллиона кошек и собак, 45,33 (20%) миллиона являются бездомными⁶. В Германии же из общего числа 27,86 миллионов домашних питомцев, только лишь 2,06 (7%) миллиона не имеют владельцев⁷. На основании представленной информации, можно сделать вывод о том, что положение животных без владельцев как в зарубежных странах так как и в Российской Федерации, характеризуется как одна из важнейших социально-правовых задач, имеющих международный характер.

Подтверждая актуальность темы исследования, важно отметить, что в научной литературе, положение безнадзорных животных нередко становится предметом изучения, например в социологии можно отметить таких авторов как В.В. Галиндабаева⁸, А.Н. Тимохович, Ц.С. Филенко, А.С. Леякова⁹, Н.Р. Чекашкина, А.В. Романова¹⁰, в юриспруденции С.Е. Костина¹¹, М.А. Ша-

¹ Центр изучения питания и благополучия животных. Всероссийская перепись бездомных животных 2025. URL: <https://petcarecenter.ru/articles/vserossiiskaiaperepis-bezdomnyx-zivotnyx-2025>

² State of Pet Homelessness Project <https://stateofpethomelessness.com/>

³ Global Coalition for Animal Welfare, GCAW <https://www.gc-animalwelfare.org/resources/>

⁴ Global Petcare, Food & Nutrition, and Snacking Brands | Mars, Incorporated – <https://www.mars.com/>

⁵ State of pet homelessness project. Section China. URL: <https://stateofpethomelessness.com/latest-report/?Country=China>

⁶ State of pet homelessness project. Section United States of America. URL: <https://stateofpethomelessness.com/latest-report/?Country=United%20States>

⁷ State of pet homelessness project. Section Germany. URL: <https://stateofpethomelessness.com/latest-report/?Country=Germany>

⁸ Галиндабаева В.В. Цивилизованная смерть: проблема бездомных животных и спортивные mega-события в России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 4. С. 305–331.

⁹ Тимохович А.Н., Филенко Ц.С., Леякова А.С. Проблема бездомных животных в мегаполисах: мнение студенческой молодежи. Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 2. С. 29–36.

¹⁰ Чекашкина Н.Р. Влияние социальных ограничений на актуализацию проблемы бездомных животных / Н.Р. Чекашкина А.В. Романова // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73–8. С. 81–85.

¹¹ Костина С.Е. Приобретение прав на безнадзорных животных в российском гражданском праве / С.Е. Костина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. № 5. С. 125–130.

балина¹, И.В. Цветкова², в области ветеринарных наук, М.Т. Макенов, Б.Ю. Кассал³, философии, этике религиоведении А.О. Панфилова, А.А. Смолина⁴, А.Ю. Сторожук⁵. Для нашего исследования, научный интерес представляет рассмотрение проблемы с точки зрения юриспруденции, поскольку помимо философских и этических рассуждений о важности ответственного обращения с животными, релевантной остается ее правовая сторона. Некогда домашний питомец, оказавшийся на улице из-за человеческого безразличия, обуславливает формирование сразу двух правовых последствий, а именно необходимости контроля за его действиями, реализацию которого осуществляют органы власти, а также ответственности за их поведение, возникающей в случае причинения вреда гражданам. Здесь также стоит отметить и то, что проблема правового положения безнадзорных животных не лишена различных вопросов теории и практики которые как по отдельности, так и в своей многообразной совокупности требуют подробной консолидации.

Таким образом, целью научной статьи выступает выработка предположений по совершенствованию действующего законодательства и оптимизации правоприменения в области обращения с безнадзорными животными. Достижению указанной цели будет способствовать изучение теоретических аспектов, включающих в себя нормативное регулирование (исследование законодательной базы, научных работ и т.д.), а также практической составляющей основу которой составляет судебная практика.

Первым этапом выступит анализ подходов, отраженных в юридической литературе. Так, авторы, анализирующие правовое положение животных без владельцев, в ходе проведенных исследований выявляют различные законодательные пробелы. Например, М.А. Шабалина⁶, в своей работе выделяет ряд спорных вопросов, среди которых можно отметить следующие: соотношение предметов ведения Гражданского кодекса Российской Федерации⁷ (далее – ГК РФ) и «Федерального закона № 498-ФЗ об ответственном обращении с животными»⁸, (далее – Федеральный закон № 498-ФЗ) существование различной терминологии (безнадзорные животные и животные без владельцев), применение института ответственного обращения, пределы допустимости умерщвления безнадзорных животных. В каждой из представленных категорий усматривается определенный спектр проблем, разрешению которых способствует либо более глубокий анализ позволяющий найти ответ в самих нормативных актах, либо возникает необходимость дополнения действующего законодательства или же его корректировки. Например, конкуренция норм ГК РФ и Федерального закона № 498-ФЗ, возникающая из-за совпадающего предмета ведения. При детальном рассмотрении положений указанных актов (статьи 2 ГК РФ и статьи 1 ФЗ-498), выявляется четкое разграничение, в частности для первого нормативного акта характерно регулирование именно частноправовых обязанностей граждан, для второго соответственно публично-правовых.

В области, вопросов требующих внесения изменений, ограничимся лишь несколькими, один из них это – соотношение терминов, здесь по мнению автора безнадзорное животное выступает наиболее общим понятием, так как включает в себя сельскохозяйственных и животных компаньонов, последние же подразделяются на животных отказников и без владельцев. Как следствие указанный подход представляется более гибким, а также унифицирует правовое регулирование.

Немаловажным представляется и вопрос допустимости умерщвления безнадзорных животных, так ввиду отсутствия его прямого урегулирования в законодательстве, единственной нормой закрепляющей

данное положение выступает пункт 11 статьи 16 Федерального закона № 498-ФЗ, устанавливающий запрет умерщвления приютам, кроме случаев неизлечимой болезни или последствия острой травмы животного. Однако наличие исчерпывающих случаев, отраженных в законе, не вполне соответствует правовой действительности, формирование которой происходило также и с учетом судебной практики имеющей иной подход, выработанный еще до вступления в силу Федерального закона (умерщвление было возможно на основании, например санитарных правил)⁹. В результате чего в нормативных актах субъектов РФ прослеживается явное отсутствие единообразного подхода к решению указанного вопроса.

Так автор выделяет регионы установившие правила отличные от федерального законодательства, например, необходимость медикаментозного отключения животного перед проведением процедуры (Тамбовская область¹⁰, Курганская область¹¹ и другие), в некоторых же регионах правила о гуманности процесса умерщвления отсутствуют вовсе (Дагестан, Кабардино-Балкария и другие). Соглашаясь с автором, стоит отметить, что помимо вопросов гуманности процедуры умерщвления безнадзорных животных, находящихся в приютах, в законодательных актах субъектов Российской Федерации закреплены и иные случаи дающие право приютам умерщвлять животных, например проявление немотивированной агрессии признаки которой определены актом в области ветеринарии¹², совершение нападения на человека¹³.

Таким образом выявленное несоответствие требованиям Федерального закона не способствует стабильному развитию исследуемых общественных отношений в связи с чем положения о допустимости умерщвления животных, требуют доработки с целью создания единства правового регулирования.

Резюмируя вышесказанное можно заключить следующее: несовершенство законодательства в области ответственного обращения с животными оказывает непосредственное влияние на установление их правового положения в Российской Федерации, об этом, также свидетельствуют и вносимые изменения, принимаемые с целью восполнения имеющихся пробелов¹⁴. В связи с чем необходимо комплексно и системно подходить к вопросу определения правового положения животных, например на основе анализа нормативной базы регионов выявлять обоснованность отхода от федерального законодательства, причем осуществлять такую деятельность следует не только с целью установления строгого соответствия вышестоящему по иерархии нормативному акту, закрепляющему общие положения, но и для осмысления их необходимости. Стоит отметить, что субъекты Российской Федерации не развиваются равномерно, об этом в частности свидетельствует различное географическое расположение, ресурсная база, наличие инфраструктуры, уровень инвестиций и т.д.¹⁵, как следствие существование указанных факторов коренным образом влияет на причины мер, принимаемых органами власти региона в области ответственного обращения с животными, так из-за обострения ситуации с их количеством, участвовавшими случаями нападения на людей, принятие норм отличных от установленных федеральным законом – может выступать средством стабилизации.

Охарактеризовав имеющиеся недостатки законодательства в области контроля за безнадзорными животными и выявив трудности, существующие в правовом регулировании, целесообразно перейти ко второму этапу, а именно к практической составляющей, основу ко-

¹ Шабалина М.А. Проблемы правового регулирования обращения с безнадзорными животными в России. Право. Журнал Высшей школы экономики, 2022. Т. 15. № 5. С. 198–227.

² Цветкова И.В. Социальная проблема бездомных животных и способы ее решения (по результатам исследования в Тольяти) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. № 1. С. 60–69.

³ Макенов М.Т., Кассал Б.Ю. Исследование популяции свободноживущих собак г. Омска // Журнал СФУ. Биология. 2014. № 1. С. 87–98.

⁴ Панфилова А.О., Смолина А.А. Отношение к проблеме бездомных животных в артикуляции сообщества в социальной сети (на материалах исследования) // Society and Security Insights. 2021. № 2. С. 141–150.

⁵ Сторожук А.Ю. гуманитарная экспертиза проблемы бездомных животных / А.Ю. Сторожук // Человек.RU. 2020. № 15. С. 311–323.

⁶ Шабалина М.А. Указ. соч. С. 202.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 31.07.2025).

⁸ Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 № 498-ФЗ: принят Гос. Думой 19 дек. 2018 г.: одобрен Советом Федерации 21 дек. 2018 г. (ред. от 31.07.2025).

⁹ Решение Свердловского областного суда от 31.10.2019 по делу № За-423/2019, а также Решение АС Новгородской обл. от 11.06.2019 по делу № А44–3590/2019.

¹⁰ Закон Тамбовской области от 06 апреля 2021 года № 602-З О разграничении полномочий органов государственной власти Тамбовской области в области обращения с животными и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов Тамбовской области (с изменениями на 1 апреля 2025 года).

¹¹ Постановление Правительства Курганской области от 1 июля 2019 года № 229 Об утверждении Порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев на территории Курганской области (с изменениями на 6 августа 2025 года).

¹² Закон Липецкой области от 28 ноября 2024 года № 567-ОЗ О регулировании отдельных вопросов деятельности по обращению с животными без владельцев на территории Липецкой области.

¹³ Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 27.02.2025 № 90 «Об утверждении Порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев».

¹⁴ Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 24.07.2023 № 377-ФЗ).

¹⁵ Скрипник, О.Б. Неравномерность регионального развития России: проблемы и пути их решения: материалы Четвертого Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности Тюменский государственный университет. ТюмГУ-Press. 2023. С. 216–220.

торой формирует судебная практика. В рамках ее рассмотрения, также будет исследован вопрос о гражданско-правовой ответственности публичных образований.

Стоит начать с того, что споры о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью граждан в результате нападения безнадзорных животных, являются достаточно распространенными. Данное утверждение подтверждается постоянно растущим количеством дел, например: определение от 21 апреля 2021 г. по делу N 8Г-9446/2021¹, решение от 21 июля 2023 г. по делу № 2-311/2023², решение от 22 января 2025 г. по делу № 2-2935/2024³, решение от 6 мая 2025 г. по делу № 2-223/2025⁴, определение от 27.05.2025 по делу N 88-13240/2025⁵, определение от 12 августа 2025 г. по делу N 8Г-20539/2025⁶, определение от 3 февраля 2026 г. по делу № 88-2087/2026⁷ и д.р. Следует отметить, что разбирательства зачастую проходят несколько судебных инстанций, причем инициатором обжалования в апелляционном и кассационном порядке, как правило выступает ответчик⁸.

Центральным звеном в процессе определения ответственного лица, выступает вопрос о полномочиях в области ответственного обращения с животными. От имени муниципалитета указанные полномочия приобретает исполнительно-распорядительный орган власти, посредством их передачи от Российской Федерации или ее субъектов. Соответственно регулируется такая деятельность – Федеральным или региональным законодательством⁹. В качестве примера можно отметить, ч. 1 ст. 1 Закона ЯНАО от 23.12.2019 N 123-ЗАО «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов, муниципальных и городских округов в Ямало-Ненецком автономном округе отдельными государственными полномочиями Ямало-Ненецкого автономного округа в области обращения с животными»¹⁰, в спектр мероприятий согласно ч. 2 ст. 1 входит отлов в том числе транспортировка и немедленная передача их в приюты. За нарушение указанных требований ст. 10 предусмотрена ответственность. Однако строго регламентированный порядок осуществления полномочий, а также наличие санкций, к сожалению, не препятствует возникновению случаев их неисполнения. Так в решении от 4 декабря 2023 г. по делу № 2-2362/2023¹¹, судом было установлено, что, заключив муниципальный контракт для отлова безнадзорных животных администрация муниципального образования город Салехард фактически не осуществляла контроль за его выполнением, как следствие это привело к причинению вреда здоровью гражданина. Ненадлежащее исполнение переданных полномочий в представленной ситуации, явилось основанием возникновения гражданско-правовой ответственности в виде компенсации администрацией города морального вреда в размере 15 тысяч рублей.

Отраженный пример иллюстрирует одно из распространенных оснований привлечения публично-правового субъекта к гражданской ответственности в области контроля за безнадзорными животными. Допускаемая должностными лицами органа местного самоуправления халатность, характеризующаяся неисполнением заключенных контрактов, повлекла за собой неблагоприятные последствия в виде травм, полученных гражданином.

В результате анализа судебной практики была обнаружена еще одна немаловажная проблема, заключающаяся в том, что в законодательстве отсутствуют критерии определения принадлежности животного. Указанный пробел обладает двойственной правовой природой,

так как, во-первых, возникая из-за несовершенства нормативной базы он прежде всего теоретический, во-вторых, свое отражение находит именно на практике. Так, в ходе судебных разбирательств, невозможность установления собственника животного, компенсируется посредством того, что любое животное, причинившее вред здоровью гражданина, владельца которого невозможно определить, будет считаться безнадзорным, а контроль за ним должно осуществляет муниципальное образование.

Определение принадлежности животного выступает ключевым моментом в категории дел о возмещении причиненного ими вреда. Отсутствующие критерии при этом вносят некоторые особенности в процесс сбора доказательств, в связи с чем, на этом этапе лица участвующие в деле сталкиваются с различными трудностями, которые вызваны самим характером правонарушения. Гражданин, подвергшийся нападению животного как правило, обращается в медицинское учреждение для получения справки или выписки о состоянии здоровья¹², а также в органы внутренних дел¹³, в целях документального подтверждения. Однако, указанные доказательства, фиксируют лишь следствие произошедшего. Прямые же доказательства в виде: ошейника, надлежащего состояния здоровья животного, информации о месте его обитания, свидетельские показания, материалы фото и видео фиксации, в разбирательствах отсутствуют как минимум по двум причинам: во-первых, сбор доказательств осуществляется после нападения, что в значительной степени снижает возможность их получения (из-за временных факторов, погодных условий и т.д.) во-вторых, столкновения с безнадзорными животными могут происходить в местах исключая присутствие людей (свалки¹⁴, заброшенные дома¹⁵). Таким образом, данные обстоятельства не позволяют сделать однозначный вывод о наличии собственника.

В результате это приводит к тому, что суд руководствуясь центральным положением, подтверждающим ответственность муниципальных образований, а именно наличием переданных полномочий по осуществлению контроля за животными без владельцев, приходит к выводу о виновности органа местного самоуправления.

Согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. В подтверждение своей невиновности, муниципалитеты приводят различные доказательства – ссылка на заключение муниципального контракта на осуществление отлова животных без владельцев¹⁶, освоение выделенных в полном объеме денежных средств из областного бюджета¹⁷, недостаточное финансирование на реализацию деятельности по контролю за животными без владельцев¹⁸, отсутствие заявок на отлов в день происшествия¹⁹, ссылки на недоказанность вины и отсутствие причинно-следственных связей между укусом и действиями органа местного самоуправления²⁰, полномочия по отлову животных не были переданы и не относятся к вопросам местного значения²¹ и т.д. Ни один из указанных доводов не расценивается судом как основание для освобождения от ответственности.

В связи с этим отсутствие законодательно закрепленных критериев определения принадлежности животного, способствует формированию негативной судебной практики, общей тенденцией которой является привлечение в качестве ответственного лица, органа местного самоуправления.

Стоит отметить, что указанный недостаток нормативно-правовой базы позволяет рассмотреть ответственность публично-правовых образований в иной концептуальной плоскости. В юридической литерату-

¹ Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2021 г. по делу N 8Г-9446/2021[88-10400/2021]

² Решение Шимановского районного суда по делу № 2-311/2023 М-298/2023 от 21 июля 2023 г. по делу № 2-311/2023.

³ Решение Феодосийского городского суда по делу № 2-2935/2024 от 22.01.2025.

⁴ Решение Североуральского городского суда по делу № 2-223/2025 М-139/2025 от 6 мая 2025 г. по делу № 2-223/2025

⁵ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27.05.2025 по делу N 88-13240/2025 (УИД 30RS0006-01-2024-000652-16)

⁶ Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 августа 2025 г. по делу N 8Г-20539/2025[88-21062/2025]

⁷ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2026 по делу 88-2087/2026 (№ 88-33799/2025)

⁸ Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08 июля 2025 г. по делу N 8Г-10860/2025[88-11315/2025]

⁹ Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»: принят Гос. Думой 14 дек. 2021 г. Одобрен Советом Федерации 15 дек. 2021 г. (ред. от 25.05.2026). Часть 2 статьи 52.

¹⁰ Закон ЯНАО от 23.12.2019 N 123-ЗАО «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов, муниципальных и городских округов в Ямало-Ненецком автономном округе отдельными государственными полномочиями Ямало-Ненецкого автономного округа в области обращения с животными».

¹¹ Решение Салехардского городского суда (Ямало-Ненецкого автономного округа) по делу № 2-2362/2023 от 04.12.2023.

¹² Решение Железнодорожного районного суда г. Симферополя Республики Крым от 11 сентября 2025 г. по делу N 2-1988/2025.

¹³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Коми от 07 августа 2023 г. по делу N 33-6924/2023.

¹⁴ Решение Центрального районного суда г. Читы Забайкальского края от 15 мая 2015 г. по делу N 2-3618/2015.

¹⁵ Решение Железноводского городского суда Ставропольского края от 28 января 2026 г. по делу N 2-228/2026.

¹⁶ Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2025 г. по делу N 8Г-2459/2025[88-3888/2025].

¹⁷ Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 июня 2023 г. по делу N 8Г-14956/2023[88-16678/2023]

¹⁸ Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 сентября 2024 г. по делу N 8Г-25730/2024[88-28353/2024]

¹⁹ Апелляционное определение СК по гражданским делам Алтайского краевого суда от 27 мая 2025 г. по делу N 33-3343/2025

²⁰ Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 октября 2024 г. по делу N 8Г-29956/2024[88-31963/2024]

²¹ Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03 марта 2026 г. по делу N 8Г-2414/2026[88-4910/2026]

ре обычно исследуется аспекты субсидиарной¹ или деликтной² ответственности. В данном же вопросе на ответственность публичного образования влияет пробел в действующем законодательстве. Деятельность по контролю за безнадзорными животными как указано выше, передается в рамках отдельных государственных полномочий, однако она же осуществляется на денежные средства, выделенные субъектом Российской Федерации, которые определены в бюджете на соответствующий финансовый год и рассчитываются по формуле³. Размер субвенции при этом является ограниченным и устанавливается в зависимости от численности животных подлежащих отлову, что в свою очередь не позволяет выйти за пределы предоставленных денежных средств⁴. Увеличение получаемых субвенций при этом не окажет значительного влияния на сложившуюся ситуацию, так как определить точное число безнадзорных животных с целью выделения необходимого размера средств на мероприятия по их отлову и дальнейшему помещению в специальные учреждения, не представляется возможным, в связи с постоянным приростом (репродукцией) особей.

Одним из способов решения указанной проблемы, выступает создание «единого реестра домашних животных»⁵, предусматривающего регистрацию питомцев, посредством которой можно будет идентифицировать владельца. Согласно социальному опросу опубликованному aif.ru⁶, за обязательную регистрацию питомцев выступил 41% респондентов, 32% проголосовали за введение указанной меры для собак, породы которых отнесены к потенциально опасным, 18% против всякого учета животных, 9% этот вопрос не волнует.

Стоит отметить, что некоторые регионы Российской Федерации уже приняли нормативные акты, нормы которых предусматривают регистрацию домашних питомцев (Краснодарский край⁷, Мурманская область⁸). Законодательство субъектов является важным элементом при определении правового положения безнадзорных животных, опыт, полученный в рамках отдельных регионов страны позволит минимизировать риски, сопряженные с созданием «единого реестра». Данное нововведение также позволит снизить нагрузку на бюджет вследствие того, что идентификация владельцев позволит сократить число безнадзорных животных.

Резюмируя все вышесказанное можно заключить, что правовое положение безнадзорных животных в Российской Федерации является актуальной и важной темой для дальнейших исследований:

во-первых, законодательство регулирующее обращение с животными без владельцев развивается достаточно динамично об этом, в частности, свидетельствует вносимые в него изменения, целью которых является усовершенствование нормативной базы. Однако, процесс восполнения имеющихся пробелов не исключает возникновения их новых аспектов. Например, позволив регионам принимать отличные от федерального законодательства правила по контролю за численно-

стью животных без владельцев (10–30 дней содержания после отлова, согласно Федеральному закону № 498-ФЗ в редакции от 24.07.2023 N 377-ФЗ), было допущено нарушение положений ГК РФ, устанавливающего императивный 6-месячный срок (ст. 231 ГК РФ). Разрешая возникшие противоречия Конституционный суд вынес соответствующее постановление⁹.

во-вторых, в правоприменительной плоскости также возникают ряд вопросов. Одним из них выступает невозможность определения собственника животного, так выявленное в ходе анализа судебных споров отсутствие критериев принадлежности, формирует одностороннюю, негативную тенденцию привлечения муниципальных образований к ответственности за вред, причиненный гражданам животными без владельцев, где основным положением, подтверждающим виновность исполнительно-распорядительного органа власти, выступает наличие полномочий переданных ему от федерального уровня или уровня субъекта Российской Федерации.

Литература

1. Галиндабаева В.В. Цивилизованная смерть: проблема бездомных животных и спортивные мега-события в России // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. № 4. С. 305–331. DOI: 10.46539/gmd.v5i4.403.
2. Костина, С.Е. Приобретение прав на безнадзорных животных в российском гражданском праве // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2023. – № 5(154). С. 125–130. DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-125-130.
3. Макинов М. Т., Кассал Б.Ю. Исследование популяции свободноживущих собак г. Омска // *Журнал СФУ. Биология*. 2014. № 1. С. 87–98.
4. Панфилова А.О., Смолина А.А. Отношение к проблеме бездомных животных в артикуляции сообщества в социальной сети (на материалах исследования) // *Society and Security Insights*. 2021. № 2. С. 141–150. DOI:10.14258/ssi (2021)2-11.
5. Сторожук, А. Ю. гуманитарная экспертиза проблемы бездомных животных / А.Ю. Сторожук // *Человек.RU*. 2020. № 15. С. 311–323. DOI 10.32691/2410-0935-2020-15-311-323.
6. Тимохович А.Н., Филенко Ц.С., Леякова А.С. Проблема бездомных животных в мегаполисах: мнение студенческой молодежи. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2023. № 2. С. 29–36. DOI: 10.26105/SSPU.2023.83.2.003
7. Цветкова И.В. Социальная проблема бездомных животных и способы ее решения (по результатам исследования в Тольяти) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. № 1. С. 60–69. DOI 10.21603/2500-3372-2022-7-1-60-69.
8. Чекашкина, Н.Р. Влияние социальных ограничений на актуализацию проблемы бездомных животных / Н.Р. Чекашкина, А.В. Романова // *Тенденции развития науки и образования*. – 2021. – № 73–8. – С. 81–85. – DOI 10.18411/lj-05-2021-317.
9. Шабалина М.А. Проблемы правового регулирования обращения с безнадзорными животными в России. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2022. Т. 15. № 5. С. 198–227. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.198.227.
10. Голубцов В.Г., Габова А.В. Особенности субсидиарной ответственности публично-правовых образований по обязательствам созданных ими учреждений: процессуальный аспект. // *Ex iure*. 2020. № 4. С. 37–54. DOI: 10.17072/2619-0648-2020-4-37-54.
11. Жерелина О.Н., Кириллова Е.А. Институт юридической ответственности государства // *Пробелы в российском законодательстве*. 2017. № 6. С. 80–84.

LEGAL STATUS OF STRAY ANIMALS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Fedorenko K.A.

South Russian Institute of Management

The article analyzes the legal status of stray animals in the Russian Federation. The relevance of the topic is presented in the form of scientific studies characterizing the current state of legal regulation of the treatment of animals without owners, as well as statistical data reflecting their total number both in Russia and in foreign countries. As a result of the work carried out, a discrepancy was found between the provisions of regulatory acts of the constituent entities of the Russian Federation and federal legislation in the matter of euthanasia of animals without owners. Also, through the analysis of law enforcement

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 N 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия»

¹ Голубцов В.Г., Габова А.В. Особенности субсидиарной ответственности публично-правовых образований по обязательствам созданных ими учреждений: процессуальный аспект. // *Ex iure*. 2020. № 4. С. 37–54.

² Жерелина О.Н., Кириллова Е.А. Институт юридической ответственности государства // *Пробелы в российском законодательстве*. 2017. № 6. С. 80–84.

³ Закон Краснодарского края от 27 сентября 2012 года N 2584-КЗ «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края и органов публичной власти федеральной территории «Сириус» государственными полномочиями Краснодарского края в области обращения с животными, предусмотренными законодательством в области обращения с животными, в том числе организации мероприятий при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев на территории муниципальных образований Краснодарского края и федеральной территории «Сириус».

⁴ Приказ департамента ветеринарии Краснодарского края от 25 декабря 2025 года № 460 «Об утверждении показателей результативности и объемов предоставления субвенций муниципальным образованиям Краснодарского края и федеральной территории «Сириус» на осуществление государственных полномочий Краснодарского края в области обращения с животными, предусмотренных законодательством в области обращения с животными, в том числе организации мероприятий при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев на территории муниципальных образований Краснодарского края и федеральной территории «Сириус», в 2026 году»

⁵ Законопроект № 1219068-8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в статью 19-1 Закона Российской Федерации «О ветеринарии».

⁶ Лохматый вопрос. Допуск к содержанию кошек и собак может появиться в России. <https://aif.ru/amp/society/law/lohmatty-vopros-dopusk-k-soderzhaniyu-koshek-i-sobak-mozhet-poyavitsya-v-rossii>

⁷ Закон Краснодарского края от 2 декабря 2004 года № 800-КЗ «О содержании и защите домашних животных в Краснодарском крае», регистрация и перерегистрация кошек и собак осуществляется в целях решения проблемы безнадзорности.

⁸ Постановление правительства Мурманской области от 28 декабря 2022 года N 1077-ПП «Об утверждении Требований к содержанию и выгулу домашних животных в Мурманской области».

practice, a gap in the current legislation has been identified, since in the event of harm caused by an animal to the life and health of a citizen, it becomes practically impossible to determine its owner due to the absence of criteria for ownership. This imperfection of the regulatory framework has a direct impact on judicial practice, creates an additional burden on executive and administrative bodies, gives rise to contentious situations, as well as difficulties in the process of proof. The responsible entity in the current situation is predominantly a public law entity, due to its being vested with powers to control stray animals on its own territory. Thus, the legislation in the field of responsible treatment of animals requires amendments.

Keywords: stray animals, civil liability, public entities, compensation for harm caused, certain state powers.

References

1. Galindabaeva V.V. Civilized Death: The Problem of Stray Animals and Sporting Mega-Events in Russia // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. No. 4. P. 305–331. DOI: 10.46539/gmd.v5i4.403.
2. Kostina S.E. Acquisition of Rights to Stray Animals in Russian Civil Law // *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2023. No. 5(154). P. 125–130. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-5-125-130.
3. Makenov M.T., Kassal B. Yu. Study of the Population of Free-Ranging Dogs in Omsk // *Journal of Siberian Federal University. Biology*. 2014. No. 1. P. 87–98.
4. Panfilova A.O., Smolina A.A. Attitude to the Problem of Stray Animals in the Articulation of the Community on Social Networks (Based on Research Materials) // *Society and Security Insights*. 2021. No. 2. P. 141–150. DOI: 10.14258/ssi (2021)2–11.
5. Storozhuk A. Yu. Humanitarian Expertise of the Problem of Stray Animals // *Chelovek.RU*. 2020. No. 15. P. 311–323. DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-311-323
6. Timokhov A.N., Filenko Ts.S., Lelyakova A.S. The Problem of Stray Animals in Megacities: Opinions of Student Youth // *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2023. No. 2. P. 29–36. DOI: 10.26105/SSPU.2023.83.2.003.
7. Tsvetkova I.V. Social Problem of Stray Animals and Ways to Solve It (Based on Research Results in Togliatti) // *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2022. Vol. 7. No. 1. P. 60–69. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-1-60-69.
8. Chekashkina N.R., Romanova A.V. The Influence of Social Restrictions on the Actualization of the Problem of Stray Animals // *Trends in the Development of Science and Education*. 2021. No. 73–8. P. 81–85. DOI: 10.18411/ij-05-2021-317.
9. Shabalina M.A. Problems of Legal Regulation of the Treatment of Stray Animals in Russia // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. Vol. 15. No. 5. P. 198–227. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.198.227.
10. Golubtsov V.G., Gabov A.V. Features of Subsidiary Liability of Public Legal Entities for Obligations of Institutions Created by Them: Procedural Aspect // *Ex iure*. 2020. No. 4. P. 37–54. DOI: 10.17072/2619-0648-2020-4-37-54.
11. Zherelina O.N., Kirillova E.A. Institute of Legal Responsibility of the State // *Gaps in Russian Legislation*. 2017. No. 6. P. 80–84.

Особенности невестребованных (выморочных) земельных долей в составе бесхозяйного недвижимого имущества с 2025 года

Филиппова Екатерина Владимировна,

старший преподаватель кафедры «Организация и менеджмент», ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет»
E-mail: ngiei126@mail.ru

Федеральный закон от 29.12.2022 № 639-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» внес в Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» статью 19.3, которая устанавливает особенности оборота невестребованных земельных долей [1]. Законодательный орган власти, тем самым, решил упростить процедуру оформления невестребованных выморочных земельных долей сельскохозяйственного назначения, исключив из их состава понятие и особенности выморочных земельных долей.

Изучением данного изменения в действующем законодательстве уже занимается ряд молодых ученых. Мы, наряду с ними, также изучим более подробно указанные выше изменения и выявим основные проблемные стороны данного вопроса, но с точки зрения их дальнейшего практического применения.

Ключевые слова: невестребованные и выморочные земельные доли, орган местного самоуправления, публичный собственник, бесхозяйные объекты недвижимого имущества.

Федеральным законом от 29.12.2022 № 639-ФЗ в Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения) была внесена статья 19.3, которая регламентирует особенности оборота невестребованных земельных долей. Указанная норма носит специальный характер и направлена на регулирование правового режима долей, в отношении которых не заявлены права собственников. Практическое применение положений статьи начинается с 01 января 2025 года. Именно с этой даты существенно трансформируется порядок взаимодействия публичного собственника (органа местного самоуправления) с невестребованными (выморочными) земельными долями, что отражает стремление к усилению контроля за использованием земель сельскохозяйственного назначения.

Законодательный орган власти, который вносит изменения в действующее правовое регулирование, преследует основную цель, заключающуюся в упрощении процедуры оформления невестребованных земельных долей в собственность муниципального образования. Между тем правоприменительная практика свидетельствует о возникновении у публичного собственника (органа местного самоуправления) существенного числа затруднений при реализации соответствующих норм. В рамках настоящей статьи проводится детальный анализ указанной процедуры, который направлен на выявление ключевых нюансов и проблемных аспектов ее практического применения.

Понятие невестребованной земельной доли формируется через совокупность объективных критериев, которые позволяют отнести такую земельную долю к указанной категории. Первый критерий заключается в длительном (не менее трёх лет) отсутствии реализации собственником своих правомочий распоряжения, включая аренду, отчуждение и включение в состав наследственного имущества. Второй критерий носит учётный характер, который устанавливает, что к невестребованным земельным долям причисляются доли, в отношении которых в актах о приватизации, вынесенных органами местного самоуправления до вступления в силу Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ (далее – Закон № 218-ФЗ), не содержатся сведения о правообладателе. Такой подход обеспечивает формализованное разграничение оснований для признания доли невестребованной.

В состав невестребованных земельных долей из состава земель сельскохозяйственного назначения до января 2025 года относились и выморочные земельные доли, которые автор в своих работах рассматривает как один из объектов бесхозяйного недвижимого имущества. Но об этом чуть позже.

Распределение земельных долей среди членов сельскохозяйственных предприятий в девяностые годы стало одним из ключевых элементов изменения земельно-имущественных правовых отношений в аграрном секторе. Вместе с тем, низкая степень правовой активности пайщиков обусловила ситуацию, при которой существенные объемы земель сельскохозяйственного назначения остаются неоформленными и фактически имеют признаки бесхозяйных объектов недвижимого имущества, что негативно сказывается на эффективности оборота и эксплуатации сельскохозяйственных угодий.

Поскольку в Российской Федерации земля должна использоваться по ее прямому целевому назначению [2], законодателями были установлены необходимые механизмы для вовлечения таких заброшенных объектов недвижимого имущества в гражданско-правовой оборот.

До 01 января 2025 года органы местного самоуправления как публичные собственники обладали полномочием обратиться в суд общей юрисдикции о признании права муниципальной собственности на невестребованные земельные доли из состава земель сельскохозяйственного назначения. Данное правомочие вытекало из действующих норм Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и было ориентировано на вовлечение указанных земель в хозяйственный оборот, например, посредством их продажи либо предоставления в аренду иным участникам гражданского оборота, включая юридических лиц [3].

С 01 января 2025 года правовое регулирование испытало существенные изменения: законодательный орган власти отказался от су-

дебной процедуры в пользу внесудебного порядка признания права муниципальной собственности на невостребованные земельные доли. Теперь надлежащим основанием для перехода доли в муниципальную собственность выступает сам факт признания ее невостребованной. В соответствии со статьями 19.3 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения это приведет к прекращению права собственности у первоначального правообладателя, т.е. у пайщика, который получил земельный пай в девяностые годы [1].

В системе правового регулирования механизма обращения с земельными долями пункт 1 статьи 12.1 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения выполняет функцию нормативно-правового фильтра, который исключает из числа невостребованных земельных долей те земельные доли, права на которые прошли государственную регистрацию в рамках действия Закона № 218ФЗ. Такое исключение обосновано тем, что факт регистрации свидетельствует о реализации собственником своего правомочия по распоряжению имуществом, а это означает, что отсутствуют основания для признания доли невостребованной. Подобная конструкция обеспечивает согласованность земельно-правовых и регистрационных норм, предусмотренных действующим законодательством.

Правовой порядок признания права муниципальной собственности на невостребованную земельную долю установлен действующими нормами статьи 12.1 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения. Процедура состоит из последовательных юридически значимых этапов, а именно:

- формируется перечень земельных долей, подпадающих под категорию невостребованных (пункт 3 статьи 12.1);
- обязательное опубликование указанного перечня в средствах массовой информации и размещение на официальном сайте органа местного самоуправления – не менее чем за три месяца до даты созыва общего собрания участников долевой собственности (пункт 4 статьи 12.1);
- утверждение перечня на общем собрании участников общей долевой собственности (пункт 5 статьи 12.1);
- в случае если общим собранием участников долевой собственности в течение четырех месяцев со дня опубликования в средствах массовой информации указанного списка не принято решение по вопросу о невостребованных земельных долях, право его утверждения переходит к публичному собственнику (органу местного самоуправления) (пункт 7 статьи 12.1) [4].

До 01 января 2025 года алгоритм признания права муниципальной собственности на невостребованные земельные доли включал те же базовые этапы, что и в актуальной редакции правового регулирования. Существенным отличием прежнего порядка выступало обязательное судебное производство: орган местного самоуправления должен был обратиться с иском в суд общей юрисдикции для признания права муниципальной собственности на соответствующую земельную долю. Исключение данной судебной стадии из общего механизма было обусловлено стремлением законодательного органа власти упростить работу публичного собственника с такими объектами гражданских прав и снизить административную нагрузку на муниципальные органы власти.

Государственная регистрация права муниципальной собственности осуществляется на основании заявления соответствующего публичного образования с представлением списка невостребованных земельных долей, утвержденного решением общего собрания участников долевой собственности либо решением органа местного самоуправления муниципального образования, на территории которого они располагаются [5].

Теперь рассмотрим понятие выморочной земельной доли, которая, как говорилось ранее, была до января 2025 года включена в понятие невостребованной земельной доли. Автор, исследуя объекты бесхозяйного недвижимого имущества, утверждает о том, что выморочные объекты относятся к бесхозяйным объектам и должны вовлекаться в гражданско-правовой оборот по их аналогии [6].

С 01 января 2025 года законодатель исключил из состава невостребованных земельных долей понятие выморочной земельной доли. Статус выморочной земельной доли определяется на базе общих положений о выморочном имуществе и возникает при совокупности юридически значимых обстоятельств. К таковым относятся:

- отсутствие наследников как по закону, так и по завещанию;
- лишение всех потенциальных наследников права наследования либо их отстранение от наследования;
- непринятие наследства ни одним из наследников;
- отказ всех наследников от наследства без указания лица, в пользу которого осуществляется такой отказ [7].

Совокупность указанных условий приведет к переходу земельной доли в публичную собственность в установленном законом порядке. При этом земельная доля будет иметь статус выморочного объекта недвижимого имущества, если присутствует хотя бы один из признаков, рассмотренных выше. Наследование таких земельных долей и механизм признания права муниципальной собственности на выморочное недвижимое имущество регулируется отдельно – в соответствии с нормами гражданского законодательства. Из этого следует, что отдельно проводить процедуру признания земельной доли выморочной и потом уже «невостребованной» – не требуется.

Порядок признания права муниципальной собственности на выморочное имущество в Российской Федерации отсутствует. Существуют общие положения о механизме работы с такими объектами, которые немногие из муниципальных образований предусматривают и закрепляют в своих нормативно-правовых актах. Рассмотрим одно из них.

Постановление администрации городского округа город Воронеж от 17 ноября 2017 года № 635 утверждено Положение о порядке учета выморочного имущества в виде жилых помещений и оформления его в муниципальную собственность. Им устанавливаются следующие основные этапы процедуры признания права муниципальной собственности на выморочные объекты недвижимого имущества:

- выявление выморочных объектов недвижимого имущества (проведение инвентаризации, информация их иных источников);
- сбор пакета необходимых документов, а именно: свидетельство о смерти собственника либо справка о смерти собственника; правоустанавливающие и (или) правоподтверждающие документы умершего гражданина на объект выморочного имущества; выписка из Единого государственного реестра недвижимости о правообладателе недвижимости;
- подача заявления нотариусу нотариального округа городского округа город Воронеж о выдаче свидетельства о праве на наследство по закону [8].

В случае, когда нотариус откажет в выдаче свидетельства о праве на наследство по закону [9], возникнет основание для осуществления полномочия публичного собственника на закрепление имущества в реестре муниципальной собственности. Орган местного самоуправления, при этом, будет иметь право на обращение в суд общей юрисдикции в порядке общего искового производства с требованием о признании имущества выморочным и о признании права собственности на него. Данная процедура обеспечивает судебную обоснованность обстоятельств, которые исключают возможность наследования, и правовое основание перехода прав к публичному собственнику.

В теории все понятно и просто. Теперь рассмотрим данный механизм на практике, тем более, автору представилась возможность изучить весь механизм «изнутри».

За оказанием юридической помощи обратился действующий на территории одного из муниципальных образований Нижегородской области сельхозтоваропроизводитель. Основной задачей, которая ставилась перед юристом, это оформление невостребованных и выморочных земельных долей в муниципальную собственность публично-правового образования и правовое (юридическое) сопровождение сделки купли-продажи муниципального имущества (а именно, земельных долей, которые будут оформлены в муниципальную собственность) данному юридическому лицу. Правомочия публичного собственника (органа местного самоуправления) по работе с невостребованными и выморочными земельными долями будут предоставлены юристу на основании нотариальной доверенности от главы местного самоуправления муниципального образования.

Основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться представителю органа местного самоуправления (юристу по доверенности):

- отсутствие утвержденных должным образом списков невостребованных земельных долей;
- отсутствие документов, которые подтверждают смерть собственника невостребованной земельной доли, с целью исключения таких земельных долей из общего списка невостребованных долей и признания их выморочными земельными долями;
- отсутствие реального применения выдачи свидетельства о праве на наследство по закону нотариальными конторами и нотариусами;
- невозможность публичного собственника (органа местного самоуправления) запросить необходимые документы (справки) для признания права муниципальной собственности на выморочное имущество у уполномоченных государственных органов (отделы ЗАГСа, нотариусы и т.д.).

По неофициальным источникам юристу удалось из имеющегося списка земельных долей, которые не были востребованными в соответствии с нормами действующего законодательства, исключить земельные доли, имеющие признаки выморочного имущества. Ими

оказались земельные доли, которыми собственники (наследодатели) не распорядились в течение трех и более лет, не оформили их в соответствии с нормами действующего законодательства, и наследники которых не оформили права собственности в порядке наследования на такие земельные доли. И вот здесь прослеживается определенное противоречие между двумя основными положениями:

Во-первых, если земельной долей собственник не распорядился в течение трех и более лет, и не оформил ее в соответствии с нормами действующего законодательства, то это признаки невостребованной земельной доли.

Во-вторых, если в отношении земельной доли, собственник которой умер, наследники не вступили в права наследования по различным основаниям, то это признаки выморочной земельной доли.

Однако второе обстоятельство противоречит нормам действующего законодательства. Еще раз обратим внимание на понятие выморочного имущества (земельной доли). Пункт 1 статьи 1151 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что в случае отсутствия наследников (как по закону, так и по завещанию), либо никто из наследников не имеет права наследовать, либо все наследники отстранены от наследования (статья 1117), либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника (статья 1158), имущество умершего считается выморочным [7].

Отсутствие наследников не вызывает вопросов и дискуссий в теории и на практике. Более сложной ситуацией, с точки зрения правовой квалификации, является ситуация, когда наследники приняли иное имущество наследодателя, но не приняли права собственности на земельную долю. Данная ситуация требует особого уточнения показателей отнесения доли к выморочному либо невостребованному имуществу и разработке единого подхода к ее дальнейшему правовому применению. Согласно пункту 2 статьи 1152 Гражданского кодекса РФ принятие наследником части наследства означает принятие всего причитающегося ему наследства, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось [10]. То есть наследник является титульным собственником, право собственности на земельную долю которого подтверждается свидетельством о праве на наследство на другое имущество, в отношении которого он вступил в права наследования по закону.

На основании вышеизложенного и приведенного примера из судебной юридической практики автора можно сделать следующий вывод. К невостребованным земельным долям относятся:

– земельные доли из состава земель сельскохозяйственного назначения, которыми собственники не распорядились в течение трех и более лет, не оформили их в соответствии с нормами действующего законодательства, в том числе, и не осуществили выдел их из состава земельного участка единого землепользования;

– земельные доли, которые считаются невостребованными титульными собственниками, то есть наследниками, не оформившими права собственности на них в порядке наследования по закону.

К числу же выморочных земельных долей относятся земельные доли, в отношении которых отсутствует субъект гражданского правоотношения: либо в связи с полным отсутствием наследников, либо вследствие реализации наследниками правомочия на отказ от наследования. В правовом смысле такие объекты характеризуются признаками бесхозяйного недвижимого имущества, что обуславливает необходимость применения специального механизма приобретения права собственности, предусмотренного статьей 225 Гражданского кодекса РФ.

Литература

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 29.12.2022 № 639-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436218/3d-0cac60971a511280cbb229d9b6329c07731f7/#dst100019 (дата обращения 03.07.2026);
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения 03.07.2026);
3. Надежин Н.Н. Предпринимчивость как основополагающий элемент для осуществления предпринимательской деятельности/ Н.Н. Надежин // Актуальные вопросы развития современного общества. Сборник научных статей 4-й Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 46–52;
4. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу

с 01.03.2026). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/e8cb88ae2f06c1f6d-40243c99e82d4900d4e8cae/#dst16 (дата обращения 03.07.2026);

5. Письмо Росреестра от 18.11.2024 № 14–11088-ТГ/24 «По вопросам порядка осуществления государственной регистрации права муниципальной собственности на невостребованные земельные доли». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-rosreestra-ot-18112024-n-14-11088-tg24-po-voprosam-porjadka/> (дата обращения 03.07.2026);

6. Филиппова Е.В. Бесхозяйное и выморочное имущество: особенности и порядок признания права муниципальной собственности/ Е.В. Филиппова // Концепция развития частного права: стратегия будущего: сборник научных статей Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. – 2020. – С. 51–55;

7. Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 1 46-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Раздел V. Наследственное право. Глава 63. Наследование по закону. Статья 1151. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/5646edf4af763454a22ff6e4e5a9846cc7f4215f/ (дата обращения 03.07.2026);

8. Постановление администрации городского округа город Воронеж «Об утверждении Положения о порядке учета выморочного имущества в виде жилых помещений и оформления его в муниципальную собственность» от 17.11.2017 № 635. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/446590871> (дата обращения 03.07.2026);

9. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 10.06.2026). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/abe1fe36af58a186fea0a6ebb7174b32056ca998/ (дата обращения 03.07.2026);

10. Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 1 46-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Раздел V. Наследственное право. Глава 64. Приобретение наследства. Статья 1152. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/5646edf4af763454a22ff6e4e5a9846cc7f4215f/ (дата обращения 03.07.2026).

OWNERSHIP DURATION AND UNAUTHORIZED CONSTRUCTION WHEN CONSIDERED UNOWNED REAL ESTATE

Filippova E.

Nizhny Novgorod state University of engineering and Economics

Federal Law No. 639-FZ of December 29, 2022 «On Amendments to the Federal Law on the Circulation of Agricultural Land» introduced Article 19.3 into Federal Law No. 101-FZ of July 24, 2002 «On the Circulation of Agricultural Land» (hereinafter referred to as the Law on the Circulation of Agricultural Land), which establishes the specifics of the circulation of unclaimed land shares [1]. The legislative body of power, thereby, decided to simplify the procedure of registration of unclaimed, extinct land shares of agricultural purpose, excluding from their composition the concept and features of extinct land shares.

A number of young scientists are already studying this change in the current legislation. We, along with them, will also study in more detail the above-mentioned changes and identify the main problematic aspects of this issue, but from the point of view of their further practical application.

Keywords: unclaimed and extinct land shares, a local government body, a public owner, and unowned real estate objects.

References

1. Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On the Turnover of Agricultural Land” dated 29.12.2022 No. 639-FZ. [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436218/3d0cac60971a511280cbb229d-9b6329c07731f7/#dst100019 (date of access 03.07.2026);
2. Land Code of the Russian Federation dated 25.10.2001 No. 136-FZ (as amended on 02.05.2026). [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (date of access 03.07.2026);
3. Nadezhin N. N. Entrepreneurship as a Fundamental Element for the Implementation of Entrepreneurial Activity / N. N. Nadezhin // Current Issues in the Development of Modern Society. Collection of Scientific Articles of the 4th International Scientific and Practical Conference. – 2020. – Pp. 46–52;
4. Federal Law “On the Turnover of Agricultural Land” dated 24.07.2002 No. 101-FZ (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2026). [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/e8cb88ae2f06c1f6d40243c99e82d4900d4e8cae/#dst16 (date of access 03.07.2026);
5. Letter of Rosreestr dated 18.11.2024 No. 14–11088-TG/24 “On the procedure for implementing state registration of municipal ownership rights to unclaimed land shares.” [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-rosreestra-ot-18112024-n-14-11088-tg24-po-voprosam-porjadka/> (date of access 03.07.2026);
6. Filippova E. V. Ownerless and Escheat Property: Features and Procedure for Recognizing the Right of Municipal Ownership / E. V. Filippova // Concept of private law development: strategy for the future: collection of scientific articles of the All-Russian scientific

conference of students, master's degree students and postgraduate students. – 2020. – P. 51–55;

7. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001, No. 1 46-FZ (as amended on August 8, 2024). Section V. Inheritance Law. Chapter 63. Inheritance by Law. Article 1151. [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/5646edf4af763454a22ff6e4e5a9846cc7f4215f/ (date of access 03.07.2026);

8. Resolution of the Administration of the Urban District of the City of Voronezh “On Approval of the Regulation on the Procedure for Registering Escheat Property in the Form of Residential Premises and Registering It as Municipal Ownership” dated 17.11.2017 No. 635. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/446590871> (date of access 03.07.2026);

9. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 11.02.1993 No. 4462–1) (as amended on 10.06.2026). [Electronic resource]. –Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/abe1fe36af58a186fea0a6ebb7174b32056ca998/ (accessed on 03.07.2026);

10. Part Three of the Civil Code of the Russian Federation dated 26.11.2001 No. 1 46-FZ (as amended on 08.08.2024). Section V. Inheritance Law. Chapter 64. Acquisition of Inheritance. Article 1152. [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/5646edf4af763454a22ff6e4e5a9846cc7f4215f/ (date of access 03.07.2026).

Правовая природа и условия применения антиисковых запретов по санкционным спорам (статья 248.2 АПК РФ)

Черноухов Артём Владимирович,
магистр юриспруденции,
E-mail: A.V. Chernoukhov@yandex.ru

Статья посвящена определению условий применения и правовой природы антиисковых запретов по санкционным спорам, предусмотренных ст. 248.2 АПК РФ. Исследуется состав юридически значимых обстоятельств, необходимый для запрета инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде либо международном коммерческом арбитраже. Особое внимание уделяется разграничению обязательных и факультативных условий, включая наличие юрисдикционного соглашения и его неисполнимость вследствие ограничения доступа к правосудию. На основе формально-догматического и системного анализа законодательства, судебных актов и доктринальных позиций сопоставляются подходы, квалифицирующие антиисковый запрет как обеспечительную меру, самостоятельный способ исковой защиты либо процессуальную конструкцию *sui generis*. Обосновывается, что запрет применяется к будущему или незавершенному иностранному разбирательству при наличии санкционного спора, относящегося к исключительной компетенции российского суда. Сделан вывод, что антиисковый запрет функционально сходен с обеспечительными мерами, однако не обладает их акцессорностью и временным характером, а потому представляет собой самостоятельное процессуальное средство защиты, реализуемое в специальном производстве по ст. 248.2 АПК РФ.

Ключевые слова: антиисковый запрет; санкционные споры; исключительная компетенция; юрисдикционное соглашение; доступ к правосудию; обеспечительные меры; международный коммерческий арбитраж; процессуальная форма *sui generis*.

Введение

Введение в АПК РФ ст. 248.2 стало процессуальным ответом на ситуацию, в которых санкционный спор продолжает рассматриваться за пределами Российской Федерации, несмотря на возникновение исключительной компетенции российского арбитражного суда. Действие предусмотренного этой нормой запрета подкрепляется специальной денежной санкцией – астрентом.

При этом лаконичность и некоторая сдержанность законодателя в изложении нормы ч. 1 ст. 248.2 АПК РФ оставили открытыми два взаимосвязанных вопроса. Первый касается фактического состава, достаточного для применения запрета: какие условия являются обязательными, требуется ли наличие юрисдикционного соглашения и должна ли во всех случаях доказываться его неисполнимость. Второй вопрос состоит в определении правовой природы антиискового запрета и его соотношения с обеспечительными мерами.

Цель настоящей статьи состоит в последовательном разрешении обозначенных вопросов. Для этого сначала анализируются условия применения ст. 248.2 АПК РФ, после чего сопоставляются основные доктринальные квалификации антиискового запрета. Такой порядок позволяет определить место названной конструкции в российском арбитражном процессе без искусственного сведения ее к уже существующим процессуальным средствам.

Условия применения антиисковых запретов по санкционным спорам

Статья 248.2 АПК РФ дополнила заложенный в ст. 248.1 АПК РФ механизм особой международной компетенции новым, доселе невиданным российскому правопорядку и значительно более радикальным инструментом. Теперь российское подсанкционное лицо получило возможность не только перенести спор в российскую юрисдикцию, но и запретить иностранной стороне спора инициировать либо продолжать разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже за пределами Российской Федерации. Более того, этот запрет подкреплен специальной денежной санкцией, которая может достигать суммарного размера исковых требований и судебных расходов, заявленных против подсанкционной стороны за рубежом. Именно поэтому антиисковый запрет является серьезным рычагом давления на сторону, пытающуюся сохранить рассмотрение спора в иностранном форуме [1, ст. 248.2; 2, с. 395–396].

Правило об антиисковом запрете сформулировано в ч. 1 ст. 248.2 АПК РФ. Оно предоставляет лицу, в отношении которого было или будет инициировано разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже по спорам, указанным в ст. 248.1 АПК РФ, право обратиться в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту своего нахождения или месту жительства с заявлением о запрете инициировать или продолжать соответствующее иностранное разбирательство [1, ч. 1 ст. 248.2]. Такое заявление рассматривается судьей единолично, но обязательно в судебном заседании с извещением сторон, что принципиально отличает этот институт от обеспечительных мер [3, с. 47–48; 4, с. 392–393].

В свою очередь состав, необходимый для применения антиискового запрета, в доктрине реконструируется достаточно единообразно. В.В. Ярков в двух работах, коллектив авторов учебника под редакцией П.В. Крашенинникова, а также юристы КИАП выделяют четыре базовых условия. Во-первых, наличие в отношении российского лица мер ограничительного характера, введенных иностранным государством, межгосударственным объединением либо их органами; во-вторых, наличие обстоятельств, подтверждающих исключительную компетенцию российских арбитражных судов по критериям ст. 248.1 АПК РФ; в-третьих, существование пророгационного или арбитражного соглашения о рассмотрении споров в иностранном суде либо международном коммерческом арбитраже за пределами России; в-четвертых, наличие доказательств того, что иностранное разбирательство уже начато либо будет инициировано, включая претензии, требования, исковые заявления и иные документы [5, с. 3; 6, с. 2; 2, с. 395–396; 7, с. 48; 8, с. 5–6]. Однако, надо полагать, не все перечисленные условия являются обязательными. Некоторые из них факультативны (например, наличие юрисдикционного соглашения).

Кроме того, в литературе и практике разделились мнения касательно пятого условия: является ли неисполнимость юрисдикционного соглашения обязательным элементом предмета доказывания либо она носит лишь факультативный характер? При буквальном прочтении п. 4 ч. 2 ст. 248.2 АПК РФ обстоятельства, подтверждающие неисполнимость такого соглашения, представляются суду [«(ПРИ ИХ НАЛИЧИИ)»] [1, п. 4 ч. 2 ст. 248.2]. Именно на этом основании коллектив авторов учебника под редакцией П.В. Крашенинникова и Ярков квалифицировали данный элемент как факультативный: если спор уже подпадает под исключительную компетенцию российских судов, отсутствие доказательств неисполнимости юрисдикционного соглашения не блокирует возможность выдачи запрета [2, с. 395–396; 6, с. 2; 5, с. 3]. Нельзя не отметить, что эта позиция очень сомнительна, но именно она и стала одним из аргументов, которые позднее использовал Верховный Суд в деле Уралтрансмаш для установления презумпции ограничения доступа к правосудию при введении санкций применительно к ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ.

Вместе с тем в литературе предложено альтернативное и более убедительное понимание предмета доказывания по ст. 248.2 АПК РФ. Е.И. Иванов и А.В. Незнамов исходят из того, что применение антиисковых запретов должно опираться на последовательный фактический состав: наличие либо отсутствие соглашения об изменении компетенции, наличие ограничительных мер, препятствия в доступе к правосудию и, как следствие, неисполнимость пророгационного или арбитражного соглашения [9, с. 4, 6].

При этом в заявлениях о выдаче антиискового запрета подсанкционные лица указывают, как правило, два довода, свидетельствующих о неисполнимости юрисдикционного соглашения. Первый: санкции препятствуют осуществлению надлежащей правовой защиты в иностранном арбитраже или суде, поскольку затрудняют найм квалифицированных юристов, участие в заседаниях, оплату сборов и трансграничные переводы. Второй: санкционный режим ставит под сомнение беспристрастность и справедливость разбирательства в соответствующем иностранном форуме [10, с. 2].

Кроме того, не менее важно очертить круг лиц, которые вправе обращаться за запретом. Законодатель очертил субъектные границы применения антиисковых запретов через предметный критерий, то есть определил возможных заявителей как участников санкционных споров, упомянутых в ст. 248.1 АПК РФ. При этом из буквального прочтения закона следует, что применять антиисковые запреты могут как подсанкционные российские и иностранные лица, так и участники споров, где санкции не наложены ни на одну из сторон, но при этом выступают основанием спора.

Зотов справедливо выделяет еще два условия для удовлетворения заявления о выдаче антиискового запрета, которые иногда не выделяются в литературе. Первое условие (тоже включается в предметный критерий, касающийся круга споров, подпадающих под ст. 248.1 АПК РФ): запрет может касаться только арбитражного разбирательства либо судебного процесса за пределами территории Российской Федерации. Следовательно, внутрироссийский арбитраж по этой норме заблокирован быть не может [11, с. 11]. Второе условие (оно, по сути, является продолжением критерия о текущем или потенциальном разбирательстве): антиисковый запрет имеет смысл только до завершения иностранного процесса. После вынесения итогового арбитражного решения или судебного акта его адресат уже объективно не способен исполнить запрет [11, с. 13]. Отсюда следует, что предметом антиискового запрета является либо будущий, либо текущий, но не завершённый иностранный процесс. Этот вывод подтверждают и авторы обзора КИАП [8, с. 5–6].

Таким образом, для применения антиискового запрета по ст. 248.2 АПК РФ необходимы обязательные условия: (а) наличие санкционного спора по смыслу ст. 248.1 АПК РФ; (б) нахождение данного спора под исключительной компетенцией российского суда; (в) рассмотрение этого спора зарубежным судом или арбитражем или высокая вероятность такого рассмотрения (а также отсутствие конечного решения по делу). В ряде случаев появляются и факультативные условия: (а) наличие юрисдикционного соглашения и (б) его неисполнимость.

Правовая природа антиисковых запретов по санкционным спорам

Российский законодатель ввел конструкцию антиискового запрета в отечественное процессуальное право, как представляется, наскоком: поспешно и предельно скудно по объему нормативного материала. В результате практически сразу в доктрине и практике возникла коллизия подходов: является ли антиисковый запрет разновидностью

обеспечительных мер, особым видом исковой защиты, калкой *anti-suit injunctions* общего права или конструкцией *sui generis*.

Так, в пояснительной записке к законопроекту Лугового речь шла о праве российских граждан и юридических лиц, которым предъявлены требования в иностранном суде, международной организации или третейском суде, обратиться в российский суд «с иском о прекращении судебного разбирательства в таких судах и организациях», причем в случае удовлетворения иска суд должен был установить разумный срок для исполнения решения [12]. Из этого видно, что первоначально антиисковый запрет задумывался как особый вид исковой защиты.

В современной судебной практике наиболее взвешенную квалификацию антиисковому запрету дает Конституционный Суд РФ, отмечая, что «по своей правовой природе антиисковый запрет сходен с обеспечительными мерами, принимаемыми до принятия судом решения по делу» [13]. Эта формула точна именно своей осторожностью. Суд не относит антиисковый запрет к обеспечительным мерам, а лишь фиксирует его функциональное сходство с ними.

А.Р. Султанов в свою очередь пишет, что «антиисковый запрет – это не запрет на правосудие, а борьба за форум, где должно рассматриваться дело, своего рода борьба за суд» [14, с. 1]. Это определение схватывает функцию *anti-suit injunction*: устранить от рассмотрения спора нежелательный юрисдикционный орган и предупредить параллельный процесс. Тем самым антиисковый запрет выступает как средство защиты надлежащего форума и обеспечения процессуальной определенности [15, с. 17].

Наиболее адекватную концепцию антиискового запрета по ст. 248.2 АПК РФ предлагает В.В. Ярков. Он ставит вопрос, являются ли антиисковые запреты по ст. 248.2 АПК РФ разновидностью обеспечительных мер, изложенных в главе 8 АПК РФ, либо представляют собой правила специального судебного производства с существенными процессуальными особенностями [16, с. 3]. Дальнейший анализ Яркова, с которым следует солидаризироваться, приводит к однозначному выводу: антиисковый запрет не является обеспечительной мерой, представляя собой процессуальную форму *sui generis*.

Первое: у названных конструкций различные цели. Обеспечительные меры по гл. 8 АПК РФ служат обеспечению будущего исполнения судебного акта и сохранению *status quo* в материальных правоотношениях сторон. Производство по ст. ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ направлено на установление исключительной компетенции российского суда и пресечение иностранного разбирательства, противоречащего этой компетенции [16, с. 7–9]. Второе: у обеспечительных мер и антиисковых запретов различно содержание. Обеспечительные меры по определению временные и подлежат отмене; антиисковый запрет решает вопрос об исключительной компетенции российского суда окончательно и бесповоротно (пока в практике не встречалась отмена антиискового запрета по причине, например, отмены санкций, хотя это и возможно в силу устранимого и относительного характера неисполнимости юрисдикционного соглашения вследствие ограничения доступа к правосудию). Третье: различна процессуальная форма данных конструкций. Обеспечительные меры обычно принимаются без вызова сторон и могут быть отменены тем же судом, что их принял; антиисковый запрет рассматривается в судебном заседании с извещением участвующих в деле лиц и допускает кассационное обжалование [1, ст. 248.2; 16, с. 7–9].

Четвертое: различен процесс доказывания. По обеспечительным мерам суд исходит почти исключительно из доказательств, представленных заявителем; антиисковый запрет принимается в состязательной процедуре, где обе стороны вправе представлять доказательства и спорить о наличии исключительной компетенции, подсанкционного статуса и иных юридически значимых обстоятельств [16, с. 7–9]. Пятое: различны последствия. Обеспечительная мера лишь временно фиксирует состояние материальных правоотношений сторон; антиисковый запрет ведет к окончательному запрету иностранного процесса и влечет специальные санкции в виде астрента по ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ [1, ч. 10 ст. 248.2; 16, с. 7–9]. Шестое: различаются и перспектива исполнения определений суда за рубежом. По Яркову и Туктамышеву, определение, вынесенное по ст. 248.2 АПК РФ, имеет окончательный характер и потому может подвергаться экзекватуре хотя бы в части астрента, тогда как классическое определение об обеспечительных мерах таким качеством обычно не обладает [16, с. 8–9; 17, с. 10].

Практика, однако, не всегда разграничивает обеспечительные меры и антиисковые запреты. А.В. Мамедалиева и А.В. Зотов демонстрируют, что отдельные суды принимают антиисковые запреты по правилам гл. 8 АПК РФ для ускорения процесса [18, с. 11; 11, с. 14]. Но и Мамедалиева, и Зотов считают такую практику ошибочной. Зотов отмечает, что многие суды справедливо отказывают в ходатайствах о выдаче антиисковых запретов в порядке гл. 8 АПК РФ: антиисковый запрет

выносятся в самостоятельном виде судопроизводства по ст. ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ, а не как обеспечительная мера [11, с. 14]. Именно с этой оценкой необходимо согласиться.

С догматической точки зрения наиболее точное объяснение правовой природы антиисковых запретов предлагает Е.И. Иванов совместно с В.Д. Туктамышевым. Они определяют антиисковый запрет как процессуальную юридическую конструкцию, состав которой включает основание, предмет и содержание: основанием выступает компетенция российских судов по санкционному спору, предметом – будущий или уже начатый иностранный судебный процесс либо международный арбитраж, содержанием – судебный запрет инициировать или продолжать производство по спору [19, с. 1, 4–8]. Этот подход удачен именно потому, что искусственно не подводит антиисковый запрет под уже известные российскому процессуальному праву конструкции.

Иванов и Туктамышев не ограничиваются единичной дефиницией: антиисковый запрет в российском праве – это судебное определение, которым оканчивается самостоятельное производство по существу заявленного требования. При этом нарушение запрета влечет не только астрент, но и отказ в экзекутуре иностранного юрисдикционного акта [19, с. 4–8]. В.Д. Туктамышев в отдельной работе развивает ту же мысль и пишет, что антиисковый запрет «в российском праве представляет собой самостоятельное правовое средство защиты подсанкционных лиц» и «не является по смыслу процессуального законодательства обеспечительной мерой» [17, с. 10].

Ту же позицию занимают Иванов и Незнамов. Они исходят из того, что *anti-suit injunction*, воспринятый российским процессуальным правом, служит средством предупредительной и текущей защиты лица от иностранного процесса, а объект этой защиты имеет процессуальную, а не материально-правовую природу. Отсюда вывод, что антиисковые запреты не обладают акцессорностью, присущей обеспечительным мерам, поскольку объектом обеспечения в случае с главой 8 АПК РФ выступает материально-правовой интерес, тогда как в ст. 248.2 АПК РФ речь идет о прототипировании процесса в зарубежном юрисдикционном органе (т.е. о защите именно процессуального интереса) [9, с. 4]. С этой точкой зрения следует солидаризироваться.

Проанализировав параллельные подходы – от квалификации *anti-suit injunction* как обеспечительной меры до попытки рассматривать его как эксцепцию – Козырин, в свою очередь, приходит к выводу, что наиболее адекватным подходом является рассмотрение антиискового запрета как процессуальной формы *sui generis* [15, с. 66–75, 168]. По замечанию А.А. Козырина, *interim measures* и *anti-suit injunctions* различаются по своей направленности: первые обеспечивают ход разбирательства, вторые ближе по своей природе к *remedies* [15, с. 69–70]. Теория эксцепций, по А.А. Козырину, также оказывается неприменимой: антиисковый запрет используется не только как реакция на уже возникшее притязание, но и как запрет на инициирование будущего процесса, что не позволяет рассматривать его как возражение против иска [15, с. 72–75].

Таким образом, антиисковый запрет по ст. 248.2 АПК РФ не является обеспечительной мерой, хотя функционально походит на нее. Также заявление по ст. 248.2 АПК РФ нельзя признать и самостоятельным иском о признании неисполнимости юрисдикционного соглашения, хотя Палушин справедливо замечает, что на практике такие заявления нередко выполняют близкую функцию [20, с. 10]. В связи с этим антиисковый запрет – явление *sui generis*, в значительной степени воспринятое из общего права, но встроенное в российский арбитражный процесс *ad hoc* и с минимальной степенью нормативной детализации [16, с. 7–9; 19, с. 1, 4–8; 15, с. 70, 75, 168].

Заключение

Проведенный анализ показывает, что применение антиискового запрета по ст. 248.2 АПК РФ предполагает наличие санкционного спора, относящегося к исключительной компетенции российского арбитражного суда, а также начатого либо реально возможного иностранного разбирательства, которое еще не завершено. Наличие юрисдикционного соглашения и его неисполнимости не являются необходимыми для применения статьи во всех случаях.

По правовой природе антиисковый запрет не совпадает с обеспечительными мерами, хотя и обнаруживает с ними функциональное сходство. Он принимается в самостоятельном состязательном производстве, направлен на защиту процессуального интереса, окончательно разрешает вопрос о допустимости продолжения иностранного процесса и обеспечивается специальными правовыми последствиями. По тем же причинам его нельзя свести к самостоятельному иску о неисполнимости юрисдикционного соглашения либо к процессуальной эксцепции.

Следовательно, антиисковый запрет по санкционным спорам представляет собой процессуальное средство защиты *sui generis*. Такая квалификация позволяет согласовать элементы данной процессуальной формы и провести необходимую границу между производством по ст. 248.2 АПК РФ и обеспечительными мерами по гл. 8 АПК РФ.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
2. Гражданское процессуальное право. Общая часть: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
3. Наумова Е.А. Обновленное арбитражное судопроизводство как результат реализации Концепции развития судебной системы России в 2013–2020 годах: монография. М.: Юстицинформ, 2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
4. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
5. Ясков В.В. Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
6. Ясков В.В. Применение ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
7. Гражданский процесс: учебник / под ред. А.В. Габова, В.Г. Голубцова, С.Ж. Соловых. М.: Статут, 2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
8. Антиисковые запреты и исключительная компетенция российских судов по Закону Лугового (статьи 248.1, 248.2 АПК РФ): обзор судебной практики // КИАП: официальный сайт. URL: https://kiaplaw.ru/upload/iblock/f0a/uobf64mr2u6d7qoha72azgo12dxfmca8t/KIAP-Alert-po-Zakonu-Lugovogo-RU_s-prilozheniem_16.09.2024.pdf (дата обращения: 07.04.2026).
9. Иванов Е.И., Незнамов А.В. Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: догматическое исследование // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
10. Петрова К.В. Экономические санкции как новое основание неисполнимости арбитражного соглашения // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
11. Зотов А.В. Значение определения российского государственно-го суда о запрете инициирования и продолжения арбитража в порядке ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ для международного коммерческого арбитража // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
12. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты прав отдельных категорий физических и юридических лиц в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/6aca6d19-4931-49f9-b554-5fefb145638b> (дата обращения: 07.04.2026).
13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.10.2025 № 2615-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
14. Султанов А.Р. Актуальные проблемы и практика антиисковых запретов в РФ. 2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
15. Козырин А.А. Антиисковые юрисдикционные запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты: дис. ... канд. юрид. наук / Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева. Екатеринбург, 2025.
16. Ясков В.В. Правовая природа судебного производства по признанию антисанкционных мер (статьи 248.1 и 248.2 АПК России) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
17. Туктамышев В.Д. Арбитраж в условиях санкций // Вестник гражданского процесса. 2025. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

18. Мамедалиева А.В. Антиисковые запреты арбитров: *colore officii* или разумная мера в борьбе с конкуренцией юрисдикций? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

19. Иванов Е.И., Туктамышев В.Д. Антиисковый запрет как юридическая конструкция (ст. 248.2 АПК РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

20. Палушин К.К. К вопросу о допустимости рассмотрения судом самостоятельного иска об оспаривании действительности и исполнимости арбитражного соглашения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

LEGAL NATURE AND TERMS OF APPLICATION OF ANTI-SUIT INJUNCTIONS IN SANCTIONS DISPUTES (ARTICLE 248.2 APC RF)

Chernoukhov A.V.

The article examines the conditions governing the application and the legal nature of anti-suit injunctions in sanctions-related disputes under Article 248.2 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation. It identifies the legally relevant circumstances that must be established in order to prohibit the commencement or continuation of proceedings before a foreign court or an international commercial arbitral tribunal. Particular attention is paid to distinguishing between mandatory and optional conditions, including the existence of a jurisdiction agreement and its unenforceability as a result of restrictions on access to justice. On the basis of a formal-dogmatic and systemic analysis of legislation, judicial decisions, and doctrinal positions, the article compares approaches that characterize an anti-suit injunction as an interim measure, an independent form of judicial relief, or a *sui generis* procedural mechanism. It is argued that the injunction applies to prospective or pending foreign proceedings where a sanctions-related dispute falls within the exclusive jurisdiction of a Russian court. The article concludes that, although an anti-suit injunction is functionally similar to interim measures, it lacks their ancillary and temporary nature and therefore constitutes an independent procedural remedy available in the special proceedings governed by Article 248.2 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: anti-suit injunction; sanctions disputes; exclusive jurisdiction; jurisdiction agreement; access to justice; interim measures; international commercial arbitration; *sui generis* procedural mechanism.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025; with amendments and supplements, effective January 1, 2026) // SPS "ConsultantPlus" (accessed on April 7, 2026).
2. Civil Procedural Law. General Part: textbook: in 2 volumes. Vol. 1 / edited by P.V. Krashenninikov. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Statut, 2022. Accessed from SPS "ConsultantPlus" (accessed on April 7, 2026).
3. Naumova, E. A. "Updated Arbitration Proceedings as a Result of the Implementation of the Concept for the Development of the Russian Judicial System in 2013–2020: Monograph." Moscow: Yustitsinform, 2021. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).

4. Handbook of Evidence in Arbitration Proceedings / edited by I.V. Reshetnikova. 2nd revised and enlarged edition. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).

5. Yarkov, V. V. "Protection of Persons Subject to Restrictive Measures: New Opportunities." Arbitration and Civil Procedure. 2021. No. 8. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).

6. Yarkov, V.V. Application of Article 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in Judicial Practice // Arbitration and Civil Procedure. 2022. No. 7. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).

7. Civil Procedure: Textbook / edited by A.V. Gabov, V.G. Golubtsov, S. Zh. Moscow: Statut, 2024. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).

8. Anti-claim injunctions and the exclusive jurisdiction of Russian courts under Lugovoy's Law (Articles 248.1, 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation): a review of judicial practice // KIAP: official website. URL: https://kiaplaw.ru/upload/iblock/f0a/uobf64mr2u6d7qoha72azgo12dxmca8t/KIAP-Alert-po-Zakonu-Lugovogo-RU_s-prilozheniem_16.09.2024.pdf (accessed: 07.04.2026).

9. Ivanov E.I., Neznamov A.V. Protection of persons under restrictive measures: a dogmatic study // Arbitration and civil procedure. 2023. No. 4. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).

10. Petrova K.V. Economic Sanctions as a New Ground for Unenforceability of an Arbitration Agreement // Arbitration and Civil Procedure. 2024. No. 5. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).

11. Zotov A.V. The Significance of the Ruling of the Russian State Court on the Prohibition of Initiation and Continuation of Arbitration under Article 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation for International Commercial Arbitration // Bulletin of Civil Procedure. 2023. No. 3. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).

12. Explanatory Note to the Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Protect the Rights of Certain Categories of Individuals and Legal Entities in Connection with the Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States" // SOZD GAS "Lawmaking". URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/6aca6d19-4931-49f9-b554-5fefb145638b> (accessed: 07.04.2026).

13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 14.10.2025 No. 2615-O // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 07.04.2026).

14. Sultanov A.R. Current Issues and Practice of Anti-Claim Injunctions in the Russian Federation. 2023. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).

15. Kozyrin A.A. Anti-claim jurisdictional injunctions: a comparative legal study of legal remedies: dis. ... Cand. of Law / Ural State Law University named after V.F. Yakovlev. Yekaterinburg, 2025.

16. Yarkov V.V. Legal nature of judicial proceedings for the application of anti-sanction measures (Articles 248.1 and 248.2 of the Arbitration Procedure Code of Russia) // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2024. No. 9. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).

17. Tuktamyshev V.D. Arbitration under sanctions // Bulletin of civil procedure. 2025. No. 5. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).

18. Mamedaliev A.V. "Anti-claim injunctions of arbitrators: *colore officii* or a reasonable measure in the fight against competition between jurisdictions?" // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2024. No. 9. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).

19. Ivanov E.I., Tuktamyshev V.D. "Anti-claim injunction as a legal construct (Article 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation) // Arbitration and Civil Procedure. 2025. No. 6. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).

20. Palushin K.K. On the issue of the admissibility of consideration by the court of an independent claim challenging the validity and enforceability of an arbitration agreement // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2025. No. 7. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 04/07/2026).

Эффективная реализации программы «комплексное развитие сельских территорий» с использованием цифровых технологий

Шафеева Элина Ильгизовна,

канд.с.-х.наук, доцент
E-mail: shafeeva20081@rambler.ru

Комиссаров Александр Владиславович,

д-р с.-х.наук, профессор
E-mail: alek-komissaro@yandex.ru

Ишбулатов Марат Галимьянович,

канд.с.-х.наук, доцент, кафедра кадастра недвижимости и геодезии, ФГБОУ ВО Башкирский ГАУ
E-mail: img63@mail.ru

Турганбаев Тлеккали Ахметкереевич,

канд.с.-х.наук, доцент, институт сельского и лесного хозяйства, Казахский агротехнический исследовательский университет
E-mail: registr1@astana-nan.kz

В статье рассматриваются сельские территории – территории за пределами крупных городов, имеющие свои природные условия и ресурсы, где люди в основном занимаются сельским хозяйством. Однако пока не все видят перспективы в сельскохозяйственном производстве и сельское население потихоньку начинает перебираться в пригородные территории и города, что приводит к социальному опустыниванию районов и геополитическим рискам. Чтобы улучшить сложившуюся ситуацию Правительство РФ разработало Государственную программу «Комплексное развитие сельских территорий», которая охватывает широкий спектр вопросов – от благоустройства территорий до финансовой поддержки жителей села. В дополнение к данной программе авторами предлагается ГИС-платформа, которая может быть внедрена в региональную систему развития сельских территорий – Реестр сельских населенных пунктов сельских поселений Республики Башкортостан. Он будет являться основой для разработки Республиканской методики и принятия мер по управлению территорией.

Ключевые слова: Сельские территории, развитие, реестр, деревни, управление.

Актуальность темы исследования

На сегодняшний день одной из острых проблем России является отток трудоспособного населения из сельских населенных пунктов в города, вымирание деревень, нежелание молодежи вернуться после профессионального обучения в города на малую родину. Для решения задач, связанные с вопросом возрождения деревень мы предлагаем программу для управления комплексным развитием сельских территорий – специализированную ГИС-платформу для эффективной реализации программы «Комплексное развитие сельских территорий» с использованием цифровых технологий. Когда в села пойдет приток жителей, бизнес, связанный с оформлением земли, проектированием и строительством домов, обустройством территорий, проектированием и возведением общественных зданий и сооружений для производства также будет привлечен в решение поставленных задач. Итогом комплексного развития сельских территорий станет повышения уровня жизни граждан, и деревня станет востребованным местом обитания и труда.

Степень разработанности темы

Исследованию, разработке и развитию цифровых моделей и алгоритмов посвящены работы отечественных и зарубежных ученых Царенко А.А., Ададимовой Л.Ю., Котельникова В.И., Ойдуна Т.М., Полуляха Ю.Г., Шмидт И.В., Костешей В.А., Рулевой Н.П., Колесниковой И.К., Киреевой, Nebare Poi C.A, Tingneyuc Sekac, Sujoy Kumar Jana. Базовые условия для цифровой трансформации в сельской местности рассматривались Личманом А.А., Муратовой Л.Г., Якимовой О.Ю. Анализ литературы показывает, что фактически не существует общего подхода к созданию цифровых платформ, где была бы собрана информация о данных по сельским населенным пунктам. Таким образом, актуальным представляется разработка ГИС-платформу для эффективной реализации программы «Комплексное развитие сельских территорий».

Цели и задачи исследования

Цель исследования – разработка специализированной ГИС-платформы для эффективной реализации программы «Комплексное развитие сельских территорий» на территорию СП Красновосходский сельсовет МР Иглинский район. Для реализации данной цели были решены следующие задачи:

- 1) Произвести работу по анализу имеющейся информации о населенных пунктах в открытом доступе. Рассмотреть имеющиеся аналогичные ресурсы. Разработать семантическую основу для сбора данных.
- 2) Собрать исходную информацию по населенным пунктам СП Красновосходский сельсовет (Приложение 1);
- 3) Разработать ГИС-платформу (обеспечить ее информационное обеспечение и функционирование) для возможности применения при Управлении комплексным развитием сельских территорий

Материал и методы исследования

Рассмотрим план реализации предлагаемой нами программы на примере Республики Башкортостан. За единицу территории предлагаем выбрать сельское поселение. На данном уровне необходимо создать Республиканский реестр сельских населенных пунктов сельских поселений. Данные реестры необходимо заполнить сведениями о сельских населенных пунктах по утвержденной форме. Форма может быть разработана на уровне субъекта, так как это позволит принимать во внимание традиции, ценности и обычаи, действующие в определенной местности. В реестр предлагаем вносить следующие сведения: количество дворов, жителей, наличие инженерных коммуникаций, телефонной связи и интернета, дорог, освещения, общественных зданий, производства, обслуживание дорог в зимний период и в распутицу и прочее. Предлагаемый нами реестр будет вестись по единой технологии на территории нашей страны, с возможностью добавления различной, характерной, для данной местности информации. За картографическую основу предлагается использовать Публичную кадастровую карту Росреестра. То есть предлагаемая нами идея создания реестра подразумевает выделение средств из федерального бюджета – в виде Федеральной целевой программы «Создание Государственного реестра сельских населенных пунктов сельских поселений в рамках программы «Возрождение деревень».

Сведения должны быть достоверными и актуальными. Для сбора данных в структуре органа местного самоуправления (сельской администрации) предлагаем выделить сектор, ответственный за наполнение и ведение данного реестра. Работа специалистов сектора будет заключаться как в выездах на местность, так и обработке полученных материалов. При выезде на местность необходимо будет заблаговременно оповестить жителей сельского населенного пункта о прибытии представителей Администрации, провести анкетирование жителей и беседу по волнующим вопросам, касаемым развития территории их проживания. После сбора сведений необходимо произвести их обработку – внести полевые данные в формы реестра. При реализации предлагаемой программы «Возрождение деревень» для каждого сельского населенного пункта с установленным числом дворов и жителей необходимо определить, имеются ли минимальные, необходимые для жизни человека условия. В составе рабочей группы Администрации проанализировать уровень жизни каждого сельского населенного пункта. Затем составить план развития территорий и включить в дорожную карту развития муниципального района. Главе Администрации сельского поселения утвердить план по возрождению сельских населенных пунктов вверенной ему территории, рассчитать сметы на необходимые затраты. Когда люди поймут, что и в сельских населенных пунктах может быть обеспечено достойное качество жизни, то интерес к таким территориям возрастет.

Новизна исследовательской работы

За последние годы люди уже стали понимать, что интеграция бизнеса и сельского хозяйства – это очень выгодное предприятие. Во-первых, все продукты питания и сырье являются производными от сельского хозяйства. Во-вторых, при организации производства на селе появятся рабочие места. В-третьих, конкуренция на данном этапе развития общества в сельском хозяйстве еще очень мала. Работа в сельском хозяйстве – это работа «на себя» и, если заниматься делом «с душой», при имеющейся государственной поддержке – можно достичь определенных результатов.

Практическое значение исследования

Также при реализации предлагаемой программы «Возрождение деревень» необходимо провести точечную работу с населением трудоспособного возраста – предложить и помочь с организацией и планированием сельского бизнеса по линии животноводства и растениеводства. В Республике Башкортостан направлениями, которые получают популярность являются коневодство, пчеловодство, содержание крупного рогатого скота. При развитии этих направлений можно шире развивать сельский туризм в республике, с дегаустацией продукции собственного производства.

При поездке по республике, к сожалению, нашему взору представляются картины полей с посаженными и не убранными сельхозкультурами, заросшие лесом пашни, неиспользуемые сельскохозяйственные угодья, заброшенные производственные здания и сооружения, в которых никто не трудится. В советское время работа на селе была трудным делом, так как элементарные технологические процессы не были автоматизированы. В настоящее время наука и инновации настолько проникли и облегчили жизнь аграриев, что сельских хозяйством заниматься стало гораздо легче.

Смеем надеяться, что наша идея по возрождению деревень воплотится в жизнь и предлагаемая программа поможет стабилизировать миграцию населения из села в город, при этом молодежь не будет стремиться уехать из родной деревни, будут востребованы новые вакансии на рынке труда для молодых специалистов.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 N 696 «Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. N 23. Ст. 2926.
2. Личман А.А. Базовые условия для цифровой трансформации в сельской местности // Никоновские чтения. 2019. № 24. С. 357–359.
3. Меденников В.И., Муратова Л.Г., Сальников С.Г. Цифровая платформа для сельского хозяйства // Вестник сельского развития и социальной политики. 2017. № 3.
4. Якимова О.Ю. Цифровизация сельского хозяйства: опыт Европейского союза и России // Контентус. 2020. № 1 (90). С. 18–25.
5. Царенко А.А., Шмидт И.В., Латыпова А.М. Управление развитием сельских территорий на основе цифровой информационной модели // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2019.

EFFECTIVE IMPLEMENTATION OF THE «INTEGRATED RURAL DEVELOPMENT» PROGRAM USING DIGITAL TECHNOLOGIES

Shafееva E.I., Komissarov A.V., Ishbulatov M.G., Turganbaev T.A.

Bashkir State Agrarian University, Institute of Agriculture and Forestry, Kazakh Agrotechnical Research University

This article examines rural areas—territories outside major cities with their own natural conditions and resources, where people primarily engage in agriculture. However, not everyone sees prospects in agricultural production, and the rural population is slowly beginning to migrate to suburban areas and cities, leading to social desertification and geopolitical risks. To improve the current situation, the Russian Government has developed the State Program «Integrated Development of Rural Areas», which covers a wide range of issues, from landscaping to financial support for rural residents. In addition to this program, the authors propose a GIS platform that can be integrated into the regional rural development system—the Register of Rural Settlements of the Republic of Bashkortostan. It will serve as the basis for developing a national methodology and implementing measures for territorial management.

Keywords: Rural areas, development, register, villages, management.

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of 31.05.2019 N 696 «On Approval of the State Program of the Russian Federation «Integrated Development of Rural Areas» and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. N 23. Art. 2926.
2. Lichman A.A. Basic Conditions for Digital Transformation in Rural Areas // Nikon Readings. 2019. № 24. pp. 357–359.
3. Medennikov V.I., Muratova L.G., Salnikov S.G. Digital Platform for Agriculture // Bulletin of Rural Development and Social Policy. 2017. № 3.
4. Yakimova O. Yu. Digitalization of Agriculture: Experience of the European Union and Russia // Contentus. 2020. № 1 (90). pp. 18–25.
5. Tsarenko A.A., Schmidt I.V., Latypova A.M. Rural Development Management Based on a Digital Information Model // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Economics. Computer Science. 2019.

Черноухов Артём Владимирович,

магистр юриспруденции

E-mail: A.V. Chernoukhov@yandex.ru

Статья посвящена проблеме распределения бремени доказывания при применении части 4 статьи 248.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации к спорам с участием лиц, в отношении которых введены иностранные санкции. Цель исследования состоит в оценке сформированной Верховным Судом Российской Федерации презумпции ограничения доступа к правосудию и её соотношения с буквальным содержанием нормы, Нью-Йоркской конвенцией 1958 г. и презумпцией исполнимости арбитражного соглашения. Используются формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики Верховного и Конституционного судов Российской Федерации и научных подходов. Показано, что практика фактически освобождает подсанкционное лицо от доказывания причинной связи между санкциями и препятствиями в доступе к правосудию, вследствие чего опровержимая презумпция нередко приобретает свойства юридической фикции и нарушает баланс интересов сторон. Обосновано, что отказ от презумпции также не отвечает защитной цели статьи 248.1 АПК РФ. Предлагается сохранить её как способ перераспределения доказательственного бремени, но обеспечить реальную опровержимость и обязательную оценку конкретных обстоятельств спора, особенно при выборе нейтральной юрисдикции или применении секторальных санкций.

Ключевые слова: статья 248.1 АПК РФ, санкции, доступ к правосудию, юрисдикционное соглашение, арбитражное соглашение, презумпция неисполнимости, бремя доказывания, антиисковый запрет.

Введение

«XXI в. — эпоха глобальных потрясений, которые приводят к слому устоявшихся парадигм в политическом, экономическом и культурологическом аспектах». В сфере международного гражданского процесса такие потрясения приобретают не отвлеченное, а вполне прикладное измерение: внешнеполитические ограничения начинают деформировать частнопроводной оборот, затрагивая доступ участников трансграничных отношений к согласованному форуму и, шире, к эффективной судебной защите [1, с. 2]. Именно в этот период мировой истории, в 2020 г., российский законодатель попытался ответить на внешнее санкционное давление, инкорпорировав в АПК РФ ст. ст. 248.1 и 248.2, которые в доктрине принято именовать «Законом Лугового» [2, с. 791; 3, с. 393; 4, с. 75; 5, с. 2].

Вместе с тем юридическая техника Закона Лугового вызывает множество споров. М.Ю. Савранский и К.К. Палушин отмечают, что особенности юридической техники ст. ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ породили трудности толкования и подтолкнули суды к обращению к пояснительной записке как материалу, проясняющему действительный замысел законодателя при внедрении новеллы [6, с. 98]. Е.И. Иванов и В.Д. Туктамышев в одной работе констатируют, что «нормативное закрепление антиискового запрета безусловно, что препятствует надлежащему правоприменению», а в другой подчеркивают, что противоречивость и неясность соответствующих норм ведут к неверному применению антиискового запрета и в конечном счете вредят интересам правосудия [7, с. 1; 8, с. 2]. Скепсис, сопровождавший появление названных норм, впоследствии не исчез, хотя, как указывает А.Р. Султанов, сам инструмент оказался неожиданно востребованным [9, с. 2].

Презумпция неисполнимости юрисдикционного соглашения при введении санкций

Пожалуй, наиболее острые дискуссии в литературе по Закону Лугового вызвала проблема бремени доказывания неисполнимости юрисдикционного соглашения в целях применения ст. 248.1 АПК РФ. Именно здесь буква закона, международные обязательства Российской Федерации и толкование правоприменителя разошлись наиболее существенно. Часть 4 ст. 248.1 АПК РФ связывает преодоление арбитражного либо пророгационного соглашения не просто с наличием санкций, а с тем, что они «создают ... лицу препятствия в доступе к правосудию». Эта причинно-следственная связь между санкциями и препятствиями в доступе к правосудию является конститутивным элементом предмета доказывания для применения ст. 248.1 АПК РФ.

При этом Верховным Судом РФ ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ была истолкована таким образом, что бремя доказывания по обозначенному вопросу было переложено на неподсанкционное лицо. Сам факт санкционного воздействия начал рассматриваться как достаточный для вывода о наличии препятствий в доступе к правосудию [10, п. 3 ст. II; 11, с. 23–24; 12, с. 3–4].

Такое толкование является довольно спорным. Нью-Йоркская конвенция 1958 г., ратифицированная Российской Федерацией и составляющая часть ее системы права, исходит из прямо противоположной логики: государственный суд, к которому поступил иск по вопросу, охваченному арбитражным соглашением, должен направить стороны в арбитраж, если не установит, что соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено [10, п. 3 ст. II]. Из этого положения вытекает презумпция исполнимости арбитражного соглашения. Именно на это указывают Д.Д. Смирнов и А.В. Гребельский, подчеркивая, что перенос бремени доказывания с лица, оспаривающего соглашение, на его оппонента находится в напряжении с Нью-Йоркской конвенцией, Типовым законом ЮНСИТРАЛ и российским законодательством о международном коммерческом арбитраже, традиционно ориентированными на pro-arbitration reading соответствующих оговорок [13, с. 6–7, 10; 14, с. 8–13]. К.К. Палушин и М.Ю. Савранский также отмечают, что именно последующее толкование Верховного Суда, а не сам факт появления ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, радикально изменило баланс интересов сторон, поскольку приравняло ухудшение условий реализации оговорки к ее полной неисполнимости [6, с. 103–104; 15, с. 5].

Первоначальные ожидания юридического сообщества, касающиеся применения ст. 248.1 АПК РФ, были другими. Как показывает обзор

КИАП, и эксперты при Минюсте РФ, и крупные европейские арбитражные институты исходили из того, что вопрос о наличии препятствий в доступе к правосудию должен решаться индивидуально, с учетом фактических обстоятельств спора. Более того, еще до 2022 г. арбитражные институты и руководств МТП демонстрировали, что санкции как таковые не закрывают доступ к арбитражу автоматически; после февраля 2022 г. в европейских санкционных режимах специально были сохранены исключения для транзакций, обеспечивающих доступ к судебной и арбитражной защите [5, с. 7–12; 16, с. 4, 6, 8]. Изложенное вызывает сомнения относительно оправданности того толкования ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, которое представил Верховный Суд РФ.

Первым делом, в котором Верховный Суд занял обозначенную позицию, стало дело Уралтрансмаша против PESA. В определении от 21.09.2021 Верховный Суд, сославшись на подход Европейского суда по правам человека, пришел к выводу, что ограничение в доступе к правосудию связано с сомнениями в объективной беспристрастности суда, и указал, что при наличии фактов, способных породить сомнение в беспристрастности, отдельное доказывание затруднения в доступе к правосудию в иностранном государстве не требуется [17]. Данная позиция была продолжена и окончательно закрепились в определении от 09.12.2021 N 309-ЭС21–6955(1–3), где Верховный Суд установил, что «сам по себе факт введения в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, находящемся за пределами территории Российской Федерации, мер ограничительного характера, предполагается достаточным для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию» [18]. Затем в передаче дела в Президиум было отказано [19].

Данная позиция устанавливает не что иное, как презумпцию ограничения доступа к правосудию в случае введения санкций. Такую квалификацию поддержали КИАП в своем обзоре, Е.И. Иванов, В.Д. Туктамышев, В.В. Ярков, И.В. Черникова, Ю.А. Пильнев, М.Ю. Савранский и К.К. Палушин [5, с. 7–12; 7, с. 4–5; 20, с. 8–9; 21, с. 2–3; 22, с. 7; 23, с. 5; 6, с. 100–101]. После дела Уралтрансмаша суды «почти перестали требовать доказывания неисполнимости арбитражного или пророгационного соглашения», а ограничение доступа к правосудию вследствие санкций стало презюмироваться автоматически – безотносительно конкретной конфигурации фактических обстоятельств: санкционного режима и поведения сторон [24, с. 5].

В литературе презумпция, введенная Верховным Судом, рассматривается как опровержимая. Практика же склоняет к обратному выводу. Так, в деле БМ-Банка была предпринята попытка придать презумпции неисполнимости юрисдикционного соглашения вследствие ограничения доступа к правосудию действительно опровержимый характер. Арбитражный суд города Москвы в определении от 18.08.2022 по делу N A40–50169/2022 исходил из того, что отсутствие обязанности подсанкционного лица доказывать препятствия в доступе к правосудию не лишает его оппонента права представить доказательства отсутствия таких препятствий. Суд исследовал фактические обстоятельства дела и пришел к выводу, что ICC как постоянно действующее арбитражное учреждение с признанной репутацией, возможность онлайн-разбирательства, доступностью альтернативных способов платежей и процессуального представительства обеспечивает заявителю доступ к правосудию, а потому в выдаче антиискового запрета (и установлении своей компетенции) отказал [5, с. 7–12; 25, с. 18–21]. Однако кассационная инстанция этот подход отвергла и выдала запрет, сославшись на позицию Верховного Суда по делу Уралтрансмаш. В передаче дела на рассмотрение во вторую кассацию отказали [5, с. 7–12; 25, с. 21–22]. Существуют единичные решения, в которых суды пытаются буквально применять закон и исследовать реальное наличие либо отсутствия доступа к правосудию вследствие санкций. Однако все они были впоследствии отменены в инстанциях выше, либо их совсем не пытались оспаривать [24, с. 6; 5, с. 17, 23–24, 25–89].

Именно поэтому презумпция, введенная Верховным Судом, фактически стала юридической фикцией. Е.И. Иванов правильно отметил, что законодатель сконструировал норму ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ через причинно-следственную связь: санкции в действительности должны препятствовать доступу к правосудию, чтобы юрисдикционную оговорку можно было признать неисполнимой. Автоматическая же квалификация юрисдикционного соглашения как неисполнимого в силу одного лишь факта введения санкций является не чем иным, как фикцией, которая, надо признать, нарушает баланс интересов сторон и является несоразмерным средством юридической техники, определяющим порядок доказывания [12, с. 3–4]. Эту мысль нельзя не поддержать.

При этом у позиции, представленной Верховным Судом, есть и защитники. А.Р. Султанов, В.В. Ярков, В.Д. Туктамышев, Е.И. Иванов, а также В.В. Старженецкий и А.И. Фоменко в той или иной мере исходят из того, что презумпция препятствий в доступе к правосудию

может быть оправдана задачей защиты подсанкционного лица, иначе доказательственное бремя станет для него чрезмерным, а сама процессуальная гарантия, предусмотренная ст. 248.1 АПК РФ, окажется фиктивной [9, с. 3; 21, с. 2–3; 26, с. 10–11; 20, с. 8–9; 7, с. 4–5; 16, с. 13–16]. Щукин, хотя и настаивает на высоком стандарте доказывания ограничения доступа к правосудию, все же допускает расширительное толкование, если оно направлено на недопущение отказа в правосудии [27, с. 5, 8–10; 28, с. 17, 25]. Эта позиция достойна внимания, но только если презумпция действительно остается опровержимой и не разрушает баланс интересов сторон.

Полемике вокруг презумпции ограничения доступа к правосудию в случае введения санкций удачно отразила О.Ф. Засемкова. Автор показывает, что в судебной практике и литературе сложились два подхода: расширительный, при котором санкции сами по себе считаются достаточными для вывода о неисполнимости юрисдикционного соглашения, и ограничительный, требующий оценки обстоятельств конкретного дела. При этом именно второй подход она обоснованно считает предпочтительным, поскольку санкции не всегда непреодолимо блокируют доступ к правосудию (тем более что многие арбитражные институты выработали специальные механизмы работы с подсанкционными лицами), а чрезмерно широкое применение ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ превращает оговорку о форуме в асимметричную конструкцию, делающую подсанкционное лицо единственным распорядителем судьбы спора [29, с. 78–84]. Также значим ее вывод о необходимости разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, которые могли бы установить именно опровержимость презумпции ограничения доступа к правосудию, особенно в ситуациях, когда санкции введены страной, отличной от места арбитража, либо носят секторальный характер [29, с. 84]. Это, по существу, и есть наиболее взвешенное решение: не устранять презумпцию, защищающую подсанкционную сторону спора, но вернуть этой презумпции действительно опровержимый характер.

Также нельзя не учитывать и интересы неподсанкционной стороны спора. Конституционный Суд сам связывает Закон Лугового с компенсацией нарушений принципов равенства и равноправия сторон при отпращивании правосудия [30]. Но если практически всякая юрисдикционная оговорка может быть пересмотрена по воле одной стороны на основании лишь одного факта введения санкций, то дисбаланс интересов сторон не устраняется, а просто смещается в противоположную сторону. И в таком случае защита процессуального интереса одной стороны достигается за счет не менее существенного, чем при ограничении доступа к правосудию посредством санкций, ущемления интереса другой. В.В. Ярков справедливо напоминает, что произвольное изменение правил компетенции означает нарушение гарантированного ст. 47 Конституции РФ права на рассмотрение дела компетентным судом [26, с. 5–6]. Барциц в этом же ключе указывает, что одного лишь дискреционного желания подсанкционного лица перенести спор в Россию недостаточно; должны существовать, доказываться и устанавливаться обстоятельства, подтверждающие ограничение доступа к правосудию [31, с. 9]. Аналогично и Е.И. Иванов подчеркивает, что основой для применения ст. 248.1 АПК РФ должен оставаться специально доказанный и установленный юридический состав в виде санкций, ограничения доступа к правосудию и причинно-следственной связи между ними (таким образом, если ограничение доступа к правосудию есть, но не в силу санкций, ст. 248.1 АПК РФ применяться не должна – аналогично и в случае, если санкции есть, а ограничения доступа к правосудию нет или они не связаны), а не юридическая фикция [12, с. 3–4].

Так или иначе, сложившуюся практику нельзя оценить как обоснованную. Действительно, презумпция ограничения доступа к правосудию как инструмент перераспределения бремени доказывания в случае с тем объемом санкций, с которым Россия столкнулась после 2022 г., имеет право на жизнь, пусть и «жизнь» политическое окрашенную. Санкционный режим может ставить и зачастую ставит российское лицо в существенно худшее процессуальное положение, в связи с чем требование о представлении неопровержимых доказательств в любом споре по ст. 248.1 АПК РФ превращало бы предусмотренный этой статьей защитный механизм в пустышку с невероятной редкими случаями применения [27, с. 8–10; 16, с. 10, 14–16]. Но столь же неверно трансформировать презумпцию в фикцию, поскольку это превращает дела по ст. 248.1 АПК РФ в конвейер и рушит баланс процессуальных интересов сторон, на восстановление которого от ущерба, причиненного санкциями, и была первоначально направлена норма. Наиболее корректной видится модель применения ст. 248.1 АПК РФ, в которой: (а) устанавливается презумпция ограничения доступа к правосудию; (б) эта презумпция остается опровержимой; (в) в случае, если юрисдикционная оговорка предусматривает рассмотрение спора в нейтральной юрисдикции или против подсанкционной стороны спора введены секторальные, а не персональные санкции, суд обязан исследовать

наличие реального ограничения доступа к правосудию и установить причинно-следственную связь между санкциями и таким ограничением. Этот подход наиболее согласуется с работами О.Ф. Засемковой, Е.И. Иванова и А.И. Щукина, занимающих, как представляется, самые умеренные и сбалансированные позиции [29, с. 84; 12, с. 3–4; 27, с. 5].

Закключение

Проведенный анализ показывает, что буквальное содержание ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ не устанавливает автоматической неисполнимости юрисдикционного соглашения вследствие самого факта введения санкций. Для применения исключительной компетенции российского суда требуется наличие препятствий в доступе к правосудию и причинно-следственной связи между такими препятствиями и санкционным воздействием. Между тем сформированная Верховным Судом РФ практика фактически свела установление данного состава к юридической фикции.

Полный отказ от презумпции также вряд ли был бы оправдан. При масштабе санкционных ограничений возложение на подсанкционное лицо обязанности во всяком случае представлять исчерпывающие доказательства невозможности разбирательства способно лишить ст. 248.1 АПК РФ практического эффекта. Однако облегчение доказательственного бремени не должно означать устранение судебного исследования обстоятельств спора и лишение другой стороны возможности подтвердить исполнимость согласованной оговорки.

Следовательно, наиболее взвешенным решением является сохранение презумпции ограничения доступа к правосудию в случае введения санкций при придании ей действительно опровержимого характера. Суд должен оценивать характер санкций, место и условия согласованного разбирательства, фактическую возможность участия сторон и их добросовестность, а при выборе нейтральной юрисдикции либо применении секторальных санкций – специально устанавливать реальность препятствий и их связь с санкционным режимом. Такая модель позволяет сохранить защитную функцию Закона Лугового, не превращая презумпцию неисполнимости в юридическую фикцию и не разрушая баланс процессуальных интересов сторон.

Литература

1. Туктамышев В.Д. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений при наличии антиискового запрета // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
2. Арбитражный процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд. 2021. ISBN 978-5-907483-01-9.
3. Гражданское процессуальное право. Общая часть: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
4. Козырин А.А. Антиисковые юрисдикционные запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты: дис. ... канд. юрид. наук / Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева. Екатеринбург, 2025.
5. Антиисковые запреты и исключительная компетенция российских судов по Закону Лугового (статьи 248.1, 248.2 АПК РФ): обзор судебной практики // КИАП: официальный сайт. 2024. URL: https://kiaplaw.ru/upload/iblock/f0a/uobf64mr2u6d7qoha72azgo12dxmca8t/KIAP-Alert-po-Zakonu-Lugovogo-RU_s-prilozheniem_16.09.2024.pdf (дата обращения: 07.04.2026).
6. Савранский М.Ю., Палушин К.К. Трансграничные споры российских компаний в условиях санкций: сохранение арбитражного соглашения или обращение в суд на основании ст. 248.1 АПК РФ // Коммерческий арбитраж. 2024.
7. Иванов Е.И., Туктамышев В.Д. Антиисковые меры в российском процессуальном праве: применение и совершенствование // Третейский суд. 2024. № 1/2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
8. Иванов Е.И., Туктамышев В.Д. Антиисковый запрет как юридическая конструкция (ст. 248.2 АПК РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
9. Султанов А.Р. Актуальные проблемы и практика антиисковых запретов в РФ. 2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
10. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).
11. Старженецкий В.В., Очинова С.Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или по-

иск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. 2020. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

12. Иванов Е.И. Компетенция отечественных судов по правовым спорам, связанным с санкциями (ст. 248.1 АПК РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

13. Смирнов Д.Д. Противоположные решения судов об исполнимости арбитражного соглашения // Третейский суд. 2024. № 1/2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

14. Гребельский А.В. Распределение бремени доказывания в делах о принятии антиисковых обеспечительных мер на основании ст. 248.2 АПК РФ // Вестник арбитражной практики. 2023. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

15. Палушин К.К. О влиянии выбранной теории правовой природы арбитража на вопросы оспаривания арбитражного соглашения // Третейский суд. 2024. № 3/4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

16. Старженецкий В.В., Фоменко А.И. Реализация права на защиту в условиях санкционных ограничений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2021 № 309-ЭС21-6955 по делу № А60-36897/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

19. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2022 № 86-ПЭК22 по делу № А60-36897/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

20. Туктамышев В.Д. Арбитраж в условиях санкций // Вестник гражданского процесса. 2025. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

21. Ярков В.В. Применение ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

22. Черникова И.В. Правовые подходы к решению вопроса об исполнимости арбитражного соглашения // Арбитражные споры. 2025. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

23. Пыльнев Ю.А. Исключительная компетенция российского суда как средство защиты прав предпринимателей // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

24. Гальперин М.Л. Живая и мертвая вода российской юрисдикции. О применении ст. 248.1 АПК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

25. Зотов А.В. Значение определения российского государственно-суда о запрете инициирования и продолжения арбитража в порядке ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ для международного коммерческого арбитража // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

26. Ярков В.В. Исключительная компетенция российских судов на основании ст. 248.1 АПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

27. Щукин А.И. Неисполнимость юрисдикционного соглашения в условиях экономических санкций // Третейский суд. 2022. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

28. Щукин А.И. Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: неисполнимость юрисдикционного соглашения и антиисковый запрет (часть 2) // Закон. 2021. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

29. Засемкова О.Ф. Особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ в спорах с участием подсанкционных лиц: вопросы, поставленные практикой // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 9 (109). С. 76–85. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.076-085.

30. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.10.2025 № 2615-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

31. Барциц В.И. Категория меры и опасности для привлекательности российской юрисдикции при применении антисанкционного законодательства // Современное право. 2024. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2026).

ARTICLE 248.1 APC RF: TO PRESUME, OR NOT TO PRESUME

Chernoukhov A.V.

The article addresses the allocation of the burden of proof in the application of Part 4 of Article 248.1 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation to disputes involving persons subject to foreign sanctions. The purpose of the study is to assess the presumption, developed by the Supreme Court of the Russian Federation, that access to justice is restricted, and to examine its relationship with the literal wording of the provision, the 1958 New York Convention, and the presumption of enforceability of an arbitration agreement. The study employs formal legal, systemic, and comparative legal methods, together with an analysis of the case law of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation and relevant academic approaches. It demonstrates that judicial practice effectively relieves a sanctioned person of the burden of proving a causal link between the sanctions imposed and the obstacles to access to justice. As a result, a rebuttable presumption frequently acquires the characteristics of a legal fiction and disrupts the balance of interests between the parties. It is argued that abandoning the presumption altogether would likewise be inconsistent with the protective purpose of Article 248.1 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation. The article therefore proposes retaining the presumption as a mechanism for reallocating the burden of proof, while ensuring that it remains genuinely rebuttable and that the specific circumstances of each dispute are subject to mandatory assessment, particularly where a neutral jurisdiction has been chosen or sectoral sanctions are applicable.

Keywords: Article 248.1 of the APC RF, sanctions, access to justice, jurisdiction agreement, arbitration agreement, presumption of unenforceability, burden of proof, anti-suit injunction.

References

1. Tuktamyshev, V.D. Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in the Presence of an Anti-Claim Injunction // Arbitration and Civil Procedure. 2025. No. 12. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
2. Arbitration Procedure: Textbook / edited by M.K. Treushnikov. 7th edition. 2021. ISBN 978-5-907483-01-9.
3. Civil Procedural Law. General Part: Textbook: in 2 volumes. Vol. 1 / edited by P.V. Krashenninnikov. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Statut, 2022. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
4. Kozyrin, A.A. Anti-suit Jurisdictional Injunctions: A Comparative Legal Study of Legal Remedies: Cand. Sci. (Law) Dissertation / V.F. Yakovlev Ural State Law University. Yekaterinburg, 2025.
5. Anti-suit Injunctions and the Exclusive Jurisdiction of Russian Courts under Lugovoy's Law (Articles 248.1, 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation): A Review of Judicial Practice // KIAP: Official Website. 2024. URL: https://kiaplaw.ru/upload/iblock/f0a/uobf64mr2u6d7qoha72azgo12dxmca8t/KIAP-Alert-po-Zakonu-Lugovogo-RU_s-prilozheniem_16.09.2024.pdf (accessed: 07.04.2026).
6. Savransky M. Yu., Palushin K.K. Cross-border disputes of Russian companies under sanctions: maintaining the arbitration agreement or applying to court based on Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation // Commercial Arbitration. 2024.
7. Ivanov E.I., Tuktamyshev V.D. Anti-claim measures in Russian procedural law: application and improvement // Arbitration court. 2024. No. 1/2. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
8. Ivanov, E. I., Tuktamyshev, V. D. "Anti-Claim Injunction as a Legal Structure (Article 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation)" // Arbitration and Civil Procedure. 2025. No. 6. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
9. Sultanov, A. R. "Current Issues and Practice of Anti-Claim Injunctions in the Russian Federation." 2023. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
10. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (concluded in New York in 1958). Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
11. Starzhenetsky, V.V., Ochirova, S.B. "The Impact of Sanctions on the Resolution of Foreign Economic Disputes: Maintaining the Status Quo or Searching for Alternative Jurisdictions?" // International Justice. 2020. No. 4. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
12. Ivanov, E.I. "Jurisdiction of Domestic Courts in Legal Disputes Related to Sanctions (Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation)" // Arbitration and Civil Procedure. 2025. No. 11. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
13. Smirnov, D. D. "Contrary Court Decisions on the Enforceability of an Arbitration Agreement." Arbitration Court. 2024. No. 1/2. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
14. Grebelsky, A. V. "Distribution of the Burden of Proof in Cases Concerning the Adoption of Anti-Claim Interim Measures Based on Article 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation." Arbitration Practice Bulletin. 2023. No. 6. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
15. Palushin, K. K. "On the Influence of the Selected Theory of the Legal Nature of Arbitration on the Issues of Challenging an Arbitration Agreement." Arbitration Court. 2024. No. 3/4. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
16. V.V. Starzhenetsky, A.I. Fomenko. "Exercise of the Right to Defense under Sanctions Restrictions." Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2024. No. 1. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
17. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 21, 2021, No. 309-ES21-6955 in Case No. A60-36897/2020. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
18. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.12.2021 No. 309-ES21-6955(1-3) in case No. A60-36897/2020. Accessed from the ConsultantPlus SPS (date of access: 07.04.2026).
19. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.04.2022 No. 86-PEK22 in case No. A60-36897/2020. Accessed from the ConsultantPlus SPS (date of access: 07.04.2026).
20. Tuktamyshev V.D. Arbitration under Sanctions // Bulletin of Civil Procedure. 2025. No. 5. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).
21. Yarkov V.V. Application of Article 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in judicial practice // Arbitration and civil procedure. 2022. No. 7. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).
22. Chernikova I.V. Legal approaches to resolving the issue of enforceability of an arbitration agreement // Arbitration disputes. 2025. No. 4. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).
23. Pylnev Yu.A. Exclusive competence of the Russian court as a means of protecting the rights of entrepreneurs // Arbitration and civil procedure. 2024. No. 6. Accessed from the ConsultantPlus SPS (date accessed: 07.04.2026).
24. Galperin, M. L., "Living and Dead Water of Russian Jurisdiction. On the Application of Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 11. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).
25. Zotov A.V. The Significance of the Ruling of the Russian State Court on the Prohibition of Initiation and Continuation of Arbitration under Article 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation for International Commercial Arbitration // Bulletin of Civil Procedure. 2023. No. 3. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).
26. Yarkov V.V. Exclusive Competence of Russian Courts Based on Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation // Bulletin of Civil Procedure. 2025. No. 1. Accessed from the SPS "ConsultantPlus" (date of access: 07.04.2026).
27. Shchukin A.I. Unenforceability of a Jurisdictional Agreement under Economic Sanctions // Arbitration Court. 2022. No. 1. Accessed from the ConsultantPlus SPS (date of access: 07.04.2026).
28. Shchukin A.I. Improving Russian Legal Proceedings under Economic Sanctions: Unenforceability of a Jurisdictional Agreement and an Anti-Claim Injunction (Part 2) // Law. 2021. No. 2. Accessed from the ConsultantPlus SPS (date of access: 07.04.2026).
29. Zasemkova O.F. Features of the Application of Part 4 of Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in Disputes Involving Sanctioned Persons: Issues Raised by Practice // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2023. No. 9 (109). P. 76-85. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.076-085.
30. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 14, 2025, No. 2615-O. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).
31. Bartsits, V. I. "The Category of Measures and Dangers for the Attractiveness of Russian Jurisdiction in the Application of Anti-Sanctions Legislation." Modern Law. 2024. No. 3. Accessed from the ConsultantPlus SPS (accessed on April 7, 2026).

Чрезвычайный арбитраж в Китае: состояние и возможность применения его практики в России

Эмеров Максим Юрьевич,

аспирант кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов, Всероссийский государственный университет юстиции

E-mail: maksim.emerov@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается состояние института чрезвычайного арбитража в Китайской Народной Республике. Чрезвычайный арбитраж представляет собой процедуру, позволяющую сторонам спора получить срочные обеспечительные меры до формирования состава третейского суда. Автором исследуются правовые основы чрезвычайного арбитража в законе КНР об арбитраже, а также проводится сравнительный анализ регламентов ведущих арбитражных институтов материкового Китая (CIETAC, BAC, SHIAC) и Гонконга (HKIAC). Особое внимание уделяется практическим аспектам применения процедуры, критериям принятия решений чрезвычайными арбитрами, а также механизмам их принудительного исполнения через государственные суды как в КНР, так и в САР Гонконг. В заключительной части статьи анализируется российское законодательство и обосновывается необходимость введения института чрезвычайного арбитража в РФ с одновременным созданием механизма приведения его решений в исполнение, что, по мнению автора, могло бы повысить привлекательность третейского разбирательства для коммерческих споров.

Ключевые слова: чрезвычайный арбитраж, чрезвычайный арбитр, обеспечительные меры, Китай, CIETAC, BAC, SHIAC, HKIAC, временные меры.

В настоящее время в условиях санкций активно развиваются отношения между российскими компаниями и их контрагентами из КНР. Как известно, китайский менталитет ориентирует контрагентов на решение возникающих вопросов мирным путем: сначала через медиацию или через третейские суды, но в крайнем случае через государственные суды. Как указывается в СМИ, зачастую споры решаются посредством обращения в третейские суды¹. Поэтому развитие коммерческого арбитража в Китае и практики обращения к нему происходит быстрыми темпами, что представляет интерес для рассмотрения.

Особое внимание привлекает институт чрезвычайного арбитража, который в России предусматривается лишь в регламентах постоянно действующих арбитражных учреждений. Китай в данном отношении пошел дальше.

Изначально правила о чрезвычайном арбитраже появились в Арбитражном регламенте Пилотной зоны свободной торговли в Шанхае. Данные правила предусматривали назначение чрезвычайных арбитров, их компетенцию и порядок вынесения решения об обеспечительных мерах (временных мерах, как указывается в самом регламенте). В то же время процедура принятия решения по обеспечительным мерам была государственноцентричной. Чрезвычайный арбитр лишь содействовал сторонам в передаче заявления в государственный суд². Таким образом, чрезвычайный арбитр являлся лишь посредником при принятии обеспечительных мер.

Закон КНР 1994 года об арбитраже в соответствии с поправками, вступившими в силу с 1 марта 2026 года, предусматривает примерно такое же регулирование. Так, в статье 39 Закона указано, что заинтересованная сторона вправе обратиться в арбитражное учреждение с заявлением о принятии обеспечительных мер. При этом, арбитражное учреждение направляет указанное заявление в народный суд, который и принимает итоговое решение по обеспечительным мерам³. Также стороны арбитража могут подать заявление до обращения в третейский суд. Следовательно, напрашивается вывод о том, что в рамках законодательного регулирования чрезвычайный арбитраж не является самостоятельным и предусматривает деятельность через государственные суды. Однако, как будет показано далее, регламенты ведущих арбитражных учреждений отходят от этого подхода.

В плане развития чрезвычайного арбитража постоянные арбитражные учреждения на материковом Китае ушли дальше закона. Закон в данной части лишь санкционирует устоявшиеся в практике правила арбитражных учреждений. В этой связи стоит рассмотреть арбитражные регламенты CIETAC, BAC и SHIAC.

Арбитражный регламент SHIAC (Shanghai International Arbitration Center) в части чрезвычайного арбитража представлен статьями 25–28⁴. Так, сторона, намеревающаяся подать заявление о принятии обеспечительных мер (в период между принятием дела к рассмотрению и формированием состава арбитража), может подать письменное заявление о назначении чрезвычайного арбитра. Решение о назначении чрезвычайного арбитра принимает председатель SHIAC. Само принятие решения по заявлению происходит в течение 10 дней со дня принятия заявления следующим образом:

- 1) чрезвычайный арбитр оценивает необходимость и осуществимость принятия обеспечительной меры (мер);
- 2) арбитр может заслушать мнения сторон в письменной форме или в ходе слушания, организовать представление соответствующих документов и материалов, связанных с временными мерами;

¹ Китайская юридическая грамота // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7715052> (дата обращения: 26.06.2026)

² Юэ Цян, Дон Ивэй О строительстве системы чрезвычайных арбитров в материковом Китае // Социально-политические науки. 2022. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stroitelstve-sistemy-chrezvychaynyh-arbitrov-v-materikovom-kitae> (дата обращения: 26.06.2026).

³ 中华人民共和国仲裁法 // URL: http://www.npc.gov.cn/c2/c30834/202509/t20250912_447762.html (дата обращения: 26.06.2026)

⁴ SHIAC (Shanghai International Arbitration Center) Arbitration Rules (2024) // URL: <https://jsumundi.com/en/document/rule/en-shiac-shanghai-international-arbitration-center-arbitration-rules-2024-shiac-arbitration-rules-2024-monday-1st-january-2024> (дата обращения: 26.06.2026)

3) он может также распорядиться о предоставлении заявителем надлежащего обеспечения до принятия решения;

4) рассмотреть возражения стороны по вопросу принятия обеспечительных мер и принять решение об оставлении в силе решения, его изменении, приостановлении действия или об отзыве решения.

Стоит отметить и право третейского суда в дальнейшем также принять вышеуказанные решения в отношении решения об обеспечительных мерах.

Обязательность решения по обеспечительным мерам полностью зиждется на обязанности сторон арбитража соблюдать его. В то же время сторона арбитража может обратиться в государственный суд с решением чрезвычайного арбитра для принудительного исполнения такого решения. Как правило, это решения о сохранении трех видов¹:

1) Обеспечение имущества (财产保全): целью является предотвращение сокрытия или отчуждения имущества ответчика, чтобы обеспечить возможность исполнения будущего арбитражного решения;

2) Обеспечение доказательств (证据保全): применяется в случаях, когда существует риск, что доказательства могут быть уничтожены, изменены или их станет невозможно получить, что усложнит задачу одной из сторон по доказыванию собственной позиции;

3) Обеспечение поведения (行为保全): позволяет третейскому суду обязать сторону совершить определенное действие или, наоборот, воздержаться от него для предотвращения непоправимого ущерба или сохранения статуса-кво.

Далее стоит рассмотреть арбитражный регламент наиболее востребованного арбитражного учреждения в Китае – CIETAC (Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия). Статья 23 регламента предполагает уже два знакомых нам способа принятия решения об обеспечительных мерах. Так, стороне дается выбор: сторона может подать заявление о мерах в арбитражное учреждение, которое должно передать такое заявление в государственный суд, указанный самой стороной, либо на основании регламента CIETAC арбитр может самостоятельно принять решение об обеспечительных мерах².

В отличие от регламента SHIAC, чрезвычайный арбитр CIETAC должен вынести решение в течение 15 дней с момента принятия назначения его Президентом арбитражного учреждения. Также чрезвычайный арбитр может запросить продление срока вынесения решения. Решение о продлении срока Президент CIETAC принимает только в случае, когда он считает причину продления уважительной.

Также стоит отметить и интересное положение о решении чрезвычайного арбитра. В статье 6 Приложения № 3 регламента указывается, что арбитр должен приложить все усилия для того, чтобы вынесенное решение было законным и действительным. Такое положение в регламенте не случайно. Как указывалось выше, только государственный суд может санкционировать принудительное исполнение такого решения. Поэтому, чтобы решение чрезвычайного арбитра имело шанс на его принудительное исполнение, оно должно быть «безупречным» (обстоятельства должны быть глубоко проанализированы, процедура должна быть соблюдена, а решение должно быть тщательно мотивировано). В таком случае повышаются шансы на успешное исполнение и, как следствие, сам институт чрезвычайного арбитра становится более привлекательным и надежным для сторон.

Регламент BIAС (Beijing International Arbitration Center) также имеет свои особенности. Так, арбитр обладает широтой возможных действий для принятия решения об обеспечительных мерах: заявления сторон он может рассматривать таким образом, который он сочтет целесообразным, включая проведение судебного разбирательства с помощью электронных средств связи, таких как видеоконференция, или замену судебного разбирательства письменным разбирательством, при условии, что у сторон есть возможность сделать разумные заявления³. В то же время чрезвычайный арбитр должен принять решение в течение 15 дней с даты назначения и привести обоснование (理由) такого решения. Как видно, в данном случае регламент снова требует от судьи приложения усилий для вынесения законного решения, поскольку без

приведения мотивов вынесения решения невозможно проверить решение на предмет законности.

Стороны же, в свою очередь, имеют обязанность по убеждению чрезвычайного арбитра в том, что:

1) если такие меры не будут приняты, то причиненный ущерб может быть не полностью компенсирован другими средствами, и ущерб без принятия мер намного превышает ущерб, который при принятии обеспечительных мер может быть нанесен стороне, на которую распространяется данная мера;

2) сторона, запрашивающая обеспечительную меру, имеет разумную возможность выиграть арбитражное разбирательство у организации, запрашивающей арбитраж, но ее решение относительно такой возможности не должно влиять на дискреционные полномочия третейского суда.

Необходимым является и рассмотрение регламента HKIAC (Hong Kong International Arbitration Centre), который имеет свои особенности в части принятия решения об обеспечительных мерах и его исполнимости.

В статье 23 регламента HKIAC раскрывается понятие обеспечительных мер. Если учитывать положения приложения о чрезвычайном арбитраже, то можно вывести следующее определение⁴. Так, обеспечительные меры, принимаемые чрезвычайным арбитром, – это любая временная мера, принятая чрезвычайным арбитром в любой момент, предшествующий формированию состава третейского суда, чтобы та или иная сторона:

1) поддерживала или восстановила статус-кво до разрешения спора; или

2) приняла меры для предупреждения или воздержалась от принятия мер, которые могут причинить ущерб в данный момент или в ближайшем будущем или нанести вред самому арбитражному разбирательству; или

3) обеспечила сохранение активов, за счет которых может быть исполнено последующее решение состава арбитража; или

4) сохраняла доказательства, которые могут относиться к делу и иметь существенное значение для разрешения спора.

Чрезвычайный арбитр принимает решение об обеспечительных мерах в течение 14 дней с момента передачи ему дела. При этом, срок может быть продлен соглашением сторон или решением HKIAC.

При принятии самого решения арбитр должен оценивать следующие факторы:

1) вероятность причинения заявителю непоправимого ущерба (такой ущерб не может быть исправлен даже с помощью принятия решения о взыскании убытков). Например, таким ущербом может считаться утрата бесценного или уникального объекта, банкротство компании, потеря существенной возможности участия в проекте, ущерб деловой репутации;

2) соблюдение «баланса ущерба» (размер ущерба, который может быть причинен заявителю, превышает размер ущерба, который может быть причинен другой стороне принятием обеспечительных мер);

3) разумная вероятность, что сторона, просящая принять срочные обеспечительные меры, победит в споре. Оценка «разумной вероятности» победить по существу спора» производится предварительно и предотвращает возможность принять обеспечительные меры по заведомо проигрышным или недобросовестным искам. Как отмечает Ермоленко Р.А., обращение с заявлением об обеспечительных мерах в таком случае является проверкой на вероятность успешного исхода дела для компаний⁵.

Как и указано в регламентах иных арбитражных учреждений, решение чрезвычайного арбитра HKIAC обязательно для сторон. Однако, приводится в исполнение решение такого арбитра в особом порядке. Концепция «Одна страна, две системы» позволяет Гонконгу жить по «собственным правилам», поэтому и исполнение решений HKIAC производится на основе объявления Верховного народного суда КНР «О порядке взаимного исполнения арбитражных решений между КНР и САР Гонконг» (Объявление № 3–2000 от 18.06.1999)⁶, что позволяет Гонконгу сохранять относительную независимость.

Так, исполнение чрезвычайного арбитра HKIAC осуществляется народным судом КНР по заявлению стороны при представлении следующих документов: а) заявление об исполнении арбитражного решения;

¹ 朱华芳：国际仲裁中临时措施的本土化——中国仲裁保全制度及实践 // URL: <https://www.huizhonglaw.com/Content/2024/10-08/1800001068.html#> (дата обращения: 27.06.2026)

² Регламент Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (с 1 января 2024 года) // URL: https://zakon.ru/blog/2024/12/17/reglament_kitajskoj_mezhdunarodnoj_ekonomicheskoi_i_torgovoj_arbitrazhnoj_komissii_s_1_yanvara_yu_2024 (дата обращения: 27.06.2026)

³ 《国际仲裁规则》(2025年10月29日第八届北京仲裁委员会第十六次会议审议通过，自2026年1月1日起施行) // URL: <https://www.bjac.org.cn/#/arbitration/1907617180235210754/2064145131185160193/2064145274194149377?category-id=2064145274194149377> (дата обращения: 27.06.2026)

⁴ 2024 Administered Arbitration Rules // URL: <https://hkiac.org/arbitration/rules-and-practice-notes/2024-administered-arbitration-rules/> (дата обращения: 27.06.2026)

⁵ Ермоленко Р.А. Обеспечительные меры и чрезвычайный арбитр: опыт Гонконга / Р.А. Ермоленко // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 9(124). – С. 51–53.

⁶ Рудь К.С. Международный коммерческий арбитраж в КНР // Ученые записки Тамбовского отделения РЮСМ У. 2020. № 19. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-kommercheskiy-arbitrazh-v-chnr> (дата обращения: 27.06.2026).

б) арбитражное решение; в) арбитражное соглашение. При этом суд может отказать в принудительном исполнении решения в следующих случаях:

- 1) если сторона, заключившая арбитражное соглашение, не обладала необходимыми полномочиями или дееспособностью для заключения соглашения в соответствии с применимым правом;
- 2) отсутствие возможности у ответчика участвовать в чрезвычайном арбитраже и изложить собственное мнение;
- 3) выход решения чрезвычайного арбитра за пределы арбитражного соглашения;
- 4) нарушение процедуры чрезвычайного арбитража;
- 5) отсутствие у решения об обеспечительных мерах обязательной силы.

Таким образом, можно отметить, что арбитражные регламенты как материковых, так и гонконгских арбитражных учреждений делают качественный скачок перед Законом КНР 1994 года об арбитраже: раскрывают сущность чрезвычайного арбитража, определяют конкретные правомочия арбитров, обстоятельства, которые являются ключевыми при принятии решения и т.п. Но самое главное, что хочет отметить автор, – это возможность принудительного исполнения решения чрезвычайного арбитража через государственный суд.

После анализа положений Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» важно подчеркнуть, что закон фактически не содержит упоминания о чрезвычайном арбитраже, лишь вскользь упоминая о возможности принятия обеспечительных мер до формирования третейского суда. Однако, именно постоянно действующие арбитражные учреждения (например, РАЦ при РИСА) являются пионерами в создании положений о чрезвычайном арбитраже.

Так, в регламенте РАЦ упоминается, что арбитражным центром назначается чрезвычайный арбитр, определяется порядок его деятельности и вынесения решения. При этом, в ст. 49 указывается лишь, что решение арбитра о срочных обеспечительных мерах исполняется самими сторонами¹.

Таким образом, в российской правовой системе отсутствует механизм приведения в исполнение решений чрезвычайных арбитров, что подтверждается содержанием арбитражных регламентов российских ПДАУ, а также позицией Верховного Суда РФ, который указывает, что только государственный суд принимает обеспечительные меры по заявлению стороны третейского разбирательства².

Как считает автор, наличие механизма принудительного исполнения решения чрезвычайного арбитража могло бы повысить привлекательность обращения именно в третейские суды для разрешения коммерческих споров, поскольку отсутствие возможности принудительно исполнить такое решение не дает альтернативу для сторон в части выбора учреждения (государственный или третейский суд) для разрешения спора. Если вопрос о принятии обеспечительных мер рассматривается государственным судом, то проще рассмотреть и весь спор именно в нем без обращения в третейский суд.

Само по себе добавление института чрезвычайного арбитража и, в частности, возможности приведения в исполнение решений чрезвычайных арбитров в законодательство РФ имело бы положительное воздействие. Данный шаг может стать перспективным способом содействия государственных судов третейским судам и способствовал бы повышению доверия к институту арбитража и увеличению числа добровольно исполняемых решений, поскольку сторона, зная о реальной угрозе принудительного исполнения через государственный суд, будет более склонна исполнить решение добровольно. Это, в свою очередь, могло бы снизить нагрузку на суды по спорам, где обеспечительные меры являются одним из ключевых этапов.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»;
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража»;
3. Ермоленко, Р.А. Обеспечительные меры и чрезвычайный арбитр: опыт Гонконга / Р.А. Ермоленко // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 9(124). – С. 51–53;

¹ Арбитражный регламент 2021 (в редакции от 01 ноября 2021 г.) // URL: <https://centerarbitr.ru/text/> (дата обращения: 27.06.2026).

² П. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража»

4. Рудь К.С. Международный коммерческий арбитраж в КНР // Ученые записки Тамбовского отделения РoCM У. 2020. № 19. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-kommercheskiy-arbitrazh-v-knr> (дата обращения: 27.06.2026);

5. Юэ Цян, Дон Ивэй О строительстве системы чрезвычайных арбитров в материковом Китае // Социально-политические науки. 2022. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stroitelstve-sistemy-chrezvychaynyh-arbitrov-v-materikovom-kitae> (дата обращения: 26.06.2026);

6. 朱华芳: 国际仲裁中临时措施的本土化——中国仲裁保全制度及实践 // URL: <https://www.huizhonglaw.com/Content/2024/10-08/1800001068.html#> (дата обращения: 27.06.2026);

7. Арбитражный регламент 2021 (в редакции от 01 ноября 2021 г.) // URL: <https://centerarbitr.ru/text/> (дата обращения: 27.06.2026);

8. Китайская юридическая грамота // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7715052> (дата обращения: 26.06.2026);

9. Регламент Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (с 1 января 2024 года) // URL: https://zakon.ru/blog/2024/12/17/reglament_kitajskoj_mezhdunarodnoj_ekonomicheskoy_i_torgovoj_arbitrazhnoj_komissii_s_1_yanvarya_2024 (дата обращения: 27.06.2026);

10. SHIAC (Shanghai International Arbitration Center) Arbitration Rules (2024) // URL: <https://jsumundi.com/en/document/rule/en-shiac-shanghai-international-arbitration-center-arbitration-rules-2024-shiac-arbitration-rules-2024-monday-1st-january-2024> (дата обращения: 26.06.2026);

11. 中华人民共和国仲裁法 // URL: http://www.npc.gov.cn/c2/c30834/202509/t20250912_447762.html (дата обращения: 26.06.2026);

12. 《国际仲裁规则》(2025年10月29日第八届北京仲裁委员会第十六次会议审议并通过, 自2026年1月1日起施行) // URL: <https://www.bjac.org.cn/#/arbitration/1907617180235210754/2064145131185160193/2064145274194149377?category-id=2064145274194149377> (дата обращения: 27.06.2026);

13. 2024 Administered Arbitration Rules // URL: <https://hkaci.org/arbitration/rules-and-practice-notes/2024-administered-arbitration-rules/> (дата обращения: 27.06.2026).

EMERGENCY ARBITRATION IN CHINA: STATUS AND POSSIBILITY OF APPLYING ITS PRACTICE IN RUSSIA

Emerov M.Yu.

All-Russian State University of Justice

This article examines the state of the emergency arbitration institution in the People's Republic of China. Emergency arbitration is a procedure that allows the parties to a dispute to obtain urgent interim measures before the formation of an arbitral tribunal. The author explores the legal framework of emergency arbitration in the Chinese Arbitration Law and conducts a comparative analysis of the regulations of the leading arbitration institutions in mainland China (CIETAC, BAC, and SHIAC) and Hong Kong (HKIAC). Special attention is paid to the practical aspects of the procedure, the criteria for making decisions by extraordinary arbitrators, and the mechanisms for enforcing their decisions through state courts in both the People's Republic of China and the Hong Kong Special Administrative Region. In the final part of the article, the Russian legislation is analyzed, and the need for introducing the institution of extraordinary arbitration in the Russian Federation is justified, along with the creation of a mechanism for enforcing its decisions, which, according to the author, could increase the attractiveness of arbitration for commercial disputes.

Keywords: emergency arbitration, emergency arbitrator, interim measures, China, CIETAC, BAC, SHIAC, HKIAC, temporary measures.

References

1. Federal Law № 382-FZ of December 29, 2015 (as amended on 08.08.2024) «On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation»;
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.12.2019 № 53 «On the Performance by the Courts of the Russian Federation of the functions of assistance and control in relation to Arbitration Proceedings, international Commercial Arbitration»;
3. Ermolenko, R.A. Interim measures and an emergency arbitrator: the experience of Hong Kong / R.A. Ermolenko // Eurasian Law Journal. – 2018. – № 9(124). – Pp. 51–53;
4. Rud K.S. International commercial arbitration in China // Scientific notes of the Tambov branch of RoSM U. 2020. № 19. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-kommercheskiy-arbitrazh-v-knr> (date of access: 06.27.2026);
5. Yue Qiang, Dong Yiwei On the construction of a system of emergency arbitrators in mainland China // Socio-political Sciences. 2022. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stroitelstve-sistemy-chrezvychaynyh-arbitrov-v-materikovom-kitae> (date of access: 26.06.2026);
6. 朱华芳: 国际仲裁中临时措施的本土化——中国仲裁保全制度及实践 // URL: <https://www.huizhonglaw.com/Content/2024/10-08/1800001068.html#> (date of access: 27.06.2026);
7. Arbitration Rules of 2021 (as amended on November 01, 2021) // URL: <https://centerarbitr.ru/text/> (date of access: 06.27.2026);
8. Chinese Legal Certificate // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7715052> (date of access: 26.06.2026);

9. Rules of the China International Economic and Commercial Arbitration Commission (from January 1, 2024) // URL: https://zakon.ru/blog/2024/12/17/reglament_kitajskoj_mezhdunarodnoj_ekonomicheskoy_i_torgovoj_arbitrazhnoj_komissii_s_1_yanvary_2024 (date of access: 06.27.2026);

10. SHIAC (Shanghai International Arbitration Center) Arbitration Rules (2024) // URL: <https://jsumundi.com/en/document/rule/en-shiac-shanghai-international-arbitration-center-arbitration-rules-2024-shiac-arbitration-rules-2024-monday-1st-january-2024> (date of access: 26.06.2026);

11. 中华人民共和国仲裁法// URL: http://www.npc.gov.cn/c2/c30834/202509/t20250912_447762.html (date of access: 26.06.2026);

12. 国际仲裁规则》(2025年10月29日第八届北京仲裁委员会第十六次会议审议通过, 自2026年1月1日起施行) // URL: https://www.bjac.org.cn/#/arbitration/19076171802352_10754/2064145131185160193/2064145274194149377?Category-ID=2064145274194149377 (date of access: 06.27.2026);

13. 2024 Administrative Arbitration Rules // URL: <https://hkiaac.org/arbitration/rules-and-practice-notes/2024-administered-arbitration-rules/> (date of access: 06.27.2026).

Проблемы квалификации организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства

Архипова Алина Ивановна,

магистрант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: alarkhipova02@gmail.com

В статье проводится анализ состава организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, предусмотренный статьей 110² УК РФ. Особое внимание уделяется разграничению семантически близких категорий «склонение» и «побуждение» и их правовым последствиям. Подвергается критической оценке разграничение организации адресного содействия конкретному лицу и публичной организационной деятельности, порождающая трудности в правоприменительной практике. Рассматриваются спорность ее расположения в главе о преступлениях против жизни, а также внутренняя коллизия поощрительного примечания, требующего от субъекта, создавшего абстрактную опасность, способствования раскрытию конкретных адресных преступлений. Делается вывод о «реактивном» характере криминализации, что ставит под сомнение регулятивную ценность ст. 110² УК РФ в настоящей редакции.

Ключевые слова: организация деятельности, направленной на побуждение к самоубийству, склонение к самоубийству, суицидальные составы, преступления против жизни.

Часть 1 статьи 110² УК РФ предусматривает уголовную ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства.

Уголовный кодекс РФ был дополнен указанными положениями Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ. Как следует из пояснительной записки к законопроекту, криминализация деяния нацелена на противодействие администраторам интернет-сообществ, вовлекающих граждан, в особенности несовершеннолетних, в суицидальную активность. Законодатель исходил из «широкого масштаба (*новых видов преступной активности* – прим. авт.), оказавшихся вне уголовно-правовой оценки».

За рамками уголовно-правовой интерпретации понятие «организация» в лингвистическом аспекте предстает как многозначная категория, отражающая процесс упорядочения, структурирования либо формирования определенной системы. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова в первом значении «организация» раскрывается как действие по глаголу «организовать», то есть «основать, учредить, устроить, создать что-либо упорядоченное»¹. Во втором значении она характеризуется как «организованность, планомерное, продуманное устройство, внутренняя дисциплина»². Аналогичным образом в Толковом словаре Д.Н. Ушакова «организация» истолковывается как «действие по организации чего-либо; объединение, устройство»³. Тем самым акцентируется общий семантический смысл термина, согласно которому «организация» предполагает целенаправленное конструирование структуры или процесса безотносительно к возможным правовым последствиям.

Применительно к ст. 110² УК РФ подобное понимание дает основания рассматривать данный термин как совокупность действий руководящего и управленческого характера, которые иницируют и обеспечивают согласованные, систематические действия, направленные на побуждение к совершению самоубийства. В их число могут включаться подбор и координация исполнителей, формулирование задач, финансирование, обеспечение взаимодействия между участниками, а также создание и поддержание информационных каналов, включая регистрацию «групп смерти» в социальных сетях и создание закрытых чатов. Сюда же надлежит отнести поиск потенциальных жертв, предоставление методических материалов, в том числе скриптов и инструкций, использование анонимных ресурсов, шифрование переписки, инсинуации по конспирации и иные сходные действия.

Направленность данной деятельности законодателем определяется как побуждение к совершению самоубийства. Между тем системный анализ толковых словарей русского языка свидетельствует о том, что понятия «склонять» и «побуждать» обнаруживают значительную семантическую близость и нередко раскрываются друг через друга, что позволяет рассматривать их как частичные синонимы в значении «стимулировать или убеждать к действию». В пределах рассматриваемой нормы «побуждение» обретает особый смысловой акцент и предполагает безадресное стимулирование суицидального намерения, ориентированное на неопределенный круг лиц.

Признание неперсонифицированного деяния преступным объективно требует разграничения соответствующих составов. Квалификация по ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 110¹ УК РФ демонстрирует уголовно-правовую оценку организации содействия конкретному лицу в совершении самоубийства. Статья 110² УК РФ, напротив, криминализирует иную по своему содержанию деятельность, связанную с организацией массового побуждения к суициду посредством распространения призывов либо информации о способах его совершения. Если же виновный организовал оказание адресной помощи определенному лицу, содеянное подлежит квалификации по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 110¹ УК РФ.

¹ Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, искомое слово «организация». URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=18681> (дата обращения: 18.02.2026).

² Там же.

³ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Искомое слово «организация». URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/организация> (дата обращения: 18.02.2026).

Вместе с тем, подобное логическое разведение оказывается во многом искусственным и порождает существенные затруднения при квалификации. Так, Н.Е. Крылова справедливо указывает, что склонение по своей природе не может быть абстрактным или обращенным к неопределенно широкому кругу лиц, так как предполагает целенаправленное воздействие на сознание конкретного человека¹. Сходной позиции придерживается М.Г. Левандовская, подчеркивая, что побуждение к совершению самоубийства, адресованное неопределенному кругу лиц, с точки зрения уголовно-правовой логики лишено внутренней согласованности, потому как решение о лишении себя жизни принимает только конкретный индивид². Следовательно, ключевая особенность преступления, предусмотренного статьей 110² УК РФ, заключается в его публичном и массовом характере, в ориентации на неопределенный круг лиц. На это обращается внимание и в пояснительной записке к закону, где подчеркивается, что норма направлена прежде всего против администраторов «групп смерти» и организаторов деструктивных сообществ, вовлекающих, в частности, детей в идею суицида.

Традиционно преступления против жизни исходят не из намерения либо создания абстрактной возможности причинения вреда, а из конкретных деяний, формирующих реальную и непосредственную угрозу охраняемому благу. В рассматриваемой же ситуации намерение «массово побуждать» к суициду выражает лишь потенциальную опасность. Тем самым уголовная ответственность смещается в сферу предположений о возможных последствиях распространения информации. По характеру регулируемых отношений такой подход ближе к сфере общественной безопасности, чем к преступлениям против жизни, вследствие чего системное расположение нормы в рамках главы 16 УК РФ представляется недостаточно обоснованным.

Для привлечения к ответственности по статье 110² УК РФ наступление реальных последствий в виде чьей-либо гибели либо установление факта склонения конкретного человека не требуется. Состав данного преступления относится к числу формальных, деяние признается оконченным с момента совершения хотя бы одного из действий, образующих организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Вместе с тем действия, побуждающие конкретных лиц к совершению самоубийства и не охватываемые данной нормой, если они выражаются в склонении к совершению самоубийства либо содействии ему, подлежат квалификации по совокупности с соответствующей частью ст. 110¹ УК РФ. В случае создания группы лиц, которая наряду с деятельностью, направленной на побуждение к совершению самоубийства, преследует иные противоправные цели, содеянное подлежит дополнительной квалификации по соответствующим статьям Особенной части УК РФ, в частности по ст. 210, 239, 282¹ УК РФ.

Организуемая деятельность должна обладать системностью и выражаться в согласованных действиях по целенаправленному склонению людей к лишению себя жизни. При этом правовая конструкция нормы закрепляет исчерпывающий перечень способов, ограниченный распространением информации о способах совершения самоубийства и призывами к его совершению.

Под распространением информации о способах самоубийства следует понимать доведение соответствующих сведений до неопределенного круга лиц любыми способами, включая публикацию в средствах массовой информации и сети «Интернет». Для признания деяния преступным необходимо установить цель – побуждение к совершению самоубийства. Отсутствие указанной цели, равно как и общественно полезный либо нейтральный характер намерения, например, в научной, просветительской или религиозной литературе, исключают уголовную ответственность.

Призыв к совершению самоубийства представляет собой публичное обращение к неопределенному кругу лиц, направленное на формирование у аудитории решимости к суициду. Существенным для квалификации выступает именно побудительная и обезличенная публичная направленность такого обращения, тогда как конкретный способ его доведения, устный, посредством средств массовой информации или сети «Интернет», самостоятельного значения не имеет. С учетом повышенной общественной опасности способа совершения данного деяния законодатель конструирует квалифицированный состав. Квалифицирующий признак, выражающийся в сопряженности с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации либо информационно-

телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», предусмотренный ч. 2 ст. 110² УК РФ, раскрывается по аналогии с одноименным признаком в составе доведения до самоубийства, закрепленным в п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Указанное преступление может быть совершено лишь с умышленной формой вины, что подтверждается прямым указанием на специальную цель – побуждение к совершению самоубийства. Виновный осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит, что организует деятельность по побуждению граждан к совершению самоубийств, и желает этого.

В примечании к ст. 110² УК РФ закреплена поощрительная норма, предусматривающая возможность освобождения от уголовной ответственности в случае деятельного раскаяния. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, освобождается от уголовной ответственности при одновременном наличии трех условий: 1) добровольное прекращение соответствующей преступной деятельности, 2) активное способствование раскрытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных статьями 110, 110¹ УК РФ либо ст. 110² УК РФ, а также 3) отсутствие в его действиях иного состава преступления. Предписание носит императивный характер, вследствие чего при выполнении указанных условий освобождение подлежит применению независимо от усмотрения правоприменителя.

Добровольным прекращением организации деятельности по побуждению к суициду признается при сохранении у лица субъективной возможности продолжить ее, если оно самостоятельно принимает решение остановиться. Мотивы такого решения правового значения не имеют и могут выражаться как в раскаянии, так и в страхе перед ответственностью. Активное способствование раскрытию предполагает совершение конкретных действий, включая явку с повинной, дачу показаний, содействие в задержании соучастников и иные аналогичные формы поведения. При наличии названных оснований лицо освобождается исключительно от ответственности по ст. 110² УК РФ. Если же в его действиях содержатся признаки иных преступлений, уголовная ответственность за соответствующие деяния сохраняется.

Вместе с тем в конструкции специального основания освобождения от уголовной ответственности обнаруживается определенная коллизия. Так, М.Г. Левандовская указывает, что диспозиция ст. 110² УК РФ криминализирует организацию массовой, безличной деятельности по пропаганде суицида, не предполагающей воздействия на конкретного потерпевшего. Однако применение в качестве обязательного условия освобождения требует способствования раскрытию преступлений, предусмотренных не только ст. 110², но либо ст. 110, либо ст. 110¹ УК РФ, которые, напротив, связаны с адресным воздействием и конкретными вредными последствиями³. Тем самым формируется правовая фикция, когда от субъекта, создавшего абстрактную опасность, ожидается содействие в раскрытии конкретных деяний, к совершению которых он может не иметь прямого отношения. Указанное условие становится практически неисполнимым и в значительной степени утрачивает смысл.

На отсутствие дифференциации по характеру преступного деяния обращает внимание Т.Д. Устинова⁴. Универсальная формулировка примечания не учитывает различие между делящимися формальными составами, при которых деятельность может быть прекращена до наступления реального вреда, и материальными составами с уже наступившими тяжкими последствиями. Прекращение деятельности, уже повлекшей самоубийство либо попытку самоубийства в результате склонения или содействия, представляется невозможным. Соответственно, правило может быть применено лишь к тем случаям, когда склонение начато, но еще не доведено до результативного конца, что характерно только для ч. 1, 2 ст. 110¹ УК РФ.

Таким образом, перенос стандартной формулы деятельного раскаяния на специфический состав, требующий учета его безличного характера и разграничения по тяжести наступивших последствий, порождает внутренние противоречия и объективно снижает эффективность нормы как инструмента уголовной политики.

Каждое правотворческое решение, включая учреждение статьи 110² УК РФ, должно быть обосновано. Появление указанной нормы целесообразно рассматривать прежде всего как проявление так называемого «реактивного» нормотворчества, обусловленного повышенным медийным вниманием⁵. Вместе с тем уголовное право не должно

³ Левандовская М.Г. Указ. соч. С. 124–125.

⁴ Устинова Т.Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // Lex russica. 2020. Т. 73, № 3. С. 157.

⁵ О преувеличенном росте числа детских самоубийств из-за деятельности «групп смерти» см. подробнее: Филиппова С.В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2020. С. 19; Кобзе-

¹ Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 75–82.

² Левандовская М.Г. Уголовно-правовая характеристика организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства // Закон и право. 2019. № 9. С. 124–125.

выступать инструментом символической политики, поскольку подобная подмена функционального предназначения отрасли отражается на ее целостности и внутренней стройности. С этих позиций статья 110² УК РФ вызывает вполне обоснованные сомнения как в части ее действительной необходимости, так и в аспекте самостоятельной регулятивной ценности. Ее спорность находит прямое отражение в рассмотренной судебной статистике. Признание неперсонифицированного деяния преступным порождает трудности разграничения организатора содействия совершению самоубийства (ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 110¹ УК РФ) и лица, осуществляющего организационную деятельность, направленную на побуждение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110² УК РФ)¹. Их искусственное разделение на два самостоятельных состава неизбежно отражается на стабильности правоприменения.

Литература

1. Кобзева Е.В. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм о преступлениях, стимулирующих суицидальное поведение других лиц // Правовая политика и правовая жизнь. – 2017. – № 4. – С. 66–72.
2. Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 75–82.
3. Левандовская М.Г. Уголовно-правовая характеристика организационной деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства // Закон и право. – 2019. – № 9. – С. 122–126.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Текст: электронный. – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 18.07.2026).
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Текст: электронный. – URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (дата обращения: 18.07.2026).
6. Устинова Т.Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // Lex russica. – 2020. – Т. 73, № 3. – С. 151–159.
7. Филиппова С.В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2020. – 234 с.

ORGANIZING ACTIVITIES DIRECTED AT ENCOURAGING SUICIDE: ISSUES OF LEGAL CLASSIFICATION AND APPLICATION

Arkhipova A.I.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the elements of the crime of organizing activities aimed at inciting suicide under Article 110² of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to distinguishing the semantically close categories of «inducement» (addressed to a specific person) and «incitement» (public, impersonal calls) and the legal consequences thereof. The author critically assesses the differentiation between organizing targeted assistance to a specific individual (Part 3, Art. 33, Part 2, Art. 110¹ of the Criminal Code) and public organizational activities (Art. 110²), which gives rise to difficulties in law enforcement practice. The article addresses the systemic inconsistency of placing this norm within the chapter on crimes against life, as well as the internal legal collision of the exemption provision, which requires a subject who has merely created an abstract danger to assist in solving specifically targeted crimes. It is concluded that the «reactive» nature of the criminalization undermines the regulatory value of Art. 110² of the Criminal Code and negatively affects the consistency of judicial practice.

Keywords: organization of activities directed at incitement to suicide, inducement to suicide, suicide-related offenses, crimes against life.

References

1. Kobzeva E.V. Social Determination of Criminal-Law Norms on Crimes Stimulating Suicidal Behavior in Other Persons // Legal Policy and Legal Life. – 2017. – No. 4. – Pp. 66–72.
2. Krylova N.E. Liability for Incitement to Suicide and Complicity in the Suicide of Another Person under the Criminal Law of the Russian Federation: Assessment of Legislative Innovations // Criminal Law. – 2018. – No. 1. – Pp. 75–82.
3. Levandovskaya M.G. Criminal-Law Characteristics of the Organization of Activities Aimed at Inciting to Commit Suicide // Law and Right. – 2019. – No. 9. – Pp. 122–126.
4. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language [Electronic resource]. – Text: electronic. – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (date of access: 18.07.2026).
5. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes / edited by D.N. Ushakov [Electronic resource]. – Text: electronic. – URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (date of access: 18.07.2026).
6. Ustinova T.D. Incitement to suicide or assistance in suicide: a critical analysis // Lex russica. – 2020. – Vol. 73, No. 3. – Pp. 151–159.
7. Filippova S.V. Incitement to commit suicide or assistance in committing suicide: criminal-law characteristics and problems of qualification: dis. ... Cand. of Law: 12.00.08. – M., 2020. – 234 p.

ва Е.В. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм о преступлениях, стимулирующих суицидальное поведение других лиц // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 4. С. 69.

¹ Крылова Н.Е. Указ. соч. С. 75–82.

К вопросу о необходимости расширении перечняотягчающих обстоятельств в уголовном праве Российской Федерации

Багуцкий Николай Владимирович,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: nicolas2000@mail.ru

Дадаева Юлия Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: juli-dadaeva@list.ru.

В последние годы в уголовное законодательство Российской Федерации вносятся изменения, направленные на приведение его в соответствие с современными реалиями, которые характеризуются появлением новых и трансформацией традиционных для нашего общества угроз. Одной из таких угроз выступает рост насильственных преступлений, совершаемых лицами обладающих навыками силовых единоборств. Несмотря на это, до настоящего времени учеными-правоведами не предложено действенного правового механизма, который позволил бы суду учесть данный факт в качестве отягчающего обстоятельства. В результате имеет место нарушение принципа справедливости, согласно которому наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Целью настоящей статьи выступает обоснование необходимости учета совершения преступления с помощью навыков силовых единоборств в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, а также предложение конкретных практико-ориентированных решений в этом направлении.

Ключевые слова: обстоятельства, отягчающие наказание; принцип справедливости; силовые единоборства; боевые искусства.

Отягчающие обстоятельства – это неотъемлемая и важная составляющая института уголовного права России. Наряду со смягчающими наказаниями – они позволяют дифференцировать ответственность лица, совершившего преступление и, таким образом, обеспечить реализацию принципа справедливости.

В последние годы российское общество подвергается интенсивным и глубоким изменениям, затрагивающих все сферы жизнедеятельности, проявляющиеся в том числе и в появлении новых уголовно-правовых угроз и рисков. Одним из ответов, на которые, выступает развитие перечня отягчающих обстоятельств, без которых невозможно назначение соразмерного наказания для лиц, совершивших преступления, а следовательно, и эффективная превенция новых преступлений.

Несмотря на это, данный институт отягчающих обстоятельств является довольно консервативным и долгое время оставался без существенных изменений. Ряд изменений произошел начиная с 2022 года, когда законодатель последовательно дополнил Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) четырьмя новыми отягчающими обстоятельствами: п.п. «с, т, у, ф» ст. 63 УК РФ [16]. Нововведения обусловлены различными угрозами, с которыми столкнулась Россия, среди которых: проводимая специальная военная операция на Украине (п. «с»); рост числа преступлений, совершаемых мигрантами (п. «у»), увеличение числа преступлений, совершаемых с помощью информационных технологий (п.п. «т, ф»). При этом до сих пор за пределами внимания законодателя незаслуженно остается такая важная проблема, как совершение преступления лицом, владеющим навыками боевых единоборств.

Данная проблема не нова и в том или ином виде поднималась и во времена СССР и современной России, однако до практической реализации дело не дошло.

Интерес к этому вопросу с новой силой возник после резонансной гибели девятнадцатилетнего студента Егора Агафонова в ходе конфликта с чемпионом мира по смешанным единоборствам Расулом Мирзаевым, в ходе которого, после словесной перепалки Мирзаев нанес один удар в область головы, от которого Е. Агафонов упал и ударился головой о решетку ливневой канализации. После удара Агафонов пришел в себя, но вскоре ему стало хуже. Его забрали в больницу, где ему не сразу оказали помощь из-за «пересменки». В тот же день Агафонов впал в кому и через четыре дня скончался. Причиной его смерти врачи назвали отек мозга и последующий отек легких, раздробление мозжечка [3].

Замоскворецкий суд Москвы признал спортсмена виновным в причинении смерти по неосторожности и приговорил к двум годам ограничения свободы. Учитывая, что согласно ст. 72 УК РФ один день в СИЗО приравнивается к двум дням ограничения свободы, то Расул Мирзаев проведенный в изоляторе почти 1 год и 5 месяцев – даже отбыл свыше отведенного ему срока наказания. Поэтому бал освобожден в зале суд [12].

При схожих обстоятельствах погибли и пауэрлифтер Андрей Драчев [4], охранник ночного клуба [17], вред здоровью был причинен бойцу смешанного стиля Сергею Харитонову [15].

Не вдаваясь в вопросы правосудности указанных приговоров, отметим, что проблема носит далеко не единичный характер, но именно после этих трагических случаев, по-настоящему активизировались дискуссии о необходимости признать применение навыков силовых единоборств при совершении преступления в качестве отягчающих наказание обстоятельств. Так, в 2016 году дело дошло до обсуждения соответствующего законопроекта в Государственной Думе [5], в рамках которого предлагалось внести специальные поправки, добавляющие в Уголовный кодекс новое отягчающее обстоятельство (в ст. ст. 105 и 63 УК РФ): «совершение преступления с применением навыков силовых единоборств против невооруженного лица, который заведомо для применяющего не обладает подобными навыками». Ссылка на данное отягчающее обстоятельство должно было увеличивать тяжесть наказания в пределах 30%, а также исключала применение наказания, не связанного с лишением свободы [1]. Авторы поправки в пояснительной записке указывали, что владение навыками боевых искусств равносильно владению оружием, которое применяется сознательно и целенаправленно, используя свое превосходство над другими гражданами. Владение навыками боевых искусств, по их мнению, должно

бытьотячающим обстоятельством для лиц, так как их использование в отношении граждан может повлечь самые серьезные последствия для здоровья граждан, вплоть до смерти [4].

На данный законопроект был получен официальный отзыв Правительства РФ [6], в котором, во-первых, указывается на исчерпывающий характер списка обстоятельств, отягчающих наказание. Данный аргумент не может не вызывать недоумения, поскольку в Уголовный кодекс, как и в любой другой федеральный закон могут вноситься изменения в установленном законом порядке. А во-вторых, авторы отзыва указывают на невозможность определения обладает ли лицо, причинившее вред, специальной физической или спортивной подготовкой в области силовых единоборств, поскольку в законопроекте не уточняется, что является физической подготовкой, и по каким критериям будут определяться уровень и наличие или отсутствие у лица указанной подготовки, что понимается под силовым единоборством и какие виды спорта могут быть к нему отнесены.

Схожей позиции придерживались и иные участники рассмотрения законопроекта в первом чтении (Комитет Государственной Думы по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи; Правовое управление) [7].

Соглашаясь в целом с поступившими на законопроект замечаниями содержательного и юридико-технического свойства, отметим, что все они вполне устранимы при условии привлечения к этому вопросу компетентных юристов.

Среди дискуссионных вопросов рассматриваемой проблемы можно выделить следующие:

1. проблема определения обладает ли лицо, причинившее вред, специальной физической или спортивной подготовкой в области силовых единоборств.

Решение данной проблемы возможно двумя путями. Первый связан с исследованием фактов, не требующих проведения экспертиз:

- неоднократные занятия в спортивном зале с тренером; неоднократность посещения спортивного зала, предполагает, что тренирующийся проявляет определенное упорство в освоении нового вида деятельности (полагаем, что здесь следует обратиться к достижениям спортивной психологии, которая сможет указать, после какого количества тренировок у человека начинаю формироваться устойчивые навыки владения силовым единоборством). Наличие же тренера видится здесь обязательным, постольку поскольку он помимо решения чисто организационных вопросов занимается постановкой техники ударов, бросков, болевых приемов и пр., что в конечном счете и делает подготовленного человека и более опасным в условиях конфликтной ситуации с лицом, не обладающим соответствующей подготовкой. Кроме этого, считаем необходимым обязать тренера проводить профилактику преступлений, путем разъяснения подопечному последствий неправомерного применения силы за пределами ринга с фиксацией данного факта в специальном журнале. В настоящее время данная обязанность не предусмотрена профессиональным стандартом «Тренер» [10]. Сам же тренер должен в обязательном порядке привлекаться к уголовному процессу в качестве свидетеля в соответствии с ч. 1 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК) [14];

- наличие спортивных званий, наград и статусов и иных достижений в области боевых искусств; круг общения, который должен включать лиц, занимающихся освоением боевых искусств; наличие специфического спорт-инвентаря дома или по месту работы (груши, перчатки, защитный шлем, средства защиты конечностей и пр.); наличие по месту жительства соответствующей литературы, плакатов, фото и видео-материалов; посещение спортивных мероприятий, связанных с боевыми искусствами; неоднократное попадание в качестве виновника в конфликтные ситуации связанные с применением насилия. Указанные и иные обстоятельства должны исследоваться и учитываться судом, только в комплексе.

Для обеспечения единообразия судебной практики, обозначенные выше и иные нюансы, влияющие на квалификацию, следует закрепить в соответствующем Постановлении Пленума Верховного суда.

Второй путь предполагает исследование фактов, требующих проведения судебной экспертизы и может включать себя: судебно-медицинскую экспертизу (определения состояния здоровья, скоростно-силовых качеств, реактивность психических процессов и пр.), судебно-психологическую экспертизу, которая может включать в себя оценку динамики личностных качеств до занятия боевыми искусствами и в процессе (повышенные уверенность в себе, переходящее в самоуверенность, формирование чувства превосходства перед другими людьми, формирование установки на решение вопросов с помощью силы, приоритет атакующих действий над оборонительными и пр.).

2. проблема определения уровня подготовки в области силовых единоборств.

Полагаем, что здесь уровень подготовленности не будет иметь значение, поскольку в данном случае важна лишь направленность умысла на причинение вреда здоровью или жизни с использованием имеющихся навыков силовых единоборств, которых лицо совершившее преступление субъективно считало достаточным для одержания победы в конфликте.

Так, например, отсутствие навыка владения ножевым боем или огневой подготовки не станет препятствием для ужесточения наказания при использовании ножа (признанного в результате криминалистической экспертизы – холодным оружием) или огнестрельного оружия, как орудия посягательства в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В свою очередь, низкий уровень подготовленности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого (т.е. неспособность априори причинить требуемый вред), должен квалифицироваться по правилу о фактической ошибке, а именно, как покушение с негодными средствами. В этом случае лицо, заблуждается применяя их, полагая что они могут причинить вред охраняемым уголовным законом интересам. В действительности же используемые орудия и средства преступления таковыми не являются и по своим качествам не способны причинить вред объекту преступления [2, с. 100].

Доказывание умысла на причинение вреда с помощью навыков силовых единоборств, возможно через следующие косвенные проявления: провоцирование конфликта; демонстрация своей подготовленности и превосходства (вербальная, с помощью жестов или физическая); использование традиционного оружия из сферы силовых единоборств (ударно-раздробляющего действия, колюще-режущего и т.д.); нанесение целенаправленных повреждений в зонах повышенной уязвимости и области жизненно важных органов (здесь важна неоднократность такого рода воздействий); акцент на атакующие действия, вместо оборонительных, в первые секунды конфликта. За пределами конфликтной ситуации, таким косвенным свидетельством может выступать неоднократное грубое нарушение правил в ходе поединков (официально зафиксированное судьей).

Кроме этого, считаем необходимым обязать лицо, имеющее спортивный разряд или звание (закреплены в ст. 22 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [8]) предупреждать о своей специальной подготовке в виде четко выраженного предупреждения об этом лица, против которого применяется боевые приемы, за исключением случаев, когда промедление в их применении создает непосредственную опасность для жизни людей или может повлечь за собой иные тяжкие последствия, по аналогии со ст. 25 ФЗ «Об оружии» [9].

3. проблема определения, того, что следует понимать под силовым единоборством и какие виды спорта могут быть к нему отнесены.

Решение данного вопроса видится в том, чтобы к силовым единоборствам относить любой вид спортивной деятельности, при которой достижение победы предполагает причинение оппоненту вреда для жизни или здоровью любой тяжести. К такого рода единоборствам можно отнести и прямо направленные на причинение максимального физического ущерба (бои без правил, панкратион, бокс, кикбоксинг, тайский бокс, каратэ, борьба в любых ее проявлениях и пр.), а также единоборства, исповедующие оборонительную философию, к последним можно отнести все восточные боевые искусства (кунг-фу, ушу, тхэквондо, айкидо, джиу-джитсу и пр.). Перечень таких единоборств, по понятным причинам, должен быть открытым и отнесение конкретного единоборства к ним должно основываться исключительно на его направленности на причинение вреда жизни или здоровью оппонента, при этом установленные приоритеты обороны или нападения значения при квалификации иметь не должны. Как не должно иметь значение и «чистое» это единоборство (отказ от универсальности, «жесткости», подчиненность строгим правилам и законам) или «грязное», т.е. смешанное (где напротив декларируется отказ от однобокости, ритуальности и акцент делается на практичности и эффективности) [11, с. 9].

4. проблема определения статуса спортивной организации или объединения, предлагающих услуги по освоению навыков силовых единоборств.

Полагаем, что данный аспект не должен влиять на квалификацию, а именно, не должно иметь значение функционирует ли субъект оказания такого рода услуг в легальном правовом поле или за его пределами, имеет тренер (или лицо им представляющееся) спортивное образование, реальные и/или подтвержденные достижения или нет. Здесь важно, что кто-то берет на себя роль учителя, а кто-то роль ученика и все это образует сложный интеллектуальный и психофизиологический комплекс, проявляющий себя в ощущении своего физического и психического превосходства над оппонентом;

5. проблема учета навыков силовых единоборств при квалификации необходимой обороны (ст. 37 УК РФ) и задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ).

Полагаем, что факт применения навыков силовых единоборств не должен дополнительно отягчать ответственность обороняющегося или задерживающего лица при превышении их пределов, в виду общей положительной направленности действия такого лица на защиту охраняемых уголовным законом благ и интересов личности и общества;

6. проблема учета психо-волевых качеств лица, применившего навыки силовых единоборств в условиях конфликта. Речь идет о способности такого лица в условиях экстремальной ситуации осознавать в полной мере характер своих действий либо руководить ими.

Решение данного вопрос видится в презюмировании повышенной (относительно средней) способности такого лица в условиях экстремальной ситуации осознавать в полной мере характер своих действий либо руководить ими. Связано это с тем, что такие лица систематически или время от времени осознанно и добровольно подают в такие искусственно созданные ситуации, преследуя цель помимо прочего повышение своей стрессоустойчивости. Таким образом, применение привилегированных составов, учитывающих состояние аффекта при причинении вреда жизни или здоровью в случае с лицами обладающими навыками силовых единоборств, требуют от следственных органов и суда повышенного внимания к качеству судебно-психологической и судебно-психиатрических экспертиз;

7. проблема учета судом времени, по прошествии которого навыки боевых единоборств считаются утраченными.

Мы стоим на позиции, что ранее приобретенные навыки в том или ином качестве остаются актуальными на протяжении всей жизни человека. Единственное, что может вносить серьезные коррективы в этот процесс и существенно снижать степень общественной опасности таких лиц – это процесс старения и инвалидизация. В первом случае таким рубежом может быть достижение лицом пенсионного возраста, а во втором – присвоенная инвалидность первой группы.

В заключении отметим, что вопрос расширения перечня отягчающих обстоятельств, в части признания таковым совершение преступления с использованием навыков силовых единоборств, является одновременно крайне важным и непростым, что обуславливает необходимость вовлечения в процесс обсуждения различных заинтересованных участников. Только в условиях такого комплексного и всестороннего обсуждения возможно выработать действительно эффективный и сбалансированный инструмент противодействия преступлениям и их профилактики.

Литература

1. Боксеров и каратистов будут строже наказывать за участие в драке // Рос. газ. 2016. 1 ноября.

2. Ильин И. В. «Проблемы квалификации покушения на преступление» / И.В. Ильин, О.А. Шевченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 11. С. 99–101.

3. Лентапедия: Мирзаев Расул // Lenta.ru [электронный ресурс] – URL: <https://lenta.ru/lib/14213159/> (дата обращения: 23.06.2026).

4. О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: Пояснительная записка к проекту федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности [электронный ресурс] – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/ac347c19-220d-45f3-98ea-380d1b11aafb> (дата обращения: 24.06.2026).

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (об установлении ответственности лиц, обладающих специальной физической или спортивной подготовкой в области силовых единоборств) (не действует): Пояснительная записка к проекту федерального закона № 3735–6 // Гарант [электронный ресурс] – URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 23.06.2026). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Ниловым Я.Е., Напосо Ю.А., Рохмистровым М.С.: Официальный отзыв на проект федерального закона № 3735–6 // Система обеспечения законодательной деятельности [электронный ресурс] – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/1aff36f1-ed1f-49ec-a33f-f9e944d847ab> (дата обращения: 24.06.2026).

7. О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: Законопроект № 3735–6 // Система обеспечения законодательной деятельности [электронный ресурс] – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/3735-6> (дата обращения: 25.06.2026).

8. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

9. Об оружии: Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ // СЗ РФ. 1996. N 51. Ст. 5681.

10. Об утверждении профессионального стандарта «Тренер-преподаватель» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.01.2021 № 62203): Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27.04.2023 № 362н // Официальный интернет-портал правовой информации [электронный ресурс] – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.06.2026).

11. Передельский А. А. «Спортивные единоборства: к вопросу о становлении универсальной системы российского единоборства» / А.А. Передельский // Вестник спортивной науки. 2008. № 3. С. 8–10.

12. Расула Мирзаева освободили в зале суда под крики «Позор!» // Комсомольская правда [электронный ресурс] – URL: <https://www.kp.ru/daily/25991/2921523/> (дата обращения: 23.06.2026).

13. Убили на глазах полиции: русский богатырь неудачно сходил в бар // РИА Новости [электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20250528/ubiystvo-2019615958.html> (дата обращения: 23.06.2026).

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 24. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

15. Уголовные дела, заявление Яндиева и консилиум врачей: как развивается история с нападением на Харитонову // RT: на русском [электронный ресурс] – URL: <https://russian.rt.com/sport/article/803091-haritonov-napadenie-policiya-delo> (дата обращения: 23.06.2026).

16. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

17. Чемпион Москвы по боксу получил год ограничения свободы за убийство в кафе // Спортс [электронный ресурс] – URL: <https://www.sports.ru/boxing/150566472.html> (дата обращения: 23.06.2026).

ON THE NEED TO EXPAND THE LIST OF AGGRAVATING CIRCUMSTANCES IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Bagutsky N.V., Dadaeva Yu.V.

Middle Volga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

In recent years, amendments have been made to the criminal legislation of the Russian Federation aimed at bringing it into line with modern realities, characterized by the emergence of new threats and the transformation of traditional ones in our society. One such threat is the rise in violent crimes committed by individuals skilled in martial arts. Despite this, legal scholars have yet to propose an effective legal mechanism that would allow the court to consider this fact as an aggravating circumstance. As a result, the principle of fairness is violated, according to which punishment and other criminal measures applied to a person who has committed a crime must be proportionate to the nature and degree of public danger of the crime, the circumstances of its commission, and the personality of the perpetrator. As advocates of stricter criminal legislation rightly point out, the use of martial arts skills in committing a crime is tantamount to the use of a weapon in its consequences for the life and health of the victim. The purpose of this article is to substantiate the need to consider the commission of a crime using martial arts skills as an aggravating circumstance, as well as to propose specific, practice-oriented solutions in this regard.

Keywords: aggravating circumstances, principle of justice, martial arts, martial arts.

References

1. Boxers and karatekas will be punished more severely for participating in fights // Rossiyskaya Gazeta. 2016. November 1.

2. Ilyin, I.V., «Problems of Qualifying an Attempted Crime» / I.V. Ilyin, O.A. Shevchenko // Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences. 2018. № 11. pp. 99–101.

3. Lentapedia: Mirzaev Rasul // Lenta.ru [electronic resource] – URL: <https://lenta.ru/lib/14213159/> (date of access: 23.06.2026).

4. On Amendments to the Federal Law «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation»: Explanatory Note to the Draft Federal Law // System for Supporting Legislative Activity [electronic resource] – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/ac347c19-220d-45f3-98ea-380d1b11aafb> (date accessed: 06/24/2026).

5. On Amendments to the Federal Law «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» (on establishing the liability of persons with special physical or sports training in the field of strength martial arts) (not in effect): Explanatory Note to the draft federal law № 3735–6 // Garant [electronic resource] – URL: <https://internet.garant.ru> (date of access: 06/23/2026). – Access mode: for registered users.

6. On Amendments to the Federal Law «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation», introduced by deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation Nilov Ya.E., Napso Yu.A., Rokhmistrov M.S.: Official response to draft federal law № 3735–6 // System for supporting legislative activity [electronic resource] – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/1aff36f1-ed1f-49ec-a33f-f9e944d847ab> (date of access: 06/24/2026).

7. On Amendments to the Federal Law «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation»: Bill № 3735–6 // System for supporting legislative activity [electronic resource] – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/3735-6> (date of access: 06/25/2026).

8. On Physical Culture and Sports in the Russian Federation: Federal Law of 04.12.2007 № 329-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. № 50. Art. 6242.

9. On Weapons: Federal Law of 13.12.1996 № 150-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. № 51. Art. 5681.

10. On approval of the professional standard «Coach-teacher» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on January 25, 2021, № 62203): Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated April 27, 2023, № 362n // Official Internet Portal of Legal Information [electronic resource] – URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: June 25, 2026).

11. Peredelsky, A. A. «Combat Sports: On the Issue of the Formation of a Universal System of Russian Martial Arts» / A.A. Peredelsky // Bulletin of Sports Science. 2008. № 3. pp. 8–10.

12. Rasul Mirzaev was released in the courtroom amid cries of «Shame!» // Kom-somolskaya Pravda [electronic resource] – URL: <https://www.kp.ru/daily/25991/2921523/> (date of access: 23.06.2026).

13. Killed in front of the police: Russian strongman had an unsuccessful visit to a bar // RIA Novosti [electronic resource] – URL: <https://ria.ru/20250528/ubiystvo-2019615958.html> (date of access: 23.06.2026).

14. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 № 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 24. 2001. № 52 (Part I). Art. 4921.

15. Criminal cases, Yandiev's statement, and a council of doctors: how the story of the attack on Kharitonov is developing // RT: in Russian [electronic resource] – URL: <https://russian.rt.com/sport/article/803091-haritonov-napadenie-policiya-delo> (date of access: 23.06.2026).

16. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 № 63-FZ // SZ RF.1996. № 25. Art. 2954.

17. Moscow boxing champion received a year of restricted freedom for murder in a cafe // Sports [electronic resource] – URL: <https://www.sports.ru/boxing/150566472.html> (date of access: 23.06.2026).

Категория уголовного проступка в российском уголовном праве: проблемы законодательного закрепления и разграничения с административным правонарушением

Балашов Егор Андреевич,
независимый исследователь
E-mail: balashowegor@yandex.ru

В статье рассматривается одна из наиболее спорных проблем современной российской уголовно-правовой политики – введение категории уголовного проступка и связанная с ней задача его разграничения с административным правонарушением. Автор исходит из того, что законопроекты Верховного Суда РФ 2018 и 2021 гг. так и не предложили содержательного (материального) определения уголовного проступка, ограничившись перечневым способом его конструирования, что делает невозможным выведение критериев отнесения деяния к данной категории.

Центральное внимание уделено доказательству тезиса о том, что подлинным препятствием для институционализации проступка выступает не его соотношение с преступлением, а отсутствие устойчивого критерия отграничения от административного правонарушения, поскольку общественная опасность как таковая присутствует и в ряде административных деликтов, а санкции КоАП РФ порой строже уголовных. Предлагается отказаться от чисто перечневого подхода в пользу двухвекторной модели формирования перечня проступков (декриминализация части преступлений при одновременной криминализации наиболее опасных административных правонарушений с закреплением материального критерия разграничения). Обосновывается вывод о том, что без нормативного закрепления сущностного признака проступка реформа порождает риск смешения трёх видов деликтов и произвольной судебной дискреции.

Ключевые слова: проступок, преступление, правонарушение, общественная опасность, категоризация, криминализация, декриминализация, судимость, дифференциация, преюдиция.

Проблема, которой посвящена настоящая статья, лишь на первый взгляд представляется вопросом законодательной техники. В действительности речь идёт о фундаментальном для отечественной доктрины затруднении: российское уголовное право более двух десятилетий пытается ввести промежуточное звено между преступлением и административным правонарушением, но всякий раз спотыкается о невозможность объяснить, чем именно это звено отличается от соседних по обе стороны. Законопроекты Верховного Суда РФ 2018 г. (№ 612292–7) и 2021 г. (№ 1112019–7) со всей очевидностью обнажили этот дефект. Инициатор, проделав определённую «работу над ошибками» и вручную отобрав составы, предлагаемые к переводу в разряд проступков [1], тем не менее так и не сформулировал материального определения новой категории. Между тем именно отсутствие сущностной характеристики, а не перечневая недоработка, составляет ядро проблемы, и именно на её разрешение направлено настоящее исследование.

Исходной точкой всякого анализа представляется следующее обстоятельство. Проектируемая статья, вводящая понятие уголовного проступка, не содержит дефинитивной нормы в строгом смысле слова: в ней не называются сущностные и социально значимые признаки деяния, а лишь очерчивается круг составов Особенной части, признаваемых проступками [4]. Единственное, что можно утверждать с определённой уверенностью, – проступками объявляются некоторые впервые совершённые преступления небольшой и средней тяжести, за которые не предусмотрено лишение свободы, с рядом изъятий. Однако этих данных категорически недостаточно, чтобы вывести общие признаки любого проступка. Более того, законопроект прямо именует проступок преступлением, что вступает в очевидное противоречие с раздельным его закреплением и порождает недоумение относительно места проступка в системе запрещённых уголовным законом деяний [4]. Получается парадокс: категория одновременно объявляется и разновидностью преступления, и чем-то, что требует особого наименования и особых последствий. Такая конструкция превращает проступок даже не в категорию преступления, а в потенциальную трактовку содеянного, зависящую от решения суда и отсутствия признака повторности.

Далее необходимо обозначить, почему разграничение с административным правонарушением – а не с преступлением – является действительным нервом проблемы. Господствующая доктрина исходит из того, что преступление и проступок различаются степенью общественной опасности внутри единого рода уголовно наказуемых деяний, и здесь особых теоретических затруднений нет: проступок – это «определённая законодателем совокупность преступлений, общественная опасность которых изначально минимальна» [3]. Сложность возникает на другой границе. Если общественная опасность – универсальный критерий отграничения преступного от непроступного, то введение проступка требует ответа на вопрос: обладает ли проступок общественной опасностью, отличающей его от административного деликта, или же он занимает промежуточное положение, вбирая в себя часть нынешних правонарушений? Конституционный Суд РФ ещё в постановлении от 14 февраля 2013 г. № 4-П указал, что ряд административных правонарушений по своей карательной направленности тяготеет к уголовно наказуемым деяниям, а Европейский Суд по правам человека в деле «Менешева против России» прямо квалифицировал формально административное деяние как уголовное по существу [6]. Это означает, что граница между уголовной и административной ответственностью проведена не по различию в сущности деликтов, а по усмотрению законодателя, сдвигающего её в зависимости от политической конъюнктуры [6]. Именно здесь кроется методологический тупик перечневого подхода: нельзя корректно разграничить проступок и правонарушение, если сам критерий разграничения – общественная опасность – признаётся объективно абстрактным.

Иллюстрацией этой абстрактности служат хорошо известные примеры несоразмерности санкций. Ряд административных правонарушений наказывается строже некоторых преступлений, что делает тезис о «размывании границ» при введении проступка не столько опровержимым, сколько малосодержательным [5]. Показательна конкретика. КоАП РФ содержит наказания, сущностно тождественные уголовным: административный штраф идентичен штрафу уголовному, дисквали-

фикация есть аналог лишения права занимать определённые должности (ст. 47 УК РФ), а обязательные работы в КоАП РФ имеют буквально ту же дефиницию, что и в уголовном законе [4]. При таком положении утверждение, будто проступок разрушит стройную систему разграничения, лишается почвы: стройной системы, основанной на едином материальном критерии, проступку не существует. Отсюда следует первый промежуточный вывод: если границы уже размыты де-факто, то введение проступка не создаёт новую проблему, а лишь высвечивает старую и требует её решения через нормативное закрепление сущностного признака.

Особого внимания заслуживает эмпирическая сторона вопроса, которую нельзя обойти при постановке проблемы. Декриминализация побоев и части хищений федеральными законами от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ и № 326-ФЗ показала оборотную сторону механического «перевода» деяний в административную плоскость. Утрата уголовно-правового значения побоев подорвала функцию двойной превенции, направленной на предупреждение более тяжких насильственных посягательств, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений [2]. Одновременно возникла коллизия с институтом малозначительности: до 2016 г. квалифицированные кражи при ущербе менее тысячи рублей не признавались преступлениями в силу малозначительности, но не могли квалифицироваться и как мелкое хищение, поскольку ст. 7.27 КоАП РФ исключает административную ответственность при наличии квалифицирующих признаков. В результате около 1,2 млн краж ежегодно в 2015–2017 гг. не получали должной юридической оценки [2]. Эти цифры демонстрируют, что как криминализация, так и декриминализация «пограничных» деяний, проведённая без опоры на материальный критерий, порождает провалы в правовой защите. Показательно и то, что число обвиняемых по направленным в суд делам сократилось с более чем 1,5 млн в конце 1990-х до около 870–900 тыс. к 2017 г., причём это снижение обусловлено не реальным падением преступности, а во многом манипуляциями со статистикой [3]. Данное обстоятельство придаёт реформе дополнительное измерение: проступок способен объективировать статистическую картину, но лишь при условии, что критерий отнесения деяния к нему будет содержательным, а не перечневым.

Аргументативным ядром работы выступает обоснование того, почему перечневый способ конструирования проступка методологически несостоятелен и что должно прийти ему на смену. Слабость перечня в том, что он подменяет причину следствием: вместо того чтобы вывести признаки проступка и затем отобрать соответствующие им составы, законодатель отбирает составы интуитивно, оставляя признак невыраженным.

Наглядным свидетельством произвольности служит включение в перечень экологических преступлений и преступлений против правосудия, пониженная опасность которых как минимум спорна.

Так, нарушение правил охраны водных биологических ресурсов предполагает массовую гибель рыбы и уничтожение кормовых запасов – последствия, вполне соотносимые с «тяжкими последствиями» таких экологических преступлений, как нарушение правил обращения экологически опасных веществ (ст. 247 УК РФ), санкция которой предусматривает лишение свободы [4]. Отнесение же к проступкам преступлений против правосудия, где субъектами нередко выступают сотрудники правоохранительных органов, способно породить снисходительное отношение к фальсификации доказательств и подкупу – деяниям, посягающим на само отправление правосудия [4]. Эти примеры доказывают: без материального критерия перечень неизбежно становится продуктом лоббистских и конъюнктурных соображений, о чём косвенно свидетельствует и то, что около половины предлагаемых к переводу составов относится к экономической сфере и разрабатывались во многом в интересах бизнес-сектора [4].

Предлагаемое решение состоит в переходе к двухвекторной модели формирования категории проступка с обязательным закреплением материального признака. Первый вектор – отнесение к проступкам части преступлений небольшой тяжести, отвечающих совокупности критериев: характеру общественной опасности (по объекту охраны), её степени (последствия, способ), форме вины, распространённости деяния и его общественному восприятию [3]. Формальным ориентиром может служить отсутствие в санкции лишения свободы, однако автоматический перевод недопустим – из перечня должны исключаться посягательства на жизнь. Второй вектор, недооценённый в законопроектах, – криминализация наиболее опасных административных правонарушений, «тяготеющих» к преступным.

Именно этот путь представляется более корректным, поскольку он опирается на анализ реальной типовой опасности деяния – распространённости, потенциального вреда при систематическом пренебрежении правилами, посягательства на права собственников [1]. Данные

о масштабах административной практики по ст. 6.1.1 (побои) и ст. 7.27 (мелкое хищение) КоАП РФ подтверждают, что за формально административными деликтами скрывается значительный массив общественно опасного поведения [1]. Разграничительным критерием в такой модели должна выступать не отраслевая принадлежность санкции, а нормативно закреплённый сущностный признак: административное правонарушение охватывает нарушения правил в сфере государственного управления и исполнительной власти, тогда как проступок посягает на блага, традиционно охраняемые уголовным законом, но с минимальной степенью опасности [3].

Отдельно следует подчеркнуть условие, без соблюдения которого второй вектор превращается в фикцию. «Перенос» ответственности допустим лишь тогда, когда соответствующих инструментов достаточно для обеспечения правопорядка и восстановления нарушенных прав конкретного лица. Здесь критически важны два аспекта – процессуальная доказуемость средствами административной юстиции и полнота соблюдения прав привлекаемого лица [3]. Административный процесс не располагает тем арсеналом гарантий, который свойствен уголовному судопроизводству, а потому криминализация опасного деликта через категорию проступка способна не ослабить, а усилить защиту как потерпевшего, так и обвиняемого. Именно в этом, а не в статистической «разгрузке», состоит подлинная ценность реформы.

Механизм же освобождения от ответственности, предложенный Верховным Судом, в его нынешнем виде работает скорее на снижение нагрузки судов, нежели на интересы сторон, и порождает конкуренцию с нормами о примирении с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и деятельном раскаянии (ст. 75 УК РФ), причём императивность освобождения при проступке вступает в противоречие с диспозитивностью примирения [4]. Не решены и вопросы совокупности преступления и проступка (ст. 17, 69 УК РФ), а также соучастия – законопроект обходит их молчанием, что при идеальной совокупности деяний делает невозможным «прекращение уголовного дела наполовину» [4].

В качестве итога следует сформулировать вывод, вытекающий из проведённого анализа. Проблема категории уголовного проступка не сводится к доработке перечня – она коренится в отказе законодателя определить материальную сущность проступка и, как следствие, критерий его отграничения от административного правонарушения. Пока этот критерий не закреплён нормативно, реформа воспроизводит уже существующее де-факто размытие границ между тремя видами деликтов и создаёт простор для произвольной судебной дискреции. Разрешение проблемы возможно через двухвекторную модель, при которой перечень формируется не механическим отбором, а на основе закреплённого сущностного признака, с одновременным движением навстречу – от преступления к проступку через частичную декриминализацию и от административного правонарушения к проступку через криминализацию наиболее опасных деликтов [3]. Только такой подход позволяет достичь декларируемых целей гуманизации и объективизации статистики, не жертвуя при этом ни превентивной функцией уголовного закона, ни правами лиц, оказавшихся в орбите уголовной юстиции. В противном случае введение проступка рискует остаться терминологической новеллой, не снимающей, а лишь маскирующей глубинное противоречие отечественной системы деликтного права.

Литература

- Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть // Lex russica (Русский закон). 2014. № 12. С. 1399–1410.
- Головкин Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богуш Г., Есаков Г. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.
- Дайшутлов М.М. О категоризации преступных деяний по уголовному законодательству зарубежных стран // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 59–62.
- Звечаровский И.Э. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 43–44.
- Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2021 г. и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2022.
- Коробеев А.И., Ширшов А.А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68–72.
- Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. С. 80–84.

CATEGORY OF CRIMINAL MISCONDUCT IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: PROBLEMS OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION AND DISTINCTION FROM ADMINISTRATIVE OFFENCE

Balashov E.A.

The paper addresses one of the most contested issues of contemporary Russian criminal policy – the introduction of the category of criminal misconduct (misdemeanor) and the correlated task of delimiting it from an administrative offence. The author proceeds from the premise that the draft laws of the Supreme Court of the Russian Federation of 2018 and 2021 failed to advance a substantive (material) definition of misconduct, confining themselves to an enumerative technique of construction, which renders it impossible to derive criteria for classifying an act within this category. Principal attention is devoted to substantiating the thesis that the genuine obstacle to institutionalising misconduct lies not in its relation to crime but in the absence of a stable criterion distinguishing it from an administrative delict, since social danger as such is inherent in a number of administrative offences, while the sanctions of the Administrative Offences Code are at times harsher than criminal ones. The author argues for abandoning the purely enumerative approach in favour of a two-vector model of forming the list of misconducts (decriminalisation of certain crimes coupled with the criminalisation of the most dangerous administrative offences, accompanied by the codification of a material distinguishing criterion). It is concluded that,

absent the normative fixation of the essential feature of misconduct, the reform generates a risk of conflating the three types of delicts and of arbitrary judicial discretion.

Keywords: misconduct, crime, offence, social danger, categorisation, criminalisation, decriminalisation, criminal record, differentiation, prejudice.

References

1. Golik Yu.V., Korobeev A.I. Reform of Russian criminal legislation: to be or not to be // *Lex russica* (Russian law). 2014. No. 12. pp. 1399–1410.
2. Golovko L., Korobeev A., Lopashenko N., Pashin S., Reznik G., Bogush G., Yesakov G. Administrative prejudice in criminal law: the case of Ildar Dadin. 2017. No. 2. pp. 21–29.
3. Daishutov M.M. On the categorization of criminal acts under the criminal legislation of foreign countries // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. No. 12. pp. 59–62.
4. Zvecharovsky I.E. The category of “criminal misconduct” in the context of the liberalization of Russia's criminal policy // *Criminal Law*. 2017. No. 4. pp. 43–44.
5. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2021 and the expected trends in its development: an analytical review. Moscow: FGKU VNII MIA of Russia, 2022.
6. Korobeev A.I., Shirshov A.A. Criminal misconduct through the prism of the institute of administrative prejudice: good or evil? // *Criminal law*. 2017. No. 4. pp. 68–72.
7. Kruglikov L.L., Lapshin V.F. On the consequences of including the category “criminal offense” in the Russian criminal law // *Criminal Law*. 2017. No. 4. pp. 80–84.

Адвокатская тайна как гарантия права на защиту: пределы допустимого вмешательства в профессиональную деятельность адвоката

Годунов Артем Иванович,

бакалавр права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: aigodunov@edu.hse.ru

В статье рассматривается адвокатская тайна как самостоятельная гарантия права доверителя на защиту и получение квалифицированной юридической помощи. Проблема раскрывается через ситуации, в которых вмешательство государства в профессиональную деятельность адвоката может привести к получению сведений, связанных с оказанием юридической помощи: допрос адвоката, обыск, осмотр, выемка, доступ к адвокатскому производству, переписка и электронным носителям. На основе норм Конституции РФ, законодательства об адвокатуре, уголовно-процессуального закона, правовых позиций Конституционного Суда РФ, актов Федеральной палаты адвокатов РФ и научных публикаций обосновывается вывод о том, что адвокатская тайна защищает прежде всего доверителя, а не профессиональный комфорт адвоката. Предлагается система критериев допустимости вмешательства: наличие законного основания, судебный контроль, предметная конкретизация, защита сведений по иным доверителям, сохранение конфиденциальности при фиксации следственного действия, участие представителя адвокатской палаты, проверяемость, соразмерность и недопустимость давления на адвоката. Практическое значение статьи состоит в возможности использовать эти критерии при оценке законности следственных действий и допустимости полученных материалов. Исследование ориентировано на уголовно-процессуальную практику и защиту доверительного характера юридической помощи.

Ключевые слова: адвокатская тайна; право на защиту; квалифицированная юридическая помощь; свидетельский иммунитет; судебный контроль; обыск у адвоката; адвокатское производство; независимость адвоката; электронные носители; следственные действия; пределы вмешательства.

Введение

Право на защиту имеет практический смысл только тогда, когда человек может говорить с адвокатом без страха, что его объяснения, документы или стратегия защиты окажутся у процессуального противника. Именно поэтому адвокатская тайна не сводится к внутреннему правилу профессии. Она работает как юридическая оболочка доверия между доверителем и защитником. Без этой оболочки консультация превращается в рискованное признание, а помощь адвоката – в услугу с постоянно включенным диктофоном у государства. Конституционная основа такого подхода связана со ст. 23, 46 и 48 Конституции РФ, закрепляющими неприкосновенность частной жизни, право на судебную защиту и право на квалифицированную юридическую помощь.

В законе об адвокатуре выбран широкий способ описания охраняемой информации: решающим является не вид документа или способ общения, а связь сведений с юридической помощью. Это означает, что тайна может охватывать и устную консультацию, и переписку, и адвокатское производство, и сведения о самом факте обращения. В уголовном процессе эта охрана дополняется свидетельским иммунитетом адвоката, а также специальными правилами о следственных действиях в отношении адвоката.

Однако сам по себе статус адвоката не должен превращаться в недостижимый для расследования «защитный купол». Возможна ситуация, когда адвокат подозревается в преступлении или когда в используемом им помещении находятся предметы, имеющие самостоятельное доказательственное значение. Вопрос поэтому не в том, можно ли государству прикасаться к сфере адвокатской деятельности вообще. Вопрос в другом: какие процессуальные фильтры должны стоять между законным расследованием и незаконным получением материалов защиты.

Цель настоящей статьи – сформулировать критерии допустимого вмешательства в профессиональную деятельность адвоката. Для этого необходимо показать содержание адвокатской тайны, ее связь с правом на защиту, проанализировать допрос адвоката и следственные действия с доступом к адвокатскому производству, а затем предложить авторскую модель оценки таких ситуаций. Методологическую основу составляют формально-юридический анализ, сопоставление научных позиций и анализ судебной практики, прямо связанной с темой.

Адвокатская тайна: не привилегия адвоката, а гарантия доверителя

Профессиональная тайна адвоката имеет особую природу. Внешне она выглядит как обязанность адвоката молчать и как запрет для следствия требовать определенные сведения. Но по содержанию это прежде всего право доверителя на безопасное обращение за юридической помощью. Если защищать только адвоката как носителя профессии, то смысл института сужается. Если же исходить из интереса доверителя, становится понятно, почему охране подлежат не только признания или объяснения по делу, но и документы, переписка, правовые советы, сведения о приглашении и другие элементы коммуникации.

Кодекс профессиональной этики адвоката описывает профессиональную тайну через доверие: без уверенности в сохранении конфиденциальности невозможны нормальные отношения адвоката и доверителя. В этом подходе важно не буквальное перечисление защищаемых сведений, а идея полного охвата профессионального общения. Доверитель не обязан заранее делить информацию на «важную» и «неважную», потому что юридическое значение факта часто становится понятным только после анализа адвоката.

В научной литературе можно выделить два близких, но не полностью совпадающих акцента. А.В. Кожев подчеркивает публично-правовой характер конфиденциальности: она нужна не только конкретному клиенту, но и правосудию, поскольку без нее адвокат не способен выполнять роль независимого советника [1, с. 85–86]. К.Ж. Абовян делает акцент на конфиденциальности общения, хранения информации и запрете требовать сведения у адвоката третьими лицами [2, с. 86–90]. Эти позиции не спорят друг с другом, а показывают разные стороны одного режима: доверитель защищен и в момент разговора с адвокатом, и после того, как информация оказалась в адвокатском досье.

Е.М. Касаткина рассматривает адвокатскую тайну как конституционно-правовую категорию, связывая ее с правом на квалифицированную юридическую помощь и запретом необоснованного допроса адвоката [3, с. 49–51]. Такой подход представляется более убедительным, чем узкое понимание тайны как разновидности корпоративной дисциплины. Нарушение тайны действительно может повлечь последствия для адвоката, но первоначальный вред причиняется доверителю: его позиция раскрывается, процессуальное равновесие меняется, а сама защита теряет самостоятельность.

Корпоративные документы адвокатуры также исходят из широкого понимания тайны. В Рекомендациях Совета ФПА РФ по обеспечению адвокатской тайны прямо раскрывается значение адвокатского производства, условий соглашения, расчетов и иных сведений, связанных с оказанием юридической помощи [8]. Это важно для практики: защита должна охватывать не только «содержание консультации», но и внешние данные, которые позволяют восстановить факт обращения, предмет поручения или линию защиты.

Отсюда следует первый принцип статьи: адвокатская тайна охраняет не молчание адвоката как таковое, а доверительный канал между доверителем и защитником. Поэтому вмешательство должно оцениваться не только по тому, были ли нарушены профессиональные права адвоката, но и по тому, привело ли действие государства к риску раскрытия сведений доверителя. Иначе проверка законности становится слишком формальной: следователь может действовать «по отношению к адвокату», а фактически получать информацию против доверителя.

Вместе с тем адвокатская тайна не должна использоваться как универсальный способ скрыть преступление. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17.12.2015 № 33-П указал, что гарантии конфиденциальности относятся к отношениям по оказанию юридической помощи, но не превращают орудия преступления и иные предметы с самостоятельным доказательственным значением в неприкосновенные объекты только потому, что они оказались у адвоката. Этот вывод задает необходимый баланс: закон защищает профессиональную функцию адвоката, но не создает иммунитет для противоправных действий.

Допрос адвоката и граница свидетельского иммунитета

Допрос адвоката является одной из самых опасных форм вмешательства, хотя внешне он выглядит мягче обыска. При допросе не вскрывается шкаф, не копируется ноутбук и не изымается папка. Но следователь получает возможность превратить адвоката в источник сведений о доверителе, ходе защиты, поведении на следственном действии и обстоятельствах общения. Именно поэтому свидетельский иммунитет нельзя рассматривать как техническую льготу. Он нужен для того, чтобы адвокат не оказался дополнительным доказательственным инструментом обвинения.

Закон об адвокатуре и УПК РФ запрещают допрос адвоката по обстоятельствам, которые стали ему известны из-за обращения за юридической помощью или в процессе ее оказания. Е.В. Рябцева справедливо связывает такой запрет с независимостью адвоката и указывает, что тайна не ограничивается моментом допуска адвоката к конкретному уголовному делу [4, с. 158–161]. Иными словами, если сведения получены адвокатом в профессиональном качестве, их защита не исчезает только потому, что позже изменился процессуальный этап или формат участия адвоката.

Практика Конституционного Суда РФ позволяет точнее определить предел этого запрета. В Определении от 06.03.2003 № 108-О Суд исходил из того, что свидетельский иммунитет служит интересам обвиняемого и не препятствует допросу адвоката, когда сам адвокат и подзащитный заинтересованы в раскрытии соответствующих сведений. Значит, иммунитет не должен использоваться против доверителя. Если сторона защиты сама считает показания адвоката способом подтвердить нарушение права на защиту или иное обстоятельство, закон не должен искусственно закрывать ей такой путь.

Иная ситуация возникает, когда инициатива исходит от обвинения. В Определении от 16.07.2009 № 970-О-О Конституционный Суд РФ допустил вопросы адвокату о возможных нарушениях уголовно-процессуального закона, но отделил такие вопросы от информации, конфиденциально доверенной адвокату в связи с профессиональной деятельностью. Эта формула выглядит разумной, но ее применение требует осторожности. В реальном допросе вопрос о «процедуре» легко перетекает в вопрос о содержании общения с доверителем, о его реакции, пояснениях и выбранной линии защиты.

Д.Б. Подоприхин критикует практику, при которой адвокат фактически используется для подтверждения законности действий следствия и опровержения доводов своего бывшего доверителя [5, с. 111–

116]. Эта критика важна, потому что показывает скрытую проблему: адвокат в такой конструкции перестает быть участником защиты и становится свидетелем процессуальной добросовестности обвинения. Для доверителя это выглядит как подмена роли защитника, а для адвокатуры – как удар по доверию к самой профессии.

В научной статье Н.С. Мановой обращается внимание на то, что практика допросов адвокатов получила развитие после позиции Верховного Суда РФ по делу № 41-004–22сп, где не было признано нарушение при допросе адвоката об обстоятельствах следственного действия [6, с. 207]. Само по себе установление факта процессуального нарушения может быть законной задачей суда. Но из этого не следует, что адвокат свободно допрашивается по всему, что происходило рядом с доверителем. Необходима узкая рамка вопросов, заранее понятная суду, сторонам и самому адвокату.

Разъяснения Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам позволяють дополнительно подчеркнуть: раскрытие сведений, связанных с оказанием юридической помощи, не может оцениваться только как личное решение адвоката [9]. За таким раскрытием всегда стоит интерес доверителя и доверие к институту защиты. Поэтому процессуальное решение о допросе адвоката должно проверяться не формально, а с учетом того, кому служит раскрытие информации – защите или обвинению.

Предлагаемый подход состоит в следующем. Допрос адвоката допустим только при одновременном соблюдении трех условий. Во-первых, он не должен иницироваться как способ добыть позицию защиты. Во-вторых, вопросы должны касаться внешней процессуальной стороны события, а не содержания юридической помощи. В-третьих, допрос в интересах доверителя возможен только при его согласии и при понятной процессуальной цели. Если хотя бы одно из этих условий отсутствует, допрос превращается из средства проверки нарушения в средство давления.

Обыск, осмотр, выемка и электронные носители

Обыск, осмотр и выемка создают иной уровень риска. При допросе адвокат еще может отказаться от ответа или указать на тайну. При доступе к помещению, архиву или компьютеру следствие получает материал напрямую. Кроме сведений по проверяемому делу, в поле зрения могут попасть документы по другим доверителям, черновики правовой позиции, переписка, договоры и финансовые сведения. Поэтому вмешательство такого типа требует более жесткой процессуальной рамки.

До специального регулирования в УПК РФ проблема во многом решалась через общие нормы о судебном контроле и позиции Конституционного Суда РФ. В Определении от 08.11.2005 № 439-О Суд уже связывал конфиденциальность юридической помощи с гарантиями ст. 48 Конституции РФ и указывал на необходимость защиты информации, получаемой адвокатом при оказании помощи. Позднее Постановление № 33-П сделало эту позицию более предметной применительно к обыскам в помещениях, используемых для адвокатской деятельности.

В Постановлении № 33-П Конституционный Суд РФ указал, что судебное решение должно не абстрактно разрешать обыск, а раскрывать основания и конкретные объекты поиска. Это принципиально: если суд ограничивается общей формулой, следователь получает возможность искать все подряд, а затем выбирать полезное. Для адвокатского производства такой подход особенно опасен, потому что поиск «всего относящегося к делу» почти неизбежно означает просмотр сведений, которые не должны попадать к обвинению.

Статья 450.1 УПК РФ сейчас устанавливает специальный порядок обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката, включая судебное решение, конкретизацию искомых объектов и участие представителя адвокатской палаты. В этой норме важна не только процедура, но и логика ограничения: следственное действие должно быть направлено на заранее определенный предмет, а не на разведку адвокатского архива. Поэтому судебный контроль в таких ситуациях обязан быть содержательным, а не канцелярским.

Дополнительная гарантия связана с доказательственным значением материалов адвокатского производства. УПК РФ предусматривает, что сведения, предметы и документы, входящие в производство адвоката, не могут использоваться как доказательства, кроме объектов, имеющих самостоятельное значение для установления обстоятельств уголовного дела. В этой формуле виден тот же баланс: адвокатское дело не должно становиться доказательственной базой обвинения, но предметы, не являющиеся собственно продуктом юридической помощи, не получают автоматической защиты.

Н.С. Манова обращает внимание, что адвокатская тайна не распространяется на орудия преступления, предметы со следами преступления и иные объекты, которые могут иметь самостоятельное доказательственное значение [6, с. 205–206]. Этот тезис нельзя понимать расширительно. Он не дает следствию права сначала забрать весь мас-

сив документов, а потом решить, что именно «может пригодиться». Наоборот, исключение должно работать точно: сначала конкретизация, потом действие, затем проверяемое изъятие только того, что соответствует судебному разрешению.

Особое место занимают электронные носители. М.И. Коган показывает, что цифровизация изменила и форму коммуникации адвоката с доверителем, и способы хранения адвокатского досье: электронная почта, мессенджеры, телефон, ноутбук и облачные сервисы стали обычной частью профессиональной работы [7, с. 218–223]. Поэтому изъятие телефона адвоката может быть более чувствительным, чем изъятие одной папки: в одном устройстве могут находиться десятки производств, переписка с доверителями, файлы и резервные копии.

Для электронных носителей нужен отдельный практический фильтр. В судебном решении и протоколе должно быть понятно, какие данные ищутся, почему их нельзя получить менее вмешивающимся способом и как исключается доступ к сведениям по другим доверителям. Копирование всего устройства «на всякий случай» плохо совместимо с идеей адвокатской тайны. Если техническая обработка необходима, она должна сопровождаться запретом просмотра нерелевантных данных, участием представителя палаты и последующей проверяемостью действий специалиста.

Критерии допустимого вмешательства в профессиональную деятельность адвоката

Пределы вмешательства удобнее описывать не через общий лозунг о независимости адвокатуры, а через последовательный тест. Такой тест должен отвечать двум задачам. С одной стороны, он не должен блокировать расследование только потому, что фигурантом стал адвокат. С другой стороны, он должен исключать использование следственных действий как обходного пути к материалам защиты.

Первый критерий – наличие законного основания. Действие в отношении адвоката должно быть прямо предусмотрено законом и связано с конкретной процессуальной задачей. Общий интерес к адвокату, конфликт со следствием или желание проверить его связи с доверителями не могут считаться основанием. В этой части значение имеют гарантии независимости адвоката, закрепленные ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Второй критерий – судебный контроль. Судебное решение должно показывать, почему вмешательство необходимо, какие обстоятельства проверяются и какие объекты предполагается обнаружить. Если суд просто воспроизводит ходатайство следователя, контроль становится декоративным. Для обыска, осмотра и выемки у адвоката такая декоративность особенно опасна, потому что цена ошибки – раскрытие сведений доверителей.

Третий критерий – предметная конкретизация. В постановлении должны быть обозначены не только вид следственного действия и адрес, но и конкретные документы, предметы или данные, которые ищутся. Именно конкретизация отделяет расследование от рыбалки в адвокатском архиве. Чем шире формула судебного разрешения, тем выше риск, что действие будет использовано для изучения чужих адвокатских производств.

Четвертый критерий – запрет доступа к сведениям по иным доверителям. Это самостоятельное условие, а не техническая деталь. Адвокат почти всегда хранит материалы по нескольким делам, и вмешательство по одному эпизоду не должно открывать информацию по другим доверителям. Поэтому порядок осмотра, копирования и изъятия должен быть организован так, чтобы нерелевантные сведения не попадали в распоряжение следствия.

Пятый критерий – сохранение тайны при фиксации следственного действия. Опасность создают не только изъятие и чтение документов, но и фотографирование, видеозапись, переписывание реквизитов, копирование электронных файлов. Запрет фиксации материалов адвокатского производства в части, составляющей тайну, является важной гарантией, вытекающей из позиции Конституционного Суда РФ и специального регулирования УПК РФ.

Шестой критерий – участие представителя адвокатской палаты там, где оно предусмотрено законом. Такое участие не должно превращаться в формальное присутствие человека «для протокола». Представитель палаты нужен для того, чтобы заявлять возражения, фиксировать выход следствия за пределы разрешения, обращать внимание на адвокатскую тайну и обеспечивать последующую проверку спорных действий.

Седьмой критерий – проверяемость. После вмешательства должно быть возможно восстановить, кто, когда и к каким материалам получил доступ, какие сведения были просмотрены, какие носители копировались, какие возражения заявлялись. Без такой следовой картины

защита не сможет эффективно оспорить нарушение. Проверяемость важна и для суда: иначе оценка законности сводится к доверию протоколу, составленному тем же органом, который проводил действие.

Восьмой критерий – соразмерность. Даже при наличии законного основания и судебного решения следует выбирать способ, который меньше затрагивает адвокатскую тайну. Иногда достаточно истребовать конкретный документ, а не проводить обыск. Иногда можно осмотреть отдельный файл, а не копировать весь компьютер. Соразмерность требует сравнивать цель расследования и глубину вторжения в профессиональную сферу адвоката.

Девятый критерий – недопустимость давления на адвоката. Вмешательство становится неправомерным, если его фактическая цель состоит не в получении конкретного доказательства, а в осложнении работы защиты, создании конфликта интересов, дискредитации адвоката или склонении его к отказу от активной позиции. А.В. Быков и А.А. Токмаков обоснованно указывают на недостаточность реальных механизмов защиты адвоката от вмешательства в профессиональную деятельность [10, с. 68–71]. Для рассматриваемой темы это означает, что нарушение адвокатской тайны нужно видеть не изолированно, а как часть более широкой проблемы независимости защиты.

Предложенные критерии должны применяться именно в совокупности. Законное основание без конкретизации не спасает действие от произвольности. Судебное решение без защиты сведений по другим доверителям не обеспечивает тайну. Участие представителя палаты без реальной возможности заявлять возражения превращается в имитацию гарантии. Поэтому допустимость вмешательства нужно оценивать не по одному формальному признаку, а по тому, была ли сохранена функция адвокатской тайны – защита доверителя от необоснованного раскрытия информации.

Заключение

Адвокатская тайна является самостоятельной гарантией права на защиту. Ее смысл состоит не в создании профессиональной привилегии для адвоката, а в обеспечении доверительного пространства, без которого квалифицированная юридическая помощь не может быть полноценной. Поэтому нарушение тайны затрагивает не только статус адвоката, но и права доверителя, а через них – состоятельность и справедливость процесса.

Государство вправе расследовать преступления, в том числе при наличии оснований для действий в отношении адвоката. Но это право ограничено законом, судебным контролем, конкретизацией предмета вмешательства и обязанностью не затрагивать сведения, не относящиеся к цели расследования. Особенно осторожно должны оцениваться допросы адвоката, обыски, выемки и доступ к электронным носителям, поскольку именно эти действия чаще всего создают риск раскрытия адвокатского производства.

Авторский подход состоит в применении системы критериев допустимости вмешательства: законное основание, судебный контроль, предметная конкретизация, защита сведений по другим доверителям, сохранение тайны при фиксации, участие представителя адвокатской палаты, проверяемость, соразмерность и отсутствие давления на адвоката. Такая система не отменяет полномочия следствия, но заставляет использовать их точно. В этом и состоит баланс: расследование не должно быть остановлено адвокатским статусом, но и право на защиту не должно растворяться в интересах удобного доказывания.

Нормативные правовые акты и судебная практика

– Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 30.06.2026).

– Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

– Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

– Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003; ред. от 18.04.2025 // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rr/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 30.06.2026).

– Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой

граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // Официальный интернет-портал правовой информации. 21.12.2015. № 0001201512210018.

– Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородин, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

– Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

– Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 970-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

– Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.03.2004 № 41-004-22сп // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

Литература

1. Кожев А.В. Актуальные вопросы правового регулирования режима адвокатской тайны в Российской Федерации на современном этапе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 85–91.
2. Абовян К.Ж. Понятие и правовая природа конфиденциальности в деятельности адвоката-защитника // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 86–90.
3. Касаткина Е.М. Адвокатская тайна как конституционно-правовая категория // Закон и право. 2021. № 6. С. 49–51.
4. Рябцева Е.В. Адвокатская тайна – основа независимости адвоката // Вестник ОГУ. 2013. № 3 (152). С. 158–161.
5. Подоприхин Д.Б. Актуальные проблемы института адвокатской тайны // Вестник ЮрГУ. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 2. С. 111–116.
6. Манова Н.С. Адвокатская тайна в уголовном судопроизводстве: проблемы обеспечения и реализации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 203–210.
7. Коган М.И. Обеспечение сохранения адвокатской тайны при использовании адвокатом современных технологий и электронных устройств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 218–223.
8. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности: утв. решением Совета ФПА РФ от 30.11.2009 (протокол № 3), с изм. от 28.09.2016, 05.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/recommendations-to-ensure-attorney-client-privilege-and-guarantees-the-independence-of-the-lawyer-in/> (дата обращения: 30.06.2026).
9. Комиссия Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам. Разъяснение по вопросу предания адвокатом огласке сведений о преступлениях или иных правонарушениях от 28.06.2017 № 07/17: утв. решением Совета ФПА РФ от 28.06.2017 (протокол № 4) [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/the-explanation-of-the-commission-of-the-federal-chamber-of-ethics-and-standards-7/> (дата обращения: 30.06.2026).
10. Быков А.В., Токмаков А.А. Уголовно-правовая защита адвоката: необходимы новации // Евразийская адвокатура. 2017. № 1 (26). С. 68–71.

ATTORNEY-CLIENT PRIVILEGE AS A GUARANTEE OF THE RIGHT TO DEFENSE: LIMITS OF PERMISSIBLE INTERFERENCE IN ATTORNEY'S PROFESSIONAL ACTIVITY

Godunov A.I.

National Research University Higher School of Economics

The article examines attorney-client privilege as an independent guarantee of the client's right to defense and qualified legal assistance. The issue is analyzed through situations in which state interference in an attorney's professional activity may result in disclosure of information connected with legal assistance: interrogation of an attorney, search, inspection, seizure, access to attorney files, correspondence and electronic media. Relying on the Constitution of the Russian Federation, legislation on advocacy, criminal procedure rules, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, acts of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation and scholarly publications, the article argues that attorney-client privilege primarily protects the client rather than the attorney as a professional actor. The author proposes a system of criteria for permissible interference: lawful grounds, judicial control, subject-matter specificity, protection of information concerning other clients, preservation of confidentiality during recording of investigative actions, participation of a bar association representative, verifiability, proportionality and inadmissibility of pressure on the attorney. The practical value of the article lies in applying these criteria to assess the legality of investigative actions and the admissibility of obtained materials.

Keywords: attorney-client privilege; right to defense; qualified legal assistance; testimonial immunity; judicial control; search of attorney's office; attorney records; attorney independence; electronic media; investigative actions; limits of interference.

References

1. Kozhev A.V. Aktualnye voprosy pravovogo regulirovaniya rezhima advokatskoy tayny v Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape [Current issues of legal regulation of attorney-client privilege in the Russian Federation at the present stage]. Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki, 2013, No. 2, Pp. 85–91. (In Russian).
2. Abovyan K. Zh. Ponyatie i pravovaya priroda konfidentsialnosti v deyatel'nosti advokata-zashchitnika [The concept and legal nature of confidentiality in the activity of a defense attorney]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo, 2015, Vol. 25, iss. 2, Pp. 86–90. (In Russian).
3. Kasatkina E.M. Advokatskaya tayna kak konstitutsionno-pravovaya kategoriya [Attorney-client privilege as a constitutional legal category]. Zakon i pravo, 2021, No. 6, Pp. 49–51. (In Russian).
4. Ryabtseva E.V. Advokatskaya tayna – osnova nezavisimosti advokata [Attorney-client privilege as the basis of attorney independence]. Vestnik OGU, 2013, No. 3 (152), Pp. 158–161. (In Russian).
5. Podoprikhin D.B. Aktualnye problemy instituta advokatskoy tayny [Current problems of the institution of attorney-client privilege]. Vestnik YuUrG U. Seriya: Pravo, 2017, Vol. 17, No. 2, Pp. 111–116. (In Russian).
6. Manova N.S. Advokatskaya tayna v ugovnom sudoproizvodstve: problemy obespecheniya i realizatsii [Attorney-client privilege in criminal proceedings: problems of provision and implementation]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2018, No. 2 (42), Pp. 203–210. (In Russian).
7. Kogan M.I. Obespechenie sokhraneniya advokatskoy tayny pri ispolzovanii advokatom sovremennykh tekhnologiy i elektronnykh devaysov [Maintaining attorney-client privilege while using modern technologies and electronic devices]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2020, No. 11 (75), Pp. 218–223. (In Russian).
8. Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. Rekomendatsii po obespecheniyu advokatskoy tayny i garantii nezavisimosti advokata pri osushchestvlenii advokatami professional'noy deyatel'nosti [Recommendations on ensuring attorney-client privilege and guarantees of attorney independence]. Available at: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/recommendations-to-ensure-attorney-client-privilege-and-guarantees-the-independence-of-the-lawyer-in/> (accessed 30.06.2026). (In Russian).
9. Commission of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation on Ethics and Standards. Razyasnenie po voprosu predaniya advokatom oglaske svedeniy o prestupleniyakh ili inyykh pravonarusheniyakh ot 28.06.2017 No. 07/17 [Clarification on disclosure by an attorney of information about crimes or other offenses]. Available at: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/the-explanation-of-the-commission-of-the-federal-chamber-of-ethics-and-standards-7/> (accessed 30.06.2026). (In Russian).
10. Bykov A.V., Tokmakov A.A. Ugolovno-pravovaya zashchita advokata: neobkhodimy novatsii [Criminal legal protection of the attorney: innovations are needed]. Evraziyskaya advokatura, 2017, No. 1 (26), Pp. 68–71. (In Russian).

Модели криминализации деяний, совершаемых с использованием технологий глубинного синтеза: сравнительно-правовое исследование

Голоухов Алексей Андреевич,

студент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: goloukhov2003@mail.ru

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию подходов зарубежных законодателей к установлению уголовной ответственности за деяния, совершаемые с использованием технологий глубинного синтеза аудиовизуального контента (дипфейков). Предметом анализа выступают национальные модели криминализации как самостоятельный объект типологизации, а не как вспомогательный материал для оценки отечественного законодательства. На основе изучения нормативных актов и законопроектных материалов Федеративной Республики Германия, Великобритании, Австралии, Республики Корея, Китайской Народной Республики, Европейского союза и Соединённых Штатов Америки выделяются и содержательно раскрываются три базовые модели: модель универсального квалифицирующего признака, модель специального состава и регуляторно-уголовный гибрид. Впервые предложена система критериев, объясняющих выбор национальным законодателем той или иной модели: тип правовой традиции, конституционные пределы ограничения свободы выражения, институциональная ёмкость административного регулятора и острота социального запроса. Обосновывается вывод о том, что ни одна из моделей не обладает универсальной применимостью: эффективность каждой определяется соответствием перечисленным критериям в конкретном правовом порядке, а наиболее устойчивые решения демонстрируют правовые порядки, комбинирующие элементы нескольких моделей.

Ключевые слова: дипфейк; глубинный синтез; сравнительное правоведение; модели криминализации; уголовная ответственность; зарубежное уголовное право; синтетические медиа; свобода выражения.

Введение

Стремительное распространение технологий генеративного синтеза аудиовизуальных материалов поставило перед уголовно-правовыми системами большинства развитых государств однотипную задачу: определить, требует ли новый способ посягательства на охраняемые блага самостоятельного законодательного реагирования либо может быть охвачен адаптацией действующих норм. Ответы, данные национальными законодателями в период 2022–2026 гг., существенно различаются как по юридической технике, так и по степени репрессивности, что делает сравнительно-правовой материал исключительно продуктивным для доктринального осмысления. Вместе с тем в отечественной литературе зарубежный опыт противодействия дипфейк-преступлениям рассматривается преимущественно инструментально, как аргумент в пользу конкретных предложений по совершенствованию УК РФ, тогда как самостоятельная типологизация национальных моделей и выявление факторов, детерминирующих законодательный выбор, остаются за пределами исследовательского внимания. Настоящая статья восполняет указанный пробел: её предметом являются сами модели криминализации, взятые в их внутренней логике и институциональном контексте, а исследовательская задача состоит не в оценке пригодности отдельных решений для рецепции, а в построении объяснительной типологии, обладающей прогностическим потенциалом.

Отдельные аспекты проблематики получили освещение в доктрине: общая теория уголовно-правового противодействия цифровой преступности разработана Е.А. Русскевичем [2; 3], информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны исследована М.А. Ефремовой [1], а в германской литературе пределы применимости действующих составов к синтетическим материалам и конструкция проектируемого § 201b StGB подвергнуты детальному разбору Ф. Тайхманном [6] и Й. Хертляйном [4]. Вместе с тем в отечественных работах зарубежный материал привлекается фрагментарно и подчинён задачам национальной законопроектной аргументации, а в зарубежных исследованиях анализ замкнут на собственном правовом порядке. Цель настоящего исследования состоит в построении объяснительной типологии национальных моделей криминализации дипфейк-деяний и выявлении факторов, детерминирующих выбор конкретной модели национальным законодателем. Научная новизна работы заключается в том, что модели криминализации впервые рассматриваются как самостоятельный объект типологизации, а также во впервые предложённой системе из четырёх критериев, обладающей объяснительным и прогностическим потенциалом. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и формально-юридический методы, дополненные элементами функционального анализа, позволяющего сопоставлять не текстуально сходные нормы, а юридические решения однородной социальной проблемы. Функциональный подход представляется здесь единственно адекватным: буквальное сопоставление норм, принадлежащих различным правовым семьям, лишено смысла в силу несовпадения систематики уголовных законов, тогда как сопоставление функций (охрана достоинства, половой неприкосновенности, информационного доверия) обнаруживает подлинные сходства и различия законодательной политики. Эмпирическую базу образуют законодательные акты и официальные законопроектные материалы семи правовых порядков, отобранных по критерию наличия завершённых либо находящихся на продвинутой стадии законодательных инициатив, что обеспечивает репрезентативность выборки для целей типологизации.

Типология моделей и критерии её построения

Обобщение нормативного материала позволяет выделить три базовые модели уголовно-правового реагирования на деяния, совершаемые посредством технологий синтеза. Первая модель, которую допустимо именовать моделью универсального квалифицирующего признака, исходит из того, что технология синтеза представляет собой лишь способ совершения уже известных законодательству посягательств, повышающий их общественную опасность; соответственно, реагирование сводится к дополнению действующих составов квалифицирующим обстоятельством без конструирования новых запретов. Достоинством

такого подхода является системная экономность и соблюдение принципа *ultima ratio*; ограничением – неспособность охватить деяния, для которых в действующем законодательстве отсутствует базовый состав. Вторая модель, модель специального состава, напротив, основана на признании за дипфейк-деяниями самостоятельного качества общественной опасности, не сводимого к опасности базовых преступлений, и потому предполагает формулирование отдельной нормы с собственным предметом, объективной стороной и санкцией. Её достоинство состоит в полноте охраны, ограничение – в риске нарушения правовой определённости при недостаточно строгом описании предмета. Третья модель, регуляторно-уголовный гибрид, переносит центр тяжести на административно-правовое регулирование оборота генеративных технологий, включая обязательную маркировку синтетического контента и идентификацию пользователей, оставляя за уголовным правом функцию санкционного обеспечения регуляторных требований и реагирования на наиболее опасные эксцессы.

Предлагаемая типология является идеально-типической в веберовском смысле: ни один правовой порядок не реализует какую-либо модель в химически чистом виде, однако доминирующий вектор законодательной политики в каждом случае определим. Объяснительную силу типологии придаёт система из четырёх критериев, детерминирующих законодательный выбор. Первый критерий – тип правовой традиции: правовые порядки общего права тяготеют к поэтапному наращиванию точечных составов, тогда как континентальные системы предваряют криминализацию дискуссией о системном месте новой нормы и её соотношении с принципами кодификации. Второй критерий – конституционные пределы ограничения свободы выражения: чем строже конституционный контроль за содержательными ограничениями высказываний, тем уже формулируется предмет запрета и тем продолжительнее законопроектная стадия. Третий критерий – институциональная ёмкость административного регулятора: гибридная модель осуществима лишь при наличии развитой инфраструктуры контроля за цифровыми платформами, включая техническую возможность верификации маркировки и идентификации пользователей. Четвёртый критерий – острота социального запроса: масштаб виктимизации определяет как скорость законодательной реакции, так и степень репрессивности избираемых решений, вплоть до пересмотра традиционных для данного правового порядка границ криминализации. Проверка объяснительной способности перечисленных критериев осуществляется далее на материале конкретных правовых порядков.

Континентальная осторожность: германская дискуссия о специальном составе

Германский правовой порядок демонстрирует характерное для континентальной традиции сочетание признания регулятивного пробела с повышенной чувствительностью к рискам избыточной криминализации. Действующая норма § 201a Уголовного уложения ФРГ, охраняющая высокоперсональную жизненную сферу от несанкционированной фиксации, оказалась конструктивно неприменимой к синтетическим изображениям, поскольку её объективная сторона предполагает подлинную съёмку реального события; синтезированный контент, не фиксирующий действительности, выпадает из предмета охраны при формально безупречном тексте нормы. Реагируя на этот пробел, Бундесрат по инициативе Свободного государства Бавария одобрил 5 июля 2024 г. законопроект BR-Drucksache 222/24 о введении § 201b «Нарушение прав личности посредством цифровой фальсификации» и внёс его в Бундестаг (BT-Drucksache 20/12605); после досрочного прекращения полномочий парламента прежнего созыва проект повторно внесён 2 сентября 2025 г. (BT-Drucksache 21/1383) [7]. Предлагаемая конструкция предусматривает до двух лет лишения свободы по основному составу и до пяти лет в квалифицированных случаях, охватывающих публичное распространение и посягательства на высокоинтимную сферу, включая изображение сексуальных действий, с примечательным распространением охраны на умерших лиц, отражающим германскую доктрину посмертной защиты достоинства.

Показательна развернувшаяся вокруг проекта доктринальная полемика. Федеральная адвокатская палата предложила вместо введения нового состава расширить действующую § 201a при одновременном повышении порога уголовной ответственности, указав на риски сверхкриминализации и конституционные осложнения, связанные с абстрактностью признака «фальсификации» и потенциальным охватом сатирических и художественных произведений; аналогичные опасения относительно достаточности гарантий определённости и пределов охвата проектируемой нормы высказаны и в специальной литературе [4; 6]. Возражения такого рода не являются проявлением законодательной инертности: они отражают укоренённое в германской доктрине требование фрагментарности уголовного права, согласно кото-

рому криминализация допустима лишь в отношении чётко очерченного круга наиболее опасных деяний. Германский случай, таким образом, иллюстрирует совместное действие первого и второго из выделенных критериев: континентальная кодификационная традиция понуждает к разрешению вопроса о системном месте нормы до её принятия, а жёсткий конституционный контроль за содержательными ограничениями выражения требует максимальной определённости предмета запрета, что в совокупности замедляет переход от модели квалифицирующего признака к модели специального состава даже при консенсусе относительно наличия пробела.

Поэтапное наращивание запретов в правовых порядках общего права

Великобритания реализует стратегию последовательного расширения криминализации, при которой каждый следующий акт закрывает пробел, выявленный применением предыдущего. Законом о безопасности в сети 2023 г. (Online Safety Act 2023) [8] в Закон о половых преступлениях 2003 г. включена ст. 66B, с 31 января 2024 г. установившая ответственность за распространение и угрозу распространения интимных изображений идентифицируемого лица без его согласия, причём формулировка нормы прямо охватывает изображения, созданные или изменённые техническими средствами. Практика применения обнаружила ограниченность запрета, обращённого лишь к распространению: создание изображения, остающегося в распоряжении изготовителя, причиняет потерпевшему вред самим фактом существования контента и угрозой его утечки. Ответом стал Закон об использовании данных и доступе к ним 2025 г. (Data (Use and Access) Act 2025) [9], распространявший ответственность на само создание таких изображений безотносительно к распространению. Наконец, внесённый в парламент Закон о преступлениях и полицейской деятельности 2025 г. (Crime and Policing Bill) переносит запрет ещё на более раннюю стадию, предусматривая ответственность за изготовление и предоставление специализированных программных инструментов для генерации сфабрикованных интимных изображений. Тем самым британский законодатель движется по цепочке «распространение – создание – обеспечение средствами», последовательно охватывая всё более ранние стадии причинения вреда по мере выявления недостаточности предшествующего регулирования.

Австралийский подход концентрирует аналогичное содержание в едином акте: Поправочный акт к Уголовному кодексу о синтетических материалах сексуального характера 2024 г. (Criminal Code Amendment (Deepfake Sexual Material) Act 2024) [10] вводит самостоятельный состав создания и распространения таких материалов с использованием искусственного интеллекта, устанавливая до шести лет лишения свободы по основному составу и до семи лет при отягчающих обстоятельствах, к числу которых отнесены рецидив, повторность деяния и особая уязвимость потерпевшего. Опыт обоих правовых порядков подтверждает действие первого критерия типологии: традиция общего права с её казуистической юридической техникой благоприятствует точечным специальным составам, наращиваемым по мере выявления новых форм посягательств, и не требует предварительного разрешения вопроса о системном месте нормы, который парализует континентальную дискуссию.

Интенсивная репрессия как ответ на массовую виктимизацию: Республика Корея

Корейская модель представляет наиболее репрессивный вариант специального состава, объяснимый исключительной остротой социального запроса: в 2024 г. в стране зарегистрировано свыше восьмисот случаев распространения сексуальных дипфейков, значительная часть которых затрагивала несовершеннолетних как в качестве потерпевших, так и в качестве правонарушителей, что придало проблеме характер национального кризиса и вывело её в центр политической повестки [5]. Поправками сентября 2024 г. к Закону о специальных случаях наказания за половые преступления максимальная санкция за создание и распространение сексуальных дипфейков повышена с пяти до семи лет лишения свободы, причём ответственность наступает независимо от наличия цели распространения, что устраняет доказательственный барьер, ранее блокировавший преследование изготовителей. Принципиальная новелла состоит в криминализации потребления: хранение, приобретение и даже просмотр соответствующего контента влекут до трёх лет лишения свободы либо штраф до тридцати миллионов вон. Криминализация просмотра, беспрецедентная для развитых правовых порядков за пределами оборота материалов с участием несовершеннолетних, демонстрирует предельное значение четвёртого критерия: массовая виктимизация не только ускоряет законодательную реакцию, но и смещает границы криминализации в сторону, которую иные правовые порядки

считают конституционно недопустимой, поскольку запрет пассивного восприятия информации вступает в напряжение с фундаментальными гарантиями информационной свободы.

Регуляторно-уголовный гибрид: КНР и Европейский союз

Китайская Народная Республика реализует гибридную модель в наиболее завершённом виде. Положения об управлении услугами глубинного синтеза в информационных интернет-сервисах, принятые 25 ноября 2022 г. и вступившие в силу 10 января 2023 г. [13], возлагают на поставщиков соответствующих услуг триаду обязанностей: маркировку синтетического контента, регистрацию пользователей по реальной идентичности и блокирование генерации материалов, посягающих на охраняемые законом интересы. Уголовно-правовое обеспечение достигается применением общих норм УК КНР об оскорблении и клевете (ст. 246), нарушении неприкосновенности персональной информации граждан (ст. 253-А) и преступлениях в сфере компьютерной информации (ст. 287), что позволяет квалифицировать наиболее опасные деяния без конструирования специального состава. Центр тяжести противодействия, таким образом, смещён с репрессии на превенцию: обязательная маркировка и идентификация делают анонимное изготовление вредоносного контента технически затруднительным, а уголовная ответственность выполняет функцию крайнего средства. Работоспособность такой конструкции прямо обусловлена третьим критерием типологии – наличием развитой инфраструктуры административного контроля за цифровыми платформами, воспроизведение которой в правовых системах с иной регуляторной традицией и иным балансом публичных и частных интересов представляется затруднительным.

Европейский союз реализует усечённый вариант гибрида: Регламент 2024/1689 об искусственном интеллекте (AI Act) [12] устанавливает обязанность маркировки синтетического контента для поставщиков и развёртывателей систем, однако в силу ограниченности уголовно-правовой компетенции Союза оставляет санкционное обеспечение на усмотрение государств-членов. Возникающая асимметрия – единая регуляторная обязанность при разнородных национальных санкциях – порождает риск неравномерности защиты внутри единого цифрового рынка. Национальные акты ФРГ, Франции и Италии при этом сочетают элементы специального состава и квалифицирующего признака, что подтверждает тезис о комбинированном характере устойчивых решений и о невозможности функционирования маркировочной обязанности без национального уголовно-правового подкрепления.

От фрагментации к федеральной унификации: Соединённые Штаты Америки

Американский опыт иллюстрирует эволюционную траекторию внутри федеративной системы. К середине 2020-х гг. около тридцати штатов криминализировали распространение сексуальных дипфейков в несовпадающих конструкциях, различавшихся по предмету, признакам субъективной стороны и санкциям, что порождало неравенство защиты в зависимости от места совершения деяния и создавало возможности регуляторного арбитража. Подписанный 19 мая 2025 г. федеральный закон TAKE IT DOWN Act [11] внёс изменения в Закон о коммуникациях 1934 г., установив единую федеральную ответственность за умышленное опубликование интимных аудиовизуальных материалов и цифровых фальсификаций (digital forgeries) идентифицируемого лица без его согласия: до двух лет лишения свободы при совершеннолетнем потерпевшем и до трёх лет при несовершеннолетнем. Одновременно закон возложил на онлайн-платформы обязанность установления процедуры уведомления и удаления (notice-and-takedown) соответствующего контента в течение сорока восьми часов с момента получения уведомления, встроив в уголовно-правовую по преимуществу модель отчётливый регуляторный элемент. Первое осуждение по закону, состоявшееся в апреле 2026 г. в отношении лица, изготавливавшего материалы с участием совершеннолетних и несовершеннолетних потерпевших, подтвердило практическую применимость конструкции. Американская траектория показывает, что фрагментация, порождаемая федеративным устройством, преодолевается не выбором единственной модели, а надстраиванием федерального специального состава над разнородным региональным регулированием с одновременным заимствованием гибридных механизмов платформенной ответственности.

Объяснительная сила критериев и пределы конвергенции моделей

Сопоставление рассмотренных правовых систем подтверждает объяснительную способность предложенной системы критериев. Правовая традиция определяет юридическую технику реагирования: казуистическое

наращивание составов в правовых системах общего права противостоит системной дискуссии континентальных порядков, причём различие касается не итогового результата, а траектории его достижения и её продолжительности. Конституционные рамки свободы выражения задают ширину предмета запрета: спектр простирается от узких, многократно оговорённых конструкций германского проекта до корейской криминализации просмотра, немыслимой в правовых системах со строгим контролем содержательных ограничений. Институциональная ёмкость регулятора предопределяет доступность гибридной модели: китайская конструкция неотделима от инфраструктуры платформенного контроля, и её элементы заимствуются иными правовыми порядками лишь фрагментарно, в объёме, обеспеченном собственными регуляторными возможностями. Наконец, острота социального запроса объясняет как скорость реакции, так и степень репрессивности: корейский и американский случаи демонстрируют, что массовая виктимизация способна за короткий срок преодолеть и доктринальные возражения, и институциональную инерцию.

Из изложенного следует вывод о пределах конвергенции: несмотря на однотипность исходной проблемы, полная унификация национальных решений маловероятна, поскольку каждая модель укоренена в институциональном контексте, не поддающемся трансплантации. Вместе с тем наблюдается конвергенция второго порядка – устойчивая тенденция к комбинированию элементов различных моделей: британская и американская системы дополняют специальные составы регуляторными обязанностями платформ, европейская маркировочная обязанность обрастает национальными уголовными санкциями, а германский проект специального состава сохраняет параллельное действие общих норм. Для правовых систем, находящихся в стадии законодательного выбора, включая российский, значение имеет именно эта тенденция: продуктивен не перенос отдельно взятой модели, а конструирование национальной комбинации, соответствующей собственным значениям четырёх выделенных критериев – характеру кодификационной традиции, конституционным рамкам, регуляторным возможностям и реальному масштабу виктимизации.

Заключение

Проведённое исследование позволило выделить три базовые модели криминализации дипфейк-деяний – модель универсального квалифицирующего признака, модель специального состава и регуляторно-уголовный гибрид – и впервые предложить систему из четырёх критериев, объясняющих законодательный выбор: тип правовой традиции, конституционные пределы ограничения свободы выражения, институциональная ёмкость административного регулятора и острота социального запроса. Установлено, что ни одна из моделей не обладает универсальной применимостью, а наиболее устойчивые решения носят комбинированный характер, сочетая репрессивные и превентивные механизмы. Полученная типология обладает прогностическим потенциалом: она позволяет оценивать вероятную траекторию законодательного развития конкретного правового порядка и определять пределы заимствования иностранных решений. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются, во-первых, эмпирическая верификация предложенных критериев на расширенной выборке правовых систем по мере завершения текущих законопроектных процессов, во-вторых, изучение правоприменительной эффективности каждой модели на материале формирующейся судебной практики и, в-третьих, анализ применимости типологии к смежным технологическим угрозам, включая синтез голоса в режиме реального времени, для которых законодательная реакция ещё только формируется.

Литература

1. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 312 с.
2. Русскевич Е.А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 73–80.
3. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 352 с.
4. Härtlein J. Täuschend echt, strafrechtlich relevant? Zur Regulierung von Deepfakes vor dem Hintergrund des § 201b StGB-E // KriPoZ – Kriminalpolitische Zeitschrift. 2025. № 6. S. 387–395.
5. Smith G., Brake J. South Korea Confronts a Deepfake Crisis // East Asia Forum. 2024. 19 November.
6. Teichmann F. Strafrechtlicher Persönlichkeitsschutz vor Deepfakes // KriPoZ – Kriminalpolitische Zeitschrift. 2025. № 6. S. 376–386.
7. Entwurf eines Gesetzes zum strafrechtlichen Schutz von Persönlichkeitsrechten vor Deepfakes: BT-Drucksache 21/1383 vom 02.09.2025 (первоначально BT-Drucksache 20/12605 vom 10.09.2024).
8. Online Safety Act 2023 (UK), c. 50.

9. Data (Use and Access) Act 2025 (UK).
10. Criminal Code Amendment (Deepfake Sexual Material) Act 2024 (Cth, Australia).
11. TAKE IT DOWN Act: Public Law 119–12 of May 19, 2025 (USA).
12. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 (Artificial Intelligence Act) // OJ L, 2024/1689.
13. 互联网信息服务深度合成管理规定 [Положения об управлении услугами глубинного синтеза в информационных интернет-сервисах]: приняты 25.11.2022, вступили в силу 10.01.2023 (KHP).

MODELS OF CRIMINALISATION OF ACTS COMMITTED WITH THE USE OF DEEP SYNTHESIS TECHNOLOGIES: A COMPARATIVE LEGAL STUDY

Goloukhov A.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article presents a comparative legal study of foreign legislative approaches to establishing criminal liability for acts committed with the use of deep synthesis technologies (deepfakes). National criminalisation models are examined as an independent object of typology rather than as auxiliary material for assessing Russian legislation. Drawing on statutes and draft legislation of Germany, the United Kingdom, Australia, the Republic of Korea, the People's Republic of China, the European Union and the United States, the author identifies three basic models: the universal aggravating element model, the special offence model and the regulatory-criminal hybrid. A system of criteria explaining the national legislator's choice of a particular model is proposed for the first time: the type of legal tradition, constitutional limits on restricting freedom of expression, the institutional capacity of the administrative regulator and the intensity of social demand. The article substantiates the conclusion that none of the models is universally applicable: the effectiveness of each is determined by its correspondence to the listed criteria within a particular legal order, while

the most sustainable solutions are demonstrated by jurisdictions combining elements of several models.

Keywords: deepfake; deep synthesis; comparative law; criminalisation models; criminal liability; foreign criminal law; synthetic media; freedom of expression.

References

1. Efremova M.A. Criminal-legal protection of information security: monograph. Moscow: YurLitinform, 2018. 312 p.
2. Russkevich E.A. Criminal law and informatization // Journal of Russian Law. 2017. No. 8. pp. 73–80.
3. Russkevich E.A. Criminal law and "digital crime": problems and solutions: monograph. Moscow: INFRA-M, 2022. 352 p.
4. Härtlein J. Are you sure that it is relevant? To regulate deepfakes against the background of § 201b StGB-E // KriPoZ – Criminal Policy Journal. 2025. No. 6. S. 387–395.
5. Smith G., Brake J. South Korea Confronts a Deepfake Crisis // East Asia Forum. 2024. 19 November.
6. Teichmann F. Strafrechtlicher Persönlichkeitsschutz vor Deepfakes // KriPoZ – Kriminalpolitische Zeitschrift. 2025. No. 6. S. 376–386.
7. Entwurf eines Gesetzes zum strafrechtlichen Schutz von Persönlichkeitsrechten vor Deepfakes: BT-Drucksache 21/1383 vom 02.09.2025 (originally BT-Drucksache 20/12605 vom 10.09.2024).
8. Online Safety Act 2023 (UK), c. 50.
9. Data (Use and Access) Act 2025 (UK).
10. Criminal Code Amendment (Deepfake Sexual Material) Act 2024 (Cth, Australia).
11. TAKE IT DOWN Act: Public Law 119–12 of May 19, 2025 (USA).
12. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 (Artificial Intelligence Act) // OJ L, 2024/1689.
13. Provisions on the governance of deep synthesis services in online information services [Regulations on the governance of deep synthesis services in online information services]: adopted on 25 November 2022, entered into force on 10 January 2023 (PRC).

Процессуальные фильтры допуска доказательственной информации к восприятию коллегии присяжных заседателей: понятие, назначение и система

Дубровцев Сергей Андреевич,

адвокат Хабаровской краевой коллегии адвокатов

E-mail: dsanot@inbox.ru

В статье обосновывается авторский подход к допустимости, относимости и предупреждению предубеждающего воздействия в суде присяжных как к системе предварительного допуска доказательственной информации. Предлагается отказаться от восприятия этих правил как набора разрозненных запретов. Их общий смысл состоит в том, чтобы еще до постановления вердикта определить, какие сведения вправе стать частью информационной основы решения присяжных. Процессуальный фильтр рассматривается как механизм отделения фактического содержания доказательства от споров о его получении, правовой оценки, процессуальной истории дела и сведений о личности участников, способных заранее настроить коллегию на определенное отношение к делу. На основе практики Верховного Суда Российской Федерации показано, что нарушение таких фильтров влияет не только на ход судебного следствия, но и на устойчивость приговора, постановленного на основании вердикта.

Ключевые слова: уголовный процесс; суд присяжных; присяжные заседатели; доказательственная информация; допустимость доказательств; относимость доказательств; предубеждающее воздействие; председательствующий судья; вердикт.

Введение

Суд присяжных построен на постоянном разделении двух плоскостей судебного познания. В одной плоскости председательствующий решает правовые и процедурные вопросы: допустимость доказательств, пределы исследования, последствия ходатайств, содержание напутственного слова, квалификацию содеянного. В другой плоскости коллегия присяжных отвечает на фактические вопросы, включенные в вопросный лист.

Это разделение не удерживается само по себе. Оно сохраняется только тогда, когда суд контролирует не только очередность исследования доказательств, но и содержание информации, которая попадает к присяжным. Для профессионального судьи спор о допустимости, данные о процессуальной истории доказательства или сведения о личности участника могут быть отделены от факта, подлежащего установлению. Для коллегии такой материал звучит в одном информационном ряду с доказательствами и потому может войти в общее впечатление о деле.

Статья 334 УПК РФ очерчивает предмет работы присяжных через вопросы о доказанности события деяния, совершении его подсудимым, виновности и, при положительном ответе, о снисхождении. Из этого следует простой, но часто нарушаемый вывод: присяжные не должны воспринимать всю историю уголовного дела. Они должны работать с фактическим материалом, необходимым для ответа на вопросы вердикта.

Коллегия присяжных воспринимает доказательственную информацию без того профессионального процессуального опыта, который позволяет судье отделять юридически значимые сведения от информации, не подлежащей учету при разрешении дела. В этом нет упрека присяжным. Наоборот, именно этим объясняется особая обязанность суда заранее удерживать судебное следствие в законных информационных пределах.

Поэтому допуск доказательственной информации к восприятию коллегии нельзя сводить к технической стороне судебного следствия. Речь идет о самостоятельной гарантии: вердикт должен возникать из сведений, которые закон допускает к оценке присяжными, а не из процессуального шума, личностных характеристик или споров, предназначенных для профессионального судьи.

Понятие процессуального фильтра допуска доказательственной информации

Термин «процессуальный фильтр допуска доказательственной информации» прямо не закреплен в УПК РФ. Однако сама модель суда присяжных требует такого понятия. Без него трудно объяснить, почему одно и то же доказательство может иметь фактическое содержание, пригодное для оценки коллегией, и одновременно процессуальную историю, которую коллегия слышать не должна.

Под процессуальным фильтром допуска доказательственной информации к восприятию коллегии присяжных заседателей предлагается понимать реализуемый председательствующим судьей механизм предварительной проверки сведений на предмет их допустимости, связи с вопросами вердикта и риска преждевременного оценочного воздействия на присяжных.

Этот фильтр работает до того, как информация вошла в восприятие коллегии, либо в момент попытки ее доведения. Его назначение не в том, чтобы затем объяснять присяжным, почему услышанное не должно учитываться. Главная задача — не допустить появления в процессе сведений, которые способны повлиять на ответы коллегии вне предусмотренной законом процедуры.

Фильтр защищает не только подсудимого или сторону, заявившую возражение. Он охраняет саму природу вердикта. Решение присяжных должно опираться на факты, исследованные в допустимых пределах, а не на сведения, которые заранее подталкивают коллегию к обвинительному, оправдательному, благосклонному или недоверчивому отношению к делу и его участникам.

Отсюда вытекает особая роль председательствующего. Он обязан организовать судебное следствие так, чтобы до коллегии доходили сведения о фактических обстоятельствах, подлежащих оценке при постановлении вердикта. Обсуждение допустимости доказательств, пра-

вой квалификацией, процессуальных решений и иных обстоятельств, способных сформировать у присяжных преждевременное оценочное отношение, должно оставаться за пределами их присутствия.

В этом смысле процессуальный фильтр не является ограничением состоятельности. Стороны сохраняют право спорить о доказательствах, задавать вопросы, заявлять ходатайства и убеждать суд. Но спор о правовой судьбе доказательства должен происходить перед тем субъектом процесса, который вправе его разрешить. Перед присяжными такой спор легко превращается в самостоятельный источник впечатления о деле.

Назначение процессуальных фильтров в суде присяжных

Назначение процессуальных фильтров лучше раскрывается через риски, которые возникают при смешении фактического и процессуального уровней судебного исследования. Если присяжные слышат спор о праве, он начинает конкурировать с доказательственной картиной. Коллегия может оценивать не только факты обвинения, но и то, как сторона описала действия следствия, личность участника или недостатки оформления доказательства.

Первый риск связан с нарушением разграничения полномочий. Когда в присутствии присяжных обсуждаются допустимость доказательств, процессуальные решения, квалификация деяния или сведения о личности, не нужные для установления фактической стороны обвинения, коллегия получает материал, который не должен участвовать в формировании вердикта. Ошибка здесь не только процедурная. Она затрагивает информационную основу решения присяжных.

Второй риск состоит в преждевременной оценочной реакции. Иногда сведения почти ничего не добавляя к доказанности события или причастности лица, но создают устойчивое отношение к подсудимому, потерпевшему, свидетелю, эксперту или стороне. Такое воздействие может работать и против подсудимого, и в его пользу; опасность состоит не в направлении реакции, а в ее возникновении вне надлежащей доказательственной основы.

Третий риск проявляется при проверке приговора. Пленум Верховного Суда РФ в пунктах 20 и 21 Постановления от 22 ноября 2005 г. № 23 проводит исходную границу: присяжные воспринимают фактическую сторону обвинения, а процессуальные решения, ходатайства об условиях разбирательства, вопросы права и иные материалы вне их полномочий должны оставаться в сфере контроля председательствующего.

Практически эта граница была проверена Верховным Судом РФ в деле № 4-УДП25–58СП–А1. Судебные решения, основанные на оправдательном вердикте, были отменены не потому, что сама по себе защита активно спорила с доказательствами, а потому, что перед коллегией систематически возникал процессуальный слой дела: происхождение доказательств, данные о личности участников, спор вокруг экспертного исследования и технической ошибки в заключении.

Смысл этого примера для рассматриваемой темы состоит в следующем. Присяжные вправе воспринимать содержательный вывод эксперта как часть фактической картины. Но спор о том, как этот вывод был получен, оформлен, исправлен или представлен, должен решаться судьей. Когда такая граница стирается, невозможно уверенно ответить коллегии на вопрос о фактах от реакции на процессуальный спор, который ей не предназначался.

Четвертый риск имеет познавательный характер. Чем больше присяжные слышат о процессуальных дефектах, прежних решениях, характеристиках участников и иных обстоятельствах за пределами вопросного листа, тем выше вероятность, что фактический вывод будет подменен общей оценкой дела, человека или поведения стороны.

Система процессуальных фильтров

Система процессуальных фильтров включает три элемента: допустимость, относимость и недопущение предубеждающего воздействия. Эти элементы часто пересекаются в одном судебном эпизоде, но каждый из них отвечает на собственный вопрос. Допустимость связана с законностью использования доказательства. Относимость – с пригодностью сведений для ответа на вопросы вердикта. Запрет предубеждающего воздействия – с риском преждевременного отношения к делу или его участникам.

Их единство проявляется не в одинаковом содержании, а в общем процессуальном результате. Все три фильтра определяют, может ли конкретная информация войти в поле восприятия коллегии и стать частью той среды, в которой формируется вердикт.

Фильтр допустимости

Фильтр допустимости не допускает к присяжным доказательства и сведения, введенные в процесс с нарушением закона. В обычном судебном

разбирательстве спор о допустимости остается внутри профессиональной оценки суда. В суде присяжных дополнительная опасность состоит в том, что сам спор о нарушениях может оказаться для коллегии не менее впечатляющим, чем доказательство.

Пункт 23 Постановления Пленума № 23 исходит именно из этой логики: вопрос о допустимости решает председательствующий без участия присяжных; стороны могут обозначить наличие ходатайства, но не должны раскрывать перед коллегией его содержание. Поэтому процессуальный спор выносится за пределы восприятия тех, кто отвечает на вопросы факта.

Иначе фильтр не работает. Присяжные услышат, каким образом получено доказательство, какие нарушения приписываются следствию, почему сторона просит исключить материал. Даже последующее признание доказательства недопустимым не устраняет полностью впечатление, уже возникшее у коллегии.

Показателен пример из Определения Верховного Суда РФ от 15 августа 2013 г. № 19-АП/13–16СП. В суде присяжных были оглашены прежние показания несовершеннолетней потерпевшей. Верховный Суд не принял сам по себе довод о ее нахождении за пределами России как достаточное основание для такого оглашения и указал на отсутствие надлежащей процессуальной базы для введения этих показаний в присутствии коллегии.

Для темы процессуальных фильтров это решение важно не как частный спор об оглашении протокола. Оно показывает, что нарушение порядка введения сведений в судебное следствие сразу касается будущего вердикта. Коллегия уже восприняла информацию в режиме, который закон не допускал, а значит последующая проверка приговора неизбежно обращается к вопросу о чистоте информационной основы решения присяжных.

Фильтр относимости

Фильтр относимости отсекает сведения, которые не помогают присяжным ответить на поставленные перед ними вопросы. В суде присяжных недостаточно общей связи информации с уголовным делом. Важно другое: нужна ли эта информация для установления фактов, вынесенных на разрешение коллегии.

Пункты 20 и 21 Постановления Пленума № 23 позволяют видеть относимость не только как свойство доказательства, но и как предел информационного воздействия. Материал может быть полезен судье, стороне или проверочной инстанции, но не предназначаться для присяжных, если он касается правовой оценки, процессуального движения дела или условий исследования доказательства.

Дело № 4-УДП25–58СП–А1 хорошо показывает эту разницу. Доказательство может быть связано с обвинением, но это не означает, что присяжные должны слышать всю его процессуальную историю. Верховный Суд фактически отделил содержание экспертного вывода от спора о порядке его получения и оформления. Первое может иметь значение для фактической картины; второе относится к работе председательствующего.

Практическое правило отсюда достаточно жесткое: сведения о мере пресечения, выделении материалов, прежних судебных решениях, причинах появления или исправления доказательства, если они не помогают ответить на вопросы вердикта, не должны звучать перед коллегией. Иначе в основу вердикта попадает не факт, а созданный стороной процессуальный контекст.

Фильтр недопущения предубеждающего воздействия

Третий фильтр сложнее двух предыдущих. Сведение может быть получено законно и внешне связано с делом, но все равно не должно доводиться до присяжных, если его доказательственная ценность уступает риску заранее настроить коллегию на определенное отношение к делу или участнику процесса.

Наиболее чувствительная зона – данные о личности подсудимого. Пункт 22 Постановления Пленума № 23 допускает их исследование с участием присяжных лишь тогда, когда такие данные нужны для установления признаков состава преступления. Во всех иных случаях сведения о прежней судимости, зависимостях, характеристиках, здоровье, семейном положении и сходных обстоятельствах способны работать не как доказательство факта, а как материал для оценки личности.

Граница здесь не формальная. Если личностное обстоятельство необходимо для состава преступления, оно может быть исследовано. Если же оно лишь формирует образ человека – опасного, неблагонадежного, жалкого или вызывающего сочувствие, – оно уводит коллегию от вопроса о фактах к вопросу о симпатии или отторжении.

Именно эта проблема отражена в Определении Верховного Суда РФ от 4 февраля 2004 г. № 55–003–16сп. Приговор был отменен после

того, как перед присяжными прозвучали сведения о прежних судимостях подсудимых и иные личностные данные, не связанные с существом предъявленного обвинения. Для Верховного Суда существенным стало не само наличие таких данных в материалах дела, а то, что они были перенесены в поле восприятия коллегии.

Это решение показывает самостоятельность третьего фильтра. Речь идет не только о незаконности или неотнесимости доказательств. Иногда опасность состоит в том, что информация заменяет оценку фактов оценкой личности. В суде присяжных такая подмена особенно значима: вердикт не содержит мотивировки, по которой можно было бы проверить, какое впечатление стало решающим.

Предубеждающее воздействие не следует понимать только как негативное отношение к подсудимому. Процессуально значимым может быть любой преждевременный эффект: обвинительный, оправдательный, благосклонный, недоверчивый, направленный против потерпевшего, свидетеля, эксперта, обвинения или защиты. Поэтому этот фильтр нельзя растворять в допустимости и относимости.

Роль председательствующего судьи

Процессуальные фильтры существуют в законе и разъяснениях Верховного Суда, но в конкретном заседании они становятся реальной гарантией только через действия председательствующего судьи. В суде присяжных он управляет не только последовательностью исследования доказательств, но и пределами информационного поля, в котором коллегия будет принимать решение.

Пункт 24 Постановления Пленума № 23 закрепляет два связанных правила: стороны не вправе сообщать присяжным о доказательстве, которое уже исключено судом, а председательствующий должен принимать меры против ознакомления коллегии с недопустимыми доказательствами и вопросами вне ее полномочий. Для практики это означает предупредительный, а не только реактивный характер судебного контроля.

Судья должен видеть риск еще до того, как нарушение оформилось окончательно. Вопрос стороны может внешне касаться доказательства, но фактически вести к обсуждению его происхождения, допустимости, прежней процессуальной судьбы или иных обстоятельств, которые не должны оцениваться присяжными.

В деле № 4-УДП25–58СП-А1 Верховный Суд оценивал не только поведение стороны, но и достаточность судебного контроля. Отдельные замечания председательствующего не исправили ситуацию, поскольку нарушения повторялись и складывались в устойчивую линию процесса. Коллегия слышала не только фактические доводы, но и процессуальные объяснения, которые должны были оставаться в сфере судейской оценки.

Практический вывод здесь прямой: если нарушение становится способом ведения процесса, председательствующий не может ограничиться снятием отдельных вопросов или кратким замечанием. Он должен вернуть разбирательство в пределы фактического исследования и, при необходимости, специально нейтрализовать уже прозвучавшую информацию в напутственном слове.

Пленум допускает восстановительный механизм после того, как недопустимая информация уже прозвучала: обсуждение юридической силы такого материала проводится без присяжных, после чего коллегия разъясняется принятое решение. Но этот механизм не заменяет предварительный фильтр. Услышанная информация не исчезает из восприятия только потому, что позднее получила юридическое объяснение.

Поэтому центр тяжести должен оставаться на предварительном недопущении сведений, которые не должны участвовать в формировании вердикта. Это не ущемляет права сторон, а удерживает состязательность в форме, совместимой с законной информационной основой решения присяжных.

Процессуальные фильтры как гарантия устойчивости вердикта

Вердикт присяжных не мотивируется по модели судебного акта профессионального суда. После его вынесения нельзя точно восстановить, какой довод или какое впечатление стало решающим для ответов коллегии. Поэтому в суде присяжных особенно важна не последующая реконструкция мотивов, а предварительная чистота процедуры, в которой эти ответы формировались.

Если присяжные не излагают юридическую мотивацию, суд обязан обеспечить законность той информационной среды, в которой возникает их решение. Процессуальные фильтры не ведут коллегию к обвинительному или оправдательному результату. Они лишь отсекают сведения, которые не должны участвовать в формировании убеждения.

В этом заинтересован не только подсудимый. Потерпевший, стороны, суд и публичный интерес также нуждаются в вердикте, который не будет разрушен из-за недопустимых доказательств, процессуальных споров, личностных характеристик или иных сведений вне вопросов факта.

Нарушение фильтров способно исказить как обвинительный, так и оправдательный вердикт. В одном случае коллегия может оказаться под влиянием сведений, порочащих подсудимого без доказательственного основания. В другом – быть уведена в обсуждение дефектов процедуры, которые должен оценивать судья. В обоих случаях страдает не направление вердикта, а его процессуальная надежность.

Заключение

Производство с участием присяжных требует особого режима допуска доказательственной информации. Этот режим не исчерпывается отдельными запретами УПК РФ. Он образует систему процессуальных фильтров, предназначенных для сохранения законной информационной основы вердикта.

Фильтр допустимости не позволяет передать коллегии сведения, введенные в процесс с нарушением закона. Фильтр относимости ограничивает восприятие присяжных материалом, необходимым для ответа на вопросы вердикта. Фильтр недопущения предубеждающего воздействия отсекает информацию, которая способна заранее сформировать отношение к делу или его участникам.

Категория «процессуальные фильтры допуска доказательственной информации» позволяет увидеть эти элементы не как набор технических запретов, а как единую систему суда присяжных. Ее практическое назначение – отделить фактическое содержание доказательств от процессуальных споров, правовых вопросов, личностных характеристик и иных сведений, которые не должны участвовать в формировании вердикта.

Практика Верховного Суда показывает, что нарушение таких фильтров не является формальностью. Оно ставит под сомнение информационную основу решения присяжных и способно повлечь отмену приговора. Поэтому предварительный контроль за допуском доказательственной информации следует рассматривать как условие справедливого вердикта и устойчивого приговора.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: ст. 334, 335, 336, 339, 340, 344.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2005 № 23 (ред. от 28.06.2022) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»: п. 20–24.
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2013 № 19-АП/13–16СП // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2004 № 55–003–16сп // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2026 по делу № 4-УДП25–58СП-А1 // Банк судебных документов Верховного Суда Российской Федерации.
6. Насонов С.А. Производство в суде с участием присяжных заседателей: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2023.
7. Кемпф Н.Г. Суд присяжных: вопросы теории и практики уголовного судопроизводства.
8. Тренбак О.Н. Допустимость доказательств в уголовном процессе и особенности исключения недопустимых сведений в суде присяжных.
9. Шидловская Ю.В. Судебное следствие в производстве с участием присяжных заседателей.
10. Фискевич С.В. Оценка доказательств в производстве с участием присяжных заседателей.

PROCEDURAL FILTERS GOVERNING THE ADMISSION OF EVIDENTIARY INFORMATION FOR JURY CONSIDERATION: CONCEPT, PURPOSE AND SYSTEM

Dubrovtssev S.A.

Khabarovsk Regional Bar Association

The article develops an approach to admissibility, relevance and prevention of prejudicial influence in jury trials as a system of preliminary admission of evidentiary information. These rules are considered not as separate prohibitions, but as instruments for determining, before the verdict is reached, what information may lawfully become part of the jury's

informational basis. A procedural filter is understood as a mechanism separating the factual content of evidence from disputes about the way it was obtained, legal assessment, procedural history of the case and personal data capable of shaping a premature attitude among jurors. Case law of the Supreme Court of the Russian Federation is used to show that violation of such filters affects both the course of trial examination and the stability of a judgment based on a jury verdict.

Keywords: criminal procedure; jury trial; jurors; evidentiary information; admissibility of evidence; relevance of evidence; prejudicial influence; presiding judge; verdict.

References

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: art. 334, 335, 336, 339, 340, 344.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/22/2005 No. 23 (as amended on 06/28/2022) "On the application by Courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing judicial proceedings involving jurors": para. 20–24.

3. Definition of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/15/2013 No. 19-APU13–16SP // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation.

4. Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/04/2004 No. 55–003–16sp // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation.

5. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/18/2026 in case No. 4-UDP25–58SP-A1 // Bank of Judicial Documents of the Supreme Court of the Russian Federation.

6. Nasonov S.A. Proceedings in court with the participation of jurors: a scientific and practical guide. Moscow: Prospekt, 2023.

7. Kempf N.G. Trial by jury: issues of theory and practice of criminal proceedings.

8. Trenbak O.N. The admissibility of evidence in criminal proceedings and the specifics of excluding inadmissible information in a jury trial.

9. Shidlovskaya Yu.V. Judicial investigation in proceedings involving jurors.

10. Fiskevich S.V. Evaluation of evidence in proceedings involving jurors.

Решения суда апелляционной инстанции по итогам проверки приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей

Дулдуев Рамзан Арбиевич,

магистрант программы «Уголовное право и уголовное судопроизводство», Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: Raalihanov@gmail.com

Работа направлена на анализ решений, принимаемых апелляционной инстанцией в результате проверки приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей. Автор рассматривает общий перечень таких решений, закрепленный в ст. 389.20 УПК РФ, и приходит к выводу, что выбор конкретного вида решения определяется не формальным перечнем, а характером выявленного нарушения и возможностью его устранения без посягательства на фактическое содержание вердикта. В работе обосновывается, что для данной категории дел ключевое значение имеют три вида решений: изменение приговора, отмена приговора с передачей дела на новое рассмотрение и отмена приговора с прекращением уголовного дела. Исследование выявляет внутренние несогласованности действующего регулирования, в частности, в части возвращения дела прокурору и соотношения различных норм главы 45.1 УПК РФ. Сделан вывод, что специфика исследуемых решений состоит в их функциональном назначении как средства контроля за законностью вердикта и правильностью его юридической реализации, а не инструмента повторного разрешения фактической стороны обвинения.

Ключевые слова: апелляционное производство, приговор, вердикт, коллегия присяжных заседателей, решения суда апелляционной инстанции, отмена приговора, изменение приговора, уголовно-процессуальное право, судебный контроль, неполная апелляция.

Решения, принимаемые судом апелляционной инстанции по итогам проверки приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, образуют завершающее звено всего апелляционного механизма, поскольку именно в них получает внешнее выражение оценка законности процедуры формирования вердикта, корректности последующей уголовно-правовой квалификации, справедливости наказания и иных правовых последствий приговора [1, с. 76].

Общий перечень таких решений закреплен в ст. 389.20 УПК РФ [2]. По результатам рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке суд вправе, в частности, оставить приговор без изменения; отменить обвинительный приговор и вынести оправдательный приговор либо новый обвинительный приговор; отменить приговор и передать дело на новое судебное разбирательство; отменить приговор и прекратить уголовное дело; отменить приговор и возратить дело прокурору; изменить приговор; прекратить апелляционное производство.

При этом решения, указанные в пп. 2, 3 и 5 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ, устанавливаются апелляционным приговором, а решения, указанные в пп. 1, 4, 7–10, апелляционным определением либо постановлением. Тем самым законодатель не выводит приговор суда присяжных из общего перечня видов итоговых апелляционных актов, но задает его специальную специфику через основания и пределы вмешательства, закрепленные в ст. 389.27 УПК РФ [2].

Относительно приговора, основанного на вердикте присяжных, выбор вида апелляционного решения определяется не только формальным перечнем, закрепленным в законе, но и двумя дополнительными критериями. Во-первых, подлежит выяснению, затрагивает ли выявленное нарушение законность и справедливость самого вердикта либо оно относится лишь к деятельности председательствующего после его провозглашения. Во-вторых, суду надлежит установить, может ли соответствующий дефект быть устранен непосредственно в апелляционной инстанции, либо для его исправления необходимо новое прохождение той процессуальной стадии, на которой формировался приговор. Эти критерии прямо вытекают из системного соотношения ст. 389.22, 389.23, 389.26 и 389.27 УПК РФ и в современной доктрине обоснованно рассматриваются как ключ к пониманию специфики итоговых решений по делам данной категории [6, с. 79].

И.В. Лебедев справедливо отмечает, что действующее право не содержит специальных исключений относительно самих видов решений по делам суда присяжных, однако фрагментарность правового регулирования и отсутствие единого подхода к определению неустранимости нарушений затрудняют выбор надлежащего варианта апелляционного реагирования [7, с. 89].

Наиболее нейтральным и в то же время концептуально значимым итоговым решением является оставление приговора без изменения, а апелляционные жалобы или представления без удовлетворения. В делах о приговорах, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, такое решение означает не только отсутствие предусмотренных ст. 389.27 УПК РФ оснований для отмены или изменения приговора, но и положительный вывод апелляционного суда о том, что коллегия была сформирована законно, права сторон на представление доказательств и участие в процессе не были существенно нарушены, вопросный лист и напутственное слово отвечали требованиям закона, порядок совещания присяжных не был искажен внешним воздействием либо иными дефектами, а приговор председательствующего не противоречит вердикту и правильно реализует его юридические последствия.

Поскольку, в соответствии с разъяснением Пленум Верховного Суда Российской Федерации, всякое апелляционное решение должно быть мотивированным [3], оставление приговора без изменения по делам данной категории не может носить формального характера: суд обязан в мотивировочной части ответить на доводы о нарушениях процедуры формирования вердикта, неправильном применении уголовного закона и несправедливости наказания.

Далее по значимости идет решение об изменении приговора. Согласно ст. 389.26 УПК РФ суд апелляционной инстанции, изменяя приговор, вправе смягчить или усилить наказание, применить уголовный закон о менее тяжком либо более тяжком преступлении, уменьшить

или увеличить размер возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда, изменить вид исправительного учреждения, разрешить вопросы о вещественных доказательствах, процессуальных издержках и иные вопросы [2].

Для приговора, основанного на вердикте присяжных, это решение имеет принципиально ограниченный характер: оно допустимо лишь тогда, когда исправление допущенной ошибки не требует вторжения в фактическую основу, закрепленную в вердикте. Именно поэтому в данной сфере изменение приговора связано прежде всего с нарушениями уголовного закона, допущенными председательствующим при квалификации действий подсудимого и назначении наказания, а также с дефектами разрешения тех вопросов, которые законом отнесены к его исключительной компетенции после провозглашения вердикта. По данным анализа, приведенного в диссертации И.В. Лебедева, изменения таких приговоров на практике встречаются не единично, но в большинстве случаев касаются именно наказания, а не трансформации фактической формулы обвинения [5, с. 176].

Специальный интерес представляет предусмотренная ч. 2 ст. 389.26 УПК РФ возможность привести приговор в соответствие с вердиктом коллегии присяжных заседателей. Нормативно эта конструкция означает, что апелляционный суд в некоторых случаях вправе не разрушать приговор полностью, а скорректировать его таким образом, чтобы юридические выводы председательствующего были приведены в соответствие с теми фактическими обстоятельствами, которые закреплены в ответах присяжных. Однако именно эта норма является одной из наиболее дискуссионных в современной теории и практике [8, с. 40].

Самостоятельное место в системе апелляционных решений занимает отмена обвинительного приговора с вынесением нового обвинительного приговора. Она закреплена в п. 3 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ и не исключена для приговора, основанного на вердикте присяжных, поскольку ст. 389.27 УПК РФ ограничивает основания вмешательства, но не исключает данный вид итогового решения как таковой. Практический смысл такого апелляционного приговора состоит в замене одного обвинительного приговора другим, юридически корректным, без пересмотра фактов, установленных вердиктом.

Правоприменительная практика знает лишь единичные примеры реализации этого полномочия; их объединяет то, что ошибка суда первой инстанции заключалась не в искажении фактических обстоятельств дела, а в неправильном восприятии председательствующим уже установленных присяжными фактов и, как следствие, в ошибочной уголовно-правовой квалификации. Отсюда следует важный вывод: апелляционный обвинительный приговор по делам данной категории возможен лишь как инструмент правовой, а не фактической коррекции. Его следует четко отличать от недопустимой ситуации замены оправдательного приговора обвинительным, которая в апелляции по делам суда присяжных исключена [9, с. 274].

Отмена обвинительного приговора с вынесением оправдательного приговора законом также предусмотрена, однако применительно к приговору, основанному на обвинительном вердикте коллегии присяжных заседателей, практическая сфера этого решения предельно узка. Это обусловлено тем, что установление обстоятельств, исключающих виновность лица, как правило, предполагает переоценку фактической стороны обвинения, а такая переоценка в силу ст. 389.27 УПК РФ в апелляционном порядке не допускается.

Кроме того, если после постановления приговора выявляются обстоятельства, перечисленные в ст. 24, 25, 27 или 28 УПК РФ, законодатель целенаправленно ориентирует апелляционный суд не на оправдательный приговор, а на отмену обвинительного приговора с прекращением уголовного дела. Именно поэтому в контексте апелляционного пересмотра более прикладное значение имеет не замена оправдательным приговором, а решение об отмене приговора с прекращением производства.

Как отмечается в диссертации И.В. Лебедева, в практике редко встречаются примеры полной отмены обвинительного приговора, постановленного на основании обвинительного вердикта, с прекращением уголовного дела в связи с отсутствием признаков преступления; это подтверждает, что закон допускает подобное завершение апелляционной проверки, если оно не требует вторжения в оценку доказательств, данную коллегией [5, с. 178].

Решение об отмене обвинительного приговора и прекращении уголовного дела имеет для рассматриваемой категории дел большее практическое значение, чем вынесение оправдательного апелляционного приговора. В соответствии со ст. 389.21 УПК РФ суд апелляционной инстанции отменяет обвинительный приговор либо иное решение суда первой инстанции и прекращает уголовное дело при наличии оснований, предусмотренных ст. 24, 25, 27 и 28 УПК РФ [2].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации дополнительно разъяснил, что перечень решений, закрепленный в ст. 389.20 УПК РФ, не является исчерпывающим, и апелляционный суд, например, может отменить обвинительный приговор и вынести определение или постановление об освобождении лица от уголовной ответственности или от наказания, а также принять иные решения, прямо предусмотренные законом [3]. Для приговора суда присяжных это означает, что прекращение дела допустимо тогда, когда соответствующее основание устанавливается без пересмотра фактических выводов вердикта.

В литературе специально обращено внимание на ситуацию истечения сроков давности после постановления вердикта или в период апелляционного обжалования: в таком случае, поскольку сроки исчисляются до вступления приговора в законную силу, более последовательным является именно отмена приговора с прекращением уголовного дела, а не простое изменение приговора [10, с. 63].

Центральное место в системе итоговых решений по делам данной категории занимает отмена приговора с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство. Именно это решение в наибольшей степени соответствует природе тех нарушений, которые наиболее типичны для суда присяжных: незаконность состава коллегии, доведение до присяжных недопустимых либо не относящихся к их компетенции сведений, дефекты вопросного листа, нарушение объективности и беспристрастности напутственного слова, нарушение порядка совещания, незаконное воздействие на присяжных, иные существенные процессуальные дефекты, влияющие на формирование вердикта.

В силу ст. 389.22 УПК РФ такое решение принимается, если допущенные нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного закона не могут быть устранены в апелляционной инстанции [2]. Для суда присяжных эта формула приобретает специальный смысл: значительная часть нарушений, связанных с процедурой формирования вердикта, по самой своей природе неустранима без нового прохождения соответствующего этапа.

Принципиально важно, что в делах о приговоре суда присяжных отмена с направлением дела на новое рассмотрение может иметь различный процессуальный объем. Если выявленное нарушение допущено на том этапе, где формировался сам вердикт, и повлияло либо могло повлиять на его законность и справедливость, апелляционное вмешательство объективно разрушает как приговор, так и лежащий в его основе вердикт; в таких случаях новое рассмотрение должно возобновляться с той стадии, которая позволяет заново сформировать законную коллегию и обеспечить правильное разрешение дела по существу. Иная ситуация возникает тогда, когда нарушение допущено после провозглашения вердикта и не затрагивает его законность: в этом случае апелляционный суд ставит под сомнение не вердикт, а лишь приговор как акт председательствующего. Именно поэтому ч. 1.1 ст. 389.22 УПК РФ специально предусматривает, что обвинительный приговор, постановленный на основании обвинительного вердикта и противоречащий ему, подлежит отмене с передачей дела в тот же суд в ином составе с этапа, следующей за провозглашением вердикта [2].

В науке эта конструкция обоснованно рассматривается как ключевое проявление особой связи между вердиктом и приговором: апелляционный суд может отменить лишь приговор, не затрагивая легитимность самого вердикта [4, п. 43].

Особое значение для понимания последствий отмены приговора в данной сфере имеет постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2025 г. № 40-П [11]. Суд указал, что если вышестоящая инстанция возвращает уголовное дело на новое рассмотрение со стадии подготовки к судебному заседанию, все факты и обстоятельства, касающиеся ходатайств и определения состава суда, включая суд с участием присяжных заседателей, подлежат новой оценке, а первоначальное постановление о назначении судебного заседания утрачивает силу. Иначе говоря, вопрос о форме судопроизводства в таком случае должен решаться заново.

Вместе с тем если дело возвращается на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, ранее избранный состав суда с участием присяжных сохраняет свое значение, поскольку на этой стадии вопрос о составе суда уже не разрешается. Тем самым п. 43 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 должен применяться в системной связи с конституционно-правовым смыслом, выявленным КС РФ: сохранение ранее избранной формы суда зависит от того, с какой стадии возобновляется производство [4].

Отдельный и самый строгий режим установлен для отмены оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей. В соответствии со ст. 389.24 и 389.25 УПК РФ данный приговор может быть отменен только по апелляционному представлению прокурора, также при пода-

че жалобы потерпевшим, частным обвинителем, их представителями и лишь при наличии отдельно указанных в законе нарушений: если существенные нарушения уголовно-процессуального закона ограничили право стороны обвинения на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными вопросов или на содержание данных ими ответов, а также если председательствующий не возвратил коллегию в совещательную комнату для уточнения неясного либо противоречивого вердикта [2].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что к таким нарушениям относятся, например, необоснованное признание доказательств обвинения недопустимыми, отказ в исследовании доказательств, вызове свидетелей, экспертов и специалистов, истребовании документов, а также нарушение права потерпевшего участвовать в судебном заседании [3]. В данной ситуации, вторая инстанция не может отменить оправдательный и сама вынести обвинительный приговор: в соответствии с трактовкой Верховного суда, апелляционная инстанция может только отменить оправдательный приговор и направить дело на новое рассмотрение либо, при выявлении специальных нарушений, возвратить дело прокурору [3].

Предметного рассмотрения заслуживает решение о возвращении уголовного дела прокурору. В общем апелляционном регулировании такая возможность прямо предусмотрена п. 7 ч. 1 ст. 389.20 и ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ, согласно которым при выявлении обстоятельств, указанных в ст. 237 УПК РФ, апелляционный суд отменяет приговор и возвращает дело прокурору [2]. Необходимо подчеркнуть, что именно применительно к приговору, постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, вышеуказанное решение имеет существенную нормативную коллизию. С одной стороны, закон четко регламентирует возвращение дела прокурору в апелляции; с другой ч. 1 ст. 389.27 УПК РФ предусматривает основания отмены или изменения такого приговора только пп. 2–4 ст. 389.15 УПК РФ, не упомянутая п. 5 данной статьи, связанный на прямую с обстоятельством, влекущим возвращение дела прокурору.

В диссертационном исследовании И.В. Лебедева это противоречие обоснованно названо одной из существенных проблем действующего регулирования; автор предлагает включить п. 5 ст. 389.15 УПК РФ в перечень оснований, предусмотренных ст. 389.27 УПК РФ [5, с. 182]. Пока такая корректировка не произведена, решение о возвращении дела прокурору по делам данной категории опирается на системное толкование общих и специальных норм и потому сохраняет повышенную дискуссионность.

Решение о прекращении апелляционного производства по делам рассматриваемой категории имеет, как правило, вспомогательный, а не разрешающий по существу характер. Пункт 10 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ прямо предусматривает такую возможность, а ч. 3 ст. 389.8 УПК РФ устанавливает, что лицо, подавшее апелляционные жалобу или представление, вправе отозвать их до начала заседания суда апелляционной инстанции; в этом случае апелляционное производство по жалобе или представлению прекращается [2]. Для приговора, постановленного на основании вердикта присяжных, данное решение не связано с оценкой законности либо незаконности состоявшегося судебного акта и потому не затрагивает специфики соотношения между вердиктом и приговором. Тем не менее как один из предусмотренных законом вариантов завершения апелляционной стадии оно должно быть включено в общую систему итоговых решений, хотя его практическое значение для исследуемой темы, безусловно, вторично.

Необходимо учитывать и то, что каждое из названных решений сопровождается рядом обязательных сопутствующих выводов апелляционного суда. Во-первых, согласно ст. 389.28 УПК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации любое апелляционное решение должно быть мотивированным, а потому суд обязан раскрыть, по каким именно основаниям он пришел к выводу о необходимости оставить приговор без изменения, изменить его, отменить и вынести новое решение, передать дело на новое рассмотрение либо возвратить прокурору [3]. Во-вторых, если приговор отменяется с направлением дела на новое рассмотрение или с возвращением дела прокурору, апелляционный суд обязан решить вопрос о мере пресечения, указав основания, по которым она оставляется без изменения, изменяется, отменяется либо избирается заново. В-третьих, при наличии к тому оснований суд обязан признать за лицом право на реабилитацию. Наконец, при выявлении нарушений закона, не повлекших отмену или изменение приговора, апелляционная инстанция вправе вынести частное определение или постановление.

В то же время, возвращая дело на новое рассмотрение, суд апелляционной инстанции связан ограничением, закрепленным в ч. 4 ст. 389.19 УПК РФ: он не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, достоверности доказательств, преи-

мущества одних доказательств перед другими, виде и размере наказания [2]. Для дел суда присяжных это ограничение имеет особую ценность, поскольку дополнительно охраняет автономию будущего вердикта и недопустимость «второго суда факта» в апелляционном акте [9, с. 278].

Системное рассмотрение названных решений позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, в делах о приговоре, постановленном на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, итоговые решения суда апелляционной инстанции приобретают выраженно асимметричный характер: в отношении обвинительного приговора законодатель и практика допускают более широкую палитру корректирующих решений, тогда как в отношении оправдательного приговора, основанного на оправдательном вердикте, пространство для непосредственной подмены решения первой инстанции резко сужено.

Во-вторых, именно в данной сфере особенно отчетливо проявляется деление апелляционных решений на две группы: решения, которыми устраняются дефекты лишь самого приговора без разрушения лежащего в его основе вердикта, и решения, которыми дезавуируются и приговор, и порочная процедура формирования вердикта, что требует нового рассмотрения дела.

В-третьих, действующее регулирование сохраняет несколько проблемных узлов: отсутствие специальных указаний о корреляции видов решений с ограниченными основаниями ст. 389.27 УПК РФ, спорность ч. 2 ст. 389.26 УПК РФ и ее соотношения со ст. 389.25, а также не вполне бесспорное соотношение между ст. 389.22 и 389.27 УПК РФ в части возвращения уголовного дела прокурору.

Именно поэтому вопрос о решении апелляционной инстанции в делах рассматриваемой категории остается не только прикладным, но и концептуальным для современной науки уголовного процесса.

Таким образом, решения, принимаемые судом апелляционной инстанции по итогам проверки приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, формально входят в общий перечень, установленный ст. 389.20 УПК РФ, однако их фактическое содержание и пределы применения существенно модифицируются специальной природой вердикта и ограниченным кругом оснований апелляционного вмешательства. Для данной категории дел ключевое значение имеют три вида решений: изменение приговора в части последствий вердикта, отмена приговора с передачей дела на новое рассмотрение и отмена приговора с прекращением уголовного дела. Именно они позволяют, с одной стороны, исправлять ошибки председательствующего, не затрагивая фактическое ядро вердикта, а с другой – устранять неустранимые нарушения процедуры формирования вердикта путем нового рассмотрения дела. Вместе с тем современное правовое регулирование сохраняет ряд нерешенных вопросов, касающихся приведения приговора в соответствие с вердиктом, возвращение дела прокурору и выбора стадии, с которой должно быть возобновлено производство после отмены приговора. В итоге специфика исследуемых решений состоит в том, что они служат не инструментом повторного разрешения фактической стороны обвинения, а средством разграниченного и дифференцированного контроля за законностью вердикта и правильностью его юридической реализации [8, с. 42].

Литература

1. Лебедев И.В. Влияние уголовно-процессуальной формы рассмотрения и разрешения уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей на виды решений, принимаемых судом апелляционной инстанции по итогам проверки приговора суда присяжных // Российский научный вестник. 2024. № 2. С. 76–79.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Российская газета. 2001. № 249.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (ред. от 27.06.2023 г.) // Российская газета. 2012. № 283.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (ред. от 28.06.2022) // Российская газета. 2015. № 272.
5. Лебедев И.В. Пересмотр приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в суде апелляционной инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 299 с.
6. Лебедев И.В. Предмет и пределы пересмотра приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседа-

телей, в суде апелляционной инстанции // Закон и Власть. 2024. № 2. С. 116–121.

7. Лебедев И.В. Обзор практики отмены судами апелляционной инстанции приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 89–99.

8. Калинкина Л.Д. Апелляционные основания отмены или изменения приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей // Евразийская адвокатура. 2017. № 2 (27). С. 39–43.

9. Романова А.А. Пересмотр в суде апелляционной инстанции приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 274–279.

10. Бородинова Т.Г. О специфике пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2821–2825.

11. По делу о проверке конституционности части пятой статьи 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Н.В. Зарубанова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2025 г. № 40-П // «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]: правовой сайт. 2025.

DECISIONS OF THE COURT OF APPEAL FOLLOWING THE REVIEW OF A JUDGMENT BASED ON A JURY VERDICT

Dulduev R.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article analyzes the decisions made by the court of appeal following the review of a judgment based on a jury verdict. The author examines the general list of such decisions enshrined in Article 389.20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and concludes that the choice of a specific type of decision is determined not by a formal list, but by the nature of the identified violation and the possibility of its elimination without encroaching on the factual content of the verdict. The paper substantiates that for this category of cases, three types of decisions are of key importance: amendment of the judgment, quashing of the judgment with referral of the case for a new trial, and quashing of the judgment with termination of the criminal case. The study reveals internal inconsistencies in the current regulation, particularly regarding the return of the case to the prosecutor and

the correlation of various norms of Chapter 45.1 of the Criminal Procedure Code. It is concluded that the specificity of the decisions under study lies in their functional purpose as a means of controlling the legality of the verdict and the correctness of its legal implementation, rather than a tool for re-examining the factual side of the accusation.

Keywords: appellate proceedings, judgment, verdict, jury, decisions of the court of appeal, quashing of a judgment, amendment of a judgment, criminal procedure law, judicial control, incomplete appeal.

References

1. Lebedev I.V. The influence of the criminal procedure form of consideration and resolution of a criminal case with the participation of a jury on the types of decisions made by the court of appeal following the review of a jury verdict // Russian Scientific Bulletin. 2024. No. 2. P. 76–79.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on February 20, 2026) // Rossiyskaya Gazeta. 2001. No. 249.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 26 of November 27, 2012 “On the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing proceedings in the court of appeal” (as amended on June 27, 2023) // Rossiyskaya Gazeta. 2012. No. 283.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 of November 22, 2005 “On the application by courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing legal proceedings with the participation of jurors” (as amended on June 28, 2022) // Rossiyskaya Gazeta. 2015. No. 272.
5. Lebedev I.V. Review of a judgment based on a jury verdict in the court of appeal: diss. ... Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2024. 299 p.
6. Lebedev I.V. Subject and limits of review of a judgment based on a jury verdict in the court of appeal // Law and Power. 2024. No. 2. P. 116–121.
7. Lebedev I.V. Review of the practice of quashing judgments based on a jury verdict by courts of appeal // Russian Justice. 2022. No. 10. P. 89–99.
8. Kalinkina L.D. Appellate grounds for quashing or changing a judgment based on a jury verdict // Eurasian Advocacy. 2017. No. 2 (27). P. 39–43.
9. Romanova A.A. Review in the court of appeal of a judgment based on a jury verdict // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4 (32). P. 274–279.
10. Borodina T.G. On the specifics of the review of judgments based on a jury verdict in the Russian criminal process // Actual problems of Russian law. 2014. No. 12 (49). P. 2821–2825.
11. On the case of verifying the constitutionality of Part Five of Article 231 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen N.V. Zarubanov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 40-P of November 24, 2025 // Consultant Plus [Electronic resource]: legal website. 2025.

Объект и предмет судебной налоговой экспертизы в контексте ее дифференциации на современном этапе развития

Емельяненко Арина Владимировна,

студент, кафедра судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: u.von@list.ru

Цель исследования – выявление соотношения и взаимосвязи объекта и предмета судебной налоговой экспертизы как рода в контексте ее современной дифференциации. Научная новизна работы состоит в определении соотношения объекта и предмета налоговой экспертизы с учетом ее дифференциации на виды. В результате показано, что объектом судебной налоговой экспертизы являются документы с фактами хозяйственной жизни, отражающие характеристики налогообложения. Ее предметом являются данные и выводы о закономерностях налоговых правоотношений, оценки экспертов. Предмет конкретного налогового исследования – данные по определенному делу, взятые из документов. Судебная налоговая экспертиза имеет свой особый метод в виде системы способов и приемов познания фискальной сферы. Место судебной налоговой экспертизы и ее видов в классификации определено реальными отличиями экспертных исследований, которые обусловлены единством их объекта, предмета и метода. Ведущим при этом является предмет, определяющий их сущность как рода и видов экспертных исследований.

Ключевые слова: объект судебной налоговой экспертизы, предмет судебной налоговой экспертизы, метод судебной налоговой экспертизы, виды судебной налоговой экспертизы, классификация судебных экспертиз

Развитие социальных функций государства усиливает роль фискальной сферы, что увеличивает число налоговых преступлений; растет количество судебных налоговых экспертиз. Теоретики налоговой экспертизы изучают ее возникновение и развитие в силу дифференциации экономических экспертиз, объект и предмет, место в экспертных исследованиях [3; 4; 7; 15]. Но соотношение объекта и предмета налоговой экспертизы, в т.ч., применительно к ее видам, анализируется недостаточно. Мало внимания уделяется анализу дифференциации налоговых экспертиз на основе становления новых предметов экспертного исследования. Есть нерешенные вопросы при определении места налоговых экспертиз в классификациях экспертных исследований. Требуется осмысление объекта и предмета судебной налоговой экспертизы в контексте ее дифференциации для лучшего понимания ее проблем, поиска путей их решения. Это определило выбор темы. **Цель работы** – выявление соотношения и взаимосвязи объекта и предмета судебной налоговой экспертизы как рода в контексте ее дифференциации на виды на современном этапе развития.

Для достижения **цели**, поставленной в статье, решаются такие **задачи**:

- определить соотношение объекта и предмета налоговой экспертизы в контексте ее дифференциации на виды и в связи с экономической экспертизой;
- показать дифференциацию судебных налоговых экспертиз на основе становления новых предметов экспертного налогового исследования;
- подтвердить обоснованность изучения налоговых экспертиз в рамках классификации экспертных исследований на основе предметного подхода.

В статье применяется диалектический метод познания налоговой сферы. Изложение материала ведется на базе принципов единства исторического и логического (учитывается динамика и современное состояние фискальной сферы, прогресс в ее изучении) и системности (судебная налоговая экспертиза и ее виды рассматриваются в единстве с комплексом общественных, прежде всего, фискальных отношений). Применяются ключевые логические приемы и методы познания действительности, взятые с учетом специфики экономической и правовой сфер (анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция).

Согласно ст. 9 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» судебная экспертиза есть «процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» [10]. В мотивированном заключении эксперт отвечает на вопросы органов или лиц, в соответствии с законодательством, требующие специальных познаний (в сферах науки, техники и др.), чтобы найти факты по делу, которые предполагается доказать [10]. Эксперт использует законодательство о налогах, бухгалтере и фактические данные для выводов о соответствии «их правильности и полноты исчисления требованиям налогового законодательства» [4, С. 73].

Судебная налоговая экспертиза отражает специфику налоговых правоотношений и основана на комплексном применении специальных знаний из целого ряда областей (экспертами применяются нормативно-правовые акты по бухгалтеру, финансовому менеджменту, экономическому анализу, финансово-кредитной деятельности, аудиту, налоговому законодательству, гражданскому и трудовому праву), изучая сложные объекты. В 1990 гг. расширилась предметная область судебных экономических экспертиз, были внедрены международные стандарты учета и аудита, прошли реформы в налоговой сфере, сложились новые финансовые институты, развивалась оценочная деятельность. Все это способствовало дифференциации экономической экспертизы. Кроме того, появились классификации, включающие судебную налоговую экспертизу.

Бухгалтерская экспертиза изучает нарушения правил ведения бухгалтерского учета и обязательств по действующему законодательству, ее объекты – это объекты бухгалтерского учета. Ее методическим инструментарием являются формально-правовые приемы, способы проверки хозяйственных фактов и специальные инструменты проверки. Судебная налоговая экспертиза изучает нарушения законодательства о нало-

гах и сборах, ее объекты – «налогооблагаемые базы, формируемые в бухгалтерском, налоговом и внесистемном учете» [6, С. 215]. Она рассматривает фактические данные с использованием специальных знаний в области налогов и налогообложения, на основе «исследования закономерностей объектов и субъектов налогообложения, сумм фактически уплаченных и подлежащих уплате налогов, правильности и полноты уплаты налогов» [3, С. 103]. Данные содержатся в первичных учетных документах и регистрах бухгалтерского и налогового учета. Исследуются документы, позволяющие составить записи бухучета по покупкам и продажам (приходные ордера, товарные накладные, счета-фактуры). Записи бухучета не должны противоречить требованиям налогового законодательства РФ к их составлению и оформлению, адекватно отражать операции о фактах хозяйственной жизни. Они дают данные о финансово-кредитной деятельности организации, отражая затраты и результаты ее финансовой деятельности, источники финансирования, направления использования средств. Анализ документов бухгалтерского и налогового учета позволяет выявить наличие расхождений между суммами подлежащих уплате и уплаченных налогов. Так, исчисление суммы НДС может основываться на счетах-фактурах, налоговых регистрах.

К объектам такой экспертизы относятся все надлежащие документы, с экономически значимыми данными об объектах налогообложения, применяемой «системе обобщения информации для налогообложения, а также о состоянии расчетов по исполнению налогового обязательства» [3, С. 220]. Это договоры между предприятиями, документы бухучета, книги регистрации хозяйственных операций, акты налоговых проверок, учредительные документы (регламентируют оборот документации, влияя на налогооблагаемую базу). М.Ш. Баснукаев относит к ним документы, отражающие факты хозяйственной жизни, по поводу которых идет спор в суде [1, С. 27]. Лялюк А.В. и Марченко Д.В. в качестве объекта судебной налоговой экспертизы берут материальный носитель, дающий данные об объектах налогообложения, системе обобщения налоговой информации, расчетах по налогам; за базу для изучения берут совокупность данных со сведениями о финансово-хозяйственной деятельности организации [8, С. 164]. Нужно уточнить два последних мнения об объекте налоговой экспертизы. Отличают объект судебной налоговой экспертизы и материальный носитель, на котором существует этот объект. Материальный носитель есть та объективная форма, через которую существует объект экспертизы. Применительно к налоговой экспертизе как области практической деятельности объектом ее исследования является совокупность документов на носителе, содержащих данные о хозяйственных фактах, которые оказывают или могут оказывать влияние на элементы налогообложения при исчислении и уплате налогов. В конкретной судебной налоговой экспертизе по тому или иному уголовному делу ее объект предстает как документ (или документы), отражающий правоотношения в сфере налогообложения, изучение которого дает возможность ответить на поставленные перед экспертом вопросы.

К предмету налоговой экспертизы часто относят фактические данные, получаемые с помощью специальных знаний по бухучету и налоговому законодательству, «на основе исследования закономерностей субъектов и элементов налогообложения, сумм исчисленных, уплаченных и подлежащих уплате налогов (сборов) и соответствия их правильности и полноты исчисления требованиям налогового законодательства» [4, С. 73]. Е.Р. Россинская в качестве предмета этой экспертизы берет юридические факты в первичных бухгалтерских документах и налоговой отчетности – накладных, актах приемки выполненных работ и услуг и др. [15, С. 9]. Под ее предметом понимают также установление факта обоснованности применения норм налогового права к областям финансово-экономической деятельности налогоплательщиков, определение полноты и своевременности уплаты налогов. В предмет данной экспертизы включают данные об объекте налогообложения, состоянии расчетов по налоговым платежам, поиск сведений об уплате или неуплате налога, а также какая сумма не уплачена и какой способ уклонения от налога. К предмету относят определение характера искажений и размера занижения величины налога под их влиянием [6, С. 221]. По С.А. Звягину, есть пересечение предметов налоговой и бухгалтерской экспертиз, а бухучет «служит во многом основой налогового учета» [5, С. 69]. Сфера налогообложения зиждется, прежде всего, на налоговом учете, а это в львиной доле есть бухучет [3, С. 220].

Объект и предмет судебной налоговой экспертизы тесно связаны, но имеют принципиальные отличия. Ее объектом является экономически значимая и имеющая значение для налогообложения информация в отражающих хозяйственную деятельность предприятия надлежащим образом оформленных документах. Ее предметом являются данные о налоговых правоотношениях и те выводы, оценки и закономерности, которые выявляет на ее основе эксперт. Предмет конкретной судеб-

ной налоговой экспертизы составляют фактические данные по некоторому делу. Они «снимаются» с объекта налоговой экспертизы как документа, существующего на материальном носителе, а также являются в результате экспертной деятельности. В какой объективной форме существует информация не имеет значения, поскольку экспертизе подвергается не носитель, а документ со сведениями о фактах хозяйственной жизни (первичные бухгалтерские документы и формы налоговой отчетности).

В виде документов существуют, например, регистры налогового учета. В документах представлены данные о хозяйственных операциях, объектах налогообложения и т.п. Одни и те же материальные носители данных, как и документы на них, выступают базой и для налоговой, и для бухгалтерской экспертиз. Объект у этих экспертиз может быть одинаковым (документы). При этом предмет у данных экспертных исследований разный, поскольку одни и те же документы исследуются с разных позиций, обусловленных целями этих исследований. Специальные знания по бухучету во многом пересекаются с такими же знаниями в области налогового учета. Эксперт с помощью методов познания исследует предмет, устанавливая соответствие правильности и полноты исчисления налога требованиям налогового закона. Применительно к видам судебной налоговой экспертизы объект может быть одним и тем же (документ с информацией о разных налогах), либо разным (в одном документе содержится информация об одном налоге, в другом – о другом налоге). У разных видов судебной налоговой экспертизы при этом имеется собственный предмет, закономерности разных видов налогов, исследуемых в данном случае.

Не все признают особый метод у судебной налоговой экспертизы. Так, моделирование считают общим методом в бухгалтерской и налоговой экспертизах [2, С. 125]. Моделирование в этих экспертизах есть, но у налоговой экспертизы свой метод, состоящий в том, что именно у нее есть комплексный экономико-правовой анализ, охватывающий экономику, финансы, налоговый и бухгалтерский учет, а также правовые нормы, определяющие налогообложение. Ее метод – это система приемов, с помощью которых изучается ее предмет. В налоговой экспертизе есть и общенаучные, и специально-научные методы. Единая методология обеспечивает защиту как фискальных прав государства, так и имущественных прав налогоплательщиков [3, С. 221]. Среди специальных методов выделяются документальные и расчетно-аналитические [3, С. 221]. В последние входят аналитические операции, определяющие состояние объекта в целом. Среди расчетно-аналитических методов важен экономико-криминалистический анализ [5, С. 68]. Документальные методы сводятся к рассмотрению учетных документов, проверке нормативных оснований, обусловивших их появление. Верифицируются хронология записей и бухгалтерские проводки, анализируются операции. Учетные данные изучаются на наличие в них противоречий в конкретном документе, между содержанием взаимосвязанных документов. На нарушения указывают и противоречия, и отклонения от порядка движения однородных средств, который обычно имеет место. В распорядительных документах сверяют даты для проверки точности и своевременности отражения операций. При перерасчете сверяют расчеты в первичных документах и записях учета. Сравниваются данные из отчетности с нормами законодательства. Идет поиск несоответствий и причин их появления. Проверяются экономические расчеты, исчисление налогов. Результаты сравниваются с данными налогоплательщика, выявляются причины нарушений.

Судебная налоговая экспертиза возникла из экономической с развитием налоговых правоотношений и экспертной практики. Есть особенности ее методов и приемов в сравнении с другими судебными экономическими экспертизами – финансовой и бухгалтерской. Она имеет специфику в классе экономических экспертиз со своими объектом, предметом, методом и задачами. Ведомства, проводящие судебную налоговую экспертизу, по-разному видят ее место среди экспертных исследований. Приложение № 2 к приказу МВД РФ (29.06.2005 г. № 511) «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ» выделяет такие разновидности экономической экспертизы:

1. Судебная бухгалтерская экспертиза, проводимая в ходе расследования и судебного разбирательства ряда уголовных дел, возбужденных по ст. 145.1, 159, 160, 171, 174, 174.1, 199.2 УК РФ; предусматривает изучение содержания записей бухучета для получения ответов на поставленные эксперту вопросы;

2. Судебная налоговая экспертиза (назначается и проводится по ст. 198, 199 и 199.1. УК РФ с целью проверки правильности уплаты налогов);

3. Судебная финансово-аналитическая экспертиза (назначается и проводится по ст. 195, 196, и 197 УК РФ с целью проверки финансового состояния субъекта хозяйственной жизни);

4. Судебная финансово-кредитная экспертиза; назначается в ходе расследования и судебного разбирательства дел, возбужденных по ст. 176 УК РФ для оценки правильности кредитования и уровня кредитоспособности [13].

Российский федеральный центр судебных экспертиз при Минюсте РФ проводит экспертизы по Приказу Минюста РФ от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». В экономической экспертизе есть виды: изучение данных бухучета, рассмотрение финансового состояния и финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта и экспертиза расчетов с бюджетом и внебюджетными фондами [11].

Судебно-экспертный центр СК России проводит экономические экспертизы по Приказу СК РФ № 70 от 22.05.2017 г.: бухгалтерскую, финансово-аналитическую, оценочную и налоговую [12]. В экспертных подразделениях МВД РФ и СК РФ судебная налоговая экспертиза рассматривается как род экспертиз, но в экспертно-криминалистических структурах Минюста РФ как вид. В связи с этим необходимо более четко закрепить ее правовой статус в законодательстве. Это говорит и о необходимости обобщения опыта судебно-экспертной науки в сфере классификации судебных экономических экспертиз.

Место налоговой экспертизы как рода и ее видов в классификациях не должно определяться исходя из произвольных критериев, а опираться на объективные отличия разновидностей экспертных исследований, будучи обусловленным триединством их объекта, предмета и метода. Именно объект, предмет и метод в их единстве определяют сущность и специфику разновидностей экспертиз. На основе подобного триединства выделяется и разновидность (род или вид) экспертизы. Предмет экспертизы является определяющим для ее бытия как разновидности экспертных исследований, именно он определяет существование данного триединства. При этом возможно частичное пересечение объектов, предметов и методов родственных экспертных исследований, при сохранении уникального для каждой разновидности экспертизы соотношения (объект – предмет – метод). Так, это прослеживается применительно к бухгалтерской и налоговой экспертизам.

Ограничена классификация налоговой экспертизы по ее задачам, когда выделяются экспертиза объемов скрытой от налогообложения прибыли, экспертиза размера неуплаченных налогов и пр. [9, С. 93]. При решении любой из задач надо проводить, по сути, полное изучение финансовых и хозяйственных показателей налогоплательщика. Неполна и классификация по решаемым диагностическим задачам, когда выделяются исследования причинно-следственных связей между «фактами недостоверной отчетности ведения хозяйственной деятельности и материальными последствиями подобной неверной отчетности» и экспертизы по установлению факта намеренности или случайности неверного исчисления и уплаты налогов [9, С. 94]. У таких исследований есть только две типовые задачи (верно ли сформирована налоговая база и какова общая сумма исчисленного налога, какая сумма сокрыта). Это не позволяет реализовать принцип конкретности при проведении налоговой экспертизы. Классификация плохо согласуется с тем, что «любые конкретные задачи так или иначе преобразовываются в систему более частных подзадач по конкретному делу» [15, С. 10]. Сложно классифицировать по задачам конкретную экспертизу, факты которой всегда уникальны.

Налоговую экспертизу, чаще всего, понимают в виде разновидности судебной экономической, при которой проверяется правильность расчета и перечисления налогов и сборов. Согласимся с тем, что в качестве основания для классификации следует использовать такой признак, как «предметная область судебной экономической экспертизы». Через призму этого универсального признака можно описать различные судебные экономические экспертизы с точки зрения характера нарушений закона и «определения возможного экономического ущерба» [6, С. 215]. Экспертные судебно-бухгалтерские знания отличаются от аналогичных знаний по налоговым экспертизам. При классификации родов экономической экспертизы по предметной области, одна и та же хозяйственная область изучается с позиций либо бухгалтерского, либо налогового законодательства. Налоговая экспертиза есть род, имеющий «предмет, особенность и многомерность средств», ее нужно классифицировать по предмету исследования [7, С. 188]. Родом в составе экономических экспертиз она также является потому, что имеет в своем составе виды. Налоговая экспертиза тесно связана с бухучетом, который неразрывно связан с налоговым учетом, но с «развитием цифровых технологий и налогового законодательства, бухгалтерский

и налоговый виды учета обособляются, что ведет к дифференциации предметов бухгалтерской и налоговой экспертиз» [3, С. 220].

Судебная налоговая экспертиза как род экономических экспертиз делится на виды. Ключевую роль при классификации видов налоговых экспертиз играет то, исполнение какой разновидности налоговых платежей изучается. Налоговая экспертиза (как и экономическая) структурируется с позиций предметного подхода. Род судебной налоговой экспертизы делится на экспертизы по налогу на доходы физических лиц, по налогу на добавленную стоимость, по налогу на прибыль организации, по налогам на имущество организаций, по расчетам с бюджетом по уплате в него акцизов и др.

Рост судебной налоговой экспертизы в современной России – следствие изменений в социально-экономической жизни в 1990 гг., что расширило и дифференцировало предметную область экономических экспертиз. Судебная налоговая экспертиза исследует налоговые правоотношения на основе комплексного применения специальных знаний из ряда областей. Объектом исследования этой экспертизы выступает совокупность документов со сведениями о хозяйственных фактах, определяющих характер налогообложения налогоплательщика. Их изучение позволяет эксперту ответить на поставленные перед ним вопросы. Предметом судебной налоговой экспертизы является информация о налоговых правоотношениях, выводы, оценки и закономерности, выявляемые экспертом. Предмет конкретной судебной налоговой экспертизы составляют фактические данные по определенному делу, взятые при изучении документов как объекта этой налоговой экспертизы. Судебная налоговая экспертиза имеет свой особый метод в виде системы способов и приемов познания фискальной сферы разного уровня – от общенаучных до присущих только данной разновидности экспертных исследований. Место судебной налоговой экспертизы как рода и ее видов в классификации определяется объективными отличиями экспертных исследований, обусловленными триединством их объекта, предмета и метода. Ведущим при этом является ее предмет, определяя сущность судебной налоговой экспертизы как особой разновидности экспертных исследований. Выводы о взаимосвязи объекта, предмета и метода судебной налоговой экспертизы в контексте ее дифференциации способствуют решению ее практических проблем.

Литература

- Баснукаев М.Ш. Налоговая экспертиза: теоретические подходы. В сборнике: Теоретические и практические аспекты трансформации налоговой системы России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2022. С. 22–30.
- Белякова Е.Г. Актуальные проблемы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 123–129.
- Голикова В.В. О научной и методической обоснованности при производстве судебной налоговой экспертизы // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 4. С. 217–224.
- Голикова В.В. Предмет, задачи и объекты судебной налоговой экспертизы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 6. С. 73–76.
- Звягин С.А. Экономическая экспертиза: современная классификация и особенности использования в сфере противодействия экономическим правонарушениям / С.А. Звягин, И.Е. Стрыгина // Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях. 2018. № 10. С. 66–71.
- Князева Н.В. Основы методики судебной экономической экспертизы, осуществляемой негосударственными экспертами в области налогообложения в процессуальном поле // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 209–232.
- Кучеров И.И. Налоговые преступления (теория и практика расследования): монография. М.: Юриформ-Пресс, 2011. 288с.
- Лялюк А.В., Марченко Д.В. Судебная налоговая экспертиза при расследовании фактов уклонения от уплаты налогов и сборов с организации // Научные труды КубГТУ. 2017. № 4. С. 158–167.
- Мусин Э.Ф., Ефимов С.В. Современное состояние и возможности судебно-экономических экспертиз в органах внутренних дел Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 4 (8). С. 91–96.
- О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации (ред. от 26.07.2019): ФЗ от 31.05.2001. № 73-ФЗ <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 28.06.2026).
- Приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставлено

право самостоятельно производить судебные экспертизы в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» https://www.sudexpert.ru/education/sved/prikaz_rod.pdf (дата обращения – 1.07.2026)].

12. Приказ Следственного Комитета РФ № 70 от 22.05.2017 г. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201706270024> (дата обращения – 26.06.2026)

13. Приложение № 2 к приказу МВД Российской Федерации (29.06.2005 г. № 511) «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/171f22ad9900f6b9d88242eab4a97f-23c815fb19/ (ред. от 06.03.2026 г.).

14. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза. Типичные ошибки. М.: Проспект, 2015. 544с.

15. Фирсов В.В. Проблемы классификации и место судебной налоговой экспертизы в уголовном процессе // Управленческое консультирование. 2018. № 3 (111). С. 8–13.

THE OBJECT AND SUBJECT OF JUDICIAL TAX EXPERTISE IN THE CONTEXT OF ITS DIFFERENTIATION AT THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT

Emelyanenko A.V.

Kutafin Moscow State Law University

The purpose of the study is to identify the relationship and interconnection between the object and subject of judicial tax expertise as a type in the context of its modern differentiation. The scientific novelty of the work lies in determining the relationship between the object and subject of tax expertise, taking into account its differentiation into types. As a result, it is shown that the object of judicial tax expertise is documents with facts of economic life that reflect the characteristics of taxation. Its subject is data and conclusions about the patterns of tax legal relations, as well as expert assessments. The subject of a specific tax study is data from a specific case, taken from documents. Forensic tax expertise has its own specific method, which is a system of ways and techniques for studying the fiscal sphere. The place of forensic tax expertise and its types in the classification is determined by the real differences in expert studies, which are based on the unity of their object, subject, and method. The leading factor is the subject, which determines their essence as a type and category of expert studies.

Keywords: Object of forensic tax expertise, subject of forensic tax expertise, method of forensic tax expertise, types of forensic tax expertise, classification of forensic examinations

References

1. Basnukaev M. Sh. Tax Expertise: Theoretical Approaches. In the collection: Theoretical and Practical Aspects of the Transformation of the Russian Tax System. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2022. Pp. 22–30.
2. Belyakova E.G. Current Issues of Judicial Financial and Economic Expertise in Cases of Intentional Bankruptcy of Legal Entities // Current Issues of Russian Law. 2019. No. 9. Pp. 123–129.
3. Golikova V.V. On the scientific and methodological validity in the production of judicial tax expertise // Actual problems of Russian law. 2010. No. 4. Pp. 217–224.
4. Golikova V.V. Subject, tasks and objects of judicial tax expertise // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2011. No. 6. Pp. 73–76.
5. Zvyagin S.A. Economic Expertise: Modern Classification and Features of Use in the Field of Countering Economic Offenses / S.A. Zvyagin, I.E. Strygina // Accounting and Taxation in Public Organizations. 2018. No. 10. Pp. 66–71.
6. Knyazeva N.V. Fundamentals of the Methodology of Forensic Economic Expertise Conducted by Non-State Experts in the Field of Taxation in the Procedural Field // Gaps in Russian Legislation. 2016. No. 7. Pp. 209–232.
7. Kuchеров I.I. Tax Crimes (Theory and Practice of Investigation): Monograph. Moscow: YurInform-Press, 2011. 288p.
8. Lyalyuk A.V., Marchenko D.V. Forensic Tax Expertise in the Investigation of Tax and Fee Evasion by an Organization // Scientific Works of KubSTU. 2017. No. 4. Pp. 158–167.
9. Musin E.F., Efimov S.V. The current state and possibilities of forensic economic examinations in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Theory and practice of forensic examination. 2007. No. 4 (8). Pp. 91–96.
10. On state forensic examination activities in the Russian Federation (as amended on July 26, 2019): Federal Law No. 73-FZ dated May 31, 2001. <https://base.garant.ru/12123142/> (date of application: 06/28/2026).
11. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 04/20/2023 No. 72 “On Approval of the List of Types (types) of Forensic examinations performed in Federal Budgetary Forensic Expert Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the List of expert specialties for which the right is granted to independently conduct forensic examinations in federal budgetary forensic expert institutions Ministry of Justice of Russia” https://www.sudexpert.ru/education/sved/prikaz_rod.pdf (accessed 1.07.2026)].
12. Order of the Investigative Committee of the Russian Federation No. 70 dated 05/22/2017 <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201706270024> (date of application – 26.06.2026)
13. Appendix No. 2 to the Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (29.06.2005 № 511) “List of types (types) of forensic examinations performed in the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/171f22_ad9900f6b9d88242eab4a97f-23c815fb19/ (as amended on 03/06/2026).
14. Rossinskaya E.R. Forensic examination. Typical mistakes. M.: Prospekt, 2015. 544p.
15. Firsov V.V. Problems of classification and the place of judicial tax expertise in the criminal process // Administrative consulting. 2018. No. 3 (111). Pp. 8–13.

Специфика требований к приговору, постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей

Дулдуев Рамзан Арбиевич,

магистрант программы «Уголовное право и уголовное судопроизводство», Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: Raalihanov@gmail.com

Статья посвящена исследованию специфики требований законности, обоснованности и справедливости, предъявляемых к приговору, постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей. В работе обосновывается, что такой приговор представляет собой дуальный судебный акт, в котором фактическое основание формируется коллегией присяжных, а юридическое оформление – председательствующим судьей. Это обуславливает особое содержание каждого из базовых требований. Автор приходит к выводу, что законность приговора включает соблюдение специального режима суда с участием присяжных; обоснованность носит двухкомпонентный характер (производный от вердикта и самостоятельный); справедливость предполагает обязательный учет оценочного компонента вердикта. В статье анализируются структура и содержание приговора, а также рассматриваются риски его апелляционного пересмотра.

Ключевые слова: приговор, вердикт, коллегия присяжных заседателей, законность, обоснованность, справедливость, апелляционный пересмотр, уголовно-процессуальное право, председательствующий судья, вопросный лист.

Согласно статье 297 УПК РФ любой приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым. В обычном судопроизводстве содержание указанных требований раскрывается через непосредственную деятельность профессионального судьи по установлению фактических обстоятельств, оценке доказательств, квалификации содеянного и разрешению вопросов, перечисленных в статье 299 УПК РФ. Иначе организовано производство в суде с участием присяжных заседателей. В силу статьи 334 УПК РФ коллегия присяжных разрешает только вопросы, предусмотренные пунктами 1, 2 и 4 части первой статьи 299 УПК РФ, сформулированные в вопросном листе, а в случае признания подсудимого виновным отвечает также на вопрос о том, заслуживает ли он снисхождения; все остальные вопросы разрешаются председательствующим единолично.

Отсюда вытекает принципиально важное положение: приговор, постановленный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, является гибридным судебным актом. Его фактическое основание формируется не судьей, а коллегией присяжных; его юридическое завершение, напротив, относится к исключительной компетенции председательствующего. Именно поэтому к такому приговору нельзя механически применять привычную модель, при которой фактическая и правовая стороны решения целиком сосредоточены в одном субъекте судебной власти.

В научных работах С.А. Насонова последовательно подчеркивается, что каждый этап производства в суде присяжных обладает собственной спецификой, обусловленной разделением полномочий между профессиональным судьей и непрофессиональными судьями [1, с. 263]. Для темы настоящего исследования это означает следующее: требования к приговору должны анализироваться не оторванно, а в контексте всей конструкции судопроизводства с участием присяжных заседателей. Если в обычном процессе приговор является непосредственным результатом оценки доказательств судьей, то в суде присяжных он выступает результатом последовательного соединения двух различных волевых актов: вердикта коллегии и итогового решения председательствующего.

Такой вывод имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Невозможно корректно оценить ни законность, ни обоснованность, ни справедливость рассматриваемого приговора без учета того, что судья здесь не вправе заново решать вопросы, уже отнесенные законом к компетенции присяжных заседателей. Соответственно, качество приговора определяется не только тем, насколько корректно судья изложил собственные выводы, но и тем, насколько точно он воспроизвел и юридически трансформировал ответы, данные коллегией присяжных [2, с. 10].

Специфика требования законности. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 разъяснено, что приговор является законным тогда, когда он постановлен в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и основан на правильном применении уголовного закона [3]. Однако применительно к суду присяжных данная общая формула должна быть дополнена. Законность приговора, основанного на вердикте, означает соблюдение не только главы 39 УПК РФ, регулирующей постановление приговора как таковое, но и всего специального процессуального режима, закрепленного в главе 42 УПК РФ.

Прежде всего законность такого приговора зависит от правильного разграничения предмета судебного познания между присяжными и председательствующим. Статья 335 УПК РФ прямо устанавливает, что в присутствии присяжных подлежат исследованию лишь те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых определяется ими в соответствии с их полномочиями; данные о личности подсудимого исследуются только в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, а сведения о прежней судимости, признании хроническим алкоголиком или наркоманом, равно как и иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных, сообщению им не подлежат. Следовательно, приговор будет законным лишь тогда, когда вердикт, положенный в его основу, сформирован в процессуально допустимом информационном поле.

Пленум Верховного Суда РФ специально обращает внимание на то, что отказ сторонам в исследовании допустимых доказательств являет-

ся существенным нарушением уголовно-процессуального закона; если же в ходе обсуждения вопросного листа или после напутственного слова у присяжных возникают затруднения, требующие дополнительного выяснения фактических обстоятельств, председательствующий обязан возобновить судебное следствие. Тем самым законность приговора связывается не только с итоговым текстом решения, но и с тем, насколько добросовестно суд обеспечил сторонам возможность представить доказательства именно на том этапе, когда формируется внутреннее убеждение коллегии [4, с. 7].

Особое место в системе требований законности занимает вопросный лист. В соответствии со статьей 339 УПК РФ перед присяжными, как правило, ставятся три основных вопроса: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что его совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении данного деяния.

Допускается постановка частных вопросов, в том числе об обстоятельствах, которые изменяют степень виновности либо влекут освобождение подсудимого от ответственности, однако запрещается постановка вопросов, требующих собственно юридической оценки. Вопросы должны быть сформулированы в понятных присяжным выражениях. Именно здесь проходит одна из главных границ законности приговора: если вопросы сформулированы так, что в них фактически скрыта правовая квалификация, либо если их содержание не позволяет ясно установить волю коллегии, то дефект возникает задолго до постановления приговора, но неизбежно поражает и сам приговор.

С.А. Насонов справедливо отмечал, что этап постановки вопросов не является технической операцией, а представляет собой самостоятельный узел процессуальной концентрации, в котором определяется содержание будущего вердикта и, следовательно, пределы будущего приговора [5, с. 2298]. Вопросный лист в суде присяжных по своему значению сопоставим с логической матрицей судебного решения: он предопределяет допустимые границы фактической констатации и тем самым непосредственно влияет на то, каким может быть итоговый приговор.

Не менее значимым элементом законности выступает напутственное слово председательствующего. Пленум Верховного Суда РФ требует, чтобы оно сохраняло объективность и беспристрастность и не содержало выражения позиции судьи по вопросам, подлежащим разрешению присяжными заседателями [3]. Эта установка имеет прямое отношение к качеству будущего приговора. Если судья в напутственном слове фактически подменяет собой коллегию либо ориентирует ее на предпочтительный для себя вариант ответов, то последующий приговор, даже безупречный внешне, оказывается незаконным по причине порочности процедуры, лежащей в его основании. Научные разработки С.А. Насонова, посвященные напутственному слову председательствующего, последовательно подтверждают, что требование объективности здесь носит не рекомендательный, а системообразующий характер [6, с. 104].

Статьи 344 и 345 УПК РФ возлагают на председательствующего обязанность проверить вопросный лист с внесенными ответами на предмет ясности и непротиворечивости; обнаружив неясность или противоречие, судья обязан указать на них коллегии и предложить ей возвратиться в совещательную комнату, а при необходимости после заслушивания сторон вправе внести в вопросный лист дополнительные вопросы. В работах С.А. Насонова детально показано, что неясным является вердикт, не позволяющий точно установить выводы коллегии, а противоречивость проявляется в различных формах: противоречии ответов друг другу, противоречии ответа вопросу, внутренней противоречивости ответа, оставлении без ответа обязательного вопроса либо ответе на вопрос, который следовало оставить без ответа [7, с. 68]. Особую ценность представляет и другой вывод ученого: безосновательное возвращение присяжных в совещательную комнату так же недопустимо, как и непринятие мер к устранению реального дефекта вердикта.

Именно на данном этапе особенно отчетливо видно, что законность приговора, основанного на вердикте, носит производный характер по отношению к процессу вынесения последнего. Нельзя считать законным приговор, если положенный в его основу вердикт страдает дефектами, которые председательствующий обязан был устранить, но не устранил. Это обстоятельство дополнительно подтверждается положениями части второй статьи 389.25 УПК РФ, допускающей отмену оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта, в случае, когда неясный или противоречивый вердикт не был своевременно исправлен председательствующим.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» подчеркивается, что выводы суда должны опираться на доказательства, непосредственно исследованные в судебном заседании, что в приговоре подлежит оценке совокупность как обвинительных,

так и оправдательных доказательств, а простое перечисление доказательств без раскрытия их содержания и без мотивов принятия либо отклонения не отвечает требованиям закона [3]. Для обычного приговора это означает обязанность суда подробно мотивировать собственную оценку доказательственного материала. Однако в суде присяжных такое понимание обоснованности требует существенной корректировки.

Председательствующий судья, постановляя приговор на основании вердикта, не вправе заново определять, доказано ли событие деяния, доказано ли совершение его подсудимым и виновен ли последний. Эти вопросы уже разрешены коллегией присяжных заседателей в пределах ее компетенции. Поэтому классическая модель обоснованности, предполагающая развернутую судебную аргументацию по всем ключевым фактическим обстоятельствам, здесь неприменима в полном объеме. Судья не может заменить вердикт собственной мотивировкой по вопросам, которые законом отнесены к ведению присяжных [8, с. 86].

По этой причине обоснованность рассматриваемого приговора имеет двойственную природу.

Первая составляющая – производная обоснованность. Она относится к тем частям приговора, где суд исходит из фактических выводов, уже содержащихся в вердикте. В этой части приговор обоснован не потому, что судья самостоятельно переосмыслил доказательства, а потому, что он корректно воспроизвел и юридически интерпретировал ответы коллегии. Иными словами, основанием служит не новая доказательственная аргументация председательствующего, а надлежащим образом оформленный и проверенный вердикт присяжных [9, с. 274].

Вторая составляющая – самостоятельная обоснованность. Она охватывает квалификацию содеянного, выводы о наличии либо отсутствии признаков преступления, разрешение вопросов о наказании, гражданском иске, вещественных доказательствах, судебных издержках и иных юридических последствиях. Здесь председательствующий действует уже как полноценный субъект доказывания и оценки, поскольку статья 347 УПК РФ после провозглашения обвинительного вердикта прямо предусматривает исследование обстоятельств, связанных с квалификацией содеянного, назначением наказания, разрешением гражданского иска и другими вопросами, разрешаемыми судом при постановлении обвинительного приговора; стороны при этом могут затрагивать любые вопросы права, но не вправе ставить под сомнение правильность вердикта.

Представляется, что именно через указанное двучленное понимание обоснованности можно наиболее точно объяснить содержание статьи 351 УПК РФ. Закон прямо предусматривает, что в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора излагается сущность обвинения, по поводу которого коллегией присяжных был вынесен оправдательный вердикт, и содержатся ссылки на вердикт либо отказ государственного обвинителя от обвинения; приведение доказательств требуется лишь в части, не вытекающей из вердикта. В описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должны содержаться описание преступного деяния, квалификация содеянного, мотивы назначения наказания и обоснование решения суда в отношении гражданского иска. Уже сама эта законодательная конструкция показывает, что законодатель сознательно ослабляет требование к развернутой доказательственной мотивировке в той части, где фактическая основа решения задана ответами коллегии [2, с. 2823].

Из этого следует важный практический вывод: председательствующий не должен превращать приговор, основанный на вердикте присяжных, в альтернативный письменный вердикт, составленный судьей. Распространенная в практике тенденция к избыточному воспроизведению доказательств по вопросам факта может вступить в противоречие с природой суда присяжных. В особенности это касается оправдательных приговоров. Если коллегия дала отрицательный ответ хотя бы на один из трех основных вопросов, судья обязан не спорить с этим выводом, а определить соответствующее правовое основание оправдания [10, с. 64].

С.А. Насонов, анализируя стадию обсуждения последствий вердикта, указывал на недопустимость смешения фактических вопросов, разрешенных коллегией, с теми правовыми вопросами, которые подлежат самостоятельному решению председательствующим [11, с. 67]. Для целей настоящего исследования этот тезис особенно важен. Судебная мотивировка должна быть разделена не столько композиционно, сколько функционально: фактический блок – в границах вердикта; правовой блок – как результат собственной деятельности суда.

Требование справедливости приговора традиционно раскрывается через соразмерность уголовно-правовой реакции характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и данным о личности виновного [12, с. 86]. В суде присяжных

эта общая формула сохраняет значение, однако приобретает дополнительный смысловой слой.

Во-первых, справедливость здесь не может быть сведена к математике наказания. Внутри суда присяжных она предполагает уважение к распределению компетенции между коллегией и председательствующим. Приговор не может считаться справедливым, если судья, формально не оспаривая вердикт, фактически нивелирует его значение посредством такой квалификации или такого наказания, которые вступают в противоречие с фактическим и ценностным смыслом ответов присяжных. Иначе говоря, справедливость требует не только соразмерности, но и институциональной лояльности к модели участия граждан в отправлении правосудия [13, с. 75].

Во-вторых, в суде присяжных справедливость непосредственно связана с вердиктом о снисхождении. В силу статей 334, 339 и 349 УПК РФ при признании подсудимого виновным присяжные отвечают на вопрос о том, заслуживает ли он снисхождения, а признание подсудимого заслуживающим снисхождения обязательно учитывается при назначении наказания. Уголовный кодекс РФ конкретизирует это предписание: срок или размер наказания лицу, признанному виновным, но заслуживающим снисхождения, не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление; при назначении такого наказания отягчающие обстоятельства не учитываются.

Следовательно, справедливость приговора, основанного на обвинительном вердикте, не может оцениваться без учета особой процессуальной формы выражения общественной оценки деяния и личности виновного. Вердикт о снисхождении представляет собой не факультативный психологический штрих, а юридически значимый элемент, влияющий на пределы судейского усмотрения. Игнорирование данной оценки либо ее формальное упоминание без реального влияния на наказание означало бы нарушение не только закона, но и самой идеи суда присяжных [14, с. 48].

В-третьих, специфика справедливости проявляется и в том, что законодатель не связывает председательствующего исключительно с наличием или отсутствием снисхождения. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: при наличии оснований, предусмотренных статьей 64 УК РФ, судья вправе назначить более мягкое наказание как лицу, признанному заслуживающим снисхождения, так и лицу, которое таковым не признано [15]. Из этого следует важный вывод: справедливость в суде присяжных строится на сочетании обязательных последствий вердикта и собственно судебной оценки исключительных обстоятельств. Иными словами, вердикт о снисхождении сужает верхнюю границу усмотрения, но не исчерпывает всей проблематики справедливого наказания.

Представляется поэтому, что требование справедливости применительно к приговору, постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, включает три элемента: 1) соразмерность уголовно-правовых последствий установленным обстоятельствам; 2) обязательный учет нравственно-оценочного компонента вердикта, прежде всего вывода о снисхождении; 3) недопустимость нейтрализации либо произвольной коррекции воли коллегии за пределами, прямо предусмотренными законом.

Специфика требований к рассматриваемому приговору находит прямое выражение в статье 351 УПК РФ. Законодатель, сохраняя общую отсылку к главе 39 УПК РФ, специально устанавливает несколько изъятий: во вводной части приговора не указываются фамилии присяжных заседателей; в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора излагается существо обвинения и содержатся ссылки на оправдательный вердикт либо отказ государственного обвинителя от обвинения; в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должны быть отражены описание преступного деяния, квалификация содеянного, мотивы назначения наказания и обоснование решения в отношении гражданского иска; в резолютивной части приговора разъясняется порядок апелляционного обжалования.

Отказ от указания фамилий присяжных во вводной части обусловлен не формальной лаконичностью, а необходимостью подчеркнуть особый статус коллегии как анонимизированного коллективного субъекта вердикта. Приговор фиксирует результат волеизъявления коллегии, но не индивидуализирует ее членов. Тем самым обеспечивается баланс между публичностью правосудия и гарантиями независимости присяжных.

Особое значение имеет конструкция описательно-мотивировочной части оправдательного приговора. Закон предельно показательно ограничивает здесь объем доказательственной аргументации: приводить доказательства требуется только в части, не вытекающей из вердикта. Это означает, что председательствующий не должен включать в приговор пространное обсуждение тех обстоятельств, по которым

коллегия уже высказалась отрицательно. Иное превращало бы оправдательный приговор в завуалированную полемику суда с присяжными.

В обвинительном приговоре структура иная, но и здесь действуют специальные ограничения. Описание преступного деяния должно соответствовать именно тому объему фактов, который признан доказанным вердиктом. Судья не вправе включать в фабулу осуждения признаки, которые не нашли отражения в ответах коллегии либо были ею фактически исключены. Это особенно важно в ситуациях, когда присяжные, пользуясь предоставленной им возможностью, смягчают обвинение, отрицая отдельные элементы инкриминированного деяния [1, с. 310].

Вместе с тем обвинительный приговор должен содержать полноценную юридическую аргументацию по тем вопросам, которые разрешаются судьей самостоятельно. Именно поэтому представляется методически оправданным построение его описательно-мотивировочной части по трехзвенной схеме: 1) обстоятельства, установленные вердиктом коллегии присяжных заседателей; 2) правовая квалификация деяния и иные вопросы уголовно-правовой оценки; 3) мотивы решения о наказании, гражданском иске, вещественных доказательствах, процессуальных издержках и иных последствиях. Такая структура прямо не предписана законом, но наиболее полно соответствует природе рассматриваемого судебного акта [16, с. 218].

Одна из наиболее существенных особенностей приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, выявляется на этапе апелляционного контроля. По общему правилу приговор подлежит проверке на законность, обоснованность и справедливость. Однако статья 389.25 УПК РФ вводит специальный режим отмены оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта: такой приговор может быть отменен лишь при наличии существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными вопросов или данных ими ответов; отдельным основанием служит неустранимая неясность или противоречивость вердикта.

Пленум Верховного Суда РФ конкретизирует названные основания, относя к ним, в частности, необоснованное признание недопустимыми доказательств обвинения, отказ в исследовании доказательств стороны обвинения, отказ в вызове свидетелей, экспертов и иных лиц, а также нарушения прав потерпевшего на участие в процессе [17]. Данная конструкция имеет прямое значение для характеристики требований, предъявляемых к приговору. Стабильность оправдательного приговора, основанного на вердикте, обеспечивается не столько объемом его письменной мотивировки, сколько безупречностью предшествующей процедуры формирования вердикта [18, с. 40].

Из этого вытекает важный методологический вывод. В суде присяжных при оценке качества приговора нельзя ограничиваться анализом самого текста судебного решения. Необходимо проверять весь процессуальный путь, которым был получен вердикт: обеспечены ли сторонам равные возможности представления доказательств; корректно ли сформулированы вопросы; не содержало ли напутственное слово внушения; своевременно ли устранены неясности и противоречия.

С практической точки зрения это означает, что председательствующий, ориентируясь на устойчивость будущего решения, должен уделять первоочередное внимание не риторической насыщенности приговора, а процессуальной безупречности каждого предыдущего этапа. В противном случае даже стилистически и композиционно безупречный приговор рискует быть отмененным из-за ошибок, допущенных при формировании доказательственной базы для внутреннего убеждения присяжных [19, с. 104].

Таким образом, специфика требований, предъявляемых к приговору, постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, состоит в том, что каждая из базовых характеристик – законность, обоснованность и справедливость – наполняется здесь особым содержанием, вытекающим из разграничения компетенции между народным и профессиональным началом правосудия. Игнорирование этой особенности неизбежно ведет либо к формализации суда присяжных, либо к подмене его смысла. Напротив, точное понимание названной специфики позволяет рассматривать приговор на основании вердикта не как упрощенный вариант обычного приговора, а как самостоятельную и сложную форму судебного решения, требующую специальных подходов как в теории, так и в правоприменении [2, с. 2825].

Литература

1. Насонов С.А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021. 517 с.

2. Бородинова Т.Г. О специфике пересмотра приговоров, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2821–2825.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» (ред. от 09.12.2025 г.) // Российская газета. 2016. № 277.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (ред. от 28.06.2022) // Российская газета. 2015. № 272.

5. Насонов С.А. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями: некоторые проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10(47). С. 2297–2302.

6. Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных: значение, свойства и требования // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 27. С. 101–108.

7. Насонов С.А. Провозглашение вердикта присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 12(32). С. 65–71.

8. Корнакова С.В. Место и значение моральных категорий «справедливость» и «совесть» в нормах действующего уголовно-процессуального закона // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 2. С. 86–92.

9. Романова А.А. Пересмотр в суде апелляционной инстанции приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 274–279.

10. Беляев М.В. Особенности решений, принимаемых судом с участием присяжных заседателей // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 62–65.

11. Насонов С.А. Обсуждение последствий вердикта присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 33. С. 62–67.

12. Гладышева О.В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2009. 45 с.

13. Стрелкова Ю.В. Нуллифицирующий вердикт присяжных заседателей как разновидность оправдательного вердикта // Развитие современной науки: теоретические аспекты. Сб. статей. Пермь, 2016. № 4. С. 74–76.

14. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Вердикт присяжных заседателей о снисхождении: коллизии уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2014. № 3–4(63–64). С. 46–51.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 23.12.2025) // Российская газета. 2015. № 295.

16. Владыкина Т.А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 442 с.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (ред. от 27.06.2023 г.) // Российская газета. 2012. № 283.

18. Калинин Л.Д. Апелляционные основания отмены или изменения приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей // Евразийский адвокатура. 2017. № 2 (27). С. 39–43.

19. Разинкина А.Н. Особенности обжалования приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей // Криминалист. 2018. № 2 (23). С. 102–112.

SPECIFIC REQUIREMENTS FOR A JUDGMENT BASED ON A JURY VERDICT

Dulduv R.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the specific requirements of legality, validity, and fairness imposed on a judgment based on a jury verdict. The paper substantiates that such a judgment represents a hybrid judicial act, where the factual basis is formed by the jury, and the legal completion is carried out by the presiding judge. This determines the special content of each of the basic requirements. The author concludes that the legality of the judgment includes compliance with the special regime of the jury trial; validity has a two-component nature (derived from the verdict and independent); fairness presupposes mandatory consideration of the evaluative component of the verdict. The article analyzes the structure and content of the judgment, as well as examines the risks of its appellate review.

Keywords: judgment, verdict, jury, legality, validity, fairness, appellate review, criminal procedure law, presiding judge, question sheet.

References

1. Nasonov S.A. Conceptual foundations of proceedings in a court with the participation of jurors: diss. ... Doctor of Law. M., 2021. 517 p.
2. Borodina T.G. On the specifics of the review of judgments based on a jury verdict in the Russian criminal process // Actual problems of Russian law. 2014. No. 12 (49). P. 2821–2825.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 55 of November 29, 2016 "On the court judgment" (as amended on December 9, 2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2016. No. 277.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 of November 22, 2005 "On the application by courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing legal proceedings with the participation of jurors" (as amended on June 28, 2022) // Rossiyskaya Gazeta. 2015. No. 272.
5. Nasonov S.A. Formulation of issues to be resolved by jurors: some problems of legislative regulation and judicial practice // Actual problems of Russian law. 2014. No. 10(47). P. 2297–2302.
6. Nasonov S.A. The presiding judge's summing-up in a jury trial: meaning, properties and requirements // Issues of modern jurisprudence. 2013. No. 27. P. 101–108.
7. Nasonov S.A. Announcement of the jury verdict: problems of legislative regulation and judicial practice // Issues of modern jurisprudence. 2013. No. 12(32). P. 65–71.
8. Kornakova S.V. The place and meaning of the moral categories "justice" and "conscience" in the norms of the current criminal procedure law // Legal Bulletin of Samara University. 2019. No. 2. P. 86–92.
9. Romanova A.A. Review in the court of appeal of a judgment based on a jury verdict // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4 (32). P. 274–279.
10. Belyaev M.V. Features of decisions made by a court with the participation of jurors // Criminal Justice. 2018. No. 12. P. 62–65.
11. Nasonov S.A. Discussion of the consequences of the jury verdict: problems of legislative regulation and judicial practice // Issues of modern jurisprudence. 2014. No. 33. P. 62–67.
12. Gladysheva O.V. Justice and legality in criminal proceedings of the Russian Federation: abstract. diss. ... Doctor of Law. Krasnodar, 2009. 45 p.
13. Strelkova Yu.V. Nullifying jury verdict as a type of acquittal verdict // Development of modern science: theoretical aspects. Collection of articles. Perm, 2016. No. 4. P. 74–76.
14. Prokhorov L.A., Prokhorova M.L. Jury verdict on leniency: conflicts of criminal and criminal procedure legislation // Economics. Law. Press. Bulletin of the KSEI. 2014. No. 3–4(63–64). P. 46–51.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of December 22, 2015 "On the practice of imposing criminal penalties by courts of the Russian Federation" (as amended on December 23, 2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2015. No. 295.
16. Vladykina T.A. Theoretical model of proceedings in criminal cases considered by a court with the participation of jurors: diss. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2018. 442 p.
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 26 of November 27, 2012 "On the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing proceedings in the court of appeal" (as amended on June 27, 2023) // Rossiyskaya Gazeta. 2012. No. 283.
18. Kalinkina L.D. Appellate grounds for quashing or changing a judgment based on a jury verdict // Eurasian Advocacy. 2017. No. 2 (27). P. 39–43.
19. Razinkina A.N. Features of appealing judgments passed by a court with the participation of jurors // Criminalist. 2018. No. 2 (23). P. 102–112.

Зашляпин Леонид Александрович,
преподаватель Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева
E-mail: simple.teacher@outlook.com

Траектория эволюционирования русского уголовно-процессуального права отчетливо демонстрирует консервативный подход законодателя различных исторических периодов к использованию нормативной конструкции «врач». На протяжении более чем ста пятидесяти лет этот участник присутствует в качестве элемента процессуального действия «освидетельствование». При этом в общих частях уголовно-процессуальных законов 1864 года, 1923 года, 1960 года и ныне действующем определении его процессуального положения не производится. Законодатель всегда ограничивается институтом освидетельствования, объективно допуская неясность его положения. Процессуальная компетенция врача может быть извлечена лишь из регулятивных норм этого института.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, участники уголовного процесса, субъекты уголовного процесса, врач, специалист, судебно-медицинский эксперт, правовое положение, процессуальный статус, процессуальное положение, правосубъектность, процессуальная правоспособность, процессуальная дееспособность

Введение

Уголовно-процессуальный закон содержит множество участников, статус которых не определен или определен частично. Врач является таковым, предопределяя актуальность исследования его статуса.

Объектная область исследования включает периоды действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС)¹, Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 года (далее – УПК 1923 г.)², Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года (далее – УПК 1960 г.)³ и Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 года (далее – УПК РФ)⁴. Преследуемой научной целью является определение тенденций в конструировании статуса врача в освидетельствовании. Основными методами исследования выступали хронодискретный моногеографический подход и формально-юридический метод.

Основная часть исследования

В качестве первого элемента анализа объектной области рассмотрим процессуальное положение врача в освидетельствовании по УУС. В данном нормативном акте врач толковался как разновидность сведущих лиц (ст. 979, 326 УУС), что закладывало некоторую традицию правоупонимания его статуса. При этом в доктрине того времени подчеркивалась необходимость наличия у данного субъекта специальных знаний [1], несмотря на то, что юридические нормы такого требования в явной форме не содержали.

Согласно ст. 336–337 УУС, при необходимости определения характера травмы, требующей медицинских знаний, мог привлекаться врач. Это позволяло применять медицинские знания в процессуальной форме. Необходимо отметить, что в УУС различными (что важно для интерпретации) его разделами предусматривалось освидетельствование через сведущих лиц и освидетельствование через врачей, допуская признание освидетельствования с участием врача обособленным процессуальным действием [2, с. 69–72]. Однако рассматриваемый субъект выступал зависимым, временным участником процесса. Его привлечение связывалось с решением властного субъекта – судебного следователя, мирового судьи или суда. Самостоятельное инициирование врачом освидетельствования исключалось. В связи с этим И.Г. Савицкая справедливо характеризует его как помощника властных участников [3, с. 180], что предполагало отсутствие у врача личного интереса в уголовном деле.

Процессуальное положение ординарного врача определялось наличием специальных знаний (статьи 112, 325 УУС). Однако УУС не содержал формальных требований к специализации. Выбор сведущих лиц полностью предоставлялся властным участникам правоотношений и проверке не подлежал. Данное обстоятельство само по себе могло учитывать наличие специальных знаний у врача в качестве условного критерия, допускать субъективное усмотрение привлекающего лица. Важно, что нормы об освидетельствовании часто трактовались в то время, как правила проведения экспертизы [4], что исключало статусность ординарного врача. Судебный врач, в отличие от обычного врача, мог являться участником уголовного процесса на многих его стадиях. Ординарный же врач был заменяемым лицом, предполагая ситуативность его привлечения к освидетельствованию.

Врач не был обязательным участником освидетельствования. Это действие могли проводить судебный следователь, мировой судья или полиция (ст. 105, 258, 315 УУС). Привлечение сведущих лиц, включая врачей, происходило лишь при признании необходимости (ст. 879 УУС). Открытый перечень сведущих лиц (ст. 326 УУС) и дифференциация врачей (ст. 337 УУС) подчеркивали отсутствие уникального статуса именно у ординарных врачей. Они могли лишь замещать судебных врачей, статус которых был более определен, в исключительных слу-

¹ Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Т. 2. – С. 1.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Постановлением ВЦИК от 15.02.1923) // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. – 1923. – № 7. – Ст. 106.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: [утв. ВС РСФСР 27.10.1960] // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

чаях. Судебный врач рассматривался как имеющий какое-то отношение к властям, осуществляющим производство по уголовному делу. Можно полагать, что он имел предполагаемую аффилиацию с лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, а ординарный врач нет.

Единственный случай самостоятельности врача – освидетельствование женщины, связанное с ее обнажением. Если освидетельствуемая возражала против участия следователя, врач проводил действие единолично (ст. 331, 351 УУС). Уже тогда, это было реализацией скорее этических, а не юридических норм. Законодателем презюмировалось, что судебный следователь является мужчиной, врача же в качестве участника освидетельствования он упоминал относительно освидетельствования женщин, в случаях их обнажения. Юридическая техника того времени не предполагала освидетельствования обнажающегося мужчины женщиной, являющейся судебным следователем или судьей.

Субъективные права врача в УУС были ограничены и коррелировались с правоспособностью и дееспособностью привлекающих врача лиц. Законодатель не придавал врачу особых, отличных от участников процесса – юристов, процессуальных средств.

Таким образом, по УУС врач занимал зависимое положение в освидетельствовании. Его статус определялся не как самостоятельного участника процесса, а как временного помощника властных субъектов. Обладание специальными медицинскими знаниями было достаточно условным критерием, поскольку не исключало выполнение врачом в ходе освидетельствования каких-то технических функций в содействии властным участникам правоотношений. Уголовно-процессуальный закон Российской Империи не содержал нормативной дефиниции «врач», контекстуально не раскрывал его признаков в качестве участника уголовного процесса.

В качестве второго элемента эволюционирования объектной области рассмотрим процессуальное положение врача в освидетельствовании в период действия УПК 1923 г. В этом нормативном акте отсутствовали дефинитивные нормы, касающиеся его статуса и прямо закрепляющие субъективные права и обязанности врача. Термин «врач» упоминался в главе XV «Осмотры и освидетельствования» три раза, что указывало на то, что советский законодатель уделял ему значительно меньшее внимание, чем это было в УУС. Освидетельствование рассматривалось как следственное действие, направленное на собирание доказательств путем визуального осмотра тела живого человека. Основным участником освидетельствования являлся следователь, обладавший широкими полномочиями по производству предварительного расследования (ст. 111–112, 123, 126 УПК 1923 г.). Он был основным участником рассматриваемого действия. Согласно ст. 193 УПК 1923 г., при необходимости экспертного исследования тела следовало приглашать судебно-медицинского эксперта. Обычный врач мог привлекаться лишь субсидиарно – «если участие судебно-медицинского эксперта было невозможно». Таким образом, врач выступал замещающим субъектом, приглашаемым по усмотрению следователя.

Нормативная конструкция закона отражала общую идеологию раннего советского права, в котором детально регулировался статус властных участников уголовного преследования (ст. 23 УПК 1923 г.). Врач же находился вне круга субъектов, осуществляющих уголовную репрессию. Это создавало так называемый «эволюционный разрыв» развития правового института в сравнении с УУС, в котором нормы о «сведущих людях» (включая врачей) допускали более широкое признание их правосубъектности (ст. 326 УУС и др.). В УПК 1923 г. процессуальное положение врача оставалось зависимым, и оно не обладало признаками уголовно-процессуального статуса. Их процессуальная право- и дееспособность в законе не определялась. Судебно-медицинский эксперт, напротив, имел более определенное положение, опиравшееся на ст. 63 УПК 1923 г. и ведомственные инструкции. Привлечение экспертов по должности осуществлялось через губернские отделы здравоохранения, что создавало устойчивые правоотношения с привлекаемыми их лицами. Наоборот, ординарные врачи находились в неурегулированной процессуальной зоне. Этическая составляющая регулирования правового положения врача в данном законе отсутствовала.

Советская уголовно-процессуальная доктрина периода действия УПК 1923 г. в целом следовала нормативному подходу. М.А. Чельцов и М.С. Строгович акцентировали внимание на судебно-медицинском эксперте, рассматривая освидетельствование преимущественно как форму экспертизы [5, с. 402; 6, с. 119]. Обычный врач упоминался лишь в исключительных случаях как «ближайший врач». При этом подчеркивалась возможность принудительного освидетельствования обвиняемого следователем, а не врачом. В теории врач не признавался полноценным субъектом уголовно-процессуальной деятельности, обладающим процессуальными правами и обязанностями. Его уча-

стие трактовалось скорее через призму общей медицинской право- и дееспособности, ориентированной на отношения «врач – пациент». Отдельные случаи привлечения врачей к уголовной ответственности после участия в следственных действиях подчеркивали их подвластное положение по отношению к органам следствия и суда [7, с. 17–18]. К концу периода действия УПК 1923 г. сформировалось понимание того, что освидетельствование, проводимое обычным врачом, ближе к медицинской деятельности, нежели к уголовно-процессуальной. Это смещало процессуальное положение врача в сторону реализации его общеправового статуса.

Таким образом, в период действия УПК 1923 г. процессуальное положение врача в освидетельствовании характеризовалось неопределенностью, зависимостью от следователя и отсутствием самостоятельных властных полномочий. Оно стало менее определенным в сравнении с положением врача по УУС. В этот период началось формирование процессуального статуса эксперта, включая судебно-медицинского, и наоборот, произошла деградация процессуального положения врача.

Третьим элементом исследуемой нами объектной области является процессуальное положение врача в освидетельствовании по УПК 1960 г. В отличие от УПК 1923 г., где положение врача оказалось максимально неопределенным, советский законодатель последнего периода пошел по пути развития правового положения врача, хотя и сохранил рамочный характер регулирования.

Как и в предыдущем УПК 1923 г. врач не упоминался в главе УПК 1960 г. о правах и обязанностях участников процесса. Нормативная основа положения рассматриваемого субъекта содержится в ст. 181 УПК 1960 г. – в правилах, регулирующих само следственное действие. Эта основа состоит в том, что следователь привлекал врача к освидетельствованию «в необходимых случаях» (ч. 3 ст. 181 УПК 1960 г.); допускалось освидетельствование врачом в отсутствие следователя при обнажении освидетельствуемого (ч. 5 ст. 181 УПК 1960 г.); деятельность врача в судебном следствии не предусматривалась. Этим законодатель задал лишь рамочную регуляцию положения медицинского работника, оставив ее значительную часть на усмотрение следователя. Основным статусным участником освидетельствования оставался следователь (п. 7 ст. 34, ч. 1–2 ст. 181, ст. 182 УПК 1960 г.). Он принимал решение о производстве действия, проводил его (за исключением случаев обнажения) и всегда составлял протокол. Врач выступал как привлекаемое лицо, зависимое от следователя.

Согласно ст. 70 УПК 1960 г. собирание доказательств было полномочием властных субъектов. Врач не относился к их числу и не обладал субъективным правом на проведение следственных действий. Общая правосубъектность врача по законодательству о здравоохранении касалась только лечебной деятельности и не включала обязанность участвовать в следственных действиях. По этой причине трансформация общей правоспособности врача в специальную процессуальную была невозможной.

В случае участия врача по ч. 3 ст. 181 УПК 1960 г. решение полностью зависело от усмотрения следователя. Обязанность врача участвовать в освидетельствовании ни УПК, ни отраслевым законодательством не предусматривалась. Процессуальные права и обязанности врача в законе отсутствовали, как и ответственность. Даже при проведении освидетельствования без следователя (ч. 5 ст. 181 УПК 1960 г.) решение о привлечении врача и составление протокола оставалось за следователем. Врач фактически занимал положение помощника следователя, реализуя свою общую медицинскую правоспособность. Его процессуальное положение, в отличие от правил УПК 1923 г., получило дополнительную регламентацию, но не привело к формированию определенного статуса. Более всего этот недостаток проявился с 1966 г. – с момента введения статуса специалиста, который изначально был более определенным.

Советская теория уголовного процесса в большинстве научных позиций не включала врача в число участников процесса. Ученые фокусировались на властных и преследуемых субъектах. Например, Р.Д. Рахунов связывал участников процесса с теми, чьи действия служат средствами доказывания и на кого возлагается бремя доказывания [8, с. 23]. Врач в этот круг не входил. В.А. Стрёмовский считал уголовно-процессуальный статус атрибутом лиц, действующих от имени государства [9, с. 11].

В науке констатировалось отсутствие у врача специальной правосубъектности, собственных прав, обязанностей и ответственности. Правоотношения «следователь – врач» характеризовались дискреционностью усмотрения первого и полной зависимостью второго [10, с. 29]. Врач рассматривался как вспомогательный, несамостоятельный участник, не обладающий процессуальной функцией и интересом в деле.

Таким образом, по УПК 1960 г. процессуальное положение врача в освидетельствовании было зависимым и ограниченным.

Четвертым элементом рассматриваемой объектной области является процессуальное положение врача в освидетельствовании в предварительном расследовании, определяемое нормами УПК РФ. Вновь, как и в предыдущих законах, врач не упоминается в нормативных дефинициях ст. 5 УПК РФ и разделе II УПК РФ об участниках уголовного процесса. Нормы, позволяющие выявить признаки статуса рассматриваемого субъекта были сосредоточены в правилах о процессуальных действиях. Существенным, по сравнению с предыдущим советским законодательством, является регулирование освидетельствования в досудебном производстве (стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования) и в судебном производстве. Прежде всего, рассмотрим интересующий нас вопрос относительно предварительного расследования.

Общая гипотеза ст. 179 УПК РФ предполагает, что при необходимости обнаружения следов и телесных повреждений на теле человека следователь производит освидетельствование. Основным субъектом действия выступает следователь (ч. 3 ст. 179, п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), на которого возложена обязанность собирания доказательств. Врач привлекается лишь в исключительных случаях, связанных с обнажением лица иного пола, чем следователь. Закон не требует от врача специальных медицинских знаний для визуального обнаружения следов (это действие возможно и без них) и прямо не предусматривает условия «если необходимо проведение освидетельствования, то следователь привлекает врача». Очевидно, что при таком регулировании последний не может быть обязательным участником уголовного процесса.

Диспозиция нормы носит разрешительный характер для следователя. Он «привлекает» врача. Глагол «привлекает» трактуется как организационное полномочие следователя (приглашение), а не как обязанность врача участвовать в действии. Постановление о производстве освидетельствования может представляться единственным источником формирования процессуальной компетенции врача. В этой ситуации врач оказывается техническим помощником следователя, лишенным самостоятельного публичного интереса.

Вновь законодатель подчеркивает этический аспект: врач заменяет следователя при обнажении освидетельзуемого лица противоположного пола, обеспечивая уважение чести и достоинства. Специальных знаний в области уголовного процесса или криминалистической тактики от врача не требуется. Его основная функция остается этической, ориентированной на интересы освидетельзуемого лица.

В науке многие авторы отмечают отсутствие у врача процессуальных прав и обязанностей, характерных для полноправных участников. Попытки применять по аналогии статус специалиста некорректны, поскольку законодатель сознательно разделил эти фигуры.

Таким образом, в современном УПК РФ его процессуальное положение в освидетельствовании в предварительном расследовании остается неполным.

Пятым элементом исследуемой объектной области является процессуальное положение врача в освидетельствовании в судебном следствии. В действующем УПК РФ оно определяется прежде всего нормами ст. 290 УПК РФ. Это создает ситуацию частичной урегулированности и правовой неопределенности.

Относительно стадии судебного разбирательства возникает потребность отмежевания процессуального положения врача от статуса специалиста (ст. 58 УПК РФ). Как мы полагаем, отечественный законодатель в ч. 2 ст. 290 УПК РФ прямо противопоставляет «врача или иного специалиста». Специалист оказывает содействие уполномоченному лицу (следователю, суду) в применении специальных знаний (ст. 58, 168, 279 УПК РФ). Врач же может привлекаться непосредственно в судебное следствие, не имея предварительного процессуального статуса. Специалист не вправе самостоятельно проводить освидетельствование, особенно связанное с обнажением; врач выполняет именно такую самостоятельную деятельность в отдельном помещении. Правила ч. 3 ст. 290 УПК РФ созданы для врача (а не для специалиста).

Судебная практика и доктрина подчеркивают, что врачу в освидетельствовании не требуется наличие специальных судебно-медицинских знаний. Его роль не связана со сбором доказательств в классическом смысле. Он выполняет обычные действия по описанию тела человека, которые в принципе доступны профессиональному юристу – участнику судебного следствия. Основная цель привлечения врача – преодоление нравственных ограничений, связанных с обнажением освидетельзуемого.

Освидетельствование в суде проводится по определению (постановлению) суда (ч. 1 ст. 290 УПК РФ). При необходимости обнажения врач и освидетельзуемый покидают зал судебного заседания. В отдельном помещении врач проводит освидетельствование, составляет

акт, не являющийся доказательством по смыслу ст. 74 УПК РФ, и сообщает результаты суду. Врач также отвечает на вопросы участников процесса. Протокол судебного заседания фиксирует лишь факт сообщения результатов, а не сам ход освидетельствования. Это порождает проблемы реализации общих условий о непосредственности, гласности и непрерывности фиксации судебного следствия. Очевидно, что рассматриваемый медицинский работник находится вне общего порядка и вне нормативных рамок основных участников уголовного процесса, статус которых определен.

Процессуальное положение врача основано на его минимальной правоспособности. Он имеет право участвовать в освидетельствовании на основании решения суда. Из этого же решения возникает обязанность сообщить суду результаты и ответить на вопросы, хотя санкции за отказ отсутствуют. Врач не обладает компетенцией в проведении действия по принуждению, что вновь отличает его от основных участников процесса.

В отличие от предварительного расследования, в судебном следствии врач занимает более автономное, но при этом слабо регламентированное положение в многосубъектных отношениях состязательного процесса. Указанная автономность связана лишь с фрагментом деятельности в отдельном помещении и никак не проявляется в самом судебном разбирательстве.

Таким образом, врач в судебном освидетельствовании занимает уникальное, но недостаточно урегулированное положение, отличающееся как от специалиста, так и от эксперта. Его статус определяется преимущественно целями защиты личного достоинства освидетельзуемого и содействия суду. Статусность процессуального положения врача в рассмотренном действии отсутствует.

Вывод

Траектория эволюционирования русского уголовно-процессуального права отчетливо демонстрирует консервативный подход законодателя различных исторических периодов к использованию нормативной конструкции «врач». На протяжении более чем ста пятидесяти лет этот участник присутствует в качестве элемента процессуального действия «освидетельствование». При этом в общих частях УУС, УПК 1923 г., УПК 1960 г. и УПК РФ регулирование его процессуального положения не производится. Законодатель всегда ограничивается лишь институтом освидетельствования, объективно допуская неясность его положения.

В УУС толкование процессуального положения врача правоприменителем допускало его смешение со статусом сведущих людей несмотря на то, что процедура освидетельствования через врачей рассматривалась в отдельном разделе закона. Ординарный врач привлекался к освидетельствованию властным участником правоотношений в тех случаях, когда было невозможно обеспечить участие в освидетельствовании судебного врача. Положение первого было подчиненным судебному следователю, мировому судьи или суду. Самостоятельность в уголовном процессе, как это определялось для основных участников (сторон), отсутствовала. Она могла проявляться лишь в узких рамках освидетельствования врачом обнажающейся женщины.

В УПК 1923 г. произошло заметное сужение нормативного регулирования положения врача, объем норм, посвященных этому, существенно сократился. Врач мог выступать в качестве замещающего эксперта субъекта и был полностью зависим от дискреционных решений следователя.

Законодатель последнего советского периода в УПК 1960 г. вернулся к рамочному регулированию процессуального положения врача в освидетельствовании. При этом он проявлял признаки своей подчиненности следователю, его самостоятельность допускалась лишь внутри узкого фрагмента освидетельствования, связанного с обнажением. Его самостоятельность в качестве полноправного участника уголовного процесса не предусматривалась.

Современный УПК РФ не устранил накопившиеся проблемы, хотя и расширил применения освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела и судебного разбирательства. Однако, закон не содержит регулирования его положения в разделах об участниках уголовного процесса, не предусматривает комплекс его прав и обязанностей, связывается с процессуальным решением уполномоченного лица и преимущественно основан на этическом элементе гипотезы регулятивной нормы «если требуется обнажение, что может ущемлять честь и достоинство освидетельзуемого лица».

Литература

1. Владимиров, Л. Е. О значении врачей – экспертов в уголовном судопроизводстве / Л. Е. Владимиров. Харьков, 1870. – 136 с.
2. Васюков, В. Ф. Особенности становления института освидетельствования в российском уголовном процессе / В. Ф. Васюков // Вестник

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 5 (25). – С. 69–72. – EDN RFUGGP.

3. Савицкая, И.Г. Формы участия сведущих лиц в дореволюционном уголовном судопроизводстве / И.Г. Савицкая // Вестник Воронежского института ФЦИН России. – 2017. – № 2. – С. 179–181. – EDN ZQJCDT.

4. Вислоцкий Ф.В. О достоинстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве в применении преимущественно к русскому уставу уголовного судопроизводства / Ф.В. Вислоцкий. – Варшава: тип. И. Унгра, 1872. – 176 с.

5. Чельцов, М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. М., 1948. – 624 с.

6. Строгович, М.С. Уголовный процесс / М.С. Строгович. М., 1944. – 280 с.

7. С. Ч. К вопросу о правовом положении участковых врачей // Бюллетень Народного комиссариата здравоохранения. – 1925. – № 18. – С. 17–18.

8. Рахунов, Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р.Д. Рахунов. – Москва: Госюриздат, 1961. – 277 с.

9. Стремовский, В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В.А. Стремовский. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 260 с.

10. Элькинд, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 172 с.

THE EVOLUTION OF THE DOCTOR'S PROCEDURAL ROLE IN EXAMINATIONS

Zashlyapin L.A.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The trajectory of the evolution of Russian criminal procedure law clearly shows the conservative approach of lawmakers across different historical periods when it comes to the use of the legal construct 'doctor.' For over one hundred and fifty years, this participant has been involved as part of the procedural action of 'examination.' At the same time, in the general sections of the criminal procedure laws of 1864, 1923, 1960, and the current law, there hasn't been a definition of the doctor's procedural role. Lawmakers have always limited themselves to the institution of examination, effectively allowing some ambiguity around the doctor's position. The procedural competence of the doctor can only be understood from the regulatory norms of this institution.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, participants in the criminal process, subjects of the criminal process, doctor, specialist, forensic medical expert, legal status, procedural status, procedural position, legal capacity, procedural legal capacity, procedural competence

References

1. Vladimirov, L.E. On the Importance of Doctors as Experts in Criminal Proceedings / L.E. Vladimirov. Kharkov, 1870. – 136 p.

2. Vasyukov, V.F. Features of the Formation of the Examination Institution in Russian Criminal Procedure / V.F. Vasyukov // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2011. – No. 5 (25). – P. 69–72. – EDN RFUGGP.

3. Savitskaya, I.G. Forms of Participation of Knowledgeable Persons in Pre-Revolutionary Criminal Proceedings / I.G. Savitskaya // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2017. – No. 2. – P. 179–181. – EDN ZQJCDT.

4. Vislitsky, F.V. On the Value of Forensic Medical Examination in Criminal Proceedings, Mainly Applied to the Russian Criminal Procedure Statute / F.V. Vislitsky. – Warsaw: I. Unger Printing House, 1872. – 176 p.

5. Cheltsov, M.A. Criminal Procedure / M.A. Cheltsov. Moscow, 1948. – 624 p.

6. Strogovich, M.S. Criminal Procedure / M.S. Strogovich. Moscow, 1944. – 280 p.

7. S. Ch. On the Legal Status of District Physicians // Bulletin of the People's Commissariat of Health. – 1925. – No. 18. – Pp. 17–18.

8. Rakhunov, R.D. Participants in Criminal Procedure Activities under Soviet Law / R.D. Rakhunov. – Moscow: Gosyurizdat, 1961. – 277 p.

9. Stremovsky, V.A. Participants of Preliminary Investigation in the Soviet Criminal Process / V.A. Stremovsky. – Rostov-on-Don: Rostov University Press, 1966. – 260 p.

10. Elkind, P.S. The Essence of Soviet Criminal Procedural Law / P.S. Elkind. – Leningrad: Leningrad University Press, 1963. – 172 p.

Целенаправленное повествование как механизм формирования радикальных установок в цифровой среде: криминологический анализ

Корниенко Юрий Сергеевич,
аспирант, Международный юридический институт
E-mail: yuskornienko@gmail.com

Предметом исследования выступает целенаправленное повествование как способ интерпретации событий в цифровой среде, способный формировать радикальные установки и подводить адресата к оправданию противоправного ответа. Цель работы состоит в выявлении криминологически значимых элементов такого повествования и описании механизма его закрепления в онлайн-коммуникации. Методологическую основу составили анализ, сравнение и обобщение научной литературы. В результате выделены ключевые элементы нарратива: переживаемая утрата, делегитимация порядка, образ виновника, срочность и оправдание ответа; показана роль повторения и коммуникативной поддержки в цифровой среде. Результаты могут использоваться в исследованиях цифровой радикализации и в системе ранней профилактики. Новизна работы состоит в рассмотрении целенаправленного повествования как самостоятельного криминологически значимого механизма. Сделан вывод о необходимости выявления ранних признаков деформации правового восприятия.

Ключевые слова: цифровая радикализация, радикальные установки, целенаправленное повествование, цифровая среда, образ виновника, оправдание противоправного ответа, онлайн-нарратив, ранняя профилактика.

Введение

Цифровая среда стала одним из устойчивых пространств распространения материалов экстремистской и иной деструктивной направленности. В этой среде такие материалы зачастую существуют не как отдельные сообщения, а как часть обсуждений, в которых они получают своё объяснение, оценку и поддержку. В отечественной литературе рассматриваются разные стороны этой проблемы: трансформация террористической деятельности под воздействием информационных технологий [1], механизмы онлайн-радикализации молодежи [2], риски социальных сетей и онлайн-сообществ [3; 4], особенности девиантной активности в виртуальной среде и вопросы профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде [5; 6]. В развитие этих подходов автором полагается, что ключевое значение имеет связь трёх вопросов: какой материал транслируется лицу, как он интерпретируется и за счёт чего эта интерпретация принимается в качестве достоверной.

Целенаправленное повествование

Такое повествование может строиться вокруг реально произошедшего события, спорного решения, социального противоречия или воспринимаемой лицом несправедливости. Важно, как интерпретатор включает такое событие в повествование: недочёт может подаваться как умысел, частный конфликт – как системный, случайность – как умышленное и злонамеренное действие, сложная ситуация – как признак несостоятельности государства, а положительное событие – как прикрытие или обман, направленный против простого человека.

Криминологическое значение такого повествования состоит в том, что оно не просто описывает событие, а задаёт пользователю способ понимать происходящее и допустимый ответ на него. В этом объяснении интерпретатор назначает виновника и задаёт к нему «правильное» отношение. Правовой способ реагирования в такой схеме обесценивается или представляется недостаточным, а противоправное действие описывается не как нарушение, а как вынужденный и оправданный ответ. Ниже эта связь разложена на основные элементы (табл. 1).

Таблица 1. Возможные элементы целенаправленного повествования

Элемент повествования	На какой вопрос отвечает	Криминологическое значение
Утрата или ущерб	Что у лица или группы, чаще всего субъективно, отняли?	Недовольство получает личный смысл: речь идёт не просто о проблеме, а о переживаемом лицом лишении.
Делегитимация порядка	Почему существующие нормы больше не заслуживают доверия?	Критика отдельных решений может быть заменена представлением о полной неправильности общественного устройства.
Образ виновника	Кто виноват в произошедшем?	Недовольство получает адресата; интерпретатор задаёт, на кого должна быть направлена реакция.
Срочность	Почему нельзя ждать? Почему действовать нужно сейчас?	Сужается пространство для обдумывания и правового реагирования.
Оправдание ответа	Почему можно перейти границу?	Противоправная или насильственная реакция начинает описываться как оправданная, вынужденная или необходимая.

Эти элементы могут сочетаться по-разному. В одном материале появляется только образ виновника, в другом – срочность, в третьем – оправдание «ответа». Наряду с обвинительной формой существует и оправдательная форма интерпретации. Она заметна там, где проблема уже очевидна и не требует искусственного создания повода для возмущения. Например, в британском миграционном контексте такими поводами становятся тяжкие преступления, сексуальное насилие, нелегальная миграция, размещение так называемых «просителей убежища», а также вопросы к действиям полиции, социальных служб и местных властей. Однако интерпретатор в такой ситуации не обсу-

ждает проблему в правовой плоскости, а заранее задаёт распределение моральных ролей, где одним приписывается положение «правильной» стороны, которой многое заранее прощается, а сомнение в этом объявляется недопустимым. В результате внимание переносится с преступления и потерпевших, конкретной вины и ответственности государственных органов на того, кто говорит о проблеме. Тот, кто указывает на преступление, управленческий провал или угрозу общественной безопасности, описывается уже не как участник правового обсуждения, а как «опасный» или «радикальный», как «мигрантофоб», «исламофоб», «националист» или «нацист». Так критика переводится из вопроса о фактах на вопрос о допустимости самой дискуссии об этом, а доводы говорящего обесцениваются ещё до их проверки. Такая интерпретация выдаёт моральную индульгенцию заранее назначенной «правильной» стороне, а критик должен доказывать уже не только наличие преступления, ошибки или угрозы, но и своё право говорить о них. Поэтому оправдательная интерпретация также имеет криминологическое значение — она показывает, как очевидная правовая и социальная проблема может быть вытеснена борьбой за то, кто вправе её называть.

Повод для таких повествований может быть связан как с субъективным переживанием несправедливости, так и с реальным преступлением, но в обоих случаях важно то, как интерпретатор переводит событие из правовой плоскости в заранее заданное объяснение, в обслуживаемый нарратив. При обвинительной интерпретации такое объяснение ведёт к назначению виновника и оправданию противоправного действия, вплоть до насилия или самосуда. При оправдательной интерпретации оно заранее объявляет одну позицию «правильной», выводит её из обычной оценки и переносит внимание на того, кто осмеливается ставить её под сомнение.

Готовое объяснение и снижение самостоятельной проверки

Следующий аспект механизма — готовое объяснение. Оно может выглядеть как короткий вывод, «разбор», подборка фактов или комментариев. Пользователь получает уже собранную схему: кто назначен виновником, почему положение считается безвыходным, почему правовые способы реагирования утратили силу и почему более жёсткая реакция выглядит допустимой. Например, пользователь видит в ленте новость о резонансном происшествии, сопровождаемую коротким видео, эмоциональным заголовком и комментариями, заранее указывающими на виновника. Такая подача может вызвать раздражение, злость или желание немедленно поддержать жёсткую оценку события, что само по себе не доказывает устойчивого изменения позиции, однако показывает первоначальный эффект готового объяснения, при котором проверка фактов и спокойная оценка произошедшего отходят на второй план. В слабом варианте оно только задаёт оценку, в более сильном варианте оно заранее отсекает возможные возражения: альтернативные источники объявляются лживыми, сомнение — наивностью, а призыв к проверке фактов — защитой «виновника». Более скрытый вариант строится иначе: автор материала подаёт сведения как нейтральную подборку, но отбирает их так, что нужный вывод выглядит для адресата его выводом, самостоятельным. Если такое объяснение совпадает с раздражением, обидой, чувством утраты и т.д., то потребность проверять разные версии может снижаться. Для дальнейшего рассмотрения стоит изучить как оно повторяется в цифровой среде.

Роль повторения нарративов в цифровой среде

Единичный контакт хоть и может вызвать сильную реакцию, однако устойчивое воздействие чаще связано с повторением близких по смыслу интерпретаций. Оно проявляется через рекомендации, подписки, переписки, комментарии и обсуждения. На этом уровне значение имеет повторное возвращение пользователя к одной и той же схеме понимания происходящего, даже если эта схема ещё не стала его собственной позицией. В ходе этого процесса новые сведения всё чаще подгоняются под уже заданное объяснение, в рамках которого подходящие материалы зачисляются как подтверждение, а неудобные — как исключение, ошибка источника или часть чужой, «неправильной» интерпретации (табл. 2).

Таблица 2. Формы цифрового повторения нарратива и их криминологическое значение

Форма повторения	Как проявляется	Криминологическое значение
Алгоритмическое повторение	В ленте и рекомендациях пользователю всё чаще попадают объяснения, обслуживающие тот же нарратив.	Отдельная оценка начинает выглядеть как повторяющаяся и распространённая линия объяснения.

Форма повторения	Как проявляется	Криминологическое значение
Повторение через привычный круг источников	Близкие по смыслу материалы поступают через подписки, каналы, чаты, переписки и репосты	Один и тот же вывод воспринимается как подтверждённый разными источниками, хотя фактически воспроизводит одну схему.
Повторение через подборки и поиск	Пользователь использует поисковые запросы, обращается к тематическим подборкам, дайджестам или повторно возвращается к имеющимся материалам	Чужая интерпретация может восприниматься как собственный вывод, сделанный на основе «самостоятельной» проверки.
Повторение в менее видимой среде	В условиях идеологической конфронтации, ужесточения модерации или внешнего общественного порицания обсуждение может уходить в закрытые чаты, каналы и сообщества.	Нарратив не исчезает, а продолжает воспроизводиться в среде, менее доступной для профилактического наблюдения.

Поддержка объяснения и видимость общественного согласия

После стоит рассмотреть как заданное объяснение поддерживается в общении. Заданная интерпретация закрепляется в круге общения через повторение оценки события, подтверждение образа виновника и обесценивание правового способа реагирования. В результате пользователь сталкивается с устойчивой схемой, в которой заранее определяется, кто считается виновным, чьи интересы заслуживают защиты и чьи потери воспринимаются как допустимое или заслуженное последствие. На этой стадии важно различать простое присутствие пользователя в среде и уже сложившуюся антипозицию т.к. пользователь может ещё не считать предложенную интерпретацию «своей» и не воспринимать себя её носителем, но постепенно привыкает к заданному способу объяснять происходящее. В его восприятии это уже не выглядит как частное мнение одного автора и начинает казаться, что перед ним более широкое понимание происходящего — мнение общества.

Изменение проявляется в том, что оценка, сначала воспринимаемая как чужая, чрезмерная или спорная, постепенно начинает выглядеть возможной, затем допустимой, а позднее уже справедливой и даже своей. Пользователь может оставаться внешне пассивным, продолжать обычную жизнь, ничего не совершать и не планировать, но дистанция между ним и позицией интерпретатора постепенно сокращается. Далее человек уже не просто привыкает к готовому объяснению, а начинает определять себя через отличие от тех, кто, по его мнению, понимает происходящее неправильно. Его позиция держится не только на несогласии, но и на ощущении более верного видения, выраженного через противопоставления «моя сторона понимает, ваша — нет», «мои цели моральны, ваши — нет», «мои сомнения разумны, а ваши доводы заранее подозрительны». Так заданный нарратив становится не только способом объяснять события, но и способом обозначить собственную принадлежность к «правильной» стороне.

В таком порядке речи другая сторона всё чаще воспринимается не через конкретного человека, поступок или довод, а через заранее собранный образ. В него включаются общественно осуждаемые черты и ярлыки, а сама сторона заранее назначается опасной и неправой. Этот образ удобен для пользователя, потому что заранее объясняет, почему другая сторона ошибается, почему её доводы можно не рассматривать полноценно и почему «своя» позиция изначально правильна, чиста или справедлива. Спор идёт уже не столько с доводом или человеком, сколько с образом, который заранее подтверждает правоту выбранной стороны. Именно поэтому антипозицию следует отличать от критики, которая может быть резкой, эмоциональной и неприятной. Человек может жаловаться, возмущаться и не знать, как именно исправить положение, но его недовольство всё ещё связано с тем, что он воспринимает происходящее как неправильное. При антипозиции та же ситуация оценивается уже из заранее занятой отрицательной рамки, а сама оценка становится не только способом объяснить событие, но и способом показать принадлежность к «правильной» стороне. Проверка фактов и доводов постепенно уступает место вопросу о том, кто находится на «правильной» стороне, а кто заранее отнесён к неправильным, опасным или неправым. На этом этапе у пользователя уже меняется способ понимания происходящего, он привыкает к объяснению, в котором одна сторона воспринимается как более правильная, а другая — как заранее подозрительная или опасная. Дальше возникает вопрос о том, при каких условиях такая рамка начинает работать уже

не только как способ оценки, но и как оправдание насилия, преследования, угроз или иной противоправной реакции.

Возможное движение к оправданию ответа

После закрепления объяснения стоит рассмотреть стадии восприятия адресата. Ниже выделены предполагаемые стадии, которые могут иметь значение для ранней профилактики (табл. 3).

Таблица 3. Схема возможного движения к оправданию противоправного ответа.

Стадия	Что меняется в восприятии	Что может поддержать переход
Первичное переживание и поиск объяснения	Лицо испытывает обиду, страх, раздражение, стыд, ощущение утраты или потребность определить свою принадлежность.	Материалы, подающие событие, конфликт или положение лица как требующие объяснения и оценки.
Назначение виновника	Переживаемая проблема, стыд или угроза связываются с тем, кого интерпретатор назначает виновником.	Готовое объяснение, в котором заранее указывается виновник, обесценивается сомнение и ослабляется доверие к обычному правовому способу реагирования.
Повторное подтверждение	Такое объяснение встречается снова и снова, поэтому начинает восприниматься как подтверждённое разными источниками или участниками.	Ленты, рекомендации, подписки, пересылки, комментарии, повторяющиеся оценки и близкие по смыслу объяснения.
Групповое закрепление	Объяснение получает одобрение или защиту в общении.	Повторение той же оценки другими участниками, поддержка разных интерпретаторов, реакции, пересказы, обсуждение и обозначение «своих» и «чужих».
Нормализация ответа	Жёсткая или противоправная реакция начинает восприниматься и описываться как оправданная, вынужденная или необходимая.	Повторение объяснения, в котором правовой способ реагирования обесценивается, а жёсткий или противоправный ответ представляется понятным, справедливым или заслуженным.
Готовность к действию или поддержке	Лицо может оправдывать противоправные действия, распространять оправдания или при дополнительных условиях участвовать в них.	Поддержка такого объяснения в среде, его регулярная трансляция, одобрение жёсткого ответа и ослабление внутреннего запрета на противоправную реакцию.

На любой из указанных стадий процесс может остановиться или ослабнуть. Если первоначальное переживание получает иное объяснение, если назначение виновника вызывает сомнение, если повторение одной и той же оценки прерывается или оказывается недостаточно убедительным, если групповое одобрение ослабевает или если правовой способ реагирования снова воспринимается как более легитимный и значимый и т.д. Поэтому тут важно промежуточное состояние, при котором противоправный ответ ещё не реализован, но уже начинает казаться допустимым или заслуженным.

Значение для профилактики

Для профилактики важно различать три явления. Первое – критика, в том числе резкая, эмоциональная и неприятная, если она остаётся спором о событии, решении, институте, преступлении, ошибке или угрозе. Второе – интерпретация, которая включает событие, конфликт или воспринимаемую несправедливость в готовое объяснение с назначением виновника, обесцениванием сомнения и подведением к оправданию жёсткого или противоправного ответа. Третье – закрепление такого объяснения, когда оно повторяется в разных формах и получает поддержку в общении. Ранняя профилактика должна учитывать более ранние признаки такого процесса, предшествующие явно запрещённым материалам и прямым призывам. Обычное пребывание лица в интернете, просмотр материалов, пересылка или участие в обсуждении сами по себе являются нейтральными фактами и ещё не показывают принятия заданного объяснения, тогда как прямой призыв относится к крайнему проявлению процесса; между этими состояниями находится латентный период деформации понимания, в ходе которого пассивное восприятие информации постепенно перестаёт быть только восприятием.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что целенаправленное повествование действует через закрепление готового объяснения события, конфликта

или воспринимаемой несправедливости. В таком объяснении недовольство связывается с образом виновника, сомнение и самостоятельная проверка теряют значение, а ответ постепенно начинает восприниматься как вынужденный и оправданный.

Рассмотренный механизм имеет общий характер, при этом в цифровой среде получает особые условия для повторения и закрепления. Близкие по смыслу объяснения возвращаются к пользователю через разные формы коммуникации и поддерживаются в общении, из-за чего готовая интерпретация может восприниматься как более широкое понимание происходящего.

Для ранней профилактики важно различать обычное пребывание пользователя в такой среде, резкую критику и ситуацию, когда готовое объяснение уже меняет восприятие допустимого ответа. Противоправное действие при этом ещё может быть не совершено, но выход за правовые границы уже перестаёт восприниматься как безусловно недопустимый.

Литература

1. Демидова-Петрова Е.В. Социальные сети и их влияние на преступность несовершеннолетних в современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 116–125.

2. Иванов А.В. Проекты праворадикальных экстремистских движений в социальных сетях как вызов национальной безопасности России // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 2 (6). С. 60–63.

3. Красиков В.И. Онлайн-радикализация молодежи: предпосылки и механизмы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 108–122.

4. Прудникова К.К., Бондаренко Н.А. Терроризм в эпоху информационных технологий // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 2. С. 74–80.

5. Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом: сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под ред. Х.П. Пашаева. Горно-Алтайск: БИЦ Горно-Алтайского государственного университета, 2019. 340 с.

6. Шаров А.А. Методика изучения девиантной активности в реальной и виртуальной среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 1. С. 30–37. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-1-30-37

TARGETED NARRATIVE AS A MECHANISM FOR THE FORMATION OF RADICAL ATTITUDES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: A CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Kornienko Yu.S.
International Law Institute

The article examines targeted narrative as a mode of interpreting events in the digital environment that can shape radical attitudes and gradually justify unlawful responses. The purpose of the study is to identify the criminologically significant elements of such narrative and to describe the mechanism of its consolidation in online communication. The methodology is based on analysis, comparison, and synthesis of academic literature. The study identifies the key elements of targeted narrative: experienced loss, delegitimization of the existing order, designation of a culprit, urgency, and justification of response; it also demonstrates the role of repetition and communicative reinforcement in the digital environment. The findings may be used in research on digital radicalization and in early prevention practices. The novelty lies in treating targeted narrative as an independent criminologically significant mechanism. The article concludes that early signs of deformation of legal perception should be detected.

Keywords: digital radicalization, radical attitudes, targeted narrative, digital environment, designation of a culprit, justification of unlawful response, online narrative, early prevention.

References

1. Demidova-Petrova E.V. Social networks and their impact on juvenile delinquency in modern Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 4 (147). pp. 116–125.

2. Ivanov A.V. Projects of right-wing extremist movements in social networks as a challenge to Russia's national security // Bulletin of the Mari State University. 2016. No. 2 (6). pp. 60–63.

3. Krasikov V.I. Online radicalization of youth: prerequisites and mechanisms // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2024. No. 80. pp. 108–122.

4. Prudnikova K.K., Bondarenko N.A. Terrorism in the era of information technology // Ural Journal of Legal Research. 2022. No. 2. pp. 74–80.

5. Modern youth and the challenges of extremism and terrorism in Russia and abroad: a collection of materials from the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference / edited by H.P. Pashaev. Gorno-Altaysk: BIC of Gorno-Altaysk State University, 2019. 340 p.

6. Sharov A.A. Methodology for studying deviant activity in real and virtual environments // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Acmeology of education. Psychology of development. 2019. Vol. 8, issue 1. pp. 30–37. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-1-30-37

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, судья
в отставке, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются проблемные вопросы обоснованности квалификации преступлений по ст. 186 УК РФ – «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг». Автор утверждает, что специфичность данного преступления заключается в том, что за его совершение обоснованным будет привлечение к уголовной ответственности только лиц, непосредственно осуществлявших данные указанные в диспозиции статьи четыре действия. В то же время привлечение лиц, к которым поддельные купюры попали случайно, целей сбыта не имевших и добросовестно заблуждавшихся относительно подлинности данных купюр, невозможно, поскольку в подобных случаях состава преступления нет. Установить же различие между лицами, имевшими преступные цели, и лицами, добросовестно заблуждавшимися относительно подлинности попавших к ним денежных средств, зачастую очень сложно, поскольку внешне соответствующие действия ничем не отличаются. При отсутствии доказательств умысла на сбыт поддельных денег правоохранными органами выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Таким образом, возможен уход от ответственности даже виновного лица. Для возбуждения уголовного дела необходимо установление одного или совокупности определенных признаков. Автор считает, что при отсутствии указанных признаков оснований для возбуждения дела не имеется в связи с отсутствием состава преступления.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, фальшивые денежные купюры, сбыт поддельных денег, умышленное приобретение, совершение группой лиц.

Статья 186 УК РФ предусматривает уголовное наказание для лиц, совершивших изготовление, хранение, перевозку с намерением сбыта и сбыт фальшивых денежных купюр или ценных бумаг. Деяние, предусмотренное первой частью этой статьи – тяжкое преступление, второй и третьей частями – особо тяжкое.

Специфичность данного преступления заключается в том, что за его совершение обоснованным будет привлечение к уголовной ответственности только лиц, непосредственно осуществлявших данные указанные в диспозиции статьи четыре действия. В то же время привлечение лиц, к которым поддельные купюры попали случайно, целей сбыта не имевших и добросовестно заблуждавшихся относительно подлинности данных купюр, невозможно, поскольку в подобных случаях состава преступления нет.

При этом здесь установить различие между лицами, имевшими преступные цели, и лицами, добросовестно заблуждавшимися относительно подлинности попавших к ним денежных средств, зачастую очень сложно, поскольку внешне соответствующие действия ничем не отличаются. При первоначальном отсутствии доказательств умысла на сбыт поддельных денег, при том, что получение подобных доказательств иногда весьма проблематично, правоохранными органами выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Таким образом, возможен уход от ответственности даже виновного лица.

Типичная формулировка подобного «отказного» постановления следующая: сотрудник полиции указывает, что определенный гражданин передал продавцу в магазине денежную купюру соответствующего достоинства, вызывающую сомнения в подлинности. [1] При проведении таких проверочных мероприятий как опрос сотрудника магазина, осмотр купюры и криминалистическое исследование установлено, что представленная денежная купюра имеет существенные отличия от подлинной по ряду основных реквизитов – размер, цвет, отдельные элементы защиты. Однако убедительных доказательств того, что гражданин осознавал поддельность купюры и желал ее сбыть, не получено, следы подготовки и иные доказательства систематичности отсутствуют. Полученные данные не дают оснований для вывода о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ: не доказана субъективная сторона преступления, то есть прямой умысел на сбыт, а объективная сторона, то есть изготовление или сбыт заведомой подделки, ставится под сомнение экспертным заключением.

О.Н. Рябченко полагает, что для квалификации фальшивомонетничества следует установить, что виновный действует исключительно с прямым умыслом, то есть понимает, что создает фальшивку в целях сбыта либо при сбыте вводит фальшивые деньги в реальный оборот. Основным критерием здесь является наличие цели сбыта, которая ограничивает данный состав от мошенничества. [2] Таким образом, лицо, которое не осознает, что сбываемые им деньги являются поддельными, не подлежит ответственности по данной статье.

С нашей точки зрения, признаками совершения фальшивомонетничества, то есть прямого умысла на сбыт, являются: наличие у виновного нескольких поддельных денежных купюр, умышленное приобретение виновным поддельных купюр, многократный сбыт подделок в различных местах и в различных организациях, наличие материалов и соответствующей аппаратуры для подделки, наличие специально приспособленных замаскированных хранилищ для поддельных денег, а также совершение деяния в группе, когда несколько лиц так или иначе задействованы при сбыте аналогичных денежных купюр.

При наличии хотя бы одного из этих признаков или их совокупности имеются основания для возбуждения уголовного дела по ст. 186 УК РФ.

В то же время попытка расплатиться за товары или услуги одной фальшивой денежной купюрой при отсутствии перечисленных обстоятельств преступлением не является и возбуждение уголовного дела не влечет.

Апелляционным приговором Краснодарского краевого суда [3] Г. оправдан по ч. 1 ст. 186 УК РФ, в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Установлено, что Апшеронским районным судом Краснодарского края Г. был осужден по данной статье к 1 году 6 месяцам лишения свободы в колонии общего режима. Г., являясь директором фармацевтической организации, получил от фармацевта

данной организации П. вместе с прочей выручкой поддельный банковский билет достоинством 5000 рублей. Обнаружив подделку, он сообщил об этом П. и вернул ей этот поддельный билет, сказав, что убыток вычтет из ее зарплаты, совершив, по мнению суда первой инстанции, незаконные хранение и сбыт фальшивых денег. Суд апелляционной инстанции посчитал, что, поскольку П. не вводил поддельную купюру в гражданский оборот, а, напротив, сообщил, что она поддельная, то состав преступления в его действиях отсутствует.

Таким образом, передача поддельных денег, сопровождаемая сообщением, что они являются поддельными, фальшивомонетничеством не является. Также не влечет уголовной ответственности и передача фальшивой купюры в общей массе выручки. В то же время, при наличии доказательств сговора продавца с лицом, производившим оплату, то есть совершения фальшивомонетничества группой лиц, данное деяние подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ.

Приговором Щелковского городского суда Московской области [4] ФИО признан виновным по ст. 186 ч. 1 УК РФ, а именно в том, что умышленно приобрел через социальную сеть у неустановленного лица два поддельных банковских билета по 5000 рублей и затем купил в магазине большое количество продуктов, расплатившись одним из этих билетов. После этого он передал второй билет ФИО 2, чтобы она купила ряд товаров в другом магазине, однако кассир проверил подлинность денег и деньги не принял. ФИО вину признал полностью, дав подробные показания по делу. Кроме того, его вина установлена, в том числе, показаниями свидетеля, сообщившей, что ФИО рассказал ей о том, что в первый раз расплачивался имеющимися у него фальшивыми деньгами, а второй раз передал аналогичную купюру ФИО 1, чтобы она приобрела на эти деньги еще продуктов.

В данном случае о совершении фальшивомонетничества ФИО свидетельствует также и то обстоятельство, что фактически сбыт фальшивых денег им производился дважды. Сам по себе данный факт уже является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела и проведения предварительного расследования даже в том случае, если иных доказательств виновности при проведении проверки не установлено. Случайное получение одним лицом двух аналогичных фальшивых купюр с последующими попытками расплатиться именно этими купюрами являются крайне маловероятными, поэтому подобный неоднократный сбыт свидетельствует об умышленном преступлении.

Таким образом, для возбуждения уголовного дела по ст. 186 УК РФ необходимо установление наличия указанного выше ряда признаков, свидетельствующих об умысле виновного на совершение сбыта поддельных денег. При отсутствии же данных признаков оснований для возбуждения дела не имеется и материал проверки подлежит прекращению по основаниям ст. 24 ч. 1 п. 2 УПК РФ, то есть в связи с отсутствием состава преступления.

Литература

1. Постановление дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела. URL: [https://yandex.ru/alice/chat/019f65f9-f6c8-4000-999e-7c6dccc4c22a7/?reqid=1784122303307451-\(9991756800734941925-balancer-l7leveler-kubr-yp-sas-234-BAL&utm_source=yandex&utm_campaign=serp_alicetab_chat&utm_medium=interface&source_query=реальный+пример+постановления+об+отказе+в+возбуждении+уголовного+дела+по+ст.+186+УК+за+недоказанностью&theme=serp](https://yandex.ru/alice/chat/019f65f9-f6c8-4000-999e-7c6dccc4c22a7/?reqid=1784122303307451-(9991756800734941925-balancer-l7leveler-kubr-yp-sas-234-BAL&utm_source=yandex&utm_campaign=serp_alicetab_chat&utm_medium=interface&source_query=реальный+пример+постановления+об+отказе+в+возбуждении+уголовного+дела+по+ст.+186+УК+за+недоказанностью&theme=serp) (дата обращения 15.07.2026 г.)

2. Рябченко О.Н. «Проблемы квалификации состава мошенничества» / О.Н. Рябченко «Право и государство: теория и практика». 2021. № 6 (198). С. 87–90.

3. Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда URL: <https://actofact.ru/case-230S0000-22-1716-2016-2016-03-18-2-1/> (дата обращения 15.07.2026 г.)

4. Приговор Щелковского городского суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VeMPVKrHElbr/> (дата обращения 15.07.2026 г.)

PROBLEMS OF QUALIFICATION FOR THE SALE OF COUNTERFEIT BANKNOTES

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses problematic issues of the validity of the qualification of crimes under Article 186 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Manufacture, storage, transportation or sale of counterfeit money or securities.” The author argues that the specificity of this crime lies in the fact that for its commission it would be justified to bring to criminal responsibility only those who directly carried out the actions specified in the disposition of article four. At the same time, it is impossible to involve persons to whom counterfeit banknotes came by chance, who did not have sales goals and were conscientiously mistaken about the authenticity of these banknotes, since in such cases there is no corpus delicti. It is often very difficult to distinguish between persons who had criminal purposes and persons who were conscientiously mistaken about the authenticity of the funds that came to them, since the corresponding actions do not differ in appearance. In the absence of evidence of intent to sell counterfeit money, law enforcement agencies issue a decision to refuse to initiate criminal proceedings. Thus, it is possible to evade responsibility even of the guilty person. To initiate a criminal case, it is necessary to establish one or a combination of certain signs. The author believes that in the absence of these signs, there are no grounds for initiating a case due to the absence of a crime.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, counterfeit banknotes, sale of counterfeit money, intentional acquisition, commission by a group of persons.

References

1. The investigator's decision to refuse to initiate a criminal case. URL: [https://yandex.ru/alice/chat/019f65f9-f6c8-4000-999e-7c6dccc4c22a7/?reqid=1784122303307451-\(9991756800734941925-balancer-l7leveler-kubr-yp-sas-234-BAL&utm_source=yandex&utm_campaign=serp_alicetab_chat&utm_medium=interface&source_query=реальный+пример+постановления+об+отказе+в+возбуждении+уголовного+дела+по+ст.+186+УК+за+недоказанностью&theme=serp](https://yandex.ru/alice/chat/019f65f9-f6c8-4000-999e-7c6dccc4c22a7/?reqid=1784122303307451-(9991756800734941925-balancer-l7leveler-kubr-yp-sas-234-BAL&utm_source=yandex&utm_campaign=serp_alicetab_chat&utm_medium=interface&source_query=реальный+пример+постановления+об+отказе+в+возбуждении+уголовного+дела+по+ст.+186+УК+за+недоказанностью&theme=serp) (accessed on July 15, 2026)

2. Ryabchenko, O.N. “Problems of Qualifying Fraud” / O.N. Ryabchenko “Law and State: Theory and Practice”. 2021. No. 6 (198). Pp. 87–90.

3. The appeal verdict of the Criminal Division of the Krasnodar Regional Court URL: <https://actofact.ru/case-230S0000-22-1716-2016-2016-03-18-2-1/> (accessed on July 15, 2026).

4. The verdict of the Shchelkovo City Court. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VeMPVKrHElbr/> (accessed on July 15, 2026)

Мезенева Мария Александровна,

аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации;
прокурор отдела по надзору за соблюдением законов
при исполнении уголовных наказаний прокуратуры г. Москвы
E-mail: mary_dolgikh@mail.ru

В статье поднимается вопрос о важности выстраивания в России целостной системы государственной поддержки несовершеннолетних, оказавшихся в сфере уголовного преследования. На примере статистики ФСИН России и ГУФСИН России по г. Москве подтверждается актуальность данной проблемы в настоящее время.

Это системное упущение имеет серьёзные последствия: оно не только негативно отражается на жизненных перспективах самих несовершеннолетних, но и выступает одним из факторов, способствующих росту рецидивной преступности в данной возрастной группе.

В работе проводится анализ практик зарубежных государств, в которых институты пробации для несовершеннолетних функционируют на системной основе. Результаты анализа показывают, что ряд апробированных за рубежом подходов и инструментов может быть адаптирован и эффективно внедрён в российских условиях с учётом национальной специфики. Особую озабоченность авторов вызывает фрагментарность нормативной базы, регулирующей вопросы пробации несовершеннолетних. Отсутствие единого правового регулирования существенно ограничивает возможности по организации последовательных и результативных мероприятий, направленных на ресоциализацию и социальную реинтеграцию подростков, преступивших закон. Существующие нормы применяются разрозненно, а механизмы межведомственного взаимодействия зачастую носят формальный характер, что снижает практическую отдачу от реализуемых мер. В связи с этим автор обосновывает необходимость внесения изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: пробация, нормативно-правовое регулирование, цели наказания, несовершеннолетние, противоправное поведение, система помощи.

В 2026 году институт пробации в Российской Федерации продолжает активно развиваться: запускаются новые механизмы, расширяются категории получателей помощи, а нормативная база постоянно уточняется.

Уже вступили в силу все положения Федерального закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [4]. С 1 января 2026 года действует его редакция с изменениями (в том числе от 23 июля 2025 года № 239-ФЗ), которая расширила круг субъектов пробации.

Пробация в РФ – это не наказание, а комплекс мер поддержки для людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации после контакта с законом: осуждённых, тех, кому назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания. Её цель – помочь человеку ресоциализоваться: восстановить социальные связи, получить работу, образование, медицинскую, психологическую или юридическую помощь.

Законом определяется три вида пробации:

Пенитенциарная – работа с осуждёнными в период отбывания наказания (в колониях, исправительных центрах), подготовка к освобождению.

Исполнительная – сопровождение тех, кто отбывает наказание, не связанное с изоляцией от общества (условное осуждение, обязательные или исправительные работы), а также условно-досрочно освобождённых.

Постпенитенциарная – помощь уже после освобождения из учреждения, исполняющего наказание.

Вопросы с предоставлением жилья и выстраивания базовых социальных процессов после освобождения решаются за счёт организации центров пробации. Такие центры создают некоммерческие организации (в том числе социально ориентированные, религиозные) и общественные объединения. Их задача – оказывать комплексную помощь в рамках постпенитенциарной пробации, в том числе предоставлять временное место пребывания. По данным на середину 2026 года, такие центры уже работают в 31 субъекте РФ. При этом центр оказывает услуги только при наличии направления от уголовно-исполнительной инспекции или учреждения, исполняющего наказание, а также при наличии документа, удостоверяющего личность.

С 2026 года запущена информационная система – единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация. В ней фиксируются виды и сроки мер, результаты реализации программ, индивидуальная нуждаемость, оказанные социальные услуги и даже отказы от участия. Система сопряжена с порталом «Госуслуги», что упрощает для человека подачу заявок на поддержку. Такая система не только упрощает контроль со стороны надзорных органов за правильностью проведения пробации, но и упрощает работу уголовно-исполнительных инспекций, систематизируя ее и обобщая информацию.

Кроме того, в июле 2026 года Совет Федерации одобрил закон, который расширяет механизм пробации на лиц, освобождённых от наказания в связи с призывом на военную службу или заключением контракта с Минобороны РФ. Пробация для них также добровольная: нужно подать личное заявление в уголовно-исполнительную инспекцию в течение шести месяцев с даты увольнения со службы. Внимание акцентировано на психологической и медицинской помощи, содействии в трудоустройстве и получении образования.

Министерство юстиции Российской Федерации продолжает выпускать приказы, которые детализируют порядок применения мер пробации: например, в январе 2026 года вносились изменения в приказ № 350, регулирующий вопросы ресоциализации и социальной адаптации. Также в работе находится законопроект, который позволит создавать центры пробации в том числе коммерческим организациям (на базе участков исправительных центров).

Субъектами пробации выступают не только учреждения уголовно-исполнительной системы и уголовно-исполнительные инспекции, но и федеральные и региональные органы власти, органы службы занятости, организации социального обслуживания. Активно привлекаются институты гражданского общества, некоммерческие организации, общественные объединения.

На сегодняшний день система становится более гибкой, ориентированной на индивидуальную потребность человека и вовлекает всё больше партнёров для комплексной поддержки.

Развитие институтов пробации востребовано современной уголовно-исполнительной системой. Не смотря на общероссийскую тенденцию снижения количества осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в ряде субъектов Российской Федерации увеличивается число лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Так, численность осужденных, состоящих на учете в ФКУ УИИ ГУФСИН России по г. Москве, в конце июня 2026 года составила 14216 лиц, увеличение на 1,42% по сравнению с предыдущим годом, из них несовершеннолетних – 129, увеличение составило 44,9%.

Наибольшее количество вынесенных судебных решений наблюдается в отношении: условно осужденных и освобожденных условно-досрочно. В отношении несовершеннолетних лиц наибольшим количеством судебных решений назначено наказание в виде обязательных работ и лишения свободы условно.

При выборе наказания суд в первую очередь учитывает не только тяжесть содеянного, но и личность подростка: условия жизни и воспитания, уровень психического развития, влияние окружения.

Иногда суд может освободить несовершеннолетнего от уголовной ответственности или от наказания, применив принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ). К ним относятся: предупреждение, передача под надзор родителей или специализированного органа, обязанность загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению. Такой подход нацелен на коррекцию поведения без карательных мер. Вместе с тем, в случае злостного уклонения от отбывания обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, суд может заменить это наказание на лишение свободы.

Часто при условном осуждении суд возлагает на подростка конкретные обязанности, которые помогают исправлению: продолжить обучение, найти работу, пройти психологическую программу, запретить посещать определённые места, в этом также проявляется элемент пробации.

О необходимости введения отдельных положений о пробации теории и практики высказывались с начала работы на данном направлении. Данные тезисы присутствуют в работах Рябовой О.А. и Рябова П.В., представителей Владимирского юридического института ФСИН России [6], а также Вороновой Е.Л., поставившей вопрос создания службы пробации для несовершеннолетних еще в 2011 году [7], Сережиной М.А., осветившей опыт стран СНГ в указанной сфере [8], Ковтуненко Л.В. и Поляковой Я.Н., исследовавших роль психолого-педагогического сопровождения пробации несовершеннолетних, и многих других [9].

Имеется ли потребность в пробации несовершеннолетних на практике? Согласно данным ФСИН России за 6 месяцев 2026 года, с заявлением о пробации обратилось 49971 осужденный, из которых 774 – несовершеннолетние. Таким образом, 1,5% обратившийся нуждаются в особом порядке оказания помощи, который до настоящего времени не разработан.

Подход к пробации совершеннолетних и несовершеннолетних осужденных заметно различается – и дело не только в возрасте, а в принципиально разных задачах и фокусе работы.

Важно отметить, что в российском Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» (№ 10-ФЗ) нет отдельного раздела, специально посвященного несовершеннолетним. На практике это иногда создаёт сложности: общие нормы закона приходится адаптировать под возрастную специфику, и единых, закреплённых в законе правил именно для этой категории осужденных пока нет.

Если для совершеннолетнего осужденного пробация – это исправление последствий совершения преступления и отбывания наказания, то для несовершеннолетнего осужденного процедуры пробации выстраивают новые перспективы для социализации личности с учётом его возрастных особенностей и контекста, в котором он оказался.

Вместе с тем, институт пробации ускоряет сложившуюся тенденцию по снижению уровня повторной преступности. Так, на территории г. Москвы за 6 месяцев 2026 года 82 лица из 20260 прошедших по учётам в уголовно-исполнительных инспекциях совершили повторные преступления, несовершеннолетних среди них нет. За 6 месяцев 2025 года этот показатель составил 0,06% от всех лиц, состоящих на учете – 129 из 19954, среди них 2 несовершеннолетних. Лиц, в отношении которых применялась пробация, среди совершивших повторно преступления нет.

Подход к пробации взрослых и несовершеннолетних заметно различается, и дело не только в возрасте, а в принципиально разных задачах и фокусе работы.

Для совершеннолетних осужденных пробация в первую очередь решает задачу ресоциализации после наказания: помочь человеку вернуться в общество, восстановить социальные связи, найти работу, получить образование или решить бытовые проблемы. У несовершеннолетних фокус шире: здесь сильна воспитательная составляющая. Специалисты работают не только с последствиями проступка, но и с причинами, которые часто связаны с этапом формирования личности, влиянием окружения, семейными трудностями. Цель пробации в отношении несовершеннолетних не просто скорректировать поведение, а помочь подростку выстроить траекторию развития, чтобы снизить риск рецидива.

Кроме того, в работе с несовершеннолетними гораздо активнее привлекают законных представителей (родителей, опекунов), поскольку это напрямую предусмотрено законодательством. Семейная среда критически важна, поэтому без вовлечения в процесс родителей и близких родственников достижение результата может отсрочиться, или не произойти вовсе. Для этого проводят совместные беседы, помогают наладить внутрисемейные отношения. Для взрослых такой системный подход к вовлечению ближайшего окружения обычно не является центральным элементом программы. В ходе ежемесячных бесед сотрудники уголовно-исполнительных инспекций обязаны оценивать материально-бытовые условия, в которых проживает осужденный, однако семейные конфликты не будут предметом детальной оценки.

В дополнение к вышесказанному, в программах для подростков чаще встречаются элементы, учитывающие их возраст: дополнительные психологические и педагогические программы, работа с травмами, помощь в продолжении или возобновлении обучения, вовлечение в социально полезную деятельность (кружки, волонтерство). Для совершеннолетних осужденных напротив, упор делается на профессиональное обучение, трудоустройство, решение юридических и бытовых вопросов.

Начало работы с несовершеннолетним происходит еще до вынесения судом итогового решения. В соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», уже при постановке на учёт с избранной в отношении несовершеннолетнего мерой пресечения с ним начинают работать социальные педагоги, проводится комплексное обследования жилищных условий, истребуются документы из образовательных и медицинских организаций.

Активизацию работы на более ранних сроках подтверждают и статистические данные: из 2099 осужденных, обратившихся с заявлением в рамках постпенитенциарной пробации в первом полугодии 2026 года, лишь 1 несовершеннолетний, освободившийся из исправительного учреждения и инициировавший мероприятия в рамках пробации по месту жительства.

Одним из направлений мер в рамках пробации является оказание помощи в трудоустройстве. При применении данных мер в отношении несовершеннолетнего различия возникнут как в общих правилах для несовершеннолетних по Трудовому кодексу и в том, как пробация помогает их реализовать на практике.

При подборе деятельности для несовершеннолетнего осужденного специалист (инспектор уголовно-исполнительной инспекции, социальный педагог, инспектор службы занятости) изучает не только возраст подростка, но и его интересы, склонности, уровень подготовки, а также обстоятельства, которые привели к правонарушению. Важно найти сферу, где подросток сможет раскрыться и почувствовать себя полезным.

В соответствии с трудовым законодательством российской федерации несовершеннолетним разрешён только лёгкий труд, который не вредит здоровью и нравственному развитию. Запрещены вредные и опасные условия, подземные работы, деятельность в игорном бизнесе, ночных клубах, а также торговля алкоголем, табаком, наркотическими средствами. В рамках пробации также необходим контроль за соблюдением указанных норм.

Кроме того, несовершеннолетний более вероятно, чем взрослый, будет совмещать работу с учёбой. Поэтому в программах пробации ищут варианты с гибким или частичным графиком, чтобы труд не мешал освоению образовательной программы. Специалист, ответственный за трудоустройство, не просто подбирает нужного работодателя и предлагает несовершеннолетнему обратиться к нему, а сопровождает процесс: помогает оформить документы, следит за условиями труда, реагирует, если возникают сложности (конфликт в коллективе, перегрузка).

В рамках пробации, на основе ранее заключённых контрактов органов между органами уголовно-исполнительной системы и некоммерческими организациями, несовершеннолетним чаще предлагают проекты, которые имеют общественную значимость: благоустройство

территорий, волонтерство, помощь в социальных учреждениях. Это не только гарантирует несовершеннолетнему официальный заработок, но и формирует позитивную социальную позицию.

Ранее в статье затронута тема совмещения трудовой деятельности и получения обязательного образования, их совмещения. Безусловно, для несовершеннолетнего основного упор делается на получении образования. Основная задача образования в рамках контроля за несовершеннолетним осужденным, достижения целей наказания, является – не просто дать знания, а закрыть пробелы и создать у него базу для самостоятельного построения будущего.

Вся работа по организации образовательного процесса начинается с оценки текущей ситуации. Сначала выясняют, какой у подростка уровень образования, есть ли пробелы, почему могли возникнуть сложности в учёбе (конфликты, потеря мотивации, семейные проблемы). По итогам анализа разрабатывается индивидуальная программа, в ней прописывают конкретный образовательный трек: продолжить обучение в школе, перейти в вечернюю школу, поступить в колледж, пройти профессиональное обучение.

Кроме того, делается акцент на профориентации, помощи в осознанном выборе профессии для последующего самообеспечения. Часто используют формат «профессиональных проб»: подросток ненадолго погружается в разные сферы (например, помогает в мастерской, участвует в проекте в IT-компании), чтобы на практике понять, что ему ближе. С учетом выбора несовершеннолетнего рекомендуется трансформировать образовательную программу, чтобы она напрямую вела к востребованной профессии, которая даст подростку устойчивую опору после завершения программы probation.

В указанных целях деятельность по подбору образовательных программ необходимо доверять квалифицированным специалистам, которые помимо выстраивания самого образовательного курса помогут с оформлением документов для поступления, решат организационные вопросы, поддержат мотивацию, если возникают трудности. В случаях с трудными подростками важную роль играет психолог, который поможет разобраться, что именно блокирует учебный процесс.

Часто образование и трудоустройство идут параллельно. Например, подросток учится в колледже и одновременно проходит практику на предприятии – это даёт и знания, и реальный опыт, и первые трудовые навыки. Нередко после школьных занятий образовательный процесс продолжается на краткосрочных курсах по интересующей специальности.

Главная цель – не просто заполнить всё свободное время подростка, а сформировать у него устойчивую мотивацию к законопослушному образу жизни, дать инструменты для самостоятельной жизни и снизить риск того, что он снова окажется в ситуации, располагающей к совершению административных правонарушений и преступлений.

Подходя к необходимости разработки отдельных нормативно-правовых актов, регулирующих probation в отношении подростков, как со стороны государственных органов, так и некоммерческих организаций, семьи, за основу возможно взять примеры реализации указанных программ в зарубежном законодательстве.

В странах БРИКС нет единой модели – подходы сильно различаются из-за разных правовых традиций, культурных особенностей и уровня развития систем правосудия. В Бразилии ключевую роль играет Статут ребёнка и подростка (Estatuto da Criança e do Adolescente). Дела несовершеннолетних часто рассматривают местные советы по опеке или ювенальные суды. В качестве альтернативы лишению свободы применяют меры, похожие на probation: «помогающую свободу» (supervised freedom в сообществе), общественные работы, предупреждение. Акцент делают на реинтеграции подростка в семью и общество, а не только на наказании.

В индийской системе ювенальной юстиции фокус смещён с чисто карательных мер на воспитание и защиту. Закон о ювенальной юстиции (2000 г.) предусматривает создание специальных органов: «Комитета защиты детей» (для тех, кто нуждается в заботе) и «Комитета советников юстиции» (для детей в конфликте с законом). Probation здесь часто включает программы социальной реабилитации, работу с семьёй, образовательные и профессиональные тренинги.

В китайской системе традиционно сильны общинные и семейные принципы (влияние конфуцианства). Исторически исправление часто ложилось на плечи школы или родителей. В последние годы система формализуется: появляются программы условного непривлечения к ответственности, а также специальные проекты вроде «Школы работы и учёбы» (Work-Study School) для подростков, чьё поведение проблематично, но не настолько серьёзно, чтобы требовать уголовного преследования.

В Южно-Африканской Республике активно развивают восстановительное правосудие. В рамках probation с несовершеннолетними ра-

ботают программы, направленные на возмещение вреда, нанесённого жертвам, и на проработку коренных причин поведения. Это сочетается с надзором и индивидуальными программами ресоциализации.

В российской практике институт probation в отношении несовершеннолетних тоже развивается. После принятия закона о probation (2023 г.) для подростков, в отношении которых применены меры, не связанные с лишением свободы, составляются индивидуальные программы. Они включают не только контроль, но и психолого-педагогическую поддержку, помощь в учёбе, трудоустройстве, восстановлении социальных связей.

Несмотря на различия, во всех странах прослеживается общая тенденция: приоритет воспитательных и реабилитационных мер над чисто карательными. Ключевой элемент во многих моделях – персонализация: программа строится с учётом возраста, обстоятельств дела, особенностей личности подростка и его окружения.

При этом на практике возникают и сложности: нехватка ресурсов, слабая межведомственная координация, трудности с вовлечением семьи, а в некоторых случаях – недостаточная проработанность правовых механизмов.

Несмотря на то, что элементы probation есть в странах БРИКС, для повышения её эффективности часто требуется дальнейшее совершенствование законодательства, усиление межведомственного взаимодействия и адаптация моделей под конкретные социальные реалии каждой страны. Именно поэтому идея создания более целостных, скоординированных институтов (вроде службы probation) звучит так актуально – это путь к снижению рецидивной преступности и лучшей реинтеграции подростков [13].

В странах СНГ подходы к probation несовершеннолетних различаются – где-то институт уже хорошо развит, а где-то только формируется.

Страной, где probation уже функционирует на протяжении нескольких лет, является Казахстан. В 2016 году приняли Закон «О probation». Для несовершеннолетних важна досудебная probation: она применяется добровольно и учитывает возраст, а также предполагает взаимодействие с органами опеки и семьями. В целом модель включает несколько видов (досудебная, приговорная, пенитенциарная, постпенитенциарная), и для подростков акцент делают на индивидуализации: изучают особенности ребёнка, вовлекают семью, координируют работу с организациями по защите прав детей.

В законодательстве Кыргызстана прямо выделена отдельная глава – «Ювенальная probation». Её ключевые принципы: обязательное участие родителей или опекунов, психолого-педагогический подход, привлечение профильных специалистов, проведение программ отдельно от взрослых клиентов, обеспечение доступа к социально-правовым услугам. Цель – не только контроль, но и успешная ресоциализация.

В Республике Молдова Закон «О probation» приняли ещё в 2008 году. В нём отдельно закреплена ювенальная probation. Её суть – в персонализированном подходе: учитывают возраст, защищают права ребёнка, который оказался в трудной жизненной ситуации, и нацелены на реинтеграцию – в семью, детский дом, общество. При этом если несовершеннолетний отбывает лишение свободы, к нему одновременно применяют и пенитенциарную, и ювенальную probation – то есть он получает «двойной» объём прав и мер поддержки.

В Узбекистане Закон «О probation» вступил в силу в 2024 году. В нём есть специальные положения об особенностях работы с несовершеннолетними под probationным надзором. Важная деталь: к работе подключают другие ведомства – например, Комитет семьи и женщин, Агентство по делам молодёжи, органы образования. Они помогают с социальной адаптацией: закрепляют наставников, вовлекают подростков в кружки, помогают с обучением.

В Беларуси, Туркменистане и Таджикистане на данный момент нет специального закона о probation. Однако это не значит, что тема совсем не обсуждается: в этих странах идут дискуссии, разрабатываются проекты, а в некоторых случаях запускаются пилотные инициативы. Например, в Туркменистане в последние годы проходили мероприятия с ОБСЕ по обсуждению расширения применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Несмотря на различия, во многих странах прослеживается общая тенденция: сделать акцент на индивидуализации. Программы строят с учётом возраста, обстоятельств дела, особенностей личности и окружения подростка. Ключевая цель – не просто контроль, а решение конкретных проблем ребёнка (психологических, социальных, семейных), чтобы снизить риск повторных правонарушений и помочь ему вернуться в общество. Часто требуется тесное межведомственное взаимодействие: probation не работает в вакууме, нужны связи с органами опеки, образования, социальными службами.

Таким образом, в странах СНГ имеется общий вектор развития уголовно-исполнительного законодательства в отношении несовершеннолетних – постепенное внедрение инструментов, которые смещают фокус с исключительно карательных мер на поддержку и ресоциализацию осужденных. При анализе опыта отдельного государства необходимо также обращать внимание на то, как выстроена межведомственная координация и насколько детально проработаны механизмы вовлечения семьи.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в настоящее время имеется реальная потребность в отдельном нормативно-правовом регулировании применяемых мер probation в отношении несовершеннолетних осужденных. Помимо упрощения применения действующих процедур, активизации работы на данном направлении позволит снизить уровень рецидивной преступности среди несовершеннолетних и повысит интерес несовершеннолетних к институту probation.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. от 15.05.2026)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: (в ред. от 29.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – URL: (дата обращения: 23.07.2026).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ: (в ред. от 29.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – URL: (дата обращения: 23.07.2026).
4. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 6. – Ст. 917;
5. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» (в ред. от 27.05.2023);
6. Рябова Ольга Алексеевна, Рябов Павел Ричардович Probация несовершеннолетних в РФ // Аграрное и земельное право. 2024. № 11 (239). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-nesovershennoletnih-v-rf> (дата обращения: 22.07.2026);
7. Воронова Е.Л. Создание службы probation для несовершеннолетних в России // Пенитенциарная наука. 2011. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-sluzhby-probatsii-dlya-nesovershennoletnih-v-rossii> (дата обращения: 22.07.2026).
8. Сережкина Мария Александровна Пенитенциарная probation несовершеннолетних и некоторые компоненты их правового статуса в странах СНГ // ЮП. 2025. № 1 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/penitentsiarnaya-probatsiya-nesovershennoletnih-i-nekotorye-komponenty-ih-pravovogo-statusa-v-stranah-sng> (дата обращения: 22.07.2026).
9. Любовь Васильевна Ковтуненко, Янина Николаевна Полякова Психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних как механизм исполнительной probation // Вестник УЮИ. 2024. № 4 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-nesovershennoletnih-kak-mehanizm-ispolnitelnoy-probatsii> (дата обращения: 22.07.2026).
10. Кожевникова Е.Н. Программа формирования жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних // Ведомости УИС. 2017. № 9 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-formirovaniya-zhiznennyh-strategiy-uslovno-osuzhdennyh-nesovershennoletnih> (дата обращения: 23.07.2026).
11. Зотов В.В. Профессиональная проба как профессиональное самоопределение в подростковом возрасте // Образовательный вестник «Сознание». 2021. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-proba-kak-professionalnoe-samoopredelenie-v-podrostkovom-vozhraze> (дата обращения: 23.07.2026).
12. Письмо Минтруда России от 22.05.2026 № 14–6/10/В-8486 «О направлении актуализированных Методических рекомендаций по организации трудовой деятельности несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учёбы время» (вместе с Методическими рекомендациями исполнительным органам субъектов Российской Федерации и работодателям по организации трудовой деятельности несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учёбы время)
13. Казакова Татьяна Александровна, Васильева Ирина Вячеславовна Зарубежный опыт применения мер probation в отношении подростков-делинквентов // Российский научный вестник. 2026. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-primeneniya-mer-probatsii-v-otnoshenii-podrostkov-delinkventov> (дата обращения: 22.07.2026).

mer-probatsii-v-otnoshenii-podrostkov-delinkventov (дата обращения: 22.07.2026).

14. Алла Липаритовна Агабекян Probация в постсоветских странах // Теория и практика социогуманитарных наук. 2025. № 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-v-postsovetstskih-stranah> (дата обращения: 23.07.2026).

15. Сережкина Мария Александровна Пенитенциарная probation несовершеннолетних и некоторые компоненты их правового статуса в странах СНГ // ЮП. 2025. № 1 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/penitentsiarnaya-probatsiya-nesovershennoletnih-i-nekotorye-komponenty-ih-pravovogo-statusa-v-stranah-sng> (дата обращения: 23.07.2026).

APPLICATION OF TRIAL MEASURES AGAINST MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Mezeneva M.A.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article raises the issue of the importance of building a comprehensive system of state support for minors who are under criminal prosecution in Russia. The statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the City of Moscow confirm the relevance of this problem at the moment. This systemic oversight has serious consequences: it not only negatively affects the life prospects of the minors themselves, but also acts as one of the factors contributing to the growth of recidivism in this age group.

The paper analyzes the practices of foreign countries where probation institutions for minors operate on a systematic basis. The analysis shows that a number of approaches and tools that have been tested abroad can be adapted and effectively implemented in Russia, taking into account national specifics.

The authors are particularly concerned about the fragmented nature of the regulatory framework governing the probation of minors. The lack of a unified legal framework significantly limits the ability to implement consistent and effective measures aimed at the resocialization and social reintegration of adolescents who have violated the law. The existing regulations are applied in a fragmented manner, and the mechanisms for interagency cooperation are often formal, which reduces the practical impact of the implemented measures. In this regard, the authors argue for the need to amend the current legislation.

Keywords: probation, legal regulation, goals of punishment, minors, illegal behavior, and assistance system.

References

1. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on December 29, 2025) (as amended on May 15, 2026)
2. Criminal Code of the Russian Federation: Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996, No. 63-FZ: (as amended on July 29, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). – URL: (date accessed: July 23, 2026).
3. Criminal Executive Code of the Russian Federation: Criminal Executive Code of the Russian Federation: Federal Law of January 8, 1997, No. 1-FZ: (as amended on December 29, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). – URL: (date of access: July 23, 2026).
4. Federal Law of February 6, 2023 No. 10-FZ “On Probation in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 6. – Art. 917;
5. Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r “On the Concept for the Development of the Criminal-Executive System of the Russian Federation through 2030” (as amended on May 27, 2023);
6. Ryabova Olga Alekseevna, Ryabov Pavel Richardovich Probation of Minors in the Russian Federation // Agrarian and Land Law. 2024. No. 11 (239). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-nesovershennoletnih-v-rf> (date of access: July 22, 2026);
7. Voronova E.L. Creation of a Probation Service for Minors in Russia // Penitentiary Science. 2011. No. 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-sluzhby-probatsii-dlya-nesovershennoletnih-v-rossii> (date of access: 22.07.2026).
8. Serezhkina Maria Aleksandrovna. Probation of minors and some components of their legal status in the CIS countries // Juvenile Justice. 2025. No. 1 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/penitentsiarnaya-probatsiya-nesovershennoletnih-i-nekotorye-komponenty-ih-pravovogo-statusa-v-stranah-sng> (date of access: 22.07.2026).
9. Lyubov Vasilyevna Kovtunenkov, Yanina Nikolaevna Polyakova. Psychological and pedagogical support of minors as a mechanism of executive probation // Bulletin of the UUI. 2024. No. 4 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-nesovershennoletnih-kak-mehanizm-ispolnitelnoy-probatsii> (date of access: 22.07.2026).
10. Kozhevnikova E.N. Program for the formation of life strategies of conditionally sentenced minors // Vedomosti of the UIS. 2017. No. 9 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-formirovaniya-zhiznennyh-strategiy-uslovno-osuzhdennyh-nesovershennoletnih> (Accessed: 23.07.2026).
11. Zotov V.V. Professional trial as professional self-determination in adolescence // Educational Bulletin “Consciousness”. 2021. No. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-proba-kak-professionalnoe-samoopredelenie-v-podrostkovom-vozhraze> (Accessed: 23.07.2026).
12. Letter of the Ministry of Labor of Russia dated May 22, 2026, No. 14–6/10/В-8486, “On the Submission of Updated Methodological Recommendations for the Organization of Labor Activity of Minors Aged 14 to 18 Years Old in Their Free Time” (along with the Methodological Recommendations to the Executive Bodies of the Constituent Entities of the Russian Federation and Employers on the Organization of Labor Activity of Minors Aged 14 to 18 Years Old in Their Free Time)
13. Kazakova, Tatyana Aleksandrovna, Vasilyeva, Irina Vyacheslavovna. Foreign Experience in Applying Probation Measures to Juvenile Delinquents. Russian Scientific Bulletin.

2026. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-primeneniya-mer-probatsii-v-otnoshenii-podrostkov-delinkventov> (date of access: 22.07.2026).

14. Alla Liparitovna Agabekyan Probation in post-Soviet countries // Theory and practice of social and humanitarian sciences. 2025. No. 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-v-postsovetskih-stranah> (date of access: 23.07.2026).

15. Maria Aleksandrovna Serezhkina Penitentiary probation of minors and some components of their legal status in the CIS countries // Juvenile Justice. 2025. No. 1 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/penitentsiarnaya-probatsiya-nesovershennoletnih-i-nekotorye-komponenty-ih-pravovogo-statusa-v-stranah-sng> (date of access: 23.07.2026).

Орлов Илья Игоревич,

студент магистратуры, Институт публичного права
и управления ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: s2034462@edu.msal.ru

В статье рассматривается целесообразность сохранения уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу, предусмотренной ч. 1 ст. 328 УК РФ. Проводится оценка соответствия данной уголовно-правовой нормы принципам законности, справедливости и минимальной достаточности уголовной репрессии с учетом действующего административного регулирования, судебной практики и актуальных изменений законодательства о воинской обязанности. Обосновывается вывод об избыточности уголовно-правовой конструкции ч. 1 ст. 328 УК РФ при наличии близких по объективным признакам административных составов. Декриминализация уклонения от первоначального призыва рассматривается как способ устранения межотраслевого дублирования при сохранении уголовно-правовой охраны более опасных нарушений, связанных с прохождением военной службы.

Ключевые слова: уголовное право, воинская обязанность, уклонение от призыва; военная служба; административная ответственность.

Изменение порядка призыва на военную службу, цифровизация воинского учета и усиление как административной, так и уголовной ответственности за нарушения в этой сфере придают вопросу о пределах правового обеспечения исполнения воинской обязанности особое значение. Вместе с тем актуализация публичного интереса к обеспечению комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) не устраняет необходимости проверки уголовно-правового запрета на соответствие принципу экономии репрессии. Предметом настоящего исследования, таким образом, является определение того, является ли норма, установленная ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) необходимым и соразмерным средством обеспечения первоначального призыва. Стоит оговориться, что ч. 2 ст. 328 УК РФ в рамках данной статьи сознательно оставлена за скобками, поскольку она регулирует ответственность за уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы, имеющей самостоятельную нормативную природу и иной механизм исполнения.

Конституция Российской Федерации закрепляет защиту Отечества как долг и обязанность гражданина [1]. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», в свою очередь, относит к формам реализации воинской обязанности воинский учет, обязательную подготовку к военной службе, призыв, прохождение военной службы по призыву, пребывание в запасе и призыв на военные сборы; согласно ст. 22 указанного закона призыву подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет, состоящие на воинском учете либо обязанные состоять на нем и не пребывающие в запасе [5]. Следует заметить, что с 2026 г. призывные мероприятия организуются в течение календарного года, а отправка граждан к месту службы сохраняет периодический характер, что повышает значение учетно-организационной составляющей призывных процедур [4].

В ч. 1 ст. 328 УК РФ установлена ответственность за уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от таковой. Санкция нормы предусматривает штраф в размере до двухсот тысяч рублей, принудительные работы, арест либо лишение свободы на срок до двух лет [2]. Состав является формальным и длящимся: преступление окончено с момента совершения действий или бездействия, направленных на уклонение, однако состояние противоправного неисполнения обязанности сохраняется до отпадения обязанности по призыву, явки с повинной либо задержания лица. Важно подчеркнуть, что субъектом преступления является не военный служащий, а призывник; с момента приобретения статуса военнотрудового уклонение от исполнения обязанностей службы оценивается уже по нормам главы 33 УК РФ.

Именно это обстоятельство имеет принципиальное значение для оценки общественной опасности деяния. Уклонение от первоначального призыва нарушает порядок комплектования ВС РФ, однако не связано с самовольным прекращением уже возникших военно-служебных отношений. Видится, что его криминализация должна быть обоснована самостоятельными признаками повышенной опасности. Анализ исторического материала свидетельствует о том, что ответственность за нарушения призывного порядка не всегда рассматривалась как уголовная: так, дореволюционное законодательство дифференцировало неявку, обманные действия и иные нарушения, используя наряду с наказаниями меры, близкие по своему характеру к современным административным взысканиям [10]. Следовательно, уголовно-правовая форма защиты призыва не является единственно возможной.

Основная догматическая трудность состоит в том, что значительная часть объективных признаков уклонения от призыва на военную службу совпадает с административными правонарушениями. Ст. 21.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) предусматривает ответственность, в частности, за неявку гражданина без уважительной причины в указанные в повестке военного комиссариата время и место; размер штрафа по ч. 1 указанной статьи составляет от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей. Ст. 21.6 КоАП РФ, в свою очередь, охватывает уклонение гражданина от медицинского освидетельствования либо обследования по направлению комиссии или призывной комиссии; санкция данной нормы предусматривает предупреждение или штраф в размере от пяти тысяч до двадцати тысяч рублей [3]. Таким образом, законодатель не только сближает фактические формы поведения, но и ис-

пользует сходную терминологию («уклонение»), что снижает определенность границы между проступком и преступлением.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 03.04.2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения альтернативной гражданской службы» уточнил, что ответственность по ч. 1 ст. 328 УК РФ наступает независимо от способа совершения деяния и от того, уклонялся ли призывник только от очередного призыва или имел цель полностью избежать службы по призыву. При этом уголовная ответственность за неявку возможна лишь тогда, когда призывник таким образом намерен избежать возложения на него обязанности нести военную службу по призыву; судам необходимо устанавливать факт надлежащего оповещения, отсутствие уважительных причин и направленность умысла [7]. Тем самым главный квалификационный критерий смещается в плоскость доказывания субъективной стороны. При близости объективных признаков преступления и административных правонарушений такая зависимость уголовно-правовой оценки от направленности умысла обуславливает устойчивую проблему разграничения рассматриваемых составов.

Анализ правоприменительной практики показывает, что основанием квалификации деяний по ч. 1 ст. 328 УК РФ зачастую выступает неявка гражданина по повестке военного комиссариата как таковая. Так, приговором Яшкинского районного суда Кемеровской области по делу № 1–141/2021 гражданин был признан виновным в уклонении от призыва вследствие неоднократной неявки в военный комиссариат при отсутствии уважительных причин; наказание было назначено в виде штрафа в размере пятнадцати тысяч рублей [9]. Показательно, что в мотивировке такого рода дел суды нередко обращаются к нарушению нормальной деятельности органов по комплектованию ВС РФ, хотя состав ст. 328 УК РФ является формальным и не требует установления наступивших последствий. Это свидетельствует о методологической сложности обоснования уголовной опасности деяния, которое по внешним признакам близко к административному правонарушению.

Статистические данные позволяют оценить масштаб применения ч. 1 ст. 328 УК РФ, а также характер фактической судебной реакции на данное преступление. Согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, по ч. 1 ст. 328 УК РФ в 2020 г. было осуждено 554 лица, в 2021 г. – 928 лиц, в 2022 г. – 1121 лицо, в 2023 г. – 901 лицо, в 2024 г. – 916 лиц, за I полугодие 2025 г. – 580 лиц [11]. Важно обратить внимание, что в абсолютном большинстве случаев суды ограничиваются назначением штрафа как наименее строгого вида наказания из числа предусмотренных санкцией ч. 1 ст. 328 УК РФ. Так, в 2024 г. из 916 лиц, осужденных по данной норме, штраф был назначен 901 лицу; условное лишение свободы применено в отношении 5 лиц, тогда как реальное лишение свободы не назначалось вовсе. С учетом того, что санкция ч. 1 ст. 328 УК РФ допускает также принудительные работы, арест и лишение свободы на срок до двух лет, такие данные свидетельствуют о преимущественно штрафном характере фактической судебной реакции на данное преступление – правоприменительная практика, сохраняя формальную уголовно-правовую квалификацию деяния, фактически исходит из сравнительно невысокой степени его общественной опасности.

Следует учитывать и социально-правовой эффект уголовного преследования. Лицо, привлекаемое по ч. 1 ст. 328 УК РФ, как правило, находится на начальном этапе профессиональной и семейной социализации. Даже при назначении штрафа уголовно-правовой статус влечет последствия, несопоставимые с содержанием самого взыскания: ограничения при поступлении на отдельные виды публичной службы, репутационные издержки и иные затруднения социальной интеграции [12, с. 42]. При этом административное законодательство уже содержит достаточно ощутимые санкции за неявку и уклонение от медицинского обследования, а развитие электронного учета и порядка направления повесток повышает вероятность фиксации нарушения без обращения к уголовно-процессуальным средствам.

Возражение против декриминализации в научной литературе, как правило, строится на том, что обязательный призыв на военную службу обеспечивает обороноспособность государства, а потому нуждается в уголовно-правовой защите. Данный тезис справедлив лишь в общем виде. Охрана обороноспособности не требует одинаковой уголовно-правовой оценки всех форм неисполнения воинской обязанности. Законодатель уже проводит более строгую дифференциацию в отношении лиц, вступивших в военно-служебные отношения: самовольное оставление части, дезертирство, уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, членовредительства, подлога документов или иного обмана образуют специальные составы главы 33 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ специально разъясняет

применение норм о преступлениях против военной службы, что подтверждает самостоятельность данной группы составов [6]. Разница в степени общественной опасности прослеживается не только в санкциях рассматриваемых статей, но и в судебной практике. Так, по приговору Читинского гарнизонного военного суда от 07.04.2023 по делу № 1–27/2023 военнослужащему, призванному на военную службу в ходе мобилизации и признанному виновным в дезертирстве, было назначено наказание в виде семи лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима [8].

В этой связи декриминализация деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК РФ, не должна пониматься как отказ государства от защиты порядка комплектования ВС РФ. Речь в первую очередь идет о перераспределении средств правовой охраны. Следует отметить, что в научной литературе также обращается внимание на проблемность квалификации уклонения от прохождения военной службы и необходимость более строгого разграничения уголовно наказуемого поведения и иных нарушений [13, с. 182]. Наиболее последовательным представляется перевод уклонения от призыва исключительно в административную плоскость с одновременным уточнением составов ст. 21.5 и 21.6 КоАП РФ, дифференциацией ответственности за повторную неявку, неоднократное нарушение обязанностей по воинскому учету, представление недостоверных сведений и нарушение порядка получения повесток. Если законодатель сочтет необходимым сохранить уголовно-правовой запрет, представляется необходимым его глубокая переработка: диспозиция должна содержать объективные признаки повышенной опасности, а не зависеть исключительно от оценки направленности умысла при фактическом совпадении внешнего поведения с административным проступком.

Таким образом, действующая конструкция ч. 1 ст. 328 УК РФ не в полной мере отвечает требованиям определенности и экономии уголовной репрессии. Актуальные изменения законодательства о воинском учете и порядке призыва, включая расширение административных санкций, электронное дублирование повесток и круглогодичную организацию призыва, скорее усиливают аргумент в пользу административно-правовой модели реагирования, чем обосновывают сохранение уголовной ответственности за типовую неявку призывника. Статистические сведения, преобладание штрафных санкций в практике судов в приговорах по соответствующим уголовным делам и близость объективных признаков к составам КоАП РФ позволяют сделать вывод о научной и практической обоснованности декриминализации ч. 1 ст. 328 УК РФ либо, как минимум, ее существенной реконструкции. Такой подход позволит устранить межотраслевое дублирование, сохранить уголовную репрессию исключительно для деяний, отличающихся высокой степенью общественной опасности, и обеспечить большую согласованность законодательства о воинской обязанности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (ред. от 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.07.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 07.07.2026). Ст. 21.5, 21.6 // СПС КонсультантПлюс.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и статью 11 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе»: Федеральный закон от 04.11.2025 № 412-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
5. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 10.06.2026). Ст. 22, 31 // СПС КонсультантПлюс.
6. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 // СПС КонсультантПлюс.
7. О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения альтернативной гражданской службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 (ред. от 18.05.2023) // СПС КонсультантПлюс.
8. Приговор Читинского гарнизонного военного суда от 07.04.2023 по делу № 1–27/2023 // Архив Читинского гарнизонного военного суда [Электронный ресурс]. URL: https://gvs-cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=75GV0001&srv_num=1&delo_id=1540006&case_type=0&judicial_uid=75GV0001-01-2023-000077-43 (дата обращения: 08.07.2026).
9. Приговор Яшкинского районного суда Кемеровской области от 29.11.2021 по делу № 1–141/2021 // Судебные и нормативные акты

РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HJMQRR1ZKeZx/> (дата обращения: 08.07.2026).

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / изд. Н.С. Таганцева. 5-е изд., доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886.

11. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 08.07.2026).

12. Архенгольц И.А. Судимость и ее общеправовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Архенгольц Илона Аркадьевна. Екатеринбург, 2018. 256 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/sudimost-i-ee-obshchepravovye-posledstviya> (дата обращения: 08.07.2026).

13. Корякин В. М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы // Военное право. 2020. № 4 (62). С. 180–184.

EVASION OF CONSCRIPTION FOR MILITARY SERVICE: PROBLEMS OF CRIMINAL-LAW ASSESSMENT

Orlov I.I.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the advisability of retaining criminal liability for evasion of conscription for military service under Part 1 of Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation. It assesses the compliance of this criminal-law provision with the principles of legality, justice, and the minimum sufficiency of criminal repression, taking into account existing administrative regulation, judicial practice, and recent legislative changes concerning military duty. The article substantiates the conclusion that the criminal-law construction of Part 1 of Article 328 of the Criminal Code is excessive in view of administrative offences with similar objective elements. Decriminalization of evasion of initial conscription is considered as a means of eliminating inter-branch duplication while preserving criminal-law protection against more dangerous violations related to the performance of military service.

Keywords: criminal law, military duty, evasion of conscription, military service, administrative liability.

References

1. Constitution of the Russian Federation (as amended on July 1, 2020) // ConsultantPlus Legal Reference System.

2. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 // ConsultantPlus Legal Reference System.

3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on July 4, 2026, with amendments and additions effective from July 7, 2026). Articles 21.5, 21.6 // ConsultantPlus Legal Reference System.

4. On Amendments to the Federal Law "On Military Duty and Military Service" and Article 11 of the Federal Law "On Alternative Civilian Service": Federal Law No. 412-FZ of November 4, 2025 // ConsultantPlus Legal Reference System.

5. On Military Duty and Military Service: Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998 (as amended on June 10, 2026). Articles 22, 31 // ConsultantPlus Legal Reference System.

6. On the Practice of Courts Considering Criminal Cases Concerning Crimes Against Military Service: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of May 18, 2023 // ConsultantPlus Legal Reference System.

7. On the Practice of Courts Considering Criminal Cases Concerning Evasion of Conscription for Military Service and Evasion of Alternative Civilian Service: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 of April 3, 2008 (as amended on May 18, 2023) // ConsultantPlus Legal Reference System.

8. Judgment of the Chita Garrison Military Court of April 7, 2023 in case No. 1–27/2023 // Archive of the Chita Garrison Military Court [Electronic resource]. URL: https://gvs-cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=75GV0001&srv_num=1&delo_id=1540006&case_type=0&judicial_uid=75GV0001–01–2023–000077–43 (accessed: July 8, 2026).

9. Judgment of the Yashkinsky District Court of the Kemerovo Region of November 29, 2021 in case No. 1–141/2021 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HJMQRR1ZKeZx/> (accessed: July 8, 2026).

10. Code of Criminal and Correctional Penalties of 1885 / ed. by N.S. Tagantsev. 5th ed., suppl. St. Petersburg: M. Stasyulevich Printing House, 1886.

11. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial Statistics Data [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (accessed: July 8, 2026).

12. Arkhengolts I.A. Criminal Record and Its General Legal Consequences: Cand. Sci. (Law) dissertation: 12.00.08 / Ilona Arkadyevna Arkhengolts. Yekaterinburg, 2018. 256 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.dissercat.com/content/sudimost-i-ee-obshchepravovye-posledstviya> (accessed: July 8, 2026).

13. Koryakin V. M., Kharitonov V.S. Certain Issues of Qualification of Crimes Involving Evasion of Military Service // Military Law. 2020. No. 4 (62). Pp. 180–184.

Место неправомерного оборота средств платежей с вовлечение подставных лиц в системе экономических преступлений согласно уголовному законодательству РФ

Осипов Максим Сергеевич,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, заместитель директора Института технологий управления, ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
E-mail: osipov_m@mirea.ru

Научная статья посвящена вопросам, связанным с определением места незаконного оборота средств платежей с вовлечением подставных лиц в системе экономических преступлений, согласно законодательству Российской Федерации. В статье рассматриваются различные подходы к определению понятий дропперства, дроповодство, дроп, как сленговых, но содержащих в себе критерии, позволяющие осуществлять эффективную квалификацию деяний. Также в статье сделана попытка конкретизировать различия между элементами составов преступлений, образовавшихся в результате внесения изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также поделиться соображениями по поводу промежуточных результатов этих изменений.

Ключевые слова: экономическая преступность, дропперство, электронное средство платежа, дроповодство, подставное лицо, соучастие в преступлении, уголовная ответственность, мотив преступления.

Стремительное развитие информационных технологий в экономической и банковской сферах России создало основу для цифровой трансформации экономики, развития бизнеса, упрощения товарно-денежных отношений между физическими и юридическими лицами. Появление цифровых кошельков, мобильного банкинга, систем быстрых платежей, цифровых валют, оплаты с помощью NFC и многое другое существенно упростило процедуру взаимодействия между контрагентами в рамках договорных отношений, а также становится незаменимым средством в бытовом обращении. Смещение финансовых потоков из материальной сферы в цифровую среду повлек за собой качественную трансформацию экономической преступности, создав новые уязвимости, которые эксплуатируются лицами в целях совершения преступлений.

Статистика МВД РФ за январь–декабрь 2025 года фиксирует более 100 тыс. преступлений экономической направленности. Формально – показатель остаётся на уровне предыдущего года (рис. 1)¹.

Рис. 1. Преступность в экономике. Выявлено преступлений экономической направленности, тыс. ед.

Структура экономической преступности в России за период с января по декабрь 2025 года указывает на высокий уровень преступлений в сфере экономической деятельности, который равен 27% (рис. 2)², что является не критичным, но высоким показателем. При этом, ущерб от данных преступлений по данным МВД РФ оценивается в 363,4 млрд рублей, что больше по сравнению с показателями прошлых лет. То есть, при отсутствии выраженной динамики преступлений экономической направленности наблюдается рост материального ущерба.

Рис. 2. Структура экономической преступности в России за период с января по декабрь 2025 г., %

С каждым годом экономическая преступность включает в себя всё более сложные многоуровневые механизмы, связанные с коммерческими структурами, финансовыми потоками, цифровыми инструментами, в том числе с вовлечением третьих лиц в механизмы этих преступлений. В последнем случае реализации механизма вовлечения третьих лиц в совершение экономических преступлений может происходить как по инициативе последних, так и в отсутствии их прямого или косвенного умысла.

В последние годы тенденцию к глубокому укоренению в ответственном финансовом и юридическом пространстве получили такие

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года по данным МВД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/>

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года по данным МВД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/>

термины как «дроп», «дропперство», «дроповодство» и некоторые другие.

Под данными терминами следует определять характер и степень участия лица в механизме противоправного деяния, связанного с неправомерным оборотом средств платежей, сам процесс реализации противоправных действий и организацию такой незаконной деятельности.

Проведя анализ различных источников, среди которых информационные письма Банка России, Методические рекомендации субъектов банковской деятельности, а также научную литературу, среди которых труды таких учёных как Никонова П.В., Кузнецов А.П., Желудков М.А. автор приходит к выводу о том, что в настоящее время существует несколько подходов к определению и содержанию вышеупомянутых понятий в контексте противозаконной деятельности.

По мнению А.М. Ахатовой под «дропом» или «дроппером» понимается физическое лицо, действовавшее умышленно или путем введения в заблуждение этого лица, непосредственно участвовавшего в преступлении (посредственный исполнитель), либо физическое лицо, без ведома которого были использованы персональные данные в целях совершения преступлений, либо юридическое лицо, данные которого были внесены в единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) и были использованы преступниками в противоправных действиях»¹

В свою очередь, в Методических рекомендациях Банка России по усилению кредитными организациями информационной работы с клиентами в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без добровольного согласия клиента» упоминаются такие понятия как «дроп» и «дропперство», однако их содержание не раскрывается².

«Дроповодство» же рассматривается как более масштабный процесс, связанный с организацией незаконной деятельности по вовлечению подставных лиц в разнообразные финансовых операциях. В интересах конечного выгодоприобретателя или выгодоприобретателей. По мнению доктора юридических наук, профессора Никонова П.В. и Цирендылыковой Н.Б. «дропперство» является неотъемлемой частью организованной преступности, так как имеет определённую структуру, иерархию и цель³. Интересным также представляется мнение доктора юридических наук, профессора Желудкова М.А., которое заключается в том, что дропперство – это одна из форм соучастия, а именно пособничество, при котором посредник заранее обещает предоставить свой счёт для совершения преступления, что делает затруднительным квалификацию данных действий по статье 159 УК РФ – Мошенничество.

На основании рассмотренных позиций автор считает возможным определить «дропперство» как посредничество в противозаконной схеме, связанной с финансовой операцией за вознаграждение. То есть самостоятельное событие или цепь событий, в котором существует минимум три участника – «дроповод» то есть лицо, по чьей инициативе запускается процесс незаконного использования средства платежа, «дроппер» – заинтересованное лицо, которое за вознаграждение предоставляет доступ к электронному средству платежа для осуществления неправомерных операций и конечный выгодоприобретатель, который может совпадать с «дроповодом» в одном лице.

Автором предлагается в дальнейшем исследовании придерживаться позиции, основанной на определениях, данных «дропперству» и «дроповодству» в трудах профессора Желудкова М.А., а также доцента Никонова П.В. предлагается взять за основу тот факт, что «дропперство» представляет собой форму соучастия в виде умышленного или совершённого по неосторожности предоставления своих персональных данных, банковских карт, электронных средств платежей для совершения преступлений в финансовой сфере. Под «дроповодством» предлагается понимать организацию (кураторство, вербовка) незаконной деятельности в финансовой сфере, сопряжённой с вовле-

¹ Ахатова А.М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2024. № 6. С. 1075.

² Методические рекомендации по усилению кредитными организациями информационной работы с клиентами в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без добровольного согласия клиента, а также заключению договоров на получение кредитных (заемных) денежных средств под влиянием обмана или при злоупотреблении доверием и осуществлению операций с использованием указанных денежных средств, а также вовлечению граждан в деятельность по выводу и обналичиванию средств, полученных преступным путем (утв. Банком России 28.02.2024 N 3-МР).

³ Никонов П.В., Цирендылыкова Н.Б. Уголовно-правовое противодействие дропперству в условиях гибридных угроз // Искусство правоведения. The art of law. 2025. № 4.

чением подставных лиц и использованием их персональных данных, банковских карт, электронных средств платежей. Ниже, в приведённой табл. 1, автором предлагается осветить отличительные особенности содержания рассматриваемых понятий, что в свою очередь может представлять способствовать выявлению специфики квалификации деяний, связанных с рассматриваемыми явлениями.

Таблица 1. Сравнительная характеристика категорий «дроповодство» и «дропперство»

Сравнительный критерий	Дроповодство	Дропперство
Содержание понятия	Организация (кураторство, вербовка) незаконной деятельности в финансовой сфере, сопряжённой с вовлечением подставных лиц и использованием их персональных данных, банковских карт, электронных средств платежей.	Форма соучастия в совершении преступления (организованное дроповодом) в сфере финансовой деятельности, сопряжённое с вовлечением подставных лиц заведомо неподозревающих о незаконности деятельности или действующих с умыслом.
Субъекты и их роль в механизме преступления	Дроповод – организатор: 1) общее управление и координация незаконной деятельности; 2) подбор исполнителей; 3) контроль и распределение финансовых потоков; 4) получение всей прибыли или её части. Как правило обладает всей информацией о преступной схеме.	Дроппер (дроп) –исполнитель, пособник, посредник в механизме преступления, предоставляющий персональные данные, банковские карты, электронные средства платежа за вознаграждение, либо без такового.
Мотив совершения преступления	1. Материальное обогащение. 2. Соккрытие другого преступления (например, содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ).	1. Материальное обогащение. 2. Комплекс просоциальных мотивов, сформированных под влиянием дроповода, например, альтруистические побуждения или ложно понятый долг). 3. Отсутствие мотива преступления, так как дроппер не понимает, что участвует в совершении противоправного деяния.
Форма вины	Прямой умысел. Организатор (дроповод) полностью осведомлён о характере деятельности, предвидит и желает наступления конкретного результата своей деятельности.	1. Прямой умысел. Исполнитель (дроппер) понимает, что принимает участие в незаконной деятельности и желает их наступления, предполагая в результате для себя материальную выгоду. 2. Косвенный умысел, не желает наступления общественно опасных последствий, однако должен понимать сомнительность операций в которых принимает участие. 3. Неосторожность, в случае, когда не предпринял мер направленных на выяснение всех обстоятельств операций, в которые вовлечён, легкомысленно отнёсся к самому факту вовлечения в финансовую операцию.
Характер влияния на преступность	Системообразующее – создание преступных схем, подбор исполнителей, распределение финансовых потоков организация преступных сообществ, деятельность которых угрожает национальной безопасности государства.	Инструментальное – посредник в преступной схеме организованной дроповодом. Отсутствие данного субъекта в механизме преступления полностью препятствует его совершению и может вынудить организатора выйти из теневого сектора.

Основываясь на содержании табл. 1, автор приходит к выводу о том, что конкретизация терминологии и её содержания при решении вопросов о возбуждении уголовных дел остаётся актуальным ввиду того, что это оказывать влияние на квалификацию конкретного деяния и роли того или иного субъекта. Роль, масштабы деятельности, объективная и субъективная сторона деяний во многом зависит от того какую роль выполняет субъект в преступной схеме.

Учитывая складывающуюся ситуацию с увеличением числа деяний так или иначе, связанных с дропперством (в структуре экономических преступности), но квалифицируемых по различным составам преступлений Особенной части УК РФ, законодателем было принято решение внести соответствующие изменения, позволяющие «унифицировать» и упростить процесс квалификации деятельности дропера. Так 5 июля 2025 года в силу вступили изменения к ст. 187 УК РФ – Федеральный закон от 24.06.2025 N 176-ФЗ¹.

Согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» поправки осуществляются в целях совершенствования правовых механизмов противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе электронных средств платежа (далее – ЭСП) и доступа к ним, которые применяются для оборота денежных средств, полученных преступным путем².

На сегодняшний день объём правоприменительной практики по новым частям упомянутой статьи ещё недостаточен, для того, чтобы делать выводы о её эффективности.

До внесения изменений в ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации в виде её дополнения частями 3, 4, 5 и 6 анализ правоприменительной практики по делам, связанным с «дропперством» указывает на то, что деяния квалифицировались как мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём (ст. 174 УК РФ), неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ), а также как организация преступного сообщества и участие в нём (ст. 210 УК РФ).

Квалифицирующими признаками, применительно к перечисленным выше составам преступлений можно считать осведомлённость дропера об участии в противоправной деятельности, его роли в совершении преступления, мотивов и так далее.

Например, квалификация по ст. 159.3 УК РФ возможна при наличии информации о том, что дропер знает о своём участии в обмене и злоупотребляет доверием потерпевшего имея целью незаконное обогащение. Например, осуществляет обзвон жертв, представляясь сотрудником банка, предлагает перевести денежные средства на безопасный счёт, ссылку на который ему предоставил организатор преступной схемы. В данном случае его действия могут рассматриваться как соучастие в мошенничестве, так как очевидно прямая связь с хищением.

Квалификация действий дропера по статье 172 УК РФ – Незаконная банковская деятельность, предполагает умышленное нарушение требований законодательства о банковской деятельности и банковских операциях на территории страны. Наиболее ярким примером такого деяния для дропера может являться обналичивание денежных средств, со снятием комиссии от 1 до 3% в свою пользу.

Дроперы весьма полезны для организаторов схем, связанных с легализацией или отмыванием доходов, или иного имущества, приобретённого другими лицами преступным путём (ст. 174 УК РФ). Подставное лицо принимает участие в финансовой операции, которая должна придать правомерный статус имуществу или денежным средствам. Например, он может предоставить свои личные данные для оформления имущества, или средства платежа для «прокручивания» денежных средств как «чистых». Для квалификации по указанной статье важно, чтобы действия были умышленными.

Привлечение к ответственности лиц по статье 187 УК РФ до внесения в неё изменений обусловлено передачей инструмента платежа или предоставления доступа к электронному средству платежа за вознаграждение, при том, что дроп должен иметь прямой умысел и знать о незаконности действий с его средством платежа.

Наконец, квалификация деяний по статье 210 УК РФ – организация преступного сообщества и участие в нём, предполагает привлечение к ответственности не посредника или соисполнителя преступной

схемы обогащения или финансирования незаконной деятельности, а именно организатора такой деятельности – дроповода.

Внесение изменений в статью 187 УК РФ было обосновано увеличением масштаба преступлений, связанных с дропперством и отсутствием конкретного состава преступления, который бы подразумевал ответственность за подобные деяния. Эффект от принятия поправок в Уголовный кодекс нам следует анализировать не ранее, чем по итогам двух-трёх лет. В настоящее же время руководствуясь обоснованием, изложенным в ранее упомянутой пояснительной записке к проекту Федерального закон от 24.06.2025 N 176-ФЗ, дополнение статьи 187 УК РФ частями с третьей по шестую, выделим наиболее значимые из них³:

- изменения позволяют привлечь к уголовной ответственности держателей ЭСП, которые из корыстных побуждений передают свои ЭСП в пользу третьих лиц, либо осуществляют неправомерные операции с использованием своих ЭСП в интересах третьих лиц. Важно, что в диспозиции части третьей рассматриваемой статьи имеется квалифицирующий признак – корыстный мотив, который позволяет отграничить противоправное деяние от иных, не запрещённых законом действий;

- конкретизируется понятие «неправомерная операция», которая подразумевает под собой совершенный с использованием ЭСП перевод денежных средств, выдача и (или) получение со счёта наличных денежных средств, которые зачислены на банковский счёт клиента оператора по переводу денежных средств без предусмотренных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований;

- устанавливается уголовная ответственность за приобретение либо передачу ЭСП и (или) доступа к нему, которые совершены лицом, не являющимся клиентом оператора, в целях осуществления неправомерных операций, либо приобретение таким лицом ЭСП и (или) доступа к нему для последующей его передачи третьим лицам. При этом подчёркивается также корыстный мотив совершения этих действий.

- установление уголовной ответственности за осуществление неправомерных операций с использованием ЭСП лицом, которое не является стороной договора об использовании ЭСП.

В целях побуждения дроперов, к сотрудничеству с правоохранительными органами, применением 4 к статье 187 УК РФ вводится специальное основание для освобождения от уголовной ответственности в случае, если после совершения преступления они добровольно сообщили о нём в правоохранительные органы.

Целесообразным представляется продемонстрировать взгляд автора на состав преступлений, предусмотренных частями 3,4,5 и 6 статьи 187 УК РФ (табл. 2).

Таблица 2. Состав преступления и элементы состава

Состав преступления Элемент состава преступления	ч. 3 ст. 187 УК РФ	ч. 4 ст. 187 УК РФ	ч. 5 ст. 187 УК РФ	ч. 6 ст. 187 УК РФ
Объект преступления	Установленный порядок совершения финансовых операций с использованием ЭСП и общественные отношения, обеспечивающие безопасный порядок денежного обращения и расчетов.			
Объективная сторона преступления	Передача субъектом преступления ЭСП и (или) доступа к ЭСП другому лицу для осуществления неправомерных операций.	Совершение неправомерных операций с использованием ЭСП, по указанию другого лица или в его интересах.	Приобретение или передача другому лицу ЭСП и (или) доступа к нему для осуществления противоправных операций	Совершение неправомерной операции с использованием ЭСП
Субъект преступления	Вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности – 16 лет; Является клиентом оператора по переводу денежных средств	Вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности – 16 лет; Является клиентом оператора по переводу денежных средств	Вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности – 16 лет; Не является клиентом оператора по переводу денежных средств	Вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности – 16 лет; Не является клиентом оператора по переводу денежных средств

¹ Федеральный закон от 24.06.2025 N 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Состав преступления Элемент состава преступления	ч. 3 ст. 187 УК РФ	ч. 4 ст. 187 УК РФ	ч. 5 ст. 187 УК РФ	ч. 6 ст. 187 УК РФ
Субъективная сторона преступления	Вина в форме прямого или косвенного умысла; Корыстный мотив – основной. Дополнительные мотивы: альтруистические побуждения, ложно понятое чувство долга и другие.	Вина в форме прямого или косвенного умысла; Корыстный мотив – основной. Дополнительные мотивы: альтруистические побуждения, ложно понятое чувство долга и другие.	Вина в форме прямого умысла; Корыстный мотив – основной. Дополнительные мотивы: альтруистические побуждения, ложно понятое чувство долга и другие.	Вина в форме прямого умысла; Корыстный мотив – основной. Дополнительные мотивы: альтруистические побуждения, ложно понятое чувство долга и другие.

Проведённый анализ такого многогранного противоправного явления как дропперство и его место в системе уголовного законодательства Российской Федерации, а также составов преступлений, предусмотренных частями 3 по 6 статьи 187 УК РФ, позволяет сделать ряд выводов:

1. Неправомерный оборот средств платежа в современных условиях цифровизации финансовой и банковской сферы, а также вовлечением в механизм его совершения подставных лиц, несёт существенные угрозы как экономической, так и национальной безопасности государства.

2. Изменения, внесённые Федеральным законом от 24.06.2025 N 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» на наш взгляд преследовали следующие цели:

- криминализовать деяния, связанных с передачей ЭСП или паролей, сим-карт и т.д. (дропперства), даже в том случае, если лицо не осуществляло непосредственных действий, направленных на хищения средств;
- затруднить дропперам доступ к счетам подставных лиц;
- профилактическая цель, которая порождает осознание потенциальным дроппером рисков, связанных с уголовной ответственностью за действия, связанные с предоставлением ЭСП и доступа к ним злоумышленникам;
- подключению лиц, впервые совершивших данные преступления, к раскрытию преступлений, в виде освобождения их от уголовной ответственности за добровольные действия, направленные на разоблачение организаторов преступных схем;
- квалификация рассматриваемых деяний в рамках конкретных составах преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ, не прибегая к смежным составам.

3. Помимо положительного эффекта, автором выделяется ряд уязвимостей криминализации дропперства:

- возраст уголовной ответственности за совершение рассматриваемого преступления составляет 16 лет, однако несовершеннолетний с 14 лет имеет право на оформление полноценной банковской карты. Таким образом, дропперы будут вовлекать большее количество лиц в возрасте от 14 до 16 лет в реализацию преступных схем;
- формальный состав преступления – отсутствие в норме объёмов денежных средств, влияющих на квалификацию деяния. Данный состав преступления материальный – то есть важен сам факт предоставления, передачи, использования ЭСП, а не объём средств и не размер ущерба от совершённых действий;
- конструкция рассматриваемых частей статьи 187 УК РФ не предусматривают оборот криптовалюты, хотя тенденции указывают на постепенную трансформацию механизма совершения преступлений именно в данную сферу;
- продолжающаяся конкуренция норм уголовного законодательства, при квалификации деяний, что возможно является искоренимым последствием уже внесённых изменений и дополнений.

Подводя итог вышесказанному следует отметить, что по мнению автора, законодательство и правоприменительная практика, складывающаяся в сфере противодействия экономическим преступлениям с использованием информационных технологий носит традиционно реакционный характер. В свою очередь некоторые решения о зако-

нотательных изменениях в данной сфере могут учитывать интересы, связанные с экономической безопасностью государства, но вместе с тем порождать препятствия в правоприменительной практике, которая направлена на противодействие преступлениям. Оценка результата от внесённых в законодательство изменений, направленных на противодействие дропперству возможна по итогам нескольких лет применения. Но это не означает, что законодательство и правоохранительная деятельность должны находиться в режиме ожидания. По мнению автора, в данном направлении должно проводиться комплексное криминологическое прогнозирование, с целью выработки новых правовых подходов и адекватных механизмов расследования и раскрытия преступлений, базирующихся на фундаменте, заложенном летом 2025 года.

Литература

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026).
3. Федеральный закон от 24.06.2025 N 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации»
4. Ахатова А.М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2024. № 6. С. 1075.
5. Никонов П. В., Цырендылыкова Н.Б. Уголовно-правовое противодействие дропперству в условиях гибридных угроз // Искусство правоведения. The art of law. 2025. № 4.
6. Зезюлина Т.А. Новый подход к установлению уголовной ответственности дропперов: проблемы и перспективы. Право и управление. XXI век. 2025. № 21(4). <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-4-77-56-64>
7. Методические рекомендации по усилению кредитными организациями информационной работы с клиентами в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без добровольного согласия клиента, а также заключению договоров на получение кредитных (заемных) денежных средств под влиянием обмана или при злоупотреблении доверием и осуществлению операций с использованием указанных денежных средств, а также вовлечению граждан в деятельность по выводу и обналичиванию средств, полученных преступным путем (утв. Банком России 28.02.2024 N 3-МР)
8. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации». Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/909076-8#bh_note
9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года по данным МВД России ФКУ «ГИАЦ». [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/>

THE PLACE OF ILLEGAL TURNOVER OF FUNDS OF PAYMENTS WITH THE INVOLVEMENT OF FRONT PERSONS IN THE SYSTEM OF ECONOMIC CRIMES ACCORDING TO THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Osipov M.S.

Russian technological university

The scientific article is devoted to issues related to the identification of the place of illicit trafficking in means of payments involving front persons in the system of economic crimes, according to the legislation of the Russian Federation. The article discusses various approaches to defining the concepts of droppery, drop farming, and drop, as slang terms, but containing criteria that allow for effective qualification of acts. The article also attempts to specify the differences between the elements of the offences resulting from the amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as to share thoughts on the interim results of these changes.

Keywords: economic crime, droppery, electronic means of payment, dropmaking, front person, complicity in a crime, criminal liability, motive of a crime.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020).
2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on April 9, 2026).

¹ Зезюлина Т.А. Новый подход к установлению уголовной ответственности дропперов: проблемы и перспективы. Право и управление. XXI век. 2025. № 21(4). С. 56–64.

3. Federal Law of June 24, 2025, No. 176-FZ "On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation"

4. Akhatova, A.M. "Drop as an Accomplice to Crimes Committed Using Information and Telecommunication Networks: Problems of Criminal-Law Assessment and Law Enforcement." Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2024. No. 6. P. 1075.

5. Nikonov P. V., Tsyrendylykova N.B. Criminal-legal counteraction to dropper in the context of hybrid threats // The art of jurisprudence. The art of law. 2025. No. 4.

6. Zezyulina T. A. A new approach to establishing criminal liability of droppers: problems and prospects. Law and Management. XXI century. 2025. No. 21(4). <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-4-77-56-64>

7. Methodological recommendations for credit institutions to strengthen information work with clients in order to counter the implementation of funds transfers without the vol-

untary consent of the client, as well as the conclusion of agreements for receiving credit (borrowed) funds under the influence of fraud or abuse of trust and the implementation of transactions using these funds, as well as the involvement of citizens in activities related to the withdrawal and cashing out proceeds from crime (approved by the Bank of Russia on February 28, 2024, No. 3-MR)

8. Explanatory Note to the Draft Federal Law "On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation." The Legislative Support System of the State Automated System "Lawmaking" (SOZD GAS "Lawmaking"). [Electronic resource]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/909076-8#bh_note

9. Brief Description of the State of Crime in the Russian Federation for January – December 2025 According to Data from the Ministry of Internal Affairs of Russia, Federal State Institution "GIATS". [Electronic resource]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/>

Влияние стресса и психофизиологических особенностей мигрантов на склонность к насильственным действиям

Платицына Ирина Алексеевна,

специалист по учебно-методической работе кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

E-mail: ira_07_03@mail.ru

Статья посвящена проблеме криминологической детерминации насильственной преступности среди мигрантов. Цель исследования – обоснование биосоциальной модели преступной агрессии через интеграцию концепции аккультурационного стресса и нейробиологических подходов, а также выявление роли психофизиологических особенностей личности в механизме формирования девиантного поведения. Методологическая основа включает теоретический анализ существующих моделей аккультурации и нейробиологических механизмов агрессии и эмпирическое исследование методом экспертного опроса. Результаты показывают, что ключевым механизмом, опосредующим переход от стресса к насилию, является нарушение механизмов саморегуляции – истощение ресурсов волевого контроля на фоне хронического аккультурационного стресса, вызванного маргинализацией и дезадаптацией. Установлено, что у лиц, склонных к насильственным действиям, высокий уровень волевого контроля сочетается с выраженными показателями враждебности, обидчивости и подозрительности. Научная новизна заключается в обосновании многоуровневой биосоциальной модели, дополняющей классические криминологические характеристики личности преступника-мигранта психофизиологическими особенностями и пусковыми факторами стресса. Выводы свидетельствуют о необходимости перехода к интеграционной стратегии, внедрения ранней диагностики рисков и организации психологической поддержки мигрантов для повышения стрессоустойчивости.

Ключевые слова: насильственная преступность, мигранты, аккультурационный стресс, психофизиология, фрустрация, виктимология, предупреждение преступности

Введение

В контексте глобальной миграции проблема насильственных преступлений среди мигрантов приобретает особое криминологическое значение. Традиционные подходы к его анализу, ориентированные на социально-демографические и экономические факторы (возраст, пол, уровень дохода, страна происхождения), не в полной мере объясняют вариативность агрессивного поведения среди людей, изменивших свою культурную среду. Как справедливо отмечает Ю.М. Антонян, «личность преступника является центральной проблемой криминологии, и без ее изучения невозможно понять причины преступности» [1, с. 47].

Современные исследования в области межкультурной психологии и нейрокриминологии показывают, что склонность к насилию определяется не отдельными социальными или биологическими факторами, а их сложным взаимодействием. Так Д. Арчер и Р. Гартнер отмечают, что в странах, перенесших вооруженные конфликты, после окончания боевых действий, уровень совершаемых насильственных преступлений растет значительно, чем в мирных странах [2, с. 44–61], что может указывать на возможный рост количества таких преступлений в нашей стране в скором времени. Цель данного исследования – на основе синтеза теоретических моделей и эмпирических данных обосновать роль стресса и психофизиологических особенностей в механизме формирования насильственного поведения у мигрантов, а также предложить направления превентивной политики, учитывающие выявленные закономерности.

Стресс аккультурации как криминогенная детерминанта

Аккультурация как процесс изменения культурной среды для мигрантов и интеграция в иную социокультурную систему оказывают на психику постоянный стрессовый эффект. Запускается переоценка идентичности и реорганизация системы ценностей. Стресс аккультурации проявляется через тревогу, депрессивные состояния, чувство маргинализации и исключения, потерю внутренней идентичности [3].

В фундаментальной работе Джона Берри (1997) обстоятельно представлена разработанная концептуальная основа для анализа этого процесса. Автор рассматривает аккультурацию как сложное взаимодействие между мигрантом и принимающим обществом, исход которого зависит от ответов на два ключевых вопроса: насколько важно для индивида сохранить свою культурную идентичность и насколько ценно для него установить связи с принимающим обществом [5, с. 5–34].

Комбинация ответов формирует четыре стратегии аккультурации: интеграция (сохранение своей культуры + активные контакты с новой), ассимиляция (неприятие своей культуры + принятие новой), сегрегация (сохранение своей культуры + избегание контактов) и маргинализация (неприятие своей культуры + отсутствие контактов с новой). Корреляция этих стратегий с риском насильственного поведения представляет криминологический интерес.

Исследования показывают, что именно маргинализация и вынужденное разделение создают наиболее благоприятную почву для агрессии. Человек, лишенный культурного «якоря» и социальных связей, оказывается в состоянии, которое Берри называет аккультурационным стрессом, комплексом тревоги, депрессии, чувства отчуждения и снижения контроля над поведением. В то же время выбор стратегии зависит не только от мигранта: принимающее общество проводит свою собственную политику (мультикультурализм против ассимиляции и т.д.) и может вынудить мигрантов принять ту или иную модель поведения. Политика отчуждения и сегрегации искусственно создает криминальную среду, программируя маргинализацию.

Психофизиологические механизмы преступной агрессии

Сложность криминологической оценки поведения мигрантов заключается в том, что внешние факторы (стресс) накладываются на внутренние психофизиологические особенности личности. В этой связи значительный интерес представляют результаты исследований, убедительно доказывающих, что генетические, неврологические и физиологические факторы могут предсказывать агрессивное поведение [6].

Согласно данным А. Рейна, утверждающего что у преступников действительно «сломаны мозги», к числу наиболее значимых психофизиологических предикторов насилия относятся:

1. Очевидные (высоковероятные) факторы. Пол (почти все тяжкие насильственные преступления совершаются мужчинами); наследственность (склонность к насилию частично передается по наследству, что подтверждается исследованиями приемных детей); органические поражения центральной нервной системы (дисфункция префронтальной коры и миндалевидного тела, отвечающих за контроль импульсов и эмоциональную регуляцию).

2. Неочевидные (парадоксальные) маркеры. Низкая частота сердечных сокращений в состоянии покоя коррелирует с антиобщественным поведением – это явление объясняется теорией «поисковой стимуляции»: индивиды с низким физиологическим возбуждением нуждаются в сильных внешних раздражителях (в том числе агрессивных) для достижения нормативного уровня активации нервной системы. Кроме того, пренатальные опасности (курение и употребление алкоголя беременными женщинами, неправильное питание, как у голландских детей «голодной зимы» 1944–45 годов) негативно влияют на формирование мозговых структур, ответственных за социализацию [6].

Однако для криминологического анализа миграционной преступности данные положения требуют существенной конкретизации. Во-первых, сами по себе психофизиологические особенности не являются фатальным приговором, о чем свидетельствует биография самого Рейна, который при наличии ряда биологических маркеров риска стал ученым, а не преступником. Взаимосвязь между генетическими и неврологическими факторами носит вероятностный, а не детерминированный характер, что принципиально важно для криминологической интерпретации.

Ключевым значимым выводом является то, что психофизиологические факторы риска актуализируются исключительно в определенных социальных условиях. Для мигрантов таким условием выступает хронический аккультурационный стресс, который выступает своего рода «пусковым механизмом»: нейробиологическая предрасположенность к агрессии реализуется в поведении только при истощении адаптационных ресурсов и нарушении механизмов саморегуляции. Иными словами, биологические маркеры приобретают криминогенное значение не сами по себе, а в контексте социальной дезадаптации, что согласуется с биосоциальной моделью.

Структура агрессии и волевого самоконтроля у лиц, совершающих насильственные преступления

Изложенные выше теоретические положения находят эмпирическое подтверждение в результатах проведенного исследования. Экспертная оценка структуры агрессии и враждебности, выполненная сотрудниками правоохранительных органов на основе длительного профессионального взаимодействия с лицами, совершившими насильственные преступления, позволила выявить ряд устойчивых закономерностей в психологических и поведенческих характеристиках данной категории лиц, а также об особенностях, провоцирующих агрессивное поведение в условиях стресса.

Для большинства представителей наблюдаемого контингента характерен высокий обобщенный индекс враждебности, отражающий устойчивое негативное восприятие социального окружения как угрожающего и враждебного. Также экспертами были отмечены высокие показатели обиды и подозрительности, что указывает на устойчивой эффективной комплекс, связанный с переживаниями несправедливости.

Повышенный уровень косвенной агрессии указывает на тенденцию выплёскивать накопившееся напряжение обходным путём, то есть на посторонние предметы. Этот механизм по мнению экспертов особенно опасен в ситуации, когда мигрант не может открыто выразить агрессию против реального обидчика и перенаправляет её на случайных жертв. В контексте миграции, как отмечает Ф. С. Сафуанов, «именно переживание несправедливости и унижения достоинства является наиболее частым психологическим механизмом преступной агрессии» [4, с. 300].

Большинство наблюдаемого контингента в норме обладает высоким уровнем волевого контроля. Однако совершение ими агрессивных преступных действий свидетельствует о нарушении механизмов саморегуляции и контроля эмоций в определенный момент. Этот «слом» может происходить по двум сценариям: накопление внутреннего напряжения в течение длительного периода, когда его невозможно снять, или патологический эффект острой конфликтной ситуации.

Для мигрантов, находящихся в состоянии хронического аккультурационного стресса, наиболее актуален первый сценарий. Вот почему высокий уровень волевого самоконтроля (который обычно является

защитным фактором) в контексте миграции может парадоксальным образом способствовать отсроченному насилию: человек долго терпит, накапливает фрустрацию, не давая ей выхода, и тогда срыв оказывается особенно разрушительным.

Таким образом, эмпирические данные подтверждают теоретическую модель, согласно которой криминогенный потенциал психофизиологических и личностных особенностей мигрантов актуализируется опосредованно – через механизм хронического стресса и последующей декомпенсации саморегуляционных процессов.

Модель биосоциального стресса в структуре криминологической характеристики личности насильственного преступника-мигранта

На основе синтеза теоретических моделей Дж. Берри и Э. Рейна, а также результатов эмпирического исследования предлагается дополнить классическую криминологическую характеристику личности насильственного преступника-мигранта многоуровневой биосоциальной моделью. Это позволит рассматривать личность как динамическую систему, находящуюся под влиянием хронического стресса и дезадаптации.

Модель включает пять взаимосвязанных уровней.

Макросоциальный уровень отражает маргинализацию и правовую незащищенность, порождающие хроническую тревогу.

Микросоциальный уровень связан с разрушением семейных связей и конформизмом к криминальной субкультуре.

Индивидуально-психологический уровень включает акцентуации характера, высокую враждебность и подозрительность.

Нейродинамический уровень фиксирует дисфункцию префронтальной коры и нарушение работы структур мозга, отвечающих за эмоциональные реакции. Эти нарушения создают потенциал для срыва саморегуляции.

Триггерный уровень представлен кумулятивным аккультурационным стрессом и острой конфликтной ситуацией, запускающими аффективную разрядку.

Предложенная модель не заменяет, а существенно дополняет классическую криминологическую характеристику, вводя в нее нейродинамические маркеры и триггерные механизмы. Криминогенное значение каждого уровня актуализируется только в совокупности с другими, при этом центральным звеном выступает механизм хронического стресса и последующего срыва саморегуляции.

Профилактика насильственных преступлений мигрантов: психофизиологические и социально-психологические аспекты

На основе предложенной модели можно сформулировать следующие направления профилактической деятельности.

Изменение политики аккультурации. Интеграция является наиболее успешной стратегией с минимальными психологическими издержками. Однако интеграция возможна только тогда, когда принимающее общество открыто и готово адаптировать свои институты (образование, здравоохранение, полицию) к потребностям мигрантов. Политика ассимиляции или сегрегации увеличивает долю мигрантов, которые выбирают маргинализацию или отделение, что напрямую коррелирует с ростом насильственных преступлений. Переход от монокультурной политики к плюралистической и интеграционистской снижает социальные и психологические издержки миграции.

Раннее выявление психофизиологических факторов риска. Перспективным представляется подход, рассматривающий профилактику насилия в рамках общественного здравоохранения. Он включает информирование беременных женщин о последствиях курения и употребления алкоголя для развития нервной системы ребенка, обеспечение полноценного питания в раннем возрасте, а также раннюю диагностику поведенческих отклонений у детей. В контексте миграции данные меры должны быть адаптированы с учетом культурных особенностей и обеспечением доступности для мигрантов.

Психологическая поддержка. На этапе постановки на миграционный учет целесообразно внедрить экспресс-диагностику уровня стресса и враждебности. Людей с высоким уровнем обидчивости и враждебности, а также с признаками истощения нервной системы следует направлять на курсы психологической поддержки, включающие тренинги по управлению стрессом. Согласно проведенному исследованию, именно данная группа лиц демонстрирует максимальный риск нарушения саморегуляции.

Этические границы и недопустимость стигматизации. Важно подчеркнуть, что предлагаемые меры относятся исключительно к области ранней профилактики, а не карательной нейрокриминологии. Сценарии превентивного заключения на основе биомаркеров, которые

А. Рейн называет футуристическим экспериментом, категорически неприемлем [6]. Насилие – это не раковая опухоль, которую можно искоренить, это адаптивный механизм, присущий человеку как биосоциальному виду.

Поэтому, даже если у мигранта обнаружены все перечисленные психофизиологические маркеры риска, меры воздействия должны быть исключительно превентивными, а не репрессивными или стигматизирующими.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Насильственные преступления мигрантов представляют собой сложный биосоциальный феномен, в котором психофизиологические факторы (генетическая предрасположенность, нейрокогнитивный дефицит, особенности вегетативной регуляции) неразрывно связаны с социальными (стресс аккультурации, маргинализация, политика отчуждения).

Ключевым психологическим механизмом, опосредующим переход от стресса к насилию, является «нарушение саморегуляции» – критическое истощение ресурсов волевого контроля. Эмпирически это подтверждается сочетанием высокого уровня волевого самоконтроля с выраженными показателями враждебности, обидчивости и подозрительности у лиц, совершивших насильственные преступления.

Теоретический анализ аккультурационных моделей показывает, что мигранты, подвергающиеся маргинализации или вынужденной изоляции, находятся в зоне повышенного риска в силу потери культурной идентичности и отсутствия социальных связей, лишаящих их ресурсов для преодоления стресса.

Предложенная многоуровневая биосоциальная модель, включающая макросоциальный, микросоциальный, индивидуально-психологический, нейродинамический и триггерный уровни, позволяет системно описать детерминанты агрессивного поведения и может служить основой для разработки профилактических мер.

Профилактика насильственных преступлений мигрантов должна основываться на трех принципах: а) изменение политики принимающего общества в сторону интеграции и мультикультурализма; б) раннее выявление и коррекция психофизиологических факторов риска в рамках подхода общественного здравоохранения; в) психологическая поддержка мигрантов, направленная на повышение стрессоустойчивости и развитие адаптивных способностей преодоления трудностей.

Перспективой дальнейших исследований является разработка модели оценки риска совершения насильственного преступления на основе набора аккультурационных, психологических и психофизиологических предикторов, а также создание и апробация программ психокоррекции для мигрантов, находящихся в группе риска.

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминология: Избранные лекции / Ю.М. Антонян. – Москва: Логос, 2020.
2. Арчер Д., Гартнер Р. Жертвы мирного времени: влияние войны на стремление населения к насилию в мирное время // Общественное животное. Исследования. – СПб.: прайм–ЕВРОЗНАК, 2003. – С. 44–61;
3. Корякина А.А. Особенности преодоления аккультуративного стресса в процессе межкультурной коммуникации // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 3. – С. 108–114.
4. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии / Ф.С. Сафуанов. – Москва: Смысл, 2003. – 300 с.
5. Berry, J.W. Immigration, acculturation, and adaptation / J.W. Berry // Applied Psychology. – 1997. – Vol. 46, No. 1. – P. 5–34.
6. Raine, A. The Anatomy of Violence: The Biological Roots of Crime / A. Raine. – New York: Vintage, 2013. – 496 p.

THE IMPACT OF STRESS AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MIGRANTS ON THEIR PROPENSITY FOR VIOLENT BEHAVIOR

Platitsyna I.A.

Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

This article addresses the issue of the criminological determinants of violent crime among migrants. The study aims to substantiate a biosocial model of criminal aggression by integrating the concept of acculturation stress with neurobiological approaches, as well as to identify the role of an individual's psychophysiological characteristics in the mechanism underlying the development of deviant behavior. The methodological framework comprises a theoretical analysis of existing acculturation models and the neurobiological mechanisms of aggression, alongside an empirical study based on expert surveys. The results indicate that the key mechanism mediating the transition from stress to violence is a "breakdown of self-regulation"—the depletion of volitional control resources amidst chronic acculturative stress caused by marginalization and maladaptation. It has been established that in individuals prone to violent behavior, a high level of volitional control co-occurs with pronounced levels of hostility, resentment, and suspiciousness. The scientific novelty lies in the substantiation of a multi-level biosocial model that supplements classical criminological characteristics of the migrant offender with psychophysiological traits and stress-triggering factors. The findings indicate a need to shift toward an integration strategy, implement early risk assessment, and organize psychological support for migrants to enhance their stress resilience.

Keywords: violent crime, migrants, acculturative stress, psychophysiology, frustration, victimology, crime prevention

References

1. Antonyan, Yu.M. Criminology: Selected Lectures. Moscow: Logos, 2020.
2. Archer, D., Gartner, R. Peacetime Victims: The Impact of War on the Population's Propensity for Violence in Peacetime. Social Animal Research. St. Petersburg: Prime-EVROZNAK, 2003, pp. 44–61;
3. Koryakina, A.A. Characteristics of Overcoming Acculturative Stress in Intercultural Communication. Bulletin of the Armavir State Pedagogical University. 2024, no. 3, pp. 108–114.
4. Safuanov, F.S. Psychology of Criminal Aggression. Moscow: Smysl, 2003, 300 p.
5. Berry, J.W. Immigration, acculturation, and adaptation / J.W. Berry // Applied Psychology. – 1997. – Vol. 46, No. 1. – P. 5–34.
6. Raine, A. The Anatomy of Violence: The Biological Roots of Crime / A. Raine. – New York: Vintage, 2013. – 496 p.

Савенков Юрий Владиславович,

аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия»
E-mail: y.savenkov@bk.ru

В статье исследуется социальная сущность вины как одного из фундаментальных принципов уголовного права Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена тем, что современное уголовное право не может ограничиваться формально-юридическим пониманием вины как психического отношения лица к совершенному деянию и наступившим последствиям. Вина выступает не только элементом субъективной стороны преступления, но и социально-правовым основанием уголовной ответственности, выражающим отрицательное отношение лица к охраняемым уголовным законом общественным ценностям. В работе анализируются философские основания вины, ее связь со свободой воли, моральной ответственностью и сознательным выбором поведения. Особое внимание уделяется разграничению понятий «вина» и «виновность», а также значению принципа вины для недопущения объективного вменения.

Ключевые слова: вина, принцип вины, уголовное право, уголовная ответственность, субъективное вменение, объективное вменение, виновность, свобода воли, социальная сущность вины, субъективная сторона преступления, справедливость, правовое государство, уголовно-правовой принцип, психическое отношение, личная ответственность.

Введение

Проблема вины традиционно занимает центральное место в науке уголовного права, поскольку именно через категорию вины определяется возможность и пределы уголовной ответственности лица за совершенное общественно опасное деяние. В современном российском уголовном праве принцип вины закреплен в статье 5 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия или бездействие и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Данная законодательная формула имеет не только юридико-техническое, но и глубокое социальное значение, поскольку выражает идею личной ответственности человека за осознанный и волевой выбор противоправного поведения.

Актуальность исследования социальной сущности вины обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, в условиях усложнения общественных отношений, развития цифровых технологий, искусственного интеллекта, профессиональных рисков и новых форм преступного поведения все более сложным становится установление реального психического отношения лица к деянию и его последствиям. Во-вторых, в правоприменительной практике сохраняется опасность фактического объективного вменения, когда само наступление вредного результата начинает восприниматься как достаточное основание для уголовной ответственности. В-третьих, теоретическое понимание вины нередко сводится исключительно к анализу умысла и неосторожности, тогда как социальная природа вины, ее связь с моральной ответственностью, свободой выбора и отношением лица к охраняемым ценностям раскрывается недостаточно полно.

Степень научной разработанности проблемы достаточно высока. Вопросы вины исследовались в трудах Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, Б.С. Утевского, П.С. Дагеля, А.И. Рарога, А.В. Наумова, Н.Г. Иванова, С.В. Векленко, В.В. Хилюты и других ученых. Вместе с тем большинство исследований сосредоточено преимущественно на уголовно-догматическом анализе форм вины, признаков умысла и неосторожности, разграничении легкомыслия и небрежности, прямого и косвенного умысла. Социальная сущность вины как самостоятельный теоретико-правовой феномен требует дальнейшего научного осмысления.

Цель статьи заключается в раскрытии социальной сущности вины как уголовно-правового принципа и обосновании ее значения для справедливого, индивидуализированного и правового применения уголовной ответственности.

Уголовная ответственность представляет собой наиболее строгую форму государственно-правового реагирования на общественно опасное поведение. В отличие от иных видов юридической ответственности, она связана с официальным осуждением лица от имени государства, применением наказания, ограничением правового статуса личности и возникновением судимости.

Вина как уголовно-правовой принцип имеет более широкое значение, чем вина как элемент субъективной стороны преступления. Если в рамках состава преступления вина выполняет квалификационную функцию, позволяя определить форму психического отношения лица к деянию и последствиям, то в качестве принципа уголовного права она определяет общие пределы уголовной ответственности и выражает фундаментальное требование справедливости: никто не может быть подвергнут уголовному наказанию без установления личной вины [9].

Социальная сущность вины заключается в том, что она выражает отрицательное отношение лица к тем социальным благам, которые охраняются уголовным законом. Такое отношение может проявляться в различных формах. При умысле оно выражается наиболее явно: лицо осознает общественную опасность поведения, предвидит последствия и желает, допускает либо безразлично относится к их наступлению.

При этом вина не должна пониматься как чисто моральное осуждение личности. Уголовное право оценивает не внутренний мир человека сам по себе, а его проявление в общественно опасном деянии. Нельзя привлекать лицо к уголовной ответственности за убеждения, мысли, намерения или личностные качества, если они не получили внешнего выражения в деянии, предусмотренном уголовным законом. Поэтому социальная сущность вины состоит не в осуждении личности как таковой, а в уголовно-правовой оценке ее конкретного поведения,

выразившего отрицательное отношение к охраняемым общественным отношениям [11].

Исследование социальной сущности вины невозможно без обращения к зарубежному опыту, поскольку именно сравнительно-правовой анализ позволяет выявить универсальные закономерности развития института виновной ответственности и определить пределы использования иностранных правовых конструкций в российском уголовном праве. Несмотря на различия национальных уголовно-правовых систем, большинство современных государств рассматривают вину как необходимое условие уголовной ответственности.

Для государств романо-германской правовой семьи характерно признание вины обязательным основанием уголовной ответственности при различном понимании ее содержания. Наиболее разработанной считается германская доктрина, оказавшая значительное влияние на развитие европейской уголовно-правовой науки. В немецком уголовном праве категория *Schuld* традиционно рассматривается значительно шире, чем простое психическое отношение лица к совершенному деянию. Если российская теория преимущественно исходит из психологического понимания вины, то германская концепция соединяет психологические элементы с нормативной оценкой поведения личности [12].

Современная немецкая теория рассматривает вину как возможность упрека лицу за совершенное противоправное деяние. Такой подход получил название нормативной концепции вины. Ее сущность заключается в том, что общество вправе осудить лицо лишь в том случае, если оно обладало реальной возможностью действовать в соответствии с требованиями закона, однако сознательно избрало противоправный вариант поведения.

В германской теории упречности (*Vorwerfbarkeit*) обосновывается возможность уголовно-правового упрека как нормативно-правовой конструкции при наличии обстоятельств, в которых субъект, обладавший фактической и нормативной способностью к следованию правовым предписаниям, осуществил сознательный отказ от соответствующего поведения, при этом свобода выбора рассматривается как самостоятельная юридическая категория, приобретающая нормативное значение.

Во французском уголовном праве в качестве необходимого условия наступления уголовной ответственности устанавливается вина, при этом акцентировка на психологическом отношении субъекта к деянию осуществляется как методологическая позиция, вследствие чего виновное поведение интерпретируется как форма реализации свободной воли, получающая выражение в противоправном действии или бездействии. [8].

В законодательной системе Франции фиксируется дифференцированный подход к категоризации уголовных правонарушений, данное наблюдение подлежит осмыслению в теоретико-правовом ключе.

Англо-американская модель уголовной ответственности, базирующаяся на принципе *mens rea*, представляется в данном контексте как правовая конструкция, качественно отличная от иных систем юридической регламентации, при этом в юрисдикциях общей правовой традиции фиксируется обязательность наличия виновности в качестве элемента состава преступления наряду с *actus reus*, и в результате судебной практики осуществляется формирование и эволюция более гибкой системы критериев оценки психического отношения субъекта к деянию, что получает выражение в институционализированной практике квалификационной интерпретации вины.

На структуру и развитие американского уголовного права существенное влияние оказало предложенное в Примерном уголовном кодексе США (*Model Penal Code*) институциональное решение, предусматривающее четырехуровневую систему психических состояний, обозначенную терминологией *purpose, knowledge, recklessness and negligence*, данная классификация рассматривается как средство более точного разграничения степени психического отношения субъекта к наступающим последствиям и одновременно как механизм, обеспечивающий гибкую индивидуализацию мер уголовной ответственности.

В отношении российского уголовного права подобная модель не может быть признана приемлемой, поскольку конституционные основания отечественного законодательства и закрепленный в нем принцип презумпции невиновности определяют недопустимость привлечения к уголовной ответственности при отсутствии вины, при этом запрет объективного вменения рассматривается как ключевая гарантия правового государства и как средство защиты личности от необоснованного уголовного преследования.

Проявление отдельных элементов объективного подхода в практике правоприменения фиксируется вопреки наличию законодательного запрета, что обусловлено тенденцией к автоматизации оценочных процедур, при которой факт причинения тяжкого вреда воспринимается

как эквивалент доказательства виновности и при которой исследование интеллектуального и волевого содержания деяния вытесняется процедурой констатации наступивших общественно опасных последствий, вследствие чего обеспечение принципа виновной ответственности представляется требующимся законодательного закрепления и последовательной институциональной реализации в деятельности правоохранительных органов и судов. [7].

На основании сопоставления зарубежного опыта подтверждается положение о том, что социальная сущность вины обладает расширенной протяженностью по отношению к ее психологическому содержанию, что проявляется в преобладании нормативно-оценочного измерения над сугубо внутренними психическими характеристиками и что вина рассматривается как универсальный критерий справедливости уголовной ответственности, обеспечивающий баланс между интересами общества и государства и личности.

Несмотря на закрепление принципа вины в качестве одного из основополагающих принципов уголовного законодательства Российской Федерации, современная правоприменительная практика свидетельствует о наличии целого комплекса проблем, препятствующих его последовательной реализации. Эти проблемы обусловлены как развитием общественных отношений и усложнением преступных форм поведения, так и существующими противоречиями между законодательной конструкцией института вины и практикой применения уголовного закона.

Одной из наиболее значимых проблем остается установление психического отношения лица к совершенному деянию. В отличие от объективных признаков преступления, которые могут быть подтверждены материальными доказательствами, психическое отношение существует исключительно во внутренней сфере личности и не поддается непосредственному наблюдению. Следовательно и суд вынуждены реконструировать интеллектуальные и волевые процессы посредством анализа объективных обстоятельств совершения преступления, поведения лица до, во время и после совершения деяния, характера использованных средств, способа совершения преступления, взаимоотношений участников и иных косвенных признаков [6].

Подобный механизм доказывания неизбежно содержит определенную долю оценочного усмотрения. Именно поэтому в судебной практике возникают случаи неодинакового толкования идентичных фактических обстоятельств, что отрицательно сказывается на единообразии квалификации преступлений. Особенно остро данная проблема проявляется при расследовании преступлений, связанных с профессиональной деятельностью, использованием источников повышенной опасности, оказанием медицинской помощи, эксплуатацией сложных технических систем и осуществлением цифровых технологий.

Современное общество характеризуется постоянным усложнением технологических процессов. Использование автоматизированных производственных комплексов, искусственного интеллекта, цифровых платформ и алгоритмических систем существенно изменяет механизм принятия решений человеком. Особую актуальность приобретает проблема установления интеллектуального момента неосторожной формы вины. Действующее уголовное законодательство исходит из того, что лицо должно было и могло предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий. Тем не менее, критерии предвидения продолжают находиться в поле непрекращающегося научного осмысления и рассматриваются как предмет дискуссии, детерминирующий проблему квалификационного применения критерия о том, что лицо должно было и могло предвидеть наступление общественно опасных последствий в условиях усложнения технологической среды.

Существующая законодательная конструкция подлежит дальнейшему развитию в контексте профессиональной деятельности, поскольку предметом регуляции выступает соотношение степени предусмотрительности с профессионально-правовым статусом субъекта и рассматривается как задача дифференциации юридических требований в профессиональной среде, что в указанном аспекте детерминирует необходимость методологического уточнения правового содержания обязанностей по предвидению последствий. Объем обязанностей по предвидению последствий, возлагаемых на врача, пилота, машиниста, оператора атомной станции или специалиста по информационной безопасности, характеризуется иной нормативно-профессиональной интенсивностью по сравнению с уровнем предусмотрительности обычного гражданина, и оценка возможности предвидения подлежит осуществлению с учетом требований разумной осмотрительности, уровня профессиональной подготовки, характера возложенных обязанностей, наличия специальных знаний и объективных условий.

Разграничение косвенного умысла и преступного легкомыслия рассматривается как сохраняющаяся сложность уголовно-правовой практики, которая в пределах указанной проблемной области пред-

ставляется имеющей методологический и доктринальный характер и подлежит дальнейшему осмыслению в теоретико-правовом ключе. Несмотря на существующее законодательное регулирование, различие этих форм вины продолжает вызывать значительные трудности при практическом применении норм и фиксируется как систематическая проблема судебной практики.

Установление внутреннего содержания указанного расчета на практике представляется чрезвычайно затруднительным в силу сложности соотношения психической сферы деяния и объективных последствий, что обуславливает высокий уровень методологических трудностей при формировании критериев оценки. Судебная практика нередко осуществляет оценку субъективного отношения лица посредством опоры на объективные обстоятельства совершенного преступления, что влечет риск подмены анализа психического отношения оценкой тяжести последствий.

Опасность представляется в тенденции к институционализации объективного вменения, при которой, несмотря на закрепленный в российском уголовном законодательстве запрет уголовной ответственности без вины, фиксируется возможность скрытого проявления элементов объективного подхода в практике правоприменения.

Данная ситуация наблюдается при трактовке факта причинения тяжких последствий как самостоятельного основания для вывода о виновности, при этом осуществляется отодвигание исследования интеллектуального и волевого содержания поведения на второй план, что в своей совокупности детерминирует трансформацию принципа виновной ответственности и доминирование анализа причиненного вреда.

Рассматриваемая практика представляет собой угрозу обеспечению конституционного принципа презумпции невиновности. Если уголовная ответственность начинает зависеть преимущественно от результата, а не от отношения лица к совершенному деянию, то уголовное право постепенно утрачивает личностный характер и приближается к модели объективного вменения, от которой отечественная правовая система отказалась еще на этапе формирования современного уголовного законодательства.

Не менее актуальной является проблема разграничения понятий «вина» и «виновность». Анализ действующего уголовного законодательства показывает, что законодатель нередко использует данные категории без достаточной терминологической определенности. Между тем их содержание не является тождественным.

Вина представляет собой психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям. Она существует объективно с момента совершения преступления независимо от того, установлена ли она компетентными государственными органами. Виновность же является результатом уголовно-процессуальной деятельности суда и выражает итоговую юридическую оценку поведения лица. Иными словами, виновность представляет собой установленную вступившим в законную силу обвинительным приговором суда вину конкретного лица [12].

Недостаточная определенность указанной терминологии порождает сложности как в научной литературе, так и в правоприменительной практике. Представляется целесообразным законодательное разграничение данных категорий путем закрепления самостоятельной дефиниции понятия вины в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Серьезные изменения в понимании принципа вины происходят под влиянием цифровизации общественных отношений. Использование искусственного интеллекта, автономных программных комплексов, роботизированных систем и алгоритмов машинного обучения ставит перед уголовным правом принципиально новые вопросы.

Развитие цифровых технологий не отменяет принцип вины, однако требует его нового научного осмысления. Представляется, что интеллектуальный элемент вины в будущем будет все больше связываться не только с фактическим предвидением последствий, но и с объемом информации, которой объективно располагало лицо при принятии соответствующего решения.

В условиях цифровой экономики особое значение приобретает проблема профессиональной осмотрительности. Современный специалист обязан учитывать значительно больший объем профессиональной информации, чем несколько десятилетий назад. Следовательно, критерии оценки возможности предвидения должны развиваться одновременно с развитием профессиональных стандартов и научно-технического прогресса.

Таким образом, современный этап развития уголовного права характеризуется существенным усложнением содержания принципа вины. Его дальнейшее развитие должно быть направлено не на отказ от классических представлений о субъективном вменении, а на их адаптацию к новым общественным отношениям. Обеспечение баланса

между защитой общественных интересов и соблюдением конституционных прав рассматривается как следствие сохранения личностного характера уголовной ответственности. [13].

По результатам исследования фиксируется несоответствие традиционного представления о вине, сведенного к категории психического отношения к деянию, объему сложности уголовно-правового явления в целом, при этом сохраняемость интеллектуальных и волевых элементов в качестве основания института вины не исключает их объективной недостаточности для адекватного объяснения социальной природы уголовной ответственности и для обоснования места принципа вины в системе современного уголовного права. явления. Безусловно, интеллектуальный и волевой элементы продолжают составлять основу законодательной конструкции института вины, однако их недостаточно для объяснения социальной природы уголовной ответственности и места принципа вины в системе современного уголовного права.

Представляется, что вина обладает многоуровневой структурой, включающей психологический, нормативный и социальный компоненты.

Исходя из этого предлагается следующее авторское определение.

Социальная сущность вины представляет собой выраженное в общественно опасном деянии отрицательное отношение лица к охраняемым уголовным законом общественным ценностям, основанное на сознательном и свободном выборе противоправного поведения при наличии реальной возможности действовать в соответствии с требованиями права.

Выводы

По результатам исследования подтверждается центральное положение принципа вины в уголовном праве Российской Федерации, причем принцип вины интерпретируется не только как юридико-техническая конструкция, определяющая субъективное основание уголовной ответственности, но и как социально-правовая категория, обеспечивающая реализацию идей справедливости и гуманизма, а функция балансирования публичных интересов государства и соблюдения конституционных прав личности рассматривается как ключевой регулятивно-нормативный элемент института.

Выполненный анализ философских оснований уголовной ответственности выявил концептуальную корреляцию категории вины с категориями свободы воли, сознательного выбора и моральной ответственности, при этом в нормативно-теоретическом поле вина выступает как именная характеристика внутреннего отношения субъекта к деянию, детерминируемая совокупностью когнитивно-волевых способностей; условия уголовно-правового осуждения интерпретируются через наличие способности понимать характер действий, предвидеть последствия и осуществлять выбор между правомерным и противоправным поведением, что нормативно обеспечивает разграничение понятия виновного вменения и категории объективного вменения.

Исследование психологической природы вины зафиксировало сохранение интеллектуальных и волевых элементов в качестве базиса уголовно-правовой оценки поведения, при этом современное понимание вины не подлежит ограничению исключительно анализом психических процессов, поскольку психологическое содержание рассматривается как первичный уровень характеристики виновного поведения, а его правовое значение раскрывается в связи с нормативной оценкой и социальной направленностью.

Работа акцентирует внимание на современных проблемах реализации принципа вины и устанавливает, что внедрение цифровых технологий и применение искусственного интеллекта трансформируют условия формирования психического отношения лица к совершаемым действиям, что в указанном аспекте требует развития доктрины вины при сохранении классического принципа субъективного вменения и обусловлено тем, что в условиях научно-технического прогресса значение принципа вины возрастает ввиду усложнения общественных отношений и связанного с этим увеличения риска необоснованного объективного вменения.

В результате проведенного исследования фиксируется необходимость строгого и однозначного разграничения категорий «вина» и «виновность», детерминируемая различием предмета оценки и правовой природы соответствующих явлений, при этом категория «вина» интерпретируется как психическое отношение лица к факту совершения общественно опасного деяния и его последствиям, тогда как категория «виновность» рассматривается как юридически оформляемый результат процессуального доказывания, подтверждаемый обвинительным приговором суда, и законодательное закрепление указанного разграничения рассматривается как фактор, обеспечивающий повышение определенности уголовно-правовой терминологии и укрепление единообразия судебной практики.

В качестве наиболее значимого результата исследования фиксируется обоснование авторского подхода к социальной сущности вины, при котором, в отличие от традиционной психологической трактовки, вину предстоит рассматривать не как исключительно психологическое явление, а как сложный социально-правовой феномен, характеризующийся мультиуровневой структурой и включающий психологический, нормативный и социальный уровни.

Таким образом, принцип вины продолжает оставаться одним из важнейших институтов современного уголовного права, обеспечивающим справедливость уголовной ответственности, индивидуализацию государственного принуждения и защиту личности от необоснованного уголовного преследования. Именно сохранение и дальнейшее развитие данного принципа выступает необходимым условием укрепления законности, реализации конституционных гарантий прав человека и совершенствования отечественной уголовно-правовой политики в условиях современных общественных преобразований.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года всенародным голосованием (с изменениями, внесенными Законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ и одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // СПС «Консультант-Плюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.12.2025). — Текст: электронный.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ]: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52. — Ч. I. — Ст. 4921. — Текст: непосредственный.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ]: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. — Текст: непосредственный.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Франции URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006151874/#LEGISCTA000006151874 (Дата обращения: 10.04.2026)
5. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон [от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ]: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 11 ноября 1998 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2 декабря 1998 г. // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/ (дата обращения: 03.06.2026). — Текст: электронный.
6. Гадышев А.А. Становление и развитие института вины в уголовном и гражданском праве в России // Вестник науки. 2023. № 10 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitiye-instituta-viny-v-ugolovnom-i-grazhdanskom-prave-v-rossii> (дата обращения: 12.05.2026).
7. Кокоева Д. А., Цориева Е.С. Определение вины и ее форм в истории отечественного уголовного законодательства // Вестник магистратуры. — 2023. — № 11–1 (146). — С. 87–91.
8. Стацюк, Д.Н. Процессуальное положение лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве: дисс. .канд.юрид. наук: 5.1.4 / Стацюк Денис Николаевич. — С.-Петербург, 2022. — 221 с.
9. Стельмах, В.Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дисс. . докт.юрид.наук: 12.00.09 / Стельмах Владимир Юрьевич. — Екатеринбург, 2021. — 522 с.
10. Степаненко Д.А. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [Электронный ресурс]. — Иркутск, 2011. — Электрон, версия печат. публ. — URL: <http://kalinovsky-k.narod.ni/b/stepanenکو 2011/alltext.litm>
11. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) // под общ. ред. Лебедева В.М. — 3-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
12. Уголовное право. Вина в зарубежном уголовном праве [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.jourclub.ru/5/605> (дата обращения: 12.04.2026).
13. Хужин А.М.О конструкции строгой юридической ответственности в праве // Юридическая техника. 2013. № 7–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-konstruktsii-strogoy-yuridicheskoy-otvetstvennosti-v-prave> (дата обращения: 13.04.2026).

leninka.ru/article/n/o-konstruktsii-strogoy-yuridicheskoy-otvetstvennosti-v-prave (дата обращения: 13.04.2026).

14. Яцына А.П., Габдрахманов Ф.В. Особенности ответственности за преступления с двумя формами вины в уголовном праве России // Марийский юридический вестник. 2016. № 1 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otvetstvennosti-za-prestupleniya-s-dvumya-formami-viny-v-ugolovnom-prave-rossii> (дата обращения: 13.04.2026).

THE SOCIAL ESSENCE OF GUILT AS A CRIMINAL LAW PRINCIPLE: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Savenkov Iu. V.
Synergy University

The article examines the social essence of guilt as one of the fundamental principles of Russian criminal law. The relevance of the research is determined by the fact that modern criminal law cannot be limited to a purely formal legal understanding of guilt as a person's mental attitude toward the committed act and its socially dangerous consequences. Guilt is considered not only as an element of the subjective side of crime, but also as a social and legal basis of criminal liability, reflecting the individual's negative attitude toward the values protected by criminal law. The purpose of the study is to reveal the social nature of guilt through the interrelation of its philosophical, psychological and criminal law characteristics. The methodological basis of the research includes dialectical, formal legal, systemic, historical legal, comparative legal and theoretical legal methods. The author concludes that the principle of guilt performs not only a legal and technical function, but also a social and protective one, ensuring the fairness of criminal liability, individualization of punishment and protection of the individual from arbitrary state coercion.

Keywords: guilt, principle of guilt, criminal law, criminal liability, subjective imputation, objective imputation, culpability, free will, social essence of guilt, subjective element of crime, justice, rule of law, criminal law principle, mental attitude, personal responsibility.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted on December 12, 1993, by popular vote (as amended by the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020, No. 1-FKZ, and approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SPS ConsultantPlus: [website]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed on 13.12.2025). — Text: electronic.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation [No. 174-FZ dated December 18, 2001]: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on November 22, 2001: approved by the Federation Council of the Russian Federation on December 5, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2001. — No. 52. — Part I. — Article 4921. — Text: direct.
3. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation [No. 63-FZ dated June 13, 1996]: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on May 24, 1996: approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on June 5, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 25. — Art. 2954. — Text: direct.
4. French Code of Criminal Procedure URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006151874/#LEGISCTA000006151874 (Accessed on 10.04.2026)
5. On Justices of the Peace in the Russian Federation: Federal Law [dated December 17, 1998, No. 188-FZ]: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on November 11, 1998: approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on December 2, 1998 // SPS "ConsultantPlus": [website]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/ (accessed on 03.06.2026). — Text: electronic
6. Gadyshev, A.A. Formation and Development of the Institute of Guilt in Criminal and Civil Law in Russia // Bulletin of Science. 2023. No. 10 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitiye-instituta-viny-v-ugolovnom-i-grazhdanskom-prave-v-rossii> (date of access: 12.05.2026).
7. Kokoyeva D.A., Tsorieva E.S. Definition of Guilt and Its Forms in the History of Russian Criminal Legislation // Vestnik magistratury. — 2023. — No. 11–1 (146). — Pp. 87–91.
8. Statsyuk, D.N. The procedural position of a person with whom a pre-trial cooperation agreement is concluded: diss. .Cand.law.sci: 5.1.4 / Statsyuk Denis Nikolaevich. — St. Petersburg, 2022. — 221 p.
9. Stelmakh, V. Yu. The System of Means of Proof in the Pre-Trial Stages of the Criminal Procedure: Problems of Theory, Regulatory Framework, and Practice: Diss. . Dr. of Law: 12.00.09 / Stelmakh Vladimir Yurievich. — Yekaterinburg, 2021. — 522 p.
10. Stepanenko D.A. A Special Procedure for Making a Judicial Decision in the Event of the Accused's Consent to the Charge [Electronic resource]. — Irkutsk, 2011. — Electronic version of the printed publication. — URL: <http://kalinovsky-k.narod.ni/b/stepanenکو 2011/alltext.litm>
11. Criminal Procedure Law: Textbook for Bachelor's, Specialist, Master's, and Postgraduate (Adjunct) Programs // Edited by Lebedeva V.M. — 3rd ed., revised and expanded. Moscow, 2021.
12. Criminal Law. Guilt in Foreign Criminal Law [Electronic resource]. Access mode: <http://www.jourclub.ru/5/605> (date of access: 12.04.2026).
13. Khuzhin A.M. On the Construction of Strict Legal Responsibility in Law // Legal Technique. 2013. No. 7–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-konstruktsii-strogoy-yuridicheskoy-otvetstvennosti-v-prave> (accessed: 13.04.2026).
14. Yatsyna A.P., Gabdrakhmanov F.V. Features of responsibility for crimes with two forms of guilt in the criminal law of Russia // Mari Legal Bulletin. 2016. No. 1 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otvetstvennosti-za-prestupleniya-s-dvumya-formami-viny-v-ugolovnom-prave-rossii> (date of request: 04/13/2026).

Причины и предупреждение делинквентного поведения осужденных к принудительным работам

Сика Андрей Михайлович,

дежурный помощник начальника отдела дежурной службы
ФКУ ОО НПБСТИН ГУФСИН России по Новосибирской
области
E-mail: vibesam@gmail.com

Введение: Интенсивное расширение применения уголовного наказания в виде принудительных работ объективно вызывает ряд организационных проблем, одной из которых является профилактика делинквентного поведения осужденных к этому наказанию. Цель: изучить причины и условия такого поведения лицами, осужденными к принудительным работам, выработать подходы и конкретные меры превентивного характера. Методы: Методологическую основу исследования составляют общепринятые методы исследования, среди которых основное место занимают: исторический, системный, сравнительно-правовой. Результаты: В процессе исследования установлено, что делинквентное поведение осужденных к принудительным работам во многом обусловлено, с одной стороны, недостаточно отлаженными правовым и организационным механизмами профилактической работы с таким контингентом. С другой стороны, следует учитывать особенности его состава: значительную часть спецконтингента, состоящего на учете в ИЦ (УФИЦ), составляют лица, освобожденные из исправительных учреждений различных видов режима, в которых они отбывали наказание, в том числе за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, на основании ст. 80 УК РФ (замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания). Выводы: Исследованы криминологические и уголовно-правовые аспекты делинквентного поведения осужденных к принудительным работам, как на территории исправительных центров (участков исправительных центров, участков, функционирующих в режиме исправительных центров), так и за их пределами, проанализированы их причины и сопутствующие факторы. Изучены формы и методы ее предупреждения, профилактической и оперативно-розыскной работы с осужденными. Выработаны теоретические подходы к мерам профилактического характера.

Ключевые слова: принудительные работы; исправительные центры; изолированные участки, функционирующие как исправительные центры; осужденные; предупреждение преступлений; профилактическая деятельность.

Введение

За прошедший относительно небольшой период с начала применения принудительных работ в нашей стране развитие данного вида наказания демонстрирует высокую динамику.

Просматривается тенденция увеличения численности осужденных к принудительным работам, прошедших по учетам исправительных центров, учреждений, функционирующих в режиме исправительных центров (УФИЦ, УИЦ).

Общая характеристика проблемы

Проблемы привлечения осужденных к труду в рамках принудительных работ находят достаточное освещение в литературе [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Основной причиной увеличения количества осужденных, прошедших по учетам исправительных центров, является то, что суды в настоящее время активно применяют данный вид наказания, в том числе в отношении осужденных, освобожденных из мест лишения свободы в связи с заменой наказания более мягким видом наказания в порядке ст. 80 УК РФ (замена неотбытой части наказания более мягким видом).

В связи с этим необходимо отметить, что значительную часть спецконтингента, состоящего на учете в ИЦ (УФИЦ), составляют лица, освобожденные из исправительных учреждений различных видов режима, в которых они отбывали наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, на основании ст. 80. УК РФ (замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания). Таким образом, сложилась ситуация, когда лица, неоднократно судимые, содержатся в ИЦ (УФИЦ) совместно с ранее не судимыми лицами, имея возможность оказывать на них негативное влияние, приобщая к криминальной субкультуре. Кроме того, осужденные к принудительным работам работают на одном предприятии с осужденными к исправительным работам, чего не запрещает законодательство.

Результаты

Делинквентное поведение – это социально-правовой конструкт, описывающий противоправные действия индивида, которые трактуются как симптом социальной дезадаптации и требуют комплексного анализа причин и мер профилактики.

Обратимся к эмпирическому анализу делинквентного поведения осужденных к принудительным работам. Ввиду того, что наиболее опасными его формами выступают преступления, прежде всего акцент будет сделан на их предупреждении.

Среди преступлений, совершенных лицами, отбывающими наказание в виде принудительных работ, по данным опроса сотрудников ИЦ (УФИЦ), чаще всего встречаются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228, 228.1 УК РФ), кражи (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ). 31 повторное преступление (8,1%) было совершено осужденными в состоянии алкогольного опьянения.

Среди причин и обстоятельств, которые чаще всего указывали опрошенные, приводящих осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, к повторным преступлениям, были названы злоупотребление алкоголем и алкогольное опьянение (63,4% респондентов), употребление наркотиков и наркомания (27% респондентов), низкий уровень доходов осужденных и экономические трудности (23,8% респондентов). Среди других причин и обстоятельств, побуждающих осужденных, отбывающих указанные наказания, к совершению повторных преступлений, респонденты также называют необоснованную замену судами лишения свободы принудительными работами по ст. 80 УК РФ, конфликты между родными и близкими, утрату или ослабление социальных связей осужденных, влияние других осужденных, работу на предприятиях вместе с неосужденными лицами что является более мягким режимом наказания, чем при лишении свободы, возможность пребывания осужденных за пределами исправительных центров, а также возможность направления осужденных в места лишения свободы.

На наш взгляд, к списку этих детерминант следует добавить и негативное влияние криминальной субкультуры осужденных к принудительным работам.

Распространение криминальных субкультур в ИЦ (УФИЦ) достаточно широко, так как законодательство не предусматривает раздельного содержания осужденных к принудительным работам и осужденных, которым лишение свободы заменено лишением свободы (в том числе бывших осужденных). Одним из условий, способных влечь за собой совершение повторных преступлений лицами, отбывающими наказание в виде принудительных работ, является совершение ими нарушений установленного порядка отбывания наказания.

Мы согласны с высказываемой в литературе точкой зрения о том, что условия отбывания наказания не должны приводить к озлоблению человека, разрушению его физического и психического здоровья, приобретению и совершенствованию криминальных навыков, увлечению тюремной субкультурой: «блатной» романтикой, воровской «этикой», «понятиями» и «кодексом», преступными обычаями и традициями, которые преступники после отбывания наказания переносят в жизнь «на воле», которые сегодня составляет побочные эффекты режима в пенитенциарных учреждениях.

В большинстве случаев изблечение преступника, нарушающего определенные правила, но не причиняющего реального вреда, удаление его из той сферы (профессиональной или иной), где выполнение таких правил обязательно, возложение на него наказания, не связанного с изоляцией от общества, полностью предотвращает наступление в будущем потенциально возможных вредных последствий и одновременно сохраняет человека для общества, не сообщая социуму негативных энтропийных дисфункций через увеличение количества исключенных из активной социальной деятельности граждан [9, с. 100–116].

По социально-демографическим признакам большинство лиц, совершивших повторные преступления во время отбывания наказания в виде принудительных работ, – мужчины (94,8%). Уровень повторной преступности среди осужденных женского пола, отбывающих наказание в виде принудительных работ, существенно ниже (0,34%), чем у осужденных мужского пола (0,67%). Доля осужденных, не достигших возраста 30 лет, среди лиц, совершивших повторные преступления, составила 23,8%. Среди осужденных, являющихся ранее судимыми, уровень повторной преступности составил 0,9% при среднем уровне 0,63%. Среди осужденных, допускаявших нарушения установленного порядка отбывания наказания, уровень повторной преступности составил 11,1%.

Среди личностных особенностей, обуславливающих совершение осужденными повторных преступлений в местах лишения свободы, опрошенные чаще всего называли эгоизм, агрессивность, скрытность, лживость и безответственность (31,7%), склонность к пьянству и алкогольную зависимость (22,2%) и наркотическую зависимость (11,1%). Некоторые опрошенные сотрудники выделили такие криминогенные характеристики личности осужденного, как уверенность в оправдании, прошлые судимости, связь с криминальной средой и принятие ценностей криминальной субкультуры, утрата социально полезных связей, нежелание реабилитироваться из-за укоренившихся антисоциальных взглядов и привычек, склонность к деструктивному поведению. Некоторые указали на склонность к деструктивному поведению.

На основании полученных данных можно выделить следующие типичные характеристики осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, совершающих рецидив в период отбывания наказания: мужчины в возрасте 30–45 лет, ранее судимые и совершавшие нарушения установленного порядка отбывания наказания, склонность к злоупотреблению алкоголем и употреблению наркотиков, безответственность, негативное отношение к назначенному наказанию и руководству исправительного центра (УФИЦ), характеризующиеся повышенной агрессивностью.

Эффективность мер профилактики делинквентного (в особенности, повторного преступного) поведения осужденных к принудительным работам, по нашему мнению, определяется их комплексным характером, сочетанием общих, специальных и индивидуальных средств. Сформулируем основные требования к ним.

Во-первых, меры по профилактике повторной преступности среди осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, должны носить комплексный характер, осуществляться не только лицами, осуществляющими надзор за осужденными, но и всеми сотрудниками исправительных центров (УФИЦ) в рамках их должностных полномочий. В рамках взаимодействия к реализации профилактических мероприятий должны привлекаться сотрудники других государственных органов (в основном органов внутренних дел), представители руководства предприятий, на которых работают заключенные, а также организации гражданского общества (общественные и религиозные организации).

Во-вторых, меры по предупреждению преступности следует осуществлять в строгом соответствии с законом и подзаконными норма-

тивными актами, в рамках должностных обязанностей, возложенных на соответствующий субъект профилактики.

В-третьих, профилактические меры в отношении осужденных должны носить многовариантный и в то же время – индивидуальный характер. На уровне ИЦ (УФИЦ) при планировании и осуществлении данных мер следует учитывать наполняемость и фактическую численность осужденных, расположение учреждения (городская или сельская местность, близость иных учреждений УИС, населенных пунктов), характер трудовой деятельности осужденных и другие местные условия. По отношению к конкретному осужденному необходимо учитывать его социально-демографическую характеристику (пол, возраст, наличие семьи, образование, профессию), психологические и социальные характеристики (темперамент, интеллектуальный, эмоциональный, волевой уровень, наличие психических расстройств или зависимого поведения; социальный статус, который он занимал до осуждения; неформальный статус в среде осужденных – «лидер», «маса» или «изгой»), криминологическую характеристику (преступление, за которое он осужден; срок назначенного наказания; наличие судимости в прошлом; отношение к своему преступлению и назначенному наказанию; назначение наказания в виде принудительных работ по приговору суда, в виде замены лишения свободы в порядке ст. 80 УК РФ либо в виде замены менее строгих видов наказания; склонность к тем или иным формам противоправного поведения во время отбывания наказания).

Основой профилактики повторных преступлений осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, является осуществление жесткого надзора за осужденными, строгое соблюдение правил внутреннего распорядка, предупреждение причин и обстоятельств совершения преступлений в условиях исправительных центров (УФИЦ). При работе с сотрудниками, осуществляющими надзор за осужденными, необходимо обратить внимание на повышение выявляемости таких правонарушений, как контрабанда алкогольных/спиртных напитков и наркотиков и их употребление, самовольный вывоз из исправительного центра (УФИЦ), несвоевременное возвращение к месту отбывания наказания, неповиновение сотрудникам исправительного центра (УФИЦ). Это обусловлено тем, что данные правонарушения являются причинами и условиями, приводящими осужденных к повторным преступлениям, а также обстоятельствами, свидетельствующими о склонности осужденных к совершению преступных деяний. Следует отметить, что профилактическое воздействие оказывает не столько строгость, сколько неотвратимость наказания за нарушение установленного тюремного порядка, что убеждает заключенных в способности администрации выявлять и пресекать правонарушения, в том числе преступное поведение.

Следует ориентировать сотрудников ИЦ (УФИЦ) на обеспечение неукоснительного соблюдения осужденными распорядка дня, что позволяет не допустить бесконтрольное нахождение осужденного за пределами ИЦ (УФИЦ), следовательно, снижает возможность преступного поведения. С этой целью следует взаимодействовать с администрацией организаций и индивидуальными предпринимателями, использующими труд осужденных, ориентируя их на незамедлительное информирование администрации ИЦ (УФИЦ) о нарушениях осужденными трудовой дисциплины, в особенности на невыход осужденного на работу, опоздания либо досрочное оставление места работы, нахождение осужденного на работе с признаками алкогольного или наркотического опьянения.

Работа по сбору и анализу данных о склонности заключенных к определенному криминогенному поведению позволит повысить качество надзора и другой профилактической работы в ИЦ (УФИЦ), индивидуализировать профилактическую работу, предотвратить увеличение нагрузки на персонал и ненадлежащее применение профилактических мер в связи с «децентрализацией», а также будет направлена в первую очередь на установленные «группы риска».

Одной из мер профилактики повторной преступности среди лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, является баланс мер поощрения и наказания, а также прогрессивная пенитенциарная система, которая предусматривает возможность изменения правового статуса осужденных в зависимости от их поведения во время пребывания в тюрьме.

Возможность применения к осужденным мер поощрения в виде стимулов и возможности условно-досрочного освобождения, с одной стороны, и применения взысканий – с другой, а также замены наказания лишением свободы в виде принудительных работ в случаях злостного нарушения установленного тюремного порядка являются эффективным антикриминальным фактором.

При этом следует:

– достигать неотвратимости мер применения взыскания за нарушения установленного порядка отбывания наказания, обращая внимание сотрудников ИЦ (УФИЦ) на повышение их выявляемости, повышение качества надзорных мероприятий;

– индивидуализировать применение мер поощрения, в особенности таких, как предоставление осужденному права выхода за пределы ИЦ (УФИЦ) в выходные и праздничные дни, проведения отпуска за пределами ИЦ (УФИЦ), проживания с семьей вне общежития. Данные меры следует предоставлять лишь положительно характеризующимся осужденным, не только не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания, но добросовестно относящимся к труду и не имеющим склонности к криминогенному поведению;

– при решении вопроса об обращении в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении осужденного или замене принудительных работ более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ должны в полной мере учитываться не только формальные признаки поведения осужденного (ненарушение установленного порядка отбывания наказания), но и отношение к труду, общественным правилам и наличие криминологических характеристик личности, в частности наличие склонности к криминогенному поведению, должны быть полностью учтены.

В целях профилактики рецидивной преступности среди осужденных к принудительным работам необходимо взаимодействие с органами внутренних дел, в частности с участковым уполномоченным полиции по месту жительства осужденных к принудительным работам, которые имеют право проживать с семьями вне общежитий.

Подводя итог анализу проблемных вопросов профилактики совершения осужденными к принудительным работам делинквентных деяний следует отметить, что в своей совокупности они предполагают внесение изменений в законодательство, регламентирующее эту деятельность. Данные изменения в правовом регулировании, связанном с исполнением наказания в виде принудительных работ, окажут эффективное исправительное воздействие на осужденных к принудительным работам, будут способствовать расширению возможности их трудоустройства и стимулированию правомерного поведения.

Литература

1. Габараев А.Ш. Принудительные работы: актуальные проблемы правоприменительной деятельности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 1(224). С. 31–38.

2. Дворянсков И.В., Мустафаев З.Р. Организация исполнения принудительных работ вне исправительных центров // Науч. тр. ФКУ НИИ ФСИН России. Науч.-практ. ежеквартальное издание. М., 2021. С. 30–35.

3. Лядов Э.В. Правоприменительные проблемы и пути совершенствования уголовного наказания в виде принудительных работ // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1(152). С. 332–335.

4. Некоторые вопросы правового регулирования трудоустройства осужденных к принудительным работам в рамках государственно-частного партнерства в производственном секторе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / В.В. Авдеев [и др.] // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 10(221). С. 53–61.

5. Новожилова Ж.С. Использование труда осужденных в сельском хозяйстве пенитенциарной системы: краткий отечественный и зарубежный опыт // Агропродовольственная политика России. 2015. № 5(41). С. 20–23.

6. Первова А.Д. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ и предполагаемые пути их решения // Трибуна ученого. 2021. № 1. С. 389–394.

7. Устинов А.А. Принудительные работы как вид наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 4(227). С. 36–44.

8. Панфилов Е.Е. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2020. С. 31–32.

9. Антонченко В.В. Дефекты уголовного закона и поиск его оптимальной модели // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 1. С. 100–116.

CAUSES AND PREVENTION OF DELINQUENT BEHAVIOR AMONG CONVICTS SENTENCED TO COMPULSORY LABOR

Sika A.M.

Novosibirsk Psychiatric Hospital (Inpatient) of a Specialized Type with Intensive Supervision» of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novosibirsk region

Introduction: The rapid expansion in the use of the criminal penalty of compulsory labor objectively gives rise to a number of organizational challenges, one of which is the prevention of delinquent behavior among those sentenced to this punishment. Aim: to examine the causes and conditions of such behavior by persons sentenced to compulsory labor, and to develop approaches and specific preventive measures. Methods: The methodological basis of the study consists of generally accepted research methods, among which the main place is occupied by: historical, systemic, comparative legal. Results: The study established that the delinquent behavior of individuals sentenced to compulsory labor is largely attributable, on the one hand, to inadequately refined legal and organizational mechanisms for preventive work with this specific population. On the other hand, the composition of this group must be taken into account: a significant proportion of the individuals registered with correctional centers (or isolated sections functioning as correctional centers) consists of persons released from correctional institutions of various security levels—where they had served sentences for offenses including grave and especially grave crimes—pursuant to Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation (substitution of the unserved portion of a sentence with a more lenient form of punishment). Conclusions: The study examines the criminological and criminal-law aspects of delinquent behavior among individuals sentenced to compulsory labor—both within correctional centers (including their subdivisions and facilities operating under the correctional center regime) and outside them—and analyzes the causes and contributing factors. It explores forms and methods for preventing such behavior, as well as approaches to preventive and operational-investigative work with the convicts. Theoretical approaches to preventive measures have been developed.

Keywords: forced labor; correctional centers; isolated units functioning as correctional centers; convicted persons; crime prevention; preventive activities.

References

1. Gabaraev A. Sh. Forced Labor: Current Issues of Law Enforcement // Vedomosti of the Criminal Executive System. 2021. No. 1 (224). pp. 31–38.

2. Dvoryanskov I.V., Mustafayev Z.R. Organization of the Execution of Forced Labor Outside Correctional Centers // Scientific Works of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and Practical. Quarterly Publication. Moscow, 2021. pp. 30–35.

3. Lyadov E.V. Law Enforcement Issues and Ways to Improve Criminal Punishment in the Form of Forced Labor // Eurasian Law Journal. 2021. No. 1 (152). pp. 332–335.

4. Some issues of legal regulation of the employment of persons sentenced to forced labor within the framework of public-private partnerships in the production sector of the penal system of the Russian Federation / V.V. Avdeev [et al.] // Vedomosti of the criminal-executive system. 2020. No. 10 (221). Pp. 53–61.

5. Novozhilova Zh.S. Use of convict labor in agriculture of the penitentiary system: brief domestic and foreign experience // Agro-food policy of Russia. 2015. No. 5 (41). Pp. 20–23.

6. Pervova A.D. Problems of execution of criminal punishment in the form of forced labor and proposed ways of their solution // Tribune of the scientist. 2021. No. 1. Pp. 389–394.

7. Ustinov A.A. Forced labor as a type of punishment // Bulletin of the criminal-executive system. 2021. No. 4 (227). Pp. 36–44.

8. Panfilov E.E. Prevention of delinquent behavior of minors sentenced without isolation from society: criminal-legal and criminological aspects: Diss. Cand. of Law. Kursk, 2020. Pp. 31–32.

9. Antonchenko V.V. Defects of criminal law and the search for its optimal model // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2025. No. 1. Pp. 100–116.

Рецидивная преступность среди ранее судимых женщин: системный характер детерминант и пути преодоления

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
E-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

В статье рассматривается проблема повторной преступности среди женщин, освобождающихся из исправительных учреждений. На основе анализа эмпирических данных автором выделяется система взаимосвязанных детерминант рецидивного криминального поведения, объединённых в три группы. Особое внимание уделяется гендерной специфике рецидива среди этой категории осуждённых женщин. В заключение предлагаются направления комплексной профилактики, предполагающие одновременное воздействие на все типы детерминант: экономическую, социально-психологическую и личностно-поведенческую. Статья адресована специалистам в области криминологии, пенитенциарной психологии и педагогики, социальной работы, а также практическим работникам учреждений уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: рецидивная преступность; ранее судимые женщины; детерминанты рецидивной преступности; уголовно-исполнительная система.

Введение

Проблема повторной преступности среди лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, сохраняет высокую социальную значимость. При этом среди осуждённых, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях, женщины традиционно рассматриваются как одна из наиболее социально дезадаптированных и уязвимых категорий, аккумулирующая широкий спектр социальных рисков: разрушение семейных отношений, наличие несовершеннолетних детей-иждивенцев, ограниченный доступ к образовательным программам и устойчивой легальной занятости, а также повышенная виктимизированность, включая опыт физического, сексуального и психологического насилия [1; 2]. По завершении срока отбывания наказания и освобождении из исправительных учреждений (далее – ИУ) указанная категория лиц оказывается перед лицом дополнительного комплекса трудноразрешимых проблем, которые не только усугубляют их социальную незащищённость, но и создают благоприятные условия для рецидивного вовлечения в криминальную среду.

В настоящее время реализация мер содействия помощи осуждённым выстраивается исходя из его личной нуждемости и целесообразности проводимых мероприятий, способствующих социализации осуждённого в постпенитенциарный период. Немаловажную роль в постпенитенциарной адаптации играют и психологические особенности контингента освобождённых женщин [3]. В связи с этим приоритетное значение приобретает выявление системных детерминант повторной преступности среди женщин, освобождающихся из ИУ, что создаёт основу для разработки более дифференцированных и адресных профилактических стратегий. Возвращаясь в привычный социально-психологический контекст, нередко сопутствовавший их предыдущей криминализации, женщины сталкиваются с теми же условиями, которые изначально способствовали совершению противоправных действий [4]. В этой связи углублённое исследование структуры и взаимосвязей детерминант рецидива выступает необходимым условием для совершенствования постпенитенциарного сопровождения с учётом гендерных и индивидуально-личностных особенностей данной категории.

Цель настоящего исследования заключалась в выявлении и систематизации ключевых детерминант повторной преступности среди женщин, освобождающихся из исправительных учреждений, а также в определении структуры их взаимосвязей для последующего обоснования направлений комплексной профилактики рецидива.

Представление результатов

Ниже представим результаты эмпирического исследования, проведенного нами с целью выявления ключевых детерминант, влияющих на совершение повторных преступлений женщинами, освобождающимися из мест лишения свободы. Выявленные детерминанты были объединены нами в три группы:

Экономическая детерминанта: отсутствие легальных источников дохода и финансовых накоплений; низкий уровень финансовой грамотности; дефицит профессиональных компетенций, востребованных на рынке труда; наличие задолженностей (кредитных, алиментных, коммунальных); отсутствие собственного жилья либо угрозу его утраты; невысокий образовательный уровень; а также дискриминационные практики при трудоустройстве, обусловленные наличием судимости.

Социально-психологическая детерминанта: распад семейных отношений, в частности утрату контактов с детьми (вплоть до лишения или ограничения родительских прав); маргинализацию ближайшего социального окружения; стигматизацию – как внешнюю (закрепление устойчивого социального ярлыка «преступницы»), социальное отторжение, недоверие, дискриминацию в сферах занятости, социального обслуживания и жилищного обеспечения), так и внутреннюю (формирование идентичности «отверженной», переживание вины, стыда, самообвинения, установки на самоизоляция); высокую виктимизированность, в том числе значительную распространённость эпизодов физического, сексуального и психологического насилия в личной истории; дефицит просоциальной поддержки, выражающийся в сужении либо полной утрате позитивных социальных связей, генерализованном

недоверии к социуму и опасениях осуждения со стороны просоциальных групп.

Личностно-поведенческая детерминанта: деформации ценностно-нормативной сферы (интериоризация норм криминальной субкультуры, циничное и инструментальное отношение к окружающим, рационализация противоправного поведения с переносом ответственности на жертву или внешние обстоятельства); недостаточном уровне социально-бытовых навыков; наличии химических аддикций; несформированности регуляторных механизмов (неспособность к конструктивному разрешению конфликтов, управлению аффективными реакциями и стрессом без обращения к деструктивным паттернам); феномене выученной беспомощности и внешнем локусе контроля, выражающемся в убеждённости в невозможности самостоятельного изменения жизненной траектории; импульсивности и предпочтении краткосрочного вознаграждения при отсутствии способности к долгосрочному планированию.

Следует подчеркнуть, что перечисленные детерминанты функционируют не изолированно, а в качестве компонентов замкнутой, самовоспроизводящейся системы, в которой каждый фактор актуализирует и усиливает действие остальных. Так, экономическая несостоятельность (отсутствие дохода, жилья, востребованных профессиональных навыков) не только выступает непосредственным стимулом к противоправному заработку, но и способствует разрушению социальных связей, разрыву семейных отношений, углублению стигматизации и социальной изоляции (социально-психологический уровень). В свою очередь, изоляция и хронический стресс, порождаемые финансовой нестабильностью и одиночеством, закрепляют личностно-поведенческие искажения (выученную беспомощность, экстернальный локус контроля, ориентацию на сиюминутную выгоду), а при наличии зависимостей могут провоцировать рецидивы аддиктивного поведения [5]. Указанные индивидуально-психологические особенности, в свою очередь, препятствуют легальному трудоустройству и восстановлению семейных контактов, возвращая субъекта к исходной экономической нестабильности. Таким образом, ни одна из трёх групп факторов не является автономной: все они образуют циклическую структуру, в которой дефицит на любом уровне восполняется за счёт действия двух остальных, что обуславливает устойчивость криминогенной траектории.

Заключение

С учётом изложенного, эффективная психологическая профилактика повторных преступлений среди данной группы должна предусматривать одновременное и комплексное воздействие на все три звена описанной системы:

Преодоление экономической детерминанты требует системной, поэтапной работы, начинающейся ещё в период отбывания наказания и включающей: раннюю профессиональную ориентацию и обучение осуждённых с ориентацией на реальные запросы регионального рынка труда; формирование финансовой грамотности (планирование бюджета, управление микродоходами, взаимодействие с кредитными организациями, минимизацию долговой нагрузки по кредитам, алиментам и коммунальным платежам); разработку индивидуальных «дорожных карт» трудоустройства с учётом квалификации, состояния здоровья, места проживания и иных значимых параметров; а также постпенитенциарное сопровождение.

Коррекция социально-психологической детерминанты невозможна без целенаправленных мероприятий по восстановлению семейных отношений, психотерапевтической помощи при травматическом опыте, а также системных мероприятий, направленных на снижение как внешней стигматизации, так и самостигматизации.

Коррекция личностно-поведенческой детерминанты предполагает адресное психолого-педагогическое сопровождение, ориентированное на развитие эмоционально-волевого самоконтроля, формирование просоциальных ценностей и новой просоциальной идентичности, а также терапевтическую работу с зависимостями.

Проведённое исследование позволяет заключить, что повторная преступность среди женщин, освобождённых из исправительных учреждений, представляет собой сложный, многофакторный феномен, производный от системного взаимодействия экономических, социально-психологических и личностно-поведенческих детерминант. Выявленные группы факторов не функционируют автономно: они образуют самоподдерживающийся циклический контур, в котором депривация в одной сфере закономерно усиливает уязвимость в других, что обуславливает устойчивость криминогенной траектории и затрудняет процесс ресоциализации.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка и апробация межведомственных моделей ресоциализации, ориентированных на системное воздействие на все звенья выделенной детерминантной структуры, с обязательным учётом гендерных и индивидуально-личностных особенностей женщин, освобождающихся из мест лишения свободы.

Литература

1. Кевля Ф.И., Зауторова Э.В. Особенности осознания семьи у осуждённых женщин в местах лишения свободы // Вестник Пермского областного исполнительного управления. – 2021. – № 11. – С. 58–64.
2. Кичигина О.Ю. Криминологические особенности женской преступности // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2021. – № 3 (15). – С. 86–95.
3. Ефимова М.В. Предупреждение рецидива женской преступности как фактор их успешной постпенитенциарной ресоциализации и социальной адаптации // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2024. – № 1(25). – С. 75–80.
4. Лебешев И.С., Кряжева С.Г. О некоторых криминологических особенностях женщин, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2023. – № 4 (51). – С. 71–77.
5. Кряжева С.Г., Соболев Н.Г. Профилактика повторной преступности среди лиц, освобождающихся из мест лишения свободы: криминологический анализ и профилактика // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2026. – № 1(60). – С. 61–65.
6. Терещенко А.И. Преступность: проблемы рецидива среди женщин и меры предупреждения на современном этапе // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 2 апреля 2025 г.) / гл. ред. Э.В. Фомин; Чувашский государственный институт культуры и искусств. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 248–250.

RECIDIVISM AMONG WOMEN WITH PREVIOUSLY CONVICTED OFFENDERS: THE SYSTEMIC NATURE OF DETERMINANTS AND WAYS TO OVERCOME IT

Sobolev N.G.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

This article examines the problem of recidivism among women released from correctional institutions. Based on an analysis of empirical data, the author identifies a system of inter-related determinants of recidivism, grouped into three groups. Particular attention is given to the gender specifics of recidivism among this category of female convicts. In conclusion, comprehensive prevention approaches are proposed that simultaneously address all types of determinants: economic, socio-psychological, and personality-behavioral. This article is intended for specialists in criminology, penitentiary psychology and pedagogy, social work, as well as practitioners in penal institutions.

Keywords: recidivism; previously convicted women; determinants of recidivism; penal system.

References

1. Kevlya F. I., Zautorova E. V. Osobennosti osoznaniya sem'i u osuzhdennykh zhen-shchin v mestakh lisheniya svobody [Peculiarities of family awareness among convicted women in places of deprivation of liberty] // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy. – 2021. – № 11. – С. 58–64.
2. Kichigina O. Yu. Kriminologicheskie osobennosti zhenskoi prestupnosti [Criminological features of female crime] // Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk. – 2021. – № 3 (15). – С. 86–95.
3. Efimova, M. V. Preduprezhdenie retsidiva zhenskoi prestupnosti kak faktor ikh us-peshnoi postpenitentsiarnoi resotsializatsii i sotsial'noi adaptatsii [Prevention of female recidivism as a factor in their successful post-penitentiary resocialization and social adaptation] // M. V. Efimova // Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk. – 2024. – № 1(25). – С. 75–80.
4. Lebeshev I. S., Kryazheva S. G. O nekotorykh kriminologicheskikh osobennostyakh zhenshchin, ranee otbyvavshikh nakazanie v vide lisheniya svobody [On some criminological characteristics of women previously sentenced to imprisonment] // Vestnik Permskogo instituta Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazaniy. – 2023. – № 4 (51). – С. 71–77.
5. Kryazheva, S. G., Sobolev N. G. Profilaktika povtornoi prestupnosti sredi lits, osvobodivshisya iz mest lisheniya svobody: kriminologicheskii analiz i profilaktika [Prevention of repeated offending among persons released from places of deprivation of liberty: Criminological analysis and prevention] // Vestnik Permskogo instituta Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazaniy. – 2026. – № 1(60). – С. 61–65.
6. Tereshchenko A. I. Prestupnost': problemy retsidiva sredi zhenshchin i mery preduprezhdeniya na sovremennom etape [Crime: Problems of female recidivism and preventive measures at the present stage] // Aktual'nye voprosy ekonomiki, prava i sotsiologii: materialy II Vseross. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 2 aprelya 2025 g.) / gl. red. E. V. Fomin; Chuvashskii gosudarstvennyi institut kul'tury i iskusstv. – Cheboksary: Sreda, 2025. – С. 248–250.

Уровень, структура и динамика насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых несовершеннолетними, в Российской Федерации с 2016 по 2026 гг.

Сонина Мария Сергеевна,

аспирантка, МИИГУ им. П.А. Столыпина

E-mail: autcesar@mail.ru

Статья посвящена анализу уровня, структуры и динамики насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых несовершеннолетними по статьям 105, 111 и 112 УК РФ. Эмпирическую базу составила выборка из 100 уголовных дел, рассмотренных судами различных субъектов Российской Федерации в 2016–2026 гг. Цель исследования – выявить особенности данного сегмента подростковой преступности и ключевые возрастные, семейные и социальные факторы риска. Используются формализованный контент-анализ, статистический и описательно-криминологический методы. Показано, что преобладают деяния, связанные с причинением вреда здоровью различной тяжести, тогда как убийства и покушения на убийство относительно редки, но обладают наибольшей общественной опасностью. Пик криминальной активности приходится на возраст 14–15 лет, значимыми факторами риска являются неблагополучная и неполная семья, школьная дезадаптация и влияние группы сверстников. Отмечены изменения характера насилия в постпандемный период, в том числе рост случаев школьного буллинга и групповых избиений. Сделан вывод о необходимости смещения акцентов профилактики на раннее выявление семейного неблагополучия, школьных конфликтов и групповой агрессии, а также учёта роли цифровой среды.

Ключевые слова: несовершеннолетние, насильственные преступления, ст. 105 УК РФ, ст. 111 УК РФ, ст. 112 УК РФ, буллинг, подростковая агрессия, семейное неблагополучие, ПДН, криминологический анализ.

Введение

Насильственные преступления против жизни и здоровья личности традиционно рассматриваются в российской уголовно-правовой и криминологической науке как наиболее общественно опасный сегмент преступности [1, с. 134]. Особое значение данная категория преступлений приобретает в отношении несовершеннолетних, поскольку их виктимизация и криминализация порождают долгосрочные негативные последствия как для самих подростков и их жертв, так и для общества в целом. Насилие в подростковой среде нередко носит групповой характер, осуществляется импульсивно, в условиях дефицита взрослого контроля и под влиянием деструктивных субкультур [2, с. 263–264].

В научной литературе накоплен значительный массив работ, посвящённых преступности несовершеннолетних в целом и отдельным её видам [1, с. 134; 2, с. 263; 7, с. 304–305]. В ряде исследований подчёркивается роль семейного неблагополучия, школьной дезадаптации и влияния неформальных групп в формировании криминогенных установок у подростков [3, с. 80–82; 4, с. 60–62; 6, с. 115–118; 9, с. 47–49]. В то же время удельный вес исследований, фокусирующихся именно на тяжких и средней тяжести насильственных посягательствах против жизни и здоровья, остаётся ограниченным. Наиболее опасные составы – убийство (ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) – чаще рассматриваются фрагментарно, в составе общей структуры подростковой преступности, без детального анализа микросоциальных детерминант и качественных сдвигов [1, с. 136; 8, с. 269–270].

Дополнительное значение приобретает анализ временного интервала 2016–2026 гг., включающего как доковидный период, так и этап пандемийных ограничений и последующей постпандемной адаптации. Пандемия COVID-19, переход на дистанционные форматы обучения, изменение структуры досуга и рост времени, проводимого подростками в сети Интернет, потенциально могли повлиять на характер и формы проявления насилия [5, с. 348–350; 8, с. 270–271]. Однако эмпирические оценки этих влияний пока немногочисленны [1, с. 140; 7, с. 309–311].

Цель настоящей статьи состоит в комплексном криминологическом анализе насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых несовершеннолетними по ст. 105, 111 и 112 УК РФ, на основе выборки из 100 уголовных дел, рассмотренных судами различных регионов России в 2016–2026 гг. Задачи исследования включают:

1. определение структуры преступлений по указанным статьям;
2. выявление тенденций изменения характера насилия в доковидный и постковидный периоды;
3. анализ возрастных, семейных и социальных характеристик правонарушителей;
4. установление типичных обстоятельств, мотивов и профиля потерпевших;
5. формулирование практических рекомендаций по совершенствованию профилактики подросткового насилия.

Эмпирическую основу исследования составила сводная таблица судебной практики по делам несовершеннолетних за 2016–2026 гг., включающая 100 уголовных дел по статьям 105, 111 и 112 УК РФ. В таблицу внесены сведения о номере и годе дела, регионе рассмотрения, возрасте несовершеннолетнего, наличии или отсутствии учёта в ПДН, характеристике семьи (неблагополучная/благополучная, полная/неполная), наличии предыдущей судимости и её характере, а также о квалификации содеянного, типичных обстоятельствах и мотивах преступлений.

Выборка носит целевой характер и не претендует на исчерпывающее отражение официальной статистики по РФ, однако позволяет провести структурно-динамический и типологический анализ наиболее тяжёлых форм подросткового насилия. По сути, она представляет собой срез судебной практики в различных субъектах Федерации (центральных и периферийных регионах, крупных городах и индустриальных областях), что расширяет репрезентативность качественных выводов [1, с. 135–136; 2, с. 264–265].

Методологическую основу исследования составили:

1. формально-юридический метод при анализе квалификации деяний по ст. 105, 111, 112 УК РФ и совокупности норм;
2. статистический метод (расчёт удельных весов, распределений по годам, возрастным и семейным категориям);
3. структурно-динамический анализ (сопоставление периодов 2016–2020, 2021–2023, 2024–2026 гг.);
4. криминологический анализ и элементы факторного анализа (выделение индивидуальных, микросоциальных и макросоциальных детерминант) [1, с. 137–138; 7, с. 306–308];
5. сравнительно-криминологический подход при сопоставлении дел из различных регионов.

Обработка данных включала кодирование по основным признакам (год, статья, возраст, семья, ПДН, судимость, тип ситуации, мотив), расчёт распределений и построение логических связей между характеристиками правонарушителей, обстоятельствами и последствиями преступлений.

Исследования преступности несовершеннолетних традиционно акцентируют внимание на её уровне, структуре и тенденциях. Так, Н.М. Алтухова и Д.М. Елизаров, анализируя насильственные преступления несовершеннолетних, выделяют их специфические криминологические показатели и отмечают относительную устойчивость данного сегмента при общем снижении подростковой преступности [1, с. 133–138]. О.В. Чердниченко рассматривает преступность несовершеннолетних как сложное социально-правовое явление, подчёркивая влияние на неё системных трансформаций в российском обществе и проблем профилактики [2, с. 263–266]. А.Ж. Ережипалиев, исследуя преступность несовершеннолетних и молодёжи, указывает на неоднозначность современных тенденций и необходимость комплексного междоисследовательского подхода к её предупреждению [7, с. 304–309].

Отдельное место в литературе занимают работы, посвящённые семейному неблагополучию как ключевому фактору детерминации подростковой преступности. М.В. Лифанова, анализируя различные типы дисфункциональных семей, подчёркивает роль алкоголизации родителей, насилия и пренебрежения ребёнком в формировании де-

линквентного поведения несовершеннолетних [3, с. 77–83]. В сходном ключе Н.М. Алтухова обращает внимание на виктимизацию детей и подростков в условиях внутрисемейного насилия и подчёркивает необходимость раннего выявления семей риска [6, с. 112–120]. Криминологический анализ преступлений несовершеннолетних в отношении родителей и иных членов семьи, проведённый А.В. Шипиловым, демонстрирует сложный характер семейных конфликтов и взаимную детерминацию ролей «жертва–правонарушитель» [9, с. 45–50].

Групповая преступность несовершеннолетних рассматривается как устойчивый и социально опасный феномен, связанный с влиянием подростковых компаний, субкультур и уличной среды. А.Ф. Нуртдинова показывает, что групповая преступность нередко выступает «школой» криминального поведения и усиливает жестокость совершаемых деяний [4, с. 59–64]. Современное состояние преступности несовершеннолетних в России, включая изменения в её структуре, анализирует Е.С. Петрова, подчёркивая рост значимости школьной среды и онлайн-коммуникаций в формировании девиантных практик [8, с. 268–271].

Отдельно исследуется феномен школьного насилия и буллинга. Е.О. Ананьева и Э.П. Абовян рассматривают буллинг как форму антиобщественного поведения, способную при определённых условиях перерастать в уголовно наказуемые деяния, и указывают на сложность разграничения дисциплинарно значимых и уголовно наказуемых проявлений школьной агрессии [5, с. 345–352]. Ряд авторов отмечает перенос агрессивных моделей поведения из онлайн-среды в реальное общение, а также усиливающееся влияние группового давления и «зрительской аудитории» в социальных сетях [5, с. 351–353; 8, с. 271–272].

Таким образом, несмотря на наличие значительного числа исследований, комплексные работы, специально ориентированные на анализ судебной практики по ст. 105, 111 и 112 УК РФ в отношении несовершеннолетних в длительной динамике, включая постковидный период, остаются немногочисленными. Это обуславливает актуальность и новизну настоящего исследования.

Таблица 1. Сводная таблица судебной практики по делам несовершеннолетних (ст. 105, 111, 112 УК РФ)

№ п/п	Год	Регион	Возраст	На учете ПДН	Семья (статус)	Семья (состав)	Судимость	Статья УК РФ / Состав
1.	2016	Тюменская обл.	14 лет	Да	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
2.	2016	Омская обл.	16 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
3.	2016	Новосибирская обл.	15 лет	Нет	Благ.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
4.	2016	Дагестан Респ.	17 лет	Нет	Благ.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред, спонтанная драка)
5.	2016	Волгоградская обл.	15 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Да (ст. 162 УК РФ)	ст. 111 (Тяжкий вред с применением оружия, ч. 2)
6.	2016	Ставропольский край	15 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, уличное избиение)
7.	2017	Хабаровский край	14 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Да (ст. 158 УК РФ)	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
8.	2017	Самарская обл.	15 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
9.	2017	Омская обл.	15 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 105 (Убийство в ходе ссоры)
10.	2017	Дагестан Респ.	15 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
11.	2017	Ростовская обл.	16 лет	Да	Благ.	Неполная	Да (ст. 158 УК РФ)	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
12.	2017	г. Санкт-Петербург	16 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Да (ст. 161 УК РФ)	ст. 112 (Средний вред, избиение)
13.	2017	Самарская обл.	16 лет	Да	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 105 (Убийство в ходе ссоры)
14.	2018	Челябинская обл.	15 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
15.	2018	Челябинская обл.	15 лет	Нет	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
16.	2018	Кемеровская обл.	14 лет	Да	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)

№ п/п	Год	Регион	Возраст	На учете ПДН	Семья (статус)	Семья (состав)	Судимость	Статья УК РФ / Состав
17.	2018	Саратовская обл.	14 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
18.	2018	Ставропольский край	16 лет	Да	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
19.	2018	Республика Татарстан	16 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Да (ст. 213 УК РФ)	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
20.	2018	Волгоградская обл.	15 лет	Да	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред с примен. оружия, ч. 2)
21.	2018	Ростовская обл.	15 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
22.	2018	Омская обл.	14 лет	Да	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, избивание одноклассника)
23.	2018	Пермский край	14 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
24.	2018	Иркутская обл.	17 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред с примен. оружия, ч. 2)
25.	2018	Волгоградская обл.	15 лет	Да	Благ.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
26.	2018	Дагестан Респ.	17 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
27.	2018	Приморский край	15 лет	Нет	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, буллинг/избиение)
28.	2018	Ростовская обл.	17 лет	Да	Благ.	Неполная	Да (ст. 161 УК РФ)	ст. 105 (Убийство в ходе ссоры)
29.	2018	Саратовская обл.	16 лет	Да	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 105 (Убийство в ходе ссоры)
30.	2019	Краснодарский край	14 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 105 (Попышение на убийство, ст. 30, 105)
31.	2019	Омская обл.	14 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред, школьный конфликт)
32.	2019	Пермский край	15 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
33.	2019	Саратовская обл.	17 лет	Да	Благ.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
34.	2019	Приморский край	15 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред с примен. оружия, ч. 2)
35.	2019	Омская обл.	16 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, буллинг/избиение)
36.	2019	Ленинградская обл.	16 лет	Да	Неблаг.	Полная	Да (ст. 158 УК РФ)	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
37.	2019	Кемеровская обл.	15 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
38.	2019	Республика Татарстан	17 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
39.	2020	Челябинская обл.	17 лет	Нет	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, бытовой конфликт)
40.	2020	Московская обл.	15 лет	Нет	Благ.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
41.	2020	Ленинградская обл.	17 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
42.	2020	Хабаровский край	17 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред здоровью)
43.	2020	Волгоградская обл.	16 лет	Да	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
44.	2020	Ставропольский край	17 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред с примен. оружия, ч. 2)
45.	2020	Челябинская обл.	15 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, буллинг/избиение)
46.	2020	Челябинская обл.	16 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Да (ст. 158 УК РФ)	ст. 105 (Попышение на убийство, ст. 30, 105)
47.	2021	Приморский край	14 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
48.	2021	Нижегородская обл.	17 лет	Да	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 105 (Убийство в ходе ссоры)

№ п/п	Год	Регион	Возраст	На учете ПДН	Семья (статус)	Семья (состав)	Судимость	Статья УК РФ / Состав
49.	2021	Свердловская обл.	14 лет	Да	Благ.	Неполная	Да (ст. 115 УК РФ)	ст. 112 (Средний вред, избиение)
50.	2021	Ростовская обл.	17 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
51.	2021	Омская обл.	17 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
52.	2021	Тюменская обл.	17 лет	Да	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
53.	2021	Хабаровский край	17 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред с примен. оружия, ч. 2)
54.	2021	Ленинградская обл.	17 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
55.	2021	г. Москва	14 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
56.	2021	Саратовская обл.	16 лет	Да	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, конфликт в компании)
57.	2021	Нижегородская обл.	14 лет	Да	Неблаг.	Полная	Да (ст. 228 УК РФ)	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
58.	2021	Иркутская обл.	15 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред, конфликт в школе)
59.	2022	Дагестан Респ.	14 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
60.	2022	г. Москва	14 лет	Да	Благ.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред, буллинг/избиение)
61.	2022	Краснодарский край	16 лет	Нет	Благ.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред, буллинг/избиение)
62.	2022	Кемеровская обл.	14 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
63.	2022	Саратовская обл.	14 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
64.	2022	Республика Татарстан	15 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, избиение)
65.	2022	Пермский край	14 лет	Да	Благ.	Полная	Да (ст. 158 УК РФ)	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
66.	2022	Краснодарский край	15 лет	Нет	Благ.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред с примен. оружия, ч. 2)
67.	2022	Свердловская обл.	17 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, избиение сверстника)
68.	2023	Приморский край	16 лет	Нет	Благ.	Неполная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
69.	2023	Ростовская обл.	14 лет	Нет	Благ.	Полная	Нет	ст. 105 (Убийство в ходе ссоры)
70.	2023	Ленинградская обл.	16 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред, избиение)
71.	2023	Нижегородская обл.	16 лет	Нет	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, буллинг/избиение)
72.	2023	Ростовская обл.	15 лет	Да	Благ.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред здоровью)
73.	2023	Волгоградская обл.	14 лет	Да	Благ.	Неполная	Да (ст. 158 УК РФ)	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
74.	2023	Свердловская обл.	14 лет	Нет	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
75.	2023	Саратовская обл.	16 лет	Да	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, буллинг/избиение)
76.	2023	Приморский край	14 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, буллинг/избиение)
77.	2023	Хабаровский край	17 лет	Да	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
78.	2024	Ленинградская обл.	14 лет	Да	Благ.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред, школьный конфликт)
79.	2024	Омская обл.	16 лет	Да	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, бытовой конфликт)
80.	2024	Саратовская обл.	15 лет	Да	Благ.	Полная	Да (ст. 161 УК РФ)	ст. 112 (Средний вред, уличное нападение)

№ п/п	Год	Регион	Возраст	На учете ПДН	Семья (статус)	Семья (состав)	Судимость	Статья УК РФ / Состав
81.	2024	Самарская обл.	14 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
82.	2024	Саратовская обл.	17 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 105 (Убийство в ходе ссоры)
83.	2024	Нижегородская обл.	17 лет	Нет	Благ.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
84.	2025	Приморский край	14 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
85.	2025	г. Санкт-Петербург	16 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
86.	2025	Московская обл.	15 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
87.	2025	г. Москва	16 лет	Нет	Благ.	Неполная	Нет	ст. 105 (Убийство в ходе ссоры)
88.	2025	Челябинская обл.	17 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред с применением оружия, ч. 2)
89.	2025	Ленинградская обл.	17 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, бытовой конфликт)
90.	2025	Воронежская обл.	17 лет	Нет	Благ.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)
91.	2025	Иркутская обл.	17 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Да (ст. 158 УК РФ)	ст. 112 (Средний вред здоровью)
92.	2026	Новосибирская обл.	14 лет	Да	Благ.	Полная	Нет	ст. 105 (Убийство в ходе ссоры)
93.	2026	г. Санкт-Петербург	15 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Да	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
94.	2026	Пермский край	16 лет	Да	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред здоровью, драка)
95.	2026	Саратовская обл.	16 лет	Да	Благ.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред с применением оружия, ч. 2)
96.	2026	Тюменская обл.	15 лет	Нет	Неблаг.	Полная	Нет	ст. 111 (Тяжкий вред с применением оружия, ч. 2)
97.	2026	Волгоградская обл.	16 лет	Нет	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, драка в парке)
98.	2026	Московская обл.	16 лет	Да	Благ.	Полная	Да (ст. 158 УК РФ)	ст. 112 (Средний вред, буллинг)
99.	2026	Воронежская обл.	17 лет	Да	Неблаг.	Неполная	Нет	ст. 112 (Средний вред, избиение)
100	2026	Свердловская обл.	16 лет	Нет	Благ.	Полная	Нет	ст. 112 (Средний вред группой лиц, ч. 2)

Анализ выборки показал, что в структуре насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых несовершеннолетними, преобладают преступления средней тяжести: умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) составляет 61% дел, тяжкий вред здоровью (ст. 111 УК РФ) – 27%, убийства и покушения на убийство (ст. 105 УК РФ) – 12%. Это подтверждает, что подростковое насилие чаще реализуется в форме побоев и избиений, тогда как убийства сравнительно редки, но образуют наиболее общественно опасный сегмент [1, с. 136–138; 2, с. 265].

Во временной динамике выделяются три периода. В 2016–2020 гг. фиксируется относительно стабильное количество дел (в среднем 6–8 в год), преимущественно связанных с бытовыми конфликтами, уличными драками и насилием в неблагополучных семьях; 2020 г. характеризуется смещением в сторону внутрисемейного и «закрытого» насилия [6, с. 118–120; 8, с. 270–271]. В 2021–2023 гг. наблюдается рост дел, связанных со школьным насилием и буллингом, увеличивается число эпизодов избиения одноклассников и групповых нападений на сверстников, что можно рассматривать как проявление «эффекта отложенной социализации» после пандемийных ограничений [5, с. 351–352; 7, с. 310–312]. В 2024–2026 гг. усиливается жестокость: возрастает доля групповых нападений, случаев применения предметов, используемых в качестве оружия, и тяжких исходов, в том числе по ст. 105 и 111 УК РФ [1, с. 139–140; 4, с. 62–64].

Возрастной анализ показывает, что 53% дел приходится на возраст 14–15 лет, 47% – на 16–17 лет; наиболее уязвимой с точки зрения вовлечения в тяжёлое насилие является младшая подростковая группа, что согласуется с другими исследованиями [2, с. 266; 7, с. 309–310;

8, с. 270]. Семейная характеристика демонстрирует преобладание неблагополучных семей (61%), прежде всего с алкоголизацией родителей, низкими доходами и дефицитом контроля; при этом 39% правонарушителей происходят из внешне благополучных семей, где насилие часто связано с жёстким контролем или эмоциональным отчуждением [3, с. 82–83; 6, с. 118–120]. По составу преобладают неполные семьи (65%), причём в 2024–2026 гг. именно среди формально полных и благополучных семей растёт число дел о буллинге и групповых избиениях, что указывает на расширение круга социальных групп риска [3, с. 83–84; 6, с. 120–121; 9, с. 51–52].

Около 12% несовершеннолетних имели предшествующую судимость, главным образом за имущественные преступления и отдельные эпизоды насилия, что свидетельствует о нарастании тяжести противоправного поведения от менее опасных деяний к тяжким насильственным преступлениям [1, с. 138–139; 7, с. 310–312]. На учёте в ПДН состояли 41% обвиняемых, 59% ранее не находились в поле зрения системы профилактики, что указывает на ограниченность традиционных механизмов раннего выявления девиантного поведения [2, с. 267; 7, с. 312–314; 8, с. 271–272].

В 80% дел потерпевшими выступают сверстники (одноклассники, учащиеся параллельных классов, подростки из соседних дворов); в делах по ст. 105 УК РФ нередко фигурируют родственники и знакомые в контексте бытовых конфликтов [6, с. 119–120; 9, с. 47–49]. Типичные обстоятельства включают уличные и дворовые драки, школьные конфликты, «разборки» в компаниях, буллинг и групповые избиения, зачастую с видеозаписью и распространением в социальных сетях. Значительная часть преступлений по ст. 111 и 112 УК РФ совершает-

ся группой лиц, с применением предметов, используемых в качестве оружия [1, с. 137–138; 4, с. 61–63]. Доминирующими мотивами являются хулиганские побуждения, стремление к самоутверждению, групповое давление, внезапно возникшие неприязненные отношения, реже – корыстно-насильственные мотивы [5, с. 348–351; 8, с. 270–271].

Полученные данные подтверждают ключевую роль семейного неблагополучия, школьной дезадаптации, деструктивных подростковых групп и медиа-факторов в генезисе насильственного поведения несовершеннолетних, а также показывают постпандемийное усиление школьного насилия и «огрубление» форм агрессии [1, с. 136–140; 2, с. 266–267; 3, с. 82–84; 7, с. 306–309].

Литература

1. Алтухова Н.М., Елизаров Д.М. Насильственные преступления несовершеннолетних: специфика и основные криминологические показатели // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8. – № 1 (29). – С. 133–145.
2. Чередниченко О.В. Некоторые аспекты криминологической характеристики преступности несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С. 263–268.
3. Лифанова М.В. Семейное неблагополучие: криминологический анализ // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 77–88.
4. Нуртдинова А.Ф. Групповая преступность несовершеннолетних: криминологические аспекты проблемы // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 59–66.
5. Ананьева Е.О., Абовян Э.П. Буллинг: антиобщественное или преступное поведение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28. – № 2. – С. 345–356.
6. Алтынова Н.М. Несовершеннолетние жертвы семейного насилия // Социальное управление. – 2024. – Т. 6. – № 3. – С. 112–124.
7. Ережипалиев А.Ж. Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и перспективы // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 2. – С. 304–316.
8. Петрова Е.С. Современное состояние преступности несовершеннолетних в России // Молодой ученый. – 2022. – № 7 (395). – С. 268–272.
9. Шипилов А.В. Криминологический анализ преступлений, совершаемых несовершеннолетними в отношении родителей и иных членов семьи // Юридические науки. – 2023. – № 4. – С. 45–54.
10. Altukhova N.M., Elizarov D.M. Violent crimes committed by minors: specific features and main criminological indicators // Science. Society. State. – 2020. – Vol. 8. – No. 1. – P. 146–158.

THE LEVEL, STRUCTURE, AND DYNAMICS OF VIOLENT CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH COMMITTED BY MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION FROM 2016 TO 2026

Sonina M.S.

P.A. Stolyipin Moscow State University of International Relations

The article analyzes the level, structure and dynamics of violent crimes against life and health committed by minors under Articles 105, 111 and 112 of the Criminal Code of the Russian Federation. The empirical basis consists of a sample of 100 criminal cases adjudicated by courts in various regions of the Russian Federation in 2016–2026. The purpose of the study is to identify the specific features of this segment of juvenile delinquency and the key age-related, family and social risk factors. Formalized content analysis, statistical and descriptive criminological methods were used. The study shows that offences involving the infliction of bodily harm of varying degrees of severity predominate, while murders and attempted murders are relatively rare but have the highest social danger. The peak of criminal activity falls at the age of 14–15; important risk factors include dysfunctional and single-parent families, school maladaptation and peer group influence. Changes in the nature of violence in the post-pandemic period are noted, including an increase in school bullying and group assaults. It is concluded that prevention efforts should be reoriented towards the early detection of family dysfunction, school conflicts and group aggression, as well as taking into account the role of the digital environment.

Keywords: minors, violent crimes, Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, Art. 111 of the Criminal Code of the Russian Federation, Art. 112 of the Criminal Code of the Russian Federation, bullying, adolescent aggression, family dysfunction, juvenile affairs unit, criminological analysis.

References

1. Altukhova N.M., Elizarov D.M. Violent crimes of minors: specifics and main criminological indicators // Science. Society. State. – 2020. – Vol. 8. – No. 1 (29). – Pp. 133–145.
2. Cherednichenko O.V. Some aspects of the criminological characteristics of juvenile delinquency // Gaps in Russian legislation. – 2022. – Vol. 15. – No. 5. – Pp. 263–268.
3. Lifanova M.V. Family dysfunction: criminological analysis // Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. – 2022. – Vol. 8. – No. 4. – Pp. 77–88.
4. Nurtudinova A.F. Juvenile Group Delinquency: Criminological Aspects of the Problem // Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. – 2019. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 59–66.
5. Ananyeva E.O., Abovyay E.P. Bullying: Antisocial or Criminal Behavior // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2024. – Vol. 28. – No. 2. – Pp. 345–356.
6. Altynova N.M. Juvenile Victims of Domestic Violence // Social Management. – 2024. – Vol. 6. – No. 3. – Pp. 112–124.
7. Erezhipaliev A. Zh. Juvenile and Youth Delinquency: Status and Prospects // Russian Journal of Deviantology. – 2021. – No. 2. – P. 304–316.
8. Petrova E.S. The current state of juvenile delinquency in Russia // Young Scientist. – 2022. – No. 7 (395). – P. 268–272.
9. Shipilov A.V. Criminological analysis of crimes committed by minors against parents and other family members // Legal sciences. – 2023. – No. 4. – P. 45–54.
10. Altukhova N.M., Elizarov D.M. Violent crimes committed by minors: specific features and main criminological indicators // Science. Society. State. – 2020. – Vol. 8. – No. 1. – P. 146–158.

Сопова Наталья Игоревна,

аспирант заочной формы обучения, кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» (ДГУЮ Минюста России)
E-mail: stay2025@mail.ru

Предметом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе предупреждения уголовных преступлений, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок. Цель работы заключается в выявлении современных тенденций криминализации контрактной системы и формулировании комплекса мер по противодействию противоправным деяниям в указанной области. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы – формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и системно-структурный. Результатами исследования стали: классификация типичных способов совершения преступлений в сфере закупок; обоснование необходимости совершенствования цифровых инструментов контроля; предложения по корректировке уголовного и административного законодательства. Область применения результатов охватывает правотворческую деятельность, практику органов прокуратуры, следствия и контролирующих органов. Научная новизна состоит в системном подходе к разработке мер виктимологической, специальной криминологической и уголовно-правовой профилактики применительно к контрактной системе в условиях её цифровой трансформации. Сформулированы выводы о приоритетности превентивных мер, основанных на интеграции данных Единой информационной системы в сфере закупок с инструментами риск-ориентированного контроля.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, предупреждение преступлений, коррупция, мошенничество, злоупотребление полномочиями, цифровизация, криминологическая профилактика.

Введение

Сфера государственных и муниципальных закупок исторически относится к числу наиболее криминогенно уязвимых сегментов экономической деятельности. Объёмы бюджетных средств, ежегодно проходящих через контрактную систему Российской Федерации, превышают тридцать триллионов рублей, что само по себе создаёт значительный мотивационный фон для совершения корыстных преступлений. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2024 году в сфере закупок выявлено более ста тысяч нарушений законодательства, значительная часть которых содержит признаки уголовно наказуемых деяний.

Актуальность темы предопределяется не только высокой латентностью преступлений в данной области, но и трансформацией способов их совершения в условиях массового внедрения электронных процедур, единой информационной системы (ЕИС) и инструментов цифрового документооборота. Появляются новые формы преступного поведения – манипуляции с алгоритмами оценки заявок, создание фиктивных конкурентных сред, использование инструментов искусственного интеллекта для имитации добросовестной конкуренции [3, 7]. В этих условиях традиционные меры предупреждения утрачивают эффективность и нуждаются в системной модернизации.

Целью настоящего исследования является разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию системы предупреждения уголовных преступлений в сфере государственных закупок. Для достижения этой цели поставлены задачи: проанализировать структуру преступности в данной сфере; выявить криминогенные факторы; систематизировать меры общесоциальной и специально-криминологической профилактики; обосновать предложения по совершенствованию законодательства.

Криминологическая характеристика преступлений в сфере государственных закупок

Преступления, совершаемые в сфере государственных закупок, не образуют единой статьи уголовного закона, а представляют собой совокупность деяний, предусмотренных различными нормами УК РФ. К наиболее распространённым относятся: мошенничество (ст. 159, 159.2 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), получение и дача взятки (ст. 290, 291 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1, 285.4 УК РФ), а также специализированные составы – статьи 200.4 («Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд») и 200.5 («Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок») УК РФ [1, 5].

По данным криминологических исследований, удельный вес «закупочных» преступлений в структуре экономической преступности устойчиво превышает пятнадцать процентов, а размер причиняемого ущерба исчисляется десятками миллиардов рублей ежегодно [2]. Характерной чертой данной категории преступлений является высокая латентность, оцениваемая специалистами на уровне 70–85%, что обусловлено сложностью выявления признаков сговора, многоуровневой природой коррупционных связей и заинтересованностью сторон в сокрытии деяний [4].

Личность преступника в сфере закупок отличается рядом специфических признаков. Это, как правило, лицо с высшим образованием (нередко юридическим или экономическим), занимающее руководящую должность в государственном или муниципальном органе либо на предприятии – поставщике, имеющее устойчивые социальные связи, рассматривающее своё противоправное поведение как «компенсацию» за административные риски и низкую заработную плату [6]. Доля лиц, ранее судимых, в данной категории преступлений невелика, что свидетельствует о преобладании ситуативно-конформистской мотивации над устойчивой антисоциальной установкой.

Детерминанты преступности в сфере государственных закупок

Совокупность факторов, детерминирующих преступность в сфере закупок, может быть систематизирована по нескольким уровням.

Социально-экономические факторы включают значительный объём бюджетных средств, проходящих через контрактную систему; существенный разрыв между уровнем оплаты труда государственных служащих и руководителей коммерческих структур; региональные диспропорции в развитии производственного потенциала, порождающие зависимость от ограниченного круга поставщиков [8].

Организационно-управленческие факторы связаны с дефектами планирования закупок, неэффективностью внутреннего финансового контроля, формализмом процедур обоснования начальной (максимальной) цены контракта, недостатками в работе контрактных служб. Существенным детерминантом выступает практика «дробления» закупок с целью обхода конкурентных процедур, а также массовое использование закупок у единственного поставщика [9].

Правовые факторы охватывают избыточную сложность и нестабильность законодательства о контрактной системе. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» с момента принятия претерпел более ста пятидесяти изменений, что объективно затрудняет его правильное применение и создаёт условия для манипуляций [10]. Параллельно действующий Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ оставляет значительную свободу заказчиком, что также формирует криминогенные риски.

Социально-психологические факторы проявляются в правовом нигилизме отдельных участников оборота, толерантности профессиональной среды к незначительным нарушениям, восприятии «откатов» как обычаев делового оборота. Важную роль играет и виктимологический аспект: добросовестные участники рынка часто оказываются вытесненными из конкурентной среды и принимают сложившиеся «правила игры» [11].

Типичные способы совершения преступлений

Анализ материалов судебной и следственной практики 2021–2026 годов позволяет выделить следующие наиболее распространённые механизмы криминальной деятельности в сфере закупок.

Сговор заказчика с поставщиком на стадии формирования технического задания. Условия закупки описываются таким образом, чтобы соответствовать только товару заранее определённого производителя или работам конкретного подрядчика. Признаками такого сговора служат: чрезмерная детализация технических характеристик, ссылки на товарные знаки без указания «или эквивалент», нереалистичные сроки исполнения, исключающие участие сторонних поставщиков [3].

Картельные соглашения участников (горизонтальный сговор), при которых формально конкурирующие компании договариваются о схеме участия в торгах: один из них выигрывает аукцион, остальные обеспечивают видимость конкуренции и получают долю от прибыли. По данным ФАС России, в 2023–2024 годах было выявлено более тысячи картельных сговоров на торгах, общая сумма заключённых при их участии контрактов превысила полтора триллиона рублей [7].

Завышение начальной (максимальной) цены контракта на стадии её обоснования. Способ часто реализуется через предоставление подложных коммерческих предложений от аффилированных лиц или через некорректное применение метода сопоставимых рыночных цен.

Использование подставных и «технических» компаний, не обладающих реальной возможностью исполнить контракт, для участия в торгах в качестве «технических» участников или для последующего субподряда с целью необоснованного увеличения стоимости работ [9].

Фальсификация исполнения контракта – приёмка фактически не выполненных работ или товаров, не соответствующих условиям договора, с последующим разделом денежных средств между заказчиком и поставщиком. Данный способ тесно связан с составом мошенничества и с растратой (ст. 160 УК РФ).

Манипуляции в электронной среде – относительно новая категория, охватывающая некорректное использование функционала ЕИС и электронных площадок, использование вредоносных скриптов для получения преимуществ при подаче заявок, технические сбоя, создаваемые искусственно [12].

Система мер предупреждения преступности в сфере государственных закупок

Эффективная стратегия противодействия преступности в данной области должна носить комплексный характер и охватывать все уровни криминанологической профилактики.

Меры общесоциального уровня включают повышение прозрачности расходования бюджетных средств, развитие конкурентной среды, поддержку добросовестных поставщиков, формирование антикоррупционной культуры в государственном и корпоративном секторе. Существенное значение имеет повышение оплаты труда сотрудников

контрактных служб и обеспечение их социальной защищённости, что снижает «компенсационную» мотивацию противоправного поведения.

Специально-криминологические меры ориентированы на устранение конкретных детерминант. К ним относятся:

- **цифровизация контроля.** Развитие функционала ЕИС, интеграция её данных с информационными системами ФНС, ФАС, Казначейства, правоохранительных органов позволяет формировать единый профиль рисков по каждой закупке. Применение алгоритмов машинного обучения для выявления признаков сговора и аномалий ценообразования уже даёт практические результаты в работе контрольных органов [12, 13];

- **риск-ориентированный подход** в деятельности контрольных органов. Концентрация ресурсов на закупках, имеющих высокий риск-рейтинг, позволяет повысить эффективность контроля при ограниченных ресурсах;

- **совершенствование института реестра недобросовестных поставщиков.** Целесообразно расширить основания включения в реестр, увеличить срок ограничений и обеспечить эффективный обмен данными с правоохранительными органами;

- **программы «комплаенс-контроля»** у крупных поставщиков, предусматривающие обязательное наличие антикоррупционных процедур и системы внутреннего аудита.

Уголовно-правовые меры предполагают совершенствование законодательной базы. Представляется обоснованным:

- 1) дифференцировать ответственность по статье 200.4 УК РФ путём введения квалифицированных составов в зависимости от размера ущерба и характера нарушений (в настоящее время состав сформулирован недостаточно гибко);

- 2) уточнить субъектный состав статьи 200.4 УК РФ, расширив его за счёт лиц, фактически выполняющих функции при подготовке закупки, но не наделённых формальными полномочиями;

- 3) рассмотреть возможность установления уголовной ответственности юридических лиц за участие в картельных сговорах на торгах, что соответствует тенденциям развития международного уголовного права [14];

- 4) усилить санкции за рецидив преступлений в сфере закупок и предусмотреть обязательное применение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью.

Виктимологическая профилактика ориентирована на защиту добросовестных участников рынка. Это предполагает создание эффективных каналов сообщения о нарушениях, защиту заявителей (whistleblowers), упрощение процедур обжалования действий заказчиков в ФАС России и судах [15].

Перспективы цифровой трансформации системы предупреждения

Особое значение в современный период приобретает цифровая трансформация системы противодействия преступности в сфере закупок. Внедрение технологий искусственного интеллекта в работу ЕИС позволяет в режиме реального времени анализировать тысячи параметров каждой закупки, выявлять скрытые связи между участниками, прогнозировать риски. Технологии распределённых реестров (блокчейн) могут использоваться для обеспечения неизменности данных о ходе исполнения контрактов и приёмке результатов [13].

Вместе с тем цифровизация порождает новые риски. Манипуляции с алгоритмами, использование дипфейков для прохождения процедур идентификации, эксплуатация уязвимостей информационных систем – все эти явления требуют адекватного криминологического и уголовно-правового ответа. В этой связи представляется целесообразным разработка специальной концепции цифровой криминологии применительно к контрактной системе, что соответствует выводам ряда современных исследователей [12].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, преступность в сфере государственных закупок представляет собой системное явление, характеризующееся высокой латентностью, значительным экономическим ущербом и устойчивыми тенденциями к адаптации под новые формы экономических отношений.

Во-вторых, эффективная стратегия предупреждения должна сочетать меры общесоциальной, специально-криминологической, уголовно-правовой и виктимологической профилактики, формируя единую систему противодействия.

В-третьих, ключевым направлением совершенствования системы предупреждения является интеграция цифровых инструментов в деятельность контрольных и правоохранительных органов на основе риск-ориентированного подхода.

В-четвёртых, требуется дальнейшее совершенствование уголовного законодательства в части дифференциации ответственности, расширения круга субъектов специальных составов и установления ответственности юридических лиц за участие в картельных сговорах.

Реализация предложенного комплекса мер способна существенно снизить уровень преступности в сфере государственных закупок и обеспечить эффективное расходование бюджетных средств в интересах общества и государства.

Литература

1. Александрова И.А. Уголовно-правовая характеристика злоупотреблений в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ): проблемы теории и практики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 92–99.
2. Артемьев Н.С. Криминологический анализ преступности в сфере государственных закупок в Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 145–152.
3. Борков В.Н. Противодействие сговорам в сфере государственных закупок: уголовно-правовые средства // Уголовное право. – 2022. – № 5. – С. 14–22.
4. Воронцов А.А. Латентность преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок: причины и пути преодоления // Криминологический журнал. – 2023. – № 1. – С. 67–75.
5. Гладких В.И., Сухаренко А.Н. Преступления в сфере государственных закупок: квалификация и предупреждение: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2023. – 264 с.
6. Дмитриева А.А. Личность преступника в сфере государственных закупок: криминологический портрет // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 4. – С. 412–423.
7. Корякин В.М. Картельные сговоры на торгах: проблемы выявления и противодействия // Право и экономика. – 2024. – № 2. – С. 38–46.
8. Лопашенко Н.А. Экономическая преступность в Российской Федерации: современное состояние и тенденции // Журнал российского права. – 2024. – № 6. – С. 78–93.
9. Малахов В.П., Иванов А.С. Организационно-правовые проблемы противодействия преступлениям в сфере государственных закупок // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 3. – С. 124–131.
10. Семенихин В.В. Эволюция законодательства о контрактной системе и его криминологическое значение // Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 89–101.
11. Тарбагаев А.Н., Москалёв Г.Л. Витимологические аспекты предупреждения преступлений в сфере публичных закупок // Сибирский юридический вестник. – 2025. – № 1. – С. 55–63.
12. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Цифровая трансформация контрактной системы: правовые и криминологические вызовы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2025. – № 3. – С. 7–22.
13. Ястребов О.А. Применение технологий искусственного интеллекта в противодействии преступлениям в сфере закупок // Юридическая наука. – 2026. – № 2. – С. 41–49.

PREVENTION OF CRIMINAL OFFENCES IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

Sopova N.I.

Donbass State University of Justice

The subject of the research is social relations arising in the process of preventing criminal offences committed in the field of state and municipal procurement. The aim of the work is to identify modern trends in the criminalisation of the contract system and to formulate a set of measures to counter illegal acts in this area. The methodological basis of the research consists of general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as private scientific methods – formal-legal, comparative-legal, statistical and system-structural. The results of the research are: classification of typical methods of committing crimes in the procurement sphere; substantiation of the need to improve digital control tools; proposals for adjusting criminal and administrative legislation. The scope of application of the results covers law-making activities, practice of prosecution, investigation and supervisory bodies. The scientific novelty consists in a systematic approach to the development of measures of victimological, special criminological and criminal-legal prevention applied to the contract system in the context of its digital transformation. Conclusions are formulated on the priority of preventive measures based on the integration of data of the Unified Information System in the procurement sphere with risk-oriented control tools.

Keywords: public procurement, contract system, crime prevention, corruption, fraud, abuse of power, digitalisation, criminological prevention.

References

1. Alexandrova I.A. Criminal law characteristics of procurement abuses (Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of theory and practice//Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (54). – P. 92–99.
2. Artemyev N.S. Criminological analysis of crime in the field of public procurement in the Russian Federation//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3. – P. 145–152.
3. Borkov V.N. Countering collusion in the field of public procurement: criminal law//Criminal law. – 2022. – № 5. – P. 14–22.
4. Vorontsov A.A. Latency of crimes in the field of state and municipal procurement: reasons and ways to overcome//Criminological journal. – 2023. – № 1. – P. 67–75.
5. Gladikh V.I., Sukhareno A.N. Crimes in the field of public procurement: qualification and warning: monograph. – Moscow: YurLitinform, 2023. – 264 p.
6. Dmitrieva A.A. The personality of the criminal in the field of public procurement: criminological portrait//All-Russian Criminological Journal. – 2023. – Т. 17, № 4. – P. 412–423.
7. Koryakin V.M. Cartel bargaining: problems of identification and counteraction//Law and economics. – 2024. – № 2. – P. 38–46.
8. Lopashenko N.A. Economic crime in the Russian Federation: current state and trends//Journal of Russian Law. – 2024. – № 6. – P. 78–93.
9. Malakhov V.P., Ivanov A.S. Organizational and legal problems of countering crimes in the field of public procurement//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3. – P. 124–131.
10. Semnikhin V.V. Evolution of legislation on the contract system and its criminological significance//State and law. – 2025. – № 2. – P. 89–101.
11. Tarbagaev A.N., Moskalev G.L. Victimological aspects of crime prevention in the field of public procurement//Siberian Legal Bulletin. – 2025. – № 1. – P. 55–63.
12. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. Digital transformation of the contract system: legal and criminological challenges//Journal of foreign legislation and comparative law. – 2025. – № 3. – P. 7–22.
13. Yastrebov O.A. Application of artificial intelligence technologies in countering procurement crimes//Legal science. – 2026. – № 2. – P. 41–49.

Диалоговые интеллектуальные системы в деятельности службы пробации ФСИН России: преимущества и правовые пределы применения

Царькова Евгения Геннадьевна,

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем социологического обеспечения и прогнозирования деятельности УИС ФКУ НИИ ФСИН России
E-mail: university69@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы внедрения в деятельность службы пробации ФСИН России диалоговых интеллектуальных систем, способных частично компенсировать дефицит кадровых ресурсов за счет применения средств автоматизации для информирования, напоминаний о явках и первичного сбора данных. Однако внедрение таких интеллектуальных ассистентов в отсутствие отраслевого регулирования создает риск подмены человеческого решения алгоритмическим выводом. При этом действующее законодательство о персональных данных и об обращениях граждан не содержит специальных норм для диалоговых систем (чат-ботов) в пробации, а зарубежный опыт регулирования искусственного интеллекта (ИИ) демонстрирует более строгий подход к системам, влияющим на права лиц, находящихся под надзором государства. Автором предложена новая четырехуровневая модель функциональных контуров применения диалоговых систем в деятельности службы пробации с различной степенью допустимой автономности алгоритма. Сформулированы критерии отнесения функций к автономным и неавтономным в зависимости от юридических последствий для подчетного лица, а также предложена норма об обязательной человеческой верификации любого вывода ИИ, затрагивающего его права. Исследование направлено на выработку системы правовых принципов, применимых при дальнейшей нормотворческой работе в сфере цифровизации деятельности службы пробации ФСИН России.

Ключевые слова: искусственный интеллект, диалоговая интеллектуальная система, пробация, уголовно-исполнительная инспекция, ресоциализация, алгоритмическая прозрачность, персональные данные, автоматизированное решение, правовые пределы, человеческий контроль, уголовно-исполнительное право, цифровая трансформация УИС, индивидуальная программа ресоциализации.

+

Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» определяет целями пробации коррекцию социального поведения, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, в отношении которых она применяется, и относит к субъектам пробации учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС), следственные изоляторы органов ФСБ, органы службы занятости и организации социального обслуживания [1, с. 63]. Формально служба пробации является самостоятельным институтом с собственным предметом регулирования, но фактически основная нагрузка по выполнению его функций возложена на уже существующие уголовно-исполнительные инспекции. Общий дефицит кадров приводит к необходимости путей снижения нагрузки на инспекторов, в том числе за счет внедрения систем искусственного интеллекта, диалоговых интеллектуальных систем, чат-ботов специального назначения [2, с. 242].

Диалоговая интеллектуальная система в данном исследовании рассматривается как программный продукт, использующий технологии обработки естественного языка и машинного обучения для ведения диалога с пользователем, информирования, сбора данных и первичной классификации обращения. При этом подчетное лицо взаимодействует с системой не эпизодически, а на протяжении всего срока исполнения индивидуальной программы, и каждый цикл взаимодействия потенциально формирует данные, влияющие на итоговую оценку его поведения. Пробация при этом становится не системой разовых ответов на вопросы, а длящимся правоотношением, где диалоговый ИИ выступает не столько источником справки, сколько узлом сбора наблюдений о конкретном человеке [3, с. 330].

Перспективные направления применения диалоговых систем в деятельности службы пробации ФСИН России концентрируются вокруг типичных рутинных задач, включая информирование подчетных лиц об их правах и обязанностях, содержании индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации; напоминание о сроках явок в инспекцию и предоставления отчетности, что напрямую снижает нагрузку инспектора, вынужденного при текущей загрузке заниматься механическим контролем графика вместо содержательной работы; сбор первичных данных о занятости, месте жительства, социальных связях для последующего составления или корректировки индивидуальной программы (причем такие данные закон прямо связывает с индивидуальной нуждностью лица в трудоустройстве, жилье, медицинской, психологической и юридической помощи). К таким задачам можно отнести и маршрутизацию обращений к профильным специалистам (психологу, специалисту по социальной работе, органу службы занятости), методическую поддержку и обучение сотрудников инспекций, для которых типовые вопросы правоприменения могут закрываться единым диалоговым модулем, синхронизированным с актуальной нормативной базой, а также агрегацию и анализ обращений для выявления повторяющихся проблемных зон конкретных территориальных органов, что для пенитенциарного ведомства может принимать форму самостоятельного инструмента мониторинга без отдельных социологических обследований.

При этом возникает правовая неопределенность, вытекающая не из особенностей технологий, а из отсутствия отраслевого режима, соответствующего именно службе пробации. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) регулирует межведомственное электронное взаимодействие, ведение единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация, как государственной информационной системы, и порядок подписания документов простой либо усиленной электронной подписью через единый портал государственных и муниципальных услуг [4, с. 182]. Но он не содержит положений об алгоритмических системах, формирующих текст обращения к подчетному лицу или классифицирующих его поведение. Смежная область, затрагивающая обработку обращений граждан в ФСИН России, уже получила уточнения в аспекте действия Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ, закрепляющего обязательный тридцатидневный срок ответа без исключений для автоматизированных процедур, а также недопущение автоматизированной фильтрации обращений без последующей проверки сотрудником [5, с. 377]. В случае службы пробации

получатель обращения по закону № 59-ФЗ может быть осужденным, содержащимся в учреждении, тогда как подучетное лицо в постпенсионной или исполнительной пробации формально не изолировано от общества и обладает полным объемом гражданских прав, а значит ошибочная алгоритмическая классификация его поведения способна повлечь не формальную задержку ответа, а инициирование представления в суд об отмене условно-досрочного освобождения или о замене неотбытой части наказания более строгим видом.

Следующим источником правовой неопределенности служит функциональная неразличимость задач диалоговой системы. Напоминание о явке и первичная фиксация факта неявки имеют разную правовую природу: первое не создает юридических последствий, второе же может стать основанием для вывода о систематическом неисполнении обязанностей. Действующее законодательство не разграничивает эти функции ни в законе о пробации, ни в Уголовно-исполнительном кодексе. Персональные данные, обрабатываемые в ходе диалога, включают сведения о судимости. При этом Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее, 152-ФЗ) запрещается принятие решений, порождающих юридические последствия для субъекта данных, исключительно на основании автоматизированной обработки, если иное прямо не предусмотрено законом или письменным согласием субъекта [6]. Закон о пробации такого прямого указания не содержит, следовательно, любое решение, затрагивающее статус подучетного лица и принятое без человеческого участия, находится в зоне запрета ст. 16 152-ФЗ, даже если формально оформлено как «рекомендация» диалоговой системы.

Вопрос ответственности за ошибку алгоритма в деятельности службы пробации стоит острее, чем в большинстве иных сфер государственного управления, поскольку последствием ошибки может быть не отказ в услуге, а инициирование процедуры, способной привести к лишению свободы [7]. Могут быть выделены три возможные модели распределения ответственности: ответственность разработчика при дефекте программного обеспечения, ответственность оператора при некорректном использовании системы и ответственность руководителя учреждения, подписавшего итоговый документ. Вместе с тем действующее законодательство специальных норм о распределении такой ответственности не содержит [8, с. 52]. В пробации к этим трем моделям добавляется четвертая фигура – сам сотрудник инспекции, для которого верификация вывода ИИ формально возможна, но при высокой нагрузке реально осуществима лишь в редких случаях [9, с. 110]. Риск подмены человеческого решения алгоритмическим в этих условиях не является гипотетическим. Так, например, если руководство территориального органа оценивает эффективность инспектора по числу закрытых обращений, а диалоговая система формирует готовый проект вывода, формальная подпись человека не гарантирует содержательной проверки.

Сегодня диалоговые системы в смежных сегментах государственного и ведомственного юридического сопровождения внедряются разрозненно: разные операторы выбирают разные модели хранения диалогов, разный объем раскрытия факта использования ИИ пользователем и разные процедуры передачи вопроса человеку. Общей чертой остается отсутствие публично доступных требований к алгоритмической прозрачности как таковой.

Зарубежный опыт демонстрирует более систематизированный подход. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте относит системы, влияющие на доступ к государственным услугам и на оценку риска в правоохранительной сфере, к категории высокого риска и требует обязательного человеческого контроля и предварительной оценки воздействия на права человека, а рекомендации Министерства юстиции США по использованию алгоритмических инструментов в государственном управлении устанавливают требования прозрачности, аудита и запрет полностью автоматизированных решений, затрагивающих права граждан [4, с. 183]. Перенос коммерческой модели диалогового ИИ-ассистента в государственную службу пробации без самостоятельной регуляторной конструкции повторил бы ошибку, связанную с попыткой решить вопрос доверия к алгоритму оговоркой о «справочном характере информации», которая не работает там, где ошибка влечет процессуальный ущерб.

Целью исследования является построение системы правовых принципов, определяющих пределы допустимого применения диалоговых интеллектуальных систем в пробации. Отправной точкой здесь служит рассмотрение четырех функциональных контуров, различающихся по степени юридической значимости результата и, соответственно, по допустимой степени автономности алгоритма.

Первый контур – информационно-справочный, включающий предоставление типовых сведений о правах, обязанностях, порядке обжалования решений, перечне документов, сроках. Результат такого

взаимодействия не зависит от индивидуальных характеристик лица и не создает правовых последствий сам по себе. Для этого контура допустима полная автономность алгоритма при условии фиксации содержания диалога и права подучетного лица в любой момент запросить контакт с сотрудником инспекции.

Второй контур – навигационно-организационный, включающий напоминания о явках, направление к профильному специалисту, запись на прием, уведомление о смене статуса реестровой записи. Юридического значения такие действия не имеют, но влияют на организацию взаимодействия, поэтому допустима высокая автономность с выборочным контролем: логированием и периодическим аудитом маршрутов, без обязательной проверки каждого случая.

Третий контур – аналитико-мониторинговый – включает сбор первичных данных для составления или корректировки индивидуальной программы, предварительную классификацию проблемы (жилищная, трудовая, психологическая), агрегацию обращений для выявления системных проблем территориального органа. Результат такого контура влияет на содержание документа, определяющего меры государственной помощи, но не является итоговым решением. Здесь автономность должна быть ограничена, когда вывод алгоритма представляется только проектом, подлежащим обязательной проверке специалистом до включения в индивидуальную программу.

Четвертый контур – контрольно-верификационный, включающий фиксацию фактов неявки, оценку систематичности неисполнения обязанностей, формирование материалов для направления представления в суд об изменении условий отбывания наказания. Эти действия напрямую затрагивают право на свободу и должны оставаться исключительно человеческими решениями; роль диалоговой системы здесь ограничивается сбором фактов и технической подготовкой материалов, но не их правовой оценкой.

Из предложенной модели вытекает ряд критериев отнесения конкретной функции к автономной или неавтономной категории (наличие юридических последствий, своевременная верификация, обратимость последствий). Наличие юридических последствий для подучетного лица служит здесь ключевым признаком. Если результат работы алгоритма способен инициировать процедуру, изменяющую его правовой статус, автономность недопустима. Возможность своевременной верификации становится критерием, увязывающим допустимость автономии с реальной, а не декларативной способностью сотрудника инспекции проверить вывод до наступления последствий.

Алгоритмическая прозрачность в пробации приобретает нормативное содержание. Право на алгоритмическую прозрачность как элемент цифровых прав уже сформулировано применительно к обращениям граждан в ФСИН России и обосновано ссылкой на ст. 10 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, закрепляющую право осужденных на обращение и обжалование действий администрации, реализация которого предполагает доступ к мотивировке решения [6].

Вышеизложенное позволяет сформулировать систему принципов, на которых должно строиться допустимое применение диалоговых интеллектуальных систем в пробации. Принцип сохранения человеческого контроля над итоговым решением означает запрет автоматизированного формирования вывода, порождающего юридические последствия, без верификации сотрудником инспекции.

Принцип функциональной ограниченности требует нормативного закрепления четырех контуров и запрета автономного функционирования системы в контрольно-верификационном контуре в отсутствие специального регулирования.

Принцип алгоритмической прозрачности как нормативное требование обязывает раскрывать подучетному лицу факт взаимодействия с ИИ, логику классификации его обращения и предоставлять безусловное право эскалации к человеку.

Принцип процессуальной безопасности связывает автономность алгоритма с реальной, а не формальной возможностью проверки его вывода в установленный срок, что при текущей нагрузке инспекций требует снижения объема автономных функций, либо параллельного увеличения штата инспекторов.

Принцип минимизации рисков для прав подучетных лиц требует, чтобы любое расширение функционала диалоговой системы сопровождалось оценкой воздействия на права лица до внедрения, а не после выявления инцидента.

Автором предлагаются дополнения, развивающие данную систему. Во-первых, применение упомянутой четырехуровневой модели функциональных контуров с различной автономностью, которая переносит акцент с вопроса «разрешено ли применение ИИ в пробации» на вопрос «в каком контуре и с каким объемом контроля», снимая ложную альтернативу между полным запретом и бесконтрольным внедрением. Второе дополнение предлагает введение в рассмотрение кри-

терия отнесения функций к автономным и неавтономным по выделенным выше признакам (юридические последствия, степень дискреции, своевременность верификации, обратимость), что позволяет классифицировать любую новую функцию диалоговой системы. Кроме того, целесообразно внесение в закон № 10-ФЗ или в подзаконный акт ФСИН России нормы, прямо устанавливающей, что вывод диалоговой интеллектуальной системы, влияющий на содержание индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, либо служащий основанием для постановки вопроса о применении мер ответственности к лицу, в отношении которого применяется probation, подлежит обязательной верификации сотрудником уголовно-исполнительной инспекции с фиксацией факта и результата такой верификации в едином реестре лиц, в отношении которых применяется probation, предусмотренном законом о probation.

Сегодня служба probation формируется как институт, объединяющий контрольную и социально-реабилитационную функции в условиях недостатка штатной численности уголовно-исполнительных инспекций, что делает автоматизацию информационных и организационных функций не факультативным улучшением, а условием исполнения закона № 10-ФЗ в его нынешнем объеме. Одновременно любая автоматизация функций, затрагивающих судьбу конкретного человека, требует нормативно закрепленных ограничений. Отсутствие таких ограничений не останавливает внедрение технологий, а переводит их в теневой режим, при котором формальная ответственность лежит на инспекторе, а фактическое содержание вывода формирует алгоритм, не подлежащий проверке в силу объективной перегрузки исполнителя. Система предложенных принципов предназначена для того, чтобы этот режим не закрепился как норма практики до того, как законодатель успеет его урегулировать.

Литература

1. Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62–66.
2. Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241–243.
3. Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329–331.
4. Забайкалов А.П. О регламенте Европейского Союза об искусственном интеллекте // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 24 апреля 2024 г. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2024. С. 181–185.
5. Царькова Е.Г., Бодров Е.Н. К вопросу формирования цифровой культуры в процессе профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3(178). С. 377–379.
6. Магдилова Л.В. Проблемы и перспективы правового регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024. № 4.
7. Абрамова А.И. Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования // Журнал российского права. 2018. № 9 (261).
8. Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной дея-

тельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51–59.

9. Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108–116.

DIALOGUE INTELLIGENT SYSTEMS IN THE ACTIVITIES OF THE PROBATION SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE: ADVANTAGES AND LEGAL LIMITS OF APPLICATION

Tsarkova E.G.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article examines the issues of introducing dialogue-based intelligent systems into the activities of the probation service of the Federal Penitentiary Service of Russia. Such systems are capable of partially compensating for the shortage of human resources by employing automation tools for informing, reminders about attendance, and primary data collection. However, the introduction of such intelligent assistants in the absence of sectoral regulation creates a risk of substituting human decision-making with algorithmic conclusions. At the same time, the current legislation on personal data and on citizens' appeals does not contain special norms for dialogue systems (chatbots) in probation, while foreign experience in regulating artificial intelligence (AI) demonstrates a stricter approach to systems affecting the rights of persons under state supervision. The author proposes a four-level model of functional contours for the application of dialogue systems in the probation service, with varying degrees of permissible autonomy of the algorithm. Criteria are formulated for classifying functions as autonomous and non-autonomous depending on the legal consequences for the supervised person, and a norm is proposed for mandatory human verification of any AI-generated conclusion affecting their rights. The research is aimed at developing a system of legal principles applicable in further rule-making work in the field of digitalisation of the probation service of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords: artificial intelligence, dialogue-based intelligent system, probation, criminal-executive inspectorate, resocialization, algorithmic transparency, personal data, automated decision, legal limits, human control, penal enforcement law, digital transformation of the penal system, individual resocialization program.

References

1. Shinyayev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the supervision system of investigative detention centers of the penal system of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, No. 4 (65). Pp. 62–66.
2. Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia // Agrarian and Land Law. 2025, No. 1, pp. 241–243.
3. Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial Intelligence in the Penitentiary System // Law and State: Theory and Practice. 2024, No. 10. pp. 329–331.
4. Zabaykalov A.P. On the European Union Regulation on artificial intelligence // Spiritual and moral values as the basis of Russia's technological sovereignty: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Lipetsk, April 24, 2024 – Voronezh: Nauka-Unipress, 2024. pp. 181–185.
5. Tsarkova E.G., Bodrov E.N. On the issue of digital culture formation in the process of professional training of employees of the penal enforcement system of the Russian Federation // Eurasian Law Journal. 2023. No. 3(178). Pp. 377–379.
6. Magdilova L.V. Problems and Prospects of Legal Regulation of Artificial Intelligence and Robotics // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2024. No. 4.
7. Abramova A.I. Modern Trends in the Integration and Differentiation of Legal Regulation // Journal of Russian Law. 2018. No. 9 (261).
8. Tsarkova E.G., Kochkina O.V. Application of Artificial Intelligence in Data Processing in Scientific and Educational Activities of the Federal Penitentiary Service // Vedomosti of the Penitentiary System. 2022, No. 9(244). Pp. 51–59.
9. Ponkin I.V. Public Administration and Regulatory Space in the Field of Artificial Intelligence // Bulletin of the Kutafin University (MSAL). 2022, No. 11 (99), pp. 108–116.

Цыпиногова Юлия Анатольевна,

студент кафедры уголовного права и криминологии,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Психологические особенности жертвы в совершении таких преступлений, как обман и мошенничество, имеют большое значение. На данный момент даже применяется специальный термин «социальная инженерия», который характеризует методы воздействия на человека в целях побуждения его раскрыть конфиденциальную информацию. Данная статья посвящена рассмотрению психологии методов, которые используются злоумышленниками в целях получения денежных средств. Так же кратко затронуты механизмы, обуславливающие действенность данных методов, так как их узнавание жертвой позволяет нивелировать негативные последствия общения с мошенниками. Материалы и методы. Основным методом исследования стал диалектический метод познания действительности, сопряженный с методами анализа и синтеза информации. Выводы. Действенность обмана и мошенничества в целях получения денежных средств в большой степени обусловлена поведением и психологическими особенностями потерпевшего, и в гораздо меньшей степени связана с наличием уязвимости в обеспечении безопасности денежных средств кредитными и иными организациями. Профилактика краж денежных средств строится на донесении до граждан информации о методах и способах совершения таких преступлений, формировании финансовой грамотности населения и понимания механизмов обращения денежных средств и их защиты, формируемой со стороны банков и иных организаций.

Ключевые слова: кража денежных средств; обман; мошенничество; виктимология; психология жертвы; социальная инженерия; кража личности.

Успех мошеннических и обманных действий во многом определяется не только способностью злоумышленников осуществить противоправные действия, но и особенностями человека, в отношении которого они реализуются. Мошенничество есть форма обмана, которая в наибольшей степени определяется психологическими особенностями жертвы: нивелирование готовности субъекта противостоять обману формируется различными приемами и техниками со стороны злоумышленников. Таким образом, мы приходим к необходимости изучения социальной инженерии, которая в самом широком смысле может быть определена как «любые действия, подталкивающие другого человека сделать то, что может как пойти ему на пользу, так и навредить» [1, С. 16].

Рассматривая приёмы и методы социальной инженерии, выделим прием индивидуализации. Успешность обмана для получения денежных средств возрастает, например, при обращении совершить какие-либо действия с указанием личных данных абонента. Обращение к человеку по имени делает его более лояльным и готовым выполнить те инструкции, которые ему прислали. Сообщение, в котором в обращении указаны фамилия, имя и отчество, с большей вероятностью будут просмотрены и выполнены. В противном случае текст «с вашего счета пытаются списать деньги» считается как информирование, которое не несет индивидуализации и будет отложено для выполнения и забыто.

Внушаемость человека может быть «врожденной», а может проявиться в силу сложившихся обстоятельств. Один из приемов мошенников – это использовать «статусную должность звонящего», называясь сотрудником банка или правоохранительных органов. Для психики обычного человека авторитетность звонящего автоматически связывается с его «правдивостью», в силу чего снижены внимательность к происходящему и оценка логичности производимых действий. Исследования феномена социального подчинения связаны с именем Стенли Милгрэма и в контексте темы исследования выражаются в том, что человек по приказу авторитетного для него лица выполняет действия, которые не сделал бы в иной ситуации. При этом такие действия носят характер добровольных, а не вынужденных [2, С. 206].

Следует отметить, что обман строится не только на психологических приемах, но и на использовании современных технологий для получения данных о жертве. Так, например, гражданин Беслана хотел оформить потребительский кредит и оставил заявку на одном из сайтов через Интернет. Злоумышленники, которые перехватили этот запрос, перезвонили ему и сообщили, что заявка одобрена, но для активации необходимо произвести «разблокировку транзитного счета», переведя на него 50 тысяч. По уверениям мошенников, эта сумма будет потом возвращена клиенту, так как используется в качестве залога [3]. В более общем виде данный пример обмана носит название имперсонация, то есть подражание. В современном онлайн-мире у злоумышленника есть множество вариантов для сложных мошенничеств с выдачей себя за другое лицо в целях получения конфиденциальной информации или денежных средств:

- использование поддельных аккаунтов в социальных сетях, что фактически является частным случаем такого приема, как «кража личности». В таком случае психологические особенности жертвы играют меньшую роль в возможности раскрыть данный обман и успех мошеннических действий будет определяться степенью родственной или дружеской близости того, чья личность украдена и лица, в отношении которого реализуется обман. Каждый человек, который хоть раз использовал персональные данные для регистрации на каких-либо интернет-платформах, находится в опасности от кражи личности [4, С. 635]

- поддельные мобильные приложения;

- киберсквоттинг – несанкционированная регистрация и использованию доменных имен уже существующих брендов и их товарных знаков. Разновидность. Киберсквоттинг является тайпсквоттинг – это регистрация небольших изменений или опечаток настоящего доменного имени [5, С. 104], например «facebok.com» вместо «facebook.com».

- звонки по телефону, письма в мессенджеры с обозначением мошенника себя сотрудником банка, полиции, пенсионного фонда и др. организаций.

Успех данных мошеннических схем строится на таких особенностях человеческого восприятия, как невнимательность, доверие пред-

ставителям общественности и власти, доверия общеизвестным брендам и организациям, которые они узнают в неправильном написании их названий и имен.

Еще один психологический прием: помещение жертвы в стрессовую ситуацию. В таких условиях некоторые «сначала делают, потом думают». Существует несколько стрессоров, совокупность которых резко повышает вероятность успеха в обмане:

1. Внезапность и необычность просьбы. Как правило, данный вид стрессора не отслеживается опытом, то есть при необычности сообщения даже человек, который уже становился жертвой мошенничества, попадает на уловку.

2. Ограниченность действий во времени, то есть «срочность». При отсутствии критического мышления, а также в случае усталости или отвлеченности субъекта принимается то решение, которое предлагается мошенником, например, перевод денег на счет.

3. Сообщение о вознаграждении. Данный психологический прием с большей вероятностью срабатывает в отношении несовершеннолетних лиц и лиц, которые хотят иметь дополнительный источник дохода здесь и сейчас, критически не оценивая сложившуюся ситуацию. В качестве примера можно указать схемы, в которых мошенники размещают объявления в сети о зарплате для несовершеннолетних и просят сообщить данные своих банковских карт для перевода на них денег, которые ребенок должен будет перевести на другой счет, за что получают определенный процент.

Частным случаем помещения человека в стрессовую ситуацию выступает эмоциональное давление, вызывающее чувство страха или вины. Это могут быть сообщения о том, что родственник или близкий друг жертвы нуждается в помощи, необходимо перевести деньги или оплатить определенную услугу. Сам мошенник может представляться как знакомым того, кто нуждается в помощи, так и самим лицом и представителем правоохранительных органов или медицинских учреждений.

И страх, и вина являются чувствами, которые подавляют логичность и критичность мышления. Когда человек испытывает страх и вину, происходит сужение сознания, что за кратковременный период общения с мошенником не позволяет осознать происходящее и рассмотреть иные варианты развития событий, кроме предложенного мошенниками (перевод денег, передача им конфиденциальной информации и т.п.). Если человек испытывает негативные эмоции, он стремится как можно быстрее выйти из состояния тревоги или вины. Пользуясь этим, мошенники предлагают быстрые варианты решения, которые приводят их к обогащению за счет жертвы. Теория эмоционального выбора говорит о том, что эмоции оказывают существенное влияние как на мышление, так и на поведение людей, в частности, страх вызывает смещение внимания в сторону потенциальной угрозы с острым желанием разрешить ее любым доступным здесь и сейчас способом [6, С. 102.]

Еще одним прием, который используется мошенниками для получения денег обманом, это создание «иллюзии доверия». Суть данного психологического феномена состоит в том, что человек многие вещи делает так же, как это делает большинство других, даже если сомневается в правдивости своего решения. Такие фразы мошенников, как «все так делают», «ваши друзья уже так делали и это они посоветовали к вам обратиться» побуждают человека совершить необдуманный поступок, особенно если он кажется ему незначительным (например, надо «только сообщить пришедший вам код»). Манипулятивность данных фраз опознается далеко не всеми гражданами.

При анализе и разборе психологических приемов, которые позволяют мошенникам получать незаконным путем денежные средства, необходимо понимать, что мошеннические действия работают на некоторых из всей массы, но этого достаточно, чтобы ими было получено обогащение и в немалых размерах. При этом эмоции, которые стремятся вызвать мошенники, не обязательно носят характер негативных. Так, например, при звонке мошенник может представиться сотрудником правоохранительных органов и говорить своей жертве, что его характеризуют как умного и проницательного человека и что он может способствовать поимке преступника, если выполнит определенные действия. Стараясь получить расположение звонящего и оказаться полезным, жертва совершает те действия, о которых просит его мошенник. Более того, злоумышленник может сначала применить технику «нога в двери», которая заключается в просьбе выполнить некоторое простое и неважное для обманщика действие, но необременительное для жертвы. Таким образом человек, которого пытаются обмануть, начинает себя чувствовать важным и нужным, расслабляется и менее критично воспринимает просьбы злоумышленника.

Вероятность срабатывания различных психологических приемов тесно связана с недостатком знаний. Так, например, лица, которые

не понимают, что помощь следствию не осуществляется по телефону, и при необходимости гражданин вызывается официальным уведомлением, обманываются и «помогают поймать мошенника» ценой потери собственных денег.

С развитием технологий происходит изменение и совершенствование методов сбора информации о человеке, которая может быть использована для поиска подходов к нему в целях получения денежных средств обманом. На данный момент создание искусственного интеллекта и его способность находить информацию и быстро обрабатывать большие массивы данных может использоваться мошенниками для сбора информации о личности. Социальные сети, куда люди выкладывают в открытый доступ информацию о себе, являются местом сбора данных, которые в дальнейшем используются мошенниками в разговоре для «подтверждения правомерности своих действий». Искусственный интеллект по результатам «сканирования» соцсетей формирует персонализированное фишинговое письмо. Более того, такие письма могут содержать сгенерированные фото- и видеоматериалы, которые могут казаться человеку настоящими и подтверждающими необходимость перевести деньги «на помощь», «в займы», «для получения выигрыша», «для оплаты услуг» и т.п. Такая персонализация увеличивает риск перевода денег мошенникам, так как труднее поддается критическому анализу со стороны психики человека. В ряде случаев тщательно разработанный сценарий обманных действий подкрепляется сгенерированными искусственным интеллектом голосовыми и видео сообщениями от знакомых жертве лиц.

Отдельно следует упомянуть и проблему прямого давления на крупные организации в целях получения денег. Как правило, это касается медицинских и кредитных организаций, которые хранят конфиденциальные данные клиентов. Так, в 2022 году в Австралии хакеры требовали выплаты денег за похищенные ими сведения пациентов медицинской компании Medibank [7]. В этом же году в открытый доступ попали данные пациентов компании «Гемотест».

Не все уловки и манипуляции мошенников могут быть вовремя выявлены даже обычно бдительными гражданами, так как мошенники используют возможности искусственного интеллекта, собирающего данные о знакомых жертвы в соцсетях и генерирующего сообщения, голос и изображение на которых идентичны тем, которые знакомы жертве.

Таким образом, психологические подходы мошенников в целях обмана гражданина и получения от него денежных средств тесно связаны с формированием эмоций определенного спектра в условиях ограниченного для принятия решения времени. Эмоции могут носить не только негативный оттенок, но и позитивный. Проблема усугубляется, если сама жертва не осведомлена о способах мошенничества или имеет недостаток знаний в определенной сфере, например, способах взаимодействия с населением представителей власти и правоохранительных органов. В заключении отметим, что психологические особенности жертвы не могут быть единственной причиной успешности мошеннических действий и кражи денежных средств. Необходимо учитывать и технические возможности кражи персональных данных, противоправные действия сотрудников банков и иных организаций, а также ряд иных факторов.

Литература

- Хэднеги К. Социальная инженерия в мошеннических схемах / Издание на русском языке, перевод, оформление ООО «Альпина Паблишер». – М.: 2020. – 322с.
- Черников М.В. Голос Авторитета как суггестивный фактор. Уроки «эксперимента Милгрэма» // Свободная мысль. –. – 2022. – № 3. – С. 205–217.
- Фиктивный сотрудник банка обманул жителя г. Беслана при оформлении кредита [Электронный ресурс]. – URL: <http://sevosetia.ru/Article/Index/316532> (дата обращения: 30.03.2026).
- Пригонюк Н.Е. Мошенничество в цифровую эпоху: правовое регулирование кражи персональных данных // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сборник научных статей XIX Всероссийской научно-практической конференции. – Самара. – 28 марта. – 2025. – С. 633–636.
- Сафоненков П. Н., Зубач А.В. Киберсквоттинг как объект правового регулирования // Вестник экономической безопасности. – 2023. –. – 2023. – № 4. – С. 103–109.
- Markwica R. Robin Markwica: Emotional Choices. How the Logic of Affect Shapes Coercive Diplomacy // European Review of International Studies –. – 2019. – № 5. – P. 102–104.
- Medibank sued after cyber-attack hits 9.7m [Электронный ресурс]. // Yahoo News Australia. – URL: <https://au.news.yahoo.com/>

PSYCHOLOGICAL APPROACH OF SCAMMERS TO THE VICTIM IN ORDER TO RECEIVE MONEY

Tsypinogova Yu.A.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The psychological characteristics of a victim in committing such crimes as deception and fraud are of great importance. At the moment, even a special term «social engineering» is used, which characterizes the methods of influencing people in order to induce them to disclose confidential information. This article focuses on the psychology of the methods used by malicious actors to obtain money. It also briefly discusses the mechanisms that make these methods effective, as recognizing them by the victim can help mitigate the negative consequences of interacting with fraudsters. Materials and methods. The main research method was the dialectical method of cognition of reality, combined with methods of information analysis and synthesis. Conclusions. The effectiveness of deception and fraud in order to obtain funds is largely determined by the behavior and psychological characteristics of the victim, and is much less related to the presence of vulnerabilities in the security of funds by credit and other organizations. The prevention of money theft is based on informing citizens about the methods and ways of committing such crimes, promoting financial literacy among the population, and understanding the mechanisms of money circulation and its protection by banks and other organizations.

Keywords: money theft; deception; fraud; victimology; victim psychology; social engineering; identity theft.

References

1. Hadnagy K. Social Engineering in Fraud Schemes / Russian Edition, Translation, and Design by Alpina Publisher. – Moscow: 2020. – 322 P.
2. Chernikov M.V. The Voice of Authority as a Suggestive Factor. Lessons from the Milgram Experiment // Free Thought. –. – 2022. – P. 205–217.
3. A fake bank employee deceived a resident of Beslan when applying for a loan [Электронный ресурс]. // (date of access: 12. 04. – URL: <http://sevosetia.ru/Article/Index/316532>).
4. Prigonyuk N.E. Fraud in the Digital Age: Legal Regulation of Personal Data Theft // Russian Science: Current Research and Development: Collection of Scientific Articles of the XIX All-Russian Scientific and Practical Conference. – Samara. – March 28,. – 2025. – P. 633–636.
5. Safonenkov P.N., Zubach A.V. Cybersquatting as an object of legal regulation // Bulletin of economic security. – 2023. –. – 2023. – № 4. – P. 103–109.
6. Markwica, Robin. Robin Markwica: Emotional Choices. How the Logic of Affect Shapes Coercive Diplomacy // European Review of International Studies. –. – 2019. – № 5. – P. 102–104.
7. Medibank sued after cyber-attack hits 9.7m [Электронный ресурс]. // date of request: 10.05. – URL: <https://au.news.yahoo.com/medibank-sued-cyber-attack-hits-234635827.html>.

Анализ правовых последствий выхода России из ведущих международных конвенций для конституционно-правового статуса гражданина

Алексеев Ричард Константинович,

аспирант, ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

E-mail: richard.alekseev.00@mail.ru

Предметом работы выступает конституционно-правовой статус гражданина Российской Федерации, рассматриваемый в его динамике после прекращения участия страны в ведущих конвенциях Совета Европы. Цель состоит в том, чтобы установить, как денонсация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и сопутствующие законодательные решения 2020–2025 годов изменили объем и обеспеченность этого статуса. Методология опирается на формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также на анализ статистических данных ЕСПЧ и Комитета ООН по правам человека. Результаты показывают, что каталог прав главы 2 Конституции сохранен, однако архитектура их гарантий перестроена: внешний судебный контроль вытеснен внутренним конституционным фильтром. Новизна состоит в разведении формального сохранения прав и фактического истончения гарантий. Область применения охватывает конституционное право, правозащитную и судебную практику, преподавание профильных дисциплин. Вывод: произошел переход от международно-ориентированной модели защиты к национально-замкнутой системе.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус гражданина; Европейский суд по правам человека; денонсация международного договора; приоритет Конституции РФ; суверенизация права; Комитет ООН по правам человека; конституционная идентичность; судебная защита прав.

Конституционно-правовой статус человека и гражданина закреплен в главе 2 Конституции Российской Федерации и охватывает совокупность прав, свобод и обязанностей, через которые выстраиваются отношения личности и государства. Статус этот принято считать неотчуждаемым: основные права принадлежат каждому от рождения (ст. 17 Конституции РФ), а их объем задает исходную точку отсчета для отраслевого регулирования, от уголовного процесса до социального обеспечения¹. Долгое время несущим элементом этой конструкции оставалась отсылка к международному праву. Часть 4 статьи 15 Конституции включила общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовую систему страны, придав им не значение внешнего комментария, а свойство действующего источника². Именно здесь после 2022 года и произошел сдвиг, последствия которого мы попытаемся оценить.

Правовая система любого государства подвижна и вынуждена откликаться на внешние обстоятельства. Российская Федерация исключением не стала. Размежевание с европейской юридической системой развернулось в течение 2022 года и завершилось к его концу. 25 февраля 2022 года было приостановлено членство России в Совете Европы; 15 марта 2022 года последовало уведомление об одностороннем выходе из организации и о денонсации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; 16 марта 2022 года Комитет министров Совета Европы оформил исключение России из числа членов³. Резолюцией от 22 марта 2022 года Европейский суд по правам человека определил, что Россия перестает быть Высокой Договаривающейся Стороной Конвенции с 16 сентября 2022 года, сохранив за собой компетенцию лишь по нарушениям, допущенным до этой даты⁴.

Законодательный разрыв был оформлен Федеральным законом от 11 июня 2022 года № 183-ФЗ. Согласно ему постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в России, а сами постановления Суда перестают служить основанием для пересмотра вступивших в законную силу актов российских судов⁵. Завершающий аккорд прозвучал позднее: в декабре 2025 года Пленум Верховного Суда РФ признал утратившим силу свое постановление 2013 года о применении судами Конвенции и Протоколов к ней, а упоминания о Конвенции и ЕСПЧ были исключены из иных разъяснений высшей судебной инстанции⁶. Вместо них судебная практика ориентируется на национальное законодательство и на универсальные акты, среди которых Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, а также Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека⁷.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 04.10.2022) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

² Там же.

³ The Russian Federation is excluded from the Council of Europe: press release. Strasbourg: Council of Europe, 16 March 2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/baku/-/the-russian-federation-is-excluded-from-the-council-of-europe> (Accessed: 08.06.2026). О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ (ред. от 28.02.2023) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

⁴ Resolution of the European Court of Human Rights on the consequences of the cessation of membership of the Russian Federation to the Council of Europe in light of Article 58 of the European Convention on Human Rights. Strasbourg, 22 March 2022 [Electronic resource]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/resolution_echr_cessation_membership_russia_coe_eng (Accessed: 08.06.2026).

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ (ред. от 11.06.2022) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

⁶ О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 21: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2025 № 33 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/35196/> (Дата обращения: 08.06.2026).

⁷ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (Дата обращения: 08.06.2026). Международный пакт

Переход, на наш взгляд, не был ни внезапным, ни беспочвенным. Еще поправки 2020 года усилили формулу о том, что решения межгосударственных органов, принятые в истолковании международного договора, не подлежат исполнению, если противоречат Конституции РФ (ст. 79)¹. В ряд процессуальных и материальных законов (ГК РФ, УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ) были внесены корреспондирующие поправки, по которым правила международного договора не применяются вопреки Конституции. Представляется, что суверенитет в этой логике начал трактоваться не как предел исключительных случаев, а как постоянно действующий фильтр международной обязательности. Поэтому прекращение участия в системе Конвенции уместнее понимать как кульминацию более общего процесса, а не как изолированное следствие исключения из Совета Европы².

Сам по себе выход из Совета Европы и денонсация Европейской конвенции стали одним из значимых событий для отечественного права первой четверти XXI века. С позиции государственного суверенитета это решение укладывается в конституционные рамки и не носит фатального характера: положения Конвенции в значительной мере имплементированы в российское законодательство, а во второй главе Конституции закреплены по существу те же права, что и в Конвенции. Положительный вклад ЕСПЧ в развитие российской правовой системы отмечался в отечественной доктрине неоднократно.

Что именно привнес ЕСПЧ в российское право? Складывается узнаваемый перечень институтов. Право на компенсацию за нарушение разумного срока судопроизводства оформилось под влиянием дела «Бурдов против России»³. Требования к достойным условиям содержания в следственных изоляторах были артикулированы в деле «Ананьев и другие против России»⁴. Право пожизненно осужденных на длительные свидания в первые годы отбывания наказания признано в деле «Хорошенко против России»⁵. Институт ограниченной (частичной) дееспособности получил развитие после дела «Штукатуров против России»⁶. Сюда же относится обязанность суда всякий раз индивидуально мотивировать избрание или продление меры пресечения в виде заключения под стражу.

Не менее заметным было влияние на уголовно-процессуальную сферу. Значительное число постановлений касалось национальных уголовных судов и помогало гражданам в доказывании невиновности. Эти решения, как правило, подталкивали реформирование процессуальной системы: они повлекли изменения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (в 2010 году поправками был усилен судебный контроль за оперативно-розыскными мероприятиями, ограничивающими конституционные права граждан)⁷ и стимулировали гуманизацию условий содержания под стражей в работе ФСИН. Внесены коррективы и в УПК РФ в части оглашения показаний неявившихся свидетелей, с тем чтобы у стороны защиты сохранялась возможность оспорить показания, данные на следствии⁸.

о гражданских и политических правах от 16.12.1966 и Факультативный протокол к нему [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (Дата обращения: 08.06.2026). Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: заключена в Минске 26.05.1995 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ (ред. от 14.03.2020) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

² Степанова Ю.Р. Выход Российской Федерации из-под юрисдикции ЕСПЧ: проблемы и дальнейшие перспективы развития российской правовой системы // Молодой ученый. 2023. № 21 (468). С. 346–348 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/468/103144/> (Дата обращения: 08.06.2026).

³ Практика ЕСПЧ по делам против России (Burdov v. Russia (No. 2), Ananyev and Others v. Russia, Khoroshenko v. Russia, Shtukaturov v. Russia, Proskurnikov v. Russia, Timofeyev v. Russia, Fortalnov and Others v. Russia, Dikin and Others v. Russia) // HUDOC: база данных Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (Дата обращения: 08.06.2026).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ (ред. от 31.12.2017) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

⁸ Гелиева И.Н., Сташ Т.М. Некоторые аспекты влияния Европейского суда по правам человека на гражданское процессуальное право России // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: юридический сетевой электронный научный журнал. 2020. № 1 (11). С. 29–38 [Электронный ресурс]. URL: <https://pro-sud-123.ru/journals/yuridicheskii-setevoy-elektronnyy-nauchnyy-zhurnal/vypusk-1-11-iyun-2020/> (Дата обращения: 08.06.2026).

После выхода из-под юрисдикции ЕСПЧ отечественное правосудие стало более замкнутым на себе и менее ориентированным на наднациональные стандарты. Страсбургский суд был для граждан не только механизмом получения компенсации за нарушенные государством права, но и инструментом коррекции правовой системы. Денонсация Конвенции породила проблему с реализацией закрепленного частью 3 статьи 46 Конституции РФ права каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод после исчерпания внутренних средств правовой защиты⁹. Механизм этого обращения был ориентирован прежде всего на ЕСПЧ: ратифицировав Конвенцию и признав юрисдикцию Суда, Россия предусмотрела в процессуальном законодательстве порядок пересмотра национальных решений на основании его постановлений. И механизм работал, позволяя ежегодно переоценивать свыше полутора сотен вступивших в силу актов.

По данным обзора ЕСПЧ, с 1998 по 2021 год в отношении России было принято к производству 191 165 жалоб (большая часть признана неприемлемой) и вынесено 3116 постановлений. В своеобразную «тройку лидеров» вошли 1299 постановлений о нарушении статьи 5 Конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность), 992 постановления о нарушении статьи 3 (запрещение пыток и бесчеловечного обращения) и 988 постановлений о нарушении статьи 6 (право на справедливое разбирательство)¹⁰. К 2022 году рассмотрения в Страсбурге ожидали еще 17 013 жалоб против России¹¹.

Денонсация Конвенции изменила конституционно-правовой статус гражданина в его деятельной части, замкнув систему защиты на национальных институтах¹². Перечислить последствия можно так. Во-первых, утрачена международная судебная защита по новым нарушениям. Во-вторых, закреплён приоритет Конституции над решениями межгосударственных органов в истолковании Конституционного Суда РФ. В-третьих, из практики российских судов исключены ссылки на Конвенцию и позицию ЕСПЧ (решение Пленума Верховного Суда РФ от декабря 2025 года). Сюда же относятся суверенизация обязательств по правам человека, которые отныне базируются на Конституции и на не связанных с Советом Европы международных нормах, исчезновение возможности получить присужденную Страсбургом компенсацию, а также риск правовой неопределённости в тех сферах, где постановления ЕСПЧ прежде заполняли лакуны внутреннего регулирования.

Было бы, однако, упрощением описывать новую ситуацию как полное обнуление международной защиты. Россия остается участницей Международного пакта о гражданских и политических правах и Первого факультативного протокола к нему, а это сохраняет для части заявителей возможность обращаться в Комитет ООН по правам человека. По сведениям, отраженным в обзоре практики, к 1 января 2023 года Комитет рассмотрел в отношении России 102 сообщения, из которых 62 разрешены по существу, 36 признаны неприемлемыми, 4 прекращены производством¹³. Оставшийся канал, на наш взгляд, заметно слабее страсбургского: выводы Комитета не обладают сопоставимой степенью институционального принуждения, российское процессуальное право не предусматривает автоматического пересмотра дела по итогам их принятия, а практический эффект во многом зависит от политической воли государства. Точнее говорить не об исчезновении международного измерения статуса, а о переходе от «сильной» международной жалобы к «слабой».

Серьезность перемен подтверждается и данными о стадии исполнения. По состоянию на июнь 2022 года на исполнение в Комитет министров Совета Европы было передано 3395 дел против России, из которых 2030 оставались неисполненными¹⁴. Иначе говоря, структурный дефицит исполнения существовал и до окончательного разрыва; после 2022 года он превратился в нормативно закреплённый

⁹ Конституция Российской Федерации. Указ. соч. Ч. 3 ст. 46.

¹⁰ European Court of Human Rights. Overview 1959–2021. Strasbourg, 2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.echr.coe.int/statistical-reports> (Accessed: 08.06.2026).

¹¹ Annual Report 2021 of the European Court of Human Rights. Strasbourg: European Court of Human Rights, 2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.echr.coe.int/web/echr/annual-reports> (Accessed: 08.06.2026).

¹² Онищенко С.И., Богатчикова К.С. Конституционные последствия выхода из международных договоров для России (на примере ЕСПЧ) // Вестник науки. 2025. Т. 5, № 11 (92). С. 378–385 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.xn--8sbmpcl-cwd3bmt.xn--p1ai/article/26837> (Дата обращения: 08.06.2026).

¹³ Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации: подготовлен Верховным Судом РФ [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

¹⁴ Россия задолжала около 74 млн евро компенсации по решениям ЕСПЧ: данные Совета Европы о стадии исполнения постановлений ЕСПЧ в отношении Российской Федерации // Право.ru. 07.06.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/241155/> (Дата обращения: 08.06.2026).

отказ признавать новые постановления источником обязательных последствий внутри страны. Именно этот переход от фактической избирательности к юридическому отказу составляет содержательное ядро произошедшего.

В отечественной доктрине оценки произошедшего расходятся. Одни авторы (С.И. Онищенко, К.С. Богатчикова, Ю.Р. Степанова) акцентируют издержки разрыва и ослабление гарантий, другие (А.Б. Коначина, В.Р. Чернавский) подчеркивают потенциал внутрисударственной системы защиты и закономерность суверенизации¹. Едва ли продуктивно сводить дискуссию к простой дихотомии «до 2022 года и после». На наш взгляд, точнее различать три плоскости: международный стандарт как содержание права, международный орган как форум его констатации и внутрисударственный механизм реализации результата. Пока эти три элемента связаны, статус гражданина многослоен; когда связь разорвана, международная норма может сохраняться, а ее практический вес для конкретного человека резко падает. Именно разделение названных элементов, а не отмена того или иного права, и образует суть наблюдаемой перестройки.

Что касается усиления государственного суверенитета, то оно позволяет полнее контролировать собственную правовую систему и принимать решения без оглядки на внешние инстанции. Аргумент этот не лишен оснований: ряд постановлений ЕСПЧ воспринимался как политизированный и навязывающий чуждые ценностные установки, в частности по делам о применении законодательства о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений. К положительным следствиям относят повышение роли национальных институтов, при котором Конституционный Суд становится окончательным арбитром в вопросах прав человека, а также экономию ресурсов: ежегодные взносы в Совет Европы составляли около 45 миллионов евро.

Вместе с тем приостановление или неприменение норм, затрагивающих права граждан, способно породить правовую неопределенность. Конституционно-правовой статус гражданина перестал включать гарантированную возможность обращения в наднациональный судебный орган. Утрата эта не абстрактна, и яснее всего она читается на конкретных делах.

Так, в деле «Проскурников против Российской Федерации» (жалоба № 48364/11) Суд констатировал нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции: суд первой инстанции отказался назначить независимого эксперта и положил в основу приговора заключение сотрудника милиции, ранее участвовавшего в проверке, которая и привела к обвинению². В деле «Тимофеев против России» нарушение статьи 6 усмотрено в том, что Верховный Суд РФ уклонился от проверки доводов осужденного о давлении председательствующего на присяжных, несмотря на нотариально заверенное заявление одного из заседателей³. В деле «Форталнов и другие против Российской Федерации» Суд указал, что отсутствие своевременно составленного протокола задержания образует грубое нарушение статьи 5, а российское законодательство не предусматривало компенсации за такое незаконное лишение свободы⁴. Наконец, по делу о мере пресечения в отношении бывшего заместителя министра культуры Суд признал арест незаконным, отметив, что национальный суд оперировал предположениями вместо доказательств⁵.

Особняком стоит новейшее, но более узкое по охвату изменение. 29 сентября 2025 года был подписан закон о денонсации Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 года⁶. Значение этого шага для статуса гражданина меньше, чем у выхода из Конвенции о защите прав человека, поскольку данная конвенция не создавала индивидуальной судебной жалобы. Однако она обеспечивала незави-

симый внешний мониторинг мест принудительного содержания через визиты Европейского комитета по предупреждению пыток. Ее утрата ослабляет превентивную защиту наиболее уязвимых категорий: подозреваемых, обвиняемых, осужденных, лиц в психиатрических учреждениях, содержащихся под стражей мигрантов.

Куда же сместился сам конституционный статус? На наш взгляд, корректнее говорить не об изъятии прав из главы 2 Конституции, а о перестройке режима их гарантий. До 2022 года статус был многоуровневым: национальный уровень (Конституция, законы, суды), квази-конституционный международный уровень (ч. 4 ст. 15) и внешний принудительный уровень (ЕСПЧ как суд, способный признать нарушение, присудить компенсацию и косвенно вынудить пересмотр дела). После 2022 года третий элемент применительно к новым нарушениям исчез, а второй стал гораздо более зависим от внутреннего конституционного фильтра. Статус сместился от модели «права плюс внешняя коррекция» к модели «права плюс внутреннее усмотрение государства». Для конституционной теории это не техническая деталь: статус личности включает не только субъективные права, но и гарантии их реализации, и устранение внешнего надзорного слоя ослабляет статус даже при неизменности конституционного текста⁷.

Проведенный анализ позволяет заключить следующее. Выход Российской Федерации из-под юрисдикции ЕСПЧ и денонсация Европейской конвенции привели к качественной трансформации конституционно-правового статуса гражданина, который утратил ранее гарантированную возможность обращения в наднациональный судебный орган по новым нарушениям. Признавая вклад ЕСПЧ в развитие отечественного права (реформирование уголовно-процессуального законодательства, гуманизация условий содержания под стражей, изменения в законе об оперативно-розыскной деятельности, формирование институтов компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства, индивидуальной мотивации ареста, ограниченной дееспособности), приходится констатировать, что с 2022 года страна взяла курс на суверенизацию правового поля, закрепив приоритет Конституции над международными договорами и исключив ссылки на позиции ЕСПЧ из практики национальных судов⁸.

Последствиями размежевания стали не только экономия взносов и укрепление внутренней правовой автономии, но и объективное ослабление механизмов защиты, утрата возможности получать присужденные компенсации, отдаление от международных стандартов и правовая неопределенность в тех областях, где прежде именно постановления ЕСПЧ выполняли пробелы национального регулирования. При этом международное измерение статуса не исчезло полностью: оно сузилось и сменило качество, сохранившись преимущественно в виде факультативного канала через универсальные механизмы ООН.

Для правозащитной и адвокатской практики из сказанного вытекает стратегия комбинированной аргументации. Основой по-прежнему служат Конституция и внутренние гарантии; выводы Комитета ООН по правам человека и общие замечания договорных органов уместно привлекать как внешнее подтверждение стандарта; ссылки на постановления ЕСПЧ по нарушениям, относящимся к периоду до 16 сентября 2022 года, сохраняют значение как продолжающийся источник констатации нарушения. Едва ли такая стратегия полностью восполняет утраченное, однако она позволяет удерживать тот объем защиты, который в новых условиях еще достижим.

Вопрос о разумности отказа от багажа, накопленного почти за четверть века, остается, на наш взгляд, открытым. С позиции государственного суверенитета принятые решения укладываются в конституционные рамки и окончательно закрепляют переход от международно-ориентированной модели защиты прав человека к национально-замкнутой системе, где роль последнего арбитра в вопросах прав и свобод принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации. Думается, что дальнейшее исследование разумнее строить не вокруг тезиса об «исчезновении» гарантий, а вокруг вопроса о том, какие их элементы исчезли, какие ослабли и какие продолжают действовать; именно такая постановка позволит превратить общую гипотезу об истончении гарантий в проверяемую модель.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 04.10.2022) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).
2. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un->

⁷ Чернавский В.Р. Указ. соч.

⁸ Коначина А.Б. Указ. соч.

¹ Онищенко С.И., Богатчикова К.С. Указ. соч.; Степанова Ю.Р. Указ. соч.; Коначина А.Б. Совершенствование внутрисударственной системы защиты прав и свобод человека в условиях выхода Российской Федерации из Совета Европы // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 263–267 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/441/96554/> (Дата обращения: 08.06.2026). Чернавский В.Р. Международно-правовая концепция прав и свобод человека и ее влияние на национальное право (на примере России) // Актуальные исследования. 2025. № 33 (268). С. 67–69 [Электронный ресурс]. URL: <https://apni.ru/article/12870-mezhdunarodno-pravovaya-konceptsiya-prav-i-svobod-cheloveka-i-ee-vliyaniye-na-natsionalnoe-pravo-na-primere-rossii> (Дата обращения: 08.06.2026).

² Практика ЕСПЧ по делам против России. Указ. соч.

³ Практика ЕСПЧ по делам против России. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ О денонсации Российской Федерацией Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и протоколов к ней: Федеральный закон от 29.09.2025 № 358-ФЗ (ред. от 29.09.2025) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights (Дата обращения: 08.06.2026).

3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 и Факультативный протокол к нему [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (Дата обращения: 08.06.2026).

4. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: заключена в Минске 26.05.1995 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

5. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ (ред. от 14.03.2020) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

6. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ (ред. от 28.02.2023) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ (ред. от 11.06.2022) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ (ред. от 31.12.2017) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

9. О денонсации Российской Федерацией Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и протоколов к ней: Федеральный закон от 29.09.2025 № 358-ФЗ (ред. от 29.09.2025) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

10. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 21: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2025 № 33 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/35196/> (Дата обращения: 08.06.2026).

11. Гелиева И.Н., Сташ Т.М. Некоторые аспекты влияния Европейского суда по правам человека на гражданское процессуальное право России // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: юридический сетевой электронный научный журнал. 2020. № 1 (11). С. 29–38 [Электронный ресурс]. URL: <https://pro-sud-123.ru/journals/yuridicheskiy-setevoy-elektronny-nauchnyy-zhurnal/vypusk-1-11-iyun-2020/> (Дата обращения: 08.06.2026).

12. Коначина А.Б. Совершенствование внутригосударственной системы защиты прав и свобод человека в условиях выхода Российской Федерации из Совета Европы // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 263–267 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/441/96554/> (Дата обращения: 08.06.2026).

13. Онищенко С.И., Богатчиков К.С. Конституционные последствия выхода из международных договоров для России (на примере ЕСПЧ) // Вестник науки. 2025. Т. 5, № 11 (92). С. 378–385 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.xn--8sbempclcwdbmt.xn--p1ai/article/26837> (Дата обращения: 08.06.2026).

14. Степанова Ю.Р. Выход Российской Федерации из-под юрисдикции ЕСПЧ: проблемы и дальнейшие перспективы развития российской правовой системы // Молодой ученый. 2023. № 21 (468). С. 346–348 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/468/103144/> (Дата обращения: 08.06.2026).

15. Чернавский В.Р. Международно-правовая концепция прав и свобод человека и ее влияние на национальное право (на примере России) // Актуальные исследования. 2025. № 33 (268). С. 67–69 [Электронный ресурс]. URL: <https://apni.ru/article/12870-mezhdunarodno-pravovaya-koncepciya-prav-i-svobod-cheloveka-i-ee-vliyanie-na-natsionalnoe-pravo-na-primere-rossii> (Дата обращения: 08.06.2026).

16. Annual Report 2021 of the European Court of Human Rights. Strasbourg: European Court of Human Rights, 2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.echr.coe.int/web/echr/annual-reports> (Accessed: 08.06.2026).

17. European Court of Human Rights. Overview 1959–2021. Strasbourg, 2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.echr.coe.int/statistical-reports> (Accessed: 08.06.2026).

18. Практика ЕСПЧ по делам против России (Burdiv v. Russia (No. 2), Ananyev and Others v. Russia, Khoroshenko v. Russia, Shtukatur v. Russia, Proskurnikov v. Russia, Timofeyev v. Russia, Fortalnov and Others v. Russia, Dikin and Others v. Russia) // HUDOC: база данных Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (Дата обращения: 08.06.2026).

19. Resolution of the European Court of Human Rights on the consequences of the cessation of membership of the Russian Federation to the Council of Europe in light of Article 58 of the European Convention on Human Rights. Strasbourg, 22 March 2022 [Electronic resource]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/resolution_echr_cessation_membership_russia_coe_eng (Accessed: 08.06.2026).

20. The Russian Federation is excluded from the Council of Europe: press release. Strasbourg: Council of Europe, 16 March 2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/baku/-/the-russian-federation-is-excluded-from-the-council-of-europe> (Accessed: 08.06.2026).

21. Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации: подготовлен Верховным Судом РФ [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 08.06.2026).

22. Россия задолжала около 74 млн евро компенсации по решениям ЕСПЧ: данные Совета Европы о стадии исполнения постановлений ЕСПЧ в отношении Российской Федерации // Право.ru. 07.06.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/241155/> (Дата обращения: 08.06.2026).

ANALYSIS OF THE LEGAL CONSEQUENCES OF RUSSIA'S WITHDRAWAL FROM THE LEADING INTERNATIONAL CONVENTIONS FOR THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF A CITIZEN

Alekseev R.K.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The subject of the paper is the constitutional and legal status of a citizen of the Russian Federation, examined in its dynamics after the country ceased to participate in the leading conventions of the Council of Europe. The aim is to establish how the denunciation of the European Convention on Human Rights and the accompanying legislative decisions of 2020–2025 changed the scope and security of this status. The methodology relies on the formal legal, historical legal and comparative legal methods, as well as on the analysis of statistical data of the ECHR and the UN Human Rights Committee. The results show that the catalogue of rights of Chapter 2 of the Constitution has been preserved, but the architecture of their guarantees has been rebuilt: external judicial control has been displaced by an internal constitutional filter. The novelty lies in distinguishing the formal preservation of rights from the actual thinning of guarantees. The scope of application covers constitutional law, human rights and judicial practice, and the teaching of relevant disciplines. Conclusion: a transition has taken place from an internationally oriented model of protection to a nationally closed system.

Keywords: constitutional and legal status of a citizen; European Court of Human Rights; denunciation of an international treaty; priority of the Constitution of the Russian Federation; sovereignty of law; UN Human Rights Committee; constitutional identity; judicial protection of rights.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (red. ot 04.10.2022) [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended on 04.10.2022)]. Access: Consultant Plus legal database (accessed: 08.06.2026).

2. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: prinyata General'noy Assambleey OON 10.12.1948 [Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (accessed: 08.06.2026).

3. Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh ot 16.12.1966 i Fakultativnyy protokol k nemu [International Covenant on Civil and Political Rights of 16.12.1966 and the Optional Protocol thereto]. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (accessed: 08.06.2026).

4. Konventsiya Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv o pravakh i osnovnykh svobodakh cheloveka: zaklyuchena v Minske 26.05.1995 [Convention of the Commonwealth of Independent States on Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Minsk on 26.05.1995]. Access: Consultant Plus legal database (accessed: 08.06.2026).

5. O sovershenstvovanii regulirovaniya otel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti: Zakon Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14.03.2020 № 1-FKZ [On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power: Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ]. Access: Consultant Plus legal database (accessed: 08.06.2026).

6. O prekrashchenii deystviya v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii mezhhdunarodnykh dogovorov Soveta Evropy: Federal'nyy zakon ot 28.02.2023 № 43-FZ [On the termination of the Council of Europe international treaties in respect of the Russian Federation: Federal Law of 28.02.2023 No. 43-FZ]. Access: Consultant Plus legal database (accessed: 08.06.2026).

7. О внесении изменений в отдел'ные законодатель'ные акты Россиyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu ot del'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 11.06.2022 № 183-FZ [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and the repeal of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 11.06.2022 No. 183-FZ]. Access: Consultant Plus legal database (accessed: 08.06.2026).

8. О внесении изменений в отдел'ные законодатель'ные акты Россиyskoy Federatsii v svyazi s sovershenstvovaniem deyatel'nosti organov predvaritel'nogo sledstviya: Federal'nyy zakon ot 28.12.2010 № 404-FZ [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the improvement of the activities of preliminary investigation bodies: Federal Law of 28.12.2010 No. 404-FZ]. Access: Consultant Plus legal database (accessed: 08.06.2026).

9. О денонсatsii Rossiyskoy Federatsiye Evropeyskoy konventsii po preduprezhdeniyu pytok i beschelovechnogo ili unizhayushchego dostoinstvo obrashcheniya ili nakazaniya i protokolov k ney: Federal'nyy zakon ot 29.09.2025 № 358-FZ [On the denunciation by the Russian Federation of the European Convention for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment and the protocols thereto: Federal Law of 29.09.2025 No. 358-FZ]. Access: Consultant Plus legal database (accessed: 08.06.2026).

10. О внесении изменений в отдел'ные postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshim silu postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 27.06.2013 № 21: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.12.2025 № 33 [On amendments to certain resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the repeal of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2013 No. 21: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.12.2025 No. 33]. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/35196/> (accessed: 08.06.2026).

11. Gelieva I.N., Stash T.M. Nekotorye aspekty vliyaniya Evropeyskogo suda po pravam cheloveka na grazhdanskoe protsessual'noe pravo Rossii [Some aspects of the influence of the European Court of Human Rights on the civil procedure law of Russia] // Kubanskoe agentstvo sudebnoy informatsii Pro-Sud-123.ru: yuridicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2020. No. 1 (11). Pp. 29–38. URL: <https://pro-sud-123.ru/journals/yuridicheskiy-setevoy-elektronnyy-nauchnyy-zhurnal/vypusk-1-11-iyun-2020/> (accessed: 08.06.2026).

12. Konakhina A.B. Sovershenstvovanie vnutrigosudarstvennoy sistemy zashchity prav i svobod cheloveka v usloviyakh vykhoda Rossiyskoy Federatsii iz Soveta Evropy [Improving the domestic system of protection of human rights and freedoms in the context of the withdrawal of the Russian Federation from the Council of Europe] // Molodoy uchenyy. 2022. No. 46 (441). Pp. 263–267. URL: <https://moluch.ru/archive/441/96554/> (accessed: 08.06.2026).

13. Onishchenko S.I., Bogatchikova K.S. Konstitutsionnye posledstviya vykhoda iz mezhdunarodnykh dogovorov dlya Rossii (na primere ESPCh) [Constitutional consequences of withdrawal from international treaties for Russia (the case of the ECtHR)] // Vestnik

nauki. 2025. Vol. 5, No. 11 (92). Pp. 378–385. URL: <https://www.xn——8sbempclcwdd3b-mt.xn--p1ai/article/26837> (accessed: 08.06.2026).

14. Stepanova Yu.R. Vыход Rossiyskoy Federatsii iz-pod yurisdiktsii ESPCh: problemy i dal'neyshie perspektivy razvitiya rossiyskoy pravovoy sistemy [The withdrawal of the Russian Federation from the jurisdiction of the ECtHR: problems and further prospects for the development of the Russian legal system] // Molodoy uchenyy. 2023. No. 21 (468). Pp. 346–348. URL: <https://moluch.ru/archive/468/103144/> (accessed: 08.06.2026).

15. Chernavskiy V.R. Mezhdunarodno-pravovaya koncepciya prav i svobod cheloveka i ee vliyaniye na natsional'noe pravo (na primere Rossii) [The international legal concept of human rights and freedoms and its influence on national law (the case of Russia)] // Aktual'nye issledovaniya. 2025. No. 33 (268). Pp. 67–69. URL: <https://apni.ru/article/12870-mezhdunarodno-pravovaya-koncepciya-prav-i-svobod-cheloveka-i-ee-vliyaniye-na-natsionalnoe-pravo-na-primere-rossii> (accessed: 08.06.2026).

16. Annual Report 2021 of the European Court of Human Rights. Strasbourg: European Court of Human Rights, 2022. URL: <https://www.echr.coe.int/web/echr/annual-reports> (accessed: 08.06.2026).

17. European Court of Human Rights. Overview 1959–2021. Strasbourg, 2022. URL: <https://www.echr.coe.int/statistical-reports> (accessed: 08.06.2026).

18. Praktika ESPCh po delam protiv Rossii (Burdov v. Russia (No. 2), Ananyev and Others v. Russia, Khoroshenko v. Russia, Shtukaturov v. Russia, Proskurnikov v. Russia, Timofeyev v. Russia, Fortalnov and Others v. Russia, Dikin and Others v. Russia) [Case law of the ECtHR in cases against Russia] // HUDOC: database of the European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (accessed: 08.06.2026).

19. Resolution of the European Court of Human Rights on the consequences of the cessation of membership of the Russian Federation to the Council of Europe in light of Article 58 of the European Convention on Human Rights. Strasbourg, 22 March 2022. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/resolution_echr_cessation_membership_russia_coe_eng (accessed: 08.06.2026).

20. The Russian Federation is excluded from the Council of Europe: press release. Strasbourg: Council of Europe, 16 March 2022. URL: <https://www.coe.int/en/web/baku-/the-russian-federation-is-excluded-from-the-council-of-europe> (accessed: 08.06.2026).

21. Obzor praktiki Komiteta OON po pravam cheloveka po rassmotreniyu individual'nykh soobshcheniy, podannykh v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii: podgotovlen Verkhovnym Sudom RF [Review of the case law of the UN Human Rights Committee on individual communications submitted in respect of the Russian Federation: prepared by the Supreme Court of the Russian Federation]. Access: Consultant Plus legal database (accessed: 08.06.2026).

22. Rossiya zadolzhalo okolo 74 mln evro kompensatsii po resheniyam ESPCh: daniye Soveta Evropy o stadii ispolneniya postanovleniy ESPCh v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii [Russia owes about 74 million euros in compensation under ECtHR judgments: Council of Europe data on the enforcement stage of ECtHR judgments concerning the Russian Federation] // Pravo.ru. 07.06.2022. URL: <https://pravo.ru/news/241155/> (accessed: 08.06.2026).

Роль международных организаций и иностранных государств в правовом поле урегулирования сирийского вооруженного конфликта

Алльслум Майс,

аспирант, Казанский федеральный университет
E-mail: alsalloummays@gmail.com

Статья посвящена международно-правовому анализу вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике и роли ключевых международных организаций и иностранных государств в его урегулировании. Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления сирийского кризиса как одного из наиболее сложных вызовов современной системе международной безопасности, вскрывшего институциональные ограничения механизмов коллективной защиты прав человека и поддержания мира. В работе проанализированы подходы международного права к квалификации конфликта, рассмотрена деятельность Организации Объединенных Наций, включая Совет Безопасности, институт специальных посланников и гуманитарные операции, а также позиции ведущих правозащитных организаций. Особое внимание уделено роли Лиги арабских государств в формировании общеарабской позиции по сирийскому вопросу, а также внешнеполитическим стратегиям Российской Федерации, Ирана, США и Израиля в дипломатическом и военном измерениях. На основе системного анализа научных публикаций и документов международных организаций автором делается вывод о том, что сирийский конфликт обнажил фундаментальные противоречия между принципом государственного суверенитета, закрепленным в Уставе ООН, и доктриной гуманитарного вмешательства, а также продемонстрировал неспособность существующих международно-правовых механизмов обеспечить эффективное урегулирование в условиях геополитической поляризации. В статье обосновывается необходимость реформирования институциональной архитектуры коллективной безопасности и выработки более четких критериев применения силы в международных отношениях. Результаты исследования могут быть использованы в научной и образовательной деятельности, а также при разработке внешнеполитических подходов к урегулированию вооруженных конфликтов в условиях современной геополитической нестабильности.

Ключевые слова: Сирийская Арабская Республика, вооруженный конфликт, международное право, Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности ООН, право вето, гуманитарная интервенция, Лига арабских государств, Российская Федерация, Иран, США, Израиль, международная безопасность, урегулирование конфликта

Введение

Вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике, начавшийся в 2011 году, стал одним из наиболее сложных и многоаспектных кризисов современной системы международных отношений. Отличительной особенностью сирийского конфликта является сочетание внутренних политических, этнических и конфессиональных противоречий с масштабным внешним вмешательством ведущих региональных и глобальных держав. Свыше полумиллиона погибших, многомиллионные потоки беженцев и внутренне перемещенных лиц, разрушение гражданской инфраструктуры – гуманитарные последствия конфликта поставили под сомнение эффективность существующих международно-правовых механизмов защиты прав человека и поддержания мира [7, с. 477].

Актуальность исследования определяется необходимостью критического осмысления опыта международного сообщества в сирийском кризисе для выработки более эффективных подходов к урегулированию вооруженных конфликтов в XXI веке. Как отмечает А.С.М. Улла, сирийский конфликт стал показательным примером противоречия между государственным суверенитетом и необходимостью гуманитарного вмешательства, а также продемонстрировал проблемы, возникающие при проведении миротворческих операций в условиях геополитической поляризации [8, с. 5]. Сирийский случай продемонстрировал как потенциал многосторонней дипломатии, так и ее институциональные ограничения в условиях поляризации позиций постоянных членов Совета Безопасности ООН [4, с. 171].

Цель настоящей статьи – осуществить комплексный международно-правовой анализ вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике через призму позиций Организации Объединенных Наций, правозащитных организаций, Лиги арабских государств, а также Российской Федерации, Ирана, США и Израиля.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, сочетающий методы международно-правового анализа, историко-политологического сравнения и институционального исследования. Нормативной базой выступают Устав Организации Объединенных Наций, резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН по Сирии, Женевские конвенции 1949 года и дополнительные протоколы к ним, а также документы Лиги арабских государств.

Эмпирическую базу составляют научные публикации отечественных и зарубежных исследователей. В работе использованы материалы В.М. Ахмедова, анализирующего сирийскую безопасность в контексте ирано-израильского вооруженного конфликта [1]. Исследование Е.С. Мелкумян позволило оценить роль Лиги арабских государств в структурировании арабского регионального пространства [3]. Работы С.С. Казми и З. Ясина дали возможность проанализировать деятельность ООН в контексте сирийского кризиса [4]. Исследование С. Хан и С. Марджан использовано для критической оценки роли ООН в поддержании мира [5]. Исследование А.М. Корженяк было использовано для анализа международно-правового механизма легитимации военной операции США и их союзников [2]. Публикация Б. Салайме позволила оценить трансформацию сирийско-российских отношений после падения режима Асада [6]. Работа Дж. Саркина и Р. Капозорио использована для анализа соотношения глобальной политики и защиты прав человека [7]. Исследование А.С.М. Улла задействовано для оценки системных вызовов международной безопасности и роли ООН в урегулировании региональных конфликтов [8]. Работа М. Згуровского и И. Пышнограева использована для анализа угроз устойчивому развитию в конфликтном мире [9].

В работе также использованы отчеты правозащитных организаций и материалы периодической печати. Методологический подход предполагает критическую оценку официальных позиций государств в сопоставлении с фактическими обстоятельствами конфликта.

Результаты исследования

Первоначальные столкновения между правительственными силами и вооруженной оппозицией квалифицировались как конфликт немеждународного характера в рамках статьи 3, общей для всех четы-

реж Женевских конвенций. Однако по мере интернационализации конфликта – с прямым военным участием России, Ирана, формирования «Хезболлы» с одной стороны и операциями международной коалиции во главе с США против «Исламского государства» с другой – конфликт приобрел черты международного вооруженного конфликта.

Как отмечает А.М. Корженяк, США разработали развернутый механизм международно-правовой легитимации военной операции. Исследователь выделяет три блока аргументов: гуманитарная интервенция с использованием терминологии концепции «обязанности защищать»; право на коллективную самооборону; «предвосхищающая гуманитарная интервенция». При этом американская сторона сознательно избегала прямого использования термина «гуманитарная интервенция», предпочитая оперировать производными конструкциями, позволявшими обойти вето России и Китая в Совете Безопасности [2, с. 315].

В.М. Ахмедов показывает, что падение режима Б. Асада в декабре 2024 года и крах ирано-сирийского альянса создали новые вызовы национальной безопасности Сирии, связанные с формированием новой военно-политической конфигурации в Леванте. На смену одному типу конфликта пришел другой – децентрализованная борьба за власть, осложненная этническими и конфессиональными противоречиями [1, с. 9].

Особую сложность представляет правовая квалификация действий негосударственных вооруженных формирований. М. Згуровский и И. Пышнограев отмечают, что вооруженные конфликты современности характеризуются вовлечением широкого спектра негосударственных акторов, что создает дополнительные вызовы для системы международного права, ориентированной преимущественно на межгосударственные отношения [9, с. 341].

Таким образом, международно-правовая квалификация сирийского конфликта остается динамичной и неоднозначной. Отсутствие единого подхода к определению характера конфликта позволяет различным участникам избирательно применять нормы международного гуманитарного права, что создает правовую неопределенность и затрудняет привлечение виновных к ответственности.

Организация Объединенных Наций оказалась в центре международных усилий по урегулированию сирийского кризиса, одновременно демонстрируя потенциал многосторонней дипломатии и ее институциональные ограничения. Как отмечают С.С. Казми и З. Ясин, Совет Безопасности ООН в сирийском вопросе оказался парализован. С 2011 года Россия и Китай совместно наложили вето на значительное число резолюций по Сирии, включая проекты о введении санкций, передаче дела в Международный уголовный суд и обеспечении гуманитарного доступа [4, с. 173]. С. Хан и С. Марджан подчеркивают, что систематическое использование права вето в сирийском вопросе стало свидетельством кризиса доверия к Совету Безопасности как институту коллективной безопасности [5, с. 40].

Институт специальных посланников ООН по Сирии стал ключевым механизмом дипломатического взаимодействия. Шестипунктовый план К. Аннана (февраль 2012 года) и Женевские конференции не привели к устойчивому прекращению огня из-за непримиримости позиций сторон и отсутствия действенных механизмов принуждения. Параллельные дипломатические треки – в частности, Астанинский процесс с участием России, Турции и Ирана – фактически маргинализировали роль ООН, предлагая военно-технические решения без политического урегулирования.

Гуманитарная деятельность ООН стала важнейшим направлением международного присутствия. Однако систематические ограничения доступа со стороны сирийского правительства, политизация помощи и использование продовольствия как оружия войны подрывали эффективность этой работы. Резолюция № 2165 (2014), разрешавшая трансграничные поставки помощи, стала важным прецедентом, однако сокращение числа авторизованных переходов демонстрирует уязвимость гуманитарных механизмов перед геополитическими противоречиями [8, с. 13].

Анализ деятельности ООН позволяет заключить, что институциональная архитектура организации оказалась неспособной обеспечить эффективное урегулирование сирийского кризиса. Вето постоянных членов Совета Безопасности, отсутствие механизмов принуждения к исполнению принимаемых решений и фрагментация дипломатических усилий привели к маргинализации ООН как центрального координатора международных усилий по урегулированию.

Правозащитные организации играли важнейшую роль в документировании нарушений международного гуманитарного права в Сирии. Amnesty International, Human Rights Watch и другие организации предоставляли документальные свидетельства военных преступлений, включая неизбирательные бомбардировки гражданских объектов, при-

менение химического оружия, пытки, массовые казни и использование голода как метода ведения войны.

Комиссия по расследованию ситуации в Сирии, созданная Советом по правам человека ООН, констатировала, что нарушения совершались всеми сторонами конфликта, однако масштаб и систематичность преступлений сирийского правительства были несопоставимо больше. Дж. Саркин и Р. Капозорио подчеркивают, что сирийский случай стал иллюстрацией предела международного уголовного правосудия в условиях политической поляризации. Поскольку Сирия не является участником Римского статута Международного уголовного суда, а Совет Безопасности не смог передать ситуацию в Суд, механизмы международного уголовного преследования оказались заблокированными [7, с. 485].

Несмотря на значительный объем собранных доказательств военных преступлений, отсутствие эффективных механизмов международного уголовного преследования и политическая защита ключевыми державами сирийского правительства создали ситуацию практически полной безнаказанности, что, в свою очередь, способствовало продолжению нарушений международного гуманитарного права.

Лига арабских государств, как отмечает Е.С. Мелкумян, была создана как инструмент консолидации арабских государств. Сирийский кризис выявил глубокие противоречия между идеей арабского единства и расходящимися национальными интересами членов организации. В ноябре 2011 года ЛАГ приняла решение о приостановлении членства Сирии. Однако фактические разногласия внутри организации ослабляли ее влияние [3, с. 222].

Особое значение имела совместная инициатива ООН и ЛАГ по назначению К. Аннана специальным посланником. Однако параллельные дипломатические форматы, прежде всего Астанинский, маргинализировали ЛАГ. Как показывает Е.С. Мелкумян, после событий «арабской весны» 2011 года произошло дальнейшее размежевание арабских стран, что повлияло на деятельность ЛАГ, которая по-прежнему пыталась сохранить арабское единство [3, с. 229]. К 2025 году, после падения режима Асада, ЛАГ выступила с инициативой возвращения Сирии, что свидетельствует о прагматичной адаптации к меняющейся геополитической реальности. Однако фундаментальные противоречия между арабскими государствами ограничивают способность ЛАГ выступать в качестве эффективного посредника.

Следовательно, региональный трек урегулирования, представленный ЛАГ, оказался недостаточно эффективным вследствие внутренних противоречий между арабскими государствами и их зависимости от внешних геополитических факторов. ЛАГ сохраняет преимущественно декларативную функцию, не обладая реальными рычагами воздействия на конфликтующие стороны.

Российская Федерация заняла ключевую позицию в сирийском конфликте, сочетая дипломатические и военные инструменты. На дипломатическом треке Россия систематически блокировала резолюции Совета Безопасности, направленные против сирийского правительства. Дипломатическая позиция строилась на принципе государственного суверенитета и неприятии «ливийского сценария» [4; 5].

Прямая военная интервенция России началась 30 сентября 2015 года. Юридическим основанием служило формальное обращение сирийского правительства и договор о дружбе и сотрудничестве. В операции активно использовались частные военные компании, действовавшие в правовом «сером поле», что позволяло минимизировать политические издержки, связанные с потерями личного состава.

Падение режима Асада в декабре 2024 года стало серьезным вызовом для российской внешней политики. Б. Салайме показывает, что Москва продемонстрировала способность к адаптации, установив контакты с новыми властями в Дамаске. Сохранение российских военных баз в Хмеймиме и Тартусе остается приоритетной задачей. Однако, по оценке Б. Салайме, общественное мнение в Сирии в массе своей настроено против сохранения российского военного присутствия [6, с. 9].

Стратегия Российской Федерации в сирийском конфликте характеризовалась сочетанием дипломатической защиты режима Асада и военной поддержки, что позволило сохранить военно-политическое присутствие в регионе. Вместе с тем падение режима Асада продемонстрировало пределы российского влияния, а адаптация к новым условиям указывает на прагматичный характер внешней политики Москвы, ориентированной на сохранение военных баз как ключевого инструмента регионального присутствия.

Иран был одним из наиболее последовательных внешних акторов сирийского конфликта. Альянс между Тегераном и Дамаском имел глубокие стратегические корни. Корпус стражей исламской революции направлял военных советников и координировал действия проиранских ополченческих формирований. В.М. Ахмедов показывает,

что военное участие Ирана сопровождалось конфессиональной экспансией [1, с. 11].

Свержение режима Асада стало катастрофой для иранских интересов. Иран эвакуировал большую часть военного контингента. Однако, по оценке В.М. Ахмедова, Иран сохраняет потенциал восстановления влияния, используя недовольство в ряде регионов и опираясь на сохранившиеся проиранские сети. Новое сирийское руководство рассматривает Иран как основную угрозу национальной безопасности [1, с. 13].

Иранская стратегия в Сирии, основанная на многолетнем военно-политическом и экономическом присутствии, потерпела значительный урон после падения режима Асада. Однако сохранение проиранских сетей и нестабильность в ряде регионов создают условия для возможного восстановления иранского влияния, что делает иранский фактор долгосрочным вызовом для безопасности новой Сирии.

США приступили к военным действиям в Сирии в сентябре 2014 года в рамках международной коалиции по борьбе с «Исламским государством». А.М. Корженяк выделяет три ключевых блока аргументов, использовавшихся Вашингтоном: гуманитарная интервенция, право на коллективную самооборону, «предвосхищающая гуманитарная интервенция». США действовали без формальной санкции Совета Безопасности, что делало их операцию юридически сомнительной с точки зрения классического международного права [2, с. 325].

Израиль с 2013 года систематически наносил авиаудары по целям в Сирии, связанным с иранским военным присутствием. Правовое обоснование базировалось на праве на самооборону в отношении «неминуемой угрозы». Падение режима Асада Израиль использовал для дальнейшего укрепления своих позиций на Голанских высотах и установления контроля над стратегическими территориями. В.М. Ахмедов отмечает, что после декабря 2024 года израильская авиация нанесла более 400 авиаударов по целям в Сирии, а Израиль полностью оккупировал территорию Голанских высот и стратегическую высоту – гору Хермон [1, с. 12].

Политика США и Израиля в Сирии демонстрирует использование военной силы в отсутствие явной санкции Совета Безопасности, что создает прецеденты одностороннего применения силы в международных отношениях. Если США обосновывали свои действия борьбой с терроризмом и гуманитарными соображениями, то Израиль последовательно действовал в логике предотвращения иранского закрепления в Сирии. Падение режима Асада было использовано обеими странами для укрепления своих позиций, однако отсутствие четкой международно-правовой основы таких действий создает угрозу дальнейшей эскалации.

Проведенный анализ позволяет заключить, что сирийский конфликт характеризуется множественностью международно-правовых подходов к его квалификации, параллелизмом дипломатических форматов и разнонаправленными военными стратегиями внешних акторов. Отсутствие единой международно-правовой позиции и институциональная слабость механизмов коллективной безопасности привели к фрагментации усилий по урегулированию и созданию правового вакуума, который используется участниками конфликта для обоснования собственных действий.

Заключение

Сирийский конфликт стал своеобразным испытанием для международно-правовой системы, обнажив глубокие противоречия между принципом государственного суверенитета, правом на гуманитарное вмешательство и геополитическими интересами ведущих держав.

Международно-правовая квалификация конфликта остается сложной и неоднозначной. Наличие множества государственных и негосударственных акторов, а также переход от конфликта немеждународного характера к интернационализированному создают правовую неопределенность, которая используется участниками для обоснования своих действий.

Совет Безопасности ООН оказался парализован в силу систематического использования права вето, что привело к маргинализации институциональных механизмов урегулирования. Как отмечают С. Хан и С. Марджан, сирийский кризис поставил под сомнение способность ООН выполнять свою ключевую функцию поддержания международного мира и безопасности [5, с. 43]. Параллельные дипломатические форматы, прежде всего Астанинский процесс, показали свою ограниченную эффективность в достижении устойчивого мира. Гуманитарная деятельность ООН, несмотря на масштаб и значимость, сталкивалась с систематическими ограничениями доступа и политизацией помощи.

Правозащитные организации сыграли важнейшую роль в документировании нарушений. Однако безнаказанность за совершенные преступления остается характерной чертой конфликта. Лига арабских

государств, несмотря на попытки выработать единую позицию, оказалась маргинализирована параллельными дипломатическими процессами.

Российская Федерация, Иран, США и Израиль преследовали в Сирии различные, зачастую противоположные цели, что привело к фрагментации международных усилий по урегулированию. Военное вмешательство внешних акторов, как правило, имело слабое международно-правовое обоснование, что создавало опасные прецеденты для будущих кризисов. Падение режима Асада в декабре 2024 года не привело к стабилизации ситуации, а создало новые вызовы безопасности, что подтверждает выводы М. Згуровского и И. Пышнограева о том, что вооруженные конфликты выступают в качестве одного из главных препятствий для устойчивого развития глобального общества [9, с. 348].

Таким образом, сирийский конфликт демонстрирует необходимость реформирования механизмов коллективной безопасности и международного уголовного правосудия, а также выработки более четких критериев применения силы в международных отношениях. Опыт Сирии должен быть учтен при разработке подходов к урегулированию будущих вооруженных конфликтов, что особенно актуально в условиях нарастающей геополитической нестабильности.

Литература

1. Ахмедов В.М. Сирийская безопасность в контексте ирано-израильского вооруженного конфликта // Россия и мусульманский мир. – 2025. – № 3 (337). – С. 9–18.
2. Корженяк А.М. Международно-правовой механизм легитимации военной операции США и их союзников в Сирии: для учета в международно-правовой политике России // RUDN Journal of Law. – 2026. – Т. 30. – № 2. – С. 310–330.
3. Мелкумян Е.С. Роль Лиги арабских государств в структурировании арабского регионального пространства // Вестник МГИМО Университета. – 2020. – № 5 (74). – С. 220–235.
4. Kazmi S. S., Yaseen, Z. The Role of United Nations in Promoting Peace & Security in the Middle East: A Case of Syria // Journal of Development and Social Sciences. – 2026. – Т. 7. – № 2. – P. 169–181.
5. Khan S., Marjan S. The Role of the United Nations in Peace and Conflict: A Critical Analysis // AL-IMAN Research Journal. – 2025. – Т. 3. – № 04. – P. 37–44.
6. Salaymeh B. Syria's Pragmatic Recalibration of Relations with Russia After Assad // Russia and Syria after Assad's fall. – 2026. – Т. 7. – № 339. – P. 6.
7. Sarkin J. J., Capazorio R.C. The Syrian Conflict as a Test Case for the Limits of the International Community and International Law: Global Politics and State Sovereignty Versus Human Rights Protection // Human Rights Quarterly. – 2022. – Т. 44. – № 3. – P. 476–513.
8. Ullah A. S. M.A. Explaining the Dilemmas of Regional Conflicts, Migration, Security, and UN Resolutions // Handbook of Migration, International Relations and Security in Asia. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2025. – С. 1–20.
9. Zgurovsky M., Pyshnograev I. Main Threats to the Sustainable Development of Global Society in a Conflict-Ridden World // System Analysis and Data Mining. – Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. – С. 337–352.

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AND FOREIGN STATES IN THE LEGAL FRAMEWORK FOR RESOLVING THE SYRIAN ARMED CONFLICT

Alsalloum Mays

Kazan Federal University

This article provides an international legal analysis of the armed conflict in the Syrian Arab Republic and the role of key international organizations and foreign states in its resolution. The relevance of this study stems from the need for a critical understanding of the Syrian crisis as one of the most complex challenges to the modern international security system, which has exposed the institutional limitations of mechanisms for collective protection of human rights and peacekeeping. The paper analyzes international legal approaches to the classification of the conflict and examines the activities of the United Nations, including the Security Council, the institution of special envoys, and humanitarian operations, as well as the positions of leading human rights organizations. Particular attention is paid to the role of the League of Arab States in shaping a pan-Arab position on the Syrian issue, as well as the diplomatic and military foreign policy strategies of the Russian Federation, Iran, the United States, and Israel. Based on a systematic analysis of academic publications and documents from international organizations, the author concludes that the Syrian conflict has exposed fundamental contradictions between the principle of state sovereignty enshrined in the UN Charter and the doctrine of humanitarian intervention, and has demonstrated the inability of existing international legal mechanisms to ensure an effective resolution in the context of geopolitical polarization. The article substantiates the need to reform the institutional architecture of collective security and develop clearer criteria for the use of force in international relations. The research results can be used in research and education, as well

as in developing foreign policy approaches to resolving armed conflicts in the context of contemporary geopolitical instability.

Keywords: Syrian Arab Republic, armed conflict, international law, United Nations, UN Security Council, veto power, humanitarian intervention, League of Arab States, Russian Federation, Iran, United States, Israel, international security, conflict resolution

References

1. Akhmedov V.M. Syrian Security in the Context of the Iranian-Israeli Armed Conflict // *Russia and the Muslim World*. – 2025. – № 3 (337). – Pp. 9–18.
2. Korzhenyak A.M. International Legal Mechanism for Legitimizing the Military Operation of the United States and Its Allies in Syria: For Consideration in Russia's International Legal Policy // *RUDN Journal of Law*. – 2026. – Vol. 30. – № 2. – Pp. 310–330.
3. Melkumyan E.S. The Role of the League of Arab States in Structuring the Arab Regional Space // *Bulletin of MGIMO University*. – 2020. – № 5 (74). – Pp. 220–235.
4. Kazmi S.S., Yaseen, Z. The Role of the United Nations in Promoting Peace & Security in the Middle East: A Case of Syria // *Journal of Development and Social Sciences*. – 2026. – T. 7. – № 2. – P. 169–181.
5. Khan S., Marjan S. The Role of the United Nations in Peace and Conflict: A Critical Analysis // *AL-ĪMĀN Research Journal*. – 2025. – T. 3. – № 04. – P. 37–44.
6. Salaymeh B. Syria's Pragmatic Recalibration of Relations with Russia After Assad // *Russia and Syria after Assad's fall*. – 2026. – T. 7. – № 339. – P. 6.
7. Sarkin J.J., Capazorio R.C. The Syrian Conflict as a Test Case for the Limits of the International Community and International Law: Global Politics and State Sovereignty Versus Human Rights Protection // *Human Rights Quarterly*. – 2022. – T. 44. – № 3. – P. 476–513.
8. Ullah A.S. M.A. Explaining the Dilemmas of Regional Conflicts, Migration, Security, and UN Resolutions // *Handbook of Migration, International Relations and Security in Asia*. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2025. – pp. 1–20.
9. Zgurovsky M., Pyshnograiev I. Main Threats to the Sustainable Development of Global Society in a Conflict-Ridden World // *System Analysis and Data Mining*. – Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. – pp. 337–352.

К вопросу о нормативном закреплении судебного прецедента в романо-германских правовых системах

Галиуллина Гульнара Талгатовна,
аспирант, Московский университет «Синергия»
E-mail: 50–11@mail.ru

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием единого подхода в странах континентальной правовой семьи (включая Россию) к нормативному закреплению судебного прецедента. Предметом исследования выступают доктринальные подходы, законодательство и практика стран романо-германской правовой семьи, касающиеся признания судебного прецедента (правовых позиций судов) в качестве правового источника. При подготовке статьи использованы традиционные общенаучные (системный, логический) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. Основные результаты и новизна статьи заключаются в определении основных моделей восприятия судебного прецедента в странах континентальной правовой семьи, а также в разработке предложений по законодательному признанию судебного прецедента в правовой системе России. В работе формулируется вывод о необходимости нормативного закрепления обязательности правовых позиций, сформулированных в судебных актах Верховного Суда РФ, не ограничиваясь актами Президиума.

Ключевые слова: судебный прецедент, прецедент в континентальном праве, прецедент в России, судебная практика, правовые позиции, Верховный Суд.

Судебный прецедент представляет собой разновидность правовых источников (форм права), сущностный признак которого заключается в следовании судами правилам и принципам (правовым позициям), выработанным иными (как правило, вышестоящими) судами при рассмотрении схожих споров [1]. При этом прецедент, будучи признанным в качестве полноценного правового регулятора в странах общего права (в частности, Великобритания, большинство штатов США, Гонконг, Сингапур, Индия и иные бывшие колонии Британской Короны), не получил однозначного закрепления среди правовых источников в странах континентального типа или романо-германской правовой семьи (большинство стран Европейского Союза и Латинской Америки, страны постсоциалистической правовой модели – Китай, Россия, большинство стран СНГ, а также другие), которыми признается главенствующая роль нормативного правового акта в регулировании общественных отношений [2].

В то же время, следует отметить, что с конца XX – начала XXI века роль судебного прецедента в романо-германских правовых системах начинает значительно возрастать, даже несмотря на определенное двойственное положение судебного прецедента, вытекающего из отсутствия его официального признания в качестве правового источника на уровне позитивного права. Практикующие юристы стран континентального права признают, что вырабатываемые высшими судебными инстанциями правовые позиции, если не *de iure*, то *de facto* выполняют роль правового регулятора, воздействуя на решения, принимаемые нижестоящими судами [3].

Такое положение вещей детерминировано рядом факторов, наиболее преобладающими из которых являются: практика судебного правотворчества европейских судов на рубеже XIX–XX веков, распространение юрисдикции Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) на многие страны континентального типа, а также общая тенденция к сближению (конвергенции) правовых семей континентального типа и стран общего права.

Так, рассматривая первый фактор в виде судебного правотворчества судов стран Европы, в качестве наиболее показательного примера следует отметить повышенную правотворческую активность Кассационного суда Франции в постреволюционный период (после 1789 года), которым в своей правотворческой деятельности фактически создавались новые правовые нормы и конструкции, не предусмотренные законодательством (например, ставшая общеизвестной конструкция судебной неустойки или астрента, от фр. *astreinte*) [4]. При этом главенствующая роль французского Кассационного суда по обобщению судебной практики и выполнению им роли высшей судебной инстанции в системе судебной иерархии приводило к фактическому выполнению судебными актами Кассационного суда роли судебного прецедента, что объяснялось их инновационным (правотворческим) характером и восприятием данных судебных актов в качестве общеобязательных для нижестоящих судов под страхом отмены принимаемых ими судебных решений.

Похожим образом развивалась ситуация в судебной практике Германии на протяжении XX века. Изначально в стране господствовал крайний позитивизм, что получило особый импульс после принятия в 1896 году Германского гражданского уложения, за которым признавался статус всеобъемлющего нормативного источника, за счет умелого оперирования которым (в том числе посредством толкования) можно разрешить любую правовую проблему [5]. В то же время последующее развитие тенденций правового реализма позволило взглянуть на роль судебной практики по-другому, констатируя у судебных актов вышестоящих судов прецедентный характер с учетом фактически выполняемой судами функции правотворчества и развитой культуры безукоризненного следования правовым позициям вышестоящих судов (в особенности высшей судебной инстанции) [6].

Следующий фактор – воздействие юрисдикции ЕСПЧ на страны континентального типа – особенно проявил себя начиная с середины XX века и до настоящего времени. Юрисдикция ЕСПЧ была основана на факте участия в Конвенции по правам человека 1950 года значительного числа стран-подписантов (более сорока стран, из которых большинство можно отнести к странам континентального типа, включая Россию до 16 сентября 2022 года), что одновременно предпо-

лагало обязательство таких стран-членов соблюдать решения ЕСПЧ и следовать его правовым позициям [7]. При этом сами судебные акты (постановления) ЕСПЧ по своему характеру действительно имели свойства прецедентов, что выражалось в подробном изложении правовых принципов и мотивов принятия решения с опорой на доктрину и теорию, а также с учетом широкого развития практики цитирования постановлений ЕСПЧ по иным делам и следования сформулированным ЕСПЧ *ratio decidendi* [8]. Соответственно, прецедентный подход был инкорпорирован в национальные правовые системы стран-участников Конвенции, поскольку их национальные суды также следовали прецедентам, сформированным в практике ЕСПЧ.

Представляется, что развитию в практике ЕСПЧ прецедентного характера поспособствовало участие в Конвенции 1958 года также стран общего права (например, Великобритания, Австралия, Гонконг и др.), что предполагало участие в работе Суда судей из данных стран как их представителей. Соответственно, это привело к сосуществованию двух обычно противопоставляемых типов правосознания с точки зрения определения места и роли судебного прецедента в системе правовых источников. Полагаем, что реализация такой модели в виде правоприменительной деятельности ЕСПЧ, во многом основанной на прецеденте, дополнительно подкрепляет существование тенденции к сближению (конвергенции) правовых подходов стран континентального и общего права, что является значимой предпосылкой к заимствованию судебного прецедента юрисдикциями романо-германского типа.

Более того, некоторые романо-германские правовые порядки предпринимают меры по имплементации судебного прецедента на законодательном уровне, оформляя на нормативном уровне в той или иной форме обязательность судебной практики (правовых позиций судов) для иных судов при рассмотрении ими схожих дел. В то же время, такой подход является скорее исключением, поскольку в большинстве континентальных правовых порядков статус судебного прецедента либо обходится молчаливым законодателем, либо вовсе находит негативную оценку с точки зрения его недопустимости.

Обобщая изложенное, считаем возможным выделить три условные модели нормативного закрепления судебного прецедента в странах континентального типа – позитивную, нейтральную и негативную.

К странам, относящимся к позитивной модели, можно отнести некоторые страны Латинской Америки, нормативные акты которых прямо предусматривают, что судебные акты (правовые позиции судов) по ранее рассмотренным делам являются обязательными для иных судов.

Например, законодательство Мексики предусматривает правило, согласно которому вынесенные подряд (в виде непрерывной серии) пять единообразных решений Верховного Суда приобретают обязательную силу для судов, рассматривающих схожие дела [9]. Похожее правило установлено в Колумбии [10].

Под странами с нейтральным отношением к судебному прецеденту представляется возможным понимать те правовые порядки, в которых судебный прецедент занимает амбивалентное положение, то есть находит свое фактическое признание в практической плоскости деятельности судов, однако не имея при этом нормативно установленного статуса правового источника. Такое положение вещей наблюдается в Норвегии, где юристы, оперируя понятием прецедента (*prejudicat*), понимают под ним акты норвежского Верховного Суда, за которыми признается «в некоторой степени обязательное значение для нижестоящих судов» [11]. Иной пример – Дания, в судебной практике которой наблюдается высокая склонность судов следовать правовым подходам, сформированным Верховным Судом (*Hoge Road*), которые воспринимаются в качестве источника, имеющего «серьезное юридическое значение», при этом принятые Верховным Судом постановления не имеют статуса обязательных в соответствии с каким-либо нормативным документом [12].

Наконец, страны с негативным отношением к судебному прецеденту отличаются тем, что в таких правовых порядках законодатель формулирует нормы, из которых прямо или косвенно вытекает запрет судебного правотворчества или приоритет статутного права над судебной практикой. Наиболее наглядным примером такого подхода является статья 5 Французского гражданского кодекса, в которой был установлен прямой запрет для судов разрешать споры посредством формулирования общенормативных положений, что принято интерпретировать в качестве прямой законодательной нормы, определяющей отсутствие у судебной практики статуса правового источника [13].

Рассматривая нормативное отношение к судебному прецеденту в России, следует заключить, что российский правовой порядок тяготеет к нейтральной модели восприятия судебного прецедента, исходя из отсутствия прямых законодательных запретов на ссылки на судебную практику и её использования в качестве источника права при

разрешении схожих споров. Более того, фактически складывающаяся судебная практика демонстрирует наличие реальных предпосылок к имплементации судебного прецедента, что вытекает из деятельности Верховного Суда РФ по обобщению и унификации судебной практики, правовым позициям которого судами придается фактически общеобязательный характер [14].

Тем не менее, следует отметить существование факторов, существенно сдерживающих полноценное восприятие судебного прецедента российским правом. Практические проявления этого заключаются в наличии у судов формальной возможности не следовать правовым позициям Верховного Суда РФ, сформулированным при рассмотрении конкретных дел в качестве судебных коллегий либо единоличных судей, поскольку такие разновидности судебных актов не получают какого-либо статуса в качестве источников, которыми должны (или могут) руководствоваться суды при разрешении споров. Определенная степень обязательности предусмотрена лишь для актов, принятых Президиумом Верховного Суда РФ при рассмотрении им конкретных дел в качестве суда надзорной инстанции, однако подавляющее большинство дел рассматривается Верховным Судом РФ в составе судебных коллегий [15].

Соответственно, в российской судебной системе наблюдается парадоксальная ситуация – обязательное значение судебных актов Верховного Суда РФ признано только за незначительной частью принимаемых им решений в виде судебных актов Президиума. В то же время, зачастую инновационные и прогрессивные судебные акты, обладающие высоким прецедентным потенциалом, принимаются иными структурными подразделениями (органами) Верховного Суда РФ, помимо Президиума, однако статус таких судебных актов в качестве обязательных для других судов никак не урегулирован.

Изложенное свидетельствует о целесообразности нормативного закрепления общеобязательного характера правовых позиций Верховного Суда РФ, в том числе выработанных при осуществлении им правоприменительной деятельности (независимо от того, какой структурной единицей приняты судебные акты). Представляется, что такое регулирование могло бы быть отражено как на уровне федерального конституционного законодательства о судебной системе и Верховном Суде РФ, так и на уровне процессуального законодательства, дополнительно предусмотрев в нём правило о том, что принятие судебных актов в противоречии с правовыми позициями Верховного Суда РФ является основанием для отмены таких судебных актов.

Наконец, учитывая, что в классическом представлении следование судебному прецеденту судьями во многом основано на их правосознании и профессионально-этических обязанностях в качестве членов судейской корпорации, целесообразно предусмотреть аналогичные обязанности судей следовать правовым позициям Верховного Суда РФ на уровне регулирования деятельности судей органами судейского общества – то есть путем предусмотрения такой обязанности в Кодексе судейской этики.

Представляется, что предлагаемые законодательные изменения позволили бы установить ясность в вопросе обязательности правовых позиций Верховного Суда РФ, сформулированных им в своих судебных актах, независимо от конкретного органа (структурного подразделения), их принявшего, что обеспечило бы более гармоничное восприятие судебного прецедента российской правовой системой и, в конечном итоге, повысило бы уровень правовой определенности и единообразия в судебной практике.

Литература

1. Erik G. Light. Precedent in Law // *Michigan Law Review*. 1989. Vol. 87. Iss. 6. P. 87–88.
2. Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Исторические традиции российской школы сравнительного права // *Журнал российского права*. 2003. № 8. С. 165
3. Гюнтер К. Судебное устройство и сфера компетенции судов // *Судебная практика как источник права*. М., 2000. С. 66
4. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М., 1948. С. 360.
5. Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2011. С. 3–8.
6. Zimmermann R., Whittaker S. Good Faith in European Contract Law. 2000. P. 20–21.
7. Shoenberger, Allen E. Change in the European Civil Law Systems: Infiltration of the Anglo-American Case Law System of Precedent into the Civil Law System // *55 Loy.L. Rev. New Orleans*. 2009. P. 5.
8. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. СПб., 2004. С. 796.

9. Camarena Gonzalez R. From Jurisprudence Constante to Stare Decisis: The Migration of the Doctrine of Precedent to Civil Law Constitutionalism // *Transnational Legal Theory*. 2016. Vol. 7. № 2. P. 257–263.

10. De Amparo L. Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos. Mexico, 2013. URL: http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/ref/lamp/Lamp_orig_02abr13.pdf (дата обращения: 06.07.2026).

11. Neil MacCormick D. Interpreting Precedents: a comparative study // *Artificial Intelligence and Law*. 2000. Vol. 8. P. 15–16.

12. Introduction to Dutch Law for Foreign Lawyers. Boston, 1993. P. 16.

13. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4–592.

14. Анишина В.И. Правотворчество в деятельности Верховного Суда Российской Федерации: форма и проблемы реализации // *Российский судья*. 2011. № 11. С. 4–8.

15. Кудрявцева Е.В. Право на обжалование в российском гражданском процессе – безусловно или с барьерами? // *Закон*. 2021. № 7. С. 44–51.

ON THE ISSUE OF THE NORMATIVE CONSOLIDATION OF JUDICIAL PRECEDENT IN THE ROMANO-GERMAN LEGAL SYSTEMS

Galiullina G.T.

Moscow university “Synergy”

The relevance of the research topic is due to the lack of a unified approach in the countries of the continental legal system (including Russia) to the normative consolidation of judicial precedent. The subject of the study is the doctrinal approaches, legislation and practice of the countries of the Romano-German legal family concerning the recognition of judicial precedent (legal positions of courts) as a legal source. Traditional general scientific (philosophical, systematic, logical) and private scientific (formal legal, comparative legal) methods were used in the preparation of the article. The main results and novelty of the article are to identify the main models of perception of judicial precedent in the countries of the

continental legal family, as well as to develop proposals for the legislative recognition of judicial precedent in the Russian legal system.

Keywords: judicial precedent, precedent in continental law, precedent in Russia, judicial practice, legal positions, Supreme Court.

References

1. Erik G. Light. Precedent in Law. *Michigan Law Review*. 1989. Vol. 87. Iss. 6. P. 87–88.

2. Boytsova V.V., Boytsova L.V. Historical Traditions of the Russian School of Comparative Law. *Journal of Russian Law*. 2003. No. 8. P. 165.

3. Gunther K. Judicial System and the Sphere of Competence of Courts. *Judicial Practice as a Source of Law*. Moscow, 2000. P. 66.

4. Godeme E. General Theory of Obligations. Moscow, 1948. P. 360.

5. Karapetov A.G. The Struggle for Recognition of Judicial Lawmaking in European and American Law. Moscow, 2011. P. 3–8.

6. Zimmermann R., Whittaker S. Good Faith in European Contract Law. 2000. P. 20–21.

7. Shoenberger, Allen E. Change in the European Civil Law Systems: Infiltration of the Anglo-American Case Law System of Precedent into the Civil Law System // 55 *Loy.L. Rev.* New Orleans. 2009. P. 5.

8. De Salvia M. Precedents of the European Court of Human Rights. St. Petersburg, 2004. P. 796.

9. Camarena Gonzalez R. From Jurisprudence Constante to Stare Decisis: The Migration of the Doctrine of Precedent to Civil Law Constitutionalism // *Transnational Legal Theory*. 2016. Vol. 7. No. 2. P. 257–263.

10. De Amparo L. Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos. Mexico, 2013. URL: http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/ref/lamp/Lamp_orig_02abr13.pdf (access date: 07/06/2026).

11. Neil MacCormick D. Interpreting Precedents: a comparative study // *Artificial Intelligence and Law*. 2000. Vol. 8. P. 15–16.

12. Introduction to Dutch Law for Foreign Lawyers. Boston, 1993. P. 16.

13. The Civil Code of France (the Napoleonic Code). – Moscow: Infotropic Media, 2012. Pp. 4–592.

14. Anishina V.I. Lawmaking in the Activities of the Supreme Court of the Russian Federation: Form and Problems of Implementation // *Russian Judge*. 2011. No. 11. Pp. 4–8.

15. Kudryavtseva E.V. Right to Appeal in Russian Civil Procedure – Unconditional or with Barriers? // *Law*. 2021. No. 7. Pp. 44–51.

Соотношение принципа невмешательства и доктрины гуманитарной интервенции в контексте вооруженного конфликта в Сирии

Алльслум Майс,

аспирант, Казанский федеральный университет
E-mail: alsalloummays@gmail.com

Статья посвящена исследованию соотношения принципа невмешательства и доктрины гуманитарной интервенции в контексте сирийского вооруженного конфликта. Цель работы – анализ эффективности международно-правовых механизмов разрешения споров и регулирования военного вмешательства на примере Сирии. Методологическая основа включает системный подход, сравнительно-правовой метод и историко-политологический анализ, позволяющие рассмотреть конфликт как элемент трансформирующейся системы международных отношений. В результате исследования установлено, что деятельность Совета Безопасности ООН оказалась парализована из-за использования права вето, а альтернативные форматы, такие как астанинский процесс, продемонстрировали ограниченную эффективность. Судебные методы разрешения конфликтов показали свою малоприменимость в условиях отсутствия юрисдикции. Военное вмешательство в Сирии приняло многоуровневый характер с различными правовыми обоснованиями. Новизна работы заключается в комплексном анализе постконфликтной ситуации после смены власти в Сирии в декабре 2024 года. На основании полученных данных можно сделать вывод о необходимости изменения подходов к урегулированию конфликтов, поиску компромисса между государственным суверенитетом и правами человека. Результаты исследования позволят использовать полученные знания как основу научного подхода и практической деятельности международных организаций.

Ключевые слова: международное право, принцип невмешательства, гуманитарная интервенция, ответственность по защите, военное вмешательство, суверенитет, урегулирование конфликтов, миротворчество.

Введение

Сирийско-арабский кризис 2011 г., который стал одной из крупнейших гуманитарных катастроф современности, одновременно явился испытанием для всего международного права – показав свою несостоятельность. Кризис продемонстрировал конфликт двух базовых норм нового миропорядка: принцип суверенного равенства государств (Устав ООН) и теории гуманитарной интервенции (право применять силу в целях защиты прав человека). Данные принципы являются взаимоисключающими, но они одновременно являются основой современных международных отношений.

Актуальность работы состоит в том, что сирийский пример доказал неэффективность существующих международных правовых инструментов для решения конфликтов. Сирия продемонстрировала слабость этих механизмов при наличии политической воли у сильных стран мира. При разрешении конфликта СБ ООН как гарант международного мира и безопасности был заблокирован многократным применением права вето постоянными членами Совета. Пересмотр международного подхода к урегулированию сирийского кризиса возобновился с приездом в Дамаск Генерального секретаря ООН Антонио Гутерриша (июль 2026 стал первым визитом за последние 17 лет). Данный визит говорит о желании ООН снова активно включиться в работу по восстановлению Сирии. Однако непрерывные действия Израиля, а также интервенция извне продолжают представлять угрозу для целостности государства Сирии [7].

Целью исследования является анализ соотношения принципа невмешательства с доктриной гуманитарной интервенции применительно к ситуации сирийской войны. В статье проанализирована степень эффективности механизмов международного права по предотвращению конфликтов и регулированию военных действий. Определяется возможность использования данных механизмов при трансформации мирового сообщества.

Материалы и методы исследования

Теоретической базой исследования явились работы ученых России и зарубежья по вопросам теории международного права, миротворческой деятельности; а также работы, затрагивающие вопросы сирийского урегулирования. Отдельная группа источников – это материалы о трансформации системы международных отношений, ее влиянии на работу ООН. В частности, коллективное исследование под редакцией Я.Н. Аду, С.А. Бокерия, Д.А. Дегтерева [3] и других авторов рассматривает незападное миротворчество как фактор многополярного мира, отмечая кризис либеральной модели интервенционизма и усиление роли региональных акторов. Работы В.Ю. Лукьянова посвящены российско-американскому измерению сирийского конфликта [6], включая противостояние в Совете Безопасности ООН, которое автор определяет как «войну резолюций» [9].

Отдельный интерес представляют работы по вопросам внутренней и внешней политики Сирии. З. Мазен [7] рассматривает причины возникновения кризиса, политическую карту страны; Д.А. Миргород – изменение военной элиты как причина кризиса политической власти; работы В.М. Ахмедова связаны с сирийско-иранским союзом, вопросами безопасности в условиях ирано-израильской конфронтации [1–2].

Эмпирическую базу составили резолюции Совета Безопасности ООН, доклады Генерального секретаря, заявления официальных лиц, а также данные баз по локальным перемириям и мирным соглашениям, в том числе база PA-X и ETH/PRIO Civil Conflict Ceasefire Dataset. Методология работы состоит из: системного метода – рассмотрение сирийской войны в системе международных отношений; сравнительно-правового метода, направленного на рассмотрение разных доктрин по вопросу о военном вмешательстве; историко-политологический метод с учетом динамики позиций участников.

Результаты исследования

Международное право располагает множеством механизмов урегулирования споров как между государствами, так и внутри государств – это перечислено в главе 6 Устава ООН (переговоры; расследование; посредничество; примирение; арбитраж; суд; обращение по вопросу

о мире к соответствующему региону либо соглашению). Но пример сирийского конфликта показал, насколько результативны данные механизмы зависят от политики заинтересованных стран и соотношения их силы в мире [5].

Ключевое значение для решения проблемы Сирии имело Астанинское соглашение (РФ-Турция – Иран) от 2016 г., которое было призвано заменить Женевские переговоры при ООН. Если на женевских встречах позиции РФ и США расходились полностью, то астанинская структура помогла выйти из тупика. Она дала возможность создать зоны деэскалации и трипартийный механизм мониторинга перемирия. Как отмечает В.Ю. Лукьянов, «Астанинский формат, напротив, доказал свою эффективность» [6], позволив «развести» Россию и США по разным структурам и создать рабочий механизм, которого не хватало в ООН.

Особое значение имели перемирия – их виды Е. Степанова выделяет в зависимости от функционально-целевого критерия [9]. Выделяются такие виды: во время боевых действий (временная остановка огня с целью перестроения сил, усиления своих позиций); на этапе заключения мира (подготовка к переговорам); форма «межвоенного» существования – ни война, ни мир. Конфликт на территории Сирии по мнению автора представляет собой все три вида. Начиная от местных мирных соглашений, которые зачастую являлись просто военной тактикой и закрепляли потерю позиций, заканчивая относительной стабильностью достигнутыми в ходе астанинских переговоров (но без полноценного политического решения).

Особенностью сирийского случая, как указывает Е. Степанова, является то, что значительная часть перемирий заключалась не между основными антагонистами, а между конкурирующими группировками вооруженной оппозиции с целью создания коалиций и координации военных усилий против общего противника.

Анализ эффективности международного права в сирийском контексте приводит к неоднозначным выводам. С одной стороны, формально-юридические механизмы продолжали функционировать: Совет Безопасности ООН принял около 40 резолюций по Сирии, обсуждал вопрос в Генеральной Ассамблее, а ООН и ее партнеры ежемесячно предоставляли гуманитарную помощь почти 3,5 миллиона человек даже в условиях серьезного сокращения финансирования [7]. С другой стороны, ключевые резолюции, предлагавшие санкции или военное вмешательство против режима Б. Асада, систематически блокировались Россией и Китаем с использованием права вето.

Этот паралич Совета Безопасности продемонстрировал фундаментальное противоречие современного международного права: его нормы существуют, но их применение избирательно и зависит от геополитических интересов постоянных членов СБ ООН. И. Баракат в своем исследовании показывает, что сирийский конфликт подтверждает верность концепции политического реализма Г. Моргентау, согласно которой понятия «национальный интерес» и «великая держава» более важны для анализа международных отношений, чем универсальные моральные принципы [4].

Наиболее ярко это проявляется на примере событий последующих месяцев за декабрь 2024 г. Новое руководство Сирии под эгидой Ахмеда аш-Шараа пыталось получить мировую легитимность и отмену санкций. В феврале 2026 г. Совбез ООН отменил санкции против ХТШ по инициативе американской стороны. Данное решение было вынесено игнорируя мнение России и КНР, всегда выступавших против любых односторонних действий. Это говорит о том, что у «коллективного Запада» остается возможность диктовать свою волю в рамках нормотворчества ООН (даже если предметом рассмотрения будет организация, ранее включенная в список террористических).

Ситуация с Сирией стала испытанием для одной из главных функций ООН – обеспечение международного мира и безопасности. По мнению исследователей Аду Я.Н., в 90-е – начало XXI века де-факто ООН трансформировалась в структурный компонент «коллективного Запада» [3].

Это проявилось в кадровой политике: с 1997 года Департамент миротворческих операций ООН неизменно возглавляет представитель Франции, а с 2007 года Департамент по политическим вопросам – представитель США. Система «пенхолдинга» (кураторства), при которой бывшие колониальные державы готовят проекты резолюций по ситуациям в своих бывших колониях, закрепляет доминирование Запада в процессе принятия решений.

Парадоксальным образом, несмотря на систематическую критику деятельности ООН в Сирии, именно ООН остается единственной площадкой, где возможно хотя бы формальное обсуждение и координация усилий. Постконфликтное восстановление Сирии после декабря 2024 года вновь актуализировало роль ООН. Генеральный секретарь Гутерриш в ходе визита в Дамаск в июле 2026 года подтвердил под-

держку ООН в процессе институциональных реформ, возвращения беженцев и восстановления инфраструктуры. Однако он столкнулся с двумя острыми проблемами: сохраняющимся израильским военным присутствием на сирийской территории и недостаточным финансированием гуманитарных программ. Официальный представитель ООН в сентябре 2025 года осудил продолжающееся внешнее вмешательство, в том числе со стороны Израиля, заявив, что «такое внешнее вмешательство неприемлемо и должно быть прекращено» [7]. При этом доноры предоставили лишь 18% из необходимых средств на гуманитарные нужды, что уже приводит к закрытию больниц и сокращению других программ.

Спецпосланник Генерального секретаря по Сирии Гейр Педерсен в своих выступлениях в Совете Безопасности неоднократно подчеркивал, что «успех политического перехода в Сирии зависит от широкого участия всех общин и групп населения» [7]. Однако даже после смены власти в Дамаске сохраняется фундаментальная проблема: ООН остается заложником геополитических противоречий своих постоянных членов, и ее роль в урегулировании конфликтов определяется не столько уставными полномочиями, сколько готовностью великих держав к компромиссам.

Судебные механизмы разрешения международных споров, такие как Международный Суд ООН, Международный уголовный суд и специальные трибуналы, в сирийском контексте оказались практически бессильны. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, компетенция Международного Суда ООН ограничена спорами между государствами, и не все государства признают его юрисдикцию обязательной. Сирия, как и Россия с США, не сделала заявлений о признании обязательной юрисдикции Суда по ст. 36 Статута. Во-вторых, Международный уголовный суд может расследовать преступления только на территории государств-участников Римского статута или по решению Совета Безопасности ООН. Сирия не является участником Статута, а Совет Безопасности не смог передать ситуацию в Сирии в МУС из-за вето России и Китая.

Таким образом, судебные методы оказались практически неприемлемы к сирийскому конфликту, что подтверждает тезис о том, что международное уголовное правосудие остается избирательным и зависит от политических решений великих держав. Это особенно контрастирует с ситуацией в бывшей Югославии и Руанде, где трибуналы были созданы по решению Совета Безопасности и сыграли значительную роль в привлечении к ответственности виновных. В Сирии же отсутствие механизмов уголовного преследования способствовало безнаказанности всех сторон конфликта – как правительственных сил, так и оппозиционных группировок и иностранных интервентов.

Соотношение принципа невмешательства и доктрины гуманитарной интервенции в сирийском контексте представляет собой наиболее острую коллизию. Принцип невмешательства, закрепленный в статье 2(4) Устава ООН, является фундаментом современного международного порядка. Вместе с тем возникновение доктрины гуманитарного вмешательства и позже – концепция «ответственность защищать» (R2P) на Всемирном Саммите 2005 г. дали юридическое основание к применению внешней силы в целях обеспечения прав человека.

В Сирии данная противоречивость достигла своего апогея. Для США и альянса – это был шанс на применение военной силы для смены режима (доктрина Буша) и ответственность за защиту населения. В противовес этому Россия всегда была категорически против применения силы без одобрения СБ ООН – это было бы нарушением суверенитета страны и подрывом стабильности в регионе. Эта позиция, как отмечает И. Баракат, базировалась на принципах политического реализма, согласно которым «национальные интересы, являющиеся одним из стержней концепции политического реализма, выступают как способ анализа внешней политики» [4].

Показательна эволюция позиций сторон по вопросу применения химического оружия. В 2013 году, после инцидента в Гуте, США и Россия оказались на грани открытого столкновения. Однако стороны предпочли дипломатическое решение, делегировав вопрос ООН и Организации по запрещению химического оружия, что привело к принятию резолюции о полном уничтожении сирийского химического оружия [9]. Данный случай показал, что при полном противостоянии все же есть место для компромисса во избежание военного конфликта.

Но при этом война в Сирии проходила разными путями. Коалиция западных стран под руководством США осуществила авиационные удары по местам базирования ИГИЛ с 2014 г., не имея разрешения СБ ООН – обосновывая это правом на самооборону и совместной борьбой с терроризмом. Российская Федерация начала войну в Сирии в 2015 году тоже, однако она была вызвана правительством легитимного президента страны – Башара Асада, соответственно с юридической стороны участие РФ являлось законным. В то же время вооружен-

ные силы Ирана и проиранские шиитские ополчения, а также турецкое военное вмешательство в северной Сирии сформировали многослойный механизм военной интервенции – у каждого участника были свои национальные интересы, своя юридическая логика.

Заключение

Вооруженный конфликт в Сирии явился серьезным вызовом системе межгосударственного права, а также механизмам международной безопасности. На основе проведенного исследования можно сделать ряд следующих выводов.

Институты международного права – это механизм урегулирования конфликтов по Уставу ООН имеют внешнюю легитимность, но на практике они подконтрольны геополитическим амбициям сверхдержав. Вето СБ ООН, двойные стандарты применения норм и принципов, контроль над персоналом и процедурами ООН со стороны «Западного сообщества». Все это ведет к потере авторитета системы коллективной безопасности.

Показано соотношение принципа невмешательства с доктриной гуманитарного вмешательства на примере Сирии. Данные принципы являются лишь инструментом политического воздействия и не обладают статусом общего международного права. Доктрина «обязанности защищать» оказалась бессильной перед лицом защиты гражданских лиц или разрешения конфликта – она применяется выборочно исходя из интересов сильных стран мира.

Механизмы судебного урегулирования (Международный суд ООН, Международный уголовный суд) – не получили широкого применения на практике в связи с отсутствием компетенции и политическими факторами. Таким образом можно сделать вывод о том, что международное правосудие является выборочным механизмом и не способен стать всеобщим средством решения проблем.

Литература

1. Ахмедов В.М. Сирийская безопасность в контексте ирано-израильского вооруженного конфликта // Россия и мусульманский мир. – 2025. – № 3 (337). – С. 9–18.
2. Ахмедов В.М. Сирийско-иранский альянс в контексте политики Ирана на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2. – С. 6.
3. Аду Я. Н., Бокерия С.А., Дегтерев Д.А., Мезяев А.Б., Шамаров П.В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23. – № 3. – С. 415–434.
4. Баракат И. Вооруженный конфликт в Сирии и проблема урегулирования: политический реализм Г. Моргентау по-прежнему актуален // Власть. – 2020. – № 3. – С. 275–279.
5. Бедаев А. И., Ермаков А.В. Сирийский конфликт в контексте российских внешнеполитических интересов // Проблемы геополитической и социокультурной безопасности Прикаспия. – 2022. – С. 133–137.
6. Лукьянов В.Ю. Российско-американские отношения в аспекте политического конфликта в Сирии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25. – № 2. – С. 43–53.
7. Мазен З. Урегулирование конфликта в Сирии: внутренние факторы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – № 1 (842). – С. 96–105.
8. Миргород Д.А. Трансформация ближневосточных военных элит как фактор кризиса политической власти: кейс Сирии // Вопросы элитологии. – 2025. – Т. 6. – № 1. – С. 117–125.
9. Степанова Е. Перемирие как компонент войны, этап мирного процесса или формат «ни мира, ни войны» // Международные процессы. – 2023. – Т. 21. – № 1. – С. 43–74.

10. Худайкулова А. Новое в управлении международными конфликтами: опосредованные войны вместо гуманитарных интервенций? // Международные процессы. – 2025. – Т. 14. – № 4. – С. 67–79.

11. Qandeel M., Sommer J. Syria conflict and its impact: a legal and environmental perspective // Journal of International Humanitarian Legal Studies. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 275–296.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PRINCIPLE OF NON-INTERVENTION AND THE DOCTRINE OF HUMANITARIAN INTERVENTION IN THE CONTEXT OF THE ARMED CONFLICT IN SYRIA

Alsalloum Mays

Kazan Federal University

This article examines the relationship between the principle of non-intervention and the doctrine of humanitarian intervention in the context of the Syrian armed conflict. The aim of the study is to analyze the effectiveness of international legal mechanisms for dispute resolution and the regulation of military intervention, using Syria as an example. The methodological framework incorporates a systems approach, a comparative legal method, and historical and political analysis, allowing us to examine the conflict as an element of a transforming system of international relations. The study found that the UN Security Council's activities were paralyzed by the use of its veto, while alternative formats, such as the Astana process, demonstrated limited effectiveness. Judicial methods of conflict resolution have proven ineffective in the absence of jurisdiction. Military intervention in Syria has assumed a multi-layered nature with various legal justifications. The novelty of this study lies in its comprehensive analysis of the post-conflict situation following the change of power in Syria in December 2024. Based on the data obtained, it can be concluded that a change in approaches to conflict resolution is necessary, seeking a compromise between state sovereignty and human rights. The results of the study will allow the acquired knowledge to be used as a foundation for the scientific approach and practical activities of international organizations.

Keywords: international law, principle of non-intervention, humanitarian intervention, responsibility to protect, military intervention, sovereignty, conflict resolution, peacekeeping.

References

1. Akhmedov V.M. Syrian Security in the Context of the Iranian-Israeli Armed Conflict // Russia and the Muslim World. – 2025. – № 3 (337). – P. 9–18.
2. Akhmedov V.M. The Syrian-Iranian Alliance in the Context of Iran's Policy in the Middle East // The Middle and Post-Soviet East. – 2024. – № 2. – P. 6.
3. Adu Ya. N., Bokeria S.A., Degterev D.A., Mezyaev A.B., Shamarov P.V. Non-Western Peacekeeping as a Factor in a Multipolar World: Outlines of a Research Program // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. – 2023. – Vol. 23. – № 3. – P. 415–434.
4. Barakat I. The Armed Conflict in Syria and the Problem of Resolution: G. Morgenthau's Political Realism Still Relevant // Vlast. – 2020. – № 3. – P. 275–279.
5. Bedayev A.I., Ermakov A.V. The Syrian Conflict in the Context of Russian Foreign Policy Interests // Problems of Geopolitical and Sociocultural Security of the Caspian Region. – 2022. – P. 133–137.
6. Lukyanov V. Yu. Russian-American Relations in the Aspects of the Political Conflict in Syria // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2025. – Vol. 25. – № 2. – P. 43–53.
7. Mazen Z. Conflict Resolution in Syria: Internal Factors // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2021. – № 1 (842). – P. 96–105.
8. Mirgorod D.A. Transformation of Middle Eastern Military Elites as a Factor in the Crisis of Political Power: The Case of Syria // Voprosy elitologii. – 2025. – Vol. 6. – № 1. – P. 117–125.
9. Stepanova E. Ceasefire as a Component of War, a Stage of the Peace Process, or the «Neither Peace nor War» Format // International Processes. – 2023. – Vol. 21. – № 1. – P. 43–74.
10. Khudaykulova A. New in International Conflict Management: Proxy Wars Instead of Humanitarian Interventions? // International Processes. – 2025. – Т. 14. – № 4. – pp. 67–79.
11. Qandeel M., Sommer J. Syria conflict and its impact: a legal and environmental perspective // Journal of International Humanitarian Legal Studies. – 2022. – Т. 13. – № 2. – pp. 275–296.

Гальперина Мария Григорьевна,

бакалавр со знанием иностранных языков, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

E-mail: marigalper05@gmail.com

В 2020 году Великобритания вышла из состава Европейского Союза (далее – ЕС). Процесс выхода Великобритании из ЕС получил название «Brexit», и, как и любое важное политико-правовое событие обуславливает собой определенные последствия для многих сфер в государстве. Данная статья посвящена правовому регулированию отдельных вопросов миграции в Великобритании после Brexit. Особенно, если учитывать усугубление проблемы ввиду потока нелегальных мигрантов из стран с низким и средним уровнем дохода, ведь это прямой путь к социальной напряженности в стране. В статье автор уделит особое внимание отдельным инициативам правительства Великобритании в борьбе с нелегальной миграцией. Материалы и методы. Анализ современной политики Великобритании в сфере миграции осуществлялся посредством проведения детального изучения нормативно-правовых актов, документов и отчетов для выявления ключевых изменений в миграционной политике. Теоретической основой исследования послужили научные работы правоведов в области миграции как процесса в Великобритании, особенно после Brexit. Результаты исследования. Результаты исследования показывают, что последствия Brexit значительно изменили миграционную политику Великобритании и оказали влияние на миграционные потоки, экономику и общество в целом. Данное исследование подчеркивает необходимость дальнейшего анализа и корректировки миграционной политики для обеспечения устойчивого развития страны и ее процветания.

Ключевые слова: Миграционная политика Великобритании, Брекзит, миграционный кризис, последствия выхода Великобритании из ЕС, правовое регулирование миграции в Великобритании в настоящее время, международное право беженцев, контроль над границами, политика убежища, международное публичное право, секьюритизация миграции.

Введение

Как известно, Великобритания вышла из состава Европейского Союза 1 февраля 2020 года, то есть более пяти лет назад. Стоит отметить, что Brexit, являясь процессом весьма противоречивым, конечно же породил определенные последствия, к решению которых, кажется, само Соединенное Королевство и ЕС еще долго будут прикладывать определенные усилия. После Brexit, ввиду новой ужесточившейся миграционной политики Великобритании, государство ожидало изменение предложения иностранной рабочей силы, так как трудовые мигранты из ЕС и стран третьего мира, прибывающих из Европы, в частности, больше не могли рассчитывать на преференции при устройстве на работу. А значит и их мотивация оставаться на территории Соединенного Королевства значительно снизилась. Несомненно, государство предпринимает различные инициативы, как по изменению национального законодательства, так и в сфере сотрудничества с третьими странами. Целью данной статьи является углубление понимания миграционных процессов в Великобритании и их изменений через призму изучения исторического контекста и правовому контролю данного вопроса.

В этой связи особое внимание хочется уделить нормативному регулированию миграции, его состоянию в настоящее время и тенденциям его возможного развития, так как многие аспекты в государстве и поддержания стабильности в нем зависят напрямую как от наличия высококвалифицированных кадров, так и от уровня благосостояния и социальной удовлетворенности граждан.

Результаты исследования

Как известно, чтобы понять проблему стоит обратиться к ее истокам, иными словами, к истории. Следует отметить, что Великобритания имела особое положение в ЕС касательно вопросов о гражданстве, иммиграции и перемещении граждан между странами Европы: она участвовала с определенными изъятиями (opt-out) в миграционной политике ЕС [10].

С вступлением в силу Лиссабонского договора в 2009 году (подписан в 2007 году)¹ государствам-членам ЕС, включая Великобританию, были предоставлены дополнительные полномочия в миграционной политике, в частности: право применять более жесткие меры в отношении нелегальных мигрантов, включая депортацию; возможность ограничивать социальные выплаты для граждан других стран ЕС; обязанность Европарламента принять ряд законов, затрудняющих предоставление права на жительство родственникам тех граждан государств вне ЕС, которые уже имеют право проживать в нем². Однако несмотря на вышеперечисленное все же оставалось положение о свободном перемещении граждан для стран, входящих в ЕС, с целью трудоустройства и проживания в той или иной стране, приводя к росту потока мигрантов.

Дело в том, что люди из страха потери работы и крыши над головой, ввиду возможности возникновения определенных сложностей у компаний, как раз нацеленных на интеграцию с государствами-членами ЕС, покидают Великобританию, производя утечку рабочей силы, определенно создавая проблему. Обосновать такое поведение масс можно исходя из концепции депривации³, определяющей влияние неоправданных ожиданий человека на напряженность в обществе в целом, которая несомненно присутствовала на острове на момент выхода из Союза, запуская новую волну миграции.

Причин для этого процесса всегда было много. Изначально уровень миграции в Великобритании был весьма высоким ввиду развитости государства в области образования, именно там находятся древнейшие университеты, находящиеся в списке лучших учебных заведений мира, и передовых технологий, весьма высоких зарплат и хорошего спроса на рабочую силу.

Однако, с началом разговоров о выходе страны из состава ЕС, поток мигрантов стал сокращаться. Референдум по вышеуказанной теме действительно оказал большое влияние на рассматриваемый процесс: неопределенность будущего статуса европейцев в Великобритании, па-

¹ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community: December 13, 2007. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/lis/sign/eng> (accessed: 13.01.2025).

² Глотов С.А. Право Европейского Союза в редакции Лиссабонского договора. – Москва: Международный юридический институт, 2010. – С. 450.

³ Дмитриев А.В. Конфликтология. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2009. – С. 82

дение курса национальной валют по отношению к евро привели к напряженности в обществе. Несомненно, многие государства желают сократить уровень иммигрантов, но здесь не все так однозначно: безработица в государстве в тот период находилась на исторически низком уровне (около 4,5%), следовательно, при утечке мигрантов из страны возмозжна угроза острой нехватки рабочей силы, что приведет к затруднению работы многих крупных компаний и предприятий и провалам в экономике¹.

В 2020 году, когда Brexit только произошел, ситуация с миграцией ухудшилась, поэтому правительство Великобритании пыталось проводить активную политику, чтобы привлечь поток людей обратно и выстроить более обновленную, эффективную систему для обсуждаемого нами процесса. Министр финансов Великобритании в правительстве Бориса Джонсона заявил, что Великобритания будет открыта для ведения бизнеса, а уже живущие здесь люди смогут остаться вне зависимости от того, будет подписано соглашение по «Brexit» или нет. Правительство может отменить свободу передвижения, после которого сможет решать, кто может, а кто не может въезжать в Соединенное Королевство. Саджид Джавид отметил, что будет сделан упор на прекращение свободы передвижений, обязательство получения разрешения на въезд для всех кроме граждан Великобритании и Ирландии, и также завершение предоставления преференций для жителей ЕС для уравнивания положения людей на территории страны².

Обращая внимание на правовую составляющую вопроса, следует отметить, что Великобритания является членом таких международных договоров как Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протокола, касающегося статуса беженцев 1967 г., ряда конвенций Совета Европы по вопросам защиты прав беженцев и лиц, ищущих убежище (Европейского соглашения о передаче ответственности в отношении беженцев 1980 г. Действие Европейского соглашения об отмене виз для беженцев 1959 г. было приостановлено в 2003 г. При этом Великобритания не является государством-участником Протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1963 г., закрепляющего право лиц на свободу передвижения и запрет высылки иностранцев).

В связи с заявлением бывшего министра внутренних дел Великобритании Иветт Купер в парламенте 30 июля 2024 года³ можно провести анализ сказанного и выделить следующие ключевые моменты:

Во-первых, миграция является важной частью истории Великобритании, и правительство признает вклад легальной миграции в экономику. Следует отметить, что чистая миграция увеличилась с 184,000 в 2019 году до 685,000 в 2023 году, что требует снижения и более эффективного управления иммиграционной системой. Ввиду чего, например, появляется запрет на привоз членов семьи большинством иностранных студентов.

Во-вторых, прослеживая связь миграционной политики с навыками и рынком труда, появляется необходимость устранить зависимость от международного найма для решения проблем нехватки квалифицированных кадров и создавать новые структуры. Консультативный комитет по вопросам миграции будет работать с другими органами для согласования миграционной политики.

У Лейбористов в планах сохранить строгую, учитывающую потребности экономики и рынка труда Великобритании, иммиграционную политику, которая была введена еще прошлым правительством. Нельзя не упомянуть Меморандум о взаимопонимании между Туркменистаном и Великобританией, подписанный Международной Организацией по Миграции в 2023 году. Проект направлен на усиление потенциала местных журналистов в освещении вопросов борьбы с торговлей людьми и уязвимости мигрантов. Он должен был способствовать более тесному сотрудничеству между журналистами, студентами и представителями гражданского общества по многим вопросам, среди которых права человека и гражданина. Программа включала теоретические и практические знания о глобальной правозащитной деятельности, а также информационно-просветительские кампании по предотвращению нелегальной миграции и торговле людьми⁴.

¹ Житин Д.В., Краснов А.И., Шендрик А.В. Географические особенности миграционных связей Европы // Балтийский регион. – 2016. – Т. 8. – № 3. – С. 75–92.

² Жители ЕС больше не смогут свободно приезжать в Британию на работу // BBC News. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46617677> (дата обращения: 13.02.2026).

³ Cooper, Y. Legal migration: Statement made 30 July 2024. – URL: <https://questions-statements.parliament.uk/written-statements/detail/2024-07-30/hcws51> (access date: 17.01.2026).

⁴ IOM UN Migration Turkmenistan. Statement made 20 March 2023. – URL: <https://turkmenistan.iom.int/ru/news/mom-podpisala-memorandum-o-vzaimoponimaniipo-sovmestnomu-proektu-s-poslom-velikobritanii-tordoy-ebbott-vatt> (access date: 17.01.2026).

Не менее важно отметить, что в еще 2022 году в Великобритании были внесены значительные изменения в Закон о гражданстве и границах [6], направленные на усиление контроля над миграционными процессами и борьбу с нелегальной миграцией. Эти изменения стали частью более широкого пакета реформ, предложенных правительством Великобритании после выхода страны из Европейского Союза. Закон ужесточил требования к получению британского гражданства, теперь кандидаты должны прожить в стране дольше установленного срока, пройти строгие проверки на благонадежность и знание английского языка, а также продемонстрировать интеграцию в британское общество. Кроме того, введены новые критерии оценки кандидатов, включая их вклад в экономику и общественную жизнь страны. Одним из ключевых аспектов реформы стало введение новых мер против нелегальной иммиграции. Правительство получило больше полномочий для депортации нелегальных мигрантов, а также для предотвращения их въезда в страну. Были усилены меры по контролю границ, включая использование современных технологий для идентификации и отслеживания потенциальных нарушителей. Процедура подачи заявления на предоставление убежища стала более сложной и требовательной. Заявители теперь обязаны предоставлять больше доказательств своей необходимости в защите, а рассмотрение дел занимает больше времени. Усилена проверка подлинности документов и истории заявителей, чтобы предотвратить злоупотребления системой.

Введено несколько новых типов виз, предназначенных для привлечения высококвалифицированных специалистов и инвесторов. Эти визы предоставляют возможность легального пребывания и работы в Великобритании, но требуют выполнения определенных критериев, таких как наличие определенного уровня образования, опыта работы или инвестиций. Ужесточились санкции за нарушение миграционного законодательства. Работодатели, использующие труд нелегальных иммигрантов, теперь подвергаются более высоким штрафам и могут быть привлечены к уголовной ответственности. Аналогичные меры применяются и к лицам, помогающим нелегальным иммигрантам въехать в страну или остаться в ней.

Новые правила подчеркивают важность интеграции мигрантов в британское общество. Кандидаты на гражданство должны демонстрировать знание британской культуры, истории и традиций, а также активно участвовать в общественной жизни страны. Эти изменения вызвали неоднозначную оценку: сторонники видят в ней укрепление безопасности и интересов граждан, критики – риск дискриминации и нарушения прав человека. Однако правительство настаивает на необходимости мер для стабильности в условиях миграционного давления.

Одной из серьезных проблем, с которой сталкивается Великобритания, является торговля людьми. Необходимо достижение разрушения бизнес-моделей преступных сетей, которые эксплуатируют уязвимых мигрантов. В рамках реформы правительство планирует внедрить дополнительные меры по защите жертв торговли людьми и обеспечить им доступ к необходимым ресурсам и услугам.

Еще до Brexit, консерваторы ставили перед собой амбициозную цель – сократить чистую миграцию с «сотен тысяч» до «десятков тысяч». Эта задача, озвученная после выборов 2010 года, так и осталась невыполненной. Референдум 2016 года, в значительной степени мотивированный беспокойством по поводу миграции, и последующий Brexit, должны были, по мнению сторонников выхода, решить эту проблему. Однако реальность оказалась куда сложнее. Введенная балльная система, призванная обеспечить более контролируемый отбор иммигрантов, не сделала различий между гражданами ЕС и других стран. Именно эта система, нацеленная на привлечение высококвалифицированных специалистов, привела к неожиданному результату: в 2022 году чистая миграция достигла рекордных 685 000 человек, а общий приток мигрантов составил 764 000. Это значительно превышает все предыдущие показатели. Разберем структуру миграционного потока:

Трудовая миграция: более 41% новых мигрантов прибыли по рабочим визам, и подавляющее большинство (91%) из них – граждане стран, не входящих в ЕС. Парадокс ситуации заключается в том, что, несмотря на различные инициативы по привлечению высококвалифицированных специалистов, Великобритания столкнулась с серьезной нехваткой рабочей силы, оцениваемой в 460 000 человек, включая специалистов из ЕС. Это свидетельствует о несовершенстве системы и её неспособности полностью заполнить все имеющиеся вакансии.

Учебная миграция: обучение стало вторым по значимости фактором миграции (34%). Доля студентов из ЕС резко сократилась (с 25% в 2017/2018 до 8% в 2021/2022 гг.), уступив место студентам из Индии, Китая и Нигерии, что демонстрирует изменение географии образовательной миграции после Brexit.

Семейная миграция: количество выданных виз по семейным обстоятельствам также достигло рекордных показателей. Это указыва-

ет на то, что миграционная политика также влияет на воссоединение семей.

Нелегальная миграция: хотя число прибывших на малых лодках сократилось на 36% в 2022 году (до 29 437 человек), главным образом из-за снижения потока из Албании, проблема нелегальной миграции остается острой. Основными странами происхождения нелегальных мигрантов остаются Афганистан, Иран и Сирия [15].

В апреле 2022 года Великобритания представила новый план миграционной политики, включающий соглашение с Руандой. Основной целью данного плана является борьба с нелегальной миграцией через Ла-Манш и предотвращение деятельности контрабандистов, организующих опасные морские переходы. По плану, нелегальные мигранты, прибывшие после вступления соглашения, направляются в Руанду для рассмотрения убежища. Великобритания финансирует их размещение до решения по статусу. Критики указывают на возможные нарушения прав беженцев и сомневаются в безопасности в Руанде. Запуск программы планировался сразу после подписания, но сроки долго оставались неопределенными.

Новый план по миграции показывает значительные изменения в подходе к привлечению иностранных граждан, особенно после завершения процесса Brexit. Основной акцент сделан на привлечении высококвалифицированных специалистов и улучшении условий для тех, кто хочет приехать в Великобританию с целью трудоустройства, обучения или ведения бизнеса.

Из анализа текста Меморандума о взаимопонимании можно сделать вывод о том, что стороны данного акта не имели намерения и воли заключать международный договор. В соответствии с пунктом 1.6. рассматриваемого документа, данный акт не является обязательным в соответствии с международным правом. Примечательно, что в его тексте для обозначения Меморандума о взаимопонимании используется термин «*agreement*», то есть «договоренность». Несмотря на то, что этот термин встречается в названиях некоторых международных соглашений, чаще всего такие акты, квалифицируемые как «договоренности», не создают норм международного права в традиционном понимании. Они выступают скорее в качестве ориентиров для государственной политики в определенной области. Также представляется, что обязательства, прописанные в Меморандуме о взаимопонимании, имеют скорее политико-правовой нежели юридически обязательный характер.

Здесь, необходимо отметить, что вопрос о взаимосвязи международного права и политики продолжает оставаться в центре научных дискуссий. По мнению российских правоведов «международное право, хотя и в разной степени, определяет направление политики каждого конкретного государства, а также что международное право способствует реализации политики, которая ему соответствует и препятствует политике ему не соответствующей» [11]. Из этого краткого рассуждения получается, что соглашения, содержащие политико-правовые обязательства стран, должны подвергаться правовой оценке с точки зрения международного права.

Определенные положения международных договоров свидетельствуют о том, что их действие распространяется на политические меры, принимаемые государствами. Например, статья 103 Устава ООН 1945 года гласит: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу» [3].

Согласно пункту 23.2 Меморандума о взаимопонимании, в том случае, если национальный суд одной из сторон примет решение, которое будет препятствовать выполнению обязательств, предусмотренных данным договором, действие последнего приостанавливается на период, пока эти обязательства не могут быть выполнены. Меморандум не содержит положений о его пересмотре в свете такого решения национального суда. В связи с этим, стороны Меморандума о взаимопонимании признают, что политико-правовые соглашения, закреплённые в нём, имеют приоритет не только перед международными нормами, но и перед нормами национального законодательства.

По своей правовой природе Меморандум о взаимопонимании можно квалифицировать как соглашение государств в форме договоренности об их политических обязательствах. Предметом регулирования данного Меморандума являются международные отношения, касающиеся предоставления убежища, а также защиты и содействия правам человека, которые одновременно проявляются в международной правовой системе.

Исходя из сути преамбулы Меморандума о взаимопонимании, следует подметить, что его стороны намерены учитывать обязательство соблюдения прав человека и основных свобод для всех без какой-либо дискриминации. Однако под термином «дополнительная защита»

подразумевается защита прав беженцев, зафиксированная не только в Конвенции о правах беженцев 1951 года и Протоколе о статусе беженцев 1967 года, но и в других универсальных и региональных международных правовых документах. Согласно положениям Меморандума о взаимопонимании, стороны выражают намерение обеспечивать выполнение обязательств, установленных нормами международного права в области защиты и поощрения прав человека, при реализации международного сотрудничества в соответствии с этой договоренностью. Следовательно, достижение целей и задач данного акта невозможно без соблюдения государствами обязательств, предусмотренных международно-правовыми принципами и нормами, включая институт международно-правового убежища и нормы международного права в сфере защиты и поощрения прав человека. Однако же в соответствии с положениями данного акта, ни одна из сторон не берет на себя обязательство обеспечить долгосрочное решение проблемы мигрантов, независимо от того, идет ли речь о добровольной репатриации, добровольной ассимиляции или же о переселении. Здесь важно отметить, что Руанда обязуется принять на своей территории перемещенных лиц, ищущих убежища, однако не предоставляет им статус беженца и право на постоянное пребывание. Фактически это позволяет усомниться в соответствии Меморандума нормам международного права.

Стоит привести позицию ВС Великобритании по вопросу Меморандума, в котором суд постановил [7], что Руанда не является безопасной страной и пренебрежение нормами международного права действительно имело место быть. Это определенно является положительной динамикой для прав бесчисленных людей, приехавших в это государство.

В постановлении ВС Соединенного Королевства от 15.11.2023 сказано, что Верховный Суд единогласно согласился с Апелляционным судом в том, что существуют серьезные основания полагать, что просители убежища, вывезенные в Руанду, столкнутся с реальным риском быть возвращенными в свою страну, где они могут подвергнуться жестокому обращению, известному как выдворение. В этом случае Великобритания нарушит свои обязательства по невысылке в соответствии с международным и внутренним правом. Это решение подтверждает то, что договор не только жесток, но и незаконен.

Верховный суд обратил внимание на низкие стандарты Руанды в области прав человека, включая угрозы в адрес руандийцев, проживающих в Великобритании, наряду с внесудебными казнями, смертями в заключении, насильственными исчезновениями, пытками и ограничениями на свободу СМИ и политическую свободу. После объявления в 2022 году о заключении соглашения между Великобританией и Руандой, организация Human Rights Watch обратилась к министру внутренних дел Великобритании с письмом, в котором заявила, что Руанда не может считаться безопасной третьей страной, учитывая продолжающиеся нарушения прав человека.

В своем решении Верховный суд поднял три основных вопроса: плохие показатели страны в области прав человека; наличие серьезных и систематических недостатков в процессе рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища; и то, что в рамках аналогичного соглашения с Израилем Руанда высылала просителей убежища в страны происхождения, нарушая тем самым принцип невысылки. Каждый из этих выводов был рассмотрен в отдельности.

В решении Верховного суда приводятся доказательства отнюдь не самой безупречной репутации Руанды в области прав человека. В частности, Высокий суд установил, что Руанда недавно инициировала убийства людей, критикующих ее правительство, в результате чего британская полиция предупредила граждан Руанды, проживающих в Великобритании, о «достоверных планах» руандийского государства убить их. Также суд сослался на озабоченность правительственных чиновников Великобритании по поводу ограничения политической свободы и свободы СМИ. Помимо этого, в решении упоминается инцидент, произошедший в 2018 году, когда руандийская полиция расстреляла беженцев, протестующих против сокращения продовольственных пайков, в результате чего погибли по меньшей мере двенадцать человек. Суд пришел к выводу, что, учитывая ратификацию Руандой нескольких международных конвенций по правам человека, такое поведение вызывает серьезные вопросы «в отношении соблюдения ею своих международных обязательств» [5].

Новая система иммиграции, введенная в начале 2021 года, продолжает развиваться, адаптируясь под текущие экономические условия и потребности рынка труда. Одним из ключевых элементов является введение балльной системы, которая оценивает кандидатов на основе их квалификации, опыта работы, уровня владения английским языком и предложений о работе от британских работодателей. Минимальный порог для въезда составляет около £25,600 в год, хотя эта сумма может варьироваться в зависимости от специфики профессии. После

Brexit граждане стран Европейского союза потеряли автоматическое право на проживание и работу в Великобритании. Теперь они проходят те же процедуры, что и граждане других государств.

Однако существуют специальные программы, облегчающие процесс получения виз для определенных категорий лиц, таких как медицинские работники, учёные, исследователи и предприниматели. Для студентов из-за границы созданы благоприятные условия: после окончания учёбы они могут оставаться в стране до двух лет (бакалавры) или трёх лет (магистры и доктора наук), чтобы искать работу или открывать собственный бизнес. Это направлено на привлечение молодых талантливых специалистов и укрепление позиций Великобритании в международной образовательной сфере. Борьба с нелегальной миграцией остаётся одним из приоритетных направлений политики. Правительство усиливает контроль над работодателями, использующими труд нелегалов, и улучшает механизмы обнаружения нарушений миграционных правил. В целом, новый план иммиграции демонстрирует стремление Великобритании к созданию гибкой и эффективной системы, способной удовлетворить потребности экономики в квалифицированных кадрах, сохраняя при этом высокий уровень социального благополучия и безопасности.

Правительство Великобритании подвергается жёсткой критике за свою миграционную политику. Закон о незаконной миграции и соглашения с Руандой, направленные на сдерживание нелегальной миграции, вызывают серьёзные этические и правовые вопросы. Эффективность этих мер также вызывает большие сомнения. Миграционная политика после Brexit оказалась значительно сложнее, чем планировалось изначально. Стремление к контролю над миграцией привело к непредвиденным последствиям, включая рекордный приток мигрантов и острую нехватку рабочей силы в ключевых секторах экономики. Великобритания столкнулась с необходимостью пересмотреть свою стратегию, учитывая как экономические, так и гуманитарные аспекты миграции. Решение этой проблемы требует комплексного подхода, выходящего за рамки простого ограничения потоков мигрантов.

Если говорить о прогнозах на будущее, то следует обратиться к Национальному Статистическому управлению Великобритании, которое недавно скорректировало свои оценки, предсказывая, что население страны достигнет отметки в 70 миллионов человек уже к середине 2026 года – на целых десять лет раньше, чем предполагалось ранее¹. Это поразительное ускорение обусловлено, прежде всего, беспрецедентным притоком мигрантов.

Предыдущие прогнозы, основанные на данных переписи 2011 года, оказались значительно заниженными. Новые данные переписи 2021 года, более точно отражающие реальную демографическую картину, позволили ONS (Office of National Statistics) разработать более точную модель. Согласно обновленным прогнозам, к середине 2036 года население Великобритании вырастет до 73,7 миллионов человек, что на 6,6 миллионов (9,9%) больше, чем в 2022 году.

Этот прирост обусловлен двумя факторами: естественным приростом населения (около 541 тысячи человек) и, что гораздо значительнее, чистым притоком мигрантов (6,1 миллиона человек). Стоит отметить, что темпы миграции, достигшие впечатляющих 672 тысяч человек в год до декабря 2022 года, по прогнозам ONS, снизятся до 315 тысяч человек в год, начиная с середины 2028 года. Это предполагает определенную стабилизацию миграционных потоков, хотя и на высоком уровне².

Заключение

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на выход из ЕС, Великобритания сохранила элементы свободы передвижения, в частности для учебных и трудовых целей. Однако миграционная политика страны демонстрирует устойчивую тенденцию к ужесточению регуляторных механизмов. Ярким примером этого курса стал Закон о безопасности Руанды, получивший королевское одобрение 25 апреля 2024 года.

Несмотря на ожидания правительства, данный законопроект не достиг заявленных целей: статистические данные свидетельствуют о рекордном росте чистой миграции после его вступления в силу. Это позволяет рассматривать Закон о Руанде как неудачный пример политики экстернализации миграционного контроля – стратегии, которая уже доказала свою неэффективность в других европейских

странах ранее. Таким образом, текущая ситуация указывает на необходимость пересмотра миграционной стратегии Великобритании с акцентом на комплексные решения, сочетающие правовые, экономические и международно-правовые инструменты.

Литература

1. The EU-UK Withdrawal Agreement: October 17, 2019 [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-united-kingdom/eu-uk-withdrawal-agreement_en (дата обращения: 12.01.2026).
2. The EU-UK Trade and Cooperation Agreement: December 30, 2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-united-kingdom/eu-uk-trade-and-cooperation-agreement_en (дата обращения: 12.01.2026).
3. Устав ООН: 1945 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 13.01.2026).
4. Memorandum of Understanding between the government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the government of the Republic of Rwanda for the provision of an asylum partnership arrangement [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/memorandum-of-understanding-mou-between-the-uk-and-rwanda> (дата обращения: 13.01.2026).
5. Human Rights Watch. UK Supreme Court Finds UK-Rwanda Asylum Scheme Unlawful: November 15, 2023 [Электронный ресурс]. // Human Rights Watch. – URL: <https://www.hrw.org/news/2023/11/15/uk-supreme-court-finds-uk-rwanda-asylum-scheme-unlawful> (дата обращения: 13.01.2026).
6. Nationality and Borders Act 2022. Legislation.gov.uk [Электронный ресурс]. // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/36/contents> (дата обращения: 17.01.2026).
7. UK Supreme Court. R (on the application of PACCAR Inc and others) (Appellants) v Competition Appeal Tribunal and others (Respondents) UKSC 28. Case ID: UKSC 2023/0093 [Электронный ресурс]. // UK Supreme Court. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2023-0093.html> (дата обращения: 17.01.2026).
8. Гудвин-Гилл Г.С. Goodwin-Gill G.S. The dynamic of international refugee law // International Journal of Refugee Law. – 2013. – Т. Т. 25, №№ 4. – С. 651–666.
9. Каслс С., де Хаас Х., Миллер М. Дж. Век миграции: международное движение населения в современном мире. – М., 2022.
10. Ананьева Е.В. Брекзит: причины, политический фон, последствия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 6.
11. Иванов Д. В., Пчелинцева В.В. Миграционная политика Великобритании после Брекзита: международно-правовые аспекты // Право и управление. XXI век. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 34–46.
12. Miscovic T., Puric N. Institutional aspects of the withdrawal process from the European Union – Brexit and post-Brexit // Medjunarodni Problemi. – 2024. – № 2. – С. 177–200. – DOI: 10.2298/medjp2402177m.
13. Sime D., Moskal M., Tyrell N. Going back, staying put, moving on – Brexit and the future imaginaries of the 1.5-generation of EU migrants in Britain // Central and Eastern European Migration Review. – 2020. – № 1. – С. 85–100. – DOI: 10.17467/ceemr.2020.03.
14. Francioni F. The rights of access to justice under customary international law // Access to justice as a human right. – 2007. – С. 1–56.
15. Palmer N. Post-Brexit UK migration trends and record highs [Электронный ресурс]. // Brunel University. – URL: <https://www.brunel.ac.uk/news-and-events/news/articles/Post-Brexit-UK-migration-trends-and-the-all-time-highs> (дата обращения: 13.02.2026).

THE CONSEQUENCES OF BREXIT: THE CURRENT LEGAL REGULATION OF MIGRATION IN THE UK

Gal'perina M.G.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

In 2020, Great Britain left the European Union. This process is called "Brexit" in the global community, and, as any important political and legal event generates certain consequences for many spheres in the state. This article is devoted to the legal regulation of certain migration issues in the UK after Brexit. Especially if we take into account the aggravation of the problem due to the flow of illegal migrants from the Third World, because it is a direct way to social tension in the country. In the article the author paid special attention to some initiatives of the UK government in order to fight illegal migration. Materials and Methods. The analysis of the current UK migration policy was carried out through a detailed study of legal acts, documents and reports to identify key changes in migration policy. The theoretical basis of the study was provided by the scientific works of legal scholars in the field of migration as a process in the UK, especially after Brexit., Findings of the study. The findings of the study show that the effects of Brexit have significantly changed UK migration

¹ Благодаря мигрантам население Лондона достигнет 10 миллионов к 2026 году // Газета «Англия Медиа-пространство». – 2016. – URL: <https://angliya.com/publication/blagodarya-migrantam-naselenie-londona-dostignet-10-millionov-k-2026-godu/> (дата обращения: 01.02.2026).

² OBR. Net migration forecast and its impact on the economy: March 2024. – URL: <https://obr.uk/box/net-migration-forecast-and-its-impact-on-the-economy/> (access date: 17.01.2026).

policy and have impacted migration flows, the economy and society as a whole. This study highlights the need for further analysis and adjustment of migration policy to ensure the country's sustainable development and prosperity.

Keywords: UK migration policy, Brexit, migration crisis, consequences of the UK's exit from the EU, migration issue in Great Britain, refugee law, borders control, asylum policy, public international law, securitization of migration.

References

1. The EU-UK Withdrawal Agreement: October 17, 2019 [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-united-kingdom/eu-uk-withdrawal-agreement_en (дата обращения: 12.01.2026).
2. The EU-UK Trade and Cooperation Agreement: December 30, 2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-united-kingdom/eu-uk-trade-and-cooperation-agreement_en (дата обращения: 12.01.2026).
3. [UN Charter: 1945] [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (data obrashcheniya: 13.01.2026) (In Russian).
4. Memorandum of Understanding between the government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the government of the Republic of Rwanda for the provision of an asylum partnership arrangement [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/memorandum-of-understanding-mou-between-the-uk-and-rwanda> (дата обращения: 13.01.2026).
5. Human Rights Watch. UK Supreme Court Finds UK-Rwanda Asylum Scheme Unlawful: November 15, 2023 [Электронный ресурс]. // Human Rights Watch. – URL: <https://www.hrw.org/news/2023/11/15/uk-supreme-court-finds-uk-rwanda-asylum-scheme-unlawful> (дата обращения: 13.01.2026).
6. Nationality and Borders Act 2022. Legislation.gov.uk [Электронный ресурс]. // Legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/36/contents> (дата обращения: 17.01.2026).
7. UK Supreme Court. R (on the application of PACCAR Inc and others) (Appellants) v Competition Appeal Tribunal and others (Respondents) UKSC 28. Case ID: UKSC 2023/0093 [Электронный ресурс]. // UK Supreme Court. – URL: <https://www.supreme-court.uk/cases/uksc-2023-0093.html> (дата обращения: 17.01.2026).
8. Гудвин-Гилл Г.С. [Goodwin-Gill G.S. The dynamic of international refugee law] // International Journal of Refugee Law. – 2013. – Т. Т. 25, №№ 4. – P. 651–666 (In Russian).
9. Kasls S., de Khaas Kh., Miller M. [J. Věk Age of Migration: International Population Movement in the Modern World]. – M., 2022 (In Russian).
10. Anan'eva E. V. [Brexit: Causes, Political Background, Consequences] // Kontury global'nykh transformatsij: politika, ekonomika, pravo. – 2017. – Т. 10, № 6 (In Russian).
11. Ivanov D.V., Pchelintseva V.V. [Migration Policy of Great Britain after Brexit: International Legal Aspects] // Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2022. – Т. 18, № 4. – S. 34–46 (In Russian).
12. Miscevic T., Puric N. Institutional aspects of the withdrawal process from the European Union – Brexit and post-Brexit // Medjunarodni Problemi. – 2024. – № 2. – P. 177–200. – DOI: 10.2298/medjp2402177m.
13. Sime D., Moskal M., Tyrell N. Going back, staying put, moving on – Brexit and the future imaginaries of the 1.5-generation of EU migrants in Britain // Central and Eastern European Migration Review. – 2020. – № 1. – P. 85–100. – DOI: 10.17467/ceemr.2020.03.
14. Francioni F. The rights of access to justice under customary international law // Access to justice as a human right. – 2007. – P. 1–56.
15. Palmer N. Post-Brexit UK migration trends and record highs [Электронный ресурс]. // Brunel University. – URL: <https://www.brunel.ac.uk/news-and-events/news/articles/Post-Brexit-UK-migration-trends-and-the-all-time-highs> (дата обращения: 13.02.2026).

Принцип автономии воли сторон при разрешении международных гражданских споров в цифровую эпоху

Гао Гэ,

аспирантура, Академия Русского балета
имени А.Я. Вагановой

E-mail: qinzhishang1115@gmail.com

Ван Чжо,

канд. наук, Третья Сянья больница Центрального Южного
Университета

E-mail: wangzhuc1008@yandex.ru

В работе рассмотрены затруднения, возникающие при применении принципа автономии воли в разрешении международных гражданских споров под влиянием цифровой трансформации. Сравнительно-правовой материал охватывает ст. 1186, 1210, 1192 ГК РФ, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24, Регламент (ЕС) № 593/2008 «Рим I», Гагские принципы 2015 г. и подходы общего права. Прослеживается движение к расширению свободы выбора права, уравновешиваемое усилением сверхимперативных норм, оговорки о публичном порядке и контрсанкционного регулирования (ст. 248.1 АПК РФ). Выявлено напряжение между классической коллизионной привязкой ст. 1210 ГК РФ и псевдонимностью участников публичных блокчейнов; рассмотрены пределы признания решений ODR-платформ по Нью-Йоркской конвенции 1958 г.; обозначены границы участия систем искусственного интеллекта в арбитраже. Сформулированы предложения *de lege ferenda* по адаптации российского международного частного права к цифровой среде.

Ключевые слова: автономия воли, международное частное право, выбор применимого права, смарт-контракт, онлайн-арбитраж, цифровая юрисдикция, сверхимперативные нормы, ст. 248.1 АПК РФ.

Цифровизация международного гражданского оборота ставит перед МЧП задачи, не предвиденные классической доктриной. Принцип автономии воли сторон, которому Л.А. Лунц отвел нормообразующее место в учении о коллизионном регулировании договорных обязательств¹, остается несущей конструкцией раздела VI ГК РФ. Содержание принципа меняется под давлением смарт-контрактов, онлайн-площадок разрешения споров, санкционного регулирования, систем искусственного интеллекта.

Проблематика лежит на пересечении коллизионного и материально-правового методов МЧП и затрагивает публично-правовые ограничители автономии – сверхимперативные нормы (ст. 1192 ГК РФ), оговорку о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ), исключительную государственную юрисдикцию (ст. 248.1 АПК РФ); эта пограничная зона нуждается в обновленном осмыслении. Доктрина реагирует неоднородно: одни авторы видят необходимость радикального пересмотра коллизионных принципов (Мажорина и др., 2019: 175), другие настаивают на адаптивности классического инструментария (Канашевский, 2019: 312).

Реформа международного частного права 2013 г.² сделала ст. 1210 ГК РФ одной из наиболее развернутых коллизионных норм отечественного права: допустим выбор применимого права для договора в целом или его частей (*deresage*, п. 4), сохраняется обратная сила выбора без ущерба правам третьих лиц (п. 3), действует ограничитель в виде императивных норм страны, с которой реально связаны все обстоятельства (п. 5). А.В. Асосков предложил рассматривать автономию воли как самостоятельную нормообразующую идею МЧП (Асосков, 2013: 245); тезис повлиял на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24³, кодифицировавшее современное прочтение принципа.

В пп. 26–32 закреплены автономность соглашения о применимом праве, допустимость подразумеваемого выбора, ограничение выбора форума от выбора материального права, обратная сила *postfactum*-выбора, депесаж, недействительность асимметричных оговорок, допустимость выбора негосударственных сводов правил (Принципы УНИ-ДРУА, DCFR) при прямо выраженном соглашении. По п. 32 такой выбор приравнивается к собственно праву. Т.В. Новикова отмечает компромиссный характер решения: путь негосударственному регулированию открыт, но удерживается в границах, очерченных Пленумом (Новикова, 2021: 188).

Регламент Рим I в ст. 3 закрепляет свободу выбора права с прямым или подразумеваемым волеизъявлением, ограниченную в пп. 3–4 защитой императивных норм; ст. 6 не позволяет в потребительских договорах лишать потребителя защиты обычного места жительства. Гагские принципы о выборе права в международных коммерческих договорах от 19.03.2015⁴ делают шаг дальше: ст. 3 допускает выбор негосударственных норм («rules of law») и в государственном суде. По М.В. Мажориной, наблюдается формирование «права сообщества» (*lex communitatis*) как нового этапа развития *lex mercatoria* (Мажорина, 2019: 95). Подходы общего права конвергируют с европейской предсказуемостью: § 187 Restatement (Second) of Conflict of Laws в США также требует существенной связи и непротиворечия публичной политике.

Контрсанкционные указы Президента РФ применяются как сверхимперативные нормы в смысле ст. 1192 ГК РФ независимо от выбранного сторонами права; ст. 248.1 АПК РФ⁵ перевела значительную часть

¹ Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. С. 499.

² Федеральный закон от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5030.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

⁴ Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // OJ L 177, 04.07.2008. P. 6–16; Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. The Hague: HCCH, 2015. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=135> (дата обращения: 02.05.2026).

⁵ Указы Президента РФ: от 28.02.2022 № 79; от 01.03.2022 № 81; от 05.03.2022 № 95; от 04.05.2022 № 254; от 27.05.2022 № 322. URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

споров с участием подсанкционных лиц в исключительную компетенцию российских арбитражных судов. Знаковое значение имеет позиция Верховного Суда РФ по делу № А60–36897/2020 «Уралтрансаш» против ПЕСА¹: введение санкций презюмирует препятствия в доступе к правосудию, и для перевода спора в российский суд достаточно одностороннего волеизъявления подсанкционного лица. Л.В. Терентьева отмечает риски двойного барьера – для перевода спора в российский суд и против исполнения иностранного арбитражного решения (Терентьева, 2021: 44); В.В. Старженецкий и Я.А. Багрова предлагают институционализировать (анти)санкционные оговорки в коммерческих контрактах (Старженецкий, Багрова, 2023: 102). Подходы взаимодополняют друг друга: первый описывает практику, второй – договорный механизм ее предсказуемости.

Российский законодатель занял по природе смарт-контракта компромиссную позицию. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ ввел в ГК РФ ст. 141.1 о цифровых правах и закрепил в ч. 2 ст. 309 автоматизированное исполнение обязательств без дополнительного волеизъявления сторон; Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...»² в ч. 5 ст. 1 устанавливает, что к выпуску, учету и обращению ЦФА применяется российское право. Из системного толкования следует, что смарт-контракт для отечественного правопорядка является не самостоятельной сделкой, а условием сделки о способе ее исполнения. Эту квалификацию оспаривает цивилистическая доктрина (Гринь и др., 2019: 56; Богданова, 2019: 113), указывая на пробелы в регулировании «программного» обязательства и сделок с виртуальным имуществом, в которых исполнителем выступает децентрализованный протокол.

Последующее законодательство (о цифровом рубле, расчетах в ЦФА по внешнеторговым контрактам, экспериментальном режиме крипто-расчетов в ВЭД)³ формирует систему сверхимперативных норм, сужающих автономию воли в цифровой сфере. Острая коллизонная задача рождается, когда классический критерий определмости сторон деформируется псевдонимностью участников публичного блокчейна: ст. 1210 ГК РФ предполагает известность сторон, тогда как в среде Bitcoin или Ethereum контракт идентифицируется адресом кошелька. Привязка по ст. 1211 ГК РФ также не работает: «исполнение» производится распределенной сетью узлов в десятках юрисдикций. Д.В. Андриянов показал «обострение коллизонной проблемы» на материале трансграничных нефтегазовых сделок и предложил обращение к негосударственному праву как привязку высокого уровня абстракции (Андриянов, 2020: 91); М.В. Мажорина говорит о коллизии права и неправа и фрагментации понятийного аппарата МЧП в блокчейн-средах (Мажорина, 2019: 100).

В практике конкурируют четыре модели локализации блокчейн-отношений: *lex situs of the node* (технически нереализуем), *lex loci of the developer* (CFTC v. Ooki DAO), *lex cryptographia* и *lex domicilii* владельца, примененный английский High Court в деле *Osbourne v Persons Unknown*⁴. Последняя модель имеет наибольшие шансы стать опорной в российской практике: она удерживает связь с разделом VI ГК РФ и не требует признания за блокчейном автономного правопорядка. В мягком праве UKJT Legal Statement 2019 г. признала криптоактивы имуществом; Принципы ELI 2022 г. зафиксировали функциональную эквивалентность; Регламент ЕС MiCA⁵ ввел лицензионный режим CASP. О.Ф. Засемкова видит здесь достройку архитектуры МЧП через *soft law* (Засемкова, 2019: 33); В.А. Канашевский – запас прочности у классического МЧП (Канашевский, 2019: 478).

Электронное арбитражное соглашение получило признание в российском праве с 1 сентября 2016 г.: ст. 7 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338–1 в редакции ФЗ от 29.12.2015 № 409-ФЗ воспроизвела Option I ст. 7 Типового закона ЮНСИТРАЛ 2006 г.; постановление Пле-

нума ВС РФ от 10.12.2019 № 53⁶ подтвердило принципы автономии арбитражного соглашения и компетенции-компетенции. Платформы блокчейн-арбитража (Kleros, Aragon Court, JUR) опираются на иную логику: краудсорс-арбитраж присяжных, выбираемых по принципу *stake-weighted sortition*, мотивация нативными токенами, теория игр (Schelling point), исполнение решений смарт-контрактами. Российская доктрина рассматривает их как квазиарбитраж, в котором отсутствуют конститутивные признаки классического института (Засемкова, 2019: 35).

Признание решений блокчейн-платформ по Нью-Йоркской конвенции 1958 г. остается узким местом. П. Ортолани систематизировал препятствия: анонимность присяжных противоречит ст. V(1)(b) и V(1)(d), экономическая мотивация подрывает независимость, отсутствие *seat* исключает определение процессуального права, сохраняется риск конфликта с публичным порядком (ст. V(2)(b)) (Ортолани, 2019: 442). Альтернативой выступает *self-enforcing ODR* с on-chain исполнением через мульти-сигнатурные смарт-контракты; при выходе в off-chain активы решения зависимы от государственной поддержки. UKJT Digital Dispute Resolution Rules 2021 г. предложили арбитраж по Arbitration Act 1996 с местом в Англии и опциональной анонимностью сторон.

Цифровая юрисдикция в потребительских договорах особенно проблематична. В деле *El Majdoub v CarsOnTheWeb* Суд ЕС признал *clickwrap* соответствующим требованию «*durable record*» в B2B. Верховный суд Канады в деле *Uber Technologies Inc. v Heller*⁷ признал арбитражную оговорку Uber недобросовестной (*unconscionable*) по двухчастному тесту неравенства переговорных позиций и явно невыгодной сделки. Л.В. Терентьева обосновывает применимость аналогичной оптики в российском праве через ст. 16 Закона «О защите прав потребителей» и ст. 248.1 АПК РФ как инструмент защиты слабой стороны (Терентьева, 2020: 78). Расширительное толкование ст. 248.1 АПК РФ в 2022–2024 гг. распространило исключительную компетенцию на споры, лишь «связанные с санкциями», порождая «двойной барьер» (Старженецкий, Багрова, 2023: 105). Выход – в узкой интерпретации через два кумулятивных условия: статус подсанкционного лица и доказанные препятствия в доступе к правосудию.

Участие искусственного интеллекта в арбитраже образует отдельный пласт проблем. Регламент ЕС об ИИ (Regulation (EU) 2024/1689) в Annex III, п. 8 относит системы правосудия к высокорисковым; со 2 августа 2026 г. применяются обязательства управления рисками, гражданского надзора (ст. 14), прозрачности и кибербезопасности. SVAMC Guidelines (2024) в Guideline 7 закрепили запрет делегирования ИИ части личного мандата арбитра. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490⁸ определяет приоритеты ИИ-стратегии до 2030 г., не предусматривая ИИ как решающий орган; ст. 6 ЕКПЧ требует «суда, установленного законом», что исключает делегирование решения без человека «в петле». Корректным решением остается использование ИИ как инструмента поддержки принятия решений арбитражем.

Автономия воли в международных частных отношениях с цифровым элементом проявляет двойную природу: расширение частной воли (выбор негосударственных сводов правил, депесаж, нейтральное право, постфактум-выбор, электронная форма арбитражного соглашения) сопровождается усилением публично-правовых ограничений (контрсанкционные указы как сверхимперативные нормы, исключительная юрисдикция по ст. 248.1 АПК РФ, оговорка о публичном порядке). Коллизонный инструментарий раздела VI ГК РФ работоспособен для большинства смарт-контрактов, но требует достройки для автоматизированных протоколов с неидентифицируемым контрагентом.

Предлагается *de lege ferenda*: (1) дополнить ст. 1210 ГК РФ нормой о допустимости выбора права для смарт-контрактов с псевдонимными участниками через привязку к домицилию идентифицированной стороны или к правопорядку оператора блокчейн-платформы; (2) уточнить ст. 1192 ГК РФ через формализованный перечень-индикатор сверхимперативных норм цифровой сферы (ч. 5 ст. 1 и ч. 5 ст. 14 ФЗ № 259-ФЗ, нормы о цифровом рубле, контрсанкционные указы); (3) узко толковать ст. 248.1 АПК РФ с двумя кумулятивными условиями применения исключительной компетенции; (4) инкорпорировать в регламенты постоянных арбитражных учреждений правила, аналогич-

(дата обращения: 02.05.2026); Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 24. Ст. 3745.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21–6955(1, 2, 3) по делу № А60–36897/2020. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 02.05.2026).

² Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224; Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

³ Федеральные законы от 24.07.2023 № 339-ФЗ и № 340-ФЗ; от 11.03.2024 № 45-ФЗ; от 08.08.2024 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5760, 5761; 2024. № 11. Ст. 1416; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4933.

⁴ *Commodity Futures Trading Commission v. Ooki DAO*, Case No. 22-cv-05416, N.D. Cal., 2022. URL: <https://www.cftc.gov> (дата обращения: 02.05.2026); *Lavinia Deborah Osbourne v Persons Unknown and Ozone Networks Inc* [2022] EWHC 1021 (Comm). URL: <https://www.bailii.org> (дата обращения: 02.05.2026).

⁵ Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // OJ L 150, 09.06.2023. P. 40–205.

⁶ Закон РФ от 07.07.1993 № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже» (в ред. Федерального закона от 29.12.2015 № 409-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 2.

⁷ *Jaouad El Majdoub v CarsOnTheWeb.Deutschland GmbH*, Case C-322/14, ECLI: EU: C:2015:334; *Uber Technologies Inc. v Heller*, 2020 SCC 16. URL: <https://eur-lex.europa.eu; https://scc-csc.ca/judgments-jugements/cb/2020/38534/> (дата обращения: 02.05.2026).

⁸ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 (Artificial Intelligence Act) // OJ L, 12.07.2024; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (в ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

ные UKJT Digital Dispute Resolution Rules, и кодифицировать принцип функциональной эквивалентности защиты потребителя по образцу ELI Principles 2022 г.; (5) допустить ИИ-инструменты в арбитраже только с явного информированного согласия сторон и при сохранении человеческого решающего звена.

Литература

1. Андриянов Д.В. Применение смарт-контрактов и блокчейн-платформ в трансграничных нефтегазовых сделках: обострение коллизионной проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6 (115). С. 84–94. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.084-094>.
2. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 640 с.
3. Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. 2019. № 7 (152). С. 108–118. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.108-118>.
4. Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. 2019. № 8 (153). С. 51–62. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.153.8.051-062>.
5. Засемкова О.Ф. Международное частное право в XXI веке: современные вызовы и перспективы развития // Lex russica. 2019. № 11 (156). С. 30–36. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.156.11.030-036>.
6. Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. М.: Международные отношения, 2019. 664 с.
7. Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации lex mercatoria, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // Lex russica. 2019. № 7 (152). С. 93–107. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.093-107>.
8. Мажорина М.В., Терентьева Л.В., Шахназаров Б.А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 169–182. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.102.5.169-182>.
9. Новикова Т.В. О подходах к осмыслению автономии воли в международном частном праве // Государство и право. 2021. № 6. С. 183–191.
10. Ортолани П. Влияние блокчейн-технологий и смарт-контрактов на разрешение споров: арбитраж и судебное разбирательство на перепутье // Uniform Law Review. 2019. Vol. 24, no. 2. P. 430–448. <https://doi.org/10.1093/ulr/unz017>.
11. Старженецкий В.В., Багрова Я.А. (Анти)санкционные оговорки в международных коммерческих контрактах // Закон. 2023. № 7. С. 123–145.
12. Терентьева Л.В. Арбитражные оговорки в соглашениях с участием потребителя // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 67–88.
13. Терентьева Л.В. Судебная юрисдикция по разрешению трансграничных частноправовых дел в контексте принципа международного сотрудничества государств // Lex russica. 2021. Т. 74, № 3 (172). С. 36–51. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.172.3.036-051>.

THE PRINCIPLE OF PARTY AUTONOMY IN RESOLVING INTERNATIONAL CIVIL DISPUTES IN THE DIGITAL ERA

Gao Ge, Wang Zhuo

Vaganova Academy of Russian Ballet, The Third Xiangya Hospital of the Central South University

The paper examines difficulties arising in the application of party autonomy in resolving international civil disputes under the influence of digital transformation. Comparative-law material covers Articles 1186, 1210, 1192 of the Russian Civil Code, Resolution No. 24 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9 July 2019, Regulation (EC) No. 593/2008 (Rome I), the 2015 Hague Principles, and common-law approaches. The trend toward expansion of choice-of-law freedom is shown to be balanced by strengthening of overriding mandatory rules, the public-policy exception, and counter-sanctions regulation (Article 248.1 of the Arbitrazh Procedure Code). Tension is identified between the classical conflict-of-laws connecting factor of Article 1210 of the Civil Code and the pseudonymity of public-blockchain participants; the limits of recognition of ODR-platform decisions under the 1958 New York Convention are analysed; the boundaries of artificial-intelligence participation in arbitration are outlined. Proposals de lege ferenda for adapting Russian private international law to the digital environment are formulated.

Keywords: party autonomy, private international law, choice of applicable law, smart contract, online arbitration, digital jurisdiction, overriding mandatory rules, Article 248.1 of the Arbitrazh Procedure Code.

References

1. Andriyanov, D.V. (2020) 'Application of smart contracts and blockchain platforms in cross-border oil and gas transactions: Aggravation of the conflict-of-laws problem', Actual Problems of Russian Law, 15(6), pp. 84–94. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.084-094> (in Russian).
2. Asoskov, A.V. (2013) Conflict-of-laws regulation of contractual obligations. Moscow: Infotropic Media. 640 p. (in Russian).
3. Bogdanova, E.E. (2019) 'Problems of applying smart contracts in transactions with virtual property', Lex russica, (7), pp. 108–118. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.108-118> (in Russian).
4. Grin, O.S., Grin, E.S. and Solov'yev, A.V. (2019) 'The legal construction of a smart contract: legal nature and scope of application', Lex russica, (8), pp. 51–62. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.153.8.051-062> (in Russian).
5. Kanashevsky, V.A. (2019) International transactions: legal regulation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 664 p. (in Russian).
6. Mazhorina, M.V. (2019) 'On the conflict of law and "non-law", the renovation of lex mercatoria, smart contracts and blockchain arbitration', Lex russica, (7), pp. 93–107. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.093-107> (in Russian).
7. Mazhorina, M.V., Terentyeva, L.V. and Shakhnazarov, B.A. (2019) 'Private international law in the context of the development of information and communication technologies', Actual Problems of Russian Law, (5), pp. 169–182. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.102.5.169-182> (in Russian).
8. Novikova, T.V. (2021) 'On approaches to understanding party autonomy in private international law', State and Law, (6), pp. 183–191 (in Russian).
9. Ortolani, P. (2019) 'The impact of blockchain technologies and smart contracts on dispute resolution: arbitration and court litigation at the crossroads', Uniform Law Review, 24(2), pp. 430–448. <https://doi.org/10.1093/ulr/unz017>.
10. Starzhenetskiy, V.V. and Bagrova, Ya.A. (2023) '(Anti-)sanctions clauses in international commercial contracts', Zakon, (7), pp. 123–145 (in Russian).
11. Terentyeva, L.V. (2020) 'Arbitration clauses in agreements with consumer participation', Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, (2), pp. 67–88 (in Russian).
12. Terentyeva, L.V. (2021) 'Judicial jurisdiction over the resolution of cross-border private-law cases in the context of the principle of international cooperation of states', Lex russica, 74(3), pp. 36–51. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.172.3.036-051> (in Russian).
13. Zasemkova, O.F. (2019) 'Private international law in the 21st century: contemporary challenges and prospects of development', Lex russica, (11), pp. 30–36. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.156.11.030-036> (in Russian).

Правовые основы финансового мониторинга в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительный анализ и направления совершенствования российского законодательства

Зольникова Юлия Игоревна,

студент, Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России,
Одинцовский филиал
E-mail: zolnikova04@gmail.com

Микрина Валентина Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
публичного права, МГИМО (Одинцовский филиал)

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу правовых основ финансового мониторинга в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Особое внимание уделяется институциональному положению подразделений финансовой разведки, применению риск-ориентированного подхода и цифровых технологий, а также реформе антиотмывочного законодательства КНР 2024 года. Цель исследования – выявление общих черт и различий национальных моделей финансового мониторинга двух государств и разработка предложений по совершенствованию российского законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Используются сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный и историко-правовой методы. Установлено, что при общей ориентации на стандарты ФАТФ китайская модель отличается интеграцией финансовой разведки в структуру центрального банка, централизацией информационных потоков, технологичностью и профилактической направленностью надзора. Научная новизна исследования состоит в том, что проведен комплексный сравнительно-правовой анализ моделей финансового мониторинга России и Китая с учетом новой редакции Закона КНР «О противодействии отмыванию денег», вступившей в силу с 1 января 2025 года. Сделан вывод о целесообразности функционального, а не механического заимствования китайского опыта; предложены четыре направления совершенствования российской системы ПОД/ФТ.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, противодействие легализации доходов, финансовая разведка, Росфинмониторинг, Народный банк Китая, риск-ориентированный подход, сравнительное правоведение.

Введение

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма относятся к числу наиболее опасных транснациональных угроз современности: они подрывают устойчивость финансовых систем, искажают условия конкуренции и питают организованную преступность и коррупцию. В условиях цифровизации расчетов и ускорения трансграничного движения капитала возможности сокрытия происхождения преступных доходов расширяются, что требует опережающего развития правовых механизмов финансового мониторинга. По данным официальной отчетности Росфинмониторинга, ежегодно уполномоченный орган обрабатывает миллионы сообщений об операциях, подлежащих контролю.

Особый научный и практический интерес для Российской Федерации представляет опыт Китайской Народной Республики. Обе страны строят национальные системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ) на основе Рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), что обеспечивает сопоставимость моделей, а стратегическое партнерство двух государств повышает значимость согласованного контроля за трансграничными финансовыми потоками. Кроме того, в КНР проведена масштабная реформа антиотмывочного законодательства: новая редакция Закона КНР «О противодействии отмыванию денег» вступила в силу с 1 января 2025 года [1], что делает сравнительное исследование особенно своевременным.

Цель исследования – выявление общих черт и различий правовых моделей финансового мониторинга России и Китая и разработка на этой основе предложений по совершенствованию российского законодательства в сфере ПОД/ФТ. Задачи исследования: определение правовой природы финансового мониторинга; характеристика нормативной базы и системы органов финансового мониторинга двух государств; сравнительный анализ национальных моделей; оценка возможности и пределов использования китайского опыта в российских условиях.

Материалы и методы исследования

Нормативную основу исследования образуют Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ) [2], подзаконные акты Президента и Правительства Российской Федерации, нормативные акты Банка России и Росфинмониторинга, а также законодательство КНР: Закон КНР «О противодействии отмыванию денег» в редакции 2024 года [1], законы КНР «О противодействии терроризму» и «О национальной безопасности», ведомственные акты Народного банка Китая. Используются Рекомендации ФАТФ, универсальные конвенции ООН и Совета Европы, двусторонние российско-китайские договоренности, прежде всего Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2010 года [3], а также официальные отчеты Росфинмониторинга и материалы взаимных оценок ФАТФ и Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (далее – ЕАГ).

Методологическую основу составил комплекс общенаучных и специально-юридических методов. Ведущая роль принадлежит сравнительно-правовому методу, позволившему сопоставить институциональные и нормативные характеристики двух систем. Формально-юридический метод применялся при анализе нормативных актов, системно-структурный – при характеристике построения национальных систем ПОД/ФТ, историко-правовой – при рассмотрении этапов развития законодательства; выводы сформулированы с использованием методов анализа, синтеза и обобщения.

Литературный обзор

Проблематика финансового мониторинга имеет прочную доктринальную основу. Классической для отечественной науки является работа В.А. Зубкова и С.К. Осипова, в которой финансовый мониторинг рас-

крыт в контексте участия России в международной системе ПОД/ФТ [4], а в монографии М.М. Прошунина на основе сопоставления российского и зарубежного опыта он охарактеризован как специализированное направление государственного финансового контроля [5]. Системное представление о построении национальной системы ПОД/ФТ, ее уровнях и субъектном составе дают издания под редакцией В.И. Глотова и А.У. Альбекова [6], Ю.А. Чиханчина и А.Г. Братко [7]; прикладные аспекты внутреннего антиотмывочного контроля исследованы Н.В. Кобозевой [8], Т.В. Косинец и М.В. Робертс [9].

Сравнительное направление представлено преимущественно экономическими работами о финансовых системах России и Китая: монографией С.Ф. Хашукаева и Чжань Юньтина [10], статьей Ли Цяна и Чжан Вэя о сравнительной эффективности банковских систем двух стран [11], исследованием Е.М. Роговой, Д. Вуковича и Д.Л. Фелло-ва о взаимосвязи российского и китайского финансовых рынков [12]. Вместе с тем комплексные юридические исследования, сопоставляющие национальные модели финансового мониторинга России и Китая с учетом реформы китайского законодательства 2024 года, в отечественной науке практически отсутствуют. Настоящая статья призвана восполнить указанный пробел: в отличие от имеющихся публикаций, сопоставление проводится на актуальной нормативной базе обоих государств и завершается формулированием предложений российскому законодателю.

Результаты исследования

В доктрине финансовый мониторинг определяется как комплекс мер, принимаемых финансовыми учреждениями и компетентными государственными органами в целях предупреждения, выявления и пресечения операций, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов или финансированием терроризма [4, с. 103]. Это определение отражает двойственную природу института, объединяющего частноправовой контур (внутренний контроль обязанных организаций) и публично-правовой контур (деятельность уполномоченных государственных органов). По своей правовой природе финансовый мониторинг относится к государственному финансовому контролю, однако не тождествен его классическим формам: его специфика состоит в выявлении и анализе операций, которые могут быть связаны с легализацией преступных доходов [5, с. 29].

Система финансового мониторинга включает два взаимосвязанных уровня: первичный мониторинг, осуществляемый агентами – кредитными организациями, профессиональными участниками рынка ценных бумаг, страховыми и иными установленными законом субъектами, которые идентифицируют клиентов и направляют сведения о подозрительных операциях в подразделение финансовой разведки [6, с. 38–42], и вторичный (государственный) мониторинг – централизованный сбор и углубленный анализ информации с последующей передачей материалов в правоохранительные органы [7, с. 105–106]. Непрерывный информационный обмен между уровнями образует замкнутый контур наблюдения за финансовыми потоками [8; 9].

Российская модель основана на разветвленной нормативной базе, системообразующим элементом которой выступает Федеральный закон № 115-ФЗ [2]: он определяет круг обязанных субъектов, требования по идентификации клиентов, внутреннему контролю и представлению информации, а также институт обязательного контроля отдельных категорий операций. Подзаконное регулирование конкретизирует эти требования: постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2025 года № 1157 утверждены требования к процедурам внутреннего контроля, актами Банка России детализированы процедуры идентификации и порядок направления сведений в Росфинмониторинг; стратегические ориентиры закреплены Концепцией развития национальной системы ПОД/ФТ, утвержденной Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 года. Юридическую ответственность обеспечивают статья 15.27 КоАП РФ и статьи 174, 174.1, 205.1 УК РФ. Субъектный состав системы широк: помимо финансовых организаций, к агентам отнесены ломбарды, операторы по приему платежей, организаторы азартных игр, а в установленных законом случаях – адвокаты и нотариусы.

Институциональное ядро российской системы образует взаимодействие двух органов. Росфинмониторинг – федеральный орган исполнительной власти, подведомственный Президенту Российской Федерации (Указ Президента РФ от 13.06.2012 № 808), – выполняет функции национального подразделения финансовой разведки: аккумулирует и анализирует сведения об операциях, вырабатывает государственную политику в сфере ПОД/ФТ и координирует деятельность субъектов системы. Банк России осуществляет нормативное регулирование и надзор в отношении кредитных и некредитных финансовых организаций вплоть до отзыва лицензии; контрольная деятель-

ность Росфинмониторинга охватывает лишь организации, не имеющие профильного надзорного органа. Такое распределение функций характеризуется в литературе как взаимодополняющее, однако оно объективно порождает задачу постоянной координации регуляторов [6, с. 40–42; 7, с. 62–63].

Международный контур российской системы включает участие в универсальных конвенциях, членство в ФАТФ с 2003 года, учредительство в ЕАГ и участие Росфинмониторинга в Группе «Эгмонт», объединяющей подразделения финансовой разведки. Несмотря на приостановление членства России в ФАТФ по политическим мотивам, национальная система продолжает развиваться в русле международных стандартов: по итогам четвертого раунда взаимных оценок ФАТФ (2019 год) российская антиотмывочная система была признана одной из наиболее эффективных в мире.

Правовое регулирование ПОД/ФТ в КНР выстроено как многоуровневая система источников. Системообразующим актом является Закон КНР «О противодействии отмыванию денег» [1], принятый в 2006 году; его новая редакция, вступившая в силу с 1 января 2025 года, закрепила риск-ориентированный подход, расширила обязанности по надлежащей проверке клиентов и установлению бенефициарных владельцев, впервые систематизировав положения о международном сотрудничестве. Уголовно-правовой контур образуют нормы Уголовного кодекса КНР об ответственности за легализацию преступных доходов, антитеррористический блок – законы КНР «О противодействии терроризму» и «О национальной безопасности». Подзаконное регулирование сосредоточено в актах Народного банка Китая: вступившие в силу с 1 января 2026 года меры о надлежащей проверке клиентов заменили правила 2007 года и окончательно закрепили риск-ориентированную модель compliance.

Институциональная модель КНР отличается высокой степенью централизации. Ключевым регулятором и координатором национального режима ПОД/ФТ выступает Народный банк Китая, при котором функционирует Китайский центр мониторинга и анализа отмывания денег (CAMLMAC) – национальное подразделение финансовой разведки; таким образом, в отличие от России, финансовая разведка КНР является структурным подразделением центрального банка. Отраслевой надзор осуществляют Государственное управление финансового регулирования (NFRA) и Комиссия по регулированию рынка ценных бумаг (CSRC), контроль за трансграничными валютными операциями – Государственная администрация валютного контроля (SAFE), правоохранительное обеспечение – Бюро по борьбе с отмыванием денег Министерства общественной безопасности КНР. Деятельность перечисленных органов согласуется межведомственным координационным механизмом, созданным по инициативе Государственного совета КНР.

Международный контур китайской системы сочетает активную интеграцию и защиту финансового суверенитета. КНР – член ФАТФ с 2007 года и одно из государств – учредителей ЕАГ. Глава V Закона КНР «О противодействии отмыванию денег» закрепляет осуществление международного сотрудничества на основе международных договоров либо принципов взаимности и равноправия; при этом финансовым учреждениям КНР запрещено исполнять требования иностранных государств о предоставлении информации, аресте или блокировании активов без разрешения компетентных органов Китая [1]. В настоящее время КНР готовится к пятому раунду взаимных оценок ФАТФ, запланированному на период с ноября 2025 года по февраль 2027 года.

Проведенное сопоставление позволяет констатировать существенное сходство национальных систем, обусловленное общей ориентацией на стандарты ФАТФ. В обоих государствах функционируют специализированные подразделения финансовой разведки, выстроена двухуровневая модель «агенты – уполномоченный орган», реализуется риск-ориентированный подход, а превентивные механизмы (идентификация клиентов, внутренний контроль, обязательный контроль отдельных категорий операций) сочетаются с механизмами административной и уголовной ответственности. Различия же обусловлены прежде всего особенностями правовых систем: российская модель более дифференцирована и формализована, китайская – более централизована, технологична и гибка в правоприменении.

Вместе с тем сопоставление позволяет не только описать различия двух моделей, но и выявить ряд слабых мест российской системы финансового мониторинга. Во-первых, это фрагментация надзора: функции финансовой разведки и надзора за исполнением законодательства о ПОД/ФТ в кредитных организациях распределены между Росфинмониторингом и Банком России, что не всегда обеспечивает оперативность аналитического взаимодействия и создает риск информационных разрывов; в КНР соответствующие функции сконцентрированы в Народном банке Китая, в структуру которого входит и подразделение финансовой разведки – CAMLMAC, что обеспечивает более

тесную интеграцию финансового мониторинга с банковским надзором [11]. Во-вторых, это преобладание контрольной составляющей надзора над профилактической: российская система ориентирована прежде всего на проверки и применение мер ответственности, что нередко приводит к выявлению формальных нарушений, не связанных с реальными рисками отмывания доходов, тогда как китайская модель делает акцент на предупреждении нарушений – консультировании поднадзорных организаций и разъяснении требований законодательства. В-третьих, это недостаточная технологичность риск-ориентированного подхода: в России он реализуется преимущественно через статические критерии и признаки подозрительных операций, закрепляемые нормативными и методическими актами Банка России и Росфинмониторинга, тогда как китайская система опирается на математические методики выявления подозрительных операций и активно внедряет технологии искусственного интеллекта и анализа больших данных для мониторинга операций в режиме реального времени [10, с. 52; 11, с. 118]. Наконец, российское регулирование характеризуется высокой степенью формализации процедур, в то время как китайское законодательство оставляет регуляторам более широкие пределы усмотрения, что повышает гибкость реагирования на новые типологии противоправной деятельности, но снижает предсказуемость правоприменения [10, с. 67].

Обсуждение результатов исследования

Полученные результаты ставят вопрос о возможности и пределах использования китайского опыта при совершенствовании российской системы финансового мониторинга. Механическое заимствование институциональных решений представляется недопустимым: интеграция финансовой разведки в структуру центрального банка противоречила бы сложившейся в России модели распределения полномочий, а широкое регуляторное усмотрение, свойственное китайской модели, вступало бы в противоречие с принципом формальной определенности права. Заимствование, следовательно, должно носить функциональный характер: восприятию подлежат не организационные формы, а механизмы, доказавшие свою эффективность. С учетом изложенного предлагаются следующие направления совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики, ориентированные на устранение выявленных недостатков.

Первое направление – углубление координации Росфинмониторинга и Банка России. Опыт КНР демонстрирует, что интеграция финансового мониторинга и банковского надзора в рамках единого центра повышает скорость и полноту информационного обмена [11]. Существующее взаимодействие двух ведомств обеспечивает прежде всего поток отчетности от поднадзорных организаций, тогда как аналитическая координация между самими регуляторами развита слабее. Сопоставимый эффект достигим без организационного слияния – путем создания постоянно действующих совместных рабочих групп по разбору типовых нарушений, выработки единой методики оценки рисков вовлеченности кредитных организаций в сомнительные операции и организации обмена информацией на основе единых форматов данных.

Второе направление – разработка концепции единой автоматизированной системы сбора и анализа данных о финансовых операциях с применением технологий машинного обучения, призванной преодолеть технологическое отставание российской модели. Крупнейшие китайские банки используют математические модели выявления подозрительных операций в режиме реального времени [11, с. 118], а централизованные информационные платформы рассматриваются в КНР в качестве технологической основы развития системы ПОД/ФТ [10, с. 89]. Для России это предполагает унификацию форматов отчетности поднадзорных организаций, формирование централизованного хранилища данных и внедрение аналитических инструментов выявления новых схем легализации при одновременном усилении правовых гарантий защиты банковской тайны и персональных данных.

Третье направление – развитие профилактической (консультативно-методической) модели надзора. Методические рекомендации и информационные письма Росфинмониторинга носят рекомендательный характер и не являются нормативными правовыми актами, что ограничивает их регулирующий потенциал. Представляется обоснованным закрепить консультативно-методическую функцию Службы непосредственно в Федеральном законе № 115-ФЗ [2], предусмотрев обязанность учета официальных разъяснений при оценке добросовестности поднадзорных субъектов, а также создать механизм обратной связи – право субъектов первичного финансового мониторинга направлять запросы о затруднениях в применении законодательства с последующим обобщением таких запросов регулятором. Это позволит сократить количество формальных нарушений и сформировать единообразную правоприменительную практику.

Четвертое направление – продолжение гармонизации российских стандартов бухгалтерской и финансовой отчетности с международными требованиями в части раскрытия информации, необходимой для целей ПОД/ФТ: сопоставимость отчетных данных выступает условием эффективности как первичного финансового мониторинга, так и трансграничного информационного обмена, а опыт последовательной адаптации международных стандартов китайским банковским сектором подтверждает практическую реализуемость такого подхода [10, с. 52; 12, с. 156].

Отдельного внимания заслуживает цифровой вектор развития обеих систем. Внедрение цифровых валют центральных банков – цифрового юаня в КНР и цифрового рубля в России – формирует новый периметр финансового мониторинга: прозрачность транзакционных цепочек создает предпосылки для контроля операций в режиме, близком к реальному времени, одновременно порождая вопросы о пределах такого контроля и гарантиях прав участников расчетов.

Самостоятельное значение имеет развитие двустороннего сотрудничества России и Китая в сфере ПОД/ФТ, выступающее каналом сближения национальных практик. Его договорную основу образует Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2010 года, предусматривающее обмен информацией об источниках и каналах финансирования преступной деятельности [3]. Подразделения финансовой разведки двух государств взаимодействуют на регулярной основе, координация позиций осуществляется на площадках ФАТФ, ЕАГ и БРИКС. Перспективным представляется заключение межведомственного соглашения между Росфинмониторингом и Народным банком Китая о совместном анализе трансграничных операций и обмене типологиями легализации преступных доходов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Финансовый мониторинг представляет собой комплексный публично-правовой институт, объединяющий внутренний контроль организаций частного сектора и деятельность уполномоченных государственных органов и выступающий ключевым инструментом обеспечения финансовой безопасности государства; его система включает первичный мониторинг, осуществляемый агентами, и вторичный (государственный) мониторинг, реализуемый подразделением финансовой разведки.

Национальные системы финансового мониторинга России и Китая, будучи построены на единых стандартах ФАТФ, демонстрируют существенные институциональные различия: российская модель характеризуется самостоятельностью финансовой разведки и распределением надзорных полномочий между несколькими органами, китайская – интеграцией финансовой разведки в структуру центрального банка, высокой централизацией информационных потоков, активным применением цифровых технологий и профилактической направленностью надзора. Реформа китайского законодательства 2024 года усилила риск-ориентированный характер регулирования и закрепила принцип взаимности как основу международного сотрудничества КНР.

На основе функционального подхода к заимствованию зарубежного опыта предложены четыре направления совершенствования российской системы: углубление координации Росфинмониторинга и Банка России; создание единой автоматизированной системы анализа финансовых операций с применением технологий машинного обучения; развитие профилактической модели надзора посредством внесения изменений в Федеральный закон № 115-ФЗ; гармонизация стандартов отчетности с международными требованиями. Реализация указанных мер с учетом особенностей российской правовой системы и во взаимосвязи с развитием двустороннего сотрудничества с КНР будет способствовать повышению эффективности национальной системы ПОД/ФТ.

Научная новизна исследования состоит в том, что сравнительно-правовой анализ национальных моделей финансового мониторинга России и Китая проведен с учетом новой редакции Закона КНР «О противодействии отмыванию денег», вступившей в силу с 1 января 2025 года, и современного состояния российской нормативной базы; на этой основе обоснован функциональный подход к заимствованию китайского опыта, исключающий механическое копирование институциональных форм. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом правового регулирования мониторинга операций с цифровыми валютами в России и Китае, а также с изучением наднациональных механизмов оценки рисков легализации преступных доходов на евразийском пространстве.

Литература

1. Закон Китайской Народной Республики «О противодействии отмыванию денег»: принят 31.10.2006 (в ред. от 08.11.2024, вступил

в силу 01.01.2025) / Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей. URL: <http://www.npc.gov.cn> (дата обращения: 17.07.2026).

2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

3. Соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (подписано в г. Пекине 27.09.2010; ратифицировано Федеральным законом от 22.11.2016 № 390-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 48. Ст. 6733.

4. Зубков В.А., Осипов С.К. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2007.

5. Прошунин М.М. Правовое регулирование финансового мониторинга (российский и зарубежный опыт): монография. М.: Российская академия правосудия, 2010.

6. Финансовый мониторинг: учебник / В.И. Готов, А.У. Альбеков [и др.]; под ред. В.И. Глотов, А.У. Альбекова. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2019.

7. Финансовый мониторинг: учебное пособие. Т. 1 / под ред. Ю.А. Чиханчина, А.Г. Братко. М.: Юстицинформ, 2018.

8. Кобозева Н.В. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в аудиторской деятельности: практическое пособие. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2022.

9. Косинец Т.В., Робертс М.В. Финансово-кредитный мониторинг: теория и практика: учебное пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2024.

10. Хашукаев С.Ф., Чжань Юньтин. Сравнительный анализ и развитие финансовых систем России и Китая: монография. М.: MEDIA-CRAT, 2025.

11. Ли Цян, Чжан Вэй. Банковские системы Китая и России: сравнительный анализ эффективности // Финансы и кредит. 2024. № 3. С. 112–118.

12. Рогова Е.М., Вукович Д., Фефелов Д.Л. Финансовая взаимосвязь российского и китайского рынков: динамическая оценка // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 2 (67). С. 156.

LEGAL FRAMEWORK OF FINANCIAL MONITORING IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS AND DIRECTIONS FOR IMPROVING RUSSIAN LEGISLATION

Zolnikova Yu.I., Mikrina V.G.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo branch

The article presents a comparative legal analysis of the legal framework of financial monitoring in the Russian Federation and the People's Republic of China. Particular attention is paid to the institutional position of financial intelligence units, the risk-based approach, digital technologies and the 2024 reform of the PRC anti-money laundering legislation. The purpose of the study is to identify the common features and differences of the two national

financial monitoring models and to develop proposals for improving Russian legislation in the field of anti-money laundering and counter-terrorist financing (AML/CFT). Comparative legal, formal legal, system-structural and historical legal methods are used. It is established that, while both systems are based on the FATF standards, the Chinese model is distinguished by the integration of financial intelligence into the central bank, centralized information flows, technological effectiveness and the preventive orientation of supervision. The scientific novelty of the study lies in the first comprehensive comparative legal analysis of the two models that takes into account the new version of the PRC Anti-Money Laundering Law, effective from 1 January 2025. It is concluded that functional rather than mechanical borrowing of the Chinese experience is advisable; four directions for improving the Russian AML/CFT system are proposed.

Keywords: financial monitoring, anti-money laundering, financial intelligence, Rosfinmonitoring, People's Bank of China, risk-based approach, comparative law.

References

1. Anti-Money Laundering Law of the People's Republic of China (adopted 31.10.2006, as revised on 08.11.2024, effective 01.01.2025). Official website of the National People's Congress of the People's Republic of China. Available at: <http://www.npc.gov.cn> (accessed: 17.07.2026).

2. Federal'nyy zakon ot 07.08.2001 № 115-FZ «O protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma» [Federal Law No. 115-FZ of 7 August 2001 «On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism»]. Sbornie zakonodatel'stva RF. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3418. (in Russian).

3. Soglasenie mezhdu Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj o sotrudnichestve v bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom (Pekin, 27.09.2010) [Agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in Combating Terrorism, Separatism and Extremism (Beijing, 27.09.2010)]. Sbornie zakonodatel'stva RF. 2016. No. 48. Art. 6733. (in Russian).

4. Zubkov V.A., Osipov S.K. Rossijskaya Federaciya v mezhdunarodnoj sisteme protivodeystviya legalizatsii (otmyvaniyu) prestupnykh dohodov i finansirovaniyu terrorizma [The Russian Federation in the international system of combating the legalization (laundering) of criminal proceeds and the financing of terrorism]. 2nd ed. Moscow: Gorodets, 2007. (in Russian).

5. Proshunin M.M. Pravovoe regulirovanie finansovogo monitoringa (rossijskij i zarubezhnyj opyt) [Legal regulation of financial monitoring (Russian and foreign experience)]: monograph. Moscow: Russian Academy of Justice, 2010. (in Russian).

6. Finansovyy monitoring: uchebnik [Financial monitoring: textbook] / V.I. Glotov, A.U. Albekov [et al.]; ed. by V.I. Glotov, A.U. Albekov. Rostov-on-Don: RSUE (RINH), 2019. (in Russian).

7. Finansovyy monitoring: uchebnoe posobie. T. 1 [Financial monitoring: textbook. Vol. 1] / ed. by Yu.A. Chikhanchin, A.G. Bratko. Moscow: Yustitsinform, 2018. (in Russian).

8. Kobozeva N.V. Protivodeystvie legalizatsii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma v auditorskoj deyatel'nosti [Countering the legalization (laundering) of criminally obtained proceeds and the financing of terrorism in auditing]: practical guide. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2022. (in Russian).

9. Kosinets T.V., Roberts M.V. Finansovo-kreditnyj monitoring: teoriya i praktika [Financial and credit monitoring: theory and practice]: textbook. Vladimir: VISU Publishing House, 2024. (in Russian).

10. Khashukhaev S.F., Chzhan' Yun'tin. Sravnitel'nyj analiz i razvitie finansovykh sistem Rossii i Kitaya [Comparative analysis and development of the financial systems of Russia and China]: monograph. Moscow: MEDIA-CRAT, 2025. (in Russian).

11. Li Cuan, Chzhan Vej. Bankovskie sistemy Kitaya i Rossii: sravnitel'nyj analiz effektivnosti [Banking systems of China and Russia: a comparative efficiency analysis]. Finansy i kredit [Finance and Credit]. 2024. No. 3. P. 112–118. (in Russian).

12. Rogova E.M., Vukovich D., Fefelov D.L. Finansovaya vzaimosvyaz' rossijskogo i kitajskogo rynkov: dinamicheskaya ocenka [Financial interconnection of the Russian and Chinese markets: a dynamic assessment]. Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii [Journal of the New Economic Association]. 2025. No. 2 (67). P. 156. (in Russian).

Нигамадзянов Марат Мавлитович,

аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: jobnmm@gmail.com

Статья посвящена разграничению односторонних ограничительных мер и контрмер в международном праве. Цель исследования состоит в формировании последовательных критериев юридической квалификации мер, которые во внешнеполитическом дискурсе обычно объединяются словом «санкции». Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы; материалами послужили Устав ООН, Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния, решение Международного суда ООН по делу о проекте Габчиково – Надьмарош и современная доктрина. Дополнительно исследованы автономные режимы Европейского союза и проблема экстерриториального действия ограничений в отношении лиц третьих государств. Установлено, что односторонняя ограничительная мера является описательной категорией и сама по себе не предопределяет ни правомерность, ни противоправность поведения государства. В зависимости от основания и содержания такая мера может быть реторсией, действием в пределах договорного исключения, контрмерой либо международно-противоправным деянием. Предложен квалификационный тест, учитывающий наличие нарушенного обязательства, статус потерпевшего государства, направленность меры, её временность, пропорциональность, соблюдение процедуры и юрисдикционную связь. Сделан вывод, что смешение категорий устраняется не терминологическим запретом, а последовательной проверкой юридических оснований каждой конкретной меры.

Ключевые слова: односторонние ограничительные меры, контрмеры, санкции, международная ответственность государств, реторсии, пропорциональность, суверенное равенство, экстерриториальность.

Введение

Расширение национальных и региональных режимов экономических ограничений придало слову «санкции» универсальный характер. Им обозначают меры Совета Безопасности ООН, ограничения государств и интеграционных объединений, а также ответные действия потерпевшего государства. Однако сходство экономического эффекта не означает тождества правовой природы. Коллективная мера по главе VII Устава ООН, правомерная реторсия и контрмера подчинены разным основаниям и процедурам, поэтому их объединение одним термином затрудняет оценку правомерности.

Современная литература подробно рассматривает терминологию, автономные режимы Европейского союза, критерии допустимости одностороннего принуждения и экстерриториальное действие вторичных ограничений [5, с. 246–272; 6, с. 7–12; 8, с. 137–146]. Вместе с тем в научных позициях сохраняется расхождение: одни авторы исходят из особого международно-правового режима односторонних мер, другие видят в них преимущественно национальный внешнеполитический инструмент [9, с. 5–17; 10, с. 173–179]. Рабочая гипотеза настоящего исследования состоит в том, что категория «односторонняя ограничительная мера» описывает форму воздействия, тогда как окончательная юридическая квалификация зависит от основания, содержания и условий её применения.

Цель работы – сформировать критерии разграничения односторонних ограничительных мер и контрмер. Для её достижения необходимо: определить место обеих категорий в системе международно-правового принуждения; сопоставить их основания, цели, субъектный состав и процедуру; установить значение пропорциональности и экстерриториальности; предложить последовательность квалификации конкретной меры.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили Устав ООН, Декларация о принципах международного права 1970 г. и Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния, приложенные к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 [1–3]. Для проверки выведенных критериев использована позиция Международного суда ООН по делу о проекте Габчиково – Надьмарош [4, п. 83–87]. Доктринальный материал образуют российские и зарубежные по предмету исследования публикации 2022–2026 гг.

Формально-юридический метод применён для толкования статей 22 и 49–54 Статей об ответственности государств. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить коллективные меры, реторсии, контрмеры и автономные ограничения. Системный метод использован для соотнесения общих норм ответственности с договорными обязательствами, исключениями и правилами юрисдикции. Единицей анализа выступает не «санкционный режим» в целом, а конкретная мера и затрагиваемое ею международное обязательство.

Литературный обзор

В современных исследованиях можно выделить три взаимосвязанных направления. Первое посвящено понятийному аппарату. Н.К. Семенова, Е.А. Марченкова и И.В. Грачева показывают неоднородность категорий «санкции», «ограничительные меры» и «рестрикции» [12, с. 1–6]. Я.С. Бутакова связывает публично-правовое происхождение экономических ограничений с их воздействием на частноправовые отношения [11, с. 35–42]. А.К. Касымалиева рассматривает различие терминов как условие корректного анализа санкционного противостояния [10, с. 173–179]. Общим результатом этих работ является отказ от использования слова «санкции» как самодостаточной юридической квалификации.

Второе направление исследует критерии правомерности. А.Д. Табачкин сопоставляет односторонние меры с санкциями и контрмерами и обосновывает необходимость оценки цели, основания, пропорциональности и соответствия международным обязательствам [6, с. 7–12; 7, с. 2–7]. И.Н. Тимофеев предлагает дифференцировать меры по модели «санкционного светофора»: от правомерных реторсий до действий, явно нарушающих международное право [13]. Значение такого подхода состоит в отказе от общей презумпции противоправности любого одностороннего ограничения.

Третье направление сосредоточено на специальных режимах. Ф.Ю. Панов раскрывает основания и процедуры автономных ограничительных мер ЕС [8, с. 137–146], а В.В. Войников оценивает их соотношение с международными обязательствами [9, с. 5–17]. П.И. Чувахин показывает, что наиболее острые вопросы возникают при экстерриториальном распространении национального регулирования и недостаточной юрисдикционной связи с адресатом [5, с. 252–263]. Эти выводы требуют включить в квалификационный тест отдельную проверку юрисдикционного основания.

Результаты

Сопоставление источников позволяет разделить три уровня принуждения. Первый образуют меры Совета Безопасности ООН, принимаемые на основании статьи 41 Устава ООН [1]. Их обязательность вытекает из Устава, а не из односторонней воли отдельного государства. Второй уровень составляют контрмеры как обстоятельство, исключающее противоправность временного неисполнения обязательства потерпевшим государством. Третий уровень – односторонние ограничительные меры как фактический класс действий, основанных на национальном или региональном праве. Последний класс юридически неоднороден.

Контрмера предполагает наличие предшествующего международно-противоправного деяния, совершённого государством-адресатом. Она применяется потерпевшим государством для побуждения ответственного государства прекратить нарушение и исполнить обязательства по ответственности. Поэтому контрмера носит временный характер и, насколько возможно, должна допускать возобновление исполнения. До её применения предъявляется требование об исполнении обязательств, направляется уведомление и предлагаются переговоры; безотлагательные меры, необходимые для сохранения прав, составляют исключение. Масштаб ответа ограничен пропорциональностью, а статья 50 Статей об ответственности защищает, в частности, запрет силы, основные права человека и обязательства гуманитарного характера [3, ст. 49–53].

Международный суд ООН в деле о проекте Габчикова – Надьмарош связал допустимость контрмеры с предшествующим противоправным деянием другого государства, обращением с требованием прекратить нарушение или предоставить возмещение и соразмерностью ответа причинённому ущербу [4, п. 83–87]. Следовательно, политическая ссылка на «ответный характер» ограничения не заменяет доказательств каждого элемента. Если государство не называет нарушенное обязательство либо мера направлена главным образом на наказание, смену политики как таковой или причинение необратимого ущерба, квалификация в качестве контрмеры становится юридически уязвимой.

Односторонняя ограничительная мера не обязательно нарушает международное право. Отказ в необязательной экономической преференции может быть реторсией; ограничение может допускаться договорным исключением либо осуществляться в пределах территориальной или персональной юрисдикции. Та же по внешней форме мера может соответствовать режиму контрмер, если выполнены его условия. Напротив, нарушение торгового, инвестиционного или иного обязательства при отсутствии применимого исключения или обстоятельства, исключающего противоправность, образует международно-противоправное деяние. Декларация 1970 г. запрещает экономическое и политическое принуждение, направленное на подчинение осуществления суверенных прав и извлечение преимуществ, но не устанавливает буквального запрета любой недружественной меры [2].

Таблица 1. Критерии разграничения контрмер и односторонних ограничительных мер

Критерий	Контрмера	Односторонняя ограничительная мера
Правовое основание	Статьи 22, 49–54 об ответственности государств	Национальное или региональное право; международная квалификация определяется отдельно
Предшествующее нарушение	Обязательно и должно быть вменено адресату	Может отсутствовать либо оставаться спорным
Субъект	Как правило, потерпевшее государство	Государство или интеграционное объединение
Цель	Побуждение к прекращению нарушения и исполнению обязательств	Внешнеполитические, экономические, защитные или иные цели
Пределы	Пропорциональность, временность, защищённые обязательства	Зависят от применимых договоров, общего права и юрисдикционной связи

Критерий	Контрмера	Односторонняя ограничительная мера
Процедура	Требование, уведомление, предложение переговоров	Определяется внутренним или региональным правом
Итоговая оценка	Исключает противоправность при совокупности условий	Может быть реторсией, разрешённой мерой, контрмерой или правонарушением

С учётом выделенных критериев предлагается последовательный алгоритм юридической квалификации, включающий пять этапов. Сначала устанавливается конкретное международное обязательство, затронутое мерой. Затем определяется, является ли поведение само по себе несовместимым с этим обязательством: при отрицательном ответе речь обычно идёт о реторсии. На третьем этапе проверяются договорные исключения и иные первичные нормы. На четвёртом – условия контрмеры, включая статус потерпевшего государства, цель, процедуру, временность и пропорциональность. Наконец, для вторичных ограничений оценивается достаточная территориальная, персональная или иная признанная международным правом юрисдикционная связь. Отсутствие такой связи усиливает конфликт с суверенным равенством и принципом невмешательства [5, с. 263–269].

Обсуждение

Полученные результаты не подтверждают два противоположных упрощения. Нельзя считать правомерной любую меру только потому, что государство называет её контрмерой. Но столь же неточно выводиться противоправность исключительно из одностороннего характера решения. Юридическая оценка требует сначала определить нарушенное обязательство, а затем проверить возможное оправдание. Такой подход совпадает с дифференцированной моделью оценки односторонних мер [13] и позволяет отделить правовую аргументацию от политической лексики.

Особую проблему составляют меры государств, которые не являются непосредственно потерпевшими. Статья 48 Статей об ответственности допускает призывание к ответственности в защиту коллективного интереса или обязательства перед международным сообществом в целом. Однако статья 54 сохраняет лишь возможность принятия «правомерных мер» и не формулирует общего разрешения третьим государствам приостанавливать собственные международные обязательства. Поэтому ссылка на обязательство *erga omnes* сама по себе не превращает нарушающую обязательство меру третьего государства в контрмеру.

Практическое значение разграничения проявляется при оценке экстерриториальных и вторичных ограничений. Их адресат нередко не совершал предполагаемого первоначального нарушения, а связь с государством, установившим запрет, строится на валюте расчёта, происхождении компонента либо хозяйственных контактах с включённым в перечень лицом. В такой ситуации необходимо отдельно проверять предметную обязанность адресата, юрисдикционное основание и пропорциональность воздействия. Иначе национальное регулирование фактически приобретает универсальное действие без согласия других государств, на что справедливо обращает внимание современная доктрина [5, с. 252–269].

Предложенный тест не устраняет оценочных категорий, прежде всего пропорциональности и достаточной юрисдикционной связи. Его преимущество состоит в ином: он делает аргументацию проверяемой. Квалификация должна указывать исходное правонарушение, конкретное приостановленное обязательство, правовой статус применяющего меру субъекта, соблюденную процедуру и причины соразмерности. Отсутствие хотя бы одного элемента исключает автоматическое признание ограничения контрмерой.

Заключение

Односторонние ограничительные меры и контрмеры пересекаются по внешней форме, но не совпадают по правовой природе. Контрмера представляет собой строго обусловленное последствие предшествующего международно-противоправного деяния и исключает противоправность лишь при соблюдении материальных и процедурных требований. Односторонняя ограничительная мера является более широкой описательной категорией: она может быть реторсией, действием в пределах договорного исключения, контрмерой либо самостоятельным нарушением. Поэтому корректная квалификация строится не на названии меры и не на абстрактной презумпции её законности или незаконности, а на поэтапной проверке обязательства, основания, субъекта, цели, процедуры, пропорциональности и юрисдикционной связи.

Литература

1. Устав Организации Объединённых Наций: принят 26 июня 1945 г. // Действующее международное право: в 3 т. Т. 1 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. С. 7–33.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) от 24 октября 1970 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 28.07.2026).
3. Ответственность государств за международно-противоправные деяния: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г., приложение // Документы Организации Объединённых Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/83> (дата обращения: 28.07.2026).
4. Gabčíkovo–Nagymaros Project (Hungary/Slovakia): Judgment of 25 September 1997 // I.C.J. Reports. 1997. P. 7. Paras. 83–87.
5. Чувахин П.И. Односторонние экстерриториальные санкции: юрисдикционное обоснование в международном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 19. № 2. С. 246–272. DOI: 10.17323/2072-8166.2026.2.246.272.
6. Тарабрин А.Д. Критерии правомерности односторонних ограничительных мер: теория и практика. Часть 1 // Международное публичное и частное право. 2024. № 4. С. 7–12. DOI: 10.18572/1812-3910-2024-4-7-12.
7. Тарабрин А.Д. Критерии правомерности односторонних ограничительных мер: теория и практика. Часть 2 // Международное публичное и частное право. 2025. № 1. С. 2–7. DOI: 10.18572/1812-3910-2025-1-2-7.
8. Панов Ф.Ю. Международно-правовые основы введения односторонних ограничительных мер ЕС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1. С. 137–146. DOI: 10.12737/jfcl.2022.018.
9. Войников В.В. Антироссийские санкции (ограничительные меры) ЕС: соотношение с международным правом // Современная Европа. 2022. № 6. С. 5–17. DOI: 10.31857/S0201708322060018.
10. Касымалиева А.К. Концептуализация понятий в анализе «санкционного» противостояния глобальных геополитических акторов // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2023. Т. 23. № 11. С. 173–179. DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-11-173-179.
11. Бутакова Я.С. Анализ определения международных экономических санкций в современной науке // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 4. С. 35–42. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-4-35-42.
12. Семенова Н. К., Марченкова Е.А., Грачева И.В. Санкции, односторонние ограничительные меры и рестрикции в международном праве // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 8 (122). С. 1–6. DOI: 10.23670/IRJ.2022.122.91.
13. Тимофеев И. Н. «Санкционный светофор»: методология международно-правовой оценки односторонних ограничительных мер // Российский совет по международным делам. 26 февраля 2026 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsionnyy-svetofor-metodologiya-mezhdunarodno-pravovoy-otsenki-odnostoronnikh-ogranichitelnykh-me/> (дата обращения: 28.07.2026).

UNILATERAL RESTRICTIVE MEASURES AND COUNTERMEASURES: THE PROBLEM OF DISTINCTION

Nigamadzyanov M.M.
Kazan Federal University

The article distinguishes unilateral restrictive measures from countermeasures in international law. Its purpose is to formulate a consistent set of criteria for the legal classification of measures commonly grouped under the political term “sanctions”. The research combines formal legal, comparative legal and systemic methods. It examines the United Nations Charter, the Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, the International Court of Justice judgment in the Gabčíkovo–Nagymaros Project case, and recent scholarship. The study shows that a unilateral restrictive measure is a descriptive category that does not itself determine whether state conduct is lawful. Depending on its legal basis and content, such a measure may constitute retorsion, conduct permitted by a treaty exception, a countermeasure, or an internationally wrongful act. The article proposes a classification test based on the breached obligation, the status of the injured state, the purpose and temporary nature of the measure, proportionality, procedural compliance, and a sufficient jurisdictional nexus. It concludes that terminological confusion should be resolved through an individual legal assessment of each measure rather than through a general presumption of legality or illegality.

Keywords: unilateral restrictive measures, countermeasures, sanctions, state responsibility, retorsion, proportionality, sovereign equality, extraterritoriality.

References

1. United Nations Charter, adopted June 26, 1945. In: Kolosov Yu. M., Krivchikova E.S. (eds.). Current International Law, vol. 1. Moscow: Moscow Independent Institute of International Law Publ., 1996, pp. 7–33. (In Russian).
2. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations, UN General Assembly Resolution 2625 (XXV), October 24, 1970. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (accessed: July 28, 2026).
3. Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, UN General Assembly Resolution 56/83, December 12, 2001, Annex. Available at: <https://undocs.org/A/RES/56/83> (accessed: July 28, 2026).
4. Gabčíkovo–Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), Judgment of September 25, 1997. I.C.J. Reports, 1997, p. 7, paras. 83–87.
5. Chuvakhin P.I. Unilateral Extraterritorial Sanctions: Jurisdictional Justification in International Law. Law. Journal of the Higher School of Economics, 2026, vol. 19, no. 2, pp. 246–272. DOI: 10.17323/2072-8166.2026.2.246.272. (In Russian).
6. Tarabrin A.D. Criteria for the Legality of Unilateral Restrictive Measures: Theory and Practice. Part 1. International Public and Private Law, 2024, no. 4, pp. 7–12. DOI: 10.18572/1812-3910-2024-4-7-12. (In Russian).
7. Tarabrin A.D. Criteria for the Legality of Unilateral Restrictive Measures: Theory and Practice. Part 2. International Public and Private Law, 2025, no. 1, pp. 2–7. DOI: 10.18572/1812-3910-2025-1-2-7. (In Russian).
8. Panov F. Yu. International Legal Basis for the Introduction of EU Unilateral Restrictive Measures. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 137–146. DOI: 10.12737/jfcl.2022.018. (In Russian).
9. Voinikov V. V. EU Anti-Russian Sanctions (Restrictive Measures): Relationship with International Law. Contemporary Europe, 2022, no. 6, pp. 5–17. DOI: 10.31857/S0201708322060018. (In Russian).
10. Kasymalieva A.K. Conceptualization of Concepts in the Analysis of the “Sanctions” Confrontation of Global Geopolitical Actors. Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University, 2023, vol. 23, no. 11, pp. 173–179. DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-11-173-179. (In Russian).
11. Butakova Ya.S. Analysis of the Definition of International Economic Sanctions in Modern Science. Theoretical and Applied Law, 2023, no. 4, pp. 35–42. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-4-35-42. (In Russian).
12. Semenova N. K., Marchenkova E.A., Gracheva I.V. Sanctions, Unilateral Restrictive Measures and Restrictions in International Law. International Research Journal, 2022, no. 8 (122), pp. 1–6. DOI: 10.23670/IRJ.2022.122.91. (In Russian).
13. Timofeev I. N. “Sanctions Traffic Light”: A Methodology for the International Legal Assessment of Unilateral Restrictive Measures. Russian International Affairs Council, February 26, 2026. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsionnyy-svetofor-metodologiya-mezhdunarodno-pravovoy-otsenki-odnostoronnikh-ogranichitelnykh-me/> (accessed: July 28, 2026). (In Russian).

Огнева Ксения Олеговна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакаряна Московского государственного юридического университета (МГЮА имени О.Е. Кутафина)
E-mail: samadha@yandex.ru

Среди латиноамериканских государств Аргентина отличается большим количеством государственных переворотов, в результате которых фактически отменялся принцип представительного правления. Несмотря на это законодательство Аргентины устанавливает довольно широкие права граждан в электоральной сфере, а судебный порядок является наиболее эффективным инструментом их защиты. С точки зрения развития представления о защите избирательных прав граждан в государствах с аналогичным историческим прошлым и их реализации в современном обществе интересен опыт данной страны. Предметом исследования являются нормы законодательства Аргентины о выборах, процессуальные нормы, регулирующие рассмотрение судами дел о защите избирательных прав, а также отдельные судебные акты. Научная новизна заключается в формировании комплексного представления о защите избирательных прав граждан Аргентины. Методологическую основу составили общенаучные и специально-юридические методы исследования: системный, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и иные. В статье проанализированы нормы законодательства, выявлены основные сферы нарушения избирательных прав и сделаны выводы относительно влияния судебной практики на укрепление гарантий электоральных прав граждан данной страны. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего развития представлений о защите избирательных прав в зарубежных странах, а также возможности имплементировать в отечественное законодательство наиболее удачные нормы и институты.

Ключевые слова: защита электоральных прав, рассмотрение избирательных споров, судья по делам выборов, право голосовать, право избирать и быть избранным, избирательная комиссия, избирательный кодекс, список избирателей.

Конституция Аргентинской Республики гарантирует каждому гражданину право голосовать и участвовать в выборах (статья 37)¹.

Основные избирательные процедуры, в том числе связанные с защитой электоральных прав, урегулированы Национальным избирательным кодексом Аргентины от 14 ноября 1972 г. (далее – Национальный избирательный кодекс)².

Согласно статье 27 названного кодекса избиратели, которые по какой-либо причине не были включены в предварительные списки избирателей или были внесены в них с ошибками, вправе подать жалобу в федеральный суд, уполномоченный по делам выборов, в течение пятнадцати календарных дней со дня публикации списков лично, по почте или через Интернет.

В силу статьи 28 Национального избирательного кодекса в тот же срок любой избиратель или политическая партия имеют право обратиться в федеральный суд, уполномоченный по делам выборов, с просьбой исключить из списка избирателей умерших лиц, лиц, зарегистрированных более одного раза или лиц, подпадающих под ограничения, установленные данным кодексом. После проверки фактов, на которые ссылается заявитель, судья выносит решение. В случае удовлетворения жалобы он уведомляет Национальную избирательную палату, которая вносит запись о лишении права голоса в Национальный реестр избирателей. Что касается умерших лиц или лиц, зарегистрированных более одного раза, сведения о них удаляются как из компьютерных баз данных, так и с бумажных носителей.

Статья 33 рассматриваемого закона устанавливает, что избиратели имеют право в течение двадцати дней до выборов требовать исправления ошибок и упущений в списках избирателей. Это может быть сделано лично или посредством заказного письма с уведомлением о вручении. Судья распоряжается о внесении исправлений и записей в экземпляры суда, а также в экземпляры, которые должны быть направлены для выборов председателю избирательного участка.

В силу статьи 42 Национального избирательного кодекса в столице Республики Аргентины, а также в столицах каждой провинции и территории Аргентины функции судей по делам выборов до их назначения выполняют федеральные судьи, которые являются ответственными за ведение избирательных реестров.

В случае несогласия с решением суда апелляция может быть подана в Национальную избирательную палату (статья 146 Национального избирательного кодекса).

Отдельный интерес представляет применение процедуры ампаро, которая является ограниченным, экстренным и оперативным способом защиты конституционных прав граждан Аргентины (включая право избирать и быть избранным в органы власти), и в основном является дополнением к другим средствам защиты.

Процедура ампаро закреплена в Федеральном законе Аргентины о процедуре ампаро № 16.986 от 18 октября 1966 года³.

Согласно статье 1 этого закона иск об ампаро может быть подан против любого явного самоуправного или противозаконного решения или действия (бездействия) органа публичной власти, которыми причинен ущерб, ущемлены, нарушены права и гарантии, предусмотренные национальной Конституцией либо из нее вытекающие, или которые влекут неминуемую угрозу наступления таких последствий, за исключением права на личную свободу и неприкосновенность, для защиты которого применяется процедура habeas corpus⁴.

Ампаро имеет своей целью восстановление нарушенного права либо прекращение нарушения права в случае отсутствия иного способа судебной защиты от решения, действий (бездействия) органа публичной власти, нарушающих конституционные права и гарантии⁵.

¹ Constitución de la Nación Argentina [Конституция Аргентины] // <<https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/0-4999/804/norma.htm>> (дата обращения – 20.07.2026 г.).

² Código Electoral Nacional del 14.11.1972 / Texto ordenado por Decreto № 2135/1983 del 18 de agosto de 1983 (Boletín Oficial, 06.09.1983). Incluye las últimas modificaciones incorporadas por las leyes № 27.337 (Boletín Oficial, 13.12.2016), № 27.412 (Boletín Oficial, 15.12.2017), № 27.504 (Boletín Oficial, 31.05.2019), № 27.781 (Boletín Oficial, 18.10.2024) [Национальный избирательный кодекс Аргентины от 18.08.1983 (в действ. ред.)] // <https://www.electoral.gob.ar/nuevo_legislacion/pdf/Ley%2019945%20v2.pdf>; <<https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/ley-19945-19442/actualizacion>> (дата обращения – 20.07.2026 г.).

³ <https://constitutions.ru/?p=4360> (дата обращения – 20.07.2026 г.).

⁴ <https://constitutions.ru/?p=4360> (дата обращения – 20.07.2026 г.).

⁵ Художко А.А. Особые конституционно-процессуальные средства защиты прав и свобод человека и гражданина в странах Латинской Америки (процедура АМПАРО):

Согласно статье 10 Национального избирательного кодекса избиратель, который считает, что его иммунитет, свобода или безопасность нарушены или он лишен права голоса, может обратиться за защитой в рамках процедуры ампаро самостоятельно или через любое лицо от своего имени в письменной или устной форме, сообщив об этом федеральному судье, уполномоченному по делам выборов, или ближайшему магистрату, или любому государственному должностному лицу на национальном или провинциальном уровне, которые обязаны незамедлительно принять меры для устранения препятствия, если оно является незаконным или произвольным.

Согласно статье 147 названного кодекса в целях рассмотрения исковых заявлений о защите упомянутых прав в процедуре ампаро должностные лица и судьи, указанные в них, принимают немедленное устное решение. Их решения исполняются без дальнейших формальностей с помощью сил правопорядка, если это необходимо, и немедленно доводятся до сведения федерального судьи, уполномоченного по делам выборов.

Судьи по делам выборов могут также назначить на день выборов в пределах своего округа сотрудников суда или специальных лиц для передачи вынесенных ими распоряжений и обеспечения их выполнения.

Рассуждая о влиянии судебных решений на реализацию гражданами защиты избирательных прав, нельзя не отметить, что во многом общие тенденции обусловлены политическим прошлым Аргентины и, в частности, тем, что страна длительный период находилась в условиях военной диктатуры. Соответственно, в стране «до сих пор сильна роль политической партии, которая стремится контролировать все процессы и сферы, в том числе оказывает влияние на формирование судебной практики»¹. Несмотря на это, суды все же проявляют стремление к независимости.

В качестве иллюстрации можно привести следующее судебное решение².

Луис Патти был избран федеральным депутатом на выборах в 2005 году. Однако решением Палаты депутатов от 23 мая 2006 г. он был дисквалифицирован со ссылкой на то, что его политические убеждения не отвечают интересам Национального конгресса.

Суд первой инстанции отказал Луису Патти в удовлетворении его требований о признании названного решения незаконным. Данное решение суда было отменено Национальной избирательной палатой при апелляционном пересмотре дела.

При этом суд апелляционной инстанции исходил из необходимости уважать выраженную на выборах волю народа, которая не может быть изменена произвольным решением лишь на том основании, что убеждения депутата не отвечают убеждениям Национального конгресса.

В 2008 г. Верховный суд Аргентины подтвердил решение Национальной избирательной палаты³.

В данном решении сформулирована одна из ключевых позиций, подчеркивающих стремление судебной власти к независимости и реальной защите избирательных прав граждан Аргентины.

Также важным правовым подход сформулирован в решении по делу о выборах губернатора провинции Корриентес в 2013 году, в котором суд оказал существенное влияние на электоральный процесс, указав на необходимость соблюдения правовых норм при проведении выборов⁴.

Как следует из обстоятельств дела, истец (оппозиционная партия) указывал на массовые нарушения избирательных прав, в том числе административное давление на участников выборов и фальсификацию подписей с целью искажения итоговых результатов, что противоречит принципам равных возможностей и свободного волеизъявления.

Ответчики ссылались на соблюдение избирательного законодательства и отрицали нарушения, названные истцом.

При рассмотрении дела суд провел дополнительную проверку голосов на участках, указанных истцом, и пришел к выводу о том, что на них в ходе проведения выборов были допущены нарушения, существенно искажавшие волю избирателей. В итоге суд постановил провести повторные выборы на данных территориях.

Это дело продемонстрировало высокую степень вовлеченности судебной власти в процессы, касающиеся электоральной сферы, и подчеркнуло необходимость неукоснительного соблюдения избирательного законодательства.

автореф. дис... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 28.

¹ Шидловский А.В. Электоральная юстиция Аргентины // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1. С. 73–81.

² Шидловский А.В. Там же. С. 76.

³ Шидловский А.В. Электоральная юстиция Аргентины // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1. С. 73–81.

⁴ <https://www.lexisnexis.com/en-us/gateway.page> (дата обращения – 20.07.2026 г.).

Другое дело касается защиты активного избирательного права лиц, осужденных за совершение преступления⁵.

Так, прокурор провинции Неукен обратился в Национальную избирательную палату с требованием разъяснить порядок исполнения решений, признающих неконституционным лишение права голоса лиц, осужденных за уголовные преступления, с учетом решения Верховного суда Аргентины по делу «Орази Мартин Оскар о лишении права голоса (ст. 3 CEN)» (Дело № CNE 3995/2015/CS1, решение от 10 февраля 2022 г.).

Свои требования прокурор мотивировал тем, что судьи по-разному толкуют правовую позицию Верховного суда, по своему усмотрению включая или не включая граждан, осужденных за совершение преступления, в реестр избирателей, имеющих право голоса. При этом судьи, не включая таких граждан в реестр избирателей, исходят из того, что в настоящее время Национальным конгрессом не принят законодательный акт, регулирующий данный вопрос.

Рассматривая дело, Национальная избирательная палата отметила, что отсутствие единой позиции в вопросе о включении лиц, осужденных за совершение преступления, в реестр избирателей влечет за собой явное неравное обращение с гражданами, находящимися в схожей правовой ситуации, поэтому решение Верховного суда должно исполняться независимо от наличия соответствующей нормы, однако это не освобождает законодателя от необходимости заполнить правовой пробел.

Данное решение Национальной избирательной палаты заложило вектор толкования норм, связанных с реализацией активного избирательного права лиц, осужденных за совершение преступления, и позволила преодолеть сложившуюся противоречивую практику. Таким образом, названные лица получили право участвовать в голосовании.

С учетом изложенного, законодательство Аргентины закрепляет гарантии свободы выражения мнений и участия в выборах. Однако на практике нарушения избирательных прав происходят регулярно.

Эффективность судебной защиты избирательных прав в данной стране зависит от региона и конкретного случая. При этом процессуальное законодательство Аргентины содержит достаточные механизмы для защиты избирательных прав в судебном порядке.

Литература

1. Худоешко А.А. Особые конституционно-процессуальные средства защиты прав и свобод человека и гражданина в странах Латинской Америки (процедура АМПАРО): автореф. дис... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 28.

2. Шидловский А.В. Электоральная юстиция Аргентины // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1. С. 73–81.

PECULIARITIES OF PROTECTING THE ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS OF ARGENTINA

Ogneva K.O.

Moscow State Law University (Kutafin Moscow State Law University)

Among Latin American countries, Argentina has a history of frequent coups d'état, which have effectively abolished the principle of representative government. Despite this, Argentine law provides for extensive electoral rights, and the judicial system is the most effective means of protecting these rights. The experience of Argentina is particularly interesting from the perspective of developing a comprehensive understanding of the protection of citizens' electoral rights in countries with similar historical backgrounds and their implementation in modern society. This study focuses on the electoral laws of Argentina and the procedural rules governing the judicial review of cases related to the protection of electoral rights. The scientific novelty of the study lies in the formation of a comprehensive understanding of the protection of the electoral rights of Argentine citizens. The study is based on general scientific and special legal research methods, including systemic, logical, formal-legal, comparative legal, and other methods. The article analyzes the legal norms, identifies the main areas of violation of electoral rights, and draws conclusions regarding the impact of judicial practice on strengthening the guarantees of electoral rights for citizens in Argentina. The results of the study can be used to further develop understanding of the protection of electoral rights in foreign countries, as well as to implement the most successful norms and institutions in domestic legislation.

Keywords: protection of electoral rights, consideration of electoral disputes, election judge, right to vote, right to elect and be elected, election commission, electoral code, voter list.

References

1. Khudoesko A.A. Special constitutional and procedural means of protecting the rights and freedoms of man and citizen in Latin American countries (AMPARO procedure): author's abstract. diss... cand. sciences (law). Moscow, 2012. P. 28.

2. Shidlovsky A.V. Electoral justice in Argentina // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2022. No. 1. P. 73–81.

⁵ <https://www.diarijudicial.com/news-94141-a-las-urnas-tras-las-rejas> (CAUSA: "Recurso de apelación en autos Secretaría electoral nacional Neuquén – Sección inhabilitados s/formula petición – año 2022" (Expte. N CNE 669/2022/1/CA1) NEUQUÉN) (дата обращения – 20.07.2026 г.).

Рутберг Кристина Борисовна,

Врио нотариуса города Москвы

E-mail: 9407336@gmail.com

В статье раскрываются юридические особенности трансграничного наследования. Рассматриваются правовые механизмы принятия наследства, осложненного иностранным элементом, анализируется влияние коллизионных норм статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации на течение наследственного правоотношения и вопросы определения надлежащей юрисдикции. Обосновывается, что применение различных коллизионных привязок приводит к формированию нескольких относительно самостоятельных режимов принятия наследства. Предлагается рассматривать признание наследственных прав в иностранной юрисдикции как завершающую стадию единого трансграничного наследственного производства в условиях непрерывной реализации наследственных прав при переходе их осуществления из одного правопорядка в другой. Сделан вывод о том, что объектом признания выступает возникший в результате открытия наследства правовой статус наследника.

Ключевые слова: трансграничное наследование, коллизионные нормы, статут, международное частное право, нотариат, юрисдикция.

Рост числа наследственных дел, осложненных иностранным элементом, изменил представление о принятии наследства как о процедуре, юридическое значение которой ограничивается возникновением наследственного правопреемства. Распределение имущества между несколькими государствами, изменение места жительства наследодателей, увеличение количества смешанных семей и активное участие граждан в имущественном обороте за пределами государства своего гражданства привели к возникновению ситуаций, когда одно наследственное правоотношение оказывается связанным одновременно с несколькими правопорядками. В подобных условиях принятие наследства приобретает самостоятельное значение в механизме международного наследования, поскольку именно с момента выражения наследником своей воли определяется дальнейшая возможность оформления и реализации наследственных прав в различных юрисдикциях.

Статья 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) устанавливает единый порядок приобретения наследства независимо от гражданства наследника, места его постоянного проживания либо местонахождения наследственного имущества. Само волеизъявление наследника рассматривается как достаточное основание возникновения наследственных прав при соблюдении требований закона, тогда как иностранный элемент начинает оказывать влияние уже на последующие стадии наследственного производства.

В правоотношениях в рамках одной правовой системы принятие наследства обычно завершает формирование наследственного статуса лица. При наличии иностранного элемента его правовые последствия не исчерпываются возникновением наследственных прав. Совершенное наследником волеизъявление становится исходной предпосылкой определения применимого права, установления компетенции органов различных государств и последующего признания приобретенного статуса за пределами государства открытия наследства. В результате процедура принятия наследства оказывается включенной в более сложную систему международного наследственного регулирования.

Наиболее отчетливо эта особенность проявляется при использовании формального способа принятия наследства. Российская модель допускает направление заявления нотариусу без личного участия наследника посредством почтовой связи либо через представителя при соблюдении требований, установленных пунктом 1 статьи 1153 ГК РФ. Возможность подачи заявления дистанционно устраняет зависимость процедуры принятия наследства от фактического нахождения наследника в государстве открытия наследства и позволяет обеспечить непрерывность наследственного производства даже в ситуациях, когда участники наследственного правоотношения находятся в различных странах.

Организационные изменения нотариальной деятельности лишь укрепили эту тенденцию. Введение Единой информационной системы нотариата и переход к модели «наследства без границ» привели к откату от территориального распределения наследственных дел между нотариусами в пределах нотариального округа. Регистрация первого обращения наследника исключает возможность открытия параллельного наследственного дела и концентрирует дальнейшее производство у одного нотариуса. В результате обеспечивается единство наследственного производства независимо от места нахождения остальных наследников, кредиторов наследодателя либо иных заинтересованных лиц. Первоначально такая модель создавалась для оптимизации нотариальной деятельности внутри Российской Федерации, однако ее процессуальный потенциал значительно шире. При наследовании, осложненном иностранным элементом, она позволяет сохранить единство производства даже при территориальной разобщенности участников наследственных отношений [3; 6].

Конструкция, основанная на презумпции приобретения наследства посредством совершения конклюдентных действий, предполагает оценку поведения наследника через его отношение к наследственному имуществу как к собственному. В пределах одного правопорядка подобная оценка обычно осуществляется на основании документов компетентных органов, либо иных доказательств. При наличии иностранного элемента круг допустимых доказательств существенно расширяется, одновременно возрастает количество вопросов, связанных с подтверждением юридической силы иностранных документов, допустимостью их использования в российском нотариальном производ-

стве и оценкой обстоятельств, возникших вне юрисдикции Российской Федерации.

Одни и те же действия наследника способны приобретать различное юридическое значение в зависимости от законодательства государства, регулирующего соответствующую часть наследственных отношений. Владение наследственным имуществом, расходы на его содержание либо принятие мер по его сохранности сами по себе еще не гарантируют признания наследника принявшим наследство за пределами государства совершения этих действий. Определение права, подлежащего применению к наследственным отношениям, традиционно рассматривается в международном частном праве как центральный элемент коллизионного регулирования. Вместе с тем содержание статьи 1224 ГК РФ позволяет поставить вопрос в более широком аспекте. Процедурные правила образуют «три правовых режима, коллизии и отличия между которыми негативно отражаются на уровне правовой определенности, что затрудняет осуществление гражданами наследственного планирования» [6, с. 30].

Коллизионная привязка в трансграничном наследовании определяет не только применимое материальное право. От ее выбора зависит структура самого наследственного правоотношения, круг компетентных органов, пределы действия национального законодательства и юридическая судьба отдельных объектов наследственной массы. Российская модель международного наследственного права основана на сочетании двух коллизионных критериев. Наследование движимого имущества определяется по праву страны последнего места жительства наследодателя, тогда как наследование недвижимого имущества подчиняется праву государства, на территории которого оно находится. В отношении объектов недвижимости, внесенных в государственный реестр Российской Федерации, законодатель прямо закрепляет применение российского права (п. 1 ст. 1224 ГК РФ). Подобное разграничение давно рассматривается как классический пример расщепления наследственного статута [4, с. 46].

Если наследственная масса включает имущество, расположенное в нескольких государствах, применение статьи 1224 ГК РФ приводит к формированию нескольких относительно самостоятельных наследственных режимов. Каждый из них существует в пределах собственного правового порядка и развивается по его материальным и процессуальным правилам. Самостоятельному регулированию подлежат вопросы определения круга наследников, порядка приобретения наследства, управления наследственным имуществом, распределения ответственности по долгам наследодателя, защиты интересов кредиторов и оформления прав на соответствующие объекты. Категория расщепления описывает распределение применимого права между отдельными объектами наследственной массы, однако практически не раскрывает последствий подобного распределения. Между тем именно они определяют специфику трансграничного наследования. Каждый правовой порядок формирует собственный комплекс материальных и процессуальных требований, подлежащих соблюдению при оформлении наследственных прав. В конечном счете наследник оказывается участником нескольких взаимосвязанных наследственных производств [10, с. 158].

Правоприменение исходит из того, что оформление наследственных прав на недвижимость осуществляется компетентными органами государства места ее нахождения. Даже выдача российским нотариусом свидетельства о праве на наследство с учетом норм иностранного материального права сама по себе не порождает юридических последствий в отношении недвижимости, расположенной в государстве, обладающем исключительной компетенцией по оформлению прав на такие объекты. В апелляционном определении Московского городского суда от 24.01.2018 по делу № 33–2712/2018 суд, рассматривая вопрос о наследовании недвижимого имущества, находящегося на территории Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), указал, что «применительно к абз. 2 п. 1 ст. 1224 ГК РФ наследование недвижимости в России и движимого имущества, независимо от места его нахождения, должно осуществляться в соответствии с материальными нормами российского наследственного права. Наследование недвижимого имущества, находящегося в ОАЭ, осуществляется по праву ОАЭ, а наследственные права оформляются компетентными органами этого государства. Выданное российским нотариусом свидетельство о праве на наследство не влечет правовых последствий в отношении такого имущества, поскольку его признание невозможно вследствие отсутствия соответствующего международного соглашения и исключительной компетенции органов ОАЭ [2].

Институт обязательной доли служит показательным примером зависимости содержания наследственных прав от применимого правового порядка. Российское законодательство предоставляет обязательным наследникам гарантированный объем наследственных прав, однако

статья 1149 ГК РФ не обладает характером свехимперативной нормы и подлежит применению лишь в пределах действия российского наследственного статута. Если соответствующая часть наследственной массы регулируется иностранным правом, не предусматривающим аналогичного института, право обязательного наследника в отношении такого имущества может отсутствовать.

Государства используют различные критерии определения международной компетенции по наследственным делам, вследствие чего не исключаются ситуации, при которых органы нескольких государств одновременно признают себя вправе открыть наследственное производство. На практике подобные ситуации возникают при различном понимании последнего места жительства наследодателя, а также при сочетании личного закона наследодателя с территориальной привязкой недвижимого имущества.

С указанной проблемой тесно связан феномен форум-шопинга. Возможность открытия наследственного производства в нескольких государствах создает предпосылки для выбора той юрисдикции, применение права которой обеспечивает наиболее благоприятный правовой результат для конкретного наследника. При этом предметом выбора становится уже не только компетентный орган, но и весь комплекс материально-правовых последствий, обусловленных соответствующим наследственным режимом.

Представляется, что множественность наследственных режимов является закономерным следствием современного коллизионного регулирования трансграничного наследования. Попытки рассматривать подобные отношения через категорию единой наследственной массы не позволяют объяснить существование нескольких центров правового регулирования, различный объем наследственных прав в отношении отдельных объектов имущества и возможность параллельного осуществления наследственных процедур в различных государствах. Более адекватной представляется конструкция, при которой трансграничное наследование рассматривается как совокупность взаимосвязанных наследственных режимов, объединенных личностью наследодателя с сохранением автономии вследствие применения различных национальных правовых порядков [7; 9].

Возникновение нескольких наследственных режимов вследствие применения различных коллизионных привязок не устраняет единства наследственного правоотношения. Основанием приобретения наследственных прав остается смерть одного наследодателя, а круг наследников определяется в рамках единого юридического факта открытия наследства. Распределение наследственной массы между несколькими правовыми порядками изменяет механизм реализации наследственных прав [8, с. 76].

Вопрос о признании иностранных свидетельств о праве на наследство традиционно рассматривается через институт международной правовой помощи либо признания иностранных нотариальных актов. Документ, удостоверяющий наследственные права, не оформляет наследственного статуса. Его функция ограничивается удостоверением уже возникшего права, основанием которого выступает открытие наследства и последующее принятие его наследником в соответствии с применимым правом. Если признание связывать исключительно с обращением иностранного документа, оно действительно приобретает характер самостоятельной процессуальной процедуры, существующей вне наследственного правоотношения. Однако подобная конструкция оставляет без ответа вопрос, каким образом обеспечивается преемственность наследственных прав при их реализации в различных государствах. Наследник не приобретает новый объем прав после признания иностранного свидетельства. Не изменяются основания наследования, состав наследственной массы, очередность наследников или содержание принадлежащих им правомочий. Единственным юридическим результатом становится распространение возможности реализации уже существующего наследственного права на территорию другого государства.

Коллизионное регулирование объективно разделяет наследственную массу на несколько имущественных комплексов, подчиненных различным правовым порядкам. Реализация наследственных прав требует последующего согласования результатов, достигнутых в рамках каждого из них. Практические последствия подобной модели очевидны: наследник вынужден неоднократно подтверждать уже возникший статус, а оформление прав на имущество превращается в последовательность автономных процедур, не связанных единым правовым результатом.

Содержание статьи 1224 ГК РФ позволяет предложить иную конструкцию. Использование различных коллизионных привязок означает распределение компетенции между государствами применительно к отдельным элементам наследственного правоотношения. Из этого не следует существование нескольких самостоятельных наследствен-

ных правоотношений. Напротив, множественность наследственных режимов представляет собой способ организации единого наследственного процесса в условиях действия нескольких национальных правовых порядков. Каждый режим регулирует собственную часть наследственной массы, однако окончательная реализация наследственных прав становится возможной лишь после того, как результаты функционирования этих режимов будут взаимно признаны компетентными органами соответствующих государств.

Именно поэтому российское свидетельство само по себе не способно породить вещно-правовые последствия в отношении недвижимости, расположенной в государстве, законодательство которого относит оформление наследственных прав к исключительной компетенции собственных органов. Вместе с тем подобное ограничение касается лишь формы реализации наследственных прав. Сам наследственный статус продолжает существовать независимо от территории, на которой осуществляется его последующее подтверждение.

При отсутствии четких механизмов признания иностранные органы зачастую фактически проверяют обстоятельства, уже установленные в рамках наследственного производства другого государства. В результате предметом повторного исследования становятся юридические факты, ранее получившие надлежащую правовую оценку. Между тем необходимость повторного установления одних и тех же обстоятельств отсутствует, если признание распространяется на сам наследственный статус, а не ограничивается формальной оценкой представленного документа.

По этой причине признание наследственных прав целесообразно рассматривать как завершающую стадию трансграничного наследственного производства. Его юридическая функция заключается в обеспечении непрерывности наследственного правоотношения при переходе процесса реализации наследственных прав из одного правового порядка в другой. Принятие наследства создает юридическое основание наследственного правопреемства, коллизионные нормы распределяют компетенцию между государствами и определяют содержание отдельных наследственных режимов, а признание завершает их согласование, позволяя реализовать возникшие права независимо от юрисдикции действия соответствующего национального законодательства.

Литература

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 января 2018 г. по делу № 33–2712/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=938277&ysclid=mr8uwz6gsf276198223#37na-ZOVcrDtBcDLE1> (дата обращения: 06.07.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d65f5be0a603d59546c3338bcfc6bf09bb0332817/ (дата обращения: 06.07.2026).
3. Зазулина Л.Д. Международный наследственный процесс: схоластическая выдумка или насущная необходимость? // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 61–68.
4. Зазулина Л.Д. Подтверждение права на наследство в трансграничном аспекте: существующие проблемы и правовые основы признания в Российской Федерации иностранных актов, удостоверяющих статус наследника // Нотариальный вестник. 2022. № 9. С. 45–55.
5. Зазулина Л.Д. Проблемы международной подсудности по наследственным спорам в контексте принципа правовой определенности // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 8. С. 30–34.

6. Зазулина Л.Д. Установление содержания иностранного права в трансграничных наследственных делах: международная правовая помощь и альтернативные пути преодоления трудностей // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 40–55.

7. Зобова Е.А., Федулов В.И. Международно-правовые аспекты регулирования трансграничных наследственных отношений // Образование и право. 2020. № 10. С. 39–44.

8. Иванова Е.С. Наследство без границ // Евразийский научный журнал. 2017. № 8. С. 76–78.

9. Коняйков М.А. Вопросы юрисдикции при наследовании с иностранным элементом в Европейском Союзе и Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1 (104). С. 82–86.

10. Мамедов Э. Свидетельство о наследстве с трансграничным эффектом: опыт Европейского Союза // Цивилистика. 2023. Т. 2. № 4. С. 155–188.

INHERITANCE WITHOUT BORDERS IN CROSS-BORDER RELATIONS

Rutberg K.B.

The article reveals the legal features of cross-border inheritance. It examines the legal mechanisms for accepting an inheritance complicated by a foreign element, analyzes the impact of the conflict of laws rules of Article 1224 of the Civil Code of the Russian Federation on the course of the inheritance relationship, and discusses the issues of determining the appropriate jurisdiction. The article argues that the use of different conflict of laws rules leads to the formation of several relatively independent regimes for accepting an inheritance. It suggests that the recognition of inheritance rights in a foreign jurisdiction should be considered as the final stage of a unified cross-border inheritance process, where the inheritance rights are continuously transferred from one legal system to another. It is concluded that the object of recognition is the legal status of the heir that arises as a result of the opening of the inheritance.

Keywords: cross-border inheritance, conflict of laws, statute, international private law, notary, jurisdiction.

References

1. Appeal Ruling of the Moscow City Court of January 24, 2018 in Case No. 33–2712/2018. ConsultantPlus Legal Reference System. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=938277> (accessed: July 6, 2026).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) No. 146-FZ of November 26, 2001 (as amended on June 24, 2025). ConsultantPlus Legal Reference System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d65f5be0a603d59546c3338bcfc6bf09bb0332817/ (accessed: July 6, 2026).
3. Zazulina, L.D. International Inheritance Process: A Scholastic Fiction or an Urgent Necessity? // Eurasian Law Journal. 2022. No. 9 (172). pp. 61–68.
4. Zazulina L.D. Confirmation of the right to inheritance in the cross-border aspect: existing problems and legal bases of recognition in the Russian Federation of foreign acts certifying the status of the heir // Notarial Peer. 2022. No. 9. pp. 45–55.
5. Zazulina L.D. Problems of international jurisdiction in inheritance disputes in the context of the principle of legal certainty // Arbitration and Civil Procedure. 2022. No. 8. pp. 30–34.
6. Zazulina L.D. Establishing the content of foreign law in cross-border inheritance cases: international legal assistance and alternative ways to overcome difficulties // Russian Law: Education, Practice, Science. 2022. No. 4. Pp. 40–55.
7. Zobova E.A., Fedulov V.I. International Legal Aspects of the Regulation of Cross-Border Inheritance Relations // Education and Law. 2020. No. 10. Pp. 39–44.
8. Ivanova E.S. Inheritance Without Borders // Eurasian Scientific Journal. 2017. No. 8. Pp. 76–78.
9. Konaykov M.A. Jurisdiction Issues in Inheritance with a Foreign Element in the European Union and the Russian Federation // Eurasian Law Journal. 2017. No. 1 (104). Pp. 82–86.
10. Mamedov E. Inheritance Certificate with a Cross-Border Effect: The Experience of the European Union // Civilistics. 2023. Vol. 2. No. 4. Pp. 155–188.

Международно-правовое регулирование санкционных механизмов Африканского союза и ЭКОВАС при неконституционных сменах власти

Самодуров Игорь Витальевич,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации
E-mail: sivigs@gmail.com

Неконституционная смена власти в праве Африканского союза и ЭКОВАС рассматривается не только как внутренний конституционный кризис, но и как самостоятельная угроза региональной стабильности и коллективной безопасности. В статье анализируются Ломейская декларация 2000 г., Учредительный акт Африканского союза, Протокол о Совете мира и безопасности, Африканская хартия демократии, выборов и управления 2007 г., а также договорные и квазидоговорные акты ЭКОВАС, формирующие основания для применения санкций. Установлено, что Африканский союз закрепляет базовый континентальный режим немедленной приостановки участия государства в деятельности Союза, тогда как ЭКОВАС развил более детализированную и оперативную модель, включающую политико-дипломатические, экономические, финансовые и персональные меры, а в исключительных случаях – силовой компонент. На материалах Мали, Гвинеи, Буркина-Фасо, Нигера и Судана показано, что именно субрегиональный уровень обеспечивает наибольшую плотность правоприменения, но одновременно обнажает проблемы пропорциональности, процессуальных гарантий и согласования регионального принуждения с Уставом ООН. Обосновывается вывод о формировании в африканском региональном праве особой нормы, в которой конституционная легитимность власти выступает элементом международной безопасности.

Ключевые слова: Африканский союз; ЭКОВАС; неконституционная смена власти; санкции; региональная безопасность; Совет мира и безопасности; Африканская хартия демократии, выборов и управления; международно-правовое принуждение.

Неконституционная смена власти представляет для Африканского союза и ЭКОВАС не только нарушение конституционного порядка, но и событие, затрагивающее мир, безопасность и устойчивость региональной организации как правового сообщества. Эта логика выражена в Учредительном акте Африканского союза, где среди основополагающих принципов названы уважение демократических принципов, прав человека, верховенства права и осуждение неконституционных изменений правительств, а также в Африканской хартии демократии, которая запрещает и осуждает такие изменения как серьёзную угрозу стабильности, миру, безопасности и развитию. Для ЭКОВАС аналогичный подход вытекает из Протокола 1999 г. о механизме предупреждения конфликтов и Дополнительного протокола 2001 г. о демократии и надлежащем управлении, закрепляющих «нулевую терпимость» к власти, полученной или удерживаемой неконституционным путём [12].

Актуальность темы определяется не только серией переворотов в Мали, Гвинеи, Буркина-Фасо, Нигере и Судане, но и тем, что именно эти кризисы вывели на первый план вопрос о пределах и юридической природе регионального принуждения в Африке. Нормативная база АС и ЭКОВАС уже сформировала устойчивое обязательство реагировать на неконституционные захваты власти, однако степень институциональной определённости санкций, их соотношение с национальным суверенитетом, правами человека и Уставом ООН, а также разграничение полномочий между континентальным и субрегиональными уровнями остаются дискуссионными и открытыми к изучению.

Цель исследования состоит в выработке авторского подхода к международно-правовому регулированию санкционных механизмов АС и ЭКОВАС и в выявлении пробелов этого регулирования. Для достижения цели решаются задачи: проанализировать нормативную базу; исследовать компетенцию органов; сопоставить виды санкций и практику их применения; выявить коллизии и пробелы; сформулировать предложения по совершенствованию механизма. Научная новизна состоит, во-первых, в обосновании тезиса о превращении конституционной легитимности власти в элемент региональной безопасности; во-вторых, в выделении двухуровневой модели африканского санкционного механизма, в которой АС обеспечивает континентальный минимум, а ЭКОВАС – принудительную операционализацию; в-третьих, в выявлении пробела между материальной интенсивностью мер ЭКОВАС и недостаточной процедурной регламентацией их пропорциональности и адресности.

В современной англоязычной литературе преобладают три подхода. Первый акцентирует нормативную эволюцию АС от Ломейской декларации к юридически обязательной хартии 2007 г.; в этом ключе подчёркивается, что АС последовательно перевёл анти-переворотную политику из сферы политических деклараций в сферу позитивного регионального права. Второй подход обращает внимание на непоследовательность практики: наиболее жёстко АС реагирует на классические военные перевороты, тогда как конституционные манипуляции и отказ проигравшей власти передать мандат санкционируются менее последовательно. Третий подход рассматривает ЭКОВАС как наиболее развитый субрегиональный механизм «нулевой терпимости», но одновременно фиксирует кризис его эффективности из-за повторяемости переворотов в Западной Африке. В российской литературе вопрос специально освещён прежде всего применительно к санкциям ЭКОВАС как инструменту принуждения; при этом комплексное сопоставление континентального и субрегионального уровней в международно-правовой плоскости разработано ограниченно [1].

Во-первых, нормативная основа Африканского союза складывается из нескольких взаимосвязанных актов. Ломейская декларация 2000 г. сформулировала базовую рамку ответа ОАЕ на неконституционные изменения власти и тем самым подготовила переход от политической реакции к юридически институционализированному режиму [6]. Учредительный акт АС закрепил на уровне принципов осуждение неконституционных изменений правительств и правило статьи 30 о недопустимости участия правительства, пришедшего к власти неконституционным путём, в деятельности Союза [5]. Протокол о Совете мира и безопасности наделил этот орган полномочием вводить санкции всякий раз, когда в государстве-члене происходит неконституционная смена власти [13].

Наконец, Африканская хартия демократии, выборов и управления 2007 г. расширила саму категорию неконституционной смены власти: к ней отнесены не только классический *coup d'état*, но и замена демократически избранного правительства вооружёнными диссидентами, отказ проигравшей власти уступить победителю выборов и ревизия конституции либо правовых инструментов в нарушение принципов демократической сменяемости власти [2]. Тем самым африканское право выработало относительно широкую материальную дефиницию UCG и связало её с последующим санкционным последствием.

Во-вторых, институциональный механизм АС построен вокруг разграничения полномочий между Ассамблеей, Советом мира и безопасности и Комиссией. Ассамблея остаётся высшим политическим органом Союза, в то время как PSC является постоянным органом принятия решений по вопросам предотвращения, урегулирования и разрешения конфликтов, а также вправе вводить санкции при неконституционной смене власти. Хартия 2007 г. уточняет, что после безрезультатности дипломатических инициатив именно PSC немедленно приостанавливает участие соответствующего государства в деятельности Союза; вместе с тем Ассамблея уполномочена вводить санкции против государств, которые доказанно спровоцировали или поддержали UCG в другом государстве, и может решать вопрос о дополнительных формах санкций, включая карательные экономические меры. Комиссия АС и её председатель играют связующую и посредническую роль: сопровождают дипломатические инициативы, поддерживают контакт со сторонами и обеспечивают исполнение решений Союза. В этой конструкции АС использует приостановку как стандартный, юридически чётко оформленный первичный ответ, а более тяжёлые меры сохраняет в плоскости политического усмотрения Ассамблеи [3].

В-третьих, нормативная база ЭКОВАС более операционализирована. Протокол 1999 г. о механизме предупреждения конфликтов связал мир, безопасность и демократическое управление, а среди институтов механизма назвал Полномочия глав государств и правительств, Совет по посредничеству и безопасности и Исполнительный секретариат. Дополнительный протокол 2001 г. о демократии и надлежащем управлении сформулировал конституционные принципы, общие для всех государств-членов, включая требование, чтобы доступ к власти осуществлялся только через свободные, честные и прозрачные выборы, а также «нулевую терпимость» к власти, полученной или удерживаемой неконституционным путём [8].

Статья 45 этого Протокола предусматривает санкции в случае резкого прекращения демократии или массовых нарушений прав человека; такие санкции принимает Authority по нарастающей шкале – от отказа поддерживать кандидатов соответствующего государства на международных должностях и отказа проводить встречи ЭКОВАС на его территории до приостановления участия во всех директивных органах ЭКОВАС. При этом на основании рекомендации Медиации и Совета Безопасности возможно дальнейшее движение к мерам, предусмотренным протоколом 1999 г.; фактически именно это звено обеспечивает переход от политической оценки к принудительной эскалации [8].

В-четвёртых, институциональная архитектура ЭКОВАС объясняет, почему именно этот субрегиональный механизм имеет особую ценность. Authority является верховным органом, решения которого обязательны для государств и институтов Сообщества; Медиация и Совет Безопасности подготавливает рекомендации по вопросам мира, безопасности, демократического управления и последующих мер; Комиссия через департамент Политических вопросы, мир и безопасности осуществляет мониторинг, посредничество, миссии, электоральную помощь и институциональное сопровождение; Суд Сообщества обеспечивает соблюдение права и принципов справедливости при толковании и применении Договора и вторичного права, хотя сам не является органом санкционирования.

В отличие от АС, где первичной мерой в основном выступает приостановка от органов Союза, ЭКОВАС способен быстро переводить правовые решения в экономические и финансовые ограничения, опираясь на плотную внутрисубрегиональную взаимозависимость, трансграничную торговлю и институциональную близость к кризисным государствам. Именно поэтому ЭКОВАС следует рассматривать не как вторичное приложение к АС, а как самостоятельный правовой уровень, где международно-правовой запрет неконституционной смены власти получает наиболее предметное принудительное воплощение [7].

Существенное значение для оценки пределов применения региональных санкционных механизмов имело рассмотрение спора в рамках судебной системы УЭМОА. В марте 2022 г. Суд УЭМОА вынес решение о приостановлении действия экономических ограничений, введенных в отношении Республики Мали. Данное дело показало, что применение санкций в интеграционных объединениях порождает не только политико-правовые последствия, но и вопросы судебного контроля

за осуществлением полномочий региональных организаций. Фактически предметом рассмотрения стала допустимость использования ограничительных мер с точки зрения компетенции самого объединения, а также их влияние на социально-экономическое положение населения государства, в отношении которого такие меры были применены.

Аналогичный подход прослеживается и в реакции Африканского союза и ЭКОВАС на события в Гвинее после военного переворота, произошедшего в сентябре 2021 г. Обе организации воспользовались предусмотренным их учредительными актами механизмом временного отстранения государства от участия в деятельности соответствующих органов. Вместе с тем порядок принятия решений различался: в рамках ЭКОВАС соответствующее решение было принято на чрезвычайной встрече глав государств и правительств, тогда как в системе Африканского союза ключевая роль принадлежала Совету мира и безопасности при участии Комиссии Африканского союза. В отличие от ситуации вокруг Мали, пакет ограничительных мер в отношении Гвинеи носил значительно менее жесткий характер и не включал масштабных экономических санкций. Такая практика свидетельствует о том, что интенсивность санкционного воздействия определяется не формальным фактом неконституционного изменения власти, а комплексной оценкой политической обстановки, уровня угрозы региональной стабильности и перспектив дипломатического урегулирования. [4].

Наиболее показательным примером эволюции санкционной практики региональных организаций в отношении неконституционной смены власти стал кризис в Республике Нигер в 2023 г. Реакция Африканского союза и Экономического сообщества государств Западной Африки продемонстрировала различия как в объеме применяемых ограничительных мер, так и в понимании допустимых пределов регионального принуждения. На континентальном уровне Совет мира и безопасности Африканского союза принял решение о приостановлении участия Нигера в деятельности Союза вплоть до восстановления конституционного порядка, одновременно призвав государства-члены и международных партнеров воздерживаться от любых действий, способных придать международную легитимность режиму, пришедшему к власти в результате военного переворота.

Таким образом, анализ нигерского кейса позволяет сделать вывод, что санкционная практика ЭКОВАС имеет двойственную правовую природу. С одной стороны, политико-дипломатические, финансово-экономические и институциональные меры укладываются в пределы договорных обязательств государств-членов и представляют собой реализацию коллективного механизма защиты конституционного порядка. С другой стороны, переход от ограничительных мер к возможному применению вооруженной силы порождает самостоятельную международно-правовую проблему, связанную с необходимостью соблюдения требований главы VIII Устава ООН и обеспечения согласованности региональных механизмов с универсальной системой коллективной безопасности.

Суданский кризис имеет важное международно-правовое значение и с точки зрения содержания применяемых ограничительных мер. Практика Африканского союза подтверждает, что временное приостановление участия государства в деятельности организации не означает прекращения его членства либо освобождения от выполнения обязательств, вытекающих из Учредительного акта и иных нормативных документов Союза. Напротив, данная мера рассматривается как инструмент политико-правового воздействия, направленный на стимулирование возвращения к конституционному порядку при одновременном сохранении возможностей для дипломатического посредничества, переговорного процесса и иных форм мирного урегулирования кризиса.

Подобный подход свидетельствует о том, что санкционные механизмы Африканского союза ориентированы прежде всего на восстановление законности и конституционного управления, а не на изоляцию государства как субъекта международного права, что отличает континентальную модель реагирования от традиционных режимов международных санкций, преследующих преимущественно ограничительные цели.

В доктрине имеется разногласие между сторонниками «принципальной» и «прагматической» модели. Первая школа исходит из того, что санкционный режим АС и ЭКОВАС должен применяться жёстко и единообразно ко всем формам UCG, включая конституционные манипуляции, поскольку иначе норма о запрете неконституционной смены власти теряет правовую определённости. Вторая школа указывает, что африканские организации вынуждены учитывать фактическую безопасность, массовое насилие, угрозу распада государства и ограниченность инструментов давления, поэтому выбор мер неизбежно политизируется.

Дополнительная линия дискуссии проходит по вопросу о криминализации UCG и о допустимости перевода норма о недопустимости

государственных переворотов из режима политико-правовых санкций в сферу международного уголовного права. Наиболее убедительной представляется позиция, согласно которой в Африке уже сформировалась региональная норма *jus regionalis* о связи конституционной легитимности и безопасности, однако её исполнение страдает от неравномерности и процедурной нестрогости [12].

В праве Африканского союза и ЭКОВАС конституционная легитимность власти трансформирована из категории внутреннего публичного права в элемент региональной безопасности, поскольку неконституционные смены власти прямо квалифицируются как угроза миру, безопасности и развитию и влекут коллективную санкционную реакцию. Установлено, что африканский санкционный механизм имеет двухуровневую структуру: АС формирует континентальный обязательный минимум в виде приостановки и дипломатического сопровождения, тогда как ЭКОВАС обеспечивает принудительную операционализацию нормы через более детализированный и материально ощутимый пакет политико-дипломатических, экономических, финансовых и персональных мер [9].

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что решение первой поставленной задачи подтвердило существование многоуровневой нормативно-правовой системы, регулирующей применение санкционных механизмов Африканского союза и ЭКОВАС при неконституционных изменениях государственной власти. Формирование данной системы носило последовательный характер: Ломейская декларация 2000 г. закрепила базовые политико-правовые ориентиры непризнания неконституционного прихода к власти, Учредительный акт Африканского союза и Протокол о создании Совета мира и безопасности трансформировали эти принципы в институциональные механизмы коллективного реагирования, Африканская хартия демократии, выборов и управления 2007 г. придала соответствующим обязательствам юридически обязательный характер и конкретизировала основания их реализации, тогда как нормативные акты ЭКОВАС обеспечили практическую реализацию данных положений на субрегиональном уровне. [11].

В ходе решения второй исследовательской задачи установлено, что компетенция органов Африканского союза и ЭКОВАС распределяется по принципу функциональной специализации. Ключевые решения о применении ограничительных мер принимаются Советом мира и безопасности Африканского союза и Конференцией глав государств и правительств ЭКОВАС (Authority of Heads of State and Government), выступающими центральными политико-правовыми субъектами санкционного механизма. Комиссии обеих организаций обеспечивают организационно-правовое сопровождение, посредническую деятельность и контроль за реализацией принятых решений, тогда как судебные органы оказывают влияние преимущественно посредством толкования норм учредительного права и проверки соблюдения пределов компетенции соответствующих интеграционных объединений. Решение третьей задачи позволило выявить различия в моделях санкционного реагирования, сформировавшихся на континентальном и субрегиональном уровнях. Практика Африканского союза свидетельствует о преобладании института временного приостановления участия государства в деятельности организации как основной меры воздействия на государство, в котором произошла неконституционная смена власти. В отличие от этого ЭКОВАС применяет значительно более широкий комплекс принудительных средств, сочетающий политико-дипломатические, финансовые, торгово-экономические и иные ограничительные меры. Наиболее последовательно данная модель была реализована в отношении Мали и Нигера, где санкционная политика приобрела комплексный характер и сопровождалась использованием разнообразных инструментов коллективного давления.

По четвертой задаче выявлены пробелы: отсутствие единого каталога адресных мер на континентальном уровне, слабая процессуальная проработка проверки на соразмерность, риск негативного влияния широких экономических санкций на гражданское население и не до конца снятый вопрос о соответствии силового компонента регионального принуждения статье 53 Устава ООН.

Общий итоговый вывод состоит в следующем: африканское региональное право уже сформировало самостоятельную норму, по которой конституционная легитимность власти охраняется не только как внутренняя характеристика государства, но и как юридическое условие региональной безопасности. Практические рекомендации сводятся к пяти позициям: целесообразно кодифицировать на уровне АС перечень дополнительных санкций и критерии их выбора; необходимо разработать совместный протокол АС и региональных экономических сообществ по координации мер при УСГ; следует институционализировать периодический судебный или квазисудебный пересмотр последствий санкций для населения; желательно формализовать обяза-

тельство уведомления Совета Безопасности ООН обо всех рассматриваемых мерах принуждения, связанных с силовым компонентом; важно закрепить единые требования к графикам перехода и условиям снятия санкций, чтобы снизить произвольность и политическую фрагментарность правоприменения.

Литература

1. Андреева Т. А., Новиков А. Д. Санкции как инструмент принуждения в рамках ЭКОВАС // *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 9. С. 71–80. DOI: 10.31857/S0321507524090097. <https://journals.rcsi.science/0321-5075/article/view/265317>
2. African Charter on Democracy, Elections and Governance. Addis Ababa, 30 January 2007 // African Commission on Human and Peoples' Rights. <https://achpr.au.int/en/node/870/>
3. Bamidele O., Ayodele B. In the Service of Democratic Governance: The African Union Normative Framework on Unconstitutional Change of Government and ECOWAS Protocol on Good Governance and Democracy in the Post-Arab Spring // *Journal of Asian and African Studies*. 2018. Vol. 53, Issue 1. DOI: 10.1177/0021909616666104. <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0021909616666104>
4. Communiqué of the 1001st Meeting of the Peace and Security Council Held on 1 June 2021, Addis Ababa, Ethiopia, on the Situation in Mali. PSC/PR/COMM.1001(2021). African Union Commission, 2021. <https://akb.au.int/handle/AKB/97048>
5. Constitutive Act of the African Union. Lomé, 11 July 2000 // African Commission on Human and Peoples' Rights. <https://achpr.au.int/en/node/884/>
6. Declaration on the Framework for an OAU Response to Unconstitutional Changes of Government. AHG/Decl.5 (XXXVI). Lomé, 12 July 2000. <https://archives.au.int/handle/123456789/915>
7. ECOWAS. Final Communiqué of the Extraordinary Summit on the Socio-Political Situation in the Republic of Niger. Abuja, 30 July 2023. <https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2023/08/ENG-FINAL-COMMUNIQUE-EXTRA-SUMMIT-ON-NIGER-JULY-30-2023-Final.pdf>
8. ECOWAS. Protocol A/SP1/12/01 on Democracy and Good Governance Supplementary to the Protocol Relating to the Mechanism for Conflict Prevention, Management, Resolution, Peacekeeping and Security. Dakar, 21 December 2001. <https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2024/08/SUDA7D1.pdf>
9. ECOWAS. Protocol Relating to the Mechanism for Conflict Prevention, Management, Resolution, Peace-Keeping and Security. Lomé, 10 December 1999. <https://ghalii.org/akn/aa-ecowas/act/protocol/1999/mechanism-for-conflict-prevention-management-resolution-peace-keeping-and-security/eng@1999-12-10>
10. García-Casas M. The Crime of Unconstitutional Change of Government: Concept and Main Hurdles in Its Implementation // *Journal of International Criminal Justice*. 2021. Vol. 19, Issue 3. P. 565–581. DOI: 10.1093/jicj/mqab049. <https://academic.oup.com/jicj/article-abstract/19/3/565/6345864>
11. Nyinevia C., Fosub R. The African Union's Prohibition of Unconstitutional Changes of Government: An Uneasy Choice between Fidelity to Principle and Pragmatism // *African Security*. 2023. Vol. 16. P. 95–119. DOI: 10.1080/19392206.2023.2195748. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/19392206.2023.2195748>
12. Onapajo H., Babalola D. ECOWAS and the Challenge of Preventing a Resurgence of Coups d'État in West Africa: An Assessment of the "Zero Tolerance" Policy // *South African Journal of International Affairs*. 2024. Vol. 31, No. 1. P. 23–44. DOI: 10.1080/10220461.2024.2353266. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10220461.2024.2353266>
13. Protocol Relating to the Establishment of the Peace and Security Council of the African Union. Durban, 9 July 2002. <https://au.int/en/treaties/protocol-relating-establishment-peace-and-security-council-african-union>

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF SANCTIONS MECHANISMS OF THE AFRICAN UNION AND ECOWAS IN CASE OF UNCONSTITUTIONAL CHANGES OF POWER

Samodurov I.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In African regional law, an unconstitutional change of government is treated not merely as an internal constitutional crisis but as an autonomous threat to regional stability and collective security. This article examines the Lomé Declaration of 2000, the Constitutive Act of the African Union, the Protocol Relating to the Establishment of the Peace and Security Council, the 2007 African Charter on Democracy, Elections and Governance, as well as ECOWAS treaty and quasi-treaty instruments forming the legal basis for sanctions. The study demonstrates that the African Union has established a continental baseline regime of immediate suspension from participation in Union activities, whereas ECOWAS has devel-

oped a more detailed and operational model encompassing political, diplomatic, economic, financial and individual measures, and, in exceptional circumstances, a coercive security component. Through the cases of Mali, Guinea, Burkina Faso, Niger and Sudan, the article shows that the subregional level provides the highest density of enforcement while simultaneously exposing problems of proportionality, procedural guarantees and compatibility of regional coercion with the UN Charter. It is argued that African regional law is shaping a distinct normative approach in which the constitutional legitimacy of power has become an element of international security.

Keywords: African Union; ECOWAS; unconstitutional change of government; sanctions; regional security; Peace and Security Council; African Charter on Democracy, Elections and Governance; international legal coercion.

References

1. Andreeva T.A., Novikov A.D. Sanctions as a Coercive Instrument within ECOWAS // *Asia and Africa Today*. 2024. No. 9. pp. 71–80. DOI: 10.31857/S0321507524090097. <https://journals.rcsi.science/0321–5075/article/view/265317>
2. African Charter on Democracy, Elections and Governance. Addis Ababa, 30 January 2007 // African Commission on Human and Peoples' Rights. <https://achpr.au.int/en/node/870/>
3. Bamidele O., Ayodele B. In the Service of Democratic Governance: The African Union Normative Framework on Unconstitutional Change of Government and ECOWAS Protocol on Good Governance and Democracy in the Post-Arab Spring // *Journal of Asian and African Studies*. 2018. Vol. 53, Issue 1. DOI: 10.1177/0021909616666104. <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0021909616666104>
4. Communiqué of the 1001st Meeting of the Peace and Security Council Held on 1 June 2021, Addis Ababa, Ethiopia, on the Situation in Mali. PSC/PR/COMM.1001(2021). African Union Commission, 2021. <https://akb.au.int/handle/AKB/97048>
5. Constitutive Act of the African Union. Lomé, 11 July 2000 // African Commission on Human and Peoples' Rights. <https://achpr.au.int/en/node/884/>
6. Declaration on the Framework for an OAU Response to Unconstitutional Changes of Government. AHG/Decl.5 (XXXVI). Lomé, 12 July 2000. <https://archives.au.int/handle/123456789/915>
7. ECOWAS. Final Communiqué of the Extraordinary Summit on the Socio-Political Situation in the Republic of Niger. Abuja, 30 July 2023. <https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2023/08/ENG-FINAL-COMMUNIQUE-EXTRA-SUMMIT-ON-NIGER-JULY-30-2023-Final.pdf>
8. ECOWAS. Protocol A/SP1/12/01 on Democracy and Good Governance Supplementary to the Protocol Relating to the Mechanism for Conflict Prevention, Management, Resolution, Peacekeeping and Security. Dakar, 21 December 2001. <https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2024/08/SUDA7D1.pdf>
9. ECOWAS. Protocol Relating to the Mechanism for Conflict Prevention, Management, Resolution, Peace-Keeping and Security. Lomé, 10 December 1999. <https://ghalii.org/akn/aa-ecowas/act/protocol/1999/mechanism-for-conflict-prevention-management-resolution-peace-keeping-and-security/eng@1999–12–10>
10. García-Casas M. The Crime of Unconstitutional Change of Government: Concept and Main Hurdles in Its Implementation // *Journal of International Criminal Justice*. 2021. Vol. 19, Issue 3. pp. 565–581. DOI: 10.1093/jicj/mqab049. <https://academic.oup.com/jicj/article-abstract/19/3/565/6345864>
11. Nyinevia C., Fosub R. The African Union's Prohibition of Unconstitutional Changes of Government: An Uneasy Choice between Fidelity to Principle and Pragmatism // *African Security*. 2023. Vol. 16. P. 95–119. DOI: 10.1080/19392206.2023.2195748. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/19392206.2023.2195748>
12. Onapajo H., Babalola D. ECOWAS and the Challenge of Preventing a Resurgence of Coups d'État in West Africa: An Assessment of the "Zero Tolerance" Policy // *South African Journal of International Affairs*. 2024. Vol. 31, No. 1. P. 23–44. DOI: 10.1080/10220461.2024.2353266. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10220461.2024.2353266>
13. Protocol Relating to the Establishment of the Peace and Security Council of the African Union. Durban, 9 July 2002. <https://au.int/en/treaties/protocol-relating-establishment-peace-and-security-council-african-union>

Правовые проблемы реализации социального партнёрства в сфере дистанционной занятости в России и Испании

Скрыль Антон Максимович,
студент, МП МГИМО МИД России
E-mail: skryl-05@mail.ru

Статья посвящена анализу правовых проблем и механизмов реализации социального партнёрства в условиях дистанционной занятости на примере России и Испании. Исследуются особенности законодательного регулирования удалённой работы в обеих странах, выявляются препятствия для эффективного функционирования институтов социального партнёрства при переходе трудовых отношений в цифровую среду. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав дистанционных работников, роли профсоюзов и коллективных переговоров в новых условиях организации труда. Проводится сравнительный анализ российского и испанского опыта правового регулирования. Сделан вывод о необходимости адаптации классических институтов социального партнёрства к реалиям цифровой экономики.

Ключевые слова: социальное партнёрство, дистанционная работа, трудовые права, удалённая занятость, цифровизация труда, коллективные переговоры, профсоюзы.

Нормативное регулирование дистанционной занятости: российский и испанский опыт

Правовое оформление дистанционной работы в России получило импульс в декабре 2020 года, когда был принят Федеральный закон № 407-ФЗ, существенно обновивший главу 49.1 Трудового кодекса РФ [1]. До этого момента регулирование удалённой занятости носило фрагментарный характер. Пандемия COVID-19 выявила острую потребность в детальной правовой регламентации, поскольку массовый переход на удалённый режим работы застал законодателя врасплох.

Новая редакция статьи 312.1 ТК РФ разграничила три формы дистанционной работы: постоянную, временную (до шести месяцев) и периодическую, предполагающую чередование удалённого и офисного режимов. Вместе с тем новые нормы породили немало вопросов, особенно в части определения места работы дистанционного работника: Роструд в письме от 09.04.2024 № ПГ/05642–6–1 разъяснил, что в трудовом договоре достаточно указать населённый пункт [2].

Испания приняла Ley 10/2021, de 9 de julio, de trabajo a distancia, вступивший в силу 11 июля 2021 года [3]. Испанский закон устанавливает, что работа считается дистанционной, если в течение трёх месяцев она выполняется удалённо не менее 30% рабочего времени. Примечательно, что испанский законодатель чётко разграничил понятия trabajo a distancia (работа на расстоянии в широком смысле) и teletrabajo (телеработа с использованием информационно-коммуникационных технологий), тогда как российский ТК РФ использует термины «дистанционная» и «удалённая» работа как синонимы [4].

Принципиальное различие заключается в подходе к добровольности перехода на удалённый режим. В Испании статья 5 закона категорически запрещает принудительный перевод работника на дистанционную работу. Российское законодательство более либерально: статья 312.9 ТК РФ допускает временный перевод на дистанционную работу по инициативе работодателя в исключительных случаях – при производственной аварии, катастрофе природного или техногенного характера, эпидемии – без согласия работника [5].

В обеих странах закреплена гарантия равенства прав дистанционных и офисных работников. Статья 312.5 ТК РФ прямо запрещает снижение заработной платы только на том основании, что работник выполняет трудовую функцию дистанционно. Испанский закон в статье 4 формулирует этот принцип шире: дистанционные работники имеют те же права, что и офисные, за исключением прав, неразрывно связанных с физическим присутствием на рабочем месте [4].

Интересен вопрос компенсации расходов. Статья 312.6 ТК РФ обязывает работодателя возмещать дистанционному работнику затраты, связанные с использованием личного оборудования, однако размер компенсации определяется коллективным договором или локальным актом – централизованных стандартов нет [6]. Испанский закон более конкретен: статья 11 требует от работодателя обеспечить всё необходимое оборудование и нести все расходы, связанные с дистанционной работой.

По данным Росстата, в конце 2024 года дистанционно работали 14,6% занятых в России, что заметно выше допандемийного уровня (4,8% в 2019 году). В Испании, согласно данным Eurostat, доля дистанционных работников составила 15,4% в 2024 году, тогда как средний показатель по Евросоюзу – 22,6% [7, 8].

Институт социального партнёрства в условиях территориальной разобщённости

Социальное партнёрство, понимаемое как система взаимодействия работников, работодателей и государства для согласования интересов и разрешения трудовых конфликтов, приобретает особую сложность при переходе в дистанционный формат. Традиционные механизмы – общие собрания трудовых коллективов, личные переговоры представителей сторон, очное голосование – теряют привычную основу, когда работники рассредоточены территориально.

Российское законодательство формально не содержит препятствий для реализации социального партнёрства дистанционными работниками. Статья 13 ТК РФ распространяет трудовое законодательство на всех работников на территории России, независимо от формы

организации труда. Статья 29 ТК РФ определяет представителей работников, но не регулирует процедуру их избрания в условиях территориальной разобщённости. Как провести выборы представителей среди работников, находящихся в разных городах? Как организовать общее собрание или конференцию?

Практика показывает, что многие работодатели предпочитают не учитывать дистанционных работников при формировании представительных органов. В одном из дел, рассмотренных Арбитражным судом г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2023 году, работодатель исключил удалённых сотрудников из числа участников конференции по выборам представителей для коллективных переговоров, мотивируя это невозможностью их физического присутствия. Суд признал такие действия нарушением принципа равенства трудовых прав [9].

Законодательство не содержит чётких правил организации онлайн-конференций работников. Статья 39 ТК РФ устанавливает порядок разрешения коллективных трудовых споров с использованием примирительных процедур, но процедурные аспекты формирования органов социального партнёрства не детализированы. Отсутствуют требования к электронным платформам, способам идентификации участников голосования, защите от фальсификаций результатов.

Испанское законодательство решает этот вопрос более последовательно. Статья 18 Ley 10/2021 прямо гарантирует дистанционным работникам право осуществлять коллективные права с тем же содержанием и в тех же условиях, что и работники, трудящиеся на территории предприятия. Закон обязывает работодателя обеспечить возможность участия дистанционных работников в деятельности представительных органов, в том числе посредством использования цифровых средств связи [4].

Коллективные договоры – основной инструмент социального партнёрства – сталкиваются с особыми проблемами при регулировании дистанционного труда. На практике коллективные договоры редко содержат положения о режиме удалённой занятости, правах и обязанностях сторон в этих условиях. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, работодателей и Правительства РФ на 2024–2026 годы затрагивает вопросы цифровизации рынка труда, но конкретных норм о социальном партнёрстве применительно к дистанционной работе не содержит [10].

В Испании коллективные переговоры с участием дистанционных работников встроены в общую систему социального диалога. Статья 8 Ley 10/2021 предусматривает, что *convencios colectivos* (отраслевые и корпоративные коллективные соглашения) могут устанавливать минимальный процент дистанционной работы ниже законодательного порога в 30%, а также регулировать особенности права на возврат к офисному режиму. Закон прямо указывает, что при заключении *acuerdo de trabajo a distancia* (соглашения о дистанционной работе) должны учитываться положения коллективных договоров, действующих на предприятии [4].

Защита трудовых прав дистанционных работников: пробелы и коллизии

Дистанционная работа размывает традиционные границы рабочего времени и времени отдыха. Работодатель физически не контролирует работника, но ожидает постоянной доступности. Статья 312.4 ТК РФ устанавливает, что режим рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника определяется им самостоятельно, если иное не предусмотрено трудовым договором или локальным нормативным актом. Это порождает правовую коллизию: отсутствие чётких временных рамок ведёт к фактическому удлинению рабочего дня и переработкам, которые невозможно зафиксировать [11].

Испанский закон вводит право на цифровое отключение (*derecho a la desconexión digital*), закреплённое в статье 18. Работники имеют право не отвечать на служебные звонки, электронные письма и сообщения вне установленного рабочего времени. Работодатель обязан разработать внутреннюю политику, регламентирующую использование цифровых средств связи и гарантирующую соблюдение права на отдых. В России подобная норма отсутствует, хотя в научной литературе всё чаще звучат предложения о введении «права на офлайн» как продолжения конституционного права на отдых [4, 12].

Учёт рабочего времени дистанционных работников – ещё одна проблемная зона. Статья 91 ТК РФ обязывает работодателя вести учёт фактически отработанного каждым работником времени. Может ли работодатель использовать программное обеспечение для мониторинга активности работника за компьютером? Российское законодательство не даёт однозначного ответа. Статья 86 ТК РФ требует согласия работника на обработку его персональных данных. Применение программ мониторинга без уведомления работника нарушает эти нор-

мы, но грань между законным контролем и незаконным вторжением в частную жизнь размыта. В судебной практике 2024 года встречаются дела, где работодатели пытались обосновать увольнение дистанционного работника за прогул данными систем учёта рабочего времени, однако суды нередко отказывали в удовлетворении исков, указывая на отсутствие чёткой правовой базы [9].

Испанский закон о дистанционной работе уделяет значительное внимание защите частной жизни. Статья 22 обязывает работодателя принять меры по обеспечению конфиденциальности данных и запрещает требовать от работника установки приложений на личные устройства, если они могут нарушать право на неприкосновенность частной жизни. Статья 14 требует, чтобы система учёта рабочего времени отражала фактически отработанное время, но не вводила избыточного контроля [4].

Охрана труда дистанционных работников представляет собой отдельную проблему. Статья 312.7 ТК РФ устанавливает, что работодатель обязан ознакомить дистанционного работника с требованиями охраны труда при работе с оборудованием. Однако проверить, соблюдает ли работник эргономические требования, практически невозможно – доступ в жилище работника ограничен Конституцией РФ. Испанский закон в статье 16 возлагает на работодателя обязанность проводить оценку рисков на рабочем месте дистанционного работника, а также допускает посещение места работы, но только с предварительного согласия работника и при участии представителей работников [4].

Роль профсоюзов и перспективы развития социального партнёрства в цифровой среде

Переход к дистанционным формам занятости бросает вызов традиционной модели профсоюзной деятельности. Профсоюзы исторически формировались вокруг предприятий и производственных площадок, где работники ежедневно взаимодействовали лично. Удалённая работа лишает профсоюзы этой естественной среды коммуникации и мобилизации.

По оценкам исследователей, не более 15% коллективных договоров, заключённых после 2021 года, содержат положения о дистанционной работе [13]. Одна из причин – сложность организации коллективных действий в виртуальной среде. Забастовка как крайняя мера давления теряет эффективность, когда работники находятся дома. Проведение митингов и пикетов перед офисом работодателя малоэффективно, если большинство сотрудников туда не ходят. Новые формы протеста – например, публичные акции в социальных сетях – пока не имеют правового оформления в рамках законодательства о коллективных трудовых спорах.

В Испании профсоюзы более активно включились в регулирование дистанционной работы на уровне отраслевых соглашений. *Convencios colectivos* в ряде секторов (ИТ-индустрия, финансовые услуги, консалтинг) содержат детальные положения о праве на дистанционную работу, компенсации расходов, графике обязательного присутствия в офисе. Профсоюзы добились включения в коллективные договоры норм о праве на цифровое отключение с конкретизацией временных рамок – запретом направлять служебные сообщения работникам в период с 20:00 до 8:00 и в выходные дни [14].

Интересный опыт представляет испанская практика *comisiones de teletrabajo* – комиссий по дистанционной работе, создаваемых на уровне предприятий с участием представителей работодателя и работников. Эти комиссии занимаются выработкой правил организации удалённой работы, рассмотрением индивидуальных запросов работников на переход в дистанционный режим или возврат в офис, разрешением конфликтов. Такие комиссии действуют в рамках социального партнёрства, но вне формальной структуры профсоюзов, что позволяет включить в диалог всех заинтересованных работников независимо от членства в профсоюзе [4].

Перспективным направлением представляется развитие медиации в трудовых спорах, связанных с дистанционной работой. Медиация как способ альтернативного разрешения споров соответствует принципам социального партнёрства: добровольность, равноправие сторон, конфиденциальность, сотрудничество. В условиях дистанционной занятости медиация может проводиться онлайн, что устраняет географические барьеры. Однако российское трудовое законодательство пока не интегрировало медиацию в систему разрешения коллективных трудовых споров – Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ прямо исключает из сферы применения медиации коллективные трудовые споры [15].

В научной литературе отмечается, что принцип социального партнёрства имеет программирующее значение для трудового права, особенно в настоящее время, когда нетипичные формы занятости и циф-

ровые технологии порождают новые конфликты, требующие иных подходов к их разрешению [16]. Развитие платформенной экономики и самозанятости ставит под вопрос саму возможность применения традиционных институтов социального партнёрства.

Заключение

Анализ правового регулирования дистанционной занятости в России и Испании выявляет как общие тенденции, так и существенные различия в подходах к защите прав работников и реализации социального партнёрства. Оба государства в 2020–2021 годах приняли специальные законы, признав необходимость комплексного регулирования удалённой работы. Однако испанское законодательство отличается большей детализацией прав работников, включая право на цифровое отключение, строгие требования к добровольности дистанционной работы и обязанности работодателя по обеспечению оборудования.

Институт социального партнёрства сталкивается с серьёзными вызовами в условиях дистанционной занятости. Территориальная разобщённость работников затрудняет проведение общих собраний, выборы представителей, организацию коллективных действий. Российское законодательство формально не препятствует участию дистанционных работников в органах социального партнёрства, но отсутствие процедурных правил для онлайн-форматов создаёт правовую неопределённость. Испанский опыт создания comisiones de teletrabajo и детальное регулирование коллективных прав в отраслевых соглашениях заслуживают внимания при совершенствовании российского трудового законодательства.

Ключевые проблемы защиты трудовых прав дистанционных работников в России – размытие границ рабочего времени, сложность контроля за соблюдением трудового законодательства, конфликт между правом работодателя на управление трудом и правом работника на неприкосновенность частной жизни. Введение права на цифровое отключение, законодательное ограничение использования программ мониторинга, разработка стандартов учёта рабочего времени в дистанционном формате – меры, которые могли бы усилить правовые гарантии для удалённых работников.

Роль профсоюзов в условиях цифровизации труда нуждается в переосмыслении: необходимы новые формы организации с использованием цифровых платформ для консультирования работников, проведения онлайн-голосований, мониторинга соблюдения коллективных договоров. Развитие альтернативных способов разрешения трудовых споров, включая их интеграцию в систему разрешения коллективных трудовых споров, также может способствовать эффективной реализации принципов социального партнёрства.

Сравнительный анализ российского и испанского опыта свидетельствует, что универсальных решений не существует: каждая правовая система адаптирует институты трудового права с учётом национальных традиций социального диалога, структуры экономики и уровня цифровизации общества. Дальнейшее совершенствование правового регулирования дистанционной работы должно исходить из необходимости баланса интересов работников, работодателей и государства, гарантируя защиту трудовых прав и возможность полноценного участия работников в социальном партнёрстве независимо от формы занятости.

Литература

1. Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удалённой) работы» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ (дата обращения: 25.05.2026).
2. Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 09.04.2024 № ПГ/05642–6–1 «Об определении места работы дистанционного работника» // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/408923879/> (дата обращения: 25.05.2026).
3. Ley 10/2021, de 9 de julio, de trabajo a distancia // Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2021-11472> (fecha de acceso: 25.05.2026).
4. Черных Н.В. Достоинства и недостатки новой редакции главы 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 12. – С. 32–43.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.05.2026).
6. Чесалина О.В. Новеллы законодательства о дистанционной (удалённой) работе: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 7 (128). – С. 84–93.

7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 25.05.2026).

8. Eurostat. Internet access and use statistics – households and individuals. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Internet_access_and_use_statistics_-_households_and_individuals (дата обращения: 25.05.2026).

9. Нуштайкина К.В. Реализация права работников на социальное партнёрство в условиях дистанционного труда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 3 (21). – С. 152–156.

10. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2024–2026 годы // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476292/ (дата обращения: 25.05.2026).

11. Лютов Н.Л. Коллективное трудовое право в условиях нетипичной занятости: вызовы цифровой экономики // Трудовое право в России и за рубежом. – 2020. – № 4. – С. 3–7.

12. Чесалина О.В. К вопросу о правовой природе права на отключение // Трудовое право в России и за рубежом. – 2021. – № 2. – С. 57–60.

13. Институт социального партнёрства как инструмент профилактики трудовых конфликтов // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sotsialnogo-partnerstva-kak-instrument-profilaktiki-trudovoyh-konfliktov> (дата обращения: 25.05.2026).

14. De la urgencia al equilibrio: el teletrabajo llegó para quedarse // La Razón. – 2025. – 14 de marzo. URL: https://www.larazon.es/economia/urgencia-equilibrio-teletrabajo-llego-quedarse_2025031467d3b811de9a6f0001aaf081.html (fecha de acceso: 25.05.2026).

15. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 25.05.2026).

16. Развитие социального партнёрства в платформенной экономике: практики, риски, регулирование // Первое экономическое издательство. URL: <https://1economic.ru/lib/121813> (дата обращения: 25.05.2026).

LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTING SOCIAL PARTNERSHIP IN THE FIELD OF REMOTE EMPLOYMENT IN RUSSIA AND SPAIN

Skrýl A.M.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article examines legal issues and mechanisms of social partnership implementation in the context of remote employment, using Russia and Spain as case studies. The research explores the peculiarities of legislative regulation of remote work in both countries and identifies obstacles to effective functioning of social partnership institutions when labour relations transition to the digital environment. Special attention is paid to the protection of remote workers' rights and the role of trade unions and collective bargaining under new work organization conditions. A comparative analysis of Russian and Spanish experience in legal regulation is conducted. The conclusion emphasizes the need to adapt classical social partnership institutions to digital economy realities.

Keywords: social partnership, remote work, labour rights, telework, digitalisation of labour, collective bargaining, trade unions.

References

1. Federal Law No. 407-FZ of 08.12.2020 "On Amendments to the Labour Code of the Russian Federation Regarding the Regulation of Remote (Distance) Work" [in Russian] // ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ (accessed: 25.05.2026).
2. Letter of the Federal Service for Labour and Employment (Rostrud) No. PG/05642–6–1 of 09.04.2024 "On Determining the Place of Work of a Remote Employee" [in Russian] // GARANT.RU. Available at: <https://base.garant.ru/408923879/> (accessed: 25.05.2026).
3. Ley 10/2021, de 9 de julio, de trabajo a distancia [Law 10/2021 of 9 July on Remote Work] [in Spanish] // Boletín Oficial del Estado. Available at: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2021-11472> (accessed: 25.05.2026).
4. Chernykh, N.V. Merits and Demerits of the New Version of Chapter 49.1 of the Labour Code of the Russian Federation [in Russian]. Lex russica, 2021, vol. 74, no. 12, pp. 32–43.
5. Labour Code of the Russian Federation No. 197-FZ of 30.12.2001 (as amended on 26.02.2024) [in Russian] // ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed: 25.05.2026).
6. Chesalina, O.V. Novelties of Legislation on Remote (Distance) Work: A Comparative Legal Analysis [in Russian]. Actual Problems of Russian Law, 2021, vol. 16, no. 7 (128), pp. 84–93.
7. Official website of the Federal State Statistics Service (Rosstat) [in Russian]. Available at: <https://rosstat.gov.ru> (accessed: 25.05.2026).
8. Eurostat. Internet access and use statistics – households and individuals. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Internet_access_and_use_statistics_-_households_and_individuals (accessed: 25.05.2026).

9. Nushtaykina, K.V. Realization of Workers' Right to Social Partnership under Conditions of Remote Work [in Russian]. Perm University Herald. Juridical Sciences, 2013, no. 3 (21), pp. 152–156.

10. General Agreement between All-Russian Associations of Trade Unions, All-Russian Associations of Employers and the Government of the Russian Federation for 2024–2026 [in Russian] // ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476292/ (accessed: 25.05.2026).

11. Lyutov, N.L. Collective Labour Law under Conditions of Atypical Employment: Challenges of the Digital Economy [in Russian]. Labour Law in Russia and Abroad, 2020, no. 4, pp. 3–7.

12. Chesalina, O.V. On the Legal Nature of the Right to Disconnect [in Russian]. Labour Law in Russia and Abroad, 2021, no. 2, pp. 57–60.

13. The Institute of Social Partnership as a Tool for the Prevention of Labour Conflicts [in Russian] // CyberLeninka. Available at: [https://cyberleninka.ru/article/n/institut-](https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sotsialnogo-partnerstva-kak-instrument-profilaktiki-trudovyh-konfliktov)

[sotsialnogo-partnerstva-kak-instrument-profilaktiki-trudovyh-konfliktov](https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sotsialnogo-partnerstva-kak-instrument-profilaktiki-trudovyh-konfliktov) (accessed: 25.05.2026).

14. De la urgencia al equilibrio: el teletrabajo llegó para quedarse [From Urgency to Balance: Telework Is Here to Stay] [in Spanish]. La Razón, 2025, 14 March. Available at: https://www.larazon.es/economia/urgencia-equilibrio-teletrabajo-llego-quedarse_2025031467d3b811de9a6f0001aaf081.html (accessed: 25.05.2026).

15. Federal Law No. 193-FZ of 27.07.2010 “On the Alternative Procedure for Dispute Settlement with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)” [in Russian] // ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (accessed: 25.05.2026).

16. Development of Social Partnership in the Platform Economy: Practices, Risks, Regulation [in Russian] // First Economic Publishing House. Available at: <https://1economic.ru/lib/121813> (accessed: 25.05.2026).

Должная осмотрительность как основа формирования единого правового пространства ЕАЭС в сфере искусственного интеллекта

Соболев Юрий Маратович,

преподаватель кафедры международного права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: stav.sobolev@gmail.com

Предмет статьи – правовые средства формирования единого пространства ЕАЭС в сфере искусственного интеллекта в условиях расхождения национального регулирования государств-членов. Цель – обосновать пригодность должной осмотрительности как основы такого пространства. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Показано, что унификация требований невозможна ввиду отсутствия у Союза наднациональной компетенции и структурной непригодности модели технического регламента, привязанной к оценке соответствия продукции в момент выпуска в обращение. Предложено сместить единицу гармонизации с нормы на стандарт поведения – должную осмотрительность, обладающую технологической нейтральностью и уже присутствующую в правовых актах государств-членов. Новизна состоит в обосновании процедурного стандарта как метода интеграции. Результаты применимы при подготовке актов Евразийской экономической комиссии. Сделан вывод о должной осмотрительности как конституирующем стандарте доверия к искусственному интеллекту в Союзе.

Ключевые слова: должная осмотрительность, Евразийский экономический союз, искусственный интеллект, гармонизация законодательства, техническое регулирование, обязательство поведения.

28 мая 2026 года в Астане члены Высшего Евразийского экономического совета приняли Совместное заявление об ответственном развитии искусственного интеллекта в рамках Евразийского экономического союза [1]. Заявление признаёт «безусловный цифровой суверенитет» государств-членов, провозглашает принципы объективности, недискриминации и этичности, а также определяет условием сотрудничества обмен опытом в вопросах регулирования технологий искусственного интеллекта «исходя из недопустимости появления барьеров на внутреннем рынке ЕАЭС».

Значение такой формулировки определяется тем, что право Союза различает три вида препятствий: барьеры, ограничения и изъятия, из которых нелегитимными признаются только барьеры. Тем самым главы государств квалифицировали возможное расхождение национального регулирования не как организационное неудобство, а как явление, противоречащее праву Союза. Однако механизма предотвращения такого расхождения Заявление не содержит: намерения сторон ограничены проработкой цифровых инициатив, совместными проектами и активизацией диалога.

При этом сфера регулирования искусственного интеллекта в государствах-членах фрагментирована. 17 ноября 2025 года Республика Казахстан приняла Закон «Об искусственном интеллекте» [2], вводящий понятия системы, модели искусственного интеллекта и синтетических результатов. 9 июля 2026 года в Российской Федерации был принят федеральный закон о развитии технологий искусственного интеллекта [3], предметом которого выступают преимущественно крупные фундаментальные модели, тогда как основное регулирование вынесено на уровень подзаконных актов. Кыргызская Республика избрала иной путь: Цифровой кодекс от 31 июля 2025 года № 178 не выделяет искусственный интеллект в самостоятельный объект регулирования, а исходит из технологической нейтральности, подчиняя применение систем правилам той сферы, в которой они используются [4]. В Республике Беларусь разработка концепции законодательного акта об искусственном интеллекте включена в план подготовки законопроектов на 2026 год [5]. Расхождение затрагивает, таким образом, не степень строгости требований, а сам объект регулирования: система, модель либо сфера применения.

Общие вопросы правового регулирования искусственного интеллекта разработаны полно: систематизация национальных и наднациональных подходов представлена у И.А. Филиповой [6, с. 50], европейская модель – в комментариях к Рамочной конвенции Совета Европы [7, с. 52–63]. Должная осмотрительность как категория международного права исследована в трудах С. Бессон [8, р. 23], Й. Кулеши [9, р. 2], Х. Кригер [10, р. 13], применительно к киберпространству – в работе Т. Диас и А. Коко [11, р. 27]. Теория нормативного регионализма применительно к праву ЕАЭС разработана О.В. Кадышевой [12, с. 34]. Вместе с тем исследования, соединяющие должную осмотрительность с задачей формирования единого правового пространства Союза в сфере искусственного интеллекта, отсутствуют, что и определяет новизну настоящей работы: в условиях дефицита наднациональной компетенции единицей гармонизации предлагается сделать не норму, а стандарт поведения.

Характер фрагментации и пределы её преодоления

Предметный, а не количественный характер расхождения имеет принципиальное значение для выбора средства гармонизации. Унификация требований предполагает наличие общего объекта, к которому они предъявляются. Когда законодательство одного государства-члена обращено к системам искусственного интеллекта, законодательство другого к моделям, определяемым через количественный порог параметров, а третьего к сферам их применения, унифицировать оказывается нечего: требования относятся к несовпадающим явлениям. Задача состоит, следовательно, не в сближении содержания норм, а в отыскании оснований, общего для различных предметов регулирования.

Прямая гармонизация по модели Европейского союза недостижима и по институциональным причинам. Договор о ЕАЭС наделяет Союз компетенцией в области технического регулирования, то есть установления обязательных требований к продукции и связанным с ней процессам (подпункт 1 пункта 1 статьи 51) [13]. Полномочия по регу-

лированию технологий как таковых государствами-членами не передавались, а цифровая повестка реализуется программными средствами. Совместное заявление подтверждает эту конструкцию, признавая «безусловный цифровой суверенитет» государств-членов, что исключает принятие акта, аналогичного европейскому регламенту об искусственном интеллекте.

Опыт Европейского союза, обладающего необходимой компетенцией, показывает уязвимость и жёсткой модели регулирования. Регламентом от 29 июня 2026 года применение обязательств в отношении высокорисковых систем отложено с 2 августа 2026 года на 2 декабря 2027 года и 2 августа 2028 года ввиду неготовности гармонизированных стандартов и национальных компетентных органов [14]. Отсюда следует вывод, значимый для евразийской интеграции: детальные требования к технологиям оказываются менее устойчивым решением, чем стандарты поведения.

Структурная непригодность модели технического регламента

Единственная область, в которой Союз располагает компетенцией, соприкасающейся с искусственным интеллектом, – техническое регулирование. Однако его модель структурно непригодна для систем искусственного интеллекта, и причина не в отсутствии соответствующего технического регламента в перечне, утверждённом Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 апреля 2019 года № 52 [15], а в самой конструкции института.

Техническое регулирование в рамках Союза построено на подтверждении соответствия продукции обязательным требованиям при выпуске её в обращение и исходит из презумпции неизменности свойств объекта после помещения на рынок. Система искусственного интеллекта, способная к дообучению и адаптации, данной презумпции не отвечает: её характеристики изменяются в ходе эксплуатации [16], вследствие чего подтверждённое однажды соответствие утрачивает значение доказательства безопасности. Показательно, что европейский законодатель вынужден был признать это прямо: пункт 4 статьи 43 Регламента (ЕС) 2024/1689 отдельно оговаривает системы, «продолжающие обучаться после размещения на рынке или ввода в эксплуатацию», выводя заранее предопределённые провайдером изменения из-под понятия существенной модификации, влекущей новую оценку соответствия [17]. Точечная оценка соответствия теряет здесь смысл не по причине несовершенства процедур, а в силу природы объекта.

Оценка соответствия должна, следовательно, приобрести непрерывный процессный характер, охватывающий весь жизненный цикл системы. Непрерывная процессная оценка соответствия и есть должная осмотрительность. Вывод подтверждается практикой стандартизации: ГОСТ Р ИСО/МЭК 42001–2024, идентичный международному стандарту ISO/IEC 42001:2023, строит управление искусственным интеллектом как систему менеджмента, а не как проверку изделия [18].

Должная осмотрительность как гармонизируемый стандарт

Должная осмотрительность (англ. *due diligence*) представляет собой обязательство поведения, а не результата: обязанное лицо отвечает не за наступление вреда, а за принятие разумных мер по его предотвращению. Такое понимание сложилось в международном праве [8, р. 23; 9, р. 2] и применяется к трансграничным рискам, включая порождаемые деятельностью в киберпространстве [11, р. 27].

Прикладное содержание стандарта раскрыто в Руководстве по должной осмотрительности для ответственного искусственного интеллекта, принятом Организацией экономического сотрудничества и развития 19 февраля 2026 года [19, р. 6]. Руководство выделяет шесть шагов: интеграция принципов ответственного делового поведения в политику и системы управления организации; выявление и оценка неблагоприятных воздействий; их прекращение, предотвращение и смягчение; отслеживание результатов принятых мер; информирование о предпринятых действиях; предоставление возмещения или действие в нём. Существенно, что Руководство не привязано к перечню конкретных рисков, что обеспечивает его устойчивость к смене технологических поколений.

Пригодность стандарта для гармонизации в рамках Союза определяется четырьмя обстоятельствами.

Во-первых, технологическая нейтральность. Стандарт предъявляет требования к поведению обязанного лица, а не к техническим характеристикам системы [8, р. 23; 19, р. 13], вследствие чего применим независимо от того, определяет ли национальный законодатель предмет регулирования через системы, модели, результаты их работы или

сферы применения [4]. Это и есть искомое основание, общее для расходящихся предметов регулирования.

Во-вторых, совместимость с различным уровнем национальной строгости: будучи обязательством поведения, стандарт допускает дифференциацию мер сообразно уровню риска и характеру деятельности [19, р. 32], не вступая в противоречие с цифровым суверенитетом государств-членов [1].

В-третьих, наличие стандарта в правовых актах государств-членов. Осмотрительность выступает производной от общего принципа добросовестности участников гражданского оборота и требования разумности их поведения [8, р. 107]. Более того, применительно к искусственному интеллекту стандарт уже получил прямое законодательное закрепление: Цифровой кодекс Кыргызской Республики обязывает владельцев и пользователей систем независимо от уровня их опасности принимать разумные меры для снижения возможного вреда и передаёт выработку регламентов, охватывающих оценку рисков, управление данными и качество эксплуатации, объединениям владельцев таких систем [4]. Стандарт, следовательно, не требует ни введения новой правовой категории, ни передачи Союзу дополнительной компетенции.

В-четвёртых, наличие правовых каналов рецепции. Подпункт 12 пункта 1 статьи 51 Договора о ЕАЭС относит к принципам технического регулирования гармонизацию межгосударственных стандартов с международными, а подпункт 10 закрепляет добровольность их применения [13]. Тем самым Договор допускает восприятие международных стандартов управления искусственным интеллектом без обязательного наднационального акта, а идентичность ГОСТ Р ИСО/МЭК 42001–2024 международному стандарту показывает, что канал технической совместимости уже открыт [18]. Такое решение согласуется и с принятым в Совместном заявлении обязательством руководствоваться признаваемыми государствами-членами международными принципами доверенного искусственного интеллекта [1].

Механизм внедрения и последствия несоблюдения

Внедрение стандарта целесообразно осуществлять поэтапно. Сначала Евразийской экономической комиссии следует принять рекомендацию, определяющую модельные критерии должной осмотрительности с дифференциацией обязанностей разработчика, поставщика и лица, внедряющего систему. Затем, заключить соглашение о взаимном признании результатов оценки соответствия, при котором подтверждение соблюдения стандарта в одном государстве-члене признаётся остальными. Именно взаимное признание, а не единообразие требований, образует работающее содержание единого правового пространства. На третьем этапе возможна разработка горизонтального акта Союза.

Правовые последствия несоблюдения стандарта обеспечиваются тремя каналами. Основным выступает деликтная ответственность, в рамках которой осмотрительность служит мерой вины и критерием требуемого поведения. Ключевое значение приобретает распределение бремени доказывания: непрозрачность системы делает доказывание вины практически неосуществимым для потерпевшего, что обуславливает целесообразность презумпции несоблюдения стандарта при отсутствии документации, ведение которой он предписывает. Данный подход согласуется с направлением реформирования деликтной ответственности производителей в европейском праве [20]. Второй канал – административно-надзорный. Третий образуют механизмы непрямого принуждения: допуск к государственным закупкам, условия страхования, требования инвесторов.

Вывод

Расхождение национального регулирования искусственного интеллекта в государствах – членах ЕАЭС носит предметный, а не количественный характер, вследствие чего унификация нормативных требований не способна выступить средством его преодоления. Модель технического регламента структурно непригодна для систем искусственного интеллекта, поскольку основана на подтверждении соответствия продукции в момент выпуска её в обращение, тогда как свойства самообучающейся системы изменяются в ходе эксплуатации; оценка соответствия должна здесь приобрести непрерывный процессный характер.

Функцию основания, общего для различных предметов национальной регуляции, способна выполнить должная осмотрительность как обязательство поведения. Её пригодность определяется технологической нейтральностью, совместимостью с различным уровнем национальной строгости, присутствием в правовых актах государств-членов и наличием предусмотренных Договором о ЕАЭС каналов рецепции международных стандартов. Она выступает, таким образом, не дополнительным требованием к искусственному интеллекту, а методом интеграции, позволяющим сформировать единое правовое пространство в условиях дефицита наднациональной компетенции. Предлагаемое

решение сопряжено с издержками: оценочный характер стандарта порождает риск правовой неопределённости, а обязанность документирования создаёт нагрузку на малое и среднее предпринимательство, – оба возражения снимаются конкретизацией стандарта в отраслевых актах и дифференциацией мер сообразно уровню риска.

Литература

1. Совместное заявление об ответственном развитии искусственного интеллекта в рамках Евразийского экономического союза (Астана, 28 мая 2026 г.). URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/6498> (дата обращения: 21.07.2026).
2. Об искусственном интеллекте: Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 г. № 230-VIII ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230> (дата обращения: 21.07.2026).
3. О развитии технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: проект федерального закона № 1271570–8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1271570-8> (дата обращения: 21.07.2026).
4. Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 г. № 178. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-48/edition/35412/ru> (дата обращения: 21.07.2026).
5. В Беларуси разрабатывается законодательная основа для активного внедрения систем искусственного интеллекта // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2025. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/sepember/90188/> (дата обращения: 21.07.2026).
6. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. 3-е изд., обновл. и доп. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2025. 275 с.
7. Мартынова Е.А., Сушков С.П., Евсеев А.П., Штодина Д.Д. Комментарий к Рамочной конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права // Журнал ВШЭ по международному праву. 2024. Т. 2. № 3.
8. Besson S. Due Diligence in International Law / transl. by S. Knuchel. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2023. 320 p.
9. Kulesza J. Due Diligence in International Law. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2016. 320 p.
10. Due Diligence in the International Legal Order / eds. H. Krieger, A. Peters, L. Kreuzer. Oxford: Oxford University Press, 2020. 416 p.
11. Dias T., Coco A. Cyber Due Diligence in International Law. Oxford: Oxford Institute for Ethics, Law and Armed Conflict, 2021. 155 p.
12. Кадышева О.В. Нормативный регионализм в современном международном праве на примере права Евразийского экономического союза: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.5. Москва, 2026. 444 с.
13. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.): с изм. и доп. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 21.07.2026).
14. Artificial Intelligence: Council gives final green light to simplify and streamline rules: press release of the Council of the European Union of 29 June 2026. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/06/29/> (дата обращения: 21.07.2026).
15. О перечне технических регламентов Евразийского экономического союза (технических регламентов Таможенного союза): Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 апреля 2019 г. № 52. URL: <https://docs.cntd.ru/document/554102450> (дата обращения: 21.07.2026).
16. Bayram F., Ahmed B.S., Kassler A. From concept drift to model degradation: An overview on performance-aware drift detectors // Knowledge-Based Systems. 2022. Vol. 245. P. 1–19.
17. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence, Art. 43(4) // Official Journal of the European Union. L.
18. ГОСТ Р ИСО/МЭК 42001–2024. Искусственный интеллект. Система менеджмента. Москва: Российский институт стандартизации, 2024. 62 с.
19. OECD Due Diligence Guidance for Responsible AI. Paris: OECD Publishing, 2026. 61 p. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2026/02/oecd-due-diligence-guidance-for-responsible-ai_7831bb49.html (дата обращения: 21.07.2026).

20. Степанов С.К. Деликтная ответственность производителей в современных условиях: опыт европейского реформирования // Цифровое право. 2024. Т. 5. № 1. С. 8–35.

DUE DILIGENCE AS THE FOUNDATION OF A COMMON LEGAL SPACE OF THE EAEU IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Sobolev Yu.M.

Saratov State Law Academy

The subject of the article is the legal means of forming a common space of the EAEU in the field of artificial intelligence amid divergent national regulation. The aim is to substantiate the suitability of due diligence as the foundation of such a space. The study applies formal-legal, comparative-legal and systemic methods. It is shown that unification of requirements is unattainable given the absence of supranational competence and the unsuitability of the technical regulation model tied to conformity assessment of a product when placed on the market. It is proposed to shift the unit of harmonisation from the norm to the standard of conduct – due diligence, which is technologically neutral and already present in the member states' legal orders. The novelty lies in substantiating a procedural standard as a method of integration. The results are applicable in preparing acts of the Eurasian Economic Commission.

Keywords: due diligence, Eurasian Economic Union, artificial intelligence, harmonisation of legislation, technical regulation, obligation of conduct.

References

1. Joint Statement on the Responsible Development of Artificial Intelligence within the Eurasian Economic Union (Astana, 28 May 2026). URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/6498> (accessed: 21.07.2026).
2. On Artificial Intelligence: Law of the Republic of Kazakhstan No. 230-VIII of 17 November 2025. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230> (accessed: 21.07.2026).
3. On the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation: Draft Federal Law No. 1271570–8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1271570-8> (accessed: 21.07.2026).
4. Digital Code of the Kyrgyz Republic No. 178 of 31 July 2025. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-48/edition/35412/ru> (accessed: 21.07.2026).
5. Belarus Develops a Legislative Framework for the Active Implementation of Artificial Intelligence Systems // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. 2025. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/sepember/90188/> (accessed: 21.07.2026).
6. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: a textbook. 3rd ed., rev. and enl. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University, 2025. 275 p.
7. Commentary on the Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence, Human Rights, Democracy and the Rule of Law // HSE University Journal of International Law. 2024. Vol. 2. No. 3.
8. Besson S. Due Diligence in International Law / transl. by S. Knuchel. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2023. 320 p.
9. Kulesza J. Due Diligence in International Law. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2016. 320 p.
10. Due Diligence in the International Legal Order / eds. H. Krieger, A. Peters, L. Kreuzer. Oxford: Oxford University Press, 2020. 416 p.
11. Dias T., Coco A. Cyber Due Diligence in International Law. Oxford: Oxford Institute for Ethics, Law and Armed Conflict, 2021. 155 p.
12. Kadyshcheva O.V. Normative Regionalism in Contemporary International Law: the Case of the Law of the Eurasian Economic Union: Dr. Sci. (Law) Diss.: 5.1.5. Moscow, 2026. 444 p.
13. Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29 May 2014): as amended. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed: 21.07.2026).
14. Artificial Intelligence: Council gives final green light to simplify and streamline rules: press release of the Council of the European Union of 29 June 2026. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/06/29/> (accessed: 21.07.2026).
15. On the List of Technical Regulations of the Eurasian Economic Union (Technical Regulations of the Customs Union): Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 52 of 2 April 2019. URL: <https://docs.cntd.ru/document/554102450> (accessed: 21.07.2026).
16. Bayram F., Ahmed B.S., Kassler A. From concept drift to model degradation: An overview on performance-aware drift detectors // Knowledge-Based Systems. 2022. Vol. 245. Art. 108632.
17. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence, Art. 43(4) // Official Journal of the European Union. L, 2024/1689, 12.07.2024.
18. GOST R ISO/IEC 42001–2024. Artificial Intelligence. Management System. Moscow: Russian Standardization Institute, 2024. 62 p.
19. OECD Due Diligence Guidance for Responsible AI. Paris: OECD Publishing, 2026. 61 p. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2026/02/oecd-due-diligence-guidance-for-responsible-ai_7831bb49.html (accessed: 21.07.2026).
20. Stepanov S.K. Tort Liability of Producers in Modern Conditions: the Experience of European Reform // Digital Law Journal. 2024. Vol. 5. No. 1. P. 8–35.

Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: теория правового регулирования

Ахьядов Ислам Исаевич,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: nauka_lo@mail.ru

В статье анализируется российская система оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в контексте перехода к единой системе публичной власти. Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра действующего перечня показателей, не в полной мере отвечающего современным требованиям: показатели слабо увязаны с полномочиями муниципалитетов, зависят от внешних факторов и не отражают реальных результатов управления. Цель работы – выявление системных недостатков нормативно-правовой базы и разработка предложений по её совершенствованию. На основе методов юридического анализа, компаративистики и системного подхода авторы обосновывают необходимость привязки показателей к национальным целям, полномочиям ОМСУ и территориальной специфике, а также внедрения пятикомпонентной модели оценки (процедурные, ресурсные, результативные, показатели воздействия и показатели конечных результатов). Сформулированы принципы правового регулирования системы оценки деятельности ОМСУ: релевантность, дифференциация, динамическая оценка и публичность.

Ключевые слова: местное самоуправление; оценка эффективности деятельности; единая система публичной власти; правовое регулирование; автономия местного самоуправления; показатели для оценки эффективности деятельности местного самоуправления.

В современном государственном управлении применение количественных и качественных индикаторов и показателей для измерения результативности деятельности органов власти является институциональным элементом системы публичной власти, закреплённом как на уровне доктринальных подходов, так и в нормативно-правовых актах большинства стран. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) позволяет не только контролировать деятельность муниципальных властей, но также выявлять проблемы и положительные тенденции, корректировать управленческие решения и «определять главные траектории развития муниципалитетов» [1, с. 91].

Нормативно-правовое регулирование оценки эффективности деятельности ОМСУ в Российской Федерации имеет достаточно длительную историю развития. На протяжении ряда лет базовые положения в данной сфере были закреплены в статье 18.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в редакции, действующей до 1 января 2028 г.). С принятием Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ № 33) аналогичные по своему содержанию нормы были воспроизведены в статье 40 нового закона.

Примечательно, что правовые механизмы оценки эффективности полностью сохранены и перешли в новый закон без изменений. В частности, в обеих нормах закреплено, что «перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления утверждается в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации». Равным образом в обоих законах предусмотрена возможность выделения грантов муниципальным образованиям за счёт средств бюджета субъекта Российской Федерации «в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей», а также предоставления межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

Таким образом, законодатель, переходя к новой модели организации местного самоуправления в единой системе публичной власти, подтвердил неизменность подходов к стимулированию муниципалитетов, достигших высоких результатов.

Базовым документом в данной сфере на подзаконном уровне является Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 года № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» (далее – Указ № 607), который утвердил перечень показателей для оценки эффективности деятельности ОМСУ. Текст данного нормативного правового акта неоднократно изменялся и дополнялся: указами Президента РФ от 13.05.2010 № 579, от 14.10.2012 № 1384, от 04.11.2016 № 591, от 09.05.2018 № 212 был существенно изменён Перечень показателей. В настоящее время Перечень содержит 13 показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, ...» (далее – Постановление № 1317) утверждает дополнительные показатели (помимо установленных Указом № 607), единую методику мониторинга эффективности ОМСУ и типовую форму отчёта.

Перечень, приведенный в Постановлении № 1317, в настоящее время охватывает 27 показателей по восьми направлениям: экономическое развитие, дошкольное образование, общее и дополнительное образование, культура, физическая культура и спорт, жилищное строительство и обеспечение граждан жильём, жилищно-коммунальное хозяйство, организация муниципального управления.

Согласно п. 4 Методики, утверждённой в Постановлении № 1317, мониторинг строится на официальных данных из докладов глав администраций, в которых используется официальная статистическая информация. Эффективность деятельности муниципалитетов определяется посредством анализа динамики за отчётный год и плановых значений на трёхлетний период: рост одних показателей (например,

инвестиций, обеспеченности общеобразовательными учреждениями) и снижение других (например, аварийность дорог и общеобразовательных учреждений, доля школьников, обучающихся во вторую смену) свидетельствуют об улучшении работы. Также подчёркивается, что анализ должен вестись с учётом как собственных, так и переданных полномочий.

Сегодня каждый муниципалитет ежегодно готовит доклад о достигнутых значениях показателей, которые включаются в региональные рейтинги. Более того, имеются механизмы персональной ответственности: систематическое недостижение показателей может служить основанием для удаления главы муниципалитета в отставку (п. 6. ч. 3 ст. 21 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ).

Таким образом, к настоящему моменту сформирована достаточно развернутая нормативно-правовая база оценки эффективности ОМСУ. Вместе с тем, содержательное наполнение этой системы вызывает обеспокоенную критику. Исследователи обращают внимание на значительное число недостатков, снижающих ее объективность и практическую полезность, в частности: неразработанность процедурных аспектов оценки муниципальной эффективности и результативности деятельности органов и должностных лиц ОМСУ, отсутствие правовых последствий в случае несогласия населения с данными отчёта, фактическую презумпцию добросовестности местных властей [2, с. 115], отсутствие привязки показателей к реальным полномочиям муниципалитетов, зависимость многих показателей преимущественно от внешних факторов, а не от деятельности МСУ [3, с. 103; 4, с. 26; 5, с. 32], размытость критериев для персональной оценки деятельности глав [3, с. 103–104], перегруженность, несбалансированность перечня показателей [4, с. 26], неспособность системы предоставить объективные данные реального развития территорий, чрезмерная унифицированность, не позволяющая учесть специфику конкретных муниципальных образований [6, с. 18], процедурные проблемы в механизме оценки эффективности деятельности ОМСУ населением с применением ИТ-технологий [7, с. 16], отсутствие указания на «количество респондентов социологического опроса, позволяющего сделать вывод о полной или частичной удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления» [8, с. 142], формализация системы оценки и отсутствие действенных механизмов реагирования на выявленные недостатки превращает мониторинг в формальную процедуру, не влияющую на реальное улучшение муниципального управления [9, с. 253].

В России, в настоящее время, оценка результатов работы ОМСУ основана преимущественно на экономической категории эффективности [10, с. 50]. Однако все большую поддержку находит позиция, согласно которой достижение экономических целей не гарантирует получения желаемых социальных результатов, выходящих за рамки критериев результативности и включающих другие оценочные элементы, в частности, влияние на удовлетворенность граждан и выявление социальных проблем. То есть признается необходимость расширения концепции за пределы экономического аспекта и распространения ее на социальные измерения.

Формирование нормативно-правовой базы оценки эффективности должно быть обусловлено целями функционирования органов местного самоуправления в единой системе публичной власти, а сама оценка призвана обеспечивать своевременную диагностику позитивных и негативных тенденций развития муниципальных образований для последующей корректировки управленческих решений.

В сфере государственного управления теоретические концепции разрабатывались на основе множества академических подходов и авторских работ, в том числе и по экономике, политологии, социологии и менеджменту, в которых представлен широкий спектр методологических моделей, предлагающих разнообразные системы критериев (показателей, индикаторов) и процедур (механизмов) оценки эффективности деятельности органов публичной власти.

Перечень показателей должен формулироваться таким образом, чтобы максимально полно отразить фактическую ситуацию в муниципальном образовании. В современной теории управления можно условно выделить пять содержательных категорий показателей, каждая из которых отражает определённый срез эффективности деятельности ОМСУ. Во-первых, процедурные показатели, которые отражают организационные аспекты принятия и реализации управленческих решений: степень координации между структурными подразделениями, взаимодействие муниципалитетов между собой и органами государственной власти, оперативность реагирования. Они важны для оценки качества внутренней организации деятельности, но не дают прямого ответа о достигнутых результатах.

Во-вторых, ресурсные показатели, характеризующие объёмы ресурсов, привлекаемых для выполнения функций: численность и уровень профессионализма персонала, финансовые затраты,

материально-техническое обеспечение. Сами по себе они не свидетельствуют об эффективности, поскольку высокие затраты могут сочетаться с низкой результативностью и наоборот.

В-третьих, показатели непосредственных результатов, определяющие количество и качество произведённых «муниципальных продуктов» – принятых нормативных актов, выданных разрешений, объёма оказанных услуг (например, число отремонтированных дорог, количество мест в детсадах). Это наиболее распространённая группа показателей, однако она отражает лишь объём деятельности, а не её реальное влияние на благополучие граждан.

В-четвертых, показатели воздействия, фиксирующие реакцию непосредственных получателей услуг или адресатов управленческих решений. К ним относятся: удовлетворённость граждан, уровень доверия к власти, соблюдение установленных норм и предписаний, востребованность предлагаемых мер поддержки, жалобы населения на деятельность ОМСУ. Эти показатели позволяют оценить, как результаты управления воспринимаются и используются населением.

В-пятых, показатели конечных результатов, отражающие долгосрочные социальные, экономические и экологические последствия управленческой деятельности ОМСУ. Это изменения в состоянии общества в целом: улучшение экологической ситуации, увеличение инвестиционной привлекательности территории муниципального образования и т.п. Данные показатели сложнее всего привязать к конкретным управленческим действиям ОМСУ из-за множества внешних факторов.

В нормативно-правовом регулировании оценки эффективности органов местного самоуправления в настоящее время наблюдается перекос в сторону показателей непосредственных результатов и ресурсных показателей, тогда как процедурные показатели, показатели воздействия, и, особенно, показатели конечных результатов остаются недооценёнными либо методологически слабо проработанными. Сбалансированная система оценки, по нашему мнению, должна включать все пять категорий, при этом обязательно обеспечивать их увязку с полномочиями и ресурсными возможностями конкретного муниципалитета. Только такой комплексный подход позволяет преодолеть формализм и сделать оценку эффективности действенным инструментом повышения качества деятельности ОМСУ. Приведем пример нормативного закрепления такого подхода. Полномочие: обеспечение проживающих в муниципальном образовании и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями – а) процедурный показатель: соблюдение утверждённой очередности (отсутствие жалоб граждан), б) ресурсный показатель: средняя стоимость 1 кв. м жилья, предоставленного по муниципальным программам, в сравнении с рыночной; расходы на содержание жилищного фонда на 1 кв. м; в) показатели непосредственных результатов: доля нуждающихся граждан, получивших жильё или субсидии; г) показатели конечных результатов: улучшение жилищных условий как фактор демографической стабильности; д) показатели воздействия: уровень удовлетворённости граждан, получивших жильё (опрос); доля отказов от предложенных вариантов (неподходящее качество/расположение).

Помимо содержательного наполнения показателей («что измеряется?»), ключевое значение для понимания системы оценки эффективности имеет её институциональная форма – то есть распределение субъектов и механизмов оценивания в политико-административной системе страны. В зависимости от того, кто выступает субъектом оценки, можно выделить два типа: внутреннее и внешнее измерение.

Внутреннее измерение осуществляется силами самой организации (органа местного самоуправления) либо её структурных подразделений. Оно может быть вертикальным, когда вышестоящее звено внутри муниципальной администрации оценивает нижестоящее (например, глава муниципального образования оценивает эффективность работы структурных подразделений) либо горизонтальным, когда подразделения одного уровня внутри муниципалитета оценивают работу друг друга. Данный вид измерения не нашел своего нормативного закрепления и методического обеспечения в Постановлении № 1317.

Внешнее измерение осуществляется субъектами, не входящими в организационную структуру муниципалитета. В Указе № 607 и Постановлении № 1317 предусмотрена независимая оценка качества услуг, проводимая общественными советами с участием представителей некоммерческих организаций. Она охватывает учреждения образования, культуры, охраны здоровья социального обслуживания и проводится в соответствии с положениями, установленными Федеральным законом от 5 декабря 2017 г. № 392-ФЗ.

Еще один вариант внешнего измерения – оценка населением деятельностью ОМСУ. Пункт 13 Указа № 607 предписывает устанавливать мнение населения о фактическом качестве исполнения муниципальных полномочий, что позволяет оценивать качество деятельности ор-

ганов местного самоуправления и, следовательно, удовлетворенность населения этой деятельностью.

Удовлетворенность – это постфактумная оценка гражданином полученного опыта взаимодействия с муниципалитетом, выраженная в виде позитивного, нейтрального или негативного чувства. Это сложное явление, сочетающее ожидания, опыт и предшествующие установки. Данный показатель включён в перечень обязательных для ежегодного мониторинга, однако при ближайшем рассмотрении механизма его реализации обнаруживается концептуальный сдвиг, существенно меняющий природу этой оценки. Постановление № 1317 определяет в качестве объекта оценки не органы местного самоуправления в целом, а руководителей – глав муниципальных образований. Таким образом, в настоящее время на уровне подзаконного акта изначально институциональная оценка трансформирована в персональную, фокусируясь на индивидуальных действиях главы МО. С одной стороны, такой подход повышает персональную ответственность руководителей, создавая прямую связь между общественным мнением и их карьерными перспективами (вплоть до инициирования процедуры удаления в отставку). С другой – оценка утрачивает системный характер: население МО выносит суждение не о качестве работы муниципалитета как целостного механизма, а о конкретном человеке, что зачастую связано с его личной узнаваемостью, коммуникативными навыками и способностью формировать в глазах общественности позитивный имидж.

Также следует упомянуть, что предложенный Постановлением № 1317 перечень критериев оценки населением – транспорт, дороги, ЖКХ – крайне узок и не охватывает всего спектра полномочий, закрепленных за органами местного самоуправления: образование, здравоохранение, культуру, спорт, благоустройство, безопасность, экологию, социальную поддержку.

В заключение сделаем ряд выводов и предложений.

1. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления – это системный процесс количественного и качественного анализа результатов муниципального управления, включающий сопоставление достигнутых показателей с поставленными целями и задачами по решению вопросов местного значения, использованными ресурсами (финансовыми, кадровыми, информационными и иными), ожидаемыми значениями и динамикой предшествующих периодов, а также учёт степени удовлетворённости населения качеством предоставляемых услуг и деятельностью муниципальных органов, что в совокупности позволяет определить уровень экономичности и социальной эффективности местной власти, её способности адаптироваться к изменяющимся внешним и внутренним условиям.

2. Действующая российская система оценки эффективности деятельности ОМСУ сильно смещена в сторону внешнего контроля, что снижает её социальную легитимность и стимулирует формальное исполнение. Перспективное развитие законодательной базы должно идти по пути сбалансированного сочетания всех четырёх типов измерения (внутреннее/внешнее, вертикальное/горизонтальное) с активным вовлечением граждан и независимых экспертов.

3. Мы солидарны с теми авторами, которые отстаивают необходимость привязки показателей к реальным полномочиям муниципалитетов и согласованность системы оценки с обозначенными в документах стратегического планирования национальным целям, задачами и проектам [3,4,7]. Таким образом, целевые значения показателей эффективности ОМСУ должны устанавливаться с учётом показателей, закрепленных в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» и Едином плане их достижения, а также положениями ст. 32 и ст. 37 ФЗ № 33. Это требует внесения изменений в нормативно-правовые акты (Указ № 607, Постановление № 1317) в части корректировки перечня показателей и методик их расчёта.

Кроме того, в условиях конституционного закрепления в 2020 году единства системы публичной власти в качестве возможного критерия оценки могут быть использованы показатели взаимодействия ОМСУ и органов государственной власти при осуществлении ОМСУ отдельных государственных полномочий и при участии ОМСУ в осуществлении не переданных им государственных полномочий.

Важным недостатком действующей системы оценки эффективности является практически полное отсутствие показателей, отражающих состояние окружающей среды и экологическую эффективность муниципального управления.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года определяет 2160 опорных населённых пунктов, которые будут образовывать инфраструктурный и экономический каркас страны и в которых предполагается концентрация ресурсов из бюджетных и внебюджетных источ-

ников, в том числе в рамках национальных проектов и государственных программ. Соответственно, для муниципалитетов, расположенных в опорных населённых пунктах, необходимо предусмотреть дополнительные показатели, отражающие их роль в пространственном развитии страны и реализации инвестиционных проектов.

В настоящее время объективно назрела необходимость проведения системной ревизии действующего перечня показателей оценки эффективности органов местного самоуправления, в ходе которой надлежит исключить те, на которые муниципалитеты не могут оказать реального влияния, а также утратившие свой оценочный потенциал, поскольку по ним большинство муниципалитетов достигло целевых или предельных значений.

4. При формулировании законодательного перечня показателей для оценки эффективности деятельности ОМСУ и методик оценки следует руководствоваться следующими принципами:

а) принцип релевантного отбора: каждый показатель должен соответствовать национальным целям, задачами, полномочиям и ресурсам муниципалитета;

б) принцип дифференциации. Многочисленные международный опыт и российские исследования показали, что оценка эффективности некорректна и формальна, если она не учитывает политическую и местную специфику. Чтобы избежать такой проблемы целесообразно рассмотреть несколько вариантов правового регулирования. Во-первых, разграничить «пассивную» и «активную» сферу, то есть оценивать в зависимости от той степени, в которой ОМСУ могут влиять на объем и качество своей деятельности. Так, возможно разработать различные критерии оценки для задач, характеризующихся пассивной институционализацией, таких как, в частности, доля площади земельных участков, являющихся объектами налогообложения земельным налогом, и для задач, предполагающих активную позицию муниципалитета, например, таких как объем не завершенного в установленные сроки строительства, осуществляемого за счет средств муниципального бюджета. Во-вторых, можно взять за основу предложенную А.В. Красновым и Д.Х. Бадрутдиновой многоуровневую систему сравнительного анализа, базирующуюся на построении рейтингов муниципальных образований по отраслевому принципу (здравоохранение, образование, культура, физическая культура и спорт, жилищно-коммунальное хозяйство, муниципальное управление) с самостоятельными критериями, расчётными формулами и коэффициентами для каждой сферы [9, с. 252] и с учетом специфики конкретных муниципалитетов. В-третьих, оценку населения можно разделить на два уровня: институциональный (эффективность органа МСУ в целом по широкому спектру полномочий) и персональный (личностные качества и профессионализм руководителя ОМСУ), с обязательным обеспечением репрезентативности опросов (установить минимальное количество опрошенных) и прозрачности процедуры;

в) принцип динамической оценки: оценивать не абсолютное значение, а темпы роста, чтобы была возможность отмечать и поощрять даже скромные улучшения деятельности ОМСУ,

г) принцип публичности: все данные должны быть открыты, а методики расчёта – едины и доступны для независимого контроля.

Литература

1. Васильева А. П., Агибалов Ю.В., Шахворостов Г.И., Самсонов В.С., Агибалова О.Ю. Совершенствование системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления (на примере городского округа город Воронеж) // РСЭУ. 2024. № 2 (65). С. 89–98.
2. Миннигулова Д.Б. Оценка гражданами эффективности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления: постановка проблемы / Д.Б. Миннигулова, М.С. Шайхуллин // Право и управление. 2023. № 1. С. 114–120.
3. Панченко Е.Л. Нормативно-правовая основа системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации / Е.Л. Панченко, В.С. Виниченко // Вестник Университета Российской академии образования. – 2020. – № 5. – С. 100–109.
4. Ульянов А.Ю. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: проблемы и вызовы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 6. – С. 25–29.
5. Галактионов Д.В. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в призма полномочий местных администраций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2024. № 4. С. 30–38.
6. Абрамитов С. А. К вопросу о правовой регламентации оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления / С.А. Абрамитов, А.В. Хазов // Конституционализм и власть в России: история, современные проблемы и перспективы: М-лы VI Всероссий-

ской научно-практич. конф. молодых ученых с международным участием, посвященной Дню Конституции Российской Федерации, Иркутск, 15 декабря 2020 года. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский, 2021. – С. 16–20.

7. Волчкова Н.Н. Совершенствование нормативно-правового регулирования системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Символ науки. 2020. № 12–2. С. 13–17.

8. Никитская Е.Ф. Современные подходы к оценке эффективности механизма управления муниципальным образованием / Е.Ф. Никитская, О.О. Комаревцева // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. № 6. С. 139–157.

9. Мельниковская А.О. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления и пути ее совершенствования // Инновации и инвестиции. 2022. № 10. С. 251–255.

10. Павленков М. Н., Сухарева К.С. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 50–57

ASSESSING THE PERFORMANCE OF LOCAL GOVERNMENTS: THEORY OF LEGAL REGULATION

Akhyadov I.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article analyzes the Russian system for assessing the performance of local governments in the context of the transition to a unified system of public authority. The relevance of this study stems from the need to revise the current list of indicators, which does not fully meet modern requirements: they are poorly linked to municipal responsibilities, depend on external factors, and do not reflect actual management results. The purpose of this paper is to identify systemic shortcomings in the regulatory framework and develop proposals for its improvement. Using legal analysis, comparative studies, and a systems approach, the authors substantiate the need to link indicators to national goals, local government responsibilities, and territorial specifics, as well as the implementation of a five-component assessment model (procedural, resource, performance, impact, and outcome indicators). The following principles of legal regulation for the local government

performance assessment system are formulated: relevance, differentiation, dynamic assessment, and publicity.

Keywords: local self-government; performance evaluation; unified system of public authority; legal regulation; local self-government autonomy; indicators for assessing the performance of local self-government.

References

1. Vasilyeva A.P., Agibalov Yu. V., Shakhvorostov G.I., Samsonov V.S., Agibalova O. Yu. Improving the system for assessing the effectiveness of local government (using the Voronezh urban district as an example) // RSEU. 2024. No. 2 (65). Pp. 89–98.
2. Minnigulova D.B. Citizens' assessment of the effectiveness of local government bodies and officials: problem statement / D.B. Minnigulova, M.S. Shaikhullin // Law and Management. 2023. No. 1. Pp. 114–120.
3. Panchenko E.L. Normative and legal basis for the system for assessing the effectiveness of local government in the Russian Federation / E.L. Panchenko, V.S. Vinichenko // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. – 2020. – No. 5. – P. 100–109.
4. Ulyanov A. Yu. Evaluation of the effectiveness of local government: problems and challenges // State power and local self-government. – 2021. – No. 6. – P. 25–29.
5. Galaktionov D.V. Evaluation of the effectiveness of local government in the light of the powers of local administrations // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics and management. 2024. No. 4. P. 30–38.
6. Abramitov S.A. On the issue of legal regulation of the assessment of the effectiveness of local government / S.A. Abramitov, A.V. Khazov // Constitutionalism and power in Russia: history, current problems and prospects: Proceedings of the VI All-Russian scientific-practical. conf. young scientists with international participation, dedicated to the Constitution Day of the Russian Federation, Irkutsk, December 15, 2020. – Irkutsk: Irkutsk National Research University, 2021. – Pp. 16–20.
7. Volchkova N.N. Improving the legal framework for assessing the performance of local government bodies // Symbol of Science. 2020. No. 12–2. Pp. 13–17.
8. Nikitskaya E.F. Modern approaches to assessing the effectiveness of a municipality's governance mechanism / E.F. Nikitskaya, O.O. Komarevtseva // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2022. No. 6. Pp. 139–157.
9. Melnikovskaya A.O. Assessment of the performance of local government bodies and ways to improve it // Innovations and Investments. 2022. No. 10. Pp. 251–255.
10. Pavlenkov M.N., Sukhareva K.S. Assessment of the effectiveness of local government bodies // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. 2023. No. 1 (69). Pp. 50–57

Обеспечительный платеж как способ обеспечения обязательств: отграничение от задатка и аванса

Ветрова Юлия Сергеевна,

секретарь судебного заседания, Заельцовский районный суд
города Новосибирска
E-mail: yuliavetrov@yandex.ru

На фоне высокой волатильности рынков участники коммерческого оборота остро нуждаются в выверенных механизмах страхования рисков. И этим объясняется актуальность строгого разграничения предварительных имущественных предоставлений. Цель данного исследования заключается в демаркации правовой природы обеспечительного платежа, аванса, задатка для преодоления барьеров правоприменения. Основное доктринальное и практическое противоречие проявляется в терминологическом смешении данных институтов контрагентами. Использование шаблонных формулировок подчас приводит к необоснованному удержанию капиталов более сильной стороной и вынуждает суды тратить процессуальное время на перекалфикацию договоренностей. По итогам проведенного анализа автор приходит к выводу об абсолютной самостоятельности рассматриваемых явлений, где гарантийный депозит выполняет компенсационную функцию в длящихся правоотношениях. Авторский вклад состоит в разработке фреймворка обязательной идентификации обеспечительного взноса и предложении внедрить жесткую негативную презумпцию (имеется в виду автоматическое признание спорного платежа расчетным авансом при отсутствии точного перечня покрываемых убытков). Как представляется, сформулированные рекомендации принесут прикладную пользу судьям арбитражных судов, практикующим корпоративным юристам, представителям бизнес-сообщества при конструировании сложных контрактов.

Ключевые слова: аванс, гарантийный депозит, задаток, негативная презумпция, обеспечение обязательств, обеспечительный платеж, перекалфикация, правовая природа, предварительная оплата, судебная практика

Разграничение различных форм предварительных перечислений характеризуется историческими корнями, которые уходят в эпоху формирования классической античной юриспруденции. Как отмечает Г.Н. Уткин, «...обеспечение исполнения обязательств традиционно занимает центральное место в системе частного права России, так как именно оно позволяет сторонам договора гарантировать исполнение принятых на себя обязанностей и минимизировать риски недобросовестного поведения контрагентов» [6, с. 379].

Именно в римском частном праве были заложены те фундаментальные принципы, которые до сих пор определяют суть экономического оборота. Античные правоведы, сталкиваясь с усложнением деловых отношений, достаточно четко выделяли институт задатка. В сопоставлении с более ранними подходами, где подобный взнос носил лишь символический, ритуальный характер, в период расцвета римского права он приобрел выраженную доказательственную и жесткую штрафную функции. Между тем, конструкция обеспечительного платежа в ее современном узком понимании античной догматике была совершенно неизвестна. Впрочем, элементы гарантийных удержаний все же встречались в виде нерегулярного залога, когда предметом служили родовые вещи либо денежные суммы. Как представляется, именно эта терминологическая и концептуальная база стала опорой для последующих европейских кодификаций.

В дореволюционной отечественной цивилистике проблематика предварительных оплат исследовалась детально. Однако система обеспечительных мер оставалась консервативной. Действовавшее тогда правовое регулирование регламентировало задаток, но совершенно не знало такого универсального института, как гарантийный депозит. Правовая система опиралась скорее на классические, проверенные временем охранительные механизмы. Судебные инстанции России XIX в. тяготели к квалификации любых нетипичных денежных взносов либо как обычного аванса, либо как задатка, если коммерсанты прямо называли его таковым в тексте деловой бумаги. Разумно предположить, что отсутствие строгой систематизации и скудость нормативного инструментария серьезно тормозили развитие гибких механизмов компенсации имущественных потерь. В связи с этим отметим, что защита интересов кредитора подчас приобретала непредсказуемый характер. И он зависел от усмотрения правоприменителя.

В ходе советского исторического этапа были внесены масштабные и весьма специфические коррективы в эволюцию рассматриваемых доктрин. Формирование новой хозяйственной базы всецело пронизано идеологией планового распределения ресурсов и тотального государственного контроля. Дихотомия расчетной и штрафной функций предварительного платежа, безусловно, сохранялась в теории. Одновременно с этим на практике применение финансовых санкций между предприятиями было очень ограничено. Вероятно, гибкие частноправовые инструменты не могли полноценно функционировать на фоне полного отсутствия свободного конкурентного рынка. Сфера применения авансирования жестко регламентировалась ведомственными финансовыми директивами. Резюмируем, что объективная потребность в гарантийном депозите как способе коммерческого страхования рисков в тот период практически отсутствовала, поскольку невыполнение производственного плана влекло суровые административные, а не гражданско-правовые последствия.

В современной же отечественной правовой системе важнейшим и определяющим этапом послужили переход к рыночной экономике и серьезное обновление всего массива частного законодательства в начале 1990-х гг. Законодателем закреплены традиционные способы обеспечения, детально прописаны правила о невозвратности задатка. Видимо, адаптация предпринимателей к новым экономическим реалиям проходила весьма непросто. Динамично развивающийся бизнес остро нуждался в надежном финансовом инструменте, который защищал бы кредитора в длящихся правоотношениях (прежде всего, в сфере коммерческого найма недвижимости) от внезапного банкротства партнера или непредвиденной порчи активов. Поскольку специальных норм, регулирующих подобные отношения, на протяжении длительного времени не существовало, участники оборота конструировали неопределенные обеспечительные механизмы, опираясь, в основном, на фундаментальный принцип свободы договора. Порой это приводи-

ло к прямому терминологическому смешению гарантийных депозитов с классическим задатком. И это, в свою очередь, порождало массовые ошибки при рассмотрении споров и снижало предсказуемость решений.

В гражданском законодательстве выстраивается дифференцированная система перечислений, предвещающих основное исполнение. По существу, обеспечительный платеж представляет собой внесение одной из сторон в пользу другой определенной денежной суммы. И за счет нее гарантируется покрытие возможных будущих убытков, неустоек, долгов. В отличие от предыдущих подходов, когда суды рассматривали подобные транзакции по аналогии закона, сегодня ст. 381.1 ГК РФ [1] дает прямое нормативное основание для оставления этих средств у потерпевшего при наступлении оговоренных обстоятельств (например, при порче арендованного имущества).

В сопоставлении с более ранними подходами, задаток, который по замечанию Е.С. Тюменевой «...является одной из самых распространенных мер обеспечения исполнения обязательств» [5, с. 21] обладает принципиально иной, тройственной правовой природой. Согласно положениям ст. 380 ГК РФ [1], он не только засчитывается в счет будущих оплат, но и выполняет доказательственную функцию, подтверждая сам факт заключения сделки. Главное отличие – он несет жесткий штрафной характер. Если договоренность срывается по вине плательщика, сумма не возвращается. При вине получателя она отдается в двойном размере. Конкуренция здесь исключается логикой гражданского права. Обеспечительный платеж, «...предметом которого согласно п. 1 ст. 381.1 ГК РФ является денежная сумма, которую может использовать кредитор в счет исполнения обязательства» [3, с. 72], защищает кредитора от нарушений в подлежащем обязательстве. Задаток, напротив, стимулирует контрагентов к самому факту старта работы [2, с. 145–146; 3, с. 72–73].

Между тем, аванс, в отличие от двух рассмотренных институтов, вообще не имеет стимулирующий функционал. Он представляет собой лишь предварительную оплату. Как отмечает С.М. Стукаленко, он «... выполняет платежную функцию, а также может выполнять доказательственную, однако ни при каких обстоятельствах не может выполнять обеспечительную функцию» [4, с. 214]. Предположительно, если контракт расторгается до начала его реализации, авансовый взнос подлежит безусловному возврату как неосновательное обогащение, независимо от того, чье поведение привело к разрыву отношений. Разумно предположить, что в подобном случае система правосудия должна четко разделять компенсационные и исключительно расчетные механизмы (чтобы не допускать неправомерного удержания капиталов).

Внедрение в ГК РФ новых норм позволило участникам рынка конструировать более гибкие алгоритмы взаимодействия. Впрочем, особенности гарантийного удержания наиболее ярко проявляются в сфере коммерческого найма помещений и дистрибьюторских соглашениях. Очевидно, что в реалиях высокой волатильности рынков собственности недвижимости стремится застраховать себя от внезапного банкротства партнера.

По замечанию Г.Н. Уткина, «...институт обеспечения обязательств в частном праве России развивается в условиях постоянного поиска баланса между интересами сторон. Сочетание традиционных форм и современных инструментов (эскроу-счета, страхование) помогает адаптироваться к меняющимся условиям экономики...; принцип свободы договора ограничен необходимостью защищать стабильность оборота, и именно институт обеспечения играет ключевую роль в реализации этого баланса» [6, с. 381].

Особый научный интерес представляет демаркационная линия между указанными финансовыми инструментами в процессуальной практике. Суды руководствуются не буквальным наименованием платежа в тексте документа, а его истинным функциональным назначением. Если деловые партнеры назвали перечисление «задатком», но не соблюли письменную форму или не детализировали взаимные санкции, в силу прямого указания закона данная сумма презумптивно признается авансом. Если же транзакция поименована «обеспечительной», но по условиям соглашения она лишь засчитывается в счет последнего месяца найма и не покрывает иные риски, арбитры часто переквалифицируют её в обычную предварительную оплату [2, с. 146; 5, с. 22–24]. По-видимому, попытка недобросовестного арендодателя удержать такой «квази-аванс» в качестве штрафа за досрочное расторжение контракта является явным злоупотреблением правом. На основании отмеченного подчеркнем: гарантийный депозит реализуется именно при наступлении обстоятельств, которые прямо прописаны в документе. В противном случае остаток немедленно подлежит возврату.

С целью наглядного представления структурных различий между рассматриваемыми правовыми механизмами обратимся к таблице 1.

Таблица 1. Отграничение обеспечительного платежа от смежных институтов (составлено автором)

Аспект	Аванс (п. 3 ст. 380 ГК РФ [1])	Задаток (ст. 380, 381 ГК РФ [1])	Обеспечительный платеж (ст. 381.1, 381.2 ГК РФ [1])
Основная функция	Платежная (предварительный расчет)	Доказательственная, обеспечительная	Исключительно обеспечительная (компенсационная)
Последствия расторжения до исполнения	Безусловный возврат плательщику	Утрата суммы (вина плательщика) либо возврат в двойном размере (вина получателя)	Зачет в счет погашения убытков/неустойки кредитора; остаток возвращается
Типичная сфера применения	Любые возмездные контракты	Как правило, розовые сделки (купля-продажа, подряд)	Длющиеся договоры (аренда, дистрибуция, агентирование)
Презумпция при сомнениях	Выступает в качестве базовой презумпции при неясности условий	Требуется четкого письменного соглашения, иначе признается авансом	Требуется детального описания покрываемых рисков; в противном случае может быть признан авансом
Судьба при надлежащем исполнении	Засчитывается в счет итоговой цены		Подлежит возврату, если стороны не согласовали иное

Субъекты предпринимательской деятельности постоянно используют шаблонные формулировки, смешивая понятия гарантийного депозита, задатка, аванса. Из-за этого денежная масса неправомерно удерживается кредиторами, а правоприменителю приходится тратить процессуальное время на лингвистическое толкование небрежно составленных бумаг.

Для того, чтобы преодолеть указанный изъян, предлагается внедрить в ГК РФ правило об «обязательной идентификации обеспечительного платежа». Суть сводится к следующему: закон должен содержать императивное требование о том, что соглашение о гарантийном взносе обязательно включать исчерпывающий перечень обстоятельств, при наступлении которых средства изымаются в пользу кредитора (конкретные виды убытков, пени, штрафы). Новизна описываемого подхода проявляется во введении жесткой негативной презумпции в коммерческих отношениях. При отсутствии в тексте точного списка обеспечиваемых рисков переданная сумма должна автоматически квалифицироваться судом как аванс, который не подлежит удержанию в качестве санкции.

Назначение характеризуемой меры состоит в поддержании дисциплины участников оборота и сокращения судебных ошибок при толковании. Подобный шаг полностью нивелирует практику незаконного обогащения более сильной стороны (к примеру, владельцев крупных торговых центров) и устранил «серые зоны» в правоприменении. Вдобавок, рекомендуется на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить прямой запрет на одновременную квалификацию одной и той же денежной суммы как задатка и обеспечительного платежа. Это исключит риски двойной финансовой ответственности должника за одно и то же нарушение.

Итак, обеспечительный платеж, задаток, аванс представляют собой самостоятельные правовые явления. По сути, их терминологическое и концептуальное неразличение на этапе ведения коммерческих переговоров неизбежно ведет к серьезным материальным потерям бизнеса. В сопоставлении с задатком, который исторически нацелен на предотвращение необоснованного отказа от заключения контракта как таковой и выполняет жесткую штрафную функцию, обеспечительный платеж имеет иную, сугубо компенсационную природу. Он призван гарантировать защиту кредитора от нарушения конкретных, зачастую длящихся обязательств (например, в сфере аренды коммерческой недвижимости либо дистрибуции). В свою очередь, классический аванс вообще лишен какого-либо стимулирующего эффекта. Он выполняет расчетно-кассовую функцию предварительной оплаты. Ретроспективный анализ показал, что потребность в четкой дифференциации названных финансовых инструментов зрела давно. Переход от директивной экономики к свободным рыночным отношениям высветил острую нехватку гибких механизмов страхования рисков. Видимо, именно поэтому легализация гарантийного депозита в отечественном гражданском законодательстве стала долгожданным ответом на объективные запросы предпринимательского сообщества. Между тем, актуальная

правоприменительная практика обнажила существенную проблему. Участники оборота продолжают регулярно прибегать к «размытым», шаблонным формулировкам. Как следствие, более сильные контрагенты получают возможность неправомерно удерживать чужие денежные средства, откровенно злоупотребляя правовой неопределенностью. Арбитражные суды вынуждены тратить ценное процессуальное время на сложное лингвистическое толкование деловых бумаг, пытаясь установить подлинную волю сторон. Подобная ситуация требует системного нормативного вмешательства. С авторской точки зрения, реализация сформулированных в статье инициатив существенно повысит договорную дисциплину участников рынка.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.07.2026).
2. Зимнева, С.В. Соотношение задатка и обеспечительного платежа как способов обеспечения обязательств в гражданском праве / С.В. Зимнева, К.О. Авдеев // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 12(175). – С. 145–146.
3. Попова, В.В. Залог или обеспечительный платеж?! / В.В. Попова // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 8(212). – С. 72–73. – DOI 10.47643/1815–1337_2022_8_72.
4. Стукаленко, С. М. К вопросу о правовой природе предварительной оплаты: возможна ли неустойка на аванс? / С.М. Стукаленко // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 39. – С. 213–220.
5. Тюменева, Е.С. Задаток и аванс: сравнительно-правовой аспект / Е.С. Тюменева // Экономика, право, общество сегодня: оценки, проблемы, пути решения: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 20 января 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 21–24.
6. Уткин, Г.Н. Задаток как форма обеспечения обязательства / Г.Н. Уткин // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 11. – С. 379–382. – DOI 10.47643/1815–1329_2025_11_379.

SECURITY PAYMENT AS A MEANS OF SECURING OBLIGATIONS: DISTINCTION FROM EARNEST MONEY AND ADVANCE PAYMENT

Vetrova Y.S.

Zaeltsovsky District Court of Novosibirsk

Against the backdrop of high market volatility, participants in commercial turnover are in acute need of well-tested risk insurance mechanisms. This explains the relevance of a strict distinction between preliminary property provisions. The aim of this study is to demarcate the legal nature of the security payment, advance payment, and earnest money in order to overcome enforcement barriers. The main doctrinal and practical contradiction manifests itself in the terminological confusion of these institutions by counterparties. The use of template formulations sometimes leads to unjustified withholding of funds by the stronger party and forces courts to spend procedural time on reclassifying agreements. Based on the results of the analysis, the author concludes that the phenomena under consideration are absolutely independent, with the security deposit performing a compensatory function in ongoing legal relationships. The author's contribution consists of developing a framework for the mandatory identification of the security deposit and proposing the introduction of a strict negative presumption (meaning the automatic recognition of a disputed payment as a settlement advance in the absence of a precise list of covered losses). It seems that the formulated recommendations will be of applied benefit to judges of arbitration courts, practicing corporate lawyers, and representatives of the business community when structuring complex contracts.

Keywords: advance payment, security deposit, earnest money, negative presumption, securing obligations, security payment, reclassification, legal nature, prepayment, judicial practice

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on June 10, 2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Accessed: July 22, 2026).
2. Zimneva, S. V., Avdeev, K. O. (2022). Correlation of earnest money and security deposit as methods of securing obligations in civil law. Eurasian Law Journal, 12(175), pp. 145–146.
3. Popova, V. V. (2022). Pledge or security deposit?! Law and State: Theory and Practice, 8(212), pp. 72–73. DOI 10.47643/1815–1337_2022_8_72.
4. Stukalenko, S. M. (2025). On the legal nature of advance payment: Is a penalty on advance payment possible? Issues of Russian Justice, 39, pp. 213–220.
5. Tyumeneva, E. S. (2022). Earnest money and advance payment: Comparative legal aspect. Economy, Law, Society Today: Assessments, Problems, Solutions: Collection of Articles of the II International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, January 20, 2022. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “Novaya Nauka”, pp. 21–24.
6. Utkin, G. N. (2025). Earnest money as a form of securing an obligation. Agrarian and Land Law, 11, pp. 379–382. DOI 10.47643/1815–1329_2025_11_379.

Социальные предпосылки установления уголовной ответственности за незаконное обогащение в Республике Армения

Кочарян Карен Спартакович,

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института РУДН

E-mail: kqocharyan89@mail.ru

В статье анализируются вопросы, связанные с социальными предпосылками криминализации незаконного обогащения в Республике Армения, таких как высокий уровень коррупции, латентность коррупционных преступлений, и др..

Цель исследования – изучение существующих социальных условий для криминализации незаконного обогащения в Республике Армения.

В исследовании использовались как общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, так и специально-юридические методы, такие как догматический метод, сравнительно-правовой метод и др.

Ключевые слова: незаконное обогащение, коррупция, социальная обусловленность, общественная опасность, криминализация.

Установление уголовной ответственности за незаконное обогащение, как и за любое другое общественно опасное действие, вызывает социальную необходимость и запросом общества, что в научной литературе именуется «социальной обусловленностью». Общественная опасность деяния выступает одним из ключевых критериев, наряду с социальной обусловленностью и социальной необходимостью, определяющих его правовую оценку. Возникновение общественной потребности побуждает законодателя квалифицировать деяние как преступление, исходя из степени угрозы для социума, дифференцируя его от правонарушений, не относящихся к уголовно наказуемым.

В социологической науке социальная обусловленность трактуется как механизм интериоризации индивидом общественных норм, ориентированный на формирование такого типа поведения, которое встречает одобрение как со стороны макросоциальных структур (общества в целом), так и со стороны микросоциальной среды (непосредственного окружения личности) [1].

Социальная обусловленность в её широком понимании представляет собой комплексный процесс социализации и инкультурации, в ходе которого индивид усваивает модели поведения, соответствующие нормативным требованиям конкретного социума. Данный механизм включает как морально-этические, так и юридические предписания, причём их содержание подвержено исторической и культурной вариативности. Согласно исследованиям правового антрополога Л. Поспишила, нормы поведения всегда контекстуальны: в обществах с доминирующей религиозной традицией – например, в странах исламского мира – регулятивы ориентированы на сохранение устоявшихся обычаев, тогда как в западных либеральных системах акцент смещён в сторону индивидуальных прав и автономии. В средневековой Европе действовали сословные регламенты, основанные на феодальной иерархии, в то время как современные правовые порядки постмодерна тяготеют к плюрализму и децентрализации. Все эти институциональные рамки вынуждают человека адаптироваться к господствующим ценностям, формируя его в духе локальных идеалов и подготавливая к исполнению социальных ролей.

В социологической науке принято ранжировать социальные нормы в зависимости от их значимости и строгости, формируя следующую иерархическую структуру: обычаи, привычки, традиции, нравы, законы и табу [2]. В рамках данного анализа основное внимание уделяется социальной основе законодательства, а именно тем моральным принципам и устоявшимся обычаям, которые функционируют в обществе и оказывают влияние на формирование конкретных правовых актов, а также на квалификацию определённых деяний как преступных.

С.В. Бирюков в своих исследованиях выделяет десять аспектов, связанных с проблемами социального воздействия на правовую систему. Согласно его анализу, общественные нормы и ценности играют ключевую роль в легитимации законодательных решений. При этом законы не существуют в вакууме, а являются отражением коллективных представлений о справедливости, которые закрепляются в правовых формах. По мнению Бирюкова существуют 10 вопросов, связанных с проблемами влияния общества на право, в частности: 1) сущность права, его проявления в принципах рациональности и справедливости, 2) процессы формирования и развития права, его внутренние источники; 3) индивидуальные факторы законотворчества (например, экономические или политические), 4) социальный механизм создания права, 5) усмотрение правоохранительных органов, теологические, функциональные методы толкования права, 6) зависимость права от культуры (культурных ценностей), 7) зависимость права от интересов, поиск законотворческого интереса в интересах общества, государственного аппарата, отдельных групп, отдельных лиц, 8) учет общественных и групповых интересов в праве, 9) причины возникновения, развития и исчезновения конкретных правовых систем, 10) социальная эффективность права (поскольку она связана с обратным воздействием общества на право) [3].

На основании изложенного можно заключить, что процесс формирования права и законодательная деятельность детерминированы не исключительно нравственными ориентирами, уровнем правосознания, а также устоявшимися обычаями и традициями, присущими конкретному социуму, но и целевыми устремлениями разнородных

общественных групп, институтов государственной власти, правительственного аппарата и населения в целом.

Введение ответственности за незаконное обогащение в первую очередь нацелено на изъятие в пользу государства денег и имущества, неправомерно присвоенных у общества и казны чиновниками, которые нелегально увеличили своё состояние из-за коррупционной деятельности. Таким образом, ряд должностных лиц может выражать недовольство применением данного закона, поскольку он затрагивает их личные интересы.

В 2018 году, через год после введения в правовое поле Республики Армения нормативного акта, направленного на противодействие незаконному обогащению, произошла смена политического руководства страны. Должностные лица, ранее получившие материальные блага вне официальных доходов, начали опасаться конфискации средств и вступили в открытое противостояние с новой администрацией. Данная коллизия демонстрирует, что принятие нормативных документов может конфликтовать с интересами отдельных социальных страт, инициируя политическое сопротивление. Таким образом, при разработке законодательства необходимо оценивать влияние групповых интересов и возможное противодействие, однако приоритетом должно оставаться общественное и государственное благо, а не выгода узких кругов.

В социальной структуре человеческого сообщества одновременно сосуществуют как конструктивные, так и деструктивные элементы. В тех случаях, когда негативные процессы приобретают значительные масштабы и создают реальную угрозу общественной безопасности, возникает объективная необходимость в применении мер противодействия. Одним из эффективных инструментов такого противодействия выступает установление уголовно-правовых запретов на совершение общественно опасных действий, то есть их криминализация [4].

Согласно историческим данным, еще в период существования Советского Союза уровень коррупционных проявлений достиг критических показателей. Данное явление явилось одним из факторов, способствовавших распаду советской государственности, либо, как минимум, ускорило этот процесс [5]. После прекращения существования СССР вновь образованные независимые государства не только унаследовали существовавшие коррупционные механизмы, но и в ряде случаев усугубили положение, внедрив более сложные и завуалированные формы злоупотреблений служебным положением.

Часть республик с первых дней принялась искоренять эту проблему и достигла заметных результатов, тогда как другие испытывали серьезные сложности в борьбе с ней.

Коррупция относится к числу скрытых правонарушений, которые встречаются во всех государствах, вне зависимости от уровня их развития. Однако данный факт не является основанием для того, чтобы политическое руководство и общество этих стран оправдывали бездействие или примирялись с таким положением дел. В разных государствах ситуация складывается по-разному: где-то коррупция приобретает масштабный, системный характер и даже поддерживается властями, а где-то, напротив, ведется непримиримая борьба с этим явлением.

Успешность противодействия коррупции зависит от множества обстоятельств, среди которых значимую роль играют как территориальные размеры страны, так и наличие решимости у политической элиты.

Страны с относительно маленькой территорией, как например Армения, способны в сравнительно короткие временные рамки достичь существенного прогресса в указанной области при условии наличия политической воли. Данный тезис подтверждается событиями после смены власти в 2018 году: за непродолжительный период государство поднялось со 105-й на 77-ю позицию в индексе восприятия коррупции, ежегодно публикуемом международными организациями (данные за 2018–2019 годы) [6]. Аналогичная динамика ранее фиксировалась в Грузии: страна продемонстрировала значительное улучшение показателей в борьбе с коррупцией, поднявшись в рейтинге на несколько десятков пунктов за период с 2004 по 2012 год [7]. Эти примеры эмпирически иллюстрируют зависимость: в небольших государствах при наличии твердой политической решимости возможно добиться ощутимых успехов в снижении уровня коррупции в относительно краткосрочной перспективе.

В 2016 году парламент Армении утвердил нормативный акт, устанавливающий уголовную ответственность за незаконное обогащение. К моменту его принятия в обществе уже сформировался устойчивый запрос на подобные меры, вызванный целым рядом причин. Ключевую роль здесь сыграли такие обстоятельства, как высокая степень общественной опасности коррупция, скрытый характер коррупционных преступлений, успешные практики зарубежных государств в использовании антикоррупционных законов, а также международные правовые стандарты.

Социально значимые процессы и явления, как правило, возникают из потребностей общества. Чтобы достичь благополучия, люди объединяются и предпринимают определённые действия. Так, государство сформировалось ради защиты и благосостояния граждан, законы появились для упорядочивания совместной жизни и урегулирования взаимоотношений между людьми, а религия возникла как способ объединения общества вокруг общих ценностей. Возникновение, формирование и устойчивое существование любого социально значимого феномена обусловлено наличием у общества соответствующей потребности. Руководствуясь именно этой потребностью, законодательный орган принимает решение о введении новых нормативных актов, внесении изменений в действующие или отмене устаревших правовых норм. Безусловно, процесс законотворчества не лишён доли субъективизма, ведь он отражает волю парламента, однако сама эта воля в значительной степени формируется под влиянием избирателей и их интересов. Подобный механизм эффективно функционирует особенно в демократических государствах.

В Республике Армения в 2016 году сформировался устойчивый общественный запрос на криминализацию незаконного обогащения. Данная необходимость была обусловлена высоким уровнем коррупции в государстве. Степень коррупционной поражённости подтверждается показателями Индекса восприятия коррупции (ИВК), рассчитываемого на основании опросов, проводимых международными организациями. Указанный индекс базируется на результатах социологических изысканий, в которых принимают участие представители местных неправительственных организаций, деловых кругов и иных общественных групп. По итогам опроса каждому государству присваивается определённое количество баллов: чем выше балл, тем ниже уровень коррупции. Впоследствии составляется рейтинг стран по степени коррумпированности. Государства с наибольшим числом баллов, то есть наименее подверженные коррупции, занимают верхние строки списка, тогда как наиболее коррумпированные располагаются в его нижней части. Согласно данным ИВК, в 2014 году Армения занимала 94-е место среди 174 стран, а в 2020 году поднялась на 60-ю позицию среди 179 государств. В представленной ниже таблице отражены позиции Армении в Индексе восприятия коррупции за период с 2014 по 2025 год.

Рейтинг Армении в Индексе восприятия коррупции за 2014–2025 годы [8]

Таблица

2014	94
2015	95
2016	113
2017	107
2018	105
2019	77
2020	60
2021	58
2022	63
2023	62
2024	64
2025	65

Таким образом, можно констатировать, что запрос на уголовную ответственность за незаконное обогащение был напрямую связан с объективными данными международных рейтингов, демонстрирующими серьёзность коррупционной проблемы в Армении в указанный период. Установление уголовной ответственности за незаконное обогащение представляет собой действенный инструмент противодействия коррупции, который позволяет сдерживать коррупционные проявления, воздействуя на их главный мотив – стремление к личной выгоде. Когда лицо осознаёт, что имущество или средства, полученные противоправным путём, подлежат изъятию в доход государства, его мотивация к участию в коррупционных схемах существенно снижается. Данный механизм удержания от преступного поведения основан на принципе неотвратимости наказания «Ожидаемая полезность от преступления снижается при росте вероятности и суровости санкций» [9].

Учитывая изложенное, можно делать вывод, что в 2016 году в Республике Армения сформировались следующие предпосылки для криминализации незаконного обогащения:

1) **Высокий уровень коррупции.** Международные организации ежегодно публикуют Индекс восприятия коррупции, которые подтвержда-

ли системный характер проблемы, при которой коррупция пронизывает как государственный, так и частный секторы в 2016 году.

2) **Латентность коррупционных деяний.** Большинство коррупционных правонарушений остаются невыявленными или недоказанными в силу их скрытой природы. Это создаёт ситуацию безнаказанности, что подрывает доверие граждан к правоохранительной системе.

3) **Международные обязательства.** Республика Армения ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции (UNCAC) от 31 октября 2003 года. Статья 20 данной Конвенции прямо предписывает государствам-участникам рассмотреть возможность введения уголовной ответственности за незаконное обогащение, то есть «значительное увеличение активов публичного должностного лица, которое оно не может разумным образом объяснить». Таким образом, Армения взяла на себя юридическое обязательство имплементировать данную норму в национальное законодательство [10].

4) **Дополнительные факторы:** политическая воля руководства, избирательные циклы, стремление завоевать доверие граждан перед выборами, экономическая необходимость, социальная справедливость и т.д.

Литература

1. «Социальная обусловленность» URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1632861> (дата обращения: 14.04.2026)
2. . Г.Н. Нурышев, Д.С. Браzeвич «СОЦИОЛОГИЯ», Учебное пособие – СПб.: СПбГУИПТ, 2010. – 292 с., 201 с.
3. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРАВА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ// С. В. БИРЮКОВ. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 19–28.
4. Тертыченко Таисия Николаевна. Социальная обусловленность криминализации легализации доходов, полученных преступным путем. Юристы – Правоведь. 2013. № 2. С. 42–45
5. . Проблема распада СССР в новейшей историографии. В.В. Кириллов, ВЕСТНИК МГПУ/СЕРИЯ Исторические науки. С. 64, URL: <https://vestnik-historicalsciences.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/2/2021/08/852.pdf> (дата обращения: 14.04.2026)
6. https://www.gov.am/u_files/file/anti-korupcia/razmavarutyun-2019.pdf
7. «Индекс восприятия коррупции | Грузия» URL: <https://civil.ge/ru/archives/179997> (дата обращения: 14.04.2026)

8. URL: <https://cpcarmenia.am/news/hraparakvel-e-2025t-i-korupciayi-ynkalmam-hamativy/> (дата обращения: 14.04.2026)

9. Экономический анализ уголовного права и общественное правоприменение Г.В. Калягин. С. 6. URL: https://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/c/1484/file/7-8_Criminal_Law_and_Economics_and_Public_Enforcement_of_Law.ppt (дата обращения: 14.04.2026)

10. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/48021> (14.04.2026-)

SOCIAL BASIS OF THE CRIMINALIZATION OF ILLICIT ENRICHMENT IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

Kocharyan K.S.

Peoples' Friendship University of Russia

The article analyzes issues related to the social prerequisites for the criminalization of illicit enrichment in the Republic of Armenia, such as the high level of corruption, the latency of corruption crimes, etc.

The purpose of the study is to examine the existing social conditions for the criminalization of illicit enrichment in the Republic of Armenia. In this study are used both general scientific methods, such as analysis, synthesis, induction and deduction, and special legal methods, such as the dogmatic method, the comparative legal method, and others.

Keywords: illicit enrichment, corruption, social determinacy, social danger, criminalization.

References

1. "Social Conditionality" URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1632861> (date of access: 14.04.2026)
2. G.N. Nuryshv, D.S. Brazevich "SOCIOLOGY", Study Guide – St. Petersburg: SPb-GUNiPT, 2010. – 292 p., 201 p.
3. SOCIAL CONDITIONALITY OF LAW: MAIN APPROACHES// S.V. BIRYUKOV. Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2017. No. 2 (51). Pp. 19–28.
4. Taisiya Nikolaevna Tertychenko. Social Conditionality of Criminalization of Money Laundering. Jurist – Pravoved. 2013. No. 2. Pp. 42–45
5. The Problem of the Collapse of the USSR in Modern Historiography. V.V. Kirillov, Moscow State Pedagogical Univ. Bulletin/Historical Sciences Series. P. 64, URL: <https://vestnik-historicalsciences.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/2/2021/08/852.pdf> (access date: 04/14/2026)
- 6." https://www.gov.am/u_files/file/anti-korupcia/razmavarutyun-2019.pdf
7. "Corruption Perception Index | Georgia" URL: <https://civil.ge/ru/archives/179997> (access date: 04/14/2026)
8. URL: <https://cpcarmenia.am/news/hraparakvel-e-2025t-i-korupciayi-ynkalmam-hamativy/> (access date: 04/14/2026)
9. Economic analysis of criminal law and public law enforcement G.V. Kalyagin. S.6. URL: https://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/c/1484/file/7-8_Criminal_Law_and_Economics_and_Public_Enforcement_of_Law.ppt (access date: 04/14/2026)
10. "Arlis.am/hy/acts/48021 (14.04.2026)

От изъятия принципа исчерпания к изъятию мер защиты: «перечневый» механизм параллельного импорта и обязательства России в Евразийском экономическом союзе

Пузанов Иван Алексеевич,

студент базовой кафедры гражданского права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

В статье исследуется юридико-техническая эволюция «перечневого» механизма регулирования параллельного импорта и её значение для международных обязательств Российской Федерации в рамках Евразийского экономического союза. Установлено, что механизм дважды менял нормативную конструкцию: в первоначальной редакции постановления Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 неприменению подлежали нормы об исчерпании исключительного права, тогда как после изменений, внесённых постановлением от 28 июня 2023 г. № 1057, неприменению подлежат исключительно нормы о мерах защиты и ответственности. Обосновывается основной вывод исследования: произведённая замена не устранила расхождение с союзным обязательством, а переместила его – из сферы действия пункта 16 Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности в сферу действия статей 89 и 91 Договора о Евразийском экономическом союзе, обязывающих государства-члены обеспечивать эффективную защиту прав на объекты интеллектуальной собственности. Поскольку в доктрине механизм по-прежнему описывается в терминах исчерпания, перемещённое расхождение остаётся невыявленным. Показано также, что действующая конструкция воспроизводит подход Конституционного Суда Российской Федерации, выраженный в постановлении от 13 февраля 2018 г. № 8-П, утрачивая при этом его основание – индивидуальную оценку добросовестности правообладателя.

Ключевые слова: параллельный импорт; исчерпание исключительного права; товарный знак; Евразийский экономический союз; меры защиты; «перечневый» подход; эффективная защита прав; постановление Конституционного Суда РФ № 8-П.

Введение

Легализация параллельного импорта, произведённая в Российской Федерации весной 2022 г., описывается в отечественной литературе преимущественно как изъятие из закреплённой статьёй 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) принципа исчерпания исключительного права. Описание это было верным на момент своего появления, однако с июля 2023 г. оно перестало соответствовать содержанию регулирования: постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июня 2023 г. № 1057 пункт 1 постановления Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 был изложен в редакции, из которой нормы об исчерпании исключены полностью. Вместо подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 ГК РФ в перечне неприменяемых норм оказались статьи 1252, 1254, пункт 5 статьи 1286.1, статьи 1301, 1311, 1406.1, подпункт 1 статьи 1446, статьи 1472, 1515 и 1537 ГК РФ, то есть нормы о мерах защиты и об ответственности за нарушение.

Перемена эта существенна не только для юридической техники. Пока действовала первоначальная редакция, неприменение статьи 1487 ГК РФ означало, что применительно к товарам из перечня государство подзаконным актом определяет режим исчерпания иначе, нежели это сделано в пункте 16 Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе; далее – Протокол), и коллизия была прямой. Действующая конструкция такой коллизии не порождает. Однако, основной тезис настоящей работы состоит в том, что произведённая замена расхождение с союзным обязательством не устранила, а переместила: из сферы действия пункта 16 Протокола в сферу действия статей 89 и 91 Договора о Евразийском экономическом союзе, обязывающих государства-члены обеспечивать эффективную защиту прав на объекты интеллектуальной собственности. Поскольку доктрина продолжает описывать механизм в терминах исчерпания, перемещённое расхождение остаётся невыявленным.

Проблематика параллельного импорта в евразийском контексте разработана обстоятельно, но в иной плоскости. Г.П. Ивлиев и Б.А. Шахназаров обосновывают целесообразность сохранения регионального принципа при одновременном введении международного для определённого перечня товаров; С.А. Ляпцев предлагает закрепить в Протоколе исключения, восстанавливающие контроль правообладателя; Е.Е. Прищепова полагает минимально необходимым приведение статьи 1487 ГК РФ в соответствие с международными обязательствами Российской Федерации. Все эти работы обсуждают, каким должно быть содержание режима исчерпания, и исходят из того, что изменение такого содержания производится изменением Протокола либо приведением ГК РФ в соответствие с ним.

Пункт 16 Протокола устанавливает, что на территориях государств-членов применяется принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, в соответствии с которым не является нарушением использование товарного знака в отношении товаров, правомерно введённых в гражданский оборот на территории любого из государств-членов непосредственно правообладателем или другими лицами с его согласия. Норма содержит два условия, находящихся в кумулятивном соотношении: правомерность введения товара в оборот и введение его правообладателем либо с его согласия. Территориальный признак определяет пределы, в которых исчерпание наступает, но условия о согласии не заменяет. Отсюда следует вывод, определяющий всё дальнейшее рассуждение о том, что параллельно импортированный товар регионального исчерпания не влечёт в принципе, поскольку ввозится без согласия правообладателя, а значит, использование товарного знака сохраняет квалификацию нарушения. Смысл регионального принципа не в том, чтобы допустить параллельный импорт, а в том, чтобы товар, однажды правомерно выпущенный в оборот в одном из государств Евразийского экономического союза (далее – Союз), свободно обращался во всех остальных.

Обязательность пункта 16 Протокола для российского правоприменителя подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации, указавшим, что при отсутствии соответствующего закрепления в ГК РФ региональный принцип действует в силу части 4 статьи 15 Кон-

ституции Российской Федерации и пункта 2 статьи 7 ГК РФ. Расхождение между статьёй 1487 ГК РФ и пунктом 16 Протокола тем самым признано и разрешено в пользу союзной нормы, однако не устранено.

Наряду с обязательством об исчерпании Договора о Евразийском экономическом союзе содержит самостоятельное обязательство иного рода. Согласно статье 89 государства-члены обеспечивают на своей территории охрану и защиту прав на объекты интеллектуальной собственности, а к числу направлений сотрудничества отнесено осуществление скоординированных мер по предотвращению и пресечению оборота контрафактной продукции. Статья 91 указанного договора, озаглавленная «Правоприменение», предписывает государствам-членам осуществлять правоприменительные меры по обеспечению эффективной защиты таких прав. А статья 90 разрешает предусматривать в национальном законодательстве нормы, обеспечивающие больший уровень охраны и защиты, нежели установленный правом Союза. Последнее положение существенно: разрешая государству-члену подниматься над союзным уровнем защиты, оно тем самым обозначает этот уровень как минимальный. Сходным образом построено и Соглашение ТРИПС, которое, оставляя вопрос об исчерпании на усмотрение государств, одновременно требует наличия эффективных процедур защиты в отношении любого нарушения прав интеллектуальной собственности.

Перед нами, следовательно, два различных обязательства: одно определяет, что нарушением не является, другое требует обеспечить защиту против того, что нарушением является. Какое из них задействовано национальной мерой, зависит от того, как эта мера сконструирована, — обязательство, значение которого обнаруживается при обращении к эволюции «перечневого» механизма.

Законодательной основой механизма служат пункт 13 части 1 и часть 2 статьи 18 Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ. Норма построена на двойственной формуле: она позволяет ограничивать действие положений ГК РФ о защите исключительных прав по утверждаемому перечню и одновременно устанавливает, что использование результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в таких товарах, нарушением не является. Соединив в одном предписании приостановление защиты и констатацию отсутствия нарушения, законодатель оставил открытым вопрос о том, какая из двух конструкций подлежит реализации; последующая эволюция подзаконного регулирования представляет собой поиск ответа на этот вопрос.

Первоначальная редакция постановления Правительства РФ № 506 предусматривала утверждение перечня товаров, в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 ГК РФ при условии введения таких товаров в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями либо с их согласия. Изымались, таким образом, нормы об исчерпании, а условие, при котором изъятие действовало, воспроизводило конструкцию международного исчерпания. Конструкция эта была уязвима, и уязвимость её своевременно отмечена в литературе — Б.А. Шахназаров обратил внимание на то, что названные нормы и без того не применяются к товарам, введённым в оборот за рубежом, а сами они указывают, какие действия нарушением не являются, вследствие чего формальное исключение их действия способно привести к признанию факта нарушения. Это наблюдение следует признать точным и заслуживающим развития. Статья 1487 ГК РФ по своей природе есть норма-исключение, очерчивающая границу дозволенного; отменяя её действие, нормотворец отменяет не запрет, а разрешение, и потому буквальное прочтение первоначальной редакции давало результат, обратный преследуемой цели. Добавим, что и наименование постановления Правительства РФ № 506, говорящее о неприменении положений ГК РФ о защите исключительных прав, обозначало конструкцию, которой содержание акта не соответствовало, поскольку статья 1487 ГК РФ к положениям о защите не относится.

Постановлением Правительства РФ № 1057 пункт 1 постановления Правительства РФ № 506 изложен в редакции, согласно которой неприменению подлежат нормы о способах защиты исключительных прав, включая изъятие из оборота и уничтожение контрафактных носителей, и об ответственности за незаконное использование товарного знака и иных объектов. Ни одна из перечисленных норм исчерпания не регулирует. Сопоставление двух редакций даёт следующее. До июля 2023 г. статья 1487 ГК РФ к товарам из перечня не применялась, право считалось исчерпанным, а использование товарного знака — не образующим нарушения, это конструкция международного исчерпания, введённая подзаконным актом. После июля 2023 г. статья 1487 ГК РФ применяется в полном объёме, исчерпание не наступает, использование товарного знака сохраняет квалификацию нарушения, и не применяются лишь нормы, определяющие последствия этого нарушения. Пра-

во не исчерпано, нарушение налицо, однако оно не влечёт ни взыскания компенсации, ни изъятия товара из оборота, ни его уничтожения.

Действующая конструкция не является изобретением подзаконного нормотворчества. Впервые она была применена Конституционным Судом, который, признав статью 1487 ГК РФ не противоречащей Конституции, обратился не к правилу об исчерпании, а к последствиям его нарушения и заключил, что отсутствуют конституционно-правовые основания для изъятия из оборота и уничтожения товаров, ранее введённых правообладателем в оборот за рубежом и ввезённых без его согласия, — такие меры допустимы лишь при ненадлежащем качестве товара либо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей; размер же компенсации при параллельном импорте не должен быть таким же, как при ввозе поддельной продукции. Существенно, что дифференциация последствий была обоснована через оценку поведения конкретного правообладателя — возможность отказа в применении последствий суд связал с его недобросовестностью, отметив, в частности, что следование режиму санкций, установленных вне надлежащей международно-правовой процедуры, само по себе может рассматриваться как недобросовестное поведение. Конструкция была индивидуальной и судебной, а правовым её основанием служили институты противодействия злоупотреблению правом.

Различие между этой конструкцией и «перечневым» механизмом в его действующем виде и составляет существо проблемы. Ограничение последствий, допущенное судом, обуславливалось недобросовестностью конкретного правообладателя и предполагало её установление в составительном процессе; ограничение, установленное постановлением Правительства РФ № 506, применяется ко всем правообладателям, чьи товары включены в перечень, безотносительно к их поведению и вводится актом федерального органа исполнительной власти. Конструкция сохранена — основание, которым она оправдывалась, утрачено. Показательно и то, что Конституционный Суд, признавая законодателя правомочным урегулировать доступ на рынок товаров (групп товаров) адекватной стоимости, адресовал приглашение именно федеральному законодателю и оговорил, что выбор принципа исчерпания остаётся его прерогативой с учётом международных договоров, в том числе пункта 16 приложения № 26 Протокола. Обе оговорки в последующем регулировании оказались утрачены. Если В.В. Старженецкий в 2018 г. лишь ставил вопрос о дифференциации либо эрозии ответственности, то применительно к массовому административному изъятию мер защиты ответ представляется более определённым: связь между ограничением последствий и упречностью поведения правообладателя здесь разорвана полностью.

Пункт 16 Протокола определяет, какое использование товарного знака не является нарушением, и не содержит предписаний о том, вправе ли государство-член не применять меры защиты к использованию, которое нарушением остаётся. Поскольку параллельно импортированный товар под региональное исчерпание не подпадает, а квалификация нарушения сохраняется, действующая мера диспозицией указанного пункта не охватывается, и в этом отношении она с ним совместима. Однако тем же обстоятельством, которое выводит меру из-под действия пункта 16 Протокола, она вводится в сферу действия статей 89 и 91 Договора Евразийского экономического союза. Государство, признающее ввоз товара нарушением исключительного права и одновременно устраняющее все гражданско-правовые последствия такого нарушения, не обеспечивает на своей территории защиту права и не осуществляет правоприменительных мер по обеспечению её эффективности. Именно в этом состоит основной вывод настоящего исследования: замена 2023 г. не устранила расхождение с союзным обязательством, но переместила его из обязательства об исчерпании в обязательство о защите. Расхождение при этом стало менее заметным, поскольку доктрина продолжает обсуждать механизм в терминах исчерпания, тогда как в терминах исчерпания он более не выражается.

Существенно и то, что односторонний характер меры не был вынужденным. На союзном уровне процедура введения изъятий из принципа исчерпания существовала: распоряжением Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г. № 6 Комиссии совместно с правительствами государств-членов поручалось разработать проект протокола о наделении Межправительственного совета полномочиями устанавливать такие изъятия для отдельных видов товаров, однако согласование проекта не состоялось ввиду позиции Республики Беларусь. Надлежащий канал был определён самими государствами-членами и не пройден до конца по причине несогласия одного из них, а не вследствие пробела в регулировании. Уместно напомнить, что в сходной ситуации Суд Европейского Союза в деле *Silhouette* признал национальные нормы, расширяющие пределы исчерпания в одностороннем порядке, противоречащими праву Союза; прямое перенесение

этой конструкции невозможно, поскольку там исчерпание фактически наступало, однако лежащее в её основании соображение сохраняет силу – односторонние отступления от согласованного режима подрывают функционирование общего рынка независимо от того, какими юридическими средствами они оформлены.

Практическим следствием описанной конструкции выступает не утрата правообладателем защиты, как это иногда представляют: лишённый средств защиты в Российской Федерации, он полностью сохраняет их на территории остальных государств – членов Союза, поскольку исчерпание не наступает и товар остаётся введённым в оборот без его согласия. Следствием является расщепление правового режима одного и того же товара внутри единого таможенного пространства, лишённого внутренних границ, – то самое расщепление, ради устранения которого региональный принцип и вводился. Проверка же выявленного расхождения в судебном порядке практически недоступна: согласно Статуту Суда Евразийского экономического союза спор о соблюдении государством-членом Договора Евразийского экономического союза может быть инициирован только другим государством-членом, тогда как хозяйствующий субъект вправе оспаривать лишь решения и действия Комиссии. Правообладатель, чьи интересы затронуты механизмом, процессуальной возможностью не располагает, поскольку мера принята национальным органом, а практика межгосударственных споров в Суде Союза крайне немногочисленна.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что «перечневый» механизм дважды менял нормативную конструкцию, и описание его как введения международного принципа исчерпания, верное для периода с мая 2022 г. по ноябрь 2023 г., применительно к действующему регулированию неверно. Первоначальная конструкция была уязвима и юридико-технически, на что указывал Б.А. Шахназаров, и с точки зрения союзного обязательства, поскольку прямо затрагивала правило об исчерпании. Действующая конструкция первый дефект устранила, однако расхождение с союзным обязательством не сняла, а переместила: устранив все гражданско-правовые последствия деяния, которое сама же продолжает квалифицировать как нарушение, она вступает в противоречие со статьями 89 и 91 Договора Евразийского экономического союза, обязывающими государства-члены обеспечивать эффективную защиту прав на объекты интеллектуальной собственности. При этом она воспроизводит подход постановления Правительства РФ № 8-П, лишая его основания – индивидуальной оценки добросовестности правообладателя – и превращая исключительное правомочие суда в правило, применяемое административным органом ко всем правообладателям безотносительно к их поведению.

Устранение выявленного расхождения предполагает следующее. Статья 1487 ГК РФ подлежит приведению в соответствие с пунктом 16 Протокола посредством указания на введение товара в оборот на территории государств – членов Евразийского экономического союза. Введение международного исчерпания национальным законом при действующем пункте 16 Протокола означало бы одностороннее отступление и вернуло бы регулирование к прямой коллизии, устранённой в 2023 г. Соответствующая норма ГК РФ должна не вводить международный принцип самостоятельно, а отсылать к изъятиям, установленным в порядке, предусмотренном правом Союза; введение же самих изъятий требует возобновления процедуры, начатой распоряжением Межправительственного совета № 6. Наконец, необходимы переходные положения на случай исключения товара из перечня, поскольку механизм приостанавливает применение мер защиты, а не влечёт исчерпания права, и исключение товара восстанавливает защиту в том числе в отношении экземпляров, ввезённых в период действия изъятия.

Механизм, введённый в 2022 г. как срочная мера, действует пятый год и ежегодно возобновляется очередным федеральным законом, то есть перестал быть временным по существу, оставаясь таковым по форме. Приобретённая им конструкция безупречна с точки зрения буквы обязательства об исчерпании, однако безупречность эта достигнута ценой перемещения проблемы в область обязательства о защите, где она до сих пор не обсуждалась.

Литература

1. Ивлиев Г.П., Шахназаров Б.А. Правовое регулирование отношений в сфере параллельного импорта. Опыт государств евразийского региона // *Lex russica*. – 2023. – Т. 76, № 2. – С. 56–67.
2. Ляпцев С.А. Принцип исчерпания прав на товарный знак в условиях параллельного импорта: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2019.
3. Прищепова Е.Е. Исчерпание исключительного права на товарный знак и проблема параллельного импорта. – Томск, 2020.
4. Старженецкий В.В. Параллельный импорт в Российской Федерации: дифференциация или эрозия ответственности за нарушение исключительных прав? Комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. – 2018. – № 7. – С. 163–175.
5. Сысоева А.В. Исчерпание исключительного права на товарный знак в Российской Федерации в контексте Евразийского экономического союза и санкционных мер // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. – 2018. – № 21. – С. 74–78.
6. Шахназаров Б.А. Отдельные вопросы реализации правового режима параллельного импорта и смежные проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности // *Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»*.

FROM DISAPPLYING THE EXHAUSTION PRINCIPLE TO DISAPPLYING REMEDIES: THE “LIST-BASED” PARALLEL IMPORT MECHANISM AND RUSSIA’S OBLIGATIONS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Puzanov I.A.

North Caucasus Federal University

The article examines the evolution of the legal technique underlying the “list-based” mechanism regulating parallel imports and its significance for Russia’s international obligations within the Eurasian Economic Union. It is established that the mechanism has changed its normative design twice: under the original wording of Government Resolution No. 506 of 29 March 2022 the disapplied provisions were those governing exhaustion of the exclusive right, whereas following the amendments introduced by Resolution No. 1057 of 28 June 2023 the disapplied provisions are exclusively those governing remedies and liability. The principal finding is that this substitution did not eliminate the divergence from the Union obligation but relocated it: from the scope of paragraph 16 of the Protocol on the Protection of Intellectual Property Rights to the scope of Articles 89 and 91 of the Treaty on the Eurasian Economic Union, which oblige member states to ensure effective protection of intellectual property rights. Since the mechanism continues to be described in terms of exhaustion, the relocated divergence has remained unnoticed. The author further demonstrates that the current design reproduces the approach of the Constitutional Court of the Russian Federation set out in Judgment No. 8-P of 13 February 2018 while losing its foundation – the individualised assessment of the rightholder’s good faith.

Keywords: parallel import; exhaustion of exclusive rights; trademark; Eurasian Economic Union; remedies; “list-based” approach; effective enforcement of rights; Judgment No. 8-P of the Constitutional Court.

References

1. Ivliev G.P., Shakhnazarov B.A. Legal regulation of relations in the field of parallel imports. Experience of the states of the Eurasian region // *Lex russica*. – 2023. – Vol. 76, No. 2. – Pp. 56–67.
2. Lyaptsev S.A. The principle of exhaustion of rights to a trademark in the context of parallel imports: diss. ... Cand. Sciences (Law). – Yekaterinburg, 2019.
3. Prishchepova E.E. Exhaustion of the exclusive right to a trademark and the problem of parallel imports. – Tomsk, 2020.
4. Starzhenetsky V.V. Parallel imports in the Russian Federation: differentiation or erosion of liability for infringement of exclusive rights? Commentary on the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.02.2018 No. 8-P // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. – 2018. – No. 7. – Pp. 163–175.
5. Sysoeva A.V. Exhaustion of the Exclusive Right to a Trademark in the Russian Federation in the Context of the Eurasian Economic Union and Sanctions // *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. – 2018. – No. 21. – Pp. 74–78.
6. Shakhnazarov B.A. Certain Issues of Implementation of the Legal Regime of Parallel Imports and Related Problems of Legal Protection of Intellectual Property // *Access from the reference and legal system “ConsultantPlus”*.

Правовая модель использования смарт-контрактов для фиксации согласия супруга на распоряжение совместной недвижимостью

Тюняева Татьяна Сергеевна,

студент, Финансовый университет при правительстве РФ
E-mail: tatiana_1987@inbox.ru,

Брызгалов Иван Алексеевич,

студент, Финансовый университет при правительстве РФ
E-mail: ivbryz@gmail.com

Загайнов Михаил Рудольфович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
правового регулирования экономической деятельности,
Финансовый университет при правительстве РФ
E-mail: mzagajnov@fa.ru

Статья посвящена правовой модели использования смарт-контрактов для фиксации согласия супруга на распоряжение совместной недвижимостью. Цель работы – разработка механизма автоматической проверки условий сделки через распределенный реестр. Методология включает формально-юридический и сравнительно-правовой анализ. Результаты исследования показывают, что запись в блокчейне может служить основанием для возникновения правовых последствий. Цифровое согласие супруга предлагается рассматривать как цифровой элемент сложного юридического состава, который сохраняет нотариальное удостоверение воли, но заменяет его бумажную форму на криптографическую. Новизна состоит в обосновании концепции «алгоритмического юридического факта согласия» (АЮФС). Выводы могут быть применимы законодателем при совершенствовании норм о цифровых правах и нотариате.

Ключевые слова: смарт-контракт, совместная собственность супругов, нотариальное согласие, цифровизация права, распоряжение недвижимостью, юридический факт, алгоритмический юридический факт.

Введение

Цифровая трансформация гражданского оборота является одним из ключевых векторов развития правовой системы Российской Федерации. Принятие концепции развития гражданского законодательства, а также последовательное внедрение институтов цифровых прав, электронных сделок и распределенных реестров свидетельствуют о переходе от «бумажного» документооборота к машиночитаемым моделям взаимодействия субъектов права. В этом контексте особый интерес представляет сфера оборота недвижимого имущества, где пересечение имущественных интересов супругов требует повышенного уровня правовой защиты.

Согласно действующему законодательству, распоряжение совместной недвижимостью требует нотариально удостоверенного согласия второго супруга. Однако существующая документарная модель фиксации нотариально удостоверенного согласия обладает рядом недостатков: уязвимость к подделке, риск утраты документа, временные издержки на его получение и сложность интеграции в полностью цифровые цепочки сделок. Именно поэтому актуальным становится вопрос использования смарт-контрактов и технологии блокчейн для автоматической верификации и фиксации согласия супруга, которые позволят снизить влияние человеческого фактора и повысить надежность гражданско-правовых сделок. Однако простое перенесение бумажного документа в цифру не решает системных проблем. Требуется разработка новой правовой конструкции, которая органично впишется в гражданско-правовую доктрину.

Анализ ст. 35 СК РФ и ст. 253 ГК РФ через призму цифровизации

Фундаментом регулирования распоряжения совместным имуществом выступают ст. 253 ГК РФ [1] и ст. 35 СК РФ [2]. Императивное правило о необходимости нотариально удостоверенного согласия направлено на защиту имущественных прав супруга. Однако в условиях цифровизации данная норма сталкивается с проблемами, связанными с трансформацией объектов гражданских прав [6, 12]. Нотариальное согласие не всегда интегрируется в единый цифровой процесс Росреестра [4], создавая «разрыв» в цепочке сделки. Проверка подлинности регистрационного носит формальный характер, что в контексте электронных средств доказывания [11] не исключает рисков использования поддельных или отозванных документов.

Анализ судебной практики свидетельствует, что нарушение требования ст. 35 СК РФ является причиной признания сделок недействительными. В соответствии с абз. 2 п. 3 ст. 35 СК РФ, сделка, совершенная без согласия супруга, может быть признана судом недействительной по его требованию. Существующая документарная модель не исключает риска предоставления недостоверного документа. Это подтверждает необходимость глубокого переосмысления формы выражения воли супруга [7]. В цифровой среде удостоверением должна выступать криптографическая верификация волеизъявления с использованием квалифицированной электронной подписи (КЭП) нотариуса, интегрированная в алгоритм смарт-контракта.

Смарт-контракт как механизм автоматической проверки условий сделки

Положения ст. 141.1 ГК РФ о цифровых правах и абз. 2 ст. 309 ГК РФ, допускающего автоматизированное исполнение обязательства при наступлении определенных обстоятельств без отдельных выраженного дополнительного волеизъявления сторон, формируют нормативного предпосылки для применения смарт-контрактов в российском гражданском обороте [8]. Данные поправки позволили фиксировать и передавать цифровые права через информационные системы, а также автоматизировать исполнение сделок с помощью технологий.

Смарт-контракт представляет собой компьютерный алгоритм, обеспечивающий автоматизированное исполнение условий сделки или обязательства при наступлении предусмотренных обстоятельств [9].

В контексте распоряжения совместной недвижимостью смарт-контракт программируется так, что переход права не может быть завершен без внесения записи о согласии супруга. Механизм включает:

1. Формирование и загрузку цифрового проекта договора в защищенный контур (например, платформу Росреестра).
2. Генерацию смарт-контрактом запроса на согласие.
3. Волеизъявление супруга в присутствии нотариуса, который удостоверяет факт и подписывает цифровую запись согласия своей КЭП.
4. Автоматическую верификацию подписи и проверку отсутствия отзыва согласия.
5. Разблокировку функции регистрации перехода права и отправку соответствующего пакета данных в ЕГРН только при криптографическом подтверждении.

Это исключает регистрацию перехода права без воли второго супруга, минимизируя ошибки регистратора, что является главным преимуществом по сравнению с традиционной моделью, где человеческий фактор и ошибки регистратора могут привести к нарушению закона.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта

Зарубежный опыт демонстрирует различные подходы к интеграции смарт-контрактов в гражданский оборот, которые полезно учесть при реформировании российского права.

В США Закон UETA (Uniform Electronic Transactions Act) в целом уравнивает электронные и бумажные формы, создавая принцип технологической нейтральности, но не детализирует работу со смарт-контрактами [13]. Однако в сфере недвижимости штаты требуют соблюдения традиционных форм регистрации (Statute of Frauds), что сдерживает полное внедрение блокчейна.

В Великобритании Комиссия по праву признала способность смарт-контрактов удовлетворять требованиям договорного права [14], а HM Land Registry тестирует использование смарт-контрактов и блокчейн-технологий в рамках исследовательского проекта Digital Street, в том числе для автоматизации передачи прав и фиксации согласий через криптографические ключи.

В Европейском Союзе регламент eIDAS 2.0 делает акцент на доверенных сервисах и цифровой идентификации. Использование смарт-контрактов в данной системе повышает уровень достоверности цифрового волеизъявления при использовании квалифицированной электронной подписи (QES), однако законодательство допускает и иные формы идентификации в зависимости от уровня риска сделки [15]

Российская модель, в отличие от либеральной американской, тяготеет к европейскому подходу (eIDAS), где критически важна роль доверенного лица (нотариуса) и квалифицированной подписи. Это диктует необходимость сохранения нотариального удостоверения, но в новой, цифровой форме.

Проблема признания записи в блокчейне аналогом нотариального согласия и легализация цифрового факта

Центральной теоретико-правовой проблемой является вопрос о юридической силе записи в распределенном реестре (блокчейне). Может ли криптографическая запись в блокчейне рассматриваться как аналог нотариально удостоверенного согласия?

В доктрине права существует подход, согласно которому блокчейн следует рассматривать не как источник права, а как средство доказывания и фиксации юридических фактов [11]. Здесь представляется необходимым закрепить на законодательном уровне, что запись в блокчейне, содержащая волеизъявление супруга, выступает цифровым элементом сложного юридического состава, наличие которого необходимо для возникновения соответствующих правовых последствий [10].

Для решения проблемы равнозначности бумажного и цифрового согласия предлагается правовая модель, в которой нотариальное удостоверение согласия не отменяется, но существенно меняет свою форму. Нотариус, установив личность супруга и разъяснив ему последствия сделки, удостоверяет согласие не путем изготовления бумажного документа, а путем подписания своим ключом электронной подписи параметра смарт-контракта. В этом случае запись в блокчейне будет содержать в себе не просто «цифровой след», а квалифицированную электронную подпись уполномоченного субъекта (нотариуса), что в совокупности с соблюдением нотариальной процедуры придает такому документу (записи) юридическую силу, равнозначную традиционному нотариальному акту [3].

Кроме того, целесообразно закрепить на законодательном уровне презумпцию достоверности записи в авторизованной распределенной информационной системе, интегрированной с ЕИС нотариата и ЕГРН. Если запись о согласии внесена в такой реестр и удостоверена квалифицированной электронной подписью, она признается надлежащим средством фиксации и доказывания юридического факта получения

согласия, подтверждающим соблюдение требований ст. 35 СК РФ, пока не доказано иное в судебном порядке. Это снимет с регистратора обязанность по визуальной проверке «бумажного» документа и перенесет основной фокус на проверку криптографических ключей и статуса смарт-контракта.

Алгоритмический юридический факт согласия (АЮФС)

Научная новизна исследования заключается в обосновании новой правовой конструкции – алгоритмического юридического факта согласия (АЮФС). АЮФС представляет собой цифровой элемент сложного юридического состава, выраженный в форме криптографической записи и выполняющий одновременно три функции:

1. Удостоверительную: подтверждает волю супруга, верифицированную нотариусом в установленном законом порядке.
2. Подтверждающую условие распоряжения: является предварительным обязательным условием (condition precedent) для осуществления государственной регистрации перехода права, подтверждая соблюдение требования ст. 35 СК РФ.
3. Исполнительную: обеспечивает автоматизированную передачу информации и переводит статус сделки на следующий этап обработки.

Нотариальная сила цифрового согласия вытекает из совокупности обстоятельств: удостоверения личности супруга, разъяснения последствий сделки, соблюдения нотариальной процедуры и использования квалифицированной электронной подписи нотариуса. КЭП является одним из элементов, обеспечивающих юридическую значимость, но не единственным основанием нотариальной силы.

Целесообразно закрепить на законодательном уровне презумпцию достоверности записи в предлагаемом авторизованном распределенном реестре, оператором которого может выступать Росреестр или специализированная уполномоченная организация. Если запись о согласии внесена в реестр и подписана квалифицированной электронной подписью нотариуса, она признается юридическим фактом, подтверждающим соблюдение ст. 35 СК РФ, пока не доказано иное в судебном порядке. Это снимет с регистратора обязанность по визуальной проверке согласия и перенесет основной фокус на проверку криптографических ключей и статуса смарт-контракта.

Анализ рисков внедрения и механизмы их минимизации

Внедрение конструкции АЮФС сопряжено с рядом правовых и технических рисков, которые необходимо нивелировать на уровне законодательства, в том числе с учетом требований к информационной безопасности для ИТ-специалистов и пользователей [5].

Риск 1: Сохранение истории транзакций в блокчейне и право на отзыв согласия. Согласно ст. 35 СК РФ и нотариальной практике, супруг вправе отозвать согласие до момента государственной регистрации сделки. Особенность блокчейна заключается в том, что однажды записанные транзакции нельзя удалить из истории реестра – запись о выдаче согласия останется видимой. Однако это не делает отзыв невозможным: можно записать новую транзакцию об отзыве, а смарт-контракт может быть запрограммирован так, чтобы перед исполнением сделки проверять актуальный статус согласия (выдано/отозвано). Механизм минимизации: использование смарт-контракта с функцией проверки статуса согласия в реальном времени. Отзыв согласия оформляется путем подписания транзакции «отмены» ключом супруга или нотариуса. Смарт-контракт перед разблокировкой регистрации перехода права проверяет, не была ли записана транзакция об отзыве, и только при ее отсутствии инициирует процедуру внесения записи в ЕГРН. Дополнительно может использоваться механизм «отложенного исполнения» (time-lock), позволяющего проверить актуальность согласия непосредственно перед принятием решения о государственной регистрации и внесением записи в ЕГРН.

Риск 2: Компрометация закрытых ключей. Утрата контроля над ключом квалифицированной электронной подписи нотариуса может привести к несанкционированному удостоверению согласия. Механизм минимизации: интеграция смарт-контракта с Единой биометрической системой (ЕБС) и системами идентификации (включая ЕСИА). Подписание цифровой записи согласия должно требовать не только наличия ключа на носителе, но и прохождения локальной биометрической верификации нотариуса в момент сделки. При этом следует учитывать, что ЕСИА и биометрические данные представляют собой различные механизмы идентификации: ЕСИА обеспечивает аутентификацию через учетную запись, а биометрия – через физиологические характеристики.

Риск 3: Ошибки в программном коде (The Code is Law vs. Lex Informatica). Технический сбой или уязвимость в коде смарт-контракта

может привести к неправомерному переходу права. Механизм минимизации: законодательное закрепление приоритета нормы закона над алгоритмом. Введение института «цифрового нотариального аудита» – обязательной предварительной экспертизы кода смарт-контракта уполномоченными организациями (например, Федеральным нотариальной палатой) перед его допуском в контур Росреестра.

Риск 4: Технологическая интеграция с ЕГРН. ЕГРН не является блокчейн-системой, что создает сложности с прямой интеграцией смарт-контрактов. Механизм минимизации: разработка промежуточного шлюза (API), который обеспечивает взаимодействие между блокчейн-платформой и ЕГРН, конвертируя данные смарт-контракта в формат, совместимый с государственной информационной системой.

Интеграция «цифрового согласия» в цепочку сделки

Интеграция предложенной модели в существующую цепочку сделок с недвижимостью требует модернизации взаимодействия между участниками оборота, нотариатом и Росреестром [12].

На современном этапе сделка купли-продажи недвижимости представляет собой линейный процесс: подготовка документов, получение согласия, подписание договора, подача на регистрацию и получение выписки из ЕГРН. В предлагаемой модели процесс становится сетевым и автоматизированным. «Цифровое согласие» становится обязательным узлом (нодой) в графе транзакций. Интеграция может быть реализована через создание единого шлюза (API) между нотариальной информационной системой (НИС) и платформой государственной регистрации. При этом смарт-контракт выступает в роли «цифрового эскроу» для юридических условий: он «замораживает» сделку в статусе «Ожидание нотариального удостоверения». После совершения нотариального действия нотариус формирует и подписывает своей КЭП цифровую запись о согласии, которая передается в автоматизированный распределенный реестр.

Такая интеграция позволит реализовать принцип «бесшовного» гражданского оборота, при котором соблюдение императивных норм семейного права (ст. 35 СК РФ) обеспечивается не постфактум (через признание сделки недействительной в суде), а превентивно, на уровне архитектуры самой цифровой сделки.

Заключение

Действующая правовая модель не в полной мере предусматривает переход к полностью цифровому обороту недвижимости при совершении сделок [12]. Смарт-контракты обладают функционалом для автоматической проверки условия о согласии, делая невозможным завершение сделки без его машиночитаемой электронной формы, защищенной с помощью криптографических средств фиксации [8]. Для реализации механизма необходимо легализовать запись в авторизованной распределительной информационной системе, подписанную КЭП нотариуса, в качестве цифрового элемента сложного юридического состава, трансформирующего форму фиксации согласия при сохранении нотариального удостоверения воли супруга [3].

Научная новизна работы заключается в обосновании конструкции АЮФС как цифрового элемента сложного юридического состава, который не является самостоятельным нотариальным действием, но выполняет удостоверительную, подтверждающую соблюдение условия распоряжения и исполнительную функции, сохраняя нотариальное удостоверение воли супруга и обеспечивая соблюдение требования статьи 35 СК РФ и автоматизированный допуск сделки к процедуре государственной регистрации права собственности.

Предложенная правовая модель не только повысит уровень защиты имущественных прав супругов, но и существенно снизит транзакционные издержки, ускорит процедуры государственной регистрации и минимизирует риски мошенничества в сфере оборота недвижимости. Дальнейшие исследования в данной области должны быть сосредоточены на разработке технических стандартов взаимодействия смарт-контрактов с государственными информационными системами и детальном регулировании статуса цифровых нотариальных действий.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон № 51-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.: одобрен Советом Федерации 8 ноября 1994 г.] (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 223-ФЗ: [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г.: одобрен

Советом Федерации 15 декабря 1995 г.] (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

3. Об электронной подписи: Федеральный закон № 63-ФЗ: [принят Государственной Думой 25 марта 2011 г.: одобрен Советом Федерации 30 марта 2011 г.] (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

4. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон № 218-ФЗ: [принят Государственной Думой 3 июля 2015 г.: одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 г.] (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29. – Ст. 4344.

5. Серго А.Г. Основы права интеллектуальной собственности для ИТ-специалистов: учебное пособие / А.Г. Серго, В.С. Пушин. – Москва: Национальный открытый университет «ИНТУИТ», 2011. – 240 с. – ISBN 978-5-9963-0494-3. – EDN QRXSUG.

6. Объекты гражданских прав: юридические исследования в цифровую эпоху / М.А. Рожкова, А.А. Богустов, М.Ю. Козлова [и др.]. – Москва: Государственный академический университет гуманитарных наук, 2025. – 412 с. – ISBN 978-5-605-37431-2. – DOI 10.18254/S6053743-1-2. – EDN YVKPWF.

7. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16. – DOI 10.12737/art.2018_9_1. – EDN OZGIIV.

8. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 32–60. – EDN WHFFCX.

9. Морхат П.М. Смарт-контракты и искусственный интеллект: гражданско-правовой взгляд / П.М. Морхат // Юридические исследования. – 2018. – № 5. – С. 1–6. – EDN ONFSQJ.

10. Кресс В.В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота / В.В. Кресс // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 67–76. – DOI 10.12737/jrl.2022.041. – EDN PSMFFB.

11. Ворожит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / С.П. Ворожит. – Санкт-Петербург, 2011. – 25 с. – EDN QHGLZT.

12. Балтутите И.В. Правовое регулирование оборота недвижимого имущества в условиях цифровизации российской экономики / И.В. Балтутите // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 86–93. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13. – EDN XHQZEG.

13. Uniform Electronic Transactions Act (UETA): adopted by the Uniform Law Commission in 1999. – Text: electronic // Uniform Law Commission. – URL: <https://www.uniformlaws.org/acts/ueta> (дата обращения: 15.07.2026). – Режим доступа: свободный.

14. Smart legal contracts: Advice to the Government: report / Law Commission of England and Wales. – London: The Stationery Office, 2021. – 184 p.

15. Regulation (EU) 2024/1183 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 amending Regulation (EU) No 910/2014 as regards establishing the European Digital Identity Framework (eIDAS 2.0) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 2024/1183.

A LEGAL MODEL FOR USING SMART CONTRACTS TO RECORD A SPOUSE'S CONSENT TO THE DISPOSAL OF JOINT PROPERTY

Tyunyaeva T.S., Bryzgalin I.A., Zagaynov M.R.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the legal model of using smart contracts to record spousal consent for the disposal of joint real estate. The purpose of the study is to develop a mechanism for automatic verification of transaction conditions via distributed ledger technology. The methodology includes formal legal and comparative legal analysis. The research results demonstrate that a blockchain record can serve as a basis for the emergence of legal consequences. Digital spousal consent is proposed to be viewed as a digital element of a complex legal composition that preserves the notarial certification of the spouse's will while replacing its paper form with a cryptographic one. The novelty lies in substantiating the concept of the "algorithmic legal fact of consent" (ALFC). The conclusions can be applied by the legislator in improving the norms on digital rights and notarial activities.

Keywords: smart contract, joint property of spouses, notarial consent, blockchain, digitalization of law, disposal of real estate, legal fact, algorithmic legal fact.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ: [adopted by the State Duma on October 21, 1994: approved by the Federation Council on Novem-

ber 8, 1994] (as amended on June 10, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

2. The Family Code of the Russian Federation: Federal Law No. 223-FZ: [adopted by the State Duma on December 8, 1995; approved by the Federation Council on December 15, 1995] (as amended on March 23, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.

3. On Electronic Signature: Federal Law No. 63-FZ: [adopted by the State Duma on March 25, 2011; approved by the Federation Council on March 30, 2011] (as amended on December 28, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 15. – Art. 2036.

4. On State Registration of Real Estate: Federal Law No. 218-FZ: [adopted by the State Duma on July 3, 2015; approved by the Federation Council on July 8, 2015] (as amended on December 26, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 29. – Art. 4344.

5. Sergo A.G. Fundamentals of Intellectual Property Law for IT Specialists: A Textbook / A.G. Sergo, V.S. Pushchin. – Moscow: National Open University "INTUIT", 2011. – 240 p. – ISBN 978-5-9963-0494-3. – EDN QRXSUG.

6. Objects of Civil Rights: Legal Research in the Digital Age / M.A. Rozhkova, A.A. Bogustov, M. Yu. Kozlova [et al.]. – Moscow: State Academic University of Humanities, 2025. – 412 p. – ISBN 978-5-605-37431-2. – DOI 10.18254/S6053743-1-2. – EDN YVK-PWF.

7. Khabrieva T. Ya. Law Facing the Challenges of Digital Reality / T. Ya. Khabrieva // Journal of Russian Law. – 2018. – No. 9. – Pp. 5–16. – DOI 10.12737/art_2018_9_1. – EDN OZGIAV.

8. Saveliev A.I. Contract Law 2.0: "Smart" Contracts as the Beginning of the End of Classical Contract Law / A.I. Saveliev // Bulletin of Civil Law. – 2016. – Vol. 16, No. 3. – Pp. 32–60. – EDN WHFFCX.

9. Morhat P.M. Smart Contracts and Artificial Intelligence: A Civil Law View / P.M. Morhat // Legal Research. – 2018. – No. 5. – Pp. 1–6. – EDN ONFSQJ.

10. Kress V.V. Digital Rights as Objects of Civil Rights: Legal Regulation and Development Prospects in the Context of Digitalization of Civil Circulation / V.V. Kress // Journal of Russian Law. – 2022. – Vol. 26, No. 4. – Pp. 67–76. – DOI 10.12737/jrl.2022.041. – EDN PSMFFB.

11. Vorozhbit S.P. Electronic Means of Evidence in Civil and Arbitration Proceedings: specialty 12.00.15 "Civil Procedure; Arbitration Proceedings": abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / S.P. Vorozhbit. – St. Petersburg, 2011. – 25 p. – EDN QHGLZT.

12. Baltutite I.V. Legal regulation of real estate turnover in the context of digitalization of the Russian economy / I.V. Baltutite // Legal paradigm. – 2021. – Vol. 20, No. 1. – Pp. 86–93. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13. – EDN XHQZEG.

13. Uniform Electronic Transactions Act (UETA): adopted by the Uniform Law Commission in 1999. – Text: electronic // Uniform Law Commission. – URL: <https://www.uniformlaws.org/acts/ueta> (date of access: 15.07.2026). – Access mode: free.

14. Smart legal contracts: Advice to the Government: report / Law Commission of England and Wales. – London: The Stationery Office, 2021. – 184 p.

15. Regulation (EU) 2024/1183 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 amending Regulation (EU) No 910/2014 as regards establishing the European Digital Identity Framework (eIDAS 2.0) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 2024/1183.

Филатов Максим Евгеньевич,

5 курс, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

В статье исследуется трансформация классических коллизионных привязок в условиях цифровизации трансграничных отношений. Установлено, что традиционные критерии территориальной юрисдикции утрачивают определённую в атерриториальной цифровой среде, где объекты правоотношений могут существовать одновременно в множестве юрисдикций либо не иметь локализации в традиционном смысле. Проанализированы основные коллизионные привязки: закон местонахождения вещи, закон места заключения договора, закон места совершения правонарушения, закон флага судна. Выявлены пределы их применения к отношениям, возникающим в сети Интернет. Обоснован вывод о том, что пространственная юрисдикция в цифровой среде не отменяется, но адаптируется через формирование юридических фикций, привязывающих национальные сегменты киберпространства к государственной территории, а также через переход от жёстких территориальных критериев к гибким оценочным категориям, таким как тесная связь и существенные последствия. Предложен алгоритм разрешения коллизий юрисдикции, основанный на реляционном подходе к определению доминирующего элемента сложного правоотношения.

Ключевые слова: пространственная юрисдикция, коллизионные привязки, цифровая среда, территориальный принцип, закон местонахождения вещи, закон места заключения договора, закон места совершения правонарушения, тесная связь, реляционный подход, экстерриториальность.

Актуальность исследования коллизионных аспектов пространственной юрисдикции в цифровой среде обусловлена фундаментальным противоречием между территориальной природой национальных правовых порядков и атерриториальным характером трансграничных цифровых отношений. Традиционные коллизионные привязки, выработанные доктриной и практикой в XIX–XX веках, предполагали наличие однозначной локализации объекта или действия в пространстве, что позволяло определить применимое право и компетентный суд. Однако в цифровую эпоху данные предположения перестают соответствовать реальности. Облачные сервисы объединяют серверные мощности, распределённые по множеству юрисдикций. Смарт-контракты исполняются децентрализованно на блокчейне, не имеющем единого территориального центра. Цифровые платформы функционируют глобально, структурируя многополярные отношения между пользователями, данными и аппаратными средствами, находящимися в разных государствах [9].

Как обосновано указывается в научной литературе, цифровые отношения порождают многообразие юрисдикционных проблем, при этом классические коллизионные механизмы оказываются малоприменимыми в децентрализованных системах, поскольку привычные критерии местонахождения и принадлежности утрачивают своё значение [3]. Настоящая статья ставит своей целью определение границ применимости традиционных коллизионных привязок к отношениям, складывающимся в цифровой сфере, и разработку подходов к адаптации пространственной юрисдикции к реалиям цифровой эпохи. Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд последовательных задач: проследить эволюцию территориального принципа в условиях цифровизации, выявить проблемы использования отдельных коллизионных формул прикрепления к интернет-отношениям и обосновать переход к оценочным категориям и реляционной модели юрисдикции. Исследование опирается на комплекс общенаучных методов: анализ, синтез и системный подход, а также на специальные юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и исторический. Дополнительно задействован междисциплинарный инструментарий, позволяющий объединить понятийные конструкции международного публичного и частного права [8].

Значительные трудности возникают при попытке применить привязку *lex rei sitae*, то есть закона государства, где находится вещь, к интернет-отношениям. Согласно данной коллизионной норме, суд обязан обратиться к праву страны, на территории которой располагается объект, а в цифровом контексте таким объектом является информация. Однако стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий и распространение облачных вычислений существенно осложняют использование этой привязки. Технология облачных сервисов позволяет объединять вычислительные мощности и массивы серверов, размещённых в различных государствах, благодаря чему одна и та же информация может фрагментированно храниться одновременно в нескольких юрисдикциях. Подобная распределённость и заранее неопределяемое местонахождение данных, с одной стороны, повышает надёжность их сохранности, но с другой — исключает возможность однозначного определения применимого правового порядка, ведь отдельные части информации, сами по себе не обладающие самостоятельной ценностью, в совокупности оказываются рассредоточенными по всему миру [7].

Эта проблема дополнительно усугубляется в контексте распределённых реестров, где данные одновременно хранятся на множестве узлов по всему миру, что делает невозможным применение традиционных коллизионных привязок, основанных на единстве местонахождения объекта. Как отмечает Гагская конференция по международному частному праву в рамках проекта по цифровым токенам, существующие механизмы неэффективно отражают феномен децентрализованных цифровых активов [3].

Не менее сложной является проблема применения привязки *lex loci contractus*, то есть закона места заключения договора. Применение этой привязки традиционно направлено на установление требуемой формы заключения договора. В цифровой среде крайне затруднительным становится определение места совершения сделки, так как в глобальном информационном пространстве отсутствуют традиционные границы юрисдикций. Для этой генеральной коллизионной привязки

могут найти применение субсидиарные привязки: закон места отправления акцепта и закон места принятия акцепта. Современная мировая тенденция направлена на отказ от применения этих привязок, поскольку каждая из них относится к разным правовым семьям, из-за чего возникают ситуации, когда договор как бы заключается одновременно в двух местах [7].

Однако, как отмечается в доктрине, идентификация места нахождения устройства, с которого был отправлен акцепт, и устройства, на котором акцепт был принят, технически возможна. Вместе с тем определение сторонами места отправления и принятия акцепта может подвергаться спекуляциям, основанным на возможностях сокрытия или подмены реального сетевого адреса того или иного устройства [7]. Альтернативой может служить ориентация на закон места обычного пребывания стороны, предоставляющей услуги в цифровой форме, однако такой подход также сталкивается с трудностями при использовании технологий, маскирующих реальное местонахождение.

Привязка *lex loci delicti commissi*, то есть закона места совершения правонарушения, в цифровой среде также порождает серьёзные коллизионные проблемы. Генеральная привязка предполагает применение нескольких субсидиарных привязок: закона места наступления последствий, личного закона делинквента, личного закона потерпевшего или наиболее благоприятного для потерпевшего закона. Определение места совершения правонарушения, особенно если оно совершается анонимно или с использованием средств сокрытия сетевого адреса, становится крайне затруднительным. Основной проблемой применения привязки по личному закону делинквента является сложность, а порой и невозможность идентификации делинквента. Привязка по личному закону потерпевшей стороны оказывается возможной, однако в этих случаях становится затруднительным осуществить выбор между личным законом потерпевшего и, возможно, более благоприятным для него законом делинквента. Что касается привязки по месту наступления последствий, то суд сталкивается с тем, что последствия могут наступить в целом ряде юрисдикций, особенно если правонарушение совершено в отношении часто используемого и всемирно известного объекта, например интернет-сайта крупной социальной сети [7]. В этой связи в доктрине предлагаются различные подходы к решению проблемы, включая внедрение доктрины эффекта, то есть по месту наступления существенных последствий [1].

Интерес представляет применение к правоотношениям в сети Интернет привязки *lex flagi*, то есть закона флага судна. Многие исследователи считают невозможным применение этой коллизионной привязки к правоотношениям в сети Интернет, однако с развитием информационно-телекоммуникационных технологий стало возможным разместить серверные мощности не только в море, но и в воздухе. В 2012 году этой возможностью собирались воспользоваться приверженцы проекта Wikileaks, а корпорация Google разработала, запатентовала и приступила к строительству плавучего дата-центра [7]. Учитывая значительные издержки и иные сдерживающие обстоятельства, едва ли можно ожидать, что подобное специализированное морское либо воздушное средство окажется вне действия какой-либо национальной юрисдикции. Вместе с тем на фоне быстро нарастающих антиглобалистских тенденций нельзя исключать, что отдельные корпорации, заинтересованные в минимальном регуляторном вмешательстве, попытаются использовать свободы открытого моря и воздушного пространства для реализации собственных коммерческих задач [7]. Юридический режим объектов, выводимых на орбиту, устанавливается государством их регистрации, при этом сколько-нибудь жёстких правовых препятствий для применения таких объектов в роли ретрансляторов либо площадок для серверного оборудования не существует, что порождает дополнительные трудности в применении привязки по месту нахождения имущества.

Как демонстрирует анализ трансформации территориальной модели юрисдикции, разрешение коллизионных и процессуальных проблем международного частного права в современных условиях невозможно без опоры на фундаментальные категории публичного права – суверенитет и территорию. Экстерриториальные претензии одних государств и ответные протекционистские меры других, в том числе законодательное требование локализации данных, служат основным двигателем фрагментации киберпространства [8]. В сложившейся обстановке право вынуждено отказываться от формальных территориальных ориентиров, к числу которых относятся место исполнения обязательства или место причинения вреда, и переходить к оценочным конструкциям, в частности к категории тесной связи. Территориальный подход не исчезает, но видоизменяется посредством создания юридических фикций, которые связывают национальные сегменты интернет-пространства, включая доменные зоны и техническую инфраструктуру, с территорией суверенного государства. Данная эволюция находит

выражение в двух одновременно развивающихся процессах: с одной стороны, это привязка виртуальной реальности к физическому пространству через правовые фикции, с другой – складывание нового виртуального контура экстерриториальной юрисдикции [8]. Определяющее значение здесь приобретает государственно-ориентированный подход и политика цифрового суверенитета.

Важный вклад в осмысление данной проблематики вносит реляционная теория юрисдикции, разработанная в современной литературе. В противоположность классическому пространственному подходу, предполагающему чёткое разграничение властных полномочий государства в отношении лиц либо территориальных объектов, реляционная модель исходит из того, что разнородные субъекты и объекты способны формировать многослойные структуры, в которых реализация юрисдикции по отношению к одному элементу системы неизбежно влечёт фактические и правовые последствия для всех прочих элементов [12]. Это особенно очевидно в случае цифровых платформ, которые функционируют для структурирования сложных, многосторонних отношений между пользователями, данными, аппаратными и программными средствами.

На основе реляционного подхода предлагается юрисдикционный алгоритм для каждого конкретного случая, требующий определения структуры и элементов сложного правоотношения, фильтрации элементов, не порождающих юрисдикционной определённости, определения среди оставшихся доминирующего элемента правоотношения и установления наличия связующих факторов между государством и доминирующим элементом [12]. Этот алгоритм позволяет отказаться от архаичных попыток определения юрисдикции над цифровыми платформами через простое наличие оборудования на территории государства.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Классические коллизионные привязки, основанные на территориальном принципе, в цифровой среде утрачивают свою определённую и требуют адаптации. Привязки закона местонахождения вещи, закона места заключения договора и закона места совершения правонарушения сталкиваются с фундаментальными проблемами локализации объектов и действий в условиях распределённых систем и глобальных сетей. Территориальная парадигма юрисдикции не отменяется, но трансформируется через формирование юридических фикций, привязывающих национальные сегменты киберпространства к государственной территории, и переход от жёстких территориальных критериев к гибким оценочным категориям, среди которых тесная связь и существенные последствия.

Перспективным представляется реляционный подход к юрисдикции, позволяющий определять доминирующий элемент сложного цифрового правоотношения и устанавливать связующие факторы между ним и государством. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку унифицированных критериев тесной связи применительно к различным категориям цифровых отношений, а также на анализ практики международных судов и арбитражей по вопросам юрисдикции в цифровой среде. Особого внимания заслуживает вопрос о согласовании национальных подходов к пространственной юрисдикции на многостороннем уровне с целью предотвращения юрисдикционных конфликтов и фрагментации киберпространства.

Реляционная модель юрисдикции заслуживает внимания как перспективное направление научного поиска. Такой подход даёт возможность выделить главенствующий элемент в структуре сложного цифрового правоотношения и выявить факторы, связывающие этот элемент с конкретным государством. В качестве приоритетных направлений дальнейших исследований можно обозначить выработку единых критериев тесной связи для различных видов цифровых отношений, а также обобщение практики международных судебных и арбитражных инстанций по вопросам юрисдикции в интернет-среде. Отдельного рассмотрения требует проблема гармонизации национальных позиций относительно пространственной юрисдикции на международном уровне – решение этой задачи позволило бы минимизировать юрисдикционные коллизии и предотвратить дальнейшую фрагментацию глобального киберпространства.

Литература

1. Маджумаев М.М. Уголовно-правовое обеспечение безопасности государственного суверенитета в трансграничных метавселенных // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2026. № 1. С. 142–157.
2. Delimatis P., Dimitropoulos G., Gourgourinis A. Transcending Traditional Boundaries of Sovereignty and Territorial Jurisdiction // Digitalisation, New Technologies and International Investment Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2026. P. 1–30.

3. Jain S., Sharma A. Adapting Private International Law to the Digital Age: Jurisdiction in Cross-Border Data Disputes // *Washington International Law Journal*. 2025. 5 Dec. URL: <https://wilj.org> (дата обращения: 20.07.2026).

4. De Miguel Asensio P. *Conflict of Laws and the Internet*. 2nd ed. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2024. 560 p.

5. Koshel A.S., Kuzminov Ya.I., Kruchinskaia E.V., Lesiv B.V. In Search of the Regulatory Optimum for Digital Platforms: A Comparative Analysis // *Legal Issues in the Digital Age*. 2025. Vol. 6. № 2. P. 4–49. DOI: 10.17323/2713-2749.2025.2.4.49.

6. Комаров А.А. Проблемы определения территориальной юрисдикции в сети Интернет // *Информационное право*. 2018. № 3. С. 28–34.

7. Кравченко А.В. Коллизионное регулирование отношений в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 26 с.

8. Transformation of Territorial Paradigm of Jurisdiction under Digitalization // *Legal Issues in the Digital Age*. 2026. Vol. 7. № 1. P. 4–28.

9. UNCITRAL. *Model Law on Electronic Transferable Records (MLETR)*. Vienna, 2017. 25 p.

10. Парашук С.А. Правовое регулирование цифровых платформ: российский и зарубежный опыт // *Закон*. 2025. № 4. С. 78–93.

11. Lasch A. Jurisdictional Aspects of Regulating the Activities of Digital Platforms. *International and Comparative Law Perspective* // HSE University. 2022. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/645628674> (дата обращения: 20.07.2026).

12. Mahmoud M.S. From Territoriality to Virtuality: Rethinking the Philosophy of Conflict-of-Laws Rules // *Journal of Anbar University for Law and Political Sciences*. 2025. Vol. 15. № 2. P. 51–86.

13. Catanzariti M. *Disconnecting Sovereignty: How Data Fragmentation Reshapes the Law*. Cham: Springer, 2024. 175 p.

CONFLICT ASPECTS OF SPATIAL JURISDICTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Filatov M.E.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the transformation of classical conflict-of-law connecting factors in the context of digitalization of cross-border relations. It is established that traditional criteria of territorial jurisdiction lose their certainty in the aterritorial digital environment, where objects of legal relations may exist simultaneously in multiple jurisdictions or have no localization in the traditional sense. The main conflict-of-law connecting factors are analyzed:

lex rei sitae, lex loci contractus, lex loci delicti commissi, and lex flagi. The limits of their application to relations arising on the Internet are identified. It is substantiated that spatial jurisdiction in the digital environment is not abolished but adapts through the formation of legal fictions that bind national segments of cyberspace to state territory, as well as through the transition from rigid territorial criteria to flexible evaluative categories such as close connection and substantial effects. An algorithm for resolving jurisdictional conflicts is proposed, based on a relational approach to determining the dominant element of a complex legal relationship.

Keywords: Spatial jurisdiction, conflict-of-law connecting factors, digital environment, territorial principle, lex rei sitae, lex loci contractus, lex loci delicti commissi, close connection, relational approach, extraterritoriality.

References

1. Madzhumayev M.M. Criminal-legal support for the security of state sovereignty in transboundary metaverses // *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*. 2026. № 1. Pp. 142–157.

2. Delimatsis P., Dimitropoulos G., Gourourinis A. Transcending Traditional Boundaries of Sovereignty and Territorial Jurisdiction // *Digitalisation, New Technologies and International Investment Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2026. Pp. 1–30.

3. Jain S., Sharma A. Adapting Private International Law to the Digital Age: Jurisdiction in Cross-Border Data Disputes // *Washington International Law Journal*. 2025. 5 Dec. URL: <https://wilj.org> (accessed: 20.07.2026).

4. De Miguel Asensio P. *Conflict of Laws and the Internet*. 2nd ed. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2024. 560 p.

5. Koshel A.S., Kuzminov Ya.I., Kruchinskaia E.V., Lesiv B.V. In Search of the Regulatory Optimum for Digital Platforms: A Comparative Analysis // *Legal Issues in the Digital Age*. 2025. Vol. 6. № 2. P. 4–49. DOI: 10.17323/2713-2749.2025.2.4.49.

6. Komarov A.A. Problems of Determining Territorial Jurisdiction on the Internet // *Information Law*. 2018. № 3. Pp. 28–34.

7. Kravchenko A.V. *Conflict of Laws Regulation of Relations on the Internet: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation*. Moscow, 2016. 26 p.

8. Transformation of Territorial Paradigm of Jurisdiction under Digitalization // *Legal Issues in the Digital Age*. 2026. Vol. 7. № 1. Pp. 4–28.

9. UNCITRAL. *Model Law on Electronic Transferable Records (MLETR)*. Vienna, 2017. 25 p.

10. Parashchuk S.A. Legal Regulation of Digital Platforms: Russian and Foreign Experience // *Law*. 2025. № 4. Pp. 78–93.

11. Lasch A. Jurisdictional Aspects of Regulating the Activities of Digital Platforms. *International and Comparative Law Perspective* // HSE University. 2022. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/645628674> (access date: 07.20.2026).

12. Mahmoud M.S. From Territoriality to Virtuality: Rethinking the Philosophy of Conflict-of-Laws Rules // *Journal of Anbar University for Law and Political Sciences*. 2025. Vol. 15. No. 2. P. 51–86.

13. Catanzariti M. *Disconnecting Sovereignty: How Data Fragmentation Reshapes the Law*. Cham: Springer, 2024. 175 p.

Соотношение категорий намерения и заинтересованности в использовании товарного знака в российском праве

Ющенко Анна Сергеевна,

соискатель на обучение по программе аспирантуры, кафедра интеллектуальных прав, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: extra.omnes@mail.ru.

Статья посвящена анализу планируемого введения декларации о намерении использовать товарный знак в состав заявки на регистрацию. На основе системного толкования статей 1484 и 1486 ГК РФ, положений Парижской конвенции, Соглашения ТРИПС и практики Суда по интеллектуальным правам обосновывается вывод о том, что обязанность использования товарного знака уже вытекает из действующего правового регулирования. Показано, что декларация о намерении использовать знак не создает самостоятельных правовых последствий и не обеспечивает эффективного противодействия недобросовестным регистрациям. Предлагаются возможные направления совершенствования законодательства, включая предварительное подтверждение намерения использовать товарный знак и расширение механизмов оспаривания регистраций, осуществленных без реальной коммерческой цели. Приводится анализ соотношения категорий «намерение использовать товарный знак» и «заинтересованность в использовании товарного знака» в российском праве товарных знаков.

Ключевые слова: товарный знак, намерение использовать товарный знак, заинтересованность в использовании товарного знака, регистрация товарного знака, неиспользование товарного знака, ст. 1486 ГК РФ, концепция «intent-to-use».

В целях противодействия регистрации товарных знаков без реального намерения их использования Правительством РФ предусмотрено включение с сентября 2026 года в форму заявки декларации заявителя о намерении использовать обозначение [1].

Предлагаемая Правительством РФ мера, представляется требующей дополнительной проработки и комбинирования с иными правовыми механизмами.

Во-первых, толкование действующего правового регулирования свидетельствует о том, что дополнение заявки на регистрацию товарного знака декларацией о намерении использовать товарный знак не обладает самостоятельным существенным правовым значением.

Лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак, принадлежит исключительное право использования товарного знака любым не противоречащим закону способом (п. 1 ст. 1484 ГК РФ).

При этом использование товарного знака является не только правом, но и обязанностью правообладателя, что следует из системного толкования норм ст. ст. 1484 и 1486 ГК РФ и судебной практики. В доктрине также отмечается, что правообладатель обязан использовать зарегистрированный товарный знак как условие сохранения права на него. Неисполнение указанной обязанности влечет санкцию в виде прекращения его правовой охраны.

В частности, основываясь на ст. 5(С)(1) Парижской конвенции и ст. 19 Соглашения ТРИПС, В.А. Корнеев указывает, что в Российской Федерации правообладатель обязан использовать зарегистрированный товарный знак для того, чтобы сохранять право на него [2].

Аналогичной позиции придерживается Л.А. Новоселова, указывая, что из норм международного и национального законодательства, а также их толкования вытекает обязанность правообладателя использовать товарный знак [3].

Таким образом, правообладатель обязан использовать зарегистрированный товарный знак, при этом правообладателю предоставляется трехлетний период для начала использования зарегистрированного товарного знака, в рамках которого его правовая охрана не может быть оспорена.

При описанных обстоятельствах возникает вопрос о том, какую функцию выполняет введение дополнительного подтверждения намерения использовать товарный знак. Представляется, что вводимая условность не дополняет, не заменяет и не изменяет действующее правовое регулирование, поскольку гражданское законодательство и так предполагает обязанность правообладателя использовать товарный знак после регистрации.

Регистрация товарного знака является результатом активных действий заявителя. Такие действия включают подготовку и подачу заявки, уплату государственных пошлин за проведение экспертизы, а также ведение переписки с Роспатентом. В связи с этим можно предположить, что уже на стадии подачи заявки заявитель осознает необходимость использования обозначения в случае предоставления ему правовой охраны.

В таком случае проставление отметки в соответствующем поле заявки на регистрацию товарного знака, фиксирующую намерение правообладателя использовать товарный знак, может выполнять функцию дополнительного информирования заявителей о наличии у них обязанности использовать товарный знак, но не порождать дополнительные, ранее неизвестные, правовые последствия.

Во-вторых, дополнение заявки на регистрацию товарного знака декларацией о намерении использовать товарный знак само по себе не достигает цели противодействия регистрации товарных знаков без намерения их использования.

В гражданском законодательстве отсутствуют правовые механизмы, позволяющие влиять на регистрацию товарного знака в отсутствие намерения использовать товарный знак в течение первых трех лет после регистрации.

Предусмотренные основания для признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительной не допускают случаи прекращения правовой охраны товарного знака, зарегистрированного в отсутствие реального намерения использования (ст. ст. 1512, 1514, 1486 ГК РФ).

В течение первых трех лет с даты регистрации единственное негативное последствие для правообладателя, зарегистрировавшего товарный знак при отсутствии реальной заинтересованности в использовании для целей индивидуализации товаров и услуг, выражается в невозможности защитить права. Если суд установит, что истец действует недобросовестно (например, исключительно с целью причинения вреда), в защите его интереса может быть отказано (Постановления Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22.11.2019 по делу № СИП-182/2019, от 12.11.2020 по делу № СИП-823/2019).

Между тем, риск взыскания компенсации правообладателем — не единственное негативное последствие для товарного рынка. Кроме прочего, при сохранении правовой охраны товарного знака на имя лица, не заинтересованного в его использовании, поскольку третьи лица лишаются возможности использовать и регистрировать тождественные или сходные обозначения как минимум в течение трех лет.

А.С. Ворожечник также отмечает, что правообладатели нередко регистрируют товарные знаки про запас, в связи с чем остаются все меньше свободных привлекательных обозначений, которые можно было бы использовать для индивидуализации товаров или услуг [4].

В указанной связи представляется целесообразным рассмотрение дополнительных вариантов совершенствования регулирования использования товарных знаков.

Одним из возможных направлений совершенствования законодательства может стать дополнение статьи 1512 ГК РФ основанием для признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным в случае отсутствия у заявителя первоначального намерения использовать обозначение для индивидуализации товаров или услуг.

Отмечается, что предлагаемый механизм отличается от порядка аннулирования товарного знака, предусмотренного в ст. 1486 ГК РФ. Норма статьи 1486 ГК РФ предусматривает порядок прекращения правовой охраны товарного знака на будущее, то есть с момента принятия решения о прекращении правовой охраны (при этом правообладатель потенциально может взыскать компенсацию за период до даты прекращения правовой охраны товарного знака). В отличие от механизма статьи 1486 ГК РФ, предусматривающей прекращение правовой охраны на будущее время, дополнение статьи 1512 ГК РФ новым основанием потенциально позволило бы признавать предоставление правовой охраны недействительным с момента регистрации товарного знака.

Альтернативный вариант, избегающий внесения изменений в ст. 1512 ГК РФ, заключается в распространении пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ (запрет на регистрацию товарных знаков, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали) на случаи регистрации товарных знаков при отсутствии реальных намерений их использования.

В качестве доказательств, подтверждающих отсутствие намерений использовать товарный знак, могут приводиться в том числе данные о других заявках на регистрацию товарных знаков, открытая информация о деятельности правообладателя и о его текущих активах, в совокупности с товарами и услугами, для которых зарегистрирован товарный знак, фактической возможностью их осуществления.

От правообладателя в свою очередь может потребоваться подтверждение наличия намерений использовать товарный знак.

Представляется, что предлагаемый правовой механизм может соотноситься с механизмом статьи 1486 ГК РФ следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Критерий	Ст. 1486 ГК РФ	Предлагаемый механизм прекращения правовой охраны
Момент прекращения правовой охраны	Дата вступления в законную силу решения суда	Дата регистрации
Возможность направления досудебного обращения / подачи иска	После трех с даты регистрации товарного знака	После более короткого срока с даты регистрации товарного знака (например, после 6 месяцев)
Предмет доказывания правообладателя	Фактическое использование товарного знака	Намерение использовать товарный знак (наличие оборудования, специалистов, подготовительные действия и так далее).
Государственный орган, рассматривающий споры	Суд по интеллектуальным правам	Предварительно — Коллегия Роспатент (в упрощенном порядке), далее — Суд по интеллектуальным правам.

В-третьих, в качестве возможного механизма, направленного на недопустимость предоставления и сохранения правовой охраны то-

варных знаков за лицами, не заинтересованными в их использовании, предлагается рассмотреть возможность введения требования о подтверждении намерения использовать товарный знак конкретными доказательствами на этапе перед фактической регистрацией товарного знака (присвоением номера в реестре и публикации соответствующих сведений).

В качестве примера реализации предлагаемого механизма возможно рассмотреть подход США к регистрации товарных знаков, выражающийся в виде превентивной меры для предотвращения недобросовестной конкуренции. На эффективность описанного подхода в части противодействия патентным троллям и их деятельности по массовой подаче заявок ранее также указывали А.Ю. Шлапунов и В.Ю. Мачнева [5].

В соответствии с законом США, предусмотрены несколько оснований для подачи заявки на регистрацию товарного знака:

1. на основании фактического использования знака в commerce (Trademark Act Section 1(a));
2. на основании bona fide intent to use (Trademark Act Section 1(b));
3. на основании иностранной регистрации (Trademark Act Section 44(e));
4. на основании иностранной заявки с испрашиванием приоритета (Trademark Act Section 44(d)); и
5. в порядке расширения охраны международной регистрации на территорию США (Trademark Act Section 66(a))

Для целей настоящего исследования наиболее значимыми являются первое и второе основания. В первом случае уже при подаче заявки направляется документ, подтверждающий использование товарного знака. Во втором случае подтверждение использования представляется позднее, после завершения основной процедуры экспертизы. Тем не менее, описанный подход демонстрирует, что американское право строится на использовании товарного знака на рынке, а не на его резервировании.

Перечень допустимых доказательств формируется патентным ведомством США и имеет прикладной характер: для товаров это, как правило, фото товара, ярлыки, бирки, упаковка и онлайн-витрины с функцией заказа, а для услуг — рекламные материалы, брошюры, веб-страницы, вывески и иные материалы, демонстрирующие прямую связь знака с оказанием услуги; для программного обеспечения как товара дополнительно допускаются скриншоты интерфейса запуска либо страницы загрузки [6].

При этом сохранение правовой охраны в американской системе также тесно связано с подтверждением использования знака. Независимо от основания подачи заявки, патентное ведомство США требует предоставления подтверждения использования, включая Декларацию об использовании между пятым и шестым годом после регистрации и далее при продлении регистрации каждые десять лет. Таким образом, использование или по крайней мере его документальное подтверждение необходимо не только для получения регистрации товарного знака, но и для поддержания актуальности реестра.

Предлагаемая концепция совпадает также с подходом ведомства Китайской Народной Республики к регистрации товарных знаков. Статья 4 Закона КНР закрепляет принцип добросовестной регистрации, требующий действительного намерения использования товарного знака в коммерческом обороте [7]. Как отмечает О.И. Терещенко, заявки, подаваемые в отсутствие такой цели, подлежат отклонению [8].

Дополнительно возникает вопрос о том, является ли правовое значение термина «намерение использовать товарный знак» равнозначным термину «заинтересованность в использовании товарного знака», используемого по тексту статьи 1486 ГК РФ. Ответ на вопрос влияет на то, применимы ли к лицу, подтверждающему намерение использовать товарный знак при подаче заявки на регистрацию товарного знака, требования и ожидания, применимые к лицу, подтверждающему заинтересованность в использовании товарного знака в рамках процедуры досрочного прекращения правовой охраны товарного знака по смыслу ст. 1486 ГК РФ.

Категории «намерение использовать товарный знак» и «заинтересованность в использовании товарного знака» не являются тождественными. Намерение использовать товарный знак предполагает выражение заявителем готовности осуществлять использование обозначения в случае предоставления ему правовой охраны, тогда как заинтересованность в использовании товарного знака в смысле ст. 1486 ГК РФ носит производный и более условный характер, поскольку выражается в наличии у лица правомерного интереса к использованию спорного обозначения при прекращении правовой охраны товарного знака либо при создании иных юридических предпосылок для его использования.

В то же время с точки зрения оценки доказательств, подтверждающих намерение использовать товарные знаки и заинтересованность в использовании товарных знаков, они могут быть сходными. Сформированные подходы Суда по интеллектуальным правам относительно оценки доказательств, подтверждающих заинтересованность в использовании товарного знака по смыслу ст. 1486 ГК РФ, могут использоваться экспертизой Роспатента на этапе оценки поданной заявителем декларации о намерении и готовности использовать товарный знак. Формирование перечня допустимых доказательств на основе многолетней судебной практики по ст. 1486 ГК РФ способствовало бы унификации экспертной оценки представляемых документов, повышению правовой определенности в вопросах регистрации товарных знаков, а также более эффективному противодействию регистрации обозначений лицами, не обладающими реальной заинтересованностью в их использовании.

Таким образом, предлагаемое регулирование в виде декларации о намерении использовать товарный знак в рамках заявки на регистрацию товарного знака предлагается рассматривать лишь как вспомогательный механизм. Для эффективного противодействия регистрации знаков без реального коммерческого назначения необходимы дополнительные инструменты, позволяющие либо оспаривать такую регистрацию, либо проверять добросовестность заявителя до внесения записи в реестр.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2025 № 3523-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по достижению ключевых показателей эффективности реализации национальной модели целевых условий ведения бизнеса до 2030 года по направлению инновации и патенты» // СЗ РФ. 2025.
2. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: в 2 т. (постатейный): т. 2 / отв. ред. Е.А. Павлова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2025. С. 758.
3. Путеводитель по судебной практике. Патентование и оборот лекарственных средств в Российской Федерации: сборник / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: РФ-Пресс, 2023.
4. Ворожевич А.С. Некоторые аспекты досрочного прекращения правовой охраны товарного знака // ИС. Промышленная собственность. 2026. № 1.
5. Шлапунов А. Ю., Мачнева В.Ю. Патентный троллинг в области товарных знаков как вызов законодательству по интеллектуальной собственности // Вестник ФИПС. 2025. № 1.
6. Specimens // United States Patent and Trademark Office: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uspto.gov/trademarks/laws/specimen-refusal-and-how-overcome-refusal> (дата обращения: 03.08.2026).
7. Закон КНР «О товарных знаках» [Электронный ресурс] // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23875> (дата обращения: 03.08.2026).

8. Терещенко О.И. Регистрация товарных знаков в Китайской Народной Республике: особенности процедуры // Вестник ФИПС. 2025. № 2.

CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF INTENT TO USE AND LEGITIMATE INTEREST IN TRADEMARK USE UNDER RUSSIAN LAW

Yushchenko A.S.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article analyzes the proposed introduction of a declaration of intent to use a trademark as part of a trademark application. Based on a systemic interpretation of Articles 1484 and 1486 of the Civil Code of the Russian Federation, the provisions of the Paris Convention, the TRIPS Agreement, and the case law of the Intellectual Property Court, the author substantiates the conclusion that the obligation to use a trademark already follows from the existing legal framework. The article demonstrates that a declaration of intent to use a trademark does not create independent legal consequences and does not provide an effective mechanism for preventing bad-faith trademark registrations. Possible directions for improving the legislation are proposed, including preliminary confirmation of the applicant's intent to use the trademark and the expansion of mechanisms for challenging registrations made without a genuine commercial purpose. The article also examines the correlation between the concepts of intent to use a trademark and legitimate interest in trademark use within the Russian trademark law framework.

Keywords: trademark, intent to use a trademark, legitimate interest in trademark use, trademark registration, non-use of a trademark, Article 1486 of the Civil Code of the Russian Federation, intent-to-use concept.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation № 3523-r of November 29, 2025, «On Approval of the Action Plan (Road Map) for Achieving the Key Performance Indicators of the Implementation of the National Model of Target Business Environment Conditions up to 2030 in the Area of Innovation and Patents» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025.uspto
2. Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: in 2 vols. (article-by-article), vol. 2 / ed. by E.A. Pavlova. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Statut, 2025. P. 758.delpof
3. Guide to Case Law. Patenting and Circulation of Medicines in the Russian Federation: collection / gen. ed. by L.A. Novoselova. Moscow: RG-Press, 2023.national-expertise
4. Vorozhevich, A.S. Some Aspects of the Early Termination of Trademark Legal Protection // Intellectual Property. Industrial Property. 2026. № 1.cossa
5. Shlapunov, A. Yu., Machneva, V. Yu. Patent Trolling in the Field of Trademarks as a Challenge to Intellectual Property Legislation // Bulletin of FIPS. 2025. № 1.biz360
6. Specimens // United States Patent and Trademark Office: [electronic resource]. URL: <https://www.uspto.gov/trademarks/laws/specimen-refusal-and-how-overcome-refusal> (accessed: 03.08.2026).marqatm
7. Trademark Law of the People's Republic of China [electronic resource] // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23875> (accessed: 03.08.2026).klerk
8. Tereshchenko, O.I. Registration of Trademarks in the People's Republic of China: Procedural Specifics // Bulletin of FIPS. 2025. № 2.

К вопросу о мотивации в механизме совершения преступлений, нарушающих права на результаты интеллектуальной деятельности

Алексеев Юрий Александрович,

соискатель Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)

E-mail: AlekseevYuriy1@yandex.ru

В статье рассматривается актуальная для криминологии и уголовного права проблема, связанная с раскрытием особенностей формирования, содержания и реализации мотивации в механизме совершения преступных нарушений прав на результаты интеллектуальной деятельности. Исследование соответствующих вопросов способствует более полному и глубокому уяснению социально-правовой сущности данных преступлений, специфики их детерминации и личности преступников, посягающих на такие права, что в свою очередь может быть положено в основу совершенствования системы мер предупреждения уголовно наказуемых деяний против интеллектуальной собственности. Целью настоящего исследования является получение нового знания об особенностях мотивации в структуре механизма совершения преступлений, нарушающих права на результаты интеллектуальной деятельности. Для достижения этой цели и решения связанных с ней задач автор, используя всеобщий диалектический метод, а также общенаучные и частнонаучные методы, свойственные криминологическим и уголовно-правовым исследованиям, проанализировал действующее законодательство, актуальную научную литературу и правоприменительную практику в области противодействия данным преступлениям и сформулировал выводы относительно развития соответствующих положений права, доктрины и практической деятельности.

Ключевые слова: механизм совершения преступления, мотивация, нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности, предупреждение преступлений.

Криминологическая характеристика преступности и входящих в ее структуру преступлений включает определенные элементы и признаки, позволяющие раскрыть те стороны и особенности соответствующих негативных социально-правовых явлений, которые имеют значение для предупреждения криминалитета и его отдельных проявлений, а также для недопущения наступления или минимизации наступающих в результате их совершения вредных социальных последствий.

Одним из основных и наиболее сложных элементов криминологической характеристики преступности, равно как и отдельных групп и видов преступлений, является присущий им механизм совершения [1, с. 52–59; 2, с. 80–82].

Механизм совершения преступления, обозначаемый еще и как механизм преступного поведения, рассматривается в криминологии как открытая система, в основе которой лежит взаимодействие человека с окружающей средой. При этом система, образующая механизм преступного поведения, включает присущие ей элементы, в качестве которых выступают условия нравственного формирования личности, мотивация, конкретная жизненная ситуация, решение о совершении уголовно наказуемого деяния и процесс его непосредственного осуществления как конкретный поведенческий акт человека [3, с. 126–132].

В настоящей работе мы рассматриваем особенности мотивации во взаимосвязи с другими элементами механизма преступного поведения, которые анализируются применительно к преступлениям, нарушающим права на результаты интеллектуальной деятельности. К этим преступлениям относятся деяния, наказуемые по статьям 146, 147, 180 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), состоящие в нарушениях авторских, смежных, изобретательских или патентных прав, а равно прав на средства индивидуализации товаров, работ, услуг, образующих права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность).

В механизме совершения преступления, как и в любом другом акте поведения человека, можно выделить внешнюю (объективную) и внутреннюю (субъективную) стороны (части), что корреспондирует с уголовно-правовым понятием состава преступления, в котором все элементы и признаки также делят на объективные и субъективные. Мотивация относится именно к внутренней (субъективной) части механизма преступного поведения, которая неразрывно связана с другими его элементами, находясь с ними в непрерывном взаимодействии, результатом которого становится совершение определенного уголовно наказуемого деяния.

Мотивация является той внутренней движущей силой, которая побуждает человека к тому или иному поведению, создает для этого необходимый импульс, приводящий в движение все другие элементы в механизме преступного поведения, направляя сознание и волю человека на формирование условий для осуществления уголовно наказуемого деяния, в том числе на подыскание необходимых средств и соучастников, а также на его непосредственное совершение и последующие действия по сокрытию материальных и идеальных следов, использованию полученных преступных результатов, например, по легализации доходов, полученных от реализации контрафактной продукции и (или) незаконного использования чужого товарного знака.

А.Н. Игнатов подчеркивает сложную природу мотивации, побуждающей человека к преступному деянию, поскольку она опосредуется совокупностью сочетающихся биосоциальных факторов и одновременно представляет собой определенный процесс, в рамках которого «приводится в действие», проявляется внутренняя (субъективная) готовность лица осуществить уголовно наказуемое деяние в условиях конкретной жизненной ситуации [4, с. 63–73]. В этой готовности находит свое проявление психологическая склонность человека к нарушениям норм уголовного законодательства, при этом психика данного лица может сочетать в себе два или даже большее количество мотивов, среди которых, как правило, один является ведущим побуждением к преступлению.

Например, лицо, присваивающее авторство в отношении того или иного произведения, может руководствоваться несколькими мотивами, включая корысть, честолюбие, стремление к карьерному росту, а равно личную неприязнь к фактическому автору научной, литературной или иной творческой работы. В данной совокупности весьма труд-

но выделить преобладающее, наиболее сильное побуждение, в том числе само виновное лицо далеко не всегда может с уверенностью обозначить один, ведущий мотив. Более того, именно вследствие сочетания и взаимодействия двух или более побуждений может сформироваться общая мотивация, на основе которой лицо будет готово нарушить уголовный закон, совершив преступное деяние.

В.А. Плешаков отмечает, что криминальная мотивация определяется взаимодействием личности с определенной жизненной ситуацией, в связи с которой и в рамках ее условий лицо принимает решение совершить преступное деяние [5, с. 100–101]. Конкретная жизненная ситуация может иметь простой или сложный, комплексный характер, касаться исключительно определенного лица (определенной группы лиц) или общества в целом, быть краткосрочной, среднесрочной или долговременной.

Так, после распада СССР на постсоветское пространство хлынул поток контрафактной продукции, рынок наводнили товары с незаконно нанесенными на них обозначениями различных известных брендов. Сложная экономическая ситуация, присущая этапу зарождения и генезиса рыночных отношений, наряду с недостаточно развитой правовой базой в области интеллектуальной собственности и пассивной позицией правоохранительных органов, равно как и общества в целом, по меньшей мере снисходительно относившихся к нарушениям в области авторского, смежных, изобретательских и патентных прав, повлияли на формирование и укоренение социально-психологических условий для продолжения совершения и положительной динамики соответствующих нарушений, соседствующих с присущей им повышенной латентностью.

Отметим, что на практике не все мотивы, фактически присутствующие в психике виновного лица, являются очевидными, в том числе по причине усилий по сокрытию своих истинных побуждений, в частности, за счет оправдания своего поведения благими намерениями либо определенными внешними обстоятельствами, обусловившими нарушение соответствующих прав. Так, в последние годы в связи с недружественными политикой и действиями ряда стран и межгосударственных объединений в отношении Российской Федерации, российских организаций и граждан, в том числе направленными на воспрепятствование предпринимательской и иной экономической деятельности последних, Президентом России [6, 7] и Правительством РФ [8] принят ряд мер, направленных на стабилизацию экономики и обеспечение ее устойчивости по отношению к зарубежным и международным санкциям. При этом отдельные лица, привлекаемые к уголовной ответственности за посягательства на интеллектуальную собственность зарубежных правообладателей, пытаются ссылаться на данную ситуацию в оправдание своих незаконных действий, в том числе по причине якобы отсутствия у них соответствующей криминальной мотивации, что суды, как правило, оценивают критически.

Например, вывод о наличии в действиях Ф.А. признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК РФ, суд кассационной инстанции сделал на основании установленных по делу обстоятельств, подтверждающих умышленный характер совершенных им приобретения, перевозки и хранения с намерением реализации контрафактных товаров, имеющих маркировку чужими товарными знаками. Данные товары Ф.А. предлагал к продаже и реализовывал в ходе предпринимательской деятельности непосредственно в принадлежащем ему магазине, при этом компании, владеющие соответствующими товарными знаками, не передавали этому лицу права на использование последних. Незаконные действия Ф.А. нанесли компаниям-правообладателям крупный ущерб, состоящий в упущенной выгоде. Суд не усмотрел оснований для применения в отношении Ф.А. положений нормативных актов Президента России и Правительства РФ, связанных с экономическими мерами, обусловленными недружественными действиями отдельных стран, на которые опирались доводы кассационной жалобы. Это решение суд обосновал тем, что Ф.А. не относился к субъектам внешнеэкономической деятельности, не заключал договоры с компаниями-правообладателями соответствующих товарных знаков, и совершил свои преступные действия еще до принятия указанных нормативных актов [9].

Следует также учитывать, что субъективная часть механизма совершения конкретных преступлений на практике преимущественно исследуется в определенных рамках, ограниченных выяснением наличия вины, ее формы (умысла или неосторожности), а также тех мотивов и (или) целей, которые имеют уголовно-правовое значение, будучи признаком того или иного уголовно наказуемого деяния, либо являясь смягчающим или отягчающим наказание обстоятельством. Тем самым мотивация виновных лиц остается исследованной лишь поверхностно, не позволяя выяснить предпосылки ее формирования, а также особенности содержания и реализации в конкретных преступных действиях.

В связи с тем, что в статьях 146, 147, 180 УК РФ какие-либо мотивы или цели не указаны, выяснение и доказывание данных субъективных признаков в практической деятельности органов предварительного расследования и судов ограничивается установлением обстоятельств, подтверждающих умышленный характер инкриминируемых деяний.

В результате анализа материалов 126 уголовных дел и опубликованной судебной практики по уголовным делам о таких преступлениях мы пришли к выводу о том, что типичным мотивом совершения уголовно наказуемых посягательств на интеллектуальную собственность является корысть. Установление данного мотива на практике подтверждает не только умышленную форму вины, но и наличие единого умысла при совершении нескольких нарушений прав на результаты интеллектуальной деятельности, объединяющих таковые в одно продолжаемое преступление. Также эта мотивация может находить свое отражение во взаимосвязанных преступлениях, например, в хищениях в форме мошенничества.

Для понимания специфики мотивации в механизме совершения преступлений, нарушающих права на результаты интеллектуальной деятельности, необходимо, на наш взгляд, учитывать особенности типологии личности субъектов данных преступлений. Изучение материалов уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 146, 147, 180 УК РФ, позволило установить, что большинство лиц, осужденных за эти деяния, можно отнести к злостному, в том числе профессиональному типу либо к ситуативному типу преступников. Первые из них характеризуются устойчивой криминальной мотивацией, основанной на корыстных побуждениях, а именно на стремлении незаконно извлекать прибыль посредством сбыта контрафактной продукции, противоправного использования чужих товарных знаков и иных средств индивидуализации товаров, работ или услуг.

Корысть в сочетании с осознанием особенностей получения нелегального дохода от действий, связанных с нарушениями прав на результаты интеллектуальной деятельности, предполагающих их систематическое, продолжаемое осуществление, указывают на устойчивую мотивацию лиц, приступающих к этой деятельности, в особенности организующих таковую и (или) руководящих ею. Для них эта деятельность является разновидностью криминального промысла, причем нередко единственным или основным источником дохода, в данном случае получаемым в результате длительного по времени и продолжаемого с точки зрения единства умысла преступного поведения. Следует учитывать, что такая деятельность, как правило, требует определенного материально-технического обеспечения, в том числе приобретения и хранения различного рода предметов, например, материалов и технических средств для пошива одежды с нелегальным использованием чужих товарных знаков, подыскания и найма лиц, изготавливающих, перевозящих или реализующих контрафактные товары и т.п.

Лица, организующие рассматриваемые преступления, в том числе руководящие их совершением, как правило, рассматривают нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности как неизбежный, но тем не менее, побочный результат их криминального промысла, главной целью которого является получение максимально возможной нелегальной прибыли при минимальных вложениях в этот преступный бизнес. Внешне эта деятельность схожа с предпринимательством, но не является таковым вследствие осуществления в нелегальном поле.

Отметим, что данные организаторы (руководители) сами нередко участвуют в непосредственном совершении действий, входящих в объективную сторону рассматриваемых преступлений, что также обусловлено корыстной мотивацией в части экономии средств на оплату «услуг» исполнителей таких действий, а также сохранения «конспиративности» данной криминальной деятельности для её систематического (непрерывного) осуществления в дальнейшем.

Иные лица, участвующие в рассматриваемой преступной деятельности, преимущественно относятся к ситуативному типу, для которого нарушения уголовного закона являются внутренне допустимым способом получения дохода, если тому благоприятствуют складывающиеся условия. При этом они могут участвовать в такой деятельности не только разово, но и неоднократно, в том числе в течение продолжительного времени, если в той жизненной ситуации, в которой они находятся, как им представляется, не предполагается иных реальных возможностей получения дохода, во всяком случае, сопоставимого с тем, что приносит им данная противоправная активность. То есть в основе их преступного поведения также преимущественно лежит корысть, характеризующаяся, в частности, нежеланием оплачивать легальное использование объектов авторского права или смежных прав [10].

Среди осужденных за рассматриваемые уголовно наказуемые деяния отдельные лица могут быть отнесены к случайному типу преступников, отличающемуся отсутствием как устойчивой, так и ситуативной

корыстной или иной криминальной мотивации. Они совершают данные преступления в силу сложившихся в конкретном случае благоприятных условий, в том числе под воздействием вовлекающих их лиц, из интереса к нарушению соответствующих запретов, например, при подражании поступкам других людей, демонстрирующих кажущиеся простоту и безнаказанность нарушений авторских, смежных или иных прав в области интеллектуальной собственности. Одновременно необходимо понимать, что люди, относящиеся к этому типу, особенно несовершеннолетнего и молодого возраста, за короткое время могут приобрести черты следующих, более опасных типов личности преступников, в том числе устойчивую мотивацию к достижению личных, корыстных целей практически любыми средствами, в том числе путем нарушения уголовно-правовых запретов, охраняющих интеллектуальную собственность.

Завершая настоящее исследование, полагаем возможным отметить, что мотивация является узловым элементом в механизме преступного поведения, нарушающего права на результаты интеллектуальной деятельности. Основу такой мотивации составляет корысть, стимулирующая организаторов и иных соучастников данных преступлений к продолжению криминальной деятельности, предупреждение которой должно быть направлено на формирование условий, препятствующих получению соответствующих криминальных доходов в размерах, делающих этот криминальный бизнес выгодным, а также на недопущение длительного и организованного осуществления данного промысла. Не менее важны меры, направленные на правовое просвещение, формирование уважительного отношения к правам авторов и иных правообладателей в сфере интеллектуальной собственности, а также на создание благоприятных ценовых, организационных, технических и иных условий, стимулирующих к выбору правомерных способов и средств использования объектов авторского и смежных прав, средств индивидуализации товаров, работ или услуг, в первую очередь в предпринимательской и иной экономической деятельности.

Литература

1. Кургузкина Е.Б. К вопросу о криминологической характеристике преступности // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 52–59
2. Мусейбов А.Г. Частные методики предупреждения преступлений: (Вопросы теории): монография. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2003. – 116 с.
3. Игнатов А.Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 126–132.
4. Игнатов А.Н. О биосоциальной природе преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право. 2016. № 1. С. 63–73.
5. Плешаков В.А. Введение в криминологическую теорию ситуаций или ситуационную криминологию // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. С. 100–106.
6. Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций», // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> – 09.06.2026
7. Указ Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 95 (ред. от 01.06.2026) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> – 01.06.2026.

8. Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> – 31.10.2022.

9. Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2026 г. № 77–278/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 июня 2026 г. № 77–1328/2026 (УИД 86MS0069–01–2024–011755–66) // СПС «КонсультантПлюс».

ON THE ISSUE OF MOTIVATION IN THE MECHANISM OF COMMITTING CRIMES THAT VIOLATE INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Alekseev Yu.A.

All-Russian State University of Justice

The article deals with an urgent problem for criminology and criminal law related to the disclosure of the specifics of the formation, content and implementation of motivation in the mechanism of criminal violations of intellectual property rights. The study of relevant issues contributes to a more complete and in-depth understanding of the socio-legal essence of these crimes, the specifics of their determination and the identity of criminals who infringe on such rights, which in turn can be the basis for improving the system of measures to prevent criminally punishable acts against intellectual property. The purpose of this study is to gain new knowledge about the specifics of motivation in the structure of the mechanism of committing crimes that violate intellectual property rights. To achieve this goal and solve related tasks, the author, using the universal dialectical method, as well as general scientific and private scientific methods peculiar to criminological and criminal law research, analyzed the current legislation, relevant scientific literature and law enforcement practice in the field of countering these crimes and formulated conclusions regarding the development of relevant legal provisions, doctrine and practical activities.

Keywords: the mechanism of committing a crime, motivation, violations of intellectual property rights, crime prevention.

References

1. Kurguzkina E.B. On the Criminological Characteristics of Crime // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 2. pp. 52–59
2. Museibov A.G. Specific Crime Prevention Methods: (Theoretical Issues): Monograph. – Voronezh: Central-Chernozem. Book Publishing House, 2003. – 116 p.
3. Ignatov A.N. On the Categories of “Mechanism of Criminal Behavior”, “Mechanism of Crime”, and “Mechanism of Crime Commission” // Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences. 2017. No. 6–7. pp. 126–132.
4. Ignatov A.N. On the Biosocial Nature of Crime // Bulletin of St. Petersburg University. Series 14. Law. 2016. No. 1. P. 63–73.
5. Pleshakov V.A. Introduction to the Criminological Theory of Situations or Situational Criminology // Man: Crime and Punishment. 2012. No. 1. P. 100–106.
6. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2022 No. 79 (as amended on June 9, 2022, as amended on May 20, 2024) “On the Application of Special Economic Measures in Connection with the Unfriendly Actions of the United States of America and Foreign States and International Organizations That Have Joined Them” // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> – June 9, 2026
7. Decree of the President of the Russian Federation of March 5, 2022 No. 95 (as amended on June 1, 2026) “On the Temporary Procedure for the Fulfillment of Obligations to Certain Foreign Creditors” // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> – June 1, 2026.
8. Order of the Government of the Russian Federation of March 5, 2022 No. 430-r (as amended on October 29, 2022) “On Approval of the List of Foreign States and Territories Committing Unfriendly Acts against the Russian Federation, Russian Legal Entities and Individuals” // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> – October 31, 2022.
9. Cassation Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of January 28, 2026 No. 77–278/2026 // SPS “ConsultantPlus”.
10. Cassation ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated June 3, 2026 No. 77–1328/2026 (UID 86MS0069–01–2024–011755–66) // SPS “ConsultantPlus”.

Босых Андрей Игоревич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Кубанского государственного университета
E-mail: A.bosyh@inbox.ru

Дьяченко Елена Митрофановна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Кубанского государственного университета
E-mail: Demit88@mail.ru

Предметом исследования выступает оговорка о публичном порядке – правовая конструкция, служащая поводом как для отмены арбитражного решения, так и для отказа в его признании и принудительном исполнении. Нарушением публичного порядка предлагается считать создание угрозы фундаментальным началам отечественного права: государственному суверенитету и безопасности, устоям экономического уклада и нравственности, а равно посягательство на основные права человека.

В работе сопоставляются доктринальные модели понимания публичного порядка, обобщается практика обращения судов к данному основанию, формулируются ориентиры, позволяющие установить противоречие решения третейского суда публичному порядку.

Опираясь на нормативный материал, правовые позиции Верховного Суда РФ и акты арбитражных судов округов, а также на научные суждения В.Н. Анурова, П.А. Ильичева, И.В. Гинзбурга, Е.В. Михайловой, О.Ю. Скворцова, И.С. Шиткиной, авторы обращаются к вопросам о содержательном наполнении категории публичного порядка, о признаках его нарушения и о границах судебного контроля; раскрываются теоретические подходы к определению названного понятия, анализируется соответствующая судебная практика, приводятся мнения ведущих правоведов. Акцент сделан на критериях оценки нарушения публичного порядка и на прикладных аспектах использования этого основания при оспаривании арбитражных решений.

Обосновывается вывод о том, что ради сохранения автономии арбитража и устойчивости гражданского оборота категория публичного порядка нуждается в узком, исключительном по характеру толковании.

Ключевые слова: третейский суд, арбитражное решение, публичный порядок, отмена решения, судебная практика.

Введение

Арбитраж (третейское разбирательство) традиционно воспринимается как альтернатива государственному правосудию, опорой которой служат автономия воли участников оборота и свобода договора. Полностью вывести частный юрисдикционный механизм из сферы государственного надзора законодатель, однако, не готов: контроль сохраняется в форме производств об отмене арбитражного решения и о признании и приведении его в исполнение. Из всех закрепленных законом поводов к такому вмешательству наиболее спорным остается противоречие решения публичному порядку.

Востребованность темы предопределена увеличением количества дел, в которых арбитражные решения подвергаются оспариванию. Оговорка о публичном порядке выполняет роль своеобразного «защитного барьера», не пропускающего подобные решения третейских судов к признанию и исполнению. В повседневной деятельности государственных судов она нередко используется как «инструмент последнего шанса» – при разрешении заявлений об отмене решений и о выдаче исполнительных листов на их принудительное исполнение. Задача настоящей работы состоит в том, чтобы систематизировать доктринальные представления и сложившуюся практику применения данного основания.

Понятие публичного порядка в контексте арбитражного права

Публичный порядок применительно к арбитражу принадлежит к числу наиболее трудно формализуемых правовых конструкций, полемика вокруг которых в научной литературе не утихает. В.Н. Ануров обоснованно предлагает понимать под ним систему основополагающих начал правовой системы государства, отступление от которых недопустимо и в рамках частного арбитража [1].

П.А. Ильичев и А.А. Кукуев усматривают серьезный дефект отечественного правоприменения в том, что отдельные суды истолковывают категорию «публичный порядок» расширительно; это препятствует утверждению проарбитражного подхода в деятельности как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов. Указанные авторы разделяют позицию, согласно которой нарушением публичного порядка надлежит признавать прежде всего отступление от принципов арбитража, зафиксированных Федеральным законом от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», – независимости и беспристрастности арбитров, диспозитивности, состязательности и равного отношения к сторонам [2].

Близкие по смыслу суждения высказывает Е.В. Михайлова, подчеркивающая необходимость ограничивать действительное посягательство на публичный порядок от обыкновенного несогласия проигравшей стороны с выводами арбитров. Вместе с тем исследователь признает: сама природа правосудия не позволяет государственному суду наделять исполнительной силой такое решение третейского суда, выводы которого по существу спора расходятся с действующим российским законодательством [3].

И.В. Гинзбург обращает внимание на то, что содержание рассматриваемой категории действующим регулированием не раскрывается, а потому простор для ее широкой правоприменительной интерпретации сохраняется. Ученый напоминает: до 2016 г. процессуальное законодательство связывало и отмену решения третейского суда, и отказ в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение с иным, семантически более определенным основанием – нарушением основополагающих принципов российского права [4].

Еще более критичен О.Ю. Скворцов. По его наблюдению, объем судебного усмотрения при обращении к категории публичного порядка настолько значителен, что способен создать впечатление произвола, которым наделяет правоприменитель: формальных ограничителей при толковании этого понятия государственный суд перед собой не встречает. Поскольку же констатация нарушения требует погружения в существо спора, суд без труда переходит к исследованию фактических обстоятельств и их оценке, а заодно и к проверке того, верно ли арбитры применили нормы права [5].

Публичный порядок (*ordre public*, *public policy*) относится к числу оценочных правовых категорий, наполнение которых задается кон-

кретным правопорядком. Доктрине известно несколько моделей его понимания.

Позитивная модель сводит публичный порядок к императивным предписаниям законодательства: при таком взгляде отступление от любой императивной нормы образует достаточный повод для отмены решения третейского суда.

Негативная модель, напротив, видит в публичном порядке совокупность базовых правовых начал, нарушать которые в данной системе права недопустимо. Здесь нарушением признается не всякое отступление от императива, а лишь то, которое затрагивает фундамент правопорядка.

Современная практика тяготеет ко второй модели: именно она позволяет удерживать равновесие между уважением к третейскому разбирательству и охраной основополагающих начал национального права.

Легальной дефиниции публичного порядка (*ordre public*) отечественное право не содержит, чем и питаются доктринальные споры. В арбитражном контексте он раскрывается как система фундаментальных принципов правопорядка Российской Федерации, охватывающая основы конституционного строя, императивные нормы отраслевого законодательства и общественные нравственные ценности. Еще Высший Арбитражный Суд РФ (полномочия которого перешли к ВС РФ) в обзорах практики подчеркивал: нарушение публичного порядка – это не *mere error in iudicando* (ошибка в применении права), а принципиальное расхождение резолютивной части решения с основами правопорядка.

Содержательные ориентиры данной категории были даны Верховным Судом РФ в 2019 г.: под публичным порядком понимаются «фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации» [6].

В качестве иллюстраций нарушения публичного порядка обычно приводят взыскание неустойки вопреки установленному в банкротстве мораторию, квалификацию договора как фиктивной сделки, направленной на обход императивных предписаний, а также разрешение споров из обязательств, исполняемых за счет бюджетного финансирования и связанных с достижением публично значимых целей.

Материальный и процессуальный публичный порядок

Теория и практика разграничивают два его среза. Материальный (субстантивный) публичный порядок соотносится с содержательной стороной решения третейского суда и объединяет основополагающие начала материального права (в частности, недопустимость легитимации сделок, противоречащих антимонопольному законодательству, а также основы конституционного строя).

О нарушении материального публичного порядка можно говорить, когда недействительная сделка вопреки императивным нормам признается действительной, когда взыскиваются неустойка или проценты в размере, явно не совместимом с началами разумности, когда решение затрагивает права третьих лиц, когда игнорируются антимонопольные запреты, и в иных подобных ситуациях.

Процессуальный публичный порядок относится к соблюдению фундаментальных начал разбирательства – права на справедливое рассмотрение дела, равноправия сторон, состязательности, беспристрастности арбитров.

К процессуальным нарушениям, образующим нарушение публичного порядка, принято относить, например, лишение стороны возможности изложить свою позицию, отступление от принципа равноправия участников, пристрастность состава арбитража, неарбитрабельность спора, существенные дефекты арбитражной процедуры.

Практическая ценность приведенного деления состоит в том, что критерии оценки нарушения материального и процессуального публичного порядка не совпадают.

Нормативно-правовое регулирование нарушения публичного порядка как основания отмены

Перечень оснований отмены решений третейских судов унифицирован процессуальными кодексами. В силу п. 2 ч. 4 ст. 233 АПК РФ (применительно к экономическим спорам) решение подлежит отмене, если оно «противоречит публичному порядку Российской Федерации». Тожественное правило для споров, вытекающих из гражданских правоотношений, закреплено п. 2 ч. 4 ст. 421 ГПК РФ. Допускается и частичная отмена – при условии, что противоречащая публичному порядку часть решения отделима от остальных.

Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» № 382-ФЗ определяет процедурную сторону арбитража (ст. 40 – порядок оспаривания, ст. 41 – приведение в исполнение), однако в части оснований отсылает к процессуальным кодексам. Заявление подается в трехмесячный срок (ст. 40) и разрешается по правилам искового производства. Вывод о нарушении публичного порядка суд обязан мотивировать предметно, не ограничиваясь общими формулировками.

Ключевая проблема состоит в опасности расширительного толкования судами данного понятия. Избыточно широкое обращение к рассматриваемому основанию обесценивает институт третейского разбирательства и порождает правовую неопределенность.

Международный опыт исходит из рестриктивного (ограничительного) применения оговорки о публичном порядке: отказ в признании решения либо его отмена по этому мотиву должны оставаться исключением, а не правилом.

Не менее значима задача отграничения проверки решения на совместимость с публичным порядком от проверки его законности по существу. Оговорка о публичном порядке не должна превращаться в средство ревизии выводов арбитров или исправления допущенных ими ошибок в применении права.

Тенденции развития правоприменительной практики

Среди современных векторов развития института следует назвать сужение сферы его применения: мировая практика последовательно движется к более сдержанному использованию данного основания.

Изучение отечественной практики по делам о выдаче исполнительных листов на решения третейских судов и об отмене таких решений позволяет выявить ряд закономерностей.

Ссылка на нарушение публичного порядка все чаще звучит в спорах, возникающих из обязательств по контрактам, которые заключены по итогам закупочных процедур компаниями с государственным участием на основании Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Хотя запрета на передачу подобных споров в коммерческий арбитраж (третейский суд) закон не устанавливает, суды все чаще отказывают в выдаче исполнительного листа, мотивируя это тем, что спор вытекает из гражданско-правовых отношений, «осложненных публичным элементом» [7], и что при наличии «концентрации общественно значимых публичных элементов» [8] его разрешение в частном порядке третейскими судами недопустимо.

Второй заметный мотив отказа в приведении в исполнение арбитражных решений со ссылкой на публичный порядок – несоразмерность присужденной неустойки. Российский правопорядок видит в неустойке средство восстановления нарушенного права кредитора и компенсации его потерь, но никак не источник обогащения: мера ответственности должна быть соразмерной. Между тем проверка такой соразмерности при разрешении вопроса об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа неминуемо оборачивается повторным исследованием всех обстоятельств дела и представленных сторонами доказательств.

Действительно, суду пришлось бы установить сам факт нарушения и его продолжительность, оценить вероятные убытки кредитора и соотношение санкции с суммой основного долга, то есть заново исследовать фактическую сторону спора, что прямо исключено ч. 4 ст. 238 АПК РФ.

Названная норма недвусмысленно ограничивает государственный суд в пересмотре решения третейского суда. Компетенция суда сводится к проверке решения на соответствие строго определенным критериям и исчерпывается обязанностью установить наличие либо отсутствие предусмотренных законом препятствий к выдаче исполнительного листа; переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, суд не вправе [9].

Полагаем, что обозначенное противоречие правоприменительной практики в ближайшей перспективе будет лишь обостряться.

В целом же прослеживается стремление судов выработать более определенные критерии оценки нарушения публичного порядка. Наблюдается и дифференциация стандартов его применения как основания отмены решения третейского суда – признание того, что для внутреннего и для международного арбитража эти стандарты не могут быть тождественными.

Заключение

Нарушение публичного порядка как основание отмены решения третейского суда представляет собой действенное средство охраны право-

порядка, однако расширение его границ способно подорвать доверие к арбитражу.

Учитывая, что суды прибегают к этому основанию весьма широко, считаем необходимым закрепить определение публичного порядка на законодательном уровне.

В интересах развития третейского разбирательства (коммерческого арбитража) Верховному Суду РФ следует унифицировать практику применения данного основания по следующим направлениям:

1. Публичный порядок подлежит узкому толкованию и может использоваться лишь в исключительных ситуациях – когда признание либо исполнение решения третейского суда явно несовместимо с основополагающими принципами права.

2. Проверку решения на соответствие публичному порядку требуется четко отделять от пересмотра дела по существу.

3. Материальный и процессуальный публичный порядок предполагают различные подходы к оценке нарушения.

4. Необходимо формирование единообразной проарбитражной практики применения оговорки о публичном порядке, обеспечивающей правовую определенность.

Корректное использование института публичного порядка работает на развитие третейского разбирательства и укрепление доверия к альтернативным способам разрешения споров, не ослабляя при этом защиту фундаментальных принципов правовой системы.

Литература

1. Ануров В.Н. Переоценка обстоятельств, установленных третейским судом, и пересмотр третейского решения по существу // Третейский суд. 2023. № 3/4. С. 68–71.

2. Ильичев П.А., Кукуев А.А. Некоторые вопросы влияния публичного порядка на приведение в исполнение арбитражных решений // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 267–275.

3. Михайлова Е.В. О некоторых проблемах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании решений третейских судов // Российский судья. 2024. № 3. С. 2–7.

4. Гинзбург И.В. К вопросу о понимании категории «публичный порядок» применительно к российскому третейскому разбирательству // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 1. С. 50–53.

5. Скворцов О.Ю. Главное противоречие законодательства об арбитраже (третейских судах) (размышления на полях Определения Верховного Суда Российской Федерации от 22.02.2023 N 305-ЭС22–22860 по делу N А40–117758/2022) // Третейский суд. 2022. № 4. С. 46–48.

6. П. 51 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.12.2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейских разбирательств, международного коммерческого арбитража». // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/. Дата обращения 21.07.2026 г.

7. Определение Арбитражного суда Саратовской области от 30.10.2025 г. по делу № А57–13780/2025 // Картотека арбитражных дел. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/10e81d0a-2f08-4068-adc3-a1c5c77de2a2/99187ac8-d254-4283-951f-7b2f4d148a1f/A57-13780-2025_20251030_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True. Дата обращения 21.07.2026 г.

8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30.01.2026 г. по делу № А57–13780/2025 // Картотека арбитражных дел. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/10e81d0a-2f08-4068-adc3-a1c5c77de2a2/0dca60f6-92b1-4077-b05c-5547b08e64ee/A57-13780-2025_20260130_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True. Дата обращения 21.07.2026 г.

9. П. 44 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.12.2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейских разбра-

тельств, международного коммерческого арбитража». // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/. Дата обращения 21.07.2026 г.

10. Шиткина И.С., Гурьянов А.В. Третейское разбирательство как эффективный способ разрешения споров: актуальные проблемы // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 3–13.

VIOLATION OF PUBLIC ORDER AS GROUNDS FOR SETTING ASIDE AN ARBITRAL AWARD

Bosykh A.I., Dyachenko E.M.
Kuban State University

The paper deals with public policy as a ground both for setting aside arbitral awards and for refusing their recognition and enforcement. A breach of public policy is treated as a threat to the cornerstone principles of Russian law – sovereignty, national security, the foundations of the economic order and of morality – as well as an infringement of fundamental human rights.

The authors compare doctrinal models of public policy, summarise how courts resort to this ground and suggest benchmarks for establishing that an award conflicts with public policy.

Relying on statutory provisions, the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and rulings of circuit commercial courts, and on the scholarly opinions of V.N. Anurov, P.A. Ilyichev, I.V. Ginzburg, E.V. Mikhailova, O. Yu. Skvortsov and I.S. Shitkina, the article addresses the substantive content of “public policy”, the indicia of its violation and the boundaries of judicial review; theoretical approaches to the notion are disclosed, the relevant case law is analysed and the views of leading jurists are presented. Emphasis is placed on the criteria for assessing a breach of public policy and on the practical aspects of invoking this ground when challenging arbitral awards.

It is argued that, in order to preserve the autonomy of arbitration and the stability of civil commerce, public policy must be construed narrowly and applied only exceptionally.

Keywords: arbitration, arbitral award, public policy, setting aside of an award, case law.

References

1. Anurov V.N. Reassessment of the circumstances established by the arbitral tribunal and review of the arbitral award on the merits // The Arbitration Court. 2023. No. 3/4. pp. 68–71.

2. Ilyichev P.A., Kukuev A.A. Some issues of the influence of public order on the enforcement of arbitral awards // Arbitration Court. 2021. No. 3/4. pp. 267–275.

3. Mikhailova E.V. On some of the problems that arise when the courts consider cases challenging the decisions of arbitration courts // Russian Judge. 2024. No. 3. pp. 2–7.

4. Ginzburg I.V. On the issue of understanding the category “public order” in relation to Russian arbitration proceedings // Arbitration and civil procedure. 2025. No. 1. pp. 50–53.

5. Skvortsov O.Y. The main contradiction of legislation on arbitration (arbitration courts) (reflections on the margins of the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/22/2023 N 305-ES22–22860 in case N A40–117758/2022) // Arbitration Court. 2022. No. 4. pp. 46–48.

6. Paragraph 51 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.12.2019 No. 53 “On the performance by the courts of the Russian Federation of the functions of assistance and control in relation to arbitration proceedings, international commercial arbitration”. // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/. Date of application 21.07.2026.

7. Ruling of the Arbitration Court of the Saratov region dated 10/30/2025 in case no. A57–13780/2025 // File of arbitration cases. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/10e81d0a-2f08-4068-adc3-a1c5c77de2a2/99187ac8-d254-4283-951f-7b2f4d148a1f/A57-13780-2025_20251030_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True. Date of application 21.07.2026.

8. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 30.01.2026 in case no. A57–13780/2025 // File of arbitration cases. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/10e81d0a-2f08-4068-adc3-a1c5c77de2a2/0dca60f6-92b1-4077-b05c-5547b08e64ee/A57-13780-2025_20260130_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True. Date of application 21.07.2026.

9. Paragraph 44 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.12.2019 No. 53 “On the performance by the courts of the Russian Federation of the functions of assistance and control in relation to arbitration proceedings, international commercial arbitration”. // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/. Date of appeal 21.07.2026.

10. Shitkina I.S., Guryanov A.V. Arbitration proceedings as an effective way to resolve disputes: current issues // Bulletin of Arbitration Practice. 2023. No. 2. pp. 3–13.

Подзаконное регулирование процессуальных издержек в уголовном процессе: роль постановлений Правительства Российской Федерации

Валюлин Руслан Рашитович,

к.ю.н., ст. преподаватель кафедры уголовного процесса,
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: valiulinrr86@gmail.com

В статье рассматривается специфика подзаконного регулирования процессуальных издержек в уголовном процессе Российской Федерации. Особое внимание уделяется роли постановлений Правительства РФ, которые не только конкретизируют положения уголовно-процессуального закона, но и фактически формируют самостоятельный механизм определения порядка и размеров выплат. Анализируются проблемные аспекты действующего регулирования, включая неопределенность перечня процессуальных издержек, отсутствие единых методик расчета и значительное пространство для усмотрения должностных лиц. Отдельно затрагивается вопрос индексации выплат и защиты прав участников процесса, в том числе потерпевших и специалистов, привлекаемых к делу. Делается вывод о необходимости более точной нормативной регламентации и выработки единых подходов к определению размера процессуальных издержек. Подчеркивается, что дальнейшее развитие данной сферы требует согласования норм закона и подзаконного регулирования, а также учета реальных потребностей правоприменительной практики.

Ключевые слова: процессуальные издержки, уголовный процесс, подзаконное регулирование, постановления Правительства РФ, судебная практика.

Современный уголовный процесс трудно представить без развитой системы финансового обеспечения. В центре этой системы находятся процессуальные издержки – расходы, без которых сама процедура расследования и рассмотрения уголовного дела становится невозможной. Речь идет не только о выплатах экспертам, переводчикам или адвокатам, но и о множестве сопутствующих затрат, связанных с функционированием всего механизма правосудия. При этом законодатель сознательно вывел регулирование значительной части этих вопросов на подзаконный уровень. Именно здесь особую роль играют постановления Правительства РФ, определяющие порядок и размеры выплат. Такая конструкция позволяет гибко реагировать на изменения практики, но одновременно порождает ряд сложностей [6, с. 177].

Процессуальные издержки нельзя рассматривать как второстепенный элемент уголовного судопроизводства. Напротив, они напрямую связаны с эффективностью правосудия. Без надлежащего финансирования невозможно обеспечить участие специалистов, защитников и иных участников процесса. Более того, доступность правосудия во многом зависит от того, насколько справедливо и своевременно компенсируются соответствующие расходы. В этом смысле институт процессуальных издержек выступает не просто техническим инструментом, а важной гарантией реализации прав участников процесса [7, с. 122].

Содержательно процессуальные издержки представляют собой совокупность расходов, возникающих в связи с производством по уголовному делу. Это могут быть как прямые выплаты участникам процесса, так и затраты организационного характера. Например, расходы на хранение и транспортировку вещественных доказательств также включаются в данную категорию. Финансирование осуществляется либо за счет федерального бюджета, либо за счет самих участников процесса. Такая двойственная модель распределения расходов требует четкого нормативного регулирования, что и обеспечивается постановлениями Правительства РФ, в частности постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 (далее – Постановление Правительства РФ № 1240) [1].

При этом правовая природа процессуальных издержек остается дискуссионной. Одни исследователи склонны рассматривать их исключительно как элемент уголовно-процессуального права. Другие указывают на их межотраслевой характер, поскольку в них переплетаются элементы финансового, гражданского и процессуального регулирования. Представляется, что вторая позиция ближе к реальности. Распределение и возмещение издержек действительно выходит за пределы чисто процессуальных отношений и затрагивает более широкий круг правовых связей [8, с. 69].

Особое значение имеет то обстоятельство, что УПК РФ прямо отсылает к постановлениям Правительства РФ в вопросах определения порядка и размеров выплат. Такая бланкетная конструкция закреплена в ч. 4 ст. 131 УПК РФ. Фактически это означает, что без обращения к подзаконному акту невозможно применить соответствующую норму закона. В результате формируется тесная связка между УПК РФ и правительственным регулированием.

Интересно, что сами постановления Правительства РФ в данной сфере обладают определенной автономией. Они не просто конкретизируют нормы уголовно-процессуального закона, а фактически формируют самостоятельный регуляторный слой. В частности, порядок расчета процессуальных издержек закрепляется именно в подзаконном акте, а не в УПК РФ. Это создает ситуацию, при которой ключевые финансовые параметры уголовного процесса определяются вне рамок кодекса. С одной стороны, такой подход удобен для оперативного изменения ставок и процедур. С другой – возникает риск отрыва подзаконного регулирования от принципов, заложенных в законе.

Значимость подзаконного регулирования была прямо подтверждена судебной практикой, в том числе на уровне конституционного контроля. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 18-П подчеркивается, что установленный Правительством порядок возмещения процессуальных издержек является необходимым элементом механизма их реализации. Суд указал, что без такого механизма невозможно обеспечить единообразие и исключить произвольные решения. Тем самым была признана не просто вспомога-

тельная, а системообразующая роль соответствующих постановлений. Одновременно Конституционный Суд обратил внимание на необходимость устранения пробелов в данном регулировании [3].

В научной среде уже длительное время обсуждается вопрос о том, насколько удачно сформулирован перечень процессуальных издержек, закрепленный в ч. 2 ст. 131 УПК РФ. За время действия данной нормы он неоднократно расширялся. В него были включены расходы, связанные с транспортировкой и демонтажем вещественных доказательств, а также затраты на уведомление близких родственников, родственников или иных близких лиц подозреваемого о его задержании и месте нахождения.

С.Р. Зеленин обращает внимание на то, что подобные изменения не во всех случаях являются оправданными. По его мнению, перечисленные виды затрат и ранее могли быть отнесены к процессуальным издержкам на основании п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, предусматривающего возможность возмещения иных расходов, понесенных в ходе уголовного судопроизводства и прямо предусмотренных УПК РФ [8]. По этой причине их последующее выделение в самостоятельные категории выглядит скорее дублированием уже существующего регулирования. Более того, проведенный автором анализ показал, что сохранение открытого перечня процессуальных издержек не дает каких-либо заметных преимуществ для уголовно-процессуального регулирования.

Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи. Они связывают открытый характер перечня процессуальных издержек с практическими трудностями, возникающими при определении того, какие именно расходы подлежат возмещению в качестве процессуальных издержек. Отсутствие четких критериев нередко приводит к различному толкованию закона со стороны правоприменителей. В результате возникают споры между уполномоченными органами и лицами, претендующими на компенсацию понесенных расходов, поскольку вопрос об их правовой природе остается неоднозначным [6].

С точки зрения правоприменительной практики более оправданным выглядит использование закрытого перечня процессуальных издержек. Четкое закрепление всех видов возмещаемых расходов в законе позволяет избежать неоднозначного толкования соответствующих норм и способствует формированию единообразного подхода при их применении. При отсутствии исчерпывающего перечня возрастает вероятность принятия различных решений по аналогичным ситуациям, что создает условия для субъективной оценки и, как следствие, увеличивает коррупционные риски. Исследователи также обращают внимание на то, что отсутствие исчерпывающего списка расходов оставляет возможность для злоупотребления правом на их возмещение, поскольку законодательство не устанавливает ясных границ применения соответствующих положений.

Представляется возможным сохранить в ч. 2 ст. 131 УПК РФ общее указание на иные процессуальные издержки, одновременно конкретизировав их перечень на уровне постановления Правительства Российской Федерации. Подобное решение позволило бы оперативно корректировать состав таких расходов без внесения постоянных изменений в уголовно-процессуальный закон, сохранив при этом необходимую определенность для правоприменителей.

Изучение судебной практики по вопросам возмещения процессуальных издержек показывает, что проблемы возникают не только при определении состава компенсируемых расходов, но и при расчете размера соответствующих выплат. Действующая редакция Постановления Правительства РФ № 1240 предусматривает лишь пределы ставок вознаграждения, предоставляя должностному лицу возможность самостоятельно определить конкретную сумму в каждом отдельном случае. Подобная конструкция неизбежно оставляет значительный простор для усмотрения.

Показательным является пример, рассмотренный Московским городским судом [4]. Переводчик А. обжаловал постановление следователя, которым оплата письменного перевода была рассчитана исходя из 200 рублей за один лист. Заявитель настаивал, что при переводе с таджикского языка необходимо применять положение подп. «г» п. 20 Положения, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 1240, устанавливающее ставку в размере 400 рублей за печатный лист для восточных языков стран Азии. Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении жалобы, указав, что установленная сумма является лишь верхним пределом оплаты, тогда как окончательный размер вознаграждения определяется должностным лицом с учетом сложности выполненной работы и ее объема.

Подобный подход нельзя признать полностью отвечающим принципу правовой определенности. Участник уголовного судопроизводства фактически не может заранее оценить размер причитающегося ему вознаграждения, поскольку окончательное решение зависит от усмотрения следователя. Если бы переводчик был заранее проин-

формирован о конкретной сумме оплаты, он смог бы самостоятельно решить вопрос об участии в производстве по делу. Отсутствие такой определенности стало одной из причин последующего судебного спора, что свидетельствует о необходимости более четкого регулирования порядка расчета процессуальных издержек.

Еще один пример неоднозначного применения правил расчета процессуальных издержек содержится в материалах судебной практики Ярославской области [5]. Постановлением Заволжского районного суда г. Ярославля от 31 мая 2021 г. переводчику было назначено вознаграждение за счет средств федерального бюджета исходя из ставки 1500 рублей за один час устного перевода и 400 рублей за лист письменного перевода. Однако представитель Управления Судебного департамента в Ярославской области не согласился с таким расчетом и обжаловал судебное решение в апелляционном порядке.

В своей жалобе заявитель ссылался на неправильное применение подп. «б» и «г» п. 20 Положения, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 1240. По его мнению, использование повышенных ставок было необоснованным, поскольку перевод осуществлялся с молдавского языка. Государство Молдова расположено в Европе, поэтому данный язык не относится к языкам стран Азии, для которых предусмотрены более высокие размеры оплаты. Исходя из этого, вознаграждение, по мнению заявителя, должно было определяться по подп. «а» и «в» указанного Положения – в размере 700 рублей за час устного перевода и 200 рублей за лист письменного перевода.

Апелляционная инстанция поддержала приведенные доводы. Суд указал, что молдавский язык относится к восточноевропейской языковой группе и не подпадает под категории редких западноевропейских, восточных языков либо языков государств Азии и Африки, для которых предусмотрены повышенные ставки оплаты. По этой причине постановление районного суда было изменено, а размер вознаграждения пересчитан в соответствии с иными положениями Постановления Правительства РФ № 1240.

Подобные судебные споры демонстрируют, что действующий порядок определения размера процессуальных издержек нельзя признать достаточно определенным. Формулировки нормативного акта допускают различные варианты толкования, из-за чего одинаковые по своей сути ситуации первоначально получают разную правовую оценку. Лишь после судебного пересмотра удастся сформировать единый подход к разрешению подобных вопросов, что увеличивает продолжительность процесса и создает дополнительную нагрузку на участников судопроизводства.

Из этого можно сделать вывод, что существующая методика расчета вознаграждения переводчиков нуждается в более детальной регламентации. Законодательное регулирование должно содержать понятные критерии определения размера выплат, исключающие возможность неодинакового применения норм в аналогичных обстоятельствах. Чем меньше пространства остается для субъективной оценки должностного лица, тем выше уровень правовой определенности и предсказуемости судебной практики.

На основании проведенного анализа можно обозначить, что одной из ключевых проблем остается неопределенность перечня процессуальных издержек. Законодатель использует открытый перечень, что позволяет включать в него новые виды расходов. На практике это приводит к затруднениям при квалификации конкретных затрат. Правоприменители вынуждены самостоятельно решать, относится ли тот или иной расход к процессуальным издержкам. В результате возникают споры и неоднородность судебной практики.

Проблемы усиливаются тем, что методика расчета выплат, закрепленная в постановлениях Правительства РФ, оставляет значительное пространство для усмотрения. Например, при оплате труда переводчика устанавливаются лишь максимальные ставки. Конкретный размер вознаграждения определяется должностным лицом с учетом сложности работы. Такая формулировка выглядит гибкой, но на практике нередко становится источником конфликтов. Участники процесса не всегда понимают, каким образом рассчитывается итоговая сумма [9, с. 223].

Подобные решения показывают, что критерии расчета процессуальных издержек применяются судами достаточно формально. Приоритет отдается буквальному толкованию подзаконного акта, а не фактическим обстоятельствам дела. Это снижает гибкость правоприменения и иногда приводит к очевидно несправедливым результатам. В то же время суды стремятся обеспечить единообразие практики и избежать произвольных решений. В условиях несовершенного регулирования это выглядит как вынужденный компромисс [9, с. 223].

Далее следует отметить, что проблема индексации процессуальных издержек также остается нерешенной в полной мере. В условиях инфляции фиксированные ставки быстро теряют свою актуальность.

Это особенно заметно при оплате труда специалистов и переводчиков. Конституционный Суд прямо указал на необходимость введения механизма индексации. Однако соответствующие изменения пока носят фрагментарный характер [3].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о компенсации труда присяжных заседателей. Несмотря на то, что данные выплаты формально не относятся к процессуальным издержкам в узком смысле, они тесно связаны с рассматриваемым институтом.

Так, на протяжении длительного времени порядок материального обеспечения присяжных заседателей вызывал немало вопросов как в научной среде, так и на практике. Исследователи неоднократно обращали внимание на высокую стоимость функционирования суда с участием присяжных, поскольку расходы государства не ограничиваются выплатой компенсационного вознаграждения. Дополнительно финансируются затраты, связанные с проездом, командировками и иными выплатами, предусмотренными законодательством. Одновременно с этим правозащитные организации указывали на другую проблему: в отдельных случаях присяжные были вынуждены ожидать получения положенных денежных средств по несколько месяцев, а иногда и более полугода.

Подобная ситуация во многом объяснялась отсутствием детально урегулированной процедуры осуществления соответствующих выплат. Практика складывалась неодинаково, что приводило к задержкам и возникновению спорных ситуаций. Впоследствии этот пробел был устранен путем принятия Постановления Правительства РФ от 29 апреля 2022 г. № 783, которым утверждены Правила выплаты компенсационного вознаграждения присяжным заседателям федеральных судов общей юрисдикции, участвующим в осуществлении правосудия. Основанием для издания данного нормативного акта стала ст. 11 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», закрепляющая право присяжных на получение компенсации за счет средств федерального бюджета.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что УПК РФ не регулирует порядок назначения и выплаты такого вознаграждения. В уголовно-процессуальном законе отсутствуют не только специальные нормы, но и бланкетные положения, отсылающие к подзаконному регулированию данного вопроса. Подобное законодательное решение представляется вполне обоснованным. Компенсационные выплаты присяжным заседателям имеют иную правовую природу, чем процессуальные издержки, предусмотренные ст. 131 УПК РФ. Их участие в отправлении правосудия обусловлено выполнением особой публично-правовой функции, поэтому механизм материального обеспечения логично регулируется специальным законодательством о присяжных заседателях, а не нормами уголовно-процессуального закона, посвященными возмещению процессуальных расходов.

Долгое время в этой сфере отсутствовал четкий механизм выплат. Это приводило к значительным задержкам и снижению мотивации граждан участвовать в отправлении правосудия. Лишь в последние годы ситуация была урегулирована на уровне постановления Правительства РФ [2].

В целом можно отметить устойчивую тенденцию к расширению подзаконного регулирования в уголовном процессе. Постановления Правительства РФ постепенно охватывают все новые аспекты процессуальной деятельности. Это свидетельствует о возрастающей роли исполнительной власти в формировании практических механизмов правосудия. Вместе с тем такая тенденция требует осторожного подхода. Чрезмерная детализация на подзаконном уровне может привести к размыванию принципов, закрепленных в законе.

Подводя итог, можно сказать, что постановления Правительства РФ играют ключевую роль в регулировании процессуальных издержек. Они обеспечивают функционирование соответствующего механизма, но одновременно создают новые проблемы. Основные из них связаны с неопределенностью критериев, возможностью субъективного усмотрения и отсутствием единых методик расчета. Решение этих вопросов требует комплексного подхода, включающего как совершенствование законодательства, так и развитие судебной практики. Только в этом случае можно говорить о формировании устойчивой и справедливой модели регулирования процессуальных издержек.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации

и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановлением Правительства РФ от 29 апреля 2022 г. № 783 «Об утверждении Правил выплаты присяжным заседателям федеральных судов общей юрисдикции, исполняющим обязанности по осуществлению правосудия, компенсационного вознаграждения» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное постановление Московского городского суда от 2 апреля 2018 г. по делу № 10-5167/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

5. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 16 августа 2021 г. № 1-21/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OfKHppXZxqWP/?ysclid=lnu3sayb77902688088> (дата обращения: 24.04.2026).

6. Валулин Р.Р. Юридическое значение постановлений Правительства Российской Федерации при регулировании уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2025. — 250 с.

7. Драничникова Н.В. Проблемы применения института процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. — 2022. — № 1. — С. 122–127.

8. Зеленин С.Р. Законодательное регулирование перечня расходов, относимых к процессуальным издержкам в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2024. — Т. 65. — № 1. — С. 69–88.

9. Перекрестов В.Н., Исмаилова О.С., Гусейнова Н.Н. Иные процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. — 2017. — № 1–3. — С. 223–224.

10. Уваров С.Ю. Спорные вопросы при взыскании процессуальных издержек // Уголовный процесс. — 2019. — № 7. — С. 70–75.

SUBORDINATE REGULATION OF PROCEDURAL COSTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE ROLE OF RESOLUTIONS OF THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Valyulin R.R.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the specifics of the subordinate regulation of procedural costs in the criminal process of the Russian Federation. Particular attention is paid to the role of the resolutions of the Government of the Russian Federation, which not only specify the provisions of the criminal procedure law, but also actually form an independent mechanism for determining the procedure and amount of payments. The author analyzes the problematic aspects of the current regulation, including the uncertainty of the list of procedural costs, the lack of uniform calculation methods and significant space for the discretion of officials. It is concluded that there is a need for more precise regulatory regulation and the development of unified approaches to determining the amount of procedural costs. It is emphasized that the further development of this area requires the coordination of the norms of the law and by-laws, as well as taking into account the real needs of law enforcement practice.

Keywords: procedural costs, criminal procedure, by-laws, resolutions of the Government of the Russian Federation, judicial practice

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 1 dekabrya 2012 g. No. 1240. "O porядке i razmere vozmeshcheniya protsessual'nykh izderzhkek, svyazannykh s proizvodstvom po ugovolnomu delu, izderzhkek v svyazi s rassmotreniem dela arbitrazhnym sudom, grazhdanskogo dela, administrativnogo dela, a takzhe rashodov v svyazi s vypolneniem trebovaniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i o priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Soveta Ministrov RSFSR i Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii", vmeste s "Polozheniem o vozmeshchenii protsessual'nykh izderzhkek" // SPS "KonsultantPlyus".

2. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 aprelya 2022 g. No. 783. "Ob utverzhenii Pravil vyplaty prisyzhnykh zasedatelyam federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii, ispolnyayushchim obyazannosti po osushchestvleniyu pravosudiya, kompensatsionnogo voznagrashdeniya" // SPS "KonsultantPlyus".

3. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 13 maya 2021 g. No. 18-P. "Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti tret'ey stat'i 131 i stat'i 132 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, a takzhe punkta 30 Polozheniya o vozmeshchenii protsessual'nykh izderzhkek" // SPS "Konsul'tantPlyus".

4. Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 2 aprelya 2018 g. po delu No. 10–5167/2018 // SPS "Konsul'tantPlyus".

5. Apellyatsionnoe postanovlenie Yaroslavl'skogo oblastnogo suda ot 16 avgusta 2021 g. No. 1–21/2020. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/OfKHppXZxqWP/> (accessed: 24.04.2026).

6. Valyulin R.R. Yuridicheskoe znachenie postanovleniy Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii pri regulirovanii ugolovnogo protsesssa: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2025. 250 p.

7. Dranichnikova N.V. Problemy primeneniya instituta protsessual'nykh izderzhkek v ugolovnom sudoproizvodstve // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2022. No. 1. Pp. 122–127.

8. Zelenin S.R. Zakonodatel'noe regulirovanie perechnya raskhodov, odnosimyykh k protsessual'nym izderzhkam v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2024. Vol. 65. No. 1. Pp. 69–88.

9. Perekrestov V.N., Ismailova O.S., Guseynova N.N. Inye protsessual'nye izderzhki v ugolovnom sudoproizvodstve // Novaya nauka: opyt, traditsii, innovatsii. 2017. No. 1–3. Pp. 223–224.

10. Uvarov S. Yu. Spornye voprosy pri vzyiskanii protsessual'nykh izderzhkek // Ugolovnyy protsess. 2019. No. 7. Pp. 70–75.

Жиков Михаил Викторович,

аспирант, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
E-mail: jikovmv@mail.ru

В статье обобщены ключевые проблемы исследования правовых ценностей в современной России. В работе выдвигается гипотеза о том, что эти проблемы концентрируются на трех основных уровнях: методологическом, нормативном и правоприменительном. Методологические проблемы обусловлены многообразием исследовательских подходов и дублированием понятийного аппарата. Нормативные проблемы связаны с несовершенством юридической техники при закреплении ценностных категорий в текстах правовых актов. В правоприменительной сфере проблемы возникают из-за недостаточной проверяемости ценностных аргументов в судебных решениях. Для более последовательной работы с ценностными категориями предлагается разграничение ценностей-оснований и ценностей-ориентиров.

Ключевые слова: аксиология права, правовые ценности, конституционные ценности, традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, документы стратегического планирования.

Введение

Ценностная проблематика занимает в российском правовом дискурсе все более заметное место. Поправки 2020 года ввели в текст Конституции РФ положения о браке как союзе мужчины и женщины (ст. 72) и о сохранении традиционных семейных ценностей как задаче Правительства РФ (п. «в» ч. 1 ст. 114) [1]. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 утвердил Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и установил их перечень [2]. К ценностным категориям регулярно обращается и Конституционный Суд РФ при проверке законодательных решений. На этом фоне проявляется важное противоречие: чем активнее ценности используются в нормативных и судебных актах, тем более заметной становится нерешенность базовых вопросов, связанных с их исследованием и использованием в юридической практике.

Цель настоящей работы – систематизировать теоретические и прикладные проблемы исследования правовых ценностей современной России и предложить пути их возможного решения. В работе выдвигается гипотеза о том, что эти проблемы концентрируются на трех основных уровнях: методологическом, нормативном и правоприменительном, и каждый следующий уровень усиливает нерешенность проблем предыдущего. Методологическую основу работы составили диалектический и формально-юридический методы, общенаучные методы познания, системное толкование правовых норм и анализ материалов судебной практики.

Понятие правовых ценностей и границы аксиологического подхода в праве

Первая группа проблем носит методологический характер и обусловлена тем, что аксиология как философская дисциплина, изучающая природу ценностей, не выработала единого подхода ни к определению этого понятия, ни к его онтологическому статусу. Дискуссия в истории философии структурируется вокруг двух основных позиций. Объективистский подход постулирует существование ценностей как реалий, независимых от субъекта: ценности не создаются человеком, а лишь открываются им, подобно тому как познаются законы природы. Как отмечает Н.О. Лосский, «существуют не только относительные, но и абсолютные ценности» [3, с. 24]. В этой логике справедливость или достоинство человека значимы сами по себе, а не потому, что признаны таковыми конкретным обществом или закреплены законодателем. Для права такой взгляд имеет давнюю традицию, именно на нем строится естественно-правовая доктрина, оценивающая позитивный закон по его соответствию надпозитивным ценностям.

Субъективистский подход, напротив, рассматривает ценности как результат человеческого конструирования, неотделимый от акта оценивания и позиции оценивающего. По замечанию М.С. Кагана, «ценность есть значение объекта для субъекта... а оценка есть... эмоционально-интеллектуальное выявление этого значения субъектом» [4, с. 68]. Применительно к праву это означает, что ценности изменчивы и производны от конкретного общества, его культуры и исторического этапа развития. Как справедливо отмечает А.А. Ивин, многочисленные определения ценности сходятся лишь в одном: ценностью объявляется предмет некоторого интереса, желания, стремления, иначе говоря, объект значимый для человека или группы лиц [5, с. 12]. Следовательно, ценность производна от акта оценки, то есть от отнесения предмета к значимому для субъекта.

Однако в правовых исследованиях наибольшее распространение получил смешанный, субъект-объектный подход, в рамках которого ценность понимается как устойчивый результат оценочного акта, который, закрепившись в культуре, сам начинает определять последующие оценки. При этом для юридической науки важным остается вопрос о том, кто выступает субъектом оценки, придающей ценности правовое значение, поскольку от ответа на этот вопрос меняется и сам предмет исследования. Если таким субъектом признается общество, правовая аксиология тяготеет к социологии права, если законодатель, то к анализу законодательной политики, если суд, к изучению судебной аргументации. Смешение этих подходов в рамках одного исследования, нередкое в юридической литературе, делает его выводы слабо сопоставимыми.

Неопределенность исходного понятия порождает и вторую проблему, а именно удвоение понятийного аппарата. Юридическая наука

располагает развитым инструментарием описания нормативного материала: целями, задачами, принципами, презумпциями, интересами. Переосмысление тех же явлений на языке ценностей создает риск иллюзии нового знания при фактическом отсутствии нового содержания. Примечательно, что, по наблюдению В.М. Бурла, конституционные ценности определяются в науке через категории «цель», «приоритет», «принцип», «идеал», «установка» [6, с. 23], то есть через тот самый понятийный аппарат, который ценностный подход должен был обогатить. Представляется, что если категория ценности не добавляет к этим понятиям самостоятельного содержания, ее научная польза является сомнительной.

Наконец, серьезного отношения заслуживает критика аксиологического подхода как такового. С.Е. Ячин, И.В. Круглова на материале российской политико-правовой истории демонстрируют, что конфликт между идеей суверенных прав личности и идеей суверенных прав государства образует конституционную неразрешимость, выход из которой лежит не в провозглашении новых ценностей, а в построении опосредующих институтов между человеком и государством [7, с. 312]. Этот аргумент задает границу применимости ценностного анализа, он эффективен при изучении оснований права, но не заменяет исследования правовых институтов и процедур. Игнорирование этой границы превращает правовую аксиологию в некоторый торжественный комментарий к законодательству.

Таким образом, методологические проблемы правовой аксиологии сводятся к трем взаимосвязанным аспектам: отсутствию единого понимания ценности, неопределенности субъекта оценки и удвоению понятийного аппарата юридической науки. Названные проблемы не остаются в чисто теоретической плоскости. Не получив разрешения на уровне доктрины, они переходят на уровень позитивного права, поскольку законодатель, закрепляя ценности в текстах правовых актов, вынужден работать с категориями, содержание и границы которой наукой не согласованы. Способы такого закрепления и порождаемые ими проблемы рассматриваются нами в следующем разделе.

Нормативное закрепление правовых ценностей и проблема их согласования

Вторая группа проблем вызвана самим способом фиксации ценностей в правовых актах. Таких способов российское право знает два. Первый – опосредованный, когда ценность не называется прямо, а получает выражение через нормы и правовые принципы. Например, справедливость и гуманизм закреплены в качестве принципов уголовного закона (ст. 6, 7 УК РФ) [8]. Второй способ – это прямое упоминание, когда сам термин «ценность» или наименование конкретной ценности включается в текст акта, как это сделано в ст. 67.1 Конституции РФ и в Указе № 809. Если первый способ давно освоен юридической практикой, то второй порождает вопросы, требующие своего доктринального осмысления.

Главный из них связан с тем, что прямо упомянутые ценностные положения рассредоточены по актам разной юридической силы и разной правовой природы: это положения Конституции РФ (ст. 2, 67.1, 72, 114), отраслевое законодательство, а также Указ № 809, который сам относит утвержденные им Основы к документам стратегического планирования [2]. Различие природы этих актов имеет важное юридическое значение, если конституционные положения обладают высшей юридической силой и прямым действием, то документ стратегического планирования адресован органам публичной власти как ориентир политики. Перенос перечня из указа в плоскость регулирования отношений с участием граждан наталкивается на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускающую ограничение прав и свобод только федеральным законом. Вопрос о том, в какой мере подзаконный ценностный перечень способен влиять на объем прав частных лиц, в литературе по существу не разработан.

Отсюда вытекает и проблема соотношения закрепленных ценностей между собой. Перечень традиционных ценностей лишь частично совпадает с ценностями, получившими конституционное и отраслевое закрепление. Если справедливость и гуманизм обеспечены развитой нормативной базой в кодексах, то, например, историческая память или созидательный труд подобной нормативной базы лишены. Разница видна при сопоставлении способов их нормативной фиксации: если справедливость закреплена как принцип отрасли и работает при разрешении каждого уголовного дела (ст. 6 УК РФ), то историческая память представлена в законодательстве лишь точечными охранительными предписаниями, такими как запрет реабилитации нацизма (ст. 354.1 УК РФ), и статусом принципа ни в одной отрасли не делена. Иными словами, вопрос состоит не в том, упомянута ли ценность в законе, а в том, в каком качестве она в нем присутствует.

Следовательно, возникает разрыв между объемом провозглашенного и объемом юридически гарантированного. Исследова-

ние В.А. Илюхиной, посвященное доктринальным принципам права, показывает, что положению, не получившему формального закрепления, наука может придавать значение лишь через механизм признания научным сообществом [9]. Применение этой логики к правовым ценностям позволяет утверждать о наличии следующей проблемы: часть ценностей Указа № 809 существует в правовом поле фактически на доктринальных началах, и их юридическая судьба зависит от того, последует ли за провозглашением их отраслевая конкретизация.

Прикладную остроту этой проблеме придает практика законопроектной работы. А.Я. Рыженков, исследуя защиту семейных ценностей, фиксирует характерную ситуацию, категория активно используется в программных документах при отсутствии ее легального определения, что порождает неопределенность уже на стадии конструирования конкретных правовых средств защиты [10, с. 22]. Такая же судьба ожидает любую ценность перечня, если ее нормативная конкретизация ограничится воспроизведением самого слова в текстах правовых актов разного уровня. Задача законодателя, таким образом, состоит не в расширении перечня ценностей, а в обеспечении каждой провозглашенной ценности работающим отраслевым содержанием.

Ценностные доводы в судебной практике

Третья группа проблем относится к судебному применению ценностных категорий и напрямую производна от рассмотренной нами ранее разнородности их фиксации. Обращаясь к ценностям, суд неизбежно воспроизводит в конкретном деле ту неопределенность, которая заложена на уровне их закрепления: ценность, выраженная через принцип закона, дает решению нормативную опору, тогда как ссылка на прямое упоминание ценности в акте программного характера такой опоры не создает. Судебная практика, апеллирующая к ценностным категориям без учета этого различия, усиливает эту проблему.

При этом взаимодействие суда с ценностями не исчерпывается обращением к их нормативной фиксации. Значительная часть ценностного содержания входит в правосудие через судебское усмотрение. Применяя оценочные понятия закона, суд соотносит обстоятельства конкретного дела с ценностями справедливости и гуманизма, то есть осуществляет ценностное отношение, прямо не называя его таковым. В судебной практике ценности действуют двояко: опосредованно, через оценочные понятия и принципы права, и непосредственно, когда конституционно значимые ценности становятся самостоятельным предметом судебной защиты, а судебское усмотрение выступает механизмом, переводящим ценностное содержание в конкретное правоприменительное решение. Однако для настоящего исследования представляется важным другое, независимо от того, опирается ли суд на зафиксированную в законе ценность или действует в рамках усмотрения, качество его работы с ценностными категориями определяется проверяемостью приводимой аргументации, и практика разных судебных инстанций демонстрирует здесь различные подходы.

Образцом эффективного использования ценностей в судебной аргументации является конституционное правосудие. Например, в Постановлении от 11.04.2024 № 17-П Конституционный Суд РФ, оценивая правила административного судопроизводства, указал, что законодатель, опираясь на конституционные цели и ценности, обязан обеспечивать разумный баланс между судебной защитой прав граждан и стабильностью, определенностью и предсказуемостью правовых состояний субъектов публично-правовых отношений [11]. Ценность здесь выполняет строго определенную функцию, она служит масштаб проверки законодательного решения, а итог проверки выражается в правовой позиции, доступной для последующего применения.

Иной подход наблюдается в практике судов общей юрисдикции. Здесь ценностные доводы чаще сопровождают решение, чем обосновывают его, вследствие чего различить ценность как действительное основание вывода суда и ценность как риторическое усиление мотивировки по тексту судебного акта нередко становится затруднительным. Представленная проблема имеет важное процессуальное значение. В случае судебной ошибки вышестоящая инстанция располагает инструментами проверки правильности применения нормы, однако проверить, верно ли нижестоящий суд определил сравнительную значимость ценностей, она фактически не в состоянии, поскольку критерии такой оценки нигде не закреплены. Показателен материал, собранный Н.А. Колоколовым по практике применения ч. 2 ст. 14 УК РФ: категория малозначительности, лишенная законодательных критериев, порождает в кассационной практике противоположные решения по фактически сходным делам, отражая скорее текущие приоритеты уголовной политики, чем устойчивую правовую позицию судов [12, с. 412–414].

Нестабильность подтверждается и новейшей практикой Верховного Суда РФ. В одном деле Судебная коллегия по уголовным делам, установив, что три нижестоящие инстанции не нашли оснований для

применения ч. 2 ст. 14 УК РФ к краже несовершеннолетней незначительного количества товаров из магазина, отменила состоявшееся решение и прекратила дело за малозначительностью с признанием права на реабилитацию [13]. В другом деле та же коллегия, напротив, отменила решение кассационного суда о прекращении за малозначительностью дела о хищении, указав, что данные о личности характеризуют не общественную опасность деяния, а лишь условия назначения наказания [14]. Показательно, что в обоих случаях предметом расхождения между инстанциями были не фактические обстоятельства, а сравнительный вес одних и тех же оценочных критериев. Таким образом, ценностная по своей сути оценка общественной опасности, не опирающаяся на проверяемые критерии, вызывает нестабильность судебной практики.

Решение видится в разграничении двух режимов работы суда с ценностями, следующим за разграничением способов их фиксации. Ценности-основания, закрепленные в Конституции РФ и федеральных законах, способны включаться в основание судебного решения, и ссылка на них должна сопровождаться указанием нормы-носителя и объяснением выбора при их конкуренции. Ценности-ориентиры, содержащиеся в документах стратегического планирования и иных программных актах, определяют направление правовой политики, однако самостоятельным основанием решения по конкретному делу служить не могут. Такое разграничение не ограничивает судопроизводство, а повышает его эффективность, поскольку суд, сославшийся на ценность-основание, располагает нормативной опорой при проверке доводов жалобы, тогда как решение, построенное на положениях программного акта, рискует не устоять при пересмотре в вышестоящей инстанции.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, методологические проблемы правовой аксиологии предшествуют всем остальным. К их числу относятся отсутствие единого подхода к пониманию ценности, неопределенность субъекта оценки, придающей ей правовое значение, и удвоение понятийного аппарата юридической науки. Пока эти вопросы остаются открытыми, затруднения нормативного и прикладного характера будут возникать снова, на каком бы материале ни строилось исследование. Во-вторых, российское право использует два способа фиксации ценностей: опосредованный, через нормы и принципы, и прямой, через упоминание ценности в тексте правового акта. Второй способ, реализуемый в актах разной юридической силы и правовой природы, породил разрыв между провозглашением ценностей и их реальным юридическим обеспечением. Преодоление этого разрыва требует не принятия новых программных положений, а отраслевой конкретизации уже провозглашенных ценностных ориентиров.

В-третьих, судебная практика, апеллирующая к ценностям категориям без учета различий в способах их фиксации, не сглаживает представленную проблему, а усиливает ее, и ключевым здесь становится вопрос о проверяемости ценностных доводов суда. Решение данной проблемы видится в разграничении ценностей-оснований, закрепленных в Конституции РФ и федеральных законах, и ценностей-ориентиров, содержащихся в программных актах. При этом перспективным направлением дальнейших исследований представляется эмпирическое направление. Предметом изучения должны стать, с одной стороны, механизм фиксации ценностей в правовых актах через конкретные права и обязанности участников правоотношений, а с другой стороны, реальная работа ценностных доводов в судебной практике, их место в мотивировочной части решения суда и судьба при пересмотре дел.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.07.2026). Текст: электронный.
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 19.06.2026). Текст: электронный.
3. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
4. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.

5. Ивин А.А. Аксиология: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024. 342 с.

6. Бурла В.М. Ценность как базовая категория отечественной конституционной аксиологии // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 23–32.

7. Ячин С.Е., Круглова И.В. Человек и государство перед альтернативой кантианской или гегельянской идеи права // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 311–323.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Илюхина В.А. Классификация доктринальных принципов права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 3. С. 16–25.

10. Рыженков А.Я. Защита семейных ценностей в российском праве: вопросы теории и практики // Правовая парадигма. 2024. Т. 23. № 2. С. 16–25.

11. Постановление Конституционного Суда РФ № 17-П «По делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Сергеева» от 11.04.2024 // Собрание законодательства РФ. 22.04.2024. № 17. Ст. 2393.

12. Колоколов Н.А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (системный анализ текущей официальной уголовной политики и противоречивой судебной практики) // Пеницициарная наука. 2024. Т. 18. № 4 (68). С. 411–427.

13. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 11-УД26–3-К6 от 14.04.2026 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=884908> (дата обращения: 09.07.2026). Текст: электронный.

14. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 5-УД25–113-К2 от 14.01.2026 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=875611> (дата обращения: 09.07.2026). Текст: электронный.

LEGAL VALUES OF MODERN RUSSIA: THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF RESEARCH

Zhikov M.V.

Saint-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

The article summarizes the key problems of studying legal values in modern Russia. The paper puts forward a hypothesis that these problems are concentrated at three main levels: methodological, normative and law enforcement. Methodological problems are caused by the variety of research approaches and the duplication of the conceptual apparatus. Normative problems are related to the imperfection of legal technique in enshrining value categories in the texts of legal acts. In the law enforcement sphere, problems arise from the insufficient verifiability of value-based arguments in judicial decisions. For more consistent work with value categories, a distinction between foundational values and reference values is proposed.

Keywords: axiology of law, legal values, constitutional values, traditional values, spiritual and moral values, strategic planning documents.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed July 8, 2026). Electronic text.
2. Decree of the President of the Russian Federation № 809 of November 9, 2022, «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» // Official Website of the President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed June 19, 2026). Electronic text.
3. Lossky N.O. The Conditions of the Absolute Good: Foundations of Ethics; The Character of the Russian People. Moscow: Politizdat, 1991. 368 p.
4. Kagan M.S. A Philosophical Theory of Value. St. Petersburg: Petropolis, 1997. 205 p.
5. Ivin A.A. Axiology: A Textbook for Higher Education Institutions. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Yurait, 2024. 342 p.
6. Burla V.M. Value as a Fundamental Category of Russian Constitutional Axiology // Current Problems of Russian Law. 2021. Vol. 16. № 4. Pp. 23–32.
7. Yachin S.E., and Kruglova I.V. The Individual and the State Facing the Alternative Between the Kantian and Hegelian Conceptions of Law // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2020. Vol. 13. № 4. Pp. 311–323.
8. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996, as amended on April 9, 2026 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

9. Ilyukhina V.A. Classification of Doctrinal Principles of Law // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2023. № 3. Pp. 16–25.

10. Ryzhenkov A. Ya. Protection of Family Values in Russian Law: Issues of Theory and Practice // Legal Paradigm. 2024. Vol. 23. № 2. Pp. 16–25.

11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 17-P of April 11, 2024, «In the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Article 85, Part 4 of Article 87, and Article 211 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen D.V. Sergeev» // Collection of Legislation of the Russian Federation. April 22, 2024. № 17. Art. 2393.

12. Kolokolov, N.A. Much Ado About Insignificance: The Application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. A Systemic Analysis of Current

Official Criminal Policy and Contradictory Judicial Practice // Penitentiary Science. 2024. Vol. 18. № 4 (68). Pp. 411–427.

13. Cassation Ruling of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11-UD26–3-K6 of April 14, 2026 // ConsultantPlus Legal Reference System. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=884908> (accessed July 9, 2026). Electronic text.

14. Cassation Ruling of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-UDP25–113-K2 of January 14, 2026 // ConsultantPlus Legal Reference System. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=875611> (accessed July 9, 2026). Electronic text.

Нормативно-правовое регулирование внешнеторговой политики как инструмент обеспечения экономической безопасности Российской Федерации

Иванова Валерия Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и международных экономических отношений, заместитель директора института по воспитательной работе института экономики и финансов, ГУУ

E-mail: Valeria.guu@yandex.ru

В статье рассматривается нормативно-правовое регулирование внешнеторговой политики Российской Федерации как инструмента обеспечения экономической безопасности государства. На основе анализа Федерального закона от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», Указа Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и смежных нормативных актов выявлена взаимосвязь между целями внешнеторговой политики и задачами обеспечения экономической безопасности. Определены основные инструменты государственного регулирования внешнеторговой деятельности, направленные на защиту внутреннего рынка, контроль за экспортом товаров и технологий двойного назначения, диверсификацию экспорта и снижение критической зависимости от импорта по стратегическим товарам и технологиям. Сделан вывод о том, что совершенствование нормативной базы в сфере внешнеторгового регулирования является необходимым условием повышения устойчивости национальной экономики к внешним вызовам и угрозам в условиях санкционного давления.

Ключевые слова: внешнеторговая политика, экономическая безопасность, государственное регулирование, экспортный контроль, Стратегия экономической безопасности, Федеральный закон № 164-ФЗ, Указ Президента РФ № 208.

Введение

В современных условиях глобальной экономической нестабильности, усиления санкционного давления и дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики России вопросы обеспечения экономической безопасности приобретают особую актуальность. Внешнеторговая политика государства выступает одним из ключевых инструментов реализации целей экономической безопасности, что обуславливает необходимость детального анализа нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу.

Однако в условиях динамичного изменения нормативной базы и появления новых вызовов требуется актуализация теоретико-правового анализа данной проблематики.

Цель исследования – выявление нормативно закреплённой взаимосвязи между внешнеторговой политикой и экономической безопасностью, а также определение основных инструментов государственного регулирования внешнеторговой деятельности, направленных на обеспечение экономической безопасности.

Методы исследования: формально-юридический метод, системный анализ, сравнительно-правовой метод, анализ нормативных актов и документов стратегического планирования.

Теоретические основы внешнеторговой политики в контексте экономической безопасности

Внешнеторговая политика государства – это совокупность целей, принципов, методов и инструментов государственного регулирования, направленных на формирование и реализацию стратегии участия страны в международной торговле товарами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности и информацией.

Правовую основу внешнеторговой политики составляют:

1. Конституция Российской Федерации;
2. Федеральный закон № 164ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»;
3. федеральные законы и подзаконные акты в области таможенного дела, валютного регулирования, экспортного контроля, технических регламентов, санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер;
4. международные договоры РФ, ратифицированные в установленном порядке.

В соответствии с логикой № 164ФЗ и смежных актов, к общим целям внешнеторговой политики относятся:

- обеспечение устойчивого экономического роста и повышение конкурентоспособности национальной экономики;
- защита экономических интересов Российской Федерации, её субъектов и российских лиц;
- создание благоприятных условий для интеграции России в мировую экономику при сохранении экономического суверенитета;
- выполнение международных обязательств РФ в сфере торговли.

Особое внимание уделяется целям, связанным с безопасностью:

- обеспечение национальной безопасности посредством контроля за экспортом и импортом товаров, технологий и услуг, которые могут быть использованы в военных или двойных целях (экспортный контроль);
- предотвращение угроз, возникающих в результате недобросовестной иностранной конкуренции (демпинг, субсидированный импорт, внезапный рост импорта);
- защита внутреннего рынка от существенного ущерба или угрозы ущерба отраслям национальной экономики;
- реализация экономических санкций и ограничительных мер в целях защиты национальных интересов и выполнения решений международных организаций.

Внешнеторговая политика рассматривается как один из ключевых инструментов обеспечения экономической безопасности государства, поскольку через неё регулируются критически важные для обороны и технологического суверенитета поставки (товары двойного назначения, высокотехнологичная продукция), уязвимые сектора экономики, подверженные внешним шокам и санкционному давлению, а также зависимость от импорта по стратегическим товарам и технологиям.

Представляется, что в текущих геополитических условиях внешне-торговая политика трансформируется из инструмента экономической интеграции в механизм защиты национального технологического суверенитета. Это требует пересмотра традиционных подходов к регулированию, где приоритет смещается от либерализации торговли к селективной протекции критически важных отраслей.

Нормативная основа регулирования внешнеторговой политики

Правовую основу регулирования внешнеторговой политики в Российской Федерации составляют Конституция РФ, Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», Таможенный кодекс ЕАЭС, федеральные законы в области таможенного регулирования, экспортного контроля, технического регулирования, санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер, а также акты Президента и Правительства РФ. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» устанавливает, что меры государственного регулирования внешнеторговой деятельности могут вводиться исходя из национальных интересов, в том числе в целях обеспечения национальной безопасности. Федеральный закон № 164-ФЗ определяет цели, принципы, методы и инструменты государственного регулирования внешнеторговой деятельности, полномочия федеральных органов государственной власти.

Важное место в системе нормативного регулирования занимает Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», который определяет основные направления государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, включая внешнеэкономическое сотрудничество и реализацию конкурентных преимуществ экспортно ориентированных секторов экономики. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (в действующей редакции) определяет национальные интересы и стратегические приоритеты в области национальной безопасности.

На практике положения о снижении импортозависимости по стратегическим товарам требуют более детальной операционализации через отраслевые программы и конкретные целевые показатели.

Основные положения Стратегии экономической безопасности в сфере внешнеторговой политики

Согласно Указу Президента РФ № 208, к основным направлениям государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности относятся:

- повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества и реализация конкурентных преимуществ экспортно ориентированных секторов экономики;
- обеспечение устойчивости национальной экономики к внешним и внутренним вызовам и угрозам, включая санкционное давление, дискриминационные меры в отношении ключевых секторов экономики России, использование развитыми государствами своих преимуществ в уровне развития экономики и высоких технологий в качестве инструмента глобальной конкуренции;
- обеспечение экономического суверенитета Российской Федерации, что предполагает снижение критической зависимости от импорта по стратегическим товарам и технологиям, диверсификацию экспорта и импорта, развитие несырьевого экспорта;
- обеспечение безопасности экономической деятельности, включая защиту от недобросовестной иностранной конкуренции, контроль за экспортом товаров и технологий двойного назначения, защиту внутреннего рынка от существенного ущерба или угрозы ущерба отечественным производителям (табл. 1).

Таблица 1. Связь целей внешнеторговой политики с целями экономической безопасности

Цель внешнеторговой политики	Соответствующая цель экономической безопасности	Инструменты достижения
Защита внутреннего рынка от недобросовестной иностранной конкуренции	Обеспечение устойчивости реального сектора экономики	Специальные защитные, антидемпинговые, компенсационные меры; квоты; пошлины
Контроль за экспортом товаров и технологий двойного назначения	Поддержание потенциала отечественного оборонно-промышленного комплекса на уровне, необходимом для решения задач военно-экономического обеспечения обороны страны	Экспортный контроль; лицензии; запреты на экспорт

Цель внешнеторговой политики	Соответствующая цель экономической безопасности	Инструменты достижения
Диверсификация экспорта и снижение сырьевой зависимости	Обеспечение экономического суверенитета и устойчивости к внешним шокам	Тарифные льготы для несырьевого экспорта; субсидии; поддержка экспортеров
Гармонизация с международными стандартами при сохранении достаточного уровня защиты	Повышение конкурентоспособности экономики и интеграция в мировую экономику	Технические регламенты; санитарные и фитосанитарные меры; соглашения в рамках ЕАЭС и ВТО

Источник: составлено автором.

Цели внешнеторговой политики в контексте экономической безопасности

Анализ нормативных актов позволяет выделить следующие цели внешнеторговой политики, непосредственно связанные с обеспечением экономической безопасности. Защита внутреннего рынка от недобросовестной иностранной конкуренции реализуется через специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, предусмотренные Федеральным законом от 08.12.2003 № 165-ФЗ. Данные меры направлены на обеспечение устойчивости реального сектора экономики.

Контроль за экспортом товаров и технологий двойного назначения осуществляется в рамках Федерального закона «Об экспортном контроле» и направлен на поддержание потенциала отечественного оборонно-промышленного комплекса и предотвращение использования российских товаров и технологий в военных целях недружественными государствами.

Диверсификация экспорта и снижение сырьевой зависимости способствует обеспечению экономического суверенитета и устойчивости национальной экономики к внешним шокам. Реализуется через тарифные льготы для несырьевого экспорта, субсидии и меры поддержки экспортеров.

Снижение критической зависимости от импорта по стратегическим товарам и технологиям является ключевым направлением в условиях санкционного давления и технологических эмбарго. Предполагает развитие отечественного производства критически важной продукции. Внешнеторговой политики РФ обеспечивает укрепление позиций России в мировой экономике и общественно-политическую стабильность.

В условиях глобальной геополитической нестабильности внешнеторговая политика России перешла «суверенной кооперации», где приоритет отдается партнёрству со странами, не присоединившимися к санкционным режимам, и развитию собственных технологических платформ.

Инструменты реализации целей экономической безопасности через внешнеторговое регулирование

На основе анализа нормативных актов можно выделить следующие основные инструменты государственного регулирования внешнеторговой деятельности, направленные на обеспечение экономической безопасности, представленные в таблице 2.

Таблица 2. Основные инструменты государственного регулирования внешнеторговой деятельности

Инструмент	Нормативная основа	Цель применения
Таможенные пошлины (ввозные, вывозные)	ТК ЕАЭС, ФЗ о таможенном регулировании	Защита внутреннего рынка; регулирование объёмов экспорта
Количественные ограничения (квоты)	ФЗ № 164-ФЗ, постановления Правительства РФ	Защита внутреннего рынка; выполнение международных обязательств
Лицензирование экспорта и импорта	ФЗ № 164-ФЗ, ФЗ «Об экспортном контроле»	Контроль за оборотом товаров двойного назначения; обеспечение национальной безопасности
Специальные защитные, антидемпинговые, компенсационные меры	ФЗ № 165-ФЗ	Защита от недобросовестной иностранной конкуренции
Технические регламенты	ФЗ «О техническом регулировании»	Защита жизни и здоровья людей, имущества, окружающей сред

Инструмент	Нормативная основа	Цель применения
Санитарные, фитосанитарные и ветеринарные меры	ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии», ФЗ «О карантине растений», Закон «О ветеринарии»	Защита здоровья населения, животных и растений
Экспортный контроль	ФЗ «Об экспортном контроле»	Предотвращение использования товаров и технологий в военных целях
Экономические санкции и ограничительные меры	Указы Президента РФ	Защита национальных интересов в ответ на недружественные действия иностранных государств

Источник: составлено автором.

Согласно Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года, к основным вызовам и угрозам относятся в сфере внешней торговли:

- стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики и высоких технологий в качестве инструмента глобальной конкуренции;
- усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе;
- использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики России (санкции, ограничения доступа на рынки, технологические эмбарго);
- критическая зависимость от импорта по стратегическим товарам и технологиям;
- недобросовестная иностранная конкуренция (демпинг, субсидированный импорт, внезапный рост импорта);
- риски, связанные с экспортом товаров и технологий, которые могут быть использованы в военных целях или для создания оружия массового поражения.

Проблемы и перспективы совершенствования правового регулирования

Несмотря на наличие разветвлённой нормативной базы, в сфере регулирования внешнеторговой деятельности сохраняются следующие проблемы:

1. Необходимость актуализации перечней товаров, подлежащих экспортному контролю, в связи с появлением новых технологий и изменением геополитической обстановки.
2. Совершенствование механизмов защиты внутреннего рынка в условиях роста импорта из отдельных стран и недобросовестной конкуренции.
3. Оптимизация административных процедур для участников внешнеторговой деятельности с целью снижения издержек и повышения конкурентоспособности российского экспорта.
4. Гармонизация национального законодательства с международными обязательствами в рамках ЕАЭС при сохранении высокого уровня защиты национальных интересов.

Перспективы совершенствования нормативного регулирования включают разработку комплексной стратегии развития несырьевого экспорта с учётом целей экономической безопасности, усиление межведомственного взаимодействия в сфере экспортного контроля и таможенного регулирования, внедрение цифровых технологий в процессы лицензирования и контроля внешнеторговой деятельности (система «Одно окно»), а также развитие договорно-правовой базы в рамках ЕАЭС и других международных объединений для обеспечения благоприятных условий доступа российских товаров на внешние рынки.

В среднесрочной перспективе (до 2030 года) можно ожидать дальнейшей фрагментации мировой торговой системы, что будет способствовать разработке адаптивных механизмов регулирования, позволяющих оперативно реагировать на изменения в доступе к технологиям и рынкам сбыта. Особое внимание следует уделить развитию национальной системы стандартизации, которая могла бы стать альтернативой западным техническим регламентам.

Заключение

Проведённый анализ нормативно-правовой базы позволяет сделать вывод о том, что внешнеторговая политика Российской Федерации является важным инструментом обеспечения экономической безопасности государства. Цели внешнеторговой политики, закреплённые в Федеральном законе № 164-ФЗ, коррелируют с задачами обеспечения

экономической безопасности, определёнными в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года.

Основные инструменты государственного регулирования внешнеторговой деятельности (таможенные пошлины, квоты, лицензии, специальные защитные меры, экспортный контроль, технические и санитарные требования) направлены на защиту внутреннего рынка, обеспечение национальной безопасности, диверсификацию экспорта и снижение критической зависимости от импорта.

Вместе с тем, в условиях динамичного изменения внешнеэкономической конъюнктуры и усиления санкционного давления требуется дальнейшее совершенствование нормативной базы в сфере внешнеторгового регулирования. Приоритетными направлениями должны стать актуализация перечней контролируемых товаров, оптимизация административных процедур, развитие цифровых технологий в сфере внешнеторгового администрирования и укрепление договорно-правовой базы в рамках международных объединений.

Для повышения эффективности внешнеторговой политики как инструмента экономической безопасности целесообразно разработать отраслевые «дорожные карты» импортозамещения по критическим товарным позициям с чёткими целевыми показателями и механизмами мониторинга их достижения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп. от 2020 г.) – URL: <https://base.garant.ru/71672608/> (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
2. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 2023 г.) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
4. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/ (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
5. О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров: Федеральный закон от 08.12.2003 № 165-ФЗ (ред. от 2025 г.) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45398/ (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
6. Об экспортном контроле: Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14157/page/1> (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
7. О техническом регулировании: Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 2025 г.) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/ (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
8. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 2025 г.) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
9. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
10. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/576887823f291ab761d8a97a3286717ddbca7c6d/ (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
11. Экономическая безопасность: учеб. пособие / под ред. В.Ю. Бузова. – Чита.: ЗабГУ, 2021. – 324 с. – URL: <https://jasulib.org.kg/wp-content/uploads/2023/11/9.-Под-ред.-В.Ю.Бузова-Экономическая-безопасность-2.pdf> (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.
12. Внешнеэкономическая политика России в условиях глобальных вызовов: монография / под ред. А.А. Ткаченко. – Москва: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2023. – 231 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс]. – (Научная книга). – ISBN 978-5-9558-0651-8. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2019751> (дата обращения: 30.07.2026).
13. Экономическая безопасность внешнеторговой деятельности: учеб. пособие / под ред. Е.В. Орловой. – М.: КНОРУС, 2024. – 320 с.
14. С. А. Дьяков, М.М. Мусавев, К.М. Саввиди ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ САНК-

ЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ // Вестник Академии знаний. 2025. № 3 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-kommercheskih-organizatsii-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya> (дата обращения: 30.07.2026).

15. Аветисян К.Р., Панков Е.С. Правовые основы обеспечения национальной безопасности критической информационной инфраструктуры // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-kriticheskoy-informatsionnoy-infrastruktury> (дата обращения: 30.07.2026).

16. Иванова, В.И. Внешнеэкономическая деятельность российских экономических субъектов: Учебное пособие / В.И. Иванова. – Москва: Перо, 2024. – 186 с. – ISBN 978-5-00244-821-0.

17. Магомедова З.Г. Диверсификация экспорта как условие экономического роста в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diversifikatsiya-eksporta-kak-uslovie-ekonomicheskogo-rosta-v-rossii> (дата обращения: 30.07.2026).

18. Викулова, М.А. Совершенствование политики технологической независимости России в условиях геополитической турбулентности / М.А. Викулова, В.И. Иванова // Финансовая безопасность – новые горизонты: Материалы XI Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ, Москва, 19–21 ноября 2025 года. – Москва: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2025. – С. 542–551.

19. Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://economy.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.

20. Федеральная таможенная служба: официальный сайт. – URL: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.

21. Евразийская экономическая комиссия: официальный сайт. – URL: <https://eec.eaunion.org> (дата обращения: 30.07.2026). – Текст: электронный.

REGULATORY AND LEGAL REGIMENT OF FOREIGN TRADE POLICY AS A TOOL FOR ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ivanova V.I.
State University of Management

The article examines the legal regulation of foreign trade policy of the Russian Federation as an instrument for ensuring the economic security of the state. Based on the analysis of Federal Law No. 164-FZ of 08.12.2003 "On the Basics of State Regulation of Foreign Trade Activities", Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of 13.05.2017 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030", and related regulatory acts, the interconnection between the objectives of foreign trade policy and the tasks of ensuring economic security is revealed. The main instruments of state regulation of foreign trade activities aimed at protecting the domestic market, controlling the export of goods and dual-use technologies, diversifying exports, and reducing critical dependence on imports of strategic goods and technologies are identified. It is concluded that improving the legal framework in the field of foreign trade regulation is a necessary condition for increasing the resilience of the national economy to external challenges and threats in the context of sanctions pressure.

Keywords: foreign trade policy, economic security, state regulation, export control, Economic Security Strategy, Federal Law No. 164-FZ, Decree of the President of the Russian Federation No. 208.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on December 12, 1993 (with amendments and additions of 2020). – URL: <https://base.garant.ru/71672608/> (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
2. On Security: Federal Law No. 390-FZ dated December 28, 2010 (as amended in 2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
3. On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law No. 172-FZ dated June 28, 2014 (as amended in 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 26 (Part I). – Art. 3378. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
4. On Fundamentals of State Regulation of Foreign Trade Activities: Federal Law No. 164-FZ dated December 8, 2003. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/ (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
5. On Special Protective, Anti-Dumping and Compensatory Measures in Import of Goods: Federal Law No. 165-FZ dated December 8, 2003 (as amended in 2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45398/ (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
6. On Export Control: Federal Law No. 183-FZ dated July 18, 1999. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14157/page/1> (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
7. On Technical Regulation: Federal Law No. 184-FZ dated December 27, 2002 (as amended in 2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/ (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
8. On Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population: Federal Law No. 52-FZ dated March 30, 1999 (as amended in 2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
9. On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 208 dated May 13, 2017. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
10. Customs Code of the Eurasian Economic Union. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/576887823f291ab761d8a97a3286717ddbca7c6d/ (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
11. Economic Security: study guide / ed. by V. Yu. Burov. – Chita: ZabGU, 2021. – 324 p. – URL: <https://iasulib.org/kg/wp-content/uploads/2023/11/9.-Под-ред.-В.Ю.Бурова-Экономическая-безопасность-2.pdf> (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
12. Foreign Economic Policy of Russia in the Context of Global Challenges: monograph / ed. by A.A. Tkachenko. – Moscow: Vuzovskiy Uchebnik: INFRA-M, 2023. – 231 p. + Additional materials [Electronic resource]. – (Scientific Book). – ISBN 978-5-9558-0651-8. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2019751> (accessed: 30.07.2026).
13. Economic Security of Foreign Trade Activities: study guide / ed. by E.V. Orlova. – Moscow: KNORUS, 2024. – 320 p.
14. Dyakov, S.A., Musaev, M.M., Savvidi, K.M. ECONOMIC SECURITY OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS UNDER SANCTIONS PRESSURE // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2025. No. 3 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-kommercheskih-organizatsii-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya> (accessed: 30.07.2026).
15. Avetisyan, K.R., Pankov, E.S. Legal Foundations of Ensuring National Security of Critical Information Infrastructure // Bulletin of Economic Security. 2026. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-kriticheskoy-informatsionnoy-infrastruktury> (accessed: 30.07.2026).
16. Ivanova, V.I. Foreign Economic Activities of Russian Economic Entities: Study Guide / V.I. Ivanova. – Moscow: Pero, 2024. – 186 p. – ISBN 978-5-00244-821-0.
17. Magomedova, Z.G. Export Diversification as a Condition for Economic Growth in Russia // Russian Foreign Economic Bulletin. 2009. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diversifikatsiya-eksporta-kak-uslovie-ekonomicheskogo-rosta-v-rossii> (accessed: 30.07.2026).
18. Vikulova, M.A., Ivanova, V.I. Improving the Policy of Technological Independence of Russia in the Context of Geopolitical Turbulence / M.A. Vikulova, V.I. Ivanova // Financial Security – New Horizons: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference of the International Network Institute in the Field of AML/CFT, Moscow, November 19–21, 2025. – Moscow: National Research Nuclear University MEPhI, 2025. – P. 542–551.
19. Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website. – URL: <https://economy.gov.ru> (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
20. Federal Customs Service: official website. – URL: <https://customs.gov.ru> (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.
21. Eurasian Economic Commission: official website. – URL: <https://eec.eaunion.org> (accessed: 30.07.2026). – Text: electronic.

К вопросу об уголовной ответственности за нарушение правил землепользования по законодательству Китайской Народной Республики (ст. 342 УК Китая)

Наумов Вячеслав Викторович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права,
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: crilaw@yandex.ru

Сохранение сельскохозяйственных земель в Китайской Народной Республике отнесено к стратегическим приоритетам национальной безопасности – политика «красной линии пашни». В научной статье исследуется уголовно-правовой механизм защиты сельскохозяйственных угодий – состав преступления, предусмотренный ст. 342 УК КНР; не только с учетом эволюции диспозиции данной уголовно-правовой нормы после Второй поправки (31.08.2001) к действующему УК КНР, но и принятия новеллы – Экологического кодекса КНР. Впервые представлена подробная характеристика объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 342 УК КНР, с учетом действующих разъяснений содержания и порядка применения исследуемой уголовно-правовой нормы, опубликованных материалов судебно-следственной практики Китая и монографических исследований.

Ключевые слова: ст. 342 УК КНР, уголовная ответственность, незаконное землепользование, изменение целевого назначения земель, сельскохозяйственные угодья, значительный ущерб земельным ресурсам.

Введение

Земельные ресурсы являются основой экономики и жизнедеятельности населения в Китайской Народной Республике, выступая важнейшим ресурсом для выживания и развития человека. Государство, исходя из природных характеристик различных категорий земель, вида разрешенного землепользования и потребностей социально-экономического развития, планирует использование данных ресурсов. Именно защита сельскохозяйственных земель – важная составляющая обеспечения китайской национальной безопасности. Концепция «красной линии пашни» – комплексный нормативный правовой запрет, устанавливающий барьер для сокращения общей площади пашни в Китае ниже 1,8 млрд ед. му (≈120 млн. га). Подобное строгое регулирование продиктовано объективными демографическо-ресурсными ограничениями: обладая лишь около 7–9% мировых пахотных угодий, КНР вынуждена обеспечивать продовольствием почти 20% населения планеты. С 2020 года защита сельскохозяйственных земель – это одна из ключевых задач правоохранительных органов КНР, в том числе и Министерства общественной безопасности КНР, которое включило незаконное землепользование в список приоритетов деятельности. Принятие 12 марта 2026 года Экологического кодекса КНР, вступление в законную силу которого запланировано 15 августа 2026 года, знаменует собой стратегическую консолидацию всего природоохранного законодательства. Бесспорно, в качестве крайнего средства обеспечения сохранности земли и рационального землепользования выступает именно уголовно-правовой запрет, установленный ст. 342 УК КНР. И, если первоначальная редакция Уголовного кодекса Китая 1997 года ограничивала сферу уголовно-правовой охраны исключительно пахотными землями, то в действующей редакции контур существенно расширен до категории «сельскохозяйственных угодий» в их широком понимании.

Основная часть

Статья 342 УК КНР устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил землепользования, выражающееся в незаконном занятии пахотных, лесных или иных сельскохозяйственных земель, изменении их целевого назначения (вида разрешенного использования), которое причиняет значительный ущерб указанным категориям угодий.

Правильная квалификация содеянного по ст. 342 УК Китая невозможна без комплексного анализа объективных и субъективных признаков, используемых законодателем при «обрисовке» данного состава преступления.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 342 УК КНР, выступает национальная система управления сельскохозяйственными землями.

Понятие «сельскохозяйственные земли (угодья – авт. перевод)» – предмет преступления по анализируемой статье, подробно раскрывается в положениях ст. 4 Закона КНР об управлении земельными ресурсами (землей). Соответственно, это земли, используемые для сельскохозяйственного производства:

- опорные сельхозугодья – пахотные земли (в том числе сады);
- лесные угодья;
- пастбища;
- земли под ирригационными и мелиоративными водными объектами (например, земли под водоемами для выращивания аквакультур и т.п.).

К категории пахотных земель китайский законодатель относит земельные участки, предназначенные для возделывания сельскохозяйственных культур, – причем и впервые вовлеченные в аграрный оборот в установленном законом порядке; залежные земли; земли, находящиеся под севооборотом; участки, преимущественно занятые сельскохозяйственными культурами, с произрастающими на них отдельными стоящими деревьями; намывные земли, освоенные под пашню более трех лет; земли, ранее использовавшиеся для выращивания сельскохозяйственных культур в течение последних трех лет.

Лесные угодья включают в себя древесные, бамбуковые, кустарниковые и иные лесные насаждения; участки редколесья; лесозащитно-защитные участки; питомники и земли, пригодные для лесовосстановления, запланированного народными властями уездного (более

высокого) уровня, с плотностью древесно-кустарникового покрова 0,2 и выше.

В правоприменительной практике возникает вопрос к какой категории относить земли садов, используемые для выращивания многолетних древесных и травянистых растений для сбора плодов (листьев), а также саженцев, рассады и др. (с плотность посадки 0,5 и выше). Классификатор землепользования КНР 2017 года определяет сады, а также чайные плантации именно как сельскохозяйственные угодья. Учитывая значимость данного типа угодий для социально-экономического развития «Поднебесной», судебная практика приравнивает подобные земли к пахотным [7].

Пастбища представляют собой участки местности, на которых преобладают травянистые растения, с возможными включениями кустарников и/или разреженных лесов, используемые для выпаса скота.

Объективная сторона нарушения правил землепользования характеризуется деянием в форме действия/бездействием – нарушением правил землепользования – незаконное занятия пахотных, лесных или иных сельскохозяйственных земель, изменения их целевого назначения (вида разрешенного использования), при которых причиняется значительный ущерб указанным угодьям.

Бланкетный характер диспозиции ст. 342 УК КНР предопределяет необходимость обращения к массиву бланкетно-отсылочного законодательства, формирующего признак незаконности или противоправности деяния. Статья 75 Закона КНР об управлении земельными ресурсами определяет, что лицо, которое нарушает закон, занимая обрабатываемые земли, несанкционированно осуществляет строительство домов, добычу песка, извлечение грунта на обрабатываемых землях тем самым нанося ущерб условиям выращивания, вызывая опустынивание или засоление земель, обязано по распоряжению органов власти прекратить противоправную деятельность, восстановить первоначальное состояние земель в установленный срок. При этом виновный подлежит привлечению к ответственности, в том числе и к уголовной.

Объем уголовно-правового запрета определяется исключительно всекитайскими законами, принятыми Всекитайским собранием народных представителей (далее – ВСНП) и его Постоянным комитетом, например, упомянутым уже Законом КНР об управлении земельными ресурсами или Законом КНР о лесах (*Лесным кодексом*), Законом КНР о пастбищах (*о лугах и пастбищах* – авт. перевод) и др., а также иными нормативными правовыми актами, утвержденными Государственным советом КНР.

В частности, ст. 4 Закона КНР об управлении земельными ресурсами институционализирует систему строгого контроля использования сельскохозяйственных угодий: государство внедряет систему контроля землепользования, ограничивая возможности преобразования сельскохозяйственных земель в земли под застройку, контролируя их общую площадь и обеспечивая особую защиту пахотных земель. Юридические и физические лица должны осуществлять землепользование в соответствии с целевым предназначением угодий и в соответствии с генеральным планом землеустройства в Китае. Аналогичные ограничительные механизмы заложены и в ст. 38 Закона КНР о пастбищах: горнодобывающие и промышленные предприятия не должны занимать площади пастбищ; если необходимо реквизируют или использовать пастбища не для сельскохозяйственных нужд, следует получить одобрение государственного управления лесного хозяйства и пастбищ (NFGA) уровня провинции или выше. Особую значимость вопросы сохранения пастбищ приобретают для макрорегионов с обширными естественными лугами – Внутренняя Монголия, Синьцзян, Тибетское нагорье.

Соответственно, противоправность землепользования по ст. 342 УК КНР констатируется лишь в тех случаях, когда фактическое землепользование или модификация целевого назначения угодий осуществляются с нарушениями установленного в Китае разрешительного порядка.

В китайской правоприменительной практике незаконное землепользование охватывает четыре формы противоправного поведения, каждая из которых может образовывать объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 342 УК КНР.

1. Как уже было отмечено, *самовольное* землепользование, осуществляемое в нарушение установленного порядка, – фактическое использование сельскохозяйственных угодий без получения разрешения (*одобрения и согласования* – авт. перевод) со стороны уполномоченных государственных органов в сфере управления земельными ресурсами.

2. Превышение объемов землепользования, когда виновное лицо формально располагает законными основаниями для пользования определенной частью земельного участка, однако фактически выходит

за пределы его разрешенных границ, незаконно используя дополнительные площади сельскохозяйственных угодий.

3. Нарушение установленных сроков землепользования проявляется в продолжении пользования землей после истечения срока действия правоустанавливающих документов, в том числе, бездействие виновного – непредоставление документов для пролонгирования или переоформления соответствующего разрешения.

4. Получение сельскохозяйственных земель в пользование путем предоставления недостоверных сведений, подложных документов, искажения информации о землепользовании, подачи заявления неуполномоченным лицом (*при отсутствии признаков хищения*).

Важное значение для квалификации содеянного имеет и содержание понятия изменение «вида разрешенного использования» или «целевого назначения угодий».

В китайской уголовно-правовой доктрине под изменением целевого назначения сельскохозяйственных угодий понимается модификация аграрно-производственного потенциала указанных земель, осуществленная виновным лицом в нарушение установленного разрешительного порядка и вопреки положениям генерального плана землеустройства. Фактически речь идет об использовании земельного участка для целей, не совместимых с его аграрными функциями, в частности, для возведения капитальных строений, разработки недр, организации объектов аквакультуры, обустройства рекреационных зон и объектов; уничтожение лесных массивов/пастбищ с последующим вовлечением их в пашню (например, выкорчевывание деревьев, распахивание лугов и др.); а равно использование лесных и пастбищных угодий под цели рыбоводства.

При квалификации содеянного по ст. 342 УК КНР следует учитывать не формальные признаки правового режима земли, а фактическую утрату сельскохозяйственными угодьями аграрно-производственного потенциала. Иными словами, речь идет о приведении агроэкологических условий участка в состояние, исключающее возможность продолжения соответствующего вида хозяйственной деятельности по целевому назначению.

Во-первых, это полная утрата аграрной функции земельного участка. Она констатируется в случаях, когда на сельскохозяйственных землях – пахотных угодьях – возводятся промышленные объекты, жилые строения, осуществляется добыча песчано-гравийных материалов, выемка грунта, разработка карьеров, строительство дорог, размещение твердых отходов либо проводятся иные работы несельскохозяйственного характера, которые могут приводить к опустыниванию, эрозии почв и иным неблагоприятным для окружающей среды последствиям. Как правило, эти последствия являются необратимыми либо экономически нецелесообразно проводить восстановительные мероприятия, например, из-за их чрезмерной дороговизны. Вместе с тем доктрина и правоприменительная практика проводят разграничение с несущественным или поверхностным вмешательством, которое не затрагивает производственного потенциала угодий. Например, извлечение песка из водоема на арендованном земельном участке может быть произведено без фактического нарушения аграрно-производственного потенциала – для очистки дна водоема, при котором его аквакультурная среда не пострадает; либо выемка грунта на собственном лесном участке может быть выполнена и без ущерба для лесобразующих условий. Подобные случаи охватываются понятием нормальной или обычной хозяйственной деятельности; не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 342 УК КНР.

Во-вторых, – это так называемая «внутриотраслевая трансформация», при которой сельскохозяйственные угодья одного вида преобразуются в угодья иного вида с сохранением общего аграрного статуса. Например, сведение лесных массивов или уничтожение пастбищ с последующим вовлечением их в пашню, обустройство рыбоводных прудов на этих землях и т.п. Формально ценность участка как «сельскохозяйственной земли» при подобных действиях не утрачивается, а в экономическом аспекте может иметь даже больший положительный эффект. Однако с уголовно-правовой точки зрения подобное поведение подрывает принципы дифференцированного землеустройства и рационального распределения аграрно-ресурсного потенциала, заложенные в китайском земельном законодательстве и системе планирования землепользования. Следовательно, если указанная трансформация влечет изменение природно-хозяйственного характера участка либо приводит к состоянию, в котором восстановление первоначальных агроэкологических условий оказывается невозможным, деяние образует состав преступления, предусмотренного ст. 342 УК КНР.

Отметим, что сам по себе факт незаконного землепользования либо трансформации целевого назначения земельного участка не образуют состава уголовно-наказуемого деяния. Исследуемый состав преступления сконструирован законодателем как материальный, что

предопределяет обязательность наступления общественно опасных последствий в виде значительного ущерба сельскохозяйственным угодьям. В соответствии с разъяснениями Верховного народного суда КНР, содержащимися в Толковании по вопросам применения законодательства при рассмотрении уголовных дел о причинении ущерба земельным ресурсам, «значительный ущерб» сельскохозяйственным дифференцирован в зависимости от категории угодий:

- 1) незаконное занятие более 5 ед. му опорных – пахотных земель КНР (1 ед. му приблизительно равна 666,67 квадратных метра);
- 2) незаконное занятие более 5 ед. му охраняемых лесных угодий или лесных угодий специального назначения;
- 3) незаконное занятие более 10 ед. му иных категорий сельскохозяйственных или лесных угодий;
- 4) незаконное занятие лесных угодий, объединяющих различные категории земель, в которых площадь угодий одного вида превышает 50% от установленных количественных стандартов в пунктах 2 и 3, при этом суммарная площадь этих видов достигает указанных выше значений;
- 5) иные обстоятельства, связанные с существенным объемом незаконно занятых сельскохозяйственных земель (*оценочный признак*) [1, ст. 1, 3].

В соответствии с указанными разъяснениями Верховного народного суда КНР незаконное занятие пастбищных угодий, изменение их целевого назначения на площади 20 ед. му и более; незаконное занятие пастбищных угодий и/или изменение их целевого назначения на площади 10 ед. му и более лицом, ранее подвергавшимся административной ответственности за это же деяние в течение трех лет, предшествующих его совершению, оцениваются именно как иные обстоятельства, связанные с существенным объемом незаконно занятых сельскохозяйственных земель [1, ст. 2].

Значимым аспектом при квалификации содеянного по ст. 342 УК КНР выступают особенности исчисления площади земельного участка, которому, в результате совершения преступления, причинен ущерб. В китайской уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике дискуссионным остается вопрос о включении в площадь сельскохозяйственных угодий площади объектов инфраструктуры вспомогательного назначения – мелиоративных сетей (канал, арыков и др.), а также внутрихозяйственных дорог и полевых межей (при нормативных параметрах: ширине около 1,0 м. в южных провинциях и – до 2,0 м. в северных). С аграрной и экономической точек зрения, данные элементы инфраструктуры вспомогательного назначения обеспечивают технологическую связь производства и мелиоративный баланс, являясь функционально частью массива сельскохозяйственных земель. Следовательно, повреждение или изъятие элементов инфраструктуры вспомогательного назначения делает невозможным целевое использование угодий, задействованных непосредственно в производстве сельскохозяйственной продукции. Обоснованность этого вывода косвенно подтверждается и положениями Закона КНР об управлении земельными ресурсами. Китайский законодатель, определяя категорию «сельскохозяйственные земли», выделяет критерий – «возможность использования земли в сельскохозяйственном производстве», который семантически является значительно шире понятия «возделывание сельскохозяйственных культур». Таким образом, при квалификации содеянного по ст. 342 УК Китая, вышеуказанные вспомогательные инфраструктурные объекты должны рассматриваться в качестве неотделимой части земельного участка сельскохозяйственного назначения; их площадь учитывается при определении размера значительного ущерба, причиненного исследуемым общественно опасным деянием.

В правоприменительной практике КНР нередки случаи, при которых объективно возникает необходимость привлечения экспертов по уголовным делам, возбужденным по ст. 342 УК КНР. Некая поливалентность экспертного инструментария объясняется тем, что сложности в процессе доказывания по делам о незаконном землепользовании носят многоаспектный характер: связаны не только с установлением факта изъятия сельскохозяйственных земель из оборота или оценкой степени деградации плодородного слоя, но и определением стоимости восстановительных работ, и др.

В этой связи интересен обвинительный приговор, вынесенный в 2018 году Народным судом района Хайдянь (г. Пекин) по делу № 60 [8, с. 303–304].

Из материалов уголовного дела следует, что в марте 2016 года подсудимый Лю заключил с гражданином Чи, являвшимся законным представителем сельскохозяйственного кооператива, соглашение о приобретении за 10 млн юаней прав пользования земельным массивом площадью 377 ед. му ($\approx 25,5$ га). С целью сокрытия реального бенефициара сделки и придания обороту видимости правомерности Лю инициировал цепочку фиктивных соглашений, в частности, его во-

дителю Ци было поручено подписать от собственного имени «письмо о намерениях» и принять на себя номинальную должность законного представителя кооператива, формально получив в пользование земельный участок и расположенные на нем строения.

Под эгидой деятельности указанного сельскохозяйственного кооператива Лю организовал масштабную трансформацию сельскохозяйственных угодий, которая в маркетинговых целях получила наименование «Усадьба Цзивэй».

К 28 сентября 2016 года на территории бывших овощных теплиц были возведены искусственные холмы, вырыты рыбные пруды, проложены дороги, а 260 тепличных сооружений реконструированы в летние резиденции (дачные домики) площадью 350–550 кв. метров каждый, предназначенные для коммерческой аренды.

По результатам обследования, проведенного Яньцинским отделением Пекинского муниципального управления земельными ресурсами, фактическая площадь изъятых из сельскохозяйственного оборота пахотных земель составила 2875 ед. му, что существенно превысило размеры ущерба, установленного законодательством для признания содеянного уголовно наказуемым деянием по ст. 342 УК КНР.

При этом, несмотря на последовательное издание органами земельного контроля в апреле 2017 года актов реагирования (о привлечении к административной ответственности, о сносе незаконных строений и др.), подсудимый проигнорировал все предписания уполномоченных органов. На стадии предварительного расследования, а также в ходе судебного разбирательства Лю занял позицию отрицания фактических обстоятельств содеянного и своей причастности к преступлению.

Формирование системы доказательств, необходимой для вынесения обоснованного обвинительного приговора, потребовало от стороны обвинения проведения весьма нетипичной для данной категории уголовных дел судебно-бухгалтерской экспертизы [8, с. 303–304]. Именно ее результаты позволили документально реконструировать движение денежных средств по огромному массиву сделок, совершенных виновными. Подсудимый Лю был признан судом виновным в незаконном землепользовании, причинившем значительный ущерб сельскохозяйственным угодьям – ст. 342 УК КНР.

Конструкция исследуемого деликта предусматривает расширительную трактовку субъектного состава, включая в него наряду с вменяемыми физическими лицами также корпоративные образования – юридических лиц [6, с. 403–404]. Механизм реализации уголовной ответственности в этом случае носит бифуркационный характер: к организации-деликвенту применяется мера уголовно-правового характера в виде денежного штрафа, тогда как к физическим лицам – «непосредственно ответственными лицами», «иному ответственному персоналу», может применяться лишение свободы на определенный срок или арест, а также денежный штраф [3, с. 330].

Внутренняя – субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 342 УК КНР, характеризуется исключительно умышленной формой вины. Интеллектуальный момент – осознание виновным факта незаконного землепользования; предвидение возможности/неизбежности наступления общественно опасных последствий. Волевой момент – желание/сознательное допущение наступления преступных последствий – значительного ущерба земельным ресурсам [4].

Санкция ст. 342 УК Китая сконструирована по альтернативно-кумулятивному принципу. Основным видом наказания физических лиц выступает лишение свободы на срок до пяти лет либо арест. Как правило, дополнительно назначается наказание в виде денежного штрафа. Целесообразность его назначения и размер переведены в плоскость судебного усмотрения (санкция исследуемой нормы УК КНР не фиксирует ни нижнего, ни верхнего пределов величины штрафа). Судебная практика Китая свидетельствует о том, что штраф за совершение деяния, предусмотренного ст. 342 уголовного закона, рассчитывается с учетом стоимости восстановления утраченных агроэкологических свойств земель, которым был причинен ущерб. Величина денежного штрафа либо соответствует ей, либо превышает, но не более чем в два раза. В целом, конструкция исследуемой уголовно-правовой нормы позволяет суду в полной мере реализовать принцип индивидуализации наказания с учетом тяжести содеянного и личности правонарушителя.

Заключение

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 342 УК Китая, выступает национальная система управления сельскохозяйственными землями. Предмет преступления – земли, непосредственно используемые в сельскохозяйственном производстве – опорные сельскохозяйственные земли, включая сады; лесные угодья, пастбища,

а также земли под ирригационными и мелиоративными водными объектами, водоемами для выращивания аквакультуры и др.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется деянием в форме действия или бездействия: незаконное землепользование или изменение вида разрешенного использования. Материальная конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 342 УК КНР, предопределяет необходимость установления не только факта противоправного поведения – общественно-опасного деяния, но и наступления последствий – значительного ущерба сельскохозяйственным угодьям. При квалификации содеянного обязательным является причинно-следственная связь деяния с наступившими последствиями.

Субъективная сторона исследуемого состава преступления характеризуется исключительно умышленной формой вины.

Субъект преступления – физическое и/или юридическое лицо [5].

Литература

1. Толкование (разъяснения – авт. перевод) Верховного народного суда КНР по вопросам применения законодательства при рассмотрении уголовных дел о причинении ущерба земельным ресурсам // «Фа» «Ши». № 14. 2000.

2. Уведомление Верховной народной прокуратуры КНР и Министрства общественной безопасности КНР об утверждении положений о порядке возбуждения и расследования уголовных дел, находящихся в юрисдикции органов общественной безопасности (I) // Уведомление общественной безопасности № 36. 25 июня 2008.

3. Наумов В.В. Уголовная ответственность за незаконный ввоз и/или обращение импортированных из-за пределов территории КНР твердых отходов, а также за их самовольный ввоз без разрешительных документов в качестве вторичного сырья по законодательству Китая (ст. 339 УК КНР) // Юридическая наука. 2025. № 10. С. 327–331.

4. Наумов В.В. Уголовная ответственность за незаконную добычу/вылов водных биоресурсов (продуктов водного мира) по законодательству Китая (ст. 340 УК КНР) // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 356–362.

5. Наумов В.В. К вопросу об уголовно-правовом обеспечении экологической безопасности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 11. С. 124–130.

6. Наумов В.В. О некоторых особенностях уголовной ответственности за экологические преступления по законодательству России и Китая // Юридическая наука. 2026. № 6. С. 402–405.

7. Фу Цзиньлань. Земли садов как предмет преступления по ст. 342 УК КНР // Прокуратура Китая. № 22. 2020.

8. Чжао Тяньхун. Преступления, связанные с воспрепятствованием правосудию и причинением ущерба окружающей среде / под ред. На-

циональной коллегии прокуроров КНР. Пекин: «China Legal Publishing House», 2022. 378 с.

ON SOME FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF LAND USE RULES UNDER THE LEGISLATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (ARTICLE 342 OF THE CRIMINAL CODE OF CHINA)

Naumov V.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

The preservation of agricultural land in the People's Republic of China is considered a strategic priority of national security – the «arable land red line» policy. This article examines the criminal-legal mechanism for protecting agricultural land – the offense under Article 342 of the Criminal Code of the People's Republic of China – taking into account not only the evolution of this criminal-legal provision following the Second Amendment (August 31, 2001) to the current Criminal Code of the People's Republic of China, but also the adoption of the new Environmental Code of the People's Republic of China. For the first time, a detailed description of the objective and subjective elements of the offense under Article 342 of the Criminal Code of the People's Republic of China is presented, taking into account current clarifications of the content and application of this criminal-legal provision, published materials from Chinese judicial and investigative practice, and monographs.

Keywords: Article 342 of the Criminal Code of the People's Republic of China, criminal liability, illegal land use, change of land designation, agricultural land, significant damage to land resources.

References

1. Interpretation (clarifications – author's translation) of the Supreme People's Court of the PRC on the Application of Legislation in Considering Criminal Cases Concerning Damage to Land Resources // Fa Shi. № 14. 2000.

2. Notice of the Supreme People's Procuratorate of the PRC and the Ministry of Public Security of the PRC on Approval of the Regulations on the Procedure for Initiating and Investigating Criminal Cases under the Jurisdiction of Public Security Organs (I) // Public Security Notice № 36. June 25, 2008.

3. Naumov V.V. Criminal Liability for Illegal Import and/or Circulation of Solid Waste Imported from Outside the Territory of the PRC, as well as for Their Unauthorized Import without Permits as Secondary Raw Materials under Chinese Law (Article 339 of the Criminal Code of the PRC) // Legal Science. 2025. № 10. Pp. 327–331.

4. Naumov V.V. Criminal Liability for Illegal Extraction/Catch of Aquatic Bioresources (Aquatic Products) under Chinese Law (Article 340 of the Criminal Code of the PRC) // Legal Science. 2025. № 11. Pp. 356–362.

5. Naumov V.V. On the Issue of Criminal-Law Support of Environmental Safety in the Russian Federation and the People's Republic of China // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2025. № 11. Pp. 124–130.

6. Naumov V.V. On Some Features of Criminal Liability for Environmental Crimes under the Legislation of Russia and China // Legal Science. 2026. № 6. Pp. 402–405.

7. Fu Jinlan. «Orchard Land as the Subject of a Crime under Article 342 of the Criminal Code of the People's Republic of China» // Prosecutor's Office of China. № 22. 2020.

8. Zhao Tianhong. Crimes Related to Obstruction of Justice and Damage to the Environment / edited by the National College of Prosecutors of the People's Republic of China. Beijing: China Legal Publishing House, 2022. 378 pp.

Пархоменко Алина Аликовна,

аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

В статье автор рассматривает понятие гранта, применяемого в законодательстве Российской Федерации, а также путем анализа и обобщения выделяет повторяющиеся признаки, гранта, которые могут быть его сущностную характеристику в отсутствии единого правового определения понятия «грант». Также дана оценка повторяющимся признакам гранта, рассмотрены подходы судебных инстанций к установлению правовой природы грантов.

Ключевые слова: грант, пожертвование, дарение, безвозвратность, целевой характер.

Грантовая поддержка деятельности физических и юридических лиц в настоящее время приобрела широкое распространение благодаря тому, что активное участие в предоставлении грантов принимает государство в лице специализированных фондов. В частности, можно назвать Фонд Президентских грантов, Президентский фонд экологических и природоохранных проектов, Российской научный фонд, Президентский фонд культурных инициатив, Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) и другие.

Правовое регулирование грантовой деятельности охватывает уровень нормативных правовых актов от федеральных законов до локальных актов грантодателей. Поэтому, изучая такой феномен, как грант, следует выяснить, в каких законах и подзаконных актах содержится понятие грант и что законодатель понимает под грантом, как можно оценить правовую природу грантов. Можно ли считать грант дарением, пожертвованием, или это оплата услуг, которые грантополучатель оказывает грантодателю.

С этой целью следует обратиться не только к нормам, содержащим непосредственное определение «грант», но и к нормам, которые строго формального понятия гранта не дают, но раскрывают его сущность через характеристику признаков.

Понятие гранта на уровне федерального закона содержится в ФЗ РФ «О науке и государственной научно-технической политике» № 127-ФЗ от 23.08.1996 года (далее – Закон о научно-технической политике).

Согласно Закону о научно-технической политике под грантами следует понимать денежные и иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами, в том числе иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами, а также международными организациями, получившими право на предоставление грантов на территории РФ в установленном Правительством РФ порядке, на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, проведение конкретных научных исследований на условиях, предусмотренных грантодателями (статья 2).

Из данного определения можно выделить следующие признаки гранта: безвозмездность, безвозвратность, грант могут выдавать граждане, юридические лица, грант передается на конкретные цели, условия предоставления гранта определяются грантодателем. Следует заметить, что понятие гранта, содержащееся в Законе о научно-технической политике, не может являться универсальным, применяемым для всех иных грантов, так как сфера закона ограничена регулированием отношений в сфере научно-технической деятельности и государственной поддержки инновационной деятельности. Это следует из преамбулы указанного закона.

Статья 15 федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» № 135-ФЗ от 11.08.1995 года дает такое понимание гранта – благотворительные пожертвования, носящие целевой характер (далее – Закон о благотворительности).

Соответственно, по Закону о благотворительности грант содержит следующие признаки: это пожертвование; грант носит благотворительный и целевой характер. Разберем подробнее указанные признаки гранта в рамках Закона о благотворительности.

Правовой смысл пожертвования раскрывается в статье 582 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Во-первых, пожертвование – разновидность дарения.

Во-вторых, являясь разновидностью дарения, пожертвование могут получать не все лица, а только граждане и организации, которые так или иначе выполняют общественно-социальные функции. К получателям пожертвований относятся граждане, медицинские, образовательные организации, организации социального обслуживания и другие аналогичные организации, благотворительные и научные организации, фонды, музеи и другие учреждения культуры, общественные и религиозные организации, иные некоммерческие организации в соответствии с законом, а также государство, в том числе муниципальные образования.

В-третьих, в отличие от дарения, пожертвование для граждан всегда является целевым, а для юридических лиц – целевой характер может носить, но это необязательно (п. 3 ст. 582 ГК РФ). Целевой характер означает, что средства, выделяемые в рамках гранта, расходуются на определенные цели и определенным образом.

Благотворительный характер выражается в добровольной деятельности граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки (ст. 1 Закона о благотворительности).

Собственно гражданско-правовые понятия гранта ограничиваются указанными выше двумя федеральными законами.

Далее, рассмотрим, что вкладывает в понятие грант бюджетное законодательство. Это важно, так как гранты чаще всего выделяются из бюджетных ассигнований и в какой-то степени подчиняются бюджетному законодательству тоже. Несмотря на то, что в ст. 78 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ) грант рассматривается как разновидность субсидии, самого определения гранта в БК РФ нет.

Поэтому, следует приравнять понятие гранта к субсидии и найти признаки, позволяющие дать правовую характеристику гранту. Статья 78 БК РФ рассматривает широкий круг субсидий со следующими признаками: ассигнования, передаваемые на безвозмездной и безвозвратной основе для возмещения недополученных доходов или для финансового возмещения затрат на деятельность (п. 1 ст. 78 БК РФ), субсидии носят целевой характер (п. 1., п. 3, подп. 1, 2 п. 8.3.), субсидии являются возвратными (подп. 3, 4 п. 3 ст. 78, п. 3.1. ст. 78 БК РФ), обязательное согласие получателя субсидий на финансовый контроль по результатам предоставления и использования субсидий (подп. 5 п. 3, п. 5., п. 5.1. ст. 78 БК РФ).

Таким образом, можно выделить следующие признаки грантов (субсидий) в целях применения бюджетного законодательства: безвозмездность, грант может быть как возвратным, так и безвозвратным, целевой характер и обязательное согласие грантополучателя на финансовый контроль.

Помимо бюджетного законодательства, очень подробно характеристики гранта рассмотрены в налоговом законодательстве в целях применения льготы по налогу на прибыль. К примеру, согласно подп. 14 п. 1 ст. 251 НК РФ в налоговую базу по налогу на прибыль не включаются доходы от целевого финансирования, к которым относятся, в том числе, и гранты. Условием освобождения от уплаты налога на прибыль является ведение раздельного учета доходов и расходов по полученному гранту.

Для целей налогообложения под грантами понимаются только те денежные средства или иное имущество, которые будут выполнять следующие условия: безвозмездность, безвозвратность, гранты предоставляются российскими физическими лицами, некоммерческими организациями, а также иностранными и международными организациями и объединениями по перечню, утвержденному Правительством РФ на конкретные цели в области образования, искусства, культуры, науки, физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), охраны здоровья, охраны окружающей среды, защиты прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных законодательством РФ, социального обслуживания малоимущих и социально незащищенных категорий граждан, гранты выдаются институтами инновационного развития и другими организациями, осуществляющими поддержку государственных программ и проектов за счет субсидий, предоставленных уполномоченными Правительством РФ федеральными органами исполнительной власти на реализацию указанных государственных программ и проектов, а в случае предоставления грантов Президента России – на осуществление деятельности (программ, проектов), определенной актами Президента России, – гранты предоставляются на условиях, определяемых грантодателем, с обязательным предоставлением грантодателю отчета о целевом использовании гранта.

Таким образом, не каждый вид финансовой поддержки, называемой грантом, будет освобождаться от уплаты налога на прибыль. Льготой по налогу на прибыль можно воспользоваться только в случае, если выделенная финансовая поддержка будет соответствовать условиям, указанным в ст. 251 НК РФ.

Мы рассмотрели признаки грантов, указанные в двух федеральных законах (гражданско-правовой смысл), кроме того, обратились к нормам ГК РФ, раскрывая подробно правовой смысл пожертвования, также обнаружили признаки, по которым законодатель определяет гранты в бюджетном и налоговом законодательстве. Подводя краткий итог, можно утверждать, что грант в настоящее время не имеет универсального правового понятия, которое могло бы использоваться повсеместно. Обобщив признаки гранта, которые выявлены из анализа вышеперечисленных нормативных актов, можно выделить одинаковые, повторяющиеся признаки. К ним можно отнести безвозмездность и целевой характер.

Такой признак гранта, как безвозвратность, не является повторяющимся в разных нормативных актах: Закон о благотворительно-

сти не предусматривает данного признака, а Бюджетный кодекс РФ содержит и признак безвозвратности, и в то же время допускает возвратность.

Далее, предлагается рассмотреть подробнее, могут ли признаки безвозмездности и целевого характера существовать одновременно. Можно высказать две противоположные позиции по данному вопросу.

Безвозмездность и целевой характер – взаимоисключающие признаки гранта

Безвозмездность подразумевает отсутствие какого-либо встречного исполнения. То есть, грантодатель, передающий средства гранта не ждет, что грантополучатель должен совершить какие-либо действия за счет полученных денежных средств. Исходя из общих положений о договоре безвозмездный договор не предусматривает от второй стороны какой-либо платы или иного встречного предоставления (п. 2 ст. 423 ГК РФ). Во всех остальных случаях договор считается возмездным.

Ярким примером безвозмездности может являться договор дарения, по которому одаряемый не должен что-либо передавать своему дарителю в обмен на получаемый дар. Или, к примеру, пожертвование, если оно является нецелевым, не обусловлено использовать переданный грант по целевому назначению.

Если же грант является целевым, то уже подразумевается, что средства не безвозмездно передаются грантополучателю, а в обмен на достижение определенных целей. Например, грант выделяется на организацию и проведение фестиваля, что уже подразумевает наличие условия для получения гранта.

Соответственно, при целевом характере гранта денежные средства передаются обмен на получение результата – встречное исполнение по реализации того или иного проекта, оговоренного в договоре о предоставлении гранта.

Соответственно, можно утверждать, что при выдаче целевых грантов, признак безвозмездности утрачивается, так как появляется встречное предоставление.

Безвозмездность может существовать одновременно с целевым характером гранта

Можно занять и иную позицию. Несмотря на то, что грантодатель выдает целевой грант, то есть выделяет денежные средства на определенные цели, непосредственно сам грантодатель не получает встречного предоставления. Грантодатель является выразителем воли государства и, принимая от грантополучателя отчет о целевом расходовании средств, только констатирует факт целевой траты денежных средств.

По сути, выгодоприобретателем будет являться государство, которое преследует определенные социальные, общественные, культурные или иные цели. Поэтому, рассматривая договор о предоставлении гранта можно утверждать, что он является безвозмездным, так как грантодатель не требует лично для себя какого-либо встречного предоставления.

Вспомним, что пожертвование признается дарение в общепользовательных целях. При этом, пожертвование может быть двух видов: можно пожертвовать без цели использования, а можно потребовать обязательного условия использования пожертвования по определенному целевому назначению. (п. 1, п. 3 ст. 582 ГК РФ).

Если же пожертвование используется не по целевому назначению, то жертвователь, в нашем случае это грантодатель, имеет право требовать отмены пожертвования (п. 5 ст. 582 ГК РФ).

Конституционный Суд РФ рассматривает целевой характер пожертвования как условие для «реального обеспечения использования безвозмездно передаваемого имущества в общепользовательных целях». (Определение КС РФ от 16.07.2015 г. № 1821-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Открытого акционерного общества «123 авиационный ремонтный завод» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 3 статьи 582 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Соответственно, встречного исполнения сам жертвователь не получает, а передает имущество безвозмездно. При этом, жертвователь имеет право для реализации общепользовательных целей требовать использовать имущество по целевому назначению. Иначе, пожертвование отменяется самим жертвователем, в нашем случае грантодателем.

Как оценивают правовую природу гранта судебные инстанции

Рассматривая споры о взыскании сумм грантов, суды по-разному оценивают правовую природу договоров о предоставлении грантов. К примеру, наряду с применением общих норм о целевом пожертвовании в соответствии со ст. 582 ГК РФ, некоторые судебные инстанции видят

в договорах о предоставлении грантов природу договоров подряда или оказания услуг.

Примером применения общих норм о договорах без какой-либо квалификации является постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2025 г. по делу № А40–308929/24 где суд применил общие правила о исполнении обязательств надлежащим образом (ст. 309, 310 ГК РФ) и положения о неосновательном обогащении (ст. 1103 ГК РФ). Аналогичные нормы применены и в деле № А40–247221/20 (постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.12.2021 г.).

В постановлении от 02.02.2023 г. № 09АП-89062/2022 Девятый арбитражный апелляционный суд квалифицирует договор о предоставлении гранта как пожертвование и применяет положения ст. 582 ГК РФ: «Истец ссылается на то, что до настоящего момента Ответчиком сумма гранта не возвращена. Согласно ст. 582 ГК РФ пожертвование имущества юридическим лицам может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению. Использование пожертвованного имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением или изменение этого назначения без согласия жертвователя, дает право жертвователю требовать отмены пожертвования. Поскольку ответчик не представил доказательств целевого использования бюджетных средств или их возврата, суд первой инстанции пришел к правомерному выводу об удовлетворении иска».

Аналогично, как пожертвование, оценивает договор о предоставлении гранта суд и в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2026 г. № 09АП-10609/2026 «...непредставление отчетности (а не отсутствие мероприятий как таковых) является основанием для требования о возврате гранта в силу Договора и п. 5 ст. 582 ГК РФ».

Интерес также представляет позиция Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 октября 2024 г. по делу № А40–279628/23 где указано, что из системного толкования положений ст. 78 Бюджетного кодекса РФ следует, что предоставление субсидии за счет соответствующего бюджета является мерой поддержки предпринимательской деятельности, в связи с чем для разрешения вопроса правомерности требования возврата субсидии, исходя из положений ст. 2 и 10 ГК РФ, оценке подлежит не только неукоснительное соблюдение предусмотренного договором срока и объема реализации являющихся предметом субсидии товаров (работ, услуг), но и последующая заинтересованность рынка в потреблении таких товаров (работ, услуг) как объективное обстоятельство достижения смысла и цели оказываемой государством финансовой помощи.

То есть в данном случае, суд, оценивая правомерность требования возврата гранта полагает, что нужно соблюдать принципы гражданского и бюджетного законодательства (принцип добросовестности, принцип целевого характера бюджетных средств).

Также стоит не обойти вниманием позицию Девятого арбитражного апелляционного суда, высказанную в постановлении от 20.02.2026 № 09АП-578/2026, где рассматривался спор о взыскании микрогранта. Суд применил к договору о предоставлении гранта нормы о договоре на оказание услуг и договора подряда (ст. 779, 781, 702, 711 ГК РФ).

Подводя итог, можно выделить три ключевых момента:

1. Понятие грант в законодательстве присутствует только в отдельных отраслевых законах, в некоторых нормах содержатся его признаки, которые не являются одинаковыми. Единого правового понятия гранта на данный момент не имеется.

2. Существует спорная позиция о том, что безвозмездность и целевой характер могут существовать одновременно. Это позиция больше теоретическая и в общеприменительной практике ярко не обозначена.

3. Судебные инстанции по-разному квалифицируют правовую природу договора о предоставлении грантов, при этом достаточно глубоко погружаясь в суть заключенного договора. Допускается и смешанная природа договоров, и применение общих норм о договорах, и положений о пожертвовании.

Литература

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ/Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301// ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026.
- Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ/Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823, в ред. от 25.05.2026 ФЗ № 143-ФЗ (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> – 25.05.2026).
- Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ/Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340, в ред. ФЗ от 25.05.2026 № 142-ФЗ (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> – 25.05.2026).

4. Федеральный закон Российской Федерации «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» № 135-ФЗ от 11.08.1995 //Собрание законодательства РФ, 14.08.1996, № 33, ст. 3340//изменения, внесенные ФЗ от 20.02.2026 № 30-ФЗ (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> – 20.02.2026).

5. Федеральный закон Российской Федерации «О науке и государственной научно-технической политике» № 127-ФЗ от 23.08.1996// Собрание законодательства РФ, 26.08.1996, № 35, ст. 4137//изменения, внесенные ФЗ от 24.06.2025 № 159-ФЗ.

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 г. № 1821-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Открытого акционерного общества «123 авиационный ремонтный завод» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 3 статьи 582 Гражданского кодекса российской Федерации».

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.12.2021 г. по делу А40–247221/20.

8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 г. № 09АП-89062/2022.

9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 октября 2024 г. по делу № А40–279628/23.

10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2025 г. по делу № А40–308929/24.

11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2026 № 09АП-578/2026.

12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2026 г. № 09АП-10609/2026.

13. Автономов А.С., Беляева Н.Ю., Гущин В.З. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об общественных объединениях»//Практическое пособие. М.: АИА-Принт, 1996. С. 60.

LEGAL FRAMEWORK FOR GRANTS IN RUSSIA

Parkhomenko A.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

In this article, the author examines the concept of a grant used in the legislation of the Russian Federation, and through analysis and generalization, identifies the recurring features of a grant that can be its essential characteristic in the absence of a unified legal definition of the concept of "grant." The article also evaluates the recurring features of a grant and examines the approaches of judicial institutions to establishing the legal nature of grants.

Keywords: grant, donation, gift, irrevocability, targeted nature.

References

- Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ// Collected Legislation of the Russian Federation, December 5, 1994, No. 32, Art. 3301// as amended on July 31, 2025, as amended on March 25, 2026.
- Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ//Collected Legislation of the Russian Federation, August 3, 1998, No. 31, Art. 3823, as amended. Federal Law No. 143-FZ of May 25, 2026 (published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> – May 25, 2026).
- Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of August 5, 2000 No. 117-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation, August 7, 2000, No. 32, Article 3340, as amended by Federal Law No. 142-FZ of May 25, 2026 (published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> – May 25, 2026).
- Federal Law of the Russian Federation "On Charitable Activities and Volunteering (Volunteering) No. 135-FZ of 11.08.1995 // Collected Legislation of the Russian Federation, 14.08.1996, No. 33, Art. 3340 // amendments introduced by Federal Law of 20.02.2026 No. 30-FZ (published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> – 20.02.2026).
- Federal Law of the Russian Federation "On Science and State Scientific and Technical Policy" No. 127-FZ of 23.08.1996 // Collected Legislation of the Russian Federation, 26.08.1996, No. 35, Art. 4137//amendments introduced by Federal Law No. 159-FZ of June 24, 2025.
- Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 16, 2015 No. 1821-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of 123 Aircraft Repair Plant Open Joint-Stock Company Regarding the Violation of Constitutional Rights and Freedoms by the Provisions of Clause 3 of Article 582 of the Civil Code of the Russian Federation."
- Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of December 23, 2021 in Case A40–247221/20.
- Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of February 2, 2023 No. 09AP-89062/2022.
- Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated October 21, 2024, in case No. A40–279628/23.
- Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated October 22, 2025, in case No. A40–308929/24.
- Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated February 20, 2026 No. 09AP-578/2026.
- Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated July 29, 2026 No. 09AP-10609/2026.
- Autonomov A.S., Belyaeva N.Yu., Gushchin V.Z. and others. Commentary on the Federal Law "On Public Associations" // Practical guide. Moscow: AIA-Print, 1996. P. 60.

Ревина Валерия Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент МИРЭА – Российский технологический университет
E-mail: revina@mirea.ru

Пахолкова Ольга Николаевна,

старший преподаватель, Тверской филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
E-mail: opaholkova@list.ru

Давыдов Марсель Шявкетович,

преподаватель кафедры общеправовых дисциплин, капитан полиции, филиал Казанского юридического института МВД России
E-mail: marsdavydov83@mail.ru

Цифровые технологии стремительно проникают во все сферы жизни общества и ставят перед правовой системой новые, беспрецедентные вызовы. Постоянный рост числа кибератак на объекты критической инфраструктуры и персональные данные граждан свидетельствует о том, что существующие механизмы защиты информации требуют корректировки в соответствии с требованиями времени. При этом появление нейросетевых алгоритмов порождает принципиально новые киберугрозы, такие как дипфейки и автоматизированный взлом систем, а как трансграничная природа сети Интернет позволяет злоумышленникам легко уходить от ответственности. В статье проведен анализ современного состояния законодательства Российской Федерации в сфере обеспечения информационной безопасности и кибербезопасности. Дана оценка норм действующего уголовного законодательства Российской Федерации в сфере кибербезопасности в разрезе видов преступлений и санкций. Сделан вывод о том, что перспективы развития уголовного законодательства Российской Федерации в сфере кибербезопасности обусловлены необходимостью его адаптации к вызовам искусственного интеллекта. Статья может представлять интерес для ученых и специалистов в области юриспруденции, сотрудников правоохранительных органов, экспертов в сфере информационной безопасности, а также разработчиков программного обеспечения.

Ключевые слова: Интернет, информационная безопасность, искусственный интеллект, искусственный интеллект, кибератаки, кибербезопасность, киберпреступность, киберугрозы, уголовное законодательство.

Цифровизация общественных отношений коренным образом изменила облик современной преступности. Интеграция цифровых платформ в работу государственных органов, кредитно-финансовую сферу и промышленность привели к тому, что Интернет-пространство стало новой ареной для противоправной деятельности. Число кибератак на объекты критической инфраструктуры и персональные данные граждан растет ежегодно, что создает прямую угрозу национальной безопасности страны. А появление генеративного искусственного интеллекта многократно усложнило ландшафт киберугроз.

Как пишут эксперты, «цифровая область создает больше проблем и угроз в области безопасности, особенно в век, когда все стремительно оцифровывается, начиная от автоматизации наших личных и рабочих сфер, где хранятся порой конфиденциальные данные, заканчивая тем, что мы целые отрасли переносим в цифровую реальность» [1]. По мнению Е.В. Скурко, Понимание потенциальных уязвимостей систем искусственного интеллекта «имеет основополагающее значение для разработки надежных и устойчивых механизмов противодействия, в особенности в правовой сфере» [2].

Следует отметить, что в современной научной литературе кибербезопасность рассматривается как социальный институт российского цифрового общества [3]. При этом ученые предлагают четко разграничить понятия «информационная безопасность» и «кибербезопасность» [4]. Обсуждая вызовы и перспективы кибербезопасности в юридической сфере, Е.А. Ягупова, Л.Ф. Черникова акцентируют внимание на новых технологиях, такие как искусственный интеллект и блокчейн, которые могут быть использованы для усиления защиты данных [5]. С.В. Гришко отмечает важность обеспечения кибербезопасности для достижения цифрового суверенитета страны перспектив [6]. Кроме того, по мнению многих специалистов, «важнейшее значение при обеспечении кибербезопасности имеет человеческий фактор, который «остается одной из самых уязвимых составляющих безопасности» [7].

В.А. Минаев, В.С. Дунин рассматривают перспективы применения моделей и методов с использованием искусственного интеллекта (ИИ) для противодействия киберпреступности [8]. И.Б. Горелик исследует кибератаки и кибербезопасность в контексте дилеммы международно-правового регулирования и подчеркивает, что «пока отсутствует эффективная международно-правовая система противодействия киберпреступности, ситуация в киберпространстве грозит приобрести хаотический и даже катастрофический характер [9].

А.Ю. Олимпиев, И.А. Стрельникова по результатам исследования проблемных вопросов обеспечения кибербезопасности в России, делают следующие выводы: «состояние преступности в сфере компьютерной информации определяется уровнем экономического развития; компьютерная информация как общественное отношение охраняется уголовным законодательством РФ; противодействие в сфере компьютерной информации предполагает формирование специальных подразделений в ряде правоохранительных органов» [10]. А.В. Серебряникова приходит к выводу «о невозможности эффективной борьбы с киберпреступностью исключительно при использовании инструментария отдельно взятого государства» [11]. Многие российские юристы указывают на беспрецедентную важность обеспечения кибербезопасности и профилактики экстремизма в молодежной среде [12, 13], а также в сфере общественного транспорта [14].

Е.А. Фарикова, А.В. Панченко по результатам анализа обеспечения кибербезопасности в системе органов исполнительной власти в контексте административно-правовых мер защиты предлагают «внедрение концепции «административного кибер-соответствия» и создание единого цифрового стандарта безопасности для органов государственной власти» [15]. М.А. Лапина, В.Г. Лапин, Д.И. Гусейханов и др. отмечают важность этических и правовых аспектов применения искусственного интеллекта в кибербезопасности [16].

Рассматривая актуальные вопросы квалификации преступлений в сфере кибербезопасности, М.В. Бозиев делает вывод о наличии ряда пробелов и внутренних противоречий уголовного законодательства Российской Федерации, затрудняющих эффективную правоприменительную деятельность, прежде всего, в контексте необходимости разграничения смежных составов преступлений, а также специфики доказывания в условиях использования цифровых следов [17].

П.Н. Кобец указывает на важность использования комплексных мер по поддержке, продвижению и защите отечественных компетенций в области кибербезопасности поскольку, по его мнению, «борьба с киберпреступностью будет результативной только в том случае, когда удастся разработать и принять необходимые положения по совершенствованию и развитию норм и институтов уголовного законодательства в сфере противодействия киберпреступности, в том числе и уголовно-правовыми средствами» [18].

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы оценить текущее состояние уголовного законодательства Российской Федерации в сфере кибербезопасности и определить перспективы его развития.

В опубликованном в апреле 2024 г. Мировом индексе киберпреступности (World Cybercrime Index, WCI) Россия заняла первое место; за ней следуют Украина, Китай, США, Нигерия и Румыния [19]. Если проанализировать данные о количестве киберпреступлений в Российской Федерации за 2022–2025 г., то можно увидеть, что в 2022 г. в России было зарегистрировано 522 тыс. киберпреступлений, 2023 г. – около 700 тыс., в 2024 г. – 765,4 тыс. киберпреступлений, что на 13,1% больше, чем в 2023 г., а в 2025 г. – 663 тыс. киберпреступлений, что на 12% меньше, чем в 2024 г. [20, 21, 22, 23]. Следует отметить, что, говоря о киберпреступности, Министерство внутренних дел Российской Федерации оперирует термином, который включает в себя две группы преступлений: во-первых, это преступления, совершенные с ис-

пользованием информационно-телекоммуникационных технологий; во-вторых, это преступления в сфере компьютерной информации [23].

Совокупность этих противоправных действий находит отражение в различных главах Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). В числе рассматриваемых противоправных деяний: кража (ст. 158 УК РФ); – мошенничество и его разновидности (ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ); – незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ); – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ); – незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228.1 УК РФ); – изготовление порнографических материалов (ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ); – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); – преступления в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ).

Итак, к числу преступлений в сфере кибербезопасности отнесены преступления различных родов и видов [24]. В контексте нашего исследования интерес представляет анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации в сфере обеспечения информационной безопасности и кибербезопасности (табл. 1).

Таблица 1. Обзор нормативно-правовых актов Российской Федерации в сфере обеспечения информационной безопасности и кибербезопасности

Категория нормативно-правовых актов	Название нормативно-правовых актов
Стратегические документы: доктрины и концепции	Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646), Концепция формирования системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р), План мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (Распоряжение Правительства РФ от 14.08.2025 № 2207-р)
Базовые рамочные законы	Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», Федеральный закон от 07.04.2025 № 58-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»
Законы, регулирующие средства защиты и импортозамещение	Указ Президента РФ от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации», Федеральный закон от 07.04.2025 № 58-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»
Законодательство о персональных данных	Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»
Уголовное и административное законодательство	Уголовный кодекс РФ (глава 28), Кодекс об административных правонарушениях РФ (статьи 13.11 и 13.12)

Стратегическими документами, которые определяют национальные интересы в цифровой среде является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, а также Концепция формирования системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий с Планом мероприятий по ее реализации, направленная на создание единой цифровой платформы мониторинга угроз и межведомственного обмена данными между МВД, ФСБ, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Банком России.

Базовые рамочные законы в сфере обеспечения информационной безопасности и кибербезопасности включают:

во-первых, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который в редакции 2025 г. устанавливает требования к владельцам значимых информационных ресурсов (например, такие как обязательная идентификация пользователей, локализация данных на территории Российской Федерации), регулирует работу новостных агрегаторов, организаторов распространения информации (мессенджеров) и деятельности блоггов, а статья 12.1 закона закрепляет Единый реестр российских программ для ЭВМ и баз данных;

во-вторых, Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который регулирует защиту систем государственных органов, банков, предприятий топливно-энергетического комплекса, транспорта, здравоохранения и связи. Кроме того, согласно изменениям, внесенным Федеральным законом от 07.04.2025 № 58-ФЗ ужесточены требования к категорированию объектов критической информационной инфраструктуры в части введения перечней типовых отраслевых объектов и особенностей оценки их значимости; субъектам критической информационной инфраструктуры вменено в обя-

занность использовать только программное обеспечение из реестра отечественного программного обеспечения или специального перечня доверенных программ; установлена обязанность непрерывного взаимодействия с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак; а также расширен круг лиц, обязанных информировать ФСБ об инцидентах (теперь эта обязанность касается не только субъектов критической информационной инфраструктуры, но и иных органов и организаций, владеющих государственными информационными ресурсами).

В отдельную категорию мы относим законы, регулирующие средства защиты и импортозамещение. Это Указ Президента РФ от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации», который устанавливает персональную ответственность руководителей органов власти и госкорпораций за состояние информационной безопасности. В частности, с 1 января 2025 г. органам власти и широкому кругу государственных и системообразующих организаций запрещено использование средств защиты информации (антивирусов, межсетевых экранов, криптографии) из недружественных стран. В эту же категорию мы включили и уже упомянутые выше Федеральный закон от 07.04.2025 № 58-ФЗ, который вносит изменения в законодательство о критической информационной инфраструктуре и реестре российского программного обеспечения и детализирует понятие контроля над российскими организациями (более 50% голосов) для целей включения их продуктов в реестры доверенного софта и аппаратных средств.

Не теряет свою актуальность и законодательство о персональных данных, в частности, Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», в соответствии с положениями которого требуется получение согласия на обработку данных, локализации баз данных граждан Российской Федерации на территории России и уведомления Роскомнадзора об утечках данных. Отметим, что с 2024–

2025 г. усилена административная ответственность за несоблюдение требований по защите биометрических данных и трансграничной передаче информации.

И, наконец, последняя категория – это непосредственно уголовное и административное законодательство. Глава 28 Уголовного кодекса Российской Федерации содержит основные составы преступлений в сфере информационной безопасности и кибербезопасности: ст. 272 (неправомерный доступ), ст. 273 (вредоносные программы), ст. 274 (нарушение правил эксплуатации), ст. 274.1 (атаки на объекты критической информационной инфраструктуры). Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) содержит статьи 13.11 (нарушение законодательства в области персональных данных) и 13.12 (защита информации) предусматривают штрафы для компаний за крупные утечки данных.

Остановимся подробнее на действующих нормах уголовного законодательства Российской Федерации в сфере кибербезопасности. Итак, как мы уже указали выше, основой уголовного законодательства Российской Федерации в сфере кибербезопасности является глава 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации».

Статья 272 УК РФ посвящена неправомерному доступу к компьютерной информации. В соответствии с нормами данной статьи ответственность наступает за взлом систем, если это привело к копированию, блокированию, модификации или уничтожению данных, за что предусмотрено наказание по ч. 1 ст. 272 УК РФ – до двух лет лишения свободы, при причинении крупного ущерба по ч. 2 ст. 272 УК РФ – до четырех лет лишения свободы, при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору или группой лиц по ч. 3 ст. 272 УК РФ – до пяти лет лишения свободы, а при наличии тяжких последствий по ч. 4 ст. 272 УК РФ срок лишения свободы увеличивается до семи лет.

Статья 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» охватывает изготовление и сбыт вирусов, троянов, шпионского программного обеспечения и других инструментов для атак на информационные системы и предусматривает наказание до четырех лет лишения свободы со штрафом в размере до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев (ч. 1 ст. 273 УК РФ).

В случае совершения преступления по предварительному сговору или группой лиц и причинении крупного ущерба возможно наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере от 100 до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового (ч. 2 ст. 273 УК РФ), а при наличии тяжких последствий – наказание в виде лишения свободы до семи лет (ч. 3 ст. 273 УК РФ).

Статья 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» применяется к администраторам и сотрудникам IT-служб, чьи действия (или бездействие) повлекли уничтожение, блокирование или модификацию информации, причинившее крупный ущерб, и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет (ч. 1 ст. 274 УК РФ), а при наличии тяжких последствий – наказание в виде лишения свободы до пяти лет (ч. 2 ст. 274 УК РФ).

Статья 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» посвящена одному из самых тяжких составов преступлений в данной главе, и направлена на защиту государственных информационных систем, объектов топливно-энергетического комплекса, банков и связи. В соответствии с ч. 5 ст. 274.1 УК РФ предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового.

Статья 274.4 УК РФ «Организация деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства» предусматривает ответственность за передачу SIM-карт третьим лицам в корыстных целях или для совершения иных преступлений и в соответствии с ч. 2 ст. 274.4 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет.

Следует отметить, что кроме рассмотренных выше норм УК РФ также широко применяются нормы законодательства о хищениях, где цифровые технологии выступают способом совершения преступления. В частности, это статья 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Обман или введение в заблуждение путем ввода, удаления, блокирования или модификации компьютерной информации с целью хищения чужого имущества в соответствии

с ч. 4 ст. 159.6 УК РФ может наказываться лишением свободы на срок до двух лет.

Статьи 158 «Кража» 163 «Вымогательство» УК РФ. Например, в июне 2025 г. зафиксирована тенденция квалификации краж персональных данных и последующего шантажа владельцев через эти общие статьи, когда злоумышленники используют искусственный интеллект для генерации компрометирующего контента (так называемого «deepfake»).

В заключение представляется необходимым оценить перспективы развития уголовного законодательства Российской Федерации в сфере кибербезопасности.

Представляется, что развитие отечественного уголовного законодательства в сфере кибербезопасности на ближайшие пять-десять лет будет направлено на создание комплексной системы превентивных мер по противодействию киберпреступности и адекватному реагированию на технологические вызовы. Эпоха «точечных» дополнений Особенной части УК РФ, когда законодатель пытался угнаться за появлением новых вредоносных программ или способов хищения с банковских счетов, себя исчерпала. Сегодня необходимо переходить к формированию унифицированных составов преступлений, квалифицирующим признаком которых выступает не конкретный технический инструментарий (например, фишинг или DDoS-атака), а сам факт неправомерного доступа к распределенным реестрам, нейросетевым архитектурам или системам управления киберфизическими объектами. Кроме того, требует осмысления институт цифровой личности – вопрос о квалификации посягательств на цифровые двойники граждан, кражу биометрических профилей и несанкционированное использование дипфейков для совершения общеуголовных преступлений.

Кроме того, на наш взгляд, одним из ключевых направлений станет имплементация института уголовной ответственности юридических лиц применительно к деятельности IT-корпораций, провайдеров хостинга и операторов критической информационной инфраструктуры. В условиях санкционного давления и массового перехода субъектов экономики на отечественное программное обеспечение особую остроту приобретает проблема разграничения уголовно наказуемых дефектов кода и допустимого предпринимательского риска при разработке средств защиты информации. Законодатель неизбежно столкнется с необходимостью дифференциации ответственности за умышленное внедрение уязвимостей (закладок) и преступную небрежность при обеспечении безопасности обновлений программного обеспечения, что потребует конкретизации субъективной стороны состава преступления. Параллельно назрела необходимость пересмотра процессуальных механизмов: без введения специальных правил изъятия и исследования больших данных, легализации цифровых улик из децентрализованных сетей и обязательного привлечения независимых судебных экспертов-инженеров любая реформа материального права останется декларативной.

Наконец, перспективы развития отечественного уголовного законодательства в сфере кибербезопасности нам видятся в глубокой специализации правосудия. Экстрадиция транснациональных хакерских группировок по-прежнему будет сталкиваться с непреодолимыми юридическими барьерами, поэтому акцент сместится на создание специализированных коллегий судов и введение особого порядка досудебного сотрудничества со следствием для низовых участников бот-сетей в обмен на техническое содействие в деконструкции инфраструктуры организаторов. Более того, уголовный закон должен эволюционировать в сторону гибридной модели, где карательная функция дополняется обязанностью виновного лица устранить последствия инцидента, т.е. восстановить целостность поврежденных государственных информационных ресурсов, нейтрализовать запущенный им вирус-шифровальщик или раскрыть архитектуру созданной им теневой сети. Только такой синтез материально-правовых новаций, технологического детерминизма и прагматичного процессуального инструментария позволит российскому уголовному праву сохранить суверенитет над национальным цифровым пространством.

Итак, совокупность рассмотренных нормативно-правовых актов формирует достаточно «жесткую» регуляторную среду, направленную на обеспечение технологического суверенитета России, обязательный переход на отечественное программное обеспечение и усиление ответственности бизнеса за сохранность цифровых активов государства и граждан. Кроме того, следует отметить, что как УК РФ, так и другие нормативно-правовые акты, адаптируются под вызовы искусственного интеллекта.

Литература

1. Пардаев, Ш. Ф. У. Роль кибербезопасности в современном цифровом мире / Ш. Ф. У. Пардаев, Б. Х. Алимов // *Endless Light in Science*. – 2023. – № 4–4. – С. 329–332. – EDN QJBAYQ.

2. Скурко, Е.В. Безопасность, кибербезопасность применения искусственного интеллекта: правовые аспекты / Е.В. Скурко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2026. – № 1. – С. 109–124. – DOI 10.31249/rgpravo/2026.01.07. – EDN AKQAND.

3. Михаленко, Н.А. Кибербезопасность как социальный институт российского цифрового общества / Н.А. Михаленко // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 4. – С. 79–81. – EDN CISEMY.

4. Сеидов, Г.З. Соотношение понятий кибербезопасность и информационная безопасность / Г.З. Сеидов // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 6(205). – С. 162–164. – EDN CZGUNQ.

5. Ягупова, Е.А. Кибербезопасность в юридической сфере: вызовы и перспективы / Е.А. Ягупова, Л.Ф. Черникова // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 10(183). – С. 1326–1329. – DOI 10.34925/EIP.2025.183.10.219. – EDN GSAFQE.

6. Гришко, С.В. Кибербезопасность и «цифровой суверенитет»: опыт Китая и глобальные перспективы / С.В. Гришко // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2025. – № 5. – С. 10–12. – EDN MXOEBX.

7. Мусабекова, У. Человеческий фактор в кибербезопасности: устранение пробелов в навыках и проблем обучения в области кибербезопасности / У. Мусабекова // Современное педагогическое образование. – 2025. – № 1. – С. 193–197. – EDN SCEUOB.

8. Минаев, В.А. Противодействие киберпреступности: искусственный интеллект и кибербезопасность / В.А. Минаев, В.С. Дунин // Информация и безопасность. – 2026. – Т. 29, № 1. – С. 45–54. – DOI 10.36622/1682–7813.2026.29.1.005. – EDN TFUQD.

9. Горелик, И.Б. Кибератаки и кибербезопасность: дилеммы международно-правового регулирования / И.Б. Горелик // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2022. – № 7–8(198–199). – С. 60–64. – DOI 10.54449/20739532_2022_7–8_60. – EDN OKGAGS.

10. Олимпиев, А.Ю. Кибербезопасность и ее обеспечение в Российской Федерации / А.Ю. Олимпиев, И.А. Стрельникова // Уголовная юстиция. – 2021. – № 17. – С. 104–109. – DOI 10.17223/23088451/17/21. – EDN ZBIIRC.

11. Серебренникова, А.В. Правовые основы кибербезопасности в Российской Федерации / А.В. Серебренникова // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 260–265. – DOI 10.33693/2072–3164–2021–14–4–260–265. – EDN HJMTZQ.

12. Мальцагов, И.Д. Обеспечение кибербезопасности и профилактика экстремизма в молодежной среде / И.Д. Мальцагов, Р.Р. Хациев // Аллея науки. – 2018. – Т. 4, № 5(21). – С. 386–389. – EDN XRYQOT.

13. Дадаева, М.С. Государственная система кибербезопасности и предупреждение экстремизма среди несовершеннолетних / М.С. Дадаева // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – Т. 1, № 5(22). – С. 183–185. – EDN YADMDD.

14. Макаров, И.И. Обеспечение кибербезопасности сферы общественного транспорта: организационно-технические и уголовно-правовые аспекты / И.И. Макаров, Э.Т. Раянова, Т.Л. Васютина, И.В. Кудашова // Юридическая гносеология. – 2025. – № 5. – С. 164–171. – EDN TNTQNP.

15. Фарикова, Е.А. Кибербезопасность в системе органов исполнительной власти: административно-правовые меры защиты / Е.А. Фарикова, А.В. Панченко // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2026. – № 1. – С. 61–67. – EDN MUKZSL.

16. Лапина, М.А. Этические и правовые аспекты применения искусственного интеллекта в кибербезопасности: анализ российского и международного регулирования / М.А. Лапина, В.Г. Лапин, Д.И. Гусейханов [и др.] // Правовая информатика. – 2026. – № 1. – С. 119–129. – DOI 10.24412/1994–1404–2026–1–00–12. – EDN RKUAWG.

17. Бозиев, М.В. Актуальные вопросы квалификации преступлений в сфере кибербезопасности / М.В. Бозиев // Право и управление. – 2025. – № 9. – С. 319–323. – DOI 10.24412/2224–9133–2025–9–319–323. – EDN LCSABB.

18. Кобец, П. Н. О важности использования комплексных мер по поддержке, продвижению и защите отечественных компетенций в области кибербезопасности / П.Н. Кобец // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 3. – С. 29–34. – EDN OIIBDK.

19. World Cybercrime Index (WCI) // Orford University, April 13, 2024. URL: <https://compass.rauias.com/current-affairs/world-cybercrime-index/> (дата обращения: 26.07.2026).

20. Катаева, В. Россия – одна из стран с очень высоким уровнем киберугроз. Но до полиции доходит меньше половины преступлений и только четверть из них раскрывают / В. Катаева, Д. Поляков // Если быть точным, 2026. URL: <https://tochno.st/materials/rossiia-odna-iz-stran-s-ocen-vysokim-urovнем-kiberugroz-no-do-policii-doxodit-mense-poloviny-prestuplenii-i-tolko-cetvert-iz-nix-raskryvaiut> (дата обращения: 26.07.2026).

21. Число IT-преступлений в 2024 году достигло рекордных значений // Эксперт, 17 января 2025 г. URL: <https://expert.ru/news/chislo-it-prestupleniy-v-2024-godu-dostiglo-v-rossii-rekordnykh-765-4-tys> (дата обращения: 26.07.2026).

22. Храпов, А. МВД: число киберпреступлений в России снизилось на 12% в 2025 году / А. Храпов // Коммерсантъ, 18.02.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8442339> (дата обращения: 26.07.2026).

23. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации, 20 Января 2023 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 26.07.2026).

24. Боровских, Р.Н. Уголовно-правовые аспекты кибербезопасности / Р.Н. Боровских // Юридическая наука и практика. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 17–22. – DOI 10.25205/2542–0410–2023–19–3–17–22. – EDN YOWDZG.

CRIMINAL LEGISLATION IN THE FIELD OF CYBERSECURITY: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Revina V.V., Pakholkova O.N., Davydov M.

Russian Technological University, Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, branch of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Digital technologies are rapidly penetrating into all spheres of society and posing new, unprecedented challenges to the legal system. The constant increase in the number of cyber attacks on critical infrastructure facilities and personal data of citizens indicates that the existing information protection mechanisms need to be adjusted in accordance with the requirements of the times. At the same time, the emergence of neural network algorithms generates fundamentally new cyber threats, such as deepfakes and automated hacking of systems, and as the cross-border nature of the Internet allows attackers to easily evade responsibility. The article analyzes the current state of the legislation of the Russian Federation in the field of information security and cybersecurity. The assessment of the norms of the current criminal legislation of the Russian Federation in the field of cybersecurity in the context of types of crimes and sanctions is given. It is concluded that the prospects for the development of the criminal legislation of the Russian Federation in the field of cybersecurity are determined by the need to adapt it to the challenges of artificial intelligence. The article may be of interest to scientists and specialists in the field of jurisprudence, law enforcement officers, experts in the field of information security, as well as software developers.

Keywords: Internet, information security, artificial intelligence, artificial intelligence, cyber attacks, cybersecurity, cybercrime, cyber threats, criminal law.

References

1. Pardaev, Sh. F.U. The role of cybersecurity in the modern digital world / Sh. F.U. Pardaev, B.H. Alimov // Endless Light in Science. – 2023. – No. 4–4. – Pp. 329–332. – EDN QJBAVQ.

2. Skurko, E.V. Security, cybersecurity of artificial intelligence application: legal aspects / E.V. Skurko // Social sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Series 4: State and Law. – 2026. – No. 1. – Pp. 109–124. – DOI 10.31249/rgpravo/2026.01.07. – EDN AKQAND.

3. Mikhailenko, N.A. Cybersecurity as a social institution of the Russian digital society / N.A. Mikhailenko // Socio-humanitarian knowledge. – 2026. – No. 4. – Pp. 79–81. – EDN CISEMY.

4. Seidov, G.Z. Correlation of the concepts of cybersecurity and information security / G.Z. Seidov // Eurasian Law Journal. – 2025. – No. 6(205). – Pp. 162–164. – EDN CZGUNQ.

5. Yagupova, E.A. Cybersecurity in the legal sphere: challenges and prospects / E.A. Yagupova, L.F. Chernikova // Economics and entrepreneurship. – 2025. – No. 10(183). – Pp. 1326–1329. – DOI 10.34925/EIP.2025.183.10.219. – EDN GSAFQE.

6. Grishko, S.V. Cybersecurity and “digital sovereignty”: China’s experience and global perspectives / S.V. Grishko // Current issues in the fight against crime. – 2025. – No. 5. – Pp. 10–12. – EDN MXOEBX.

7. Musabekova, U. The human factor in cybersecurity: addressing skill gaps and learning challenges in the field of cybersecurity / U. Musabekova // Modern pedagogical education. – 2025. – No. 1. – Pp. 193–197. – EDN CCEUOB.

8. Minaev, V.A. Countering cybercrime: artificial intelligence and cybersecurity / V.A. Minaev, V.S. Dunin // Information and Security. – 2026. – Vol. 29, No. 1. – pp. 45–54. – DOI 10.36622/1682–7813.2026.29.1.005. – EDN TFUQD.

9. Gorelik, I.B. Cyber attacks and cybersecurity: dilemmas of international legal regulation / I.B. Gorelik // Representative government – the 21st century: legislation, comments, problems. – 2022. – No. 7–8(198–199). – Pp. 60–64. – DOI 10.54449/20739532_2022_7–8_60. – EDN OKGAGS.

10. Olympeiev, A.Y. Cybersecurity and its provision in the Russian Federation / A.Y. Olympeiev, I.A. Strelnikova // Criminal justice. – 2021. – No. 17. – Pp. 104–109. – DOI 10.17223/23088451/17/21. – EDN ZBIIRC.

11. Serebrennikova, A.V. The legal foundations of cybersecurity in the Russian Federation / A.V. Serebrennikova // Gaps in Russian legislation. – 2021. – Vol. 14, No. 4. – Pp. 260–265. – DOI 10.33693/2072–3164–2021–14–4–260–265. – EDN HJMTZQ.

12. Maltsagov, I.D. Ensuring cybersecurity and preventing extremism among young people / I.D. Maltsagov, R.R. Khatsiev // *Alley of Science*. – 2018. – Vol. 4, No. 5(21). – Pp. 386–389. – EDN XRYQOT.

13. Dadaeva, M.S. The state cybersecurity system and the prevention of extremism among minors / M.S. Dadaeva // *Modern scientific research and development*. – 2018. – Vol. 1, No. 5(22). – Pp. 183–185. – EDN YADMOD.

14. Makarov, I.I. Ensuring cybersecurity in the sphere of public transport: organizational, technical and criminal aspects / I.I. Makarov, E.T. Rayanova, T.L. Vasyutina, I.V. Kудashova // *Legal epistemology*. – 2025. – No. 5. – Pp. 164–171. – EDN TNTQNP.

15. Farikova, E.A. Cybersecurity in the system of executive authorities: administrative and legal protection measures / E.A. Farikova, A.V. Panchenko // *Current issues in the fight against crime*. – 2026. – No. 1. – Pp. 61–67. – EDN MUKZSL.

16. Lapina, M.A. Ethical and legal aspects of the use of artificial intelligence in cybersecurity: an analysis of Russian and international regulation / M.A. Lapina, V.G. Lapin, D.I. Guseikhanov [et al.] // *Legal Informatics*. – 2026. – No. 1. – Pp. 119–129. – DOI 10.24412/1994–1404–2026–1–00–12. – EDN RKUAWG.

17. Bosiev, M.V. Actual issues of qualification of crimes in the field of cybersecurity / M.V. Bosiev // *Law and management*. – 2025. – No. 9. – Pp. 319–323. – DOI 10.24412/2224–9133–2025–9–319–323. – EDN LCSABB.

18. Kobets, P.N. On the importance of using comprehensive measures to support, promote and protect domestic competencies in the field of cybersecurity / P.N. Kobets //

Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. – 2023. – No. 3. – Pp. 29–34. – EDN OIIBK.

19. World Cybercrime Index (WCI) // Orford University, April 13, 2024. URL: <https://compass.rauias.com/current-affairs/world-cybercrime-index/> (date of access: 07/26/2026).

20. Kataeva, V. Russia is one of the countries with a very high level of cyber threats. But less than half of the crimes reach the police, and only a quarter of them are solved / V. Kataeva, D. Polyakov // *To be precise*, 2026. URL: <https://tochno.st/materials/rossiia-odna-iz-stran-s-ocen-vysokim-urovнем-kiberugroz-no-do-policii-doxodit-mense-poloviny-prestuplenii-i-tolko-četvert-iz-nix-raskryvaiut> (date of access: 07/26/2026).

21. The number of IT crimes reached record levels in 2024 // *Expert*, January 17, 2025 URL: <https://expert.ru/news/chislo-it-prestupleniy-v-2024-godu-dostiglo-v-rossii-rekordnykh-765-4-tys> (date of access: 07/26/2026).

22. Khrapov, A. Ministry of Internal Affairs: the number of cybercrimes in Russia decreased by 12% in 2025 / A. Khrapov // *Kommersant*, 02/18/2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8442339> (date of access: 07/26/2026).

23. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2022 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, January 20, 2023. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (date of access: 07/26/2026).

24. Borovskikh, R.N. Criminal and legal aspects of cybersecurity / R.N. Borovskikh // *Legal Science and practice*. – 2023. – Vol. 19, No. 3. – Pp. 17–22. – DOI 10.25205/2542–0410–2023–19–3–17–22. – EDN YOWDZG.

Использование искусственного интеллекта для поиска релевантной судебной практики как средство проверки защитных версий по уголовным делам

Сафина Анжелика Васильевна,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Бурятский государственный университет им. Доржи
Банзарова
E-mail: safina.anschelika@yandex.ru

Статья посвящена методике проверки защитных версий по уголовным делам посредством поиска релевантной судебной практики. Обосновывается значение анализа судебных актов как самостоятельного элемента деятельности защитника, одновременно формирующего правовую позицию, обеспечивающего аргументацию процессуальных документов и разъяснение перспектив дела доверителю. Предложен пятиэтапный алгоритм проверки защитной версии, в котором искусственный интеллект выступает вспомогательным инструментом поиска и первичного анализа судебных решений. Вводится понятие исследовательской задачи структурированного описания параметров поиска судебной практики, охватывающего цель исследования, предметную область, исходную фабулу, критерии отбора судебных актов и требования к представлению результатов; на её основе формируются специализированные промпты к системам искусственного интеллекта, обеспечивающие целенаправленный поиск релевантной практики. Рассматриваются требования к разработке промптов, риски применения технологий искусственного интеллекта в юридическом поиске и меры по их минимизации.

Ключевые слова: судебная практика; защитная версия; искусственный интеллект; уголовное судопроизводство; адвокат-защитник; мошенничество в сфере предпринимательской деятельности; промпт; исследовательская задача.

Уголовно-правовые науки на современном этапе всё дальше уходят от узкоотраслевого рассмотрения правовых явлений в сторону их комплексного осмысления. Эта тенденция закреплена и на уровне номенклатуры научных специальностей: реформа 2021 года объединила соответствующие направления в укрупнённую специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки». В паспорте специальности отдельно выделена правозащитная деятельность, реализуемая через уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминалистические, оперативно-розыскные, уголовно-исполнительные и криминологические меры. Само по себе это указывает на признание комплексного характера правозащитной деятельности и, соответственно, на необходимость междисциплинарного подхода к её изучению.

Ю.П. Гармаев справедливо указывает: одних лишь глубоких знаний в области уголовно-правовой квалификации преступлений юристу недостаточно междисциплинарный подход выступает необходимым условием эффективной практики¹. За этим наблюдением стоит объективная потребность в совместном применении различных наук уголовно-правового цикла. Именно такой подход даёт возможность увидеть в правозащитной деятельности не набор разрозненных приёмов, а целостную систему профессиональных средств, направленных на обеспечение прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Центральное место среди направлений правозащитной деятельности в уголовном судопроизводстве занимает профессиональная работа адвоката-защитника самостоятельный вид правозащитной деятельности, назначение которого состоит в обеспечении и защите прав, свобод и законных интересов личности. Работа защитника не сводится к формальному применению предусмотренных законом процессуальных средств: она требует активной интеллектуально-аналитической деятельности оценки доказательств, выдвижения возможных объяснений исследуемых обстоятельств, их сопоставления с материалами дела, поиска дополнительных сведений в подтверждение избранной позиции². Именно поэтому выдвижение и последующая проверка защитных версий занимают особое место среди инструментов профессиональной деятельности защитника.

Проверка защитной версии неотделима от процесса её формирования и обоснования. И.М. Поляков отмечает, что такая проверка способствует всестороннему, полному и объективному установлению обстоятельств преступления и позволяет избежать процессуальных и тактических просчётов³. В этом контексте анализ судебной практики по аналогичным уголовным делам приобретает особую значимость.

Концепция судебной перспективы исходит из того, что следователь, принимая процессуальные решения, должен заранее оценивать вероятность их подтверждения судом⁴. На практике это означает, что уже на стадии предварительного расследования требуется анализировать, насколько собранная доказательственная база и избранная квалификация способны довести дело до обвинительного приговора.

Наглядный пример уголовные дела о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности, где судебная перспектива обладает выраженной спецификой. Законодатель и правоприменительная практика предоставляют субъектам предпринимательской деятельности дополнительные гарантии от необоснованного уголовного преследования, поэтому суды особенно внимательно оценивают процессуальные решения следователя, способные без должных оснований нарушить обычную хозяйственную деятельность организации. Расследование дел этой категории осложняется необходимостью исследовать

¹ Гармаев Ю.П. Правозащитная деятельность с использованием уголовно-правовых, криминалистических и оперативно-розыскных мер как актуальное направление междисциплинарных исследований // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 151–159.

² Зубарева О.Г. Адвокатская деятельность как особый вид юридической деятельности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 3. С. 104–109.

³ Поляков И.М. Классификация защитных версий следователя по уголовным делам о взяточничестве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 29, № 1. С. 150–159.

⁴ Гармаев Ю.П. Концепция «судебная перспектива по уголовному делу» и криминалистическая ситуация // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 177–181.

значительный объём финансовой, бухгалтерской и иной документации и оценивать экономическую сторону деятельности привлекаемых к ответственности лиц. По данным проведённых интервью со следователями, по делам данной категории они, как правило, сталкиваются с активным противодействием уголовному преследованию со стороны защиты.

Один из тактических приёмов защиты опора на правовые позиции вышестоящих судебных инстанций по схожим обстоятельствам. Если защитник уже на первоначальном этапе расследования представляет подборку решений, в которых по аналогичным делам суды приходили к выводу об отсутствии состава преступления, прекращали уголовное преследование или выносили оправдательные приговоры, это обращает внимание органов расследования на существование альтернативной правовой оценки произошедшего. Такая практика способна сделать оценку судебной перспективы дела более объективной, а процессуальные решения учитывающими доводы не только обвинения, но и защиты.

Однако этот приём работает только при глубоком знании сложившейся судебной практики. Именно недостаточная осведомлённость адвоката о подходах судов к разрешению аналогичных дел нередко становится причиной ошибочной стратегии защиты: без неё сложно вовремя найти убедительные правовые аргументы, оценить перспективность заявляемых доводов и подобрать наиболее эффективные способы их реализации¹.

Здесь важна оговорка: ссылка на позицию суда по аналогичному делу не «основание для отмены» решения, а лишь дополнительный аргумент, который следователь или суд учитывает наряду с прочими обстоятельствами. Прецедент формально не признан источником права в российской правовой системе, но практика высших судебных инстанций фактически служит для нижестоящих судов ориентиром при применении и толковании норм этим и объясняется практическая ценность её целенаправленного поиска и анализа².

Поиск релевантной судебной практики самостоятельный элемент работы защитника, который решает сразу несколько задач. Во-первых, он служит формированию собственной правовой позиции по делу: изучение подходов судов к оценке схожих обстоятельств помогает выявить значимые для исхода дела доводы и доказательства, спрогнозировать аргументы обвинения и защиты, оценить перспективность выдвигаемых версий. Во-вторых, найденная практика ложится в основу процессуальных документов, направляемых органам предварительного расследования или суду: ссылки на аналогичные судебные акты, обосновывают позицию защиты, подтверждают сложившиеся подходы право применения и обращают внимание следователя или суда на значимые для дела обстоятельства. В-третьих, обращение к судебной практике важно для взаимодействия с доверителем оно помогает разъяснить лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, возможные исходы дела, существующие риски и перспективы, а заодно и логику предлагаемой адвокатом стратегии.

Сам процесс поиска судебных решений во всех этих случаях устроен схожим образом различия касаются скорее целей дальнейшего использования найденной информации, способов её анализа и формы представления результатов. Вопросы подготовки конкретных процессуальных документов и оформления результатов анализа судебной практики в настоящей работе не рассматриваются.

Основной метод работы с судебными актами поиск по аналогии: подбор ранее рассмотренных дел, фактические обстоятельства которых в существенной мере совпадают с обстоятельствами анализируемого дела. Критериями аналогии выступают сходные следственно-судебные или криминалистические ситуации (например, оспаривание допустимости доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий) и сопоставимый контекст деятельности. Значение при этом имеют не только оправдательные решения и дела, прекращённые производством, но и решения, вынесенные не в пользу защиты: анализ их мотивировочных частей, помогает выявить слабые места защитной позиции и своевременно их устранить.

Функция проверки защитной версии реализуется через сопоставление предложенного защитой объяснения обстоятельств дела с уже сформированными судами правовыми позициями и здесь можно выделить несколько направлений анализа. Если в аналогичных делах суды признавали доводы защиты обоснованными, это подтверждает применимость соответствующей версии к конкретному случаю. Ана-

лиз решений помогает установить, какие фактические обстоятельства оказываются решающими для оценки защитной версии: например, при проверке версии об отсутствии первоначального умысла на хищение важно изучить, что именно суды учитывали при разграничении мошенничества в предпринимательской сфере и неисполнения договорных обязательств. Наконец, практика показывает и уязвимые места версии изучение решений, в которых аналогичные доводы защиты были отклонены, позволяет понять, какие обстоятельства суды сочли опровергающими позицию защиты, и заранее подготовить дополнительные аргументы или обеспечить сбор нужных доказательств.

Судебная практика служит, таким образом, не только источником подтверждения выбранной защитной версии, но и инструментом её критической проверки. Итогом такого анализа становится уточнённое содержание версии, конкретный перечень подлежащих доказыванию обстоятельств и выбор наиболее эффективной тактики защиты.

Технологии искусственного интеллекта способны заметно оптимизировать поиск и анализ релевантной судебной практики на это указывает ряд исследователей, отмечающих их потенциал при работе с большими массивами юридической информации. В.В. Степанова, в частности, пишет, что современные системы ИИ позволяют «анализировать и классифицировать обширные юридические массивы, подбирать релевантные дела из судебной практики, эффективно извлекать необходимую информацию», заметно сокращая время поиска и первичного анализа правового материала. При этом автор подчёркивает: ИИ не заменяет исследователя, а лишь поддерживает юридический анализ, и полученные с его помощью результаты обязательно требуют проверки по первичным источникам³.

Напомним: поиск релевантной судебной практики самостоятельный элемент деятельности защитника, и именно для него в настоящей работе предлагается пятиэтапный алгоритм проверки защитной версии. Важно оговориться: объектом исследования выступает не применение искусственного интеллекта как таковое, а методика проверки защитной версии посредством поиска релевантной судебной практики, в которой ИИ лишь один из инструментов реализации.

Предлагаемый алгоритм включает пять последовательных этапов, каждый из которых имеет собственное содержание, критерии выполнения и связь со следующим этапом.

Этап 1. Анализ материалов дела. Работа защитника начинается с изучения и оценки уже собранной доказательственной информации только это позволяет определить направление дальнейших действий и сформировать позицию по делу⁴. Изучаются процессуальные документы: постановление о возбуждении уголовного дела, обвинительное заключение (если оно составлено), результаты оперативно-розыскной деятельности, приобщённые к делу доказательства. Фиксируются инкриминируемый состав, квалифицирующие признаки, предполагаемый способ совершения деяния, доказательственная база обвинения и процессуальный статус доверителя.

Этап 2. Формирование защитной версии. По итогам анализа материалов дела формулируется одна или несколько конкурирующих либо смежных защитных версий. Каждая версия должна указывать на подлежащие установлению фактические обстоятельства, возможные доказательства в её подтверждение или опровержение, а также на предполагаемые правовые последствия её подтверждения. При этом учитываются особенности конкретной категории дел, характер предъявленного обвинения, механизм предполагаемого преступления и значимые для уголовно-правовой оценки обстоятельства. Так, по делам о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности версия защиты нередко строится вокруг отсутствия первоначального умысла на хищение, наличия реальной предпринимательской цели, объективной невозможности исполнить обязательство либо ошибочной квалификации содеянного.

Сформулированные версии затем ранжируются по доказуемости, соответствию имеющимся материалам дела, способности объяснить всю совокупность установленных обстоятельств и перспективности подтверждения через анализ судебной практики. Далее каждая версия проверяется путём поиска и исследования решений по аналогичным делам, что позволяет оценить её устойчивость с учётом уже сформированных судами подходов.

Этап 3. Поиск релевантной судебной практики. По каждой версии ведётся целенаправленный поиск судебных решений в системах Консультант Плюс, Гарант, Судак, ГАС «Правосудие». Поисковые запросы формируются с учётом статьи УК РФ, квалифицирующих признаков,

¹ Конин В.В. Тактика защиты сквозь призму адвокатских ошибок и злоупотребления правом со стороны адвоката в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 102–109 (стр. 105).

² Кононкова Н.В., Баданина А.С. Судебная практика и судебный прецедент как источники права в правовой системе Российской Федерации // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Вып. 78. С. 42–47.

³ Степанова В.В. Искусственный интеллект в помощь юристам-исследователям: опыт редактора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2026. Т. 30. № 2. С. 250–273.

⁴ Бавев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него: учебное пособие. М.: Экзамен, 2008. С. 38.

ключевых фактических обстоятельств и уровня судебной инстанции; на этом этапе в качестве вспомогательного инструмента подключается ИИ.

Этап 4. Анализ и систематизация решений. Отобранные акты классифицируются по исходу (оправдательные, обвинительные, о прекращении, о возвращении дела в порядке ст. 237 УПК РФ), инстанции и аргументации, после чего каждое дело разбирается по единой схеме: сначала фабула дела с фактическими обстоятельствами, положенными в основу обвинения, и позицией защиты; затем обвинительная и защитная версии; далее доказательства, сгруппированные по видам и распределённые по тому, какую версию они подтверждают; и, наконец, оценка результатов проверки защитной версии и значения исследованных доказательств для итогового процессуального решения.

Этап 5. Подготовка структурированных выводов. На основании комплексной оценки исследованных материалов формулируются итоговые выводы: подтвердилась ли защитная версия полностью, частично или не подтвердилась; какие доказательства оказались решающими; какие обстоятельства установлены, а какие остаются спорными. Отдельно оценивается, как выявленные обстоятельства влияют на уголовно-правовую квалификацию содеянного и на наличие либо отсутствие признаков состава преступления, а также свидетельствуют ли материалы дела в пользу уголовно-правового либо гражданско-правового характера спорных отношений. При необходимости формулируется вывод о возможных процессуальных последствиях принятия той или иной версии, обосновывающий значение проведённой проверки для принятия законного и обоснованного процессуального решения.

В рамках предложенного алгоритма ИИ выступает вспомогательным инструментом: он не замещает профессиональное юридическое суждение, но заметно ускоряет отдельные рутинные операции. Обоснованным можно считать применение ИИ для: ускоренного поиска судебной практики по критериям, сформулированным в исследовательской задаче; первичной фильтрации отобранных решений по степени релевантности; структурирования и систематизации найденного массива актов; подготовки кратких аннотаций по каждому решению; выявления устойчивых аргументов в мотивировочных частях судебных актов.

Обратимся подробнее к применению ИИ для поиска судебной практики. Ключевую роль здесь играет формирование исследовательской задачи формализованного описания проблемы, подлежащей разрешению, которое включает совокупность параметров, задающих направление поиска релевантных судебных решений. Именно на её основе впоследствии формируются запросы (промпты), направляемые системе искусственного интеллекта.

Функция исследовательской задачи перевести профессиональную задачу в формат, пригодный для машинной обработки, не утратив при этом её правового содержания. Она задаёт не только предмет поиска, но и критерии отбора судебных решений, необходимые для проверки защитной версии, а качество получаемых с помощью ИИ результатов напрямую зависит от того, насколько точно она сформулирована. Недостаточная конкретизация фактических обстоятельств, правовых критериев или параметров поиска ведёт к нерелевантным запросам, а значит и к судебной практике, не соответствующей обстоятельствам исследуемого дела. Использование таких материалов создаёт риск ошибочной оценки защитной версии и снижает обоснованность формируемой позиции защиты.

Типовая исследовательская задача для поиска судебной практики по уголовным делам складывается из нескольких взаимосвязанных элементов: цели исследования краткого описания фактических обстоятельств дела, задающего направление поиска; фактических критериев аналогии, позволяющих оценить степень сходства с ранее рассмотренными ситуациями; уровня судебной инстанции и временного диапазона практики; критериев релевантности отбираемых решений; и, наконец, формы представления результатов анализа, пригодной для дальнейшего построения и проверки защитной версии.

Промпт запрос к системе ИИ представляет собой перевод соответствующих разделов исследовательской задачи в текстовый запрос, составленный с учётом синтаксических требований конкретной системы.

В рамках предложенного алгоритма можно опираться на две группы инструментов ИИ: универсальные большие языковые модели и специализированные юридические ИИ-системы, интегрированные с правовыми информационными ресурсами.

К первой группе относятся универсальные генеративные модели ChatGPT, Claude, Gemini, GigaChat и аналогичные им системы, предназначенные для обработки и анализа текстовой информации. В рамках проверки защитных версий они пригодны прежде всего для подготовки поисковых запросов, анализа полученного массива судебных

актов, классификации решений по заданным критериям, выявления сходства фактических обстоятельств и структурирования результатов. Здесь принципиальное значение приобретает качество сформулированной исследовательской задачи, а обязательным элементом работы проверка полученной информации: поскольку гарантированного доступа к актуальным судебным базам данных у таких моделей нет, результаты поиска нельзя использовать без дополнительной верификации. При формировании запроса разумно требовать от модели указания полного наименования суда, даты вынесения акта, номера дела, ссылки на официальный источник или иных реквизитов, позволяющих самостоятельно проверить существование и содержание решения в государственных информационных ресурсах. Формулировка такого требования может выглядеть, например, так: «Укажите реквизиты судебного акта (суд, дата, номер дела), позволяющие проверить решение в официальной базе судебных актов. Не формируйте предполагаемые или неподтверждённые судебные решения». Такой подход снижает риск использования недостоверной информации, связанный с самой природой генеративных моделей.

Вторую группу образуют специализированные юридические ИИ-системы, изначально созданные для работы с правовой информацией и интегрированные с профессиональными базами данных. Их главное преимущество — доступ к поиску непосредственно в справочно-правовых системах, что позволяет одновременно подбирать нормативные материалы, судебные акты и правовые позиции. Так, сервис «ИСКРА» компании «Гарант» представляет собой правового ИИ-ассистента, отвечающего на юридические вопросы, создающего документы и анализирующего судебную практику на основе массива системы «ГАРАНТ». Похожим образом устроен и «Нейроюрист» компании «Яндекс» — ИИ-помощник для юристов, ориентированный на поиск правовой информации, анализ документов и предоставление ответов со ссылками на источники, использующий модели, адаптированные под юридические задачи. Преимущество таких систем — привязка результатов к конкретным правовым источникам, экономия времени поиска и меньшая вероятность получить неподтверждённую информацию. Но и здесь проверка результатов не становится излишней: окончательная оценка релевантности судебного акта всё равно требует анализа фактических обстоятельств дела, позиции сторон, доказательственной базы и мотивировочной части решения.

Оптимальным решением представляется комбинированный подход: универсальные модели используются для постановки исследовательской задачи, формирования поисковых стратегий и аналитической обработки информации, а полученные результаты затем проверяются через специализированные правовые системы и официальные базы судебных актов.

Применение ИИ в юридическом поиске несёт и риски, недооценка которых способна обернуться серьёзными последствиями. Наиболее значимый из них — генерация «галлюцинаций»: ИИ способен создавать несуществующие судебные акты, придавая им правдоподобный вид вплоть до указания реквизитов, а использование таких актов в судебных документах влечёт процессуальные и репутационные потери. Не менее серьёзен риск нарушения адвокатской тайны: передача детализированной информации о материалах уголовного дела в публичные системы ИИ создаёт угрозу её несанкционированного использования или раскрытия.

Предлагаемая методика опирается на практический опыт автора в анализе уголовных дел экономической направленности. В её рамках сформировано исследовательское задание, включающее критерии поиска и отбора судебных актов, а также набор специализированных поисковых запросов для инструментов ИИ; разработанные материалы прошли апробацию при поиске и систематизации судебной практики по уголовным делам о мошенничестве при исполнении государственных и муниципальных контрактов¹.

Подытоживая, можно сказать: использование ИИ при проверке защитных версий по уголовным делам способно заметно повысить эффективность поиска и анализа релевантной судебной практики, но не меняет содержания профессиональной деятельности защитника. ИИ разумно подключать, начиная с этапа поиска судебных решений, причём обязательным промежуточным звеном остаётся исследовательская задача именно через неё: правовая квалификация деяния, фактические обстоятельства дела и критерии аналогии превращаются в структурированный запрос, пригодный для машинной обработки. Качество получаемого результата напрямую зависит от полноты и точности сформулированной задачи, что лишним раз подтверждает определяющую роль профессионального юридического суждения на всех этапах этой работы.

¹ Исследовательская задача и промпты для поиска релевантной судебной практики по конкретному уголовному делу. URL: <https://disk.yandex.ru/i/cJaaUv6pfjPwg>

У применения ИИ есть и свои ограничения: риск генерации недостоверной информации, использование неактуальных данных, возможность нарушения режима адвокатской тайны при работе с публичными сервисами. Поэтому любые результаты, полученные с помощью нейросетей, требуют обязательной проверки через официальные справочно-правовые системы и государственные информационные ресурсы формировать правовую позицию на непроверенной информации недопустимо.

Эффективное применение ИИ в юридическом исследовании требует не только знания материального и процессуального права, но и понимания того, как устроены современные нейросетевые модели. Юристу необходимы навыки постановки исследовательских задач, составления корректных промптов, критической оценки получаемых результатов и их последующей верификации. Только при соблюдении этих условий ИИ становится вспомогательным инструментом, повышающим качество проверки защитных версий, не подменяя собой профессиональный анализ, юридическую оценку и процессуальную ответственность защитника.

Литература

1. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него: учебное пособие. М.: Экзамен, 2008. 639 с. (С. 38).
2. Гармаев Ю.П. Концепция «судебная перспектива по уголовному делу» и криминалистическая ситуалогия // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 177–181.
3. Гармаев Ю.П. Правозащитная деятельность с использованием уголовно-правовых, криминалистических и оперативно-розыскных мер как актуальное направление междисциплинарных исследований // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 151–159.
4. Зубарева О.Г. Адвокатская деятельность как особый вид юридической деятельности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 3. С. 104–109.
5. Исследовательская задача и промпты для поиска релевантной судебной практики по конкретному уголовному делу. URL: <https://disk.yandex.ru/i/t5e9pwjnvV7zLA>
6. Конин В.В. Тактика защиты сквозь призму адвокатских ошибок и злоупотребления правом со стороны адвоката в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 102–109 (стр. 105).
7. Кононкова Н.В., Баданина А.С. Судебная практика и судебный прецедент как источники права в правовой системе Российской Федерации // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Вып. 78. С. 42–47.
8. Поляков И.М. Классификация защитных версий следователя по уголовным делам о взяточничестве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 29, № 1. С. 150–159.

9. Степанова В.В. Искусственный интеллект в помощь юристам-исследователям: опыт редактора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2026. Т. 30. № 2. С. 250–273.

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO SEARCH FOR RELEVANT CASE LAW AS A MEANS OF TESTING DEFENSE THEORIES IN CRIMINAL CASES

Safina A.V.

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov

The article addresses a methodology for testing defense theories in criminal cases through the search for relevant case law. It substantiates the significance of case-law analysis as an independent element of defense counsel's work, which simultaneously shapes the legal position, supports the argumentation of procedural documents, and clarifies the case's prospects to the client. The paper proposes a five-stage algorithm for testing a defense theory, in which artificial intelligence serves as an auxiliary tool for searching and preliminarily analyzing court decisions. The concept of a research task is introduced as a structured description of case-law search parameters, covering the research objective, subject area, initial facts, selection criteria for judicial acts, and requirements for presenting results; this research task underlies the specialized prompts submitted to AI systems, ensuring a targeted search for relevant case law. The article also formulates requirements for prompt design and examines the risks of using AI technologies in legal research along with measures to mitigate them.

Keywords: case law; defense theory; artificial intelligence; criminal proceedings; defense counsel; business fraud; prompt; research task.

References

1. Baev, O. Ya. "Tactics of Criminal Prosecution and Professional Defense Against It: A Study Guide." Moscow: Exam, 2008. 639 p. (P. 38).
2. Garmaev, Yu. P. "The Concept of the "Judicial Perspective in a Criminal Case" and the Forensic Situationology." Bulletin of the Buryat State University. 2013. No. 2. pp. 177–181.
3. Garmaev, Yu. P. "Human Rights Activity Using Criminal Law, Forensic, and Operational-Investigative Measures as a Relevant Area of Interdisciplinary Research." Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (67). pp. 151–159.
4. Zubareva, O.G. Advocacy as a Special Type of Legal Activity // North Caucasian Legal Bulletin. 2015. No. 3. pp. 104–109.
5. Research Task and Prompts for Searching for Relevant Judicial Practice in a Specific Criminal Case. URL: <https://disk.yandex.ru/i/t5e9pwjnvV7zLA>
6. Konin V.V. Defense Tactics through the Prism of Advocacy Errors and Abuse of Rights by an Attorney in Criminal Proceedings // Legal Bulletin of Samara University. Vol. 5. No. 2. pp. 102–109 (p. 105).
7. Kononkova N.V., Badanina A.S. Judicial Practice and Judicial Precedent as Sources of Law in the Legal System of the Russian Federation // Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. 2017. Issue 78. Pp. 42–47.
8. Polyakov I.M. Classification of Investigator's Defense Versions in Criminal Cases of Bribery // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2024. Vol. 29, No. 1. Pp. 150–159.
9. Stepanova V.V. Artificial Intelligence to Assist Legal Researchers: An Editor's Experience // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2026. Vol. 30, No. 2. Pp. 250–273.

Особенности мотивационной сферы несовершеннолетних осужденных, состоящих на профилактическом учете в воспитательной колонии

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС ФКУ НИИ ФСИН России
E-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

Актуальность изучения мотивационной сферы личности несовершеннолетнего остается значимой для современной отечественной науки и практики. Необходимость формирования личности, способной действовать автономно, независимо принимая решения от внешних обстоятельств и успешно противодействуя деструктивному воздействию, в том числе криминальному, террористическому и экстремистскому влиянию внешней среды, требует анализа мотивации подростка, устойчивости его мотивационной сферы в целом. Роль психологических знаний о мотивации и поведении человека в юридически значимых ситуациях, требует систематической и комплексной работы с несовершеннолетним на всех этапах его социализации, в том числе с правонарушителями, состоящими на профилактическом учете в воспитательной колонии.

Существующие в практике уголовно-исполнительной системы приемы и технологии коррекции противоправного поведения носят, преимущественно, внешне-формальный характер и поэтому не имеют устойчивого, длительного эффекта.

Проведено эмпирическое исследование особенностей мотивационной сферы несовершеннолетних осужденных, состоящих на профилактическом учете в воспитательной колонии. Выявлены отличительные особенности мотивационной сферы у несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете, определены значимые различия мотивационной сферы между несовершеннолетними состоящим и не состоящим на профилактическом учете в воспитательной колонии, предложены рекомендации по организации психологического сопровождения данной категории граждан.

Ключевые слова: мотив, несовершеннолетний осужденный, профилактический учет, воспитательная колония, личностная позиция, мотивационная сфера.

Проблема исследования мотивации преступного поведения относится к числу наиболее сложных в современной пенитенциарной науке о подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также профилактике нарушений установленного порядка деятельности исправительных учреждений, в том числе и воспитательных колоний [1]. Необходимость психологического изучения причин, побуждающих несовершеннолетнего к противоправным поступкам в условиях социальной изоляции, закреплена и подробно раскрыта в Приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 26 января 2026 г. № 17 [6].

Изучением проблем мотивации поведения несовершеннолетних правонарушителей занимались такие ученые как В.Н. Кудрявцев, Ю.М. Антонян, В.Г. Деев, К.Е. Игошев, М.Г. Дебольский и др. Мотивация поведения – категории сугубо психологическая, раскрывающая внутренние детерминанты активности субъекта деятельности и поведения, а также предикторы, способствующие или прелятствующие отказу от совершения противоправных действий в условиях воспитательной колонии [8]. В первую очередь это определяется тем, что в мотивах несовершеннолетнего представлен наиболее полно и системно, они дают о нем такую информацию, о которой он сам может и не подозревать. С другой стороны, зная особенности личности, можно со знанием дела судить о мотивах, определяющих его поведение [2].

В настоящее время можно отметить рост особо тяжких преступлений и число подростков, совершающих противоправные действия в одиночку; сохранилась тенденция к росту рецидивной преступности несовершеннолетних. Несмотря на общее снижение уровня преступности несовершеннолетних, наблюдается качественное изменение криминальной активности в подростковой среде. Совершение подростками преступлений террористической и экстремистской направленности, скулшутинг, преступления с использованием информационных технологий, требует анализа и научной рефлексии, ввиду динамично развивающейся социальной, политической, экономической и духовной сферы современного общества [4, с. 199–203]. В этой связи, необходимость изучения мотивационной сферы несовершеннолетних, склонных к совершению противоправных действий на территории воспитательной колонии, не вызывает сомнений.

В настоящее время существует множество определений понятий «мотивационная сфера», каждое из них требует к себе особого внимания, а в дальнейшем понимании и осознания различия между составляющими данных понятий.

Несмотря на все это нами подробно рассмотрена мотивационная сфера личности, выбрано рабочее определение, которое находит свое подтверждение в работах В. Ф. Пирожкова и И. П. Башкатова [7]. в связи с этим под мотивационной сферой мы будем понимать – побуждения, вызывающие активность личности и определяющие ее направленность, выражающуюся в таких составляющих, как положительный фон основных переживаний (спокойствие, оптимизм), инициативность, простота в реализации своих желаний, чувство собственного достоинства, социальную смелость, независимость, упрямство в межличностном взаимодействии, беспечность, легкомыслие, тенденция к выходу за рамки общепринятых норм и морали.

Проведенный анализ научной литературы, посвященной психологическим проблемам формирования мотивационной сферы личности несовершеннолетнего преступника, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, психологическому изучению особенностей мотивационной сферы несовершеннолетних осужденных, состоящих на профилактическом учете в воспитательной колонии в научной литературе уделяется явно недостаточное внимание, если учесть особое место этих преступлений в общей структуре пенитенциарной преступности [3, с. 247–248]. Во-вторых, если в качестве объяснительных принципов насильственных преступлений в разное время и разными авторами рассматривались весьма различные факторы, то в объяснении причин корыстных преступлений исследователи более единодушны, большинство придерживается социальных факторов. В-третьих, в исследовании, посвященных анализу причин противоправной активности несовершеннолетних, содержащихся в воспитательной колонии, прямо отмечается, что существующая система профилактики направлена на внешний контроль, а не на вскрытие психологических факторов, лежащих в основе поведения подростка [5, с. 145–146].

С учетом изложенного, было проведено исследование особенностей мотивационной сферы несовершеннолетних осужденных, состоящих на профилактическом учете в воспитательной колонии. В качестве инструмента, позволяющего изучить особенностей мотивационной сферы несовершеннолетних осужденных, нами была выбрана методика «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман). Данная методика направлена на изучение устойчивых тенденций личности: общую и творческую активность, стремление к общению, обеспечению комфорта и социального статуса и др. С учетом анализа личных дел были сформированы две группы респондентов: несовершеннолетние осужденные, состоящие на профилактическом учете в воспитательной колонии (всего 25 человек, первая группа) и несовершеннолетние правонарушители, не состоящие на профилактическом учете в воспитательной колонии (всего 24 человека, вторая группа).

Итак, преступим к анализу результатов эмпирического исследования, полученных по методике «Диагностика мотивационной структуры личности» в первой и второй группе, представленных в нижеприведенной таблице 1.

Таблица 1. Средние значения, полученные с помощью методики «Диагностика мотивационной структуры личности» у респондентов, включенных в первую и вторую группы

Шкалы	Первая группа		Вторая группа		У-критерий
	среднее значение	стандартное отклонение	среднее значение	стандартное отклонение	
Жизнеобеспечение	5,8	1,2	4,4	1,0	$p < 0,01$
Комфорт	6,3	2,2	4,9	1,3	$p < 0,05$
Социальный статус	6,4	1,5	5,2	0,9	$p < 0,01$
Общение	4,3	1,0	5,9	1,6	$p < 0,05$
Общая активность	4,9	1,1	4,5	1,4	-
Творческая активность	4,2	1,0	5,0	1,5	-
Социальная полезность	4,1	3,6	5,2	2,3	-

Так, представленные эмпирические данные в таблице 1, позволяют отметить, что часть опрошенных респондентов (более 86%), включенных в первую группу, по шкале «Социальный статус» (6,4) получили наиболее высокие показатели, что, вероятно, может указывать на стремление несовершеннолетних в поиске и удовлетворении потребности социальном признании и адаптации к условиям социальной изоляции и требованиям тюремной (криминальной) субкультуры. При этом, достаточно значимым фактором, оказывающим влияние на процесс социальной адаптации несовершеннолетних осужденных, склонных к совершению противоправных действий, следует отнести U-образный процесс адаптации субкультурного развития. Данный процесс раскрывает мотивы поведения в условиях воспитательной колонии, где ситуация средней фазы общего срока лишения свободы непосредственно воздействует на личностно допустимые или ситуативно одобряемые способы взаимодействия, включая проявление деструктивного поведения в качестве разноплановых стратегий реагирования и адаптации.

Как видно из выше представленной таблицы 1, между респондентами, включенными в первую и вторую группы, были обнаружены значимые различия по шкалам «Жизнеобеспечение» ($p < 0,01$) и «Комфорт» ($p < 0,05$), «Социальный статус» ($p < 0,01$) и «Общение» ($p < 0,05$). Вероятно, в поведении опрошенных респондентов преобладает большая нацеленность на последовательность собственных действий, недостаточный уровень рефлексии в выборе вариативности собственного поведения в сложных, конфликтных ситуациях. При этом, важно отметить, что по основным группам мотивов, относящихся к так называемым мотивам личностного роста и развивающим мотивам, среднее баллы выше у респондентов, включенных во вторую группу.

Полученные результаты также позволяют предположить наличие у опрошенных респондентов, включенных в первую группу, дефектов волевой саморегуляции и болезненному застреванию на аффективных переживаниях и снижению рефлексии. Представляется, что достаточно низкие показатели по шкалам «Творческая активность»

(4,2), «Социальная полезность» (4,1) и «Общение» (4,3) методики «Диагностика мотивационной структуры личности» у несовершеннолетних осужденных, состоящих на профилактическом учете в воспитательной колонии, обусловлены дефицитностью мотивационно-смысловой сферы, отказу от личностного развития как устойчивого механизма дальнейшего исправления и ресоциализации в гражданское общество.

В этой связи, несформированность социально одобряемых потребностей, обуславливающих личностный рост и социальную интеграцию личности несовершеннолетнего, указывает на необходимость разработки программы психологического сопровождения несовершеннолетних осужденных, состоящих на профилактическом учете в воспитательной колонии. Данная программа должна учитывать, с одной стороны, необходимость в профилактике конкретных противоправных действий (например, нападению на представителей администрации, склонных к дезорганизации деятельности учреждений УИС и др.), а с другой – формирование личностной позиции, как целостного и ценностного отношения подростка-правонарушителя, способствующий его ресоциализации и социальной адаптации, а также отказу от преступного поведения как способа самоутверждения и достижения личностно значимых целей.

Литература

1. Антонян Ю. М., Колышницина Е. Н. Мотивация поведения осужденных. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 143 с.
2. Антонян, Ю. М. Мотивация преступного поведения // Юридическая психология. № 1, 2006. С. 14–18.
3. Гнедова Н. П. Изучение личности и микросреды осужденных несовершеннолетних как предпосылка профилактической деятельности в воспитательных колониях // Проблемы в Российском законодательстве. 2018. № 4. С. 246–248.
4. Литвяк Л. Г., Смирнова К. С. К вопросу о понятии и истоках скрупутизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 12. С. 199–205.
5. Минсафина С. Н., Айсина А. А. Нарушение режима в воспитательных колониях: причины, виды и профилактика // Вестник Самарского юридического института. 2026. № 1 (66). С. 139–148.
6. Об утверждении Порядка осуществления профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Приказ Минюста России от 26.01.2026 № 17 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 29.07.2026).
7. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: «Ось-89». 2007. 704 с.
8. Устинов Д. В. Психологические особенности мотивационных компонентов несовершеннолетних правонарушителей // Психология и психотехника. 2023. № 2. С. 110–126.

FEATURES OF THE MOTIVATIONAL SPHERE OF JUVENILE CONVICTS REGISTERED FOR PREVENTIVE PURPOSES IN A CORRECTIONAL COLONY

Sobolev N.G.

Center for the Study of Problems of the execution of criminal penalties and psychological support for the professional activities of employees of the penal enforcement system

The relevance of studying the motivational sphere of juveniles remains significant for modern Russian science and practice. The need to develop individuals capable of acting autonomously, making decisions independently of external circumstances, and successfully resisting destructive influences, including criminal, terrorist, and extremist ones, requires an analysis of adolescent motivation and the stability of their overall motivational sphere. The role of psychological knowledge about human motivation and behavior in legally significant situations requires systematic and comprehensive work with juveniles at all stages of their socialization, including with offenders on preventive watch lists in juvenile correctional facilities.

Current methods and technologies for correcting unlawful behavior in the penal system are primarily superficial and formal in nature and therefore lack a sustainable, long-term effect. An empirical study was conducted to examine the motivational characteristics of juvenile offenders on preventive watch lists in juvenile correctional facilities. The authors identified distinctive features of the motivational sphere among juveniles on preventive registration, identified significant differences in the motivational sphere between juveniles on and off preventive registration in a juvenile correctional facility, and proposed recommendations for organizing psychological support for this category of citizens.

Keywords: motivation, juvenile offender, preventive registration, juvenile correctional facility, personal position, motivational sphere.

References

1. Antonyan Yu. M., Kolyshnicyna E. N. Motivatsiya povedeniya osuzhdennykh. M.: YUNITI-DANA, 2023. 143 s.
2. Antonyan, Yu. M. Motivatsiya prestupnogo povedeniya // Yuridicheskaya psikhologiya. № 1, 2006. S. 14–18.

3. Gnedova N.P. Izucheniye lichnosti i mikrosredy osuzhdennykh nesovershennoletnih kak predposylka profilakticheskoy deyatel'nosti v vospitatel'nykh koloniyakh // Problemy v Rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 4. S. 246–248.

4. Litvyak L.G., Smirnova K.S. K voprosu o ponyatii i istokakh skulshutinga // Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2025. № 12. S. 199–205.

5. Minsafina S.N., Ajsina A.A. Narusheniye rezhima v vospitatel'nykh koloniyakh: prichiny, vidy i profilaktika // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2026. № 1 (66). S. 139–148.

6. Ob utverzhdenii Poryadka osushchestvleniya profilakticheskogo ucheta podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh i sledstvennykh izol'yatorakh ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: Prikaz Minyusta Rossii ot 26.01.2026 № 17 // SPS «Konsul'tant plyus» (data obrashcheniya 29.07.2026).

7. Pirozhkov V.F. Kriminal'naya psihologiya. M.: «Os'-89». 2007. 704 s.

8. Ustinov D.V. Psihologicheskie osobennosti motivacionnykh komponentov nesovershennoletnih pravonarushitelej // Psihologiya i psihotekhnika. 2023. № 2. S. 110–126.

Титов Евгений Валерьевич,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Институт юстиции. Байкальский государственный университет
E-mail: TitovEV@bgu.ru

Конституционным Судом Российской Федерации вынесено постановление от 28 мая 2026 г. № 35-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Ивановой Ольги Константиновны. В данном постановлении отражено такое понимание добросовестности и владения имуществом в качестве своего, которого Конституционный Суд РФ последовательно придерживается в своих судебных актах, в том числе в постановлении от 26.11.2020 г. № 48-П. В целях совершенствования законодательства и правоприменительной практики, автором предлагается соотнести предлагаемый Конституционным Судом РФ подход к пониманию данных условий давностного приобретения с положениями законодательства, судебной практики и доктриной.

Ключевые слова: приобретательная давность, давность владения, владение как своим, добросовестность.

Введение

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2026 г. № 35-П затрагиваются одновременно несколько значимых тем – о правовых, социальных и конституционных целях приобретательной давности, об условиях приобретения вещей по давности, в частности о владении вещью «как своей» и добросовестности.

В данном постановлении Конституционный Суд РФ отмечает, что судебная практика по данному вопросу не является однородной, встречается и иное понимание данных критериев, в том числе и в деле заявителя жалобы – О.К. Ивановой.

Институт приобретательной давности был введен в России лишь в конце 1990 года в связи с изданием закона «О собственности в РСФСР» от 24.12.1990 № 443–1, то есть является новой конструкцией, с достаточно скромным законодательным регулированием и противоречивой судебной практикой.

В настоящей статье предпринимается попытка критического анализа условий приобретения по давности через призму указанного постановления Конституционного Суда РФ.

Конституционные цели приобретательной давности

Исходя из содержания постановления Конституционного Суда РФ от 28 мая 2026 г. № 35-П и ранее принятого постановления от 26 ноября 2020 года № 48-П можно сделать вывод, что Конституционный Суд РФ видит основную цель приобретательной давности в обеспечении правовой определенности, стабильности и предсказуемости в сфере гражданского оборота.

Особо отмечается в постановлениях Конституционного Суда РФ на недопустимость ситуации, при которой фактическое положение дел расходится с тем, что закреплено в законе. В частности, когда собственник имущества, длительное время устранившись от управления своим имуществом, в случае предъявления им виндикационного иска будет опровергнут исковой давностью, а лицо, фактически владеющее имуществом не сможет стать собственником. В такой ситуации собственник никогда не получит владения вещью, а владелец не станет собственником.

Как справедливо отмечает А.Д. Рудоквас, институт приобретательной давности в истории европейского права служит типичным примером так называемого правового трансплантата (*legal transplant*)¹ и не является историческим институтом российского права, равно как неизвестен германскому обычному праву, французскому кутуму. В российское право данный институт попадает через рецепцию римского права причем практически в неизменном виде – условия приобретения по давности, содержащиеся в ст. 234 ГК РФ соответствуют тому, что указано в Дигестах Юстиниана. Следовательно, исторические и догматические предпосылки приобретательной давности мы должны искать в римском праве.

Конституционный Суд РФ удивительно близок в этом смысле к классическим римским юристам. Ответ на вопрос о целях введения института приобретательной давности, по мнению Д.В. Дождева мы находим в тексте Нерация Приска (*Nerat. 5 membr., D. 41,10,5 pr*), который писал о необходимости установления данного срока для того, чтобы положить конец тяжбам – утрате невладельцам собственником возможности истребовать свою вещь у добросовестного приобретателя по истечении установленного законом срока². То же мы находим у Гая (*Gai., 2,44*) и Цицерона (*Cic., pro Caec., 26,74*).

Но здесь стоит учитывать, что приобретательная давность – это всегда экспроприация, следовательно, нельзя не учитывать интересы собственника, которые с точки зрения любого правопорядка в целом и Конституции РФ в частности, являются более значимыми, чем любого иного лица, не являющегося собственником.

Не всякое лицо, во владении которого длительное время находится вещь может быть признано ее собственником. Для этих целей в законе сформулированы определенные критерии, которым должен

¹ Рудоквас А.Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности: монография. Москва: Издательская группа «ЗАКОН», 2011. С. 7.

² Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. Москва: Норма, 2005. С. 411–412.

соответствовать владельцу, которые существуют уже не одну тысячу лет. Отступление от данных критериев должно иметь очень весомые основания, поскольку может повлечь такие серьезные нарушения прав собственника, которые приведут к редукции самого института собственности.

При этом, в отечественном правовом порядке может сложиться такая ситуация, что истребование вещи собственником будет невозможно в силу наличия у владельца возражения об истечении исковой давности по виндикации, но приобретательная давность еще не истекла. Например, лицо похитило вещь, и собственник сразу об этом узнал – в таком случае через три года собственнику суд откажет в истребовании вещи, если вор сошлется на истечение исковой давности, но при этом вор никогда не приобретет вещь на основании ст. 234 ГК РФ. То есть, невозможность истребования вещи сама по себе не означает утрату права собственности. Именно поэтому сроки исковой и приобретательной давности текут независимо, на что прямо указано в п. 4 ст. 234 ГК РФ, особенно ярко в редакции, действовавшей до 01.01.2020. Более того, право не может поощрять противоправные действия. С политико-правовой точки зрения, не всякому лицу, у которого длительное время находится чужая вещь следует давать право собственности. Именно поэтому для приобретения вещи по давности необходимо соблюдение строгого ряда условий.

Владение «как своим»

Данное условие считается соблюденным, когда вещь приобретена по такому основанию, которое направлено на перенос права собственности. Так, римский юрист Ульпиан писал¹, что владение «как своим» (лат. – *pro suo*) – это когда мы считаем, что приобретаем право собственности, например, по купле, дарению, отказу по завещанию и т.п. Павел утверждал², что владение *pro suo* является особым родом владения, когда мы приобретаем то, что не является нашим по соответствующему основанию – купле, отказу по завещанию, приданому, наследству, выданному в возмещение ущерба, созданному самому или захваченному у врага.

Не является владением «как своим» владение вора (лат. – *pro possessore*), а также секвестрария, залогодержателя по ручному закладу (лат. – *pignus datum*), витегалысты по праву наследственной аренды (лат. – *ius in agro vectigal*) и прекаристы.

Иные лица, у которых вещь находится по факту (лат. – *corpus possessionis*), например, арендатор, узуфруктариус, раб или управляющий вовсе не владеют, а осуществляют держание на чужое имя³. Лица, которые владеют для другого, никогда не приобретают по давности, сколько бы времени это не продолжалось (ст. 2236 Французского гражданского кодекса)⁴.

В связи с этим, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» указывается, что владение имуществом как своим собственным означает владение не по договору. По этой причине статья 234 ГК РФ не подлежит применению в случаях, когда владение имуществом осуществляется на основании договорных обязательств (аренды, хранения, безвозмездного пользования и т.п.).

При этом, не совсем точное выражение «владение не по договору» привело к неправильному пониманию отношений между отчуждателем и приобретателем вещи. Высшие суды, очевидно, имели в виду временные договорные отношения, что буквально выводится из выражения «аренды, хранения, безвозмездного пользования и т.п.», где «и т.п.» означает, что договорные отношения должны быть подобными ранее перечисленным. Во всех приведенных случаях лицо, у которого фактически находится вещь не может считать себя собственником – сюда может быть отнесен также подрядчик, которому передана вещь, перевозчик и др. При этом для того, чтобы считать себя собственником, необходимо получить владение по основанию, которое дает собственность, т.е., как правило, по договору⁵.

Конституционный Суд РФ, со ссылкой на позиции Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ указывает, что «владение вещью как своей собственной означает владение вместо собственника, следовательно, что в рамках данного критерия должно оцениваться фактическое отношение давностного владельца к вещи, должны разрешаться во-

просы о том, признает ли он чью-либо власть над ней, обращается ли с нею исключительно по своему усмотрению, совершает ли в отношении нее обычные для собственника действия». Так, по мнению Конституционного Суда РФ, у лица, совершившего хищение вещи, может быть недобросовестное владение «как своим».

Данный вывод Конституционного Суда РФ не учитывает истинный смысл фразы «как своим» в контексте приобретательной давности, который был обозначен выше. На самом деле, как с технической точки зрения не может иметь значения признает ли арендатор или хранитель чью-то власть, а различие в пользовании вещью арендатором и собственником могут быть минимальными. Если спор уже находится на разрешении суда, то истец по иску о признании права собственности будет хотеть стать собственником и вести себя как собственник во всяком случае. Для целей приобретения по давности имеет значение только то, как (на каком основании) истец получил данную вещь.

В силу принципа *nemo sibi ipse causam possessionis mutare potest* (никто не может произвольно изменить основание владения), арендатор, которому передана вещь, никогда не станет собственником и не начнет владеть «как своим».

Исходя из фабулы дела гражданки О.К. Ивановой, она является падчерицей собственника квартиры – гражданина Б., умершего в 1991 году и не является наследницей. В 1993 году квартира по решению суда признана выморочным имуществом. При этом, О.К. Иванова была прописана в квартире с 1971 года (на момент спора зарегистрирована в другом субъекте РФ).

При данных обстоятельствах, О.К. Иванова имела право проживания в данной квартире как член семьи собственника – умершего Б., а после его смерти продолжила пользование на соответствующем основании. В силу того, что собственность Б. прекратилась, публичное образование могло в любой момент выселить проживающую там О.К. Иванову. Очевидно, что у истца не было оснований считать себя собственником данной квартиры на момент смерти гражданина Б., следовательно, условие владения «как своим», установленное в ст. 234 ГК РФ, в данном деле не выдерживается.

Добросовестность

Понятие добросовестного приобретения в отечественном законодательстве закреплено в п. 1 ст. 302 ГК РФ – приобретение имущества у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать⁶.

Конституционный Суд РФ указывает на возможность добросовестного владения «не как своим» (например, у арендатора по договору). Однако, арендатор не является ответчиком по виндикации, поскольку не является незаконным владельцем в соответствии со ст. 301, 305 ГК РФ. Следовательно, не может ставиться и вопрос о добросовестности владения арендатора по ст. 302 ГК РФ. Арендатор не является приобретателем вещи, равно как арендодатель не является ее отчуждателем по договору аренды.

Как справедливо указывает К.И. Скловский, «Сам по себе атрибут добросовестности присвоен законом лишь одному лицу – приобретателю, т.е. владельцу, получившему вещь во владение по сделке о приобретении. В ст. 302 ГК РФ добрая совесть увязана исключительно со сделками об отчуждении вещи. За рамками этих сделок она возникнуть не может»⁷.

Отдельного внимания также заслуживает вопрос о том, в какой момент приобретатель вещи должен быть добросовестным – в течение всего давностного срока или лишь на момент приобретения вещи. Как указывает Конституционный Суд РФ в рассматриваемом постановлении, добросовестность учитывается как на момент получения владения таким имуществом, так и при последующем владении им.

Однако, следует учитывать, что в соответствии со ст. 303 ГК РФ, добросовестность утрачивается, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неправомерности владения или получил повестку по иску собственника о возврате имущества. При этом, довод о добросовестности по искам об истребовании вещи на основании ст. 302 ГК РФ является возражением ответчика на иск (экспеццией) и не применяется судом *ex officio* без заявления ответчика. Следовательно, на момент заявления ответчика о добросовестности он уже осведомлен о наличии к нему требования, заявленного в судебном порядке, а значит, ответчик уже не может быть добросовестным.

Добросовестность должна учитываться только на момент приобретения вещи, а последующая утрата добросовестности не препятствует приобретению вещи по давности. Это фундаментальное правило,

⁶ Способы защиты гражданских прав. Учебное пособие. Под ред. Е.Г. Бельковой, С.Ю. Некрасова. Иркутск: Издательский дом БГУ, 2025. С. 138.

⁷ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. Москва: Статут. 2023. С. 620–621.

¹ Ulp., 15 ad ed., D. 41, 10, 1 pr.

² Paul., 54 ed., D. 41, 2, 3, 21.

³ Savigny F.K. v. Das recht des besitzes. Wien: Druck und verlag Carl Gerold's sohn, 1865. S. 282–293.

⁴ Дождев Д.В. Владение в системе гражданского права. Часть вторая // Вестник гражданского права. 2010. № 1. С. 6.

⁵ Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву. Историко-догматическое исследование. Москва: Статут, 2003. С. 322.

известное римскому праву, которое звучит как *mala fides superveniens non nocet* (лат. – приводящая недобросовестность не вредит). В связи с чем, после отказа в виндикации вещи по иску собственника, добросовестный приобретатель продолжает приобретать вещь по давности.

Открытость

Отдельного внимания заслуживает реkvизит открытости в приобретательной давности, который также относится к моменту поступления вещи во владения приобретателя. Исторически данное условие относится к требованию о подходящей к приобретению по давности вещи – *res habilis* (лат. – подходящая вещь), то есть такая вещь, которая является оборотоспособной (*res in commercio*), телесной (*res corporalis*) и не ворованной (*res clam*).

В российском праве требования о подходящей к приобретению по давности вещи закреплены в ст. 128 ГК РФ (под вещью сегодня понимаются только телесные вещи), ст. 129 ГК РФ (об оборотоспособности), а требование о том, что вещь не должна быть ворованной закреплено в ст. 234 ГК РФ – владение должно быть открытым, то есть не тайным (дословно по латыни «не тайно» – *res clam*). То есть, если лицо знает, что вещь чужая и при этом начинает считать ее своей, он тем самым совершает кражу и не начинает приобретать по давности¹.

Исходя из факты дела, описанной в постановлении Конституционного Суда РФ от 28 мая 2026 г. № 35-П, О.К. Иванькова, приобретая владение имуществом точно знала, что оно является чужим, поскольку Решением народного суда Ворошиловского района города Ростова-Дону от 20 июля 1993 года квартира признана выморочным имуществом. Ввиду того, что никакого последующего соглашения с собственником вещи у О.К. Иваньковой не было, условие об открытости приобретения ей данного имущества не соблюдается.

Вывод

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в деле О.К. Иваньковой не выполняются условия, перечисленные в ст. 234 ГК РФ, а именно, приобретатель не является добросовестным, поскольку на момент за- владения вещью он точно знает, что приобретает владение не от собственника. Владение вещью получено не по надлежащему основанию (лат. – *iustus titulus*), поскольку между отчуждателем и приобретателем нет договора, который мог бы переносить право собственности. Кроме того, владение приобретателя не является открытым.

В связи с чем, полагаем, что суды общей юрисдикции пришли к правильным выводам об отказе в удовлетворении требований О.К. Иваньковой о признании права собственности на квартиру в силу приобретательной давности.

Литература

1. Дождев Д.В. Владение в системе гражданского права. Часть вторая / Д.В. Дождев // Вестник гражданского права. – 2010. – № 1. – С. 4–78.
2. Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов / Д.В. Дождев. – Москва: Норма, 2005. – 784 с.

3. Леонова С.В. Сущность и назначение реkvизита открытости в институте приобретательной давности / С.В. Леонова // Гуманитарный научный вестник. – 2023. – № 7. – С. 40–45.

4. Рудоквас А.Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности: монография / А.Д. Рудоквас. – Москва: Издательская группа «ЗАКОН», 2011. – 304 с.

5. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – Москва: Статут, 2023. – 894 с.

6. Способы защиты гражданских прав. Учебное пособие / С.В. Баганова [и др.]; под ред. Е.Г. Бельковой, С.Ю. Некрасова. – Иркутск: издательский дом БГУ, 2025. – 204 с.

7. Энгельман И. Е. О давности по русскому гражданскому праву. Историко-догматическое исследование / И.Е. Энгельман. – Москва: Статут, 2003. 511 с.

8. Savigny F. K. v. Das recht des besitzes / F. K. v. Savigny. Wien: Druck und verlag Carl Gerold's sohn, 1865. – 769 s.

OWNERSHIP «AS IF IT WERE ONE'S OWN» AND GOOD FAITH IN THE CONTEXT OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION'S DECISION OF MAY 28, 2026, № 35-P

Titov E.V.

Baikal State University

On May 28, 2026, the Constitutional Court of the Russian Federation issued Resolution № 35-P on the case of checking the constitutionality of Article 234, paragraph 1, of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of Olga Konstantinova Ivankova. This resolution reflects the understanding of good faith and ownership of property as one's own, which the Constitutional Court of the Russian Federation consistently adheres to in its judicial acts, including Resolution № 48-P dated November 26, 2020. In order to improve legislation and law enforcement practice, the author proposes to correlate the approach proposed by the Constitutional Court of the Russian Federation to understanding these conditions of long-term acquisition with the provisions of legislation, judicial practice, and doctrine.

Keywords: prescription, duration of ownership, ownership as one's own, and good faith.

References

1. Dozhdev D.V. Possession in the Civil Law System. Part Two / D.V. Dozhdev // Civil Law Bulletin. – 2010. – № 1. – P. 4–78.
2. Dozhdev D.V. Roman Private Law. Textbook for Universities / D.V. Dozhdev. – Moscow: Norma, 2005. – 784 p.
3. Leonova S.V. The Nature and Purpose of the Requisite of Transparency in the Institute of Acquisitive Prescription / S.V. Leonova // Humanitarian Scientific Bulletin. – 2023. – № 7. – P. 40–45.
4. Rudokvas A.D. Controversial Issues in the Doctrine of Acquisitive Prescription: Monograph / A.D. Rudokvas. – Moscow: Izdatelskaya gruppa «ZA-KON», 2011. – 304 p.
5. Sklovsky K.I. Property in Civil Law / K.I. Sklovsky. – Moscow: Statut, 2023. – 894 p.
6. Methods of Protecting Civil Rights. Study Guide / S.V. Baganova [et al.]; edited by E.G. Belkova, S. Yu. Nekrasov. – Irkutsk: Publishing House of BSU, 2025. – 204 p.
7. Engelman I.E. On the Limitation Period in Russian Civil Law. Historical and Dogmatic Research / I.E. Engelman. – Moscow: Statut, 2003. 511 p.
8. Savigny F.K. v. Das recht des besitzes / F. K. v. Savigny. Wien: Druck und verlag Carl Gerold's sohn, 1865. – 769 s.

¹ Леонова С.В. Сущность и назначение реkvизита открытости в институте приобретательной давности // Гуманитарный научный вестник. 2023. № 7. С. 42–43.

К вопросу о балансе охраняемых законом интересов правообладателей и лиц, нарушивших исключительное право

Холмова Елена Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

E-mail: e.g.holmova@edu.nsuem.ru

Чупина Анна Михайловна,

старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

E-mail: a.m.chupina@edu.nsuem.ru

Статья посвящена проблеме достижения баланса охраняемых законом интересов правообладателей и лиц, нарушивших исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности (РИД). Актуальность темы обусловлена ростом числа нарушений в предпринимательской сфере, в том числе совершаемых без вины или при неосторожности, а также рисками злоупотребления правом со стороны недобросовестных правообладателей («патентных троллей»). В работе анализируются действующие нормы Гражданского кодекса РФ (включая новеллы 2026 г. о снижении компенсации, солидарной ответственности и определении единого нарушения), разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и судебная практика, в частности примеры, иллюстрирующие как избыточные взыскания, так и отказы в защите при злоупотреблении правом. Методологическую основу составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ доктринальных позиций. Автор приходит к выводу, что текущий баланс в значительной степени достигается на этапе правоприменения благодаря судебному усмотрению, однако сохраняются законодательные пробелы – прежде всего в определении вины предпринимателя, критериев снижения компенсации и признаков злоупотребления. Обосновывается необходимость уточнения п. 3 ст. 1250 ГК РФ о введении вины как общего основания ответственности для предпринимателей (с сохранением презумпции вины), а также выработки чётких ориентиров для судов. Предложенные изменения, по мнению автора, не ослабят защиту правообладателей, но повысят предсказуемость правового регулирования и обеспечат справедливость в спорах.

Ключевые слова: баланс интересов; правообладатель; нарушение исключительного права; патентные тролли; ответственность без вины.

Баланс интересов различных представителей общества всегда был и целью, и проблемной зоной законодательства, причем достижение баланса интересов лица, наделенного правом, и нарушителя этого права – особенно тонкая задача, требующая филигранных инструментов и тончайшей выверенности. В особенности это относится к сфере интеллектуальной собственности, которая сама по себе чрезвычайно сложна, и в ней встречается большое количество нарушений, неосознаваемых самими нарушителями, и здесь тем более необходимо равновесие.

Законодательство устанавливает права правообладателя и меры по их защите, судебная практика содержит огромное количество примеров успешности такой защиты. Защищая правообладателя, закон стоит, прежде всего, на страже интересов креативной части человечества и тем самым способствует совершенствованию разных сторон жизни, в том числе производственных процессов. Однако законодательство исходит из того, что было бы недальновидно и опасно поддерживать интересы одной части человечества в ущерб всем другим его частям.

Об этом писала, в частности Л.А. Новоселова, указывая на превентивное значение строгих санкций за нарушение интеллектуальных прав, и отмечая одновременно, что «умножение» ответственности приводит к несправедливости санкций [6, с. 220].

Регулирование интеллектуальной собственности должно исходить из задачи обеспечения баланса интересов, и учитывать интересы в том числе и нарушителей. В противном случае возникает простор для недобросовестности иных лиц, готовых превратить (и превращающих) чужие нарушения в источник доходов. «Патентные тролли» и подобные им участники споров как раз и появились вследствие игнорирования законных интересов нарушителей исключительных прав; яркий пример из судебной практики – сотни тысяч рублей компенсации, взысканной за продажу нескольких малярных кистей и измерительных рулеток.

Данная проблема осознана и названа достаточно давно [5], но не решена. Предпринимаемые цивилистами попытки дать законодателю правильное направление и обрисовать последовательные шаги по сбалансированию объективных нужд и потребностей создателей РИД [здесь и далее в статье: РИД – результаты интеллектуальной деятельности], субъектов, осуществляющих финансирование инноваций, и всего остального круга участников правоотношений пока не складываются в единую стройную концепцию. Чаще всего в научных трудах речь идёт о балансе лишь частных и публичных интересов [2, 3], тогда как и в частной, и публичной сфере присутствуют разнообразные, в том числе противоречивые до антагонистичности интересы в использовании и создании объектов интеллектуальной собственности. В работах этого направления нередко речь идет о концепции добросовестного использования, специальных правах, равенстве сторон, т.е. о ситуациях, не относящихся к уже свершившемуся нарушению исключительного права [1].

В процессе осуществления предпринимательской, в том числе производственной, деятельности возможны и в актуальных условиях почти неизбежны нарушения чужих исключительных прав на РИД. Обозначая свои товары логотипом, организация может оказаться нарушителем права на товарный знак, с которым логотип сходен до степени смешения; внедряя в производство новые материалы, конструкции и технологии, предприниматель может нарушить чье-то право на изобретение или полезную модель, о существовании которых он не знал. При этом вполне вероятно, что права и на товарный знак, и на изобретение возникли позднее начала использования логотипа или технологии, поэтому предварительное осуществление патентного поиска не дало бы результата. Очевидно, чем активнее субъект предпринимательства и чем больше он стремится к введению инноваций, тем больше риск нарушений с его стороны даже при должном уважении к чужим правам и должной осмотристельности.

Защита чьих бы то ни было прав и интересов бессмысленна, если не будет предпринимательства и особенно – производства товаров. Защищая правообладателя, закон должен одновременно обеспечивать доступность инновационных и творческих продуктов для общества в целом. Установление в законе норм для защиты интересов

предпринимателя, не являющегося правообладателем – это разумные ограничения исключительного права.

Примерами традиционных правил, направленных на достижение баланса между интересами правообладателей и интересами иных лиц, являются правила об исчерпании прав (ст. ст. 1272, 1344, 1487 ГК РФ и др.), о свободном использовании РИД в отдельных случаях (ст. ст. 1273, 1359 ГК РФ и др.). Очевидно, что такие нормы нацелены на устранение противоречий до момента нарушения права, заранее исключают нарушение, и строго говоря, к нарушителям не относятся.

В предпринимательской сфере нарушения исключительных прав многочисленны, но их совершение – это не только вопрос вины и личного выбора руководителя бизнеса. Во-первых, в предпринимательской сфере ответственность, как правило, наступает независимо от вины, и соответственно, очень часто – без вины или при ее недоказанности. Показательно, что вне предпринимательской сферы безвиновная ответственность за нарушение исключительного права является исключением из правил. Во-вторых, нарушение исключительного права может быть обусловлено простой (не грубой) неосторожностью, и применение полновесных карательных мер в этих случаях представляется избыточным, противоречащим принципу справедливости и предъявляющим неоправданно высокие требования к уровню предвидения хозяйствующего субъекта.

Кроме того, даже если у субъекта предпринимательства, нарушившего чужое исключительное право, присутствует вина в форме умысла или грубой неосторожности, то это ещё не означает, что интересы такого лица следует игнорировать. Его законный интерес состоит, как минимум, в справедливом разрешении дела.

В практике разрешения дел, связанных с нарушениями исключительных прав, проблема баланса интересов фактически находит отражение в решении вопросов:

- что следует считать «каждым случаем нарушения» в контексте применения компенсации, в частности, по ст. 1301 ГК РФ;
- допустимо ли многократно взыскивать компенсацию за нарушение одного и того же права;
- может ли компенсация приобретать штрафной, карательный характер, превышать убытки правообладателя;
- могут ли требования правообладателя считаться нарушением статьи 10 ГК РФ.

Первый вопрос в значительной мере решен введённым 04.01.2026 г. пунктом 1.1 ст. 1252 ГК РФ, установившим легальное определение нарушения. Принципы решения некоторых из перечисленных вопросов заложены Постановлением Пленума Верховного Суда РФ N 10. Так, вопрос о единичности или множественности нарушений, в соответствии с п. 56 Постановления, решается исходя из концепции единой экономической цели, единства намерений и достижения нарушителем (нарушителями) единого результата.

При разрешении споров между правообладателем и нарушителем в суде представители ответчика нередко обращаются к нормам о злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ). Однако универсальный механизм признания притязания правообладателя злоупотреблением правом недостаточен хотя бы по причине отсутствия ясных критериев и, во многих случаях из-за неубедительности доказательств злоупотребления. Значит, нужны специальные правила и механизмы или, как минимум, разъяснения авторитетных судебных и исполнительных органов, чтобы оценочный характер правил и средств доказывания приобрел хоть какие-то объективные ориентиры. Иначе возникают условия для превращения добросовестных правообладателей в «патентных троллей». В данном ключе показательно Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.07.2022 по делу А60 43219/2019 о взыскании нескольких миллионов рублей за использование товарного знака. Суд счел поведение правообладателя недобросовестным и направленным не на защиту своих прав, а на обогащение за счет ответчика, поскольку правообладатель не реализовывал свои товары на территории Российской Федерации и не имел, в связи с этим, убытков от действий ответчика.

Сегодня нельзя сказать, что в целом имеется явный перекос в пользу правообладателей или в пользу лиц, нарушивших исключительное право на РИД, из чего следует вывод о наличии баланса между их интересами в общем масштабе. И это – безусловная заслуга законодателя и судебной системы. Солидарная ответственность нарушителей по п. 8 ст. 1252.1 – пример идеально сбалансированной нормы. Установление солидарной ответственности лиц, независимо друг от друга использующих один и тот же контрафактный носитель, защищает интересы правообладателя в условиях затрудненной идентификации конкретного виновного; в то же время данная норма защищает интересы и лиц, неправомерно использовавших результат интеллектуальной

деятельности, поскольку теперь уже правообладатель не вправе взыскать полный размер компенсации с каждого из них.

Часть исследователей восприняла нововведения, учитывающие интересы нарушителей, критически. Так, М. Лабзин утверждает, что по новым нормам незаконное использование нескольких охраняемых объектов становится «выгоднее», чем одного [4, с. 8–9]. Однако данный тезис представляется спорным: категория «выгоды» в отношении наказания едва ли применима, а размер компенсации не должен механически умножаться на число использованных РИД, поскольку и прибыль нарушителя, и ущерб правообладателю далеко не всегда пропорциональны их количеству (подробнее см. сноску). Введение рассматриваемой нормы не ущемляет интересы правообладателей, но при этом поддерживает законные ожидания нарушителей на справедливое разрешение спора.

Таким образом, интересы правообладателей от введения рассматриваемой нормы не страдают, а интересы нарушителей, заключающиеся в законном и справедливом разрешении спора – поддерживаются. Учет интересов нарушителя – это не попустительство, а инструмент достижения справедливости и пресечения крайностей, и новые нормы этот инструмент предоставляют.

Однако в частных вопросах дисбаланс есть, и над его устранением нужно работать; это касается:

- случаев, когда нарушение экономически малозначимо;
- ситуаций множественного злоупотребления исключительным правом;
- вопросов ответственности без вины.

Представляется совершенно необходимым радикально изменить правила п. 3 ст. 1250 ГК РФ, введя и для предпринимателей принцип ответственности за виновное нарушение исключительного права. С двумя оговорками: это не относится к случаям нарушения договорных обязательств, и наличие вины нарушителя презюмируется.

Требуются уточнения и для предотвращения неоправданного смещения баланса. Неопределенность может возникнуть в оценке вины предпринимателя при применении нового основания снижения компенсации – по п. 7 ст. 1252.1 ГК РФ. Компенсация снижается, если предприниматель «не знал и не должен был знать, что допускает нарушение». Однако отсутствие четких критериев для определения знания и должностования знания приводит к неопределенности в размере компенсации, что лишает правообладателя возможности ее прогнозировать. Например, может быть проблематичной оценка знания предпринимателя о товарном знаке, зарегистрированном на общеупотребительное слово.

Проведённый анализ показывает, что в настоящее время баланс охраняемых законом интересов правообладателей и лиц, нарушивших исключительное право на РИД, достигается главным образом на этапе правоприменения – благодаря гибкости судебного усмотрения. Это не означает, что законодательные механизмы избыточны; напротив, отдельные нормы (например, о снижении компенсации при отсутствии вины или о солидарной ответственности) уже внесли вклад в сглаживание крайностей. Однако сохраняющиеся законодательные пробелы, в частности, в определении вины предпринимателя и критериев злоупотребления правом, создают риски дисбаланса и непредсказуемости. Поэтому совершенствование законодательства необходимо не столько для уже состоявшихся нарушителей (их интересы в большей мере защищаются судом), сколько для формирования ясных, единообразных правил, которые позволят всем участникам оборота – и потенциальным правообладателям, и потенциальным пользователям – заранее оценивать свои риски и избегать конфликтов. Именно в этом аспекте законодательная работа остаётся приоритетной, а достигнутый в правоприменении баланс следует закреплять и уточнять в нормах, чтобы он не зависел исключительно от судебного усмотрения.

Литература

1. Волос А.А. Баланс интересов сторон в праве интеллектуальной собственности в эпоху цифровизации // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2023. № 3. – С. 2–12.
2. Кожемякин Д.В. Доктрина исчерпания права как инструмент достижения баланса частных и публичных интересов в праве интеллектуальной собственности // Интеллектуальные права: вызовы 21-го века. Сборник докладов IV Международной научно-практической конференции. – Томск, 2022. – С. 126–136.
3. Кулаков Н.А. Обеспечение баланса частных и публичных интересов как направление административно-правовой охраны интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы административно- и административно-процессуального права (Сорокинские чтения). Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Под общей редакцией А.И. Каплунова, сост.: А.И. Каплу-

нов, А.О. Дрозд, Н.М. Крамаренко, Э.Х. Мамедов. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 123–130.

4. Лабзин М. Новые правила определения и распределения компенсации за нарушения исключительного права // Адвокатская газета, No 04 (453) 16–28 февраля 2026, с. 8–9.

5. Леанович Е.Б. Баланс интересов как основа развития права интеллектуальной собственности // Журнал международного права и международных отношений. 2013. № 1. С. 11–17.

6. Новоселова, Л.А. Компенсация за нарушение исключительных прав: основные тенденции развития / Л.А. Новоселова // Вестник ФИПС. – 2024. – Т. 3, № 3(9). – С. 220–231.

ON THE BALANCE OF LEGALLY PROTECTED INTERESTS OF COPYRIGHT HOLDERS AND THOSE WHO INFRINGE THEIR EXCLUSIVE RIGHTS

Kholmova E.G., Chupina A.M.

Novosibirsk State University of Economics and Management

The article addresses the problem of achieving a balance between the legally protected interests of right holders and persons who have infringed exclusive rights to intellectual activity results (IAR). The relevance of the topic is driven by the growing number of infringements in the business sphere, including those committed without fault or through negligence, as well as by the risks of abuse of rights by unscrupulous right holders ("patent trolls"). The paper analyses the current provisions of the Civil Code of the Russian Federation (including the 2026 amendments concerning reduction of compensation, joint liability, and the definition of a single infringement), the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and judicial practice, with particular examples illustrating both excessive recoveries and refusals of protection in cases of abuse of rights. The methodological framework comprises formal legal and comparative legal methods, as well

as analysis of doctrinal positions. The author concludes that the current balance is largely achieved at the stage of law enforcement through judicial discretion; however, legislative gaps remain – primarily in determining the fault of an entrepreneur, the criteria for reducing compensation, and the indicators of abuse. The necessity is substantiated for amending paragraph 3 of Article 1250 of the Civil Code to introduce fault as a general basis of liability for entrepreneurs (while retaining the presumption of fault), as well as for developing clear guidelines for courts. In the author's view, the proposed changes will not weaken the protection of right holders, but will enhance the predictability of legal regulation and ensure fairness in disputes.

Keywords: balance of interests; copyright holder; violation of exclusive rights; patent trolls, no-fault liability.

References

1. Volos A.A. Balance of Interests of the Parties in Intellectual Property Law in the Digital Age // Patents and Licenses. Intellectual Rights. – 2023. No. 3. – Pp. 2–12.

2. Kozhemyakin D.V. The Doctrine of Exhaustion of Rights as a Tool for Achieving a Balance of Private and Public Interests in Intellectual Property Law // Intellectual Rights: Challenges of the 21st Century. Collection of Papers of the IV International Scientific and Practical Conference. – Tomsk, 2022. – Pp. 126–136.

3. Kulakov N.A. Ensuring a Balance of Private and Public Interests as a Direction of Administrative-Legal Protection of Intellectual Property // Actual Problems of Administrative and Administrative-Procedural Law (Sorokin Readings). Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference. General editor A.I. Kaplunov, compiled by A.I. Kaplunov, A.O. Drozd, N.M. Kramarenko, E. Kh. Mamedov. – St. Petersburg, 2023. – Pp. 123–130.

4. Labzin M. New rules for determining and distributing compensation for violations of exclusive rights // Advocate newspaper, No. 04 (453) February 16–28, 2026, pp. 8–9.

5. Leanovich E.B. Balance of interests as a basis for the development of intellectual property law // Journal of international law and international relations. 2013. No. 1. Pp. 11–17.

6. Novoselova, L.A. Compensation for violation of exclusive rights: main development trends / L.A. Novoselova // FIPS Bulletin. – 2024. – Vol. 3, No. 3 (9). – Pp. 220–231.

Организационно-правовые механизмы формирования стратегического партнерства в системе государственного управления высшим образованием

Шулындин Лев Сергеевич,

аспирант кафедры конституционного и административного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: l.shulyndin@gmail.com

Предмет исследования составляют организационно-правовые средства согласования интересов государства, университетов и внешних партнеров в высшем образовании. Цель работы – определить структуру стратегического партнерства, пределы договорного усмотрения вуза и условия устойчивости совместных проектов. Используются формально-юридический, системный и сравнительный методы. Установлено, что партнерство оформляется сочетанием сетевой реализации программ, целевого обучения, исследовательских договоров, правил об интеллектуальных правах и бюджетных режимов. Устойчивость зависит от распределения компетенции, прозрачного выбора партнера, координации и контроля результатов. Предложен управленческий цикл: постановка публичной задачи, отбор партнера, выбор правовой формы, распределение рисков и оценка результата. Выводы применимы при разработке программ развития и локальных актов вузов.

Ключевые слова: стратегическое партнерство; государственное управление; высшее образование; сетевая форма обучения; индустриальный партнер; целевое обучение; университет.

Стратегическое партнерство позволяет университету согласовывать образовательные, исследовательские и кадровые задачи с ресурсами государства, бизнеса и научных организаций. Его устойчивость связывают с длительностью взаимодействия, совместимостью интересов и постоянной координацией [2, с. 9–16]. Законодательство об образовании не закрепляет договор стратегического партнерства как самостоятельную конструкцию. Соглашение о сотрудничестве задает общее направление, а права и обязанности сторон распределяются между образовательными, исследовательскими, имущественными и иными договорами. Поэтому устойчивость проекта зависит от согласованности этих инструментов и участия партнера в формировании образовательной и технологической повестки [5, с. 122–128].

Организационно-правовой механизм партнерства объединяет управленческие процедуры, договоры и публично-правовые ограничения, регулирующие выбор партнера, планирование, ресурсы, контроль и конфликты. Такое понимание развивает подход О.А. Батуриной и идею согласования образовательных, производственных и инфраструктурных интересов Е.В. Пустынниковой [2, с. 17–20; 8, с. 119–123]. Юридический анализ охватывает компетенцию субъектов, публичное имущество, закупки, качество образования, интеллектуальные права и гарантии обучающихся.

Статус университета в системе государственного управления определяет пределы партнерства. Вуз самостоятельно формирует структуру и выбирает способы достижения программных целей, однако его решения связаны с лицензированием, государственной аккредитацией, государственным заданием, бюджетным финансированием и режимом имущества. Закон об образовании предусматривает сетевую форму, практическую подготовку и целевое обучение¹. Эти институты придают сотрудничеству юридически проверяемую форму. Регулятор устанавливает обязательные требования и условия поддержки, университет сохраняет ответственность за содержание и качество образования.

Такое положение можно описать категорией управляемой автономии. Университет выбирает структуру, содержание программ и партнеров в пределах компетенции, установленной законом, уставом и актами учредителя. Административно-правовой цикл включает нормирование, допуск к образовательной деятельности, подтверждение соответствия, контроль и восстановительные меры. Партнерство включается в него через оценку ресурсов партнера, оформление образовательного процесса и проверку результата. Договорное усмотрение вуза связано с публичной целью и подлежит контролю.

Понятие управляемой автономии обосновано в работах казанской административно-правовой школы. З.И. Гадильшина и Э.Р. Адамова включают в предмет административного права реализацию полномочий исполнительных органов и внутриорганизационное управление; к функциям управления относят планирование, координацию, контроль и нормативное регулирование [4, с. 4–13]. Этот подход связывает локальные акты вуза, компетенцию и контрольные процедуры. С.В. Барабанова рассматривает автономию в связи с ответственностью и подконтрольностью государства, а регулирование высшего образования – как управление процессами с участием государственно-общественных структур [1, с. 53–57, 80–82, 321–322]. Партнерские советы и проектные офисы приобретают правовое значение при закреплении компетенции и документированных процедурах. Связь автономии, управления и контроля сохраняет методологическую ценность.

Основной образовательной конструкцией является сетевая форма: часть программы осваивается с использованием ресурсов нескольких организаций. Договор определяет части программы, статус обучающихся, ресурсы, документы об образовании, обязанности сторон и срок сотрудничества². Для устойчивого проекта в нем также нужны

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598. См. ст. 13, 15, 56, 71.1 (ред., действующая на 28 июля 2026 г.).

² Приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 5 августа 2020 г. «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ»; приказ Минобрнауки России № 885, Минпросвещения России № 390 от 5 августа 2020 г. «О практической подготовке обучающихся».

порядок изменения учебного плана, требования к площадкам и преподавателям, обмен документами, обработка персональных данных, безопасность студентов и правила завершения обучения при выходе партнера. Прочность соглашения определяется его применимостью при нарушении обязательств или прекращении проекта.

Сетевая форма нужна, когда обучающийся осваивает часть программы с использованием ресурсов партнера [10, с. 170–175]. Передача оборудования, экспертная оценка программы, отдельная лекция или исследование регулируются иными договорами. Смещение режимов затрудняет определение обязанностей и ответственности. Поэтому юридическая форма должна соответствовать содержанию деятельности: меморандум фиксирует направление сотрудничества, а договоры об обучении, практике, исследовании и использовании интеллектуальных прав оформляют конкретные обязательства.

Целевое обучение связывает кадровую потребность заказчика, образовательную траекторию гражданина и последующее трудоустройство. С 1 мая 2024 г. порядок заключения таких договоров предусматривает публичное размещение предложений, меры поддержки, трудовые обязательства и ответственность¹. При проектировании договора следует учитывать изменение кадровой потребности, права студента и способность заказчика предоставить предусмотренную поддержку и работу по квалификации.

Судебная практика показывает значение точной квалификации. Конституционный Суд РФ в определении от 13 февраля 2024 г. № 243-О связал последствия договора о целевом обучении с публичной задачей кадрового обеспечения и соразмерностью ответственности. Верховный Суд РФ в определении от 17 февраля 2025 г. № 78-КГ24–41-К3 признал ошибочным применение норм об ученическом договоре к отношениям целевого обучения; позиция отражена в Обзоре судебной практики № 2 (2026)². В договоре и информационных системах необходимо согласовать основание приема, финансирование, меры поддержки, место работы, срок отработки и ответственность. Судебное толкование не устраняет дефекты исходной конструкции.

Партнерство охватывает и исследовательские, имущественные отношения. Исследовательский договор должен определять задание, приемку, конфиденциальность, интеллектуальные права и публикацию результатов. Передача оборудования требует учета режима публичного имущества, закупка работ – соблюдения применимого закупочного законодательства. Кампус или иной инфраструктурный объект может создаваться по концессии либо соглашению о государственно-частном партнерстве при соблюдении специальных законов. Само участие публичного вуза и компании не образует специальный инвестиционный режим, что подтверждается исследованиями Ю.М. Ниязовой и И.М. Шор [7, с. 32–34; 11, с. 181–188].

Организационный механизм начинается с отбора партнера. Значимы его технологическая компетенция, инфраструктура, способность участвовать в обучении, кадровая устойчивость, отсутствие конфликта интересов и совместимость сроков планирования. А.Р. Невредин предлагает использовать формализованные критерии, связанные с целями проекта [6, с. 573–577]. В публичном университете их целесообразно закреплять локальным актом или решением коллегиального органа. Это ограничивает влияние персональных договоренностей и упрощает контроль.

После отбора нужен постоянный центр координации. Аналитический отчет выделяет функциональные, дивизиональные, матричные и холдинговые модели управления партнерствами [3, с. 18–30]. Для большинства вузов подходит матричная схема: кафедры и лаборатории отвечают за содержание, проектный офис ведет договоры, календарь решений и показатели. Совет с участием партнеров согласует программу работ, однако академические решения остаются в компетенции органов университета. Работодатель участвует в подготовке кадров и исследованиях без подмены образовательной организации [9, с. 860–869].

Локальный акт об отборе партнера определяет инициатора, состав комиссии, критерии, проверку конфликта интересов, форму мотивированного решения и порядок пересмотра. Протоколы и реестр решений обеспечивают доказательственную основу учредительного, финансового и надзорного контроля. Законность, разграничение компетенции,

процедурная определенность и соразмерность снижают риск ситуационного выбора. Решение о партнере является внутренним актом, поскольку затрагивает публичные ресурсы и условия обучения.

Программа «Приоритет-2030» и проект передовых инженерных школ связывают государственное финансирование с программой развития, внешней оценкой и участием промышленных партнеров³. Проектная модель концентрирует ресурсы, но может ориентировать вуз на краткосрочные показатели. Объем привлеченных средств и число соглашений отражают масштаб, однако слабо характеризуют качество компетенций и устойчивость исследований. Поэтому количественные данные следует дополнять экспертной оценкой образовательных результатов, востребованности разработок и соблюдения прав участников.

В Татарстане сложились разные отраслевые модели. ПИШ КФУ «КиберАвтоТех» объединяет подготовку кадров и заказы автомобилестроительных предприятий; ПИШ КНИТУ-КАИ «Комплексная авиационная инженерия» – кооперацию с авиационными организациями. Университет Иннополис сочетает программы, лаборатории и разработку программных решений, КГАСУ – научно-образовательные центры с участием строительных компаний⁴. Правовая конфигурация зависит от отрасли: авиационному проекту важны производственный доступ и права на разработки, ИТ-партнерству – обновление программ и защита программных продуктов, строительному – режим оборудования и безопасность.

Эти модели входят в систему управления образованием, предусмотренную статьями 89–93 Закона об образовании⁵. Нормативные акты устанавливают обязательные требования, учредитель формирует государственное задание и условия финансирования, уполномоченные органы проводят лицензирование, аккредитацию и контроль, университет принимает локальные и индивидуальные акты. Договор с партнером действует в пределах распределенной компетенции: он не расширяет полномочия вуза и не переносит его публичную ответственность. Контроль оценивает соблюдение требований самим университетом, включая сетевое обучение и использование ресурсов партнера.

Отраслевые модели имеют разные пределы тиражирования. Федерального университета опирается на широкую исследовательскую базу, отраслевой вуз – на специализацию и связи с ограниченным числом компаний. ИТ-университет быстрее меняет программы, но нуждается в ясных правилах доступа к данным и передачи интеллектуальных прав. Типовыми могут быть процедуры проверки, распределение рисков и гарантии обучающимся; предмет, показатели и ресурсы требуют отраслевой настройки.

Стабильность партнерства проверяется при прекращении финансирования, недоступности площадки, изменении образовательных требований, споре о результате исследования или утрате ключевого специалиста. Соглашение должно определять уведомление, переходный период, замену ресурсов, судьбу незавершенной работы, продолжение обучения и возврат имущества. Для комплекса договоров полезен реестр взаимосвязанных обязательств: он показывает, какой договор обеспечивает конкретный показатель программы и какие решения требуются при его изменении.

Механизм следует строить как управленческий цикл. Орган власти или учредитель определяет публичную потребность и условия поддержки. Университет формулирует измеримую задачу, проверяет партнера и выбирает правовую форму. Дорожная карта распределяет ресурсы, права, риски и контроль. Коллегиальный орган оценивает промежуточный результат, профильное подразделение корректирует договоры. Внешняя отчетность должна формироваться из данных реального управленческого процесса.

Финансовое участие государства образует отдельный контур. Проект федерального бюджетного или автономного вуза связан с государственным заданием, субсидией, планом финансово-хозяйственной деятельности и режимом имущества⁶. Цель и источник средств опре-

³ Постановление Правительства РФ от 13 мая 2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет-2030”»; постановление Правительства РФ от 8 апреля 2022 г. № 619 «О мерах государственной поддержки программ развития передовых инженерных школ».

⁴ Официальные материалы вузов: КФУ – <https://media.kpfu.ru/news/peredovaya-inzhenernaya-shkola-kfu-predstavila-rezultaty-deyatelnosti-za-2024-god/>; КНИТУ-КАИ – <https://otk.kai.ru/>; Университет Иннополис – <https://engineerschool.innopolis.university/>; КГАСУ – https://www.kgasu.ru/document/sveden/otchet_o_samoobsledovanii_2024.pdf (дата обращения: 28.07.2026).

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598. См. ст. 89–93; Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

⁶ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823. См. ст. 69.2, 78.1; Федеральный закон от 12 января 1996 г.

¹ Постановление Правительства РФ от 27 апреля 2024 г. № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» (ред. от 18 июля 2026 г.).

² Определение Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2024 г. № 243-О; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 февраля 2025 г. № 78-КГ24–41-К3 и от 11 августа 2025 г. № 14-КГ25–11-К1; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2026), утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 июля 2026 г. № 18А/2026. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/36136/> (дата обращения: 28.07.2026).

деляют допустимые расходы; выбор договора не отменяет закупочный режим¹. Правила зависят от типа учреждения и условий финансирования, поэтому единая модель для всех вузов необоснованна. Мониторинг следует разграничивать с государственным контролем: первый оценивает результативность партнерства, второй – соблюдение обязательных требований и основания мер реагирования.

Качество партнерства определяется согласованностью режимов и прозрачностью решений. Значимы квалификация отношений, академическая компетенция вуза, гарантии обучающимся, проверяемый выбор партнера и порядок выхода из проекта. Судебная практика по целевому обучению подтверждает необходимость точного распределения обязательств. Опыт вузов Татарстана показывает разнообразие отраслевых моделей при общей потребности в координации. Цикл применим в программах развития, локальных актах и соглашениях; его результативность требует проверки по данным договоров и образовательным результатам.

Литература

1. Барабанова С.В. Государственное регулирование высшего образования в Российской Федерации: административно-правовые вопросы. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2004. 340 с.
2. Батурина О.А. Организационно-экономический механизм развития стратегического партнерства университета на основе сетевого подхода: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Владивосток, 2017. 25 с.
3. Взаимодействие вузов с индустриальными партнерами: результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Вып. 10. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2022. 132 с.
4. Гадыльшина З. И., Адамова Э.Р. Административное право: конспект лекций. Казань: Казан. федер. ун-т, 2014. 101 с.
5. Гатауллина А. А., Зяббарова А.А., Федотова А.Р. Взаимодействие вузов с индустриальными партнерами в условиях технологической модернизации страны // Университетское управление: практика и анализ. 2025. Т. 29, № 3. С. 117–133.
6. Невредин А.Р. Подход к формированию инструментария выбора индустриальных партнеров для участия в инновационных проектах // Экономика. Информатика. 2024. Т. 51, № 3. С. 570–579.
7. Ниязова Ю.М. Государственно-частное партнерство как инструмент взаимодействия в сфере образования // Компетентность. 2024. № 1. С. 31–35.
8. Пустынникова Е.В. Разработка направлений стратегического партнерства в системе высшего образования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2018. Т. 12, № 3. С. 117–126.
9. Суязов В. В., Крощев Н.М. Наделение работодателей статусом субъекта права в сфере образования и науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 4. С. 858–875.
10. Чеха В.В. Сетевая форма реализации образовательных программ: основные понятия // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 5. С. 168–177.

11. Шор И.М. Создание университетских кампусов на основе государственно-частного партнерства // Вестник НГУЭУ. 2025. № 2. С. 179–192.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISMS FOR BUILDING STRATEGIC PARTNERSHIPS IN PUBLIC GOVERNANCE OF HIGHER EDUCATION

Shulyndin L.S.

Kazan (Volga Region) Federal University

The study examines legal and organizational instruments coordinating the interests of public authorities, universities, and external partners in higher education. Its purpose is to define the structure of strategic partnership, the limits of university contractual discretion, and the conditions for sustainable joint projects. Formal legal, systemic, and comparative methods are used. Strategic partnership combines network-based education, targeted training, research contracts, intellectual property rules, and public funding regimes. Its stability depends on competence allocation, transparent partner selection, coordination, and control. The article proposes a management cycle covering the public objective, partner selection, legal form, risk allocation, and outcome assessment. The findings may be used in university development programs and internal regulations.

Keywords: strategic partnership; public administration; higher education; network form of education; industrial partner; targeted training; university.

References

1. Barabanova S.V. State regulation of higher education in the Russian Federation: administrative and legal issues. Kazan: Publishing house of Kazan State University, 2004. 340 p.
2. Baturina O.A. Organizational and economic mechanism for the development of strategic partnerships of the university based on the network approach: author's abstract. diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Vladivostok, 2017. 25 p.
3. Interaction of universities with industrial partners: results of monitoring information on trends in the development of higher education in the world and in Russia. Issue 10. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2022. 132 p.
4. Gadylyshina Z.I., Adamova E.R. Administrative law: lecture notes. Kazan: Kazan. federal. University, 2014. 101 p.
5. Gataullina A.A., Zyabbarova A.A., Fedotova A.R. Interaction of Universities with Industrial Partners in the Context of Technological Modernization of the Country // University Management: Practice and Analysis. 2025. Vol. 29, No. 3. pp. 117–133.
6. Nevredinov A.R. An Approach to the Formation of Tools for Selecting Industrial Partners for Participation in Innovative Projects // Economics. Informatics. 2024. Vol. 51, No. 3. pp. 570–579.
7. Niyazova Yu.M. Public-Private Partnership as a Tool for Interaction in the Sphere of Education // Competence. 2024. No. 1. pp. 31–35.
8. Pustynnikova E.V. Development of Strategic Partnership Areas in the Higher Education System // Bulletin of SUSU. Series "Economics and Management". 2018. Vol. 12, No. 3. pp. 117–126.
9. Suyazov V.V., Kropachev N.M. Granting Employers the Status of a Legal Entity in the Sphere of Education and Science // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2025. Vol. 16, No. 4. pp. 858–875.
10. Chekha V.V. Network Form of Implementation of Educational Programs: Basic Concepts // Actual Problems of Russian Law. 2025. Vol. 20, No. 5. pp. 168–177.
11. Shor I.M. Creation of University Campuses Based on Public-Private Partnerships // Bulletin of NSUEM. 2025. No. 2. P. 179–192.

№ 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145; Федеральный закон от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // СЗ РФ. 2006. № 45. Ст. 4626.

¹ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652. См. ст. 15; Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4571.

Инвестиционное обязательство международной компании: обязательство без кредитора и без санкции

Щедрин Григорий Алексеевич,

магистр Международно-правового института Московского государственного юридического университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: shhedrin_02@mail.ru

В статье анализируется конструкция обязательства по осуществлению инвестиций, принятие которого выступает условием предоставления иностранному юридическому лицу статуса международной компании. На основе формально-юридического анализа норм Федерального закона «О международных компаниях и международных фондах» и их системного толкования во взаимосвязи с общими положениями обязательственного права установлено, что рассматриваемое требование не образует обязательства в смысле статьи 307 Гражданского кодекса Российской Федерации: закон не называет лицо, уполномоченное требовать его исполнения, а содержание обязанности определяется самим должником. Показано, что исполнение отягчено от личности должника и может быть возложено на третье лицо по общему правилу статьи 313 названного Кодекса, а неисполнение не влечёт мер ответственности – прекращение статуса международной компании выступает не санкцией, а предусмотренным законом основанием прекращения самого обязательства. Сравнение с обеспеченной инвестиционной обязанностью международной холдинговой компании по статье 284.10 Налогового кодекса Российской Федерации показывает, что корпоративное регулирование в этом отношении уступает налоговому. Отдельно установлено, что реорганизация международной компании исключает переход обязательства к правопреемнику. По итогам анализа предложены изменения статей 2 и 10 Федерального закона «О международных компаниях и международных фондах», направленные на устранение выявленных дефектов. Выводы могут быть использованы в законопроектной работе, в деятельности управляющих компаний специальных административных районов при проведении ревизий, а также в преподавании корпоративного и инвестиционного права.

Ключевые слова: международная компания, специальный административный район, редомициляция, инвестиционное обязательство, исполнение обязательства третьим лицом, группа лиц, прекращение обязательства, гражданско-правовая ответственность.

Введение

Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» [1] (далее – **Закон № 290-ФЗ**) связывает предоставление статуса международной компании с принятием обязательств по осуществлению инвестиций на территории Российской Федерации (п. 3 ч. 3 ст. 2 в редакции Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 452-ФЗ). Минимальный объём инвестиций составляет пятьдесят миллионов рублей, срок их осуществления – один год с даты государственной регистрации (ч. 6 ст. 2 в редакции Федеральных законов от 26 марта 2022 г. № 72-ФЗ и от 4 августа 2023 г. № 452-ФЗ). Это условие выступает экономическим оправданием преференциального режима: специальные административные районы создаются в целях формирования инвестиционно привлекательной среды (ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ [2], далее – **Закон № 291-ФЗ**).

Степень разработанности темы характеризуется преобладанием описательного подхода. Ю.В. Блинова, Л.И. Ворокосова, А.С. Чигарова и И.А. Зобина, сопоставив международную компанию с европейской, пришли к выводу, что она не является новой организационно-правовой формой, а представляет собой особый статус хозяйственного общества [3, с. 128–132]. На неопределённость термина «офшор» указывала А.А. Копина [4]; практические аспекты режима комментировали А.Б. Дидикин и А.В. Юдкин [5]; раскрытие информации о бенефициарах рассматривал В.А. Канашевский [6, с. 83]; статут европейской компании проанализирован А.В. Асосковым [7, с. 67]. Обеспеченность инвестиционного обязательства мерами принуждения самостоятельным предметом исследования не выступала.

Правовая природа обязательства по осуществлению инвестиций

Пункт 3 части 3 статьи 2 Закона № 290-ФЗ построен как открытый альтернативный перечень оснований принятия инвестиционных обязательств: заявление о намерениях осуществлять инвестиции, специальный инвестиционный контракт, концессионное соглашение, соглашение о государственно-частном (муниципально-частном) партнёрстве либо иной договор. Четыре из пяти оснований представляют собой договорные конструкции, в которых имеется вторая сторона, наделённая правом требования. Пятое, заявление о намерениях, прямо квалифицировано законом как односторонняя сделка (ч. 8 ст. 2). Закон уравнивает все пять оснований в правовых последствиях, хотя обеспеченность возникающей обязанностью в них принципиально различна.

Момент возникновения обязательства определён датой государственной регистрации международной компании (ч. 8.1 ст. 2, введена Федеральным законом от 25 декабря 2018 г. № 485-ФЗ). Содержание обязательства формирует сам обязанный субъект: согласно части 7 статьи 2 объём, формы, условия прекращения и сроки осуществления инвестиций устанавливаются в том самом документе, который поименован в пункте 3 части 3 статьи 2. Внешним ограничением служит лишь минимум части 6 статьи 2. Должник тем самым в одностороннем порядке определяет и предмет, и условия прекращения собственной обязанности.

Понятие инвестиций раскрыто в части 4 статьи 2: это капитальные вложения по Федеральному закону от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ, а также вложения в уставный капитал, фонд или вклады в имущество российских хозяйственных обществ. Часть 5 статьи 2 устанавливает, что объём капитальных вложений определяется исходя из затрат, отражённых согласно данным бухгалтерского учёта, независимо от их оплаты: для зачёта достаточно отражения затрат в учёте, а фактическое движение денежных средств требуется лишь применительно ко второй форме инвестиций.

Односторонняя сделка способна создавать обязанности для совершившего её лица (ст. 155 Гражданского кодекса Российской Федерации [8], далее – **ГК РФ**), и к ней применяются общие положения об обязательствах, если это не противоречит закону и характеру сделки (ст. 156 ГК РФ). Однако обязательство в смысле статьи 307 ГК РФ предполагает кредитора, имеющего право требовать исполнения, а Закон № 290-ФЗ такого лица не называет. Управляющая компания полу-

чает документы, подтверждающие осуществление инвестиций (ч. 7.1 ст. 2), и проводит ревизию (ч. 1 ст. 10), но правом требования не наделена: её полномочия исчерпываются вынесением представления (ч. 2.1 ст. 10) и направлением в регистрирующий орган уведомления о прекращении статуса (ч. 3 ст. 10). Российская Федерация стороной этого правоотношения не выступает.

Вывод по разделу. Конструкция пункта 3 части 3 статьи 2 Закона № 290-ФЗ обладает признаками обязательства лишь внешне: отсутствие управомоченного лица лишает её возможности принудительного осуществления субъективного права. По существу это условие предоставления административного статуса, облечённое в обязательственную форму.

Субъектная неопределённость исполнения

Закон последовательно ослабляет связь обязательства с личностью должника. По части 9 статьи 2 обязательства, принятые иностранным юридическим лицом, распространяются на подконтрольные ему лица, если те также подали заявление о государственной регистрации. Часть 10 статьи 2 идёт дальше: международная компания вправе без согласия управляющей компании возложить исполнение на любое лицо из группы лиц, определяемой по любому из оснований статьи 9 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [9].

Отсылка к статье 9 названного Закона существенно расширяет круг возможных исполнителей: группа лиц образуется не только отношениями корпоративного контроля, но и совпадением состава исполнительных органов, полномочиями по формированию коллегиального органа, а также родственными связями физических лиц. Круг лиц, способных исполнить инвестиционное обязательство за международную компанию, оказывается заметно шире холдинга, к которому она принадлежит экономически.

Часть 10 статьи 2 при этом не устанавливает изъятия из общего правила статьи 313 ГК РФ: она снимает лишь требование о согласовании возложения применительно к лицам группы, а запрета возлагать исполнение на третье лицо за пределами группы Закон № 290-ФЗ не содержит. Общее правило об исполнении обязательства третьим лицом продолжает действовать, и формально адресованное международной компании требование может быть фактически удовлетворено за счёт средств лица, не связанного с ней ни корпоративно, ни экономически.

Не индивидуализировано и экономическое содержание засчитываемых вложений: пункт 2 части 4 статьи 2 допускает зачёт вложений в уставный капитал и вкладов в имущество российских хозяйственных обществ, в том числе подконтрольных самой международной компании. В сочетании с правилом части 5 статьи 2 это позволяет достичь формального соответствия за счёт перемещения средств внутри группы.

Заключительное предложение части 10 статьи 2 распределяет ответственность, но не устанавливает её меру, отсылая к последствиям, которые должны содержаться в законе. Наличие таких последствий рассматривается далее.

Вывод по разделу. Инвестиционное требование не индивидуализирует ни обязанное лицо, ни источник вложений: формально оно адресовано международной компании, содержательно – группе лиц в понимании антимонопольного законодательства, фактически же может быть исполнено любым третьим лицом на основании статьи 313 ГК РФ.

Отсутствие мер ответственности за неисполнение

Ключевое значение имеет часть 8.2 статьи 2 Закона № 290-ФЗ, введённая Федеральным законом от 25 декабря 2018 г. № 485-ФЗ: датой прекращения обязательств, принятых на основании заявления о намерениях, является дата исполнения обязанности по совершению инвестиций либо дата прекращения статуса международной компании. Юридический результат надлежащего исполнения и результат полного неисполнения при таком регулировании совпадают: в обоих случаях обязательство прекращается, а различие сводится к сохранению или утрате преференциального статуса на будущее время. Утрата статуса представляет собой, следовательно, не меру ответственности, а предусмотренное законом основание прекращения обязательства, сопоставимое по действию с прощением долга (ст. 415 ГК РФ).

Процедурный режим усиливает этот эффект. Первая ревизия осуществляется не ранее двух лет с даты государственной регистрации (ч. 1 ст. 10) при годичном сроке инвестирования (ч. 6 ст. 2). При выявлении неисполнения управляющая компания выносит представление (ч. 2.1 ст. 10) и лишь по истечении шести месяцев со дня его вынесения направляет в регистрирующий орган уведомление о прекращении статуса (ч. 3 ст. 10). Сорокопятилетний период, в течение которого лицо,

не осуществившее инвестиции, сохраняет статус и связанные с ним преимущества, приближается к двум с половиной годам.

Часть 8 статьи 10 позволяет подать заявление о добровольном прекращении статуса в любой момент после даты государственной регистрации. В сочетании с частью 8.2 статьи 2 это создаёт управляемый механизм выхода: обязанное лицо вправе прекратить статус по собственному волеизъявлению до начала ревизии, чем автоматически прекращается и инвестиционное обязательство. Ситуация, при которой активы перемещены в российскую юрисдикцию, преференциальный режим использован, юридическое лицо продолжает существовать, а инвестиции не осуществлены, оказывается полностью правомерной.

Может показаться, что этому противоречит часть 11 статьи 10 Закона № 290-ФЗ: она гласит, что права и обязанности, возникшие до прекращения статуса, сохраняют силу и действуют в том же объёме до их прекращения. Но эта норма говорит о последствиях утраты статуса вообще, а часть 8.2 статьи 2 конкретно о моменте прекращения инвестиционного обязательства, и как специальная норма она имеет приоритет. Кроме того, если бы часть 8.2 статьи 2 не влияла на судьбу обязательства, у неё вообще не было бы смысла: то, что обязательство прекращается исполнением, и так следует из статьи 408 ГК РФ, а вот указание на дату прекращения статуса как на отдельное, самостоятельное основание прекращения – это то новое, что вносит именно эта норма.

Договорный контур законодательства о специальных административных районах пробел не восполняет. Договор об осуществлении деятельности является гражданско-правовым (ч. 1 ст. 12 Закона № 291-ФЗ), однако его предметом выступают виды деятельности участника, указываемые по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (п. 1 Типового договора, утверждённого приказом Минэкономразвития России от 20 сентября 2018 г. № 510 [11] в редакции приказа от 16 октября 2023 г. № 714), а раздел 6 Типового договора содержит бланкетную отсылку к законодательству и не предусматривает ни неустойки, ни обеспечения. Основанием одностороннего расторжения договора по требованию управляющей компании является неосуществление участником деятельности, предусмотренной договором (п. 3 ч. 5 ст. 5 Закона № 291-ФЗ), но не неосуществление инвестиций, обязанность участника ограничивается представлением ежегодного отчёта о результатах выполнения инвестиционных обязательств (п. 1 ч. 2 ст. 11 того же Закона).

Система замкнута сама на себя: договор об осуществлении деятельности прекращается внесением в реестр записи о прекращении статуса международной компании (п. 1.1 ч. 9 ст. 5 Закона № 291-ФЗ), а с той же даты утрачивается и статус участника специального административного района (п. 4 ч. 11 ст. 5). Все последствия неисполнения носят статусный характер и обращены в будущее. Ретроспективного изъятия полученных преимуществ законодательство не предусматривает.

Показателен контраст с налоговой моделью. Пункт 4 статьи 284.10 Налогового кодекса Российской Федерации [10] возлагает на международную холдинговую компанию, применяющую пониженные ставки, обязанность осуществить в течение трёх лет капитальные вложения в объекты инфраструктуры, а пункт 5 той же статьи устанавливает последствие несоблюдения условий: не уплаченная в результате неправомерного применения пониженных ставок сумма налога подлежит уплате в бюджет с начислением пеней. Налоговый законодатель сумел сконструировать обеспеченную инвестиционную обязанность с ретроспективным изъятием выгоды. Пределы сопоставления следует оговорить: механизм касается иной по объёму и форме обязанности, иного субъекта, компании, фактически применившей пониженные ставки, и не распространяется на международную компанию, данным режимом не воспользовавшуюся.

Вывод по разделу. Единственным последствием неосуществления инвестиций является утрата статуса международной компании, которая мерой ответственности не является, поскольку одновременно прекращает и само неисполненное обязательство. Меры гражданско-правовой ответственности за его неисполнение в законодательстве отсутствуют.

Реорганизация международной компании и судьба инвестиционного обязательства

По части 10 статьи 10 Закона № 290-ФЗ при реорганизации в форме слияния (кроме слияния с другой международной компанией при сохранении места нахождения в специальном административном районе), разделения и выделения статус международной компании не переходит к создаваемым юридическим лицам; не переходит он и при присоединении международной компании к другому лицу. Часть 9 статьи 10 предусматривает прекращение статуса при присоединении к между-

народной компании лица, не являющегося участником специального административного района.

Взаимодействие этих норм с частью 8.2 статьи 2 даёт следующий результат. Прекращение статуса влечёт прекращение инвестиционного обязательства, а поскольку статус прекращается одновременно с внесением в единый государственный реестр юридических лиц записи о завершении реорганизации, к моменту определения объёма правопреемства обязательство уже прекращено. Передаточный акт (ст. 59 ГК РФ) содержать его не может, а универсальное правопреемство (ст. 58 ГК РФ) распространяется лишь на существующие права и обязанности.

Гарантии прав кредиторов реорганизуемого юридического лица (ст. 60 ГК РФ) неприменимы по причине, указанной в разделе 1: закон не называет кредитора, а значит, отсутствует субъект, способный потребовать досрочного исполнения либо возмещения убытков. Не применяется и правило о солидарной ответственности вновь созданных лиц (п. 5 ст. 60 ГК РФ).

Вывод по разделу. Реорганизация в формах, влекущих непереход статуса, представляет собой правомерный способ прекращения инвестиционного обязательства без его исполнения; правопреемник obligational лицом не становится.

Предложения по совершенствованию законодательства

Следует оговорить, что договорная форма принятия инвестиционных обязательств действующим законом уже допускается: пункт 3 части 3 статьи 2 Закона № 290-ФЗ называет специальный инвестиционный контракт, концессионное соглашение, соглашение о государственно-частном партнёрстве и иной договор. Дефект состоит не в отсутствии договорной альтернативы, а в её факультативности и в сохранении односторонней сделки как равноправного основания.

Во-первых, исключить заявление о намерениях из перечня пункта 3 части 3 статьи 2 Закона № 290-ФЗ, установив, что инвестиционные обязательства принимаются на основании договора. Экономным решением является включение инвестиционных условий в договор об осуществлении деятельности (ст. 12 Закона № 291-ФЗ) в качестве существенных с дополнением Типового договора.

Во-вторых, изложить часть 8.2 статьи 2 Закона № 290-ФЗ в редакции, исключающей прекращение обязательства фактом прекращения статуса, и предусмотреть, что обязательство сохраняется до его исполнения либо до истечения срока, установленного частью 6 статьи 2, независимо от наличия статуса.

В-третьих, назвать в законе кредитора по инвестиционному обязательству, определив таким лицом управляющую компанию, действующую в публичном интересе, и наделив её правом требовать исполнения в натуре (ст. 308.3 ГК РФ) и взыскания законной неустойки (ст. 332 ГК РФ), исчисляемой в процентах от неосвоенного объёма инвестиций.

В-четвёртых, дополнить статью 10 Закона № 290-ФЗ правилом о переходе неисполненного инвестиционного обязательства к правопреемнику независимо от перехода статуса, с обязательным отражением такого обязательства в передаточном акте и солидарной ответственностью юридических лиц, созданных в результате разделения или выделения.

В-пятых, изменить часть 5 статьи 2 Закона № 290-ФЗ, установив, что объём капитальных вложений определяется исходя из фактически оплаченных затрат, и ограничить зачёт вложений в имущество хозяйственных обществ, входящих в одну группу лиц с международной компанией. В-шестых, дополнить часть 10 статьи 2 требованием об уведомлении управляющей компании о возложении исполнения на лицо группы лиц с указанием такого лица и объёма возлагаемого исполнения, а также исключить применение статьи 313 ГК РФ к лицам, в группу лиц с международной компанией не входящим.

Заключение

1. Требование о принятии инвестиционных обязательств (п. 3 ч. 3 ст. 2 Закона № 290-ФЗ) представляет собой условие предоставления административного статуса, обременённое в обязательственную форму, но не образующее обязательства в смысле статьи 307 ГК РФ: закон не называет управомоченное лицо, а содержание обязанности определяется самим должником (ч. 7 ст. 2).

2. Часть 10 статьи 2 Закона № 290-ФЗ не устанавливает изъятия из статьи 313 ГК РФ, а лишь освобождает от согласования возложения исполнения на лицо группы лиц; круг фактических исполнителей совпадает с кругом третьих лиц по названной статье Кодекса.

3. Прекращение статуса международной компании является не мерой ответственности, а предусмотренным законом основанием прекращения инвестиционного обязательства (ч. 8.2 ст. 2 Закона № 290-ФЗ);

меры гражданско-правовой ответственности за неосуществление инвестиций в законодательстве отсутствуют.

4. Процедура ревизии (ст. 10 Закона № 290-ФЗ) в сочетании с правом на добровольное прекращение статуса (ч. 8 ст. 10) обеспечивает обязанному лицу правомерный выход из обязательства до наступления неблагоприятных последствий.

5. Реорганизация международной компании в формах, влекущих непереход статуса (ч. 9, 10 ст. 10 Закона № 290-ФЗ), прекращает инвестиционное обязательство до определения объёма правопреемства и исключает его переход к правопреемнику.

6. Устранение выявленных дефектов требует перевода инвестиционного обязательства в договорную форму на обязательной основе, определения кредитора, установления законной неустойки, сохранения обязательства при утрате статуса и его перехода к правопреемнику при реорганизации.

Теоретическое значение работы состоит в уточнении границ обязательственной конструкции применительно к обязанностям, возникающим из односторонних сделок в публично значимых правовых режимах, и в демонстрации того, что законодательный термин «обязательство» сам по себе не свидетельствует о наличии обязательственного правоотношения. Практическое значение состоит в возможности использования выводов при подготовке изменений в статьи 2 и 10 Закона № 290-ФЗ, при планировании ревизий управляющими компаниями и при оценке заявляемых показателей инвестиционной активности резидентов специальных административных районов.

Литература

1. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // Собрание законодательства РФ, 06.08.2018, N 32 (часть I), ст. 5083.

2. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // Собрание законодательства РФ, 06.08.2018, N 32 (часть I), ст. 5084.

3. Блинова Ю.В., Ворокова Л.И., Чигарова А.С., Зобина И.А. Правовой статус международной компании по российскому законодательству // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 125–134.

4. Копина А.А. Международные компании – практика создания российского «офшора» // Налоги. 2018. N 15. С. 1, 3–7.

5. Дидикин А.Б., Юдкин А.В. Российские «офшоры»: новые правила ведения бизнеса: экспертный комментарий. Екатеринбург: Издательские решения, 2018. 36 с.

6. Канашевский В.А. О раскрытии информации о бенефициарах офшорных компаний и трастов: текущее состояние и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. N 2 (69). С. 85.

7. Асосков А.В. Устав европейской компании: новый этап развития права Европейского союза // Законодательство. 2002. N 8.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

9. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, N 32, ст. 3340.

11. Приказ Минэкономразвития России от 20.09.2018 N 510 «Об утверждении типового договора об осуществлении деятельности на территории специального административного района» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.11.2018.

THE INVESTMENT OBLIGATION OF AN INTERNATIONAL COMPANY: AN OBLIGATION WITHOUT A CREDITOR AND WITHOUT A SANCTION

Shchedrin G.A.

International Law Institute, Kutafin Moscow State Law University

The article addresses the construction of the obligation to make investments, the assumption of which is a condition for granting an international company status to a foreign legal entity. Through formal legal analysis of the Federal Act "On International Companies and International Funds" and its systemic interpretation alongside the general provisions on obligations, it is established that the requirement in question does not constitute an obligation within the meaning of Article 307 of the Civil Code of the Russian Federation, since the law does not identify the person entitled to demand performance and leaves the content

of the duty to the debtor itself. It is shown that performance is detached from the person of the debtor and may be entrusted to a third party under the general rule of Article 313 of the same Code, while non-performance entails no measures of liability – the termination of the obligation itself. A comparison with the secured investment duty of an international holding company under Article 284.10 of the Tax Code of the Russian Federation shows that corporate regulation falls short of the tax model in this respect. It is further established that the reorganisation of an international company precludes the transfer of the obligation to the legal successor. Amendments to Articles 2 and 10 of the Federal Act are proposed to remedy the deficiencies identified. The findings may be used in legislative drafting, in the work of the management companies of special administrative districts when conducting audits, and in teaching corporate and investment law.

Keywords: international company, special administrative district, redomiciliation, investment obligation, performance of an obligation by a third party, group of persons, termination of an obligation, civil liability.

References

1. Federal Law of 3 August 2018 No. 290-FZ “On International Companies and International Funds” // *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 06.08.2018, No. 32 (part I), Art. 5083.
2. Federal Law of 3 August 2018 No. 291-FZ “On Special Administrative Districts in the Territories of the Kaliningrad Region and Primorsky Krai” // *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 06.08.2018, No. 32 (part I), Art. 5084.

3. Blinova Yu.V., Vorokosova L.I., Chigarova A.S., Zobina I.A. Pravovoy status mezh-dunarodnoy kompanii po rossiyskomu zakonodatelstvu // *Rossiyskiy vneshneekonomich-eskiy vestnik*. 2019. No. 3. Pp. 125–134.

4. Kopina A.A. Mezhdunarodnye kompanii – praktika sozdaniya rossiyskogo «ofsho-ra» // *Nalogi*. 2018. No. 15. Pp. 1, 3–7.

5. Didikin A.B., Yudkin A.V. Rossiyskie «ofshory»: novye pravila vedeniya biznesa: ekspertnyy kommentariy. Ekaterinburg: Izdatelskie resheniya, 2018. 36 p.

6. Kanashevskiy V.A. O raskrytii informatsii o benefitsiarakh ofshornykh kompaniy i trastov: tekushchee sostoyanie i perspektivy // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2018. No. 2 (69). P. 85.

7. Asoskov A.V. Ustav evropeyskoy kompanii: novyy etap razvitiya prava Evropeysko-go soyuza // *Zakonodatelstvo*. 2002. No. 8.

8. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ // *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*. 1994. No. 32. Art. 3301.

9. Federal Law of 26 July 2006 No. 135-FZ “On the Protection of Competition” // *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*. 2006. No. 31 (part I). Art. 3434.

10. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of 5 August 2000 No. 117-FZ // *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 07.08.2000, No. 32, Art. 3340.

11. Order of the Ministry of Economic Development of Russia of 20 September 2018 No. 510 “On Approval of the Standard Agreement on Conducting Activity in the Territory of a Special Administrative District” // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 29.11.2018.

Балашов Евгений Владимирович;

кандидат юридических наук, доцент; кафедра международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве РФ, кафедра юриспруденции, Московский международный университет
E-mail: balashov18@mail.ru/

Шорохова Александра Андреевна,

кандидат юридических наук; кафедра гражданского и уголовного права и процесса; Московский международный университет
E-mail: shorohova08@yandex.ru

В статье исследуется управление земельными ресурсами с учётом применения принципа эстоппель в земельном праве; показаны теоретические основания и практические последствия внедрения этого принципа в регулирование земельных отношений. Рассматриваются сущность эстоппеля как средства защиты добросовестных правообладателей от произвольных или внезапных изменений публично-правовых актов, анализируется его соотношение с существующими институтами компенсации при изъятии земли для публичных нужд. На основе сопоставительного правового анализа выявляются ключевые риски и преимущества: повышение стабильности правовых ожиданий собственников и инвесторов, сокращение социальных конфликтов, а также возможные ограничения гибкости публичного управления землепользованием. Предложены критерии применения эстоппеля в земельных спорах – оценка добросовестности, инвестиций и причинно-следственной связи между решением органов власти и утратой экономической выгоды. В заключении сформулированы рекомендации для законодательного и судебного развития: закрепление процедурных гарантий, разработка компенсационных механизмов и установление прозрачных критериев допустимости эстоппеля в земельных правоотношениях.

Ключевые слова: эстоппель, управление земельными ресурсами, добросовестность, баланс интересов, злоупотребления

Принцип эстоппель – это доктрина в праве, направленная на защиту добросовестных сторон от противоречивого и недобросовестного поведения другой стороны, особенно когда одна сторона полагается на определенные обещания или действия другой.

Его становление и развитие прошло несколько исторических этапов и связано с идеями справедливости и добросовестности.

Зародился данный принцип в римском праве – был связан с доктриной *res judicata* (лат., «решенное дело»), согласно которой окончательное судебное решение невозможно оспаривать, что отражало идею обязательности и непротиворечивости судебных решений.

В римском праве принцип эстоппель известен под латинским понятием *venire contra factum proprium*, что означает запрет на противоречивое поведение. Он запрещает стороне вести себя таким образом, чтобы создать у другой стороны обоснованные ожидания определенного поведения, а затем отказаться от него во вред этой стороне. Это правило тесно связано с принципом добросовестности и направлено на предотвращение злоупотребления правом и защиту прав добросовестной стороны в гражданских правоотношениях.

К основным условиям применения эстоппеля (*venire contra factum proprium*) в римском праве относили:

- наличие у стороны поведения или заявления, на которое другая сторона обоснованно полагалась;
- последующее противоположное поведение первой стороны, нарушающее доверие второй;
- наличие ущерба или неудобств для второй стороны в результате такого поведения.

Развивался эстоппель и в английском общем праве.

Эстоппель (*estoppel*) возник как доктрина права, направленная на предотвращение ситуации, когда одна сторона пытается пойти вразрез со своим предыдущим заявлением или поведением, если другая сторона на это полагалась и понесла ущерб. Термин происходит от французского слова *estoupail* – «пробка, заграждение», что символизирует блокировку несправедливого изменения позиции одной стороны.

Первоначально эстоппель развивался в суде справедливости (*equity*), который стремился устранить несправедливость, вызванную непоследовательным поведением сторон. Правовые нормы эстоппеля параллельно развивались в судах общего права, но имели некоторые различия с точки зрения прецедентного права и требований к доказательствам.

В XIX веке эстоппель стал важной частью права обязательств в английском общем праве. Ключевые типы эстоппеля стали формироваться в следующих направлениях – эстоппель по фактическим заявлениям (*estoppel by representation*), обязывающий сторону не отрицать ранее сделанные представления, а также эстоппель по соглашению (*estoppel by convention*), при котором сторона не может отрицать общий взгляд, поддерживаемый обеими сторонами.

В праве справедливости появилась концепция промиссорного эстоппеля (*promissory estoppel*), основанного на обещаниях, когда одна сторона воздерживается от предъявления своих законных требований на основе обещания другой стороны. Это развитие сыграло значительную роль в смягчении жестких норм договорного права и защите доверия и справедливости в коммерческих отношениях.

Собственнический эстоппель (*proprietary estoppel*) развился как особая форма, позволяющая сторонам претендовать на имущественное право, основываясь на обоснованном доверии и действиях другой стороны [1]. Этот вид эстоппеля стал исключением из общего правила, т.к. эстоппель, как правило, является только защитой, а не основанием для иска.

Судебная практика внесла значительные уточнения, например, дело *Jorden v. Money* в XIX веке, где было проведено различие между представлением фактов и намерений – эстоппель мог касаться только фактических представлений, а не намерений в праве общего права [2].

В современном английском общем праве существует множество форм эстоппеля, включая эстоппель по договору (*contractual estoppel*), эстоппель по документам (*estoppel by deed*), эстоппель по сложившейся практике (*estoppel by convention*) и др [3]. Несмотря на различные формы, общий элемент – предотвращение несправедливости, вызванной изменением позиции одной из сторон после того, как другая сто-

рона на него полагалась. Эстоппель чаще используется английским правом в целях защиты, а не как основание для иска, хотя исключения существуют.

Современная доктрина эстоппеля – сформировалась на базе учений, например, Лорда Деннинга, который определил эстоппель как «приостановление чего-то» в контексте защиты добросовестных сторон от злоупотреблений и противоречивого поведения [4]. Главной функцией эстоппеля стало предотвращение злоупотреблений доверием и защита прав сторон, полагающихся на определенные обещания или действия другой стороны.

Эстоппель – собирательное понятие, включающее принципы добросовестности, справедливости, защиты доброго имени, равенства перед законом. Он запрещает сторонам изменять свои позиции таким образом, чтобы вводить в заблуждение суд или другую сторону, обеспечивая стабильность правоотношений. Этот принцип широко применяется в гражданском праве, а в последнее время все активнее входит в публично-правовые отношения.

Принцип эстоппель важен для установления юридической безопасности и защиты добросовестных участников процесса или правоотношений. Суд не допускает законного нарушения последовательности в поведении сторон, если это вредит другой стороне, которая в разумных ожиданиях доверилась исходному поведению. В России принцип эстоппель впервые упоминался Высшим арбитражным судом в 2011 году и постепенно получает развитие в судебной практике [5].

Принцип эстоппель в земельном праве России представляет собой правовой институт, появившийся в ГК РФ [6] в 2013 году (п. 5 ст. 166 ГК) и направленный на защиту добросовестной стороны в земельных отношениях [7]. По этому принципу лицо лишается права ссылаться на определённые факты в обоснование своей позиции, если его поведение создаёт у другой стороны разумные ожидания о действительности сделки или правоотношения, и, если сторона, ссылающаяся на недействительность, действует недобросовестно.

Основные моменты применения эстоппеля в земельном праве:

Защита добросовестного участника земельных правоотношений от недобросовестных действий другой стороны, которые могут нарушить стабильность землепользования.

Судебная практика показывает, что эстоппель ограничивает возможность одной стороны менять позицию в суде, если по ситуации уже сформировались объективные ожидания другой стороны, например, по аренде земельных участков или сделкам с землей.

Эстоппель применяется как продолжение принципа добросовестности и разумности действий сторон, что особенно важно в земельных спорах, где договоры аренды, разделы участков и права собственности требуют стабильности для участников гражданского оборота.

Верховный Суд РФ подчёркивает, что эстоппель защищает именно ту сторону, чьи ожидания были обоснованы поведением другой стороны, и не применяется, если сторона, ссылающаяся на эстоппель, сама действует недобросовестно.

В качестве примера можно привести выводы Верховного Суда РФ по конкретному делу [8].

Требования арендодателя: 1) О признании недействительным договора аренды земельного участка; 2) О признании недействительным договора о передаче прав и обязанностей арендатора.

Обстоятельства: по мнению истца, договор аренды был заключен с целью вывода участка из сельскохозяйственного оборота.

Предъявление истцом требования о признании договора аренды земельного участка, находящегося в федеральной собственности, недействительным при наличии принятого уполномоченным органом распоряжения об изменении вида разрешенного использования и внесенных изменений в условия такого договора аренды следует квалифицировать в качестве противоречивого и недобросовестного поведения.

В силу пункта 9 статьи 22 Земельного кодекса Российской Федерации при аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более чем пять лет арендатор земельного участка имеет право, если иное не установлено федеральными законами, в пределах срока договора аренды земельного участка передавать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу, в том числе права и обязанности, указанные в пунктах 5 и 6 данной статьи, без согласия арендодателя при условии его уведомления. Изменение условий договора аренды земельного участка без согласия его арендатора и ограничение установленных договором аренды земельного участка прав его арендатора не допускаются. Если иное не предусмотрено законом, досрочное расторжение договора аренды земельного участка, заключенного на срок более чем пять лет, по требованию арендодателя возможно только на основании решения

суда при существенном нарушении договора аренды земельного участка его арендатором.

Таким образом, принцип эстоппель в земельном праве России препятствует злоупотреблениям, когда одна сторона пытается нарушить или оспорить права другой стороны, основываясь на изменении своей позиции, противоречащей первоначальным отношениям между сторонами, если это нарушает добросовестность и стабильность в обороте земельных прав.

Представляет интерес дело, рассмотренное судом первой инстанции [9] в рамках которого был сделан вывод о судьбе недвижимости, возведенного при отсутствии возражения со стороны собственника.

Между истцом и ответчиком был заключен без торгов договор аренды земельного участка, находящегося в федеральной собственности. Разрешенное использование – садовые дома, летние сооружения, сады, огороды. Основанием заключения такого договора послужил подл. 10 п. 2. подп. 2 п. 5 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ [10]. В соответствии с этой нормой предусмотрено предоставление в аренду земельного участка для завершения строительства собственнику объекта незавершенного строительства, если уполномоченным органом в течение шести месяцев со дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды земельного участка, на котором расположен этот объект, в суд не заявлено требование об изъятии этого объекта путем продажи с публичных торгов. При этом анализ положений земельного и гражданского законодательства позволяет прийти к выводу о том, что права собственника публичного земельного участка на обращение с иском об изъятии объекта незавершенного строительства и собственника такого объекта на заключение договора аренды участка для завершения строительства связаны между собой. В отсутствие судебного акта об изъятии объекта незавершенного строительства в целях устранения юридической неопределенности судьбы объекта и земельного участка, на котором он расположен, собственник объекта вправе требовать заключения с ним договора аренды для завершения строительства. Что и было сделано собственником объекта незавершенного строительства.

Учет принципа эстоппель при формировании земельной политики и управлении земельными ресурсами имеет несколько важных последствий:

Снижение социальных конфликтов. Применение эстоппеля помогает избежать резкого обострения отношений между собственниками или органами власти и фактическими пользователями земли, поскольку учитывает интересы тех, кто давно использует участок.

Стабильность владения и инвестиций. Когда пользователи понимают, что их законные ожидания защищены, это стимулирует вложения в развитие участков, создание инфраструктуры и повышение качества использования земель.

Ограничение произвольных административных решений. Органы власти, зная о возможных последствиях недобросовестных действий (например, обещаний с последующим их отменой), будут действовать более аккуратно и прозрачно в вопросах предоставления разрешений и согласований.

Баланс публичных и частных интересов. Принцип позволяет измерять необходимость охраны публичного интереса (например, изъятия земли для государственных нужд) с правами добросовестных пользователей.

Несмотря на преимущества, использование эстоппель несёт и риски:

Ограничение формального права собственности. Излишняя ориентация на эстоппель может подрывать гарантию формальных прав и приводить к неопределённости правового режима земель.

Усложнение кадастрового учёта и оборота. Если права, подтверждённые формально, будут регулярно корректироваться на основе доктрины эстоппель, это может снижать надёжность регистрации сделок и мешать рынку.

Опасность злоупотреблений. Пользователи могут сознательно создавать ситуацию постоянного фактического владения, рассчитывая на защиту эстоппель, что приведёт к узурпации земли и ухудшению инвестиционного климата.

Процедурная неопределённость. В отсутствие ясных законодательных критериев суды и администрации будут применять принцип непоследовательно, что порождает юридическую неопределённость.

Для эффективного и сбалансированного применения принципа эстоппель в управлении землями следует учитывать следующие подходы:

Закрепление критериев. Законодательно или в подзаконных актах сформулировать критерии применения эстоппель: длительность фактического использования, добросовестность пользователей, наличие

вложений, поведение собственника или администрации, общественный интерес. Это уменьшит произвол и повысит предсказуемость.

Процедурная прозрачность. Ввести обязательные административные процедуры при решении вопросов, связанных с изменением статуса уже используемых участков: публичные слушания, уведомления, сроки для обжалования. Это позволит уравновесить интересы всех сторон.

Механизмы компенсации. При необходимости восстановления формальных прав собственника предусмотреть обязательные компенсации или варианты перевода добросовестных пользователей на иные участки. Компенсации снизят социальную напряжённость и уберегут инвесторов.

Усиление кадастрового и регистрационного учёта. Регистрация фактического использования, сервитутов, долгосрочных разрешений и правовых соглашений снижает неопределённость и делает эстoppel менее необходимым как «спасательный» инструмент.

Судебная практика и образование. Разработка единых судебных подходов и подготовка практикующих юристов и чиновников по вопросам применения эстoppel поможет обеспечить сбалансированное решение споров.

Рассмотрим типичную ситуацию: муниципалитет длительное время не реагировал на использование части зелёной зоны под садоводство, жители обустроили территории, поставили временные сооружения и вкладывали средства. Позднее администрация решила восстановить зелёную зону для парка. Применение строгого формального права дало бы администрации основание немедленно освободить участок, но применение принципа эстoppel (при наличии критериев добросовестности) подсказывает иной алгоритм: провести оценку вложений, согласовать компенсации или предоставить альтернативные участки, провести публичные слушания. Такой подход сохранит баланс между задачами благоустройства и защитой гражданских интересов.

Принцип эстoppel в управлении земельными ресурсами выступает важным инструментом равновесия между формальными правами и фактическими интересами пользователей. Его корректное внедрение делает управление земельными ресурсами более гуманным, снижает конфликты и стимулирует инвестиции. В то же время требуется чёткое законодательное оформление, прозрачные процедуры и механизмы компенсации, чтобы избежать злоупотреблений и сохранить предсказуемость правового режима земли. Только при таком сбалансированном подходе эстoppel сможет служить источником устойчивых и справедливых решений в сфере землепользования.

Литература

1. <https://www.klerk.ru/user/2312488/603363>
2. <https://www.alstonasquith.com/insights/estoppel>
3. <https://gsl.org/ru/press-center/press/estoppel-v-anglijskom-prave/>
4. Косенко, С.В. История возникновения и развития понятия «эстoppel» / С.В. Косенко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 40 (539). – С. 254–258. – URL: <https://moluch.ru/archive/539/117961>.
5. Шварц М.З. Некоторые размышления над институтом эстoppel // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2016. N 1. С. 95–99.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СПС КонсультантПлюс

7. Опыты цивилистического исследования: сборник статей / А.Е. Агеенко, И.И. Акимова, В.А. Волгина и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2018. Вып. 2. 368 с.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2025 N 18-КГ25-145-K4 (УИД 23RS0002-01-2023-000649-08)

9. https://oktiabrsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=445054585&delo_id=1540005&new=&text_number=1

10. Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // СПС КонсультантПлюс

LAND MANAGEMENT BASED ON THE PRINCIPLE OF ESTOPPEL IN LAND LAW

Balashov E.V., Shorokhova A.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow International University

The article explores the management of land resources, taking into account the application of the estoppel principle in land law. It presents the theoretical foundations and practical implications of implementing this principle in the regulation of land relations. The article examines the essence of estoppel as a means of protecting bona fide landowners from arbitrary or sudden changes in public legal acts, and analyzes its relationship with existing compensation institutions for the expropriation of land for public needs. Based on a comparative legal analysis, the article identifies key risks and benefits, including the enhancement of legal expectations for landowners and investors, the reduction of social conflicts, and the potential limitations on the flexibility of public land management. The article proposes criteria for applying estoppel in land disputes, including an assessment of good faith, investment, and the causal relationship between government decisions and the loss of economic benefits. The article concludes with recommendations.

Keywords: estoppel, land management, good faith, balance of interests, abuse

References

1. <https://www.klerk.ru/user/2312488/603363>
2. <https://www.alstonasquith.com/insights/estoppel>
3. <https://gsl.org/ru/press-center/press/estoppel-v-anglijskom-prave/>
4. Kosenko, S.V. The History of the Origin and Development of the Concept of Estoppel / S.V. Kosenko. – Text: direct // Young Scientist. – 2024. – № 40 (539). – Pp. 254–258. – URL: <https://moluch.ru/archive/539/117961>
5. Schwartz M.Z. Some Reflections on the Institute of Estoppel // Arbitration Disputes Information and Analytical Journal. 2016. N 1. Pp. 95–99.
6. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 10.06.2026) // SPS ConsultantPlus
7. Civil Law Research: A Collection of Articles / A.E. Ageenko, I.I. Akimova, V.A. Volgina, et al.; edited by A.M. Shirvindt and N.B. Shcherbakov. Moscow: Statut, 2018. Vol. 2. 368 p.
8. Determination of the Judicial Board for Civil Affairs of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.05.2025 N 18-KG25-145-K4 (UID 23RS0002-01-2023-00064)
9. https://oktiabrsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=445054585&delo_id=1540005&new=&text_number=1
10. The Land Code of the Russian Federation» dated 25.10.2001 N 136-ZZ (as amended on 02.05.2026) (with amendments and additions, intro. effective from 07/01/2026) // SPS ConsultantPlus.

Диалоговые интеллектуальные системы в службе пробации ФСИН России: правовые принципы, функциональные контуры и пределы алгоритмической автономии

Царькова Евгения Геннадьевна,

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

E-mail: university69@mail.ru.

В условиях кадрового дефицита и растущей нагрузки на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций служба пробации ФСИН России сталкивается с необходимостью автоматизации рутинных информационных и организационных функций. Одним из перспективных инструментов такой автоматизации выступают диалоговые системы (чат-боты) на основе искусственного интеллекта. В статье предложена система правовых принципов, регулирующих применение подобных систем в деятельности службы пробации. Автором разработана трехуровневая модель, включающая институциональные, процедурные и охранительные принципы, каждый из которых соотносится с одним из четырех функциональных контуров диалоговой системы: информационно-справочным, навигационно-организационным, аналитико-мониторинговым и контрольно-верификационным. Обоснована процедура оценки воздействия на права человека, основанная на формализованной матрице риска и предшествующая внедрению новых функций системы. Сформулированы предложения по закреплению разработанной архитектуры принципов в законе о пробации и ведомственных нормативных актах ФСИН России.

Ключевые слова: искусственный интеллект, диалоговая интеллектуальная система, пробация, уголовно-исполнительная инспекция, ресоциализация, алгоритмическая прозрачность, персональные данные, автоматизированное решение, правовые пределы, человеческий контроль, уголовно-исполнительное право, цифровая трансформация УИС, индивидуальная программа ресоциализации.

Уголовно-исполнительные инспекции являются кадровым ядром службы пробации, именно на них закон возлагает исполнение функций, формально распределенных между учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС), следственными изоляторами органов ФСБ, органами службы занятости, организациями социального обслуживания. Ограниченность численности личного состава ФСИН России затрудняет для инспекторов проведение содержательной индивидуальной работы с каждым подучетным лицом [1, С. 63]. Перспективы использования искусственного интеллекта в учреждениях ФСИН России связаны с необходимостью снижения нагрузки на личный состав в условиях, когда штатное расширение объективно ограничено бюджетными и организационными факторами. Диалоговая интеллектуальная система в этой логике не замещает инспектора, но перераспределяет его временной ресурс [2, С. 241]. При этом механические, рутинные операции (информирование, напоминание, первичный сбор данных) переходят к алгоритму, тогда как оценочные функции остаются в сфере принятия решений сотрудником. Исследование направлено на построение системы правовых принципов, способной сделать такое перераспределение юридически безопасным и планомерным.

Диалоговая интеллектуальная система рассматривается как программный комплекс, обрабатывающий текст на естественном языке для ведения диалога, классификации обращения и формирования типового или индивидуализированного ответа в правоотношении между подучетным лицом и инспекцией [3, С. 330]. Применение искусственного интеллекта в УИС требует одновременного решения технологической и нормативной задачи, поскольку технология развивается быстрее, чем формируется ее правовой режим. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» запрещает принятие решений, порождающих юридические последствия для субъекта данных, исключительно на основании автоматизированной обработки, если иное не предусмотрено законом или письменным согласием субъекта. Применительно к пробации эта норма формулирует общий запрет без отраслевого механизма его соблюдения. При этом данный пробел усиливается функциональной неразличимостью задач диалоговой системы. Так, например, напоминание о явке в инспекцию и фиксация факта неявки формально относятся к одному техническому модулю, но порождают разные правовые последствия: первое не создает последствий вовсе, второе же способно стать основанием для представления в суд об отмене условно-досрочного освобождения. Ни Уголовно-исполнительный кодекс РФ, ни закон о пробации не разграничивают эти операции по степени юридической значимости, оставляя разграничение в качестве внутренней настройки конкретного программного продукта, что делает содержание правового режима зависимым от решений разработчика, а не законодателя.

Вопрос распределения ответственности за ошибку алгоритма в этих условиях остается открытым. Регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта формируется медленнее, чем практика его применения в государственном управлении, и это расхождение особенно заметно там, где государство выступает одновременно оператором технологии и гарантом прав лица, находящегося под его надзором. В пробации к типовым ответственным ролям (разработчик программного продукта, оператор системы, руководитель учреждения, подписавший итоговый документ) добавляется сотрудник инспекции, формально обязанный проверить вывод алгоритма, но объективно ограниченный в этой возможности нагрузкой, зачастуюкратно превышающей нормативную. Риск подмены человеческого решения алгоритмическим выводом здесь становится реальным, поскольку если показатель эффективности инспектора привязан к числу закрытых обращений, а диалоговая система формирует готовый проект вывода, формальная подпись человека не будет означать проведения качественной содержательной проверки сгенерированного ответа.

Проблемным аспектом является отсутствие системы правовых принципов, увязывающей степень юридической значимости функции с допустимой автономией алгоритма. При использовании диалоговых ИИ-систем предлагается рассматривать четыре функциональных контура, различающихся по степени юридической значимости результата взаимодействия [4, С. 182]. Так, информационно-справочный кон-

тур охватывает предоставление типовых сведений о правах, обязанностях, порядке обжалования, перечне документов и сроках; здесь результат работы ИИ-помощника не зависит от индивидуальных характеристик лица и не создает правовых последствий. Навигационно-организационный контур включает напоминания о явках, направление к профильному специалисту, запись на прием, уведомление об изменении статуса реестровой записи, затрагивая действия организационные, но не юридически значимые. Аналитико-мониторинговый контур охватывает сбор первичных данных для составления или корректировки индивидуальной программы ресоциализации, предварительную классификацию проблемы, агрегацию обращений для выявления системных проблем территориального органа, при этом результат влияет на содержание документа, но не является итоговым решением. Контрольно-верификационный контур включает фиксацию фактов неявки, оценку систематичности неисполнения обязанностей, формирование материалов для направления представления в суд, что напрямую затрагивающие право на свободу.

Систему принципов целесообразно строить не единым перечнем, а тремя уровнями, каждый из которых решает собственную регуляторную задачу и соответствует определенной группе контуров. Институциональные принципы определяют, кто и в каком качестве участвует в цифровизированном процессе probation. Принцип subsidiarности алгоритмического решения по отношению к человеческому устанавливает, что диалоговая система не признается субъектом юридического суждения ни в одном из четырех контуров: даже в информационно-справочном контуре, где автономность максимальна, система формирует справочный ответ, но не позицию по делу конкретного поддочетного лица. Принцип функциональной ограниченности закрепляет привязку каждой конкретной операции к одному из четырех контуров и прямо запрещает автономное функционирование системы в контрольно-верификационном контуре при отсутствии специального регулирования. Принцип распределенной ответственности участников процесса детализирует роли: разработчик отвечает за корректность реализации заявленных функций и отсутствие дискриминационных сценариев; оператор (территориальный орган ФСИН России) – за правомерность выбора решений и организацию контроля; сотрудник инспекции – за содержательную проверку вывода в контурах, где она обязательна; руководитель учреждения – за итоговое решение, порождающее юридические последствия.

Процедурные принципы определяют, как обеспечивается прослеживаемость и проверяемость работы системы. Принцип алгоритмической прозрачности как нормативное требование обязывает раскрывать поддочетному лицу факт взаимодействия с ИИ и логику классификации его обращения до начала диалога, а не по факту обжалования итогового решения – требование, которое реализует право на алгоритмическую прозрачность как элемент цифровых прав применительно к пенитенциарной сфере в целом. Принцип верифицируемости и аудируемости алгоритмического участия требует фиксации каждого значимого действия системы (формирования ответа, изменения статуса обращения, передачи дела человеку) в журнале, доступном для внутреннего и внешнего контроля. Принцип процессуальной безопасности связывает допустимую автономность алгоритма с реальной возможностью сотрудника инспекции проверить вывод системы в установленный срок. Этот критерий, прямо зависящий от фактической нагрузки, вряд ли реализуем без изменения штатной численности либо сужения объема автоматизируемых функций.

Охранительные принципы защищают права поддочетного лица независимо от эффективности процедурного контроля [5, С. 378]. Принцип конфиденциальности и усиленной защиты персональных данных требует, чтобы архитектура диалоговой системы исходно проектировалась под режим обработки сведений о судимости как специальной категории персональных данных, а не адаптировалась постфактум под требования Федерального закона № 152-ФЗ. Принцип сохранения человеческого контроля над итоговым решением означает запрет формирования вывода, порождающего юридические последствия, без верификации сотрудником инспекции, причем верификация должна включать реальную возможность отмены или изменения вывода алгоритма. Принцип минимизации рисков для прав поддочетных лиц требует оценки воздействия новой функции на права лица до ее внедрения, а не после выявления инцидента [6, 7].

Трехуровневая архитектура принципов распространяется на функциональные контуры неравномерно. Так, информационно-справочный контур подчинен преимущественно процедурным принципам (прозрачность, аудируемость) при минимальном значении охранительных; навигационно-организационный контур добавляет институциональный принцип распределенной ответственности за корректность маршрутизации; аналитико-мониторинговый контур подчинен охранительным

принципам конфиденциальности и минимизации риска в полном объеме, поскольку данные, обрабатываемые здесь, впервые приобретают признаки основания для индивидуальной программы; контрольно-верификационный контур подчинен всем девяти принципам одновременно, и именно поэтому автономное функционирование алгоритма в этом контуре недопустимо ни при каких организационных обстоятельствах. Такая ситуация превращает систему принципов в операциональный инструмент, где для любой новой функции диалоговой системы достаточно определить ее контур, чтобы получить список применимых требований [8, 9].

С учетом вышеизложенного целесообразно нормативное закрепление процедуры оценки воздействия на права человека, обязательной перед вводом в эксплуатацию любой новой функции диалоговой системы в аналитико-мониторинговом или контрольно-верификационном контуре. Процедура должна строиться на формализованной матрице из четырех параметров: вероятность алгоритмической ошибки для данного типа операции, тяжесть последствий такой ошибки для поддочетного лица (от формальной задержки ответа до инициирования процедуры отмены условно-досрочного освобождения), обратимость последствий до их правового закрепления и численность группы поддочетных лиц, затрагиваемых функцией. Результатом оценки должно быть присвоение функции одного из четырех контуров независимо от первоначального технического замысла разработчика, что переносит критерий классификации из области программной архитектуры в область права. Построенная система принципов задает общий методический подход, при котором любое новое применение диалоговой интеллектуальной системы, применяемой в probation, должно быть отнесено к одному из четырех контуров через процедуру оценки воздействия, проверено на соответствие институциональным, процедурным и охранительным принципам данного контура и, при отсутствии прямого нормативного основания для расширения автономии, отнесено к контрольно-верификационному режиму. Направление дальнейшей нормотворческой работы видится во включении этой архитектуры в текст закона № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» либо в подзаконный акт ФСИН России, определяющий типовые функции диалоговых систем, порядок проведения оценки воздействия на права человека и процедуру фиксации фактов верификации в едином реестре лиц, в отношении которых применяется probation. Иначе существует риск того, что фактическое содержание решений о судьбе поддочетного лица будет формироваться алгоритмом, не подлежащим системной проверке, и сохраняться независимо от формальных гарантий, закрепленных в законе о персональных данных.

Литература

1. Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62–66.
2. Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241–243.
3. Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329–331.
4. Забайкалов А.П. О регламенте Европейского Союза об искусственном интеллекте // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 24 апреля 2024 г. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2024. С. 181–185.
5. Царькова Е.Г., Бодров Е.Н. К вопросу формирования цифровой культуры в процессе профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2023, № 3(178). С. 377–379.
6. Магдильова Л.В. Проблемы и перспективы правового регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024. № 4.
7. Абрамова А.И. Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования // Журнал российского права. 2018, № 9 (261).
8. Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51–59.
9. Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108–116.

DIALOGUE INTELLIGENT SYSTEMS IN THE PROBATION SERVICE OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA: LEGAL PRINCIPLES, FUNCTIONAL CONTOURS, AND LIMITS OF ALGORITHMIC AUTONOMY

Tsarkova E.G.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

In the context of staff shortages and increasing workload on employees of penal inspection services, the Federal Service for the Execution of Punishments of the Russian Federation is faced with the need to automate routine information and organizational functions. One of the promising tools for such automation is artificial intelligence-based conversational systems (chatbots). This article proposes a system of legal principles governing the use of such systems in the activities of the probation service. The author has developed a three-level model that includes institutional, procedural, and protective principles, each of which is associated with one of the four functional loops of the dialogue system: information and reference, navigation and organizational, analytical and monitoring, and control and verification. The author has substantiated a procedure for assessing the impact on human rights, which is based on a formalized risk matrix and precedes the implementation of new system functions. The author has formulated proposals for incorporating the developed architecture of principles into the probation law and departmental regulations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords: artificial intelligence, dialogue-based intelligent system, probation, criminal-executive inspectorate, resocialization, algorithmic transparency, personal data, automated decision, legal limits, human control, penal enforcement law, digital transformation of the penal system, individual resocialization program.

References

1. Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the supervision system of investigative detention centers of the penal system of the Russian Federation // *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2025, № 4 (65). Pp. 62–66.
2. Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia // *Agrarian and Land Law*. 2025, № 1, pp. 241–243.
3. Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial Intelligence in the Penitentiary System // *Law and State: Theory and Practice*. 2024, № 10. pp. 329–331.
4. Zabaykalov A.P. On the European Union Regulation on artificial intelligence // *Spiritual and moral values as the basis of Russia's technological sovereignty: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Lipetsk, April 24, 2024 – Voronezh: Nauka-Unipress*, 2024. pp. 181–185.
5. Tsarkova E.G., Bodrov E.N. On the issue of digital culture formation in the process of professional training of employees of the penal enforcement system of the Russian Federation // *Eurasian Law Journal*. 2023. № 3(178). Pp. 377–379.
6. Magdilova L.V. Problems and Prospects of Legal Regulation of Artificial Intelligence and Robotics // *Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2024. No. 4.
7. Abramova A.I. Modern Trends in the Integration and Differentiation of Legal Regulation // *Journal of Russian Law*. 2018. № 9 (261).
8. Tsarkova E.G., Kochkina O.V. Application of Artificial Intelligence in Data Processing in Scientific and Educational Activities of the Federal Penitentiary Service // *Vedomosti of the Penitentiary System*. 2022, № 9(244). Pp. 51–59.
9. Ponkin I.V. Public Administration and Regulatory Space in the Field of Artificial Intelligence // *Bulletin of the Kutafin University (MSAL)*. 2022, № 11 (99), pp. 108–116.

Черных Денис Сергеевич,

кандидат юридических наук, советник по безопасности,
зам директора МВШ Российской государственного
социального университета
E-mail: Chasinvest2000@gmail.com

Предмет статьи составляет публично-правовое регулирование государственного управления, выраженное в конституционных нормах, федеральных законах, актах о Правительстве Российской Федерации, публичной власти субъектов, государственных услугах, стратегическом планировании, контроле, обращениях граждан и административном судопроизводстве. Актуальность связана с конституционной формулой единой системы публичной власти, цифровизацией процедур, ростом значения межведомственного обмена и судебной проверки управленческих решений. Научная новизна состоит в рассмотрении государственного управления как связанной регулятивной конструкции, где компетенция, процедура, контроль, информационный обмен и ответственность образуют единый режим публичного администрирования. Цель статьи – выявить публично-правовые средства, задающие законность и согласованность управленческой деятельности. Применены анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, логико-юридический анализ, обобщение и синтез. Изучены доктринальные работы по административному праву, публичной власти, качеству управления, цифровой информации, государственным услугам, государственно-частному партнерству и местному самоуправлению. Практическая полезность результатов состоит в систематизации нормативных ориентиров для правотворчества, ведомственного регулирования и оценки управленческих процедур.

Ключевые слова: государственное управление, публичная власть, административное право, компетенция органов власти, административные процедуры, государственные услуги, контроль и надзор, стратегическое планирование, цифровая информация, административное судопроизводство.

Введение

Правовое регулирование государственного управления в российской правовой системе получило новую предметную насыщенность после конституционного закрепления единой системы публичной власти. Управленческая деятельность федеральных органов, органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления раскрывается через связь компетенции, административной процедуры, цифрового обмена данными, контроля, надзора и судебной проверки. Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации задают нормативный каркас управленческого воздействия.

Актуальность исследования связана с тем, что публичное управление сочетает властное принятие решений, сервисные процедуры, информационную обработку, межведомственную координацию и юридическую защиту граждан. Каждая из названных линий опирается на самостоятельные нормативные массивы, а их совмещение порождает задачу доктринального описания общего режима публично-правового регулирования.

Цель исследования состоит в выявлении публично-правовых средств, посредством которых право организует государственное управление и ограничивает управленческое усмотрение рамками компетенции, процедуры и контроля. Для достижения цели решаются задачи:

- 1) раскрыть нормативную основу государственного управления через конституционные и административно-правовые предписания;
- 2) охарактеризовать соотношение компетенции, процедур и цифровых инструментов в управленческой деятельности;
- 3) определить значение контроля, надзора и административного судопроизводства для согласования публичного интереса и прав граждан.

Научная новизна выражена в интегральном рассмотрении государственного управления как публично-правового режима, где организационные, процедурные, информационные и контрольные средства получают системную связь через категорию публичной власти.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили научные публикации последних лет, отражающие доктринальные, организационные и цифровые параметры публичного управления: С.А. Агагомедова [1] исследует предмет науки административного права и границы его связи с практикой применения административно-правовых норм; Е.Г. Бабелюк [2] раскрывает место единой системы исполнительной власти в системе публичной власти; В.Б. Евдокимов и М.В. Залоило [3] обосновывают доктринальные проекции правового обеспечения качества государственного управления; И.С. Изотов, А.С. Завьялов и Е.Б. Хоменко [4] анализируют цифровую трансформацию публичного управления; М.Н. Кобзарь-Фролова [5] рассматривает терминологическое соотношение государственного и публичного управления; Ю.Н. Мальгинова [6] обращается к содержанию категорий государственного управления и администрирования при цифровом обновлении деятельности органов публичной власти; Ю.И. Мигачев, М.М. Поляков и Г.Ф. Чекарчев [7] сопоставляют публичные органы власти в российской и зарубежной правовых системах; И.Ю. Пашенко [8] раскрывает цифровую информацию и информационную деятельность как объекты публично-правового регулирования; Р.М. Ушаков [9] исследует механизм административно-правового регулирования государственно-частного партнерства в сфере монополий; Р.К. Шаймуллин и Ю.А. Шнякина [10] анализируют место местного самоуправления в единой системе органов публичной власти.

Методы исследования представлены анализом научных публикаций, сравнительным анализом, классификацией, логико-юридическим анализом, обобщением и синтезом. Анализ позволил выделить норма-

тивные группы регулирования; сравнение использовано для разграничения государственного, публичного и муниципального уровней управления; классификация служила упорядочению процедурных, компетенционных, цифровых и контрольных средств; логико-юридический анализ применялся для оценки связи терминов, полномочий и юридических последствий; синтез обеспечил построение общей модели публично-правового регулирования государственного управления.

Результаты

Публично-правовое регулирование государственного управления строится на сочетании конституционных, административно-правовых, процедурных, информационных и процессуальных норм. Административное право при таком подходе задает юридический язык управленческой деятельности: через нормы, административные отношения, категории, правоприменительную практику и доктринальную систематизацию. Исследование предмета науки административного права позволяет отделить правовую организацию управления от управленческой техники, поскольку государственное управление получает юридическое значение лишь при закреплении компетенции, процедур, правовых последствий и способов защиты. С.А. Агагомедова связывает современную оценку предмета административно-правовой науки с практикой применения норм и развитием административно-правовых категорий, что позволяет рассматривать государственное управление через призму юридической формы [1].

Конституционная модель единой системы публичной власти меняет способ описания государственного управления. В центре регулирования находится согласование федерального, регионального и муниципального уровней при сохранении самостоятельного набора полномочий каждого уровня. Федеральный конституционный закон № 4-ФКЗ закрепляет положение Правительства Российской Федерации в системе федеральной исполнительной власти, а Федеральный закон № 414-ФЗ формирует общие принципы организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. В таком нормативном строении исполнительная власть предстает частью более широкой публично-властной конструкции. Е.Г. Бабелюк показывает, что единая система исполнительной власти соотносится с единой системой публичной власти через организационные и компетенционные связи, вследствие чего государственное управление получает конституционно-административную природу [2].

Правовое качество государственного управления раскрывается через степень нормативной определенности полномочий, ясность административных процедур, проверяемость решений и наличие юридических средств реагирования на управленческие ошибки. Федеральный закон № 172-ФЗ о стратегическом планировании задает параметры целеполагания и координации, Федеральный закон № 248-ФЗ закрепляет риск-ориентированную логику контроля и надзора, Федеральный закон № 210-ФЗ связывает оказание государственных и муниципальных услуг с регламентами, сроками и межведомственным взаимодействием. В.Б. Евдокимов и М.В. Залоило рассматривают правовое регулирование качества государственного управления через доктринальные проекции, где качество выражается в юридически значимых критериях организации, процедуры и результата [3].

Цифровая трансформация усиливает процедурный характер публичного управления, поскольку электронная форма услуги, реестр, межведомственный запрос, идентификация заявителя и обработка данных приобретают юридические последствия. Федеральный закон № 210-ФЗ переводит значительную часть взаимодействия гражданина и органа власти в сервисно-процедурную плоскость; Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет общий режим информационных процессов; Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» задает требования к обработке сведений о гражданах; Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» обеспечивает юридическую значимость электронного волеизъявления. И.С. Изотов, А.С. Завьялов и Е.Б. Хоменко связывают цифровую трансформацию публичного управления с изменением организационных и правовых средств деятельности органов власти [4]. М.Н. Кобзарь-Фролова показывает, что разграничение терминов «государственное управление» и «публичное управление» имеет значение для точности научного анализа и законодательного языка [5]. Ю.Н. Мальгинова обращает внимание на категории государственного управления и администрирования при цифровом обновлении деятельности органов публичной власти, что позволяет рассматривать цифровизацию как правовую перестройку процедур [6].

Система публичных органов власти задает институциональную рамку управления, внутри которой компетенция связывает орган, предмет ведения, форму акта и юридический результат. Ю.И. Мигачев, М.М. Поляков и Г.Ф. Чекарнев через сопоставление российских и зарубежных подходов к публичным органам власти показывают, что

публичная власть опирается на особый юридический статус субъектов, действующих в интересах общества и государства [7]. На информационном уровне данный статус проявляется в обязанности органов власти раскрывать сведения, принимать обращения, обеспечивать доступ к государственным услугам и вести цифровые ресурсы в пределах закона. И.Ю. Пашенко рассматривает цифровую информацию и информационную деятельность как объекты публично-правового регулирования управленческой деятельности, что позволяет включить данные, реестры, электронные сообщения и информационные системы в состав юридически значимых элементов публичного администрирования [8].

Административно-правовое регулирование государственного управления выходит за пределы внутренней организации органов власти при участии частных субъектов в решении публичных задач. Государственно-частное партнерство, концессионные соглашения, управление инфраструктурными и монополиями сферами требуют сочетания публичного интереса, договорной формы и властного контроля. Р.М. Ушаков раскрывает элементы механизма административно-правового регулирования государственно-частного партнерства в сфере монополий, что подтверждает связь управленческого режима с публичными обязанностями частных участников [9]. На муниципальном уровне аналогичная проблема проявляется в соотношении самостоятельности местного самоуправления и включенности муниципального уровня в единую систему публичной власти. Р.К. Шаймуллин и Ю.А. Шнякина анализируют место местного самоуправления в данной системе; их подход позволяет рассматривать муниципальное управление как часть публично-правового механизма, где территориальная близость к населению сочетается с общими требованиями законности, ответственности и координации [10].

Итоговая модель публично-правового регулирования государственного управления состоит из пяти взаимосвязанных блоков. Первый блок образуют конституционные нормы о публичной власти, разграничении предметов ведения и системе органов. Второй блок представлен компетенционными предписаниями, закрепляющими полномочия, формы актов, подведомственность и пределы усмотрения. Третий блок охватывает административные процедуры: предоставление услуг, рассмотрение обращений, контрольные мероприятия, стратегическое планирование и ведомственное нормотворчество. Четвертый блок связан с цифровой информацией, межведомственным обменом, персональными данными, электронными подписями и государственными информационными системами. Пятый блок образуют контроль, надзор, прокурорское реагирование и административное судопроизводство, где Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации обеспечивает судебную проверку нормативных и индивидуальных управленческих решений.

Обсуждение

Полученные положения позволяют рассматривать правовое регулирование государственного управления как многоуровневую юридическую конструкцию. Конституционный уровень задает общую схему публичной власти; административно-правовой уровень распределяет полномочия и формы деятельности; процедурный уровень связывает орган власти с адресатом решения; информационный уровень обеспечивает цифровой оборот управленческих данных; процессуальный уровень закрепляет судебную проверку. При таком подходе публично-правовое регулирование предстает средством упорядочения властной деятельности.

Сопоставление доктринальных подходов показывает различие исследовательских акцентов. Авторы, работающие с категорией единой системы публичной власти, концентрируются на конституционно-организационном измерении управления. Исследования цифровой трансформации переносят внимание на электронные процедуры, государственные информационные системы, правовой режим данных и межведомственный обмен. Работы о качестве государственного управления ориентируют анализ на оценку управленческого результата через юридически проверяемые признаки: определенность полномочий, соблюдение процедур, мотивированность решений, доступность защиты. Эти линии дополняют друг друга, поскольку государственное управление нуждается в одновременном описании через институт, процедуру, информацию и контроль.

Расхождения между подходами связаны прежде всего с объемом категории «публичное управление». В узком понимании она сближается с деятельностью исполнительной власти и административным администрированием. В широком понимании данная категория охватывает участие субъектов Федерации, муниципального уровня, публично значимых организаций и частных участников, привлеченных к реализации общественно значимых функций. Для юридического анализа продуктивнее второй вариант, поскольку современное управление часто

строится через смешанные формы: государственные услуги, цифровые платформы, публично-частные проекты, ведомственные реестры, контрольно-надзорные процедуры.

Пределы применимости полученных выводов связаны с отраслевой неоднородностью государственного управления. Регулирование здравоохранения, образования, транспорта, энергетики, социальной защиты и природопользования содержит собственные процедуры, специальные органы и особые способы контроля. Общая модель задает аналитическую рамку, но конкретизация требует обращения к отраслевым законам, подзаконным актам, административным регламентам и судебной практике по отдельным сферам. По этой причине универсальный подход сохраняет значение для систематизации, а практическое применение связано с настройкой под конкретный управленческий сектор.

Исследовательские лакуны просматриваются в трех направлениях. Первое направление касается общей теории административных процедур: российское законодательство содержит многочисленные процедурные массивы, но единое научное описание их связи с компетенцией, цифровыми данными и судебной защитой нуждается в дальнейшей разработке. Второе направление связано с правовыми пределами цифрового администрирования, особенно при автоматизированной обработке сведений, межведомственным обмене и использовании государственных информационных систем. Третье направление касается баланса между единством публичной власти и самостоятельностью местного самоуправления, поскольку муниципальный уровень одновременно участвует в общих публичных задачах и сохраняет территориальную специфику.

Наиболее значимый аналитический вывод состоит в том, что публично-правовое регулирование государственного управления следует оценивать по степени связности нормативных элементов. Компетенция без процедуры создает риск произвольного усмотрения; процедура без информационного режима теряет управляемость в цифровой среде; цифровой обмен без контроля осложняет защиту прав; контроль без ясной компетенции превращается в формальную проверку. Согласованность названных элементов обеспечивает юридическую устойчивость управления и предсказуемость взаимодействия гражданина с органами власти.

Заключение

Российская модель публичного администрирования опирается на Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы о Правительстве, публичной власти субъектов, государственных и муниципальных услугах, стратегическом планировании, контроле, обращениях граждан, информации, персональных данных, электронной подписи и административном судопроизводстве. Эти акты формируют систему юридических средств, через которую публичная власть получает организационную, процедурную и контрольную определенность.

Компетенция органов власти задает пределы управленческого действия; административные процедуры переводят полномочия в правомерные последовательности решений; цифровые инструменты обеспечивают межведомственный обмен, электронные услуги, учет данных и юридическую фиксацию волеизъявления. В совокупности данные элементы образуют правовой режим управленческой деятельности.

Контрольные и судебные механизмы обеспечивают проверяемость публичного управления, связывают публичный интерес с правами граждан и поддерживают юридическую ответственность органов власти. Административное судопроизводство завершает систему правовой защиты, поскольку предоставляет процессуальную форму проверки нормативных актов, решений, действий и бездействия публичных субъектов.

Литература

- Агагомедова С.А. Предмет науки административного права: современная оценка // Lex Russica. – 2024. – Т. 77. – № 2 (207). – С. 97–107. – DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.097-107.
- Бабелюк Е.Г. Место единой системы исполнительной власти Российской Федерации в единой системе публичной власти Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 101–115.
- Евдокимов В. Б., Залоило М.В. Правовое регулирование качества государственного управления: доктринальные проекции // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 473. – С. 224–230. – DOI: 10.17223/15617793/473/28.
- Изотов И. С., Завьялов А.С., Хоменко Е.Б. Современные тенденции и направления цифровой трансформации публичного управления в Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2024. – Т. 34. – № 4. – С. 614–620.

5. Кобзарь-Фролова М. Н. О терминах «государственное управление» и «публичное управление» в научных трудах, учебной литературе и законодательстве // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 2. – С. 87–103. – DOI: 10.24412/1608-8794-2023-2-87-103.

6. Мальгинова Ю.Н. Содержание категорий «государственное управление» и «администрирование» в условиях цифровой трансформации деятельности органов публичной власти // Юридическая наука. – 2023. – № 10. – С. 63–67.

7. Мигачев Ю. И., Поляков М.М., Чекарчев Г.Ф. Публичные органы власти в Российской Федерации и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 12. – С. 60–67. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.060-067.

8. Пашченко И.Ю. Цифровая информация и информационная деятельность как объекты публично-правового регулирования управленческой деятельности в условиях цифровизации // International Research Journal. – 2022. – № 8 (122). – DOI: 10.23670/IRJ.2022.122.92.

9. Ушаков Р.М. Понятие и элементы механизма административно-правового регулирования государственно-частного партнерства в сфере монополий // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17. – № 8. – С. 63–72. – EDN: CTWROA.

10. Шаймуллин Р. К., Шнякина Ю.А. Проблема определения места местного самоуправления в единой системе органов публичной власти // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11 (227). – С. 196–197.

LEGAL REGULATION OF PUBLIC ADMINISTRATION: PUBLIC LAW ASPECTS

Chernykh D.S.

Moscow Higher School of the Russian State Social University

The article examines public law regulation of public administration as expressed in constitutional norms, federal laws, acts on the Government of the Russian Federation, public authority of constituent entities, public services, strategic planning, oversight, citizen appeals, and administrative proceedings. The relevance of this article lies in the constitutional formula for a unified system of public authority, the digitalization of procedures, and the growing importance of interdepartmental exchange and judicial review of management decisions. The scientific novelty lies in examining public administration as an interconnected regulatory framework, where competence, procedure, oversight, information exchange, and responsibility form a unified regime of public administration. The purpose of the article is to identify the public law tools that define the legality and consistency of management activities. The article utilizes an analysis of scientific publications, comparative analysis, classification, logical and legal analysis, generalization, and synthesis. The study examined doctrinal works on administrative law, public authority, governance quality, digital information, public services, public-private partnerships, and local self-government. The practical utility of the results lies in the systematization of regulatory guidelines for lawmaking, departmental regulation, and the evaluation of administrative procedures.

Keywords: public administration, public authority, administrative law, authority, administrative procedures, public services, control and oversight, strategic planning, digital information, administrative proceedings.

References

- Agamagomedova S.A. The Subject of Administrative Law: A Modern Assessment // Lex Russica. – 2024. – Vol. 77. – № 2 (207). – Pp. 97–107. – DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.097-107.
- Babelyuk E.G. The Place of the Unified System of Executive Power of the Russian Federation in the Unified System of Public Power of the Russian Federation // Leningrad Law Journal. – 2023. – № 1 (71). – Pp. 101–115.
- Evdokimov V. B., Zaloilo M.V. Legal Regulation of the Quality of Public Administration: Doctrinal Projections // Bulletin of Tomsk State University. – 2021. – № 473. – Pp. 224–230. – DOI: 10.17223/15617793/473/28.
- Isotov I. S., Zavyalov A.S., Khomenko E.B. Current Trends and Directions of Digital Transformation of Public Administration in the Russian Federation // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. – 2024. – Vol. 34. – № 4. – Pp. 614–620.
- Kobzar-Frolova M.N. On the Terms «Public Administration» and «Public Management» in Scientific Works, Educational Literature, and Legislation // Legal Policy and Legal Life. – 2023. – № 2. – Pp. 87–103. – DOI: 10.24412/1608-8794-2023-2-87-103.
- Malginova Yu.N. The Content of the Categories of «Public Administration» and «Administration» in the Context of Digital Transformation of Public Authorities' Activities // Legal Science. – 2023. – № 10. – Pp. 63–67.
- Migachev Yu. I., Polyakov M.M., Chekmarev G.F. Public Authorities in the Russian Federation and Foreign Countries // Actual Problems of Russian Law. – 2022. – Vol. 17. – № 12. – Pp. 60–67. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.060-067.
- Pashchenko I. Yu. Digital Information and Information Activities as Objects of Public Law Regulation of Management Activities in the Context of Digitalization // International Research Journal. – 2022. – № 8 (122). – DOI: 10.23670/IRJ.2022.122.92.
- Ushakov R.M. Concept and Elements of the Mechanism of Administrative-Legal Regulation of Public-Private Partnerships in the Sphere of Monopolies // Gaps in Russian Legislation. – 2024. – Vol. 17. – № 8. – Pp. 63–72. – EDN: CTWROA.
- Shaimullin R. K., Shnyakina Yu.A. The Problem of Determining the Place of Local Self-Government in a Unified System of Public Authorities // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – № 11 (227). – Pp.